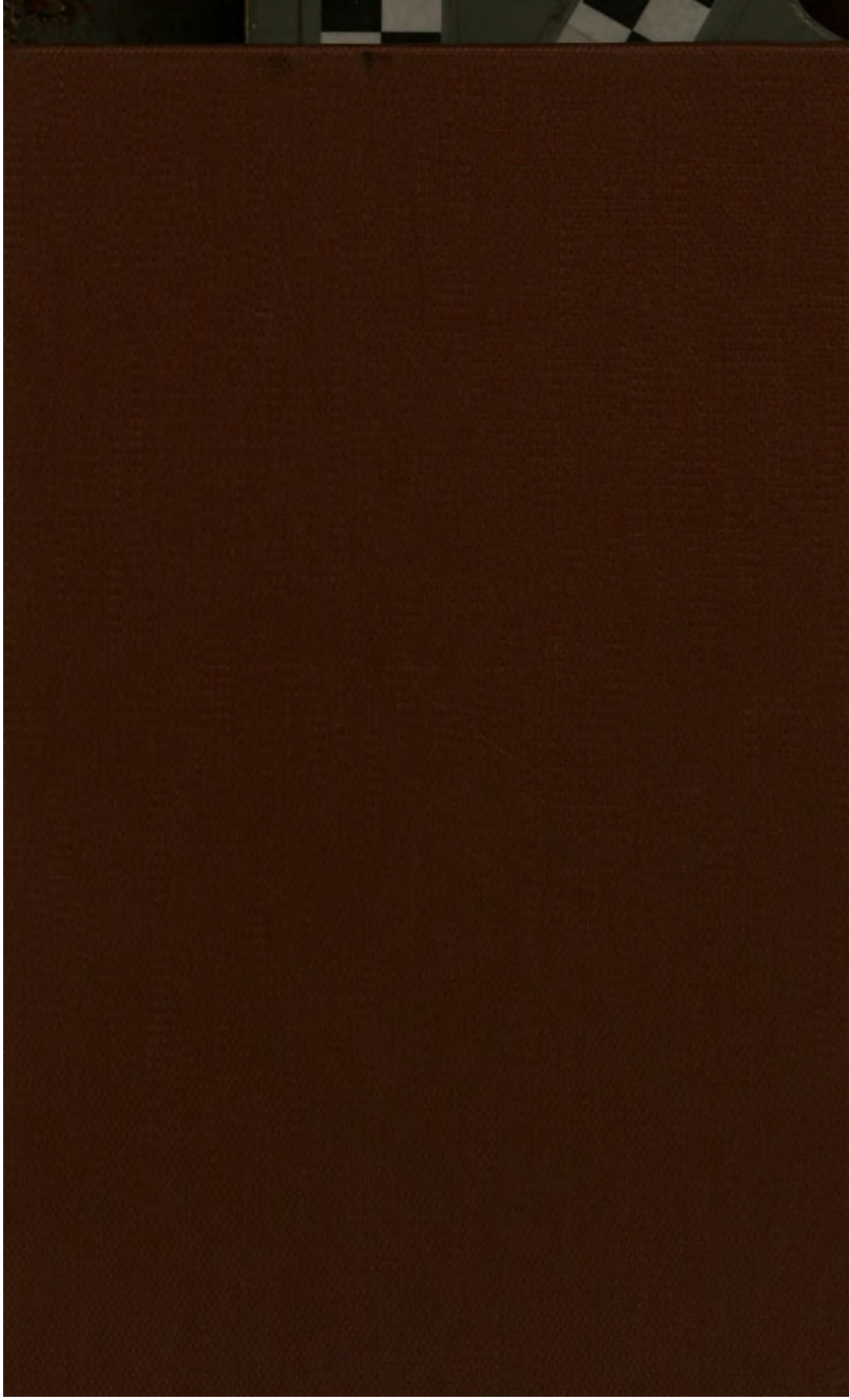


THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XIII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н 258.
Ф. 5. VII

МАРТЪ.

1904 г.

ВЫБОРГСКАГО РУССКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

AP5 0
.M67
v.13
no.3-4
Jan-Apr
1904

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го февраля 1904 года.

SLN/EXCH

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО. (Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ). **Е. Дегена.** 1
2. **ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.** (Годы 1850—1851). (Окончаніе). **Дмитрія Ахшарумова.** 29
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. СКАЗКА. **Скитальца.** 74
4. БУНТЪ. Разсказъ **М. Арцыбашева.** 75
5. ЗНАХАРСТВО И ШАРЛАТАНСТВО. **А. Хохловкина.** . . 107
6. НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ. (Изъ русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля). Часть 2-я. (Продолженіе). **В. Н. Катинъ-Ярцева.** 124
7. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Франанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.** (Продолженіе) 147
8. СТИХОТВОРЕНІЯ: **Л. М. Василевскаго.** *** **Allegro.** . . 175
9. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Продолженіе). **Тана.** 176
10. ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. (Продолженіе). **Евг. Тарле** 203
11. NEGO. Разсказъ **Густава Даниловскаго.** Переводъ съ польскаго **М. Тальписъ.** 224
12. ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ. (Окончаніе). **В. Агафонова.** 246
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ КАРДУЧЧИ. ВОЛЪ. Сонетъ. **А. Ѳедорова** 274

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Два типа современности въ романѣ г. Боборыкина «Братья»: дѣятель и «эгоистъ».—Новое и старое въ программѣ перваго и въ чертахъ второго.—Разслоеніе семьи въ другомъ романѣ того же автора «Разладъ».—«Петръ и Алексѣй» г. Мережковскаго.—Сходство этого романа по построенію съ «Воскресшими богами».—Общій интересъ романа.—Памяти Николая Константиновича Михайловскаго **А. Б.** 1

стр.

15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Кончина Н. К. Михайловскаго.—Что читаетъ сельское населеніе.—Въ родныхъ палестинахъ. — Дѣло о нападеніи на кн. Л. Н. Гагарина.—Возстановленіе правъ защиты.—Вакуфный вопросъ.—Въ Крестецкомъ уѣздѣ. — Положеніе Кустарей въ Муромскомъ уѣздѣ. — Отхожіе промыслы въ Ярославской губерніи.—За мѣсяцъ.—Высочайшій манифестъ.—Б. Н. Чичеринъ (некрологъ).—Профессоръ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій (некрологъ) 14
16. КЪ ИСТОРІИ ЗАКОНА 1893 г. (Письмо изъ Екатеринославской губерніи). **А. Петрищева.** 35
17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Мысль»—январь.—«Историческій Вѣстникъ»—февраль.—«Русское Богатство»—январь.—«Образованіе» — январь). 46
18. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. Ляо-дун'скій (Квантунскій) полуостровъ. **А. С—вича.** 59
19. **За границей.** Свобода искусства и германскій рейхстагъ.—Возстаніе въ юго-западной Африкѣ.—Парламентскіе выборы въ Англіи.—Политическія партіи въ южной Африкѣ. — Эли Реклю. 67
20. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Патріотизмъ и гуманность.—Характеристика Канта.—Моммзенъ объ императорѣ Вильгельмѣ. 78
21. Женщины-избирательницы въ Норвегіи. **П. Ганзена.** . . . 82
22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Еще о радіоактивности.— О причинахъ отталкиванія солнцемъ кометъ.—III. Изъ области біологіи. **В. Агафонова.** 90
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика. — Соціологія и политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 106
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 135

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 65
26. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 45
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО.

(Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ).

Es wächst hienieden Brod genug
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,
Und Zuckererbsen nicht minder

H. Heine.

Трудъ націй, правильно примѣненный, вполнѣ достаточенъ, чтобъ снабдить все населеніе хорошей пищей, удобными жилищами, и не только этимъ, но и доставлять ему хорошее воспитаніе, предметы роскоши и сокровища искусства.

Дж. Рескинъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Взгляните внимательно на любой предметъ окружающей васъ обстановки, и вы едва ли найдете хоть одинъ, внѣшность котораго не заключала бы какихъ-нибудь украшающихъ чертъ и не предъявляла бы претензіи нравиться: рельефы на металическомъ пьедесталѣ лампы, цвѣтная обложка книги «подъ крокодиловую кожу», узоры обой, карнизъ на потолкѣ и на печкѣ, изогнутая спинка дивана, золотой ободокъ чайнаго блюдечка,—все это совершенно не нужно для практическаго, прямого назначенія каждой изъ этихъ вещей и разсчитано только на эстетическій эффектъ. То же самое на улицѣ: фасады домовъ, фонарные столбы, вывѣски, извозчичьи сани, не исключая фабричныхъ трубъ, ни одно произведеніе рукъ человѣческихъ какъ будто не рѣшается выступить въ своей утилитарной наготѣ. Это настолько вошло въ плоть и кровь всѣмъ и каждому, что стоитъ большого труда добиться отъ ремесленника, столяра, слесаря, обойщика, чтобы онъ не затрачивалъ излишняго труда на украшеніе самыхъ прозаическихъ издѣлій. Богатые люди, желающіе оригинальничать, платятъ большія деньги за такую строгую простоту, и это отсутствіе украшеній очень многіе называютъ декадентскимъ искусствомъ. Весьма замѣчательно, что на декоративность затрачивается много труда и денегъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ всякая непроизводительно затраченная копейка уменьшаетъ шансы конкуренціи: сколько накладныхъ расходовъ стоитъ отдѣлка наружныхъ частей всѣхъ фабричныхъ машинъ, станковъ и двигателей, а между тѣмъ заводы какъ будто щеголяютъ другъ передъ другомъ

блескомъ отшлифованныхъ и выточенныхъ стальныхъ и мѣдныхъ поверхностей и деталей, которыя не имѣютъ никакого значенія для работоспособности даннаго механизма. Спеціалисты разсказываютъ, что на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ европейскіе фабриканты были прямо поражены геніальной выдумкой своихъ американскихъ конкурентовъ, которые съумѣли отдѣлаться отъ этой безсмысленной роскоши: ихъ машины не имѣли того щегольскаго вида, который такъ импонируетъ профанамъ, но зато при прочихъ равныхъ качествахъ онѣ стоили чуть не на 30% дешевле европейскихъ. Дорого платитъ Европа за свою любовь къ красотѣ!

Что, если бы эта геніальная идея получила распространеніе на весь обиходъ нашей жизни? Если бы раздражающій глаза, пестрый и грубый узоръ обой замѣнить спокойной одноцвѣтной окраской или бумагой, это было бы дешевле и гигіеничнѣе. Нелѣпые амуры съ рогами изобилія и гирляндами на подставкѣ лампы могли бы совершенно отсутствовать, лампа отъ этого не ухудшилась бы. Едва ли многіе предпочли бы изогнутыя рѣзныя спинки мебели болѣе прочнымъ и мягкимъ пружинамъ или болѣе крѣпкой обивкѣ. А карнизикъ и желобки на фабричной трубѣ ужъ навѣрное не прельщаютъ рабочихъ и не заставляютъ ихъ довольствоваться болѣе скромной платой. Но какъ же, возразятъ пожалуй, изгнать всякую красоту изъ жизни? Не о хлѣбѣ единомъ... Отлично! Мы вовсе не склонны посадить человѣчество на одинъ хлѣбъ, но позволительно спросить: дѣйствительно ли нужна кому-нибудь вся эта «красота», которая, можно сказать, загромождаетъ нашу жизнь, и удовлетворяетъ ли она чьимъ-нибудь эстетическимъ запросамъ? Художники и немногіе другіе люди, дѣйствительно преданные искусству, напротивъ того, жалуются, что эти запросы слишкомъ ничтожны въ нашемъ обществѣ, и нельзя сказать, что они неправы. Какимъ же образомъ сохраняется вся эта масса ненужныхъ, а отчасти убыточныхъ украшеній, на которыя мы натыкаемся на каждомъ шагу?

Если сдѣлать надъ собой усиліе и присмотрѣться ко всѣмъ этимъ безобразнымъ, трафаретнымъ орнаментамъ, то почти всегда легко открыть, что это безформенные, мертвые обломки когда-то живого искусства. Возьмемъ этого пухлаго амура съ тяжелой ношей чего-то, слабо напоминающаго фрукты и цвѣты: вѣдь еще полтораста лѣтъ тому назадъ онъ въ самомъ дѣлѣ весело порхалъ надъ бѣлыми париками маркизовъ, не предчувствуя, что его веселье скоро кончится горемъ. Эти коричневыя розы съ черными тѣнями въ сущности ни на что не похожи, но по фону, покрытому штрихами и крапинками, можно догадаться, что онѣ по восходящей линіи происходятъ отъ очаровательныхъ, еще и теперь, тканыхъ шелками обой въ будуарѣ Маріи-Антуанетты въ маленькомъ Тріанонѣ. А эти стрѣльчатыя окна, расставленныя цѣлыми десятками, какъ солдаты, въ рядъ, вдоль голой стѣны

третьяго этажа «доходнаго» дома, вѣдь имъ не меньше пятисотъ лѣтъ. Когда-то это было технически геніальное изобрѣтеніе «свободныхъ каменьщиковъ» и столь же геніальное художественное выраженіе религіознаго экстаза, какъ пламя возносившагося острымъ языкомъ къ небу; весь народъ, въ богатыхъ городахъ и въ убогихъ деревушкахъ, во Франціи и въ Германіи, въ Италіи и въ Англіи, возносилъ эти каменныя молитвы и умилялся общею радостью въ своихъ готическихъ соборахъ и церквахъ. Теперь же петербургскій купеческій домъ съ этими стрѣльчатыми окнами напоминаетъ приказчика въ маскарадномъ рыцарскомъ костюмѣ.

Такимъ образомъ всѣ подобные остатки когда-то настоящаго искусства въ наше время сохраняются только въ видѣ культурныхъ пережитковъ, точно такъ же, какъ напр. кавалергардскія латы, какъ масленичные блины, какъ дамскія сережки и кольца и много другихъ предметовъ въ нашемъ домашнемъ и общественномъ быту. Сохраняется вся эта уродливая «красота» отчасти по недосмотру, безсознательно, потому что мы такъ привыкли къ ней, что уже не замѣчаемъ ея, отчасти потому, что многіе находятъ матеріальный интересъ въ томъ, чтобы производить и продавать подобныя никому ненужныя украшенія, какъ придатокъ даже къ полезнымъ предметамъ. Во всякомъ случаѣ потребность въ упражненіи эстетическихъ эмоцій тутъ не при чемъ, и если бы въ одинъ прекрасный день какая-нибудь благодѣтельная волна смыла съ насъ всю пыль вѣковъ, въ томъ числѣ и эти разлагающіеся остатки стараго искусства, то никто не сталъ бы страдать по нимъ, и тогда по крайней мѣрѣ обнаружилось бы съ полной ясностью, какую ничтожную роль въ нашей жизни играетъ искусство. Одно время казалось даже, что всему искусству цѣликомъ грозитъ вымираніе, и что скоро у насъ не останется ничего, кромѣ фабричныхъ поддѣлокъ «подъ рококо» или «подъ ренессансъ». Міръ очутился въ рукахъ «дѣловыхъ» людей, которые смотрѣли на всякое «художество» не иначе, какъ со снисходительной улыбкой, предоставляя эту забаву дамамъ, дѣтямъ и нѣсколькимъ безнадежнымъ чудакамъ. Правда, и «дѣловые» люди затрачивали большія суммы на своего рода искусство — такое искусство, которое служило чувственности, такъ что, казалось, оперетка, канканъ, порнографія окончательно вытѣснятъ всѣ остальные жанры. Общественныя науки вѣрно отражали дѣйствительность и очень усиленно изучали условія производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ, вліяніе этихъ условій на взаимныя отношенія людей и совершенно устраняли изъ своего поля зрѣнія всю область духовной дѣятельности человѣка. Человѣкъ трактовался какъ пищеварительный аппаратъ, вооруженный мускульнымъ механизмомъ, для доставленія этому аппарату достаточнаго количества пищи. Задачей общественной организаціи представлялось равновѣсіе между пита-

ніемъ желудка и мускульной энергіей: если желудокъ не получаетъ достаточнаго количества пищи, то мускулы отказываются работать; если является излишекъ пищи, то это еще опаснѣе, — обладатели мускульной энергіи также отказываются работать, а при этомъ зазнаются, теряютъ субординацію и тѣмъ вносятъ въ общество элементъ разрушенія. Впрочемъ во второй четверти XIX-го вѣка, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду, послѣдній случай предполагался только гипотетически; обладатели мускульной энергіи голодали въ Ліонѣ, Силезіи и въ Манчестерѣ. Вполнѣ естественно было поэтому, что наука, даже не подкупленная капиталомъ, направляла всѣ свои усилія исключительно на проблему пауперизма, и смягчить ужасы хроническаго голода было законнымъ идеаломъ благороднѣйшихъ умовъ.

Мало-по-малу, путемъ невѣроятныхъ страданій двухъ поколѣній, путемъ ожесточенной борьбы, руководимой научной мыслью, голодъ хотя и не устраненъ окончательно изъ обихода, но, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе передовыхъ обществахъ Европы настолько ослабленъ въ своихъ опустошительныхъ дѣйствіяхъ, что картины массовыхъ бѣдствій начинаютъ отходить въ исторію. Борьба не прекращается, но формы ея видоизмѣнились. Недавно окончилась болѣе чѣмъ двухлѣтняя, весьма тяжелая сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ стачка англійскихъ каменотесовъ, вольныхъ рабовъ лорда Пенрина,—окончилась пораженіемъ стачечниковъ, и все-таки, благодаря общественной помощи и солидарности труда, мы не слышали ни о голодномъ тифѣ, ни о массовой эмиграціи,—пятьдесятъ лѣтъ назадъ это было бы неизбѣжно. Каменотесы лорда Пенрина—это, конечно, наименѣе вооруженный отрядъ арміи труда. Многіе милліоны производителей въ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи не рискуютъ уже подобной участью: средняя степень ихъ благосостоянія такова, что о физическомъ голодѣ не можетъ быть рѣчи, а наиболѣе острые случаи нужды при болѣзни, безработицѣ, инвалидности и старости устраняются взаимопомощью, кое-гдѣ и государственными установленіями. И несмотря на это, недовольство не уменьшилось къ концу столѣтія, а стало только систематичнѣе, хотя никогда уже не доходитъ до такихъ взрывовъ, какіе потрясали Европу въ первой половинѣ вѣка. Средство къ чему? Вотъ тутъ именно и обнаруживается съ полною ясностью, что человѣкъ, даже не унаслѣдовавшій отъ предковъ преувеличенныхъ претензій, не желаетъ и не можетъ помириться съ ролью пищеварительнаго аппарата. Отвѣтимъ лучше словами Джона Рескина, который много думалъ надъ этимъ вопросомъ: «Всеобщій протестъ противъ богатства и знатности не вызывается ни голодомъ, ни уязвленной гордостью. То и другое теперь, какъ и во всѣ времена, причинило много зла, но никогда общества не были такъ потрясаемы, какъ теперь. Дѣло не въ томъ, что люди плохо питаются,

а въ томъ, что работа, которою они добываютъ свой хлѣбъ, не доставляетъ имъ удовольствія, и богатство представляется единственнымъ источникомъ этого удовольствія. Не въ томъ, что презрѣніе высшихъ классовъ тяжело для низшихъ, а въ томъ, что невыносимо ихъ собственное презрѣніе къ себѣ; они чувствуютъ, что трудъ, къ которому они приговорены, поистинѣ унизителенъ и дѣлаетъ ихъ менѣе, чѣмъ людьми. Никогда высшіе классы не относились къ низшимъ такъ сочувственно, никогда такъ не заботились о нихъ, какъ теперь, и никогда въ такой степени не были ненавидимы ими. Это происходитъ потому, что въ старину богатые и бѣдные раздѣлялись только стѣною, воздвигнутою закономъ; теперь они стоятъ уже ни на одномъ уровнѣ: между низшими и высшими слоями человѣчества разверзлась бездна, и со дна ея поднимаются ядовитыя испаренія...» *).

Вполнѣ понять мысль Рескина мы можемъ только въ томъ случаѣ, если примемъ во вниманіе, что понятія «богатство» и «богатые» онъ употребляетъ не въ ходячемъ смыслѣ и не въ томъ, какое принято въ политической экономіи. «Жизнь есть единственное богатство,—говоритъ онъ **),—жизнь со всей мощью любви, радости и восторга. Та страна наиболѣе богата, которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ людей; тотъ человѣкъ наиболѣе богатъ, который наиболѣе усовершенствовалъ функціи своей собственной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самое широкое благотворное вліяніе, какъ личное, такъ и матеріальное на жизнь другихъ людей». Такое представленіе о богатствѣ заключаетъ умѣніе пользоваться наибольшимъ количествомъ изъ накопленныхъ человѣчествомъ несмѣтныхъ сокровищъ духа, а матеріальное благосостояніе есть не болѣе, какъ необходимое условіе для свободнаго распоряженія высшими качествами человѣческаго интеллекта. Работа, которая не связана съ упражненіемъ этихъ высшихъ качествъ, хотя бы она съ избыткомъ доставляла питаніе желудку, не можетъ удовлетворить человѣка, этого не позволяетъ его человѣческое достоинство. Завидовать такому богатству не есть признакъ жадности, не есть грѣхъ противъ десятой заповѣди. Пожелавъ чужого осла или вола, я этимъ стремлюсь лишить своего ближняго возможности пользоваться этими животными. Если я требую себѣ больше хлѣба, то этимъ я уменьшаю общій запасъ хлѣба, предназначенный въ пищу моимъ сосѣдямъ. Если я сжегъ въ своей печкѣ кусокъ угля, то я уничтожилъ извѣстное количество углерода, которое уже никого больше не согрѣетъ. Но если я радуюсь переливчатой игрѣ

---

*) „*The* Nature of Gothic", § 15.

**) „Послѣднему, что и первому" („Untothis last"), пер. Л. П. Никифорова *Москва, 1900* г., стр. 83. Ср. *Дж. Гобсонъ* „Общественные идеалы Рескина" („John *Ruskin Social* Reformer"), ред. Д. Протопопова. Спб. 1899 г., стр. 58.

солнечныхъ лучей въ вечернихъ облакахъ, это не уменьшаетъ ничьей доли радости: этого золота хватитъ на всѣхъ, кто только захочетъ присвоить его. Если мнѣ доставляетъ удовольствіе вникать въ тайники природы, изслѣдовать законы явленій или слѣдить за поворотами мысли великихъ философовъ, я ни у кого не оспариваю права идти еще глубже или выше, если онъ хочетъ и можетъ. Если я глубоко взволнованъ симфоніей Бетховена или трагедіей Шекспира, я этимъ не ограбилъ своего сосѣда, не парализую его воспріимчивость къ звукамъ и образамъ. Наконецъ, если я часами могу стоять передъ луврской Афродитой, чувствуя, какъ омывается и растетъ душа въ созерцаніи этой геніальной гармоніи и красоты, то для этого вовсе не надо было, чтобы древніе эллины воздержались въ мою пользу отъ радостнаго поклоненія своей богинѣ и сберегли для меня всю сумму духовнаго наслажденія, какое она въ состояніи доставить. Минуютъ еще вѣка, смѣнится длинный рядъ поколѣній, преобразуется, быть можетъ, лицо земли, человѣчество переживетъ новыя тревоги и новыя торжества, а эта безрукая статуя останется молодой и прекрасной, и будутъ къ ней стекаться люди со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и каждый изъ нихъ, въ мѣру своего духовнаго развитія, будетъ стоять передъ ней съ благоговѣніемъ, какъ будто онъ первый изъ смертныхъ увидѣлъ ее рождающеюся изъ пѣны.

Въ этомъ смыслѣ человѣчество несомнѣнно было богаче во время оно, и главное, богатство это распредѣлялось равномѣрнѣе. Потребность въ упражненіи эстетическихъ эмоцій была распространена въ народной средѣ сверху до-низу, какъ и теперь это можно наблюдать у отсталыхъ народовъ, не совсѣмъ еще порабощенныхъ нашей денежной и машинной культурой. Конечно, не въ каждой деревнѣ, не въ каждомъ городѣ, даже не въ каждой странѣ рождались великіе художники, равные Бетховену, Шекспиру или творцу Венеры Милосской, не всѣмъ удавалось видѣть выдающееся произведеніе искусства, но безусловно въ каждой деревнѣ, можно сказать въ каждомъ дворѣ, жива была творческая способность, и ни одинъ человѣкъ въ своемъ домѣ не былъ лишенъ пластики, музыки и поэзіи. Машина, которая взяла на себя сторицею пріумножить матеріальныя богатства человѣчества, а на самомъ дѣлѣ только перераспредѣлила богатство такъ, что подавляющее большинство людей вотъ уже полтора вѣка не выходитъ изъ самой скупой нужды,—эта самая машина совсѣмъ обездолила трудящіяся массы въ томъ значеніи, какое придаетъ Рескинъ слову «богатство». Всѣ рабочіе, особенно при совмѣстной работѣ, пѣли пѣсни, скрашивая этимъ не только скуку, но и увеличивая продуктивность труда. Грохотъ машины заглушилъ эти пѣсни. Всякій рабочій, какъ и крестьянинъ украшалъ свой домъ, свою одежду, свою утварь живыми пластическими формами, красоту которыхъ онъ ощущалъ. Теперь онъ живетъ въ наемной конурѣ, дорожитъ для отдыха каждою

минутою, остающейся отъ фабрики, и покупаетъ себѣ на базарѣ дешевое платье и дешевую утварь, правда тоже украшенныя фабрикантомъ, но эти мертвыя украшенія не способны доставлять никому удовольствія. Тѣшиться тѣми зрѣлищами, которыя щедрая природа готова доставлять всѣмъ, даже въ дымныхъ и смрадныхъ фабричныхъ городахъ, рабочему человѣку также некогда, и онъ постепенно совсѣмъ отвыкъ обращать вниманіе на геніальныя выдумки стихій, поскольку онѣ не нарушаютъ его рабочій день неожиданной темнотой или не врываются въ его конуру въ видѣ мороза или сырости.

Ходячее мнѣніе, не задумывающееся надъ хронологіей, утверждаетъ, что искусство, переставъ быть народнымъ, стало индивидуальнымъ и выиграло отъ этого въ интенсивности. Это совершенно противорѣчитъ фактамъ. Какъ только появляются выдающіеся художники, не только работающіе для украшенія своей домашней обстановки, а создающіе произведенія, которыя по своему совершенству становятся предметами народнаго поклоненія, то искусство носитъ уже неизгладимыя черты этихъ выдающихся личностей, хотя имена ихъ и рѣдко доходятъ до насъ. Египетское, индійское, японское искусство было индивидуально уже задолго до нашей эры, что нисколько не противорѣчитъ одновременному существованію народнаго творчества; напротивъ того, великія произведенія вырастаютъ на фонѣ всеобщаго художественнаго развитія, какъ отдѣльные крупные кристаллы среди безконечнаго количества мелкихъ. Въ крупныхъ и мелкихъ произведеніяхъ искусства одно и то же, такъ сказать, вещество, однѣ и тѣ же организующія силы, между тѣми и другими разница количественная, а не качественная. Дѣло измѣняется съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ продолжительнаго соціальнаго разслоенія высшіе классы народа въ своей культурѣ отдѣляются отъ низшихъ. Послѣдніе устойчивѣе въ характерѣ своего художественнаго творчества, и довольно долго можетъ казаться, что народное (въ тѣсномъ смыслѣ) искусство живетъ прежнею органическою жизнью, но мало-по-малу, лишившись связи съ наиболѣе совершенными проявленіями индивидуальнаго генія, оно бѣднѣетъ, становится рутиннымъ, повторяетъ традиціонныя формы, не обновляя ихъ новыми наблюденіями. Искусство высшихъ классовъ, обнимающее работу самыхъ одаренныхъ художниковъ, на первыхъ порахъ могучимъ взмахомъ идетъ въ гору, но быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта и, не поддерживаемое питательной средой народнаго сочувствія и пониманія, неудержимо падаетъ и вырождается. Такъ было съ рыцарскою поэзіею. Такъ было и съ итальянскимъ искусствомъ, когда оно перестало быть искусствомъ городскихъ общинъ и поступило въ услуженіе къ князьямъ, маленькимъ и большимъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Такъ было и у насъ двѣсти лѣтъ назадъ, съ тою, однако, крупною разницею, что подъ вліяніемъ заимствованной культуры художественныя силы верхняго слоя русскаго

общества совершенно не могли проявиться. Часто бываетъ затѣмъ, что интеллигентные художники вдругъ болѣзненно почувствуютъ свою оторванность отъ народной почвы и сознательно примутся завязывать порванныя нити. Нерѣдко это приводитъ къ расцвѣту такъ называемаго «національнаго» искусства. Соприкосновеніе съ матерью-землею вдохнетъ новыя силы въ усталаго Антея, но періоды эти въ большинствѣ случаевъ бываютъ кратки и кончаются новымъ паденіемъ. Нельзя объединить искусство, пока всѣ остальные факторы соціальной жизни разъединяютъ самое общество.

Вотъ надъ этимъ-то пунктомъ проблемы и бьются наиболѣе мыслящіе и честные художники. Культурное искусство вертится въ заколдованномъ кругѣ и вырождается, народное искусство вымираетъ или уже вымерло, такъ что приходится, чтобы найти путь къ художественному творчеству массъ, возвращаться къ давно прошедшимъ временамъ или импортировать народное искусство изъ далекихъ странъ. Но такія реставраціи не имѣютъ будущности, поэтому онѣ всегда окрашиваются элегическимъ чувствомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ. Единственное средство создать новое, жизненное, органическое искусство заключается въ томъ, чтобы сдѣлать его всенароднымъ, а этому препятствуетъ та зіяющая бездна, о которой говоритъ Рескинъ. Такимъ образомъ вопросъ о возрожденіи искусства становится вопросомъ о возрожденіи общества, въ томъ освѣщеніи, какое даетъ ему тотъ или другой мыслитель: Рескина эстетика привела къ этикѣ, для Л. Н. Толстого искусство есть воплощеніе религіознаго чувства, Вильямъ Моррисъ началъ съ архаической поэзіи и прикладного искусства и наткнулся на рабочій вопросъ. Всѣ трое имѣютъ очень много точекъ соприкосновенія, но и весьма характерныя отличія, и намъ казалось любопытнымъ сопоставить ихъ взгляды. Каждый изъ нихъ, особенно первые два, чрезвычайно узки и нетерпимы въ своихъ вкусахъ, эстетическихъ теоріяхъ и далеко расходятся въ своихъ общественныхъ идеалахъ, но каждый изъ нихъ подкупаетъ поразительно глубокимъ анализомъ и необычайною искренностью. Сведя ихъ на очную ставку, намъ, быть можетъ, удастся извлечь изъ ихъ разногласій болѣе широкій взглядъ на настоящее положеніе и будущность искусства.

Джонъ Рескинъ (1819—1900).

Когда въ началѣ 40-хъ годовъ молодой, начинающій писатель Джонъ Рескинъ встряхнулъ самодовольныхъ и высокомѣрныхъ жрецовъ и знатоковъ искусства своею дерзкою критикой установленной табели о художественныхъ рангахъ, его міровоззрѣніе покоилось на фундаментѣ крайне бѣднаго жизненнаго опыта. Какъ единственный, боготворимый и тщательно опекаемый сынъ болѣе чѣмъ обезпеченныхъ

родителей, онъ зналъ о жизни и мірѣ столько, сколько можно узнать изъ книгъ, изъ музеевъ, изъ путешествій по красивымъ мѣстностямъ и стариннымъ городамъ. Всюду онъ видѣлъ только казовую, красивую сторону вещей. «Я никогда не видѣлъ смерти, — говоритъ онъ, вспоминая свою молодость,—и не принималъ никакого участія въ печали и безпокойствѣ, связанныхъ съ комнатой больного; я никогда также не видалъ, а еще меньше могъ представить себѣ страданія безпомощной бѣдности» *). Но существованіе безполезнаго диллетанта ему не улыбалось. Въ немъ просыпалось сознаніе своихъ внутреннихъ силъ, и онъ стремился отдать ихъ на служеніе какому-нибудь великому дѣлу. Онъ вспоминалъ послѣ тотъ день, когда онъ 22-лѣтнимъ юношей въ церкви въ Женевѣ, принялъ рѣшеніе «что-нибудь совершить, на что-нибудь быть полезнымъ». Въ какой области приложить свои силы, онъ сказалъ себѣ черезъ годъ въ той же торжественной обстановкѣ: то поприще, къ которому толкали его и наклонности, и воспитаніе, было искусство. Для роли художника онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно таланта, но изощренный вкусъ и преклоненіе передъ красотой и величіемъ природы подсказали ему миссію проповѣдника истинныхъ принциповъ искусства: честность намѣреній, доведенная до степени величія, и главное искренность въ реализаціи. Подъ обаяніемъ недавно прочитанной книги Карлейля о «Герояхъ», онъ рѣшился повѣдать міру, что въ искусствѣ есть свои герои, не менѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ жизни, что источникъ ихъ энергіи—искренность, а цѣль проявленія этой энергіи — правда **).

Такого «героя искусства» онъ нашелъ въ лицѣ пейзажиста Тернера, на котораго профессіональная критика смотрѣла съ пренебреженіемъ за его реализмъ, нарушающій всѣ академическіе каноны, и воспѣлъ ему гимнъ въ знаменитомъ сочиненіи «Современные художники». Какъ Рескинъ въ то время смотрѣлъ на средства, которыми можетъ быть поднятъ уровень искусства, видно изъ письма его къ своему другу, художнику. «Я не могу сочувствовать вашимъ надеждамъ поднять англійское искусство при помощи фресковой живописи... Ни матеріалъ, ни пространство не могутъ дать намъ мысль, страсть и силу. Все, что я вижу въ вашей академіи, низменно въ мелкихъ картинахъ и было бы отвратительно въ крупныхъ... Намъ нужна не любовь къ фрескамъ, намъ нужна любовь къ Богу и его творенію; намъ нужны смиреніе, милосердіе, самоотверженіе, постъ и молитвы; намъ нужно полное измѣненіе характера. Больше вѣры и меньше разсужденій, меньше усилія и больше упованія. Вамъ нужны не стѣны, не штукатурка, не краски—ça ne fait rien à l'affaire; Джіотто, Гирлан-

*) *Гобсонъ*, стр. 12.

**) *W. G. Collingwood.* „The Life and Work of John Ruskin", London, 1893, т. I, стр. 94—103.

дайо, Анджелико вамъ нужны, и будутъ и должны быть нужны, пока это отвратительное девятнадцатое столѣтіе испуститъ—не дыханіе, скажу лучше — свой паръ» *).

Убѣжденіе, отъ котораго Рескинъ не отказался во всю свою жизнь, что высокое произведеніе искусства можетъ создать только высокой нравственности человѣкъ, здѣсь утверждено еще на строго религіозной основѣ; недаромъ мать продержала его въ теченіе всего дѣтства на чтеніи Библіи. Весьма характерно также преклоненіе передъ примитивными религіозными художниками Италіи: когда писались эти строки, никому еще въ голову не приходило придавать какое-нибудь серьезное значеніе ихъ наивнымъ фрескамъ. Лишь пять лѣтъ спустя (1848), нѣсколько молодыхъ художинковъ, напитавшись идеями Рескина, пошли искать художественной правды въ до-рафаэлевскомъ искусствѣ. Принципъ искренности, поставленный Рескиномъ во главѣ угла всякаго искусства, указалъ его критической мысли и дальнѣйшій путь. Академическіе жрицы, владычествовавшіе тогда по всему лицу Европы. признавъ образцомъ какой-нибудь «стиль», учили художниковъ какъ можно ближе держаться его формъ, тогда какъ Рескинъ съ геніальною прозорливостью понялъ, что создать въ старыхъ формахъ новыя великія произведенія нельзя, но можно достичь прежняго величія только при томъ условіи, чтобы современные художники внутренно были похожи на великихъ стариковъ, даже не только великихъ: искренность въ соединеніи со смиреніемъ создавали великое искусство даже тогда, когда художниками были безымянные рабочіе, или обратно, когда простые рабочіе силой своего искренняго воодушевленія становились художниками. Такъ создалась готическая архитектура, которою Рескинъ никогда неуставалъ восхищаться. Страницы, гдѣ онъ выясняетъ сущность готики **), принадлежатъ къ самымъ значительнымъ, какія онъ когда-либо написалъ, и заключаютъ въ зародышѣ всю будущую систему его соціальныхъ идей.

Изъ всѣхъ характерныхъ чертъ сложнаго явленія, носящаго названіе готическаго искусства, особенное значеніе для насъ имѣетъ организація сотрудничества между всѣми участниками общей работы. Въ исторіи архитектуры, которая является по преимуществу коллек-

---

*) Тамъ же, 126.

**) Мы уже цитировали „On the Nature of Gothic“: это въ первоначальномъ видѣ глава изъ сочиненія „Камни Венеціи“ („Stones of Venice“), гдѣ онъ выясняетъ развитіе венеціанскаго искусства, пережившаго три главныхъ момента—византійскій, готическій и ренессансъ, изъ психологической, такъ сказать, исторіи венеціанской республики. Сочиненіе это, какъ всѣ сочиненія Рескина, заключаетъ много произвольнаго, благодаря стремленію свести всѣ факты къ опредѣленной, заранѣе установленной схемѣ, но также, какъ большинство его сочиненій, на каждомъ шагу поражаетъ тонкими наблюденіями, блестящими идеями и гипотезами.

тивнымъ искусствомъ, Рескинъ различаетъ три формы такого сотрудничества. Первая, приписываемая авторомъ египетскому, ассирійскому и греческому искусству (впрочемъ, безъ достаточнаго основанія), основана на томъ, что художникъ-архитекторъ настолько дорожитъ совершенствомъ и законченностью художественнаго цѣлаго, что требуетъ отъ исполнителя-рабочаго математически точнаго выполненія деталей, въ строгомъ подчиненіи общему замыслу. Результатомъ этого является гармонія цѣлаго, но сухость и безжизненность орнаментальныхъ частей. Такимъ образомъ рабочій лишается всякой иниціативы и самостоятельности и становится рабомъ художника. Противоположная крайность, приписываемая искусству «возрожденія» (тоже не совсѣмъ правильно), заключается въ томъ, что исполнитель каждой отдѣльной детали обнаруживаетъ тенденцію сравняться съ руководящимъ художникомъ въ талантѣ и познаніяхъ. Такимъ образомъ теряется гармонія, и цѣлое обращается въ «утомительную выставку хорошо обученнаго безсилія». Наконецъ, готическая, или, какъ Рескинъ называетъ, христіанская система орнаментаціи коренится въ самомъ принципѣ христіанства, признавшемъ, въ маломъ и великомъ, индивидуальное значеніе каждой души. «Но оно не только признало значеніе каждаго человѣка, оно терпимо относится къ его несовершенству... Каждому, кто призывается служить христіанству, оно говоритъ: дѣлай, что можешь, и чистосердечно сознавайся въ томъ, чего ты не въ силахъ сдѣлать; пусть твое усиліе не укорачивается страхомъ ошибки, и не подавляй сознанія въ своей слабости изъ боязни стыда. И главная, быть можетъ, причина дивности готическихъ школъ архитектуры заключается въ томъ, что онѣ включали продукты работы и невысокихъ умовъ; такимъ образомъ изъ полныхъ несовершенства отдѣльныхъ частей, обнаруживающихъ это несовершенство въ каждой черточкѣ, свободно вырастаетъ стройное и безукоризненное цѣлое» (§§ 9—10). Каждый участникъ свободенъ и отвѣтственъ въ порученной ему части цѣлаго, каждый вноситъ въ него свою индивидуальную черточку; каждый воплощаетъ свое собственное чувство, и никто не исполняетъ рабски чужого замысла, никто не можетъ обойтись безъ извѣстной доли таланта, знанія и воображенія. Готика не отдѣляетъ физическаго труда отъ интеллекта, и въ этомъ ея отличіе отъ современности. «Въ наше время мы всегда стремимся ихъ раздѣлить; мы требуемъ, чтобы одинъ человѣкъ постоянно мыслилъ, а другой постоянно работалъ, и называемъ одного джентльменомъ, а другого мастеровымъ; тогда какъ часто рабочій долженъ мыслить, а мыслитель—работать, и оба будутъ джентльменами, въ лучшемъ смыслѣ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ мы лишаемъ джентльменства обоихъ, такъ какъ одинъ завидуетъ своему брату, а другой презираетъ своего брата; и все общество складывается изъ болѣзненныхъ мыслителей и жалкихъ рабочихъ» (§ 21). Коллективное произведеніе, созданное та-

кимъ свободнымъ, но единодушнымъ сотрудничествомъ, всегда будетъ оригинально, ибо «ничего не можетъ быть великимъ произведеніемъ искусства, что не создается внѣ всякихъ правилъ и образцовъ. Архитектура по извѣстнымъ правиламъ и по существующимъ образцамъ не искусство, а промышленность. Изъ двухъ способовъ дѣйствія наименѣе раціональный (ибо болѣе легкій) копировать капители или карнизы у Фидія и называть себя архитекторомъ, чѣмъ копировать головы и руки у Тиціана и называть себя живописцемъ» (§ 28). Такимъ именно оригинальнымъ искусствомъ была готика, которая «никогда не терпѣла мысли о внѣшней симметріи и о неизмѣнномъ составѣ въ ущербъ реальной необходимости и смыслу своего назначенія. Если строителямъ нужно было окно, они его продѣлывали,—комнату, они достраивали ее,—контрафорсъ, они его ставили, совершенно не заботясь о принятыхъ условностяхъ внѣшней формы, зная (какъ это всегда и бывало), что такія смѣлыя нарушенія формальнаго плана сообщаютъ его симметріи скорѣе дополнительный интересъ, чѣмъ оскорбляютъ ее» (§ 38).

Такое пониманіе условій, при которыхъ только и можетъ существовать искусство, достойное этого имени, сразу давало отвѣтъ на всеобщія ламентаціи о прозаичности нашего времени, о паденіи искусства и интереса къ нему. Это указывало также Рескину путь дальнѣйшей практической дѣятельности. «Если рабочій долженъ быть художникомъ, — такъ формулируетъ этотъ моментъ цитированный уже нами лучшій біографъ Рескина *),—онъ долженъ обладать опытомъ и чувствомъ художника, также какъ и способностями: а это включаетъ все, что касается образованія рабочаго, и все, что способствуетъ его истинному благосостоянію. Когда же Рескинъ сталъ разсматривать этотъ предметъ практически, онъ пришелъ къ выводу, что простыя школы рисованія и старанія благотворительности не могутъ переработать городского машиннаго рабочаго и деревенскаго неуча въ художника; вопросъ объ искусствѣ переплетался съ гораздо болѣе обширными вопросами,—не болѣе, не менѣе, какъ съ вопросомъ объ основныхъ принципахъ человѣческихъ отношеній и политической экономіи».

Ближайшей попыткой практической дѣятельности въ направленіи, указываемомъ этими взглядами, была общеобразовательная школа для рабочихъ (Working Men's College), основанная однимъ пріятелемъ Рескина, не только при его участіи въ качествѣ преподавателя рисованія, но подъ прямымъ вліяніемъ его идей: на вступительной лекціи (30-го октября 1854 г.), въ качествѣ манифеста предпринятой дѣятельности, слушателямъ раздавалась брошюра Рескина «О сущности готики», спеціально для этой цѣли перепечатанная изъ «Камней Венеціи». Школа эта имѣла болѣе широкія задачи, чѣмъ сообщеніе рабочимъ полезныхъ общихъ и спеціальныхъ свѣдѣній: это была попытка

*) *Collingwood*, I, стр. 166.

группы интеллигентныхъ людей завязать непосредственныя сношенія съ классомъ трудящихся, поднять уровень ихъ интеллектуальной жизни, содѣйствовать устраненію наиболѣе рѣзкихъ золъ соціальнаго неравенства. И легко повѣрить, что полвѣка назадъ, въ періодъ господства «манчестерства», подобная попытка казалась смѣшнымъ и праздным ъ донкихотствомъ. Цѣлью своего преподаванія Рескинъ ставилъ не производство художниковъ, не доставленіе однимъ рабочимъ лучшихъ шансовъ и средствъ въ конкуренціи съ менѣе вооруженными собратіями: сдѣлать рабочихъ лучшими людьми, развить ихъ нравственныя силы и чувства, словомъ, воспитать ихъ — вотъ общая задача; а спеціальная—въ области обученія рисованію—заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать острѣе глаза и тверже руку своихъ учениковъ, такъ чтобы они могли наслаждаться великими произведеніями природы и искусства. Кто хочетъ быть профессіональнымъ художникомъ, кто хочетъ писать картины, выставлять и продавать ихъ, пусть идетъ въ академію. А научиться рисовать, съ достаточной для указанной цѣли степенью совершенства, долженъ былъ бы и можетъ всякій,—въ этомъ Рескинъ былъ глубоко убѣжденъ и, на основаніи своего опыта, утверждалъ, что ему не стоило большого труда въ самое короткое время, мѣсяца въ четыре, развить глазъ и руку самаго обыкновеннаго рабочаго настолько, что послѣдній въ состояніи былъ правильно, а иногда изумительно тонко изобразить любой предметъ изъ окружающей природы или обстановки. Результаты, достигнутые школой, были настолько удовлетворительны, насколько можно было ожидать отъ такого скромнаго по масштабу предпріятія. Иниціаторы почерпнули здѣсь увѣренность, что рабочіе классы могутъ интересоваться искусствомъ, что, несмотря на вѣковой перерывъ, способности, проявленныя готическими мастерами, не вполнѣ вымерли въ народѣ. Для Рескина этотъ экспериментъ далъ очень много: на почвѣ его онъ значительно развилъ свои взгляды относительно связи между искусствомъ и политической экономіей *).

Не довольствуясь своей педагогической дѣятельностью въ указанной школѣ, Рескинъ съ этого времени пользуется всякимъ случаемъ, чтобы въ качествѣ лектора выступить на защиту дорогихъ ему мыслей, особенно въ различныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью развитіе искусства, чистаго и прикладного, а также въ возникшемъ тогда въ Оксфордѣ «народномъ университетѣ» (university extention), направлявшемъ свои силы на пополненіе образованія среднихъ классовъ. Изъ подобныхъ лекцій возникла его извѣстная «Политическая экономія искусства», которую онъ дѣлитъ на четыре отдѣла: 1) открытіе возможно большаго количества талантовъ, 2) наиболѣе продуктивное примѣненіе ихъ труда, 3) способы накопленія и сохраненія плодовъ

*) *Collingwood*, V. I, Chapt. VII, „The Working Men's College".

ихъ труда и 4) распредѣленіе художественныхъ сокровищъ съ наибольшей пользой для націи. Въ названномъ сочиненіи далеко еще не проведены тѣ своеобразныя, но строго согласованныя другъ съ другомъ понятія, которыя казались такими парадоксальными экономистамъ классической школы, а теперь въ значительной степени получили подтвержденіе со стороны науки*). Авторъ даже подчеркиваетъ свое пренебреженіе къ ученымъ авторитетамъ, выставляя на видъ, что онъ не читалъ ни одного сочиненія по политической экономіи, кромѣ Адама Смита, да и то въ ранней молодости. Однако біографъ Рескина опредѣленно утверждаетъ, что онъ уже искалъ и не нашелъ отвѣтовъ на интересовавшіе его вопросы у Бентама, Рикардо и Дж. Ст. Милля. Такъ или иначе, разсматривая искусство съ экономической точки зрѣнія, онъ не могъ обойти одного изъ кардинальныхъ понятій экономической науки, не могъ не остановиться на вопросѣ, приложимо ли вообще къ произведеніямъ искусства понятіе цѣнности, и если приложимо, то чѣмъ она, эта цѣнность, опредѣляется. Рескинъ здѣсь уже вполнѣ пришелъ къ тому пониманію богатства, которое мы упомянули выше, хотя и не формулируетъ его съ достаточною ясностью**): богатство есть то, что необходимо, полезно и пріятно людямъ, иначе говоря то, что поддерживаетъ жизнь и дѣлаетъ ее болѣе желательной, счастливой и благородной (послѣднимъ условіемъ Рескинъ вводитъ неизбѣжный у него этическій элементъ). Такимъ образомъ къ сокровищамъ человѣчества причисляются и воздухъ, и солнечный свѣтъ, и море, и прекрасный пейзажъ. Эти предметы имѣютъ абсолютную цѣнность, т.-е. не существуетъ достаточно высокой цѣны, которую бы отказались заплатить за воздухъ или свѣтъ, если бы пришлось ихъ покупать, но отъ организаціи нашей жизни зависитъ сдѣлать такъ, чтобы эти блага ничего не стоили; иначе говоря, цѣнность не находится ни въ какомъ отношеніи къ стоимости. Всѣ же продукты человѣческаго труда могутъ имѣть цѣнность, если они способны поддерживать жизнь, но стоимость ихъ будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго на нихъ труда***). Произведеніямъ искусства, по мнѣнію Рескина, въ высшей степени присуще понятіе цѣнности, потому что они служатъ постоянными источниками радости и воспитанія: пища

---

*) Кромѣ цитированной уже книги *Дж. Гобсона*, критически излагающаго экономическіе взгляды Рескина, намъ, конечно, нѣтъ надобности напоминать читателю посвященную имъ статью *г. Рыкачева* („Міръ Божій“ 1903, №№ 10—12).

**) Въ слѣдующихъ строкахъ мы старались собственными словами выразить основныя идеи, лежащія въ основѣ разсматриваемаго сочиненія Рескина.

***) Позднѣе Рескинъ усложняетъ свое понятіе о *стоимости*, вводя въ него новый опредѣлитель: количество страданій, связанныхъ съ даннымъ трудомъ, такъ что трудъ пріятный, свободный, связанный съ искусствомъ, является наиболѣе выгоднымъ въ экономическомъ отношеніи.

необходима для жизни, искусство необходимо для пріятной и достойной жизни. Поэтому вполнѣ правильно ходячее выраженіе: «художественныя сокровища». Стоимость же имѣютъ только произведенія современнаго искусства, какъ продуктъ труда. Произведенія умершихъ художниковъ, если они вообще имѣютъ цѣнность, то такую же абсолютную, какъ дары природы. Нелѣпо было бы высчитывать, сколько рабочихъ дней затратилъ Фидій на свою статую или Веронезе на свою картину; за произведенія Фидія и Веронезе никогда не будетъ много заплатить столько, сколько необходимо для предохраненія ихъ отъ гибели или порчи, но платимыя за нихъ деньги не измѣряютъ ихъ цѣнности; если они находятся въ безопасности отъ пожара, сырости, небрежнаго обращенія и реставраторовъ и предоставлены всеобщему пользованію, то они также ничего не стоютъ, какъ снѣговыя вершины Альпъ. Что касается современнаго художественнаго производства, то Рескинъ примѣняетъ къ нему строго трудовой критерій стоимости. «Если вы хотите, чтобы человѣкъ сдѣлалъ для васъ рисунокъ, на который онъ употребитъ шесть дней, то вы, во всякомъ случаѣ, должны доставлять ему въ теченіе этого времени необходимую пищу, питье, отопленіе, освѣщеніе и помѣщеніе. Это самая низкая плата, за которую онъ можетъ сдѣлать эту работу, и она, надѣюсь, не особенно высока». Далѣе Рескинъ настаиваетъ, что эта низшая плата, должна быть и наивысшей въ интересахъ не только «распредѣленія» художественныхъ произведеній, но и достоинства самого искусства. «Дѣйствительный художникъ будетъ прекрасно работать, если вы, какъ я выше сказалъ, дадите ему хлѣба, воды и соли; а дурной художникъ станетъ плохо дѣлать и торопиться, хотя бы поселили его во дворцѣ и предоставили въ его распоряженіе доходы съ цѣлаго княжества. Въ современныхъ условіяхъ,—прибавляетъ Рескинъ,—ни одинъ (мы бы сказали, почти ни одинъ) настоящій художникъ, пока онъ живъ, не получаетъ и половины дѣйствительной цѣны за свое произведеніе. Когда онъ умретъ, его картины, если онѣ хороши, продаются неизмѣримо дороже, но этотъ излишекъ не есть уже оплата труда художника, а идетъ въ карманъ спекулянта. Громадныя же цѣны, платимыя любителями за произведенія популярнаго художника, не имѣютъ никакого отношенія ни къ дѣйствительной ихъ стоимости, ни къ ихъ цѣнности, а «по большей части выражаютъ лишь степень желанія богачей данной страны пріобрѣсти эти картины». «Такъ что каждымъ рублемъ, переплачиваемымъ вами за картину сверхъ ея стоимости, т.-е. стоимости, окупающей трудъ и время, потраченные художникомъ, вы не только обманываете себя и платите за свое тщеславіе, но и поощряете тщеславіе другихъ и буквально способствуете развитію гордости». Вредъ большихъ цѣнъ на современныя произведенія искусства, заключается прежде всего въ томъ, что эти цѣны платятся какъ разъ за произведенія наименѣе достойныхъ художни-

ковъ, взявшихся за живопись или скульптуру только, какъ за прибыльную профессію; такой порядокъ давитъ тяжелымъ гнетомъ на истинное искусство, извращаетъ вкусъ публики, затмеваетъ, мучитъ и оскорбляетъ истинныхъ художниковъ, а кромѣ того слишкомъ ограничиваетъ распредѣленіе въ народѣ продуктовъ искусства.

Въ вопросѣ о распредѣленіи искусства Рескинъ не даетъ никакихъ особенно цѣнныхъ соображеній. Очевидно, этотъ отдѣлъ занималъ его менѣе другихъ. Онъ, конечно, сторонникъ большихъ національныхъ музеевъ и хранилищъ, но рекомендуетъ по возможности во всѣхъ провинціяхъ устраивать немногочисленныя, но тщательно подобранныя собранія образцовыхъ, хотя бы и не величайшихъ произведеній, для развитія правильнаго вкуса и особенно украшать ими мѣста общественнаго пользованія. Но онъ считаетъ полезнымъ и частныя коллекціи, опасаясь, что какое-нибудь стихійное бѣдствіе, а еще легче самонадѣянный или не по разуму усердный консерваторъ могутъ нанести неисчислимый вредъ слишкомъ большому количеству шедевровъ, тогда какъ послѣдствія несчастныхъ случаевъ ослабляются, если произведенія искусства распредѣляются въ незначительныхъ количествахъ по многимъ мѣстамъ. Это, конечно, противорѣчитъ представленію Рескина о богатствѣ: въ это понятіе входитъ не только обладаніе, но и умѣніе пользоваться извѣстнымъ благомъ. Богатъ не тотъ, кто держитъ свои деньги подъ половицей, а тотъ, кто пріобрѣтаетъ на нихъ пріятные и полезные предметы для себя и другихъ. Страна, гдѣ искусство, хотя бы и въ большомъ количествѣ, хранится подъ замками богатыхъ людей, не доставляетъ своему населенію тѣхъ возвышающихъ радостей, которыя способно дать данное количество искусства, т.-е. крайне бѣдна искусствомъ; лишь та страна богата имъ, гдѣ оно доступно всѣмъ, цѣнимо и понимаемо всѣми.

Но и въ области искусства, какъ и въ области матеріальнаго богатства, корень зла находится не въ системѣ распредѣленія, а въ системѣ производства, и близкое знакомство съ трудящимся людомъ въ различныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ показало Рескину съ полной очевидностью, въ какой тѣсной связи стоитъ характеръ нашего искусства со строемъ современной промышленности. Народныя школы могутъ поднять интеллектуальный уровень извѣстныхъ группъ народа, хорошо поставленное преподаваніе рисованія и другихъ элементовъ искусства можетъ обнаружить много зародышей артистическихъ дарованій, но обычныя условія, въ которыхъ живетъ и работаетъ трудящаяся масса, будутъ мощно стремиться снова понизить достигнутый интеллектуальный уровень, и обнаружившіяся художественныя способности никогда не найдутъ ни малѣйшаго примѣненія за фабричнымъ станкомъ. Да и можно ли требовать или ожидать, чтобы въ средѣ рабочихъ, отдающихъ, поколѣніе за поколѣніемъ, все свое время, всю физическую энергію и здоровье на борьбу за скудный кусокъ хлѣба, осталось до-

статочно бодрости и духовной энергіи нетолько для художественной дѣятельности, но даже для пассивнаго желанія видѣть больше красоты въ своей жизни? Справедливо ли проповѣдовать высшимъ и среднимъ классамъ любовь къ болѣе роскошной жизни,—роскошной не въ смыслѣ расточительнаго тщеславія, а даже въ болѣе законномъ смыслѣ спроса на декоративное искусство, когда эта роскошь оплачивается за счетъ голода и холода менѣе счастливыхъ слоевъ населенія? Моральная сторона проблемы о процвѣтаніи искусства всегда сознавалась Рескиномъ съ особенною силой: онъ находилъ, что «невозможно коснуться какой-либо части этого вопроса безъ того, чтобы не затронуть самаго корня его». Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ свое мнѣніе объ этомъ со свойственной ему колоритностью: «наиболѣе желательный въ Лондонѣ родъ живописи—это окраска щекъ здоровьемъ въ румяный цвѣтъ».

Но и помимо справедливости и состраданія, ставя вопросъ только о простой возможности, Рескинъ приходилъ къ заключенію, что никакое обиліе талантовъ въ народной средѣ не можетъ создать искусства при современномъ строѣ жизни. «Прекрасное искусство,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ лекцій («Современная промышленность и рисованіе» *),—можетъ быть создано только народомъ, который живетъ въ обстановкѣ красивыхъ предметовъ и имѣетъ досугъ смотрѣть на нихъ, и если вы не позаботитесь о томъ, чтобы ваши рабочіе были окружены какими--нибудь элементами красоты, вы увидите, что они не будутъ въ состояніи изобрѣсти никакихъ элементовъ красоты. Какимъ гнетомъ ложится этотъ громадный въ своемъ значеніи фактъ на наши современныя попытки орнаментаціи, я былъ пораженъ, гуляя какъ-то на послѣдней недѣлѣ вечеромъ по предмѣстью одного изъ нашихъ большихъ промышленныхъ городовъ. Я сталъ размышлять о томъ, какъ непохоже впечатлѣніе, вызываемое въ душѣ рисовальщика представившеюся мнѣ картиною, на то, какое получалъ какой-нибудь средневѣковый рисовальщикъ, когда онъ оставлялъ свою мастерскую, отъ картины, которая навѣрно представлялась его глазамъ. Какъ разъ за городомъ я наткнулся на старый англійскій коттэджъ или дворецъ,—ужъ не знаю, какъ назвать его,—подъ самымъ холмомъ, близъ рѣки, построенный, быть можетъ, во времена Карла, съ двухстворчатыми окнами, съ низкими сводчатыми воротами; близъ дома, въ маленькомъ треугольномъ садикѣ можно вообразить себѣ расположившуюся семью, какъ бывало въ старыя времена лѣтомъ; плескъ рѣки слабо доносился сквозь шиповникъ изгороди, и овца на полянѣ свѣтилась издали въ лучахъ вечерняго солнца. Нынѣ, не обитаемый уже много-много лѣтъ, онъ брошенъ безъ призора, въ запустѣніи; садовая калитка все время раскачивается и стучитъ щеколдой; загаженный садъ обращенъ въ кучу золы, и ни одна сорная травка не оставила въ немъ корня; крыша

*) „The two Paths“ etc.

зіяетъ безобразными щелями; ставни висятъ сбоку оконъ обрывками гнилого дерева; передъ калиткой рѣчка, которая дѣлала домъ такимъ веселымъ, теперь лѣниво подмачиваетъ его, черная, какъ сажа, и густая отъ сварившихся шлаковъ; берегъ надъ нею растоптанъ въ липкую черную грязь: вдали, насупротивъ, между домомъ и старыми холмами, дымящіяся фабричныя печи города непрерывно заражаютъ воздухъ сѣрнистой тучей; дымные клубы этихъ грозовыхъ тучъ вьются низко надъ обширными полями, лишенными травы, и поля эти разгораживаютъ одно отъ другого не живыя изгороди, а квадратныя каменныя глыбы, похожія на могильныя плиты, скрѣпленныя между собою желѣзомъ». Для пущаго контраста Рескинъ набрасываетъ затѣмъ яркую картину средневѣкового итальянскаго города, какъ онъ развертывался въ своемъ великолѣпіи передъ глазами готическаго мастера, напр., Нино Пизанскаго или кого-нибудь изъ его подручныхъ. «Какъ вы думаете, хорошая ли это школа рисованія?» заключаетъ онъ, и затѣмъ, возвращаясь къ печальной дѣйствительности, настаиваетъ на своемъ мнѣніи: «Для людей, окруженныхъ гнетущей и монотонной обстановкой англійской промышленной жизни, будьте увѣрены, рисованіе прямо невозможно. Изъ всѣхъ наблюденій, вынесенныхъ мною изъ сношеній съ современнымъ рабочимъ, это для меня самое ясное. Онъ интеллигентенъ и изобрѣтателенъ въ высшей степени, у него легкая рука и острый глазъ, но, вообще говоря, онъ совершенно лишенъ способности къ рисованію». Мы видѣли, что въ другомъ мѣстѣ Рескинъ говоритъ, что онъ достигалъ хорошихъ результатовъ, обучая рабочихъ рисованію, но это не нужно считать противорѣчіемъ: по мнѣнію Рескина, всякаго можно научить правильно рисовать съ натуры, также какъ всякаго можно научить говорить по-французски или по-нѣмецки; но подъ способностью къ рисованію въ данномъ случаѣ онъ подразумѣваетъ извѣстнаго рода творческую способность, которая дѣлаетъ, изъ рабочаго художника, какимъ былъ каменщикъ, столяръ и ювелиръ готическаго періода. «И если вы хотите дать ему эту способность,—продолжаетъ авторъ,—вы должны дать ему для этого средства и поставить его въ соотвѣтствующую обстановку. Рисованіе не есть игра праздной фантазіи: это добытый ученіемъ результатъ синтезирующаго (accumulative) наблюденія и радостнаго состоянія духа. Безъ наблюденія и опыта—нѣтъ рисованія, безъ покойнаго и веселаго характера труда—нѣтъ рисованія, и всѣ на свѣтѣ лекціи, уроки, преміи и правила искусства безполезны до тѣхъ поръ, пока вы не окружите вашихъ людей счастливыми условіями и прекрасными предметами. Имъ невозможно имѣть правильное понятіе о цвѣтахъ, если они не видятъ чудныхъ красокъ природы въ неиспорченномъ видѣ; имъ невозможно вводить красивыя случайности и движеніе въ свой орнаментъ, если они не видятъ на свѣтѣ вокругъ себя красивыхъ случайностей и движенія. Дайте развитіе ихъ уму, сдѣлайте ихъ образъ жизни изящнѣе

и вы этимъ разовьете и сдѣлаете изящнѣе ихъ рисунки; но оставьте ихъ безграмотными, въ неуютной обстановкѣ, среди некрасивыхъ предметовъ, и все, что они будутъ дѣлать, всегда будетъ фальшиво, вульгарно и безъ цѣны».

Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти горячія слова, родилось и состарилось цѣлое поколѣніе. Многое измѣнилось на свѣтѣ, новые опыты и наблюденія дали людямъ новый матеріалъ для размышленій. Трудящіеся классы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, тяжелымъ напряженіемъ силъ завоевали себѣ болѣе человѣческое существованіе: на нихъ не смотрятъ уже, какъ на самыя несовершенныя орудія производства; во многихъ мѣстахъ стали считаться съ ихъ психологіей; ихъ умственное развитіе сдѣлало громадные успѣхи, не говоря уже о простой грамотности; у нихъ явились болѣе сильные запросы духовной пищи. Съ другой стороны наблюдается, что безобразіе и грязь большихъ промышленныхъ городовъ не въ силахъ убить художественнаго творчества. Въ полумракѣ узкихъ переулковъ, между многоэтажными казарменными домами, въ несмываемой копоти фабричнаго неба, подъ прозаическими сводами сквозныхъ вокзаловъ, въ изрытыхъ и безплодныхъ пустыряхъ городскихъ окраинъ и въ опустошенной душѣ ихъ обитателей новѣйшіе художники открыли природу, и игру красокъ, и красоту, и поэзію, и величіе. Рескинъ, конечно, съ негодованіемъ отвергнулъ бы такую профанацію искусства, но, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ бы отрицать, что даже въ такой обстановкѣ иногда зарождается фантазія, способная приблизиться къ тому, что самому Рескину казалось поэзіей: какъ разъ, когда онъ произносилъ выше цитированныя филиппики, дѣлалъ свои первые крупные шаги Бернъ-Джонсъ, молодой художникъ, который родился и провелъ всю свою раннюю юность въ такой, казалось бы, антихудожественной средѣ, какъ Бирмингамъ, въ самомъ центрѣ меркантильныхъ интересовъ, и несмотря на это, онъ внесъ въ англійское искусство какъ бы струю примитивной средневѣковой и классической легенды и такую необыкновенную силу художественной изобрѣтательности, которой не могъ не признать и самъ Рескинъ *).

Такимъ образомъ уже позволительно, быть можетъ, предвидѣть, что для зарожденія новаго искусства, имѣющаго шансы стать народнымъ, человѣчеству не придется возвращаться ни къ пастушеской цивилизаціи, ни даже къ средневѣковымъ гильдіямъ и цехамъ. Техническія силы, которыя люди пустили въ ходъ, но еще не подчинили интересамъ своего общежитія, по существу своему вовсе не заключаютъ въ себѣ отрицанія духовной свободы массъ, этого необходимаго условія всякаго народнаго искусства. Машинная промышленность, какъ потокъ, разлилась по лицу міра, своею разрушительною

*) The Art of England"; Lect. II, „Mythic Schools of Painting".

мощью гнететъ впечатлительное воображеніе художниковъ и поэтовъ, какъ море, вѣроятно, угнетало воображеніе первобытнаго человѣка: его собственная сила казалась ему такою безконечно ничтожною сравнительно съ гигантскимъ прибоемъ кипящихъ валовъ, что онъ могъ только трепетать передъ злобой этого безпощаднаго бога. Какимъ жалкимъ, ограниченнымъ и разъединеннымъ осталось бы человѣчество, если бы оно не научилось бороться, а потомъ и побѣждать капризную стихію воды, и какъ много несравненной красоты и поэзіи осталось бы неизвѣстно людямъ!

Нужно, впрочемъ, сейчасъ же прибавить, что Рескинъ никогда не мечталъ о реставраціи среднихъ вѣковъ, какъ ему приписываетъ ходячая молва. Онъ былъ настолько уменъ, что понималъ невозможность подобнаго строя, и настолько реально представлялъ себѣ средневѣковую жизнь, что не могъ не видѣть темныхъ сторонъ этого строя. Какъ ни прекрасна была Пиза во время расцвѣта своей архитектуры, «я повторяю,—говоритъ Рескинъ,—что я не предлагаю и не желаю, чтобы вы построили новую Пизу... Намъ не нужно возвращаться ни къ жизни, ни къ декоративному искусству XIII столѣтія; обстановка, которою вы должны окружить вашихъ рабочихъ, это простая и счастливая современная англійская жизнь, ибо рисунки, какіе вы можете требовать отъ вашихъ рабочихъ, должны сдѣлать современную англійскую жизнь красивою. Вся пышность среднихъ вѣковъ, какъ бы она ни казалась красивой въ описаніи, во многихъ отношеніяхъ она и на самомъ дѣлѣ была благородна, тѣмъ не менѣе въ своей основѣ и въ своей цѣли была полна гордости — гордости такъ называемыхъ высшихъ классовъ; гордость эта поддерживалась насиліемъ и грабежемъ и, въ концѣ концовъ, привела къ разрушенію какъ самаго искусства, такъ и тѣхъ государствъ, въ которыхъ оно процвѣтало».

Вскорѣ Рескинъ понялъ безрезультатность подобныхъ призывовъ, обращаемыхъ къ промышленнымъ классамъ. Его заманчивымъ перспективамъ противопоставлялись «экономическіе законы», которыми-де управляется человѣческая жизнь и противъ которыхъ бунтъ безсиленъ, какъ противъ законовъ природы. Тогда онъ рѣшилъ ближе присмотрѣться къ этимъ «законамъ», и въ результатѣ пятилѣтняго одинокаго труда и размышленія онъ разсмѣшилъ однихъ и разсердилъ другихъ радикальной перестройкой всей системы экономической науки. Политическая экономія,—говорилъ онъ,—если она не есть просто апологія современной капиталистической и машинной промышленности, должна разсматривать всѣ формы человѣческаго труда; если она имѣетъ претензію направлять и регулировать человѣческую жизнь, она должна принять во вниманіе всѣ потребности человѣческой природы, духовныя не менѣе, чѣмъ матеріальныя, должна вести человѣчество къ счастью, а не къ накопленію сомнительнаго достоинства фабрикатовъ. Законъ конкуренціи не есть законъ, потому что имъ опредѣляются

не всѣ людскія отношенія. Законъ спроса и предложенія не есть законъ, потому что ему подчинена не вся область человѣческаго труда, и нелѣпо утверждать, что Дюреръ, затрачивая трудъ даромъ на лучшія свои произведенія, самъ предъявлялъ спросъ на нихъ.

Всю свою критическую работу надъ экономическими теоріями Рескинъ производилъ въ тяжеломъ душевномъ состояніи, угнетаемый мыслью о жестокой несправедливости соціальнаго строя. «Покой, въ которомъ я въ настоящее время нахожусь,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ,—подобенъ тому, какъ если бы я зарылся въ кустъ травы на орошенномъ кровью полѣ битвы, вопль земли непрестанно въ моихъ ушахъ, если я не прячу своей головы на самое дно». И нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе опять: «Мнѣ все еще очень плохо, я мучусь между жаждой покоя, пріятной жизни и страшнымъ сознаніемъ, что меня зовутъ противостоять человѣческому злодѣйству и помочь человѣческой нищетѣ, хотя мнѣ кажется, что безнадеженъ этотъ призывъ изъ кровавой рѣки, которая только можетъ смыть меня въ свою черную гущу» *). Это мучительное состояніе отвѣтственности за торжествующее кругомъ зло продолжалось у него много лѣтъ. Предпринявъ серію писемъ—нѣчто въ родѣ «дневника писателя»—«къ великобританскимъ рабочимъ и труженикамъ» въ самый разгаръ осады Парижа пруссаками Рескинъ пишетъ: «Я человѣкъ не свободный отъ эгоизма, я живу не по Евангелію; мнѣ не доставляетъ особеннаго удовольствія дѣлать добро; дѣлая добро, я не прочь ждать воздаянія за это въ иномъ мірѣ. Но просто я не могу ни рисовать, ни читать, ни разсматривать минералы, ни вообще дѣлать что-нибудь, что я люблю, я ненавижу ясный свѣтъ утренняго неба, вслѣдствіе бѣдствій, о которыхъ я знаю или догадываюсь по признакамъ, если не знаю о нихъ, которыя никакое воображеніе не можетъ представить себѣ въ слишкомъ черномъ видѣ». Но здоровой, энергичной натурѣ Рескина несвойственно было посыпать пепломъ главу и предаваться пессимистическимъ ламентаціямъ. «Отнынѣ,—прибавляетъ онъ сейчасъ,—я не хочу больше спокойно переносить это, и вмѣстѣ съ немногими или многими, которые захотятъ помочь мнѣ, я буду дѣлать все, что въ моихъ слабыхъ силахъ, чтобы уничтожить эти бѣдствія». Но прежде всего нужно выяснить свое положеніе и свою точку зрѣнія. «Моя особенная радость въ послѣднее время была связана съ исполненіемъ извѣстнаго долга. Мнѣ поручено было приложить старанія, чтобы наша англійская молодежь нѣсколько подумала объ искусствѣ; и я долженъ напрягать всѣ силы для исполненія этого дѣла. Съ этою цѣлью я долженъ очистить себя отъ всякаго чувства отвѣтственности за матеріальныя бѣдствія кругомъ меня, выяснивъ вамъ, разъ навсегда, самымъ внятнымъ англійскимъ языкомъ, какимъ я только могу, что я знаю объ ихъ при-

*) Collingwood, II, 7.

чинахъ, и указавъ вамъ нѣкоторые изъ способовъ, которыми они могутъ быть устранены» *).

Для исцѣленія міровыхъ золъ Рескинъ не надѣется, какъ другіе утописты, на взаимодѣйствіе свободныхъ личностей и на торжество равенства. Онъ принадлежитъ къ другой категоріи соціальныхъ мечтателей. Какъ Макіавелли, Гоббсъ, Жозефъ де-Местръ и Карлейль, онъ глубоко убѣжденъ, что свобода ведетъ къ анархіи и торжеству злыхъ, что Провидѣніе создало людей неравными въ самыхъ основахъ ихъ духовной природы, и поэтому идеальное общество представлялось ему не въ видѣ непринужденнаго союза братски относящихся другъ къ другу индивидуумовъ, а въ видѣ принудительной, почти деспотической феодальной іерархіи, которая должна осуществлять въ средѣ своихъ членовъ счастье помимо, а въ случаѣ надобности и противъ ихъ воли **). Государство должно регулировать всѣ отношенія между людьми, начиная съ брачныхъ: счастливымъ человѣчество можетъ быть только при условіи здоровья, а здоровье прежде всего зависитъ отъ благопріятной комбинаціи наслѣдственности; поэтому государственная власть должна не только запрещать прямо вредные въ общественномъ смыслѣ браки, но и во всѣхъ брачныхъ союзахъ регулировать возрастъ, характеръ, физическія и нравственныя качества брачущихся. Происшедшимъ отъ такихъ нормированныхъ союзовъ дѣтямъ государство должно гарантировать высшее образованіе, какое только каждый способенъ вмѣстить, и никакія матеріальныя жертвы не должны казаться слишкомъ большими, чтобы дать развиться всѣмъ полезнымъ способностямъ, чтобы вызвать наружу всѣ таланты, въ какой бы то ни было области: общество должно быть увѣрено, что «ни одинъ Джіотто не останется въ горахъ пасти овецъ». Но несмотря ни на какое образованіе и развитіе, человѣчество всегда будетъ дѣлиться по своей природѣ на господъ и подданныхъ, и почти всегда это будетъ соотвѣтствовать происхожденію. Всегда общество будетъ выдѣлять извѣстное количество преступныхъ натуръ, которымъ будутъ поручаться самыя тяжелыя, унизительныя и опасныя работы, и даже отвращеніе цивилизованнаго общества къ смертной казни Рескинъ считаетъ фальшивой сентиментальностью. Выше преступниковъ, но ниже всѣхъ остальныхъ будутъ люди, неспособные ни на какой другой трудъ, кромѣ чисто физическаго, а въ глазахъ Рескина это признакъ и условіе рабства; эти рабы будутъ рудокопами, кочегарами, матросами и т. п. Далѣе идутъ уже болѣе почтенныя и интеллигентныя занятія: земле-

*) „Fors Clavigera", I, letter 1.

**) Свою схему идеальнаго общественнаго строя Рескинъ излагаетъ въ „Time and Tide", но многія частности и отдѣльныя мысли разбросаны почти по всѣмъ его сочиненіямъ.

дѣліе и ремесла. Послѣднія уже могутъ быть связаны съ изобрѣтательностью и искусствомъ, а потому это уже вполнѣ благородная дѣятельность. Земледѣліе, какъ и промышленность должны быть подъ бдительнѣйшимъ надзоромъ и руководствомъ государства. Надъ каждыми 100 семействами въ деревнѣ будетъ стоять нѣчто въ родѣ просвѣщеннаго сотскаго или добродѣтельнаго бурмистра, который обязанъ входить во всѣ подробности ихъ хозяйства, давать о нихъ ежегодный отчетъ государству, руководить, поучать, предостерегать и въ случаѣ надобности спасать отъ разоренія. Высшій же классъ будетъ держать всю власть и управлять низшими: самые сильные будутъ охранять законы и порядокъ; предусмотрительные будутъ нормировать производство и распредѣленіе богатствъ, такъ чтобы предохранить низшіе классы отъ нужды, бѣдствій и собственнаго безразсудства; ученые и художники будутъ заниматься своею профессіей, какъ общественной функціей; наконецъ родовая земельная аристократія сохранитъ свои обширныя помѣстья для представительства и будетъ исполнять свой общественный долгъ простымъ своимъ существованіемъ, украшая государство своимъ благородствомъ и высшей культурой. Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій спеціализаціи и раздѣленія труда, всѣ отъ низшаго до высшаго, не исключая сыновей короля, должны будутъ что-нибудь умѣть дѣлать собственными руками, и всѣ, за исключеніемъ развѣ высшей аристократіи, будутъ фактически принимать участіе въ физической работѣ. При этихъ примѣрно условіяхъ Рескинъ убѣжденъ, что будетъ обезпечено наибольшее количество возможнаго на землѣ счастья, взаимное благожелательство между высшими и низшими, чувство внутренней свободы и благородное соревнованіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, не имѣющее ничего общаго съ существующей нынѣ конкуренціей. Этой цѣной на землю опять сойдетъ красота, и возродится искусство, можетъ быть, великое и во всякомъ случаѣ народное.

Мы не будемъ оцѣнивать этой соціальной схемы. Она слишкомъ чужда намъ, чтобы стоило серьезно обсуждать ее. Кромѣ того, она слишкомъ утопична, чтобы быть опасной. Поставимъ лучше рядомъ съ Рескиномъ другого англійскаго дѣятеля, писателя и художника, который также глубоко любилъ искусство, также сильно чувствовалъ жестокость и несправедливость современнаго рабства и также энергично призывалъ къ лучшему будущему, но былъ антиподомъ Рескина по своимъ идеаламъ.

Вильямъ Моррисъ (1834—1896).

У насъ до половины столѣтія колыбелью всякой поэзіи и идеализма была помѣщичья усадьба, на фонѣ трагической идилліи крѣпостного права. Такъ точно въ Англіи въ тотъ же періодъ времени наиболѣе

оригинальные и одаренные люди, писатели, мыслители, художники выходили изъ богатыхъ семействъ торговой и промышленной буржуазіи, завоевавшей міровой рынокъ своей упорной энергіей и предпріимчивостью, своею корректною дѣловитостью въ торговыхъ сдѣлкахъ и поработившей своихъ собственныхъ производителей такимъ же упорнымъ корыстолюбіемъ и эгоизмомъ. Рескинъ былъ сынъ виноторговца, оставившаго ему болѣе полутора милліона рублей наслѣдства. Вильямъ Моррисъ былъ сынъ банкира, и накопленное отцомъ состояніе дало сыну возможность впослѣдствіи не заботиться о хлѣбѣ насущномъ на завтрашній день и широко поставить свои художественно-промышленные эксперименты.

Счастливое дѣтство въ дружной семьѣ, совсѣмъ не стѣснительная школьная дисциплина, увлекательныя скитанія по обширнымъ вѣковымъ лѣсамъ вокругъ загородной резиденціи, весьма опредѣленная съ самаго дѣтства любовь къ романтической старинѣ и фантазированію, не стѣсняемому предѣлами возможнаго, необыкновенная зрительная память,—всѣ эти данныя съ самаго начала могли внушить мысль, что Вильяму Моррису предстоитъ будущность художника. Дѣйствительно, артистическія наклонности сказывались въ немъ съ раннихъ поръ, но ему казалось, что его зоветъ другое призваніе: онъ поступилъ въ оксфордскій университетъ съ намѣреніемъ посвятить себя духовной карьерѣ, и вокругъ него группировался цѣлый кружокъ друзей, въ томъ числѣ будущій знаменитый художникъ Бернъ-Джонсъ, увлекавшихся идеей о монастырскомъ общежитіи съ цѣлью борьбы противъ матеріализма вѣка путемъ духовно-нравственнаго возрожденія человѣчества. Скоро, однако, артистическія тенденціи превозмогли, и проектъ монастырскаго общежитія эволюціонировалъ въ проектъ художественнаго братства, нѣчто въ родѣ артели, также съ нравственно-преобразовательными задачами, осуществляемыми при помощи искусства. Рѣшающимъ литературнымъ вліяніемъ было вліяніе Рескина, его завершенныхъ къ тому времени «Современныхъ художниковъ» и особенно «Камней Венеціи», гдѣ искусство освѣщалоеь съ такой новой стороны. Моррисъ рѣшаетъ сдѣлаться архитекторомъ, но безнадежная ремесленность современной архитектурной практики оттолкнула его отъ этой дѣятельности. Вскорѣ Моррисъ вмѣстѣ съ Бернъ-Джонсомъ попадаютъ въ сферу личнаго вліянія знаменитаго Россетти, одного изъ трехъ иниціаторовъ прерафаэлитскаго братства, по направленію своего таланта особенно близкаго къ идеямъ Рескина и пользовавшагося неизмѣнной симпатіей и поддержкой послѣдняго. По убѣжденію Россетти, на свѣтѣ существуетъ лишь одно достойное человѣка занятіе—живопись. Хотя онъ самъ былъ выдающимся поэтомъ, но утверждалъ, что въ литературѣ уже все сказано, тогда какъ въ живописи еще все остается сказать, что человѣчество раздѣляется на двѣ части: назначеніе однихъ—

писать картины, назначеніе другихъ, которые этого не могутъ—покупать картины. Идея о нравственно-возрождающемъ вліяніи искусства на человѣчество была въ высшей степени дорога прерафаэлитамъ, и это-то главнымъ образомъ и привлекало молодыхъ оксфордскихъ друзей къ Россетти. Руководство послѣдняго для Бернъ-Джонса оказалось рѣшающимъ: онъ посвятилъ себя живописи, не только какъ профессіи, но какъ нравственной миссіи. Но Моррисъ, несмотря на свои выдающіяся способности къ рисованію и особенно сильное чувство красокъ, не могъ спеціализироваться и въ этой отрасли искусства. Чтобы искусство могло выполнить роль, которая ему подобаетъ, по мнѣнію Морриса, оно должно проникать всю жизнь. Картины, которыя развѣшиваются въ галлереяхъ или по стѣнамъ частнымъ жилищъ, могутъ сами по себѣ быть очень хороши, но это оазисы, исчезающіе въ безконечно унылой пустынѣ прозаической жизни, лишенной въ наше время всякаго элемента живой красоты. Независимо отъ Рескина, авторитетъ котораго только санкціонировалъ вкусы Морриса, послѣдній возвращался мыслью къ готическому періоду среднихъ вѣковъ, когда каждое ремесло было искусствомъ, когда дѣятельность творческаго воображенія, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ людямъ, не была подавлена чрезмѣрнымъ трудомъ и находила приложеніе въ производствѣ самыхъ обыденныхъ предметовъ, какъ и самыхъ праздничныхъ, отъ прялки въ крестьянской хатѣ до неподражаемыхъ витражей и скульптурныхъ порталовъ гигантскихъ соборовъ.

Какъ и Рескинъ, Моррисъ никогда не могъ хранить свои завѣтныя убѣжденія про себя, въ видѣ частнаго достоянія, и не сдѣлать попытки убѣдить въ томъ другихъ и даже провести свои взгляды въ жизнь. Такъ, еще будучи ученикомъ Россетти и занимая съ Бернъ-Джонсомъ одно помѣщеніе, онъ задумалъ обзавестись мебелью по собственному вкусу и совершенно устранить отвратительную для него магазинную красоту. На этомъ скромномъ опытѣ онъ воочію увидѣлъ, насколько современный ремесленникъ не похожъ на средневѣковаго: исполненіе самыхъ простыхъ чертежей, отличныхъ отъ модныхъ шаблоновъ, встрѣчало часто непреодолимыя затрудненія, потому что ремесленники считали ихъ безобразными и старались подогнать подъ свои рутинные образцы, освященные рыночнымъ спросомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Моррисъ задумалъ произвести опытъ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Заручившись содѣйствіемъ самыхъ выдающихся художниковъ, своихъ друзей, въ томъ числѣ Россетти, Мэдокса Броуна, Бернъ-Джонса, архитектора Филиппа Уэбба, онъ предпринялъ постройку собственнаго дома (извѣстнаго «Red House»), внѣ Лондона, съ тѣмъ, чтобы не только самый домъ, но каждая вещь обстановки, до мельчайшихъ подробностей, были исполнены по оригинальнымъ рисункамъ. Принципъ, положенный въ основу всей этой работы, заклю-

чался прежде всего въ простотѣ и цѣлесообразности; каждый предметъ долженъ былъ возможно лучше исполнять свое практическое назначеніе, и въ зависимости отъ этого уже допускалось придавать ему изящную форму или декорировать его, какъ подсказывала художнику его фантазія; всякое подражаніе стариннымъ образцамъ было совершенно устранено. Для всѣхъ участниковъ предпріятія это была не просто заказная работа, а интересный, увлекательный опытъ: въ ихъ письмахъ постоянно встрѣчаются обсужденія, оцѣнки различныхъ подробностей; Бернъ-Джонсъ въ одномъ изъ такихъ писемъ съ восторгомъ восклицаетъ, что «Red-House»—это «самое прекрасное мѣсто на землѣ».

Выполненіе художественныхъ проектовъ и въ данномъ случаѣ было очень затруднительно, потому что за неимѣніемъ артистически развитыхъ мастеровъ приходилось отдавать заказы обычнымъ торговымъ фирмамъ, которыя съ величайшимъ презрѣніемъ относились къ нелѣпымъ съ точки зрѣнія ихъ практики затѣямъ чудаковъ, не желающихъ довольствоваться общепризнанной красотой въ стилѣ «ампиръ», «буль», «рококо» и т. п. Отсюда въ кружкѣ Морриса возникъ проектъ основать на паяхъ компанію для производства по возможности въ собственныхъ мастерскихъ или по крайней мѣрѣ подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ всевозможныхъ предметовъ прикладного искусства. Такимъ образомъ возникла знаменитая впослѣдствіи художественно-промышленная фирма «Моррисъ и К°», которая по свидѣтельству вѣскихъ наблюдателей «измѣнила видъ половины лондонскихъ домовъ и замѣнила безобразіе искусствомъ по всему лицу Англіи*)». Для воспитанія общественнаго вкуса въ желательномъ для Морриса направленіи изъ всѣхъ продуктовъ фирмы особенное значеніе имѣли многочисленные церковные витражи, исполненные большею частью по рисункамъ Бернъ-Джонса и достигшіе такой красоты, какой они не имѣли уже со времени Дюрера, и бумажные обои по рисункамъ самого Морриса: первые были доступны всѣмъ и каждому по своему назначенію, вторые по своей сравнительно невысокой цѣнѣ получили широкое распространеніе въ Англіи. Въ общемъ, однако, произведенія фирмы (ковры, гобелены, израсцы, мебель и др.), при всей своей красотѣ и при всемъ своемъ практическомъ достоинствѣ, остались достояніемъ лишь небольшого круга богатыхъ покупателей или художественно-промышленныхъ музеевъ, т.-е. имѣли также мало права претендовать на роль народнаго искусства, о которомъ Моррисъ мечталъ, какъ и вообще всякое искусство новѣйшаго времени**). Въ этомъ

*) Aymer Vallance „William Morris, his Art, Writings and Public Life“, London, 1898, стр. 144.

**) Достаточно указать хотя бы на цѣны изданій Морриса (знаменитая марка „Kelmscott Press“), которымъ онъ отдалъ послѣдніе годы своей жизни

отношеніи, впрочемъ, Моррисъ нисколько не обманывался. Дешевое искусство онъ считалъ неосуществимой утопіей, такъ какъ художественное производство по существу своему должно быть ручнымъ. Что подавляющее большинство людей не въ состояніи оплачивать дорогихъ предметовъ искусства, въ этомъ по мнѣнію Мориса виноватъ современный соціальный строй: противъ него безсильны художники въ своихъ произведеніяхъ. Цѣль, которую Моррисъ ставилъ своей фирмѣ, находится въ связи съ его ученіемъ о томъ, что только одно прикладное искусство, обнимающее всѣ стороны жизни, есть живое искусство, а музейныя картины и статуи, составляющія содержаніе современнаго искусства, это печальные признаки вымиранія, продуктъ вреднаго выдѣленія художественной дѣятельности въ спеціальную профессію.

Попутно Моррисъ получалъ цѣнныя наблюденія надъ способностью современныхъ рабочихъ къ художественной дѣятельности. Онъ исходилъ изъ принципа, что всѣ люди, за исключеніемъ рѣдкихъ аномалій, не только способны чувствовать и цѣнить красоту, но и обладаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ творческимъ дарованіемъ; если же въ настоящее время эти способности и дарованія атрофировались, то это результатъ антихудожественной обстановки, среди которой живетъ современный человѣкъ: стоитъ оградить его отъ притупляющаго вліянія господствующаго безобразія, и въ немъ снова проснутся артистическія силы, утраченныя было за отсутствіемъ упражненія. Моррисъ доказывалъ это положеніе практически тѣмъ, что никогда не подбиралъ для своихъ мастерскихъ спеціально одаренныхъ рабочихъ. Онъ держался въ этомъ отношеніи такой системы: когда въ какой-нибудь отрасли его производства требовались лишнія руки, онъ бралъ перваго попавшагося рабочаго, преимущественно мальчика и засаживалъ его за станокъ, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ не только объ его сытости, но и объ его умственномъ развитіи; при этомъ работа, которую ему давали въ руки, была не механическая, а требовала извѣстнаго вкуса, самостоятельности и полнаго пониманія воспроизводимаго рисунка художника. И за всю практику Морриса, болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю, ни разу не случилось, чтобы принятый въ мастерскую мальчикъ оказался неспособнымъ къ артистической работѣ *). Резуль-

---

весь комплектъ этихъ изданій въ количествѣ 53-хъ первоначально стоилъ около 1,500 руб., а по смерти Морриса продается почти втрое дороже; одно изъ самыхъ меньшихъ изъ нихъ—брошюра Рескина „О сущности готики“, которой Моррисъ придавалъ необыкновенно высокое значеніе, продается теперь за 2 гинеи (30 руб.), въ обыкновенномъ изданіи она стоитъ 1 шиллингъ (47 коп.).

*) J. W. Mackail, „Tch Life of William Morris“ London, New-York and Bombay 1899, II, 47—48; также Vallance, 121.

татъ этотъ вполнѣ согласуется съ наблюденіями Рескина и подтверждаетъ его убѣжденіе, что обстановка жизни мощно вліяетъ на развитіе въ народѣ художественныхъ инстинктовъ.

Помимо напряженной дѣятельности въ области прикладного искусства, Моррисъ съ неменьшей энергіей, чѣмъ Рескинъ, велъ неустанную пропаганду въ пользу своихъ взглядовъ словомъ и перомъ. Не владѣя краснорѣчіемъ Рескина, онъ увлекалъ слушателей своей горячей любовью къ искусству, вѣрою въ хорошія стороны человѣческой природы. Очень долгое время, до сорокалѣтняго возраста, Моррисъ считалъ, что общественная дѣятельность не его область. Онъ причислялъ себя «къ тому обширному классу людей—смирныхъ людей, которые дѣлаютъ свое прямое практическое дѣло (business), обращая на общественныя дѣла меньше вниманія, чѣмъ они того требуютъ». Какъ поэтъ, какъ художникъ онъ жилъ въ давно прошедшихъ вѣкахъ: легендарный міръ славнаго короля Артура и его Круглаго Стола, міръ суровыхъ викинговъ, заселившихъ Исландію, міръ средневѣковыхъ наивныхъ хроникъ и великихъ готическихъ соборовъ былъ ему ближе, чѣмъ прозаическая Англія XIX-го вѣка, и если онъ въ своихъ поэмахъ изрѣдка мысленно обращается къ современности, то только за тѣмъ, чтобы бросить ей упрекъ въ безобразіи. Построить себѣ дворецъ искусства, въ которомъ онъ и нѣсколько единомышленниковъ-друзей могли бы оградить себя отъ этого безобразія, предоставить и другимъ возможность, если они того желаютъ, окружить себя истинно прекрасными предметами—вотъ цѣль, которую ставилъ себѣ Моррисъ. Но безвкусіе и безобразіе окружающей жизни наполняли атмосферу, какъ болотные міазмы отъ которыхъ не ограждаетъ ни высокая дворцовая стѣна, ни тщательно воздѣланный садъ вокругъ. Логикой вещей онъ былъ втянутъ въ водоворотъ тревогъ и волненій внѣшняго міра, былъ принужденъ прислушаться къ его жалобамъ, составить себѣ систему общественныхъ взглядовъ и взять на себя свою часть въ великой промышленной битвѣ. «Что онъ не колебался, на чью сторону стать и съ кѣмъ соединить свой жребій, этому нельзя удивляться, если принять во вниманіе цѣлостность его натуры», такъ говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ сотрудниковъ Морриса, извѣстный художникъ Уалтеръ Крэнъ *).

В. Дегенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Vallance. 227.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

(Окончаніе *).

XXII.

Въ праздничные дни, особенно въ длинные, зимніе вечера, мнѣ случалось быть свидѣтелемъ арестантскихъ забавъ. Изъ таковыхъ наиболѣе привлекали меня *пляски* и *сказки*. Ихъ попробую описать въ отдѣльности, насколько память моя не измѣнитъ мнѣ. Но я долженъ сознаться, что, замышляя это, я стою едва ли не передъ самой трудной задачей предпринятаго мною труда, и что только побуждаемый горячимъ желаніемъ записать хоть что-либо изъ видѣнныхъ мною этихъ удивительныхъ зрѣлищъ, я отваживаюсь прикоснуться къ описанію ихъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ. Эти невинныя развлеченія производили всеобщее оживленіе толпы, какъ бы ими вырывавшейся на свободу, людей, замученныхъ тяжкой неволей. Много забыто въ жизни, но не все.

Въ пляскѣ принимали живое участіе, какъ зрители, болѣе или менѣе всѣ арестанты, но помѣщеніе для этого зрѣлища было неудобное по тѣснотѣ пространства. Пляски производились въ среднемъ проходѣ—въ болѣе глубокой части его, т.-е. во второй половинѣ отъ входа изъ сѣней,—такъ что хорошо любоваться этимъ зрѣлищемъ могли только жители нижнихъ и верхнихъ наръ задней половины казармы, но пляски привлекали всѣхъ, и все свободное пространство на нижнихъ и верхнихъ нарахъ наполнялось всѣми живущими въ казармѣ. Освѣщеніе отъ маленькихъ лампъ было очень слабое, потому во всемъ отдѣленіи для плясокъ устраивалось оно помощью зажигаемыхъ камышевыхъ лучинъ. Высокіе тростники камышей, которыми топилась печь, приносимы были въ достаточномъ количествѣ, чтобы ярко освѣтить впродолженіи небольшого времени темную, плясочную арену. Все готово. Ударили въ дѣ балалайки плясовую, но никто сейчасъ не выходилъ, тогда стали заохочивать, припѣвая подъ ладъ разныя слова:

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

Ой, вы наши молодцы, что стоите удальцы?
Выходите прогуляться, дать собой полюбоваться!..

Балалайки гремѣли громче, припѣвы съ разными присочиняемыми тутъ же словами продолжались.

Вотъ, выступилъ одинъ, повидимому старикъ, но съ первыхъ пріемовъ, какъ развернулся, сразу помолодѣлъ и заинтересовалъ всѣхъ. Онъ прошелся разъ—два и остановился на своемъ прежнемъ мѣстѣ, поджидая... Балалайки бренчали. Насупротивъ его выходитъ одинъ изъ стоявшихъ—тоже уже немолодой. Онъ выпрямился, подбоченясь и поднявъ голову, потопталъ ногами и бросился въ живую пляску; плясавшій прежде выступилъ снова, и, обмѣнявшись выходами нѣсколько разъ, они отошли въ толпу. Балалайки не переставали бренчать, лучины камышинъ дружно вспыхивали, подпѣвалы пѣли, присочиняя все разныя слова. Выходитъ юноша, какъ молодица—маленькій ростомъ, бѣлый, красивый, круглолицый,—онъ въ кандалахъ! Вышелъ, сталъ, смотритъ на всѣхъ и задумался. При музыкѣ и пѣсняхъ, онъ встрѣченъ громкими возгласами привѣтствій, и подпѣвалы запѣли подъ ладъ балалаекъ:

Степа, Степа! Нашъ голубчикъ, нашъ плясунчикъ золотой!

(Это былъ вышеупомянутый юный Степанъ Колюжный).

Потоптавшись на мѣстѣ съ поднятой гордо головой, побренчавъ кандалами, онъ выскочилъ на середину арены и пустился выдѣлывать съ чрезвычайной быстротой и ловкостью своеобразныя, ему одному только свойственныя увертки—выворачивая пятками, стуча каблуками, выкидывая впередъ то ту, то другую ногу и въ это время подскакивая, ударяя въ ладоши подъ колѣнами, то раздвигая ноги съ откинутой назадъ головой, то сближая ихъ вновь, онъ хлопалъ пятками и ладошами. Затѣмъ прикидаваясь усталымъ, изнеможеннымъ, опускалъ голову на грудь и вдругъ, подскакивая, выпрямился и пускался въ присядку. Музыка бренчала звонко, хоръ запѣвалъ подхватывалъ:

Степа, Степа! Нашъ голубчикъ, нашъ плясунчикъ золотой!
Наша радость, нашъ молодчикъ! Нашъ красавчикъ дорогой!

Степа плясалъ... Отовсюду между пѣснями раздавались ликующіе крики одобренія, воодушевленіе было полное,—вдругъ онъ сталъ и замахалъ руками, желая сказать что-то... Все остановилось въ ожиданіи:

— О, то!—сказалъ онъ.—Подивитесь!—при этомъ онъ поднялъ и вытянулъ одну ногу—подошва сапога, оторванная спереди, висѣла на половинѣ ступни...

— Доплясался!—добавилъ онъ. Раздался хохотъ, и съ верхнихъ наръ упали внизъ двѣ пары сапоговъ.

— Надѣнь, надѣнь, пляши, пляши...

Онъ надѣваетъ сапоги, прохаживается, смотритъ вверхъ и говоритъ смѣясь: «добре!» И забренчали вновь балалайки, и Степа, забренчавъ

кандалами, возобновилъ пляску, выдѣлывая все новыя фигурки, не повторяясь. Затѣмъ остановился и сѣлъ.

Музыка и пѣніе затихли, настала тишина...

Всѣ чего то ожидали, вдругъ въ толпѣ стало повторяться чье-то имя, сначала шопотомъ, а потомъ все громче, и выразилось единодушными, неумолкавшими криками: Глущенко, Глущенко!

Сидѣвшій на нижнихъ нарахъ въ толпѣ Глущенко, обремененный тяжелыми звеньями, былъ лучшій танцоръ. Онъ всталъ и вышелъ на середину. Захлопали всѣ въ ладоши, забренчали звонко балалайки, и подпѣвалы запѣли:

Нашъ Глущенко богатырь! Намъ на славу богатырь!
Брамъ—брамъ—брамъ—брамъ—брамъ—брамъ.
Брамъ—брамъ—брамъ...

Сначала онъ, какъ и предыдущій, побренчалъ своими звеньями, потомъ, все болѣе и болѣе оживляясь, развернулъ всю свою мощь, производя со звономъ цѣпей самыя быстрыя, самыя ловкія движенія руками и ногами. Порою онъ, склонившись впередъ, пригибался смиренно, топчась и медленно подвигаясь, выглядывалъ какъ бы робкимъ взглядомъ и затѣмъ, вдругъ выпрямляясь, бурнымъ вихремъ кружился по аренѣ и, пріостановившись, пустился въ присядку, выбрасывая ноги, звонившія цѣпями.

По мѣрѣ все большаго оживленія веселящейся толпы балалайки бренчали еще громче, и пѣвцы, измышляя новыя восторженныя похвалы искусному танцору, пѣли:

Нашъ Глущенко, нашъ боецъ!
Молодецъ ты, молодецъ!
Брамъ—бамъ—бамъ, брамъ—бамъ!
Воинъ славный удалецъ
Брамъ—бамъ—бамъ...

Тутъ и Степа не вытерпѣлъ, выскочилъ снова съ своими дробными увертами и, крутясь, при наступательномъ движеніи, свободно, легко, едва прикасаясь къ полу, сталъ описывать круги вокругъ могучаго Глущенко, присядкою выступавшаго впередъ. Такъ продолжалась эта пляска съ различными варіаціями, сопровождаемая восторженными возгласами одобренія, хлопаньемъ въ ладоши и припѣваніями; наконецъ, оба устали и сѣли на нары. Музыка не переставала, пѣсни заохочивали снова, и выходили еще молодцы и плясали, и всѣ кричали и шумѣли веселымъ разгуломъ.

Откуда ни возьмись, появились чарки съ водкою и подносились сначала плясавшимъ, потомъ музыкантамъ и пѣвцамъ. Оживились музыка и пѣнье, запѣвалы пѣли вновь, и выходили вновь плясуны, и между ними нашъ Еремка-пьяница; онъ хоть и съ прежними клеймами, но безъ кандаловъ, и пляска его была бурная—съ криками и визгами, онъ стучалъ ногами, сжималъ кулаки со злобнымъ взглядомъ

какъ бы увидя что передъ собою, и дикими ухватками, выступалъ подъ музыку и пѣнье, а запѣвалы пѣли:

Ай Ерема молодецъ,
Разудалый удалецъ!
Всюду былъ ты: за морями,
За кавказскими горами,
По всей Турціи прошелъ,
Нигдѣ мѣста не нашелъ
И опять сюда пришелъ.
И опять сюда пришелъ
Молодецъ ты молодецъ,
Разудалый удалецъ!

(Кто, то изъ зрителей тихо прошепталъ: «Ну, сорвался сорванецъ!») Вдругъ Ерема остановился, какъ вкопанный, лицо его покрылось мрачною думой и, отойдя, онъ сѣлъ на нары. Послѣ того выходили еще другіе и ихъ смѣняли новые танцоры—пляски продолжались, но мало-по-малу вниманіе утомлялось, лучины сгоравшія не смѣнялись новыми, нары вверху и внизу пустѣли, запѣвалы замолкли, и балалайки перестали бренчать.

Таковы, приблизительно, были пляски, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыми восхищался до забвенія всего. По прошествіи 48 лѣтъ въ одномъ изъ моихъ сочиненій, озаглавленномъ «Потокъ жизни», описывая періодъ этого времени, я писалъ:

Мои острожные друзья,
Мои товарищи былые!
Васъ не забыть, васъ помню я—
Вы предо мною какъ живые,
Мнѣ слышны ваши голоса
И ваши пѣсни, ваши сказки—
Ихъ слушалъ я не полчаса...
И ваши топанье и пляски,
Съ бряцаньемъ на ногахъ цѣпей,
Подъ блескъ лучинъ изъ камышей.

XXIII.

Не разъ я упоминалъ уже о старикѣ Вороновѣ, который привлекалъ меня къ себѣ своими личными качествами. Мнѣ казалось въ немъ все интереснымъ: — его наружность, его деликатное обращеніе съ людьми, его складная, тихая, часто юмористическая рѣчь. Вороновъ, по виду, казалось, годами былъ старше всѣхъ жителей острога: высокаго роста, худой до костлявости, съ блѣдно-бѣлымъ лицомъ и бѣлыми, всегда чистыми руками, небольшой головой, покрытой негустыми, снѣжной бѣлизны сѣдыми волосами, какъ его усы и маленькая бородка. Несмотря на старые года, онъ былъ полонъ жизни, усердно шилъ платье, продавалъ его и тѣмъ зарабатывалъ себѣ деньги. За что осужденъ онъ былъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Въ моей па-

мяти онъ сохранился въ его болѣе обычномъ положеніи, сидящимъ на своихъ нарахъ за швейной ручной работой или стоящимъ на томъ же мѣстѣ съ высоко поднятою головой выступавшею надъ уровнемъ толпы людей, его окружавшей и съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшей его всегда оживленный разсказъ. Голосъ его былъ не сильный, но онъ былъ достаточно слышенъ по всей вокальной залѣ нашей казармы. Кельхинъ былъ его vis a vis по нарамъ въ самой срединѣ этого помѣщенія, и мы вдвоемъ часто сиживали подлѣ работавшаго и всегда болтливаго Воронова. Онъ любилъ разговоръ и много разсказывалъ о своей прошедшей жизни. Посторонніе люди, проходившіе мимо, нерѣдко останавливались и слушали его. Изъ его разсказовъ о быломъ, — чего онъ былъ свидѣтелемъ въ долголѣтней его жизни, запечатлѣлся въ моей памяти болѣе всѣхъ одинъ, который я и желалъ бы представить здѣсь — хотя бы въ его основномъ остовѣ.

Въ его ранней молодости—ему было, по его словамъ, можетъ быть, лѣтъ 16, онъ жилъ въ Москвѣ, при своемъ дѣдушкѣ, который былъ дворникомъ въ домѣ князя Голицына, (сколько мнѣ помнится). Это было во время нашествія французовъ, въ 1812 году и они оставались въ Москвѣ во время всего пребыванія тамъ Наполеона. Домъ ихъ господъ занятъ былъ кавалерійскимъ отрядомъ какого то маршала, со всѣмъ его штабомъ; французскія войска, поселившись тамъ, оказывали его дѣдушкѣ уваженіе и съ нимъ—мальчикомъ обращались шутливо. Порядокъ былъ во всемъ; дѣдушка угощалъ французовъ, запасами винъ и водокъ изъ большого погреба, за что они платили ему большія деньги. Такъ было во все время пребыванія французовъ. Языка ихъ онъ не понималъ, но видѣлъ, что всѣ они были тревожны.

Москва горѣла, и никто не зналъ, откуда эти пожары; было что-то зловѣщее, горѣли и барки на рѣкѣ Москвѣ, въ которую наши войска, уходя, затопили бывшія въ арсеналѣ пушки, ружья, сабли и огромные провіантскіе запасы; съѣстныхъ припасовъ въ ихъ домѣ было мало, и они берегли ихъ, чтобы не остаться безъ пищи. Дѣдушка не отлучался почти изъ дома. Безпрестанно пріѣзжали верховые съ приказаніями, и тревожное состояніе все усиливалось. Были толки, которыхъ онъ не понималъ.—Въ одинъ день вдругъ всѣ осѣдлали лошадей и оставили домъ. При уходѣ французовъ по направленію къ Драгомиловской заставѣ, русская конница, съ казаками впереди, въѣзжала съ другого конца въ Москву, и догнавъ французовъ, они кололи отставшихъ пиками. Тутъ дѣдушка заперъ ворота, опасаясь, чтобы домъ нашъ, сохранившійся въ цѣлости по уходѣ французовъ, не былъ разграбленъ казаками. Была глубокая осень,—погода холодная, грязная, и когда этотъ первый натискъ нашихъ конныхъ отрядовъ подвинулся впередъ преслѣдовать выступавшихъ, и

мѣсто на площади близъ дома опустѣло, они вдвоемъ вышли изъ воротъ и увидѣли лежащаго въ грязи, безъ чувствъ, молодого, хорошо одѣтаго француза. Дѣдушка очень опасался, чтобы его не убили.

— Надо спасти его, спрятать къ намъ въ домъ,—и вотъ, мы вдвоемъ—я поддерживалъ его ноги—понесли его въ нашъ дворъ. Мы успѣли его внести и заперли ворота.

Раненный французъ имѣлъ видъ очень молодой и не приходилъ еще въ себя. Мы внесли его въ комнаты, сняли съ него загрязненную верхнюю одежду. Дѣдушка пошелъ за бѣльемъ. Я остался одинъ съ лежащимъ на диванѣ французикомъ и увидѣлъ вдругъ, что это молоденькая дѣвушка... Я побѣжалъ къ дѣдушкѣ и закричалъ: «Дѣдушка, дѣдушка! Это француженка». Онъ схватилъ бѣлье и побѣжалъ къ ней.

Мы ее раздѣли, перемѣнили бѣлье, положили на постель, прикрыли одѣялами, затопили печь и напоили ее чаемъ, и она, очнувшись, смотрѣла и ничего не говорила. Затѣмъ мы приготовили кушать, что было. Въ погребѣ нашлись еще остатки вина, и мы дали ей выпить. Понемногу она заговорила что-то и заплакала. Потомъ выражала намъ свою благодарность улыбкою и поцѣловала руку дѣдушки. Ранена она была копьемъ въ спину, и мы ее мыли грѣтой водой и прикладывали чистыя тряпки, и она, какъ видно, упала больше отъ испуга.

Москва быстро наполнилась нашими войсками, вступавшими черезъ Коломенскую заставу,—всѣ они стремились впередъ за французами и вслѣдъ за ними потянулись скоро возвращающіяся телѣги и экипажи московскихъ жителей. Изъ военныхъ многіе забѣгали въ свои дома и, освѣдомившись, продолжали походъ. Между такими былъ и шедшій съ ополченіемъ одинъ изъ молодыхъ князей Голицыныхъ; онъ постучалъ въ ворота, и когда увидѣлъ дѣдушку, бросился къ нему на шею съ радости. Онъ вошелъ въ комнаты, освѣдомился обо всемъ, и тогда дѣдушка разсказалъ ему о приключеніи со спасенной нами француженкой, которую онъ и полюбопытствовалъ увидѣть. Онъ благодарилъ дѣдушку за все и сказалъ, чтобы о больной заботились и сохранили ее до возвращенія его родителей.

Въ такомъ видѣ сохранился этотъ разсказъ въ моей памяти. Я слышалъ его въ 1850 году, не помышляя, къ сожалѣнію, о томъ, что я буду когда-нибудь его описывать, и теперь я удивляюсь, какъ мало я воспользовался совмѣстною жизнью моею съ такимъ рѣдкимъ сожителемъ, вмѣщавшимъ въ себѣ цѣлый архивъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ времени отечественной войны.

Разсказовъ Воронова было много;—въ нихъ онъ, по страсти говорить, мѣшалъ быль съ небылицею, дополняя и украшая разсказываемое своими вымыслами. Къ таковымъ принадлежатъ въ особенности его *сказки*, славившіяся извѣстностью въ нашемъ замкнутомъ мірѣ херсонскаго острога, но можно навѣрное сказать, что онѣ привлекали

бы огромную толпу во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни являлся разсказчикомъ.

Содержаніе ихъ разнообразно и многочисленно, и воспроизвести я не могу ни одной сказки, но самое говореніе его, настроеніе собравшейся около него толпы и общій характеръ видѣннаго и слышаннаго мною я очень бы желалъ возстановить, насколько это удастся мнѣ. Сказки его обыкновенно говорились подъ вечеръ въ праздничные дни, когда люди, не утомленные работой, никуда не торопились и бродили, не зная, что дѣлать.

О сказкѣ никогда не возвѣщалось, да и онъ самъ, полагаю, не зналъ того, и говорилъ, когда на него находила охота. Иногда его просили, вызывали на разсказы, и онъ рѣдко уклонялся отъ нихъ. Находившіеся вблизи его, видя его готовность, громко возвѣщали о томъ по обѣимъ казармамъ, и всѣ спѣшили занять поближе мѣсто, чтобы не только слышать, но и видѣть Воронова говорящимъ.

Говоря сказку, онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ на нарахъ, придвинувшись къ самому краю ихъ; голова его возвышалась надо всѣми, лицо оживлялось неподдѣльной мимикой, и голосъ его, всюду слышный, мѣнялся соотвѣтственно содержанію разсказа, также, какъ и выраженіе его лица; изображаемые имъ люди говорили каждый своимъ языкомъ, своимъ голосомъ. Лицо его становилось то смѣющимся радостнымъ, то угрюмымъ или страшнымъ. Проходившее по дѣламъ, или случайно ближайшее начальство—унтеръ-офицеры—равнымъ образомъ вовлекалось въ слушаніе. Тутъ забывались всѣ людскія отношенія и многія горести, пережитыя прежде, и всѣхъ привлекалъ одинъ интересъ чудеснаго, столь же по изящному, часто рифмованному говоренію, сколько и по фантастическому содержанію разсказа, часто съ примѣсью значительнаго юмора. Это былъ цѣлебный отдыхъ отъ безцвѣтной, однообразной жизни несчастныхъ заключенныхъ. Разсказъ талантливаго разсказчика выводилъ слушателей далеко за стѣны тюрьмы,—на волю, гдѣ передъ ними возникали картины природы, дѣйствія людей въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ—пылкихъ страстей, любви, злобы, отчаянія...

Сказки Воронова были всегда предшествуемы короткимъ предисловіемъ, обращеннымъ къ собравшимся слушателямъ, и предисловія эти съ первыхъ же словъ привлекали вниманіе. Мнѣ помнятся нѣкоторыя, и въ особенности одно изъ нихъ:

— Эхъ вы, братцы мои, братцы! Всѣ-то мы засидѣлись въ неволѣ; я ужъ старъ, облѣнился, многіе вышли, кому какъ придетъ, что Богъ дастъ! Не вѣчна неволя, какъ не вѣчны, не прочны дѣла людскія и ихъ рѣшенія писанныя. У Бога все близко, и не знаемъ мы ни дня, ни часа, когда жизнь наша измѣнится... Ну, слушайте, я буду вамъ правду говорить, чистую правду, маленко привираючи, конечно, приплетаючи, а вы уже сами разберете. Я выведу васъ, да и самъ вы-

скочу изъ тюрьмы на волю, позабавимся вмѣстѣ, такъ слушайте: то не волъ мычитъ, — человѣкъ сказку говоритъ... Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жили, были. .

Затѣмъ слѣдовалъ самый разсказъ, и столь увлекательный, что былъ слушаемъ всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ. Тишина была полная, звучалъ только одинъ его голосъ, чистый теноръ, прерываемый возгласами или смѣхомъ, или криками одобренія...

Слова лились изъ устъ разсказчика, глази его блистали какъ бы вдохновеніемъ, рѣчь его то лилась потокомъ, то пріостанавливалась и затѣмъ возобновлялась съ новымъ увлеченіемъ.

XXIV.

Однажды — это было, сколько мнѣ помнится, зимою, въ концѣ 1850 года, въ одинъ изъ будничъ дней, когда арестанты только что возвратились съ утреннихъ работъ, и я взошелъ на верхнія нары къ своему мѣсту, чтобы взять свою посуду для пищи. Вслѣдъ за мной пришелъ и Мехмедъ, у него въ рукѣ былъ какой-то узелокъ. Онъ показалъ мнѣ на него съ довольнымъ видомъ и сказалъ: «У насъ сегодня будетъ хорошій ужинъ». На вопросъ мой, что это у него, онъ мнѣ сказалъ по-турецки: «Это кусокъ мяса». На вопросъ—откуда?— онъ отвѣтилъ: «Аллахъ верды!» (Богъ послалъ). Я удивился и, покачавъ головой, сказалъ ему: «Ты стащилъ на базарѣ!»—«Ну, да,—отвѣтилъ онъ,—никто не замѣтилъ, и я благополучно принесъ его къ намъ; теперь надо позаботиться приготовить его къ ужину».—«А что скажетъ мулла?» спросилъ я его. «А, онъ, конечно, будетъ ругать меня, а потомъ будетъ ѣсть со всѣми, и всѣ будутъ рады».

Затѣмъ онъ исчезъ, и я его до вечера не видѣлъ. Насталъ вечеръ, и арестанты вновь возвратились съ работъ, и, когда я шелъ съ моею посудою въ кухню, меня остановилъ одинъ изъ турокъ—это былъ знакомый Джурга—и сказалъ мнѣ:

— У насъ сегодня хорошій, сытный ужинъ, и наши земляки всѣ послали меня предупредить васъ и просить пожаловать къ намъ на вечернюю трапезу.

Объ утреннемъ разговорѣ моемъ съ Мехмедомъ онъ ничего не зналъ. Я въ этомъ былъ почти увѣренъ и потому спросилъ, какъ это и по какому случаю у нихъ сегодня хорошій ужинъ. Онъ отвѣтилъ, усмѣхаясь:

— Не знаю, что мнѣ вамъ сказать; придете къ намъ—тамъ мулла вамъ скажетъ все. Приходите же сейчасъ.

Я пошелъ было поставить мою посуду наверхъ, но подумалъ, что, можетъ быть, взять ее съ собою, и съ нею, какъ былъ, пошелъ вслѣдъ за Джургой. Группа турокъ въ теченіе нѣкотораго времени вся мало-

по-малу перемѣстилась на другое мѣсто, тамъ же внизу, но съ правой стороны казармы, у самой задней стѣны зданія. Всѣ перебрались туда, кромѣ Мехмеда, который остался моимъ сосѣдомъ на верхнихъ нарахъ противоположной отъ нихъ стороны. Туда я пришелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Джургою и засталъ ихъ всѣхъ сидящими вокругъ большого чугуна, казалось, только что вынутаго изъ русской печи. Тутъ собралась вся ихъ семья, и старый Османъ пришелъ къ нимъ изъ отдѣленія неспособныхъ. Они еще не начинали ужинать. Всѣ они имѣли довольный видъ, болтали, кромѣ муллы, который сидѣлъ задумавшись. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и взаимныхъ любезностей, я поблагодарилъ ихъ за приглашеніе и полюбопытствовалъ спросить о причинѣ собранія ихъ всѣхъ на ужинъ; тогда мулла сказалъ:

— Мнѣ не легко отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ. Я долженъ вамъ многое объяснить, и потому позвольте отложить это объясненіе до окончанія ужина. Какъ видите, горячій супъ, съ такимъ стараніемъ приготовленный Османомъ, стынетъ, и ожидающіе ужина всѣ голодны. Будемъ сначала кушать, а потомъ уже говорить, и мнѣ предстоитъ обсудить многое, касающееся жизни всѣхъ насъ въ острогѣ. Будемъ кушать,—сказалъ онъ и протянулъ руку ко мнѣ за моею посудою.

Онъ налилъ мнѣ полную чашку крѣпкаго, густого отвара мяса, приправленнаго картофелемъ, морковью, разными кореньями и пряностями. Супъ своимъ видомъ и запахомъ возбуждалъ аппетитъ, и всѣ застольники, молча, принялись за ѣду. Затѣмъ, многіе, вкушая отмѣнный супъ, выражали свое удовольствіе Осману, приготовившему его. Послѣ первой порціи были наливаемы вторыя, но нѣкоторые уже просили полупорціи. Потомъ были вынуты изъ супа куски жирной говядины и порѣзаны на деревянной доскѣ. Каждый бралъ себѣ и повторно, сколько хотѣлъ, такъ какъ мяса была цѣлая гора. Восхваляемый ужинъ былъ сопровождаемъ оживленною бесѣдой. Послѣ ѣды всѣ замолкли, и, казалось, наступилъ часъ отдохновенія, тогда мулла поднялъ отложенный вопросъ.

— Теперь я считаю своимъ долгомъ, — сказалъ онъ, — обсудить многое... Причиной, или лучше, виновникомъ, какъ вамъ извѣстно, нашего ужина былъ одинъ изъ насъ... Хотя и совѣстно, но надо признаться, что нашъ землякъ Мехмедъ, вашъ сосѣдъ по ночлегу,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — большой плутъ... Представьте, что онъ совершилъ сегодня: вернувшись съ утреннихъ работъ, онъ принесъ съ собой кусокъ мяса... Конечно, никто ему не подарилъ, а онъ стащилъ съ лотка, укралъ у торговца и принесъ въ казарму. Мы всѣ узнавъ о случившемся, пристыдили его, но онъ виновнымъ себя не призналъ, пожималъ плечами и, смѣясь, утверждалъ, что голодному можно украсть пищу. На этомъ разсужденіи нашемъ и его оправданіи мы остановились утромъ, а потомъ всѣ должны были вновь вы-

ходить на работу, а между тѣмъ тутъ возникъ и другой вопросъ—спѣшный,—что дѣлать съ принесеннымъ имъ большимъ кускомъ мяса? Самое лучшее, по моему, было бы бросить его, пусть Мехмедъ дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, но наши земляки, какъ и всѣ живущіе здѣсь, съ аппетитомъ, единогласно порѣшили—сварить на ужинъ хорошій супъ и вотъ, достали у кашеваровъ картофеля, моркови, крупы, кореньевъ, перцу и пряностей, и тамъ же въ кухнѣ Османъ приготовилъ намъ ужинъ. Такимъ образомъ состоялся сегодняшній ужинъ, но я бы желалъ, чтобы такихъ ужиновъ у насъ больше не было. Если въ острогѣ пища и не очень сытна, то все же мы не умираемъ съ голода. Мехмедъ развѣ больше страдаетъ, чѣмъ всѣ здѣсь живущіе, что ему дозволяется нарушать законъ! Мы всѣ, благодаря Бога, живы и здоровы на этой пищѣ, а въ праздничные дни насъ кормятъ хорошо благотворители, и мы въ русской тюрьмѣ не обижены ничѣмъ передъ другими, даже готовящіе обѣдъ насъ, чужестранцевъ, надѣляютъ какъ бы болѣе щедрой рукою.

Мехмедъ, слыша эти слова, покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ, ударяя себя рукою въ грудь, воскликнулъ:

— Бисмильлягир-рахмани (во имя Бога всемилостиваго)! я никогда не сдѣлалъ бы того на свободѣ!

— Слышали вы, что онъ сказалъ?! Нѣтъ, друзья мои, никогда, никто изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, въ неволѣ ли, въ плѣну или на свободѣ, не долженъ творить беззаконія, но всякій долженъ себя вести одинаково честно. Всюду, во всѣхъ странахъ, кража признается постыднымъ грѣхомъ, по нашему мусульманскому шаріату и по русскому закону. Я вѣрю словамъ Мехмеда, что прежде, на свободѣ, онъ такъ не поступалъ, но я боюсь за него, чтобы онъ за этотъ долгій срокъ нашего здѣшняго плѣненія не испортился совсѣмъ, дурныя привычки легко усвояются... пожалуй, и водку станетъ пить...

Мехмедъ слушалъ съ безпокойствомъ. Ему хотѣлось прекратить оскорбительную для него рѣчь муллы, онъ порывался говорить и наконецъ смиреннымъ голосомъ проговорилъ:

— Я никогда болѣе не буду такъ поступать!..

— Ну, вотъ такъ, это лучше. Простимъ ему въ этотъ разъ и предадимъ забвенію нашъ сегодняшній ужинъ. Будемъ жить мирно, благочестиво въ неволѣ (это воля Божія) и не очернимъ нашу жизнь никакими грязными дѣлами, тогда и выйдя на волю, мы будемъ достойны лучшей жизни и будемъ чувствовать свое достоинство передъ Богомъ и людьми!

Этимъ окончилось высоконравственное поученіе муллы. Остальное время проведено было въ тихой бесѣдѣ, мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, нѣкоторыхъ клонило ко сну, и они располагались къ ночи. Мулла благодарилъ меня, сказавъ, что онъ считаетъ меня какъ бы своимъ земля-

комъ. Прощаясь съ Мехмедомъ, онъ подалъ ему руку и, смотря ему въ глаза, сказалъ:

— Ты знаешь, я люблю васъ всѣхъ и тебя, можетъ быть, болѣе всѣхъ нашихъ, люблю и жалѣю, такъ какъ ты моложе насъ всѣхъ!

Послѣ того мы простились совсѣмъ и пошли на свои верхнія нары. Прощаясь, я сказалъ муллѣ:

— Мехмедъ и мы всѣ не забудемъ сегодняшняго ужина!

XXV.

По временамъ, очень рѣдко впрочемъ, арестантамъ предлагалась баня. Они ходили туда партіями, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и соотвѣтственнаго по числу арестантовъ конвоя. Баня выбиралась невдалекѣ отъ острога,—очень тѣсная, дешевая. Въ ней было два помѣщенія—раздѣвальня и самая баня съ кранами горячей и холодной воды и съ полкомъ для пара—въ той же комнатѣ. Она помѣщалась въ крѣпости, на крутомъ берегу Днѣпра. Я всегда пользовался этимъ случаемъ, чтобы хоть сколько нибудь омыться теплой водой съ мыломъ. Въ первый разъ, однакоже, когда я вошелъ въ нее, въ первой комнатѣ на скамьяхъ не было ни одного мѣстечка, и я, видя другихъ сидящихъ на полу, старался приткнуться гдѣ нибудь у стѣнки, но тутъ меня взялъ подъ руку одинъ изъ арестантовъ и попросилъ перейти на его мѣсто на скамейку—это былъ упомянутый уже въ описаніи псаломщикъ. Невозможно было укладывать свое бѣлье въ отдѣльности—все складывалось, какъ попало, вмѣстѣ.

Войдя въ банную, я былъ удивленъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Отъ пару не видно было ничего; стоялъ какой-то густой туманъ,—въ двухъ шагахъ нельзя было различать предметовъ—ни лицъ, ни скамеекъ, ни ступенекъ полка. Всѣ входящіе наталкивались одинъ на другого: въ рукахъ я держалъ кусочекъ мыла и маленькую мочалку. Подвигаясь впередъ, разсматривая, что и кто это, я вдругъ наткнулся на Мустафу, который взялъ меня за руку и пригласилъ сѣсть возлѣ него на полу,—на другой сторонѣ отъ меня я увидѣлъ Мехмеда и всю компанію турокъ. Они мнѣ помогли разобраться въ этой объятой туманомъ тѣснотѣ, приносили мнѣ воду и просто мыли меня. Тутъ я увидѣлъ вблизи меня моющагося Глущенко и былъ изумленъ страшнымъ видомъ его спины. Она была вся изрыта, исполосована поперекъ идущими глубокими рубцами, которые въ мѣстахъ перекрещиванья полосъ представляли узлы безобразно зажившихъ ударовъ. Это были страшные слѣды тысячей шпицрутеновъ, которыми онъ былъ нещадно избитъ за свою расправу съ ихъ ротнымъ командиромъ. Видя, что у него не было мочалки, я попросилъ позволенія дать мнѣ вымыть его спину—и онъ согласился, хотя не сразу, на мою усердную и настойчивую просьбу: я развелъ мыло въ его ряжкѣ и старательно тёръ

ему его избитую спину съ особеннымъ чувствомъ довольства, тѣмъ какъ бы воздавая почтеніе перенесеннымъ имъ жестокимъ страданіямъ. Это была зима, великій постъ, и многіе выбѣгали на крыльцо и обтирались лежавшимъ около бани снѣгомъ.

XXVI.

Въ теченіе всего великаго поста, томясь и скучая безцвѣтною моею жизнью, безъ всякаго умственнаго занятія, среди арестантовъ, я нерѣдко вспоминалъ исповѣдь мою на первой недѣлѣ поста и слова почтеннаго старца, отнесшагося къ судьбѣ моей съ сочувствіемъ и участіемъ и обѣщавшаго мнѣ книгу Іоанна Златоуста для чтенія. Ждалъ я сначала съ любопытствомъ и желаніемъ имѣть при себѣ хоть какую нибудь книгу, но прошла недѣля, другая и такъ весь великій постъ, и я думалъ, что преподобный отецъ уже забылъ обо мнѣ. Но вотъ, на Ѳоминой недѣлѣ, вернувшись съ арестантами въ казарму, я получилъ приказаніе въ тотъ же день идти къ отцу протоіерею—въ его жилище и быть тамъ въ шестомъ часу вечера. Послѣ обѣда я долженъ былъ остаться безъ выхода на работу. Къ означенному времени я увидѣлъ моего пріятеля, унтеръ-офицера Матвѣева, который пришелъ за мной, чтобы сопровождать меня на квартиру протоіерея. Я вышелъ въ арестантской курткѣ безъ полушубка, такъ какъ была уже весна и вскрылся Днѣпръ. При выходѣ моемъ изъ калитки я увидѣлъ стоящаго солдата съ ружьемъ, и мы пошли втроемъ. Такое сопровожденіе двухъ человѣкъ отозвалось крайне непріятнымъ чувствомъ въ моемъ сердцѣ. Я выходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ арестантами и не ощущалъ тягости этой охраны, но на меня одного столько охранительной силы вызвало во мнѣ какое-то жуткое впечатлѣніе—унтеръ-офицеръ съ тесакомъ и конвойный, какъ всегда съ заряженнымъ ружьемъ! Мы шли съ версту по дорогѣ на форштатъ и дошли до дома, гдѣ жили соборные священники. Я вошелъ. Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ: «Кто тамъ?»

— Я, арестантъ Ахшарумовъ, пришелъ по приказанію отца протоіерея,—отвѣтилъ я.

— А,— сказалъ онъ, входя сейчасъ же въ комнату, гдѣ я стоялъ.— Давно желалъ васъ видѣть... я помню, вѣдь, я обѣщалъ вамъ книгу, и вотъ цѣлый постъ прошелъ. Это время такое для насъ трудное, насилу справляешься; теперь только я отдыхаю, да и вся Святая прошла въ поѣздкахъ и посѣщеніяхъ! Ну что же, какъ живете, здоровы?

Я поблагодарилъ за то, «что меня вспомнили».

— Ну, какъ къ вамъ здѣшнее начальство?

Я отвѣчалъ, что я его не вижу совсѣмъ, живу въ общей казармѣ и хожу на работу съ арестантами.

— И работать заставляютъ?

— Нѣтъ, работать меня не заставляютъ, но и безъ дѣла скучно.

— Да, да, безъ дѣла скучно жить. Вѣрю, вѣрю, что вамъ тяжело, и жалѣю васъ! Но надѣйтесь болѣе всего на Бога. Онъ не оставитъ, сохранитъ вашу жизнь и вернетъ вамъ свободу и все потерянное.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ поискать съ нимъ вмѣстѣ книгу проповѣдей Іоанна Златоуста.

— Это былъ знаменитый проповѣдникъ въ V вѣкѣ нашей эры — архіепископъ византійскій, по-гречески онъ назывался «Хрюзостомъ», по-русски Златоустъ. Сочиненія его у меня есть.

Онъ вышелъ въ другую комнату. Я послѣдовалъ за нимъ. Комната эта была раздѣлена перегородкою, не доходившею до потолка, на два отдѣленія. За перегородкою на полкахъ помѣщалась его библіотека, и, когда я вошелъ туда, я увидѣлъ, кромѣ книгъ, еще болѣе въ ту минуту меня заинтересовавшіе предметы: тамъ на нижнихъ полкахъ и на полу, на столикахъ и на табуреткахъ, въ углахъ и всюду, прислоненные къ стѣнѣ, лежали съѣстные припасы — приношенія мірянъ. Всего болѣе было обыкновенныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, затѣмъ—меду, яицъ разныхъ цвѣтовъ, куличей и другихъ мелкихъ приношеній. Такая вкусная, необыкновенная для меня въ то время пища привлекла невольно все мое вниманіе, и я, разсматривая его библіотеку, все думалъ, если бы онъ мнѣ далъ хотя бы одинъ французскій хлѣбецъ, я бы его съѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ продолжались его поиски съ четверть часа. Не находя упомянутой книги, онъ становился на табуретку и обозрѣвалъ верхнія полки. Я, показывая, что ищу внизу все болѣе увлекался разсмотрѣніемъ представшей моимъ глазамъ въ такомъ обиліи прекрасной пищи. И если бы я ему сказалъ, то я увѣренъ, святой отецъ не пожалѣлъ бы надѣлить меня цѣлой охапкой засохшихъ уже и пропадающихъ у него въ чуланѣ хлѣбовъ, но я этого не сдѣлалъ.

— Вотъ, нашелъ,—воскликнулъ онъ,—Іоанна Златоуста,—и снялъ съ верхней полки большую, въ желтомъ, кожанномъ переплетѣ in quarto книгу. — Вотъ, возьмите и читайте!

Мы вышли изъ его чулана въ прежнюю гостиную; онъ предложилъ мнѣ сѣсть и еще поучалъ меня и ободрялъ, утѣшая, что я буду вновь свободенъ. Затѣмъ благословилъ меня и отпустилъ. Мы вышли; смеркалось, погода была теплая и весенняя, и я, прекрасно прогулявшись, вернулся въ казарму. Арестанты, уже вернувшись, поужинали, и я съ моею суповою посудою пошелъ въ кухню.

Книгу, данную мнѣ священникомъ, прочелъ я почти всю, она была на славянскомъ и читалась трудно. Черезъ мѣсяцъ приблизительно я испросилъ позволеніе отнести эту книгу и вновь, сопровождаемый солдатомъ и унтеръ-офицеромъ, былъ на квартирѣ протоіерея, но его дома не засталъ и, оставивъ книгу, просилъ передать ему мою благодарность.

XXVII.

Наступила весна 1850 года; я продолжалъ выходить каждый день съ арестантами на работы и вотъ однажды, когда съ партіей арестантовъ я вновь былъ на инженерномъ дворѣ, вышеупомянутый А. М. Бушковъ пригласилъ меня войти въ квартиру инженера Рудыковскаго и провелъ меня самъ съ крыльца, выходившаго на дворъ.

Объ этихъ людяхъ было упомянуто мною. Рудыковскій былъ единственный человѣкъ во всемъ городѣ, который не побоялся принять во мнѣ участіе и оказать мнѣ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку. Я вошелъ къ нему въ домъ, и онъ, встрѣтивъ меня привѣтливо, попросилъ войти въ столовую, гдѣ онъ въ то время пилъ чай. Съ первыхъ словъ его онъ своимъ деликатнымъ со мною обращеніемъ удовлетворилъ самой насущной потребности души, лишенной въ продолженіе долгаго уже времени живого, добраго слова участія со стороны человѣка одинаковаго со мною общества и образованія. Въ его голосѣ, въ его вопросахъ мнѣ слышалось что-то какъ бы родственное, близкое моему сердцу. Николай Евстафіевичъ Рудыковскій былъ лѣтъ сорока отъ роду, средняго роста, бѣлолицый, бѣлокурый, красивый собой мужчина. Лицо его носило отпечатокъ умственнаго труда, выраженіе было серьезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно привѣтливое и какъ бы грустное. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о моемъ положеніи онъ выразилъ сожалѣніе, что, несмотря на желаніе познакомиться со мною съ самаго моего прибытія въ здѣшній острогъ, онъ долженъ былъ откладывать.

— Ваше ближайшее крѣпостное начальство, напуганное строжайшими о васъ предписаніями, имѣло и на меня вліяніе, но теперь уже о васъ перестали говорить, и я готовъ вамъ помочь всѣмъ, чѣмъ могу.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ чаю, и я съ особеннымъ удовольствіемъ впервые послѣ дороги пилъ чай и ѣлъ бѣлый хлѣбъ. Потомъ пришла къ столу его жена, молодая, худенькая красивая женщина, и онъ познакомилъ меня съ нею и съ маленькой дочкой, которая была на рукахъ у нянюшки. Первая бесѣда моя съ нимъ была недолгая, и эти полчаса, проведенные съ нимъ, имѣли на меня самое благотворное вліяніе. Я почувствовалъ вдругъ, что я не одинъ, забытый всѣми, но вблизи отъ меня есть искренно ко мнѣ расположенный человѣкъ, въ сердцѣ котораго «почтены мои страданья»,—другъ, готовый оказать мнѣ помощь и облегчить мнѣ пережить это тяжелое время. Съ этого дня внесена была въ мою жизнь отрадная мысль, меня утѣшавшая, и она какъ бы повѣяла надо мною во всѣхъ моихъ соображеніяхъ, размышленіяхъ и надеждахъ... Образъ этого человѣка, имя его сдѣлались мнѣ дорогими.

Вернувшись въ казарму къ обѣду, я не могъ забыть со мною слу-

чившагося и, пообѣдавъ, прилегъ и заснулъ въ пріятныхъ размышленіяхъ. Вечеромъ, я сообщилъ мою новость Кельхину. Онъ очень заинтересовался этимъ и раздѣлилъ мою радость. Позже вернулся и Биліо, но онъ съ праздниковъ не переставалъ пить, и я сожалѣлъ, что онъ для меня какъ бы все болѣе перестаетъ существовать.

XVIII.

Съ теплымъ временемъ открылись новыя работы. Въ крѣпости начались поправки, очистка улицъ, переноска строительнаго матеріала, производство кирпича, привозка песку въ тачкахъ, крашеніе крышъ и разныя другія, которыхъ въ эту минуту не вспомню. Между прочимъ были нѣкоторыя и на инженерномъ дворѣ, но моя любимая работа рубка дровъ лѣтомъ не производилась. Будучи на дворѣ у жилища Рудыковскаго, я всегда надѣялся побывать у него, но самъ, безъ приглашенія, ни разу не рѣшился войти къ нему непрошеннымъ гостемъ. И онъ, я полагаю, воздерживался отъ приглашенія меня,— «политическій арестантъ» звучалъ непривѣтливо. Но отношенія мои съ моимъ начальствомъ были самыя для меня желательныя; оно какъ бы совсѣмъ забыло обо мнѣ, и я ни о чемъ не просилъ и о себѣ не напоминалъ.

Все болѣе наставало лѣто, и мѣстомъ любимой работы моей сдѣлался кирпичный заводъ. На немъ формовались плитки изъ глины, песку и воды и затѣмъ обжигались въ особо устроенныхъ для сего печахъ. Глина доставалась тамъ по близости, а песокъ привозился изъ мѣстности верстахъ въ четырехъ отъ завода. Самый кирпичный заводъ былъ устроенъ верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, на самомъ берегу Днѣпра, и эта прогулка по чистой степи, вдали отъ всякаго людского жилья, мнѣ очень нравилась. Въ нарядѣ на работы, при распредѣленіи арестантовъ, каждому предоставлялся свободный выборъ, только бы выходило требуемое число, а если нужно было спеціальное знаніе какого-либо мастерства (кровельщики, маляры, печники), то назначались знающіе. Я былъ вполнѣ свободенъ въ выборѣ, куда идти, и шелъ, куда мнѣ казалось пріятнѣе. Таковымъ былъ для меня кирпичный заводъ. Иногда же я избиралъ работу вблизи инженернаго двора, чтобы увидѣть, можетъ быть, Рудыковскаго.

Въ слѣдующій разъ, когда я былъ у него, онъ распрашивалъ меня о моихъ нуждахъ, и я объяснилъ ему, что я лежу на голыхъ нарахъ, и мнѣ хотѣлось бы завести, по примѣру другихъ арестантовъ, самый простой тюфякъ — мѣшокъ съ соломой или сѣномъ, и затѣмъ имѣть при себѣ какую-нибудь книжку всего лучше научнаго содержанія, карандашъ и бумагу.

— Я готовъ вамъ помочь во всемъ, но надо сдѣлать это съ соблюденіемъ обоюдной осторожности. Я думаю, самое лучшее, если вы

возьмете отъ меня, сколько вамъ нужно денегъ для необходимыхъ издержекъ, и сами справите себѣ, что вамъ нужно. Я вамъ буду давать понемногу, да у васъ могутъ и украсть тамъ арестанты.

Я поблагодарилъ его; онъ далъ мнѣ пять рублей.

— Что же касается книгъ, то вотъ что у меня есть.

Онъ привелъ меня къ этажеркѣ, гдѣ лежали книги, и я взялъ, кажется, какое-то сочиненіе по естественной исторіи—зоологію Мильнъ-Эдварса и Эли-де-Бомонъ (Elie-de-Baumont)—изслѣдованіе о нѣкоторыхъ переворотахъ на земной поверхности, также его «Notices sur les systêmes des montagnes». Вернувшись въ казарму, я подѣлился моими новостями съ ближайшимъ моимъ сосѣдомъ по нарамъ и просилъ его спрятать полученные мною 3 рубля для нашихъ общихъ надобностей, такъ какъ у меня не было никакого помѣщенія для денегъ, а мнѣ извѣстно, что арестанты хранятъ деньги всегда при себѣ, въ сапогахъ большею частью.

На другой же день я просилъ Кельхина купить холста для мѣшка. Онъ охотно взялся за это и обѣщалъ мнѣ и сшить изъ него мѣшокъ. Все это было сдѣлано очень скоро, и у меня явился мѣшокъ достаточной величины для моего ночлега, но не такъ-то легко было достать сѣна для набивки его. Тѣмъ не менѣе я радъ былъ и подстилкѣ одного чистаго мѣшка на досчатыя нары и улегся на немъ очень довольный. Остальныя деньги я отдалъ Мехмеду, предложивъ ихъ считать нашими общими и, что нужно, купить на нихъ.

Съ наступленіемъ теплой погоды, однажды, вернувшись съ работъ, я увидѣлъ, что въ сѣняхъ сдѣлалось свѣтло, какъ прежде не было; это выставлена была или снята съ петель большая, на зиму запертая, дверь на площадь крѣпости (противъ двери на дворъ), и осталась только одна, большой величины желѣзная рѣшетка, снаружи вдѣланная въ каменную стѣну и тоже при надобности отворяющаяся на обѣ половины, какъ дверь. Около этой рѣшетки скоро появились торговки съ пищею разнаго рода—пороги съ горохомъ, куски жаренаго мяса, яица, булки; арестанты покупали, кто могъ. Въ тотъ же день и я съ Мехмедомъ купили себѣ по пирогу съ горохомъ и съѣли ихъ, какъ рѣдкое лакомство. Помнится мнѣ, что въ одинъ изъ послѣдующихъ праздниковъ я купилъ себѣ у торговки небольшую кружку молока, котораго съ прибытія моего въ острогъ ни разу еще не пилъ, къ нему и булку бѣлаго хлѣба. Тутъ же въ сѣняхъ я присѣлъ на какую-то скамью и сталъ съ большимъ удовольствіемъ вкушать мою рѣдкую пищу. Между тѣмъ проходилъ мимо Иванъ Ефимовъ и, увидѣвъ меня въ такомъ интересномъ положеніи, остановился и сказалъ:

— Должно быть, это очень вкусно?

— Вы, будто, никогда не кушали такой пищи?—сказалъ я ему.

— Я?—отвѣтилъ онъ.—Никогда; но, судя по тому, что мнѣ говорилъ

одинъ жидъ, что онъ видѣлъ такого человѣка — ѣвшаго молоко съ хлѣбомъ, я могу только полагать какъ это должно быть вкусно!

Я, засмѣявшись, попросилъ его сѣсть и готовъ былъ подѣлиться съ нимъ моею пищей, но онъ, улыбнувшись, уклонился отъ предложенія, сказавъ: «Какъ можно, да вамъ-то и дѣлиться нечѣмъ! Я вѣдь это такъ сболтнулъ...»

Въ числѣ немногихъ лѣтнихъ работъ, на которыхъ я предпочиталъ бывать, были малярныя работы — красились крѣпостныя желѣзныя крыши. Погода была ясная, теплая, но солнце еще не жарило; рѣка была въ полномъ разливѣ. Зданія были высокія, крыши большія, работники же въ маломъ количествѣ и всегда находились нетронутыя еще краскою мѣста, или уже высохшія, гдѣ можно было босикомъ прохаживаться, сидѣть или лежать. Съ высоты этихъ большихъ зданій разстилался огромный кругозоръ: широко разлившійся Днѣпръ былъ безбреженъ по ту сторону берега, и пароходы большіе и малые и парусныя барки неслись на моихъ глазахъ. Воздухъ вдыхался чистый, весенній, душистый, стаи птицъ летѣли на сѣверъ, и я былъ на крышахъ, какъ бы одинъ съ природою, не видя стражи, оставшейся внизу у лѣстницы, покинувъ внизу все земное. Товарищи мои по работѣ заняты были своимъ дѣломъ или тоже отдыхали, курили трубку и, сидя, бесѣдовали, пользуясь тишиною и покоемъ.

Крыши этихъ зданій были для меня самое спокойное мѣсто во все время моей осторожной жизни: я отдыхалъ всею душою, и никто не мѣшалъ мнѣ предаваться вволю моимъ думамъ. Съ разсвѣтомъ дня я уже былъ на крышѣ и тамъ упивался моимъ высокимъ, изолированнымъ отъ всякихъ людскихъ притязаній, положеніемъ между землею и небомъ. Тамъ стоялъ я молча, смотрѣлъ, прислушивался къ звукамъ природы, любуясь безбрежнымъ разливомъ, произнося вполголоса вырывавшіяся изъ груди разныя слова!..

Еще одна работа интересовала меня — это нарядъ для привезенія въ тачкахъ запасу хорошаго песка въ мѣстность, болѣе удаленную отъ крѣпости. Объ этой работѣ я буду говорить ниже особо. Другія лѣтнія работы были самыя обыкновенныя—я не знаю, какъ и назвать ихъ; не было ни одного будничнаго дня, чтобы арестанты сидѣли дома. Они посылаемы были и въ городъ, и на базаръ за различными хозяйственными надобностями и возвращались оттуда нерѣдко и не съ пустыми руками; объ этомъ будетъ особая глава.

XXIX.

Зимою этого года у меня какъ-то ночью стала болѣть рука въ области плечевой кости—я почувствовалъ ломъ, который мѣшалъ заснуть, но это было кратковременно и мало чувствительно, и я не обра-

щалъ вниманія на эту боль, которая, полагалъ я, должна сама пройти, но она возвращалась ночью, такъ что я долженъ былъ вставать и ходить. Это продолжалось недолго и затѣмъ забылось, но весною рука вновь заболѣла, и я желалъ увидѣть доктора. Когда я объ этомъ сказалъ Кельхину и Мехмеду, оба они посовѣтовали мнѣ пойти въ военный госпиталь, какъ это всѣ дѣлаютъ, такъ какъ особаго доктора для острога нѣтъ, и острогъ этотъ военнаго вѣдомства. Военный госпиталь былъ за крѣпостью верстахъ въ двухъ, на берегу Днѣпра, и вотъ, я рѣшился тамъ побывать и полечиться. Объявившись по начальству больнымъ, я, въ сопровожденіи моего почетнаго караула—унтеръ-офицера и конвойнаго, былъ отправленъ въ госпиталь.

Меня приняли, привели въ особую палату—арестантскую. Она была полна больными, и у двери стоялъ часовой. Мнѣ выдали чистое бѣлье—длинную рубаху грубаго холста и большіе, выше колѣнъ, холщевыя чулки съ завязками и сѣрый солдатскій халатъ; вещи напомнили мнѣ Петропавловскую крѣпость. Я легъ на кровать—на тюфякъ изъ мочалокъ, должно быть, и былъ удивленъ удобствомъ моего ложа, по сравненію съ досками и безъ постели. Кромѣ того, было и чѣмъ покрыться—одѣяло, подшитое простыней. Все это было для меня отдохновеніемъ, и я съ большимъ удовольствіемъ валялся на новой своей чистой постели. Комната была большая, свѣтлая, съ большими окнами на Днѣпръ. Вскорѣ подошелъ ко мнѣ на костыляхъ какой-то хромой мужчина высокаго роста, старше меня годами, въ военной одеждѣ, назвавшій себя фельдшеромъ, и, узнавъ мою фамилію, поинтересовался моимъ положеніемъ и моимъ здоровьемъ.

— Васъ положили въ арестантскую палату,—сказалъ онъ,—но надо будетъ устроить черезъ доктора, чтобы вы не были этимъ стѣснены.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что я ненадолго; у меня болитъ рука, и больше ничего.

— Ну это все равно сколько вы пробудете, но все же вамъ здѣсь хуже, чѣмъ въ другихъ палатахъ, и я позабочусь объ этомъ.

Я спросилъ его, кто онъ и какую должность занимаетъ при госпиталѣ. Онъ назвалъ мнѣ свою фамилію. Онъ былъ тоже арестантомъ и, такъ какъ прежде изучалъ медицину, то и остался помощникомъ вродѣ фельдшера и живетъ постоянно въ госпиталѣ, при аптекѣ. Онъ предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ по палатамъ и зайти къ нему въ комнату. Я очень охотно согласился, и мы прошли всѣ палаты. Госпиталь былъ большой и полонъ больными.

Ожидался визитъ врача, и я поспѣшилъ къ своему мѣсту. Въ госпиталѣ было три врача: главный врачъ въ генеральскомъ чинѣ, старшій ординаторъ и младшій врачъ. Пришелъ съ визитаціей послѣдній, молодой человѣкъ небольшого роста, блондинъ, полный собой, лицомъ рябой. Онъ осмотрѣлъ меня, распросилъ о болѣзни и прописалъ мнѣ какое-то лекарство—втираніе.

Подавалась вечерняя пища; она была гораздо лучше арестантской нашего острога. Эту ночь я спалъ очень хорошо и утромъ всталъ освѣженный новою обстановкою. Не помню, подавался ли чай, но я уже отвыкъ отъ него. Пришли врачи, осматривали меня и одобрили прописанное лекарство. Младшій врачъ, ведущій скорбный листъ, оставался въ палатѣ дольше и со мною обошелся очень любезно. На другой день меня перевели въ другую палату — не арестантскую, — просторную, гдѣ было свѣтлѣе и воздухъ былъ чистый. Этимъ мнѣ было оказано со стороны врачей особое вниманіе и довѣріе. Я былъ внѣ присмотра стражи. Молодой врачъ пришелъ съ утренней визитаціей и сказалъ мнѣ:

— Мы перевели васъ въ эту палату — она въ санитарномъ отношеніи лучше прочихъ, и здѣсь нѣтъ заразныхъ больныхъ, да и вамъ будетъ здѣсь свободнѣе и лучше во многомъ.

Я былъ очень доволенъ моимъ перемѣщеніемъ въ госпиталѣ и новыми лицами, которыхъ я видѣлъ вокругъ себя, и это доставляло мнѣ отдыхъ и развлеченіе. Младшій врачъ относился ко мнѣ весьма сочувственно, назначалъ мнѣ болѣе питательныя пищевыя порціи. Познакомившись съ нимъ, я попросилъ дать мнѣ что-либо читать,—онъ назвалъ мнѣ нѣкоторыя сочиненія, которыя были у него, и, по моему выбору, принесъ мнѣ «Исторію воздухоплаванія», которую я прочелъ съ большимъ увлеченіемъ. Къ сожалѣнію, имени и фамиліи его я не могу теперь вспомнить, но старые года мои не заслонили въ моихъ воспоминаніяхъ его дорогой для меня образъ: онъ какъ бы живой и теперь передъ моими глазами и въ сердцѣ моемъ я храню къ нему чувства глубокой благодарности. Милый профельдшеръ заботился постоянно о моемъ благополучіи, и я былъ окруженъ невидимыми заботами моихъ новыхъ доброжелателей. Рука у меня болѣла все также по ночамъ, но я о ней пересталъ и думать, и только при вопросѣ о здоровьѣ говорилъ, что мнѣ лучше. Одно, чего мнѣ недоставало, я не могъ выходить на воздухъ и только смотрѣлъ въ открытыя окна. Въ арестантской палатѣ я встрѣтилъ нѣсколько сектантовъ—нѣмцевъ и нашихъ. Между послѣдними были строгіе фанатики. Одинъ изъ нихъ, говоря о преслѣдованіяхъ ихъ правительствомъ, выражалъ свою готовность «принять пулю, какъ драгоцѣнную жемчужину.»

Во время моего пребыванія въ госпиталѣ случилось со мною памятное мнѣ происшествіе. Вдругъ, въ утренній часъ, вошелъ въ палату офицеръ жандармскаго вѣдомства и за нимъ плацъ-маіоръ Червинскій и остановились у моей кровати: офицеръ этотъ передалъ мнѣ конвертъ, онъ былъ адресованъ на мое имя и запечатанъ большою печатью.

— Это письмо на ваше имя,—сказалъ онъ.

Я прочелъ надпись и распечаталъ конвертъ: въ немъ было письмо

отъ моихъ родныхъ, написанное рукою брата Николая. Я прочиталъ съ безпокойствомъ и большимъ интересомъ. Затѣмъ мнѣ сообщено было, что я долженъ сейчасъ же отвѣтить собственноручно и передать мой отвѣтъ принесшему мнѣ письмо.

Мнѣ былъ данъ листъ почтовой бумаги большого формата. Я сѣлъ за столъ и сочинялъ письмо. Въ письмѣ ко мнѣ спрашивалось о моемъ здоровьѣ, сообщалось о готовности пріѣхать въ Херсонъ для свиданія со мною и о домашнихъ новостяхъ. Я отвѣчалъ, чтобы они не безпокоились обо мнѣ, что я переношу много лишеній, живу въ казармахъ съ арестантами, но вообще духомъ бодръ и здоровъ, въ госпиталѣ теперь, потому что у меня болитъ рука, которая, надѣюсь, скоро пройдетъ. Предложеніе пріѣхать ко мнѣ повидаться теперь же я отклонилъ и очень просилъ ихъ не пріѣзжать сюда; въ настоящее время видѣть ихъ мнѣ было бы очень тяжело, но я буду надѣяться на лучшее время для свиданія съ ними...

Когда я окончилъ, я отдалъ написанный листъ жандармскому офицеру, и онъ, сложивъ его, положилъ въ заранѣе приготовленный уже конвертъ и спряталъ въ свой боковой карманъ. Затѣмъ, не сказавъ мнѣ ни слова, слегка кивнувъ головой, ушелъ; за нимъ послѣдовалъ и плацъ-маіоръ. Послѣ я слышалъ отъ Биліо, что плацъ-маіоръ былъ очень непріятно удивленъ такимъ, помимо моего прямого начальства, дѣйствіемъ жандармскаго управленія.

XXX.

Въ моемъ предыдущемъ описаніи я не проронилъ ни одного дурного слова объ арестантахъ вообще, и мнѣ было бы грѣшно выставлять на видъ дурное изъ нашей немногочисленной подневольной, замкнутой семьи. Многія погрѣшности можно и простить живущимъ въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни. Почти всѣ дѣйствія, называемыя по закону преступными, совершаются въ горячности или въ пьяномъ видѣ и рѣдко кто усваиваетъ себѣ, пріобрѣтаетъ склонность къ повторенію такихъ дѣйствій.

Не могу, однако же, не сказать, что большинство ихъ были осуждены за воровство, и они, сохраняя въ себѣ склонность къ такого рода дѣйствіямъ, возвращались съ работъ не всегда съ пустыми руками. Принося вещи украденныя, они ихъ припрятывали. У нѣкоторыхъ были ящики подъ нарами. Больше приносили они по вечерамъ, возвращаясь въ сумерки, и въ тотъ же самый вечеръ, послѣ ужина, на верхнихъ нарахъ производилась продажа ихъ съ аукціона. Приходили снизу многіе посмотрѣть, что продается. Продажа эта имѣла свой порядокъ: производилъ ее такъ называемый майданщикъ—арестантъ запасливый, у котораго были всегда на-готовѣ вещи первой необходимости—у него можно было купить свѣчу, посуду и другія

вещицы. Онъ же держалъ у себя карты, и около него собирались играющіе. Приходившій взглянуть снизу долженъ былъ, пробравшись наверхъ, присѣсть, такъ какъ тамъ стоять было нельзя. Если было темно, зажигалась свѣча. Все это дѣлалось безъ шума, хотя и не очень стѣсняясь—всѣ знали, всѣ пользовались, кто могъ, и всѣ молчали. Вещь показывалась и называлась по имени. Унтеръ-офицеры не вмѣшивались ни во что, да имъ и дарилась часть этихъ вещей, въ особенности фельдфебелю. Говорили, что и ротный былъ задабриваемъ приношеніями украденныхъ лучшихъ вещей. Таковы были нравы полвѣка тому назадъ, никто не осуждалъ, не протестовалъ. Я приходилъ взглянуть тоже на эту продажу и удивлялся, какъ много было накрадено, быть можетъ, это не за одинъ разъ.

XXXI.

Весна скоро смѣнилась лѣтомъ, прошли дожди и грозы, наступили ясные, сухіе и пыльные дни. Пыль эта была не такая, какую я привыкъ видѣть въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи; она была известковая, мельчайшая, парящая въ воздухѣ какъ бы до небесъ. Эта пыль, какъ я узналъ позже, по всей южной Россіи, но я впервые увидѣлъ и ощутилъ ее въ Херсонѣ. Съ непривычки она трудно переносима и вызываетъ постоянное желаніе вымыть себѣ лицо, глаза, уши, носъ и руки. Она забивается въ самыя тончайшія ткани одежды. Для меня, случайнаго жителя острога, лишеннаго возможности соблюдать привычную чистоту, она была особенно тягостна. Въ маѣ уже наступили жары. Для арестантовъ Херсонскаго военнаго острога особаго лѣтняго платья не было, и всѣ ходили въ зимнихъ суконныхъ курткахъ, а на работахъ онѣ сбрасывались, и работали безъ нихъ. Арестантскія работы производились большею частью, какъ я уже упомянулъ, безъ торопливости, лишь бы арестанты не сидѣли сложа руки, но нѣкоторыя изъ работъ были спѣшныя, и тогда унтеръ-офицеры и инженерные начальствующіе наблюдали сами и торопили. Въ такихъ случаяхъ предпочиталась работа на урокъ, т.-е. назначалось, сколько должно быть исполнено утромъ и послѣ обѣда, и арестанты охотно и дружно принимались за дѣло и приводили его скорѣе къ назначенному концу, чѣмъ бы они сдѣлали это съ понуканіями. По окончаніи урока они были свободны и могли возвращаться раньше въ свое жилище. На таковой работѣ, если я находился въ нарядѣ, то считалъ долгомъ участвовать въ общемъ трудѣ. Работа эта раннимъ окончаніемъ обязательнаго труда утромъ и вечеромъ даетъ болѣе отдыха и измѣняетъ отчасти весь день. Вотъ одинъ изъ такихъ дней.

Работа была въ крѣпости на берегу Днѣпра—ломка стараго строенія и переноска годнаго матеріала въ другое мѣсто. Назначенъ былъ большой нарядъ арестантовъ, а работа, для успѣшнаго окончанія, дана

была на урокъ. Арестанты, взявшись за дѣло, торопились окончить его какъ можно скорѣе, потому и я счелъ нужнымъ содѣйствовать своими руками къ скорѣйшему его окончанію. Какъ только я началъ работать, помогая переносить, я былъ остановленъ арестантами, но въ этотъ разъ я не хотѣлъ присутствовать, ничего не дѣлая, когда всѣ усиленно работали. Многіе изъ арестантовъ противились этому и унтеръ-офицеръ тоже отговаривалъ, но я не оставилъ работу и мнѣ было это вовсе не трудно. Мы кончили часомъ раньше передъ обѣдомъ и отправились на покой. Мнѣ было пріятно, что я исполнилъ то, что считалъ долгомъ. Къ тому же, работа, не будучи сверхъ моихъ силъ, меня не утомила, а только оживила во мнѣ кровообращеніе. Послѣ обѣда мы отправились вновь на ту же работу и вернулись въ казарму раньше сумерекъ, и я былъ доволенъ работою дня. День былъ жаркій; по приходѣ въ казарму, большинство арестантовъ вышли отдыхать на дворъ. На немъ, какъ я уже упомянулъ, росло большое дерево бѣлой акаціи; оно было все въ цвѣту и наполняло воздухъ живымъ ароматомъ. Усталый нѣсколько въ этотъ день, я сѣлъ подъ нимъ, прислонившись спиною къ стволу. Солнце садилось, и арестанты всѣ выходили изъ душной тюрьмы на дворъ. Большинство садились, прислонившись къ каменной стѣнѣ, нѣкоторые усаживались вблизи меня подъ навѣсомъ акаціи. Запахи цвѣтовъ, когда-то слышанные нами въ жизни, при повтореніи навѣваютъ воспоминанія былого и переносятъ насъ въ другую обстановку совсѣмъ иного времени. Запахъ бѣлой акаціи былъ мнѣ чрезвычайно пріятенъ и вызвалъ передо мною картину лѣта, проведеннаго мною однажды за границей въ 1845 году въ Карлсбадѣ, куда я сопутствовалъ мою больную мать. Сидя на арестантскомъ дворѣ, я мысленно уносился въ это пріятное мнѣ воспоминаніе: я былъ тогда еще студентомъ и наслаждался полнѣйшею свободой, совершалъ дальнія, загородныя прогулки, всюду одинъ, бродилъ по горамъ, по непроходимымъ путямъ, лежалъ на самыхъ вершинахъ горъ, на спинѣ, смотря на небо, не видя кругомъ себя земли. Утромъ, по желанію и настоянію моей матери, для запаса здоровья, принималъ я теплыя ванны горячаго источника Шпруделя и въ тотъ же день, послѣ обѣда, спускался на цѣлые часы въ долину Егеря и, подходя, разгорѣвшись и въ поту, къ рѣкѣ, купался въ ней съ наслажденіемъ.

Тогда я былъ вполнѣ свободенъ и счастливъ,—теперь я запертъ въ тюрмѣ, негдѣ и омыться... Кельхинъ вышелъ на дворъ и сѣлъ подлѣ меня. Всѣ говорили о томительной жарѣ и недостаткѣ хорошаго дождя. Между тѣмъ темнѣло все болѣе, и остальные рабочіе наряды возвращались домой. Билась вечерняя заря. Арестанты всѣ повыходили изъ душныхъ стѣнъ казармы на дворъ и, сидя, разговаривали кучками.

Вечеръ былъ безоблачный, потемнѣвшее небо заблистало звѣздами, Кельхинъ и я, мы встали, и, прохаживаясь со мною, онъ предался

воспоминаніямъ совершеннаго имъ дважды кругосвѣтнаго плаванія, въ «немолчномъ разливѣ океана». Я интересовался его разсказами; при этомъ онъ называлъ поименно созвѣздія и звѣзды, видимыя нами.

— Вотъ Малая Медвѣдица,—говорилъ онъ,—и полярная звѣзда: отъ нея, проводя прямыя линіи, можно найти всякую звѣзду. Послѣдовательность восхожденія звѣздъ одной за другою не мѣняется;— вотъ Плеяды, за ними всегда слѣдуетъ Альдебаранъ—свѣтлая звѣзда 1-й величины, за нимъ—ближе къ горизонту—стоитъ созвѣздіе Оріонъ, а за нимъ на горизонтѣ восходитъ Сиріусъ—самая яркая, сверкающая бѣлокалильнымъ брилліантовымъ лучемъ неподвижная звѣзда въ нашемъ полушаріи! А вотъ стоитъ Юпитеръ, теперь находящійся въ періодѣ близкаго своего разстоянія къ солнцу и землѣ...

Онъ говорилъ объ отдаленности отъ земли планетъ и неподвижныхъ звѣздъ и о параллаксахъ: экваторіальномъ (на поверхности земли) и годовомъ (на различныхъ пунктахъ земной орбиты), какъ о способахъ измѣренія этого разстоянія, возможныхъ только для нѣкоторыхъ болѣе близкихъ звѣздъ... Поздно ночью окончилась его поучительная для меня астрономическая бесѣда, къ которой я былъ уже отчасти подготовленъ моими предыдущими чтеніями.

По случаю описанной въ этой главѣ работы вспоминалась мнѣ еще другая, гораздо болѣе урочной побудившая меня къ собственноручному участію въ ней, заключившаяся весьма смѣшнымъ и характернымъ, по отношенію ко мнѣ арестантовъ, эпизодомъ. Это была выбранная мною по дальней прогулкѣ, такъ сказать, пѣшая поѣздка за пескомъ для кирпичнаго завода. Туда назначалось тоже значительное число арестантовъ и двѣ или три тачки для песку. Тачки эти везли сами арестанты, по четыре числомъ, за длинныя, привязанныя къ нимъ, веревки, накидывавшіяся, подобно бурлацкой бичевѣ, петлями на грудь черезъ плечо. Мы выѣхали изъ крѣпости; арестанты, на каждой приблизительно полуверстѣ, смѣнялись для отдыха. Тачки были двуколесныя съ дышлами. Видя, что всѣ арестанты наблюдаютъ очередь, я тоже хотѣлъ раздѣлять ихъ трудъ, но они до этого меня не допускали и впрягались сами. Когда же я убѣдительно просилъ ихъ дозволить и мнѣ везти тачку, они смѣялись и постоянно оспаривали у меня петлю. Это меня приводило въ смущеніе на каждой смѣнѣ впряжки и сдѣлалось до того смѣшнымъ, что кто-то громко сказалъ:

— Когда онъ не хочетъ идти просто, такъ посадимъ его въ тачку!

— Больше нѣчего съ нимъ дѣлать,—кто-то отозвался на это, меня поразившее предложеніе.

Не долго думая, одинъ изъ нихъ схватилъ меня, поднялъ и посадилъ въ тачку. Я испугался и, смущенный, хотѣлъ выпрыгнуть, но съ боковъ шли арестанты около самой тачки, и мнѣ не удалось.

Такъ ѣхалъ я поневолѣ; но это еще мало: всегдашній шутъ Иванъ Ефимовъ (псаломщикъ) сорвалъ съ дерева длинную вѣтку и, ободравъ

ее, раскололъ на концѣ и, вынувъ изъ кармана какую-то тряпку, вродѣ платка, воткнулъ ее въ щель и всадилъ какъ-то въ тачку.

— Вотъ такъ, съ флагомъ мы его повеземъ,—проговорилъ онъ.

Всѣ засмѣялись, и такъ въ тачкѣ доѣхалъ я до самаго мѣста. Набравъ въ тачки песку, мы поѣхали въ обратный путь. Я уже не смѣлъ болѣе ничего говорить и шелъ молча, сконфуженный, всю дорогу.

По этому случаю читатель видитъ, каковы были отношенія ко мнѣ арестантовъ. Во всемъ я видѣлъ ихъ ко мнѣ снисходительность и уваженіе—ничѣмъ собственно мною незаслуженныя, кромѣ, быть можетъ, моимъ къ каждому участливымъ, уважительнымъ обращеніемъ, не подавшимъ никогда никакого намёка на какое-либо мое надъ ними превосходство, по дворянскому моему происхожденію или по образовательному цензу. Во все время моей совмѣстной съ ними жизни они оказывали мнѣ, гдѣ только могли, всякія уступки и одолженія.

Вспоминается мнѣ еще одинъ случай, подходящій къ вышеописанному.

Была весна 1851 года; дожди размыли всѣ дороги, по улицамъ стояли необходныя лужи. Въ это время большой нарядъ арестантовъ шелъ по улицѣ и наткнулся на такой разливъ; близкаго обхода не было,—всѣ остановились, но, подумавъ, пошли по водѣ, погрузившись въ нее всею ступнею. Мое затрудненіе и остановка въ раздумьи были немалыя. И вотъ, въ эту секунду моей нерѣшительности одинъ изъ арестантовъ предложилъ мнѣ перенести меня; я, поблагодаривъ, отказался, но онъ вдругъ, отвѣтомъ на мои слова, подхватилъ меня, понесъ на рукахъ и поставилъ на сухое мѣсто. Я былъ такъ тронутъ его неожиданною предупредительностью, что, ставъ на ноги, обнялъ и поцаловалъ его. Сапоги берегли мы всѣ, и я тоже боялся, что они преждевременно порвутся и износятся; у меня была только одна пара хорошихъ сапоговъ, привезенныхъ съ собою. (Другая, какъ оказалось впослѣдствіи, дана была, по приказанію коменданта, на сохраненіе капитану Петрини).

Вниманіе и заботливость обо мнѣ моихъ сожителей отзывалась въ моемъ сердцѣ самымъ отраднымъ ощущеніемъ и чувствомъ спокойствія и полнѣйшей безопасности въ средѣ отверженныхъ обществомъ. Поистинѣ, я не могу иначе назвать людей этихъ, переносившихъ со мною неволю, какъ моими добрыми и вѣрными товарищами, охранявшими мое благополучіе, и вспоминаю о нихъ съ самою искреннею благодарностью.

XXXII.

Вскорѣ послѣ описанной поѣздки за пескомъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда арестанты не выходили на работу, уже послѣ обѣда, когда день склонялся къ вечеру, я бесѣдовалъ съ Мех-

медомъ, сидя на ступенькахъ крыльца сѣней, выходившаго на дворъ. Мы оба томились жарою и говорили о невозможности выкупаться въ Днѣпрѣ, столь близкомъ отъ насъ. Мехмеду пришла счастливая мысль сдѣлать попытку; но какъ? Онъ говорилъ, что съ Днѣпра приносятъ воду каждый день арестанты. Для этого назначаются два арестанта, въ сопровожденіи одного конвойнаго, котораго можно потребовать во всякое время съ гауптвахты—они, все равно, ничего не дѣлаютъ. Скажемъ, что намъ нужна вода для стирки, и принесемъ ушатъ воды, а когда придемъ на плотъ, то сейчасъ же, въ одну секунду сбросимъ платье и обувь и въ воду. Онъ никогда не пробовалъ еще выкупаться въ Днѣпрѣ, а ему этого очень хотѣлось бы. Мы оба рѣшились попытаться выкупаться, и вотъ Мехмедъ докладываетъ унтеръ-офицеру, что ему нужна вода для стирки. Такъ какъ это было обыкновеннымъ дѣломъ, то препятствія не встрѣтилось, и вытребованъ былъ черезъ окно калитки конвойный. Оставалось взять ушатъ, палку и идти. Насъ выпускалъ дежурный унтеръ-офицеръ и, когда увидѣлъ, что второй арестантъ былъ я, то онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ это будетъ тяжело, ушаты у насъ большіе». Я отвѣтилъ, что не будетъ тяжело, и мнѣ нужна вода. Мы оба, съ пустымъ ушатомъ и ковшомъ въ немъ, выскочили изъ калитки и стали спускаться по крутому берегу внизъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ этотъ спускъ къ водѣ лѣтомъ. Мы дошли скоро, надо было сопротивляться большой тяжести, влекшей насъ внизъ. Но вотъ, мы на плоту, поставили ушатъ и сколь возможно быстро раздѣлись и бросились въ воду. Увидѣвъ это, конвойный сталъ кричать на насъ и вознамѣрился не пускать, но Мехмедъ былъ уже въ водѣ и я вслѣдъ за нимъ. Мы оба поплыли. Тогда онъ закричалъ изо всей силы: «Послать ефрейтора!» Мехмедъ, отличный пловецъ, очутившись какъ бы въ своей стихіи, поплылъ далѣе, я же держался вблизи плота, но плавалъ и наслаждался чудеснымъ купаньемъ. Большая крутизна берега заслоняла собою полетѣвшій къ гауптвахтѣ звукъ отъ крика конвойнаго — никто сверху не бѣжалъ на помощь; тогда онъ закричалъ, что будетъ стрѣлять въ Мехмеда, и угрожалъ прицѣломъ, но тотъ махнулъ ему рукою и повернулъ назадъ. Конвойный успокоился, Мехмедъ приплылъ къ плоту, но не вылѣзалъ изъ воды, я тоже остался еще нѣсколько минутъ, и мы оба, чудесно выкупавшись, также скоро одѣлись и, наполнивъ ушатъ, потащили его. Взойдя на значительную уже высоту, я почувствовалъ, что не въ силахъ болѣе идти и просилъ остановиться отдохнуть. Опустивъ на землю, на покатомъ мѣстѣ, ушатъ, причемъ вылилось много воды, мы постояли минуты двѣ, и я принялся вновь за мою тяжелую ношу. Тутъ мы встрѣтили спускавшагося ефрейтора съ ружьемъ, спѣшившаго внизъ, но когда онъ увидѣлъ наше благополучное шествіе вверхъ, то спросилъ: «Чего кричалъ?» Конвойный объяснилъ ему случившееся, и ефрейторъ посмѣялся его трусости. Мы благополучно дошли до калитки, по-

стучали, и насъ впустили на дворъ. Такъ кончился этотъ забавный эпизодъ нашего купанья, доставившій намъ столь пріятное, чудное, можно сказать, въ нашемъ положеніи омовеніе и освѣженіе нашего загрязненнаго пылью и потомъ тѣла.

XXXIII.

Въ серединѣ лѣта я былъ потребованъ комендантомъ. Такая новость сначала меня какъ бы испугала: не случилось ли чего помимо моего вѣдома. Для исполненія сего позванъ былъ съ гауптвахты конвойный, и я пошелъ одинъ съ нимъ (безъ унтеръ-офицера, какъ это было прежде). Это было утромъ и въ праздничный день. Я вошелъ въ переднюю, (конвойный остался у входа) и меня попросили войти въ пріемную, и затѣмъ я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Коменданта я видѣлъ только одинъ разъ — въ вечеръ моего прибытія въ Херсонъ. Я увидѣлъ передъ собою при дневномъ свѣтѣ того же худенькаго, небольшого роста старичка. Фамилія его была Краббе. Онъ всталъ, когда я вошелъ, и говорилъ со мною стоя (чтобы не просить меня у него сѣсть, вѣроятно), но въ разговорѣ говорилъ мнѣ «*вы*» и высказывалъ сожалѣніе, что онъ не можетъ сдѣлать мнѣ никакихъ снисхожденій, что предписанія обо мнѣ очень строгія, и что онъ не одинъ здѣсь,а на глазахъ у людей,готовыхъ на все:«Я уже разъ,—сказалъ онъ,— по неосторожности, былъ подъ судомъ 5 лѣтъ; теперь я опасаюсь всего!..» Затѣмъ онъ сказалъ, что мнѣ разрѣшено писать письма роднымъ, черезъ него предложилъ написать сейчасъ же письмо. Я былъ тому радъ и написалъ коротенькое сообщеніе, что я здоровъ, живу въ казармѣ съ прочими арестантами и надѣюсь, что это время пройдетъ, и я вернусь вновь въ прежнюю жизнь въ наше семейство... Съ тѣхъ поръ я по временамъ былъ вновь требуемъ комендантомъ и вновь писалъ короткія письма о моемъ здоровьи, безъ всякихъ подробностей. Онъ со мною наединѣ былъ вѣжливъ и увѣрялъ меня, что онъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ все отъ него зависящее для скорѣйшаго моего освобожденія.

XXXIV.

Въ одинъ изъ будничъ дней августа мѣсяца, подъ вечеръ, когда спадалъ жаръ, арестанты возвращались партіями съ различныхъ работъ и немногіе, вернувшіеся уже, отдыхали, выйдя на дворъ,—вдругъ щелкнулъ затворъ калитки, отворилась дверь и вошелъ на дворъ капитанъ Петрини, замѣтно выпившій. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и чернорабочій съ топоромъ за поясомъ.

Такое явленіе обратило вниманіе всѣхъ бывшихъ на дворѣ и притомъ возникъ вопросъ: «Зачѣмъ этотъ рабочій съ топоромъ,—починять что ли, что понадобилось?» Никто не отгадалъ, да и возможно ли сообразить, что всплыветъ на видъ въ грязной тинѣ представленій

пьянаго глупца?! Войдя, онъ направился вдоль по срединѣ двора къ правой его (отъ выхода изъ сѣней) сторонѣ. При приближеніи его сидѣвшіе вставали; онъ смотрѣлъ впередъ, ничего не говорилъ, а между тѣмъ, что было въ его головѣ, носило въ себѣ жестокій замыселъ—совсѣмъ ненужное лишеніе самою природою, казалось, сохранившагося утѣшенія для людей заключенныхъ, лишенныхъ вечерняго отдыха: въ его сумасбродной головѣ спьяна блеснула мысль, зачѣмъ на арестантскомъ дворѣ растетъ дерево душистой акаціи? Оно совсѣмъ неумѣстно, притомъ же оно можетъ пригодиться къ совершенію побѣга. Срубить эту акацію доставлявшую арестантамъ все же нѣкоторую отраду.

Къ нему выбѣжалъ изъ казармы дежурный унтеръ-офицеръ. Никому не говоря ни слова, Петрини подошелъ къ акаціи и приказалъ срубить это дерево. Немногіе присутствовавшіе едва успѣли сообразить, какъ уже топоръ былъ взмахнутъ, ударъ былъ нанесенъ въ основаніе ствола многолѣтней акаціи. Двое изъ близъ стоявшихъ арестантовъ отважились возразить, но ротный командиръ закричалъ:

— Молчать! Я отвѣчаю за васъ, мерзавцы! Нужна имъ еще акація!.. Руби!

И удары остраго топора подсѣкли внизу слабый, на мягкой древесинѣ, стволъ прекраснаго дерева: оно склонилось на бокъ и затѣмъ упало, обсыпавъ сухими стручками землю, на которой росло!.. Виновники этого позорнаго дѣла, совершивъ его, ушли и рабочій поволокъ по землѣ упавшую акацію! Широкія вѣтви, не входившія въ отверстіе калитки были тутъ же обрублены и выпихнуты наружу.

Возвращавшіеся съ работы арестанты, всѣ, не заходя въ казарму, приближались ко пню павшей акаціи и, покачивая головой, отходили съ ругательствами. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Видитъ Богъ, что дѣлаютъ злодѣи!»

Другое безсмысленное, нахальное дѣйствіе капитана, совершившееся на моихъ глазахъ, было слѣдующее.

Въ праздничный день, когда арестанты были всѣ дома, въ послѣобѣденное время, пришелъ ротный командиръ въ острогъ, тоже выпивши. Онъ имѣлъ видъ недовольный, строгій. Обходя казарму, онъ смотрѣлъ на всѣхъ, останавливался и заводилъ придирчивые разговоры. Арестанты отвѣчали, но одинъ изъ нихъ (это былъ недавно присланный—непомнящій родства) чѣмъ-то провинился, и онъ, обращаясь къ сопровождавшему его унтеръ-офицеру, приказалъ подать розги. Арестанты, слышавшіе это, были удивлены, также какъ и унтеръ-офицеръ, недоумѣвавшій и не торопившійся исполнить приказаніе. Но когда приказаніе было повторено, уклониться ему было нельзя и онъ пошелъ. При мнѣ спроса на розги не было ни разу, и онѣ, вѣроятно, употреблялись рѣдко, потому ихъ наготовѣ не было. Командиръ ходилъ разсерженный взадъ и впередъ, плевалъ на полъ, каш-

лялъ, бормоталъ что-то, произнося ругательныя слова, затѣмъ вышелъ на крыльцо и тамъ дождался розогъ. Онѣ принесены были въ казарму, и съ ними захвачена была изъ сѣней скамейка и поставлена въ срединномъ проходѣ передъ дверью канцеляріи. Всѣ спрашивали вполголоса: для кого это? и ожидали, что будетъ.

— А ну ты, какъ тебя тамъ, непомнящій родства, что ли?.. А ну, иди сюда, ложись!

— За что же, ваше высокородіе?—сказалъ подошедшій тихимъ голосомъ,—я не виноватъ!

— А ну, чтобъ ты зналъ здѣшніе порядки и какъ говорить съ ротнымъ командиромъ, ложись!

Наказаніе долженъ былъ производить унтеръ-офицеръ. Несчастный, мнимо-провинившійся въ чемъ-то опустился на скамью.

— Ваше высокоблагородіе! за что же? Я ничего не сдѣлалъ.

— Говори тамъ, бездѣльникъ; чтобы ты зналъ, какъ отвѣчать. Сѣки его!..

Унтеръ-офицеръ, неохотно принявшійся за это скверное дѣло, для вида, легко нахлестывалъ бѣднаго арестанта. Тогда командиръ, замѣтивъ это, окинулъ взглядомъ толпу стоявшихъ и, увидѣвъ выдающуюся высокую, смуглую фигуру одного изъ турокъ, закричалъ:

— Мустафа! А ну, иди сюда!

Мустафа подошелъ.

— Возьми розги и сѣки его!

Мустафа, всегда тихій, кроткій, долженъ былъ почувствовать всю мерзость такого дѣйствія и сталъ просить освободить его отъ этого дѣла.

— Я не могу—говорилъ онъ и, пожимая плечами, отодвигался.

Тогда пьяный капитанъ, недовольный унтеръ-офицеромъ, но не рѣшившійся поступить съ нимъ, какъ съ арестантомъ, набросился на Мустафу.

— Это что, меня уже не слушаютъ!.. Ты не можешь? Вотъ я тебѣ покажу: не можешь, такъ ложись самъ — я тебя отдеру!..

Тутъ онъ крикнулъ изъ толпы арестанта Лялина, приказавъ ему сѣчь Мустафу (это былъ негодяй, приносившій мнѣ одно время бѣлье). Лялинъ здоровый, высокій, жирный подошелъ къ Мустафѣ взять его, но тотъ оттолкнулъ его съ остервенѣніемъ. Въ это мгновеніе съ верхнихъ наръ кто-то страшнымъ, угрожающимъ голосомъ закричалъ «Лялинъ!..» Въ тотъ же моментъ раздались со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, сзади и спереди неистово кричавшіе голоса, ругавшіе Лялина всякими скверными словами. Вся казарма шумѣла, стучала и кричала, не смолкая. Лялинъ отошелъ, готовый убѣжать; унтеръ-офицеръ, испуганный, подошелъ къ капитану и шепнулъ ему что-то, послѣ чего оба ушли. Виновникъ готоваго разразиться бунта успѣлъ скрыться, сопровождаемый унтеръ-офицеромъ, переступивъ благополучно за ка-

литку арестантскаго двора. Лялинъ же не ушелъ отъ суда толпы: избитый сильными кулаками, съ окровавленнымъ лицомъ, выбѣжалъ онъ въ сѣни, но и тамъ ему покоя не было.

Таковыя дѣла творилъ въ пьяномъ состояніи капитанъ Петрини.

XXXV.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ получать понемногу денегъ, благодаря заботливости обо мнѣ Н. Е. Рудыковскаго, моя имущественная пустота стала понемногу пополняться. Вскорѣ затѣмъ обогащеніе мое приняло большіе размѣры, и ночлегъ мой совсѣмъ преобразился.

Прошу читателя представить себѣ слѣдующую картину: глубокая осень, поздній часъ ночи, я лежу на тюфякѣ на верхнихъ нарахъ, въ своемъ уголкѣ; рядомъ со мною, съ лѣвой стороны спитъ Мехмедъ; между нашими изголовьями стоитъ старый сѣроватый ящичекъ, запирающійся ключемъ, на немъ, воткнутая въ какую-то деревянную подставку, горитъ свѣча. Я лежу и читаю книгу съ карандашемъ въ рукѣ; на ящикѣ, служившемъ намъ столомъ, лежитъ записная школьная тетрадь. Кругомъ тьма и тишина, всѣ спятъ вверху и внизу, кое-гдѣ слышно храпѣнье, порою вздохи и бормотанье во снѣ или при просыпленіи. Вскорѣ я замѣчаю, что верхніе нары, поодаль отъ меня влѣво, освѣтились еще въ двухъ мѣстахъ: тамъ что-то творится не въ одиночку, слышны шопотъ и разговоры въ полголоса, а въ ближнемъ ко мнѣ освѣщеніи, по временамъ слышны и болѣе громкія слова и видны издали размахи рукъ, дѣло обыкновенное, играютъ въ карты. Далѣе за этой компаніей, поодаль отъ нея, у послѣдняго отъ сѣней схода виденъ какой-то мерцающій чуть замѣтный полусвѣтъ, тамъ тоже сидятъ нѣсколько человѣкъ, видны торчащія головы.

Уставъ читать передъ сномъ, я хочу посѣтить ихъ, увѣренный въ томъ, что по моимъ добрымъ отношеніямъ къ арестантамъ, я не нарушу ихъ дѣлъ. И вотъ я поднимаюсь и иду тихонько босикомъ въ рубахѣ, подхожу—все знакомыя лица; между ними одного я хорошо знаю—Еремѣевъ: посрединѣ у нихъ коврикъ и на него выкидываютъ карты, игра идетъ разгоряченно, ставятъ въ конъ то мѣдь, то серебро и затѣмъ, по окончаніи всякаго тура, выигравшій беретъ всѣ деньги. Не знаю, въ какую игру они играли, но между арестантами херсонскаго острога наиболѣе распространенными были игры въ трилистика, въ горку, и въ преферанецъ. Въ сущность этихъ игръ я никогда не вникалъ.

— А! У васъ очень весело!—въ видѣ привѣтствія говорю я.—Должно быть много выигрывается и проигрывается!

— Да, кому какъ, тутъ фортуна только одна играетъ, разсчета никакого!—отвѣчаетъ одинъ изъ игроковъ.

— Охъ, фортуна, фортуненко, гдѣжь до тебѣ стежка?—прибавляетъ другой, смотря на меня.

— Присядьте, посмотрите, кто изъ насъ счастливъ.

Игра продолжается оживленно, вниманіе напряжено, глаза горятъ. Я смотрю не безъ интереса, такъ какъ играющіе волнуются, играютъ горячо, выбрасывая изъ кармана, можетъ быть, послѣднія деньги. Я принимаю участіе въ игрѣ Еремѣева, и онъ на моихъ глазахъ выигрываетъ.

Посидѣвъ съ ними, не торопясь, я простился, поблагодаривъ ихъ и извинившись, направился далѣе къ другому слабому огоньку и вижу, человѣкъ пять, тоже мнѣ знакомыхъ, сидятъ вокругъ маленькой скамеечки. Я подошелъ, они всѣ взглянули на меня сначала, какъ бы смутясь, а потомъ всѣ засмѣялись.

— А, это вы? Вы тамъ въ своемъ уголкѣ дѣлаете свои дѣла, а мы здѣсь тоже праздно не сидимъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ я.

— А вотъ, присядьте, увидите...

На скамейкѣ что-то горитъ мерцающимъ пламенемъ подъ котелкомъ; въ немъ виденъ какой-то плавящійся бѣлый металлъ и одинъ изъ нихъ выливаетъ эту жидкую массу въ глиняную форму на таковой же подставкѣ. По остываніи масса вынимается и показывается, вышелъ кружокъ съ надписью, похожій на четвертакъ.

Видя это, я удивился и сказалъ:

— И вы не боитесь это дѣлать? И меня не боитесь?!

— Что же намъ васъ бояться? Мы всѣ васъ знаемъ, вы же не выдадите насъ... А если выдадите, такъ мы скажемъ, что вы съ нами вмѣстѣ, да еще научали насъ!

— Вотъ какъ! Сказать-то я, конечно, не скажу, но все же вы что-то ужъ очень смѣлы... лучше бы вамъ совсѣмъ оставить это!

— Вотъ, посмотримъ, позабавимся... еще не сбывали нашихъ четвертаковъ... Мы дѣлаемъ только пробу.

— Это дѣло очень трудное и не съ вашими средствами... Мой совѣтъ — лучше бросить и выкинуть все, чтобы и слѣдовъ не осталось.

Побывъ еще нѣсколько минутъ, я поторопился уйти и легъ спать, раздумывая о безумствѣ вообще человѣческихъ дѣлъ.

Мое ночное занятіе—чтеніе книги, хотя и было запрещеннымъ для меня въ то время, но оно было, при установившихся уже для меня отношеніяхъ къ моему начальству, совершенно безопасно и потому прочно и устойчиво и мои ночныя занятія пережили собранія «ночныхъ верхненарныхъ монетчиковъ» (какъ я ихъ въ то время назвалъ). Собранія эти, хотя и продолжались еще нѣкоторое время, но я ихъ не посѣщалъ болѣе и потомъ я ихъ болѣе не видѣлъ.

Картежники, которыхъ я тоже болѣе не посѣщалъ, продолжали играть, и у нихъ случилось однажды большое замѣшательство, встревожившее весь острогъ.

Ночная тишина вдругъ прервана была внезапнымъ шумомъ и возней. Одинъ изъ участниковъ игры (вѣроятно, мало извѣстный прочимъ) схватилъ кучку денегъ, лежавшихъ на коврикѣ, и побѣжалъ; за нимъ вскочили всѣ въ погоню. Тутъ была бѣготня въ потемкахъ, (свѣчи потушили) по ногамъ лежавшихъ; крикъ, вскакиванье спокойно спавшихъ, при непониманіи отчего. Я тоже задулъ мою свѣчу. Движеніе это перешло на нижніе нары, такъ какъ убѣгавшій бросился внизъ и сдѣлалось въ казармѣ всеобщее смятеніе, люди кричали, ругались, большая часть не знала, что случилось. Затѣмъ, внизу драка. Только медленно, съ пробужденіемъ начальства и послѣ криковъ и побоевъ неизвѣстно кѣмъ, кому, и за что, все вновь успокоилось. Таковы были ночныя дѣла, которыхъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

XXXVI.

Въ этой главѣ я имѣю въ виду описать побѣгъ двухъ арестантовъ изъ Херсонскаго острога, совершившійся въ мою бытность въ немъ.

Полвѣка тому назадъ не только тюрьмы, но и всѣ южные окраины Россіи были полны бѣглыми. Источниками постояннаго пополненія ихъ была наша крѣпостная Русь и наша тогдашняя армія съ ея 25-лѣтнею службою съ побоями и невозможной выправкой парадной трехпріемной маршировки, съ 18-ти фунтовымъ ружьемъ на плечѣ, при требованіи стоянія на одной ногѣ въ самомъ неудобномъ для сохраненія равновѣсія положеніи. Я упоминаю объ этомъ, какъ самъ прошедшій всю эту школу, на службѣ солдатомъ съ 1851 по 1857 гг.

Въ то, такъ называемое, доброе старое время, нынѣ съ ужасомъ вспоминаемое, какъ что-то будто нарочно для мученія людей измышленное, побѣги были частые и тюрьмы, по прежнему устройству ихъ, давали тому возможность. Съ того времени образовался особый типъ арестантовъ-бродягъ, бездомныхъ скитальцевъ, предпочитавшихъ неволѣ самые опасные переходы по безлюднымъ сибирскимъ тайгамъ, и имъ не были препятствіями «ни морозы Сибири, ни таежный звѣрь». Это бѣглецы изъ тюремъ—любители странствій, убѣгавшіе съ наступленіемъ весны по призыву кукушки и на зиму ищущіе вновь убѣжища въ тюрьмахъ (Достоевскій). Типы этихъ бѣглецовъ описаны многими нашими литераторами, объ нихъ упоминаетъ и Кенанъ (Сибирь).

Такихъ не было въ Херсонскомъ острогѣ, но всѣ заключенные въ тюрьмахъ всегда готовы на побѣгъ, если таковой представляется возможнымъ и если имѣется надежда достать себѣ видъ на жительство. Въ то время это было гораздо легче, чѣмъ теперь. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые славились въ то время своими отважными побѣ-

гами и схватками съ преслѣдовавшей ихъ вооруженной стражей и болѣе прочихъ распространены были разсказы о знаменитомъ скитальцѣ Кармалюкѣ. Въ мою бытность въ Херсонскомъ острогѣ всѣ знали его имя, но никто самъ его не видѣлъ. О немъ сложились многочисленные разсказы о его побѣгахъ изъ тюремъ и при шествіи по этапамъ, и о его вліяніи на арестантовъ. Онъ повсюду являлся руководителемъ толпы и примѣромъ тому приводятъ различные случаи и между прочими такой, мною слышанный: большая партія бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, преслѣдуемая погоней, имѣла выборъ двухъ путей—тропинка, ведущая въ лѣсъ, и большая дорога. Кармалюкъ избралъ послѣдній путь и звалъ всѣхъ послѣдовать за нимъ, но большая часть пошла тропинкой въ лѣсъ. Всѣ послѣдніе были, будто бы, пойманы, тѣ же, что пошли большой дорогой за Кармалюкомъ, всѣ счастливо спаслись, достигнувъ скоро по пути лучшаго убѣжища. Въ тюрьмахъ онъ держалъ себя инкогнито, былъ молчаливъ и тихъ, пока не представлялось дѣло. Изъ всего слышаннаго у меня сложились о немъ немногія свѣдѣнія. Онъ жилъ, должно быть, въ 40-хъ годахъ, родомъ изъ Каменецъ-Подольской губерніи, малороссъ.

За какую провинность онъ впервые лишился свободы, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и оттуда начались его странствія. Онъ бѣжалъ и добрался до родины, гдѣ не нашелъ ни жены, ни хаты, въ которой прежде жилъ, пробовалъ устроиться вновь и жить своимъ трудомъ, но это было ему, при его положеніи, невозможно и тогда онъ рѣшился выйти на дорогу, какъ это говорится въ пѣснѣ его: «Такъ выйду жъ я на дорогу,—никого не пущу, чи то жида, чи то пана, хоцъ якого графа...»

Пѣсня эта извѣстна мнѣ только отрывками. Въ личности Кармалюка соединяется идеалъ тогдашняго бродяги. Въ наше время такіе Кармалюки стали невозможными: теперь другія условія жизни, другія общественныя отношенія, идеалы совсѣмъ другого рода, и въ тюрьмахъ поются совсѣмъ иныя пѣсни.

Побѣгъ изъ Херсонскаго острога совершился слѣдующимъ образомъ.

Въ бурную осеннюю ночь 1850 года спавшіе арестанты были разбужены поспѣшнымъ вхожденіемъ многихъ унтеръ-офицеровъ и спросомъ: «Кто бѣжалъ, съ какого мѣста наръ?» Разсказъ о томъ, что предшествовало этой тревогѣ, былъ слѣдующій.

Часовой (изъ недавно принятыхъ на службу) стоялъ на своемъ посту за высокою стѣною арестантскаго двора. Онъ укрывался въ шинель отъ бури, вѣтеръ вылъ, было совершенно темно... вдругъ что-то грохнулось какъ бы на него съ двухъ сторонъ; онъ испугался, уронилъ ружье и сталъ кричать «*Караулъ!*». Съ гауптвахты прибѣжали вооруженные люди и нашли его одного—дрожащимъ въ испугѣ.

Тогда дано было знать начальству и прибѣжали унтеръ-офицеры. Какъ и кто бѣжалъ—осталось невыясненнымъ, но по двумъ паденіямъ (со словъ часового) полагалось, что бѣжали двое, соскочивъ со стѣны близъ самого часового. Прибѣжалъ въ казарму встревоженный фельдфебель; послѣ опросовъ арестантовъ, кого нѣтъ, оказалось, что исчезли двое т. н. *Одесскіе*. Оба были пожилые. «Бѣжали одесскіе!»—всюду разнеслась молва. Какъ они бѣжали, остались ли слѣды — я не помню.

Какъ они взобрались на высокую каменную стѣну? Говорили о веревкѣ съ острымъ крючкомъ, заброшеннымъ снутри поверхъ стѣны, такъ что крючекъ захватилъ за другой край ея и натянутъ былъ какъ якорь, съ укрѣпленной на немъ веревкой, по которой арестанты могли влѣзть наверхъ толстой стѣны и затѣмъ, когда уже они оба были наверху, разомъ спустились на другую сторону и упали на землю.

Послана была погоня и письменныя извѣщанія въ уѣзды и сосѣднія губерніи, для изловленія бѣжавшихъ;—телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было.

Арестанты слѣдили нѣсколько дней и долго потомъ за извѣстіями и радовались, что таковыхъ не послѣдовало—«ни слуху, ни духу»—ушли, стало быть, освободились отъ проклятой неволи, должно быть, навсегда. Знавшіе ихъ близко предсказывали ихъ поимку—по склонности ихъ къ выпивкѣ; но этого не случилось—«должно быть, выпили уже въ безопасномъ мѣстѣ, добравшись до родины, а тамъ и нашли себѣ пріютъ, спасены!»

Послѣдствія ихъ побѣга, однако же, почувствовали мы всѣ, оставшіеся въ острогѣ: присмотръ былъ усиленъ, посты часовыхъ прибавлены. Начальство—ротный и фельдфебель—часто появлялось, но все это ничего, а была одна крайняя всѣмъ тягость: выходные двери на дворъ на ночь запирались и потому въ сѣни вносимъ былъ большой ящикъ съ крышкою, «*параша*»! Всѣ почувствовали это спавшіе въ двухъ казармахъ. Была общая жалоба, и жестокое это распоряженіе было скоро отмѣнено, и о побѣгѣ забыто всѣми.

XXXVII.

Описывая острожную жизнь въ ея разныхъ проявленіяхъ, не могу не упомянуть объ отношеніи населенія къ арестантамъ и лично ко мнѣ.

Населеніе, простой народъ, вообще къ арестантамъ относилось съ состраданіемъ и участіемъ.

Ежедневно, среди крѣпости, по дорогамъ, на базарахъ и площадяхъ, въ улицахъ города, проходя съ партіей арестантовъ, я видѣлъ,

нерѣдко, что люди встрѣчные останавливались, прерывая свои дѣла, и смотрѣли на нихъ, какъ бы размышляя о чемъ. Въ размышленіяхъ этихъ несомнѣнно все поглощалось чувствомъ сожалѣнія и желаніемъ хотя чѣмъ либо облегчить ихъ тяжелую участь, таковы вообще природныя чувства русскаго народа—человѣколюбіе, снисходительность, неосужденіе ближняго! Нерѣдко эти самыя личности, смотрѣвшія на арестантовъ и задумавшіяся при видѣ ихъ, подзывали къ себѣ близъ идущаго или сами подходили поспѣшно и совали ему въ руку деньги или куски пищи. Часто, при моемъ нахожденіи въ партіи работавшихъ или мимо проходившихъ арестантовъ, милостыня эта подаваема была мнѣ,—даже чаще, чѣмъ кому-либо—вѣроятно, мой юный еще видъ и малый ростъ удостаивался особаго сожалѣнья. Когда въ первый разъ мнѣ подана была милостыня, неожиданность этого какъ то непріятно поразила меня, какъ бы уколола мое самолюбіе, и вспыхнуло желанье отказаться отъ нея, но чувство этой неумѣстной гордости было мгновенно проскользнувшее, и, видя добродушное лицо подающаго, у меня не хватило дерзости отвернуться и отвергнуть благочестивое приношеніе, да и мои сожители, рядомъ со мною шедшіе, сочли бы это глупою дворянскою спесью. Къ счастью, я все это вдругъ сообразилъ и принялъ милостыню, поспѣшно отвернувшись однако же. Изъ подающихъ были обыкновенно женщины (мужчинъ я не помню вовсе). Иногда проходящая мимо останавливалась, призывая къ себѣ одного изъ насъ движеніемъ руки или головы, и, развязавъ узелокъ, бывшій у нея въ рукахъ, вынимала оттуда булку или другое печенье или сезонные фрукты и отдавала подошедшему или же, что чаще бывало, подходила сама и совала въ руки арестанта пятакъ. И это подаяніе было часто подаваемо мнѣ, я принималъ и благодарилъ, но по полученіи, если это была деньги — отдавалъ ее ближайшему около шедшему, если же это было что-либо съѣстное, то я съ удовольствіемъ съѣдалъ поданное и дѣлился—если было чѣмъ.

По прошествіи полугода по моемъ прибытіи въ Херсонъ, когда уже жителямъ стало извѣстнымъ, что между арестантами находится какой-то привезенный «чи изъ Питера, чи изъ Москвы, ма будь изъ Кыева—панычъ», многіе высматривали партію арестантовъ, ища глазами въ ней маленькаго, смуглаго, очень молодого еще *арестанта*, переговаривались между собою, даже показывали на меня пальцемъ. Однажды я былъ очень удивленъ и сконфуженъ, не зная, что отвѣтить: одна пожилая, толстая, по наружному виду простого званія, женщина, при остановкѣ партіи, вдругъ подошла ко мнѣ близко и, смотря на меня, покачавъ, какъ бы съ сожалѣніемъ головой, сказала мнѣ, громко вздохнувъ:

— Эхъ панычь, панычь! що ты се тамъ наробивъ, що тебе до насъ послалы?!

XXXVIII.

Наступила вновь безснѣжная, вѣтреная зима, а съ нею и новый 1851 годъ. Устраивая все болѣе мой ночлежный уголокъ, я пополнялъ недоставшее въ немъ, но это совершалось медленно, по мѣрѣ возможности, такъ какъ изъ денегъ, даваемыхъ мнѣ Н. Д. Рудыковскимъ, многое шло на ѣду и угощеніе нерѣдко арестантовъ. Такъ, помнится мнѣ, что только въ концѣ 1850 года я могъ позволить себѣ издержку на покупку грубаго дешеваго холста, часть котораго пошла на покрышку для ночи грязнаго тюфяка, другая же болѣе широкая послужила мнѣ одѣяломъ. Также заведены были два полотенца, и моя кожаная подушка была по временамъ обтираема намоченнымъ концомъ одного изъ нихъ. Каждый день, вставая по утрамъ, всю постель мою, съ слабо набитымъ тюфякомъ, я пригибалъ плотно поверхъ подушки. Подъ подушкою хранились кое-какія вещицы моей нетребовательной жизни (кусокъ мыла въ тряпкѣ и бумагѣ, полотенце, гребенка и т. п.).

Въ ветхомъ ящичкѣ подъ замкомъ были книжки и письменныя принадлежности, какъ запрещенный товаръ (во всемъ острогѣ я не видѣлъ ни разу, чтобы кто-нибудь изъ арестантовъ читалъ книгу), перочинный ножикъ для карандаша и кусочекъ резинки.... Бумага покупалась въ мелочныхъ ближнихъ лавочкахъ. Обезпечивъ себя въ самомъ необходимомъ въ этомъ отношеніи, я сталъ подумывать объ умственныхъ трудахъ. Прежде всего у меня были воспроизведены въ памяти и написаны нѣкоторыя стихотворенія, сочиненные мною въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ и новосочиненныя мною большею частью во время нахожденія моего на работахъ. У меня сохранились также нѣкоторые листки того времени. Къ таковымъ принадлежатъ записанныя мною, со словъ Мехмеда, отрывки турецкихъ народныхъ пѣсень и нарисованный моею неумѣлою рукою портретъ Мехмеда, возлежащаго на его постели возлѣ меня—съ головою, покоющеюся на ладони, облокотившейся на изголовьѣ правой руки, также и портретъ другого его земляка—нашегопріятеля Джурги,и еще одного русскаго арестанта, нѣсколько похожаго на меня, въ шапкѣ сѣраго сукна съ широкимъ въ два пальца крестомъ бураго сукна, черезъ всю шапку—одна полоса отъ уха чрезъ макушку до другого уха, другая—отъ затылка до края шапки на лбѣ). Полосы эти на-крестъ, измышленныя съ цѣлью обезображенія, не только не достигали этой цѣли, но даже какъ бы украшали головной покровъ арестанта, и шапка эта мнѣ скоро стала нравиться и я полюбилъ ее. Записывать тогда же все видѣнное и слышанное мною—характерныя выраженія арестантской рѣчи, у меня тогда и мысли не было. Такія замѣтки можно вести только при полномъ спокойствіи духа, отрѣшившись ото всего настоящаго и недавно прошедшаго—всецѣло насъ поглощающаго, какъ это выра-

жено въ первой части моихъ воспоминаній. Да мнѣ и въ голову не приходило, что мнѣ когда нибудь понадобится все это и что черезъ 50 лѣтъ я буду глубоко сожалѣть о томъ. Мысли и желанія мои въ то время всѣ поглощены были заботою объ удовлетвореніи, насколько возможно моихъ первыхъ нуждъ. Положеніе мое на верхнихъ нарахъ я представилъ читателю уже въ готовомъ видѣ, но оно образовывалось медленно, хотя перемѣщеніе мое на верхнія нары и состоялось гораздо ранѣе. Верхній этажъ въ плохо вентилированномъ многолюдномъ помѣщеніи и, къ тому же, въ самымъ дальнемъ отъ сѣней отдѣлѣ, не могъ не быть хуже качествомъ воздуха, чѣмъ нижній, гдѣ я занималъ мѣсто, болѣе близкое отъ выходной двери въ сѣни и передъ самымъ вентиляторомъ (о которомъ было упомянуто при описаніи первой моей ночи въ острогѣ), но я тогда этого вовсе не замѣтилъ и не обратилъ никакого вниманія въ виду большого неудобства помѣщенія моего внизу и возможности имѣть какой-нибудь свой, въ нѣкоторой степени изолированный уголокъ. Въ немъ было менѣе шума и сосѣдъ мой съ другой стороны былъ нѣсколько поодаль отъ меня. То же тамъ было и чище,—такъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, по опрятности моихъ сосѣдей, а также и по меньшему, сравнительно, количеству обсыпавшихъ меня насѣкомыхъ, или, можетъ быть, я уже привыкалъ къ этой обсыпкѣ и не такъ ее чувствовалъ. Вообще, я все болѣе приспособлялся къ новымъ условіямъ моей тюремной жизни и болѣе терпѣливо переносилъ ее. Всякій разъ выходилъ я на работу и по возвращеніи чувствовалъ себя нѣсколько освѣженнымъ прогулкою и пребываніемъ внѣ-казарменнаго воздуха. По вечерамъ, улегшись на своемъ мѣстѣ, зажигалъ свѣчу и кое-что читалъ и дѣлалъ замѣтки карандашемъ. Такъ текла моя жизнь. Цирюльникъ *Мойша* (солдатъ мѣстнаго баталіона) обходилъ еженедѣльно всю роту и брилъ, смѣясь и шутя, головы арестантовъ. Никто тому не противился, но нѣкоторые просили подождать еще и онъ охотно соглашался, лишь бы начальство не понуждало къ тому. По временамъ, однакоже, упадая духомъ, я болѣе чувствовалъ всю тягость моей жизни и перемѣщался, подъ видомъ болѣзни, для развлеченья и отдыха въ военный госпиталь. Въ немъ я находилъ всякій разъ радушный пріемъ и отдыхалъ, но могъ оставаться тамъ только короткое время, такъ какъ, сидя безъ прогулки, я начиналъ скучать, терялъ аппетитъ, слабѣлъ, даже заболѣвалъ лихорадочнымъ состояніемъ и потому спѣшилъ къ концу второй же недѣли вновь возвратиться въ наше, повидимому, для сохраненія здоровья лучшее помѣщеніе, въ которомъ, скоро по возвращеніи, и выздоравливалъ.

XXXIX.

Давно уже я не упоминалъ о столь интересовавшемъ меня прежде товарищѣ А. Н. Биліо, къ которому я былъ искренно расположенъ

но я его видѣлъ все рѣже, и онъ какъ бы скрывался отъ меня, такъ что я былъ лишенъ сообщества моего добраго пріятеля, которому, съ первыхъ дней моего прибытія, я обязанъ былъ утѣшеніемъ и нравственною поддержкою. Причиной тому было его частое опьяненіе. Онъ возвращался въ казарму, какъ бы чрезвычайно утомленный, молчаливый, иногда съ покраснѣвшимъ лицомъ и сонными глазами, и ложился спать,—на верхнихъ нарахъ. Ночью, говорили мнѣ, онъ часто игралъ въ карты, выигрывалъ и тогда покупалъ водку и угощалъ себя и другихъ. Кельхинъ о немъ говорилъ: «Антонъ Николаевичъ запилъ и тѣмъ погубитъ себя!» Въ одно утро я не нашелъ у моей постели моихъ сапоговъ и, встанъ, босикомъ пошелъ отыскивать ихъ по казармѣ: я ходилъ и спрашивалъ всѣхъ: «Не знаете ли, кто взялъ мои сапоги? Не въ чемъ вѣдь ходить!»

Сапоги мои нашлись и были отданы мнѣ: оказалось, что Антонъ, Николаевичъ проигралъ ихъ въ карты, въ надеждѣ, конечно, отыграться и возвратить мнѣ ихъ во время, но надежда его не сбылась и онъ выпивъ, заснулъ. Съ тѣхъ поръ я его совсѣмъ пересталъ видѣть и скоро узналъ, что онъ, раннею весною 1851 года выбылъ изъ роты, окончивъ свой срокъ, не простившись ни съ кѣмъ. Глущенко и Менщиковъ—его постоянные застольники скуднаго стола, сожалѣли о немъ, но болѣе всѣхъ сожалѣлъ о немъ я. И вотъ, однажды мнѣ случилось встрѣтить его на кирпичномъ заводѣ, на дачномъ помѣщеніи семейства вышеупомянутаго мною дѣлопроизводителя инженерныхъ работъ А. М. Бушкова. Онъ, при видѣ меня, казалось былъ смущенъ и стоялъ, не сдвинувшись съ мѣста. Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Антонъ Николаевичъ! Вы уже на свободѣ—поздравляю васъ. Отчего же вы такъ ушли, ни съ кѣмъ не простившись, и со мною тоже?

Онъ стоялъ, не зная, что отвѣтить, но въ глазахъ его показались слезы, и онъ прошепталъ, робко смотря на меня:

— Простите! Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ!

— Ну простимся же хоть теперь!—сказалъ я. Я обнялъ его; онъ схватилъ мою руку, и съ силой удерживая ее, прижалъ къ своимъ губамъ и цѣловалъ, плача. Я обнялъ его еще разъ,—мы простились. Прощанье это меня разстрогало, и я вышелъ изъ комнаты.

XL.

Настало Рождество и новый 1851 годъ. Думая о томъ, что срокъ мой еще дологъ, я иногда утѣшался мыслью, что, можетъ быть, что-либо и случится благопріятствующее скорѣйшему моему освобожденію, но такія надежды казались уже мнѣ несбыточными, и я старался прогонять отъ себя эти ни на чемъ не основанныя обманчивыя мечты и переходилъ вновь къ обычнымъ моимъ размышленіямъ—о сохраненіи мнѣ моего уголка и о большемъ развитіи въ немъ моихъ умствен-

ныхъ трудовъ, а между тѣмъ это были уже почти послѣдніе дни моей острожной жизни; въ первые дни свѣтлаго праздника, совсѣмъ неожиданно, я былъ освобожденъ и милостиво произведенъ въ солдаты русской арміи.

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ странномъ совпаденіи: передъ наступленіемъ этого въ жизни моей столь памятнаго событія, я видѣлъ на вербной недѣлѣ сонъ. Не будучи суевѣрнымъ или вѣрящимъ въ сны, я живо сохранилъ въ памяти моей это какъ бы иносказательное видѣніе.

Мнѣ снилось, что я вышелъ на работу въ большой партіи арестантовъ, но будто бы по какому-то дѣлу, я отдѣлился отъ наряда въ сопровожденіи конвойнаго. И вотъ мы вдвоемъ идемъ по крѣпости, заходимъ въ нѣкоторыя мѣста и затѣмъ повернули на дорогу въ казарму, какъ вдругъ я замѣтилъ, что на головѣ у меня нѣтъ моей полюбленной мною уже шапки съ крестомъ. Встревожась этимъ, мы вернулись и искали забытую гдѣ-то или потерянную мною шапку. Какъ я такъ и конвойный, который былъ ко мнѣ очень внимателенъ и услужливъ, мы старательно искали, но, не найдя, разошлись въ разныя стороны, полагая успѣшнѣе ее найти, но потерявъ надежду, я вернулся къ мѣсту, на которомъ мы разошлись, а конвойный опоздалъ и въ ожиданіи его я встревожился еще болѣе, ходилъ туда и сюда. уже забывъ о потери шапки, смотрѣлъ кругомъ, звалъ его, окликалъ повсюду громко, но отвѣта на мой зовъ не послѣдовало. И вотъ я стою одинъ въ степи и думаю, какъ это нехорошо, я возвращусь одинъ въ острогъ безъ конвойнаго. Онъ можетъ подвергнуться большой отвѣтственности за оставленіе арестанта. Я еще поджидалъ и звалъ его, но онъ не являлся, между тѣмъ все болѣе темнѣло и я рѣшился вернуться безъ него, думая, если я вернусь благополучно, то онъ пойдетъ на гауптвахту и тѣмъ и окончится все; но спѣша возвратиться въ казарму, я не нашелъ болѣе дороги и увидѣлъ себя совсѣмъ въ иной мѣстности: рѣки не было, а передо мною стояли горы и лѣсъ. Такое положеніе меня смутило и я стоялъ въ тревогѣ и недоумѣніи.

Таковъ былъ мой сонъ. Разбуженный какимъ-то шумомъ, я увидѣлъ себя лежащимъ на верхнихъ нарахъ.

XLI.

Настала страстная недѣля, весна переходила уже въ лѣто; солнце грѣло сильно. Въ эти дни арестанты уже не ходили на работы, а только партіями водились въ соборную церковь. Въ одинъ изъ первыхъ дней этой недѣли, утромъ послѣ обѣдни, когда всѣ жители острога были уже дома, вдругъ взоры всѣхъ были привлечены необыкновеннымъ явленіемъ.

У входа изъ сѣней въ казарму показался комендантъ и остановился, спрашивая что-то. Онъ былъ безъ всякой свиты, одинъ. Къ

нему на встрѣчу подбѣжалъ бывшій въ казармѣ дежурный унтеръ-офицеръ и на вопросъ коменданта отвѣтилъ и показалъ рукою на срединный проходъ. Я находился въ эту минуту въ задней части казармы, внизу отъ моего верхняго ночлега, и увидѣвъ коменданта идущимъ по направленію прямо къ намъ, удивился тому и не спускалъ съ него глазъ; онъ шелъ медленно, разсматривая внимательно стоявшихъ по сторонамъ и поднимавшихся, при приближеніи его, съ наръ людей и всматриваясь въ каждаго. Приблизившись къ нашему ряду, онъ узналъ меня и, подойдя ко мнѣ, остановился и сказалъ:

— Я хотѣлъ видѣть васъ и лично передать вамъ, что, по извѣстію, полученному мною сегодня о васъ изъ Петербурга, вы будете очень скоро освобождены изъ острога, радуюсь за васъ!

Сказавъ эти слова своимъ тихимъ голосомъ, но довольно слышнымъ для близъ стоящихъ, онъ постоялъ нѣсколько секундъ, смотря на меня, потомъ повернулся и пошелъ обратно. Я остался, по уходѣ его, погруженный въ пріятную думу. Близъ меня стоявшіе арестанты изъявляли мнѣ свою радость по случаю предстоящаго мнѣ избавленія отъ проклятой тюрьмы, и новость эта разлетѣлась по всей казармѣ. Многіе подходили и поздравляли меня. Я почувствовалъ желаніе сообщить сейчасъ же эту новость Кельхину, но не вышелъ еще изъ нашего отдѣленія, какъ меня догнали всѣ турки и, окруживъ меня, всѣ и каждый въ отдѣльности привѣтствовали съ полученнымъ для меня радостнымъ извѣстіемъ: «Берекетъ олсунъ (милость Божія на васъ), Богъ дастъ, Богъ дастъ,—говорили они, — мы всѣ выйдемъ отсюда—никто не останется здѣсь!»

Перейдя въ другое отдѣленіе, я подошелъ къ Кельхину и сообщилъ ему мою новость. Онъ былъ глубоко тронутъ этимъ извѣстіемъ.

— Слава Богу,—говорилъ онъ,—и мнѣ уже не долго остается пережить васъ здѣсь; осенью этого года исполнится отбывка и моего 15-ти-лѣтняго здѣсь заключенія! Я нерѣдко задумывался о васъ, какъ вы, по выходѣ моемъ отсюда, останетесь одни! Трудно привыкать къ неволѣ! Ну, слава Богу! нужно удивляться, что на вашу долю выпало особое счастье!

Это выпавшее на мою долю дѣйствительно особое счастье (какъ я впослѣдствіи узналъ) было дѣломъ моихъ родныхъ искусно проведенное черезъ высокопоставленныхъ лицъ ходатайство объ освобожденіи меня изъ тюрьмы.

Освобожденіе мое, сколько я помню, послѣдовало на 3—4-й день свѣтлаго праздника и произошло слѣдующимъ образомъ. Пришелъ въ роту фельдфебель и сказалъ мнѣ:

— Я получилъ приказаніе выпустить васъ изъ нашего острога. Мнѣ поручено также зайти съ вами въ цейхгаузъ здѣшняго гарнизона и выбрать для васъ, изъ находящагося въ немъ склада, подходящій для васъ солдатскій нарядъ.

Хотя я и ожидалъ съ нетерпѣніемъ исполненія возвѣщеннаго мнѣ комендантомъ, но слова его меня встревожили, я какъ бы испугался сердце забилось: свобода въ солдатскомъ нарядѣ, неизвѣстность послѣдующаго и приказаніе сейчасъ же выходить мнѣ изъ острога, изгнаніе меня навсегда изъ столь заботливо въ немъ устроеннаго мною уютнаго уголка, съ неизвѣстностью куда; все это вдругъ представилось мнѣ и отозвалось въ сердцѣ какимъ-то смутнымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ и выразилось словами:

— Вы меня не выгоняйте сейчасъ изъ нашего жилища, къ которому я уже привыкъ; другого у меня нѣтъ въ Херсонѣ! Да мнѣ и такъ уйти нельзя—надо обойти всю казарму, проститься съ людьми!.. Я вѣдь не сейчасъ отправленъ буду по назначенію, такъ что въ эти дни могу еще заходить къ вамъ!?

— Милости просимъ, будемъ рады всѣ,—отвѣчалъ онъ.

Я обошелъ оба отдѣленія, сказавъ всѣмъ, что ухожу изъ острога, но еще приду проститься.

Мы вышли изъ за желѣзной рѣшетчатой двери сѣней и направились къ цейхгаузу, который былъ близь памятнаго мнѣ ордонансгауза. Тамъ началась разборка солдатскихъ вещей. Мнѣ надобно было подобрать на мой ростъ шинель, брюки и шапку, но вещи всѣ были плохія, какъ бы поношенныя, и самъ фельдфебель совѣстился предлагать мнѣ ихъ. Мы разрыли еще другія связки платья (онѣ перевязаны были поперекъ веревками) и наконецъ выбрали болѣе чистый и къ моему росту подходящій костюмъ. Сдѣлавъ это, мы вышли и я спросилъ фельдфебеля, куда мнѣ идти и гдѣ я буду сегодня ночевать?

Онъ отвѣчалъ: «Я приказаніе начальства исполнилъ, остальное не мое дѣло». Мы разошлись.

Оставшись одинъ, я прежде всего побѣжалъ на инженерный дворъ къ Н. Е. Рудыковскому и, войдя къ нему, предсталъ передъ нимъ въ солдатской формѣ. Онъ былъ очень обрадованъ моимъ появленіемъ, позвалъ свою жену и даже нянюшку съ ребенкомъ на рукахъ привѣтствовать меня. Затѣмъ онъ пригласилъ меня сѣсть и закидалъ вопросами.

— Какъ и куда вы будете отправлены и когда? Обо всемъ этомъ надо вамъ освѣдомиться теперь же у коменданта. Надо вамъ собраться въ дорогу. Я тоже пойду къ коменданту и надѣюсь, что онъ одобритъ мое желаніе, чтобы вы эти дни прожили у меня.

Когда я пришелъ къ коменданту въ солдатской формѣ, онъ принялъ меня какъ всегда вѣжливо, но холодно, поздравилъ съ выходомъ, но о томъ, какъ это случилось столь неожиданно для меня и для него, предпочелъ умолчать, хотя онъ получилъ запросъ обо мнѣ отъ своего начальства, составленный такъ, что онъ не могъ не отвѣчать въ желаемомъ смыслѣ. Затѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ бы былъ слѣдовать къ мѣсту назначенія по этапу, но въ виду

ходатайства моихъ родныхъ, мнѣ дозволено отправиться на Кавказъ почтою, въ сопровожденіи унтеръ-офицера, по назначенію мѣстнаго начальства, съ условіемъ его обратнаго возвращенія въ Херсонъ на мой счетъ, и что для этого присланы мнѣ деньги 300 рублей, и предложилъ мнѣ взять изъ нихъ часть, для необходимыхъ издержекъ остальныя же будутъ вручены унтеръ-офицеру, который отправится со мною.

Я просилъ выдать мнѣ изъ нихъ на руки 75 руб., чтобы я могъ собраться въ дорогу. Затѣмъ, я пожелалъ написать черезъ него письмо роднымъ, какъ это я дѣлалъ прежде. Онъ предоставилъ мнѣ свой кабинетъ и вышелъ изъ него. Когда я окончилъ и всталъ, онъ вновь вошелъ въ него и прибавилъ къ сказанному, что все мое привезенное съ собою бѣлье и обувь находятся на храненіи у ротнаго командира и предложилъ мнѣ зайти къ нему за этими вещами (а гдѣ всѣ другія мои вещи — объ этомъ не упомянулъ вовсе). Также прибавилъ еще, что всѣ привезенныя мною книги сохраняются въ его канцеляріи, а одна изъ нихъ находится у него на квартирѣ и я сейчасъ ее получу. Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вошла въ кабинетъ его дочь—взрослая дѣвушка и принесла мнѣ книгу; это было извѣстное сочиненіе «Géographie de Balbi», большой толстый томъ въ прекрасномъ заграничномъ переплетѣ. Она отдала мнѣ его; я просилъ ее подождать, развернулъ его, просмотрѣлъ и затѣмъ, настроенный весьма добродушно, предложилъ ей сохранить эту книгу у себя на память отъ меня. Она была, повидимому, очень удивлена такою неожиданностью и, поблагодаривъ меня, подала мнѣ руку и ушла *). Объ этомъ подаркѣ моемъ я очень сожалѣлъ впослѣдствіи, такъ какъ я ѣхалъ жить въ страну некультурную, лишенную всякой книжной торговли, да и сомнѣвался въ томъ, что подарокъ мой былъ оцѣненъ получившими его.

Прежде оставленія дома коменданта, мнѣ пришла счастливая мысль упомянуть ему объ оставляемомъ мною въ острогѣ Кельхинѣ. Я просилъ коменданта обратить вниманіе на этого человѣка, который вполнѣ того заслуживаетъ. Я разсказалъ вкратцѣ исторію его жизни и такъ какъ въ этомъ 1851 году, по отбытіи 15-ти-лѣтняго срока, ему предстоитъ выходъ изъ острога, то я прошу его изъ денегъ, присланныхъ мнѣ, сохранить къ выходу его 20 руб. на первую экипировку его и необходимыя надобности. Онъ выслушалъ меня, казалось, со вниманіемъ и обѣщалъ исполнить мое желаніе и для этого позвать къ себѣ Кельхина и объявить ему о моемъ оставленіи ему 20 руб.

Послѣ этого я простился и вышелъ изъ квартиры коменданта на-

---

*) При продажѣ моихъ вещей съ аукціона на книги не нашлось покупателя и потому только онѣ и сохранились.

всегда уже, произнося слова: «Слава Богу! Теперь буду писать письма кому хочу безъ посредства непрошенныхъ чтецовъ!»

Затѣмъ, я направился вновь къ Рудыковскому, который предложилъ мнѣ перемѣститься къ нему и прожить у него въ семействѣ. Приглашеніе это меня очень обрадовало. Я пошелъ затѣмъ къ моему бывшему ротному командиру; его не было дома, но я засталъ его жену. Она имѣла видъ простой женщины, прилично одѣтой, приняла меня очень радушно: «Она много слышала уже обо мнѣ отъ ея мужа, у нея находится все мое бѣлье и хранится въ полномъ порядкѣ и чистотѣ, также и одна пара сапоговъ». Она предлагала мнѣ чаю или покушать что-нибуь, но я счелъ лучшимъ кончить скорѣе всѣ мои сборы и помѣститься уже спокойно у милаго, дорогого мнѣ, единственнаго моего друга въ Херсонѣ Н. Е. Рудыковскаго. Поблагодаривъ ее за сбереженіе моихъ вещей, я просилъ передать мой поклонъ и благодарность противному мнѣ ея мужу. Вещи всѣ я обвилъ полотенцемъ и съ этимъ пакетомъ пришелъ вновь къ Рудыковскому.

Онъ показалъ мнѣ все свое жилище и нашелъ, что мнѣ всего удобнѣе расположиться у него въ кабинетѣ. Тогда, усталый отъ всей этой спѣшной и тревожной возни, я прилегъ у него въ кабинетѣ на диванъ и задремалъ. Это было полное спокойствіе и давно желанный отдыхъ, не отравленный болѣе никакою мыслью о неволѣ.

Проснулся я разбуженный Рудыковскимъ, приглашавшимъ меня обѣдать. Я былъ очень голоденъ и утолилъ мой голодъ хорошею, питательною пищею. Послѣ обѣда я вновь заснулъ, и когда проснулся, былъ уже вечеръ, но солнце еще стояло надъ горизонтомъ. Тогда я нашелъ нужнымъ зайти въ острогъ и сказалъ о томъ Рудыковскому. Онъ съ удивленіемъ спросилъ меня: зачѣмъ? Я разъяснилъ ему, что такъ слѣдуетъ, я это чувствую какъ бы моимъ нравственнымъ долгомъ, меня влечетъ туда, къ товарищамъ моимъ по заключенію, оставшимся въ неволѣ, я хочу ихъ видѣть всѣхъ и каждаго; кромѣ того, между ними есть нѣсколько личностей, которыхъ мнѣ жаль оставить въ острогѣ и съ которыми нельзя не проститься. Выслушавъ меня, онъ одобрилъ мое намѣреніе, и я пошелъ въ острогъ.

По прибытіи туда мнѣ отворена была сейчасъ же рѣшетчатая дверь и я вошелъ въ сѣни, привѣтствуемый многими. Я вошелъ въ наше отдѣленіе и тутъ встрѣченъ былъ турками и былъ посаженъ среди нихъ. Мулла поздравилъ меня отъ имени всѣхъ (какъ обыкновенно на турецкомъ языкѣ), выражалъ сожалѣніе, что я еще долженъ отбывать солдатскую службу и потому «вашъ выходъ отсюда,—говорилъ онъ,— не есть настоящее освобожденіе, а только перемѣщеніе изъ одной казармы въ другую. Конечно, солдатомъ быть легче, чѣмъ арестантомъ, но это не свободная жизнь! Когда уѣдете изъ этого края, вспомните о насъ, здѣсь оставшихся. Богъ дастъ, настанетъ пора и мы выйдемъ. По уходѣ вашемъ отсюда, мы будемъ всѣ васъ

вспоминать, какъ вы съ перваго дня вашего прибытія привлекли насъ къ себѣ вашимъ привѣтствіемъ насъ на нашемъ родномъ языкѣ, какъ вы здѣсь жили среди насъ и среди всей толпы здѣшнихъ людей, какъ бы равный со всѣми. И арестанты васъ полюбили. Отъ имени всѣхъ насъ, турокъ, я выражаю вамъ наше уваженіе и да благословитъ Богъ спокойствіемъ вашу дальнѣйшую жизнь!»

Такими, приблизительно, словами была сказана, какъ бы вылившаяся прямо изъ сердца, обращенная ко мнѣ рѣчь умнаго муллы. Я съ своей стороны отвѣчалъ имъ тоже не менѣе сердечными словами, прощался съ ними и выражалъ имъ искреннюю благодарность за все это время, прожитое съ ними, подъ тягостью общей неволи, что я ихъ никогда не забуду, и обѣщалъ имъ, если только будетъ какая-либо возможность, прислать имъ просимую ими молитвенную книгу *).

Въ этой казармѣ прощался я съ Морозовымъ, Глущенко, Менщиковымъ, Колюжнымъ, Ефимовымъ, Еремѣевымъ и многими другими, которыхъ фамиліи не вспоминаю.

— Прощайте!—говорилъ я имъ,—прощайте всѣ! Меня гонятъ въ другую казарму изъ здѣшняго моего уголка, изъ нашей среды, къ которой я уже привыкъ. Прощайте! Васъ помнить буду я всегда!..

Я перешелъ въ другое отдѣленіе; туда влекли меня двѣ личности—Кельхинъ и Вороновъ. Я посидѣлъ у нихъ минутъ 10. Съ Кельхинымъ мы условились проститься внѣ казармы на другой день. Затѣмъ я вышелъ, сказавъ, что еще вернусь къ нимъ.

Было уже темно и я съ особымъ чувствомъ радости испытывалъ наслажденіе быть однимъ среди природы, безъ всякихъ спутниковъ, ходившихъ за мною въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ моей жизни въ Херсонскомъ острогѣ. Тутъ вспомнился мнѣ, по истинѣ удивительный, мудровѣщательный сонъ: на мнѣ не было арестантской шапки и при мнѣ не было болѣе конвоирующаго меня солдата. Откуда возникъ въ настрадавшемся угнетенномъ мозгу моей безумной головы столь прорицательный сонъ? Не вѣрю снамъ, но и забыть этого не могу!

Я спустился къ Днѣпру—онъ былъ у ногъ моихъ въ полномъ разливѣ. Вечеръ былъ теплый, всходила луна. Въ созерцаніи давноневиданныхъ мною весеннихъ красотъ природы, въ вечерній часъ, стоялъ я погруженный въ сладостную думу и затѣмъ побрелъ впередъ, и вышелъ довольно далеко изъ границъ крѣпости. Подвигаясь медленно, въ забвеніи, я вдругъ вспомнилъ, что я живу теперь въ новомъ жилищѣ—въ гостяхъ у Н. Е. Рудыковскаго и побѣжалъ бѣгомъ туда, гдѣ меня уже давно ждали.

---

*) Я исполнилъ мое обѣщаніе, купилъ въ г. Керчи *Алькоранъ* и, по прибытіи моемъ въ мѣсто назначенія, передалъ его возвращавшемуся въ Херсонъ моему спутнику — унтеръ-офицеру, для врученія муллѣ, котораго онъ лично зналъ въ числѣ конвоированныхъ имъ арестантовъ. Исполнена-ли имъ была моя эта просьба, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

По возвращеніи я пилъ чай въ милой мнѣ семьѣ и былъ угощаемъ обильною разнообразною пищею съ праздничнаго свѣтловоскреснаго стола и вполнѣ довольный и счастливый легъ въ приготовленную для меня чистѣйшую и мягкую постель и заснулъ сладкимъ сномъ до утра.

На другой день я всталъ, не торопясь, и вновь насладился пріятной бесѣдой за чайнымъ столомъ съ милыми мнѣ хозяевами. Мнѣ было такъ хорошо, уютно, спокойно, что мнѣ хотѣлось продлить это невозмутимо блаженное состояніе, но оно дано было мнѣ судьбою кратковременно и при нежеланіи двигаться куда-нибудь, мысль объ отъѣздѣ на солдатскую службу и объ оставленіи здѣсь, быть можетъ, навсегда, столь недавнихъ еще, привлекшихъ къ себѣ мое сердце людей была для меня тягостна, а надо было приготовляться къ отъѣзду—идти покупать нѣкоторыя вещи для дороги и жизни на новомъ мѣстѣ въ неизвѣстномъ мнѣ положеніи. Между тѣмъ были еще праздники и лавки въ городѣ открывались медленно, что давало мнѣ нѣкоторый поводъ къ замедленію отъѣзда, притомъ же, я долженъ былъ еще проститься, не торопясь, съ покидаемыми мною навсегда товарищами по заключенію. Поговоривъ съ Рудыковскимъ, посовѣтовавшись съ нимъ обо всемъ, я вновь направился къ своимъ острожнымъ друзьямъ и дорогою придумалъ, что я съ ними вмѣстѣ раздѣлю праздникъ моего выхода—буду обѣдать съ ними въ острогѣ и на мой счетъ устрою имъ хоть какой-либо праздничный столъ. Придя въ казарму, я посовѣтовался съ унтеръ-офицеромъ, съ кашеваромъ и съ артельщиками. Это оказалось возможнымъ и я внесъ для этого небольшую плату для обѣда на завтрашній день. Затѣмъ, уходя, я просилъ фельдфебеля, пришедшаго тогда въ казарму, отпустить со мною въ городъ Кельхина—для нужныхъ мнѣ покупокъ. Кельхинъ, уже оканчивающій свой 15-лѣтній срокъ, пользовался полнымъ довѣріемъ ближайшаго начальства и былъ сейчасъ же отпущенъ со мною безъ всякаго конвоя.

Мы вышли вдвоемъ и, выйдя изъ крѣпости по направленію въ городъ, отошли отъ дороги и, найдя въ степи небольшой овражекъ, присѣли на немъ побесѣдовать вдвоемъ наединѣ. Бесѣда эта съ нимъ сохранилась у меня въ памяти въ общихъ чертахъ: я говорилъ, что, уѣзжая отсюда, оставляю его и благодарю его за все время, прожитое съ нимъ въ острогѣ; онъ помогъ мнѣ пережить его. Теперь мы разстаемся и едва ли судьба сведетъ насъ вмѣстѣ, потому простимся какъ бы навсегда! Потомъ я сказалъ ему о моей просьбѣ о немъ коменданта и объ оставленіи ему изъ присланныхъ мнѣ на дорогу денегъ двадцати рублей, которые ему пригодятся при выходѣ его въ этомъ году изъ острога. «Комендантъ обѣщалъ исполнить мое порученіе и хотѣлъ васъ видѣть и лично передать вамъ объ этомъ». Кельхинъ былъ не многорѣчивъ, но очень чувствителенъ сердцемъ и въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ, со слезами на глазахъ, дро-

жащимъ голосомъ, выразилъ мнѣ свои искреннія чувства. Затѣмъ я подарилъ ему изъ имѣвшихся у меня на рукахъ денегъ пять рублей. Мы обнялись горячо и крѣпко: проживъ годъ и четыре мѣсяца въ одномъ помѣщеніи, подъ гнетомъ общей неволи, было надъ чѣмъ задуматься при предстоящей разлукѣ навсегда.

Мы пошли въ городъ сдѣлать покупки мнѣ на дорогу и я впервые увидѣлъ городъ Херсонъ и въ немъ хорошіе магазины. Не помню всего, что мы купили, но куплена была лѣтняя парусиновая шапка, дешевый лѣтній костюмъ, кожаный кошелекъ для денегъ и какой-то легкій подержанный чемоданъ. Затѣмъ, я проводилъ его въ казарму, имѣя въ виду еще его увидѣть на другой день, и вернулся къ Рудыковскому.

На другой день, къ обѣденному времени, я пришелъ вновь къ моимъ острожнымъ друзьямъ и обѣдалъ съ ними вмѣстѣ. Я обходилъ ихъ всѣхъ по нарамъ—всѣ они были довольны и благодарили меня. Въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми я оставался въ средѣ ихъ дольше. Компаніи турокъ я удѣлилъ не малое время и простился съ каждымъ, пожавъ руку. Мехмеда я позвалъ взойти со мною къ мѣсту нашего ночлега. Тамъ изъ моего имущества я взялъ подушку, изъ ящика вынулъ мои записки и карандашъ, остальное все оставилъ ему. Мои взятыя вещи я поручилъ ему мнѣ завтра утромъ пораньше принести къ Рудыковскому. Еще разъ простившись со всѣми, я вышелъ изъ острога, напутствуемый добрыми пожеланіями.

Окончивъ всѣ дѣла, я провелъ спокойно весь день въ семействѣ Рудыковскаго. Въ этотъ же день явился ко мнѣ унтеръ-офицеръ, назначенный сопутствовать меня на Кавказъ, и отъѣздъ мой назначенъ былъ мною на другой день утромъ.

Вечеромъ поздно до глубокой ночи я бесѣдовалъ съ Рудыковскимъ. Простившись съ нимъ на ночь, я сѣлъ писать—написалъ письмо роднымъ и затѣмъ стихотвореніе, которое и оставилъ Рудыковскому на память отъ меня.

На другой день утромъ, не рано, часовъ въ 11, подъѣхала къ крыльцу перекладная, запряженная парой, почтовая телѣжка съ колокольчикомъ у дышла. Прощаться въ Херсонѣ было не съ кѣмъ и, крѣпко обнявъ Н. Е. Рудыковскго и простившись съ его семьей, я сѣлъ въ телѣгу; рядомъ со мной помѣстился спутникъ мой, унтеръ-офицеръ. Мы выѣхали скоро на большую дорогу; я былъ въ грустномъ раздумьи отъ всего, что со мною случилось!.. Насъ окружала зеленѣющая степь, весна была въ полномъ разгарѣ и я сидѣлъ молча подъ ея оживающимъ вѣяньемъ...

Дмитрій Ахшарумовъ.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА.

Мы вамъ непонятны, мы витязи моря,
Мы—дѣти таинственной вамъ глубины.
Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ, мы—голосъ волны.

Не знаемъ мы страха: ударъ вашей стали
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлую вѣчность титаны ковали,
Мы всѣ—закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы—гордые дѣти царя Океана.
Суровъ онъ и страшенъ въ коронѣ изъ слезъ.

И сквозь изумрудные, синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой,
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, луннымъ сіяніемъ ночи
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго, жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы.
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ.
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя...
Мы чужды и странны, мы витязи моря,
Мы вольныя дѣти морского царя.

Скиталецъ.

БУНТЪ.

I.

Это было большое, казарменнаго вида, бѣлое и скучное зданіе, плакавшее отекшей отъ сырости штукатуркой. Оно было построено, какъ больница: такіе же ровные и пустые корридоры, такія же большія, но тусклыя, съ непрозрачными нижними стеклами, окна, такія же высокія бѣловатыя двери съ номерками и надписями, и даже пахло здѣсь такъ же: мытымъ чистымъ бѣльемъ и карболкой. А самое непривѣтливое было то, что все здѣсь было такъ черезчуръ чисто, пусто и аккуратно, какъ будто здѣсь жили не живые люди, а статистическія цифры.

Въ этотъ день богатая, хорошей фамиліи, молодая дама въ первый разъ пріѣхала для осмотра пріюта, такъ какъ ее только вчера выбрали вице-предсѣдательницей того общества, которое, на свои и пожертвованныя деньги, устроило этотъ пріютъ „для кающихся“. Волоча по блестящему полу длинный шлейфъ и съ любопытствомъ и легкимъ смущеніемъ оглядываясь по сторонамъ, она прошла въ чистую и хорошо обставленную комнату „для членовъ комитета“, а за нею, размашисто и свободно переваливаясь и шаркая подошвами, прошелъ секретарь общества, красивый, статный человѣкъ въ золотомъ пенснэ.

— Ну-съ, Лидія Александровна,—съ небрежной шутливостью избалованнаго женщинами мужчины сказалъ секретарь, потирая руки,—начнемъ съ пріема... новыхъ питомицъ нашего высоконравственнаго учрежденія.

— Ну, ну, не смѣяться!—кокетливо погрозила ему Лидія Александровна и на мгновеніе задержала на немъ свои большіе, красивые и слегка подрисованные глаза.

Надзирательница пріюта, желтая и сухая дама, вдова офицера, угодливо улыбнулась и, отворивъ дверь въ корридоръ, громко и отчетливо сказала, точно считая:

— Александра Козодоева.

За дверью послышались неувѣренные и торопливые шаги и

вошла небольшая, полная, съ крутыми плечами и темными глазами женщина.

Лидія Александровна, сомнѣваясь, такъ ли дѣлаетъ, и шумя платьемъ, поднялась ей навстрѣчу.

„Вотъ онѣ какія... эти... женщины!“ подумала она съ интересомъ, и хотя была очень воспитана, прямо, съ брезгливымъ недоумѣніемъ, нѣсколько секундъ разсматривала ее. И ей все казалось, что это не настоящая женщина, а что-то такое искусственное, спеціально для пріюта сдѣланное.

Александра Козодоева испуганно и некрасиво косила глазами и молчала.

Секретарь быстро взглянулъ на нее, но убѣдился, что не знаетъ, и успокоился.

— Вы, кажется, Александра Козодоева?

— Да-съ,—отвѣтила дѣвушка, тяжело и подавленно вздыхая.

Ее давно уже всѣ звали Сашкой и Сашей, и ей было странно отзываться на полное имя и фамилію.

— Вы добровольно желаете вступить въ пріютъ?—оффиціально и небрежно спросилъ секретарь.

— Да-съ,—опять испуганно отвѣтила Саша.

Вблизи близорукій секретарь, щурясь, оглядѣлъ ее, точно цѣпляясь взглядомъ за всѣ круглыя и мягкія части ея тѣла. Саша поймала этотъ ищущій взглядъ и сразу ободрилась, будто натолкнувшись на что-то знакомое и понятное, среди чужого и страшнаго.

— Мы получили уже ея документы, Лидія Александровна... Я распорядился устроить ее на мѣсто Ѳедоровой,—слегка пришлепывая губами и уступая ей мѣсто, сказалъ секретарь.

Глаза Лидіи Александровны стали испуганными, она почувствовала, что теперь ей слѣдуетъ сказать что-то хорошее, и не знала, что.

— Это очень хорошо.. что вы задумали,—торопливо и путаясь проговорила она,—вамъ будетъ теперь гораздо лучше и... васъ тамъ помѣстятъ... вы идите, я распоряжусь. Корделія Платоновна!

— Не безпокойтесь, Лидія Александровна,—говоркомъ проговорила надзирательница.—Идемте, Козодоева.

Когда дѣвушка уходила, Лидія Александровна въ зеркало увидѣла прищуренные глаза секретаря, и ей вдругъ показалось, что онъ просто и близко сравниваетъ ихъ обѣихъ. Что-то оскорбительное ударило ей въ голову, она страннымъ голосомъ произнесла какую-то французскую фразу и нехорошо засмѣялась.

„Чего она смѣется?“ промелькнуло у Саши въ головѣ.

— А она—ничего!—сказалъ секретарь, когда дверь затворилась.

Лидія Александровна презрительно вздернула головой.

— У васъ нѣтъ вкуса... она груба,—съ безсознательнымъ, но острымъ чувствомъ физической ревности неловко возразила она.

Секретарь, щурясь, посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, я не нахожу.. А вкусъ, гм...—многозначительно и самодовольно произнесъ онъ и, инстинктивно дразня женщину, прибавилъ:—она прелестно сложена.

Лидія Александровна почувствовала и поняла, что онъ зналъ много такихъ женщинъ, и, несмотря на то, что такой разговоръ нестерпимо шокировалъ ее, ей пришло въ голову только то, что она гораздо лучше, красивѣе, изящнѣе. И невольно изгибаясь всѣмъ тѣломъ съ лѣниво-сладострастной граціей, Лидія Александровна повернулась къ нему своей стройной мягкой спиной. Съ минуту она, чувствуя на себѣ раздражающій опредѣленный взглядъ мужчины, мучительно старалась вспомнить что-то важное, несомнѣнное, что совершенно исключало всякую возможность сравненія ея съ этой женщиной, но не вспомнила и только презрительно и таинственно улыбнулась, и глаза у нея, темные и большіе, прикрылись и побѣлѣли.

Желтая дама повела Сашу по корридорамъ, гдѣ встрѣчныя женщины, въ скверно сшитыхъ платьяхъ изъ дешевенькой синей матеріи, съ равнодушнымъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, и привела въ большую комнату, заставленную громоздкими шкафами и тяжело пропахшую нафталиномъ.

Двѣ толстыя простыя женщины, возившіяся съ грудами грязнаго, прокисшаго бѣлья, сейчасъ же безсмысленно уставились на Сашу.

— Тутъ мнѣ и жить? — съ робкимъ и довѣрчивымъ любопытствомъ спросила Саша.

Желтая дама притворилась, что не слышитъ.

— Какъ фамилія?—отрывисто и въ упоръ спросила она.

И голосъ у нея былъ такой странный, что Саша невольно подумала:

„Какъ у дохлой рыбы!..“

— Чья?—машинально спросила она.

Глаза желтой дамы стали злыми.

— Ваша, конечно!

— Козодоева, моя фамилія,—тихо отвѣтила Саша, съ недоумѣніемъ припоминая, что желтая дама уже звала ее по фамиліи.

— Вамъ это... переодѣться надо,—отрывисто, мелькомъ взглядывая на ея платье, сказала надзирательница.

Если бы Сашѣ въ эту минуту сказали, что ей надо выпрыгнуть въ окно съ четвертаго этажа, она бы и это сдѣлала, такъ была она сбита съ толку. Когда она рѣшила уйти отъ прежней жизни,

ей казалось, что встрѣтитъ ее что-то свѣтлое, простое, теплое и радостное. А то, что съ нею дѣлали теперь, было такъ сложно, странно, ненужно ей и непонятно, что она совсѣмъ не могла разобраться въ немъ.

„Такъ, значитъ, нужно... они ужъ знаютъ“,—успокаивала она себя.

Саша, торопясь и путаясь въ тесемкахъ, стала раздѣваться, покорно отдавая свои кофточку, юбку, башмаки, чулки.

— Все, все,—махнула рукой дама, когда Саша осталась въ одной рубашкѣ.

Саша торопливо спустила съ круглыхъ полныхъ плечъ рубашку и осталась нагой.

Всѣ три женщины быстро осмотрѣли ее съ ногъ до головы, и вдругъ лицо желтой дамы перекосилось какимъ-то уродливымъ чувствомъ. Она думала, что это было презрѣніе къ тому, что дѣлала Саша своимъ тѣломъ, а это было смутное, инстинктивное чувство зависти безобразнаго, состарѣвшагося, которое никому не было нужно, къ молодому, прекрасному, которое звало къ себѣ всѣхъ.

Саша стояла, согнувъ колѣни внутрь, и тупилась. Было что-то унизительное въ томъ, что она была голая, когда всѣ были одѣты, и въ томъ, что ей было холодно, когда всѣмъ было тепло. Колѣни ея вздрагивали и мелкая, мелкая дрожь пробѣгала по нѣжной бѣло-розовой кожѣ, покрывая ее мелкими пупырышками. Желтая дама нарочно, сама не зная зачѣмъ, медлила, копаясь въ бѣльѣ. Саша старалась не смотрѣть вокругъ и стояла неподвижно, не смѣя прикрыться руками.

„Хоть бы уже скорѣе...—думала она:—ну, чего она тамъ... стыдно... холодно, чай“...

— Пожалуйста, скорѣй,—опять съ тою же ищущей мягкостью и робостью попросила она.

И опять надзирательница съ удовольствіемъ притворилась, что не слышитъ.

Саша тоскливо замолчала, и что-то тяжелое, недоумѣвающее будто поднялась съ пола и наполнило все и отодвинуло все отъ нея.

— Вотъ это ваше платье,—сказала дама и съ какою-то радостью кинула Сашѣ такое же дрянненькое синенькое платье, какое Саша уже видѣла въ корридорѣ.

— А... бѣлье? — съ трудомъ выговорила Саша и вся покраснѣла.

Ей пришло въ голову, что, можетъ быть, здѣсь и бѣлья нельзя.

— А, да... берите, вотъ...

И бѣлье было грубое и дурное, совсѣмъ не такое, какое привыкла носить Саша.

— Скорѣй, вы!—приказала желтая дама.

Саша, опять торопясь и путаясь, одѣлась въ сшитое не по ней платье. Ей было неловко въ немъ и стыдно его, и тогда на одну секунду шевельнулась въ ней мысль:

„И съ какой стати?..“

Но сейчасъ же она вспомнила, что она уже, почему-то, не имѣетъ права желать быть хорошо и красиво одѣтой, и тихо, путаясь въ подолѣ слишкомъ длинной юбки, пошла куда ее повели.

Опять прошли по корридору и вошли въ высокую больничнаго вида комнату.

— Вотъ вамъ кровать, а вотъ тутъ будете свои вещи держать. Вамъ потомъ скажутъ, что полагается дѣлать, и когда обѣдъ, чай и все... тамъ...

Желтая дама ушла.

Саша сѣла на краюшекъ своей кровати, почувствовала сквозь тоненькую матерію синенькой юбки жесткое и колючее сукно одѣяла и стала робко искоса разглядывать комнату.

Тоненькія желѣзныя кровати тоже стояли какъ въ больницѣ, только не было дощечекъ съ надписями, но Сашѣ съ непривычки показалось, что и дощечки есть. Возлѣ каждой кровати стоялъ маленькій шкафчикъ, очевидно служившій и столикомъ, и деревянная, выкрашенная густой зеленой краской табуретка. Въ комнатѣ было еще пять женщинъ, которыя сначала показались Сашѣ будто на одно лицо.

Но потомъ она ихъ разсмотрѣла.

Рядомъ, на сосѣдней кровати, сидѣла толстая рябая женщина и угрюмо поглядывала на Сашу, лѣниво распуская грязноватыя тесемки чепчика.

— Тебя какъ звать-то?—басомъ спросила она, когда встрѣтилась глазами съ Сашей.

— Александрой... Сашей...—отвѣтила Саша, и ее самое поразилъ робкій звукъ собственнаго голоса.

— Такъ... Александра! — помолчавъ, безразлично повторила рябая и почесала свой толстый, вялый животъ.

— Фамилія-то, чай, есть,—вдругъ сердито пробурчала она,— дура!

И повернувшись спиной къ Сашѣ, стала искать блохъ въ рубашкѣ.

Саша удивленно на нее посмотрѣла и промолчала.

Другая, совсѣмъ худенькая и маленькая блондинка, съ круглымъ животомъ и длиннымъ лицомъ, отозвалась:

— Вы ее не слушайте... она у насъ ругательница... По фамиліи у насъ говорятъ.

— Козодоева, моя фамилія,—застѣнчиво и торопливо сказала Саша.

Блондинка съ животомъ сейчасъ же встала и пересѣла на Санину кровать.

— Вы, милая, изъ комитетскихъ?—спросила она ласково.

— Я...—замялась Саша, не понимая вопроса.

— Да вамъ сколько лѣтъ-то?

— Два... двадцать два,—пробормотала Саша.

— Значитъ, по своей охотѣ?

— Сама,—отвѣчала Саша и застыдилась, потому что совершенно не могла въ эту минуту отдать себѣ отчета, дурно это или хорошо.

— А почему?—съ любопытствомъ спросила блондинка.

— Да... такъ,—съ недоумѣніемъ сказала Саша.

— Да оставь ты ее!—сказала третья женщина, и голосъ у нея былъ такой просто ласковый и мягкій, что Сашу такъ и потянуло къ ней.

Но маленькая красивая женщина только весело кивнула ей головой и отошла.

II.

Ночью, когда потушили огонь и Саша свернулась комочкомъ подъ холоднымъ и негнущимся одѣяломъ, все, что привело ее въ пріютъ, пронеслось передъ нею, какъ въ живой фотографіи, и даже, ярче, гораздо ярче и ближе къ ея сознанію, чѣмъ въ дѣйствительности...

Саша тогда сидѣла у окна, смотрѣла на мокрую улицу, по которой шли мокрые люди, отражаясь въ мокрыхъ камняхъ искаверканными дрожащими пятнами, и ей было скучно и нудно.

Откуда-то, точно изъ темноты, вышла тощая кошка и хвостъ у нея былъ палочкой.

Далеко, за стеклами, гдѣ-то слышался стихающій и подымающійся, какъ волна, гулъ какой-то могучей и невѣдомой жизни, а здѣсь было тихо и пусто, только кошка мяукнула раза два, Богъ знаетъ о чемъ, да по полутемному залу молчаливо и проворно шмыгали ногами худые полотеры.

Саша, какъ-то насторожившись, смотрѣла на замореныхъ полотеровъ, чутко прислушиваясь къ отдаленному гулу за окномъ, и ей все казалось, что между полотерами и той жизнью есть что-то общее, а она этого никогда не узнаетъ.

Полотеры ушли, и терпкій трудовой запахъ мастики и пота, который они оставили за собой, мало-по-малу улегся. Опять кошка мяукнула о чемъ-то.

Саша боязливо оглянула это пустое мрачное мѣсто, съ хо-

лодной ненужной мебелью и роялемъ, похожимъ на гробъ, и ей стало страшно: показалось ей, что она совсѣмъ маленькая, всѣмъ чужая и одинокая. Люди за окномъ сверху казались точно придавленными къ мостовой, какъ черные, безличные черви, раздавленные по мокрымъ камнямъ.

Саша нагнулась, подняла кошку подъ брюхо и посадила на колѣни.

— ...Ур... м-мурр...—замурлыкала кошка, изгибая спину и мягко просовывая голову Сашѣ подъ подбородокъ.

Она была теплая и мягкая, и вдругъ слезы навернулись у Саши на глазахъ, и она крѣпко прижала кошку обѣими руками.

— ...Урр... м-ммуррр... ур...—мурлыкала кошка, закрывая зеленые глаза и вытягивая спинку.

— Милая...—съ страстнымъ желаніемъ въ одной ласкѣ вылить всю безконечно мучительную потребность близости къ кому-нибудь шепнула Саша. И ей казалось, что она и кошка—одно, что кошка понимаетъ и жалѣетъ ее. Глаза стали у нея мокрые, а въ груди что-то согрѣлось и смягчилось.

— ...Уррр...—проурчала кошка и вдругъ разставила пальцы и выпустила когти, съ судорожнымъ сладострастіемъ впившись въ полное, мягкое колѣно Саши.

— Ухъ!—вздрогнула Саша и машинально сбросила кошку на полъ.

Кошка удивленно посмотрѣла не на Сашу, а прямо передъ собою, точно увидѣла что-то странное. Сѣла, лизнула два раза по груди и, вдругъ поднявъ хвостъ палочкой, торопливо и озабоченно побѣжала изъ зала.

А Сашѣ стало еще тяжелѣе, точно что-то оборвалось внутри ея.

Пробило семь часовъ. Швейцаръ пришелъ и, не обращая на Сашу никакого вниманія, дѣлая свое дѣло, нашарилъ шершавыми пальцами кнопку на стѣнѣ, и сразу вспыхнулъ веселый, холодный свѣтъ. Заблестѣлъ паркетъ, стулья вдругъ отчетливо отразились въ немъ своими тоненькими ножками, рояль выдвинулся изъ темнаго угла.

Одна за другой пришли Любка и толстая рыжая Паша. Любка сѣла у рояля, понурившись, точно разсматривая подолъ своего свѣтло-зеленаго платья, а рыжая Паша стало вяло и безцѣльно смотрѣть въ окно.

Саша повертѣлась передъ зеркаломъ, тяжело вздохнула и что-то запѣла. Голосъ у нея былъ сильный, но непріятный.

— Не визжи,—вяло замѣтила Паша и прижала лицо къ стеклу.

— Чего тамъ увидѣла?—спросила Саша, безъ всякаго любопытства заглядывая черезъ ея толстое плечо.

— Ни-че-го, — сказала Паша, медленно поворачивая свои глупые красивые глаза, за которые ее часто выбирали мужчины,— такъ, смотрю... что тамъ.

Саша тоже прижалась лбомъ къ холодному стеклу, за которымъ теперь, казалось, была холодная и бездонная темнота. Сначала она ничего не видѣла, но потомъ темнота какъ будто раздвинулась и отступила, и Саша увидѣла ту же мокрую и пустую улицу. По ней, уходя тоненькой ниточкой въ даль, тускло и дрожа, горѣли, невѣдомо для кого, фонари. И опять Саша услышала отдаленный могучій гулъ, отъ котораго чуть слышно дрожали стекла.

— Что оно тамъ?—съ глубокой тоской, непонятной ей самой,—спросила Саша.

— Будто какой звѣрь рычитъ... гдѣ...—равнодушно проговорила Паша и отвернулась.

Саша посмотрѣла въ ея прекрасные, глупые глаза и ей захотѣлось сказать что-то о томъ, что она чувствовала сегодня, глядя въ окно. Но это чувство только смутно было понятно ей и глубже было ея словъ. Саша промолчала, а въ душѣ у нея опять появилось чувство неудовлетвореннаго и мучительнаго недоумѣнія.

«И что-й-то со мной подѣлалось сегодня?..»—съ тупымъ страхомъ подумала она и, подойдя къ Пашѣ вплотную, сказала тоскливо и невыразительно:

— Ску-учно мнѣ, скучно, Пашенька...

— Чего?—вяло спросила Паша.

Саша помолчала, опять мучительно придумывая, какъ сказать. Ей ясно представилось, какъ она сидѣла въ пустомъ, какъ могила, залѣ, одна-одиношенька, какою маленькой, никому ненужной, забытой чувствовала она себя, и какъ гдѣ-то далеко отъ нея гудѣла и шумѣла незнакомая большая, свободная жизнь, и опять ничего не могла выразить.

— Жизнь каторжная!—съ внезапной, неожиданной для нея самой, злобой сказала она негромко и сквозь зубы.

Паша помолчала, тупо глядя на нее.

— Нѣтъ... ничего...—лѣниво проговорила она:—вотъ тамъ...—припомнила она, называя другой «домъ»—по-дешевле...—точно, нехорошо... всякій извозчикъ лѣзетъ, грязно, духъ нехорошій... дерутся... А тутъ ничего: мужчинки все благородно, не то чтобы тебѣ... и кормятъ хорошо... Тутъ ничего, жить можно...

Она опять помолчала и вдругъ, немного оживившись, прибавила:

— У насъ въ деревнѣ такой пищи во вѣкъ не увидишь!

— А ты изъ деревни?—спросила Саша съ страннымъ любопытствомъ.

— Я деревенская,—спокойно пояснила Паша,—у насъ иной разъ и объ эту пору уже хлѣбъ кончается... изъ недородныхъ мы... земли тоже мало... Картошкой живутъ, извозомъ мужики занимаются, а то и такъ... Деревня наша страсть бѣдная, мужики, которые, пьяницы... Кабы пошла замужъ, натерпѣлась бы... Сестру старшую, мою то-есть, мужъ веревкой до смерти убилъ... Въ острогъ его взяли потомъ,—совсѣмъ уже лѣниво договорила она и встала.

— Куда ты?—спросила Саша.

— Чаю пить,—отвѣтила Паша, не поворачиваясь.

Саша опять повертѣлась передъ зеркаломъ, выгибая грудь и разсматривая себя черезъ плечо, но уже ей было тяжело оставаться одной въ наполненномъ пустымъ, холоднымъ свѣтомъ залѣ. Она подошла къ роялю, за которымъ попрежнему, понурившись сидѣла Любка.

Когда Саша подошла близко, Любка подняла голову и долго смотрѣла на нее. И большіе печальные глаза были недовѣрчивы и растерянны, какъ у со всѣхъ сторонъ затравленнаго звѣрка.

— Любка,—машинально позвала Саша.

Она облокотилась на рояль полной грудью и смотрѣла, какъ въ его черной полированной поверхности отражались она сама и Любка, съ странными въ густомъ коричневомъ отраженіи темными лицами и плечами.

Любка не отозвалась, а только придавила пальцемъ клавишу рояля. Раздался и растаялъ одинокій и совсѣмъ печальный звукъ.

— А-ахъ!—зѣвнула Саша и стала пальцемъ обводить свое отраженіе. Опять раздался тотъ же упорно печальный плачущій звукъ. Саша вслушалась въ него и съ тоской повела плечами. Любка неувѣренно взяла двѣ-три ноты, точно уронила куда-то двѣ-три хрустальныя тяжелыя капли.

— Оставь,—съ тоской сказала Саша.

Но Любка опять придавала ту же ноту, и на этотъ разъ еще тихо и протяжно загудѣла педаль. Саша съ досадой быстро подняла голову и вдругъ увидѣла, что Любка плачетъ: большіе глаза ея были широко раскрыты и совершенно неподвижны, а по лицу сползали струйки слезъ.

— Во...—удивленно проговорила Саша съ пугливымъ недоумѣніемъ.

Любка молчала, а слезы беззвучно капали и попадали ей на голую грудь.

— Чего ты?—спросила Саша, пугливо глядя на медленно ползущія по напудренной кожѣ слезы, и чувствуя, что ей самой давно хочется заплакать, и почему-то боясь этого.

— Перестань, чего ты?.. Любка, Лю-бочка...—заговорила она и подбородокъ у нея задрожалъ.

— Обидѣлъ тебя кто?.. Да чего... Любка!

Любка тихо пошевелила губами, но Саша не разслышала.

— Что?.. А?..

— За... заразилась я...—повторила Любка громче и повалилась головою на рояль.

Что-то мрачное и грозное пронеслось надъ душой Саши. Хотя заражались, и очень часто, другія товарки Саши, и хотя она знала, что это можетъ случиться и съ нею самой, ея здоровое молодое тѣло, сильное и чистое еще, не принимало мысли объ этомъ, и она скользила по ней, не оставляя въ душѣ мучительныхъ бороздъ. И только теперь, когда она въ первый разъ увидѣла такое страшное отчаяніе, Саша впервые совершенно сознательно поняла, что это дѣйствительно безобразно, ужасно, что изъ-за этого стоитъ такъ заплакать въ голосъ, закричать и начать биться головой, съ безнадежной пустотой и безсильной злобой въ душѣ. И ей даже показалось, что именно изъ-за этого ей было такъ тяжело сегодня цѣлый день, такъ страшно, такъ грустно и обидно. И Саша тоже заплакала, сквозь слезы глядя на затуманившееся въ черной поверхности рояля свое отраженіе.

— Чего вы ревете? — спросила подошедшая дѣвушка и стала смѣяться.—Вотъ дуры, — стоятъ другъ противъ дружки и ревутъ!

— Сама дура!—не съ задоромъ, какъ въ другое бы время, а тихо и грустно возразила Саша, но все-таки перестала плакать и отошла отъ рояля. Въ душѣ у нея было такое чувство, точно кто-то громадный и безпощадный всталъ передъ нею и страшно яркимъ свѣтомъ освѣтилъ что-то безобразное, несправедливое, непоправимо-ужасное, дѣлающееся съ нею и во всемъ вокругъ.

Когда стали приходить мужчины, Саша въ первый разъ увидѣла ясно, что имъ нѣтъ никакого дѣла до нея: между собою они пересматривались что-то говорящими глазами, даже иногда обмѣнивались непонятными Сашѣ словами, о чемъ-то такомъ, чего не было въ ея жизни, а когда поворачивали глаза къ Сашѣ и другимъ, вдругъ становились точно бездушными, жадными, какъ звѣри, безжалостными и непонимающими... А чаще это были такіе тупые или пьяные люди, что они, видимо, и не понимали того, что дѣлали.

— И всегда-то такъ... — съ ужасомъ захолонуло въ груди Саши.

Пришелъ таперъ и сразу заигралъ что-то очень громкое, но вовсе не веселое. Дѣвушки, точно выливаясь изъ темной и гряз-

ной трубы, выходили изъ темнаго корридора. Музыка становилась все громче и нестройнѣе, и отъ ея прувеличенно наглыхъ звуковъ шумѣло въ головѣ. Стало жарко, душно. Все сильнѣе и сильнѣе пахло распустившимся, потнымъ человѣкомъ, пахло плохими приторными духами, табакомъ, мокрымъ шелкомъ, пылью. Музыка сливалась съ шарканьемъ и топотомъ ногъ, съ крикомъ, съ самыми ненужными гадкими словами, и не было слышно ни мотива, ни словъ, а висѣлъ въ воздухѣ только одинъ отупѣлый, озвѣрѣлый гулъ. Въ ушахъ начинало нудно шумѣть и казалось, что весь этотъ переполненный ополуумѣвшими отъ скверной, нездоровой жизни людьми, табакомъ, пивомъ, извращенными желаніями, скверной музыкой домъ—не домъ, а какая-то огромная больная голова, въ которой мучительно шумитъ и наливается тяжелая, гнилая, венозная кровь, съ тупой болью бьющая въ напряженные, готовые лопнуть, виски.

И Саша противъ воли танцевала, и кричала, и ругалась, и смѣялась.

— Ску-учно,—сказала она старенькому чиновнику, присосавшемуся къ ней.

— Ну, и дура! — съ равнодушной злостью сказалъ чиновникъ.

Тогда Саша стала жадно пить горькое пиво, проливая его на полъ и на себя. Она пила захлебываясь, а когда напилась, ею овладѣло тупое, больное, равнодушное веселье. Опять она пѣла, ругалась, танцевала и забыла, наконецъ, свое чувство и Любку такъ, что когда въ корридорѣ началась страшная суматоха, и кто то пронзительнымъ и тонкимъ голосомъ, съ какимъ-то отчаяннымъ недоумѣніемъ, закричалъ:

— Любка удавилась!

То Саша даже не могла сразу сообразить, какая такая Любка могла удавиться и зачѣмъ?

Но когда таперъ сразу оборвалъ музыку, и нестройно протяжно прогудѣла педаль, Саша вдругъ вспомнила и свой разговоръ съ Любкой, и все, громко ахнула и побѣжала по корридору.

Тамъ уже была полиція, городовые и дворники, запорошенные снѣгомъ, кинувшимся въ глаза Сашѣ, стучавшіе тяжелыми валенками и нанесшіе страннаго въ узкомъ душномъ корридорѣ, бодрящаго, холоднаго, чистаго воздуха. На полу былъ натоптанъ и быстро темнѣлъ и таялъ мягкій, свѣжій, только что выпавшій снѣгъ. И Сашѣ показалось будто вся улица вошла въ корридоръ, со всѣми своими закутанными мокрыми людьми, суетой, шумомъ, холодомъ и грязью. Дворники и городовые равнодушно дѣлали какое-то свое дѣло, непонятное Сашѣ, точно работали спокойную и полезную работу, и только толстый усатый около-

дочный, въ толстой сѣрой, съ торчащими блестящими пуговицами, шинели, въ которую злобно впивались черные ремни шашки, ожесточенно и громко кричалъ и ругался.

Слышно было какъ „экономка“ слезливымъ и хриплымъ басомъ повторяла:

— Развѣ-жъ я тому причиной?.. Какая моя вина?..

Лицо у нея было желтое и совсѣмъ перекошенное отъ недоумѣлой злости и страха.

Саша ткнулась въ отворенную дверь Любкиной комнаты, и хотя ее сейчасъ же съ грубымъ и сквернымъ словомъ равнодушно вытолкнулъ городовой, она все-таки успѣла увидать ноги Любки, торчавшія изъ подъ скомканной и почему-то мокрой простыни. Ноги были босыя, потому что Любка такъ и не одѣлась послѣ пріема гостя; онѣ неподвижно торчали носками врозь, и странно и жалко было видѣть эти бѣло-розовыя, прекрасныя, съ тонкими нѣжными и сильными пальцами, ноги, неподвижными и ненужными, брошенными на затоптанный, точно заплеванный, полъ.

Саша вылетѣла обратно въ корридоръ, больно проѣхалась плечомъ о стѣну, и пошла прочь, машинально потирая рукою шибленное мѣсто.

И въ эту минуту ей стало противно, обидно, страшно и жалко себя, и захотѣлось уйти куда-нибудь, перестать быть собою, такою, какъ есть.

Въ необычное время потушили огни, гости разошлись и все сразу стало пусто и тихо-тихо. Домъ какъ будто притаился въ зловѣщемъ молчаніи. Дѣвушки боялись идти спать и толпились въ кухнѣ, однѣ одѣтыя, другія растрепанныя, измятыя; лица у нихъ всѣхъ были одинаково искривлены въ тревожныя, слезливыя, точно чего-то ожидающія, гримасы. Дверь въ комнату Любки заперли, и возлѣ нея расположился, почему-то въ шубѣ и шапкѣ, дюжій спокойный дворникъ. Дверь эта была такая же, какъ и всѣ въ домѣ, невысокая бѣлая, но именно тѣмъ, что произошло за нею, она какъ будто отдѣлилась отъ всѣхъ дверей и даже отъ всего міра и стала какой то особенной, таинственно-страшной. Дѣвицы то и дѣло бѣгали взглянуть на нее и сейчасъ же со всѣхъ ногъ бѣжали обратно.

Одна дѣвушка, больше другихъ дружившая съ Любкой, сидѣла въ кухнѣ у стола и плакала, и отъ жалости, и оттого, что на нее смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ.

Было страшно и непонятно, точно передъ всѣми встало что-то не разрѣшимо ужасное и печальное.

Пришла экономка, сердитая и желтая, какъ лимонъ. Она съ размаху сѣла за столъ и стала дрожащими руками наливать и

пить, какъ всегда, приготовленное для нея пиво. Губы у нея тоже дрожали, а глаза злобно косились на дѣвушекъ. Она помолчала, наслаждаясь тѣмъ, что всѣ притихли, глядя на нее испуганными и покорными глазами, а потомъ проговорила сквозь зубы:

— Тоже.. какъ же... ха!.. Подумаешь!

И въ этихъ словахъ было столько безконечнаго удивленнаго презрѣнія, что даже привыкшимъ къ самой грубой и злой ругани дѣвушкамъ стало не по себѣ, неловко и грустно. И потому особенно стыдно и обидно, что каждая изъ нихъ, ничтожная и загаженная, въ самой глубинѣ души, непонятно для самой себя, какъ-то гордилась поступкомъ Любки.

И всѣ стали потихоньку и не глядя другъ на друга расходиться.

— Сашенька,—шопотомъ позвала Сашу одна изъ дѣвицъ, Полька Кучерявая.

— Чего?

— Сашенька, душенька.. боюсь я одна.. возьми къ себѣ.. будемъ вмѣстѣ спать...

Она заглядывала Сашѣ въ лицо боязливыми умоляющими глазами и собиралась заплакать.

Саша обрадовалась.

— И то пойдемъ.. Все не такъ..

Когда онѣ уже лежали рядомъ на постели, имъ было неловко и странно... Обѣ стыдились своего тѣла и молча старались не дотрогиваться другъ до друга.

Было темно и жутко. Сашѣ, которая лежала съ краю, все казалось, будто что-то черное и холодное съ неодолимой силой ползетъ по полу, медленно, медленно. Въ ушахъ у нея звенѣло мелодично и жалобно, а ей казалось, что гдѣ-то тамъ, далеко въ темномъ, какъ могила, пустомъ, холодномъ залѣ падаютъ куда то и звенятъ хрустальныя и тоскливыя капли рояля. Тамъ сидитъ мертвая и неподвижная, холодная, синяя и страшная Любка, сидитъ за роялемъ и слезы капаютъ на рояль, и мертвые глаза ничего не видятъ передъ собой, но Сашу видятъ оттуда, страшно видятъ, тянутся къ ней. А по полу что-то медленно медленно подползаетъ.

— Спишь?—не выдержала Саша.—А?—позвала она поспѣшно и прерывисто, не поворачивая головы и зная навѣрное, что рядомъ лежитъ Полька, и зная, что это вовсе не Полька... И голосъ ея въ темнотѣ показался ей самой чужимъ и слабымъ.

Полька шевельнулась. Ея невидимые, мягкіе, курчавые волосы легко скользнули по щекѣ Саши, но отозвалась она не сразу...

— Нѣтъ, Сашенька,—тихо и жалобно.

И Сашу неудержимо потянуло на этотъ нѣжный и слабый голосъ. Она быстро повернулась и сразу всѣмъ тѣломъ почувствовала другое мягкое и теплое тѣло, но не увидѣла ничего кромѣ все той же, все облившей, изсиня-черной тьмы. И вдругъ двѣ невидимыя, худенькія и горячія руки скользнули по ея груди и осторожно боязливо нашли и обняли ея шею.

— Са-ашенька,—тихо прошептала Полька,—отчего мы такія несчастныя?..

И въ темнотѣ послышались просящія и покорныя всхлипыванія. Волосы ея щекотали шею Саши, слезы тихо мочили грудь и рубашку, а руки судорожно дрожали и цѣплялись

Саша молчала и не двигалась.

— Лучше бы мы померли, какъ... или лучше, какъ еще маленькія были.. Я, когда еще въ гимназіи училась, такъ больна была... воспаленіемъ легкихъ... и все радовалась, что выздоровѣла... и что волосы виться стали... Лучше-бъ я тогда умерла!..

Саша все молчала, но каждое слово Польки стало отзываться гдѣ-то внутри ея, какъ будто это она сама говорила и плакала.

— Что мы теперь такое?—продолжалъ стонать и жаловаться плачущій въ темнотѣ одинокій голосокъ.—Вонъ Любка повѣсилась, а Зинку въ больницу взяли... хорошенькая, вѣдь, была Зинка... И какъ будто такъ и надо.. такъ мы и остались... никто не придетъ и не уведетъ, чтобы и съ нами... не...

— А... чего захотѣла .. Ха!..—вдругъ злобно, задыхаясь и трясясь вся, пробормотала Саша.

— И насъ свезу-утъ... Никому до насъ дѣла нѣтъ... До всѣхъ дѣло есть, всѣхъ людей берегутъ... тамъ, и все... а мы, какъ проклятыя какія... А за что?

— Извѣстно,—сквозь зубы проговорила Саша и отвернулась, хотя и ничего не было видно.

— Я помню,—шептала въ темнотѣ Полька, точно жалуясь не Сашѣ, а Кому-то другому,—какая я была въ гимназіи... чистенькая.. Иду и всѣ на меня смотрятъ и улыбаются... мама встрѣтитъ: ну,—что, моя до-чка?.. Ничего неизвѣстно...—вдругъ порывисто, горячо и тоскливо перебила она себя:—я и не виновата въ этомъ вовсе!

— А кто виноватъ?—спросила Саша тихо и съ какимъ-то трепетнымъ и жалобнымъ ожиданіемъ.

Полька вдругъ дернулась всѣмъ тѣломъ. .

— Кто?.. А развѣ я знаю!.. Ничего я не знаю, ничего не понимаю.. А только я, можетъ, теперь дни и ночи плачу... пла-ачу...

И Полька заплакала тоненькимъ, тихимъ и безконечно безсильнымъ плачемъ. Казалось, будто это не человѣкъ плачетъ, а муха звенитъ.

— Жалко мнѣ, жалко, Сашенька,—опять зашептала она, захлебываясь слезами: —и себя жалко, и тебя, и Любку... всѣхъ...

Она затихла. Долго было совершенно тихо и какъ-то глухо. Потомъ стало слышно, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ. Такъ, застонетъ тихо, помолчитъ и опять протянетъ долгій тоскливый звукъ: у-у-у... какъ будто у него зубы болятъ.

— Я дѣточекъ люблю,—вдругъ тихо и стыдливо сказала Полька:—мнѣ бы дѣтку своего, я бы... Боже мой, какъ бы я его любила!.. Са-ашенька!.—съ какимъ-то изступленнымъ восторгомъ безнадежнаго отчаянія всхлипнула она.

Сашѣ казалось, что ее насквозь пронизываетъ этотъ изступленный, тонкій какъ иголка, шопотъ, и ей стало невыносимо. Захотѣлось крикнуть, порвать что-то.

— Мы что тутъ?.. Такъ.. падаль одна! Живемъ, пока сгніемъ... А другіе же живутъ.. свѣту радуются... Я въ гимназіи все книжки читала... теперь не читаю, забыла... да и что читать!.. А тогда мнѣ казалось, что все это и я переживу... будто у меня въ груди что-то громадное... будто все счастье, какое на землѣ есть, я переживу, все мое будетъ... вся жизнь, и люди всѣ мои, для всѣхъ людей... и... и не могу я этаго выразить... Са-ашенька...

— Какъ быть?—вдругъ спросила Саша сдавленнымъ, глухимъ горловымъ голосомъ.

Полька замолчала такъ неожиданно, что Сашѣ показалось, будто теперь темнота шепчетъ.

— Уйти... бы...—шепнула Полька, и Саша услыхала растерянный и робкій голосъ.

Саша вслушалась въ его придавленный звукъ и вдругъ почувствовала себя большой и сильной, въ сравненіи съ худенькой, слабой Полькой, которая могла только плакать и жаловаться. Она даже какъ будто почувствовала всю могучую красоту своего молодого, сильнаго тѣла, двинула руками и ногами и громко заговорила, точно грозя:

— И уйдемъ... что!

Въ комнатѣ уже стало свѣтлѣть; и когда Саша повернула голову, то увидѣла рядомъ неясныя очертанія бѣлаго и маленькаго тѣла и у самаго лица большіе, чуть-чуть блестящіе въ темнотѣ, испуганные глаза.

Полька молчала.

— Ну?—со злобой страха и неувѣренности почти крикнула Саша.

— Куда?—робко и чуть слышно проговорила Полька.—Куда я теперь ужъ пойду?

Будто что-то, на мгновеніе мелькнувшее передъ Сашей, свѣт-

лое и отрадное померкло и безсильно стало тонуть въ мутной мглѣ! И хватаясь за что-то, почти физически напрягаясь, Саша крикнула въ бѣшенствѣ:

— Тамъ видно будетъ... Хуже не будетъ! Уйти бы только!..

И вскочила обѣими горячими ногами на холодный полъ, ясно, съ леденящимъ ужасомъ чувствуя, что мертвая Любка изъ темной бездонной дыры подъ кроватью сейчасъ схватитъ ее за ноги и потащитъ куда-то въ ужасъ и пустоту. И преодолѣвая слабость въ ногахъ, Саша босикомъ добѣжала до окна, ударила, распахнула его на темный, какъ бездонный колодезь, дворъ и высунулась далеко наружу, повиснувъ надъ сырой и холодной пустотой. Вѣтеръ рванулъ ее и вздулъ рубашку пузыремъ, леденя спину. На волосы сейчасъ же сталъ мягко и осторожно откуда-то сверху падать невидимый мокрый снѣгъ; вверху и внизу было пусто, сѣро и молчаливо, пахло сыростью и холодомъ. У Саши сдавило въ груди, сжало голову, и судорожно схвативъ горшокъ съ цвѣтами, она со всего размаха, напрягая всѣ силы въ страшной неутолимой злобѣ и ненависти, швырнула его въ темную пустоту за окномъ. Что-то только метнулось внизъ, и глухой тяжкій ударъ донесся снизу:

— А-ахъ!...

— Уйду.. же!—сжавъ зубы, такъ что скуламъ стало больно, прошептала Саша.

На кровати тихо и безсильно закопошилась маленькая Полька.

— Сашенька... холодно... затвори окно... Что ты тамъ?.. Я боюсь...

III.

И цѣлый день потомъ Саша была тиха и молчалива и ясно ощущала въ себѣ присутствіе чего-то новаго, что было ей совершенно непонятно, но такъ хорошо, что даже страшно: было похоже на то, какъ если во снѣ почувствуешь способность летать, но еще не летишь, и хочешь и боишься того прекраснаго и новаго, страшнаго именно своей совершенной новизной, ощущенія, которое должно явиться съ первымъ же взмахомъ крыльевъ. И несмотря на этотъ страхъ, Саша уже знала, что это будетъ, что это безповоротное.

Весь „домъ“, со всѣмъ, что въ немъ двигалось и было, какъ будто отодвинулся отъ нея куда-то внизъ, сталъ чужимъ, и сначала ей даже любопытно было наблюдать его жизнь, точно у нея открылись новые ясные глиза. Но тутъ-то она и поняла, первый разъ въ жизни совершенно сознательно, какою уродливою, противоестественной глупостью было все то, что здѣсь дѣлалось: былъ ясный и свѣтлый день, а всѣ спали; всѣ ненавидѣли другъ

друга, дрались и бранились самыми скверными словами, а жили вмѣстѣ, вмѣстѣ страдали, вмѣстѣ танцевали; завлекали мужчинъ, выманивали у нихъ деньги, доставляя имъ величайшее удовольствіе,—не для себя и даже не для своихъ хозяевъ, какъ казалось, а такъ, совершенно безцѣльно, потому что никто даже и не спрашивалъ себя о цѣли, и никому не было до того дѣла; отнимали здоровье, распространяли болѣзнь, хотя никому не желали зла; заражались сами и безобразно погибали, а желали веселой и счастливой жизни. И когда Сашѣ пришло это въ голову, весь „домъ“ и всѣ люди въ немъ вдругъ, съ потрясающей силой, стали ей противны. Все, и глупыя стулья въ залѣ, и рояль, похожій на гробъ, и желтыя лица, и яркія платья, и блѣдно-сѣрый полусвѣтъ въ узкихъ комнатахъ, съ тусклыми полами, стало возбуждать въ ней почти физическое нудное, тяжелое чувство.

Полька Кучерявая все вертѣлась возлѣ нея и заглядывала въ глаза, съ нѣмымъ и трусливымъ вопросомъ. Саша хмурилась и отворачивалась отъ нея, боясь, чтобы Полька не спросила, а Полька печально боялась спросить. Наконецъ, Саша ушла отъ всѣхъ въ пустой залъ и опять стала смотрѣть въ то же окно.

Теперь былъ ясный вечеръ, и нападавшій за ночь мягкій, чистый и пухлый снѣгъ лежалъ по краямъ дороги ровнымъ бѣлымъ полотенцемъ, а посрединѣ весь былъ взрыхленъ комочками, легко разлетаясь подъ ногами лошадей, рыжѣлъ и таялъ. Извозчичьи санки быстро и легко скользили и, забѣгая на бокъ, оставляли широкіе и такіе гладкіе, что пріятно было смотрѣть, накаты. Было свѣтло и тихо, а потому спокойно и хорошо. На бѣломъ снѣгу все казалось удивительно отчетливымъ и чистымъ, красивымъ, какъ дорогая игрушка. По противоположной панели прошелъ студентъ, маленькій и бѣлокурый мальчикъ; онъ на кого-то весело смотрѣлъ и весело улыбался. И хотя Саша не видѣла, кому и чему онъ улыбается, но все-таки ей стало такъ же весело и легко. И когда она смотрѣла на него, въ душѣ у нея явилось, наконецъ, опредѣленное, необходимое, чтобы не впасть въ отчаяніе и злобу, глубокое и довѣрчивое чувство: она вспомнила „знакомаго“ студента и радостно подумала, что онъ ей все устроитъ. И тотчасъ же ей начало казаться, что все уже, самое главное, по крайней мѣрѣ, сдѣлано, и она уже какъ бы отдѣлилась отъ этого дома. Порвалась какая-то тяжелая и дурманная связь, и оттого „домъ“ сталъ какъ будто еще темнѣе и пустѣе, а она сама—свѣтлѣе и легче, точно вся душа ея наполнилась этимъ разлитымъ по снѣгу, по улицамъ, по крышамъ, по бѣлому небу и людямъ радостнымъ и чистымъ дневнымъ свѣтомъ.

Когда пришелъ вечеръ, ей надо было сдѣлать надъ собой большое тяжелое усиліе, чтобы, хотя съ отвращеніемъ и тоскливымъ недоумѣніемъ, дѣлать то же, что и всегда.

Тотъ самый студентъ, красавецъ и силачъ, о которомъ она думала, пришелъ въ этотъ же вечеръ, веселый и выпившій. Онъ еще издали увидалъ и узналъ Сашу, и такъ какъ она очень понравилась ему въ прошлый разъ, сейчасъ же подошелъ, спокойно и весело. Но тутъ-то Саша почему-то и заробѣла его; это было потому, что она хотѣла просить его, какъ человѣка, и увидѣла въ немъ человѣка въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ была въ этомъ домѣ и „человѣкъ" казался ей высшимъ и страшнымъ существомъ, какимъ-то судьей души. Весь вечеръ она была такой тихой и смущенной, что онъ даже удивился и сталъ, шутя и смѣясь, звать ее.

И только въ своей комнатѣ Саша, точно кто-то толкнулъ ее, сразу сказала ему, что хочетъ уйти отсюда.

Студентъ сначала удивился, разсмѣялся и, видимо, не повѣрилъ, но когда Саша растерялась и потихоньку заплакала безсильно обиженнымъ плачемъ, онъ сконфузился и вспомнилъ, что по его убѣжденіямъ, ему не удивляться, а вѣрить и радоваться надо. Тогда онъ смутился, какъ мальчикъ, и хорошимъ, даже какъ-то черезчуръ задушевнымъ голосомъ, больше думая, чѣмъ чувствуя, что это хорошо, сказалъ:

— Ну, что-жъ... и молодца... Молодецъ, Сашка!.. Это мы все живо устроимъ!..

И опять удивился и смутился, потому что хотя и имѣлъ въ этомъ самыя лучшія и твердыя убѣжденія, но пришелъ къ Сашѣ совсѣмъ не затѣмъ, и оттого сбился, запутался, почувствовалъ что-то пустое и недоумѣлое.

— Такъ, такъ...—пробормоталъ онъ, густо краснѣя, чувствуя себя глупымъ и неловкимъ и изо всѣхъ силъ глядя въ сторону. Потомъ онъ рѣшительно всталъ и сказалъ хрипло и отрывисто:

— Такъ я того... устрою...—и подошелъ къ Сашѣ.

„Ну... что-жъ... не переродилась же она... сразу..."—старался онъ успокоить себя, обнимая ее...

Но въ самой глубинѣ его сознанія осталось какое-то тяжелое, неудовлетворенное и обидное чувство...

Съ этого момента жизнь Саши, выбитая изъ той глубокой и прямой колеи, по которой шла безъ всякаго усилія съ ея стороны, точно покрылась какимъ-то хаотическимъ туманомъ, среди котораго, какъ ей казалось, безсильно и безтолково вертѣлась она сама, какъ щепка въ водоворотѣ.

Студентъ, котораго она просила о помощи, оказался такимъ хорошимъ человѣкомъ, что ему недостаточно было только поду-

мать или высказать что-нибудь хорошее, а искренно хотѣлось и сдѣлать. У него было обширное и хорошее знакомство, а потому ему очень скоро удалось устроить Сашу въ пріютъ для „раскаявшихся“.

Саша узнала объ этомъ прежде всего изъ его же письма, которое принесъ ей посыльный въ красной шапкѣ. Но письмо сначала прочитала тетенька. Рано утромъ она ворвалась въ комнату Саши и пронзительнымъ злымъ голосомъ стала кричать и браниться. Ей не было никакого убытка, и на мѣсто Саши было очень легко достать десять такихъ же молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, но тетенькѣ казалось, что ей нанесли личную обиду и что Саша неблагодарная тварь.

Она швырнула Сашѣ въ лицо скомканнымъ письмомъ и стала стремительно хватать всѣ вещи Саши, будто боясь, чтобы она не унесла чего съ собою.

— Чего хватаетесь?.. Не кричите...—пробормотала Саша вся красная и растерянная.

Въ корридорѣ уже столпились дѣвушки и смѣялись надъ ней, сами не зная почему. И Сашѣ невольно стало казаться, что и вправду это очень стыдно, то, что она задумала. Одну минуту она даже хотѣла отказаться отъ всего, но вдругъ нахмурилась, съежилась и озлобилась.

— Не унесу... не бойтесь... ваше вамъ и останется...—только пробормотала она.

— Ладно, ладно!—злобно кричала тетенька.—Ладно!.. Знаемъ мы васъ!..

Дѣвицы хихикали.

— У, дура!—кричала потная и красная тетенька.—Подумаешь, тоже... въ честныя захотѣла!.. Да ты видала ли когда, честныя-то какія бываютъ?.. Ахъ, ты!.

Красное бархатное платье, которое Саша только разъ и надѣвала и котораго она такъ давно страстно желала, скомканное полетѣло въ общій узелъ. У Саши навернулись слезы жалости и обиды.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!—дрожащими губами проговорила она, дѣлая невольное движеніе въ защиту своихъ платьевъ.

Но тетенька быстро, точно этого и ждала, загородила ей дорогу, ударила по рукѣ, и когда Саша охнула отъ испуга и боли, пришла въ восторгъ злости, ударила Сашу еще два раза по щекѣ и потянула за волосы.

— Вотъ тебѣ!—закричала она уже въ рѣшительномъ изступленіи, такъ что крикъ ея былъ слышенъ на подъѣздѣ и пришелъ швейцаръ, рябой и равнодушно-злой человѣкъ.

— Ишь ты... представленіе!—сказалъ онъ.

Саша вспыхнула вся, хотѣла что-то сказать, но вдругъ отвернулась къ стѣнѣ и безсильно заплакала.

— Сюты вы всѣ неблагодарные!—вдругъ сладострастно разнѣживаясь отъ побоевъ и слезъ, плаксиво прокричала тетенька, потомъ вспомнила Любку, изъ за которой у нея были большія непріятности съ полиціей, и опять осатанѣла:

— Маешься съ вами, одѣваешь, обуваешь, а вы... Ну, узнаешь ты у меня, какъ собаки живутъ!—стиснула она зубы, такъ что въ глазахъ у нея все завертѣлось.

— Я.. т.. тебя.. ппрокл..

Саша замерла, поблѣднѣла и такъ и сѣла на полъ, прикрываясь руками.

— Те... тенька...—успѣла проговорить она.

Толстое и жирное колѣно тетеньки ударило ее въ лицо, такъ что она стукнулась затылкомъ о подоконникъ, и на голову ея и спину градомъ посыпались удары, отъ которыхъ тупо и больно вздрагивало сердце. Саша только закрывала лицо и стонала.

— Вотъ...—запыхавшись и шатаясь, остановилась тетенька.

Глаза у нея стали совсѣмъ круглые и дикіе, такъ что даже странно и страшно было видѣть ея лицо на человѣческомъ тѣлѣ. Она еще долго и скверно ругалась, и смотрѣла на Сашу такъ, какъ будто ей было жаль такъ скоро уйти и перестать бить.

— Смотри, придешь опять, я тебѣ это высчитаю!—наконецъ прокричала она и ушла, громко ругаясь и дыша тяжело и возбужденно.

Саша оглушенная и избитая встала, машинально поправила волосы, и задвигалась по своей комнатѣ, испуганно оглядываясь. Дверь она потихоньку затворила и уже тогда сѣла на кровать и стала плакать, закрывшись руками. Но плакала она не столько отъ боли и отъ обиды, сколько отъ того, что передъ ней вдругъ открылась какая-то неопредѣленная страшная пустота, и ей стало такъ страшно, что она едва не побѣжала просить кого-то, чтобы ее не трогали и оставили тутъ навсегда, какъ была.

Потомъ потянулся долгій и томительный вечеръ.

Въ залѣ, по обыкновенію, весело и громко играла музыка, и Саша знала, что тамъ сейчасъ свѣтло и людно. Ей по привычкѣ хотѣлось туда, но она не смѣла выйти и сидѣла одна въ пустой и полутемной комнатѣ, прислушиваясь къ глухо доносившейся сквозь запертыя двери музыкѣ и говору и смѣху проходившихъ по корридору дѣвушекъ съ ихъ выпившими гостями.

Саша цѣлый день ничего не ѣла и ей было нехорошо. Потомъ она помнила только, что въ комнатѣ отъ свѣчи ходили большія молчаливыя тѣни, было холодно и какъ-то глухо; а въ черный четырехъугольникъ окна опять стучалъ невидимый дождь.

Вечеръ ей казался не то что длиннымъ, а какимъ то неподвижнымъ, точно времени вовсе не было.

И никакихъ мыслей и чувствъ не было въ ней, кромѣ чувства безконечнаго, удручающаго все существо, одиночества.

На другой день ей пришлось побывать въ участкѣ, гдѣ тоже было страшно и тоскливо. Большія бѣлыя окна смотрѣли какъ мертвыя, столы были черные, люди грубые и любопытно-злые. И Сашѣ казалось, что эти уже имѣютъ право сдѣлатьнадъ ней все, что угодно.

Надъ ней смѣялись и даже издѣвались. Кто-то сказалъ:

— Кающаяся!..

И слово это выговорилъ со вкусомъ, сочно и зазвонисто. Саша уже не плакала, потому что ея сознаніе охватилъ точно туманъ, въ которомъ она почти уже не понимала, что съ ней дѣлаютъ.

У нея отобрали какую-то подписку, куда-то послали, сначала въ одно, а потомъ въ другое мѣсто, и голодную, усталую, совершенно утратившую человѣческое чувство, доставили въ пріютъ.

IV.

Саша не спала почти всю ночь и все думала.

Ибо передъ ней, маленькой женщиной съ маленькимъ и слабымъ умомъ, всталъ какой-то громадный и нерѣшимый вопросъ.

Было темно и тихо. Свѣтъ отъ уличныхъ фонарей падалъ черезъ окна на потолокъ и неясно ходилъ тамъ, вспыхивалъ и темнѣлъ. Съ улицы слабо, больше по дрожанію пола, доносилось рѣдкое дребезжанье извозчичьихъ дрожекъ по оттаявшей къ ночи мостовой. Была сильная мокрая оттепель и слышно было, какъ за окномъ падали на желѣзный карнизъ крупныя тяжелыя капли. Всѣ спали и на всѣхъ кроватяхъ смутно чернѣлись неопредѣленные темные бугры, прикрытые такими же твердыми, съ деревянными складками, одѣялами.

Саша блестящими глазами изъ-подъ уголка одѣяла оглядывала комнату и чутко прислушивалась ко всякому звуку, и къ паденію грустныхъ капель за окномъ, и къ скрипу дальней кровати, и къ тяжелому долгому дыханію, и къ непрестанному хриплому храпу, откуда-то изъ темноты разносившемуся по комнатѣ.

Сашѣ было странно, что все такъ тихо и спокойно, что не шумятъ, не танцуютъ, не дерутся, не пьютъ, не курятъ и не мучаютъ. И вдругъ какое-то теплое, легкое и радостное чувство охватило ее всю, такъ что Саша даже вздрогнула и порывисто

уткнулась лицомъ въ жидкую подушку, на которой наволочка лежала грубыми складками.

Саша только теперь вдругъ поняла, что прежняя жизнь кончена. Что уже никогда не будутъ ее заставлять ласкать пьяныхъ и противныхъ мужчинъ. Не будутъ бить, ругать, что весь этотъ чадъ ушелъ и не повторится. А впереди, точно восходящее въ тихомъ радостномъ сіяніи солнце, стало свѣтить что-то новое, грядущее, радостное, чистое и счастливое. И уже отъ одного сознанія его Сашѣ показалось, что она сама стала легче, чище, свѣтлѣе. Что-то сладко давнуло Сашу за горло, и горячія тихія слезы сразу наполнили ея глаза и смочили возлѣ щекъ нагрѣвшуюся, пахнущую мыломъ подушку.

„Господи, Господи... дай, чтобы ужъ больше... чтобы стать мнѣ такой... какъ всѣ... дай, Господи, дай“!..—съ напряженнымъ и рвущимся изъ груди чувствомъ непонятнаго ей восторга и умиленія, почти вслухъ, прошептала Саша.

Было что то жалкое и слабое въ этой молитвѣ и странно было, что такъ молилась здоровая, красивая, горѣвшая отъ силы жизни женщина.

Саша хотѣла вспомнить всѣ обиды, Польку, тетеньку, Любку, но мысленно отмахнулась рукой.

„Богъ съ ними!.. Было и прошло... и быльемъ поросло! Теперь ужъ все, все будетъ совсѣмъ по новому... Буду-жъ и я, значитъ, человѣкомъ, какъ всѣ... тогда ужъ никто не крикнетъ... какъ тотъ усатый въ участкѣ. Господи, Господи... Создателю мой!.. До чего-жъ хорошо это я надумала... Будто ужъ и не я вовсе... Знакомые у меня теперь будутъ настоящіе... Сама буду въ гости ходить... работать буду такъ... чтобы ужъ никто-никто и не подумалъ...“

Какъ-то незамѣтно для самой Саши всплылъ передъ нею образъ того студента, который устроилъ ее въ пріютъ.

„Красавецъ мой милый!“ — безсознательно, съ безконечной нѣжностью и благоговѣніемъ прошептала Саша, и уже когда прошептала, тогда замѣтила это.

И хотя ей было привычно, ничего не чувствуя, называть всѣхъ, бывавшихъ у нея, мужчинъ ласкательными словами, но теперь ей стало стыдно, что она подумала такъ о немъ. Но такъ хорошо стыдно, что слезы легко опять набѣжали на блестящіе, широко раскрытые навстрѣчу слабому свѣту изъ оконъ, глаза. Саша тихо и радостно улыбнулась себѣ.

„Миленькій, золотой мой“, — съ невыразимымъ влекущимъ чувствомъ, прижимаясь къ подушкѣ, стала подбирать всѣ извѣстныя ей нѣжности Саша. И все ей казалось мало, и хотѣлось придумать еще что-то, самое ужъ нѣжное, хорошее и жалкое.

„Спаситель вы мой!“ — почему-то на „вы“ вдругъ придумала Саша, и именно это показалось ей такъ хорошо, нѣжно и жалко, что она заплакала.

„Чего-жъ я плачу?“ — спрашивала она себя, но крупныя и теплыя слезы легко, сладко струились по ея щекамъ и расплывались по подушкѣ.

Твердое одѣяло сползло съ ея разгорѣвшагося тѣла и подушка смялась въ совсѣмъ крошечный комочекъ, на которомъ было твердо и неудобно лежать.

„Какія тутъ постели скверныя“,—машинально подумала Саша, не переставая улыбаться сквозь слезы своимъ другимъ мыслямъ.

И тутъ только Саша въ первый разъ совершенно ясно вспомнила и поняла, почему именно она ушла изъ дома терпимости. Она припомнила, какъ ей было тяжело и грустно еще до смерти Любки, какъ все было ей противно и скучно.

„Что Любка бѣдная, царствіе ей небесное, повѣсилась, только, значитъ, меня на мысль натолкнуло... и Полька Кучерявая тоже... Полечка Кучерявенькая!“ — ласково жалѣючи вспомнила Саша: — „надо и ее оттуда вытащить, она, глупенькая, сама и не додумается какъ... а и додумается, такъ побоится!.. Слабенькая она...“

Вдругъ въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Саша подняла голову, но сразу ничего не увидала, кромѣ изсиня-чернаго мрака. Изъ темныхъ оконъ уже не падалъ на потолокъ свѣтъ, а стекла только чуть-чуть сѣрѣли въ темнотѣ.

„Фонари тушатъ... поздно...“—подумала Саша.

И закрывъ глаза, стала опять вспоминать, почему „это“ вышло, и когда все началось, и почему именно—студенту сказала она объ этомъ. Съ самаго начала ей было противно, грустно и трудно привыкнуть къ такой жизни; и пошла она на это только отъ тяжелой, голодной и вовсе безрадостной жизни. Она всегда считала себя, и дѣйствительно была, очень красивой и больше всего въ мірѣ ей хотѣлось, чтобы въ нее влюбился какой-то невѣроятный красавецъ и чтобы у нея было много прекрасныхъ костюмовъ.

„Иная рожа рожей, а одѣнется, такъ глаза слѣпнутъ... а ты, тутъ, идешь, по грязи подоломъ шлепаешь... на башмакахъ каблуки съѣхали, подолъ задрипанный, кофточка старая мѣшкомъ сидитъ... красавица!.. Такъ мнѣ обидно было... Тогда около ресторана... гусаръ даму высаживалъ, а я заглядѣлась и даму толкнула, а онъ меня какъ толкнетъ!.. Посмотрѣла я на нее: старючая да сквернючая... и такъ мнѣ горько стало... А тутъ тетенька обхаживать начала... я ей съ дуру все про гусара и какъ мнѣ обидно разсказала... а она такъ и зудитъ, такъ и зу-

дитъ, что будутъ и гусары, и все... и что красавица я первая, и что мнѣ работать, гнуться да слѣпнуть,—глупость одна... съ какой радости?.. А я себѣ и думаю: „и въ правду глупость одна... съ какой радости?..“

Потомъ она вспомнила то ужасное, безпросвѣтное, невѣроятное, точно въ кошмарѣ, грязное пятно, которымъ представлялся ей долго послѣ первый день, когда она протрезвилась.

„А вѣдь я тогда тоже удавиться хотѣла!“ — съ холоднымъ ужасомъ вспомнила Саша и сразу широко открыла глаза, точно ее толкнулъ кто. Ей почудилось, что тутъ возлѣ кровати стоитъ неподвижная, мертвая, длинная-длинная Любка.

А все было тихо, слышалось ровное дыханіе спящихъ и стало будто свѣтлѣе. Опять были видны темные бугорки на кроватяхъ и мало-по-малу становилось все сѣро, блѣдно и какъ-то прозрачно. Попрежнему храпѣлъ кто-то, томительно и нудно, а за окномъ капали на подоконникъ одинокія тяжелыя капли.

„Такъ и хотѣла...Помню, напилась здорово... думала, какъ напьюсь, легче будетъ, не такъ страшно... и крючокъ приколотила... А за мной, значитъ, слѣдили... за всѣми въ первое время слѣдятъ... Тетенька меня тутъ и избила... чуть не убила!.. А потомъ и ничего... скучно стало...“

Саша припомнила, не понимая, что потомъ нашла на нее глубокая, тяжелая апатія, а когда прошла, то унесла съ собой всякую нравственную силу и стыдъ, не было уже ни силы, ни желанія бороться. Потомъ было пьянство, развратъ, шумъ и чадъ, и она привыкла къ этой жизни. Но все-таки Саша помнила очень хорошо, что совсѣмъ весело и спокойно ей никогда не было, а все время, что-бы она ни дѣлала, гдѣ-то въ самой глубинѣ души, куда она сама не умѣла заглядывать, оставалось что-то ноющее, тоскливое, что и заставляло ее такъ много пить, курить, задирать другихъ и развратничать.

„А почему ему... почему ему сказала?.. Да потому, что онъ меня и взбредилъ тогда... слова эти сказалъ, милый мой красавчикъ!..“

И опять Саша придумывала нѣжныя слова и припоминала весь тотъ вечеръ, когда этотъ студентъ былъ у нихъ въ первый разъ, пьяный, веселый, и очень ей понравился, смѣялся, пѣлъ, а Сашѣ сказалъ:

— Цѣны тебѣ, Сашка, нѣтъ!.. Ты красавица! Прямо красавица! Кабы ты не была дѣвкой, я бы на тебѣ женился! Ей-Богу, женился бы, потому что ты лучше всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю... И зачѣмъ ты, Сашка, въ дѣвки пошла?

Саша смѣялась и вылила на него полстакана пива, но онъ не разсердился, а вдругъ загрустилъ пьяной, слезливой грустью.

— И неужели ты не понимаешь, что ты надъ собой сдѣлала... а? Сашка! — горестно покачивалъ онъ красивой взлохмаченной головой, залитой пивомъ.

И сразу напомнилъ ей этими „жалкими“ словами все, что она вынесла. И тутъ все точно поднялось въ ней, давнуло за сердце, рѣзнуло, Саша стала неудержимо плакать, отталкивать студента отъ себя, биться головой. Было это и потому, что она была пьяна, и потому, что она поняла, что сдѣлала надъ собой что-то ужасное и непоправимое, какъ ей тогда казалось.

„Всю ночь тогда проревѣла“, — задумчиво и тихо подумала Саша, глядя въ посѣрѣвшіи окна, печально и неподвижно смотрѣвшія въ большую, холодную и скучную комнату.

„Съ того и началось... это самое... затосковала я тогда на смерть!“

V.

Слѣдующій день былъ пріемнымъ днемъ во всѣхъ больницахъ, а потому его сдѣлали пріемнымъ почему-то и въ пріютѣ.

Небо посвѣтлѣло, солнце ярко свѣтило въ окна, такъ что казалось, будто на дворѣ радостная весна, а не гнилая осень. Было такъ много свѣта, что даже на угрюмые мутно-зеленые столы и табуреты было пріятно и легко смотрѣть. Чай пили въ общей комнатѣ, пили чинно и молча, потому что боялись надзирательницы, у которой было много презрѣнія и много испорченной желчи.

Но Сашѣ казалось, что такъ тихо и чинно вовсе не потому, а оттого, что здѣсь, въ этой совершенно иной жизни, такъ и должно быть: свѣтло, тихо и чинно. И все это ужасно нравилось Сашѣ, даже возбуждало въ ней чувство восторженнаго умиленія. Глаза у нея поминутно дѣлались влажными и тихо блестѣли.

„Господи, какъ хорошо-то...“

А когда Саша вспомнила тѣ радостныя и свѣтлыя думы, которыя передумала она въ эту „великую“ (именно такъ, какъ называла она всегда ночь подъ свѣтлое Христово Воскресеніе, Саша назвала себѣ первую ночь, проведенную въ пріютѣ), ей стало такъ радостно, что она начала тихо и широко улыбаться навстрѣчу полному золотой пыли солнечному лучу, падавшему черезъ всю комнату блестящей полосой.

Но въ ту же минуту Саша поймала на себѣ пристальный и колючій взглядъ надзирательницы, вдругъ загадочно прищурившейся, и смутилась такъ, что даже испугалась. Густой румянецъ сталъ быстро разбѣгаться по ея молодому и еще совсѣмъ свѣжему лицу.

„Чего обрадовалась?“—съ грустью, откуда-то вынырнувшей незамѣтно для нея самой, подумала Саша, стараясь не глядѣть по сторонамъ. — „Ужъ и забыла... подумаешь!.. Такъ тебѣ и смѣяться... сидѣла бы, коли ужъ Богъ убилъ.“

И какъ будто въ столовой стало темнѣй, скучно и глухо, и золотой столбъ пыли куда-то пропалъ.

— Исправляющіяся!—съ ироніей думала надзирательница, машинально помѣшивая ложечкой жидкій простывшій чай и не спуская съ Саши злого и презрительнаоо взгляда.—Мысли-то ихъ въ комитетъ бы представить!.. У, дурачье!—подумала она о комитетскихъ дамахъ.—Да этихъ потаскухъ хлѣбомъ не корми... Развѣ могутъ онѣ не то что оцѣнить, а хотя бы понять смыслъ этихъ заботъ о нихъ общества?—вдругъ поджавъ губы, мысленно произнесла она гдѣ-то слышанную, очень ей понравившуюся и не совсѣмъ ясно понимаемую фразу.

И потомъ ей почему-то страстно захотѣлось схватить Сашу за волосы и дернуть по полу такъ, чтобы въ пальцахъ клочки волосъ остались.

— Тварь подлая... не спасать тебя, а въ острогѣ сгноить!..

Послѣ чаю всѣ сразу заторопились и, еле сдерживаясь, чтобы не побѣжать, разошлись по комнатамъ, стали шушукаться и хлопотать.

Саша сидѣла возлѣ своей кровати, къ жесткому коричневому цвѣту и мертвымъ прямымъ складкамъ которой она все не могла привыкнуть, и смотрѣла съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ прихорашивались ея товарки. На нихъ оставались тѣ же странныя неуклюжія платья, но всѣ какъ-то подтянулись: таліи стали тоньше, платья опрятнѣе застегнулись. Блондинка съ красивымъ голосомъ взбила чубъ и стала прелесть какой хорошенькой, а женщина съ животомъ украсила свои безцвѣтные жидкіе волосы голубой ленточкой. И эта ленточка наивно и робко, не въ тактъ ея движеніямъ болталась у нея на головѣ.

— Вовсе не хорошо!—мелькнуло въ головѣ у Саши.

Блондинка улыбнулась, поймавъ ея взглядъ на голубую ленточку.

Саша отвѣтила радостной улыбкой.

— Какая вы хорошенькая!—съ искреннимъ восторгомъ сказала она.

— Правда?—короткимъ горловымъ смѣшкомъ возразила блондинка.

— Ей-Богу!—улыбалась Саша.—Только платье бы вамъ другое... и совсѣмъ бы красавицей стали... У меня одно было, красное, и вотъ тутъ...

Саша подняла руку, чтобы показать, но вдругъ вспомнила, разомъ замолчала и, растерянно мигая, потупилась.

„Развѣ можно про это поминать!“ укорила она себя, съ усиліемъ подавляя въ себѣ жалость о красномъ платьѣ и желаніе разсказать о немъ.

Блондинка не поняла Сашу и хотѣла переспросить, но въ это время дверь отворилась, надзирательница на мгновеніе всунула желтую голову въ комнату и отрывисто выкрикнула, точно скрипнула дверью:

— Полынова.. къ вамъ...

Полыновой оказалась женщина съ большимъ животомъ. Должно быть, она, хоть и нацѣпила ленточку, никакъ не ожидала, что къ ней придутъ. Она сильно и болѣзненно вздрогнула и какъ-то вся безтолково засуетилась, хватая руками и обдергивая ленточку и платье. Ея невыразительное длинное лицо поблѣднѣло, а тусклые голубенькіе глазки выразили-таки растерянность и жалкій испугъ.

— Ну?—крикнула надзирательница и голова ея выскользнула.

Полынова, путаясь и торопясь, ушла за нею, все съ тѣмъ же испуганнымъ лицомъ, и Сашѣ показалось, будто она перекрестилась на ходу, быстрымъ и мелкимъ движеніемъ.

— Пришелъ таки, съ выраженіемъ и сочувствія и насмѣшки, сказала блондинка.

Рябая отозвалась равнодушнымъ басомъ:

— Все одинъ чортъ... Не женится онъ... охота ему!.. А она—дура!

Тутъ только Саша замѣтила, что одна эта рябая и не думала прихорашиваться, а неподвижно сидѣла на своей кровати, придавивъ ее какимъ-то странно тяжелымъ тѣломъ.

Опять отворилась дверь и опять скрипнулъ сухой голосъ:

— Иванова.

Блондинка встала и засмѣялась.

— Вы чего радуетесь?—сухо и недовѣрчиво спросила надзирательница.

Ее всегда злило и даже оскорбляло, когда эти женщины, которыхъ она считала неизмѣримо ниже себя и недостойными даже дышать вольно на свѣтѣ, радовались или хоть только оживлялись.

Но блондинка, не отвѣчая и все смѣясь, поправила на себѣ волосы и пошла изъ комнаты.

Потомъ вызвали Сюртукову, ту самую толстую и дурнорожую женщину, которая ночью храпѣла, и Кохъ, блѣдную тощую дѣвушку съ бородавкой на длинной шеѣ. Онѣ ушли, и въ комнатѣ стало совсѣмъ пусто и тихо. Воздухъ былъ чистый, и всякій звукъ раздавался черезчуръ отчетливо и дробно, еще больше усиливая тишину и пустоту.

Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, и по ея широкой обтянутой толстой спинѣ нельзя было догадаться, дремлетъ она или смотритъ въ окно.

Саша почему-то стѣснялась двигаться и тоже сидѣла тихо. Было что-то странное и тоскливое въ этой неподвижности и тишинѣ двухъ живыхъ людей, въ этой свѣтлой и чистой комнатѣ. И Саша начала томиться неопредѣленнымъ тяжелымъ чувствомъ.

Она стала припоминать то, что думала ночью, но оно не припоминалось, вставало блѣдно и безсильно. Саша старалась уже насильно заставить себя испытывать то радостное и свѣтлое чувство, которое такъ легко и всесильно охватывало ея душу, притаившуюся въ темнотѣ подъ жесткимъ темнымъ одѣяломъ. Но вокругъ было свѣтло, блѣднымъ ровнымъ свѣтомъ, и пусто молчаливой пустотой, и въ душѣ Саши было такъ же блѣдно и пусто. Саша поправилась на кровати, сложила руки на колѣняхъ, потомъ стала крутить волосокъ, потомъ тихо и осторожно зѣвнула, и ей становилось все тяжелѣй и скучнѣй.

Рябая зашевелилась и не поворачиваясь спросила:

— А къ тебѣ придутъ?

Голосъ ея раздался сипло и глухо.

Саша вздрогнула и поспѣшно отвѣтила:

— Не знаю...

И удивилась:

„Кто ко мнѣ придетъ?“—вдругъ съ тихой жалобной грустью подумала она, и какъ то ярко и мило ей вспомнились Полька Кучерявая, рыжая Паша и другія знакомыя лица. Она вздохнула.

Рябая что-то тихо сказала:

— Чего?—робко переспросила Саша.

— Ко мнѣ то прити некому... я знаю,—повторила рябая съ страннымъ выраженіемъ не то злобы, не то насмѣшки.

Саша широко и жалобно раскрывъ глаза смотрѣла въ ея широкую спину и не знала что сказать.

— У васъ родныхъ нѣтъ.. значитъ?—неувѣренно пробормотала она.

Рябая помолчала.

— Какъ нѣтъ... сколько угодно... Купцы, богатые... родные братья и сестры есть...

— Почему жъ они?..

— Потому...

Рябая оторвала это со злостью и замолчала.

А тутъ дверь опять скрипнула, и когда Саша быстро обернулась, желтая голова смотрѣла прямо на нее. Что-то въ родѣ какой то смутной, совсѣмъ неопредѣленной, но радужно радостной надежды вздрогнуло въ груди Саши.

— Козодоева.. къ вамъ...—проговорила надзирательница.

Саша даже вскочила и сердце у нея забилось. Но ей сейчасъ же представилось, что это ошибка.

— Ко мнѣ?—срывающимся голосомъ переспросила она странно улыбаясь.

Передъ нею промелькнули всѣ знакомыя лица изъ „Бѣлаго лебедя".

— Да ужъ къ вамъ,—неопредѣленно возразила надзирательница и не ушла, какъ прежде, а ждала въ дверяхъ, пока Саша пройдетъ мимо нея.

Лицо у нея было такое, точно она Сашу увидала въ первый разъ и чему то удивлялась и не довѣряла. А Сашѣ, во все время пока она шла по корридору казалось, что вотъ вотъ она сейчасъ крикнетъ ей:

— Куда?.. А ты и въ правду думала, что къ тебѣ пришли?.. Брысь на мѣсто.

Но надзирательница шла сзади молча, сильно постукивая задками туфель.

Совсѣмъ ужъ робко и нерѣшительно Саша вошла въ отворенную дверь пріемной и въ первую секунду ничего не могла разобрать, кромѣ того, что въ пріемной три окна, стоятъ черные стулья, блеститъ полъ и въ комнатѣ много людей.

Но сейчасъ же ей кинулся въ глаза студенческій мундиръ и знакомое лицо. Будто ее качнуло куда-то, все смѣшалось въ глазахъ, вздрогнуло и моментально разбѣжалось, оставивъ во всемъ мірѣ одно, слегка красное, чудно-красивое и безконечно милое, улыбающееся лицо надъ твердымъ синимъ воротникомъ.

Студентъ неестественно улыбался и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу.

— Здравствуй... те,—сказалъ онъ нерѣшительно.

Саша хотѣла отвѣтить, но задохнулась и только, и то какъ сквозь туманъ, поняла, что онъ протягиваетъ ей руку. Неумѣло и растерянно она подала свою и ей показалось, будто она перележала себѣ руку, такъ неловко и трудно было ей.

— Ну, что-жъ... сядемте...—опять сказалъ студентъ и первый отошелъ въ уголъ и сѣлъ.

Саша поспѣшно сѣла рядомъ съ нимъ, но какъ-то бокомъ. Ей было неудобно, а скоро стало даже больно, но она не замѣчала этого.

Всѣ смотрѣли на нее и на студента съ любопытствомъ и недоумѣніемъ, потому что къ пріюткамъ, бывшимъ проституткамъ, никогда не приходили такіе люди. Одна блондинка Иванова улыбалась и щурила глаза на красиваго студента.

Студентъ, смущенно и изъ всѣхъ силъ стараясь не показать

этого, смотрѣлъ на Сашу и не зналъ съ чего начать, у него даже мелькнула мысль:

„Чего ради я пришелъ?..“

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ, что дѣлаетъ благородное, хорошее дѣло и ободрился. Даже привычно-самоувѣренное выраженіе появилось на его лицѣ.

— Ну, вотъ вы и на новомъ пути!..—слишкомъ витіевато началъ онъ, почти безсознательно всѣмъ, и голосомъ, и складомъ фразы, и слегка насмѣшливымъ и снисходительнымъ лицомъ, подчеркивая для всѣхъ, что онъ, собственно, ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго съ этой женщиной, а то, что онъ пришелъ сюда, есть лишь капризъ его, безконечно чуждаго всякихъ предразсудковъ и безконечно прекраснаго, „я“. И ему все казалось, что это недостаточно понятно всѣмъ, и хотѣлось доказать это.

Саша въ некрасивомъ странномъ платьѣ, не завитая и не подрисованная, казалась ему незнакомой и гораздо хуже лицомъ и фигурой.

— Да,—сказала Саша такимъ голосомъ, какъ будто у нея во рту была какая-то вязкая тяжелая масса.

— Ну... это очень хорошо,—еще громче и еще снисходительнѣе сказалъ студентъ, разглядывая Сашу, и почувствовалъ, что ему какъ будто жаль, что Саша такъ погрубѣла и подурнѣла.

„А впрочемъ, она и сейчасъ хорошенькая“,—утѣшающе подумалъ онъ, и поймавъ себя на этой мысли съ болью разсердился:—ка-акой, однако, я подлецъ!“

Эта мысль была неискренна, потому что онъ глубже всего на свѣтѣ былъ увѣренъ, что онъ не подлецъ, но все-таки и ея было достаточно, чтобы онъ сталъ проще и добрѣе.

— Если вамъ что-нибудь понадобится, вы скажите,—заторопился онъ,—то-есть напишите... потому что я, можетъ быть... не скоро... или тамъ... я вамъ дамъ адресъ... на всякій случай... вотъ...

Онъ торопливо досталъ очень знакомый Сашѣ кошелекъ и досталъ изъ него карточку.

Саша робко взяла ее и держала въ рукѣ, не зная, куда ее дѣть и что говорить.

— Спасибо...—пробормотала она.

„Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ“,—прочла она машинально одними глазами.

И вдругъ, точно кто-то ударилъ ее по головѣ, Саша съ ужасомъ подумала:

„Что-жъ я... вѣдь онъ сейчасъ уйдетъ!“

И торопясь и путаясь, заговорила:

— Я вамъ очень, очень благодарна... потому какъ вы меня... изъ такой жизни...

— Ну, да, да...—заторопился студентъ, весь вспыхивая, но уже отъ хорошаго чувства, пріятнаго и просто-гордаго.—Вы повѣрьте... что я вамъ искренно желалъ добра и... желаю, и всегда готовъ...

„Что собственно готовъ?“—подумалъ онъ и противъ его воли вдругъ такой отвѣтъ пришелъ ему въ голову, юмористическій и циничный, что ему стало стыдно и гадко.

„Нѣтъ, я ужасный подлецъ!“—съ искреннимъ отчаяніемъ, но еле-еле удерживаясь отъ невольной улыбки, подумалъ онъ, и это чувство было такъ мучительно, что онъ, самъ не замѣчая того, всталъ.

Саша тоже встала торопливо и лицо у нея было убито и жалко.

„Уйдетъ, уйдетъ... дура... Господи!“—съ тоской неслось у нея въ головѣ.

Она всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, что надо что-то сказать, что-то необычайное, и совершенно не знала, что.

Но въ эту минуту ей казалось, что если она не скажетъ этого и онъ уйдетъ, то тогда ужъ все куда-то исчезнетъ, будетъ что-то пустое и мертвенно-холодное.

— Такъ вы если что-нибудь... тамъ подробный адресъ,— бормоталъ студентъ и протягивалъ руку, какъ-то слишкомъ высоко для Саши.

Саша дотронулась до его руки холодными пальцами и еле перехватила желаніе схватить эту руку обѣими руками и изо всей силы прижаться къ ней.

— До свиданья,—проговорилъ студентъ.

— Прощайте,—отвѣтила Саша и спохватилась:—до свиданья...

И поблѣднѣла.

Студентъ нерѣшительно, оглядываясь на нее, пошелъ изъ комнаты.

Саша пошла за нимъ. Они вышли въ корридоръ и на лѣстницу.

— Такъ вы...—началъ студентъ и замолчалъ, замѣтивъ, что повторяетъ одно и то же.

Вдругъ Саша схватила его руку и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить, прижала къ губамъ, опустила немного и опять, крѣпко прижавшись мягкими влажными губами, поцѣловала.

— Что вы!—вспыхнулъ студентъ.

Это было новое, стыдное и пріятное ощущеніе.

— Козодоева! Вы куда?—крикнула сверху надзирательница — Этого нельзя!

Отъ негодованія у нея вышло: „нельса!“

— Я... еще приду... непремѣнно приду!—весь красный и растерянный, почему-то ужасно боясь надзирательницы, торопливо пробормоталъ студентъ, сильно пожимая руку Саши.

Саша молчала и глядѣла на него безсмысленно-блаженными мокрыми глазами.

— Ступайте назадъ!—крикнула надзирательница.

Когда студентъ, свободно дыша, шелъ по улицѣ, у него было какое-то странное чувство, будто онъ сдѣлалъ не то, что было нужно, и въ душѣ у него была чуть чуть тоскливая тревожная пустота; то же самое чувство, которое было у Саши, когда она отошла отъ Любки, плакавшей за роялемъ. Но у него это чувство было мучительнѣе и сознательнѣе, потому что онъ былъ умнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ.

„Но вѣдь я же поступилъ съ нею хорошо... вообще... и никто,—съ удовольствіемъ подумалъ онъ,—изъ моихъ.. знакомыхъ не сдѣлалъ бы этого!“

И это соображеніе, бывшее искреннимъ и увѣреннымъ, обрадовало и успокоило его.

М. Арцыбашевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЗНАХАРСТВО И ШАРЛАТАНСТВО.

Одинъ господинъ, проходя мимо аптеки, зашелъ въ нее, купилъ двѣ облатки—патентованное средство отъ головной боли и положилъ ихъ въ карманъ. Идя далѣе, онъ купилъ себѣ пуговицу для сорочки и положилъ ее въ тотъ же жилетный карманъ. Почувствовавъ приближающійся приступъ головной боли, онъ опустилъ руку въ карманъ, досталъ одну изъ купленныхъ облатокъ и, закрывъ глаза, проглотилъ ее. Боль головы скоро утихла, и господинъ остался очень доволенъ купленнымъ патентованнымъ средствомъ. Придя домой, онъ пожелалъ приладить пуговицу къ сорочкѣ, полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда двѣ облатки: пуговицы не оказалось. Спрашивается, куда дѣвалась пуговица, и отчего прошелъ приступъ головной боли?..

Изъ писемъ В. Г. Бѣлинскаго къ женѣ мы между прочимъ узнаемъ, что И. С. Тургеневъ придавалъ какое-то мистическое значеніе красной ниткѣ, надѣтой на шею: она будто бы предохраняетъ горло отъ всякихъ простудъ и заболѣваній; онъ обращаетъ вниманіе Бѣлинскаго на это вѣрное средство, а Бѣлинскій въ письмѣ къ женѣ совѣтуетъ надѣть шнурокъ, сплетенный изъ красныхъ нитокъ, на шею дочери ихъ, Ольгѣ, причемъ совѣтуетъ озаботиться, чтобы дѣвочка и не догадывалась, зачѣмъ ей надѣли этотъ шнурокъ,—слѣдовательно, возможное вліяніе самовнушенія исключается имъ, а придается значеніе красной ниткѣ, какъ таковой.

Покойный петербургскій градоначальникъ Грессеръ погибъ отъ «виталина» Гачковскаго, доцентъ Московскаго университета, Г. Доробецъ, получаетъ излѣченіе отъ своего сикоза, повидимому нервнаго происхожденія, противъ котораго будто бы оказались безсильными всѣ авторитетные дерматологи отечественные и заграничные, отъ простой баньщицы-бабки въ Москвѣ, о чемъ и спѣшитъ заявить въ печати, въ поученіе и назиданіе читателямъ. Баронъ Вревскій имѣетъ шумный успѣхъ среди такъ называемыхъ «образованныхъ» классовъ Петербурга и отлично излѣчиваетъ разныя застарѣлыя заболѣванія простой невской водой. Горячимъ сторонникомъ и ученикомъ барона Вревскаго заявилъ себя и одинъ учитель Тобольской гимназіи. Принцъ Уэльскій, нынѣ король Англіи, носитъ на шеѣ ладонку-амулетъ про-

тивъ зоболѣваній тифомъ, лихорадкой и проч. Амулетъ этотъ подаренъ ему герцогиней Баденской. Владѣтельные герцоги и князья, бароны и графы горячо поддерживали пастора Кнеірр'а и его систему лѣченія, въ которой болѣе нелѣпаго, чѣмъ разумнаго, который, не имѣя никакого понятія ни о медицинѣ, ни объ естественныхъ наукахъ вообще, тѣмъ не менѣе судилъ вкривь и вкось о вопросахъ здоровья, издалъ даже по этому вопросу цѣлое руководство, содержаніе котораго вызываетъ невольную улыбку у человѣка, хоть немного знакомаго съ медициной, и которое, несмотря на это, выдерживаетъ въ короткое время 37 изданій на нѣмецкомъ языкѣ и переводится чуть ли не на всѣ европейскіе языки (имѣется и въ русскомъ переводѣ). Способъ лѣченія Кнеірр'а, какъ извѣстно, довольно простъ и однообразенъ: всѣмъ больнымъ, чѣмъ бы они ни страдали, предписывалось обливанье холодной водой спины, груди, бедръ, прогулки босикомъ утромъ по росистой травѣ, днемъ—по горячему песку, вечеромъ—по ручью; при этомъ простая однообразная пища. Несмотря на очевидную неразумность лѣченія по этому однообразному способу разнообразнѣйшихъ человѣческихъ недуговъ, масса больныхъ осаждала пастора.

Voerishofen — мѣстожительство Кнеірр'а, сталъ своего рода интернаціональной Меккой для страждущихъ: десятки тысячъ больныхъ всѣхъ классовъ и состояній, всѣхъ племенъ и народовъ стремились къ нему: онъ ужъ былъ не въ состояніи принимать ихъ по одному, а принималъ ихъ группами по 5—10 человѣкъ заразъ. Врачомъ-консультантомъ и помощникомъ Кнеірр'а состоялъ нѣкто Zapf, по профессіи—конюхъ. Папа, во вниманіе къ его заслугамъ, наградилъ его чиномъ камергера. Его пріѣздъ въ Берлинъ составлялъ цѣлое событіе для его многочисленныхъ поклонниковъ. Всюду въ большихъ городахъ Германіи открываются лечебницы для леченія по способу Кнеірр'а.

Графъ Mathei изобрѣлъ разноцвѣтное электричество, нѣчто не существующее въ природѣ, и подъ названіемъ бѣлаго, желтаго и краснаго электричества продаетъ обыкновенную воду, какъ-то показалъ химическій анализъ. Потребителями этихъ «электричествъ» являются, главнымъ образомъ, представители «образованныхъ» классовъ: помогаютъ они при самыхъ разнообразныхъ заболѣваніяхъ.

Профессоръ, а вѣрнѣй душевно-больной, Jeger, авторъ распознаванія болѣзней по запахамъ человѣческихъ отдѣленій, изобрѣтатель знаменитой и ходкой шерстяной одежды, несмотря на всю нелѣпость своей системы, имѣетъ успѣхъ: его бѣлье вы найдете теперь чуть ли не въ каждой мелочной лавочкѣ. Покупатели—все изъ тѣхъ же «образованныхъ» классовъ, такъ какъ ни рабочій, ни крестьянинъ не станутъ его покупать.

Изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ мы можемъ сдѣлать тотъ не-

чальный выводъ, что ни высокое положеніе въ обществѣ, ни принадлежность къ обезпеченнымъ и «образованнымъ» классамъ, ни даже талантъ и геній не гарантируютъ еще раціональныхъ понятій въ вопросахъ здоровья, что объ этихъ вопросахъ всѣ судятъ легкомысленно и съ плеча, что мистицизмъ и суевѣріе въ этихъ вопросахъ присущи всѣмъ классамъ населенія, высшимъ и низшимъ, образованнымъ и невѣжественнымъ. Врачъ, живущій въ деревнѣ, каждодневно и ежечасно ведущій не легкую борьбу съ деревенскимъ знахарствомъ, врачъ, всѣ надежды свои въ этой борьбѣ возлагающій на развитіе просвѣщенія въ массѣ, привыкшій думать, что невѣжество народа лучшій союзникъ знахарства, съ удивленіемъ останавливается предъ фактами, въ родѣ вышеприведенныхъ, и съ горечью долженъ признать, что, повидимому, и просвѣщеніе не всегда гарантируетъ людей отъ заблужденій темной массы. Глупо, конечно, что крестьяне въ своемъ паническомъ страхѣ предъ холерой приняли за холеру прохожаго нѣмца-слесаря и среди бѣлаго дня, при участіи сельскихъ властей, убили его изъ ружья. Глупо и жестоко, что крестьяне въ другомъ мѣстѣ нашего обширнаго отечества приняли за холеру проходившую старушку какую-то и также убили ее. Печально и тяжело, что обезумѣвшая чернь, потерявъ голову отъ надвинувшихся на нее почти одновременно голода и холеры, своими руками терзала о убивала борцовъ за ея здоровье и жизнь, разносила холерные бараки, жгла ихъ. Все это такъ. Но масса эта состоитъ изъ людей темныхъ, невѣжественныхъ, изъ людей, которыхъ въ свое время ничему не учили, которымъ ничего не объясняли, и которые, живя бокъ-о-бокъ съ культурой, въ сущности очень далеко отъ нея. Но послѣдователи и поклонники Егеря, Mathei, Kneipp'a, или «тибетскаго врачевателя», нашего г. Бадмаева, безъ сомнѣнія, глубоко возмущавшіеся дикостью черни, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ «образованному» классу; у нихъ нѣтъ такого оправданія; ихъ учили, а они все такъ же, какъ и ничему не учившаяся масса, склонны къ суевѣрію, такъ же легковѣрны и такъ же не способны критически отнестись къ разнымъ всегда сомнительнымъ заявленіямъ ловкихъ людей, разъ дѣло идетъ о вопросахъ здоровья. Крестьянинъ вѣритъ, что можно заговорить кровь, зубы, отшептать «бышиху» (рожу), что тѣ таинственныя манипуляціи, которыми часто сопровождаютъ деревенскіе знахари свое лѣченіе, заключаютъ въ себѣ что-то мистическое, сверхъестественное и во всякомъ случаѣ цѣлебное. На нашъ взглядъ, всѣ эти вѣрованія смѣшны и нелѣпы и если и могутъ въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть значеніе, то лишь своимъ дѣйствіемъ на психику больного и только въ подходящихъ, вполнѣ опредѣленныхъ и опредѣлимыхъ случаяхъ. Крестьянинъ смотритъ на это иначе, и онъ въ своемъ правѣ; онъ теменъ. Но не правда ли, странно, когда такіе способы леченія находятъ вѣрующихъ среди «образованныхъ»

классовъ населенія. Не такъ давно въ Петербургѣ среди высшихъ классовъ населенія пользовался большимъ успѣхомъ одинъ ловкій господинъ, нѣкто Тони, который руками «отмахивалъ» болѣзни. Въ этомъ и состояла вся его система леченія. И хотя онъ бралъ только 30 коп. за «отмахиваніе», онъ все же имѣлъ возможность занимать барскую квартиру и хорошо жить: отъ больныхъ отбою не было. И это не гдѣ-нибудь въ пошехонской глуши, а въ столицѣ, въ центрѣ умственной жизни страны! Въ Индіи при одномъ храмѣ имѣется мѣдная статуя мула; она обладаетъ удивительной цѣлебной силой, и толпы индусовъ всѣхъ слоевъ и со всѣхъ концовъ страны стекаются къ этой статуѣ, ища облегченія своимъ недугамъ. Способъ леченія удивительно простъ: стоитъ потереть у мула часть тѣла, соотвѣтствующую больной части тѣла человѣка, и боль проходитъ. Какъ велика практика этого мула, видно изъ того, что въ мѣдной статуѣ руками страждущихъ и ищущихъ облегченія протираются дырья, и жрецы имѣютъ всегда наготовѣ матеріалы для штопанія этихъ дыръ. Чѣмъ это хуже «отмахиванія» болѣзней г. Тони? Разница лишь въ томъ, что способомъ Тони пользовались «образованные» петербуржцы, а статуей мула—невѣжественные жители далекой отъ культуры Индіи.

Въ Самарскихъ степяхъ въ изобиліи произрастаетъ въ дикомъ состояніи ephedra Vulgaris — знаменитая Кузьмичева трава. Благодаря рекламамъ, газетнымъ заявленіямъ, легковѣрію публики и неудержимому стремленію ея къ разнаго рода панацеямъ, эта давно извѣстная въ медицинѣ трава, давно изученная врачами во всѣхъ ея далеко не важныхъ цѣлебныхъ свойствахъ, давно сданная ими въ архивъ, какъ ненужный балластъ, заняла на время опять видное мѣсто, какъ лѣчебное средство. При всѣхъ газетахъ и журналахъ разсылались въ милліонахъ экземплярахъ безграмотныя зазыванія разныхъ торговцевъ этой травой. Не было города, не было той глухой деревни, гдѣ вы не наткнулись бы на эту траву. На мѣстѣ, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, возъ этой ни къ чему не годной травы продавался по 50 к., а потомъ въ виду усиленнаго спроса,—по 3 р., а торговцы этой травой разсылали ее по 3 р. и по 5 р. за фунтъ, причемъ и почтовая пересылка была на счетъ покупателя. Многіе изъ почтенныхъ бузулукскихъ коммерсантовъ нажили себѣ состоянія отъ этой торговли. Кажется, только въ послѣднее время власти вмѣшались, наконецъ, въ эту возмутительную эксплоатацію общественнаго легковѣрія и ограничили торговцевъ этой травы.

Отставной солдатъ, Назаръ Бундаковъ, бывшій госпитальный служитель, занялся леченіемъ. Онъ снималъ катаракты, причемъ больные оставались безъ зрѣнія, разрѣзалъ животы, отчего больные умирали, пускалъ кровь изъ шеи, бровей. За вскрытіе живота былъ судимъ и осужденъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы и церковному покаянію. Послѣ того продолжалъ леченіе, судился еще 2 раза, послѣдній разъ—

за неудачную операцію съ смертельнымъ исходомъ; опять былъ присужденъ къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы («Недѣля» 1889 г., VI/18).

Какой-то «персидскій врачъ», Миръ Асановъ, въ Казани проситъ у полиціи разрѣшенія практиковать, получаетъ отказъ, но тѣмъ не менѣе открываетъ пріемъ больныхъ. Былъ привлеченъ къ суду, приговоренъ къ штрафу въ 20 рублей. Уплативъ этотъ ничтожный штрафъ, — продолжалъ лечить, бралъ съ больныхъ большія, чѣмъ прежде, суммы, по 50 — 70 руб. съ больного. Продавалъ по 30 руб. таинственный «дорогой» порошокъ, который при анализѣ оказался обыкновеннымъ крахмаломъ («Волжскій Вѣстникъ» 1890 г., 21 окт.).

Знахарка Титова лечила обыкновенный чирей и умудрилась превратить его въ такую обширную язву, что для заживленія ея потребовалась пересадка кожи. Привлеченная къ суду, она была приговорена земскимъ начальникомъ къ аресту на мѣсяцъ. Но когда дѣло было перенесено въ съѣздъ, то послѣдній, принимая во вниманіе приговоръ схода, въ которомъ дѣятельность Титовой была названа полезной, отмѣнилъ рѣшеніе первой инстанціи и приговорилъ ее къ аресту на одинъ день («Врачъ,» 1891 г. 476).

Гипнотизеръ Фельдманъ, несмотря на разъясненіе медицинскаго департамента, несмотря на прямое запрещеніе закона даже врачамъ гипнотизировать безъ консультаціи и присутствія другихъ врачей, продолжалъ свою дѣятельность то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, продѣлывалъ публичные сеансы гипнотизма, признанные врачами вредными, вызывался телеграммами то къ одному, то къ другому больному, а услужливая общая пресса охотно помѣщала сенсаціонныя извѣстія о чудесныхъ излѣченіяхъ.

Ортопедистъ Кауеръ, получившій разрѣшеніе только на фабрикацію бандажей, заявилъ себя спеціалистомъ по искривленію костей и позвоночника и, несмотря на многократныя оффиціальныя разъясненія медицинскаго департамента, обратившаго вниманіе на его дѣятельность, несмотря даже на прямое ему запрещеніе заниматься леченіемъ, продолжалъ рекламировать себя и лечить и не гдѣ нибудь въ глуши, а въ такихъ центрахъ, какъ Москва, Одесса, Харьковъ.

Нѣкто Іосифъ Берегги, на визитной карточкѣ котораго значится: «домашній врачъ баронессы Бюлеръ», издаетъ въ 1899 году въ Москвѣ книгу: «Электро-гомеопатія, какъ система врачеванія и ея основныя положенія и средства для борьбы съ болѣзнями», составилъ Іосифъ Берегги, ученикъ и послѣдователь графа Cesare Mattei, основателя гомеопатіи. Въ этой удивительно-нелѣпой книгѣ онъ повѣдалъ, между прочимъ, міру, что «малярійныя бациллы попадаютъ посредствомъ дыхательныхъ органовъ въ пищеварительный каналъ (особенно при употребленіи болотной воды)» (стр. 225). Каждый ученикъ начальной школы знаетъ уже, что дыхательные и пищеварительные пути—два особыхъ тракта, и что вода не можетъ попасть чрезъ ды-

хательные пути въ пищеварительные, не знаетъ этого только «домашній врачъ боронессы Бюлеръ», Іосифъ Берегги! Тамъ же онъ учитъ, какъ лечить какую-то болѣзнь «невольную хромоту» крупинками Cancegono 5, которыя также отлично помогаютъ при «скудоуміи», хотя примѣръ самого г. Берегги не доказываетъ этого. И вотъ этотъ г. Берегги живетъ въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, и какъ сыръ въ маслѣ катается, принимаетъ больныхъ въ 2-хъ концахъ Москвы, имѣетъ паціентовъ среди высшихъ классовъ столицы, какъ онъ самъ о томъ неоднократно заявляетъ.

Не забудемъ и почтенную дѣятельность знаменитаго д-ра Бадмаева, проповѣдника «Тибетской медицины», еще недавно фигурировавшаго на судѣ по дѣлу съ д-ромъ Крайнделемъ. Какъ выяснилось, у этого цѣлителя бываетъ на пріемѣ по 100 и больше больныхъ. Его произведеніе о тибетской медицинѣ «Жу-дши» распространяется въ качествѣ приложенія къ «Вѣстнику иностранной литературы» г. Булгакова, оффиціальнаго редактора «Новаго Времени». Нужноли еще больше доказательствъ популярности этой «медицины» и ея учителя?!.

Персъ Абаза-Бекъ-Ирзабековъ лечитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ «безъ промаха» и доставляетъ въ доказательство кучу письменныхъ благодарностей своихъ паціентовъ («Нижегор. Листокъ» 24 іюня 1900 г.).

Въ Москвѣ крестьянинъ Б. доставленъ въ пріемный покой вслѣдствіе отравленія ртутью, данной ему знахаремъ Волковымъ («Русск. Вѣд.» 1900 г., 2 іюля).

Нѣкая Магу Eddy, прежде гомеопатка, основала новое ученіе «христіанскую науку»; сущность ученія такова: «въ человѣкѣ борятся два начала: смертный духъ (mortal mind) и божественный духъ (divine mind); результатомъ борьбы этихъ 2-хъ началъ является рядъ уклоненій нравственныхъ и физическихъ отъ нормы. Леченіе состоитъ въ твердой вѣрѣ въ дѣйствительность «Божественнаго духа» и въ отрицаніи «смертнаго духа». Чтобы вылечить, напримѣръ, чахотку, нужно «увѣрить больного, что эта болѣзнь не наслѣдственна, что воспаленіе, бугорчатка, распадъ тканей и кровохарканье суть только образы, порожденные «смертнымъ духомъ», и что ихъ нужно выбросить изъ головы; тогда исчезнетъ и вся болѣзнь». При заболѣваніи корью, коклюшемъ, крупомъ и дифтеріей дѣтей, которыхъ нельзя убѣдить, что эти болѣзни суть только образы и порожденія «смертнаго духа», нужно убѣдить въ этомъ родителей, тогда дѣти сейчасъ же выздоровѣютъ. Остроумное ученіе это и вся несложная система леченія пріобрѣло милліоны послѣдователей въ Америкѣ и послѣднее время переходитъ и въ Европу (Sohnes Hopkins Hospital Bulletin 1900 г. іюнь).

Таковы факты, ихъ много было раньше, ихъ много и теперь: чуть не ежедневно вы можете встрѣтить въ печати то или другое сенсаціонное извѣстіе о какомъ нибудь новомъ чудесномъ лечителѣ чело-

вѣческихъ недуговъ. Бѣдные читатели, изъ которыхъ многіе привыкли вѣрить печатному слову, вѣрить потому, что оно напечатано, читаютъ, принимаютъ къ свѣдѣнію и при случаѣ пользуются этими сообщеніями.

Когда существуетъ такая путаница въ понятіяхъ общества о леченіи болѣзней, когда понятія эти присущи всѣмъ классамъ общества, высшимъ и низшимъ, культурнымъ и невѣжественнымъ, тогда такое общество представляетъ собой прекрасную среду, гдѣ хорошо культивируются разные «ловкіе» люди, различные лечители, различные изобрѣтатели и продавцы тайныхъ и патентованныхъ средствъ.

Что такое всякое тайное средство? Это—большей частью невозможная механическая, иногда химическая смѣсь уже давно извѣстныхъ лекарствъ,—смѣсь, составъ которой обладаетъ неизвѣстными ни изобрѣтателю, ни продавцу, но извѣстными лишь покупателю свойствами. Изобрѣтатель, впрочемъ, знаетъ и цѣнитъ въ тайномъ средствѣ одно важное свойство: оно даетъ ему возможность среди бѣлаго дня, и не опасаясь отвѣтственности предъ закономъ, залѣзать въ чужой карманъ и брать рубль за то, что не стоитъ и ломаннаго гроша. И это еще лучшій случай, когда дѣло ограничивается этимъ залѣзаніемъ въ чужой карманъ, когда средство прямо не вредитъ здоровью. Эти ловкіе люди, полагаясь на легкомысліе публики и, какъ показываетъ опытъ, не безъ основанія полагаясь на него, ведутъ часто свое дѣло сразу en grand, затрачивая десятки, сотни тысячъ и даже милліоны на свои объявленія и рекламы, и все это возвращается имъ, конечно сторицей. Въ большинствѣ случаевъ успѣха или неуспѣха того или другого патентованнаго или тайнаго средства дѣло вовсе не въ составѣ этого средства, не въ тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ свойствахъ его, а только въ большей или меньшей практической ловкости изобрѣтателя, въ умѣніи его должнымъ образомъ заморочить публику, такъ или иначе пустить ей пыль въ глаза, то забористымъ названіемъ средства, то мудреными свойствами его, въ умѣніи убѣдить сомнѣвающагося, соблазнить колеблющагося, а главное—заручиться содѣйствіемъ прессы.

Нѣкто Keely въ Америкѣ вздумалъ быстро разбогатѣть, для чего и выбралъ кратчайшій путь: онъ заявилъ, что изобрѣлъ вѣрное средство противъ пьянства. И хотя нужно время для провѣрки дѣйствія всякаго средства противъ пьянства, хотя за недѣлю, мѣсяцъ результатъ леченія не можетъ быть выясненъ, средство это вызвало удивительный энтузіазмъ общей печати, и Keely сразу попалъ въ спасители человѣчества. Когда врачи и врачебная печать старались умѣрить увлеченія, предостерегали отъ поспѣшныхъ выводовъ, указывали на преждевременность ликованія, настаивали на клинической провѣркѣ средства, разъясняли, что нужно много мѣсяцевъ наблюденія, чтобы имѣть право сдѣлать надлежащую оцѣнку средства, когда, слѣдова-

тельно, врачи дѣлали именно то дѣло, которое дѣлать имъ и надлежало въ подобномъ случаѣ,—общая пресса, а за ней и общественное мнѣніе игнорировали всѣ эти компетентныя указанія, сводили по обыкновенію своему все дѣло къ мелкой зависти врачей, къ ихъ желанію во что бы то ни стало дискредитировать неудобнаго конкурента. Результатомъ было то, что Keely подъ шумокъ зарабатывалъ съ легковѣрной публики по 20.000 долларовъ въ недѣлю, что онъ успѣлъ продать свое тайное средство синдикату за 10.000.000 долларовъ, что еще до этой продажи въ штатѣ Колорадо былъ поднятъ вопросъ въ парламентѣ о выкупѣ этого средства государствомъ. Средство это, конечно, скоро потеряло кредитъ. При химическомъ анализѣ оно оказалось слѣдующаго состава: воды—61,31%, сахару—6%, чистаго спирту—27,55% и небольшого количества неорганическихъ солей, главнымъ образомъ солей извести. Такимъ образомъ столь нашумѣвшее средство противъ пьянства содержало значительное количество чистаго спирта и въ сущности никуда не годилось.

Вслѣдъ за Keely въ штатѣ Индіана объявился нѣкто Borton. Увлеченный лаврами Keely, онъ заявилъ, что излечиваетъ пьянство еще вѣрнѣе и быстрѣе, а именно—въ 3 дня. Повѣрили и этому. Больныхъ оказалось и у него много. Способъ его былъ не сложенъ: дѣлались подкожныя впрыскиванія атропиномъ въ такомъ количествѣ, что отпадала охота не только къ спиртнымъ напиткамъ, но и вообще къ пищѣ и питью. Въ это время больному объявляли, что онъ уже здоровъ, и выписывали изъ больницы. Когда дѣйствіе атропина проходило и больной опять начиналъ пить, можно было за новую плату повторить леченіе и, конечно, съ тѣмъ же успѣхомъ.

Знаменитыя въ свое время, а можетъ быть и теперь, Beecham's pills изготовлялись въ количествѣ 9.000.000 въ день; на одни объявленія расходовалось 500.000 долларовъ въ годъ. Пилюли эти состоятъ изъ сабура, мыла и инбиря. Коробка этихъ пилюль продавалась по шиллингу за штуку, хотя заготовительная цѣна 150 коробокъ была меньше полушиллинга. Изобрѣтатель Varner's Safe Cure получилъ за свое мыло 1.500.000 долларовъ наличными и 2.000.000 долларовъ акціями.

Rodom's Microbe Killer, скверная смѣсь мѣднаго купороса, неочищенной соляной кислоты, вина и воды, будто бы убивающая разныхъ зловредныхъ микробовъ въ тѣлѣ человѣка, продавалась по 4 руб. бутылка, хотя изобрѣтателю она стоила только 5 коп.

Аптекарь Vincent изъ Grenobl'я составилъ себѣ милліонное состояніе, комбинируя смѣси уже извѣстныхъ лекарствъ по собственной фантазіи. Профессоръ Folet указываетъ, что реклама собираетъ особенно обильные плоды среди женщинъ, даже среди интеллигентныхъ. Съ одной стороны нежеланіе ихъ обращаться съ своими болѣзнями къ врачамъ, съ другой—чтеніе разныхъ романовъ, въ которыхъ разсказываются разные ужасы про врачей (напримѣръ, «Fecondité» Zola), заставляетъ

ихъ обращаться къ разнымъ тайнымъ средствамъ. Къ нему обратилась одна больная, которая сильно заболѣла, пользуясь сильно рекламированнымъ «тайнымъ» средствомъ—«poudre blanche astringente du Lynx». На коробкѣ этого порошка значится, что онъ производитъ чудеса при различныхъ болѣзняхъ. Анализъ показалъ, что онъ состоитъ только изъ квасцовъ съ небольшимъ количествомъ сахара и мѣла. Бралъ онъ за свою коробку въ 100 разъ больше того, что она стоила, но привлечь его къ суду за обманъ нельзя было, ибо онъ предусмотрительно напечаталъ на той же коробкѣ, гдѣ говорится о чудесахъ новаго средства, и самый составъ его, только названія проставлены по-латыни и не на видномъ мѣстѣ. У того же проф. Folet была больная съ ракомъ груди. Послѣ операціи больная была здорова 2 года, а затѣмъ въ рубцѣ появился опять узелокъ. Онъ вторично былъ удаленъ съ предупрежденіемъ о возможности 3-го возврата и совѣтомъ обратиться тогда тотчасъ же къ врачу. Черезъ $1^1/_2$ года дѣйствительно показался узелокъ, который могъ быть своевременно вполнѣ удаленъ. Но больная предпочла на этотъ разъ обратиться къ какому-то «ловкому» человѣку, рекламу котораго она прочла въ получаемой ею газетѣ. Тотъ отвѣчалъ ей, что нужно купить приборъ въ 150 фр. и болѣзнь пройдетъ. Но когда послѣ 3-хъ недѣль узелки, несмотря на приборъ, стали больше, она снова обратилась къ нему и получила отвѣтъ, что тотъ приборъ видно недостаточенъ, что нуженъ другой, цѣной въ 250 фр., дѣйствующій также «электродинамически». Выписали и другой, но толку, конечно, никакого не было, и больная снова обратилась къ профессору, но уже вполнѣ истощенная и не подлежащая операціи («Врачъ» 1900 г., 987 стр.).

Химикъ, д-ръ Oppermann, взялъ патентъ на изготовленіе перекиси магнія, названной имъ «Vitafer'омъ» (жизненосной). Рекламированіе было поведено en grand, благодаря средствамъ одного банкира, и дѣло пошло отлично. Изслѣдованіе, однако, показало, что въ этомъ Vitafer'ѣ нѣтъ и слѣдовъ перекиси магнія, а были только сода и жженая магнезія; а если бы подъ именемъ Vitafer'а продавалась дѣйствительно перекись магнія, покупатели врядъ ли выиграли бы что-нибудь отъ этого.

Сила всѣхъ этихъ благодѣтелей человѣчества въ легковѣріи публики, въ поддержкѣ общей прессы, а иногда—и медицинской, менѣе добросовѣстной частью ея. У насъ, къ счастью, это, впрочемъ, явленіе еще рѣдкое, но многіе медицинскіе журналы Европы и особенно Америки существуютъ, благодаря лишь средствамъ, получаемымъ за печатаніе разныхъ рекламъ. Но за послѣднее время реклама проникаетъ уже и къ намъ. И вотъ, сознавая силу прессы, всѣ эти изобрѣтатели и продавцы, всѣ эти ловкіе люди не скупятся на печатаніе рекламъ и объявленій въ газетахъ и журналахъ, расходуютъ на это дѣло огромныя, иногда выражающіяся милліонами, суммы, которыя,

разумѣется, съ лихвой оплачиваются обираемой публикой. Такимъ образомъ всякое новое патентованное или тайное средство—новое нападеніе на карманъ обывателя, новый налогъ на его глупость.

За этими благодѣтелями, обирающими больныхъ при помощи разныхъ всегда сомнительныхъ смѣсей, идутъ другіе, эксплоатирующіе вѣрованія народа. Священникъ Mollinger изъ Питсбурга нажилъ въ короткое время болѣе 2.000.000 долларовъ своимъ леченіемъ вѣрой. Общая пресса восторженно рекламировала его, чѣмъ увеличивала притокъ больныхъ къ нему, пока не убѣдились, что все это лѣченіе—просто ловкое предпріятіе. Но дѣло было сдѣлано, состояніе нажито, а это и требовалось Mollinger'у. Послѣдующія нападки печати врядъ ли интересовали его.

Во Франціи аббаты продавали какую-то «помаду трехъ святителей», помогающую при всякихъ заболѣваніяхъ. Въ той же Франціи во время холеры продавались «наплечники отъ холеры», благословенные папой и мгновенно прекращающіе припадки болѣзни. Новая «христіанская наука» Eddy, чудесныя излеченія въ Lourd'ѣ рака и другихъ неизлечимыхъ болѣзней—все это явленія одного порядка, всѣ они имѣютъ въ виду карманъ обывателя и его легковѣріе, и всѣ, какъ показываетъ опытъ, имѣютъ успѣхъ, неизмѣнный успѣхъ.

Дальше идутъ знахари и шарлатаны болѣе мелкаго калибра, имъ же имя легіонъ и въ нашемъ любезномъ отечествѣ, разные «спеціалисты» по леченію тѣхъ или другихъ недуговъ человѣчества или всѣхъ недуговъ вообще, берущіе также свою лепту съ обывательскаго легковѣрія. Не говоря уже о нравственной сторонѣ дѣла, сколько вреда общественному здоровью приноситъ эта установившаяся система обирательства! Часто упускается дорогое время для разумнаго леченія, часто само тайное средство вредитъ здоровью больного своимъ составомъ!

Любопытенъ отмѣченный нѣмецкой медицинской печатью фактъ, что главными друзьями и покровителями шарлатановъ всегда были люди такъ называемаго «высшаго общества». Напримѣръ, герцогиня Роганъ удостовѣряетъ, что столяръ Kuhne своимъ леченіемъ получаетъ «удивительные результаты». Генералъ свиты Lippe лечитъ воспаленіе спинного мозга у садовника Gössel'я. Княгиня Stolberg Vernigerode лечится съ дочерью у бывшаго книгопродавца, а теперь цѣлителя силами природы Iust'а. Покойная княгиня Bismark была горячей поклонницей электро-гомеопатіи и цвѣтныхъ электричествъ. Австрійскій эрцгерцогъ Joseph явился однимъ изъ главныхъ распространителей системы Kneipp'а. То же и у насъ Бадмаевъ, баронъ Вревскій, Гачковскій, Тони, Берегги имѣютъ своихъ больныхъ среди «лучшихъ» круговъ Москвы и Петербурга.

Въ виду шаткости понятій обывателя о болѣзняхъ и ихъ лѣченіи,

борьба съ «ловкими» людьми и у насъ въ Россіи затруднена. Существующія на этотъ предметъ законоположенія увеличиваютъ эти затрудненія. Изрѣдка возникающія у насъ дѣла противъ знахарей кончаются сравнительно слабымъ наказаніемъ, арестомъ на день, на мѣсяцъ, и это при наличности серьезнаго вреда здоровью больного, а иногда кончаются и оправданіемъ, что еще хуже, такъ какъ въ такомъ случаѣ судъ является даровой и сильной рекламой для ловкаго человѣка. Интересно при этомъ, какъ то было въ дѣлѣ о неправильномъ лѣченіи знахаркой Титовой, что судъ въ своихъ приговорахъ принимаетъ во вниманіе постановленія схода о полезной дѣятельности того или другого знахаря, какъ будто сходъ компетентенъ въ такихъ вопросахъ, какъ будто онъ можетъ разумно обосновать свое постановленіе! Если судъ постановкой слабыхъ или оправдательныхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ хочетъ этимъ сказать, что предоставляетъ благоразумію обывателя заботиться о своемъ здоровьѣ и о своемъ карманѣ, то разсчеты его ошибочны: обыватель, какъ то показываютъ факты, не можетъ защитить себя самъ отъ разныхъ «ловкихъ» людей. А «ловкіе» люди, памятуя, что на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ, и послѣ такихъ приговоровъ будутъ продолжать свою дѣятельность, такъ какъ назначаемыми имъ слабыми наказаніями нельзя отбить у нихъ охоты заниматься столь легкимъ и столь выгоднымъ дѣломъ.

Нашъ медицинскій департаментъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи мало средствъ для борьбы съ знахарствомъ и шарлатанствомъ. По нашимъ законамъ, разъ тайное и патентованное средство не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья или сильно-дѣйствующихъ средствъ, департаментъ *обязанъ* разрѣшить его къ продажѣ. Мало кому изъ публики извѣстно то невозможное положеніе, въ которое департаментъ поставленъ этимъ закономъ, а ловкіе люди пользуются этимъ незнаніемъ обывателя, всюду печатая на своихъ изобрѣтеніяхъ на видномъ мѣстѣ: «съ разрѣшенія медицинскаго департамента». Публика, читая эти «разрѣшенія», увѣрена, что средство должно быть въ самомъ дѣлѣ хорошее, если медицинскій департаментъ, въ которомъ имѣются люди вполнѣ компетентные, разрѣшилъ его къ продажѣ: не станетъ вѣдь онъ содѣйствовать обману обывателя. Такъ думаетъ наивная публика и охотно покупаетъ разныя невозможныя смѣси, «разрѣшенныя медицинскимъ департаментомъ», въ чаяніи всякихъ благъ отъ этихъ смѣсей. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, подъ флагомъ такого почтеннаго учрежденія, какъ медицинскій департаментъ, ловкіе люди обдѣлываютъ свои некрасивыя дѣлишки, а онъ не въ состояніи помѣшать этому.

Лучшее средство противъ разбираемаго зла, это — просвѣщеніе, захватывающее глубоко и широко народныя массы, просвѣщеніе

истинное, естественно-научное, пріучающее человѣка правильно мыслить, находить нужныя посылки, дѣлать изъ нихъ нужные выводы, пріучающее отличать пшеницу отъ плевелъ, научающее спасительному скептицизму.

Но это длинный и дорогой путь. Его осуществленіе — идеалъ болѣе или менѣе далекаго будущаго, до тѣхъ поръ законъ долженъ стать на стражѣ обывательскихъ интересовъ и долженъ помѣшать разнымъ дѣльцамъ обирать довѣрчивыхъ людей, наносить имъ матеріальный вредъ, а часто—и вредъ ихъ здоровью. Нужны законы, обезпечивающіе болѣе строгія карательныя мѣры за вредъ, причиненный ближнему, за умышленный обманъ. Обыватель, не привыкшій къ мышленію, не знакомый съ основами естественныхъ наукъ и медицины, нуждается въ защитѣ отъ худшаго изъ обмановъ—обмана больного человѣка. Законъ и долженъ оградить, защитить его.

1-го іюня 1900 г. гамбургскій сенатъ постановилъ:

§ 1. Запрещаются объявленія лицъ, не имѣющихъ права врачебной практики, не занимающихся врачеваніемъ, если эти объявленія таковы, что могутъ ввести читателя въ заблужденіе относительно подготовки, способности или успѣховъ объявляющаго или если въ нихъ содержатся ложныя обѣщанія.

§ 2. Запрещаются объявленія о предметахъ, средствахъ, приспособленіяхъ и способахъ, предназначаемыхъ для предотвращенія, уменьшенія или излѣченія болѣзней людей, или животныхъ: a) если этимъ предметамъ, средствамъ, приспособленіямъ или способамъ приписывается особое, превышающее ихъ дѣйствительное значеніе, дѣйствіе, или, если общество вводится данными объявленіями въ заблужденіе; b) если сказанные предметы, средства, приспособленія или способы по самому своему свойству могутъ причинить вредъ здоровью. Объявленія о тайныхъ средствахъ или способахъ лѣченія безусловно запрещаются, все равно, подходятъ ли они подъ первое (a) или подъ второе (b) изъ только что указанныхъ условій.

§ 3. ...виновные наказуются или денежнымъ штрафомъ въ 150 марокъ или заключеніемъ въ тюрьму на соотвѣтственный срокъ («Allgemeine Medicinische Central-Zeitung», 14-го іюня, 1900 г.).

Эти постановленія гамбургскаго сената, какъ первый шагъ въ этомъ направленіи, имѣютъ свое значеніе, хотя трудно запугать 150 марками людей, у которыхъ хотятъ отнять ими сотни тысячъ и милліоны марокъ.

Въ понятіяхъ публики о болѣзняхъ, ихъ причинахъ и лѣченіи существуетъ большой сумбуръ. Вслѣдствіе этого она спѣшитъ обнаружить свое легковѣріе при каждомъ удобномъ случаѣ, при первомъ появленіи на сцену того или другого дѣльца. Можно было ожидать,

что печать, эта руководительница общественнаго мнѣнія, а часто—и просвѣтительница большой публики, возьметъ на себя разъяснять публикѣ ея заблужденія, предостерегать отъ шарлатановъ, разоблачать ихъ. Къ сожалѣнію, только лучшая и далеко не многочисленная пресса дѣлаетъ это и, вмѣсто рекламированія того или другого средства, того или другого благодѣтеля человѣчества, знакомитъ своихъ читателей въ популярномъ изложеніи съ основами медицины, гигіены и естественныхъ наукъ вообще. Но другая и болѣе многочисленная часть общей прессы является лучшей союзницей разныхъ дѣльцовъ и ловкихъ людей и своими постоянными болѣе или менѣе сенсаціонными сообщеніями оказываетъ незамѣнимыя услуги знахарству. Она такъ же, какъ и публика, судитъ вкривь и вкось о разныхъ медицинскихъ вопросахъ, не ознакомившись съ ними основательно, такъ же какъ и она, падка на сенсаціонныя извѣстія, на разныя панацеи отъ всѣхъ недуговъ. Предостерегающій голосъ врачей и врачебной печати эта часть прессы склонна объяснять по своему, завистью врачей, ихъ страхами конкуренціи, ихъ боязнью за свои матеріальные интересы. Этимъ непониманіемъ своей роли въ подобныхъ вопросахъ общая пресса оказала медвѣжью услугу и тысячамъ больныхъ, и самому Роберту Koch'у, открывшему туберкулинъ.

Общая пресса первая оповѣстила объ этомъ міру, первая съ большою готовностью спѣшила помѣщать сообщенія о поразительныхъ результатахъ леченія и сдержанное отношеніе медицинской печати къ этому открытію, не мудрствуя лукаво, объясняла завистью ученыхъ къ славѣ Koch'a.

Баронъ Вревскій, Бадмаевъ, Гачковскій, Кпеірр, Ieger своими громкими, хотя и эфемерными успѣхами одинаково обязаны какъ усердно рекламировавшей ихъ общей печати, такъ и своей собственной ловкости. А критическій голосъ врачебной печати оставался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, такъ какъ его объясняли все той же, будто бы весьма понятной, завистью.

Нѣкоторыя газеты идутъ въ этомъ направленіи еще далѣе и берутъ сами на себя роль знахарей. Дешевая, а потому и очень распространенная въ средѣ небогатаго люда газета «Свѣтъ» помѣщала, а можетъ быть еще и теперь помѣщаетъ у себя различные врачебные совѣты своимъ читателямъ. Такъ какъ совѣты эти никоимъ образомъ не могутъ быть полезны, даже если бы они были разумны, потому что они посылаются въ пространство, между тѣмъ какъ медицина требуетъ строгой индивидуализаціи, такъ какъ они часто смѣшны, а иногда и не безопасны, остаешься въ недоумѣніи, къ чему печатаются эти совѣты? Для пользы ли читателей, или для пользы конторы газеты?

Одна изъ читательницъ «Свѣта», страдая хроническимъ катарромъ средняго уха, по рецепту газеты подъ рубрикой «отъ боли въ ухѣ»,

пустила себѣ въ ухо сокъ Saxifragae Sormentosae; въ результатѣ — острая боль, прободеніе барабанной перепонки, острое гнойное воспаленіе средняго уха и, наконецъ, глухота. Далѣе идетъ «средство отъ головной боли»: смѣсь равныхъ частей виннаго спирта и купороснаго масла — «всякая боль пройдетъ въ 5 минутъ», увѣряетъ газета. Средство это нелѣпое и ничего, кромѣ ожога, дать не можетъ, а причинъ для головной боли очень много, и средства находятся въ зависимости отъ причины. Въ тревожное холерное время «Свѣтъ» энергично рекомендовалъ извѣстную баклановскую настойку, какъ вѣрное средство противъ холеры. Этимъ, между прочимъ, ставились въ неудобное положеніе врачи, которые не находили нужнымъ прописывать эту настойку своимъ паціентамъ, читателямъ «Свѣта». Тотъ же «Свѣтъ» серьезно рекомендовалъ противъ холеры цвѣтныя электричества графа Mattei.

Рядомъ съ глазной клиникой въ Петербургѣ купецъ Тупицынъ открылъ глазную лечебницу, гдѣ безплатно лечилъ глазныя заболѣванія какой-то водой; желающимъ предоставлялось опускать свои добровольныя лепты въ кружку одного благотворительнаго общества. Больныхъ было много, до 100 въ день (и это рядомъ съ глазной клиникой!), доходы общества были хороши. Когда же, по распоряженію властей, лечебница была закрыта, благотворительное общество поднесло адресъ Тупицыну, а «Сынъ Отечества» помѣстилъ сочувственную лечебницѣ статью, въ которой сокрушался, что такому хорошему учрежденію не позволили существовать. Здѣсь все характерно: и лечебница безъ врача, помѣщающаяся рядомъ съ глазной клиникой и имѣющая до 100 больныхъ въ день, и благотворительное общество, которое считаетъ возможнымъ пользоваться добытыми такимъ путемъ средствами и подноситъ г. Тупицыну адресъ, а, пожалуй, всего лучше здѣсь — это «Сынъ Отечества», оплакивающій закрытіе этого учрежденія.

«Гражданинъ» беретъ подъ свое покровительство дѣятельность барона Вревскаго и охотно помѣщаетъ его письма и заявленія.

«Новости» помѣщаютъ у себя письмо самарскаго ветеринара Фельзера, страдавшаго ракомъ желудка. Въ письмѣ этомъ онъ благодаритъ редактора «Новостей» за сообщеніе о гипнотизерѣ Р. и указываетъ, что, побывавъ у него, онъ получилъ облегченіе отъ мучившей его болѣзни, противъ которой врачи были безсильны. Напечатавъ это письмо, «Новости» потомъ нигдѣ не упомянули, что г. Фельзеръ чрезъ двѣ недѣли послѣ сеанса у гипнотизера Р. умеръ, и что полученное имъ кратковременное облегченіе зависѣло отъ распада раковой опухоли. Такимъ образомъ у читателей «Новостей» должно остаться впечатлѣніе, что редакторъ «Новостей» дѣйствительно заслуживаетъ благодарности за сообщеніе столь полезныхъ свѣдѣній.

Изъ приведенныхъ здѣсь немногихъ фактовъ видно, что общая

пресса въ данномъ вопросѣ не оказывается на подобающей высотѣ. Въ погонѣ за подписчиками она потакаетъ дурнымъ вкусамъ толпы, пользуется ея легковѣріемъ и страстью къ панацеямъ и этимъ ставитъ себя въ ряду съ «ловкими» дѣльцами, которые пользуются тѣмъ же самымъ легковѣріемъ массы и на этомъ строятъ все свое благополучіе. Медицинская пресса безсильна бороться съ заблужденіями толпы: ея читатели—врачи, тѣсный, опредѣленный кругъ, и безъ того знающій цѣну всѣмъ этимъ пріемамъ и подходамъ къ обывательскому карману. Ея голосъ не можетъ быть услышанъ такъ называемой «большой публикой».

Печатаніе рекламъ въ текстѣ газеты и особенно въ объявленіяхъ, разсылка при газетѣ разныхъ объявленій, явно покушающихся на здоровье и карманъ обывателя, считается у насъ заурядным и вполнѣ дозволеннымъ явленіемъ. Вѣроятно, это объясняется все тѣмъ же незнаніемъ того вреда, какое наноситъ читающей публикѣ это печатаніе объявленій о разныхъ тайныхъ и патентованныхъ средствахъ. На одномъ изъ съѣздовъ американскихъ врачей въ Reading'ѣ д-ръ Sales-Cohen въ прекрасной рѣчи, сказанной имъ по этому поводу, между прочимъ настаивалъ, что необходимо обойти всѣ редакціи газетъ и журналовъ и разъяснить ихъ редакторамъ весь вредъ отъ печатанія рекламъ о тайныхъ и патентованныхъ средствахъ. «Всѣ эти мѣсива,— говорилъ онъ, — заставляютъ попадающихся на удочку злополучныхъ больныхъ терять попусту не только деньги, но и драгоцѣнное время, и часто являются прямой причиной смерти. Много дѣтей успокаиваются до смерти различными тайными успокоительными сиропами; многіе пьяницы идутъ въ могилу, благодаря патентованнымъ замѣстителямъ Whiskey; многіе морфинисты гибнутъ отъ патентованныхъ замѣстителей морфія, болѣе опасныхъ, чѣмъ самъ морфій. Если бы я былъ редакторомъ газеты или журнала и вздумалъ напечатать подобную рекламу, то всякій долларъ, полученный изъ этого источника, былъ бы для меня деньгами крови и казался бы заклейменнымъ изображеніемъ черепа съ крестомъ изъ костей».

Странно, что редакторамъ нашихъ газетъ и журналовъ не приходитъ въ голову прочитать тѣ объявленія, которые печатаются въ ихъ газетахъ и журналахъ или разсылаются при нихъ. Вѣдь во многихъ изъ этихъ объявленій беззастѣнчивость любителя легкой наживы и обманъ такъ и бьютъ въ глаза! Таковы, напримѣръ, были разсылавшіяся при многихъ газетахъ и журналахъ въ милліонахъ экземпляровъ безграмотныя объявленія торговцевъ Кузьмичевой травой, таково, напримѣръ, еще недавно разсылавшееся при оффиціальномъ изданіи «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» (20 мая 1900 г.) объявленіе о поясѣ доктора Зандена. Объявленіе начинается такъ: «единственный путь къ возстановленію здоровья достигается посред-

ствомъ электрогальваническаго пояса д-ра Зандена. Этимъ поясомъ излечивается большая часть болѣзней безъ всякой медицины. Нѣтъ больного, которому не слѣдовало бы обратиться къ важнѣйшему современному электрическому леченію. Единственное леченіе, при помощи котораго болѣзни дѣйствительно излечиваются, это—такъ называемое естественное леченіе или «электрическое». Основывается оно на неопровержимыхъ физическихъ законахъ и составляетъ самую простую и вѣрную методу. Тысячи больныхъ выздоравливали въ кратчайшее время благодаря испытанному, разумному «электрическому» леченію. Необходимо воспользоваться этой естественной силой премудрой природы. Этотъ важнѣйшій для жизни человѣчества элементъ (электричество) содержится въ моей новѣйшей усовершенствованной батареѣ, при помощи которой возможно положительное самолеченіе. Патентовано въ Германіи за № 86614. Патентовано и въ Австро-Венгріи. Цѣна за поясъ 8 рублей.». «Благодѣтельно для человѣчества! Электро-магнетически-гальваническіе вольтовый крестъ и вольтовые часы. Патентъ Германской Имперіи за № 88503 и патентъ Австро-Венгріи. Этотъ крестъ и часы признаны какъ самое лучшее средство для возстановленія силъ человѣческихъ органовъ и для леченія всѣхъ болѣзней безъ всякихъ лекарствъ, не исключая и болѣзни мускуловъ, нервовъ, артерій и венъ. Тысячи людей свидѣтельствуютъ подкрѣпляющее и возстанавливающее вліяніе этихъ двухъ предметовъ, представляющихъ величайшій успѣхъ XIX-го столѣтія, какъ настоящій талисманъ противъ всѣхъ болѣзней. Мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки (больные и здоровые) должны постоянно носить этотъ драгоцѣнный крестъ и часы, благодаря которымъ достигается долголѣтіе и моложавость»... и такъ далѣе въ томъ же родѣ еще много. Внизу: «печатать разрѣшилъ читинскій полицеймейстеръ Сафьяниковъ». Изъ слога, тона и смысла этого объявленія, кажется, ясно, что это даже и совсѣмъ немудреное покушеніе на карманъ, а подчасъ и здоровье простодушнаго обывателя, что это беззастѣнчивая попытка къ обману, а между тѣмъ оффиціальное изданіе находитъ возможнымъ разсылать его.

На международномъ съѣздѣ врачебной печати въ Парижѣ былъ также поднятъ вопросъ о рекламахъ, и изъ возникшихъ по этому вопросу преній выяснилось, что многіе редакторы врачебныхъ изданій видятъ въ печатаніи рекламъ законную прибыль журнала и не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Печально, конечно, что могутъ быть такіе редакторы-коммерсанты, для которыхъ прибыль, барышъ—все, а прочее все—тлѣнъ. Тотъ же вопросъ о рекламѣ и особенно о рекламированіи разныхъ новыхъ средствъ, тысячами выбрасываемыхъ на рынокъ химическими фабриками, разбирался и въ Ахенѣ на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, причемъ принятъ во вни-

маніе рядъ постановленій, ограждающихъ и публику, и врачей отъ изобрѣтательности разныхъ коммерсантовъ.

Уже одинъ тотъ фактъ, что вопросъ этотъ неоднократно поднимался разновременно на разныхъ съѣздахъ врачей, указываетъ, что зло дѣйствительно велико, что оно растетъ и настоятельно требуетъ борьбы съ нимъ. А борьба такъ трудна, легковѣрія въ массахъ такъ много, а положительныхъ знаній такъ мало!

Въ Парижѣ недавно судился одинъ знахарь, который на судѣ представилъ свидѣтельство о своемъ званіи врача и объяснилъ, что онъ имѣетъ въ Парижѣ 2 квартиры: на одной—принимаетъ больныхъ въ качествѣ врача и больныхъ не имѣетъ, на другой — принимаетъ больныхъ въ званіи знахаря, и этотъ-то второй пріемъ и даетъ ему средства къ жизни.

Когда извѣстный поэтъ Беранже заболѣлъ глазами, онъ обратился къ знаменитому тогда окулисту. Наступило улучшеніе, но такъ какъ поэтъ не выдержалъ предписаннаго ему режима, глаза его вскорѣ стали еще хуже болѣть. Тогда Беранже обратился къ знахарю, спеціалисту по глазнымъ болѣзнямъ. Объ этомъ узналъ не менѣе извѣстный врачъ Труссо. Встрѣтивъ однажды Беранже, онъ попросилъ его, въ видѣ гонорара за безвозмездное 8-лѣтнее пользованіе, написать ему стихотвореніе, все равно, на какую угодно Беранже тему, только, чтобы припѣвъ былъ его, Труссо. Когда Беранже спросилъ, какой припѣвъ желаетъ онъ помѣстить, Труссо отвѣтилъ: «*я желалъ бы*, чтобъ каждое четверостишіе оканчивалось слѣдующимъ припѣвомъ: «Боже! какъ глупы умные люди!»

А. Хохловкинъ.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Продолженіе *).*

III.

Полярная весна.—Оживленіе лагуны и тундры.—Нерпы.—Первая травa.—Тщетные поиски каменнаго угля. — Распредѣленіе дежурствъ. — На льду лагуны.—Мышь-лемингъ.—Ручьи и рѣчки. — Паразитникъ.—Троицынъ день.—Большая прогулка. — Гуси.—Байджярахи.— Снѣжныя совы.—Веселая тундра.—Гнѣзда и яйца. — Обогащеніе коллекціи. — Пальба съ судна.—Вода!—Экскурсія къ полуострову Огрина.—Громъ.—Возвращеніе лейтенанта Колчака. — Отъѣздъ командира. — Образованіе полыньи. — Пироксилинъ.—Приготовленія къ навигаціи.—Выходъ изъ лагуны.

Тундра ожила. Вѣяніе весны сказалось и на лагунѣ. 24-го мая видѣли гусей, 25-го—утокъ. Нерпы начали вылѣзать черезъ продышанныя ими во льду отверстія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и погрѣться въ весеннихъ лучахъ полярнаго солнца. Всего въ 400 саженяхъ отъ судна боцманъ замѣтилъ въ бинокль вылѣзшаго въ подобную продушину тюленя. Онъ подползъ къ нему шаговъ на 100. Нерпа наслаждалась жизнью, нѣжась на солнцѣ, пока роковой выстрѣлъ не положилъ предѣла ея безмятежному существованію. Животное оказалось самцомъ. При 142,5 ctm. длины оно вѣсило 78,5 кило (болѣе $4^1/_2$ пуд.). Толстый слой жира залегалъ подъ его толстой шкурой, которую я пріобщилъ къ коллекціямъ экспедиціи. Поморъ Евтихѣевъ приготовилъ скелетъ нерпы.

Изъ любознательности мы заказали бифштексъ изъ нерпы. Гадость порядочная. Получается что-то въ родѣ сапоговъ въ смятку: запахъ ворвани, смѣшанный еще чортъ знаетъ съ чѣмъ. Читая Нансена, я иначе представлялъ себѣ блюдо изъ тюленя. Быть можетъ, какъ спартанскую похлебку могли ѣсть только родившіеся спартанцами, такъ и тюленей могутъ смаковать только родившіеся полярными путешественниками или эскимосами. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, а при нуждѣ и не то станешь ѣсть.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

Яснѣе и яснѣе обозначались чернѣвшіе понемногу берега лагуны. Таяніе пошло энергичнѣй. Однако, на тундрѣ оставалось еще сколько угодно снѣга: всему не растаять подъ холодными лучами холоднаго солнца. Снѣгъ сталъ такимъ рыхлымъ и порознымъ, что того и гляди провалишься по поясъ, а внизу — вода. На почернѣвшей тундрѣ стали иногда попадаться пучки блѣдно-зеленой растительности.

Температура стала значительно подниматься надъ точкой замерзанія. 25-го мая она достигала на солнцѣ $+11{,}2^{\circ}$ С (черный шарикъ), максимальный термометръ въ будкѣ показывалъ больше 4-хъ, а на поверхности снѣга температура достигала 5° слишкомъ—выше 0.

Этотъ день, положимъ, выдавался въ ряду другихъ: такая была теплая и ясная погода. Я пошелъ прогуляться на лыжахъ, которыя оставилъ около одного изъ астрономическихъ знаковъ, и пустился въ тундру—за могилу д-ра Вальтера. Пошатавшись по тундрѣ, я вернулся къ знаку, послѣ нѣкотораго колебанія спустился на лыжахъ съ горы и возвратился на судно, неся съ собою пучокъ блѣдно-зеленой травы, какъ залогъ наступающей весны.

Къ концу мая прогулки по льду становились непріятными и даже до метеорологической станціи трудно было дойти, не промочивъ ногъ. На лыжахъ было хуже ходить, чѣмъ безъ нихъ, а канадскія, очень удобныя въ подобныхъ обстоятельствахъ,—почему-то пришлись мнѣ не по вкусу. Трещины, бывшія ранѣе пустыми или набитыми снѣгомъ, стали наполняться водой. Снѣгъ, подтаивая и просачиваясь внизъ, образовывалъ ледянистую кашу, и тамъ, гдѣ его скопилось значительное количество, эта каша декорировалась сверху на видъ какъ будто и твердымъ, а на самомъ дѣлѣ предательскимъ слоемъ снѣга.

Пѣніе пуночекъ и рѣзкіе крики чаекъ стали раздаваться иногда совсѣмъ вблизи судна. Изрѣдка пара утокъ пролетала невдалекѣ, нерпа выглѣзала на ледъ.

На суднѣ начались заблаговременно приготовленія — къ навигаціи, съ одной стороны, и къ обезпеченію себѣ отступленія въ случаѣ аваріи — съ другой. Судно могло раздавить льдомъ, ледъ же могъ выпереть его на берегъ, оно могло вернуться послѣ неудачнаго плаванія въ гавань съ израсходованнымъ запасомъ угля (см. инструкцію начальника экспедиціи),—и вотъ на одинъ изъ этихъ случаевъ и устраивался въ поварнѣ на косѣ складъ провіанта.

Ѣздили мы съ Ф. А. Матисеномъ, матросомъ Желѣзниковымъ и однимъ изъ промышленниковъ, служившимъ въ партіи К. А. Воллосовича, къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ послѣднимъ каменный уголь. Глубокій снѣгъ не позволилъ намъ, однако, заняться раскопкой, а якутъ не могъ опредѣлить съ точностью мѣстонахожденіе угля. Отправивъ его съ Желѣзниковымъ на собакахъ на судно, мы вернулись пѣшкомъ черезъ тундру.

Оставшись вдвоемъ съ командиромъ въ каютъ-компаніи, мы де-

журили черезъ день и вели самый регулярный образъ жизни. Каждый изъ насъ оставался черезъ день на суднѣ, исполняя обязанности дежурнаго, отпускалъ на охоту и принималъ возвратившихся охотниковъ. Отказа въ отпускѣ пока не могло быть, но контроль былъ необходимъ, чтобы кто не затерялся на тундрѣ.

Около судна появились въ одинъ изъ теплыхъ дней двадцатыхъ чиселъ мая мыши-лемминги. Эти интересные звѣрки, немного побольше полевой мыши, типичны для полярной области. Лемминги иногда массами переселяются. Замѣчено, что ихъ кочевки періодичны и происходятъ черезъ каждые три года. Это храбрый и злой народъ. Если вы, идя по тундрѣ, наткнетесь на лемминга, бѣгущаго извилистой тропинкой къ своей норкѣ или пустившагося на промыселъ, онъ присядетъ, ощерится и зашипитъ на васъ. Но онъ слишкомъ малъ, чтобы обороняться отъ песца или собаки, которые ѣдятъ лемминговъ живьемъ.

Мы поймали пару лемминговъ, въ числѣ другихъ бѣгавшихъ по льду вокругъ судна къ большому удовольствію охотившихся за ними псовъ. Я посадилъ ихъ въ клѣтку. Мыши охотно ѣли, на глазахъ у людей, кусочки тюленьяго жира, которые имъ давали, но мнѣ не удалось ихъ приручить. Одинъ изъ лемминговъ палъ жертвой единоборства, а его счастливый соперникъ, какъ бы боясь законнаго возмездія, поспѣшилъ улизнуть, найдя маленькую лазейку въ своей прочной клѣткѣ.

29-го мая еще сравнительно хорошо было ѣздить на собакахъ по льду лагуны. Мы ѣздили къ юго-востоку отъ судна. Въ этомъ направленіи судно наиболѣе удалено отъ берега. Двѣ нерпы очень уютно расположились около края отверстія во льду. Но тщетно я къ нимъ подкрадывался. Не успѣлъ я и прицѣлиться, какъ чуткія животныя, взмахнувъ въ воздухѣ своими ластами, исчезли подо льдомъ. На тундрѣ я застрѣлилъ пуночку и кулика. Это была моя первая—довольно жалкая—добыча. Гдѣ хлюпая по водѣ, гдѣ проваливаясь въ снѣгъ, гдѣ шагая по гладкому льду, я медленно приближался къ «Зарѣ». Мой спутникъ догналъ меня на собакахъ, и я сѣлъ въ нарту.

Къ первымъ числамъ іюня весна уже сдѣлала большіе успѣхи. 3-го іюня я ѣздилъ на тундру съ двумя матросами. Лужъ на льду становилось больше и больше. Трудно было выбирать дорогу. Около берега ручьи, журча, пробивали себѣ путь по льду. Тяжело было ѣхать по тундрѣ, въ значительной степени освободившейся отъ снѣга, поэтому мы вдвоемъ слѣзли у Сѣвернаго мыса, чтобы идти пѣшкомъ, тогда какъ третій долженъ былъ обогнуть мысъ, чтобы выбраться на тундру по болѣе пологой части берега. На первыхъ порахъ намъ представилась трудная задача подняться на почти отвѣсный берегъ. Возлѣ былъ тотъ уютный оврагъ, о которомъ я говорилъ выше. Раньше по нему можно было довольно легко подняться на тундру. Но

теперь здѣсь шумѣлъ настоящій потокъ. Изливаясь на ледяную поверхность моря, онъ разбивался на болѣе или менѣе мелкіе ручьи и ручейки, протачивавшіе ледъ. Мой спутникъ полѣзъ вверхъ прямо по камнямъ, но долженъ былъ вернуться съ половины подъема и выбирать болѣе доступное мѣсто. Я былъ счастливѣе. Выбравъ часть скалы, граничившую со снѣгомъ и покрытую толстымъ слоемъ наносной глины, я выкарабкался наверхъ, хотя чуть не съѣхалъ внизъ, когда мой трудъ уже приблизился къ концу: ноги мои соскользнули и я какъ-то ухитрился удержаться на локтяхъ. Высота берега въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 12 метровъ.

Характеръ тундры къ сѣверу и востоку отъ стоянки «Зари» иной, чѣмъ къ западу. На западѣ тундра однообразнѣе и бѣднѣе жизнью. Зато мы приняли не мало мытарствъ, переправляясь черезъ многочисленныя балки, ложбины и маленькія рѣчки. Я былъ въ финскихъ башмакахъ и, провалившись нѣсколько разъ сквозь мокрый снѣгъ, шагая по надувшимся ручьямъ выше колѣнъ въ ледяной водѣ, промокъ основательно. Черезъ тундру, промачивая, провѣтривая и просушивая на ходу ноги, мы прошли на косу, а тамъ—по льду, на судно, предоставивъ нашему компаньону возвращаться на собакахъ.

Наши охотничьи подвиги во время этой прогулки были довольно мизерны. Да и дичи-то немного встрѣчалось. Попадались чайки-паразитники (stercorarius parasiticus), попалось нѣсколько турукановъ и куликовъ. Первый мой выстрѣлъ въ паразитника былъ удаченъ. Чайка запрыгала, обагряя тундру своей кровью. Она еще была жива и пыталась кусаться... Мой спутникъ воздерживался отъ стрѣльбы, но зараженный моимъ примѣромъ, тоже выпустилъ нѣсколько патроновъ,

Я нашелъ, что хорошо ходить на охоту вдвоемъ, когда дичи мало, а то за разговоромъ зѣваешь.

А какъ пріятно бывало послѣ хорошей прогулки надѣть все сухое и, развалившись въ удобномъ креслѣ возлѣ обѣденнаго стола, предаться на время съ папиросой и сигарой въ зубахъ сладкому ничегонедѣланію.

Въ день св. Троицы у насъ состоялась утромъ молитва съ чтеніемъ Евангелія, а вечеромъ—тоже въ помѣщеніи команды—пѣніе, гармоника и графофонъ. Боцманъ—самъ житель Волги—лихо сыгралъ на гармоникѣ «саратовскую». Пѣніе сначало не клеилось, а потомъ разошлись. Не особенно гармонировалъ основной мотивъ хорошей русской пѣсни «Что затуманилась зоренька ясная...» со звучавшимъ немного по-кабацки припѣвомъ: «Тамъ за лѣсомъ, тамъ за лѣсомъ разбойнички сидятъ...» Носовъ и Пузыревъ лихо откалывали трепака подъ разудалую «гармошку».

Въ каютъ-компаніи Ф. А. Матисенъ сыгралъ послѣднее дѣйствіе изъ «Карменъ». Я былъ его единственнымъ слушателемъ.

Столбикъ термометра держался опять немного выше нуля, опу-

скаясь къ ночи иногда болѣе, чѣмъ на два градуса ниже точки замерзанія.

Въ ночь съ 4-го на 5-е іюня я совершилъ въ обществѣ Шервинскаго и боцмана свою самую большую прогулку по тундрѣ. Выступили мы уже въ девятомъ часу вечера, когда вернулся съ охоты командиръ. Пошли, миновавъ косу, къ сѣверо-востоку. Тундра почти совсѣмъ почернѣла, но растительность пока замѣтна только при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи. Овраги еще часто полны снѣгомъ, подъ которымъ скрывается вода. Кочковатая поверхность тундры напоминала высохшее болото. На болѣе низкихъ мѣстахъ, гдѣ оттаяло и имѣлся достаточный запасъ влаги, почва топкая, но уже на 40 ctm. въ глубину начинается вѣчная мерзлота.

Хороша была одна, попавшаяся намъ на пути, рѣчка или ручей, который несъ къ морю свои недавно образовавшіяся отъ тающаго снѣга и продолжавшія еще образовываться воды. Высоко надъ нами слышался крикъ гусей. Четыре гуся держали путь, очевидно, къ рѣчкѣ. Увидѣвъ насъ, они повернули назадъ, и снова къ намъ возвратились, что повторяли до трехъ разъ. Я выстрѣлилъ—и промахнулся.

Быстро, какъ по мановенію волшебства, нѣсколько разъ спускался туманъ и такъ же быстро разсѣевался. Далеко на пригоркѣ обрисовалось небольшое стадо оленей. Сквозь туманъ я едва разсмотрѣлъ ихъ въ бинокль. Было такъ далеко, что не стоило стрѣлять, а позиція для подкрадыванія у насъ была очень невыгодная. Олени загалопировали и скрылись въ туманѣ.

Послѣ долгаго скитанія по тундрѣ, перейдя рѣчку Чукочью, на которой видѣли гусей, мы попали въ довольно красивую и дикую мѣстность. Два-три оврага, да нѣсколько большихъ байджяраховъ, да виднѣвшееся въ отдаленіи море составляли пейзажъ. Байджярахи—это болѣе или менѣе крупные курганы, состоящіе изъ торфа, пожалуй, достаточно сухого, чтобы служить топливомъ. Между байджярахами безшумно летали снѣжныя совы (nyctea nivea), мѣрно и красиво взмахивая крыльями. На верхушкахъ байджяраховъ онѣ гнѣздятся. Совы были настолько осторожны, что ни одному изъ насъ не удалось подойти на разстояніе выстрѣла. Любопытно было наблюдать, какъ пара чаекъ-паразитниковъ, ростомъ значительно меньше крупной снѣжной совы, испускали воинственные крики, нападая на сову, а та только крыломъ отмахивалась отъ нихъ, какъ отъ назойливыхъ мухъ.

Разныхъ видовъ кулички пересвистывались или гонялись маленькими стайками за паразитникомъ, который ударомъ клюва могъ бы раздробить черепъ любому изъ нихъ. «Куликъ! Ку-у-ликъ!» свистали кулички. «Тра-та-та-та!» раздался грубый, какъ собачій лай, крикъ куропатки. Пѣли свои свадебныя пѣсни пуночки. Крошечный и скромный, но хорошенькій, съ малиновымъ ожерельицемъ пѣтушокъ своимъ пѣніемъ

будто старался напомнить намъ степного жаворонка. Время отъ времени чайки, красиво разсѣкая воздухъ крѣпкими крыльями, оглашали тундру рѣзкими криками. Нѣтъ-нѣтъ, да и покажутся турканы,—то влюбленной парочкой, то скромная дама въ сопровожденіи нѣсколькихъ нарядныхъ, по случаю сезона любви, кавалеровъ. Кулички и прочая мелкая братія, какъ водится, преобладали.

Отъ байджяраховъ мы повернули домой. Опять пришлось гдѣ шлепать по водѣ, гдѣ брести по снѣгу. Приходилось разуваться и выливать воду изъ сапогъ. Попалась стайка туркановъ въ 5 штукъ. Одинъ изъ нихъ увеличилъ собой нашу добычу.

Идти на судно по льду было-бы значительно ближе, но, благодаря многочисленнымъ лужамъ, это путешествіе намъ не улыбалось и мы предпочли идти берегомъ до косы. На льду было воды по меньшей мѣрѣ по щиколодку.

Мы пробыли въ отлучкѣ болѣе полусутокъ и сдѣлали за это время до 40 верстъ: для прогулки недурно. Нашими жертвами пали за это время: дюжина куликовъ, куропатка, пара чаекъ и турканъ.

Послѣ пятичасового сна я все еще чувствовалъ утомленіе. Мышцы побаливали. За препаровкой птицъ и чтеніемъ я скоро «отошелъ».

Ледъ въ лагунѣ настолько сталъ портиться, многочисленныя прѣсноводныя лужи, образовавшіяся отъ таянія снѣга, настолько испещрили его поверхность и наполнили трещины, что идти на метеорологическую косу приходилось постоянными зигзагами. Вода въ лужахъ солоновата отъ примѣси кристаллизовавшейся на поверхности льда соли и для питья не хороша. Пришлось все-таки сдѣлать запасъ этой воды въ цистерны (опрѣснителя на «Зарѣ» не было: онъ — излишняя роскошь въ полярномъ плаваніи), но, употребляя ее для приготовленія пищи, мы предпочитали для питья доставлять воду съ косы.

И коса обнажилась отъ зимняго наряда. Ручьи и ручейки медленно, но неукоснительно дѣлали свою работу, содѣйствуя таянію снѣга, образуя мѣстами порядочныя лужи. Масса гальки, цѣлыя залежи плавнику, котораго хватило бы для постройки цѣлой помѣщичьей усадьбы, выступили изъ-подъ снѣга. Обнажилась и ровная болотистая почва, въ которую переходила коса у подножія тундры. Но коса, какъ и тундра къ западу отъ судна, пока была бѣдна жизнью. Изрѣдка попадались кулики, изрѣдка залетали чайки или пуночки.

Орнитологическая коллекція наша обогатилась двумя гнѣздами съ 5-ю и 6-ю яйцами въ каждомъ. Гнѣзда принадлежали маленькимъ птичкамъ съ малиновой грудкой и ожерельемъ, которыхъ мы называли пѣтушками. Птички эти дѣлаютъ себѣ гнѣзда изъ сухой травы и перьевъ, такъ искусно располагая ихъ между кочками тундры, что ихъ съ трудомъ можно различить, какъ и самихъ птичекъ, цвѣтомъ подходящихъ къ тундрѣ.

Явленія предохранительной окраски вообще очень рельефно высту-

паютъ въ полярныхъ странахъ. Бѣлая куропатка, сливаясь по цвѣту—зимой со снѣгомъ, среди котораго она живетъ, мѣняя опереніе, и лѣтомъ едва замѣтна на тундрѣ. То же надо сказать и о гостяхъ съ далекаго юга—куликахъ.

Пѣтушковъ, по ихъ малой величинѣ, я затруднялся препарировать, а клалъ въ спиртъ, тѣмъ болѣе, что по части препаровочныхъ ножей я былъ довольно скудно обставленъ; часть взялъ съ собою на Новую Сибирь А. А. Бялыницкій-Бируля, а оставшіеся у меня сильно затупились и поржавѣли.

Числа около 7-го іюня къ моей коллекціи прибавилась, наконецъ, давно ожидаемая снѣжная сова. Это одна изъ самыхъ крупныхъ здѣшнихъ птицъ; благодаря пышному оперенію, она кажется еще крупнѣй и коренастѣй. Самка нѣсколько крупнѣе самца. Птица совершенно бѣлаго цвѣта—съ темно-коричневыми крапинками на крыльяхъ у самки. Крупные, какъ у доброй кошки, глаза, мохнатыя лапы, большіе, острые и цѣпкіе когти. Полярная сова не вьетъ себѣ гнѣзда, а кладетъ яйца въ простомъ углубленіи на верхушкѣ байджяраха (см. выше). Яйца и цвѣтомъ, и величиной совершенно сходны съ куриными, хотя, можетъ быть, будутъ немного тяжелѣй; форма ихъ остается постоянной, не варьируетъ такъ, какъ у куръ.

И въ этомъ, и въ прошломъ году тщетно старались подстрѣлить чуткую сову, хотя всѣ видѣли сов: своей осторожностью она дѣлала тщетными всѣ покушенія на ея особу. Поэтому Толстовъ, не только застрѣлившій сову, но и добывшій полную кладку—въ 10 штукъ—совиныхъ яицъ, вполнѣ заслужилъ назначенную за сову премію въ видѣ банки варенья.

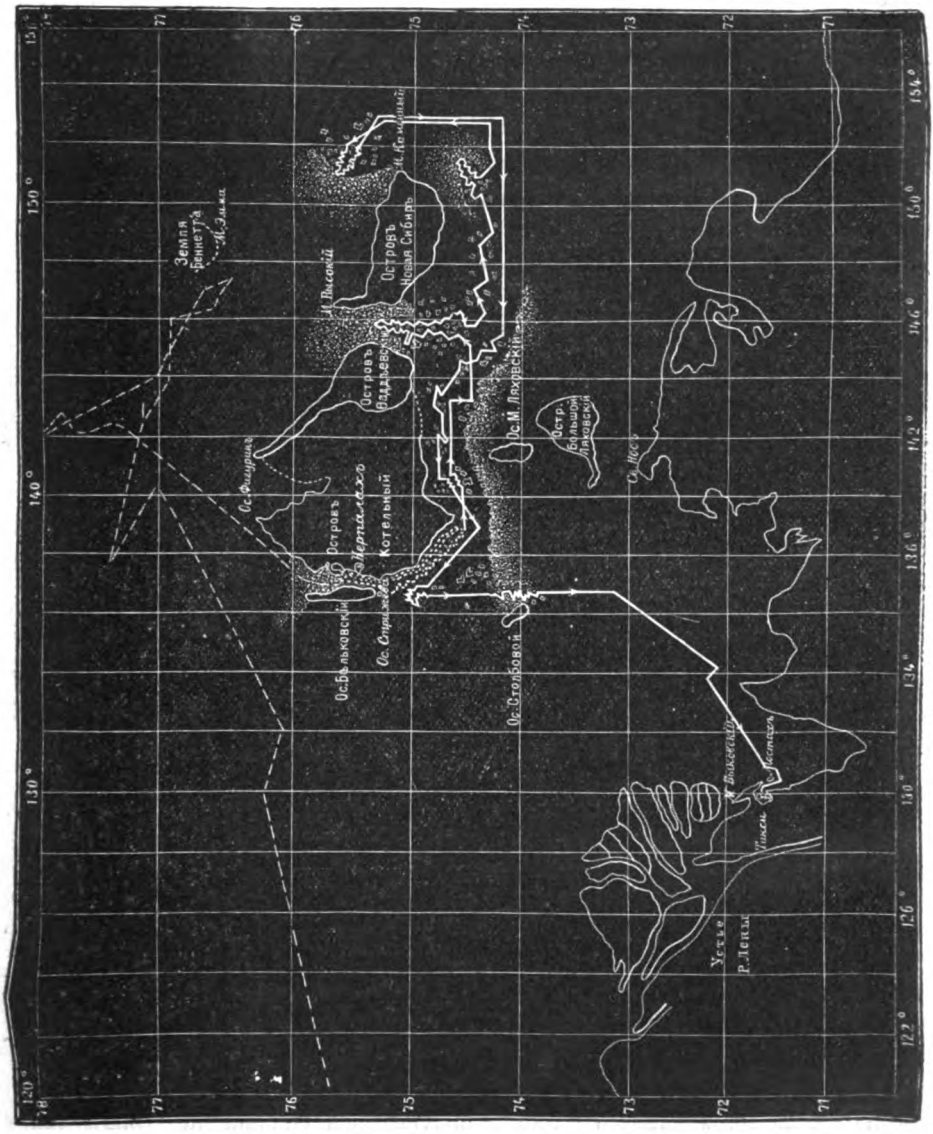
Яйца оказались уже насиженными, такъ что выпускать содержимое было довольно трудно.

7-го іюня стояла совсѣмъ осенняя погода. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, метровъ до 15-ти въ секунду, весь день свистѣлъ въ снастяхъ. Небо заволокло тучами. Къ вечеру былъ маленькій дождь,—первый за эту весну. Майны, вѣроятно, подъ вліяніемъ вѣтра, стали быстро увеличиваться, разливаясь по поверхности льда обширными наледями, образуя цѣлыя озера волнующейся голубовато-зеленоватой воды.

Часовъ въ 5 пополудни кто-то увидѣлъ пару оленей, пробѣгавшихъ по льду лагуны. Нѣкоторые изъ экипажа судна въ это время занимались стрѣльбой въ цѣль. Упражненія были оставлены и матросы открыли огонь по оленямъ. Посыпался градъ пуль изъ трехъ берданокъ, и одинъ олень палъ. Пуля настигла его шагахъ въ 700 отъ судна.

Къ ночи вода разливалась больше и больше. Всю ночь, не ослабѣвая, гудѣлъ вѣтеръ. Вернувшійся раннимъ утромъ съ охоты командиръ долженъ былъ оставить собакъ на льду у косы и переѣхать къ судну на шлюпкѣ. Онъ только-что заснулъ, когда я всталъ для ме-

теорологическихъ наблюденій. Передо мной на тарелкѣ лежали рядомъ съ нѣсколькими совиными небольшія, величиной съ голубиное, мраморно-пестрыя яйца.



Карта плаванія „Зари".

Въ навигацію 1901 г.

Еще наканунѣ вечеромъ я, сдѣлавъ двойное количество зигзаговъ, благополучно добрался до косы, но оттуда мнѣ пришлось возвращаться—мѣстами по колѣна въ водѣ. А теперь я уже долженъ былъ ѣхать для наблюденій на байдаркѣ. Подгоняемая вѣтромъ, байдарка неслась, какъ стрѣла, но обратно, не смотря на небольшое разстояніе, отдѣлявшее меня отъ судна, пришлось порядочно поработать про-

*

тивъ вѣтра. Около косы, гдѣ возлѣ трещины образовалась было большая лужа, теперь, наоборотъ, вся вода ушла подъ ледъ.

Пріятно было видѣть послѣ обширнаго снѣжно-ледяного поля, такъ недавно окружавшаго судно, большое количество воды кругомъ него, воды, дававшей иллюзію открытаго моря. Но сильный и холодный вѣтеръ дѣлалъ не очень пріятнымъ пребываніе на палубѣ. И этой водѣ суждено было черезъ нѣсколько дней уйти въ трещины.

Барометръ падалъ.

Вскорѣ я сдѣлалъ пятидневную экскурсію къ полуострову Огрина (часть Котельнаго острова, верстахъ въ 20—25 отъ мѣста зимовки).

Баронъ Толль, наткнувшись вскорѣ послѣ отъѣзда на островъ Беннетта на заинтересовавшихъ его ископаемыхъ и не имѣя времени собрать ихъ, передалъ мнѣ черезъ провожавшаго его Толстова порученіе поколлектировать тамъ. Такимъ образомъ мотивъ экскурсіи былъ геологическій.

Мнѣ удалось собраться только 11-го іюня, да раньше и не стоило ѣздить, потому что изъ-за снѣга нельзя было работать. Къ этому времени было много наледей; потому передъ поѣздкой у насъ была сконструирована высокая нарта. Моими спутниками были Толстовъ и Ѳома, которому слѣдовало отдохнуть отъ кулинаріи и провѣтриться. Замѣстителемъ его на суднѣ оставался Носовъ.

Отправивъ Ѳому на нартѣ вдоль берега къ цѣли нашей поѣздки, я пошелъ съ Толстовымъ пѣшкомъ по тундрѣ. Попадалось много птицы, но оба мы безбожно пуделяли, хотя мой спутникъ довольно хорошій стрѣлокъ. Мѣсто, куда мы прибыли, отличалось отъ ближайшихъ окрестностей судна своими высокими скалами, на которыхъ гнѣздились чайки двухъ очень сходныхъ видовъ и кайры (Cephus Mandti). По прибытіи туда, мы разбили палатку, развели возлѣ нея костеръ и предались кейфу послѣ утомительной прогулки. Первый почувствовалъ себя отдохнувшимъ Ѳома, который ѣхалъ на собакахъ; онъ отпросился на развѣдки.

Порядочно пробродивъ, Ѳома съ торжествомъ принесъ совиныя яйца; этимъ, однако, онъ доставилъ мнѣ меньше удовольствія, чѣмъ причинилъ огорченія, изжаривъ, по недоразумѣнію, вмѣстѣ съ куликами хорошенькую пуночку, очень удачно застрѣленную: дробинка попала ей въ сердце, не испортивъ шкурки.

Геологическія занятія наши у полуострова Огрина не были особенно плодотворными. Собрать коралловъ изъ-за дождя не удалось, пришлось ограничиться обрывомъ, выбитыми изъ котораго камнями съ палеонтологическими остатками мы нагрузили нарту. Смѣривъ углы паденія и протяженія, я зачертилъ своей неопытной рукой геологическій профиль обрыва.

По части орнитологіи дѣло шло веселѣй. Толстовъ оказался искуснымъ акробатомъ. Вдвоемъ съ Ѳомой мы спускали его со скалъ

на веревкѣ, и онъ обобралъ нѣсколько чаечьихъ гнѣздъ. Эти виды чаекъ вьютъ гнѣзда или у края берега, или на выступающихъ въ море утесахъ. Обычная кладка—2 или 3 яйца. Яйца обоихъ видовъ—красиваго мраморнаго цвѣта—отличались другъ отъ друга только величиной; въ формѣ и окраскѣ различіе между двумя видами было не больше, чѣмъ въ предѣлахъ одного и того же вида.

Какъ вытекало изъ всего поведенія кайръ, онѣ также должны были имѣть гнѣзда по сосѣдству: онѣ такъ упорно держались около скалъ, что ихъ никакъ нельзя было отогнать,—только подстрѣленныя, кайры комомъ падали на ледъ. Однако, тщетно Толстовъ болтался на веревкѣ между небомъ и землей: гнѣздъ не находилось; быть можетъ, они были хорошо замаскированы каменными обломками.

Ѳома вызвался осмотрѣть скалы снизу и сошелъ на ледъ вблизи палатки, гдѣ берегъ былъ пологій. Пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль берега и не видя ничего поучительнаго для себя, онъ попросилъ насъ втащить его на верхъ. Спустили ему веревку и втащили почти на отвѣсный берегъ. Весь выпачканный въ грязи, съ испуганнымъ видомъ, нашъ бравый поваръ представлялъ изъ себя довольно комичную фигуру; онъ пресерьезно увѣрялъ насъ, что только шляпа спасла его голову отъ серьезныхъ поврежденій камнями, которые сыпались изъ-подъ его ногъ.

Погода стояла сѣверная. Дождь, холодъ...

Толстовъ принесъ съ прогулки по тундрѣ гагъ (туркановъ), вкусное мясо которыхъ Ѳома приготовилъ намъ къ обѣду. Мелкіе рачки и рыбешка, которыми были наполнены желудки кайръ, отзывались на вкусѣ ихъ мяса, придавая ему непріятный привкусъ, что дѣлало ихъ менѣе желанной добычей.

Часу въ 3-мъ ночи 13-го іюня мы слышали громъ, это составляетъ рѣдкость въ этихъ широтахъ, гдѣ содержаніе электричества въ воздухѣ ничтожно.

На обратномъ пути собаки, вынужденныя перепрыгивать черезъ трещины, неоднократно при неудачномъ прыжкѣ падали въ воду и должны были выкарабкиваться на ледъ, иной разъ попадая подъ нарту. Большую часть пути я шелъ берегомъ съ Ѳомой.

Проѣхавъ всего верстъ десять, мы остановились ночевать на далеко выдававшейся въ заливъ косѣ, возлѣ озера, на которомъ видѣли гусей, утокъ (harelda glacialis) и гагъ. Надъ косой порхали пуночки и носились, какъ вѣтеръ, пары двѣ морскихъ ласточекъ (sterna macrura). Здѣсь же—на каменистой косѣ—послѣднія клали свои яйца. Но пока еще было рано: только недѣли черезъ двѣ неутомимый Толстовъ, очень преданный наукѣ, принесъ мнѣ яйцо морской ласточки.

На тундру, куда я пошелъ ночью съ Толстовымъ, мы увидали четырехъ пасшихся оленей. Сдѣлавъ большой кругъ, мы подошли къ нимъ на довольно близкое разстояніе, выпустили по нѣсколько патро-

новъ, но подстрѣлили только одного. Это былъ, повидимому, вожакъ, потому что остальные, отбѣжавъ на почтенное разстояніе, стали часто останавливаться и проявляли неувѣренность въ выборѣ пути. Наша жертва, тяжело раненная пулей думъ-думъ, была еще жива и смотрѣла на насъ невыразимо-скорбными и кроткими глазами. Ножъ моментально прекратилъ мученія животнаго.

Застрѣливъ еще снѣжную сову и отдохнувъ въ своей бѣлоснѣжной палаткѣ, мы возвращались на судно. Вблизи отъ судна, въ недавно образовавшихся трещинахъ льда, мы замѣтили двухъ или трехъ нерпъ. По одной изъ нихъ, вылѣзшей на ледъ погрѣться на солнцѣ, я стрѣлялъ. Послѣ выстрѣла звѣрь остался неподвижнымъ, какъ убитый наповалъ. Но когда я уже былъ въ шагахъ въ десяти отъ него и собирался снять съ него шкуру въ качествѣ трофея, онъ, безпомощно мотая головой и дѣлая безпорядочныя движенія заднимъ ластомъ, сползъ къ трещинѣ и нырнулъ въ воду, оставивъ по себѣ лужицу крови на снѣгу.

На суднѣ я засталъ возвратившагося изъ продолжительной экскурсіи А. В. Колчака. Кромѣ своихъ спеціальныхъ задачъ, онъ пополнилъ и нашу орнитологическую коллекцію.

Черезъ три дня по моемъ возвращеніи командиръ отправился въ экскурсію къ острову Бѣльковскому на собакахъ, взявъ съ собой на всякій случай и байдарку. Его сопровождалъ матросъ Безбородовъ. Лейтенантъ Матисенъ пробылъ въ экскурсіи девять дней и возвратился съ рядомъ фотографій острова Бѣльковскаго и маленькаго островка Стрыжова, съ яйцами чаекъ и новаго для нашей коллекціи кулика.

Въ отсутствіе командира произошли большія перемѣны вокругъ судна. Между судномъ и косой образовалась порядочная полынья, такъ что для метеорологическихъ наблюденій приходилось снова ѣздить на байдаркахъ. Хотя, какъ житель Волги, я съ дѣтства привыкъ къ лодкѣ, все-таки не безъ нѣкоторой робости садился я на первыхъ порахъ въ утлую одномѣстную байдарку. Достаточно одного неосторожнаго движенія, когда въ нее садишься или изъ нея вылѣзаешь, достаточно потерять равновѣсіе, неловко балансируя въ ней,— и байдарка перевернется. Попалъ я во время одной изъ поѣздокъ на косу въ водоворотъ, еле выгребся изъ него и присталъ къ большой льдинѣ. Уцѣпившись обѣими руками за край льдины, я вылѣзъ изъ байдарки и перетащивъ ее на другую сторону этой льдины, уже оттуда переѣхалъ на судно.

Мой прежній спутникъ тунгусъ Алексѣй очень хотѣлъ прокатиться на байдаркѣ, но, какъ человѣкъ до мозга костей сухопутный, долго не могъ рѣшиться.

Нашъ образъ жизни, когда мы остались въ каютъ-компаніи вдвоемъ съ А. В. Колчакомъ, не былъ слишкомъ регулярнымъ. На прогулку онъ не очень любилъ ходить, я ходилъ уже не такъ аккуратно;

иногда мы долго засиживались вечеромъ, клубы дыма наполняли иной разъ каютъ-компанію, и дыма не очень ароматнаго: табакъ мы курили третій сортъ, запасъ котораго былъ неистощимъ, а папиросную бумагу употребляли, какую могли найти.

Полынья, простиравшаяся по направленію къ Нерпичьей губѣ, между знаками, поставленными на обѣихъ косахъ и обозначавшими входъ въ лагуну, быстро увеличивалась. Море стало замѣтно болѣе оживленнымъ съ расширеніемъ трещинъ и превращеніемъ ихъ въ полыньи. Чаще появлялись нерпы, больше и больше чаекъ летало около судна, а нерѣдко стаи утокъ опускались на полынью, гдѣ и становились добычею охотниковъ. Пролетали гуси, гаги, гагары (colymbus septentrionalis).

Полынья находилась въ районѣ самой быстрины приливо отливного теченія. Надо было освобождать «Зарю» отъ сковывающаго ее льда, все еще достигавшаго толщины $1^1/_2$ метровъ.—иначе ее могло выпереть на берегъ или раздавить льдомъ, движенія котораго можно было ожидать каждую минуту. Въ виду этого лейтенантъ Колчакъ сталъ закладывать пироксилиновыя мины, чтобы раздробить ледъ. Это ему въ значительной степени удалось.

Возвратившійся къ 27-му іюня командиръ распорядился продолжать начатыя Колчакомъ работы и разводить пары. Пошли въ ходъ кайлы, пешни, ледяная пила, пироксилинъ. Взрывы пироксилиномъ производились такъ. Во льду прокалывалось отверстіе, черезъ которое вводились подъ ледъ, съ помощью длинной палки, сухая и мокрая шашки пироксилина. Затѣмъ замыкали электрическій токъ, дѣйствіе котораго по электрическимъ проводомъ передавалось пироксилину. Происходилъ взрывъ. Слышался сильный глухой звукъ. Судно вздрагивало, а вспучившійся ледъ давалъ трещины, расширявшіяся при слѣдующихъ минахъ, все болѣе и болѣе дробившихъ ледъ.

Отпускъ матросовъ съ судна прекратился.

Работа увѣнчалась успѣхомъ, и рано утромъ 1-го іюля «Заря», воспрянувъ отъ продолжительной зимней спячки, мѣрно вздрагивая, вышла въ наружную полынью.

Начался новый періодъ судовой жизни.

IV.

Полынья. — Приливы и отливы. — Птицы. — Мои питомцы. — Сношенія съ берегомъ. — Озера. — Гагары. — Могила д-ра Вальтера. — Экскурсія на байдаркѣ: забереги; стаи птицъ; рѣка Чукочья; ленные гуси; песцы.—Перемѣна якорныхъ стоянокъ. — Ледяной блинъ.—Образованіе торосовъ. — Байдарка и шлюпки. — Состязаніе.—Безуспѣшная неводьба.—Метеорологія.—Начало дрейфа.—Розовая чайка. — Закатъ солнца.—Бѣлухи. — „Журналъ каютъ-компаніи“. — Ледяныя поля. — Трудное плаваніе. — Опять въ лагунѣ!

Новая стоянка судна представляла слѣдующую картину. Саженяхъ въ 150 отъ «Зари»—косы и между ними входъ въ лагуну Нерпалахъ,

обозначенный входными знаками въ видѣ толстыхъ шестовъ съ цвѣтными жестянками. Ближайшая къ нимъ постройка — баня. Немного дальше на косѣ — остальныя постройки. Вблизи бани — поставленная инородцами ураса, въ которой они пока проживали. Этими инородцами были Семенъ и Гаврило. Ихъ надежды на промыселъ, которымъ они думали заняться по доставкѣ почты на судно, не оправдались, хотя они были снабжены отъ экспедиціи провіантомъ, надолго обезпечивавшимъ ихъ существованіе; одинъ изъ нихъ заболѣлъ, и возвращавшійся съ экскурсіи лейтенантъ Колчакъ привезъ ихъ на судно. Подъ присмотромъ Семена и Гаврилы находились на косѣ всѣ экспедиціонныя собаки: съ образованіемъ полыньи туда были перевезены и тѣ, которыя проживали на льду возлѣ судна.

Вдававшаяся въ лагуну и выходившая далеко за ея предѣлы полынья увеличивалась. Вѣтромъ и теченіями отрывало болѣе или менѣе значительные куски льда, которые то вносило приливомъ въ лагуну, то выносило изъ нея отливомъ.

На разстояніи верстъ 5—6 отъ судна къ сѣверу и югу виднѣлись мысы, обозначавшіе входъ въ Нерпичью губу. На западъ разстилалось море, нѣсколько загороженное находившимся верстахъ въ 25 отъ насъ Бѣльковскимъ островомъ.

Высота прилива незначительная, всего какой-нибудь футъ, но сила теченія порядочная.

Съ образованіемъ полыньи вокругъ судна началось небывалое оживленіе. Трехъ или четырехъ видовъ чайки носились надъ полыньей съ громкими криками, время отъ времени съ размаху опускаясь въ воду и поднимаясь съ добычей. Словно застывая въ воздухѣ съ распростертыми крыльями, и снова стрѣлой проносясь вблизи судна, онѣ придавали колоритъ пейзажу. Съ кряканьемъ опускались стаи утокъ. Гуси, гаги, гагары пролетали мимо. На тундрѣ кончалась кладка яицъ. Многія птицы уже вывели дѣтенышей. Еще 23-го іюня я присоединилъ къ коллекціи очень цѣнную для орнитолога находку,—трехъ пуховыхъ птенцовъ tringae canutus,—кулички, мѣсто гнѣзднованія котораго мало извѣстно и яйца, тоже имѣющіяся въ нашей коллекціи, составляютъ рѣдкость. Гаги плавали съ птенцами въ озерахъ и въ полыньѣ.

Одновременно съ птенцами canutus Стрыжовъ принесъ мнѣ 9 живыхъ совятъ и совиное яйцо съ начавшимъ уже вылупляться птенцомъ. Яйца этой совы были найдены еще 11-го іюня, но оставались въ гнѣздѣ, такъ какъ въ коллекціи ихъ было достаточно и мнѣ было интересно заполучить птенцовъ. Уже тогда двое старшихъ вылупились изъ яицъ. Теперь передо мной была цѣлая серія совятъ различнаго возраста: почти голые, маленькіе, съ непомѣрно большой головой и большіе—пушистые, круглые, какъ шары, съ огромными глазами. Они пронзительно пищали, широко разѣвая рты. Я оставилъ двухъ старшихъ на воспитаніе, остальные пошли въ спиртовую коллекцію. Въ

ихъ желудкахъ были свалявшіеся въ шаръ полупереваренные остатки мышей. Запасливая сова, сидя на гнѣздѣ, обкладываетъ себя мышами, которыми и кормитъ своихъ дѣтенышей.

Оставленные мною на воспитаніе совята не обнаруживали разборчивости въ пищѣ и проявляли чрезвычайную жадность. Давали ли имъ мышей, или кусочки тюленьяго сала и мяса, или убитой для ихъ прокормленія чайки, они все поглощали съ одинаковымъ аппетитомъ и въ огромныхъ количествахъ. Интересно, что сами они долго не могли расправляться съ провизіей, а ѣли только изъ рукъ уже отрѣзанные для нихъ куски. Я имъ устроилъ въ корзинѣ нѣчто вродѣ гнѣзда и сначала держалъ ихъ на мостикѣ, а потомъ въ сѣняхъ лабораторіи, которую они наполнили вонью.

Кромѣ совятъ, у меня были и другіе питомцы. Алексѣй принесъ какъ-то съ тундры пару прехорошенькихъ песцовъ. Съ мягкой голубовато-сѣрой шестью, злыми и умненькими глазками, смышленымъ мордочками, они скоро стали общими любимцами. Для нихъ была сдѣлана клѣтка съ проволочной рѣшеткой. Сначала бѣдные звѣрки отказывались отъ пищи, которая потеряла для нихъ вкусъ съ лишеніемъ свободы. Но уже на другой день голодъ взялъ свое и, не рѣшаясь еще ѣсть въ присутствіи людей, дававшихъ имъ пищу, они истребляли ее, какъ только оставались наединѣ. Ручными они не сдѣлались. Но недѣли черезъ двѣ все же на столько освоились съ неволей, что очень мило хлебали молоко, грызли сахаръ или жевали мясо, не особенно стѣсняясь присутствіемъ зрителей, и нерѣдко братъ вступалъ въ драку съ сестрой. Послѣдняя не была задорной, а, наоборотъ, имѣла сравнительно кроткій характеръ. Носовъ, который былъ большимъ любителемъ животныхъ, даже пріучилъ ее брать пищу изъ рукъ. Маленькіе песцы очень забавно лаяли, но постепенно ихъ голосъ грубѣлъ, приближаясь къ хриплому — скорѣе вою, чѣмъ лаю взрослаго песца. Во многомъ они напоминали щенковъ, когда играли или огрызались при приближеніи человѣка.

Находившееся, при господствовавшемъ западномъ вѣтрѣ, подъ постоянною угрозою движенія льда, судно стояло подъ парами. У офицеровъ установились суточныя дежурства. Сношенія съ берегомъ постоянно поддерживались съ помощью вельботовъ, шлюпокъ и байдарокъ. Съ берега привозились на вельботѣ дрова, нарубленныя командированными съ этою цѣлью матросами: пары поддерживались дровами, чтобы сдѣлать экономію на углѣ. Съ берега привозилась прѣсная вода для чая: этимъ завѣдывалъ Стрыжовъ, самъ не переносившій даже ничтожнаго содержанія соли въ чаѣ; наконецъ, цистерна была наполнена водой, привезенной въ шлюпкѣ съ косы. Съ берега пріѣзжали промышленники за провизіей для себя и для собакъ, которыхъ кормили норвежской вяленой рыбой, предварительно размачивая ее.

Прогулки стали рѣже. А все же иногда сядешь въ байдарку—одинъ или вдвоемъ, и поѣдешь на которую-нибудь изъ двухъ косъ. На метеорологической косѣ былъ рядъ небольшихъ озеръ, раздѣленныхъ узенькими перешейками. Перетащить байдарку въ одно изъ озеръ не составляло большого труда. Вблизи озеръ, съ наступленіемъ лѣта, покрывшаго зеленымъ ковромъ травы пустынную тундру, появилось болѣе пернатыхъ гостей, чѣмъ мы ожидали, судя по началу. Перекликались кулики, высоко парили разбойники, садились на озеро гаги и гагары; послѣднія своимъ громкимъ крикомъ издали давали о себѣ знать, но почти не подпускали къ себѣ на разстояніе выстрѣла. Онѣ гнѣздились на небольшомъ островкѣ и на берегахъ озеръ, кладя яйца въ траву очень близко отъ воды. Полная кладка—два яйца. Неслись гагары позже другихъ птицъ и, когда одно яйцо брали, птица сносила другое что мы продѣлывали нѣсколько разъ. Яйца гагаръ, какъ и чаечьи, и гагачьи, очень вкусны. Мы видѣли почти исключительно Colymb. septentrion. Крупная Colymbus Adamsii попадалась всего раза два.

Вблизи озера, на тундрѣ, неподалеку отъ крутаго берега находится могила д-ра Вальтера. Когда тундра оттаяла, матросы водрузили надъ ней желѣзный крестъ и ограду, приготовленные ими зимой, кажется, по плану Шервинскаго, ремесленника съ художественнымъ чутьемъ. Скромная могила покойнаго доктора съ ея незатѣйливой цѣпочной оградой, съ простымъ, но изящнымъ и прочнымъ крестомъ, съ зеленымъ вѣнкомъ изъ жести, казалась и привлекательнѣе, и красивѣе, чѣмъ многія богатыя могилы на городскихъ кладбищахъ. На крестѣ. въ центрѣ висящаго на немъ вѣнка, значится: «D-r Hermann Walter...» слѣдуютъ даты рожденія и смерти доктора. На могильной плитѣ надпись: «Незабвенному доктору благодарная команда «Зари».

На противулежащей косѣ только одно, довольно большое, но совсѣмъ мало оживленное озеро. Зато на низкой тундрѣ, прилегающей къ нему, мы нашли одну за другой двѣ кладки яицъ (по двѣ штуки) чайки-разбойника.

Отъ 6-го до 11-го іюля я находился съ Толстовымъ въ экскурсіи на байдаркахъ къ устью рѣки Чукочьей, или Чукотской. Мы взяли двѣ двухмѣстныхъ байдарки, уложили въ нихъ палатку, немного провизіи, захватили ружья и тронулись въ путь. Нашею цѣлью было главнымъ образомъ пополненіе орнитологической коллекціи и постановка знака на мысу у устья рѣки Чукотской,—пункта, астрономически опредѣленнаго Ф. А. Матисеномъ.

Верстъ шесть мы ѣхали, почти не вылѣзая изъ байдарокъ. Узкіе забереги рѣдко прерывались льдомъ, образовавшимъ иногда узкія перемычки, за которыми начинался новый заберегъ. Въ такомъ случаѣ намъ иногда удавалось проскакивать на байдаркахъ черезъ перемычки, а если это было свыше нашихъ силъ, мы перетаскивали не очень

тяжело нагруженныя байдарки въ слѣдующій заберегъ. Иногда мы ѣхали по наледямъ. Вдали, надъ полыньей, пролетѣла огромная стая турнановъ-самцовъ, по увѣренію Толстова, штукъ въ 300. Они предоставили самкамъ растить молодое поколѣніе, чтобы когда крылья у него окрѣпнутъ, соединиться и оставить полярный край.

Береговая линія, которой намъ приходилось придерживаться въ нашемъ плаваніи, оказалась очень извилистой. Утесы и стѣной возвышающійся высокій берегъ чередовались тамъ, гдѣ оврагъ или рѣчка, спускаясь къ морю, прорѣзывали тундру съ покрытыми галькой и плавникомъ косами.

Далѣе ледъ вплотную подходитъ къ берегу, мало гдѣ оставляя мѣсто для забереговъ. Намъ все чаще приходилось высаживаться и тащить байдарки по льду. Протащившись — отчасти по льду, отчасти по узкимъ заберегамъ и мелкимъ наледямъ—еще версты четыре, мы сдѣлали ненадолго привалъ, для чего въѣхали въ узкій проходъ между двумя большими и высокими] льдинами, плотно спаянными съ берегомъ. Въ ущельѣ, гдѣ мы развели костеръ, еще лежало много снѣгу, подъ которымъ сочилась сбѣгавшая въ море вода.

Стали попадаться въ большомъ количествѣ чайки и кайры. Проѣхавъ небольшой заберегъ, лавируя подчасъ среди плававшихъ въ немъ ледяныхъ глыбъ и осколковъ, мы доѣхали до мѣста, гдѣ торосистый ледъ вплотную подходилъ къ берегу. Осмотрѣвшись, мы увидѣли огромную полынью, которая начиналась у мыса, находившагося въ 3-хъ верстахъ отъ р. Чукотской и вдавалась далеко въ море. Пришлось тащить байдарки версты три по льду, кое-гдѣ шлепая по водѣ и рискуя оступившись попасть ногой въ трещину. Какимъ наслажденіемъ было, не смотря на усталость, плыть по открытой водѣ, не напрягая мускуловъ, чтобы перескочить черезъ ледяную перемычку или съ разгона пролетѣть въ узенькій корридорчикъ, образованный льдинами. Стайки красноногихъ кайръ летали и плавали, качаясь въ легкой зыби отъ небольшого вѣтра. Нѣсколькихъ мы застрѣлили.

Но сравнительно широкому заберегу мы пріѣхали къ устью р. Чукотской, противъ котораго также была полынья. Въ 4-мъ часу утра 7-го іюля, послѣ одиннадцати-часового пути, мы разбили палатку у устья рѣки Чукотской. 30 верстъ отдѣляли насъ отъ «Зари». Направленіе теченія рѣки Чукотской, въ ея устьѣ, юго-западное. При впаденіи въ море и немного выше рѣчка достигаетъ въ ширину, пожалуй болѣе 60-ти сажень. Берега вверхъ по теченію рѣки высокіе, скалистые, а около устья, по обоимъ берегамъ ея — косы, покрытыя галькой и плавникомъ.

Недалеко отъ устья рѣчки утесы выступаютъ въ море. На этихъ утесахъ обосновали свои лѣтнія резиденціи многочисленныя чайки и пуночки, немного далѣе, кажется и кайры.

Тундра, одѣтая зеленой травой съ немногочисленными и очень

скромными цвѣтами, простиралась передъ нами, круто спускаясь къ рѣчкѣ. Немного блѣдноватыя незабудки всего вершка на два поднимались надъ землей своими тонкими стебельками; скромно желтѣли цвѣты полярнаго мака... полярная ива протянула свой чахлый стебель, не болѣе двухъ-трехъ вершковъ поднимающійся кверху. Но и эта скудная зелень ласкала взоръ, утомленный мертвыми, хоть иногда и величавыми картинами льдовъ.

Огромныя стаи самцовъ-турлановъ пролетали одна за другой чутьли не каждые полчаса, придерживаясь преимущественно сѣвернаго направленія. Появились стайки ледяныхъ утокъ (harelda glacialis). Мы застрѣлили по нѣскольку штукъ тѣхъ и другихъ. Стрѣляли съ байдарокъ. У утокъ очень крѣпкія перья и подстрѣленныя, онѣ артистически ныряютъ.

Вблизи рѣчки мы видѣли слѣды оленей, спускавшихся къ водопою: издали наблюдали пару оленей, переплывавшихъ черезъ рѣку. Толстовъ отправился на охоту.

Въ его отсутствіе я нашелъ на небольшомъ каменистомъ обрывѣ, вышиною всего сажени въ 2, на высотѣ 1½ с. гнѣздо пуночки съ оперившимся уже птенцомъ и двумя яйцами. Гнѣздо находилось въ углубленіи межъ камней, которое понадобилось расширить, чтобы войти туда рукой. Бѣдная мать летала надъ разоренномъ гнѣздомъ, пока и сама не сдѣлалась достояніемъ науки.

Когда я утомленный непривычно долгой греблей и скитаніемъ по окрестной тундрѣ, крѣпко разоспался, до моихъ сонныхъ ушей долетѣлъ дикій крикъ. Сначала въ просонкахъ я приписалъ его сновидѣнію. Но крикъ былъ слишкомъ явственнымъ и становился все настойчивѣй.

«Док - торъ! док - торъ»! Выглянувъ изъ палатки и увидѣвъ благополучно возвращающагося на байдаркѣ Толстова, я, зная его сангвиническій темпераментъ, махнулъ ему рукой въ знакъ привѣтствія и опять юркнулъ подъ одѣяло. Однако тотъ не унимался. «Гуси!» долетѣло до моего уха. «Несите ружье»! Передъ байдаркой, ожесточенно подгоняемой моимъ компаньономъ, кидаясь въ разныя стороны и опять сбиваясь въ кучу, плыло десятка два черныхъ гусей. Получалось странное впечатлѣніе, будто кто гонитъ домашнихъ гусей на бойню, до того безпомощными казались птицы. Вооружившись ружьемъ, я сѣлъ въ байдарку, передалъ нѣсколько патроновъ Толстову и черезъ нѣкоторое время 16 ленныхъ гусей, частью застрѣленныхъ, частью оглушенныхъ на смерть веслами лежали на днѣ нашихъ байдарокъ. Питаясь гагами и утками, гусей мы сберегли до судна, гдѣ они внесли очень желательное разнообразіе въ обѣденное меню.

Ленные гуси, лишенные на время линянія способности летать, ныряютъ сравнительно плохо, такъ что этимъ они мало затруднили охоту. А одинъ гусь, которому я на байдаркѣ отрѣзалъ отступленіе къ серединѣ рѣки, находясь между байдаркой и берегомъ, пробовалъ

нырнуть, обезумѣвъ отъ страха, даже на глубинѣ двухъ четвертей. Надо замѣтить, что гуси зато очень быстро бѣгаютъ, а потому мнѣ надо было спѣшить съ ударомъ, чтобы не упустить такую полезную для экипажа добычу.

По словамъ Толстова, гусей было штукъ сто, но онъ израсходовалъ патроны, а пока гналъ ихъ внизъ по рѣкѣ, значительная часть ихъ успѣла вылѣзть на берегъ и разбрестись по тундрѣ.

Мы провели у устья рѣки Чукотской около 3½ сутокъ. Закончивъ свое пребываніе здѣсь постановкой 4-хъ саженнаго знака на наиболѣе выдающемся мѣстѣ мыса у рѣки, мы собрались въ обратный путь. Картина льда измѣнилась. Отчасти существовавшіе забереги расширились и образовались новые, а ледъ отодвинулся къ морю, отчасти, наоборотъ ледъ подошелъ къ берегу. Все-таки, въ общемъ, открытой воды было больше, чѣмъ прежде. Вѣтеръ дулъ противный, значительно затруднявшій плаваніе.

Кромѣ неодушевленныхъ предметовъ, камней, птичьихъ труповъ, яицъ, у насъ были съ собой два чайченка, взятыхъ Толстовымъ на воспитаніе. Ихъ вскорѣ постигло несчастье. Вылѣзая на ледъ, Толстовъ неосторожнымъ движеніемъ ноги опрокинулъ свою байдарку и птенцы, вмѣстѣ съ ведромъ, въ которомъ они помѣщались, пошли на дно. Было не глубоко, и Толстовъ, при помощи весла, извлекъ ведро съ чайчатами. Когда мы пристали къ берегу и, разведя костеръ, пробовали отогрѣть и привести въ чувство птенцовъ, одинъ оправился, а другой такъ и погибъ.

Почти одновременно съ чайчатами чуть-чуть не принялъ ледяной ванны и я. Моя байдарка стала на мель. Видя на глубинѣ полуаршина грязноватый ледъ, я былъ въ полной увѣренности, что онъ лежитъ на днѣ, тѣмъ болѣе, что и берегъ-то былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ. А такъ какъ на ногахъ у меня были высокіе сапоги архангельскихъ поморовъ, то я безъ всякаго колебанія вылѣзъ изъ байдарки, чтобы протащить ее черезъ мель. Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ быстро сталъ погружаться въ ледяную воду. Сѣсть въ байдарку было затруднительно, скорѣе всего я бы опрокинулся, а ледъ у меня подъ ногами продолжалъ ломаться. Не выпуская изъ руки конца, привязаннаго къ байдаркѣ, я ухватился за припаянную къ берегу льдину, на которую и выползъ, мокрый по поясъ и съ полными водой сапогами.

Мы остановились вблизи внушительной береговой кручи. Короткая и неглубокая балка спускалась къ морю. Успѣвшій уже обревизовать берегъ Толстовъ видѣлъ нѣсколько штукъ маленькихъ песятъ, которыхъ мы долго пытались изловить. Толстый слой полуобледенѣвшаго снѣга покрывалъ часть балки, прочно соединяясь съ однимъ изъ ея береговъ. Размываемый снизу сбѣгавшей съ тундры водой, онъ образовалъ обширную, но не болѣе четверти вышиной пещеру со снѣжно-

ледяной крышей. Тамъ нашли себѣ прибѣжище молодые песцы и храбро огрызались на насъ, чувствуя свою безопасность. А чадолюбивая мать, отбѣжавъ нѣсколько въ сторону, подвывала своимъ хриплымъ голосомъ, не то стараясь напугать, не то разжалобить странныхъ двуногихъ пришельцевъ. Несмотря на выстрѣлы, песчиха снова и снова возвращалась на свой обсерваціонный пунктъ, откуда ей было видно убѣжище дѣтей.

Безплодно провозившись около песцовъ, потративъ на это часа три и прибавивъ порядочной плюсъ къ своей усталости, мы поплыли дальше. Не доѣзжая верстъ пяти до судна, остановились у одной изъ построенныхъ спутниками К. А. Воллосовича поваренъ. Она была почти совсѣмъ разрушена. Остатки поварни, сломанная нарта... все такъ отзывалось заброшенностью и неуютностью... Въ долинѣ высохшаго ручья мы нашли нѣсколько отдѣльныхъ костей мамонта. На тундрѣ изъ-подъ моихъ ногъ вылетѣлъ выводокъ куропатокъ, громко хлопая крыльями.

Когда мы обогнули ближайшій къ «Зарѣ» мысъ, мы увидѣли, что она перемѣнила мѣсто стоянки. Насъ заждались...

Отъ огромнаго, въ десятки квадратныхъ верстъ, ледяного поля отрывало большіе и малые кусски. Наносимыя на якорную цѣпь теченіемъ или вѣтромъ, ледяныя глыбы развертывались и неслись дальше, и снова возвращались назадъ, постепенно уменьшаясь въ объемѣ отъ таянія и размыванія. Болѣе обширныя и массивныя льдины заставляли травить якорную цѣпь. Раза три командиръ принужденъ былъ мѣнять стоянку, чтобы спасти якорь и избѣгнуть слишкомъ крупныхъ для судна льдинъ.

Внутри лагуны, съ увеличеніемъ забереговъ, образовался огромный ледяной блинъ, понемногу уменьшавшійся въ объемѣ.

Отчасти во время экскурсіи, а главнымъ образомъ вскорѣ по возвращеніи на судно, я имѣлъ случай наблюдать образованіе торосовъ. Огромныя глыбы льда, подгоняемыя приливомъ или вѣтромъ, выпирало на берегъ, глыба нагромождалась на глыбу съ сильнѣйшимъ шумомъ и трескомъ. Летѣли ледяные осколки, образовывались терасы, монументы и иныя скопленія льда. То же происходило, въ меньшихъ пока размѣрахъ, и на нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ.

Я ѣздилъ на берегъ съ командиромъ, а потомъ одинъ фотографировать торосы, причемъ, чтобы дать понятіе о настоящихъ размѣрахъ тороса, мы ставили рядомъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, ружье или позировали сами.

Наши промышленники настолько освоились съ обманчивой стихіей, что сначала страшное для нихъ плаваніе на байдаркахъ скоро перестало ихъ пугать. Всѣхъ скорѣе привыкъ къ байдаркамъ Семенъ, вообще болѣе интеллигентный и понятливый изъ нашихъ инородцевъ. Когда какъ-то устроили гонку на байдаркахъ, то изъ троихъ «яку-

товъ» Семенъ получилъ первый призъ. Хотя онъ и выглядѣлъ слабосильнѣе своихъ товарищей, но оказался лучшимъ гребцомъ. Состязались и матросы, раздѣлившись на группы.

Пробовали мы извлечь пользу для науки и для кухни изъ имѣвшагося на суднѣ, въ числѣ прочихъ рыболовныхъ снастей, невода. Организація неводьбы была поручена Евтихѣеву, какъ архангельскому помору и опытному рыболову. Поѣхали на вельботѣ въ лагуну. Забросили неводъ разъ... другой, третій, и ничего, кромѣ очень мелкой рыбешки, маленькихъ рачковъ и морскихъ таракановъ не вытащили.

18-го іюля ледъ сильно напиралъ на берегъ. Полынья значительно сузилась, и судно сѣло кормой на мель. Закипѣла работа. Перекладывали каменный уголь, перераспредѣляя его, чтобы уменьшить нагрузку кормы. Наконецъ, удалось освободить корму и перемѣнить мѣсто.

Вотъ, что говоритъ въ своемъ отчетѣ оставшійся за начальника экспедиціи командиръ «Зари».

«20-го іюля сильнымъ вѣтромъ ледъ отнесло въ море и очистило отъ него всю Нерпичью губу отъ мыса до мыса. Я воспользовался этимъ и перемѣнилъ мѣсто, такъ какъ «Заря» стояла всего въ разстояніи $1^1/_2$ кабельтова отъ W косы. Ночью задулъ SW и ледъ снова пошелъ къ берегу губы. Подъ словомъ ледъ я подразумѣваю все громадное еще невзломанное поле, покрывающее проливъ между островомъ Бѣльковскимъ и Котельнымъ шириною въ 15 миль. Вслѣдствіе образованія широкихъ забереговъ съ обѣихъ сторонъ, оно получило движеніе по вѣтру отъ берега одного острова къ другому, причемъ въ моментъ напиранія на берегъ края его, обламываясь, нагромождали у мысовъ торосы и давали съ каждымъ разомъ все большее и большее движеніе всей массѣ. На этотъ разъ нельзя было отступать передъ закраиной льда вглубь бухты. Мы вошли сколько могли въ разбитый ледъ, чтобы имѣть его въ видѣ буфера между судномъ и берегомъ въ случаѣ давленія всей массы. Вскорѣ губу затерло льдомъ и проходъ въ лагуну тоже. Главное поле уперлось во входные мысы и остановилось. Безпрестанно приходилось мѣнять мѣсто, то становясь на нѣсколько часовъ на якорь, то упираясь въ льдину, когда ледъ приходилъ въ движеніе во время отлива или прилива.

«21-го іюля въ огневомъ ящикѣ котла была замѣчена течь, для исправленія которой необходимо было прекратить пары, а между тѣмъ мы нуждались въ нихъ каждую минуту. Вся губа была совершенно забита льдомъ, а «Заря» затерта. Ледъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, движеніе, нажимая судно то къ одному, то къ другому берегу. Приходилось выбираться въ небольшихъ проходахъ между льдинами дальше отъ мелкаго мѣста. При такомъ положеніи судна мы должны были стоять вахту, чередуясь каждые 4 часа».

Приведенная выписка прекрасно характеризуетъ положеніе судна

передъ открытіемъ навигаціи. Офицерамъ тяжело было нести вдвоемъ вахты, которыя смѣнили дежурства, лишь только положеніе осложнилось, тѣмъ болѣе, что на нихъ лежали и другія обязанности. Надо было дѣлать астрономическія наблюденія, вести вахтенный журналъ, понемногу укладываться; лейтенантъ Колчакъ занимался гидрологіей и нѣкоторое время морской фауной.

По метеорологіи, съ сосредоточеніемъ ея на суднѣ, начались четырехчасовыя наблюденія; сила вѣтра измѣрялась теперь анемометромъ. Дневную половину наблюденій я взялъ на себя, а ночныя производилъ вахтенный офицеръ.

24-го іюля вѣтеръ погналъ ледъ къ сѣверо-западу. «Зарѣ» удалось, маневрируя среди льда, отчасти форсируя его, стать на якорь въ Нерпичьей губѣ.

Съ 26-го іюля затертое льдомъ судно стало дрейфовать на юго-востокъ, временами освобождаясь ото льда, чтобы снова стать на ледяной якорь и снова поставить себя въ зависимость отъ движенія льда, продолжая вмѣстѣ съ нимъ невольное путешествіе. Западные и сѣверо-западные вѣтры нагнали массу льда.

Около этого времени былъ застрѣленъ первый экземпляръ розовой чайки (Rhodostethia rosea) въ первомъ опереніи. Довольно изящная, небольшая птица, не имѣющая ни одного розоваго пера: этого оттѣнка перья—на брюшной части туловища—появляются лишь у взрослыхъ особей. Мною было составлено подробное описаніе ея примѣтъ и обстоятельствъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и послѣдовавшихъ за ея смертью. Убитая чайка была сфотографирована и заключена въ шведскую банку со спиртомъ. Въ память сего приснопамятнаго событія безыменный до сихъ поръ мысъ, знаменитый тѣмъ, что вблизи него была убита рѣдкая птица, получилъ названіе Розоваго. Вскорѣ наша коллекція обогатилась и вторымъ экземпляромъ розовой чайки.

31-го іюля былъ первый закатъ солнца. Кончился полярный день. Заходящее солнце было скрыто отъ насъ облаками.

1-го августа, когда мы всѣ трое сидѣли въ каютъ-компаніи. вахтенный открылъ люкъ и закричалъ: «ваше благородіе, звѣрь какой-то! огромный!» Первая мысль у всѣхъ насъ была о медвѣдѣ. Мы выскочили на палубу, вооруженные винтовками и въ первый моментъ ничего не замѣтили. Но вотъ надъ водою изогнутая дугой появилась огромная бѣлая спина... за ней другая, третья... Это были бѣлухи. Ихъ оказалось штукъ восемь. Плавно поднимаясь надъ водой и снова погружаясь въ воду, громко фыркая и пуская водяные фонтаны, онѣ скоро очутились вдали отъ насъ, по другую сторону судна. А мы все стояли и смотрѣли.

Судно продолжало дрейфовать со среднею скоростью одного узла въ часъ. Къ вечеру 2-го августа мы были уже южнѣе Медвѣжьяго мыса (см. 1-ю ч.). Въ отдаленіи показались Ляховскіе острова (М. Ляховскій).

Нѣтъ ничего скучнѣе этого вынужденнаго плаванія, особенно для моряковъ. Пассивное положеніе, ничѣмъ не осмысленное. Общее настроеніе отражалось и на мнѣ—профанѣ. Ледъ то заключалъ «Зарю» въ свои мощныя объятія, то раздвигался, образуя полынью вокругъ судна. Угрожаемое движущимся льдомъ судно спѣшило стать подъ защиту ледяного поля. Была у насъ и ночная тревога въ ожиданіи ice-pressure (давленія льда), но, по счастью, сомкнувшійся - было вокругъ судна ледъ сталъ мирно расходиться.

Чтобы хоть сколько-нибудь сократить скучные дни ожиданія перемѣны вѣтра, упорно дувшаго съ западныхъ румбовъ, то заходя къ сѣверу, то какъ бы дѣлая тщетную попытку зайти къ югу, мы стали вести «Журналъ кают-компаніи», преимущественно юмористическаго содержанія. Заносились туда и статьи обличительнаго характера, какъ, напр., «Турецкія звѣрства членовъ русской полярной экспедиціи» по поводу экспериментовъ in corpore vili надъ совятами; находили мѣсто и стихи съ описаніемъ полярныхъ невзгодъ; иронизировалось надъ нашими не всегда удачными гастрономическими притязаніями въ связи съ автократическими претензіями повара; была и солидная статья о плаваніи.

Когда судно становилось въ безопасную позицію, мы всѣ трое сходились ненадолго въ кают-компаніи и начинались разговоры. Разговоры часто вращались около полярныхъ сюжетовъ.

Избалованные вкусными обѣдами изъ оленины, мы безъ особеннаго восторга принялись за консервы и даже отвратительная нерпа была не такъ противна, внося разнообразіе въ наше меню. Ѳома дѣлалъ изъ нерпичьяго мяса котлеты и boeuf à la Stroganoff. Обезжиренное и подвергнутое въ теченіе сутокъ вымачиванію въ уксусѣ нерпичье мясо, не теряя своего чернаго цвѣта, въ значительной степени утрачиваетъ амбре смазныхъ сапоговъ. Нашъ поваръ въ приготовленіи жаркого изъ нерпы превосходилъ самого себя. Острыя приправы много содѣйствовали ослабленію непріятнаго вкуса мяса. Изъ пеммикана и норвежскихъ сельдей у насъ приготовлялся недурной форшмакъ.

Наконецъ, 3-го августа мы перешли отъ выжиданія къ активному плаванію. Былъ взятъ курсъ къ Нерпалаху.

Сначала пришлось пробивать себѣ путь черезъ ледъ, причемъ довольно серьезное препятствіе представило старое, многолѣтнее ледяное поле. Вѣтеръ былъ противный. Стали на ледяной якорь и, маневрируя съ помощью переднихъ и заднихъ ходовъ, повернули судно и обошли зловредное поле.

Встрѣчаясь съ однолѣтнимъ льдомъ, хотя бы въ видѣ полей довольно солидныхъ размѣровъ, судно почти не испытывало толчка. А ледъ крошился и кололся. Наоборотъ, сталкиваясь со старыми, многолѣтними полями, судно испытывало сильное сотрясеніе, а на льду только грязное пятно отъ форштевня указывало на мѣсто, куда стукнулось судно.

Послѣ энергичнаго маневрированія во льду, мы вышли въ открытое море. Ледъ попадался рѣдко, тѣмъ не менѣе, благодаря противному сѣверо-западному вѣтру, мы шли со скоростью всего двухъ. узловъ въ часъ.

На востокъ отъ насъ простиралась береговая линія съ волнистымъ абрисомъ Урасалахскихъ горъ, а вокругъ—море, море... Видиѣвшіяся, далеко на горизонтѣ льдины, при блескѣ украдкой выглянувшаго изъза облаковъ солнца казались кристаллически прозрачными, а порою, сверкнувъ на солнцѣ, напоминали маковки отдаленныхъ церквей. Зеленоватая окраска моря, освѣщеннаго солнцемъ, причудливые узоры облаковъ, огромные тороса, изрѣдка показывавшіеся въ отдаленіи, довершали картину. Солнце, не любившее баловать насъ, скрылось— и картина пріобрѣла суровый, даже мрачный колоритъ.

Когда стихъ неблагопріятный для насъ вѣтеръ, судно пошло по четыре узла въ часъ. Верстъ 80 прошли мы открытымъ моремъ при рѣдкомъ льдѣ. Утромъ 4-го августа ледъ сталъ гуще и массивнѣе, такъ что вриходилось въ буквальномъ смыслѣ продираться изъ полыньи въ полынью, но все-таки часамъ къ 12-ти мы были уже въ виду Розоваго мыса.

Температура, въ самые жаркіе дни лѣта не достигавшая и $+15^{\circ}$ С на солнечномъ припекѣ, во второй половинѣ іюля, видимо, пошла на пониженіе. Повышаясь maximum до $+6^{\circ}$ С., къ вечеру она опускалась ниже 0°. Первые дни августа мы были лишены удовольствія видѣть ртутный столбикъ хотя бы максимальнаго термометра выше 0° Вода въ лужахъ на льдинахъ стала замерзать и даже морская вода въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ вѣтра, покрывалась ледяной корой. Температура воды на поверхности моря опускалась ниже—1° С. Около того было и на днѣ. Въ ночь съ 3-го на 4-е августа шелъ снѣгъ. Туманы бывали часты.

Около четырехъ часовъ дня 4-го августа, пройдя между довольно рѣдкимъ льдомъ, мы были въ почти свободной ото льда Нерпичьей губѣ, откуда вошли въ лагуну. Тамъ плавало всего нѣсколько льдинъ; изъ нихъ—двѣ-три глыбы стараго льда, зашедшія съ моря.

Промышленники, возлѣ моряковъ научившіеся обхожденію, выкинули на банѣ флагъ, импровизированный изъ какой-то ветоши, и съ радостными восклицаніями стояли на берегу. Съ лаемъ и визгомъ бросились псы къ концу косы.

Судно плавно прошло сквозь узкій проходъ и стало на якорь въ лагунѣ.

В. Н. Катинъ-Ярцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОПРАВКА. На страницѣ 103 (2-я книжка „М. Б.“) 13-я строка сверху напечатано: „*предлагалъ*“. Слѣдуетъ читать „*предполагалъ*“.

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Франанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

— Кто этотъ человѣкъ, который только что отъ васъ ушелъ?

Бернштейнъ сидѣлъ на корточкахъ передъ своею печкой, изъ которой онъ только что вычистилъ золу, и держалъ печную рѣшетку почернѣвшими отъ угля пальцами. Онъ взглянулъ на спрашивавшую удивленными глазами, полуоткрывъ ротъ и поднявъ брови.

Іозефина стояла въ дверяхъ, широко разставивъ руки и придерживаясь одною рукой за раму двери, а другой за ручку. Сквозной вѣтеръ слегка развѣвалъ ея темно-каштановые, волнистые волосы и шелестилъ бумагами на письменномъ столѣ Бернштейна.

Сидящій на корточкахъ Бернштейнъ, поджалъ подъ себя свои длинныя ноги и съежился. Ему было холодно въ его черной русской рубашкѣ изъ легкой шерстяной матеріи.

— Э, проворчалъ онъ угрюмо—для этого, что ли вы нарочно пришли сюда? Это странно.

— Почему странно?

Іозефина стояла блѣдная и неподвижнымъ, напряженнымъ взоромъ смотрѣла на своего коллегу и жильца, сидящаго на полу, у ея ногъ. Она машинально повторила свою фразу.

— Впервые слышу я отъ васъ подобный вопросъ!—сказалъ Бернштейнъ, взглянувъ на нее своими добродушными глазами.

На лицѣ Іозефины мелькнуло легкое замѣшательство.

— Развѣ я не могу васъ спрашивать?—проговорила она слегка смущеннымъ тономъ.

— Нѣтъ,—проворчалъ Бернштейнъ, съ ожесточеніемъ размѣшивая уголья.—Но я въ первый разъ вижу въ васъ такое любопытство...

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

*

— У меня нѣтъ времени; я должна сейчасъ уйти,—сказала Іозефина, нервно постукивая ногой.

— Э, закройте-ка дверь, холодно!

— Сейчасъ. Но я должна идти. И такъ?..

Бернштейнъ снова пытливо посмотрѣлъ на нее. Онъ былъ непріятно пораженъ. Онъ чихнулъ и сказалъ:

— Эге! мнѣ это не нравится. Во-первыхъ: вы спрашиваете, точно это русская дѣвица: кто онъ, да какъ его зовутъ, какая у него семья? Эхъ!..

— Хорошо, сегодня, я вижу, съ вами нельзя разговаривать.— Іозефина наполовину приперла дверь.—Что съ вами?

— Холодно! вскричалъ Бернштейнъ съ притворнымъ раздраженіемъ.—Эхъ!

— Солнце свѣтитъ,—возразила Іозефина и взглянула на окно. Широкій желтоватый лучъ солнца проникалъ черезъ стекло и вырисовывалъ большіе, свѣтлые квадраты на паркетномъ полу.

— Солнце свѣтитъ!

Голосъ Іозефины звучалъ взволнованно. Она смотрѣла въ окно напряженнымъ взглядомъ.

— Отчего вы сегодня такая.... такая чистосердечная? У васъ такой видъ, такой...

— Какой же?—спросила Іозефина разсѣянно.

— Я не знаю! — Бернштейнъ изо всей силы хлопнулъ дверцами печки, затѣмъ вытянулъ свои длинныя руки, вскочилъ и, стряхивая золу со своихъ коричневыхъ поношенныхъ панталонъ, сказалъ:

— Да сжальтесь же вы надо мной! Войдите въ комнату!

Онъ освободилъ изъ ея рукъ двери и заперъ ихъ, заставивъ ее войти въ комнату.

— Или вы уже хотите бѣжать?—спросилъ онъ съ нѣсколько лукавымъ видомъ.

— Да. Прощайте, мнѣ некогда!—проговорила Іозефина, все такъ же разсѣянно.

— Нѣтъ, побудьте одну минуту.

Бернштейнъ пододвинулъ ей соломенное кресло, въ которомъ обыкновенно сидѣлъ самъ. Это кресло онъ самъ украсилъ покрышкой изъ пестраго русскаго ситца.

Іозефина присѣла.

— Скажите, чего вы отъ меня хотите?—спросилъ Бернштейнъ, расхаживая по комнатѣ и похлопывая руками, точно кучеръ.

— Мнѣ до этого нѣтъ абсолютно никакого дѣла,—сказала Іозефина, и взявъ какую то брошюрку, начала хлопать ею по столу.

— Вотъ видите, вы какая! воскликнулъ Бернштейнъ, останавливаясь передъ нею и поднимая указательный палецъ лѣвой руки.

— Какая же?

— Я не знаю...

Бернштейнъ снова заходилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ на его лицѣ появилась плутовская усмѣшка, которая придала ему необыкновенно моложавый видъ, и онъ проговорилъ!

— Непремѣнно надо ему разсказать.

— Кому? Почему?

Іозефина встала.

— Да, да, ему разсказать! Мой товарищъ очень обрадуется,—поддразнивалъ Бернштейнъ, смѣясь.

— Ахъ! совершенно невозможно разговаривать съ вами,—проговорила съ досадой Іозефина.—Онъ... русскій?

— Русскій? А то какъ же? Мои товарищи, надѣюсь, всѣ русскіе. Вы уже бѣжите? Нѣтъ, посидите еще!

— Развѣ русскіе такіе черные?

— Онъ достаточно черенъ, но вѣдь у насъ въ Россіи много народностей. Мы поемъ, какъ и вы въ вашемъ Гейдельбергѣ: «Мое отечество должно быть большимъ».

Іозефина дружески разсмѣялась:

— Ахъ Бернштейнъ, никакъ-то вы не выучитесь говорить по-нѣмецки! Выговоръ вашъ ужасенъ.

— Эхъ, нѣмецкій языкъ! Я его давно знаю, но никогда не выучусь говорить на немъ. Онъ невѣроятный. Я всегда буду такъ произносить.

Іозефина разсѣянно посмотрѣла на брошюрку, которую держала въ рукахъ, и спросила:

— Былъ ли онъ съ вами въ Гейдельбергѣ?

Бернштейнъ уставился на нее.

— Что это значитъ? Въ первый разъ я вижу, что вы такъ-таки заинтересованы. Нѣтъ, это надо тотчасъ же разсказать ему! Вотъ-то онъ обрадуется!—повторилъ онъ дразнящимъ тономъ.

— Вы этого не сдѣлаете!—Іозефира серьезно посмотрѣла на его смѣющееся лицо.

Бернштейнъ былъ въ восторгѣ; онъ даже присѣлъ отъ смѣха.

— Нѣтъ! Зачѣмъ это онъ вамъ понадобился? Что онъ васъ такъ интересуетъ? Это любопытно? Долженъ я ему сказать?

Но Іозефина приняла серьезный видъ; на ея взволнованномъ лицѣ появилось почти угрожающее выраженіе.

— Еслибъ я не знала васъ такъ хорошо, то могла бы подумать, что вы меня также нисколько не знаете!.. сказала она строго и печально и бросила брошюрку, которую держала въ рукахъ, на столъ.

Бернштейнъ пересталъ смѣяться. Онъ смутился и опять сталъ возиться съ печкой, потомъ вдругъ сказалъ какимъ-то страннымъ точно сдавленнымъ голосомъ:

— Да, и онъ меня также спрашивалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскрикнула Іозефина и краска смущенія залила ея лицо, отъ чего оно сразу помолодѣло. Бернштейнъ также сильно покраснѣлъ и, быстро отвернувшись, сказалъ:

— Вѣдь вы, кажется, ему отворили дверь.

Іозефина стояла съ опущенною головой и съ прежнимъ смущеннымъ видомъ. Губы у нея были полуоткрыты, словно ее мучила жажда.

— Что же онъ такое могъ спрашивать?

— Приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «Кто была эта высокая женщина? Была ли это «она»?—отвѣчалъ Бернштейнъ:

Іозефина сжала тетрадь, которую держала въ рукахъ, и, пробормотавъ дрожащими губами: «Я возьму это съ собой», вышла изъ комнаты.

Было воскресенье. Іозефина вернулась изъ клиники утомленная и измученная. Она пришла изъ такого мѣста, гдѣ не бываетъ праздниковъ. Ея платье пропахло іодоформомъ, а руки она, какъ всегда, вымыла растворомъ сулемы. Она дышала тяжело послѣ пребыванія въ больничномъ воздухѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а передъ глазами ея стояли ужасныя картины, на которыя она тамъ насмотрѣлась. Въ особенности одна картина преслѣдовала ее: обожженный человѣкъ, не могущій закрыть рта, ужасный!..

Но еще тяжелѣе былъ для нея ударъ, когда она не нашла на привычномъ мѣстѣ маленькую дочь ткача. Дѣвочка уже начала поправляться и щечки у нея стали круглѣе, но хорошія времена пришли для нея къ концу! Родители ея не могли, а община не захотѣла дольше платить. И вотъ ее выписали изъ клиники для того, чтобы она «поправлялась дома»! Іозефина понимала, однако, что дома она не можетъ поправиться; она умретъ за отсутствіемъ ухода, а также и оттого, что и ей придется работать. Притомъ же она можетъ заразить своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. И тогда ихъ по очереди будутъ отвозить въ клинику, гдѣ ихъ будутъ держать нѣкоторое время и лечить, а потомъ отправятъ домой... умирать!

Какъ всегда, послѣ особенно тяжелыхъ впечатлѣній, Іозефина не въ состояніи была идти тотчасъ же къ своимъ дѣтямъ. Сегодня она чувствовала особенную потребность въ тишинѣ, въ свѣжемъ воздухѣ, въ одиночествѣ, и потому она пошла по улицамъ, которыя шли въ гору. «Только вздохнуть пошире грудью!» думала она, борясь противъ вѣтра, который рвалъ ея платье и мѣшалъ ей идти. На встрѣчу ей попадались семьи, возвращающіяся съ прогулки, и веселыя ребятишки бѣжали впереди.

«Ужъ не вѣтеръ ли такъ на меня дѣйствуетъ?» Іозефина разсѣянно оглянулась. Ближайшія горы были рѣзко очерчены и казались изсиня-черными, но снѣжныхъ вершинъ не было видно. Разорванныя

облака клубились и быстро неслись по сѣрому небу. Темныя деревья дрожали, точно охваченныя какимъ то внутреннимъ волненіемъ, даже тогда, когда затихалъ вѣтеръ.

Было тепло и земля была теплая. На желтоватыхъ лужайкахъ лежали и дымились, приготовленныя для удобренія, кучки навоза; въ воздухѣ пахло весной, распѣвали птички, чирикали воробьи.

Никогда одиночество такъ не тяготило Іозефину. Ея жизнь казалась ей, какимъ-то тяжелымъ, ужаснымъ сномъ. Ахъ еслибъ проснуться и почувствовать себя снова свободной! Она глубоко и часто дышала, вдыхая сырой, но живительный воздухъ горъ.

Іозефина остановилась у маленькой церкви, лишенной всякихъ украшеній, съ черною крышей и узкими окошками. Къ церкви приближалась сельская свадебная процессія въ двухъ экипажахъ. Но ни гости, ни невѣста не отличались ни молодостью, ни весельемъ. Всѣ были одѣты въ темныя платья; невѣста въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ съ вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ въ волосахъ, шла твердыми шагами, и держалась прямо, ни на кого не обращая вниманія. Женихъ, въ высокомъ цилиндрѣ, красный отъ смущенія, разговаривалъ черезъ плечо съ пожилою женщиной, которая засовывала ему въ карманъ сюртука большой бѣлый платокъ.

Іозефина разсѣянно смотрѣла, какъ эти люди, не спѣша, входили на маленькое рѣзное крыльцо, поддерживаемое двумя столбами и по очереди открывали церковныя двери, украшенныя мѣдными гвоздями, исчезая затѣмъ въ полумракѣ маленькой церкви.

«И я здѣсь вѣнчалась», вспомнила Іозефина. Она любила эту маленькую, бѣлую церковь и ея мѣстоположеніе, высоко надъ городомъ, какъ будто на выступающемъ утесѣ. Ей нравилась также неправильной формы площадка наверху, ограниченная тремя сельскими домиками, съ колодцомъ по серединѣ и открытымъ видомъ на круто спускающіяся съ трехъ сторонъ деревенскія улицы, съ массою садовъ, виноградниками, плодовыми деревьями и поросшими плющемъ стѣнами.

Но сегодня Іозефинѣ представлялось все въ мрачномъ свѣтѣ и даже прекрасное голубовато-зеленое озеро, разстилавшееся передъ нею, выглядывало какъ-то угрюмо.

Золотая стрѣлка на небесно-голубомъ циферблатѣ маленькихъ башенныхъ часовъ показывала пять часовъ. «Пора вернуться. Дѣти ждутъ меня. И Лаура Анаиза тоже. И притомъ у меня еще такъ много дѣла» подумала Іозефина. Однако она не пошла назадъ, а продолжала медленно идти впередъ, поднимаясь въ гору. Вѣтеръ какъ будто усилился и со свистомъ и ревомъ крутилъ и разметывалъ сухіе листья и съ особенною яростью дулъ изъ за угла домовъ. Красные и желтые листья кустарниковъ съ шумомъ падали на землю и гонимыя вѣтромъ, подпрыгивали на дорожкѣ, точно лягушки.

— Ну, тутъ надо крѣпко держаться на ногахъ, чтобы не сдуло вѣтромъ—замѣтилъ, добродушно улыбаясь какой то старичокъ въ мѣховой шапкѣ, проходящій мимо Іозефины и пустилъ ей вслѣдъ струю табачнаго дыма изъ своей трубочки.

«Еще немного», думала она, забираясь все выше. Она ощущала уже благодѣтельное дѣйствіе быстраго движенія и борьбы съ вѣтромъ, которая оживляла ее.

«Еще немного! Только до опушки лѣса!» Кое-гдѣ разбросанные домики казались Іозефинѣ такими привѣтливыми, веселыми. Въ одномъ, низенькомъ, одинокомъ домикѣ было открыто окно и въ немъ виднѣлась кудрявая головка дѣвушки, смѣявшейся и что то говорившей, стоявшему подъ окномъ человѣку, въ зеленомъ фартукѣ и коричневой вязанной фуфайкѣ, съ ручною пилою въ рукѣ. Дѣвушка предлагала ему кусокъ пирога за прекрасную длинную стружку, которую онъ привѣсилъ спереди къ своей курткѣ, но онъ не хотѣлъ отдавать ее, а поддразнивая, поглаживалъ своими почернѣвшими пальцами, стараясь въ то же время изловчиться и выбить изъ рукъ дѣвушки кусокъ пирога. Іозефина не могла удержаться отъ улыбки, когда наконецъ раздалось побѣдоносное восклицаніе и кусокъ пирога очутился внизу, въ колючемъ кустарникѣ.

«До опушки лѣса»! Іозефина прибавила шагу и вскорѣ дома и люди остались позади. Ни одного гуляющаго не было видно на узкой, крутой тропинкѣ, идущей между лугами. Съ вѣтвей широко разросшагося дерева, на отлогости горы, капали блестящія водяныя капли на траву внизу, покрытую инеемъ, который еще не успѣлъ растаять въ тѣни. Пѣніе птицъ разносилось вѣтромъ точно звонъ стеклянныхъ колокольчиковъ.

«Будетъ снова весна», подумала Іозефина и нагнулась, чтобы сорвать первый цвѣточекъ, распустившійся въ полѣ.

«Я еще сильна и снова будетъ весна!» Она посмотрѣла на солнце, которое, словно громадный красный цвѣтокъ, повисло на горизонтѣ. Долину застилалъ какой-то лиловато-красный туманъ, и городъ какъ будто задыхался въ наполнявшемъ его дымѣ, но зато горы вдругъ очистились отъ облаковъ и ледники засверкали и окрасились нѣжнымъ золотисто-розовымъ свѣтомъ. Озеро, внизу, у ногъ Іозефины, также отливало золотомъ, а разорванныя облака мчались по небу и сіяли мѣстами всѣми цвѣтами радуги, словно яркія перья какой-нибудь гигантской птицы.

— Ужъ не это ли райская птица? — Спросила ее однажды Рёсли, когда онѣ вмѣстѣ смотрѣли на такой же великолѣпный закатъ. И теперь Іозефина улыбнулась, а въ глазахъ у нея появились желтые и зеленые круги! Блескъ солнца ослѣплялъ ее, и она испытывала нѣчто въ родѣ легкаго головокруженія.

Вдругъ на тропинкѣ, залитой сверкающими лучами солнечнаго за-

ката, показался высокій, стройный человѣкъ. Какая-то особенная гордая манера держаться отличала его отъ тѣхъ людей, съ которыми Іозефинѣ приходилось встрѣчаться до сихъ поръ, и поэтому она издали узнала его: это былъ товарищъ Бернштейна. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ и шелъ, высоко поднявъ голову, навстрѣчу Іозефинѣ. Въ его большихъ темныхъ глазахъ появилось привѣтливое выраженіе и казалось, что изъ глубины его очей посыпались, словно дождь изъ сверкающихъ звѣздъ, всевозможныя добрыя пожеланія на встрѣтившуюся ему на дорогѣ женщину. Онъ широко размахнулъ шляпой въ знакъ привѣтствія и посторонился совсѣмъ на край крутой тропинки, чтобъ Іозефина могла пройти мимо, не задѣвая его, такъ какъ тропинка была слишкомъ узка для двоихъ.

Не останавливаясь, не замедляя шага, они прошли, поклонившись другъ другу. Іозефина видѣла его одно мгновеніе около себя, его рѣзко очерченный профиль, съ курчавою остроконечною бородкой, точно у камеи; затѣмъ онъ прошелъ мимо и скрылся, а она пошла дальше, къ темному, безмолвному лѣсу. Она двигалась какъ-то безсознательно и все видѣла передъ собою странную, темную голову, столь знакомую ей по старинным картинамъ и рисункамъ. Этотъ чужой человѣкъ казался ей близкимъ не потому только, что его черты были ей знакомы по этимъ картинамъ! Ей казалось, что она знаетъ мысли, которыя скрываются за его высокимъ, бѣлымъ лбомъ. Еще молоденькою дѣвушкой она мечтала о такомъ чудномъ свѣтломъ выраженіи доброты, которое разливалось по его серьезному лицу. Значитъ, такой человѣкъ жилъ на свѣтѣ? Значитъ эта скорбная земля все-таки богата?

Іозефина внезапно повернула назадъ и пошла къ городу, красные круги и зеленые пятна танцовали по изжелто-сѣрой травѣ, по золотисто-коричневому кустарнику и на фіолетовомъ вечернемъ небѣ, на которомъ солнца уже не было видно.

Такъ богата эта юдоль печали?

Всю дорогу у Іозефины горѣли щеки, и она чувствовала, какъ будто она затѣмъ только и пошла сюда, чтобы найти того, кого она не знала.

Когда Іозефина подходила къ дому, то увидѣла на площадкѣ, передъ лѣстницей, группу мальчугановъ. Они дрались, сжатые кулаки мелькали въ воздухѣ; двое мальчугановъ уже лежали на землѣ, но сцѣпившись продолжали тузить другъ друга.

— Что это такое?—вскричала Іозефина.—Встань сейчасъ же, Германнли, отпусти его, говорю тебѣ.

Она схватила мальчика за плечи и заставила его подняться. Мрачно и сердито поглядѣлъ онъ на мать. Изъ носа у него сочилась кровь, глаза были опухши, а праздничное платье все выпачкано грязью. Проводя грязными руками по своимъ взъерошеннымъ рѣдкимъ волосамъ, Германнли далеко не имѣлъ вида побѣдителя, хотя его противникъ, краснощекій, плотный мальчуганъ и находился подъ нимъ на землѣ.

— Хорошо ты выглядишь! Изъ-за чего ты полѣзъ въ драку,— спросила его Іозефина, сравнивая, противъ воли, его блѣдное не по лѣтамъ серьезное личико, со свѣжимъ дѣтскимъ лицомъ его товарища.

Германнли оттолкнулъ руку матери и сказалъ:—Ну, ну, мама у насъ было собраніе по случаю праздника, и вотъ мы рѣшили...

— Вовсе нѣтъ, не мы. Нашъ учитель придумалъ это,—перебилъ его стоящій рядомъ мальчикъ.

— Да, онъ придумалъ, чтобы мы, вмѣсто того чтобы жечь праздничные костры, эти деньги отдали бы бѣдной женщинѣ,—продолжалъ Германнли увѣреннымъ тономъ.

— Да, да, вмѣсто того чтобы тратить ихъ на дрова для увеселительныхъ костровъ,—прибавилъ совсѣмъ маленькій мальчуганъ.

— Бѣдной женщинѣ, у которой больше нѣтъ мужа,—крикнулъ кто-то изъ стоящихъ въ заднихъ рядахъ и громко разсмѣялся, за нимъ разсмѣялся и другой.

Германнли стремительно повернулся, чтобы ударить того, кто смѣялся и попалъ матери въ грудь. Она обняла его обѣими руками и крѣпко прижимала къ себѣ.

— Это Эбштейнъ! Это онъ сдѣлалъ такое дурацкое предложеніе,— кричалъ мальчикъ стараясь вырваться изъ рукъ матери. Его отвисшая нижняя губа тряслась отъ злобы, а глаза наполнились слезами безсильной ярости.

Мальчики вдругъ разбѣжались; нѣкоторыя изъ нихъ остановились у отдаленныхъ деревьевъ, другіе же быстро убѣжали, не оглядываясь.

— Эбштейнъ дуракъ и мерзавецъ!—кричалъ визгливымъ голосомъ Германнли и ни за что не хотѣлъ идти въ домъ.

Іозефина почувствовала, какъ прежняя тяжесть навалилась ей на сердце. «Они обо мнѣ говорили, подумала она.—Уличные дѣти смѣются надъ моимъ несчастьемъ!»

Руки ея безсильно повисли, а издали до нея доносилось насмѣшливое, полузаглушенное восклицаніе: «Бѣдной женщинѣ, у которой нѣтъ больше мужа!»

Германнли вырвался изъ ея рукъ и перескочилъ черезъ изгородь, за которою, какъ онъ думалъ, скрывался насмѣшникъ.

«Вотъ моя жизнь!» думала несчастная женщина.

Собраніе дѣтей разстроилось, такъ какъ мальчики всѣ разбѣжались. Германъ вернулся. Онъ громко плакалъ, не будучи въ силахъ сдерживаться. Своего противника онъ не нашелъ за заборомъ и теперь пронесся, не обращая вниманія на мать, мимо нея, прямо къ дверямъ дома. Видъ его блѣднаго, разстроеннаго личика мучительно напомнилъ ей другое лицо, которое она видѣла также мокрымъ отъ слезъ и искаженнымъ отъ ярости. Она съ трудомъ овладѣла собой и сказала сыну:

— Не стоитъ такъ выходить изъ себя. Пойдемъ.

Но мальчикъ оттолкнулъ ее и почти зарычалъ:

— Гдѣ папа? Скажи! Они разсказываютъ такія вещи! Я хочу къ папѣ. Я побѣгу искать его, вотъ ты увидишь. Онъ сказалъ... знаешь, что сказалъ Эбштейнъ? Что мы должны тебѣ отдать деньги, потому что ты—бѣдная женщина и у тебя также нѣтъ мужа!

Его тусклые, сѣрые глаза блеснули коварно и злобно, и что то безконечно жалкое, несчастное чувствовалось во всемъ существѣ этого маленькаго, некрасиваго мальчика, надъ которымъ уже тяготѣла злая судьба.

Мать молча обняла его тощую фигуру и насильно увлекла его за собою въ комнату. Тамъ она остановилась, держа плачущаго мальчика въ своихъ объятіяхъ.

— Твоя мать—бѣдная женщина, мой мальчуганъ,—прошептала она, вздыхая и нагибаясь къ его волосамъ.—Они правы... Бѣдная женщина!

Но замѣтивъ, что мальчикъ начинаетъ сильнѣе плакать, она сдержалась и прибавила:

— Но не такъ бѣдна, это ты знаешь. Не безпокойся же...

Германъ поднялъ голову и спросилъ:

— Папа умеръ?..

— Нѣтъ.

— Вернется онъ когда-нибудь домой?

— Да.

— Гдѣ же, папа?

— Ты знаешь вѣдь, Германнли,

— Это неправда!—вскричалъ мальчикъ.—Мои товарищи говорятъ, что онъ вовсе не въ Африкѣ. Онъ въ другомъ мѣстѣ.

Іозефина крѣпко прижала его плачущее личико къ своей груди. Она дрожала отъ волненія и страха. Но вѣдь такъ и должно было быть! Эта страшная минута должна была наступить рано или поздно. Развѣ она не ожидала этого?

«Но если онъ узнаетъ правду, то онъ не въ состояніи будетъ здѣсь оставаться. Вѣдь этого ни одинъ ребенокъ не въ состояніи вынести!» Она чувствовала это и у нея захватывало дыханіе отъ ужаса.

— Я думаю, что я лучше знаю, нежели твои товарищи. Положись на меня,—сказала она.

— Поклянись мнѣ, мама!—прошепталъ мальчуганъ, пряча голову въ складкахъ платья матери.

— Да, да, я клянусь.

Германнли внезапно выпрямился. Его лицо исказилось.

— Мама, мама—теперь ты поклялась!—вскричалъ онъ. Въ его тонѣ слышались угрозы, сомнѣніе и обвиненіе.

Іозефина попробовала обратить это въ шутку:

— Зачѣмъ же сейчасъ клясться? Довольно сказать: да, да или нѣтъ, нѣтъ. Развѣ же ты незнаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мама!—страстно воскликнулъ мальчикъ.—Ничего не поможетъ! Ты поклялась!—Германъ началъ прыгать по комнатѣ и потомъ бросился къ дверямъ:—я, скажу Эбштейну, скажу! закричалъ онъ и убѣжалъ.

Іозефина осталась сидѣть въ шляпѣ и пальто, безсильно опустивъ руки и не зная, что дѣлать. Ей казалось, что какая-то сѣть опутываетъ ее и не даетъ ей вздохнуть свободно. Будущее представлялось ей такимъ мрачнымъ. «Дѣти! дѣти!..»

Вдругъ за дверями раздался звонкій голосокъ Рёсли. Дѣвочка вбѣжала въ комнату и начала прыгать вокругъ матери, совершенно не замѣчая ея печали.

— Мама! мама! Что я тебѣ скажу!—кричала она.—Моя дорогая, милая мамочка! Какую я узнала прекрасную тайну! Тамъ въ погребѣ... Ты должна пойти со мною туда. Это между картофелью и угольями. О, я открыла это, но это тайна, и ты никому на свѣтѣ не должна разсказывать этого. Слышишь, мама?

— Я устала,—сказала Іозефина и облокотилась на спинку стула.—Я такъ далеко ходила, моя дорогая дѣвочка, и ужасно устала. Въ другой разъ...

Но необузданная дѣвочка вскарабкалась на колѣни къ матери и сняла съ нея шляпу. Она начала гладить ее по щекамъ.

— О нѣтъ, мама, сейчасъ, пойдемъ сейчасъ! Эта тайна такъ прекрасна! Ты увидишь. Но ты должна поклясться, что не скажешь ни одному человѣку. Поклянись же, поклянись, мама! Надо вотъ такъ сложить два пальца, какъ говоритъ Лаура-Анаиза...

Рёсли встала на цыпочки передъ матерью и начала быстро кружиться. Ея каштановые кудри разлетались во всѣ стороны. Стащивъ передникъ съ одного плеча, она завертѣла его свободный конецъ вокругъ себя:

— Мы такъ всегда дѣлаемъ во время гимнастики, мама! Пойдемъ пойдемъ сейчасъ... Я всегда занимаюсь гимнастикой вмѣстѣ съ сестрами Ганшельнъ. Я могу ихъ поднять вотъ такъ, высоко!

Дѣвочка влѣзла на стулъ, съ котораго встала Іозефина и, выпрямивъ ручонки вверхъ, съ крикомъ радости, вскочила къ матери на спину.

— Тайна, тайна, моя тайна! Она—бѣлая! Она—прекрасная!—распѣвала Рёсли, прыгая со ступеньки на ступеньку лѣстницы и мотая во всѣ стороны своею кудрявою головкой. Затѣмъ она вдругъ вернулась и принесла коробочку спичекъ.—Тайна находится въ темнотѣ, мама, потому-то она и тайна!—прибавила дѣвочка, широко раскрывъ свои глазенки и уставившись на мать.—Ты одна только, мамочка, должна видѣть ее!

Своенравнымъ движеніемъ своихъ маленькихъ ручекъ дѣвочка повернула ключъ въ висячемъ замкѣ и зажгла спичку, довольная и

счастливая, что мать находится возлѣ нея, близко, близко! И что она можетъ показать ей что-то особенное, удивительное такое!..

— Сюда, сюда, смотри сюда! — кричала дѣвочка, съ торжествомъ освѣщая мерцающимъ голубоватымъ огонькомъ спички уголъ около груды картофеля пустившаго бѣлые, длинные ростки, которые словно ощупью искали свѣта и земли.—Цвѣтокъ! Чудная тайна! Смотри!

Мать прижала дѣвочку къ себѣ. Ея серьезное лицо потеряло прежнее мучительное выраженіе.

— Да, Рёсли! Да, моя дорогая крошка,—шептала она.

Странное волненіе овладѣло Іозефиной, когда въ полутьмѣ грязнаго погреба она увидѣла нѣжный бѣлый цвѣтокъ гіацинта, луковица котораго, очевидно, была случайно заброшена въ погребъ и здѣсь, въ темнотѣ и сырости, пустила ростки и дала цвѣтъ. Дѣвочка жгла спички и при ихъ невѣрномъ, быстро угасающемъ свѣтѣ мать и дочь нагнулись надъ благоухающимъ цвѣткомъ, этимъ чуднымъ проявленіемъ жизни.

— Бѣлый, мамочка, совершенно бѣлый!—шептала малютка торжественно.—Видишь ты теперь? Неправда ли, это прекрасная тайна?

Прелестный бѣлый цвѣтокъ держался такъ твердо и прямо на множествѣ бѣлыхъ голыхъ корней, точно онъ стоялъ на собственныхъ ногахъ и какъ будто его появленіе въ этомъ темномъ углу погреба не представляло ничего особеннаго. Корни, луковица, лепестки все это было воскового бѣлаго цвѣта, но растеніе не имѣло болѣзненнаго вида и не было искривлено. Прелестно изогнутые листочки съ тонкими прожилками, бѣлые прозрачные колокольчики, такіе нѣжные, чистые, что можно было сквозь нихъ разсмотрѣть внутренность цвѣтка, все это поражало своимъ изяществомъ и красотой и казалось скорѣе продуктомъ фантазіи, нежели дѣйствительностью, какимъ-то сказочнымъ цвѣткомъ, идеальною мечтой...

Мать и дочь стояли, крѣпко обнявшись. Въ душѣ Іозефины звучала какая-то странная, невѣдомая ей до сихъ поръ, новая чудная мелодія. Этотъ незнакомецъ, котораго она встрѣтила, этотъ цвѣтокъ и дитя—не существовало ли между ними какой нибудь таинственной связи? Не было ли между этими явленіями страннаго, изумительнаго и необъяснимаго сходства?

Неужели бѣдная земля такъ богата? Откуда взялся этотъ новый лучъ свѣта, дающій счастье! Чудо изъ чудесъ!

— Мое дитя! шептала она, прижимая Рёсли.—Моя радость! Мой новый цвѣточекъ!.. Что совершается предо мною? Была я слѣпа до сихъ поръ.

Ребенокъ чувствовалъ нѣжность матери. Какъ будто теплая волна охватила ее и понесла, и она дрожала отъ восторга.

— Что то скажутъ бабочки, когда онѣ увидятъ этотъ цвѣтокъ, мама? вдругъ сказала дѣвочка.

Іозефина вздрогнула:

— Ни одна бабочка не прилетитъ сюда, дитя,—отвѣчала она.

— А пчелы? Что скажутъ пчелы?

— Теперь зима, Ресли. Всѣ пчелки спятъ.

— Ну, а солнце, мама?

— Солнце, дитя? Нѣтъ, солнце не можетъ увидѣть этотъ цвѣтокъ.

— О, какъ жаль, мама, какъ жаль! Отчего цвѣтокъ не долженъ видѣть солнца?

— Если солнце его коснется, то цвѣтокъ умретъ и засохнетъ.

— Умретъ и засохнетъ? Нѣтъ!—вскричала Рёсли, держа ручонки надъ цвѣткомъ словно охраняя его.—Нѣтъ! Я устрою для него домикъ изъ своихъ рукъ. Нѣтъ, онъ не долженъ умереть, не долженъ, мама!

Голосъ ребенка былъ полонъ печали. Мать—она казалась такою молодою въ эту минуту!—ласково провела рукой по головкѣ ребенка и сказала мечтательно:

— Луна будетъ освѣщать его, и онъ будетъ блестѣть лучше всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Будетъ сверкать нервною красотой и нигдѣ, въ лѣсу, въ полѣ, въ саду, не найдется ему подобнаго!

Дѣвочка, внѣ себя отъ восторга, цѣловала платье матери.

— Да! да! шептала она, точно въ опьяненіи—Разскажи еще, мама. еще, еще...

— Среди мрака и забвенія въ грязной, печальной и лишенной свѣта ямѣ расцвѣлъ этотъ цвѣтокъ и его красота—это не есть красота этого міра: этотъ цвѣтокъ нѣжнѣе, тоньше, воздушнѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ, растущихъ на солнцѣ, и безукоризненно чистый возвышается онъ среди этой грязи и сіяетъ тѣмъ ярче и благоухаетъ тѣмъ сильнѣе...

Іозефина говорила все тѣмъ же мечтательнымъ тономъ, и дѣвочка слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Мама, развѣ сказка кончилась? Ты знаешь такія чудныя сказки, мама! Но... развѣ это не грустно... этотъ цвѣтокъ!..

Въ голосѣ ребенка слышалось точно рыданіе.

— Можетъ быть и грустно—замѣтила задумчиво Іозефина.

— И цвѣтокъ останется тутъ одинъ?

— Мы будемъ приходить сюда каждый день.

— Бѣдный цвѣточекъ! Не правда ли, мама?

— Бѣдный цвѣточекъ!

— Одинокій, мама.

— Одинокій.

Іозефина всегда вращалась въ мужскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ сложившейся судьбы или собственной склонности, но она какъ-то скорѣе сближалась съ мужчинами, нежели съ женщинами.

Она рано потеряла мать, и сестры ея рано удалились изъ дома. Добрый, умный отецъ, старавшійся развить всѣ ея природныя способности, трудолюбивый братъ, учившійся вмѣстѣ съ нею, замѣнили ей сестеръ и мать. Когда ея братъ въ молодыхъ годахъ погибъ на Явѣ, во время ученой поѣздки, то она сдружилась съ однимъ изъ его самыхъ близкихъ товарищей, взгляды котораго она вполнѣ раздѣляла. Черезъ этого-то товарища она и познакомилась съ Георгомъ Гейеромъ, единственнымъ человѣкомъ, который увлекъ ее не своими рѣчами или интересами, а возбудивъ въ ней элементарное чувство страсти, причемъ она совершенно не могла отдать себѣ отчета, за что она любитъ его. Оба, одинаково страстные темпераменты, они были охвачены однимъ и тѣмъ же пламенемъ. Но у мужчины пламя быстро погасло и только осталась скрытая ненасытная чувственность, погубившая его жизнь и жизнь его жены и дѣтей. Ея любовь питалась воспоминаніями и надеждой, а также гнѣвнымъ и мучительнымъ чувствомъ состраданія къ отверженному. Въ постигшемъ ея несчастьѣ, она чувствовала себя передъ нимъ болѣе сильной; она была защитницей и поддержкой для него. Давно уже она перестала требовать отъ него чего нибудь для себя лично и не ждала ничего. Вообще, ни отъ него, ни отъ какого либо другого мужчины, кромѣ своего отца, она бы ничего не приняла. «Давать, всегда только давать! Свою работу, свои мысли, свою душу, свою кровь! Хорошо, что у меня есть что отдавать другимъ! Какъ пріятно грудью давать отпоръ бурѣ»,—думала она и улыбаясь припоминала свое дѣтство и тотъ восторгъ, который она испытала, однажды, когда принесла тяжелый пакетъ своему отцу, находившемуся за городомъ, на опытной станціи. Это были книги, получки которыхъ онъ ожидалъ давно. Въ тотъ день также дулъ сильный вѣтеръ, противъ котораго она боролась съ трудомъ, прижимая къ груди тяжелый пакетъ и карабкаясь по крутой, недавно проложенной тропинкѣ. Вѣтеръ сорвалъ съ нея шляпу и далеко занесъ ее, а она должна была гнаться за шляпой съ тяжелымъ пакетомъ въ рукахъ. Какъ билось ея сердце отъ радостной мысли, что дорога такая крутая и пакетъ такой тяжелый, а она побѣждаетъ всѣ эти затрудненія. «Грудью противъ вѣтра!» Совсѣмъ маленькой дѣвочкой она уже стремилась къ этому. Когда же она наконецъ добралась до цѣли своего путешествія, то отецъ посмѣялся надъ нею и сказалъ: «Хорошо, хорошо! А теперь отнеси-ка эти книги назадъ. Здѣсь, среди грядъ, не до чтенія!» Все такъ же бодро и весело, она подхватила свой тяжелый пакетъ и въ припрыжку спустилась съ горы.

Тогда отецъ былъ для нея единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Потомъ она стала поклоняться великимъ писателямъ и художникамъ, которыхъ она никогда не видала и которые давно умерли. Ну, а потомъ... потомъ явился Георгъ!

Но послѣ двухъ-трехъ лѣтъ брачнаго сожительства, она пришла

къ убѣжденію, что ни среди женщинъ, ни среди мужчинъ нѣтъ такихъ, которымъ бы стоило поклоняться. Она лишилась вѣры въ людей, лишилась надежды на будущее. Ничего не осталось у нея, кромѣ прежняго инстинктивнаго стремленія къ дѣятельности, кромѣ желанія быть чѣмъ-нибудь и дарить другихъ. Это стремленіе наполняло ея жизнь до того дня, когда изъ-за тумана къ ней протянулась чья-то темная, сильная рука и лучъ солнца пронизалъ окутывающій ее мракъ...

Часто Іозефина съ непріятнымъ смущеніемъ сознавалась себѣ, что въ обществѣ женщинъ и дѣвушекъ она чувствовала себя какъ бы потерянной и постоянно боялась возбудить насмѣшки, между тѣмъ какъ съ мужчинами она могла разговаривать совершенно свободно, не испытывая ни малѣйшаго смущенія и встрѣчала у нихъ дружескую предупредительность и сочувствіе. Ей было стыдно, что съ женщинами она не знала о чемъ говорить, и что женщины не любили ее, а мужчины искали ея общества. Ей было стыдно, что она не могла обходиться безъ мужского общества и что ей казались неинтересными и неважными разныя мелкія домашнія дѣла, относящіяся къ туалету, къ хозяйству и т. п.

— Что это за дѣвочка!—насмѣхались надъ нею ея подруги, когда она еще ходила въ школу.

— Что это за женщина! — жаловались на нее сестры и знакомыя.

— Конечно, это хорошо, когда женщина умна, но самое главное для женщины все-таки сердце и характеръ!—говорили про нея женщины. И когда Іозефина вышла замужъ, то онѣ стали жалѣть ея мужа, какъ человѣка, который былъ обманутъ, покупая корову.

— Бѣдный человѣкъ! — соболѣзновали онѣ. — Неизвѣстно, сумѣетъ ли она даже приготовить ему хоть какое-нибудь вкусное кушанье на обѣдъ!

А когда надъ семьею стряслось несчастье, и бѣднягу отправили въ тюрьму, то женщины покачивали головой и говорили: «Вотъ что значитъ имѣть такую жену! Навѣрное, никогда она не приготовила ему ни одного любимаго кушанья. Да! да! Тамъ, гдѣ женщина плохая хозяйка, тамъ легко наступаетъ бѣда и съ мужемъ бываетъ несчастье. Его надо жалѣть!

Нѣтъ, эти женщины не могли ее понять, и Іозефина съ раздраженіемъ отдалилась отъ нихъ. Глубокій огонь, который горѣлъ въ ея душѣ, ея самостоятельность, все это было сродни мужчинамъ, но отталкивало отъ нея женщинъ. И все шире становилась пропасть, раздѣляющая Іозефину отъ другихъ женщинъ, все недоброжелательнѣе относились онѣ къ ней.

— Она даже не хочетъ развестись съ нимъ! — говорили про нее женщины, качая головами. — Почему она не хочетъ разводиться? Тутъ

что-нибудь да скрывается. Она вздумала учиться, имѣя троихъ дѣтей! Ничего подобнаго никто не дѣлаетъ. Она уже сгубила мужа. Какія-то выйдутъ у нея дѣти?

Затѣмъ начинали вспоминать, что говорила Іозефина о «дѣтскомъ вопросѣ», когда была молоденькою дѣвушкой.

«Жалѣть о томъ, что не имѣешь дѣтей! Какъ это странно. Можно ли жалѣть о томъ, чего не знаешь? Развѣ я сама не ребенокъ? И почему я не должна думать обо всемъ огромномъ мірѣ, полномъ такихъ чудесъ, а только о своемъ будущемъ ребенкѣ? Почему ребенокъ, превратившись въ дѣвушку, не долженъ объ этомъ думать и т. д.». Вотъ какъ разсуждала она. Вѣдь это глупо! Дѣйствительно глупо! Да и опасно для молоденькой дѣвушки. У нея всегда были собственныя мнѣнія. Но къ чему, скажите на милость, молоденькой дѣвушкѣ имѣть собственныя мнѣнія? Вотъ я дожила до сѣдыхъ волосъ, а никогда у меня ихъ не было!

Такъ говорили про нее и старыя, и молодыя дѣвушки и женщины. А Іозефина никакъ не могла понять, какъ это можетъ дѣвушка выходить замужъ только для того, чтобы имѣть дѣтей. Она не вѣрила этому и смѣялась надъ такими увѣреніями.

— Какъ это такъ?—говорила она.—Можно выйти замужъ за какого угодно мужчину, только бы стать женою и матерью? Да вѣдь это отвратительно! Развѣ мужчина только средство, орудіе? Гнусно такъ выходить замужъ. Я лучше останусь всю жизнь одинокой и постараюсь быть чѣмъ нибудь. Да и такъ, развѣ я сама по себѣ ничто? Развѣ я только цвѣтокъ, который долженъ завянуть? Или растеніе? Неужели въ настоящемъ я ничего не значу, а только въ будущемъ? Ну, вы должны быть очень умны, когда такъ далеко загадываете! Я же постоянно толкусь на одномъ мѣстѣ; я еще очень глупа! Глупа и не развита, еще мнѣ надо многому поучиться. Вѣдь если я сама по себѣ ничто, то къ чему міру нужны «копіи съ меня»?.

Она сказала «копіи съ меня», но каждая чувствовала, что она хотѣла сказать: «И съ тебя, и съ тебя, и со всѣхъ васъ!» Непріятные были у нея глаза, слишкомъ чистосердечные, пытливые, серьезные и неудобные. Никто не могъ въ ея присутствіи развлекаться беззастѣнчивою болтовней; она порождала неловкость, смущеніе, и всѣ скоро расходились, говоря про себя и вздыхая: «Ахъ, что за дѣвушка! Что за дѣвушка!».

Съ тѣхъ поръ какъ Іозефина поступила въ университетъ, она почти не видѣла никого изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Довольно небольшого порыва вѣтра, чтобъ разогнать лѣтнихъ мухъ, а вѣдь надъ ея домомъ пронеслась цѣлая буря!

Однажды, когда Іозефина, вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Цвики, возвращалась изъ коллегіи, навстрѣчу имъ попалась какая то дама, стройная и изящная, въ элегантномъ, отдѣланномъ мѣхомъ, костюмѣ. Она

держала длинный лорнетъ передъ глазами, но приблизившись къ идущей навстрѣчу группѣ, вдругъ остановилась въ замѣшательствѣ, сильно покраснѣла и быстро перешла черезъ улицу на другую сторону, Іозефина шла, наклонивъ голову, но тутъ подняла ее со свойственнымъ ей энергичнымъ движеніемъ:

— Пойдемъ, Цвики,—сказала она громко;—мы преграждаемъ дорогу.

— Развѣ это была не. . . .?—спросилъ студентъ, смотря взволнованнымъ взглядомъ вслѣдъ дамѣ, которая быстро направлялась въ противоположную сторону.

— Да... я ее видѣла.

— Она даже не кланяется!

— Я привыкла... Мы ее, повидимому, испугали.

— Гадость!—воскликнулъ молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ, съ напружившимися на лбу жилами отъ прилива гнѣва.

Бернштейнъ, который шелъ впереди, обернулся и съ лукавою улыбкой спросилъ:

— Кажется, это была ваша сестрица?».

— Даже не кланяется!—повторилъ гнѣвно товарищъ.

Бернштейнъ сдвинулъ свою круглую шляпу на затылокъ и пожалъ плечами:—На что вамъ она?—сказалъ онъ.—Что вамъ отъ нея нужно? Подумайте, что она даже не понимаетъ этого? Вѣдь ваша сестрица—настоящая «Hausfrau».

— Гадость!—вскричалъ Цвики.

— Купеческая жена! Вообще, что понимаетъ купеческая жена,—продолжалъ Бернштейнъ спокойнымъ тономъ.—Вѣдь это было очень непріятно вашей сестрицѣ, очень непріятно. Не надо сердиться, а надо постараться понять. Эй это было непріятно.

— И мнѣ также!—воскликнулъ упрямо швейцарецъ.

Бернштейнъ сбросилъ ногою апельсинную корку съ тротуара.

— Нѣтъ! Это интересно! сказалъ онъ. — Неужели вы обидѣлись? Эхъ, что вамъ до нея за дѣло? Самая обыкновенная дама, не умная, совсѣмъ изъ другого круга, другихъ воззрѣній. Зачѣмъ вамъ нужна такая дама?

Черезъ два дня послѣ этой встрѣчи Адель и Марія снова появились въ домѣ своей сестры. Это было также вечеромъ, но домъ не былъ такъ печаленъ и пустъ, какъ во время ихъ послѣдняго визита. Всѣ окна были освѣщены, а въ узкомъ корридорѣ раздавались голоса разговаривающихъ людей.

Іозефина вышла къ сестрамъ возбужденная, съ высоко поднятою головой и блестящими глазами. Сестры съ любопытствомъ заглянули въ полуоткрытую дверь за нею и различили трехъ или четырехъ мужчинъ, очень горячо о чемъ-то разговаривавшихъ.

— Ахъ, у тебя гости,—сказала Адель церемоннымъ тономъ. — Мы отнимаемъ тебя у твоихъ гостей.

— Войдите, если хотите. Это мои коллеги.

Іозефина окинула взглядомъ обѣихъ сестеръ, стоявшихъ передъ нею; онѣ отступили съ преувеличеннымъ испугомъ.

— Чтобы мы пошли туда, гдѣ все чужіе мужчины! Нѣтъ на это не всякій способенъ!—воскликнула Мари, стараясь придать своему добродушному личику строгое выраженіе. — Намъ нужно поговорить съ тобою наединѣ.

Іозефина пріотворила дверь въ другую комнату и сказала:

— Фрейлейнъ Елена, могу я провести своихъ гостей въ вашу комнату? Вы позволяете!

— Гостей? Дамъ? Невозможно, у меня такой страшный безпорядокъ. Все разбросано!—послышался оттуда чей-то сильный голосъ.

— Бернштейнъ, могу я провести въ вашу комнату?

— Никоимъ образомъ!

Раздался громкій смѣхъ.

Цвики вышелъ къ Іозефинѣ, неловко поклонился посѣтительницамъ короткимъ кивкомъ головы и сказалъ, густо покраснѣвъ:

— Можно у меня, фрау Іози, но дамы, я думаю, поймутъ, что мы работаемъ.

Выговоривъ это, Цвики, не поклонясь, вышелъ и вернулся въ комнату, гдѣ сидѣли его коллеги.

— Простите,— сказала Іозефина, смѣясь.—У насъ всегда такъ, но у Цвики все же бываетъ больше порядка. Войдите, прошу.

— Не лучше ли будетъ, если мы пойдемъ въ твою спальню,—замѣтила Адель, но Мари прервала ее:

— Оставь Адель. Тамъ вѣрно не натоплено, а я все еще кашляю. Вѣдь мы пришли только затѣмъ...

— Вотъ каморка Цвики. Я сейчасъ принесу лампу. Садитесь пока,— проговорила Іозефина и вышла.

Сестры остались въ темнотѣ.

— Адель, начни ты,—шепнула Мари.

— Ты хотѣла сюда идти, Марія, я уже съ самаго начала говорила тебѣ, что это совершенно безполезно,—возразила Адель.

— Неужели у нея даже нѣтъ прислуги? Вотъ такъ хозяйство!

— Вѣдь это богема, милая Марія.

— Но она такъ хорошо выглядитъ!

— Да, и я тоже нахожу. Даже тогда, на улицѣ, я это замѣтила. Она выглядѣла такой моложавой!

— Принимать насъ въ какой-то студенческой канурѣ! Это просто невѣроятно!

Адель попыталась разглядѣть что-нибудь въ комнатѣ, въ которую свѣтъ проникалъ черезъ стеклянную дверь. Кажется, тутъ прежде была пріемная,—сказала она.—Красивый парень, не правда ли?

— Кто? Ты говоришь о Цвики? Да, онъ красивъ, веселый, но... онъ едва поклонился намъ.

Іозефина внесла лампу. Марія тотчасъ же придала своему лицу другое выраженіе, кроткое и печальное.

— Вотъ, мы снова увидѣлись! — проговорила она.

— Ну, какъ вамъ живется? Что у васъ?—спросила Іозефина и, слегка откинувшись назадъ на спинку кресла и приподнявъ голову, приготовилась слушать сестеръ. Глаза ея безцѣльно блуждали по потолку и она часто ловила себя на томъ, что даже не слыхала словъ сестеръ. Эти три сестры, совершенно чуждыя другъ другу, съ натянутой и холодной улыбкой взглядывали по временамъ другъ на друга. Онѣ говорили Іозефинѣ, что имъ живется хорошо; дѣла идутъ превосходно. Со Смирной завязались новыя торговыя сношенія. Подумай, Іози, Леонъ вернулся оттуда чрезвычайно довольный, и его всѣ такъ уважаютъ, такъ уважаютъ! Только вотъ я, уже три мѣсяца, не могу отдѣлаться отъ нервнаго кашля. Это только щекотаніе въ горлѣ, но оно дѣлаетъ меня такой несчастной, право! И весь домъ страдаетъ отъ этого... въ такомъ нервномъ состояніи не всегда можешь владѣть собою, а вѣдь трудно уберечься отъ непріятностей! То слуги, которые становятся все требовательнѣе и требовательнѣе, то дѣти... и, наконецъ, въ послѣднее время...

Марія повернулась къ Адели, словно ища у нея помощи. Адель, впрочемъ, нѣсколько разъ готова была вмѣшаться и теперь вдругъ встала и пересѣла на маленькую софу.

— Прости, Іозефина,—сказала она,—но эти стулья такъ тверды. Я вовсе не желаю потолстѣть и никогда не завидовала толстымъ людямъ, но все же на такихъ твердыхъ стульяхъ нельзя долго высидѣть...

— Вы хотите мнѣ что-нибудь сказать? — спросила Іозефина, подкладывая Адели за спину старую шерстяную подушку, чтобы ей удобнѣе было сидѣть.

Наступило неловкое молчаніе.

Адель протянула свою правую руку, безукоризненно обтянутую перчаткой и словно выточенную изъ дерева, и прикоснулась къ рукѣ Іозефины.

— Распространяются слухи,—вымолвила она торжественнымъ тономъ.

Іозефина слегка сморщила брови и сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла сбросить прикоснувшуюся къ ней деревянную руку.

— Слухи дошли даже до Базеля,—подкрѣпила Марія и послѣ минутной паузы прибавила съ удареніемъ:—такъ нельзя, такъ нельзя!

Адель поддакнула ей:

— Да, Іозефина, такъ нельзя. Ты должна принять это во вниманіе. Тетка Людмила изъ Базеля здѣсь.

Іозефина громко и гнѣвно разсмѣялась:

— И этой старой совой вы думаете меня напугать? Такъ она еще жива! Что-жъ, она такъ же напивается, какъ прежде? И также постоянно молится, когда не предается своему пороку или не проклинаетъ кого-нибудь? У-у! тетка Людмила!

Марія въ ужасѣ сжала руки и проговорила:

— Адель... скажи ты...

Іозефина схватила ее за мантилью:

— Прости, Міа, — сказала она.—Я и забыла, что ты наслѣдница этой тетки... Боже, я такъ обрадовалась, когда васъ увидѣла, но вы все такія же!

Голосъ ея былъ полонъ горечи, когда она произносила эти слова.

Адель встала:

— Ступай къ своему мужскому обществу; оно интереснѣе,—замѣтила она.

— О, безъ сомнѣнія!—воскликнула Іозефина рѣзко, но тотчасъ же овладѣла собою и прибавила:—пойдемъ туда. Посмотрите на моихъ товарищей, послушайте, что мы говоримъ. Мы задумали организовать союзъ воздержанія для молодежи. Цвики—президентъ...

— Этотъ красивый парень называется Цвики?—прервала ее Адель.

Іозефина взглянула на нее; Адель смутилась и начала смотрѣть въ сторону.

— Ты стала другомъ мужчинъ, Іози,—колко замѣтила Марія.

Іозефина посмотрѣла въ упоръ на нее, потомъ на Адель и сказала:

— Положимъ, это такъ. А вы?

По лицу Адели точно пробѣжала судорога и губы искривились непріятной усмѣшкой:

— Я это видѣла прошлый разъ,—сказала она.

— Что ты видѣла, Адель?

— Тебя, вообще, можно встрѣтить только съ мужчинами.

— Ты компрометируешь себя и насъ вмѣстѣ,—пропищала Марія.

— Чѣмъ?

Отвѣта не послѣдовало. Іозефина стиснула зубы.

— О, вы!.. вы!..—начала она, но затѣмъ снова усиліемъ воли овладѣла собою и прибавила болѣе спокойнымъ тономъ.—Дѣти, не будьте такими недобрыми. Я встрѣчаю васъ, вы мнѣ не кланяетесь. Вы приходите ко мнѣ и оскорбляете меня. Ну, развѣ вы не пустыя бабенки!..

Она обхватила руками сестеръ, но затѣмъ вдругъ отпустила ихъ, такъ что онѣ даже зашатались, точно деревья подъ напоромъ налетѣвшаго вихря. Отъ волненія онѣ засопѣли носомъ, а Марія закашлялась такъ, какъ будто готова была задохнуться. Іозефинѣ было ее жалко, хотѣлось успокоить ее, освѣжить ея разгоряченное лицо, принести ей горячаго чаю, но она ничего этого не сдѣлала. Ея руки безсильно повисли, въ головѣ была пустота, а ноги отяжелѣли и ею овла-

дѣло чувство страшной усталости; поэтому она оставила Марію кашлять, а сама стояла отвернувшись. Тогда Адель подошла къ ней совсѣмъ близко и сказала ѣдко, съ явнымъ намѣреніемъ задѣть и вызвать мучительное воспоминаніе:

— Какъ кажется, у тебя есть причины предпочитать намъ мужчинъ?

Но Іозефина отразила ударъ.

— Они лучше относятся ко мнѣ, чѣмъ вы,—сказала она съ удареніемъ на каждомъ словѣ.—Они сострадательнѣе васъ и человѣчнѣе. Они не говорятъ мнѣ о той грязи, которую выливаютъ на меня уличные подонки! Кто эта тетка Людмила? Нѣтъ такой грязи и пошлости, которую она не могла бы выдумать. Пьяная ханжа, я ее хорошо знаю! Да, Марія, это такъ. Душа у нея такая же отвратительная, какъ и ея наружность, съ ея стеклянными, налитыми кровью глазами и подлымъ языкомъ. Войдите и сравните мое общество! Ахъ вы! Да еслибъ у нея не было денегъ, то ты бы съ ужасомъ отвернулась отъ нея, моя кроткая Марія. Стыдись! Стыдись!..

Гнѣвъ овладѣлъ оскорбленною женщиною и она сдѣлала такое рѣзкое движеніе рукою, какъ будто хотѣла далеко оттолкнуть отъ себя тетку Людмилу со всѣми ея клеветами.

Дверь внезапно отворилась, хотя никто не слыхалъ шаговъ вошедшаго. Высокій, черный, съ гордой осанкой, съ лучезарнымъ лицомъ, предсталъ передъ разсерженными сестрами товарищъ Бернштейна.

— Хованессіанъ,—сказалъ онъ свое имя Іозефинѣ, низко склонивъ передъ нею голову. Затѣмъ нерѣшительно, робко и съ невольною радостною улыбкою онъ взглянулъ на нее и проговорилъ:

— Мнѣ сказали... Гдѣ же собраніе?

— Здѣсь!—отвѣчалъ ему чей-то нѣжный, смущенный и радостный женскій голосъ, голосъ Іозефины.

Неужели это она говорила такимъ тономъ? Они посмотрѣли другъ на друга и въ ихъ взглядѣ выразилась радость.

«Это ты, незнакомка, такъ ласково говоришь со мной?» казалось спрашивалъ его взглядъ.

«Я радуюсь, радуюсь!» отвѣчала она взглядомъ.

«Это правда? Мой приходъ пріятенъ?»

«Пріятенъ! Да!»

«Ты ждала меня? Могу я помочь тебѣ въ чемъ-нибудь?»

«Было такъ темно и вотъ ты пришелъ...»

— Здѣсь!—повторила еще разъ громко Іозефина и вся поглощенная мыслями о немъ прошла черезъ комнату, которая внезапно озарилась для нея свѣтомъ, и направилась туда, гдѣ происходило собраніе. Гость послѣдовалъ за нею.

Когда Іозефина, улыбаясь, веселая, вернулась въ комнату Цвики,

къ сестрамъ, то уже не нашла ихъ тамъ. На столѣ лежала визитная карточка Адели, на которой было нацарапано: «Прощай, мы больше не придемъ!»

Іозефина разсѣянно прочла ее, затѣмъ разорвала на мелкіе кусочки и бросила въ корзинку для бумагъ. Улыбка не сходила съ ея устъ; она взяла лампу и вышла изъ комнаты, точно идя навстрѣчу своему счастью.

Маленькое общество находилось въ очень возбужденномъ состояніи. У Цвики покраснѣли уши и онъ заглядывалъ въ разныя книги, изъ которыхъ торчали закладки. Онъ просилъ Елену Бегасъ взять на себя предсѣдательство, такъ какъ ему хотѣлось самому говорить, а вовсе не руководить собраніемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо чтобы предсѣдательствовалъ швейцарецъ! Вѣдь дѣло идетъ о швейцарской молодежи!—послышались голоса.

— Зачѣмъ вамъ президентъ? Вѣдь вы не въ парламентѣ!—замѣтилъ Хованессіанъ.

Всѣ на него оглянулись.

— Эхъ!—возразилъ Бернштейнъ. — Онъ все еще не освоился съ нашими порядками. Тутъ всегда выбирается президентъ. Какъ въ парламентѣ.

— Такъ пусть это будетъ женщина!

— Почему?

— Каждый можетъ тогда ждать сочувствія.

Германъ вытянулъ свою тонкую шею и крикнулъ:

— Нѣтъ, не надо женщины!

Хованессіанъ, сидѣвшій возлѣ мальчика, разсмѣялся.

— А ты что понимаешь, мальчуганъ? — сказалъ онъ. — Чего ты пищишь?

— Не надо женщины!—ворчливо повторилъ Германъ и съежился.

— Въ Швейцаріи женщина свободна; ты этого не знаешь развѣ?—спросилъ его Хованессіанъ.

Мальчикъ подозрительно и робко взглянулъ на незнакомца, большіе добрые глаза котораго улыбались ему, и сказалъ:

— Нѣтъ.

— Жаль! Ты долженъ учиться.

Германъ какъ-то съежился и вдругъ, соскочивъ съ своего мѣста, проскользнулъ между стульями и очутился около Бернштейна, возлѣ котораго остался стоять.

Рѣшено было, что Цвики будетъ дано право говорить, сколько ему будетъ угодно, хотя онъ и выбранъ предсѣдателемъ.

Германъ громко крикнулъ «браво!» и началъ апплодировать какъ

въ театрѣ, а затѣмъ, съ побѣдоноснымъ видомъ, вернулся на свое прежнее мѣсто.

— Полѣзай сюда!—сказалъ ему Хованессіанъ, указывая на свой карманъ. Германъ покраснѣлъ и искоса поглядѣлъ на Хованессіана. Карманъ у него имѣлъ въ самомъ дѣлѣ внушительные размѣры... Герману стало какъ-то неловко и онъ опять слѣзъ и тихонько ушелъ. Въ уголку, подъ письменнымъ столомъ, Рёсли устроила кукольную комнату и чѣмъ-то была очень усердно занята. Къ ней-то и поспѣшилъ Германъ, чтобы пошептаться и подѣлиться съ нею своими мыслями. Братъ и сестра усѣлись рядомъ и уставились глазами на незнакомца, который говорилъ такія удивительныя вещи и обращался съ ними такъ, какъ будто бы онъ ихъ зналъ давно. Иногда, въ промежуткѣ между рѣчами, онъ повертывалъ къ нимъ голову, подмигивалъ имъ и, не говоря ни слова, засовывалъ свой указательный палецъ въ боковой карманъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «залѣзайте-ка сюда!»

— Пропаганда абсолютной трезвости среди школьной молодежи— вотъ что должно быть нашею главною задачей и цѣлью нашего союза!— воскликнулъ Цвики, взъерошивая рукой свои курчавые волосы такъ что въ концѣ концовъ они поднялись у него точно пѣтушій гребень. Онъ началъ развивать свои планы: надо основывать изданія, популяризировать научныя брошюры и все это безплатно раздавать ученикамъ.

— И ученицамъ!—посовѣтовала Іозефина.

— Полагаю, что не мѣшало бы раздавать ихъ и учителямъ,—замѣтилъ Бернштейнъ съ хитрымъ видомъ.

— Учителямъ—да, но дѣвочкамъ не надо! Съ чего мы такъ расхрабрились? Это лишнее!—вмѣшалась Елена Бегасъ.

— Мнѣ кажется, всегда надо быть храбрымъ, — замѣтилъ Хованессіанъ нѣсколько вызывающимъ тономъ.

Фрейленъ Елена горячо возразила:

— Чтобы намъ это запретили? Вѣдь если мы будемъ обращаться съ ученицами, какъ со взрослыми дѣвушками, то намъ придется имѣть дѣло съ ихъ родителями!

— Развѣ такія маленькія дѣвочки пьютъ вино?—спросилъ Хованессіанъ съ большимъ изумленіемъ.

— А что? Вы думаете, что здѣшнія дѣвочки — ангельскія созданія?—воскликнула Елена.

— Да,—сказалъ онъ,—я это думаю. Я всегда думалъ, что за границей существуютъ такіе ангелы, удивительные...

Всѣ разсмѣялись и самъ Хованессіанъ хохоталъ отъ души. Рёсли изъ-подъ стола не спускала съ него глазъ, точно заколдованная.

— Не потому ли вы и отправились за границу?—насмѣшливо спросила его Елена.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ чистосердечно.—Я пріѣхалъ, чтобы учиться.

Бернштейтъ вытянулъ губы:

— Ну, дальше, дальше!—проговорилъ онъ.

Но Елена Бегасъ не могла сдержать своего веселья.

— Ну-ка, скажите, нашли ли вы у насъ много ангеловъ?—обратилась она къ Хованессіану.

— Нѣтъ, еще нѣтъ.

— Т.-е. какъ же? Не нашли ни одного?

— До сегодняшняго дня—ни одного.

— А сегодня одного встрѣтили?

Онъ дружески посматривалъ на насмѣшливую дѣвушку, словно она была маленькимъ ребенкомъ, пристававшимъ къ нему съ глупыми вопросами, и отвѣтилъ:

— Развѣ я долженъ вамъ это сказать?

— Къ дѣлу!—закричалъ Цвики.—Итакъ, мы привлекаемъ въ свой союзъ ученицъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшалась Елена.—Будьте осторожны! Иначе все пойдетъ вкривь и вкось.

— Да почему? Вѣдь мы не въ Германіи!

Цвики сталъ говорить свою рѣчь. Прежде всего онъ сталъ распространяться о физіологической сторонѣ вопроса и особенно обращалъ вниманіе слушателей на свои опыты, доказывающіе, что тончайшія нервныя окончанія въ мозговой корѣ парализуются подъ вліяніемъ употребленія алкоголя и никогда уже потомъ оправиться не могутъ. Присутствующій на засѣданіи ученикъ усердно за нимъ записывалъ, какъ будто бы находился въ коллегіи.

Послѣ Цвики говорила Елена Бегасъ. Она описала бѣдствія семействъ пьяницъ и подтвердила свои слова рядомъ цифръ. Ученикъ едва поспѣвалъ записывать. Это былъ юноша, съ блѣднымъ лицомъ, большимъ носомъ и едва пробивающеюся бородкою. Отъ большого усердія онъ даже высунулъ кончикъ языка, которымъ и проводилъ по своимъ толстымъ краснымъ губамъ, точно вторя движеніямъ руки. Дѣти, сидѣвшія подъ столомъ, сначала непроизвольно, а потомъ и нарочно стали ему подражать. Хованессіанъ снова подмигнулъ имъ и пригласилъ ихъ жестами залѣзть въ его карманъ. Когда фрейлейнъ Бегасъ кончила свой докладъ, то заговорилъ Хованессіанъ.

— Воодушевите юношество,—сказалъ онъ.—Дайте ему цѣль, идею, за которую стоило бы бороться. Вдохновите юношей, мнѣ кажется это самое главное.

Хованессіанъ всталъ и стоя продолжалъ свою рѣчь. Онъ говорилъ нѣсколько кудреватымъ нѣмецкимъ языкомъ, но всѣ эти странныя выраженія казались вполнѣ естественными въ его устахъ, а глаза его при этомъ горѣли отвагой.

— Воодушевленіе!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь каждый возрастъ способенъ чѣмъ-нибудь воодушевляться! Когда мы были дѣтьми, мы строили кораблики изъ бумаги и спускали ихъ на воду въ лужѣ. Но эта лужа была для насъ моремъ. А легкій лѣтній вѣтерокъ, надувавшій бумажные паруса, представлялся намъ ураганомъ. И нашъ корабль, увлекаемый вѣтромъ, шелъ подъ всѣми парусами навстрѣчу далекимъ невѣдомымъ странамъ. Кораблікъ нашъ везъ богатый грузъ: наши мысли—дѣтскія мысли; наши мечты и желанія—дѣтскія мечты и желанія! Но какъ дороги намъ были эти мечты! Какъ они были увлекательны!

Блѣдный ученикъ съ большимъ носомъ сидѣлъ выпрямившись на своемъ стулѣ. Теперь ему нечего было записывать. Озабоченное, дѣловое выраженіе лица у него совсѣмъ исчезло и замѣнилось воодушевленіемъ, какъ будто онъ прислушивался къ какой-то отдаленной музыкѣ. Хованессіанъ продолжалъ:

— Физіологія и статистика—все это очень хорошо, но молодость больше нуждается въ воодушевленіи; оно больше подходитъ къ ней, нежели физіологическія данныя и статистическія цифры. Маленькіе бумажные кораблики уже не плаваютъ больше. Мы поняли, что имъ никогда не достигнуть отдаленнаго берега. Но наши мечты, наши мысли должны же куда-нибудь направляться. Куда же? Намъ нужно солнце, нужна яркая, свѣтлая цѣль, нуженъ идеалъ, который бы всегда блестѣлъ вдали передъ нами и привлекалъ къ себѣ наши взоры, наши помыслы, всю нашу жизнь! Мы всегда такъ поступали и продолжаемъ поступать въ Россіи. Русская молодежь живетъ идеями... Вы хотите трудиться для того, чтобы распространить идеи трезвости среди молодежи. Это очень хорошо. Но не ограничивайтесь только физіологіей, медициной, статистикой. Покажите, что и тутъ заключается идея, идея самосовершенствованія. Вдохновите юношей идеей прогрессивнаго развитія. Кто воздерживается отъ употребленія алкоголя, тотъ, слѣдовательно, свободенъ отъ вредной привычки. Быть свободнымъ отъ такихъ привычекъ—это значитъ вообще быть свободнымъ. Привычки—это цѣпи. Освобожденіе отъ нихъ—вотъ въ чемъ заключается развитіе. Новое поколѣніе должно быть свободнѣе стараго. Покажите вы юношеству, какъ можно трудиться надъ самимъ собою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ! Дайте юношеству вдохновеніе, которое бы увлекло его и научило, въ чемъ заключается цѣль и значеніе всей нашей человѣческой жизни!

Хованессіанъ поднялъ голову, и взоры его, искавшіе блѣднаго ученика, вперились въ глаза этого юноши, который густо покраснѣлъ и отвѣтилъ Хованессіану мечтательнымъ взглядомъ.

— Предсѣдателемъ вашего союза, если вы непремѣнно должны его имѣть,—у насъ въ Россіи нѣтъ предсѣдателя,—долженъ быть вы-

бранъ изъ вашей же среды. Вы должны сами это устроить, между собой,—сказалъ Хованессіанъ и прибавилъ съ ласковою улыбкой, глядя на ученика: — Мнѣ кажется, вы были бы хорошимъ предсѣдателемъ въ вашемъ обществѣ.

Ученикъ вскочилъ. Онъ былъ красенъ отъ сильнаго волненія и смущенія:

— Могу я придти къ вамъ?—спросилъ онъ, запинаясь.

Хованессіанъ тотчасъ же подошелъ къ юношѣ и заговорилъ съ нимъ. Юноша смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ слѣпой преданности и довѣрія, которое въ глазахъ Іозефины дѣлало его почти красивымъ. «Онъ умѣетъ пробуждать хорошее въ человѣкѣ», подумала она и ее охватило чувство страстнаго восхищенія этимъ чужеземцемъ. Лицо ея горѣло и она даже отвернулась, такъ какъ боялась, что выраженіе ея лица выдастъ ея чувство.

— Я думаю, что буду по временамъ посѣщать ваше общество, ради разныхъ медицинскихъ, статистическихъ и иныхъ сообщеній,— сказалъ Хованессіанъ.—Но, самое главное, вы должны сами, между собою устроить. Какъ вы думаете?

Пренія, однако, продолжались. Фрейлейнъ Бегасъ была несогласна:

— Врядъ ли что-нибудь выйдетъ, когда всѣ будутъ стоять на одинаковомъ уровнѣ, когда никто ничего не знаетъ! Кто же будетъ руководителемъ?

— Видно, что вы монархистка! — пошутилъ Бернштейнъ. — Вамъ всегда нуженъ руководитель, президентъ, король... Эхъ!

Елена Бегасъ погрозила ему пальцемъ:

— Ну а вы? Нѣтъ, что ли, у васъ монарха? Не будьте такъ отважны!

— Вы и сами не очень-то отважны, кажется.

— Не школу, а группу для самообразованія должны вы устроить,— настаивалъ Хованессіанъ. —Руководство вы найдете въ литературѣ. Знакомьтесь вмѣстѣ съ лучшими идеями лучшихъ мыслителей. Не надо ни президентовъ, ни учителей!

— Это анархизмъ!—воскликнула Елена Бегасъ, наполовину шутя, наполовину серьезно.

Хованессіанъ поднялся, какъ будто его кто-нибудь позвалъ. Его большіе, черные глаза блестѣли воодушевленіемъ. Онъ повернулся въ сторону Елены Бегасъ, поджидая, что она дальше скажетъ. Но она больше ничего не сказала. Очевидно это было просто вскользь брошенное слово. Тогда Хованессіанъ весело кивнулъ головой, берясь за свою шляпу, и сказалъ:

— Да, это должна быть свободная кооперація.

— Могу я идти вмѣстѣ съ вами? — спросилъ поспѣшно ученикъ.

Хованессіанъ слегка обнялъ его узкія плечи и они вмѣстѣ вышли Іозефина обоимъ подала руку.

Она слѣдила за каждымъ движеніемъ незнакомца, забывая обо всемъ и не спуская съ него глазъ. При этомъ она держала на рукахъ сонную и заплаканную Ресли, прибѣжавшую къ матери.

Гости, одинъ за другимъ, стали прощаться и уходить, Іозефина почти не замѣчала этого. Она стояла неподвижно и тихонько гладила мягкіе кудрявые волосы ребенка, изъ-подъ которыхъ выглядывало его покраснѣвшее, маленькое ушко. Но мысли ея были не здѣсь; онѣ устремились вслѣдъ за тѣмъ, къ кому она почувствовала загадочное, непреодолимое влеченіе съ первой же минуты, какъ его увидѣла.

Всю ночь завывалъ вѣтеръ въ каминѣ, гремѣли на крышѣ черепицы, а изъ сада доносился вой кошекъ и шумъ дождевыхъ капель, ударяющихъ въ оконныя стекла.

Іозефина проснулась послѣ короткаго, слишкомъ глубокаго сна и не могла понять, гдѣ она находится. Члены у нея окоченѣли и какъ будто были крѣпко связаны. Ей казалось, что она лежитъ въ расщелинѣ глетчера; отъ этого такъ темно кругомъ. Кричать? Но это было невозможно, губы у нея уже замерзли. Да еслибъ она и могла кричать, то это было бы напрасно; самыя звукъ замерзаетъ здѣсь, его не слышно и онъ не можетъ выйти изъ этой ледяной дыры.

Ахъ, если бы она могла поднять руку, хоть одинъ палецъ! Все превратилось въ ледъ, все! Скоро и сердце замерзнетъ. Холодъ пробирается по всѣмъ ея кровеноснымъ жиламъ вверхъ, къ сердцу. О! платье ея разорвалось при паденіи. Она лежитъ обнаженная и безпомощная! Она погибаетъ, погибаетъ!

Холодъ поднимается все выше, выше... Сердце сейчасъ остановится! Но нѣтъ... это не смерть, это!..

Іозефина вдругъ почувствовала теплые лучи на своей обнаженной груди. Это солнце взошло; оно согрѣваетъ ее. Ко мнѣ! Сюда, солнце, въ мою могилу!

И въ то время, какъ отъ ея ногъ вверхъ распространяется оцѣпенѣніе, холодъ, связывающій ея члены и убивающій ее, солнце своими лучами согрѣваетъ ея грудь и зоветъ ее къ жизни.

«О солнце! солнце! Оно, вѣдь, будетъ свѣтить и тогда, когда я умру», думаетъ она, но чувство неизъясняемаго блаженства охватываетъ ее все сильнѣе, оно почти равняется мукѣ.

Замерзнуть и сгорѣть!

Возьми меня! Возьми меня, солнце!

Ей кажется, будто ея обнаженная кожа надъ областью сердца отдѣляется, подъ вліяніемъ солнца, отъ ея окаменѣлаго тѣла и растворяется въ пламени, а мясо и кости превращаются въ ледъ.

«Ты будешь свѣтить, когда я умру, будешь свѣтить... А это моя душа, это она летитъ къ солнцу, туда, въ этотъ огромный, красный...

Вдругъ словно горячая волна пронизала ее. Что же это такое было?

«Теперь я совсѣмъ проснулась и все прошло!—подумала съ облегченіемъ Іозефина.—Я лежала на спинѣ, вотъ отчего это случилось. Задержка кровообращенія!..»

Она попыталась встать, хотя голова у нея немного кружилась, и поискала холодною рукою стаканъ. Бѣлесоватый и дрожащій лунный свѣтъ освѣщалъ комнату и кровать, на которой спала Лаура-Анаиза, крѣпко обнявшись съ Рёсли. Лаура Анаиза лежала съ открытымъ ртомъ, со спутанными на лбу черными волосами и выглядѣла при лунномъ освѣщеніи поблекшей и худой, а нѣжное личико Рёсли показалось матери мертвенно-блѣднымъ.

Іозефина вдругъ сразу проснулась. Что если она заболѣетъ? И вмѣсто того, чтобы приготовить для себя растворъ бромистаго кали и принять его, какъ она намѣревалась сначала, Іозефина съ тревогою нагнулась надъ спящимъ ребенкомъ и прислушалась къ его дыханію. Когда она убѣдилась, что Рёсли и Лаура Анаиза спятъ спокойно, то ей вдругъ стало грустно и ею овладѣло чувство одиночества, почти граничащее со страхомъ. Босая, съ широко раскрытыми глазами, стояла она, не сознавая этого, и боязливо смотрѣла въ окно, по стеклу котораго стекали капли дождя, словно слезы. Въ саду неясно обрисовывались въ лунномъ освѣщеніи стволы плодовыхъ деревьевъ и жалобно, точно дѣти, кричали кошки.

Никогда еще неиспытанное ею желаніе опереться на сильныя плечи, прильнуть къ нимъ овладѣло Іозефиной, какъ-то безсознательно. Она вытянула правую руку и глубоко вздохнула, потомъ вдругъ заломила обѣ руки надъ головой, и изъ глазъ ея хлынули горячія, мучительныя слезы. Въ груди, въ горлѣ, въ глазахъ она чувствовала сильную боль. Мало-по-малу, совладавъ съ собою, она задернула занавѣски окна—мертвенное освѣщеніе личика Рёсли доводило ее до отчаянія—и ощупью пробралась къ своей кровати.

«Что со мною? Что со мною?—подумала она и тотчасъ же отвѣтила:—«Жизнь моя надломлена...» Но тотчасъ же ей показалось, что чей-то нѣжный голосъ прошепталъ ей на ухо: «Подумай, что онъ существуетъ на свѣтѣ!»

Она затрепетала подъ вліяніемъ этой мысли, точно подъ впечатлѣніемъ горячей ласки и снова прислушалась къ голосу, нашептывавшему ей: «Да, да, онъ живетъ, этотъ человѣкъ, онъ дѣйствительно существуетъ. Это не произведеніе фантазіи поэта, не дѣтская сказка, а дѣйствительность!»

Но Іозефина не могла дольше выдержать этихъ мыслей. Гнѣвное чувство вдругъ овладѣло ею.

«Это все обманъ! ложь!—сказала она себѣ.—Это слабость, которая

должна пройти. Онъ человѣкъ, такой же, какъ другіе. Я научена опытомъ, слишкомъ научена! Я слишкомъ хорошо знаю, что свѣтъ не таковъ и что такихъ людей не бываетъ. Нѣтъ, нѣтъ, свѣтъ не можетъ быть таковъ, и мы должны принимать его такимъ, каковъ онъ есть».

Она зажгла свѣчку и проглотила ложку успокоительнаго лекарства, которое сама себѣ приготовила. Но дѣйствіе его было очень медленное и она долго лежала, ожидая, что желанный сонъ, наконецъ, наступитъ, а въ это время сладкій голосъ не переставалъ ей нашептывать: «Да, онъ существуетъ! Онъ живетъ! Эта не дѣтская мечта, не сонъ, не грезы молодой дѣвушки, а дѣйствительность».

«Ложь! ложь! Мы всѣ мечтаемъ, грезимъ, а когда проснемся, то осмѣиваемъ свои собственныя мечты или... плачемъ надъ ними!

Она хотѣла подняться, снова зажечь свѣчу, одѣться и сѣсть за работу, чтобы отогнать отъ себя назойливыя мысли. Но какая-то невидимая сила удерживала ее. Словно чья-то тяжелая рука пригнула ея голову къ подушкѣ и громче и настойчивѣе заговорилъ голосъ ея души:

«И все-таки мы не перестаемъ искать всю свою жизнь! И все-таки мы не перестаемъ искать, пока дышемъ!.. Нѣтъ! я ничего не искала! Я ни о чемъ не мечтала! Я не вѣрю ни во что хорошее! Я не вѣрю ни во что великое! Все это призракъ, слабость!..»

И снова лучъ солнца освѣтилъ и согрѣлъ ея грудь. Ощущеніе невыразимаго блаженства, спокойствія овладѣло ею. Ей казалось, что ее защищаетъ и окружаетъ какая-то мощная сила, которая и служитъ ей опорой, поддержкой... «Радуйся! Радуйся!» нашептывалъ ей чей-то голосъ. Она почувствовала, что проваливается куда-то...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пѣсни зимы невеселыя,
Чары—угрюмо-тяжелыя...
Скучно, мой другъ!

Больше-бъ хоть снѣга пушистаго,
Больше бы блеска лучистаго
Было вокругъ!

Пусть расцвѣтилась бы красками,
Яркими бѣлыми сказками
Эта тюрьма;

Пусть бы хоть скуку разсѣяла,
Пусть бы скорѣе повѣяла
Мощью зима!

Л. М. Василевскій.

---

* * *

Мутнѣютъ огни фонарей
За снѣжною пляской,
А вѣтеръ все крѣпче, бодрѣй
И кровь мою гонитъ быстрѣй
Морозною лаской

* * *

Снѣжинки въ лицо мнѣ снуютъ,
Цѣлуя прохладно,
Онѣ всѣ пути заметутъ
И скроютъ отъ глазъ твой пріютъ
Ревниво и жадно.

* * *

Мнѣ вѣтеръ идти не даетъ
Сквозь снѣжную пляску...
Вдали отъ знакомыхъ воротъ
Стою я и вьюга поетъ
Мнѣ зимнюю сказку.

Allegro

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава VIII.

Баскина переночевала у Ѳени, но рано утромъ вышла изъ дому и отправилась искать работы. Въ Ноксвилѣ было четыре фабрики и основывалась еще пятая. Почти вездѣ вмѣстѣ съ мужчинами работали и женщины, и она разсчитывала, что на ея долю выпадетъ какой-либо заработокъ.

Было еще очень рано, часы на башнѣ пробили три четверти, рабочій день долженъ былъ начаться черезъ пятнадцать минутъ. Изъ каждыхъ воротъ выходили группы рабочихъ и поспѣшно направлялись по дорогѣ. Наблюдая эти группы людей разнаго возраста, Баскина вдругъ забыла, что она въ Америкѣ и почувствовала, что она опять въ Ямкѣ, бѣдномъ предмѣстьѣ Бытоміра. Это были тѣ же самыя лица и фигуры, старики съ длинными бородами въ картузахъ и длиннополыхъ сюртукахъ, дѣвушки съ платочками на шеѣ и особеннымъ робкимъ и вмѣстѣ напряженнымъ выраженіемъ большихъ карихъ глазъ, которое испоконъ вѣку свойственно еврейскому народу.

Новою была только торопливость съ которою эти люди бѣжали на работу. Въ Ямкѣ все шло тише, торопиться было некуда, да и работа съ утра до вечера приносила гроши и не стоила торопливости. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, люди зарабатывали хоть не столько, сколько въ Нью-Іоркѣ, но все-таки 7—10 долларовъ въ недѣлю.

Даже улица напоминала Ямку. Она была широка и съ боковъ заросла травой. А по срединѣ въ наѣзженной колеѣ дороги лежалъ толстый слой мягкой свѣтлосѣрой пыли. Улица была обставлена деревянными домами, одноэтажными и двухъэтажными. Комитетъ построилъ большую часть этихъ домовъ и продавалъ ихъ

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

рабочимъ съ разсрочкой платежа. Разсчетъ состоялъ не столько въ томъ, чтобы дать населенію дешевыя жилища, сколько въ томъ, чтобы привязать его къ Ноксвилю, ибо пришельцы изъ Европы сохранили вкусъ къ передвиженію съ мѣста на мѣсто и отличались непостояннымъ характеромъ. Въ послѣдніе годы фабриканты и даже торговцы стали слѣдовать примѣру комитета и постройка домовъ превратилась въ спекуляцію, которая грозила окончиться крахомъ.

Дома тоже напоминали русскую постройку. У дверей были такія же крылечки, и даже на окнахъ такія же зеленыя рѣшетчатыя ставни, какъ и въ любомъ русскомъ провинціальномъ городѣ. Другіе признаки, однако, говорили, что это городъ недавно созданный и до сихъ поръ наполовину искусственный, который только что начинаетъ пускать корни и укрѣпляться на своей почвѣ.

Дворовые участки не были огорожены. Мѣста, назначенныя подъ огородъ, заросли бурьяномъ. Нигдѣ не было даже палисадниковъ или цвѣточныхъ клумбъ. Жители, набравшіеся сюда изъ бѣлорусскихъ и польскихъ мѣстечекъ, и на родинѣ не обращали вниманія на разведеніе зелени. Она росла себѣ сама подъ покровительствомъ Бога, весны и природы. Здѣсь они стали работать на фабрикахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и во многихъ семьяхъ некому было сварить обѣда, не то что думать о разведеніи цвѣтовъ.

Зато прямо отъ черты города начинался первобытный кустарникъ, какого не было около Бытоміра, гдѣ ближайшіе лѣса были давно сведены.

Фабрики вытянулись одна за другой въ концѣ главной улицы городка. Ихъ было четыре и онѣ помѣщались въ большихъ кирпичныхъ зданіяхъ съ отдѣльными пристройками и оградой. Въ самомъ концѣ стоялъ заводъ, принадлежавшій благотворительному комитету и производившій двигательную силу, необходимую для фабрикъ. Комитетъ строилъ зданіе, окружалъ его оградой и снабжалъ необходимой двигательной силой. Все это доставалось предпринимателю безплатно, подъ условіемъ вложить въ предпріятіе извѣстный капиталъ и занимать на фабрикѣ въ теченіе года опредѣленный минимумъ рабочихъ.

Въ этихъ условіяхъ не было ничего необыкновеннаго. Желѣзнодорожныя компаніи, желающія раздуть какой-нибудь захолустный городокъ, и даже муниципальныя власти часто покупаютъ капиталистовъ на сходныхъ условіяхъ.

Ноксвиль былъ окруженъ остатками такихъ городковъ, которые нѣкогда пробовали заводить фабрики и заводы и своевременно прогорѣли, пущенные въ трубу наемными спекуляторами. Въ пяти миляхъ на югъ по желѣзной дорогѣ лежала Мицпа, гдѣ

въ настоящее время не было ни одного жителя и дома были въ развалинахъ; на западѣ были Гальбертонъ и Гебронъ, и на сѣверѣ Рига. Несмотря на свою юность, околотокъ, благодаря этимъ развалинамъ, получилъ историческій, даже археологическій характеръ. Одно время Ноксвилю грозила такая же участь, но благотворительный капиталъ былъ достаточно великъ и теперь русско-еврейскій городокъ окончательно пустилъ корни.

Вначалѣ, не смотря на выгодность условій, комитету трудно было находить подходящихъ капиталистовъ. Особенно не нравилось предпринимателямъ обязательство имѣть на фабрикѣ минимумъ рабочихъ, что придавало предпріятіямъ невольную устойчивость и лишало ихъ возможности внезапныхъ превращеній, какія въ такомъ ходу среди американскихъ спекуляторовъ.

На главной фабрикѣ городка въ теченіе десяти лѣтъ перемѣнились четыре предпринимателя. Капиталисты по временамъ прямо капризничали, какъ дѣти, и угрожали правленію уходомъ по каждому поводу. Особенно нервно они относились къ малѣйшей попыткѣ рабочихъ проявить самостоятельность, и въ Ноксвилѣ до сихъ поръ не было ни одного юніона, такъ что это русско-еврейское мѣстечко составляло своего рода островъ въ странѣ, покрытой густою сѣтью всевозможныхъ организацій. Впрочемъ, въ послѣдніе годы фабрики стали приносить такой хорошій доходъ, что нервничанье для капиталистовъ стало невыгодно и двое фабрикантовъ, дѣла которыхъ шли особенно хорошо, съ нетерпѣніемъ ожидали условнаго пятнадцатилѣтняго срока, когда фабрика должна была перейти въ ихъ полную собственность и всякая связь между ними и комитетомъ должна была прекратиться.

Фабрика издѣлій, вязаныхъ изъ шерсти, стояла впереди. Баскина нерѣшительно поднялась на каменное крыльцо и вошла въ полуоткрытую, высокую, двустворчатую дверь, обитую листовымъ желѣзомъ, какъ въ крѣпости, или тюрьмѣ. Ей представилось новое, совершенно незнакомое ей зрѣлище.

Фабрика была устроена въ три этажа, но высокіе вязальные станки проходили сквозь полы обоихъ верхнихъ этажей и достигали до потолка. Они были очень сложные, со множествомъ колесъ, крючковъ и желѣзныхъ пластинокъ, которыя поминутно мелькали въ воздухѣ, подхватывая, перекручивая и переплетая толстыя нити красной, желтой и синей шерсти. При станкахъ работали преимущественно молодыя дѣвушки; работа ихъ носила вспомогательный характеръ. Онѣ связывали нити, слѣдили, чтобы хлопья шерсти не заскакивали подъ зубья станка, вынимали и поворачивали недодѣланные и совершенно готовые фабрикаты. Въ лѣвомъ углу фабрики группа пожилыхъ евреевъ съ пейсами и длинными бородами сортировала цвѣтную шерсть. Они до та-

кой степени были облѣплены красными и синими пушинками, что ихъ бороды, волосы и одежда имѣли разноцвѣтную внѣшность, какъ будто они вырядились для масляничнаго маскарада.

Станки въ этомъ углу вязали том-о-шантеры, особыя пуховыя шапочки, которыя въ Америкѣ въ большомъ ходу. Они были очень сложны и работали какимъ-то никому неизвѣстнымъ способомъ, который составлялъ собственность фабрики и держался ею въ большомъ секретѣ, ибо изъ за него шапки Ноксвильской фабрики считались самыми лучшими на американскомъ рынкѣ.

Пройдя нѣсколько шаговъ впередъ, Баскина снова остановилась. Очень молодой человѣкъ съ благообразнымъ лицомъ, и безъ сюртука по американской привычкѣ, вышелъ къ ней на встрѣчу и остановился въ выжидательной позѣ.

— Я пришла просить работы! — сказала Баскина жалобнымъ голосомъ. Скрежетъ и шумъ станковъ и дѣловое молчанье этого человѣка смущали ее и она готова была убѣжать изъ непривычной обстановки.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Я не говру по русску! — сказалъ онъ очень плохимъ языкомъ.

— Dad! (Батюшка!)—крикнулъ онъ по-англійски на всю фабрику.—Здѣсь соотечественница для васъ!

Молодой человѣкъ былъ сынъ хозяина фабрики, его привезли въ Америку пятилѣтнимъ ребенкомъ; онъ получилъ образованіе въ технической школѣ и въ настоящее время былъ форманомъ, т.-е. въ сущности управлялъ фабрикой. Роднымъ языкомъ его былъ англійскій, и онъ не признавалъ и не зналъ на свѣтѣ никакой другой страны, кромѣ Америки.

Изъ противоположнаго угла фабрики вышелъ человѣкъ въ сѣрой фуфайкѣ и съ курчавыми ярко-рыжими волосами, торчавшими во всѣ стороны, какъ пылающіе лучи.

Это былъ Коганъ, хозяинъ фабрики. Онъ былъ человѣкъ не особенно крупнаго роста или тѣлосложенія, но онъ выпячивалъ грудь и расширялъ плечи съ такимъ необыкновеннымъ видомъ, что когда онъ подошелъ ближе, Баскиной показалось, что онъ закрылъ собой всю фабрику и что даже его жесткіе волосы протянулись по сторонамъ, достигли до потолка и смѣшались съ красною шерстью, которую расчесывали и перевивали станки.

Коганъ былъ не только хозяиномъ, но и изобрѣтателемъ вязальнаго станка, составлявшаго ось, на которой держалась фабрика. Онъ былъ родомъ изъ Балты и въ молодости торговалъ гусинымъ жиромъ и печенкой. Во время одного изъ базарныхъ погромовъ толпа разбила его прилавокъ и съѣла весь жиръ и печенку. Коганъ продалъ принадлежавшіе ему полдома, унаслѣ-

дованнаго еще отъ дѣда, и уѣхалъ за океанъ. Въ Нью-Іоркѣ онъ попалъ на вязальную фабрику и мало-по-малу до такой степени изучилъ свое ремесло, что сталъ измѣнять и совершенствовать станки. Первое изъ своихъ изобрѣтеній онъ продалъ своему хозяину за тысячу долларовъ и при помощи этихъ денегъ немедленно составилъ маленькое товарищество, которое выбрало его своимъ директоромъ. Вкладчиковъ было десять, всѣ они были чистокровные американцы и вложили по десяти тысячъ долларовъ. Коганъ вложилъ только что пріобрѣтенную тысячу и свое другое изобрѣтеніе, вышеупомянутый станокъ для вязанья шапокъ. Дѣло пошло очень хорошо и фабрика до сихъ поръ не успѣвала удовлетворять всѣ заказы. Коганъ получалъ половину чистой прибыли и теперь былъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Ноксвилѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что еврейскій изобрѣтатель былъ совершенно безграмотенъ и только въ послѣдніе годы научился немного разбирать латинскія буквы. Несмотря на это, онъ имѣлъ довольно подробное представленіе о механикѣ и взаимномъ соотношеніи ея различныхъ элементовъ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній былъ для него сынъ. Старикъ, обладавшій прекрасною памятью, настойчиво разспрашивалъ сына обо всемъ, что относилось къ машинной части, и навсегда усваивалъ каждое новое сообщеніе.

— Что же вамъ нужно?—спросилъ онъ, подходя къ Баскиной почти вплотную.

— Я хочу просить работы,—сказала Баскина.—Хоть на два доллара въ недѣлю!—прибавила она упавшимъ голосомъ.

Этотъ человѣкъ внезапно выросъ въ ея глазахъ еще больше, и она казалась себѣ сравнительно съ нимъ совсѣмъ маленькой, хотя на дѣлѣ разница въ ихъ ростѣ была не болѣе полувершка.

— *А скондъ вы?*—спросилъ Коганъ, поднимая руку и какъ бы намѣреваясь положить ее дѣвушкѣ на плечо.

— Я изъ Бытоміра—сказала дѣвушка.

— А я изъ Балты,—сказалъ Коганъ.—Мы, значитъ, *земляхесъ*!.. А что же таки вамъ надо?—опять прибавилъ онъ.

— Работу,—повторила Баскина.—Самую дешевую!

— Мнѣ дешевую не надо!—сказалъ Коганъ съ извѣстною гордостью.—Спросите въ городкѣ: я держу полтораста рабочихъ и плачу лучше всѣхъ!

Коганъ дѣйствительно платилъ лучше всѣхъ въ Ноксвилѣ и при еженедѣльномъ разсчетѣ никогда не дѣлалъ прижимокъ, какія въ обычаѣ между «выжимателями пота». Въ общественныхъ дѣлахъ Ноксвиля, въ распряхъ изъ за синагоги, кантора и т. п., Коганъ всегда предводительствовалъ оппозиціонной партіей и старался раскрывать мелкія плутни общественныхъ заправилъ, но

аргументы его отличались своеобразностью. На собраніяхъ онъ сыпалъ ругательствами направо и налѣво и двѣ недѣли назадъ даже собственноручно спустилъ съ лѣстницы одного изъ кандидатовъ въ старосты изъ синагоги за то, что тотъ принесъ ему въ видѣ взятки ладонку съ іерусалимской землей, которую всѣ благочестивые евреи особенно цѣнятъ на случай погребенія.

Спустивъ гостя съ лѣстницы, Коганъ бросилъ ему вслѣдъ ладонку, которая разорвалась и засыпала соблазнителя святой землей еще до похоронъ.

— Какую же я тебѣ далъ бы работу?—сказалъ Коганъ добродушно.—Вотъ, если бы было мѣсто, стала бы передъ станкомъ, смотрѣла, что люди дѣлаютъ. Научилась бы, какъ дѣлать, я тебѣ положилъ бы пять долларовъ въ недѣлю!..

— Ой, спасибо!—искренно сказала Баскина. Она не ожидала сразу получить такое сравнительно высокое жалованье.

— А можетъ, это мало?—спросилъ снова Коганъ хвастливымъ и вмѣстѣ ворчливомъ тономъ.—Пойди, поищи, не дастъ ли кто-нибудь больше!

— Не надо больше!—возразила дѣвушка. — Когда я могу стать у станка?

— Нѣтъ, ты иди, иди!—настойчиво приказывалъ Коганъ,—обходи ихъ всѣхъ, можетъ, лучше найдешь... Иди,—закончилъ онъ, указывая рукой на дверь.

Онъ какъ будто готовъ былъ выгнать ее вонъ изъ фабрики.

— Можетъ, ты сюда и не придешь потомъ!—прибавилъ онъ ей вслѣдъ тѣмъ же хвастливымъ и задорнымъ голосомъ.

Баскиной оставалось только повиноваться. Она вышла изъ фабрики и опять пошла по улицѣ, тщетно стараясь разрѣшить вопросъ, обѣщалъ ли Коганъ или нѣтъ дать ей работу.

«Можетъ, въ Америкѣ обычай такой!» — подумала она, и вспомнила свои грошовые уроки въ Ямкѣ, изъ за которыхъ ей тоже приходилось выносить не мало укоровъ и обидъ. Она невольно подумала, что человѣку, который ходитъ по незнакомымъ людямъ и проситъ работы, приходится и въ Америкѣ глотать грязь не хуже, чѣмъ въ Европѣ. Потомъ она вспомнила полуобѣщаніе Когана насчетъ пяти долларовъ въ недѣлю и ей стало легче.

«Съ перваго разу чуть не нашла мѣста!»—утѣшала она себя.

Въ Ямкѣ иногда по цѣлымъ недѣлямъ она обивала пороги и не могла найти ничего.

За вязальной фабрикой стояла мануфактура готоваго платья Блюменталя и сыновей, составлявшая главный питательный центръ Ноксвиля. Изготовленіе готоваго платья во всѣхъ видахъ является главнымъ занятіемъ русскихъ евреевъ въ большихъ городахъ

Америки. Блюменталь былъ милліонеръ и вѣтви его мануфактуры существовали въ пяти большихъ городахъ. Такимъ образомъ его предпріятіе въ сущности являлось клочкомъ нью-іоркскаго Дантана.

Блюменталь постоянно жилъ въ Нью-Іоркѣ и имѣлъ въ Ноксвилѣ управляющаго, очень дешеваго и ловкаго въ обращеніи съ рабочими книжками при субботнихъ разсчетахъ. Самъ фабрикантъ считалъ себя аристократомъ, Онъ былъ личный пріятель членовъ правленія и увѣрялъ ихъ, что только потому не вступаетъ въ комитетъ, что фабрика его и безъ того является главнымъ благотворительнымъ дѣломъ Ноксвиля.

Члены комитета вѣрили и относились къ мануфактурѣ очень нѣжно. Блюменталь получалъ въ Ноксвилѣ самыя крупныя льготы и въ концѣ концовъ обезпечилъ себя монополіей, взявъ съ комитета обязательство, что они не разрѣшатъ ни одному сходному предпріятію основаться въ Ноксвилѣ. Простой народъ, однако, не раздѣлялъ комитетскихъ взглядовъ и въ послѣдніе годы, когда въ Ноксвилѣ основались другія фабрики, самые искусные рабочіе одинъ за другимъ ушли изъ мануфактуры. Блюменталь грызъ ногти съ досады и жаловался, что комитетъ въ сущности нарушилъ договоръ. Особенно Коганъ былъ бѣльмомъ на глазу у богатаго фабриканта. На одномъ изъ парадныхъ обѣдовъ, которые комитетъ время отъ времени устраивалъ въ Ноксвилѣ, аристократическій фабрикантъ прямо обозвалъ своего простонароднаго соперника мужикомъ. Когана не пригласили на обѣдъ, но онъ узналъ о словахъ Блюменталя не позже, какъ черезъ часъ, и такъ обозлился, что два часа подстерегалъ его на платформѣ желѣзной дороги, намѣреваясь завязать рукопашный бой. Однако, и Блюменталя предупредили во-время и онъ уѣхалъ по другой параллельной дорогѣ, которая тоже имѣла станцію въ Ноксвилѣ и шла по тому же самому направленію.

Блюменталь до сихъ поръ имѣлъ около четырехсотъ рабочихъ. Его рабочій составъ пополнялся «гринерами», зелеными новичками, которыхъ комитетскіе агенты подбирали среди самыхъ бѣдныхъ эмигрантовъ въ Нью-Іоркѣ и пересылали въ Ноксвиль. Выборъ былъ большой, ибо въ Нью-Іоркъ ежегодно пріѣзжали 30—40 тысячъ русскихъ евреевъ. Агенты преимущественно выбирали многосемейныхъ, такъ что Блюменталь, имѣвшій работу для стариковъ и для дѣтей, сразу получалъ нѣсколько работниковъ. Каждому онъ платилъ два или три доллара въ недѣлю, но семья все-таки имѣла возможность кормиться.

Входъ въ мануфактуру былъ со двора, и когда Баскина открыла деревянную калитку, до ея слуха изъ фабрики достигло громкое жужжанье, какъ изъ пчелинаго улья. Большой корпусъ былъ наполненъ людьми и движеніемъ. У одной стѣны стоялъ

длинный рядъ швейныхъ машинъ, больше полутораста. Женщины, сидѣвшія за ними, прилежно вращали ногами колесо и проворно передвигали разрозненныя части платья, и сами машины скрипѣли и скрежетали какимъ-то особеннымъ чисто женскимъ звукомъ. На противоположной сторонѣ у большого стола нѣсколько мальчиковъ нашивали пуговицы на дѣтскихъ штанишкахъ при помощи особенныхъ швейныхъ машинокъ, очень проворныхъ и подпрыгивавшихъ на столѣ, какъ маленькія живыя твари. Нѣсколько другихъ мальчиковъ разбирали груду готоваго дѣтскаго платья и раскладывали его по сортамъ. Иные изъ нихъ были совсѣмъ крошечные, и съ трудомъ доставали вещи со стола.

Въ Америкѣ запрещенъ малолѣтній трудъ, но форманъ Блюменталя, Абрамовичъ, заставилъ родителей принести присягу, что дѣти ихъ перешли предѣльный тринадцатилѣтній возрастъ. Во всѣхъ углахъ фабрики старые евреи съ почтенными лицами и патріархальными бородами разглаживали утюгомъ только-что оконченные сюртуки и жилеты. Работа шла съ лихорадочной поспѣшностью, какъ во всѣхъ американскихъ мастерскихъ. Гладильщики поминутно привскакивали на носкахъ, сжимая обѣими руками утюгъ и стараясь, чтобы онъ покрѣпче притиснулъ измятыя складки сукна. Ничто такъ не выражало напряженности труда, какъ эти короткія и ритмическія движенія.

Многіе глухо кашляли, ибо гладить сырое сукно—нездоровая работа, и теплые пары, поднимающіеся изъ подъ раскаленнаго утюга, производятъ у гладильщиковъ разнообразныя грудныя болѣзни. Всѣ лица были блѣдны и потны, узкія плечи рабочихъ выступали острыми углами изъ подъ полураскрытыхъ рубахъ, и, глядя на этотъ торопливый трудъ, Баскина внезапно вспомнила о древнемъ Египтѣ, гдѣ, быть можетъ, такіе же узкогрудые и блѣднолицые старики и дѣти подскакивали на одномъ мѣстѣ, выминая глину для египетскихъ казенныхъ построекъ, подъ надзоромъ сердитыхъ надсмотрщиковъ. Рабочій домъ еврейскаго фабриканта выглядѣлъ ничѣмъ не лучше египетскаго плѣна. Форманъ Абрамовичъ замѣнялъ египетскаго надсмотрщика. Это былъ высокій человѣкъ, сухой и жилистый, съ длинными руками и большими черными усами подъ крючковатымъ носомъ. Онъ торопливо шагалъ въ узкомъ проходѣ между машинами и столами и зоркимъ взглядомъ слѣдилъ за ходомъ работы, подгоняя отсталыхъ. У него не было традиціонной египетской плети, но его безцеремонная рѣчь раздавалась поминутно, какъ хлопанье бича.

— Зачѣмъ криво пригладилъ, дуракъ?—спросилъ онъ одного изъ гладильщиковъ, приподнимая на ходу дешевый жилетъ, гдѣ верхняя кромка кармана изогнулась въ дугу подъ дѣйствіемъ горячаго утюга.

Гладильщикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Ему было, вѣроятно, подъ шестьдесятъ. Въ его длинной кудрявой бородѣ оставалось мало черныхъ нитей, и голова его, не смотря на жару, была покрыта порыжѣлой ермолкой, которая, однако, не могла скрыть огромной лысины, сіявшей изъ подъ нея на лбу и на затылкѣ.

— А какъ иначе гладить?—простодушно спросилъ онъ, опять подпрыгивая на мѣстѣ и обрушиваясь со своимъ утюгомъ на пару штановъ, принадлежавшихъ къ тому же жилету.

Онъ зналъ, что штуку платья нужно туго растянуть на доскѣ, покрыть сыроватымъ полотенцемъ и потомъ водить по ней взадъ и впередъ раскаленнымъ утюгомъ. Если что-нибудь выходило криво, это была не его вина.

— Побилъ бы я тебѣ морду, бестія!—съ ненавистью сказалъ Абрамовичъ, показывая старику кулакъ.

— А вамъ что нужно?—внезапно обратился онъ къ Баскиной, которая, постепенно подвигаясь впередъ, вышла на середину фабрики.

— Работу! — кротко отвѣтила Баскина, внутренно опасаясь, что этотъ свирѣпый человѣкъ тотчасъ и ее назоветъ дурой, и пообѣщаетъ надавать ей пощечинъ.

Абрамовичъ, дѣйствительно, сдѣлалъ шагъ впередъ и Баскина чуть не вскрикнула, но форманъ поймалъ ее за кисть правой руки, поднесъ къ глазамъ и бѣгло осмотрѣлъ концы ея пальцевъ.

— Не рабочая рука,—отрывисто сказалъ онъ.—Намъ это не годится!.. Ну, что вы стоите?—грубо прибавилъ онъ,—уходите отсюда!

Баскина почти выбѣжала на дворъ она боялась, чтобы свирѣпый слуга капитала не вздумалъ ее преслѣдовать.

«Опять выгнали! — подумала она обезкураженно. — А теперь куда?»

Слѣдующая фабрика была меньше обѣихъ предыдущихъ.

Подходя къ двери, Баскина услышала визгъ напилковъ, стукъ тяжелыхъ молотовъ и лязгъ полосового желѣза.

«Здѣсь работа не для женщинъ! — подумала она. — А все равно! зайду и сюда».

Эта фабрика тоже была устроена въ три этажа, соединявшіеся внутренней лѣстницей. Наверху лѣстницы раздавался русскій говоръ съ участіемъ двухъ голосовъ. Онъ былъ такъ громокъ, что отрывки его долетали внизъ, выдѣляясь изъ общаго грохота и гама

— Я эксплуататоръ, да? — визгливо заявлялъ тонкій голосъ, очевидно принадлежавшій хозяину фабрики. — Я пью рабочую кровь,—не правда ли, инженеръ?

— Правда,—сказалъ другой голосъ серьезно и съ такой интонаціей, какъ будто это былъ самый желанный отвѣтъ.

— Вы такъ думаете?—приставалъ визгливый голосъ.—Погодите, я вамъ сейчасъ покажу дѣло съ другой стороны.

Теперь голоса были явственнѣе, ибо говорившіе спускались по лѣстницѣ и были теперь на высотѣ второго этажа.

— Вы воюете съ трёстами, не такъ ли? — продолжалъ тонкій голосъ уже другимъ тономъ.

— Я воюю со всѣми!—спокойно сказалъ другой голосъ.

— А я тоже воюю съ трёстами, на свой ладъ! — продолжалъ тонкій голосъ.

— Какъ крыса съ кошками!—сказалъ другой голосъ.

— Нѣтъ, вы не слышали, какъ я ихъ на семнадцать тысячъ накрылъ?—сказалъ тонкій голосъ съ оттѣнкомъ хвастовства.—На это ершъ въ морѣ, чтобы щука не дремала! — переиначилъ онъ пословицу.—А задремлешь, штрафъ!

— Говорятъ, только на пятнадцать тысячъ!—возразилъ другой голосъ.

— А въ этомъ году опять на семнадцать накрою! — сказалъ тонкій голосъ.

Небольшая фигура инженера Воробейчика показалась на площадкѣ. Баскина тотчасъ же узнала его лицо, печальное и злое, съ большимъ лбомъ и морщиной между бровей. Впрочемъ, маленькій инженеръ держался здѣсь гораздо свободнѣе, чѣмъ за обѣдомъ. Время отъ времени онъ угощалъ своего спутника ѣдкимъ сарказмомъ, но они здѣсь были болѣе умѣстны, чѣмъ съ интеллигентными товарищами на праздникѣ. Быть можетъ, Воробейчикъ самъ сознавалъ это различіе и это дѣлало его развязнѣе и увѣреннѣе въ рѣчахъ.

Рядомъ съ изобрѣтателемъ шелъ человѣкъ высокій, костлявый, съ свѣтлыми волосами, которые рѣзко отдѣлялись отъ грязной кожи лица, испачканнаго масломъ и сажей. Баскина обратила вниманіе на его большія руки, покрытыя истрескавшимися мозолями, въ поры которыхъ въѣлась рабочая грязь и желѣзные опилки. Онѣ были похожи на миніатюрный рельефъ какихъ-нибудь рудныхъ горъ, дававшихъ матеріалъ для рабочей дѣятельности ихъ владѣльца.

Бальцеръ былъ хорошимъ слесаремъ и механикомъ еще въ Россіи, понималъ и литейное дѣло. Онъ имѣлъ небольшую мастерскую на Подолѣ въ Кіевѣ. Онъ привезъ въ Америку нѣсколько тысячъ рублей и сразу занялся странными спекуляціями, которыя постепенно стали приносить хорошій доходъ. Въ его фабричномъ корпусѣ было, въ сущности говоря, пять отдѣльныхъ фабрикъ. Одна выдѣлывала маленькія желѣзныя помпы, другая—нарѣзные винты, третья—мѣдныя шестерни и такъ далѣе. Онъ держалъ самыхъ лучшихъ рабочихъ и платилъ имъ хорошія

деньги. но каждое изъ его предпріятій занимало только 10—15 человѣкъ. Работалъ онъ не для сбыта, а для того, чтобы получить отступное. Не смотря на довольно плохое знаніе англійскаго языка, онъ внимательно слѣдилъ за образованіемъ трёстовъ и какъ только «объединеніе промышленности» совершалось въ одной изъ подходящихъ отраслей, тотчасъ же принимался за дѣло. Планъ его дѣйствій былъ самый несложный. Онъ ставилъ небольшую, но довольно дорогую машину, приставлялъ къ ней нѣсколько искусныхъ рабочихъ и принимался представлять независимое производство. Вырабатывалъ онъ мало, но его фабрикаты были отличнаго качества. При помощи комивояжеровъ, которыхъ американскій уличный жаргонъ очень удачно называетъ странствующими барабанщиками, онъ быстро заводилъ связи, необходимыя для сбыта, и дѣло его начинало безостановочно возрастать. Трёстъ попадалъ въ положеніе льва, обезпокоеннаго комаромъ, и черезъ годъ или черезъ два выкладывалъ нѣсколько тысячъ долларовъ, чтобы избавиться отъ надоѣдливаго соперника. Съ фабрикой помпъ Бальцеру пришлось ждать цѣлыхъ четыре года, но онъ непоколебимо вѣрилъ въ успѣхъ своей методы и въ концѣ концовъ оказался правъ.

Зато послѣ того, когда уполномоченный трёста, купивъ у Бальцера обязательство закрыть навсегда производство, разобралъ машины и отослалъ ихъ въ Филадельфію, русско-еврейскій предприниматель окончательно удивилъ американцевъ. Онъ отправился въ Филадельфію слѣдомъ, нанялъ компаніона изъ бѣдныхъ слесарей, потомъ купилъ новыя машины и черезъ четыре мѣсяца опять открылъ ту же фабрику, но на чужое имя. Трёстъ попробовалъ судиться, но дѣло было обстроено чисто и ему же пришлось заплатить судебныя издержки. Послѣ этого Бальцеръ еще три года мирно фабриковалъ свои помпы къ великому удовольствію заказчиковъ, но нѣсколько мѣсяцевъ назадъ трёстъ опять заговорилъ о выкупѣ.

Другія предпріятія Бальцера тоже были разсчитаны на выкупные платежи. Ноксвиль былъ для него самымъ подходящимъ мѣстомъ, ибо комитетъ построилъ для него кирпичный корпусъ и давалъ даровую двигательную силу. Такимъ образомъ, онъ получилъ возможность устраивать свои Чичиковскія операціи съ самыми скромными издержками.

— А вы кого ищете, мадмазель? — обратился Бальцеръ къ Баскиной.

— Я ищу работу! — сконфуженно повторила Баскина свою вѣчную фразу. Она теперь ясно видѣла, что у этихъ станковъ, рѣжущихъ желѣзо, нѣтъ мѣста для женскихъ рукъ.

— Приходите вечеромъ! — сказалъ Бальцеръ совсѣмъ особен-

нымъ, дерзкимъ, на половину вопросительнымъ, на половину заигрывающимъ тономъ.

— Дуракъ! — отрывисто сказалъ Воробейчикъ. — Вы вѣрно коробочную фабрику ищете?—обратился онъ къ Баскиной.—Пойдемте, я покажу, она съ другого крыльца!

— Животное!—прибавилъ онъ, опять обращаясь къ Бальцеру.

— А когда плавить будемъ?—остановилъ его Бальцеръ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А мнѣ какое дѣло?—окрысился инженеръ.—Вечеромъ, если хотите!—прибавилъ онъ, уходя.

Бальцера соединилъ съ изобрѣтателемъ научно-промышленный интересъ. Маленькій инженеръ съ полгода тому назадъ совершенно неожиданно получилъ отъ компаніи, эксплуатировавшей его тормазъ, еще тысячу долларовъ, сверхъ ежегодной ренты. Щедрость эта была результатомъ дѣятельности Журавскаго, который въ одинъ прекрасный день, послѣ случайной встрѣчи съ инженеромъ въ дешевомъ ресторанѣ, взялъ и написалъ компаніи письмо, какъ довѣренный Воробейчика. Въ письмѣ этомъ онъ угрожалъ процессомъ, если компанія не вступитъ въ переговоры. Въ результатѣ этихъ переговоровъ Воробейчикъ получилъ тысячу долларовъ, а Журавскій пятьсотъ. Такимъ образомъ, адвокатъ однимъ камнемъ убилъ двухъ зайцевъ.

Маленькій инженеръ, получивъ деньги, даже не сказалъ спасибо адвокату. Напротивъ того, онъ обвинялъ его въ стачкѣ со своими врагами и очень скоро сталъ считать его главой своихъ преслѣдователей. Но для денегъ онъ сразу нашелъ примѣненіе.

Въ послѣдній годъ, работая надъ проектомъ броненосца, онъ пришелъ къ вопросу о новомъ составѣ для брони и постепенно сталъ заниматься изслѣдованіями металлическихъ сплавовъ и различныхъ способовъ приготовленія стали. Сначала онъ пробовалъ по своему обыкновенію рѣшать свои проблемы въ умѣ, но химія отличалась отъ механики и обойтись безъ опытовъ въ этомъ случаѣ было совершенно невозможно. Получивъ деньги, Воробейчикъ задумалъ устроить небольшую мастерскую и осуществить нѣкоторыя изъ своихъ соображеній относительно сплава металловъ.

Какимъ образомъ Бальцеръ пронюхалъ о новыхъ планахъ Воробейчика совершенно невозможно сказать, но три мѣсяца тому назадъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Нью-Іоркъ, онъ зашелъ къ нему и съ своей обычной безцеремонностью предложилъ ему устроить мастерскую у себя въ Ноксвилѣ.

— А вамъ какой интересъ?—спросилъ Воробейчикъ и выругался нехорошимъ словомъ.

— Вы выдумаете, а я продамъ!—откровенно сказалъ Бальцеръ.

Воробейчику понравилась безцеремонность желѣзнаго авантюриста.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, я знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло!

Теперь онъ пріѣхалъ въ Ноксвиль столько же для праздника, сколько для того, чтобы осмотрѣть мастерскую Бальцера. Онъ нашелъ своего будущаго партнера, занятаго самостоятельными опытами надъ тѣми же самими вопросами.

Бальцеръ дѣйствительно много понималъ въ различныхъ отрасляхъ желѣзнаго дѣла. Онъ постоянно возился съ разными мелкими усовершенствованіями и имѣлъ даже два или три патента, которые не безъ успѣха примѣнялъ въ своихъ мастерскихъ. Въ послѣдній годъ онъ тоже перешелъ къ сплавамъ металловъ, но у него не хватало теоретическихъ знаній и научнаго воображенія, и помощь Воробейчика являлась для него очень кстати. Въ техническихъ вопросахъ онъ былъ гораздо опытнѣе Воробейчика и могъ принести ему существенную пользу своимъ практическимъ знаніемъ. Въ общемъ, они могли составить прекрасную компанію для научно-прикладныхъ работъ, съ большой надеждой на успѣхъ. Въ концѣ концовъ, разумѣется, слѣдовало ожидать, что всѣ денежныя выгоды останутся на сторонѣ Бальцера, какъ онъ и похвастался при первой встрѣчѣ съ инженеромъ.

Коробочная фабрика помѣщалась въ томъ же зданіи. Комитетъ выстроилъ такіе большіе корпуса, что Бальцеръ со всѣми своими затѣями не могъ занять всего помѣщенія. Лѣвая половина осталась пуста, и когда затѣялось новое маленькое предпріятіе, комитетъ отвелъ ему свободное мѣсто. Бальцеръ не только не протестовалъ, но на свой счетъ воздвигнулъ внутреннюю стѣну, отдѣлившую новую фабрику отъ его сложныхъ предпріятій. Это было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія выкупныхъ платежей отъ трёста.

Коробочная фабрика въ сущности была совсѣмъ маленькой мастерской. У двухъ большихъ столовъ сидѣли десятка три молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ и рѣзали, прилаживали и склеивали узкія полоски картона. На столѣ лежали листы картона, цвѣтная бумага и этикетки для обклейки и стояли мисочки съ клейстеромъ. Подъ столомъ лежали цѣлыя груды обрѣзковъ.

Коробочная фабрика была основана Блацкимъ, однимъ изъ румынскихъ эмигрантовъ, который пріѣхалъ въ Ноксвиль съ огромной семьей, состоявшей изъ одиннадцати дочерей. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ малы и тощи, что даже Абрамовичъ отказался принять ихъ въ свой рабочій домъ.

Жалованья старика не хватало, чтобы прокормить всю эту ораву. Онъ сталъ искать для своихъ дочерей домашней работы

и получилъ отъ Абрамовича заказъ коробокъ для укладки платья. Черезъ полгода онъ пришелъ къ убѣжденію, что клеить коробки легче и выгоднѣе, чѣмъ подпрыгивать съ утюгомъ у гладильной доски, и основалъ свое дѣло. Это было три года тому назадъ, и теперь дѣло его значительно расширилось. Ноксвильскихъ заказовъ отъ Когана и Блюменталя уже не хватало, и Блацкій главную часть работы исполнялъ для папиросныхъ фабрикъ въ Филадельфіи. Впрочемъ, одиннадцать собственныхъ дочерей до сихъ поръ составляли главный рабочій контингентъ. Со стороны Блацкій принималъ охотнѣе всего дѣвочекъ, которымъ не было мѣста ни въ какой другой фабрикѣ Ноксвиля. Его рабочій день былъ дольше всѣхъ, а заработная плата ниже, какъ и полагается полукустарному предпріятію.

На порогѣ мастерской Воробейчикъ вдругъ остановился и какъ будто задумался. Дѣвушка, шедшая сзади, тоже остановилась, подождала немного и потомъ съ недоумѣніемъ посмотрѣла на инженера. Она не имѣла никакого понятія о его странностяхъ и недоумѣвала, почему онъ стоитъ на самомъ порогѣ.

— Двѣ части хрома,—заговорилъ, наконецъ, инженеръ,—и двѣ съ половиной части никкеля. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ! А вы зачѣмъ здѣсь?—обратился онъ вдругъ къ молодой дѣвушкѣ.—Васъ вѣрно подослали?

— Я сама пришла!—сказала дѣвушка, не понимая вопроса. Она думала, что онъ спрашиваетъ, кто послалъ ее на фабрику Бальцера.

— Нѣтъ, я знаю!—сказалъ Воробейчикъ.—Она подослала васъ, мадамъ Копянъ

Онъ произнесъ съ невыразимой ненавистью имя своего соперника, которое стало именемъ его бывшей невѣсты.

— Вы думаете, что я помѣшанный,—продолжалъ онъ,—а я совсѣмъ здоровый. Развѣ вы сами сумасшедшая!—прибавилъ онъ, повысивъ голосъ.

Дѣвушка отступила назадъ, съ ужасомъ глядя на его измѣнившееся лицо.

— Пойдемте!—Воробейчикъ измѣнилъ свой тонъ къ лучшему также внезапно.—Я только пошутилъ!

Блацкій, высокій еврей съ рыжей бородой и въ рваномъ люстриновомъ пиджакѣ, поднялся изъ-за стола и вышелъ на встрѣчу инженеру и его спутницѣ.

— Дайте работу этой дѣвушкѣ, слышите!—сказалъ Воробейчикъ безъ обиняковъ.—Она только что пріѣхала изъ Россіи!..

— Для васъ, инженеръ,—сказалъ Блацкій съ заискивающей улыбкой,—я найду!

— А почемъ?—спросилъ инженеръ.

— Для перваго раза полтора доллара,—сказалъ Блацкій съ невиннымъ видомъ.

— Въ недѣлю или въ день?—спросилъ инженеръ насмѣшливо.

— Вы все шутите!—возразилъ Блацкій почти подобострастно.

— Скверно!—сказалъ инженеръ злымъ тономъ.

— Послушайте,—обратился онъ къ дѣвушкѣ:—вы непремѣнно хотите наняться къ этому живодеру?

Онъ говорилъ спокойно, но такимъ тономъ, какъ будто Блацкаго не было въ комнатѣ.

— А къ кому же еще?—сказала Баскина уныло. Она выпила утромъ стаканъ молока и теперь чувствовала усталость и голодъ.

— Знаете что?—началъ инженеръ:—я васъ пошлю къ Ахіезеру на новую фабрику. Она должна скоро открыться. Я вамъ дамъ записку къ агенту; имъ, должно быть, нужны рабочія руки. Это на другомъ концѣ улицы—пойдемте, я вамъ покажу!..

Онъ, очевидно, хотѣлъ загладить любезностью недавній припадокъ своей подозрительности.

Онъ вывелъ Баскину изъ мастерской и показалъ ей дорогу. Ей пришлось идти назадъ мимо всѣхъ Ноксвильскихъ фабрикъ. Теперь на улицѣ почти никого не было видно. Рабочіе ульи поглотили свое населеніе и должны были выпустить его только около полудня для торопливаго завтрака. На встрѣчу Баскиной попалась повозка мелочнаго лавочника, нагруженная какими-то бочками и ящиками. Нѣсколько ребятишекъ копались въ канавѣ. Традиціонная еврейская коза медленно прошлась по улицѣ, остановилась у той же канавы и принялась щипать траву. Баскина снова почувствовала себя въ обстановкѣ Ямки изъ подъ Бытоміра.

Вновь открывавшаяся фабрика должна была заняться приготовленіемъ рубашекъ. Новый корпусъ для нея былъ совсѣмъ отстроенъ, но работы еще не начинались. Фабрика была затѣяна на широкую ногу и поставила двѣсти швейныхъ машинъ. Она должна была занять триста рабочихъ и сразу сравняться съ Блюменталемъ. Двѣ партіи рабочихъ уже были привезены изъ Нью-Іорка и новый контингентъ усердно подбирался среди неудачниковъ еврейскаго квартала. Въ Ноксвилѣ для нихъ не было квартиръ. Агентъ, устраивавшій фабрику, занялъ нѣсколько пустыхъ домовъ, принадлежащихъ комитету, и превратилъ ихъ въ временныя казармы, ибо американскіе обычаи не одобряютъ постройки бараковъ около населеннаго города.

Помѣщенія въ домахъ было мало. Они были такъ переполнены народомъ, что многіе предпочли размѣститься на крылечкахъ и даже на землѣ возлѣ домовъ,—благо на дворѣ было такъ тепло и свѣтло. Двери были широко открыты и Баскина увидѣла груды котомокъ, сваленныя на полу и имѣвшія всѣ характерныя черты

еврейскихъ бебеховъ. Тутъ были пухлыя перины съ широкими пятнами на наволочкахъ, какая-то рухлядь, замотанная простынями и опутанная обрывками веревокъ. Веревки перекрещивались по всѣмъ направленіямъ и были повсюду связаны между собой такъ называемымъ еврейскимъ узломъ, который замѣчателенъ тѣмъ, что, въ случаѣ нужды, его нельзя развязать даже зубами, зато въ критическія минуты онъ распускается самопроизвольно, выпуская потроха своихъ связокъ во всѣ стороны.

Большая часть этихъ рабочихъ были зеленые эмигранты, какъ Баскина. Многіе изъ нихъ были очень грязны. На крыльцѣ перваго дома какая-то костлявая старуха въ черномъ парикѣ прилежно искала вшей въ головѣ своей сосѣдки, склонившей къ ней на колѣни руно рыжихъ, нечесаныхъ и всклокоченныхъ волосъ.

Агентъ стоялъ тутъ же передъ крыльцомъ.

— Хорошо, мы васъ возьмемъ!—сказалъ онъ, прочитавъ записку инженера.—Что вы умѣете? Хотите шить на машинѣ?

— Я шила на машинѣ въ Россіи!..—сказала Баскина и даже сердце у нея замерло. Агентъ имѣлъ сосредоточенно дѣловой видъ и, несмотря на свою неопытность, она поняла, что инженеръ послалъ ее въ настоящее мѣсто и что здѣсь найдется для нея работа.

— Если хотите, мы васъ поставимъ къ машинѣ! — сказалъ агентъ.—А жалованья сколько? Хотите семь долларовъ?

— Хорошо!—поспѣшно сказала Баскина. Въ послѣднемъ мѣстѣ ей предлагали полтора доллара и даже хвастливый Коганъ посулилъ только пять долларовъ въ недѣлю.

— Есть у васъ квартира?—торопливо спрашивалъ агентъ.—У насъ нѣтъ мѣста,—предупредилъ онъ и тотчасъ же прибавилъ:—Если хотите, можете ночевать!

Баскина посмотрѣла на женскую группу на крыльцѣ и поспѣшила отказаться отъ предлагаемаго ночлега.

— Есть ли у васъ деньги?—продолжалъ агентъ.—Я могу вамъ дать за одну недѣлю впередъ.

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько смятыхъ зеленыхъ бумажекъ.

— Напишите росписку! — прибавилъ онъ, подавая дѣвушкѣ клочокъ бумаги и неистощимое перо съ золотымъ остріемъ.

Въ эти три дня онъ роздалъ по задаткамъ больше тысячи долларовъ, ибо безъ задатка никто не поѣхалъ бы изъ столицы въ маленькій провинціальный Ноксвиль. И теперь, разумѣется, ему и въ голову не приходило лишить молодую дѣвушку слѣдуемаго ей аванса.

Черезъ пять минутъ Баскина опять шла по улицѣ, направляясь на Ѳенину ферму. Семь долларовъ лежали въ глубинѣ ея потер-

таго кошелька. Она чувствовала себя другимъ человѣкомъ и ей очень хотѣлось ѣсть. Было около полудня. Она хотѣла было поискать закусочную лавку, но потомъ пожалѣла денегъ. Кромѣ того, ей хотѣлось, какъ можно скорѣе, разсказать кому-нибудь о своей удачѣ, въ особенности Катеринѣ.

Дорога на ферму шла обходомъ. Баскина посмотрѣла кругомъ себя и рѣшила, что если идти напрямикъ по тропинкѣ, уводившей съ дороги влѣво, то можно выиграть почти полмили.

Она слегка подобрала юбки, перескочила черезъ канаву и весело пошла по тропинкѣ, прорѣзавшей узкую линію домовъ и углубившейся въ кустарникъ.

Ей не одинъ разъ случалось собирать грибы и ягоды въ дубровахъ Полѣсья и она привыкла оріентироваться и находить дорогу въ лѣсу.

Однако, Ноксвильскій кустарникъ оказался болѣе затруднителенъ для пѣшехода, чѣмъ южнорусская дуброва. Дорожка, повидимому, была протоптана коровами и черезъ сотню шаговъ стала загибаться вправо и влѣво. Пройдя нѣсколько поворотовъ, Баскина свернула въ сторону и пошла прямикомъ. Ей приходилось подвигаться впередъ довольно медленно, ибо кусты были очень гибки и постоянно задѣвали ее за платье слѣва и справа. Иногда ей приходилось сгибаться до земли и пробираться впередъ почти на четверенькахъ, пролѣзать сквозь узкіе проходы между вѣтвей, раздвигать упругіе стволы, отскакивавшіе назадъ, и хлеставшіе ее въ лицо своими длинными побѣгами. Впрочемъ, и здѣсь были слѣды дорожки и по нѣкоторымъ признакамъ Баскина пришла къ убѣжденію, что Ноксвильскіе ребятишки пробираются сквозь эту чащу на поиски ягодъ. Дѣйствительно, черезъ минуту она вышла на небольшую круглую полянку, которая вся заросла низкорослыми кустиками, унизанными сплошь мелкими красными ягодами. Баскина сорвала на ходу пару ягодъ и нашла, что онѣ пріятнаго кисловсладкаго вкуса. Онѣ были похожи на бруснику, но отличались отъ нея формой и расположеніемъ на стебелькахъ. Это были *cranberrise,* особая порода ягодъ, принадлежавшая Новому Свѣту.

За ягодникомъ дорожка совсѣмъ окончилась. Баскина обошла кругомъ полянки, но прохода нигдѣ не было видно, и кусты смыкались совсѣмъ непроницаемой стѣной. Она, однако, нисколько не смутилась, но даже разсмѣялась и вдругъ, усѣвшись на землѣ посреди полянки, принялась усердно собирать ягоды и отправлять ихъ въ ротъ.

Послѣ долгаго морского путешествія ей было пріятно попасть въ глубину лѣса въ этотъ прекрасный лѣтній полдень. Кругомъ пахло сладкимъ запахомъ незнакомыхъ американскихъ цвѣтовъ,

какая-то маленькая птичка, сѣрая съ голубою грудью, попрыгивала по вѣтвямъ. Заблудиться Баскина не боялась, ибо она хорошо помнила направленіе, по которому пришла и ясно представляла себѣ, гдѣ лежитъ Ѳенина ферма. Солнце пригрѣло ее, она ощупала въ карманѣ кошелекъ, потомъ откинулась на толстый пукъ стволовъ лозы, которые выходили изъ земли всѣ вмѣстѣ, какъ балясины въ спинкѣ стула, и вдругъ задремала сладкимъ и счастливымъ сномъ утомленной и безпечной юности.

Шорохъ чьихъ-то шаговъ, раздавшійся въ ближнихъ кустахъ съ лѣвой стороны, разбудилъ Баскину.

«Медвѣдь,—подумала она съ просонья,—или бродяга!»

Но тотчасъ же припомнила, что агентъ фабрики далъ ей семь долларовъ, и совершенно ободрилась.

Безсознательный ходъ ея размышленій былъ таковъ: въ странѣ, гдѣ такъ много работы, не можетъ быть ни медвѣдей, ни бродягъ.

Черезъ минуту вѣтви раздвинулись и на поляну вышелъ Вихницкій.

Увидѣвъ женское платье, онъ удивленно остановился, но когда онъ разглядѣлъ Баскину, его удивленіе еще усилилось.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — невольно спросилъ онъ. Онъ никакъ не ожидалъ найти эту дѣвушку въ лѣсу, спящею подъ кустомъ.

Баскина поднялась на ноги и оправляла на себѣ платье.

— Я нашла мѣсто! — объявила она наивно торжествующимъ тономъ.

— Какое мѣсто? дорогу?—спросилъ Вихницкій, не понимая.

Онъ думалъ, что она заблудилась и ищетъ дорогу въ лѣсу.

— Нѣтъ, мѣсто, работу!—радостно разсмѣялась Баскина.—Славная страна Америка,—прибавила она съ воодушевленіемъ,—у меня никого нѣтъ, ни семьи, ни сестры, а я въ первый день нашла работу.

— На фабрикѣ, небось?—спросилъ Вихницкій.—Горбъ у васъ выростетъ отъ этой работы!

Баскина въ свою очередь посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я задатокъ получила!—похвасталась она,—семь долларовъ!

— Увидите!—продолжалъ Вихницкій прежнимъ тономъ.—Они вамъ не подарятъ ни гроша!

— Мнѣ не нужно подарковъ!—гордо сказала дѣвушка.—Въ Бытомірѣ цѣлый мѣсяцъ бѣгаешь по урокамъ, а здѣсь въ одну недѣлю столько же денегъ.

Наступила пауза.

— А какъ вы сюда попали?—повторилъ Вихницкій свой прежній вопросъ.

— Я шла къ Катѣ на ферму, — сказала дѣвушка, — да присѣла отдохнуть!

— Я знаю, гдѣ ферма!—поспѣшно прибавила она, чтобы уничтожить подозрѣніе, что она могла заблудиться въ лѣсу.—Ферма тамъ!—Она указала рукой направленіе.

Вихницкій немного смутился. Онъ тоже прекрасно зналъ направленіе, по которому лежала ферма Катиной сестры.

— Здѣсь есть колесная дорога, — сказалъ онъ, — и совсѣмъ близко. Только надо пролѣзть сквозь эти кусты!—и онъ указалъ на самое густое мѣсто чащи.

Онъ вынулъ изъ кармана крѣпкій складной ножъ, раскрылъ его и принялся обрубать вѣтви, стараясь прочистить проходъ для молодой дѣвушки.

Черезъ двѣ сотни шаговъ кусты внезапно оборвались и дѣвушка, и ея спутникъ вышли на проселочную дорогу, гдѣ среди густой травы пробѣгали прямыя, плотно накатанныя колеи.

Дорога была настолько широка, что Вихницкій, шедшій впереди, дождался своей спутницы и они пошли рядомъ.

— Неужели вы прямо изъ Россіи?—спросилъ онъ, какъ будто про себя.

— А то откуда?—разсмѣялась дѣвушка.

Усталость ея прошла, она снова вспомнила, что въ карманѣ у нея цѣлый капиталъ, и что черезъ нѣсколько дней она начнетъ зарабатывать деньги, и ей вдругъ захотѣлось запѣть, или начать прыгать на этой лѣсной дорожкѣ.

— А что такое Россія?—спросилъ Вихницкій тѣмъ же тономъ.

— А вы развѣ не знаете?—удивилась дѣвушка.

— Я не знаю... Меня маленькимъ увезли!—сказалъ Вихницкій.

— Россія!—начала Баскина и неожиданно засмѣялась.—Россія—большая-большая страна!

Она внезапно почувствовала, что впечатлѣніе многочисленныхъ обидъ и мытарствъ, вынесенныхъ ею въ Ямкѣ, сгладилось на такомъ большомъ разстояніи и въ душѣ ея всплыло цѣльное и яркое представленіе объ огромномъ русскомъ мірѣ, оставленномъ сзади, загадочномъ, безпокойномъ и составляющемъ цѣлую стихію.

— А зачѣмъ люди уѣзжаютъ оттуда? — спросилъ Вихницкій наивнымъ тономъ.—Меня вотъ увезли, а вы сами уѣхали?.. Что же, тамъ мѣста нѣтъ?..

— Мѣста много, а мѣстъ нѣтъ!—отвѣтила Баскина каламбуромъ, невольно напрашивавшимся на языкъ.—Ѣсть тамъ нечего!

— Господи, какъ я ѣсть хочу!—неожиданно прибавила она, и снова разсмѣялась.

Вихницкій опустилъ руку въ карманъ и вынулъ узкую коробку сухихъ бисквитовъ, которые американскіе студенты и молодые писцы часто употребляютъ на завтракъ.

— А больше ничего нѣтъ! — прибавилъ онъ извиняющимся тономъ.

— О, спасибо и на этомъ!—сказала дѣвушка, раскрывая коробку. — Въ Россіи бѣдно! — прибавила она, перекусывая бисквитъ.—Здѣсь счастья больше!

— Какое это счастье,—сказалъ Вихницкій,—на фабрикѣ работать?..

— А вотъ три года поработаю,—сказала дѣвушка,—накоплю денегъ!

— А потомъ что?—спросилъ Вихницкій.

— Учиться буду!—сказала дѣвушка.—Сдамъ экзаменъ на городскую учительницу!

— А что потомъ?—повторилъ Вихницкій со странною настойчивостью.

— А потомъ жить буду! — сказала дѣвушка. — Какой вы, право!—засмѣялась она.—Развѣ можно знать, что будетъ потомъ?..

Вихницкій немного помолчалъ.

— Скучно жить для себя!—возразилъ онъ.—Человѣкъ долженъ себѣ поставить цѣль, что-нибудь большое, вѣчное, такое, чтобы думать не о себѣ, а только о немъ, чтобъ знать, что ты умрешь, а оно останется, и выростетъ и достанетъ до неба!

Глаза его разгорѣлись и голосъ сталъ громче. Баскина опять посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Сквозь его чудное произношеніе съ обиліемъ глухихъ нерусскихъ гласныхъ неожиданно пробилось что-то удивительно знакомое, то самое, что носилось на улицахъ даже въ захолустномъ Бытомірѣ и давало силы жить всему поколѣнію въ мученическихъ условіяхъ большихъ и малыхъ Ямокъ.

— Америка тоже большая страна!—сказала она уже нерѣшительнымъ тономъ. Ей почему-то показалось, что въ этой богатой странѣ, гдѣ за работу на фабрикѣ съ перваго разу даютъ по семи долларовъ въ недѣлю, пылкія и возвышенныя рѣчи не совсѣмъ у мѣста.

— Большая, что ей сдѣлается! — отвѣтилъ Вихницкій.—Хотите, я вамъ скажу, въ чемъ разница. Эта страна существуетъ для насъ, а не мы для нея. Она, конечно, идетъ себѣ, куда ей надо, а мы работаемъ и зарабатываемъ деньги, пьемъ, ѣдимъ, ходимъ въ театръ, кладемъ деньги въ банкъ. Вотъ и все.

— Вы учитель?—сказала дѣвушка.—Учите людей, что по вашему правда!

— А что я имъ скажу?—сказалъ Вихницкій съ нѣкоторой горечью.—Вонъ раввинъ Готхейль каждый день говоритъ имъ: если будешь жить скромно, не пить пива, класть центъ къ центу,

то накопишь денегъ, откроешь маленькое дѣло, и станешь изъ работника хозяиномъ!..

— А что, это правда?—спросила дѣвушка.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ Вихницкій. — Конечно, если накопишь денегъ и заведешь собственное дѣло, то станешь хозяиномъ!

— Это очень хорошо!—сказала дѣвушка наивно.

Вихницкій разсмѣялся.

— Всѣ вѣдь не могутъ быть хозяевами,—возразилъ онъ.

— Отчего?—спросила дѣвушка.—Если бы простые люди не пили вина и копили деньги на черный день, имъ жилось бы гораздо лучше, чѣмъ теперь,—сентенціозно прибавила она.

Это была уличная мудрость Ямки. Баскина всосала ее съ молокомъ матери и ея готовыя и ясно отчеканенныя формулы жили въ ея умѣ, бокъ-о-бокъ съ смутными порывами младшаго поколѣнія, съ которыми она была знакома изъ третьихъ рукъ.

— А мнѣ какое дѣло? — сказалъ Вихницкій. — Я не собираюсь лавку открыть! Если такъ жить, то лучше уйти на край свѣта, въ настоящую дикость.

— А что тамъ дѣлать? спросила дѣвушка.

— Лѣсъ рубить! — сказалъ Вихницкій. — Съ дикими звѣрями воевать. Не то золото копать. Тамъ, по крайней мѣрѣ, просторъ, не то, что въ здѣшнихъ городахъ.

Они дошли до узкой полосы виноградника, принадлежавшей къ усадьбѣ Брудныхъ.

— Зайдете? — спросила Баскина, поворачивая на узкую дорожку, которая вела къ Ѳениной двери.

— Мнѣ нужно въ школу!—сказалъ Вихницкій и въ голосѣ его прозвучало сожалѣніе.

Баскина уловила ноту сожалѣнія и ей стало тепло на душѣ.

— Кланяйтесь Катеринѣ Ивановнѣ!—сказалъ Вихницкій.— Скажите, я загляну вечеромъ, если удастся!

Баскина попрощалась и пошла по дорожкѣ. Въ ея радостное настроеніе вошелъ новый элементъ. Она думала, что такого человѣка, какъ Вихницкій, она еще никогда не встрѣчала на своемъ вѣку. Онъ говорилъ по-русски и на русскія темы, но даже акцентъ его рѣчи звучалъ совсѣмъ иначе. Одежда его была иначе сшита и отличалась щеголеватою опрятностью, которая въ Россіи рѣдко бываетъ свойственна увлекающимся молодымъ людямъ. Потомъ она вспомнила, какъ заблестѣли его глаза, когда онъ заговорилъ о высокихъ цѣляхъ человѣчества. Даже студентъ Охоровичъ, который считался въ Бытомірѣ первымъ умницей изо всего выпуска, не могъ бы сказать красивѣе и лучше. Потомъ она при-

помнила обѣщаніе Вихницкаго зайти вечеромъ. Ей невольно пришло въ голову, что въ Америкѣ все дѣлается гораздо скорѣе, чѣмъ въ Европѣ, и что люди находятъ друзей такъ же быстро, какъ и работу, и торопятся вить новыя гнѣзда, взамѣнъ старыхъ, полуразрушенныхъ и оставленныхъ за океаномъ.

Глава IX.

Вихницкій неторопливо пошелъ по дорогѣ, направляясь въ академію. Баскина нѣсколько ошиблась насчетъ его истинныхъ чувствъ. Онъ дѣйствительно сожалѣлъ о томъ, что ему не удалось зайти на ферму, но это сожалѣніе относилось исключительно къ Катѣ. По дорогѣ на ферму ему нѣсколько разъ хотѣлось свести разговоръ на общую поѣздку обѣихъ дѣвушекъ черезъ океанъ и выспросить у Баскиной какія-нибудь подробности о Катѣ, но странное смущеніе удерживало вопросъ, который готовъ былъ сорваться съ его устъ. Онъ боялся показаться смѣшнымъ этой быстроглазой горожанкѣ, которая такъ проворно нашла себѣ мѣсто и обѣщала быстро акклиматизироваться среди американской обстановки.

Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно отправится на ферму, и обѣщалъ себѣ завязать съ Катей такой же значительный и интересный разговоръ, какъ и съ отставной учительницей изъ Ямки. Онъ вспомнилъ лицо Кати, спокойное и увѣренное выраженіе ея глазъ, грацію и цѣлесообразность ея движеній и подумалъ, что она, быть можетъ, проще, но гораздо крѣпче, естественнѣе и надежнѣе горожанки.

Вихницкій выросъ на межѣ двухъ различныхъ житейскихъ опытовъ, и какъ многіе изъ его сверстниковъ не принадлежалъ хорошенько ни Старому, ни Новому Свѣту.

У него не было настоящаго отечества. Онъ писалъ и говорилъ на трехъ языкахъ, но ни одинъ изъ этихъ языковъ не былъ ему роднымъ и не давалъ полнаго выраженія его душевной природѣ. Его англійскій, русскій и нѣмецкій словарь были одинаково безцвѣтны и лишены простонародныхъ мѣткихъ словъ, подслушанныхъ отъ дворника и прислуги или подхваченныхъ на улицѣ, которыя составляютъ соль рѣчи и придаютъ ей цвѣтъ и запахъ. Воспоминанія первыхъ десяти лѣтъ его жизни совершенно сгладились и поблѣднѣли, онъ не помнилъ сказокъ, когда-то слышанныхъ отъ няни, потерялъ пѣсенки и прибаутки, которыя пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ такой охотой перенималъ отъ сверстниковъ, забылъ обстановку родного города, и даже слабо помнилъ

каменистый морской берегъ, куда когда-то ходилъ съ мальчишками выдирать бычковъ и удить вертлявую верхоплавку.

Въ американской школѣ на этомъ берегу моря онъ, правда, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но школьные товарищи были ему чужіе и онъ все время оставался въ ихъ средѣ такимъ жедневнимательнымъ, тоскующимъ иностранцемъ. Онъ не могъ понять ихъ увлеченія атлетизмомъ, которое превратилось въ настоящій культъ, и недоумѣвалъ, въ силу какихъ мотивовъ самые рьяные изъ мучениковъ спорта подвергаютъ себя діэтѣ и надоѣдливой тренировкѣ, для того, чтобы въ концѣ заработать проворствомъ своихъ ногъ два лишнихъ очка въ состязательномъ подсчетѣ, и почему вся Америка приходитъ въ такое неописуемое волненіе, когда газеты возвѣщаютъ въ спеціальныхъ выпускахъ и на экранахъ электрическихъ рекламъ, что *Jale* обогналъ *Harvard* *) на двѣ съ половиной пяди. Какъ всегда бываетъ съ молчаливыми, замкнутыми въ себѣ дѣтьми, Вихницкій рано началъ увлекаться чтеніемъ. Товарищи его, слишкомъ занятые борьбой и мячомъ, никогда не шли дальше того, что задано, и даже лучшіе ограничивались вытверживаніемъ школьныхъ уроковъ, нисколько не думая о томъ, чтобы портить глаза надъ печатными строками въ неуказанное время. Но Вихницкій, чуждаясь сверстниковъ, рано научился отыскивать себѣ общество среди героевъ воображаемыхъ исторій, почерпнутыхъ изъ книгъ. Чтеніе его было обильно и безпорядочно. Онъ началъ съ англійскихъ книгъ, которыя доставать было легче, прочиталъ наивныя повѣсти Купера, которыя рисуютъ романическую жизнь раннихъ переселенцевъ, столь отличную отъ современной американской прозы, романы Смоллета, полные странныхъ и неожиданныхъ приключеній, «Робинзона Крузо» и «Путешествіе Гулливера». Въ зимнюю полночь фантастическіе разсказы Поэ заставляли его волосы подниматься дыбомъ и онъ боязливо оглядывался, ежеминутно ожидая, что дверь откроется и на порогѣ появится живой мертвецъ съ вырванными зубами, или призракъ Красной Смерти.

Волчій братъ Моугли изъ «Книги Джунглей» Киплинга заставлялъ его мечтать о далекой и загадочной Индіи, гдѣ природа такъ чудовищно роскошна, гдѣ дикія животныя мудрѣе людей и старая кобра стережетъ сокровища индѣйскихъ царей, погребенныя сотни лѣтъ тому назадъ въ подземныхъ хранилищахъ.

Всѣ эти разсказы были такъ увлекательны и исполнены неожиданностей и такъ непохожи на скучную жизнь большого города, гдѣ на каждомъ углу стоитъ городовой и гдѣ всѣ неожи-

*) Два соперничающихъ университета.

данности жизни исчерпываются пожаромъ, уличной дракой или смертью неосторожнаго ребенка подъ колесами электрической конки.

Уголовные романы, такъ называемые «сыщицкія исторіи», которые ежегодно являются сотнями на книжныхъ рынкахъ Англіи и Америки, какъ нездоровые грибы, и продаются по грошовымъ цѣнамъ на каждомъ перекресткѣ, нравились ему гораздо меньше. Въ нихъ описывалась худшая часть городской жизни; мальчика отталкивали грубыя описанія преступленій и жестокой дуэли полицейскихъ съ ворами и убійцами, и кромѣ того, онъ имѣлъ передъ глазами реальную улицу и, несмотря на свою юность, онъ инстинктивно понималъ, что сочинители выдумываютъ и что ихъ герои притворяются и играютъ въ приключенія, точь-въ-точь, какъ компанія уличныхъ мальчишекъ, которые вздумаютъ разыграть битву индійцевъ съ бѣлыми охотниками или возстаніе ирландскаго героя Роберта Эммета противъ англійскаго ига.

Другая большая половина романовъ и повѣстей, которая пишется по преимуществу на дамскій вкусъ, или для такъ называемаго «семейнаго чтенія», нравились ему еще меньше. Они изобиловали добродѣтельными молодыми людьми, которые часто начинали свою жизнь среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но въ концѣ концовъ неизмѣнно торжествовали надъ обстоятельствами и людьми. Ихъ герои слишкомъ напоминали благонравнаго мальчика изъ дѣтской книги для чтенія, который составлялъ предметъ ежедневнаго урока и былъ ненавистенъ каждому школьнику, хуже чѣмъ что бы то ни было, существующее въ мірѣ.

Когда Вихницкій сталъ старше, онъ сталъ доставать русскія книги. Домашніе его продолжали говорить по-русски. Отецъ его сорокъ лѣтъ тому назадъ окончилъ городскую школу въ Ольвіополѣ на Черномъ морѣ. Онъ былъ торговцемъ въ Россіи, въ Америкѣ ему пришлось идти на фабрику. Въ концѣ концовъ онъ опять выбился вверхъ и завелъ собственную мастерскую, но Америка не дала ему нажить капиталовъ и онъ оставался горячимъ патріотомъ старой родины. Онъ такъ сильно превозносилъ Россію сравнительно съ Америкой, что мальчикъ невольно заинтересовался и по уже образовавшейся привычкѣ сталъ искать русскихъ книгъ, чтобы узнать, какъ живутъ русскіе люди. Коекакія книги остались отъ его старшаго брата, который пятнадцать лѣтъ назадъ былъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи, а теперь былъ строительнымъ инженеромъ далеко на западѣ, въ Оклагомѣ. Другія нашлись у знакомыхъ отца, у мужа сестры и бывшихъ товарищей брата, которые остались въ Нью-

Іоркѣ. Мальчику сначала трудно было читать русскія книги, ибо онъ отвыкъ разбирать эти странныя буквы, гдѣ латинское *рцы* надо было выговаривать рипъ, но черезъ нѣсколько дней, знаніе, пріобрѣтенное въ дѣтствѣ изъ «Азбуки Копейки» и «Родного Слова», быстро возстановилось и русскія книги открыли передъ подроставшимъ мальчикомъ совсѣмъ новый міръ. Это была другая жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ другая художественная школа. Авторы описывали свою среду точно и трезво, безъ преувеличенія и безъ фантастическихъ приключеній. Молодой читатель почувствовалъ ихъ серьезность и уловилъ искреннее стремленіе изобразить жизнь именно такой, какою она кажется въ дѣйствительности, и сразу повѣрилъ имъ и пошелъ за ними безъ оглядки туда, куда они вели его развивающуюся душу и мысль. Настроеніе ихъ было совершенно отлично отъ настроенія американскихъ писателей. Они были проникнуты сознаніемъ, что жизнь есть великая и мрачная трагедія, которая начинается рожденіемъ и оканчивается смертью, и никогда не стремились искусственно привязывать къ ея случайнымъ перемѣнамъ пошлый и благополучный конецъ. Жизнь мелкихъ людей выходила у нихъ тяжелой, подавленной игомъ труда, голодомъ и невѣжествомъ, какова она есть въ дѣйствительности, и какою молодой Вихницкій могъ видѣть ее на каждомъ перекресткѣ Нижняго города, хотя и въ измѣненныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ же общимъ характеромъ. Интеллигентные люди всегда были недовольны, возмущались окружающей обстановкой и цѣлымъ міромъ, стремились приняться за его передѣлку и неожиданно приходили къ одной изъ тѣхъ простыхъ, но трагическихъ развязокъ, какія судьба ежедневно изобрѣтаетъ для людей тысячами и десятками тысячъ. И мальчикъ чувствовалъ, что писатель возмущается вмѣстѣ съ своими героями и что сердце писателя, быть можетъ, болитъ еще больше, чѣмъ у самаго наивнаго и непосредственнаго изъ его читателей.

И въ это время мальчикъ чувствовалъ себя ровесникомъ мудрымъ, сильнымъ и талантливымъ людямъ, писавшимъ эти книги, ибо они были такъ же молоды и имѣли въ своей груди кристально-чистое и наивное сердце, какое бываетъ только у избранниковъ жизни, помѣченныхъ даромъ прозорливости и обреченныхъ на вѣчное страданіе.

Въ разрозненныхъ нумерахъ журналовъ мальчику попалось нѣсколько критическихъ статей. Онѣ помогли ему понять многое такое, что раньше онъ только чувствовалъ инстинктомъ. Вся эта литература и поколѣнія, создавшія ее, не только стремились вѣрно рисовать свой міръ со всѣмъ его убожествомъ, угнетеніемъ и нищетой, но ревностно и искренно искали путей къ его испра-

вленію и старались проповѣдывать ихъ въ окружающей средѣ. Это была какъ бы цѣлая религія, вѣчное исповѣданіе братства, свободы и любви, въ формѣ привлекательной и доступной, заимствовавшее свои образы изъ дѣйствительной жизни и, въ свою очередь, создававшее образы и заставлявшее ихъ воплощаться въ жизнь.

Мальчикъ готовъ былъ воспринять это ученіе со всѣмъ жаромъ молодости, склонной къ энтузіазму и самопожертвованію и вѣрующей въ возможность передѣлать міръ по самому великодушному рецепту.

Американская жизнь шла совсѣмъ инымъ темпомъ, въ одно и то же время болѣе быстрымъ и болѣе медленнымъ. Она распалась на множество ручьевъ, которые вовлекли въ себя десятки милліоновъ населенія. Она была враждебна всякому всеобщему рецепту и отвлеченному ученію и, создавая себѣ сотню частныхъ дѣлъ, рѣшала ихъ самымъ прозаическимъ образомъ. Тамъ, гдѣ происходила борьба, каждый боролся за свой собственный интересъ и вступалъ въ союзъ съ другими, для того, чтобы обезпечить себѣ частичную уступку отъ противоположной стороны. Здѣсь было мало мѣста для самоотверженія и энтузіазма, для того русскаго настроенія, которое постоянно готово замѣнить количественную силу напряженіемъ минутнаго усилія и сократить время, необходимое для осуществленія своихъ идеаловъ, отвагой своихъ замысловъ и самоотреченіемъ личной жизни.

Мальчикъ созрѣлъ и возмужалъ, получилъ хорошее мѣсто въ Ноксвильской академіи, но въ то же самое время въ его душѣ медленно зрѣло сознаніе, что онъ непригоденъ для окружающей его жизни.

Вихницкій никогда не пробовалъ открывать свою душу американскимъ знакомымъ. Онъ зналъ, что даже наиболѣе свободомыслящимъ и безпристрастнымъ изъ нихъ его настроеніе покажется преувеличеннымъ, непривычнымъ, ненужнымъ и даже опаснымъ для Америки. Всѣ они были настроены чинно и спокойно, и считали, что лучшій способъ служить родной странѣ, это прежде всего поудобнѣе устроить свою личную жизнь.

Даже тѣ изъ нихъ, которые выдвинулись, какъ предводители въ общественной борьбѣ, въ сущности мало отличались отъ толпы. Ихъ призваніе являлось для нихъ будничнымъ дѣломъ, занимавшимъ ежедневно столько-то часовъ и дававшимъ средства къ жизни. Время ихъ отдыха было строго отмежевано отъ дѣла и удовольствія ихъ носили тотъ же стадный и неразборчивый характеръ. Ихъ чтеніемъ служили «желтыя» газеты, тѣ же уголовные романы и хроника общественныхъ и частныхъ сканда-

ловъ. Сверстники Вихницкаго, изъ младшаго поколѣнія русскихъ переселенцевъ, большей частью поклонялись американскому строю жизни и тоже не хотѣли понять его недовольство, даже Коссъ только посмѣивался и явно уклонялся отъ теоретическихъ споровъ. Онъ былъ практикъ и посвящалъ всѣ свои усилія на изученіе своей спеціальности. Усвоивъ практическую сторону ремесла, въ послѣднее время онъ внезапно началъ ревностно заниматься техническими книгами, разсчитывая сдѣлаться инженеромъ. Онъ полушутя утверждалъ, что въ скоромъ времени намѣренъ составить акціонерную компанію и построить собственный механическій заводъ.

Иногда Вихницкому казалось, что окружающіе люди принадлежатъ къ другой породѣ, или что всѣ они сошли съ ума. Въ другое время онъ готовъ былъ признать сумасшедшимъ самого себя. Онъ жилъ своими мечтами и переживалъ ихъ, какъ дѣйствительность, а окружающая жизнь казалась ему мечтой, грубой и нескладной, какъ кошмаръ послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Онъ чувствовалъ себя, какъ «гадкій утенокъ» среди большихъ и сытыхъ гусей, и продолжалъ читать свои книги и замыкаться въ свою скорлупу.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

X.

Лордъ Эдуардъ Фицджеральдъ, вмѣстѣ съ Эмметомъ и О'Конноромъ замѣнившій Вольфа Тона во время его отсутствія изъ Ирландіи и очень скоро послѣ вступленія своего въ активную революціонную дѣятельность предназначенный «объединенными ирландцами» на постъ главнокомандующаго въ ожидаемомъ возстаніи, родился въ 1763 году. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ аристократическихъ семей Великобританіи, его отецъ и старшій братъ носили титулъ герцоговъ Лейнстерскихъ. Лордъ Эдуардъ воспитывался во Франціи, гдѣ и оставался до 1779 года. Шестнадцати лѣтъ онъ вернулся въ Англію и, согласно традиціямъ своего круга, поступилъ на военную службу. Вскорѣ его отправили въ Америку, гдѣ кипѣла борьба между англичанами и возставшими колонистами. Совершенно изъ ряду вонъ выходящая храбрость юноши обратила на него вниманіе товарищей и главнокомандующаго и дала ему весьма высокое (для его лѣтъ) положеніе въ арміи. Впрочемъ, вмѣстѣ съ войною окончилась и его военная карьера. Вернувшись въ Ирландію, онъ вскорѣ сдѣлался членомъ дублинскаго парламента (нижней палаты, по выбору отъ мѣстечка Эти). Потянулись скучные годы, прямо убивавшіе молодого человѣка, полнаго силъ и энергіи, которая еще никуда не была опредѣленно направлена, но рѣшительно не могла идти на выслушиваніе парламентской болтовни. Что дублинскій парламентъ фактически совсѣмъ безсиленъ и является маріонеткой Вильяма Питта (хотя Питту все-таки не нравилось существованіе этого учрежденія), лордъ Фицджеральдъ ни мало не сомнѣвался, какъ и всѣ умные политики той эпохи, а такъ какъ онъ былъ человѣкомъ не словъ, но дѣйствій, натурой активною по преимуществу, то ему иногда становилось прямо не въ моготу сидѣть все съ одними и тѣми же людьми и слушать одно и

*) См. „Міръ Божій“ № 2, 1904 г.

то же. Онъ даже выражалъ мысль, что, если бы не горячо любимая мать, то онъ уѣхалъ бы вонъ изъ Ирландіи и принялъ бы участіе въ русско-турецкой войнѣ, все равно на сторонѣ-ли турокъ, или русскихъ. Свѣтская жизнь его интересовала очень мало, ничего онъ по душѣ себѣ не находилъ. Но исторія не дала ему стать «лишнимъ человѣкомъ». Со второй половины 1780-хъ годовъ началось усиленіе броженія въ Ирландіи; лордъ Фицджеральдъ присмотрѣлся къ этому явленію, и нашелъ, что не противъ турокъ и не противъ русскихъ призванъ онъ сражаться. Но эта мысль созрѣла въ немъ далеко не сразу. Онъ много путешествовалъ въ концѣ 1780-хъ годовъ по континенту и по Америкѣ. Его безконечно прельщали сѣверо-американскіе политическіе порядки,—это, впрочемъ, было характерною и распространенною чертою европейской молодежи наканунѣ французской революціи. Вильямъ Питтъ уже что-то учуялъ не совсѣмъ благонадежное въ молодомъ человѣкѣ, когда тотъ вернулся изъ путешествія, и, несмотря на знатную и сильную родню, рѣшилъ ходу ему не давать. Демократическія тенденціи лорда Фицджеральда все усиливались. Его потянуло въ Парижъ, гдѣ разыгрывалась революція, приковывая къ себѣ все больше и больше тревожное и радостное, злобное и восторженное вниманіе всѣхъ политическихъ лагерей европейскаго общества. Въ 1792 году онъ женился на удивительной тогдашней красавицѣ, которую звали Памелой и считали дочерью г-жи Жанлисъ и герцога Орлеанскаго. Памела была женщиной замѣчательною. Это поколѣніе, подобно почти всякому революціонному поколѣнію, выдвинуло типъ женщины-революціонерки, не только старавшейся дѣлать свою работу наравнѣ съ мужчинами, но и умѣвшей весьма часто поддержать въ нужный моментъ бодрость духа товарищей. Мы ошиблись бы, причисливъ лэди Фицджеральдъ безъ оговорокъ къ этому типу. Она была гораздо менѣе полезна и гораздо болѣе сложна. Это былъ тонкій умъ, изъ тѣхъ, повидимому, умовъ, которые нуждаются очень часто въ знаніяхъ, но никогда не въ средствахъ и способностяхъ къ осмысленію познаваемаго. Она охотно и легко предавалась тѣмъ или инымъ идейнымъ интересамъ; эстетическое начало было въ ней сильно, а прирожденные эстетики иногда ненавидятъ гнетъ съ примѣсью какой-то гадливости, т.-е. ненавистью, которая если не сильнѣе, то прочнѣе всякой иной. Вотъ почему, быть можетъ, она такъ скоро увлеклась планами и идеями своего мужа.

Лордъ Эдуардъ Фицджеральдъ, окончательно превратившійся въ ирландскаго революціонера въ 1792—1796 гг., съ 1796 года, сталъ весьма видной величиной среди «объединенныхъ ирландцевъ», и объявилъ себя безусловнымъ сторонникомъ французскаго нашествія. Французскія связи его жены далеко не всегда были ему полезны. Революціонное правительство косо посматривало на лэди Памелу, въ жилахъ которой текла королевская кровь; самому лорду Фицджеральду многими

приписывалось желаніе стать королемъ независимой Ирландіи. На дѣлѣ ни мужъ, ни жена ничѣмъ не обнаружили ни аристократическихъ тенденцій, ни честолюбивыхъ наклонностей. Вокругъ лорда Фицджеральда послѣ первыхъ же его дѣйствій по организаціи военныхъ силъ «общества объединенныхъ ирландцевъ» стали смотрѣть, какъ на революціонную величину перваго ранга. Военная опытность помогала,—природныя способности еще больше. Онъ также фанатично предался дѣлу ирландской революціи, какъ и Вольфъ Тонъ, но у него было больше чисто юношескаго огня и меньше дипломатической сдержанности. Онъ былъ и лицомъ, и душою необыкновенно молодъ. И не только за организаторскія способности его любили и цѣнили: его въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ весь народъ, онъ сталъ, по выраженію одного своего біографа, народнымъ *идоломъ*, а для этого нужно нѣчто большее чѣмъ только взвѣшиваемыя умомъ заслуги, или, во всякомъ случаѣ, нужно нѣчто сверхъ заслугъ. Его личность влекла къ себѣ, и всѣ воспоминанія о немъ близко его знавшихъ, сбиваются на дивирамбъ. Со своимъ живымъ, впечатлительнымъ, увлекающимся характеромъ, неглубокимъ, но быстро схватывающимъ умомъ, онъ былъ болѣе національнѣ, нежели, напримѣръ, Вольфъ Тонъ, и народная душа это уловила. Главный исполнительный комитетъ, къ общему восторгу, назначилъ его генералиссимусомъ инсургентовъ въ будущемъ возстаніи, и уже къ веснѣ 1798 г. лордъ Фицджеральдъ не то, что улучшилъ, а создалъ военную организацію, до сихъ поръ существовавшую больше на бумагѣ, если понимать подъ организаціей нѣчто планомѣрное, связывавшее отдѣльные, готовые къ бою, кружки. И онъ, и жена его вносятъ какую-то поэтическую ноту въ мрачныя страницы ирландской исторіи конца XVIII-го вѣка, но лэди Фицджеральдъ все-таки была чужой, случайной участницей событій, а ея мужъ ставилъ на карту свою жизнь и ни о чемъ, кромѣ успѣха возстанія, не думалъ.

И мужъ, и жена страстно любили Францію и французовъ и съ надеждою ждали помощи. Въ 1796 году всецѣло торжествовала мысль Вольфа Тона—не начинать ничего, пока не высадятся французы. Отсутствіе Вольфа Тона изъ Ирландіи не пропадало для страны даромъ.

XI.

Прибывъ въ Филадельфію Вольфъ Тонъ почти тотчасъ же вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Адэ, представителемъ Франціи въ Филадельфіи. Онъ подалъ Адэ докладную записку о состояніи Ирландіи и о существенныхъ интересахъ, которые могли бы быть извлечены французскимъ правительствомъ изъ высадки въ Ирландіи. Онъ утверждалъ, что ирландцы всѣхъ вѣроисповѣданій уже объединены ненавистью противъ англичанъ, и что «руки ихъ протянуты къ Франціи, прося о помощи».

Этотъ мемуаръ былъ во французскомъ переводѣ представленъ французской директоріи и до поры, до времени былъ положенъ подъ сукно. У директоріи на рукахъ находилась такая масса дѣлъ огромной важности, что проекты Вольфа Тона никакъ не могли сразу же занять вниманіе директоровъ. Но ирландцы скоро о себѣ напомнили. Весною 1796 года лордъ Фицджеральдъ, въ виду переполненія Парижа шпіонами Вильяма Питта, отправился не въ столицу Франціи къ ея центральному правительству, а въ Гамбургъ, гдѣ и имѣлъ рядъ свиданій съ французскимъ посланникомъ Рейнаромъ. Повторяя увѣренія Вольфа Тона о полной подготовленности Ирландіи къ возстанію въ случаѣ своевременной помощи со стороны французовъ, Фицджеральдъ добавлялъ, что можно разсчитывать на десять тысячъ уже готовыхъ и вооруженныхъ людей и на 150 тысячъ вооружающихся и такихъ, на участіе которыхъ въ возстаніи можно вполнѣ разсчитывать. При этомъ добавлялось, что совершенно произвольные, часто вполнѣ безсмысленные аресты, которые позволяетъ себѣ дѣлать англійское правительство, обозлили до послѣдней степени самыхъ мирныхъ людей всѣхъ классовъ общества, и что французская армія будетъ встрѣчена всѣми, какъ избавительница. Директорія съ тѣмъ большимъ вниманіемъ отнеслась къ сообщенію своего гамбургскаго представителя, что въ Парижъ прибылъ въ эту же весну 1796 г. (вѣрнѣе еще зимою, въ февралѣ) Вольфъ Тонъ, покинувшій Америку, чтобы имѣть возможность лично бесѣдовать съ французскими правителями. Фанатикъ очутился лицомъ къ лицу съ дипломатами, неискренними, холодными, осторожными и разсчетливыми. И онъ быстро понялъ, какъ и что ему нужно говорить имъ, ибо сила чувства, постоянно и исключительно управлявшаго всѣми его дѣйствіями, не мѣшала ему зрѣло обсуждать каждое слово. Зная, что имъ и безъ его убѣжденій извѣстна весьма хорошо польза для Франціи прямого нападенія на Англію въ ея же собственныхъ европейскихъ владѣніяхъ, онъ только старался изо всѣхъ силъ убѣдить французскихъ генераловъ, мнѣніе которыхъ для директоріи имѣло рѣшающее значеніе, что исполненіе этого проекта не представитъ никакихъ особыхъ затрудненій. Ему удалось убѣдить ихъ, что въ англійскомъ флотѣ есть много ирландцевъ, которые въ критическую минуту могутъ оставить англійскій флагъ; что силы англичанъ разбросаны (и не могутъ не быть разбросаны) по враждебной имъ странѣ, гдѣ сообщенія чрезвычайно плохи; что вполнѣ мыслимо нападеніе даже на берега самой Англіи, не только Ирландіи.

Французскаго языка Вольфъ Тонъ не зналъ и ни единаго знакомаго въ Парижѣ не имѣлъ и однако успѣлъ быстро добраться до самого Карно, до Гоша, до людей серьезно поставленныхъ въ оффиціальномъ мірѣ. Онъ понравился, въ концѣ концовъ, всѣмъ, съ кѣмъ онъ въ Парижѣ встрѣчался, и ему дали военный чинъ во французской арміи. Онъ убѣждалъ французскихъ генераловъ, что необходимо ввезти

въ Ирландію возможно больше оружія и всякихъ военныхъ припасовъ для вооруженія «объединенныхъ ирландцевъ» и всѣхъ инсургентовъ вообще. По его мнѣнію, для успѣха предпріятія необходимо было высадить двадцать тысячъ человѣкъ, а минимальная цифра дессанта должна была бы быть, по его словамъ, пять тысячъ. По его подсчету въ Ирландіи жило 4½ милліона человѣкъ, а изъ нихъ только 450 тысячъ англиканскаго исповѣданія (по его статистикѣ 3.150,000 ирландцевъ-католиковъ и 900.000 ирландцевъпротестантовъ-диссентеровъ, т.-е. главнымъ образомъ пресвитеріанъ; статистика эта впрочемъ точностью отнюдь не отличалась, хотя въ общихъ чертахъ давала приблизительное представленіе о положеніи вещей). Тотчасъ послѣ высадки, говорилъ Тонъ, возгорится и удастся общее возстаніе, а затѣмъ земли и собственность англичанъ всѣ будутъ конфискованы, французы гарантируютъ Ирландіи ея независимость, и въ странѣ соберется конвентъ представителей ирландской націи. Затѣмъ Ирландія будетъ провозглашена независимою республикою.

Карно и Гошъ весьма благосклонно отнеслись къ плану Вольфа Тона, но директоріи все же хотѣлось, чтобы въ Ирландіи вспыхнуло возстаніе еще до появленія французскихъ войскъ. Однако и Тонъ, и (независимо отъ него) лордъ Фицджеральдъ со своимъ товарищемъ О'Коннором—всѣ отвергли самымъ рѣшительнымъ образомъ предложеніе директоріи. Впрочемъ, въ Парижѣ на этомъ не особенно настаивали. Время было горячее, только что была завоевана сѣверная Италія, предъ французами бѣжали одна за другою старыя европейскія арміи, и очень многое стало казаться и легкимъ, и возможнымъ. Гошъ взялъ на себя начальство надъ десантнымъ отрядомъ и самый отрядъ (около 15 тысячъ чел.) былъ достаточно великъ, но Вольфа Тона приводилъ въ отчаяніе французскій флотъ. Онъ видѣлъ, что могучая на континентѣ нація—на морѣ будетъ непремѣнно побита англичанами, и единственною его надеждою было избѣгнуть какъ-нибудь встрѣчи съ англійскимъ флотомъ. Солдаты были посажены на сорокъ три судна различныхъ наименованій и размѣровъ и 15-го декабря 1796 года отплыли изъ Бреста на сѣверо-западъ. Вольфъ Тонъ былъ съ ними.

Несчастья начались почти тотчасъ по отплытіи. Одинъ корабль затонулъ, другіе отбились отъ экспедиціи и никакъ не могли найти дорогу. Что было хуже всего, это то обстоятельство, что уже черезъ два дня послѣ отплытія отъ экспедиціи отнесло корабль, на которомъ находился главнокомандующій генералъ Гошъ. Силясь нагнать своихъ, корабль встрѣтился съ англійскимъ фрегатомъ, который преслѣдовалъ его нѣсколько часовъ подрядъ.

Затѣмъ жестокій штормъ унесъ его еще дальше, и въ концѣ концовъ Гошъ вернулся во Францію, ничего не зная объ участи своей экспедиціи. «Морскія дѣла, вижу я, не изъ сильныхъ нашихъ сторонъ», съ грустною ироніею пишетъ Вольфъ Тонъ въ своемъ дневникѣ. Все

же остатки этого разбросаннаго флота (около 7 тысячъ чел. солдатъ на пятнадцати судахъ) вошли въ заливъ Бэнтри 22-го декабря, спустя недѣлю послѣ отплытія. На берегахъ все было тихо и спокойно.

Англійскія власти сначала страшно встревожились, но вскорѣ начали собирать серьезныя силы раньше, нежели Груши (замѣнившій отсутствовавшаго Гоша) рѣшилъ, что ему дѣлать. Наконецъ, онъ рѣшился все-таки высадиться, несмотря на поистинѣ отчаянныя обстоятельства, на уменьшеніе почти втрое десантнаго отряда еще до встрѣчи съ врагомъ. Но несчастье продолжало преслѣдовать экспедицію. Флотъ стоялъ въ заливѣ, и нужно было подойти совсѣмъ къ берегу, чтобы начать высадку. Поднялся страшный ураганъ, и свирѣпствовалъ день, ночь и слѣдующій день. Высаживаться при ураганѣ не было ни малѣйшей возможности, а послѣ него—не усматривалось никакого смысла, ибо англичане за это время успѣли сосредоточить значительныя силы на сушѣ, да и флотъ ихъ могъ налетѣть съ моря на французскіе корабли и потопить ихъ. Было рѣшено уйти назадъ какъ можно скорѣе, и 1-го—2-го января 1797 года, черезъ 17—18 дней послѣ отплытія экспедиція по частямъ начала прибывать въ брестскую гавань; въ теченіе первыхъ недѣль января вернулись и тѣ, которыхъ отнесло въ сторону еще при первыхъ шагахъ экспедиціи въ открытомъ морѣ. Предпріятіе кончилось безъ единаго выстрѣла.

Англійскіе историки любятъ сравнивать декабрьскія морскія бури 1796 года съ тѣмъ ураганомъ, который избавилъ Англію въ 1588 году отъ непобѣдимой армады. Но, конечно, подобное сравненіе довольно натянуто: опасность на этотъ разъ была для Англіи несравненно меньше. Тѣмъ не менѣе, слѣпой случай избавилъ англичанъ отъ весьма серьезнаго осложненія ирландскихъ дѣлъ, и они рѣшили во что бы то ни стало потушить безпорядки раньше, нежели французы снова явятся. А что подобное можетъ случиться, что Вольфъ Тонъ, несмотря на крахъ вызванной имъ съ огромными усиліями экспедиціи, снова, съ прежней неукротимой энергіей, хлопочетъ предъ французскимъ правительствомъ о повтореніи предпріятія, объ этомъ въ теченіе всего 1797 г. шпіоны Вильяма Питта, находившіеся въ Парижѣ, не переставали доносить по начальству. Еще въ 1796 году администрація, при полнѣйшемъ одобреніи и соучастіи дублинскаго парламента, провела «Актъ объ инсуррекціи», согласно которому смертная казнь грозила всѣмъ, произнесшимъ «беззаконныя присяги», т.-е., другими словами, всѣмъ объединеннымъ ирландцамъ. Обыски у католиковъ, приводившіе къ открытію огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, кончались самыми варварскими репрессіями; оранжисты уже оффиціально провозглашались опорой трона и вѣрными сынами отечества. Революціонеры видѣли, что правительство изо всѣхъ силъ хочетъ вызвать ихъ на бой немедленно, пока они не готовы. Лордъ Фицджеральдъ и его товарищи всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами сдерживали своихъ сорат-

никовъ, чтобы не разрушить общей программы дѣйствій, чтобы подождать, чѣмъ кончатся новыя усилія и старанія Вольфа Тона въ Парижѣ. Но сдерживать ирландцевъ становилось все труднѣе и труднѣе.

Въ сущности возстаніе было во многихъ мѣстностяхъ въ ходу уже въ 1796 году, и репрессіи тоже достигли такой степени и такихъ размѣровъ, что, казалось, въ ближайшемъ будущемъ могли въ худшемъ случаѣ остаться лишь въ прежнемъ видѣ, но никакъ не усилиться, ибо усилиться было невозможно. Но въ 1797 году, послѣ первой попытки французской высадки, обнаружилось, что въ этой области прогрессъ всегда возможенъ. Вотъ что говорилъ 22-го ноября 1797 г. въ британской палатѣ лордовъ одинъ изъ очень немногихъ тамъ, болѣе или менѣе безпристрастныхъ людей: «Милорды! Я видѣлъ въ Ирландіи самую нелѣпую и самую отвратительную тиранію, подъ какою когда-либо стонала нація. Нѣтъ въ Ирландіи, милорды, ни одного человѣка, котораго нельзя было бы выхватить изъ его дома въ любой часъ дня и ночи, подвергнуть строжайшему заточенію, лишить всякаго сообщенія съ людьми, ведущими его дѣла; съ которымъ нельзя было бы обращаться самымъ жестокимъ и оскорбительнымъ образомъ, причемъ онъ вовсе не зналъ бы даже, въ какомъ преступленіи онъ обвиняется и изъ какого источника вышло донесеніе противъ него. Ваши сіятельства до сихъ поръ чувствовали отвращеніе къ инквизиціи. Но въ чемъ же это страшное установленіе отличается отъ системы проводимой въ Ирландіи? Правда, люди не растягивались на пытальной рамѣ въ Ирландіи, потому что подъ руками не оказалось этого страшнаго снаряда. Но я знаю примѣры, когда люди въ Ирландіи ставились на острые столбики, пока не лишались чувствъ; когда они приходили въ сознаніе, ихъ снова ставили, пока они вторично не лишались чувствъ; когда они вторично приходили въ сознаніе, ихъ въ третій разъ ставили на столбики, пока они въ третій разъ не падали въ обморокъ; и все это, чтобы исторгнуть отъ пытаемыхъ страдальцевъ признаніе либо въ ихъ собственной виновности, либо въ виновности ихъ ближнихъ. Но я могу пойти еще дальше: людей подвергали полуповѣшенію (полузадушенію) и потомъ возвращали къ жизни, чтобы, страхомъ повторенія этого наказанія, заставить ихъ признаться въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли». Все это было чистѣйшею правдою, и ораторъ далеко не перечислилъ того, что вытворялось либо властями, либо отрядами оранжистовъ, когда имъ удавалось поймать лицъ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, знать важныя тайны инсургентовъ. Впрочемъ, пытки и квалифицированныя казни постигали и рядовыхъ участниковъ возстанія. Инсургенты тоже въ 1797 году намѣчали тѣхъ лицъ изъ чиновниковъ, офицеровъ и частныхъ лицъ — оранжистовъ, которые казались имъ вреднѣе другихъ, и убивали ихъ. Эти убійства иногда происходили изъ засады, иногда же отрядъ инсургентовъ являлся въ помѣстье и требовалъ выдачи искомаго лица подъ угрозою

истребленія всѣхъ остальныхъ, и если выдача не происходила тотчасъ же, — нападавшіе приводили въ исполненіе свою угрозу. Борьба свирѣпѣла. Еще не вся Ирландія была ею охвачена, но уже англійскія военныя власти чувствовали себя въ весьма затруднительномъ состояніи, ибо имъ приходилось слишкомъ широко разбрасывать имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи силы. Съ 1796 года необыкновенно участились убійства сыщиковъ, а также свидѣтелей, дававшихъ показанія въ политическихъ процессахъ въ пользу обвиненія, судей, извѣстныхъ своею суровостью, администраторовъ, проявлявшихъ наибольшую активность. Террористическая тенденція проявлялась все чаще и рѣшительнѣе, но «объединенные ирландцы» оставались къ ней непричастны; подобно всякой организаціи, ведущей широкую революціонную пропаганду съ конечной цѣлью всеобщаго національнаго возстанія, они опасались вводить терроръ въ свою программу уже потому, что это de facto измѣнило бы всѣ методы ихъ дѣйствій. Дѣйствовало еще и то, что главные члены общества считали террористическую борьбу не выдерживающею критики съ точки зрѣнія нравственности. Но были среди этой ассоціаціи и другіе голоса (особенно между самыми низшими въ іерархическомъ смыслѣ кружками). Они утверждали, что при образѣ дѣйствій, какого стало придерживаться англійское правительство, имъ не остается ничего другаго, какъ отвѣчать на систематическія насилія — систематическими насиліями, на убійства отдѣльныхъ лицъ — убійствами отдѣльныхъ лицъ, на висѣлицу — ножомъ. Въ февралѣ 1797 года произошли аресты чуть ли не во всѣхъ главныхъ городахъ Ирландіи,—и затѣмъ полицейскіе ночные набѣги уже не прекращались.

Была разгромлена и прекратилась вскорѣ послѣ этого газета Самуэля Нильсона «Сѣверная Звѣзда» и завелось нѣсколько новыхъ, регулярно и нерегулярно выходившихъ органовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр., «Press») приняли явно террористическую окраску. Съ конца 1796 г. и начала 1797 г. управленіе всѣми дѣлами организаціи «объединенныхъ ирландцевъ» перешло въ руки Томаса-Эддиса Эммета, юриста, извѣстнаго своими обширными познаніями, ораторскимъ талантомъ и, что въ данномъ случаѣ было гораздо существеннѣе, организаторскими способностями; кромѣ него, большое значеніе въ обществѣ получили Артуръ О'Конноръ, Тилингъ, Макъ-Невинъ. Гражданская организація общества съ этихъ поръ (съ зимы 1796—1797 гг.) тѣсно сплетается съ новой, теперь впервые выработанной, чисто-военной, основанной на превращеніи годныхъ къ военной службѣ членовъ общества (конечно, по ихъ желанію) въ солдатъ съ выборными офицерами во главѣ и съ исполнительнымъ верховнымъ комитетомъ въ качествѣ главнаго штаба.

Въ началѣ 1798 года всѣхъ членовъ общества «объединенныхъ ирландцевъ» было около пятисотъ тысячъ, а изъ нихъ готовыхъ къ началію военныхъ дѣйствій насчитывалось лордомъ Фицджеральдомъ

279.896 чел. И замѣчательное дѣло: террористическая тенденція, несмотря на рѣзко-отрицательное къ ней отношеніе такихъ вождей, какъ Томасъ Эмметъ и его товарищи, самымъ явственнымъ образомъ все шире и неудержимѣе просачивалась въ организацію, и цѣлая масса маленькихъ низшихъ комитетовъ, рѣшительно во всемъ послушная главнымъ предводителямъ, только въ этомъ за ними не слѣдовала. Но время наступило столь горячее, что какъ-то совсѣмъ это обстоятельство не вызвало раскола въ обществѣ. Сегодня происходило сраженіе съ войсками, завтра засѣкали плѣнныхъ инсургентовъ, послѣзавтра офицера, распорядившагося насчетъ экзекуціи, находили съ проломленной головой, а тамъ шли опять сраженія, новыя казни и новыя убійства. Съ лѣта 1797 г. появился (конечно, тайно печатаемый и распространяемый) спеціально-террористическій органъ «Union Star» въ Дублинѣ. Томасъ Эмметъ рѣзко отвернулся отъ этого изданія, но ожесточеніе противъ Англіи такъ быстро наростало, что даже изъ главныхъ вождей, хранившихъ до сихъ поръ нерушимо программу цѣлей и дѣйствій своей партіи, нѣкоторые, повидимому, стали относиться къ террору уже гораздо сочувственнѣе. По крайней мѣрѣ, шпіонъ Макъ-Нелли (о которомъ у насъ уже была рѣчь) увѣдомилъ къ концу 1897 г. вице-короля лорда Кэмдена, что О'Конноръ, Фицджеральдъ и Макъ-Невинъ защищаютъ систему отдѣльныхъ убійствъ, а остальные настроены умѣренно. Систематически истреблялись, какъ уже было сказано, шпіоны и свидѣтели, показывавшіе на судѣ противъ подсудимыхъ. Въ Уэстмисѣ лѣтомъ 1797 г. на одного изъ такихъ свидѣтелей, Макъ-Мэнэса *), напало нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ бросился бѣжать и пробѣжалъ преслѣдуемый по пятамъ полмили, причемъ въ него не переставали стрѣлять. Уже раненый онъ вбѣжалъ въ ближайшую хижину, гдѣ началась отчаянная схватка, во время которой раненому Макъ-Мэнэсу удалось выбѣжать изъ хижины. Онъ подхватилъ мимо шедшую дѣвушку, думая этимъ защититься отъ выстрѣловъ, но нападавшіе пострѣлили руку дѣвушки, убили, наконецъ, Макъ-Мэнэса и растерзали трупъ на мелкіе кусочки. Англичане отвѣчали на такія нападенія сожиганіемъ домовъ, гдѣ приблизительно, по ихъ разсчету, могли укрыться убійцы, а иногда цѣлыхъ деревень, откуда они могли получить помощь. Широчайшимъ образомъ практиковалось съ 1797 г. засѣканіе до смерти, причемъ ни власти, ни исполнители не подвергались никакой отвѣтственности за то, что «исправительное» наказаніе, предпринятое ими, превращалось (будто бы случайно) въ квалифицированную смертную казнь. Идея подобнаго случайнаго превращенія была впослѣдствіи перенесена въ Россію Аракчеевымъ и Клейнмихелемъ (см., напр., Н. С. Лѣскова «Захудалый родъ», разсказъ о гробахъ, заготовленныхъ еще до экзеку-

*) Lecky, VII, 343—344.

ціи), но для европейскихъ владѣній Англіи подобныя дѣйствія даже въ концѣ XVIII-го вѣка уже становились рѣдкостью. Особенною свирѣпостью отличались солдаты нетуземнаго происхожденія, привезенные спеціально для усмиренія изъ Англіи. Солдатскіе постои кончались весьма часто въ первые же дни расквартированія убійствами хозяевъ, изнасилованіемъ ихъ женъ и дочерей, разграбленіемъ имущества, а иногда съ цѣлью скрыть всѣ эти злодѣйства—поджогами домовъ (хотя, впрочемъ, военное начальство являло собою въ этомъ смыслѣ образецъ кротости и снисходительности). Англійскія власти метались, не зная, съ чего имъ начать, какъ предупредить взрывъ всеобщаго возстанія, подготовляемаго въ странѣ, ибо онѣ этого взрыва боялись гораздо болѣе еще, нежели на самомъ дѣлѣ съ ихъ точки зрѣнія было бы нужно. Вильямъ Питтъ относился къ дѣлу болѣе хладнокровно, нежели вице-король, но и онъ не могъ быть спокоенъ, въ виду несомнѣнныхъ стремленій Вольфа Тона вызвать вторичную французскую завоевательную экспедицію.

Серьезная уже въ 1796 г. и усилившаяся въ 1797 г. революціонная борьба, формированіе инсургентскихъ отрядовъ, убійства террористическаго характера, все это разсматривалось «объединенными ирландцами» только какъ прелюдія къ всеобщему возстанію, и это ихъ воззрѣніе черезъ Макъ-Нелли и другихъ сыщиковъ было извѣстно вице-королю. Французы обѣщали прислать подмогу весною 1798 г. и эта весна сдѣлалась въ глазахъ обѣихъ борющихся сторонъ тѣмъ грознымъ, критическимъ поворотомъ, которому предстояло окончательно рѣшить судьбу возстанія. Вице-король понималъ, что въ такое время арестовать главныхъ вождей «объединенныхъ ирландцевъ» является дѣломъ первой необходимости. Но Макъ-Нелли помочь тутъ не могъ сколько-нибудь серьезно, онъ называлъ нѣкоторыя имена, но бездоказательно, вслѣдствіе конспиративныхъ мѣръ, принятыхъ для охраны исполнительнаго комитета и провинціальныхъ директорій. Помогъ другой, Томасъ Рейнольдсъ, котораго можно по справедливости назвать однимъ изъ самыхъ страшныхъ доносчиковъ, какіе только когда-либо занимались этою спеціальностью. Онъ былъ братомъ жены Вольфа Тона и находился въ числѣ близкихъ людей къ вождямъ возстанія вообще и къ лорду Фицджеральду въ частности. Хотя и были слухи, что онъ не чистъ на руку, но въ общемъ, къ нему въ организаціи относились наилучшимъ образомъ и даже выбрали въ члены одного изъ важнѣйшихъ комитетовъ второго порядка (лейнстерской провинціальной директоріи). Онъ-то и явился съ предложеніемъ своихъ услугъ вице-королю. Онъ заявлялъ, что ему показали списокъ 80-ти лицъ, которыя прежде всего будутъ умерщвлены возставшими, и вотъ онъ изъ сожалѣнія къ намѣченнымъ жертвамъ рѣшилъ предать своихъ товарищей и разстроить ихъ планъ. А также онъ проситъ ассигновать ему 500 фунтовъ стерлинговъ, въ видѣ подъемныхъ

денегъ, на выѣздъ изъ Ирландіи, ибо если онъ тутъ останется, то его, разумѣется, убьютъ. Кромѣ того, онъ желаетъ, чтобы о его доносительствѣ не говорилось; чтобы его не преслѣдовали за прежніе грѣхи и чтобы, кромѣ того, его не заставляли быть и дальше доносчикомъ на «объединенныхъ ирландцевъ». Услуги были приняты съ восторгомъ. Правда, у маіора Сирра, завѣдывавшаго политическимъ сыскомъ, былъ подъ рукою такъ называемый «баталіонъ свидѣтелей», для показаній на судѣ (подъ присягою) всего того, въ истинности чего убѣдитъ ихъ предварительно непосредственное ихъ начальство; были и спеціально-приспособленные дѣятели для рекогносцировокъ и развѣдокъ. Но тутъ явился въ одномъ лицѣ и будущій важный свидѣтель на судѣ, и непосредственно нужный предатель, безъ котораго никакъ нельзя было найти мѣста, гдѣ укрылись заговорщики. 12-го марта 1798 года у Оливера Бонда, въ Дублинѣ, собралось (считая съ хозяиномъ) 15 человѣкъ, принадлежавшихъ къ числу серьезнѣйшихъ руководителей «объединенныхъ ирландцевъ»; между ними засѣдалъ и Томасъ Рейнольдсъ. Полиція нагрянула, когда всѣ уже были въ сборѣ, и арестовала присутствовавшихъ. Спустя четыре мѣсяца, нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе показаній Рейнольдса, были повѣшены (Макъ-Кэнъ, Вильямъ Борнъ), другіе подверглись болѣе или менѣе продолжительному заключенію. До самаго процесса, когда свидѣтельскія показанія Рейнольдса уже окончательно выяснили, кто именно погубилъ собравшихся у Бонда, полиція еще могла широко пользоваться услугами этого человѣка. Дѣло въ томъ, что хотя подозрѣнія сразу пали на продолжавшаго пользоваться свободою Рейнольдса, но онъ успѣлъ отчасти ихъ разсѣять. Вскорѣ послѣ ареста 14-ти поздно ночью Рейнольдсъ наткнулся на Самуэля Нильсона, редактора закрытой «Сѣверной Звѣзды» и друга Вольфа Тона (см. о немъ VII гл. этихъ очерковъ). Нильсонъ потребовалъ отъ Рейнольдса, чтобы тотъ шелъ за нимъ. Улица была совершенно пуста, а Нильсонъ отличался гигантскимъ тѣлосложеніемъ и былъ вооруженъ. Рейнольдсъ пошелъ за нимъ. Когда они зашли въ совершенно глухой закоулокъ, Нильсонъ приставилъ пистолетъ къ груди Рейнольдса и сказалъ: «Что долженъ я сдѣлать негодяю, который вкрался бы въ мое довѣріе съ цѣлью предать меня?» На это Рейнольдсъ холодно, твердо и вполнѣ спокойно отвѣтилъ: «Вы должны были бы пристрѣлить ему сердце». Тогда пораженный Нильсонъ смутился, опустилъ оружіе и ушелъ прочь. Вотъ эта-то исторія на бѣду «объединенныхъ ирландцевъ» и поселила въ ихъ умахъ сомнѣніе въ виновности Рейнольдса, и онъ могъ еще нѣкоторое время дѣйствовать, спасенный самообладаніемъ отъ вѣрной гибели.

На другой день послѣ ареста у Бонда, 13-го марта 1798 г., продолжались дѣятельнѣйшимъ образомъ новые и новые обыски и аресты, и масса лицъ, по указаніямъ Рейнольда, была арестована и въ

этотъ, и въ слѣдующіе дни. Но главный, лордъ Фицджеральдъ, не отыскивался. Лордъ Фицджеральдъ продолжалъ неутомимо работать надъ окончаніемъ военныхъ приготовленій. Какъ военный организаторъ, онъ былъ незамѣнимъ. У него не было такихъ огромныхъ дарованій государственнаго человѣка, какія были у Вольфа Тона; онъ не могъ изъ общественнаго настроенія создать политическую мысль, изъ политической мысли—политическую организацію, изъ ничего создать правильно поставленную пропаганду, отъ пропаганды толкнуть общество въ революцію. Но производить непрерывные тайные наборы будущихъ революціонныхъ солдатъ, доставать деньги, покупать и распредѣлять оружіе, вдохновлять всѣхъ и вся вокругъ себя своею твердою увѣренностью въ побѣдѣ—все это взялъ на свои молодыя плечи лордъ Фицджеральдъ. Послѣ Вольфа Тона—онъ можетъ назваться по всей справедливости главнымъ подготовителемъ возстанія. Отношеніе къ нему «объединенныхъ ирландцевъ», въ особенности же тѣхъ, которые готовились принять непосредственное военное участіе въ затѣваемомъ предпріятіи, напоминаетъ отношеніе солдатъ Густава-Адольфа къ своему вождю. Всего нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствовалъ лордъ Фицджеральдъ на революціонномъ поприщѣ, но «объединенные ирландцы» могли быть спокойны относительно чисто-военной стороны предпріятія: все, что при данныхъ обстоятельствахъ можно было сдѣлать, было сдѣлано. Но нужно было озаботиться и о не-военныхъ дѣлахъ. Послѣ ареста у Бонда, послѣдовали столь же важные аресты—Томаса Эммета и другихъ руководителей предпріятія. Необходима была немедленно замѣна, ибо исполнительный комитетъ опустѣлъ.

XIII.

Братьямъ Джону и Генри Чирсамъ выпало на долю замѣнить арестованныхъ членовъ организаціи. Джонъ Чирсъ взялъ на себя руководящую роль въ осиротѣвшемъ обществѣ, и взялъ въ такое время, когда уже планы «объединенныхъ ирландцевъ» были совсѣмъ разрушены и вмѣсто возстанія, которое своевременно должно было начаться, въ странѣ некстати и съ огромной тратой драгоцѣнныхъ силъ вспыхивали то тамъ, то сямъ, отдѣльныя мелкія стычки. Аресты и казни нескончаемой вереницей слѣдовали другъ за другой. При отсутствіи въ обществѣ «объединенныхъ ирландцевъ» революціоннаго террора, какъ системы борьбы, необыкновенно характернымъ является для новаго главы организаціи то письмо, которое онъ написалъ къ лорду Клеру, одному изъ столповъ судебно-административнаго механизма, служившаго Вильяму Питту для усмиренія Ирландіи. Джонъ Чирсъ отдалъ это письмо для напечатанія въ газетѣ «Press»; оно было уже напечатано, когда, несомнѣнно по доносу одного изъ многочисленныхъ шпіоновъ (быть можетъ, Макъ-Нелли), газета попала въ руки прави-

тельства и этотъ именно уже готовый къ выходу послѣдній (шестьдесятъ восьмой) нумеръ ея цѣликомъ былъ захваченъ полиціей. Оно слишкомъ длинно, чтобы привести его здѣсь цѣликомъ. Удовольствуемся нѣсколькими выдержками. «Милордъ,—писалъ, между прочимъ, Джонъ Чирсъ:—система истязанія и усмиренія, которая за послѣднее время обездолила эту страну общимъ голосомъ приписывается плодотворному генію вашего сіятельства; и ужъ, конечно, она во всѣхъ случаяхъ получала вашу помощь и поддержку». Характеризуя затѣмъ первоначальный фазисъ развитія движенія, строго легальнаго и конституціоннаго, Джонъ Чирсъ переходитъ къ времени, когда «объединенные ирландцы» стали подвергаться преслѣдованію. Почему? «Потому что они были опасны. Допустимъ. Милордъ, въ самомъ дѣлѣ они были опасны: но не для ирландскаго народа. Они были опасны, милордъ, для испорченности администраціи; они были опасны для конституціонныхъ злоупотребленій; они были опасны для власти, для притѣсненій, для казнокрадства министровъ его величества; и поэтому-то министры его величества рѣшили уничтожить ихъ (общество). Но установившіяся убѣжденія разума нельзя было сокрушить преслѣдованіями деспотическаго парламента, за которымъ стояла безсмысленная свирѣпость обманутой солдатчины *). Когда имъ было запрещено собираться публично, ихъ обиды заставили ихъ соединяться частнымъ образомъ; и такъ-то, милордъ, вы и другіе hirelings м-ра Питта были первыми основателями того учрежденія, которое, подъ (тѣмъ же) именемъ «объединенныхъ ирландцевъ», растоптало подъ ногами законъ и гуманность. Это вы сами милордъ, впервые организовали систему, которая съ тѣхъ поръ смѣялась надъ всѣмъ вашимъ искусствомъ въ розыскѣ и раскапываніяхъ. Это вы, милордъ, истинный виновникъ всѣхъ преступленій и эксцессовъ, которые съ тѣхъ поръ были совершены; если бы только души мертвыхъ могли смущать этотъ свѣтъ,—тысячи привидѣній умерщвленныхъ людей осаждали бы подушку вашего сіятельства и шептали бы проклятья надъ вашей головой, но вѣдь проклятья никогда не убиваютъ, и поэтому вы ихъ презираете».

Почести и деньги—вотъ, по словамъ Джона Чирса, единственная награда лорда Клера за всѣ его темныя и страшныя дѣла. «И даже, милордъ, эти вознагражденія, боюсь я, вовсе не столь вѣчны, какъ вы можете вообразить; и небо въ доказательство своей справедливости, кажется, рѣшило сдѣлать васъ орудіемъ вашей собственной погибели. Милордъ, древніе держались суевѣрнаго мнѣнія, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ люди какою-то тайною властью неодолимо влекутся къ своему уничтоженію; или, употребляя слово, непосредственно происшедшее отъ этого суевѣрія, что они обречены. Таково, милордъ, повидимому, ваше положеніе въ настоящее время; кажется, вы закры-

*) The thoughtless ferocity of a deluded soldiery.

ваете глаза на состояніе этой страны, вы не способны извлечь какую-нибудь пользу изъ примѣра иной страны. Рука фатума чудится надъ вами, а вы еще такъ нелѣпо увѣрены и такъ безумно веселы, какъ насѣкомое, которое кружится вокругъ факела, или какъ птица, которая не можетъ противустоять очарованію глазъ змѣи, вытянувшейся, чтобы поглотить ее. Я знаю, милордъ, вы гордитесь воображаемою безопасностью своего положенія. Но не хвастайте болѣе этимъ обстоятельствомъ, не обманывайтесь дольше: я говорю вамъ, что вы въ опасности».

Письмо Чирса, изъ котораго выше приведены только небольшія выдержки прямо грозило лорду Клеру убійствомъ. Полиція знала уже въ мартѣ и апрѣлѣ (1798 г.) и о мѣстопребываніи, и о дѣятельности Чирсовъ, но ихъ временно не трогали, неустанно слѣдя за ними и пользуясь ими, какъ удочкою для уловленія и выслѣживанія новыхъ, еще пока неизвѣстныхъ заговорщиковъ.

На 23 мая было назначено, наконецъ, всеобщее возстаніе; генералиссимусомъ всѣхъ имѣющихъ возстать былъ давно уже назначенъ Фицджеральдъ,—и онъ, и братья Чирсы, и Самуэль Нильсонъ заканчивали приготовленія къ этому окончательному взрыву.

Совершенно случайно правительство въ точности узнало о близости кризиса. Капитанъ Армстронгъ, одинъ изъ исконныхъ столповъ ирландскаго шпіонства, съ давнихъ поръ изучавшій страну съ нужной ему точки зрѣнія, успѣлъ вкрасться въ довѣріе къ братьямъ Чирсамъ и аккуратно послѣ каждаго свиданія съ Чирсами отправлялся на свиданіе къ кому-либо изъ начальствующихъ лицъ съ обстоятельными докладами. Чирсы и передали ему, что они и лордъ Фицджеральдъ рѣшили не ждать французовъ, а начать возстаніе немедленно, чтобы Вольфъ Тонъ явился съ французскимъ десантамъ, уже когда нужно будетъ нанести англичанамъ рѣшительный ударъ. Первоначальное твердое намѣреніе безъ французовъ не начинать было измѣнено, во-первыхъ, вслѣдствіе слишкомъ долгихъ приготовленій, переговоровъ и сборовъ французской директоріи къ вторичной экспедиціи, а во-вторыхъ изъ боязни, что на мелкія, уже не сдерживаемыя, спорадическія вспышки на разныхъ концахъ острова непроизводительно растратятся накопленныя революціонныя силы. Это серьезнѣйшее открытіе заставило тотчасъ же принять самыя быстрыя мѣры, ибо опасались, что лордъ Фицджеральдъ, если только допустить его стать во главѣ общаго возстанія, сразу придастъ всему дѣлу характеръ народной войны: своими распоряженіями по инсуррекціонной арміи, самою своею личностью онъ объединялъ подчинившіеся ему революціонные отряды. Итакъ, на очереди дня былъ арестъ лорда Фицджеральда, и Рейнольдсъ со своими товарищами по спеціальности прослѣдили его.

Послѣ арестовъ въ мартѣ 1798 г. Фицджеральдъ скрывался въ разныхъ мѣстахъ подъ разными фамиліями. Ему приходилось необык-

новенно много работать надъ разрѣшеніемъ тысячъ крупныхъ и мелкихъ вопросовъ и затрудненій, всегда обступающихъ главнокомандующаго въ подготовительный періодъ войны. Тучи шпіоновъ рѣяли вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагалось его присутствіе; Рейнольдсъ даже являлся съ визитами къ леди Фицджеральдъ и долго по душѣ съ нею бесѣдовалъ. Ночью 18-го мая 1798 года *) лордъ Фицджеральдъ пришелъ къ одному изъ сообщниковъ, Николаю Морфи. За голову Фицджеральда уже оффиціально была назначена награда въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, и приходилось быть насторожѣ. Лордъ былъ нездоровъ, жаловался на холодъ. На другой день разнеслись слухи, что были ночью въ городѣ обыски съ цѣлью найти вождя заговора. Пришелъ Самуэль Нильсонъ съ предупрежденіемъ быть особенно осторожными. Прибѣжала затѣмъ женщина съ узломъ изъ дома Мура, гдѣ въ это время происходилъ обыскъ: ей удалось унести приготовленную военную форму, уже явно указывавшую на участіе обыскиваемыхъ въ готовящемся возстаніи. Морфи спряталъ узелъ. Часовъ въ семь вечера лордъ Фицджеральдъ лежалъ на постели въ своей комнатѣ, когда Морфи позвалъ его пить чай. Едва успѣлъ онъ выйти отъ своего гостя, какъ наткнулся на полицейскаго майора Свэна и солдата, стоявшихъ предъ комнатой Фицджеральда. Морфи спросилъ, что имъ угодно. Свэнъ, не отвѣчая, бросился прямо въ комнату. Лордъ Фицджеральдъ въ одинъ мигъ, «какъ тигръ» (по словамъ Морфи), вскочилъ съ постели и, выхвативъ кинжалъ, ударилъ полицейскаго. Тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ своего противника, но не попалъ, послѣ чего бросился изъ дома, приказавъ мимоходомъ солдатамъ, пришедшимъ въ квартиру, арестовать Морфи. Тогда въ комнату Фицджеральда ворвался другой изъ полицейскихъ офицеровъ — Райэнъ и началась рукопашная свалка. Фицджеральдъ изо всѣхъ силъ билъ кинжаломъ Райэна, а пока съ лѣстницы прибывали все новыя подкрѣпленія—солдаты и полицейскіе. Майоръ Сирръ, пользуясь тѣмъ, что арестуемый былъ всецѣло поглощенъ борьбою, выстрѣлилъ въ него и тяжко ранилъ; серьезную рану получилъ и Райэнъ отъ руки Фицджеральда. Тогда на Фицджеральда, быстро ослабѣвавшаго отъ раны, набросились солдаты, — но борьба, къ удивленію ихъ, все еще продолжалась. Наконецъ, сопротивленіе одинокаго и израненнаго человѣка окончилось. Плѣнникъ былъ тотчасъ же отвезенъ въ тюрьму и предоставленъ докторамъ. Онъ мучился долго, пятнадцать дней. Напрасно жена и родственники во всѣ эти дни умоляли о свиданіи съ умирающимъ, имъ было это дозволено лишь къ часамъ агоніи. 2-го іюня онъ впалъ въ безпамятство. «Супайте, ступайте! Проклятые, ступайте!», кричалъ онъ въ бреду такъ громко,

*) О дальнѣйшемъ см. показаніе Морфи (Madden, loc. c., vol. I, 225).

что было слышно за стѣною, на улицѣ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня лордъ Фицджеральдъ скончался, не приходя въ сознаніе.

XIV.

Почти тотчасъ за арестомъ Фицджеральда по указаніямъ Армстронга были арестованы братья Чирсы, причемъ у нихъ были при обыскѣ найдены бумаги самаго компрометтирующаго свойства,—между прочимъ цифровыя данныя о восьми тысячахъ съ небольшимъ (8.100) чел., которые должны были возстать въ назначенный срокъ въ окрестностяхъ Дублина.

Спустя полтора мѣсяца послѣ ареста ихъ судили (4 іюля 1898 г.). Показанія Армстронга довершили гибель подсудимыхъ; оба они были приговорены къ повѣшенію. Мольбы родныхъ о свиданіи не привели ни къ чему, и братья были казнены чрезъ нѣсколько дней послѣ процесса. Возстаніе осталось безъ предводителей, ибо пока еще не осужденные руководители общества «объединенныхъ ирландцевъ» сидѣли почти всѣ въ тюрьмахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Но возстаніе лѣтомъ 1798 года все же вспыхнуло. Оно выразилось не въ ряду обдуманныхъ, планомѣрныхъ массовыхъ дѣйствій, а въ учащеніи и усиліи тѣхъ отдѣльныхъ кровавыхъ вспышекъ, внезапныхъ сожженій лендлордскихъ домовъ, нападеній на войска, т.-е. тѣхъ явленій, которыхъ было не мало уже и въ 1796—97 гг. Но теперь, въ 1798 году все это пошло несравненно интенсивнѣе, и мятежъ охватилъ даже тѣ мѣстности, которыхъ онъ пока не затронулъ. Вѣшанія, засѣканія и пытки шли нескончаемой вереницей такъ же, какъ самыя свирѣпыя неистовства инсургентовъ надъ своими плѣнниками, что являлось прямымъ отвѣтомъ на соотвѣтственные поступки лорда Клера и ему подобныхъ. Настала осень этого страшнаго 1798 года, мятежъ разгорался,—и вновь пронеслась по разоренному, истоптанному кавалеріей, сожженному и облитому кровью острову радостная вѣсть,—что Вольфъ Тонъ снова ведетъ на помощь французовъ.

Давно уже Вольфъ Тонъ, до котораго въ точности доходили всѣ вѣсти объ ужасахъ, творящихся въ Ирландіи, о трудности для лорда Фицджеральда, Томаса Эммета и другихъ вождей сдерживать, во имя стратегическихъ и дипломатическихъ цѣлей, взрывъ общаго возстанія, долженъ былъ долгіе мѣсяцы въ 1797—1798 гг. бороться въ Парижѣ съ трудностями, съ медлительностью французской директоріи, съ равнодушіемъ чужого народа и чужой арміи. На бѣду еще умеръ (15-го сентября 1797 г.) Гошъ, всегда дружественно относившійся къ Вольфу Тону, жалѣвшій Ирландію, искренно хотѣвшій видѣть ее независимой республикою. Теперь главнокомандующимъ въ будущей экспедиціи долженъ былъ стать генералъ Наполеонъ Бонапартъ, съ которымъ (въ концѣ 1797 г.) Вольфъ Тонъ и вступилъ въ сношенія. Но Бона-

партъ абсолютно ни о чемъ не думалъ, кромѣ того, что безпорядки въ Ирландіи весьма полезны въ смыслѣ отвлеченія англійскихъ силъ. Предпринимать туда экспедицію ему, повидимому, вовсе не такъ хотѣлось, какъ Гошу, и къ судьбѣ несчастнаго острова онъ былъ вполнѣ равнодушенъ. Онъ даже прямо спросилъ директорію, чего же ей еще добиваться въ Ирландіи, кромѣ того, чтобы ирландское броженіе отвлекало англійскія силы?

Наступила весна 1798 года, и Бонапартъ со своей арміей отправился—но не въ Ирландію, а въ Египетъ. Его звѣзда уже ярко сіяла на европейскомъ горизонтѣ въ эти времена, и хоть бы потому, что его послали въ Египетъ, а не въ Ирландію, Вольфъ Тонъ могъ убѣдиться, что ирландскіе проекты для директоріи и для Бонапарта суть нѣчто совсѣмъ случайное и не особенно нужное *). Но онъ не уступалъ судьбѣ, лишившей его главной поддержки—Гоша. Изъ Эльстера, Уиклоу, Уэксфорда, изъ самыхъ отдаленныхъ и разбросанныхъ частей ирландскаго острова приходили вѣсти о вспыхнувшемъ возстаніи, и хотя общихъ и признанныхъ руководителей оно уже не имѣло,—но ясно было, что до конца лѣта 1798 года—оно, во всякомъ случаѣ, продержится. Слѣдовательно, французская экспедиція могла разсчитывать на весьма благопріятную для начала дѣйствій почву. Нѣкоторыя мѣста (въ родѣ Уэксфорда) извѣстное время всецѣло были въ рукахъ инсургентовъ, и тамъ безпощадно истреблялись цѣлыми сотнями всѣ приверженцы англичанъ и сами англичане, не успѣвшіе убѣжать. Солдаты послѣ взятія такихъ мѣстъ сначала подвергали всѣхъ бунтовщиковъ, не убитыхъ при штурмѣ, самымъ страшнымъ пыткамъ, а потомъ убивали или въ искалѣченномъ видѣ отправляли въ ближайшія тюрьмы. Пожары либо инстругентскихъ, либо англійскихъ домовъ не прекращались. Духовенство католическое въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей (въ родѣ Морфи) становилось коегдѣ во главѣ инсургентскихъ отрядовъ и сражалось съ самою отчаянною храбростью. Французская директорія подъ вліяніемъ слуховъ о бурной силѣ вспыхнувшаго возстанія и убѣжденій Вольфа Тона, наконецъ, рѣшилась, но уже когда возстаніе утихало. Въ началѣ августа (того же 1798 г.) французскій флотъ отплылъ изъ Э и послѣ долгаго плаванія, всячески уклоняясь отъ встрѣчи съ англійскими судами, которыми кишѣло морѣ, остановился у города Киллалы, въ Киллальской бухтѣ (22-го августа). Братъ Вольфа Тона—Мэтью Тонъ, Тилингъ и Селливанъ были представителями «объединенныхъ ирландцевъ» въ этомъ десантномъ отрядѣ. Высадка совершилась благополучно, но уже очень скоро начальникъ экспедиціи Эмберъ нашелъ

*) Впослѣдствіе уже на о. св. Елены Наполеонъ призвалъ такое свое отношеніе къ проекту высадки въ Ирландіи—грубою ошибкою.

что предпріятіе гораздо труднѣе, нежели онъ думалъ. Дѣло въ томъ, что именно въ этой мѣстности возстаніе даже весною и лѣтомъ было слабѣе, нежели въ иныхъ мѣстахъ, теперь же, къ осени вовсе замерло. Далѣе директорія дала Эмберу очень мало солдатъ,—онъ высадился всего съ одною тысячью человѣкъ. Наконецъ, англійскій отрядъ здѣсь былъ силою въ 4 тысячи человѣкъ. Эмберъ направился къ Кэстльбэру. Въ моментъ встрѣчи французовъ (у высотъ Кэстльбэра) оказалось всего 700 человѣкъ. Здѣсь 27-го августа между этою горсточкою французовъ и превосходившимъ ихъ почти втрое отрядомъ англичанъ произошла битва,—съ совершенно неожиданнымъ результатомъ: англичане не выдержали бѣшеной аттаки французовъ и ударились въ паническое бѣгство, бросая по пути оружіе, оставляя врагу весь обозъ, перегоняя и давя другъ друга. Несмотря на блестящую побѣду, все-таки идти впередъ со своими маленькими силами Эмберъ не торопился. Англичане поспѣшно стягивали войска, и, послѣ нѣсколькихъ новыхъ стычекъ, французы были окружены у Баллинамука (8-го сентября) и послѣ упорнаго сопротивленія сдались.

Страшная рѣзня сопровождала сдачу: англичане убили около пятисотъ ирландцевъ, которые находились во французскихъ рядахъ. Мэтью Тонъ и Тилингъ, захваченные тамъ же, были преданы военно-полевому суду. Оба они послѣ краткой формальности судоговоренія были повѣшены. Селливану удалось выдать себя за француза и онъ спасся при размѣнѣ плѣнныхъ, когда Эмберъ съ товарищами былъ возвращенъ во Францію.

Для Вольфа Тона неудача экспедиціи и казнь брата могли представляться страшнымъ горемъ, но директорія отнеслась къ плѣненію Эмбера и его отряда вполнѣ спокойно: въ ея планы входило только тревожить Англію диверсіями, и истратить для этой цѣли по маленькимъ порціямъ и въ разные сроки нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло въ Парижѣ казаться слишкомъ большою расточительностью. Вотъ почему тотчасъ же послѣ неудачи Эмбера рѣшено было отправить новую экспедицію въ Ирландію. Командиромъ десантнаго транспорта былъ назначенъ адмиралъ Бомпаръ; девять судовъ съ 3000 чел. составляли его отрядъ. Вольфъ Тонъ во французскомъ мундирѣ находился въ числѣ офицеровъ отряда. Уже подходили къ Лау-Суили (12-го октября), когда вдругъ англійскіе линейные корабли появились на горизонтѣ и быстро приблизились. Ихъ было четыре, а у Бомпара всего одинъ, ибо остальные восемь были сравнительно мелкими судами. Кромѣ того въ англійской эскадрѣ оказалось еще четыре (тоже болѣе мелкихъ) корабля. Предъ самой битвой адмиралъ убѣждалъ Вольфа Тона, въ виду явнаго превосходства непріятельскихъ силъ, пересѣсть на маленькую шхуну и спасаться, пока будетъ происходить битва, ибо ему, Тону, грозитъ большая опасность, чѣмъ остальнымъ въ случаѣ сдачи. Тонъ хорошо понималъ, что для него плѣнъ и висѣ-

лица — однозначущи, но онъ отказался наотрѣзъ отъ всякихъ попытокъ спасенія.

Началась упорная и жестокая морская битва, и англичане одержали рѣшительную побѣду.

Корабль, на которомъ находился Вольфъ Тонъ, втеченіе шести часовъ выдерживалъ нападеніе четырехъ непріятельскихъ судовъ. Тонъ принималъ самое живое участіе въ этой отчаянной морской битвѣ, а когда, наконецъ, англичане завладѣли уже тонувшимъ кораблемъ и всѣ находившіеся на немъ были объявлены военноплѣнными, то Вольфъ Тонъ, одѣтый во французскій мундиръ, былъ сочтенъ за одного изъ французскихъ офицеровъ. Плѣнниковъ привезли въ Литтеркенни, и тамъ всѣ офицеры были приглашены на завтракъ къ одному изъ представителей военной власти лорду Кэвену *). За этимъ завтракомъ былъ, между прочимъ, одинъ старый товарищъ Вольфа Тона по университету. Онъ то и выдалъ Вольфа Тона, котораго зналъ въ лицо. Мнимаго французскаго офицера тотчасъ же связали и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ дублинскую тюрьму. Тотчасъ же послѣ ареста Вольфъ Тонъ написалъ письмо лорду Кэвену, гдѣ рѣшительно заявлялъ, что онъ форменнымъ образомъ зачисленъ въ списки французской арміи, а потому подобное обращеніе съ военноплѣннымъ вполнѣ непристойно. Лордъ Кэвенъ отвѣтилъ, что не признаетъ этого и считаетъ Вольфа Тона бунтовщикомъ и измѣнникомъ. 10-го ноября, начался военный судъ. Когда ввели арестанта и спросили его, признаетъ ли онъ себя виновнымъ во взводимыхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, онъ отвѣтилъ, что онъ не ищетъ для себя никакихъ прикрытій, а также не намѣренъ причинять суду какія либо затрудненія,—и поэтому съ полной готовностью признаетъ правильными всѣ обвиненія. Затѣмъ, послѣ колебаній и сомнѣній, судъ разрѣшилъ подсудимому прочесть приготовленный имъ мемуаръ. Вотъ что, между прочимъ прочелъ Вольфъ Тонъ: «Что я сдѣлалъ,—было сдѣлано исключительно изъ принципа и полнѣйшей увѣренности въ правотѣ. Я не желаю пощады и, надѣюсь, я не составляю объекта чувства жалости. Я предвосхищаю послѣдствіе моего плѣненія и я приготовленъ къ этому событію. Любимою цѣлью моей жизни была независимость моей страны, и для этой цѣли я принесъ всякую жертву. Природа насадила въ моемъ сердцѣ, при моей честной и бѣдной жизни, любовь къ свободѣ, а воспитаніе укрѣпило ее. Ни соблазнъ ни страхъ не могутъ ее оттуда изгнать, а относительно меня не щадили ни соблазновъ, ни запугиваній. Чтобы дать неоцѣнимые благословенные дары свободы землѣ, гдѣ я родился, я презрѣлъ трудности, узы и смерть. Для этого я сталъ изгнанникомъ, подвергся

*) Modden, op. c., 3 Series, vol. I, стр. 141

нищетѣ, оставилъ лоно семьи, жену, дѣтей, все, что дѣлало жизнь желательною.

«Послѣ честнаго боя, въ которомъ я старался соревновать храбростью съ моими рыцарскими товарищами, я былъ принужденъ сдаться и въ оковахъ меня волокли по странѣ, не столько къ моему позору, сколько къ позору того лица, кѣмъ былъ отданъ подобный неблагородный и безчеловѣчный приказъ. Все, что я когда-либо писалъ и говорилъ о судьбѣ Ирландіи, я здѣсь повторяю. Связь съ Англіей я всегда разсматривалъ, какъ проклятіе для благополучія и счастья Ирландіи, и дѣлалъ все, что было въ моей власти, чтобы связь эту разрушить и возвести три милліона моихъ земляковъ въ санъ гражданъ».

— Мистеръ Тонъ,—прервалъ его тутъ предсѣдатель,—невозможно намъ это слушать.

Послѣ небольшихъ препирательствъ подсудимый продолжалъ:

«Обсудивши средства моей страны и убѣдившись, что они слишкомъ слабы, чтобы съ ними безъ посторонней помощи достигнуть независимости,—я искалъ этой помощи во Франціи и безъ всякой интриги, но только основываясь на честности и откровенности моихъ принциповъ и на любви къ свободѣ, которая всегда меня отличала, французская республика меня приняла, и на дѣйствительной солдатской службѣ я пріобрѣлъ то, что было для меня безцѣнно и съ чѣмъ я разстанусь только тогда, когда разстанусь съ жизнью,—дружбу нѣкоторыхъ лучшихъ людей Франціи и привязанность и уваженіе моихъ храбрыхъ товарищей по оружію. Ослабить силу или измѣнить сущность принциповъ, во имя которыхъ я дѣйствовалъ, не можетъ приговоръ какого бы то ни было суда; и правда этихъ принциповъ переживетъ эфемерные предразсудки, которые нынѣ царятъ. Этой правдѣ я оставляю защиту своей доброй славы, и, я надѣюсь, для потомства такая защита будетъ поучительна. Теперь исполнилось болѣе четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ преслѣдованіе выгнало меня изъ этой страны и едва ли мнѣ нужно говорить, что лично меня нельзя впутать ни во что, случившееся во время моего отсутствія. Въ своихъ усиліяхъ добиться свободы моей страны я всегда прибѣгалъ къ открытой и мужественной войнѣ. Были совершены съ обѣихъ сторонъ ужасы, о которыхъ я жалѣю; и если благородный духъ, пробужденію котораго въ ирландскихъ сердцахъ я способствовалъ, выродился въ систему убійствъ,—то я полагаю, что всѣ кто сколько-нибудь зналъ меня съ дѣтства до нынѣшняго часа, готовы будутъ допустить, что никто на свѣтѣ не могъ бы болѣе сердечно пожалѣть о тираніи обстоятельствъ или политикѣ, способной такъ извратить естественныя наклонности моихъ земляковъ. Мнѣ еще немного осталось сказать. Успѣхъ—*все* въ этой жизни и безъ его покровительства добродѣтель становится порочною—въ эфемерной оцѣнкѣ тѣхъ, которые связываютъ со счастьемъ—всякія достоинства.

«Въ славной расѣ патріотовъ я шелъ по слѣду, проложенному Ва-

шингтономъ въ Америкѣ и Костюшкою въ Польшѣ; подобно послѣднему — мнѣ не удалось освободить родину, и въ противуположность тому и другому, я проигралъ жизнь. Я исполнилъ свой долгъ и я сомнѣваюсь, что судъ исполнитъ свой: я только могу добавить, что человѣкъ, который думалъ и дѣйствовалъ, какъ я,—защищенъ отъ страха смерти».

Съ полнымъ спокойствіемъ велъ онъ себя въ теченіе всего процесса и только заявилъ желаніе, чтобы его не повѣсили, а разстрѣляли. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, послѣ чего отвезенъ въ тюрьму. Ночью съ 10-го на 11-е декабря онъ написалъ письмо директоріи французской республики съ просьбою помочь его женѣ и тремъ дѣтямъ, которыхъ онъ оставляетъ въ безпомощномъ состояніи. Другое было къ женѣ. «Дорогая любовь моя, наконецъ, насталъ часъ, когда мы должны разстаться. Слова не могутъ передать тѣхъ чувствъ, которыя я питаю къ тебѣ и нашимъ дѣтямъ, а потому я не буду пытаться это дѣлать. Сожалѣніе все равно какое—было бы ниже твоего и моего мужества...

«Я не могу окончить этого письма. Передай любовь мою—Мэри (его сестрѣ), и прежде всего помни, что ты одна осталась у нашихъ дорогихъ дѣтей, и что лучшее доказательство своей любви ко мнѣ ты дашь, сохраняя себя для ихъ воспитанія. Да благословитъ васъ всемогущій Богъ. Твой навсегда Т. Вольфъ Тонъ».

На другой день онъ написалъ женѣ еще записку въ которой пишетъ: «духъ мой такъ же спокоенъ, какъ во всякій иной періодъ моей жизни».

Въ воскренье ночью 11 ноября 1798 года онъ ударилъ себя спрятаннымъ заранѣе ножомъ въ шею. Мученія отъ раны были ужасны и длились болѣе семи дней. Къ нему никого изъ родныхъ не пустили, а только наполнили камеру полицейскими и тюремными чинами. Уже совсѣмъ замученный болью Вольфъ Тонъ сказалъ врачу (намекая на слова англійскихъ властей о дѣлѣ французскаго нашествія): «Они говорятъ, что я *все* знаю; но вы видите, докторъ, что все же есть вещи, которыхъ я не знаю: я нахожу, что я плохой анатомъ». Онъ остригъ о неудачно себѣ нанесенной ранѣ. Когда врачъ сказалъ ему, чтобы онъ лежалъ тихо и не говорилъ, ибо иначе сейчасъ наступитъ смерть,—онъ отвѣтилъ: «Я едва могу найти слова, чтобы благодарить васъ, сэръ: это самая желанная новость, какую только вы могли бы мнѣ принести. Изъ за чего бы я могъ желать жить теперь»? Откинувшись послѣ этихъ словъ на подушку, Вольфъ Тонъ скончался.

Евг. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

NEGO.

Густава Даниловскаго.

Переводъ съ польскаго **М. Тальписъ.**

Надъ Иновроцлавомъ царила лунная августовская ночь, одна изъ тѣхъ ясныхъ, но полныхъ печали и меланхоліи ночей, когда собаки не хотятъ спать и оглашаютъ воздухъ протяжнымъ воемъ. То же дѣлали бы, вѣроятно, и люди; но дѣло въ томъ, что собака, чувствуя потребность повыть, выходитъ на дворъ и, поднявъ морду къ лунѣ, заливается во все горло, не интересуясь тѣмъ, какое мнѣніе составитъ о ней сосѣдъ. Человѣкъ же въ данномъ случаѣ осторожнѣе: онъ и сквозь слезы украдкой взглянетъ, производятъ ли онѣ выгодное впечатлѣніе, къ лицу ли онѣ ему?

А такъ какъ главную массу городского населенія составляютъ люди, менѣе же многочисленныя городскія собаки умѣютъ поддерживать свое достоинство лучше косматыхъ деревенскихъ своихъ собратій, то ничто не нарушало тишины этой ночи, которая, засыпанная миріадами звѣздъ, о чемъ-то глубоко задумалась.

Изъ ряда темныхъ уличныхъ домовъ особенно выдѣлялся одинъ, какъ своими малыми размѣрами, такъ и свѣтомъ въ трехъ окнахъ.

За эти три окна, маленькую кухонку и комнату, раздѣленную деревянной перегородкой на двѣ части, пани Марія платила пятнадцать рублей въ мѣсяцъ—почти третью часть всего заработка, получаемаго за «брянчаніе на фортепіано», какъ говаривала съ сердцемъ ея тетушка.

Источникомъ этой тетушкиной злобы была излишняя доброжелательность, ни за что не прощавшая племянницѣ сдѣланной послѣдней величайшей, по ея, тетушки, мнѣнію, глупости: тринадцать лѣтъ тому назадъ она, молоденькая, талантливая Марыня, отказалась, вопреки ея совѣтамъ, выйти замужъ за совсѣмъ еще бодраго обладателя каменнаго домика и лавки, котораго пылкая любовь къ ней заставила, при всемъ его отвращеніи къ какимъ бы то ни было расходамъ, раскошелиться на покупку новой мебели и на оклейку всѣхъ комнатъ обоями для пріема суженой.

Но суженая была суждена не ему; она ни съ того, ни съ сего от-

дала свою миніатюрную ручку новоиспеченному юристу, голому, какъ сокол (онъ, о ужасъ! вѣнчался въ тужуркѣ). Правда, а немъ отзывались, какъ о человѣкѣ очень способномъ, успѣвшемъ уже издать книгу, что сулило ему прекрасную будущность.

Но тетушка твердила, что все это еще вилами по водѣ писано. И ея пророчество сбылось.

По прошествіи трехъ лѣтъ Янъ Скальскій показалъ себя, внезапно заболѣвъ и скончавшись. Радужныя мечты пошли прахомъ; вмѣстѣ со способностями, вѣнкомъ и деревяннымъ гробомъ были онѣ похоронены на кладбищѣ, а при пани Маріи остались маленькій Ясь и нужда.

Но это еще не все. Когда, полгода спустя, тетушка явилась къ ней съ щекотливымъ порученіемъ отъ ея прежняго обожателя передать, что онъ даже и теперь не прочь... хотя, конечно, снова мебели не закажетъ, вѣдь прежняя еще совсѣмъ новая, пани Марія не дала тетушкѣ договорить, рѣшительно и съ видимымъ раздраженіемъ попросивъ оставить ее въ покоѣ. Ей ничего не надо; у нея имѣются уроки музыки, дающіе возможность существовать ей и ребенку; ея единственная мечта—поставить крестъ, хотя бы деревянный, на могилѣ мужа... Тутъ послѣдовали слезы.

Это уже было слишкомъ; негодующая тетушка, раздраженная этой неблагодарностью, прервала всякія сношенія съ упрямой племянницей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, во время панихиды, онѣ встрѣтились на кладбищѣ. Тутъ бы, вѣроятно, и состоялось примиреніе, если бы не оплошность со стороны пани Маріи, которая не примѣтила своей благосклонной опекунши, подошедшей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она вытирала свои большіе, полные слезъ глаза и шептала что-то Ясю, указывая ему на покрытую дерномъ и цвѣтами могилу съ простымъ, печальнымъ крестомъ.

— Глупа она и всегда ужъ такой останется,—рѣшила въ сотый разъ тетушка, направляясь къ другимъ могиламъ.

Вообще, не только данный фактъ, но и много другихъ свидѣтельствовали о наивности и своенравіи пани Маріи. Жизнь ея, напримѣръ, была въ сущности очень тяжелая: съ утра до вечера бѣготня по лѣстницамъ и брянчаніе... и такъ въ холодъ, въ слякоть... А между тѣмъ пани Марія была почти всегда весела, и смѣхъ ея, когда она по вечерамъ шутила съ Ясемъ, нисколько не уступалъ въ искренности смѣху сына.

Послѣднее, однако, не означало, что она не испытывала приступовъ отчаянія и скорби; она только была въ извѣстномъ смыслѣ эгоисткой, пряча печаль и слезы для себя, людямъ же отдавая доброту и смѣхъ.

Это осуждала въ ней ужъ не только тетушка, но и всѣ остальные родственники и близкіе знакомые, которые по смерти мужа при-

нялись осаждать ее своими посѣщеніями, рѣшивъ, что вѣдь имѣютъ же они право поглядѣть на ея слезы. Когда же вдова ихъ принимала ласково, правда, съ печальнымъ лицомъ, но всегда сухими глазами, и когда они притомъ убѣдились, что она плачетъ украдкой, они были возмущены этой неискренностью и мало-по-малу отстранились отъ нея. Одно только достоинство нѣкоторые все же признавали за ней — практичность.

При своихъ ничтожныхъ средствахъ пани Марія имѣла маленькую обстановку, которая изъ года въ годъ увеличивалась какимъ-нибудь новымъ пріобрѣтеніемъ. Съ теченіемъ времени ей удалось даже купить піанино. Сама она недурно одѣвалась, а ужъ Ясь такъ рѣшительно ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

— Откуда у нея берутся деньги на все это?—предложенъ былъ какъ-то разъ вопросъ на одномъ изъ обычныхъ семейныхъ чаепитій у тетушки.

Но отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Поднялись оживленные толки и споры, въ пылу которыхъ присутствовавшая тамъ старая ханжа, скромно опустивъ глаза, замѣтила:

— Здѣсь что-то кроется...

Тутъ представительная аптекарша намекнула, что, не будь у нея такого отвращенія къ сплетнямъ, она многое могла бы поразсказать, причемъ сладко обратилась къ своей дочери:

— Пойди, Зося, посмотри альбомъ.

Какъ только Зося вышла, за ней, согнувшись, проскользнулъ студентъ, далеко не платоническій обожатель ея массивныхъ формъ. Съ точки зрѣнія охраненія дѣвичьей скромности удаленіе Зоси, собственно говоря, было лишнее, такъ какъ пошлые намеки аптекарши при всей своей многозначительности все же казались слишкомъ шаткими. А потому рѣшено изслѣдовать дѣло пообстоятельнѣе.

Такимъ образомъ надъ пани Маріей установилось нѣчто въ родѣ тайнаго надзора. Послѣдній оказался не безплоднымъ. Правда, не нашли того, что искали, и Зосѣ уже не было надобности разглядывать альбомъ, когда рѣчь шла о пани Маріи; зато собрано много свѣдѣній о мельчайшихъ подробностяхъ ея тихой жизни, а именно: Яся подготовила къ гимназіи сама мать, которая и сейчасъ ему помогаетъ; съ этой цѣлью она взялась даже за латынь, причемъ дѣлаетъ это не только по разсчету, но находитъ большое наслажденіе въ возможности помогать своему сыну и работать вмѣстѣ съ нимъ. Да и вообще вся ея система воспитанія въ высшей степени странная: она считаетъ, напримѣръ, своей обязанностью давать отчетъ молокососу всякій разъ, когда онъ того потребуетъ, даже въ случаѣ, еслибъ бранила его... если только можно назвать бранью слова въ родѣ слѣдующихъ: «ты дурно поступилъ, сынъ мой», или «поступокъ этотъ огорчилъ бы твоего отца, дорогое дитя».

Благодаря худобѣ пани Марія казалась моложе своихъ лѣтъ, и не разъ, когда она возвращалась вечеромъ со своихъ уроковъ, раскраснѣвшись отъ быстрой ходьбы, люди оглядывались за ней, шепча: «Какая красивая барышня!», хотя въ сущности ее врядъ ли можно было назвать красивой: она была только очаровательна. Если бы это лицо отлить изъ гипса, то полученная маска была бы скорѣе некрасивой, такъ какъ красота пани Маріи состояла во всякомъ случаѣ не въ ея мелкихъ, неправильныхъ чертахъ. Послѣднія служили скорѣй тонкой канвой, на которой чувства вышивали прекрасные узоры,—зеркаломъ души, которая такъ и свѣтилась сквозь ея матовую кожу, точно лучъ свѣта сквозь туманъ. Живая игра ея лица не давала возможности опредѣлить сразу даже тѣ постоянные признаки, которые выдѣляли бы это лицо среди другихъ, запечатлѣли бы его навсегда въ памяти. По всей вѣроятности то были пышные бѣлокурые волосы, золотисто-пепельные на вискахъ, большіе, глубокіе бархатные глаза и тотъ тонкій отпечатокъ меланхоліи и усталости, никогда не сходившій съ ея лица, который не могъ исчезнуть даже при самой искренней улыбкѣ ея розовыхъ губъ. По временамъ, какъ, напримѣръ, въ эту августовскую ночь, выраженіе это выступаетъ такъ сильно, что при взглядѣ на ея голову, облокотившуюся на миніатюрныя ручки, такъ и просится на языкъ опредѣленіе: «могильный цвѣтокъ».

Но еще удивительнѣе то, что нѣчто похожее замѣчается и въ дѣтскомъ личикѣ Яся, который, раскачиваясь на стулѣ, повторяетъ съ закрытыми глазами: alauda—жаворонокъ, ancilla—рабыня, aquila—орелъ, ars—искусство... хотя въ общемъ онъ ничѣмъ не напоминаетъ мать, зато походитъ какъ двѣ капли воды на писанный карандашомъ портретъ, висящій надъ письменнымъ столомъ.

Существуютъ люди, утверждающіе, что человѣкъ дѣлаетъ все, что хочетъ, а между тѣмъ, не начни нѣкогда гуси гоготать такъ не вовремя и не спаси они Рима, Ясь, быть можетъ, не зубрилъ бы, несмотря на поздній часъ, рѣчей Цезаря, а пани Марію не мучилъ бы вопросъ: выдержитъ ли ея сынъ завтра экзаменъ? Подобныя размышленія, вѣроятно, и ей приходили на умъ, хотя въ душѣ были печаль и тревога, а мысли въ безпорядкѣ безцѣльно кружились, точно стадо молодыхъ бобровъ, когда стрѣла охотника разсѣетъ ихъ на серединѣ озера.

Такъ какъ при мысли о завтрашнемъ днѣ появлялись неувѣренность и страхъ за судьбу сына, то душа пани Маріи обращалась къ прошлому и тонула въ воспоминаніяхъ. Передъ ней мелькала короткая жизнь вдвоемъ, бѣдная, тихая, но такая хорошая, полная счастья, полная широкихъ идей, которыя мужъ передъ ней развивалъ, а она жадно впитывала въ себя, понимая ихъ не столько умомъ, сколько любовью и чуткостью своей богатой души.

Вслѣдъ затѣмъ поднималась безутѣшная скорбь о томъ, что все

минуле безвозвратно. Сильный припадокъ жгучей тоски смѣнился подъ конецъ какимъ-то гнетомъ, чувствомъ слабости и одиночества. Когда же произнесенное громче обыкновеннаго слово учащагося Яся вывело ее изъ оцѣпенѣнія, сердце у нея опять сжималось при видѣ этого хилаго мальчика, который не спитъ еще, мучаясь надъ длиннымъ рядомъ трудныхъ словъ; одновременно съ этимъ въ груди начиналась борьба разума съ чувствомъ, порождавшая въ ней безумное желаніе отправить сына спать, ненавистную же грамматику, лишающую ихъ спокойствія и сна, выбросить за окно... Пани Маріи ужъ не впервые вести съ собой такую борьбу; а борьба эта поистинѣ трудная, такъ какъ, съ одной стороны, въ этой матери много здраваго разсудка, а съ другой—безграничная любовь къ единственному сыну. Любитъ она его за искренній смѣхъ, за боль, которую испытывала при его рожденіи, за радости и огорченія, которыя онъ ей причиняетъ, словомъ—за все, а главнымъ образомъ, вѣроятно, за то, что онъ ея сынъ.

На этотъ разъ борьба кончается тѣмъ, что пани Марія подходитъ къ Ясю и, отнимая у него книгу, говоритъ:

— Ну, будетъ съ тебя, мой мальчикъ; иди спать, чтобы встать завтра съ свѣжей головой.

— Сію минуту, мама,—отвѣчаетъ мальчикъ.—Я пересмотрю переводъ, а ты найди пока то слово... знаешь, какое...

Съ этими словами онъ начинаетъ искать тетрадь, а пани Марія вынимаетъ толстую книгу и роется въ ней своими тонкими пальцами. Наконецъ, слово найдено, и мальчикъ, послѣ короткаго спора о выборѣ соотвѣтствующаго изъ многочисленныхъ значеній, молча начинаетъ поспѣшно раздѣваться, но, стягивая носки, вдругъ обращается къ матери съ шаловливымъ вопросомъ:

— А ты уже знаешь тѣ предлоги въ стихахъ?

Предлоги — слабая сторона пани Маріи, и Ясь любитъ компрометтировать такимъ образомъ знакомство своей матери съ классическимъ міромъ.

Пани Марія добродушно улыбается и начинаетъ:

— Ante, apud, ad, adversus, circum, circa, citra, cis, contra, infra...— Тутъ происходитъ запинка.

— Extra, мамочка! — подхватываетъ обрадованный мальчикъ. — Конечно, это такъ легко забыть: вѣдь точно такъ же называется игра въ мячъ!

Тутъ Ясь, сдѣлавъ изъ носка клубокъ, начинаетъ посвящать мать во всѣ таинства этой чудной игры.

Въ другой разъ подобный разговоръ въ области школьной жизни вызвалъ бы смѣхъ и горячіе споры съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ пани Марія живо интересовалась всякими проявленіями ученической жизни; знала ихъ жаргонъ и всѣ техническія выраженія и даже пріобрѣла въ широкомъ кругу мальчугановъ извѣстность своимъ арти-

стическимъ питьемъ такъ называемыхъ «самодѣльныхъ мячиковъ». Сегодня, однако, присутствіе экзаменаціоннаго призрака лишало мальчика и, тѣмъ болѣе, мать обычной оживленности.

Ясь вскорѣ умолкъ и, обнявъ въ послѣдній разъ мать, скользнулъ подъ одѣяло, а пани Марія, потушивъ лампу и глубоко вздохнувъ, перешла за перегородку въ свою комнату, легла, не раздѣваясь, на кушетку и въ такомъ положеніи до поздней ночи размышляла о всевозможныхъ предметахъ.

На слѣдующее утро Ясь, съ книгами подъмышкой и наполненными съѣстнымъ карманами, мчался быстрѣе обыкновеннаго въ гимназію. На углу, недалеко отъ послѣдней къ нему присоединились два товарища по несчастью: Стась Крицкій и Антекъ Сикора. Антекъ, обладающій неоцѣнимымъ искусствомъ отгадывать поставленный баллъ по движенію руки учителя, тутъ же показалъ имъ, свѣже-изготовленный шарикъ изъ старой калоши, незамѣнимый при игрѣ въ лапту. При этомъ онъ высказалъ не лишенный проницательности взглядъ, что лучше ужъ сразу срѣзаться, нежели имѣть переэкзаменовку, отравляющую всѣ каникулы.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, сразу получишь головомойку, а потомъ оставятъ въ покоѣ; съ проклятой же переэкзаменовкой просто бѣда: тутъ ужъ не только родители, но и каждая изъ сестеръ и тетокъ поминутно жужжатъ надъ ухомъ: «учись, учись!» или «шали, шали! а вотъ срѣжешься зато, какъ баранъ!»

— Какъ знать, не сбудется ли того и гляди, это пророчество?—флегматично вставляетъ Стась, баловень богатыхъ родителей, хотя въ сущности онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе товарища, но совсѣмъ по другой причинѣ: отъ природы онъ врагъ всякихъ неопредѣленныхъ положеній.

Одинъ Ясь молчитъ; онъ второгодникъ, и для него переэкзаменовка ставится гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть въ гимназіи? Правда, онъ не вполнѣ ясно представляетъ себѣ, чтобы онъ, переставъ фигурировать въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ третьяго класса, тѣмъ не менѣе жаждетъ выдержать экзаменъ во что бы то ни стало. Вотъ почему по мѣрѣ приближенія къ зданію гимназіи имъ овладѣваютъ необычайное безпокойство, нетерпѣніе и страхъ. Страстное желаніе его является слѣдствіемъ не одной только сыновней любви и боязни причинить матери огорченіе и слезы: громадную роль здѣсь играетъ также и врожденное, унаслѣдованное отъ отца упорство въ преодолѣваніи преградъ, упорство, возбужденное ребяческой увѣренностью въ томъ, что его успѣхъ будетъ источникомъ неудовольствія для латинскаго учителя, который поставилъ ему двойку за экзаменаціонное extemporale, и въ лицѣ котораго онъ видитъ своего преслѣдователя.

Ясь ненавидитъ Орла (такъ прозвали учителя латыни) всѣми си-

лами своей дѣтской, чрезмѣрно впечатлительной души. Это онъ оставилъ его на второй годъ въ классѣ, несмотря на хорошіе баллы по всѣмъ остальнымъ предметамъ. А въ теченіе всего слѣдующаго года Ясь при самомъ усиленномъ трудѣ и благодаря помощи матери еле-еле отстаивалъ у него тройки, хотя по грамматикѣ отвѣчалъ на всѣ вопросы, а исключенія зналъ, какъ «Отче нашъ». Орелъ же срѣзалъ его на экзаменѣ и назначилъ ему переэкзаменовку, а вѣдь могъ бы и такъ пропустить.

— Онъ меня не любитъ, мама—жаловался Ясь матери послѣ каждой тройки, и при этомъ въ дѣтской груди мальчика поднималось глухое бѣшенство, а губы сжимались упрямо.

— Онъ тебя не любитъ, — не разъ повторяли ему и товарищи.

Оттого-то на лѣстницѣ Антекъ громко вздыхаетъ:

— Ахъ, если бы только не было Орла!

Но Ясь мысленно проситъ Бога, чтобы онъ былъ. Вѣдь онъ чувствуетъ, что знаетъ курсъ хорошо, и надѣется, что внушитъ ему къ себѣ уваженіе, что подавитъ его своей ученостью, что сегодняшній день будетъ днемъ его возмездія.

На лѣстницѣ и въ корридорахъ зданія въ этотъ день необыкновенно людно: они биткомъ набиты не только мальчуганами, но и взрослыми мужчинами и женщинами. Это родители приводятъ новопосвященныхъ рыцарей. Старшіе ученики съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ поглядываютъ на своихъ необмундированныхъ товарищей — точно старая гвардія на новобранцевъ.

Внутри зданія не замѣтно никакихъ перемѣнъ: тѣ же сѣрыя стѣны съ темнымъ бордюромъ внизу, тѣ же часы, а при нихъ старый сторожъ стоитъ въ той же позѣ, въ какой оставили его въ началѣ лѣта. Только полы стали бѣлѣе да лица мальчугановъ потемнѣли отъ загара. Антекъ съ грознымъ видомъ, въ сопровожденіи толпы новичковъ усердно работаетъ локтями, пробивая товарищамъ дорогу въ классъ. Въ классѣ происходитъ встрѣча съ остальными учениками низшихъ и высшихъ классовъ, у которыхъ тоже въ этотъ день переэкзаменовки. Сегодня, однако, здѣсь нѣтъ обычнаго шума. Надъ залой носится призракъ экзамена, а большой, покрытый зеленымъ сукномъ столъ смотритъ зловѣще и окончательно портитъ расположеніе духа; послѣднее же не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Одинъ Антекъ не теряетъ бодрости. Онъ затрагиваетъ вопросъ о происхожденіи сукна, которое, по его мнѣнію, ведетъ свое начало отъ юбки директорши; но его острота встрѣчаетъ лишь нѣсколько слабыхъ улыбокъ: въ корридорѣ уже послышались хорошо знакомые тяжелые шаги. Мальчуганы бросаются къ скамейкамъ и усаживаются, подобно стаѣ испуганныхъ куропатокъ, завидѣвшихъ ястреба. Дверь отворяется, и является въ засаленномъ фракѣ филологъ—Орелъ.

Прозвища мальчугановъ бываютъ удивительно мѣтки. Этотъ Орелъ,

однако же, имъ рѣшительно не удался. Ибо въ человѣкѣ этомъ не было не только ничего орлинаго, но и вообще ничего, напоминающаго птицу, съ которой у насъ связано понятіе о легкости. Онъ, напротивъ того, производилъ впечатлѣніе грубо отесаннаго въ видѣ человѣческой фигуры пня, обернутаго въ широкіе куски сукна. Своими длинными руками съ большими, какъ сковороды, ладонями, своими поразительно толстыми колѣнями онъ сильно смахивалъ на идущаго на двухъ лапахъ медвѣдя; а неуклюжія движенія и болтающееся на немъ платье придавали ему видъ гипопотама или вообще любого изъ толстокожихъ; одни только маленькіе, бѣгающіе глазки вовсе не гармонировали со всей этой отяжелѣвшей фигурой, которая какъ и широкое, плоское лицо, служила вѣрнымъ отраженіе его души, лишенной всякаго полета, всякой глубины, зато обладающей рѣдкой способностью совмѣщать въ себѣ рѣшительно все: восхищаться греческой республикой, хвалить трибуновъ и въ то же время уважать олигарховъ; считаться дома демократомъ и либераломъ, а въ ученикахъ заглушать всякую самодѣятельность.

Мальчуганы его не терпятъ, такъ какъ, не говоря уже о строгости, онъ является для нихъ несноснымъ типомъ учителя-отца, который на этомъ основаніи считаетъ позволительнымъ и даже необходимымъ заглядывать въ ранцы и души своихъ питомцевъ.

Орелъ платитъ имъ той же монетой: онъ отъ души не любитъ мальчугановъ, хотя, вѣроятно, тоже, какъ и они, не сумѣлъ бы объяснить это чувство. Ученики его прямо возмущаютъ; возмущаютъ его своими одухотворенными, нервными лицами, проявленіями своей живости, своими манишками, воротничками... словомъ всѣмъ. Поэтому-то Орелъ, вѣроятно, не переноситъ и Яся, какъ наиболѣе типичнаго представителя всего класса. Бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица, тонкія голубыя жилки на вискахъ, неопредѣленная, мечтательная задумчивость во всѣхъ чертахъ, большіе какъ бы усталые глаза, изысканный костюмъ, свѣтлые локоны словомъ все, что дѣлаетъ изъ этого мальчика живой рисунокъ Гроттгера, это-то именно и не нравится толстокожей натурѣ учителя, возбуждая въ немъ какую-то стихійную непріязнь.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обѣ стороны отлично знаютъ о своихъ антипатіяхъ. Ничего, значитъ, нѣтъ удивительнаго, если даже вполнѣ заслуженная двойка вызываетъ въ ученикахъ чувство обиды, съ другой же стороны, при самомъ обыкновенномъ случаѣ и въ самомъ простомъ, наивномъ вопросѣ или отвѣтѣ подозрительный учитель видитъ проявленіе злобы или протеста. Отсюда тихая, но непрерывная борьба между классомъ и учителемъ. На его сторонѣ власть, проявляющаяся въ видѣ двоекъ и карцера; защита же дѣтей—презрительныя гримасы, насмѣшливыя улыбки, тихій шопотъ, выразительные взгляды и тысячи тому подобныхъ мелкихъ способовъ проявленія своего презрѣнія и ненависти, которыхъ не уничтожишь ни однимъ параграфомъ

школьныхъ законовъ, такъ какъ они неуловимы, но зато тѣмъ болѣе чувствительны. Сегодняшнее настроеніе учителя трудно назвать хорошимъ. Онъ принужденъ снова явиться передъ классомъ, отъ котораго успѣлъ отвыкнуть за долгія каникулы, и который ему, слѣдовательно, еще противнѣе. Мрачный садится онъ молча на каѳедру и отдаетъ краткое приказаніе:

— Молитва!

Тонкій голосокъ начинаетъ быстро выговаривать слова молитвы. Антекъ же, между тѣмъ, шепчетъ Ясю:

— Злится, бестія!

Едва прозвучало «аминь», какъ раздается вторичная команда:

— На середину!

Первымъ выходитъ Стась Крицкій; онъ на видъ довольно спокоенъ, и только легкое дрожаніе книги въ его рукѣ обнаруживаетъ скрытое волненіе.

— Одиннадцать!

— Undecim!—отвѣчаетъ, какъ эхо, ученикъ.

— Дальше!

— Duodecim, tredecim, quatuordecim!..—считаетъ, точно заведенная машина, Стась.

— Переводить двадцать шестой параграфъ!

Переводъ Стася сильно хромаетъ. Собственно говоря, ему понятно значеніе каждой фразы; онъ только не умѣетъ подыскать соотвѣтствующихъ словъ для выраженія своихъ мыслей.

Положеніе вскорѣ начинаетъ выясняться. Plusquamperfectum отъ «sto» окончательно губитъ Стася. Раздается роковое слово Орла:

— Довольно!

Ученикъ медленно идетъ на мѣсто; учитель беретъ перо, за движеніемъ котораго зорко слѣдитъ Антекъ.

Черезъ мгновеніе онъ показываетъ Стасю два запачканныхъ чернилами пальца.

— Неужели?—шепчетъ упавшимъ голосомъ Стась.

— Безъ сомнѣнія!—отвѣчаетъ съ большимъ убѣжденіемъ Антекъ: двойка какъ пить дать!

Начало экзамена производитъ удручающее впечатлѣніе; встревоженные ученики переглядываются между собой, и середина класса, не смотря на двукратную команду, остается пустой.

— Ну, кто же теперь?!—спрашиваетъ въ третій разъ раздраженный филологъ.

Тутъ выступаетъ Антекъ. Онъ въ высшей степени слабо подготовленъ, однако же идетъ смѣло и увѣренно. Это его обычная система, выработанная не столько философствованіемъ, сколько долголѣтней практикой. И дѣйствительно, догадливый мальчикъ хорошо знаетъ, что

дѣлаетъ, ибо изъ десяти учителей девять послѣ двойки охотнѣе ставятъ тройки.

Есть даже много такихъ, которые, выводя баллъ, руководствуются, главнымъ образомъ, извѣстной симметріей въ сплетеніи цифръ на бумагѣ. Кромѣ того, выходъ Антека въ такой критическій моментъ заставляетъ предполагать въ немъ рѣдкую самоувѣренность, основанную на близкомъ знакомствѣ съ предметомъ. Вся его дальнѣйшая тактика равнымъ образомъ отличается послѣдовательностью и рѣдкимъ остроуміемъ. Читаетъ онъ скоро и громко, чуть не кричитъ. Отвѣчаетъ за то медленно, внимательно заглядывая Орлу въ глаза, готовый при малѣйшемъ выраженіи въ нихъ неудовольствія поправиться, оттого-то онъ и повторяетъ поминутно: «то-есть не такъ, я ошибся», улыбаясь при этомъ съ такимъ видомъ, точно самъ удивляется своей разсѣянности.

При такомъ маневрѣ отвѣтъ затягивается, и учителю кажется, что онъ задалъ массу вопросовъ, тогда какъ въ сущности ихъ было очень немного. Кромѣ того, Антекъ своей манерой держаться, безпрерывнымъ сморканіемъ, просьбами повторить вопросъ, крикомъ положительно мучитъ Орла, хотя и его самого въ свою очередь прошибаетъ потъ.

Результатомъ всей этой тактики является невѣроятный сумбуръ въ головѣ учителя, вслѣдствіе чего послѣдній не въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ степени знанія ученика; чувствуя, себя, однако, усталымъ, онъ отсылаетъ его на мѣсто и выводитъ тройку.

Опытный же Антекъ безукоризненно доводитъ комедію до конца и напослѣдокъ еще корчитъ самую неудовлетворенную гримасу, точно онъ надѣялся на лучшій баллъ, хотя внутренно весь дрожитъ отъ радости. И только усѣвшись на мѣсто, онъ, обезсиленный борьбою, но гордый своей побѣдой, шепчетъ сосѣдямъ:

— Что, ловко вывернулся?!

Экзаменъ продолжается, и въ то время, когда одни отвѣчаютъ, остальные ведутъ себя различно. Нѣкоторые лихорадочно перелистываютъ книги и тетради, повторяя грамматику и слова; иные безпокойно ерзаютъ на мѣстѣ, точно ихъ колютъ булавками; третьи, наконецъ, смотрятъ неподвижно въ пространство, какъ сонные. На всѣхъ лицахъ замѣтно страшное напряженіе нервовъ.

Ясь принадлежитъ къ разряду неспокойныхъ и нерѣшительныхъ. Сколько разъ уже онъ намѣревался выйти, но напрасно. Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собой геройское усиліе и становится передъ каѳедрой. На мгновеніе лицо его блѣднѣетъ, какъ полотно, а въ глазахъ появляется то характерное выраженіе ужаса, какое случается наблюдать у людей, неожиданно попавшихъ въ холодную ванну. Ученикамъ хорошо знакомъ этотъ моментъ, когда всѣ мысли вдругъ куда-

то улетаютъ, и кажется, что рѣшительно ничего не знаешь и не помнишь.

Ясь, однако, мгновенно приходитъ въ себя и начинаетъ отвѣчать. Голосъ его, сперва тихій и сдавленный, вскорѣ становится звучнѣе, а цвѣтъ лица пріобрѣтаетъ болѣе живыя краски.

Отвѣчаетъ онъ въ общемъ хорошо. Миновавъ благополучно supina и gerundia, не сбившись и въ futurum отъ глагола «eo», доходитъ онъ, наконецъ, до перевода. Тутъ первое предложеніе начинается со слова nego. Ясь задумывается, лихорадочно перебирая въ памяти слова... Увы! Тщетно. Будь на его мѣстѣ Антекъ, тотъ приписалъ бы ужъ десять значеній этому слову, и вывернулся бы кое-какъ. Да и Ясь, вѣроятно, хотѣлъ бы сдѣлать то же, но, воспитанный въ искренной атмосферѣ своей семьи, онъ положительно не умѣетъ ни схитрить, ни искусно солгать; онъ съ минуту молчитъ, наконецъ, на упорное повтореніе Орла: «Ну, какъ же?!» отвѣчаетъ:

— Не знаю!

Въ тонѣ этого отвѣта пробивается легкое раздраженіе, вызванное общимъ возбужденнымъ состояніемъ мальчика. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется дѣло учителю: въ этомъ «не знаю» чудится ему нѣкоторое пренебреженіе со стороны Яся. Онъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе на стулѣ; по маленькимъ глазкамъ пробѣгаетъ желтоватый блескъ; однако, онъ тотчасъ же овладѣваетъ собой и, стараясь быть спокойнымъ, спрашиваетъ:

— Какая же это часть рѣчи?!

Ясь могъ бы вполнѣ справедливо сослаться на то, что, не зная значенія слова, на подобный вопросъ трудно отвѣтить; но, признаться, онъ не съумѣлъ до этого додуматься. Вмѣсто этого, въ дѣтскомъ мозгу происходитъ приблизительно слѣдующая трудная и довольно сложная комбинація: ego значитъ «я»; должно быть, и nego нѣчто въ этомъ родѣ, какъ будто «не я». Вотъ онъ и относитъ этотъ глаголъ къ мѣстоименіямъ, нисколько не подозрѣвая, что тѣмъ самымъ заставилъ Цицерона и Ливія застонать въ глубинѣ своихъ саркофаговъ.

— Ага, ну склоняй!—издѣвается учитель.

Ясь послѣдователенъ, а потому съ преспокойнымъ видомъ начинаетъ:

— Nego, nei, nihi, ne, ne!

Тутъ ужъ мало впечатлительный, но все же классическій духъ филолога возгорается священнымъ негодованіемъ.

— А теперь довольно!—цѣдитъ онъ сквозь зубы.

Ясь ретируется на мѣсто, а Орелъ, схвативъ перо, дѣлаетъ имъ быстрое и короткое движеніе.

— Сколько?—спрашиваетъ Ясь у Антека.

Послѣдній, однако, сбитъ съ толку. По его мнѣнію, товарищъ отвѣчалъ очень хорошо; трудно, значитъ, предположить, чтобы ему поставили колъ; но что же другое, въ такомъ случаѣ, могъ онъ получить?

— Четверку развѣ!—шепчетъ онъ.

Нерѣшительный отвѣтъ Антека, странное поведеніе учителя,—все возбуждаетъ неувѣренность и опасеніе въ маленькомъ сердечкѣ Яся. Такъ какъ, однако, гимназическіе баллы до поры до времени облечены въ глубокую таинственность (почему—это опять-таки тайна педагогики), то Ясь принужденъ до конца экзамена оставаться въ высшей степени раздраженномъ состояніи ожиданія.

Къ четыремъ часамъ экзаменъ кончается; мальчуганы выходятъ, учитель же остается въ классѣ переписать начисто баллы и вывести окончательное рѣшеніе.

Въ корридорахъ пусто и тихо; небольшая кучка ожидающихъ мальчиковъ не въ состояніи оживить сѣрыя стѣны: слишкомъ ужъ они измучены. Лихорадочное состояніе возбужденія прошло; голодъ и утомленіе даютъ себя чувствовать. Одни вынимаютъ изъ кармана завтракъ; другіе ѣсть еще не въ состояніи и садятся на ранцы, чтобы такимъ образомъ отдохнуть. Всѣ испытываютъ легкую боль въ вискахъ и колотье въ глазахъ.

Вдругъ заглядывающій въ классъ черезъ замочную скважину Антекъ восклицаетъ:

— Идетъ!

Вся команда вскакиваетъ на ноги и тѣснится къ дверямъ. Выходитъ Орелъ.

— Баллы! Баллы!—кричатъ хоромъ мальчуганы.

Орелъ достаетъ листъ и среди гробовой тишины читаетъ поочередно фамиліи, называя при каждой соотвѣтственный баллъ.

Ясь записанъ послѣднимъ. По мѣрѣ чтенія одни лица проясняются улыбкой, по другимъ пробѣгаетъ облако печали.

— Сикора три, Скальскій единица,—кончаетъ учитель.

Послѣдній баллъ производитъ необыкновенное впечатлѣніе; среди учениковъ происходитъ движеніе, потомъ опять воцаряется тишина, и вдругъ раздается крикъ, въ которомъ звучатъ жалоба, отчаяніе и протестъ:

— За что?

Стонъ этотъ вырывается изъ блѣдныхъ устъ Яся.

Уши учителя, чрезвычайно воспріимчивыя къ протесту, различаютъ въ крикѣ мальчика исключительно этотъ тонъ. Лицо Орла становится поразительно хищнымъ; въ его глазахъ вспыхиваетъ желтоватый огонекъ, а съ тонкихъ губъ слетаютъ хриплыя слова:

— Ты еще спрашиваешь за что? Какъ ты смѣешь!.. Я тебѣ!..

Тутъ онъ впивается своими острыми глазами въ блѣдное лицо Яся.

Наступаетъ минута такой тишины, что слышно ускоренное дыханіе маленькихъ грудей, напряженные удары пульса въ вискахъ и тяжелое сопѣніе Орла, взглядъ котораго встрѣчаетъ горящіе глаза не только Яся, но и остальныхъ мальчугановъ, до глубины души возмущенныхъ этимъ балломъ.

Проходитъ нѣсколько мгновеній въ этой борьбѣ взглядовъ. Учитель, наконецъ, опускаетъ глаза и цѣдитъ сквозь зубы полныя злобы и яда слова:

— Правда! ты второгодникъ: значитъ, ты уже не ученикъ...

Съ этими словами онъ отворачивается и медленно удаляется, стуча каблуками.

— Скотина!—несется вслѣдъ за нимъ сдержанный шопотъ. Затѣмъ вся группа молча собирается уходить.

Первымъ спускается съ лѣстницы, хватаясь за перила, Ясь. Товарищи провожаютъ его взорами, полными сочувствія и уваженія, точно солдаты собрата, получившаго въ ожесточенномъ бою смертельную рану.

Ясь и впрямь производитъ впечатлѣніе раненаго: идетъ онъ, шатаясь, блѣдный, какъ трупъ, а въ груди ощущаетъ оловянную, не дѣтскую тяжесть разнородныхъ чувствъ, надъ которыми царитъ жгучее чувство обиды, тѣмъ болѣе живое и сильное, что зародилось оно въ свѣжей душѣ ребенка, котораго жизнь не успѣла еще пріучить ни къ тому, чтобы терпѣть обиду, ни къ тому, чтобы обижать другихъ.

Пани Марія, вернувшись со своихъ уроковъ, уже съ часъ нетерпѣливо ожидаетъ сына, подбѣгая поминутно то къ одному окну, то къ другому. Изъ маленькой кухни доносится вмѣстѣ съ паромъ и запахомъ кушаній ворчаніе старой Яновой:

— Ахъ! этотъ барчукъ всегда опаздываетъ! Все простынетъ, а жаркое высохнетъ, какъ подошва!

— Дѣйствительно! Что же это его еще нѣтъ?—шепчетъ пани Марія и, чтобы убить время, принимается подбирать на фортепіано какую-то трудную мелодію.

Но черезъ мгновеніе она бросаетъ это занятіе, подбѣгаетъ къ окну и внимательно смотритъ на улицу въ надеждѣ замѣтить синюю шапку—увы! тщетно. Со вздохомъ возвращается она назадъ и то перелистываетъ старинный альбомъ, то приводитъ въ порядокъ бездѣлушки на письменномъ столѣ.

Между тѣмъ раздается тихій звонокъ. Пани Марія срывается съ мѣста съ радостнымъ крикомъ «Ясь!» и, открывая дверь, быстро спрашиваетъ:

— Ну, что же у тебя, мой мальчикъ?

Блѣдное лицо Яся, плотно сжатыя губы, синіе круги подъ глазами слишкомъ краснорѣчиво говорятъ за него.

Пани Марія блѣднѣетъ не менѣе сына, отступаетъ на нѣсколько шаговъ въ глубь комнаты, на мигъ остается неподвижной, словно окаменѣлая статуя, затѣмъ хватается дрожащими руками за виски и съ глухимъ стономъ: «Боже! Боже!» падаетъ на стулъ.

Ясь стоитъ въ углу и поглядываетъ исподлобья на мать съ жесткимъ лицомъ и сухими глазами. Между тѣмъ входитъ Янова съ

приборами и дымящейся миской супа. Замѣтивъ эту сцену, она молча оставляетъ все на столѣ и выходитъ, ворча:

— Пришелъ! опять *провалился*!

— Сколько же ты получилъ?—спрашиваетъ, наконецъ, пани Марія упавшимъ голосомъ, въ которомъ дрожатъ подавленныя слезы.

— Колъ,—сухо отвѣчаетъ Ясь.

— За что? побойся ты Бога!—взываетъ пани Марія тономъ упрека и сожалѣнія.

— Спроси у нихъ!—звучитъ рѣзкій отвѣтъ.

Пани Марія, какъ ужаленная, вскакиваетъ вдругъ со стула съ зажмуренными отъ ужаса глазами, долго всматривается въ лицо сына и, наконецъ, подавленная и обезсиленная, шепчетъ:

— Что это, Ясь! Какъ ты говоришь со мной?

Ясь опускаетъ глаза и молчитъ.

Тѣмъ временемъ мать начинаетъ быстро шагать по комнатѣ съ лицомъ безпомощнаго ребенка, ломая свои маленькія руки. Жалость къ сыну смѣнилась глубокимъ горемъ, почти отчаяніемъ. Пани Марія теперь догадывается, что Яся обидѣли, и видитъ, что сынъ, въ свою очередь, обижаетъ ее. Пани Марія, однако, мать; благодаря этому ея горечь и глубокая тоска обращаются не противъ Яся, а противъ источника, изъ котораго, по ея мнѣнію, все это исходитъ. Боль ея вскорѣ переходитъ въ чувство, граничащее съ бѣшенствомъ.

— Пойду, пойду!—нервно шепчетъ пани Марія, надѣвая шляпу.— Скажу имъ, скажу все! все!—прибавляетъ она уже громко, поспѣшно выбѣгая изъ комнаты.

Уже довольно поздно: вѣроятно, около шести часовъ. Солнце закатилось за городскія стѣны. На улицахъ вмѣстѣ съ холодомъ усиливаются шумъ и движеніе. Разношерстная толпа хлынула на городъ и плыветъ по улицамъ въ разныя стороны, подобно шумнымъ притокамъ горнаго ручья. Громкій говоръ и смѣхъ сливаются съ криками мелочныхъ торговцевъ, съ гнусавыми воплями нищихъ: «Хоть грошикъ, сострадательный баринъ!», съ сильными звонками электрическихъ трамваевъ. Надъ всѣмъ этимъ царитъ грохотъ и шумъ катящихся экипажей.

Шумъ этотъ отнюдь не безсмысленъ. Сегодня, напримѣръ, онъ производитъ впечатлѣніе насмѣшливаго хохота великана. Чему смѣются эти избитыя копытами мостовыя? Не тому ли, что пани Марія, такая маленькая и миніатюрная, такъ быстро бѣжитъ къ сѣрому зданію, фундаментъ котораго значительно выше ея, ручка у дверей такъ толста, что ей ни за что не охватить ее одной рукой, а замочная скважина втрое больше громадной слезы, катящейся по ея щекѣ.

Увы! Пани Марія не слышитъ этого насмѣшливаго хохота. Минуя улицу за улицей, попадаетъ она, наконецъ, на лѣстницу, запыхавшись, какъ усталая птичка.

— Что вамъ, барыня, угодно?—задерживаетъ ее старый сторожъ

— Учитель латыни здѣсь?—спрашиваетъ пани Марія, ловя запекшимися устами воздухъ.

— Который?

— Орелъ.

— А какъ же, всѣ здѣсь, сейчасъ только пошли на засѣданіе. Вотъ, барыня, пожалуйте сюда.

Пани Марія идетъ за сторожемъ и вскорѣ достигаетъ большого, мрачнаго корридора.

— Ого! уже началось, вы должны, барыня, обождать,—тянетъ сторожъ, заглядывая черезъ стеклянную дверь во внутрь залы, откуда долетаютъ сдержанные голоса и льется слабый потокъ свѣта.

Спустя нѣкоторое время сторожъ садится на табуретъ у стѣны, а пани Марія принимается шагать вдоль дверей взадъ и впередъ, подобно энутомимому маятнику.

— Не отдохнете ли?—говоритъ послѣ длинной паузы сторожъ, придвигая ей стулъ.

Пани Марія принимаетъ эту услугу съ благодарностью. Она, очевидно, страшно устала: ноги у нея просто подкашиваются; вдобавокъ все то, что она намѣревалась сказать, что представлялось ей дома такъ ясно, теперь куда-то безслѣдно исчезло, такъ что она съ трудомъ собирается съ мыслями, чтобы составить самый простой вопросъ. Чувствуя, однако, что надо же что-либо предпринять въ защиту сына, она терпѣливо ждетъ.

Изъ залы отъ времени до времени долетаютъ то отрывокъ фразы, то смѣхъ; разъ даже поднимается такой сильный шумъ, что пани Марія срывается съ мѣста, а сторожъ выпрямляется, считая совѣтъ уже оконченнымъ.

Тревога, однако, оказывается ложной. Залъ опять затихаетъ до такой степени, что слышатся явственно тиканье висящихъ надъ дверями часовъ и отдаленное бренчаніе фортепіано.

Засѣданіе тянется страшно долго. Пани Маріи между тѣмъ вспоминается, что ей незнакома даже наружность Орла. Она обращается съ соотвѣтственнымъ вопросомъ къ сторожу.

— Я вамъ подмигну, отвѣчаетъ тотъ.—Эге! да кажется, уже идутъ,—прибавляетъ онъ, приближаясь къ дверямъ.

И дѣйствительно, слышенъ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, затѣмъ шаги, дверь отворяется, и мрачный корридоръ проясняется волной свѣта и сіяніемъ нѣсколькихъ лысинъ. Лысые господа, одѣваясь, довольно равнодушно приглядываются къ пани Маріи, которая точно приросши къ стѣнѣ, стоитъ съ пылающимъ лицомъ, въ сильномъ смущеніи, выразительно поглядывая на сторожа. Наконецъ, послѣдній многозначительно подмигиваетъ. Показывается Орелъ, а за нимъ какой-то безцвѣтный господинъ небольшого роста, въ пенснэ, съ мягкимъ, благороднымъ профилемъ и усталыми сѣрыми глазами.

Пани Марія загораживаетъ обоимъ дорогу.

— Сударь!—обращается она къ Орлу.

Сѣрый господинъ отступаетъ на нѣсколько шаговъ и, облокотясь о косякъ двери, слушаетъ.

— Сударь, неувѣренно шепчетъ пани Марія, силясь вспомнить съ трудомъ приготовленную фразу,—мой сынъ...

— Что сынъ?! кто? фамилія?..—нетерпѣливо спрашиваетъ Орелъ.

— Скальскій,—шепчетъ пани Марія.

— А, этотъ! Ну что же? Вы должны намъ быть благодарны за то, что позволяемъ ему добровольно выступить изъ гимназіи! Неучъ и вдобавокъ дерзкій. Вы же сами въ этомъ виноваты,—вспыхиваетъ Орелъ,—дурно его воспитываете, какъ, впрочемъ, всѣ вы!..

Сѣрый господинъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, какъ бы желая что-то сказать; въ сѣрыхъ глазахъ его вспыхиваетъ молнія, но она быстро гаснетъ. Человѣкъ этотъ лишь улыбается какъ-то странно-печально и остается въ прежней позѣ.

— Но, сударь!.. онъ учился...—заикается пани Марія.

— Пусть хоть совсѣмъ не учится, лишь бы зналъ. Видно, неспособный!.. Учился... ху! ху! ху! Nego склоняетъ, какъ ego... Весь совѣтъ надъ этимъ смѣялся. Подобную ерунду можетъ выпалить идіотъ...—гремитъ далѣе Орелъ.—Впрочемъ, у меня нѣтъ времени!—добавляетъ онъ, собираясь уходить.

Съ послѣднимъ эпитетомъ, произнесеннымъ по адресу Яся, пани Марія вздрогнула всѣмъ тѣломъ, силясь что-то сказать... но что именно—неизвѣстно, такъ какъ голосъ замеръ у нея въ груди. Она съ минуту постояла, затѣмъ отвернулась и тихо ушла съ острой болью въ груди и необычайной путаницей въ головѣ.

— Это неправда! неправда!—тихо шепчетъ пани Марія, стараясь такимъ образомъ отогнать такъ и впивающееся въ ея мозгъ выраженіе, которое она не въ состояніи понять. Ея Ясь и идіотъ?! Да это невозможно! Неспособный? Этому даже повѣрить нельзя не только потому, что Ясь ея сынъ, но и потому, что ему предстоитъ еще выполнить одно назначеніе, о которомъ пани Марія не разъ мечтала въ тихіе вечера... И вотъ теперь, когда она идетъ, такая измученная и убитая, ей вспоминается та горькая минута, когда мужъ, надрываясь отъ кашля, тихо прошепталъ, указывая исхудалой рукой на лежащую на письменномъ столѣ рукопись:

— Не только васъ мнѣ жалко, но и этого недоконченнаго сочиненія.

А пани Марія тогда, едва сдерживая слезы, сверхчеловѣческимъ усиліемъ вызвала на уста притворную улыбку, сказавъ почти весело:

— Ты самъ его докончишь. А если не сможешь, Ясь тебя выручитъ!—добавила она съ глубокой вѣрой.

И вотъ сегодня велятъ ей вѣрить, что это никогда не сбудется... Весь совѣтъ смѣялся... А если справедливо?

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторяетъ пани Марія, хватаясь за фонарный столбъ.

— Что съ вами?—отзывается вдругъ голосъ.

Пани Марія, съ ужасомъ взглянувъ впередъ, замѣчаетъ стоящаго передъ ней сѣраго господина.

— Ничего, ничего,—отвѣчаетъ она съ трудомъ, силясь идти дальше.

— Развѣ вы меня не узнаете?—тянетъ обладатель пенснэ.—Я—Концкій, иначе говоря, скучный старый математикъ, имѣвшій честь учить и мужа вашего, и сына.

Тутъ пани Марія вспоминаетъ, что гдѣ-то уже видѣла это лицо, но гдѣ—не помнитъ.

— Ничего удивительнаго, дѣла давно минувшихъ дней,—продолжаетъ господинъ.—Измѣнился не только я, но и свѣтъ... О чемъ вы плачете, прибавляетъ онъ мягко.—Слышалъ я, что сказалъ вамъ этотъ оселъ. Стоитъ огорчаться?! Ужъ скорѣе я имѣлъ бы право плакать, теряя способнаго ученика... Жаль мнѣ его: понималъ ариѳметику. Повѣрьте, мнѣ отъ души его жалко; онъ мальчикъ мыслящій, этотъ вашъ Ясь, пошелъ, видно, въ отца. Онъ единственный спросилъ у меня: какимъ образомъ дробь девять въ періодѣ можетъ равняться единицѣ? А впрочемъ, правда, вы, пожалуй, этого не понимаете, напрасно только навожу на васъ скуку, ужъ это мое обыкновеніе!

— Да нѣтъ же!—живо протестуетъ пани Марія.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ, хвалящій и защищающій передъ ней Яся, кажется ей ангеломъ небеснымъ, а его тихія слова льются какъ бальзамъ, въ ея измученное сердце.

— Да, да, тянетъ далѣе математикъ,—ни одинъ изъ старшихъ надъ этимъ не задумался. Поставилъ я ему за этотъ вопросъ пятерку: единственный способъ доказать ему мою благодарность... Жаль мнѣ его! Еслибъ не то, что меня здѣсь не любятъ, и вишу я на волоскѣ, я бы, пожалуй, на сегодняшнемъ совѣтѣ попробовалъ его защищать. Хотя впрочемъ... какъ знать, не лучше ли, что онъ распрощался съ гимназіей...

— Какъ такъ?—спрашиваетъ пани Марія съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Видите ли,—отвѣчаетъ господинъ, поправляя пенснэ:—въ нынѣшнихъ гимназіяхъ... вообще повсюду господствуетъ одна общая мѣра, выше которой не безопасно высунуть голову. Вещь весьма понятная. Торгашескій умъ и трудолюбіе цѣнятся въ лавкѣ и на фабрикѣ, слѣдовательно, цѣнятся въ мірѣ, который превращается въ гигантскій рынокъ и чудовищную фабрику. Ничего, значитъ, удивительнаго, если школа признаетъ только эти двѣ ничтожныя способности, другія же презираетъ... Теперь уже наука не развивается, ибо нѣтъ жрецовъ, а въ старинныхъ святыняхъ расположились дѣльцы мысли и трудолюбивая моль...

— О, да, прибавляетъ онъ, спустя мгновеніе, какъ бы про себя,—и я нѣкогда думалъ о четвертомъ измѣреніи, а нынѣ и трехъ не въ состояніи хорошо понять... Мнѣ налѣво, а вамъ?—прерываетъ онъ вдругъ.

— Мнѣ тоже,—отвѣчаетъ пани Марія.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ вмѣстѣ,—продолжаетъ онъ, странно улыбаясь.—Впрочемъ, я думаю, что не четвертое измѣреніе васъ интересуетъ, а расходы. Вотъ мы это сейчасъ и вычислимъ. Платя хорошему репетитору двадцать рублей въ мѣсяцъ (цѣна высокая!) за часъ ежедневныхъ занятій, чего вполнѣ достаточно, такъ какъ мальчуганъ, ручаюсь вамъ, за этотъ часъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ въ классѣ за пять, вы потратите, допустимъ, на его ученіе лишнихъ сто пятьдесять рублей въ годъ; считаю слишкомъ много, но пусть такъ! Помноживъ эту сумму на шесть, получимъ девятьсотъ рублей: разница порядочная! Но за эти деньги одинъ изъ представителей нашей молодежи получитъ возможность содержать себя, а вашъ Ясь не будетъ принужденъ ежедневно въ теченіе пяти часовъ дышать затхлымъ воздухомъ класса, отравлять себѣ жизнь двойками, обманывать учителей, хитрить, лгать, портить себѣ легкія, сердце и мозгъ. Какъ будто не слишкомъ дорого. Обратите при этомъ вниманіе на то, что черезъ какіе-нибудь три года Ясь сможетъ учиться самъ, пользуясь только указаніями доброжелательныхъ людей, которыхъ онъ въ концѣ концовъ найдетъ повсюду. Такимъ образомъ онъ еще въ барышѣ, такъ какъ привыкнетъ къ самостоятельному умственному труду, а разница въ расходѣ уменьшится на половину. Дальше. Изъ оставшихся четырехсотъ пятидесяти рублей вычтите издержки, идущія на обмундировку, безчисленное множество совершенно лишнихъ книгъ и доктора, который, навѣрно, будетъ рѣже къ вамъ заглядывать,—получится maximum триста. Если же и въ тѣхъ ощущается недостатокъ, отпустите прислугу, а Ясь, который будетъ тратить на ученіе вдвое меньше времени, можетъ смѣло чистить обувь и одежду себѣ, и матери, подметать комнаты, ставить самоваръ и присматривать за обѣдомъ. При такомъ соединеніи физическаго труда съ умственнымъ онъ, безъ сомнѣнія, ничего не потеряетъ, мало того, станетъ практичнымъ и научится стряпать — вещи, далеко не достойныя презрѣнія, — а значительная разница понизится до нуля. Такимъ образомъ, у мальчика будетъ возможность подготовиться къ экзамену зрѣлости и миновать одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ этаповъ. Да, эта бумага нужна наравнѣ съ другой бумагой, называемой дипломомъ. Хотя, какъ знать, стоитъ ли игра свѣчей? Конечно, легко можетъ статься, что у Яся безъ диплома доходы будутъ болѣе тощи; зато онъ, развитой, неисковерканный—счастливецъ!—будетъ жить полною жизнью и не дастъ заглохнуть основнымъ чертамъ своей души. Яся же раздавленнаго, запуганнаго, приготовленнаго по извѣстному рецепту, жизнь будетъ грызть и пожирать... Это, впрочемъ, слишкомъ сильно сказано. Жизнь не такъ

жестока: она сотретъ его, но только постепенно, какъ стираютъ другъ друга два мельничныхъ жернова.

— Такъ вы совѣтуете не посылать его въ школу? — вставила пани Марія.

— Я ничего не совѣтую, — прервалъ господинъ: — я только вычисляю; предупреждаю при этомъ, что я не педагогъ, хотя, можетъ, и надлежало бы мнѣ имъ быть. У меня, однако, никогда не было поползновенія на это, и, кажется, въ этомъ отношеніи я правъ. Ибо можетъ ли идти рѣчь о какомъ бы то ни было воспитаніи съ нашей стороны, если у меня нѣтъ никакой поруки въ томъ, что мои убѣжденія, моя воспитательная система, которой я буду придерживаться до конца дней своихъ, не будутъ разрушены, а можетъ и оплеваны тѣмъ, который послѣ пятиминутной перемѣны займетъ мое мѣсто на каѳедрѣ? А хотя бы даже господствовало полное единомысліе въ кругу насъ, учителей, усиліе это и тогда было бы тщетнымъ: вѣдь классъ составляется изъ всевозможныхъ типовъ и разнообразнѣйшихъ душевныхъ организацій; система же и правила были бы для всѣхъ одни и тѣ же, одинаково для всѣхъ обязательны. Итакъ, я не играю въ воспитатели и не читаю нотацій, которыя, кстати сказать, мальчуганы за спиной высмѣиваютъ; стараюсь только быть хорошимъ учителемъ, ибо тутъ я имѣю право и нѣкоторую возможность объяснить одинъ и тотъ же предметъ различными способами, приноравливаясь къ умственному складу каждаго изъ моихъ учениковъ. Воспитывать мы не въ состояніи; самое большее, что можемъ — это испортить. Воспитываетъ семья, или, скорѣе, вы, матери, а кромѣ васъ — еще товарищи.., Вы идете прямо?

— Да,—сочиняетъ пани Марія.

— Значитъ, намъ опять вмѣстѣ идти. Товарищи — это чрезвычайно важный элементъ въ воспитаніи, особенно для мальчиковъ постарше; къ счастью, сильное ихъ вліяніе дѣйствуетъ почти всегда положительнымъ образомъ. Вътеченіе десяти лѣтъ безъ очковъ, а теперь второй десятокъ чрезъ очки смотрю я на жизнь, и никогда еще не случалось мнѣ встрѣчаться съ фактомъ, чтобъ заправилой класса былъ мальчикъ испорченный и подлый. Вещь опять-таки понятная, коль скоро даже въ мірѣ взрослыхъ зло невольно покоряется тому, что благородно и возвышенно, мерзкое чувствуетъ себя обязаннымъ держать отвѣтъ передъ прекраснымъ, а эгоизмъ не рѣшается выступать открыто, кроясь подъ всевозможными масками. Тѣмъ болѣе то же должно происходить въ дѣтскомъ мірку, который по природѣ благороднѣе насъ.

Тутъ математикъ печально покачалъ головой и, повторивъ еще разъ: «Да! благороднѣе», умолкъ.

Такъ прошли они нѣсколько шаговъ, пока, наконецъ, на перекресткѣ сѣрый господинъ, остановившись, не спросилъ:

— Ну, вамъ теперь куда?

— Налѣво,—возразила пани Марія.

— А мнѣ направо. Итакъ, пока прощайте. Осмѣлюсь вамъ дать одинъ единственный совѣтъ: не ограждайте своего сына отъ другихъ дѣтей; пусть бѣгаетъ съ ними, играетъ въ мячъ, пусть рветъ платье, разбиваетъ себѣ носъ: чѣмъ больше шишекъ наживетъ онъ, тѣмъ лучше. А если придетъ охота, пусть малышъ забѣжитъ ко мнѣ. Живу я здѣсь, въ пятомъ номерѣ. Поболтаемъ о дробяхъ.

Съ этими словами онъ неловко поклонился, а пани Марія, сердечно пожавъ ему обѣ руки, полная надежды, хотя и не совсѣмъ спокойная, быстро направилась къ своей квартирѣ.

На порогѣ мрачно встрѣтила ее Янова.

— Что это вы сдѣлали мальчику?—сказала она съ упрекомъ.—Ничего бѣдняжка не ѣлъ, сидитъ себѣ въ уголку, какъ барсукъ. И совсѣмъ-то у васъ нѣтъ жалости къ мальчишкѣ!

Въ глазахъ пани Маріи опять блеснули слезы; вбѣжавъ въ комнату, вытащила она Яся изъ угла и принялась осыпать его градомъ поцѣлуевъ, причемъ мальчикъ началъ дрожать, какъ листъ, и вдругъ разразился громкими рыданіями.

— Ну, тише, тише!—шептала пани Марія, прижимая его свѣтлую головку къ своей груди.—Не плачь! Не плачь!—повторяла она, всхлипывая вмѣстѣ съ сыномъ.

И неизвѣстно, какъ долго плакали бы оба, если бы не вмѣшательство практичной Яновой, которая, вытирая фартукомъ свои честные глаза, объявила рѣшительно:

— Я подогрѣю жаркое, а вы будете ѣсть, да!

Мысль эта встрѣтила общее одобреніе. Сынъ и мать порядкомъ проголодались; поэтому порція жаркого, глотаемаго съ остатками слезъ, стала быстро уменьшаться, къ великой радости Яновой, дорожившей добрымъ именемъ хорошей кухарки.

Во время ѣды пани Марія вкратцѣ разсказала Ясю о результатѣ своего путешествія.

— Да, да, мой Ясь!—кончила она.—Съ недѣлю отдохнешь, а затѣмъ у тебя будетъ учитель... У меня же прибавится еще часъ игры, —мысленно шепнула она.

Ясь, съ широко открытыми глазами, съ удивленіемъ прислушивался къ словамъ матери. На лицѣ его сіяла радость, смѣшанная съ любопытствомъ.

— Ну, а теперь спать; это намъ обоимъ необходимо,—прибавила пани Марія, цѣлуя нѣсколько разъ сына.

Ясь началъ раздѣваться; но едва скользнувъ подъ одѣяло, онъ вдругъ нахмурился:

— За что же онъ мнѣ поставилъ колъ?

— Ахъ, правда! — возразила пани Марія. — Онъ что-то говорилъ объ этомъ, погоди, я вспомню... Кажется, nego.

— Да, nego, nego, мамочка,—подхватилъ Ясь, сорвавшись въ одной рубахѣ съ кровати и, схвативъ словарь, началъ лихорадочно его перелистывать.

— Nego, negavi, negatum, negare—глаголъ,—произнесъ онъ съ разстановкой, съ сконфуженнымъ лицомъ,—значитъ: противорѣчу, опровергаю, говорю, что нѣтъ, протестую.

— Ну, ужъ это слово, кажется, будетъ памятно намъ обоимъ!— прервала пани Марія, направляясь въ свою комнату.

— О, да, мамочка!—съ силой проговорилъ Ясь и, ложась въ постель, упорно шепталъ: nego, negavi, negatum, negare.

Между тѣмъ городъ мало-по-малу успокаивался; на небо надвигалась ночь, ведущая за собой милліоны звѣздъ, тишину и сонъ. Огромный мѣсяцъ выглянулъ изъ-за крышъ высокихъ домовъ и бросилъ узкій снопъ печальнаго свѣта въ окна тихой квартирки.

— Мама, ты уже спишь?.. Я не могу...—прошепталъ вполголоса Ясь.

Пани Марія тоже не спала... Оба находились въ томъ странномъ состояніи изнуренія и вмѣстѣ съ тѣмъ разстройства, вызваннаго наплывомъ впечатлѣній, когда глаза просто слипаются, а заснуть нѣтъ возможности, такъ какъ отрывки мыслей и тысячи безпорядочныхъ образовъ назойливо лѣзутъ въ голову; все это переплетается, скучивается, опять разсѣивается, какъ стаи спугнутыхъ голубей.

— Нѣтъ, не сплю,—вздохнула пани Марія и рѣшила прибѣгнуть къ средству, которымъ успокаивала обыкновенно свою тревогу и не разъ усыпляла раскапризничавшагося Яся.

Она встала съ кровати, всунула свои миніатюрныя босыя ножки въ войлочныя туфли, накинула свѣтлый капотъ и, утопая въ каскадѣ непокорныхъ волосъ, приблизилась къ клавіатурѣ піанино.

Полились тихіе, сдавленные звуки... Что именно играла пани Марія, опредѣлить трудно: это было какое-то potpourri изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ мелодій, соединенныхъ переходами собственной импровизаціи, чрезвычайно выразительными и печальными. Игра ея не отличилась технической бѣглостью, зато трогала бездной чувства. Это была какая-то тихая пѣснь, исторгнутая изъ глубины души, въ которой слышались и безпомощный плачъ заблудившагося въ лѣсу ребенка, и тревожное щебетаніе птицъ, разбуженныхъ въ темную ночь заревомъ пожара, и тоска гнилыхъ крестовъ на распутьи, печально стоящихъ во время зимней метелицы. Минутами казалось, что дрожащіе звуки исходятъ не изъ клавишей, а прямо изъ маленькихъ пальчиковъ, изъ затуманившихся глазъ пани Маріи, стекаютъ съ ея свѣтлыхъ волосъ, скатываются со звѣздъ, заглядывающихъ въ окно.

А луна поднимается все выше и выше, все болѣе яркимъ свѣтомъ наполняетъ она тѣсную квартирку. Небо заискрилось міріадами бри-

ліантовъ, млечный путь растянулъ свои широкія серебряныя покрывала...

Ночь становилась свѣтлой, но вмѣстѣ съ тѣмъ дивно-печальной, а ея грусти вторили полные аккорды шопеновскаго ноктюрна...

Вотъ мелодія уже такъ слилась съ ночью, что трудно отличить, гдѣ играетъ пани Марія и гдѣ—ночь; рыдаютъ ли то струны, или звѣзды плачутъ?

И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда большой голубой метеоръ оторвался отъ небеснаго свода и, безшумно пронесшись, погасъ надъ землей, простоналъ послѣдній звукъ...

Пани Марія медленно встала, прошла, точно во снѣ, комнату и, приблизившись къ кровати сына, опустилась возлѣ нея на колѣни, такъ что длинные ея волосы смѣшались со снопомъ лежащихъ на полу золотыхъ лучей мѣсяца.

Ясь спокойно спалъ, лежа навзничь; одну руку подложилъ онъ подъ голову, другая безсильно свѣсилась съ подушки. Полуоткрытыя губы и тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ подъ глазами клали на его лицо отпечатокъ грусти и усталости. Вдругъ маленькая складочка прорѣзала матовый лобъ, на губахъ появилось обычное выраженіе упрямства—и Ясь, громко отчеканивая каждое слово, проговорилъ сквозь сонъ:

— Nego, negavi, negatum, negare—опровергаю, протестую...

Пани Марія вздрогнула, какъ бы охваченная невыразимымъ испугомъ, затѣмъ съ полными слезъ глазами склонилась надъ изголовьемъ сына и закрыла ему уста горячимъ поцѣлуемъ, въ которомъ растаялъ суровый видъ мальчика, а лицо приняло прежнее выраженіе спокойствія и меланхоліи...

И долго еще пани Марія пристально всматривалась въ дорогіе глаза, въ которыхъ видѣла минувшее прошлое, съ такой задумчивостью во взорѣ, что, казалось, хотѣла отгадать по нимъ будущее.

Въ рамкѣ этой ночи оба составляли такую прекрасную, печальную полную гармоніи группу, что всѣ звѣзды, до которыхъ сейчасъ только успѣли долетѣть звуки сыгранной мелодіи, спрашивали другъ у друга: не являются ли они заколдованнымъ воплощеніемъ послѣднихъ аккордовъ только что прозвучавшаго ноктюрна?

ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ.

(*Окончаніе* *).

III.

Изъ зоологической эволюціи—въ мышцахъ, въ органахъ чувствъ, въ мозгу, въ своихъ координированныхъ движеніяхъ, въ инстинктахъ и желаніяхъ человѣкъ принесъ съ собою на міровую арену ясное чувственное противопоставленіе своего «я» всей окружающей его средѣ.

Человѣку осталось только *сознать* это противопоставленіе и продолжать въ сознаніи давно уже производившуюся его предками безсознательно работу расчлененія «не-я» на ряды индивидуальностей.

Также изъ зоологической эволюціи принесено человѣкомъ смутное представленіе о пространствѣ и еще болѣе смутное предчувствіе идеи о времени. Пространство создалось, когда впервые появился организмъ, владѣвшій опредѣленной формой и активно двигавшійся: логика заставляетъ меня признать наличность въ такомъ организмѣ нѣкотораго ощущенія пространства, — онъ смутно ощущаетъ свой объемъ, свою форму, какъ нѣчто болѣе постоянное, и противопоставляетъ ихъ окружающему измѣнчивому и текучему.

Смутное представленіе о времени имѣетъ уже животное, которое помнитъ: у такого животнаго есть уже не только настоящее, но и прошлое; будущее только еще намѣчается въ тѣхъ инстинктахъ, которые заставляютъ, напр., бѣлку дѣлать запасы орѣховъ на зиму; но все же это одни, такъ сказать, предчувствія и, какъ мы уже указывали, время, особенно будущее, является созданіемъ, главнымъ образомъ, человѣка, который можетъ дѣлать объектомъ наблюденія и чужія индивидуальности и свою собственную.

Наблюдая самого себя, человѣкъ увидѣлъ, что не только измѣняются, въ той или другой степени, созданные имъ ряды индивидуальностей, но мѣняется и онъ самъ: онъ то бодрствуетъ, то спитъ, то въ гнѣвѣ сжимаетъ кулаки и бросается на врага, то ласкаетъ женщину, то пляшетъ и радуется, то плачетъ и чувствуетъ себя подавленнымъ. Но такъ сильно было чувство индивидуальности въ первобытномъ чело-

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1904 г.

вѣкѣ, такъ рѣзко противопоставлялъ онъ себя всему окружающему, что и эти перемѣны, происходящія въ немъ, онъ могъ осмыслить только какъ нѣчто привносимое въ него извнѣ другими индивидуальностями: онъ спитъ, потому что богъ сна послалъ ему сонъ, онъ гнѣвенъ, онъ бросается на врага, такъ какъ богъ мести, богъ войны вселились въ него, онъ любитъ, такъ какъ амуръ пронзилъ его стрѣлой.

Тожество «я» была первая *законность*, которую установило сознаніе, но это тожество или, вѣрнѣе, тожество своей индивидуальности уже раньше было прочувствовано зоологически. Мы знаемъ теперь, что законность эта требуетъ многихъ поправокъ, что измѣненія, которыя я наблюдаю, происходятъ *во мнѣ самомъ*, что тожество это нужно понимать не какъ неизмѣняемость «я», а какъ неизмѣнное противопоставленіе текучаго и въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняющагося «я» внѣшнему міру, разложенному человѣкомъ на ряды другихъ индивидуальностей, тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняющихся.

Изученіе этой измѣнчивости, текучести—и нашего сознанія и вообще всей нашей индивидуальности—дало поводъ нѣкоторымъ новѣйшимъ философамъ утверждать, что и самое «я» есть такая же фикція, иллюзія, какъ и внѣшній міръ—«не я», что *существуетъ* только «комплексъ ощущеній», или точнѣе «переживаній». Въ этомъ утвержденіи философы-«реалисты» пошли даже дальше чистыхъ метафизиковъ, которые отрицаютъ, въ большинствѣ случаевъ, только существованіе внѣшняго міра, но цѣпляются за сознаніе, какъ единственную неоспоримую сущность.

Здѣсь мнѣ опять приходится возвращаться уже къ сказанному и повторять, что самое слово «существую» человѣкъ примѣнилъ прежде всего къ своему «я», къ своей собственой индивидуальности, а также и другимъ индивидуальностямъ-объектамъ, по мѣрѣ того, какъ выдѣлялъ ихъ изъ «не-я».

Сознающее «я» создало идею о «комплексѣ ощущеній», и замѣщать этимъ комплексомъ все цѣлостное «я», это—дѣлать ту же ошибку, которую мы отмѣчали уже у теологовъ и метафизиковъ, когда они пытаются убить тѣло и подставить вмѣсто цѣлокупной красочной индивидуальности сухое, безцвѣтное сознаніе.

Попытка тщетная и безплодная. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ самоцѣнную нераздѣльную индивидуальность, когда любитъ, когда мститъ, когда творчески работаетъ, когда созидаетъ будущее. Въ каждомъ человѣкѣ не только комплексъ ощущеній, но и творческое начало, оно является блестящимъ выразителемъ индивидуальности, какъ цѣлокупнаго и самоцѣннаго центра.

«Я» разложило себя на ряды ощущеній и переживаній, но утверждать на основаніи этого объ исчезновеніи, о фиктивности «я» все равно, что говорить объ исчезновеніи воды, такъ какъ вода состоитъ изъ водорода и кислорода, или о фиктивности человѣческаго организма,

о фиктивности клѣтки, такъ какъ организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, а клѣтка изъ ядра, протоплазмы и въ концѣ концовъ изъ разнообразныхъ химическихъ соединеній. Дѣйствительно, частица воды можетъ быть разложена на двѣ частицы водорода и одну частицу кислорода, но все же и частица воды существуетъ, какъ самоцѣнная индивидуальность; такой же индивидуальностью является и клѣтка, и человѣкъ.

Активности человѣческой индивидуальности, ея созиданія будущаго не принимаютъ во вниманіе философы, замѣщающіе «я» комплескомъ ощущеній.

Я думаю, что знаменитый физіологъ Петенкоферъ, покончившій съ съ собой самоубійствомъ на 80-мъ году жизни изъ-за того, что началъ замѣчать въ себѣ ослабленіе умственной энергіи, прекрасно чувствовалъ и сознавалъ, что онъ не только «комплексъ ощущеній»; онъ уважалъ въ себѣ свое прошлое и страшился унизительнаго будущаго...

Я знаю, что я былъ ребенкомъ, юношей, знаю, что буду старикомъ, если доживу до старости,—но и ребенкомъ и юношей я чувствовалъ противопоставленіе своей индивидуальности всему остальному, совершенно особое противопоставленіе, только мнѣ свойственное и отличающее меня отъ другихъ индивидуальностей; отдѣльныя черты этого противопоставленія мѣнялись, но въ цѣломъ оно было всегда мое, особенное, рѣзко мною отличимое отъ другихъ; я знаю, я убѣжденъ, что и въ старости, хотя многіе элементы привзойдутъ въ мою индивидуальность, многіе выпадутъ, но все же она сохранитъ свой основной тонъ, свое спеціальное, неповторимое противопоставленіе окружающему міру, какъ сохраняетъ весь мой организмъ свою особенную архитектуру, несмотря на то, что кровь и клѣтки, его составляющія, мѣняются нѣсколько разъ въ теченіе жизни. Я ношу въ себѣ свое прошедшее и творю свое будущее. Я убѣжденъ, что наука, литература, искусство не только теперь, но всегда будутъ мнѣ дороги, что въ нихъ для меня будутъ особенно интересны нѣкоторыя области; я убѣжденъ, что почти все, что я ненавижу теперь, я буду ненавидѣть и послѣ, я убѣжденъ, что не только теперь жажду разрушенія Карѳагена, но и буду жаждать, пока онъ не падетъ. Еще точнѣе, еще опредѣленнѣе я знаю, чего я не буду дѣлать: ничто не заставитъ меня служить въ жандармахъ или въ цензорахъ, несмотря на безспорный интересъ этой службы, или заниматься доносами, писать въ «Новомъ Времени», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Гражданинѣ», изучать латинскую грамматику и генеалогію голштинскаго дома; я знаю, что я не буду выть шовинистическихъ пѣсенъ и писать такъ называемыхъ «патріотическихъ» статей, не буду «націоналистомъ», антисемитомъ, но не буду и марксистомъ. Все это я хорошо чувствую и знаю только *одинъ я*, пока не сообщу другимъ, но другіе мнѣ могутъ и не повѣрить.

Опять-таки повторяю, философы, сотворившіе себѣ кумиръ въ видѣ безличнаго «комплекса сгущеній» вычеркиваютъ изъ человѣка зоологическую индивидуальность, его самочувствіе, его активность и его будущее.

Но и самая защита этими философами истинности своихъ положеній, ихъ полемическій задоръ, ихъ стремленіе найти учениковъ и адептовъ компрометируютъ ихъ безстрастнаго кумира и выдаютъ спрятавшихся сзади жрецовъ, подчасъ полныхъ жизни и желаній: слишкомъ ужъ много индивидуальнаго въ ихъ защитѣ всемогущаго «комплекса ощущеній».

Безспорно, индивидуальность измѣнчива, но измѣнчива въ извѣстныхъ предѣлахъ, характерныхъ для данной индивидуальности. Безспорно, сознаніе также измѣнчиво, но тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Мы уже говорили, что первая наиболѣе общая и наиболѣе грубая законность, которую установило сознаніе, было тожество даннаго сознанія; мы стремились показать, что эта законность покоится на болѣе основномъ, созданномъ нами въ нашей зоологической эволюціи—самочувствіи *индивидуальности*, какъ цѣломъ, противопоставляемомъ окружающему міру. Законъ тожества моего сознанія, моей индивидуальности, а также и тожества всякой другой индивидуальности, благодаря наблюденію и самонаблюденію, открывшему нѣкоторую измѣнчивость въ этомъ тожествѣ, долженъ былъ постепенно измѣняться рядами все болѣе и болѣе детальныхъ поправокъ. Эти поправки и есть то, что мы зовемъ *законами*. Законы—это поправки, которыя внесло сознаніе въ процесъ разсчлененія «не-я» на ряды индивидуальностей, когда движеніе и время, созидавшіяся чувствованіями, отлились въ болѣе отчетливыя для насъ формы понятій.

Человѣкъ рождается, растетъ, мужаетъ, старится и умираетъ—вотъ была одна изъ первыхъ поправокъ на текучесть, на движеніе, на время. Относительно недавно мы смогли примѣнить подобную же поправку, подобную же законность, ко всѣ организмамъ и создали біологію, съ ея законами оплодотворенія, развитія, роста и смерти.

Здѣсь намъ нужно сдѣлать оговорку относительно геометріи. Большинство геометрическихъ аксіомъ создалъ не человѣкъ, а его предки—животныя въ своей эволюціи: они неизмѣримое число разъ—въ бѣгствѣ, въ преслѣдованіи, просто въ перемѣщеніи—пробѣгали пространства, отдѣляющія одинъ организмъ отъ другого организма или вообще отъ другого объекта; тотъ индивидъ, который совершалъ эту работу наиболѣе экономнымъ образомъ, при равенствѣ прочихъ условій, выживалъ долѣе другихъ. Такъ, напр., могла вырабатываться привычка двигаться прямолинейно, могло какъ бы прочувствоваться безсознательное положеніе, что наиболѣе выгодно, наименьшей работы требуетъ, скорѣе всего достигаетъ результата—прямолинейное движеніе; человѣческое

сознаніе только закрѣпило, оформило этотъ результатъ многомилліонныхъ индивидуальныхъ усилій—въ видѣ извѣстной аксіомы Эвклида: «Кратчайшее разстояніе между двумя точками есть прямая линія».

Вся геометрія есть только дальнѣйшая логическая обработка аксіомъ. Большинство же геометрическихъ аксіомъ—это законности, завѣщанныя нами наши предками — животными, это законности, такъ сказать, зоологическія.

Остальныя же законности являющіяся поправками къ закону тожества индивидуальности, могли создаться, какъ мы уже указывали, только тогда, когда появилось сознаніе, когда человѣкъ какъ бы раскололся на объектъ и субъектъ, когда онъ получилъ и развилъ въ себѣ способность наблюдать самого себя, наблюдать измѣненія своей индивидуальности *во времени*. Время уже заключено въ самонаблюденіи, слѣдовательно и въ сознаніи: время—это цементъ, которымъ сознаніе склеиваетъ разложенную имъ свою собственную индивидуальность; благодаря этому цементу, комплексъ переживаній все же остается личностью, индивидуальностью. Законности—это тѣ нити, протянутыя во времени, которыми сознаніе соединяетъ отдѣльныя переживанія какъ бы для того, чтобы сохранить единство сознанія и цѣльность индивидуальности; благодаря этимъ нитямъ, этимъ законностямъ, переживанія становятся закономѣрнымъ комплексомъ, не разрушающимъ того заколдованнаго круга, который я называю индивидуальностью.

Таковы и законы логики, и законы «природы»—они стремятся построить намъ такую послѣдовательность нашихъ переживаній, которую наше сознаніе могло бы охватить въ наиболѣе общей, наиболѣе экономной формулѣ; законы—это квинтэссенція прошлаго, необходимая намъ для построенія будущаго, это—міровой опытъ, который мы должны обогатить своею дѣятельностью, проявленіемъ своей индивидуальности.

Мы хотѣли намѣтить только наши основныя мысли о законахъ, и не намѣрены разбирать здѣсь того процесса, какимъ человѣчество построяло эти законы и создавало науку.

Но на одной характерной чертѣ этого процесса мы должны остановиться. Наука могла только тогда выйти изъ туманныхъ дебрей схоластики и теологіи, когда она обратилась къ *общечеловѣческому* опыту, и только такимъ образомъ она выработала основы *достовѣрности* знанія.

Но что же такое общечеловѣческій опытъ, какъ не признаніе законнымъ не только своего опыта, но и опыта всякой другой человѣческой личности? Наука въ корню своемъ есть явленіе *соціальное*, она стала возможной, когда человѣкъ призналъ другого человѣка равноцѣнной себѣ индивидуальностью, когда онъ сталъ исправлять нѣкоторыя индивидуальныя уклоненія своего личнаго опыта опытомъ другихъ людей. И чѣмъ больше число индивидуальностей участвуетъ въ построеніи человѣческаго опыта, тѣмъ достовѣрнѣе становится знаніе.

Поэтому наука должна быть интернаціональной, поэтому она должна быть доступна возможно бо́льшему числу людей. Требованія справедливости совпадаютъ здѣсь съ требованіями наибольшей достовѣрности и полноты знанія.

Философы могутъ называть иллюзіями что имъ угодно—существованіе внѣшняго міра, наличность сознанія, самое «я», для естествоиспытателя же иллюзія есть уклоненіе отъ общечеловѣческаго опыта, нѣчто слишкомъ индивидуальное, ненужное другимъ, пока безполезное. Собственно говоря, большая нелѣпость говорить объ аристократизмѣ науки—она въ основѣ своей демократична, хотя многіе представители ея и любятъ титулъ Geheimrath'a и мечтаютъ о звѣздахъ.

Ряды индивидуальностей человѣческое сознаніе связало нитями пространства и времени, какъ бы подвижными, то сближающимися, то растягивающимися, въ извѣстныхъ предѣлахъ, шарнирами; такъ создалась «природа». Понятно, поэтому, что въ природѣ все или, вѣрнѣе, почти все, связано; измѣненіе какой-либо части должно отражаться на всѣхъ другихъ частяхъ; понятна отсюда такъ называемая «гармонія природы».

Наблюдая самого себя, человѣкъ и себѣ нашелъ мѣсто въ созданной имъ природѣ, и сначала это мѣсто было самымъ важнымъ, центральнымъ, но дальнѣйшій опытъ разрушилъ закономѣрность такого представленія о природѣ и постепенно сознаніе стало отводить человѣку болѣе скромную роль въ мірозданіи. Химическій анализъ, микроскопъ показали, что самъ человѣкъ составленъ изъ клѣтокъ, изъ химическихъ частицъ, изъ тѣхъ же индивидуальностей, которыя онъ наблюдалъ и внѣ себя. Закономѣрныя нити — шарниры, связывающіе индивидуальности, протянулись не только внѣ человѣка, но и внутри его, внутри и другихъ организмовъ; стало устанавливаться единство строенія живыхъ существъ и процессъ раскрѣпощенія индивидуальностей привелъ къ идеѣ о болѣе тѣсной ихъ связи, къ идеѣ объ единствѣ ихъ происхожденія — къ теоріямъ *атомной* и къ *эволюціонной*.

Эти идеи единства мірозданія были высказаны и даже развиты раньше, чѣмъ наука приняла ихъ, какъ наиболѣе экономную формулу для выраженія общечеловѣческаго опыта. Вспомнимъ хотя бы знаменитую поэму римскаго поэта Лукреція, жившаго въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. «Не сами атомы,—говоритъ Лукрецій,—стали каждый на свое мѣсто, не сами они опредѣлили, какое движеніе имѣетъ каждый приметъ; но, такъ какъ многіе изъ нихъ въ многократныхъ странствіяхъ черезъ вселенную, получая толчки, носились цѣлую вѣчность, то они прошли черезъ всевозможные виды движенія и сопоставленія и, наконецъ, пришли къ такимъ положеніямъ, изъ которыхъ состоитъ все нынѣшнее твореніе, и послѣ того какъ оно держалось многіе и долгіе годы, оно производитъ, попавши разъ въ надлежащее движеніе, то, что потоки питаютъ обильными волнами жадное море, и что земля, согрѣ-

тая лучомъ солнца, порождаетъ новыя произведенія, и родъ живущихъ растеній «процвѣтаетъ, и подвижные огни эѳира не угасаютъ» *).

Это была только схема, только предчувствіе поэта, которое черезъ 19 вѣковъ выросло въ разработанную атомно-эволюціонную систему.

Но и теперь въ этой системѣ много еще произвольнаго, слишкомъ индивидуальнаго, далеко не общепризнаннаго. Мы, съ своей стороны, хотимъ предложить читателямъ эскизъ міровой эволюціи, какъ эволюціи индивидуальности, но предупреждаемъ, что въ этомъ эскизѣ также много будетъ личнаго, еретическаго, требующаго съ одной стороны дальнѣйшей, болѣе детальной обработки, съ другой—крещенія огнемъ полемики и критики.

Но... des chôques des opinions jallit la vérité.

IV.

Прежде всего мы развернемъ передъ читателемъ ту картину эволюціи химическихъ элементовъ, которую еще въ 1887 г. широкими штрихами набросалъ знаменитый англійскій химикъ Круксъ. Въ то время гипотезы Крукса по этому вопросу считались фантазіями, такъ какъ опирались они только на нѣкоторыя изслѣдованія самого автора. Теперь времена измѣнились и разнообразнѣйшія «истеченія», радіоактивныя вещества и наконецъ развитіе электронной теоріи—заставляютъ разсматривать эту фантазію, какъ удивительное предвидѣніе.

«Перенесемся,—говоритъ Круксъ,—съ помощью нашего воображенія къ началу временъ,—къ той порѣ, что была раньше геологическихъ вѣковъ, раньше даже, чѣмъ самое солнце сплотилось изъ первобытнаго протила **). Мы должны сдѣлать два безусловно раціональныхъ предположенія. Во-первыхъ, необходимо допустить предварительное существованіе нѣкоторой формы энергіи, обладающей періодическими фазами ослабленія и усиленія, покоя и движенія; во-вторыхъ, внутренній процессъ—нѣчто въ родѣ охлажденія, медленно совершающагося въ протилѣ.

«Первоначально родившійся элементъ по своей простотѣ ближе всего стоялъ бы къ протилу. Въ настоящее время водородъ изъ всѣхъ извѣстныхъ элементовъ имѣетъ самое простое строеніе и самый низкій атомный вѣсъ. Нѣкоторое время водородъ былъ единственной формой матеріи (въ томъ смыслѣ, какъ мы ее знаемъ теперь). Между образованіемъ водорода и слѣдующаго за нимъ ближайшаго элемента протекло значительное время, къ концу котораго элементъ, ближайшій къ водороду по своей простотѣ, началъ медленно приближаться къ моменту своего зарожденія. Въ теченіе этого періода тотъ процессъ развитія,

*) Цитирую по Фр. Ланге: „Исторія матеріализма". Перев. Страхова, стр. 93.

**) „Протиломъ" Круксъ называетъ то, что существовало прежде нашихъ элементовъ, слѣдовательно, прежде матеріи, какова она есть теперь.

которому вскорѣ предстояло породить новый элементъ (такъ мы можемъ допустить), опредѣлимъ и его атомный вѣсъ, и его сходство, и его химическое положеніе.

«Въ этомъ генезисѣ элементовъ, чѣмъ дольше былъ промежутокъ времени, употребленный на ту часть процесса охлажденія, въ теченіе которой протилъ сплачивался въ атомы, тѣмъ рѣзче опредѣлились проистекавшіе элементы, тогда какъ чѣмъ быстрѣе и неправильнѣе протекалъ процессъ охлажденія, тѣмъ болѣе конечные продукты приближаются другъ къ другу и почти съ незамѣтными оттѣнками переходятъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, мы можемъ представить себѣ, что тотъ порядокъ событій, который далъ намъ такія группы, какъ платина, осмій и иридій, палладій, рутеній и радій, желѣзо, никкель и кобальтъ, разрѣшился бы рожденіемъ одного только элемента въ каждой изъ трехъ группъ, если бы весь процессъ шелъ значительно медленнѣе. И наоборотъ, при еще болѣе быстромъ охлажденіи появились бы элементы еще болѣе похожіе другъ на друга, чѣмъ никкель и кобальтъ; такимъ путемъ могли произойти столь близкіе между собой элементы церіевой, итріевой и подобныхъ группъ. Въ минералахъ изъ класса самарскита и гадолинита мы можемъ видѣть какъ бы космическую кладовую, гдѣ въ концѣ концовъ, накоплялись элементы въ состояніи задержаннаго развитія,—это оторванныя, недостающія звенья неорганическаго дарвинизма.

«Каждый рѣзко опредѣленный элементъ можно сравнить съ устойчивой террасой, на которую ведутъ уступы изъ неустойчивыхъ тѣлъ. При первомъ сростаніи первобытнаго вещества произошли самые малые атомы, потомъ они соединились между собой и образовали болѣе крупныя группы; бездна между одной стадіей и другой постепенно застилалась, и стойкій элементъ, приноровленный къ этой стадіи, такъ сказать, поглощалъ нестойкія ступеньки той лѣстницы, которая вела къ его образованію. Подлежитъ еще сомнѣнію, абсолютно ли одинаковы массы конечныхъ атомовъ даже у одного и того же химическаго элемента. По всей вѣроятности, наши атомные вѣса представляютъ собой лишь нѣкоторыя среднія величины, около которыхъ варьируютъ въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ истинные вѣса атомовъ. Поэтому, когда мы говоримъ, напримѣръ, что атомный вѣсъ кальція—40, то очень можетъ быть, что большинство атомовъ кальція дѣйствительно имѣютъ атомный вѣсъ 40, но нѣкоторые—только 39,9 или даже 40,1 другіе, менѣе многочисленные—39,8 или 40,2 и такъ далѣе. Въ такомъ случаѣ свойства какого-нибудь элемента представляли бы собой среднія свойства массы атомовъ, которые не равны другъ другу, но и очень мало отличаются другъ отъ друга. Не въ этомъ ли заключается истинное значеніе «изношенныхъ частицъ» Ньютона»? *).

---

*) Вильямъ Круксъ. „О происхожденіи химическихъ элементовъ". Рѣчь, чи-

Теперь, за послѣдніе два-три года мы проникли вглубь этого «первобытнаго нѣчто» — круксовскаго «протила», мы уже разложили его на «электроны», частицы въ милліоны разъ болѣе мелкія, чѣмъ атомы, индивидуальности настолько упрощенныя, что они уже не могутъ быть выражены въ раздѣльныхъ понятіяхъ—«матерія и движеніе», а должны оцѣниваться болѣе общимъ символомъ, близкимъ къ тому, что мы обозначаемъ нынѣ энергіей.

Но что такое энергія, какъ неспособность производить работу, способность проявляться, быть «я», активно противопоставлять себя окружающему міру, не «я». Такимъ образомъ въ электронѣ процессъ упрощенія индивидуальности приближается къ своему предѣлу; дальнѣйшее упрощеніе приводитъ уже къ числу, когда индивидуальность лишается уже активности, становится просто единице и противопоставляется міру, какъ ряду чиселъ, такихъ же идеально неподвижныхъ и идеально обезцвѣченныхъ индивидуальностей.

Процессъ эволюціи протила, давшій въ результатѣ химическіе элементы, мы, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ сможемъ разсматривать, какъ процессъ различнаго комбинированія электроновъ.

Для насъ интересно отмѣтить въ «фантазіи» Крукса два момента: во-первыхъ, неуклонное пониженіе температуры, сопровождавшее эту эволюцію химическихъ элементовъ, и затѣмъ указываемое имъ образованіе массы промежуточныхъ нестойкихъ элементовъ, которые какъ бы «поглощались» единичными, стойкими, дошедшими до насъ. Эти два момента, по нашему мнѣнію, характерны для всей міровой эволюціи—вплоть до появленія человѣческаго сознанія.

Кромѣ того, мы отмѣтимъ еще третій моментъ, въ статьѣ Крукса выраженный весьма неясно: эволюція идетъ не непрерывной линіей, а цѣлымъ рядомъ толчковъ, изъ которыхъ большинство очень слабые, и только нѣкоторые являются началомъ новаго періода, новаго стойкаго элемента. Какъ мы покажемъ ниже, и этотъ третій моментъ является характернымъ для всего эволюціоннаго процесса.

Кромѣ того, мы хотѣли бы подчеркнуть здѣсь, что, такъ сказать, *групповымъ скачкомъ* явилось уже самое образованіе атома, съ его сложными свойствами, выражающимися въ символахъ «матерія и движеніе», изъ электроновъ, для выраженія свойствъ которыхъ достаточно болѣе общаго—энергетическаго символа...

Продолжимъ же дальше процессъ, намѣченный Круксомъ только для элементовъ...

Образовались химическіе элементы, но процессъ мірового охлажденія продолжался, температура падала и начинали появляться, путемъ

танная въ лондонскомъ „Королевскомъ Институтѣ“ 18-го февраля 1887 г. Переводъ А. В. Генерозова. Москва. 1902. Стр. 36 - 38.

сближенія атомовъ другъ съ другомъ, болѣе сложныя комбинаціи— химическія молекулы.

Здѣсь тоже образовывалась масса нестойкихъ молекулъ и сравнительно очень немного стойкихъ, дошедшихъ до насъ; процессъ тоже шелъ скачками и также групповымъ скачкомъ надо считать самое образованіе изъ атомовъ химической молекулы. Дѣйствительно, какъ «объяснить», какъ понять, что при соединеніи атома водорода съ атомомъ хлора получается хлористый водородъ, свойства котораго совершенно отличаются отъ свойствъ и водорода, и хлора. «Почему» изъ соединенія одного атома кислорода съ двумя атомами водорода получается вода, а при соединеніи одного атома кислорода съ однимъ атомомъ водорода — перекись водорода — вещества по свойствамъ своимъ совершенно отличныя и другъ отъ друга, и отъ водорода и кислорода.

Къ этому вопросу мы еще вернемся, а теперь только снова подчеркиваемъ характерные для процесса эволюціи, каковымъ онъ намъ представляется, *скачки.*

При дальнѣйшемъ пониженіи температуры изъ молекулъ образовывались милліоны еще болѣе сложныхъ молекулъ; громадная масса ихъ оказывалась нестойкими при данныхъ условіяхъ температуры и давленія и они сейчасъ же снова распадались; наконецъ, появлялась стойкая молекула и закрѣпляла за собой мѣсто на міровой аренѣ— такъ образовались многіе сложные силикаты и органическія соединенія, наприм., бѣлки. Но, вѣроятно, нѣкоторыя нестойкія формы этого типа успѣвали соединиться съ другими имъ близкими и здѣсь получалась возможность для образованія опять-таки милліоновъ новыхъ, еще болѣе сложныхъ и еще болѣе эфемерныхъ соединеній, которыя «отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть».

Этотъ послѣдній процессъ на землѣ шелъ, вѣроятно, въ первобытныхъ теплыхъ моряхъ, когда температура ихъ уже доходила до 40—80° градусовъ Цельзія, шелъ, главнымъ образомъ, на днѣ ихъ, такъ какъ большинство этихъ соединеній имѣютъ большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ вода, шелъ, можетъ быть, въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, причемъ послѣдовательно образовывались все болѣе и болѣе нестойкія соединенія, такъ что между моментомъ образованія такого соединенія, моментомъ его разложенія и моментомъ появленія новаго, очень ему близкаго, проходили все болѣе и болѣе короткіе промежутки; наконецъ, когда эти промежутки стали мгновеніями, цѣлый рядъ такихъ идеально нестойкихъ соединеній какъ бы сливался въ одно вещество, въ которомъ процессы разложенія и новообразованія были почти неотдѣлимы, *вещество— устойчивое въ силу своей неустойчивости.*

Изъ этого вещества, или, лучше сказать, изъ такихъ веществъ, (такой процессъ въ разныхъ частяхъ земного шара шелъ, конечно, не совершенно тожественно),—съ такимъ подвижнымъ равновѣсіемъ, являющимся зачаткомъ приспособленія къ окружающей средѣ, полу-

чились, путемъ какъ бы «выживанія» наиболѣе приспособленныхъ, различныя первобытныя протоплазмы,—прадѣды тѣхъ протоплазмъ, которыя мы нынѣ зовемъ субстратомъ жизни и основнымъ свойствомъ которыхъ считаемъ *раздражимость*.

Итакъ, въ различныхъ пунктахъ земного шара на днѣ теплыхъ морей, подъ громадными давленіями въ нѣсколько сотъ и даже до 1000 атмосферъ, должны были образоваться безформенныя массы очень близкихъ другъ другу по составу, но все же не совершенно тожественныхъ, веществъ, одаренныхъ раздражимостью.

Что такое раздражимость? Это свойство организованнаго вещества измѣнять въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего объема свой составъ, не элементарный, конечно, а структурный, подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій—иначе говоря, свойство индивидуальности отмѣчать въ себѣ самомалѣйшія измѣненія, происходящія въ окружающей средѣ, въ «не я», не теряя при этомъ своей индивидуальности.

Постоянная смѣна такихъ измѣненій, смѣна разложенія и синтеза, происходящая въ протоплазмѣ, должна производить непрерывное измѣненіе объема ея, сжатіе и расширеніе и, какъ слѣдствіе этого, *движеніе цѣлаго — передвиженія*. Такимъ образомъ и движеніе протоплазмы можно вывести изъ основного ея свойства—быстрой смѣны явленій распада и соединенія. Но какъ объяснить способность протоплазмы претворять попадающія въ нее извнѣ нѣкоторыя вещества въ вещество, подобное ей самой,—способность, называемую *асимиляціей* и свойственную всѣмъ организмамъ?

Да той же постоянной смѣной разложенія и синтеза, постояннымъ потокомъ образующихся и распадающихся необыкновенно сложныхъ химическихъ соединеній. Разъ въ такую среду попадаетъ извнѣ вещество, подобное одному изъ этихъ соединеній, то и оно вовлекается въ данный процессъ, ассимилируется;—вслѣдствіе такого присоединенія кусокъ протоплазмы долженъ увеличиваться въ объемѣ, расти. Труднѣе объяснить ассимиляцію, производимую, напр., земными растеніями изъ очень простыхъ веществъ, хотя бы образованіе крахмала изъ углекислоты, но намъ кажется, что это процессы уже позднѣйшіе, появившіяся послѣ и вслѣдствіе дифференціаціи данной первичной протоплазмы; во всякомъ случаѣ и они объяснимы, если допустить, что при нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ даннаго организма можетъ происходить разложеніе протоплазмы вплоть до простыхъ химическихъ соединеній (углекислота) и затѣмъ немедленное обратное ихъ соединеніе; тогда и простыя вещества, находящіеся внѣ даннаго организма, могутъ вовлекаться въ этотъ процессъ и ассимилироваться.

Такимъ образомъ основныя свойства организованнаго вещества—раздражимость, движенія и ассимиляція могутъ быть выведены изъ одного начала—изъ эволюціи первичной индивидуальности, эволюціи,

являющейся соединеніемъ болѣе простыхъ индивидуальностей въ сложный комплексъ—новую болѣе сложную индивидуальность.

Но безформенная протоплазма еще не организмъ. Какъ появилась *форма?* Мы, конечно, не можемъ теперь намѣтить даже главныхъ моментовъ этого процесса. Ограничимся только слѣдующими общими соображеніями.

Если первичныя протоплазмы образовались на днѣ первобытныхъ теплыхъ морей подъ громадными давленіями, то можно представить себѣ слѣдующій процессъ. Различныя вліянія, главнымъ образомъ, вѣроятно, вулканическія выдѣленія различныхъ горячихъ газовъ, которыя въ ту отдаленную эпоху жизни земли должны были происходить гораздо чаще, чѣмъ нынѣ, — эти вліянія приводили къ разложенію нѣкоторыхъ участковъ даннаго куска протоплазмы; поэтому въ оставшуюся живою часть ея проникали изъ разложившейся пузырьки газовъ и дѣлали протоплазму болѣе легкой, болѣе пѣнистой. Это образованіе газовъ могло происходить, можетъ быть, и въ силу способности нѣкоторыхъ протоплазмъ и въ нормальномъ для нихъ состояніи доводить процессъ собственнаго разложенія до появленія относительно простыхъ газообразныхъ веществъ.

Вслѣдствіе пониженія удѣльнаго вѣса такой кусокъ протоплазмы поднимался выше, въ болѣе высокіе слои морской воды и здѣсь подвергался дѣйствію уже болѣе слабыхъ давленій, чѣмъ на днѣ моря; пониженіе давленія должно было вызывать разбуханіе протоплазмы; она неизбѣжно должна была стремиться къ наиболѣе устойчивой шаровой формѣ и также неизбѣжно въ нѣкоторыхъ наиболѣе слабыхъ мѣстахъ ея поверхности должны были происходить выпячиванія въ видѣ различныхъ выступовъ и отростковъ. Такимъ образомъ появилась шарообразная форма, снабженная разнообразными лучами. Вслѣдствіе измѣненія давленія, процессы распаденія и синтеза въ такой формѣ не шли уже тѣмъ самымъ темпомъ, какъ въ протоплазмѣ, изъ которой она произошла, но что̀ еще важнѣе, эти процессы не могли быть одновременными во всѣхъ частяхъ даннаго шарообразнаго протоорганизма. Слѣдствіемъ этой неодновременности явилась слабая *дифференціація* первичной протоплазмы и первичные *органы*; въ свою очередь, эта дифференціація вызвала появленіе и нѣкоторыхъ отличій въ характерѣ раздражимости, движенія и ассимиляціи въ различныхъ частяхъ такого протоорганизма.

Изъ безчисленнаго числа появившихся такимъ образомъ формъ первичныхъ организмовъ могли удержаться и безпрерывно возникать только тѣ, которые соотвѣтствовали внѣшнимъ условіямъ, т.-е. температурѣ и давленію данной зоны моря.

Въ свою очередь эти прото-организмы какимъ-нибудь путемъ, подобнымъ только-что описанному, попадали въ еще болѣе высокіе слои

моря, въ новыя условія температуры и давленія и дифференціація должна была идти все дальше и дальше.

Мы нарисовали только одинъ изъ *возможныхъ* процессовъ дифференціаціи первичной протоплазмы и образованія организма. Конечно, эти процессы были разнообразны и многочисленны. Но одно можно утверждать: если первичныя протоплазмы появились при наличности громаднаго давленія на днѣ моря, то, разъ такая протоплазма, въ силу какихъ-либо вліяній, попадала въ среду съ меньшимъ давленіемъ, намѣченные нами выше процессы, или имъ аналогичные, *должны* были происходить: *дифференціація протоплазмы и появленіе организма есть отвѣтъ протоплазмы на измѣненіе давленія.*

Всѣмъ извѣстно, что уменьшеніе атмосфернаго давленія (напр. при поднятіяхъ на воздушныхъ шарахъ, при восхожденіи на высокія горы) дѣйствуетъ на организмъ гораздо губительнѣе, чѣмъ несравненно болѣе значительныя увеличенія давленія. Прямые опыты многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ недавніе дерптскихъ профессоровъ Таммана и Хлопина, показали, что даже давленія въ двѣ и три тысячи атмосферъ лишь въ слабой степени уменьшаютъ жизнеспособность низшихъ организмовъ. Эти факты легко объяснимы, если предположить, какъ то сдѣлали мы, что первичныя протоплазмы образовались на днѣ моря при громадныхъ давленіяхъ.

Появленіе раздражимости и въ то же время формы, проще говоря, появленіе организма, положило начало созиданію пространства: здѣсь корни нашихъ пространственныхъ идей и здѣсь первое смутное противопоставленіе «я» окружающему его «не я». Конечно, выраженіе «смутное противопоставленіе» слишкомъ антропоморфно, чтобы выразить это соотношеніе, но человѣкъ можетъ говорить только словами и мыслить индивидуальностями.

Какъ же изъ раздражимости развилось ощущеніе, а шаровидный проторганизмъ, пассивно вбирающій въ себя различныя вещества, превратился, напримѣръ, въ инфузорію, преслѣдующую свою добычу? Здѣсь снова скачокъ эволюціи...

Въ разныхъ пунктахъ земли должны были появиться различныя, не вполнѣ тожественныя первичныя протоплазмы и изъ нихъ развиться не вполнѣ тожественные, хотя и близкіе другъ другу, первичные организмы. Кромѣ того, нельзя думать, чтобы всѣ эти протоплазмы появились одновременно, процессъ ихъ образованія шелъ, вѣроятно, въ теченіе многихъ тысячелѣтій и въ каждый данный моментъ существовали протоплазмы болѣе старыя и болѣе молодыя.

Чѣмъ могли отличаться эти протоплазмы другъ отъ друга? Различною степенью раздражимости. А чѣмъ же обусловливалось это различіе? Тѣмъ или инымъ числомъ (всегда громаднымъ) входившихъ въ составъ данной протоплазмы идеально неустойчивыхъ необыкновенно сложныхъ химическихъ соединеній.

При этомъ, съ большой долей вѣроятности, можно предположить, что наиболѣе молодыя протоплазмы, т.-е. появившіяся позже, обладали и наибольшею степенью раздражимости, такъ какъ на образованіе ихъ ушло больше времени, а слѣдовательно и въ составъ ихъ могло войти большее число нестойкихъ соединеній.

Впрочемъ, это деталь; главное же то, что протоплазмъ было много и онѣ отличались другъ отъ друга степенью раздражимости.

Исходя изъ этого я думаю, что нельзя говорить о единомъ корнѣ организованнаго міра. Эти корни нужно считать милліонами и они, хотя и были близки другъ къ другу, но не были тожественны и отличались другъ отъ друга не только различною степенью раздражимости, но и разновременнымъ появленіемъ своимъ на міровую арену.

Организмы развивались не изъ одного ствола, а изъ многихъ, вѣроятно, даже очень многихъ, и этимъ только можно объяснить тѣ глубокія различія въ строеніи организмовъ различныхъ семействъ и классовъ, которые, даже такіе послѣдовательные представители дарвинизма, какъ Уоллесъ, колеблются объяснить происхожденіемъ отъ одного общаго предка путемъ естественнаго подбора индивидуальныхъ варіацій.

«Но когда мы углубимся далѣе въ прошлое,—говоритъ Уоллесъ,—и вздумаемъ объяснять происхожденіе отдѣльныхъ *семействъ, порядковъ и классовъ* животныхъ при помощи того же самаго процесса, свидѣтельства становятся менѣе ясными и менѣе рѣшительными. Мы встрѣчаемъ группы, обладающія такими органами, которыхъ даже зачатковъ не находимъ въ другихъ группахъ; встрѣчаемъ классы, кореннымъ образомъ отличающіеся по своему строенію отъ другихъ классовъ, и, наконецъ, мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ того, что измѣненія этого рода совершаются и въ настоящее время, между тѣмъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что измѣненія, болѣе легкія, производящія новые *виды* и новые *роды*, дѣйствительно совершаются и нынѣ» *).

Но все же Уоллесъ думаетъ, что «многочисленныя промежуточныя звенья, открываемыя какъ среди живущихъ, такъ и исчезнувшихъ животныхъ, и особенно удивительное сходство, замѣчаемое въ эмбріологическомъ развитіи самыхъ разнообразныхъ живыхъ (?) типовъ заставляютъ придти къ заключенію, что животное и растительное царства, въ ихъ цѣломъ, обладаютъ удивительнымъ разнообразіемъ существующихъ формъ, благодаря непрерывному процессу видоизмѣненія потомства, происходящаго отъ немногихъ первоначальныхъ типовъ» **).

---

*) „Научныя и соціальныя изслѣдованія Альфреда Уоллеса". Т. I. Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. 1903 стр. 272.

**) Ibid., стр. 272.

Намъ же кажется, что ни сходство эмбріональнаго развитія, ни промежуточные типы, представляемые палеонтологіей, ничуть не требуютъ признанія *немногихъ* первоначальныхъ типовъ, а могутъ быть объяснены тою или другою степенью близости ихъ первоначальныхъ протоплазмъ. По нашему мнѣнію, даже появленіе различныхъ семействъ, а, весьма вѣроятно, и родовъ, можетъ быть объяснено только различіемъ ихъ протоплазмъ.

Какъ, напримѣръ, изъ ганоидныхъ рыбъ могли развиться путемъ закрѣпленія естественнымъ подборомъ индивидуальныхъ различій—костистыя рыбы? Или, почему эти гиганты - ганоидныя рыбы юрскихъ морей должны были въ борьбѣ за существованіе уступить мѣсто костистымъ, которыя впервые появляются, вѣроятно, въ видѣ маленькой рыбешки (Leptolepis) всего въ нѣсколько дюймовъ длиной.

Или почему ничтожное сумчатое (Microlestes), впервые появившееся въ тріасовый періодъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вытѣснило, якобы въ борьбѣ за существованіе, гигантскихъ пресмыкающихся—цанклодона, белодона и др.

Обычный отвѣтъ дарвинистовъ—измѣненіе внѣшнихъ условій, измѣненіе конфигураціи материковъ и морей, измѣненіе климата создало новыя внѣшнія условія, новую среду, къ которой одни типы не могли приспособиться и потому исчезли, а другіе чувствовали себя прекрасно и начали размножаться и эволюціонировать.

Но вѣдь измѣненіе внѣшнихъ условій идетъ медленно, постепенно и незамѣтно. И если признать вмѣстѣ съ дарвинистами неограниченную пластичность организма, то нужно признать и неограниченную способность его приспособляться. Почему же такое приспособленіе должно свестись въ концѣ концовъ къ полному исчезновенію типа?

Почему могучіе лабиринтодонты исчезаютъ къ концу тріасоваго періода, а ничтожный Microlestes начинаетъ развиваться, эволюціонировать и становится прародителемъ всего класса млекопитающихъ?

Нѣтъ, этого борьбой за существованіе, измѣненіемъ условій среды и естественнымъ подборомъ не объяснишь.

Если же принять разнородность первичныхъ протоплазмъ, то объясненіе можетъ быть дано.

Лабиринтодонты исчезли потому, что достигли предѣла своего архитектурнаго типа, предѣла своего роста, обусловленнаго степенью раздражимости ихъ протоплазмы; а сумчатое могло развиваться и эволюціонировать, такъ какъ степень раздражимости его протоплазмы была далеко не исчерпана и, вѣроятно, самая степень эта была выше, чѣмъ у лабиринтодонтовъ. Не карликъ Leptolepis вытѣснилъ ганоидныхъ, а они сами стали размножаться слабѣе и вымирать быстрѣе, но, какъ извѣстно, все же не вымерли и до сихъ поръ.

Интересно подчеркнуть, что новый типъ появляется на міровую арену часто, а, можетъ быть, и всегда, въ видѣ представителей крайне

незначительной величины, а типы вымирающіе представлены болѣе или менѣе крупными индивидуумами. Ужъ одно это показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ параллельными, независимыми другъ отъ друга процессами.

Дюймовая костистая рыбешка—Leptolepis—развилась, конечно, не изъ ганоидныхъ рыбъ, а изъ какого-нибудь болѣе древняго, можетъ быть, сборнаго типа еще болѣе ничтожной величины, чѣмъ она сама; она продѣлала свой эволюціонный циклъ, навѣрное, болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ ганоидныя, и появилась на землѣ какъ бы въ видѣ модели, прообраза, но зато сохранила потенціальную энергію, которая позволила ей эволюціонировать болѣе высоко, чѣмъ ганоидныя.

Я не могу, конечно, дать картины развитія нашей костистой рыбешки изъ протоплазмы, но почти увѣренъ, что въ этой эволюціи многіе промежуточные типы, получившіе въ исторіи земли, при эволюціи другихъ протоплазмъ, въ опредѣленный моментъ свое полное осуществленіе, являлись здѣсь, въ этой эволюціи, давшей въ результатѣ дюймовую Leptolepis, въ зачаточномъ, какъ бы въ зародышевомъ, карликовомъ состояніи и въ сравнительно незначительномъ числѣ индивидовъ; эти карлики погибали быстро и безслѣдно, почти тотчасъ же вслѣдъ за своимъ образованіемъ. Этимъ, по моему мнѣнію, гораздо легче и проще объясняются поразительные пробѣлы въ эволюціонной цѣпи организмовъ, чѣмъ одною неполнотою и несовершенствомъ нашихъ палеонтологическихъ изслѣдованій

Такимъ образомъ, типы, появившіеся на землѣ позже другихъ, могли достигнуть болѣе высокаго развитія (которое есть въ концѣ концовъ болѣе дифференцированная раздражимость)—во-первыхъ, благодаря тому, что они образовались, вѣроятно, изъ болѣе молодыхъ протоплазмъ, владѣющихъ болѣе высокою степенью раздражимости, а во-вторыхъ, потому, что переживали процессъ развитія ускореннымъ темпомъ, не тратя своей энергіи на воспроизведеніе крупныхъ индивидуумовъ.

Дарвинъ былъ очень осторожный человѣкъ и его основное сочиненіе озаглавлено «Происхожденіе *видовъ*»; послѣдователи его были болѣе смѣлы и распространили принципы борьбы за существованіе и естественнаго подбора на всю органическую эволюцію. По нашему мнѣнію, намъ нужно вернуться къ первоисточнику и примѣнять эти принципы только къ происхожденію видовъ, да и то съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, передаются ли по наслѣдству признаки, пріобрѣтенные индивидуумомъ путемъ упражненія, нужно признать безспорнымъ фактомъ, что нѣкоторые признаки,—наслѣдственны. Такіе признаки мы зовемъ видовыми. Такимъ образомъ выраженія: видовые признаки и признаки наслѣдственные по нашему мнѣнію только тавтологія.

Дарвинисты утверждаютъ, что видовые признаки образуются изъ индивидуальныхъ отклоненій путемъ естественнаго отбора. Но здѣсь возникаетъ слѣдующій вопросъ. Для того, чтобы такое индивидуальное отклоненіе усиливалось благодаря естественному отбору, необходимо, чтобы оно было полезно организму, слѣдовательно, необходимо, чтобы оно достигало болѣе или менѣе значительной величины. Дарвинисты, особенно не признающіе наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ признаковъ, утверждаютъ, что такія значительныя индивидуальныя уклоненія весьма распространены въ природѣ; ихъ противники, наоборотъ, доказываютъ, что обычныя индивидуальныя отклоненія столь незначительны, что ни о какой полезности ихъ говорить нельзя, слѣдовательно, они и не подлежатъ естественному отбору. Намъ кажется, — истина на сторонѣ противниковъ дарвинизма и обычными индивидуальными отклоненіями нельзя объяснить происхожденіе новыхъ видовъ. Точнѣе было бы сказать:—всѣ уклоненія отъ типа, конечно, могутъ быть только индивидуальными, но индивидуальныя уклоненія такой величины, такого значенія, которыя могли бы, благодаря естественному отбору, закрѣпиться и дать начало новому виду, происходятъ далеко не всегда и не есть обычное явленіе.

Въ настоящее время замѣчательныя работы де-Фриза позволяютъ и въ эволюціи видовъ установить *скачковый* характеръ.

Эти работы основаны не на умозрѣніи, а на долголѣтнихъ наблюденіяхъ и опытахъ надъ растеніями. Де-Фризъ указываетъ, что нужно отличать отъ индивидуальныхъ уклоненій—*варіацій*, такъ называемыя *мутаціи*. Въ варіаціяхъ новыхъ признаковъ не образуется, измѣненія касаются только усиленія или ослабленія какого-нибудь уже имѣющагося признака; варіаціи, слѣдовательно, не могутъ дать новаго вида; послѣдніе создаются только путемъ мутацій, путемъ неожиданныхъ, внезапныхъ измѣненій, о законахъ которыхъ мы пока ничего не знаемъ. Извѣстно только, что мутаціи происходятъ рѣдко, скачками и придаютъ виду новую форму или же образуютъ изъ одной разновидности другую, совершенно отличную отъ первой. При этомъ иногда образуется только одинъ новый признакъ, напримѣръ, появляются цвѣтки, исчезаютъ шипы, разные отростки и пр., иногда же мутація охватываетъ всѣ признаки. Мутаціи, по мнѣнію де-Фриза, совершаются во всѣхъ направленіяхъ, безъ какого-либо руководящаго принципа. Борьба за существованіе выбираетъ изъ мутацій наиболѣе устойчивыя; но иногда новая форма можетъ утвердиться и безъ борьбы за существованіе, если, во-первыхъ, она настолько сильна и плодовита, чтобы размножаться, и, во-вторыхъ, если она образуется много разъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Такимъ образомъ, по мнѣнію де-Фриза, виды, по крайней мѣрѣ, растительнаго царства могутъ долго оставаться безъ измѣненій и только при наступленіи какихъ-то неизвѣстныхъ условій начинаетъ проявляться му-

таціонная измѣнчивость и образуются новыя формы. Де-Фризу удалось найти нѣкоторые виды растеній въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи и наблюдать появленіе новыхъ формъ, которыя онъ путемъ искусственнаго подбора закрѣпилъ въ новые виды.

IV.

Мы уже указывали на общее условіе эволюціи—пониженіе температуры окружащей среды. Слѣдствіемъ этого является, что болѣе сложныя индивидуальности образуются при болѣе низкихъ температурахъ, чѣмъ болѣе простыя; каждая индивидуальность имѣетъ свой *верхній* температурный предѣлъ, выше котораго она не можетъ существовать. Когда эволюція доходитъ до протоплазмы, до появленія раздражимости, процессъ становится сложнѣе: предѣлъ существованія уже не односторонній, а *двусторонній* — данный организмъ можетъ существовать только въ опредѣленныхъ и кверху и книзу температурныхъ предѣлахъ.

Затѣмъ, путемъ эволюціоннаго приспособленія высшіе организмы вырабатываютъ такіе регуляторы, которые поддерживаютъ внутреннюю температуру тѣла почти постоянной (теплокровныя животныя), независимой, пока живъ организмъ, отъ внѣшнихъ условій. Эти внутренніе температурные предѣлы очень незначительны,—такъ, если болѣзненные процессы понизятъ температуру человѣка до 34°—35° или повысятъ ее до 42°—44° Ц., то человѣкъ теряетъ сознаніе, и если процессъ продолжается болѣе или менѣе продолжительное время, то больной умираетъ. Конечно, въ данномъ случаѣ измѣненіе температуры является скорѣе показателемъ, чѣмъ причиной разрушенія индивидуальности.

Уже самый процессъ эволюціи, выработавшій у высшихъ животныхъ такую внутреннюю температуру съ такой незначительной амплитудой, показываетъ, что и здѣсь, въ мірѣ организмовъ, наиболѣе сложныя индивидуальности — наиболѣе высоко организованныя существа требуютъ болѣе узкихъ температурныхъ предѣловъ окружающей среды, чѣмъ низшіе организмы, не владѣющіе такими регуляторами.

Хотя въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется и запутывается сложностью и различіемъ аппаратовъ приспособленія, которые каждый видъ вырабатывалъ по своему, въ иныхъ внѣшнихъ, а слѣдовательно, и температурныхъ условіяхъ, но мнѣ кажется, что все же можно отмѣтить общую тенденцію: для усложненія индивидуальности, для эволюціи необходимы—во-первыхъ пониженіе температуры, а затѣмъ все бо́льшая и бо́льшая однородность температурныхъ вліяній.

Но что такое температура?

Физика довольно неопредѣленно отвѣчаетъ—температура есть степень нагрѣтости, молекулярная физика дополняетъ: та или иная высота

температуры обусловливается быстротою колебанія частицъ, составляющихъ данное тѣло: чѣмъ быстрѣе это колебаніе, тѣмъ выше температура.

Такимъ образомъ температура является какъ бы прообразомъ воздѣйствія окружающей среды на индивидуальность, самой грубой, первичной формой этого воздѣйствія. Чѣмъ выше температура этой среды, чѣмъ сильнѣе, чаще бьютъ ея частицы зарождающуюся индувидуальность, тѣмъ эта послѣдняя проще, примитивнѣе: элементы образовались при необыкновенно высокихъ температурахъ, химическія частицы уже при менѣе высокихъ, первичная протоплазма могла появиться вѣроятно, только при 50°—80° Ц., протоорганизмъ при еще болѣе низкихъ и, наконецъ, теплокровныя животныя, носятъ, если можно такъ выразиться, свою температуру (35°—50°) съ собою — они уже почти эмансипированы отъ гнетущаго вліянія неорганической среды.

Въ спеціально органической эволюціи мы наблюдаемъ *) такую же постепенную эмансипацію отъ давленія: эволюція организмовъ идетъ параллельно съ пониженіемъ внѣшняго давленія.

Одновременно съ этимъ процессомъ эмансипаціи отъ грубаго воздѣйствія среды на индивидуальность, эта послѣдняя становится все индивидуальнѣе, красочнѣе, богаче свойствами, но ясно само собой—становится и болѣе чувствительной къ измѣненіямъ, совершающимся въ окружающей средѣ. Наиболѣе красочная индивидуальность—организмъ могъ появиться только тогда, когда воздѣйствіе окружающей среды стало болѣе кроткимъ, болѣе уравновѣшеннымъ, но зато и чувствительность этой индивидуальности—организма къ измѣненіямъ, совершающимся вокругъ его, соотвѣтственно увеличилась—появилась раздражимость.

Въ дальнѣйшей—уже органической эволюціи—мы еще яснѣе наблюдаемъ ту же законность: чѣмъ выше, сложнѣе появляется организмъ, тѣмъ онъ становится самостоятельнѣе отъ воздѣйствій внѣшней среды, но въ то же время чувствительнѣе къ этимъ воздѣйствіямъ. Вѣнцомъ этого процесса нужно считать появленіе человѣка съ его сознаніемъ, покоряющаго природу, но въ то же время и познающаго ее болѣе всѣхъ другихъ, индивидуальностей: *возрастаніе самостоятельности отъ воздѣйствій внѣшняго міра и чувствительности къ этимъ воздѣйствіямъ идутъ рука объ руку съ эволюціею индивидуальности.*

Въ соціальной своей исторіи человѣкъ инстинктивно стремится къ осуществленію этого же идеала міровой эволюціи...

Какъ мы уже говорили, мы считаемъ эволюцію организмовъ, ихъ дифференціацію, появленіе органовъ, развитіе специфическихъ раздражимостей—отвѣтомъ первичной протоплазмы на уменьшеніе давленія.

---

*) Если принять нашу гипотезу о появленіи первичной протоплазмы на днѣ моря.

Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, какъ шла далѣе дифференцировка и эволюція организмовъ, этому вопросу посвящены многія сотни томовъ, заключающихъ въ себѣ работы по сравнительной анатоміи. эмбріологіи и палеонтологіи.

Но, можетъ быть, намъ поставятъ слѣдующій общій вопросъ. Почему появляется индивидуальное отклоненіе и почему изрѣдка появляется видовое—эволюція дѣлаетъ скачокъ? На это мы отвѣтимъ, что подобнаго вопроса ставить нельзя. Индивидуальности «существуютъ», потому что мы мыслимъ индивидуальностями, мы не можемъ себѣ представить внѣшняго міра иначе, какъ разбитымъ на ряды индивидуальностей. Понятіе объ индивидуальныхъ отклоненіяхъ могло появиться только тогда, когдо появилась абстракція: «видъ», имя нарицательное, «типъ» и пр., т.-е. когда процессъ упрощенія индивидуальностей зашелъ ужъ очень далеко и сталъ сознательнымъ.

Всѣ измѣненія индивидуальности происходятъ въ предѣлахъ, очерченныхъ опредѣленнымъ для нея радіусомъ, и являются отвѣтомъ на вліянія внѣшняго міра. Можно, пожалуй, задать вопросъ, почему эти измѣненія иногда выскакиваютъ, такъ сказать, за предѣлы данной индивидуальности—появляется новый видъ—Oenotheria gigas де Фриза, геній, уродъ, кретинъ?

Можетъ быть, нѣкоторые удовлетворятся слѣдующимъ отвѣтомъ: раздражимость данной индивидуальности была выше, или своеобразнѣе, чѣмъ средней, типовой и потому она отвѣтила на раздраженія внѣшняго міра иначе, уклонилась отъ средняго типа. Тотъ, кто удовлетворится такимъ отвѣтомъ, удовлетворится и всякой другой тавтологіей.

Единственнымъ отвѣтомъ и здѣсь можетъ быть только слѣдующее. Однѣ индивидуальности отличаются другъ отъ друга только индивидуальными отклоненіями, другія видовыми, но иногда отъ индивидуальности одного вида происходитъ индивидуальность, столь рѣзко отъ нея отличающаяся, что мы принуждены отнести ее къ другому виду. *Почему* появилась эта новая индивидуальность? Но отчего же я не спрашиваю, почему отъ индивидуальности одного вида происходитъ обыкновенно индивидуальность того же вида? Почему это яснѣе, чѣмъ появленіе новой индивидуальности? Я говорю, что двѣ частицы водорода и одна частица кислорода образуютъ частицу воды—новую индивидуальность. Не спрашиваю же я въ данномъ случаѣ, почему онѣ образуютъ частицу именно воды, а не другого вещества. Вѣдь такой вопросъ былъ бы нелѣпъ. Не стану я и всѣхъ свойствъ воды объяснять изъ свойствъ кислорода и водорода: я знаю, что у нея появились новыя свойства—на то она и новая индивидуальность. Здѣсь скачокъ эволюціи. Также и новый органическій видъ образуется изъ другого путемъ появленія такого отклоненія или, вѣрнѣе, цѣлаго ряда такихъ отклоненій, которыя въсилахъ удержаться при данныхъ условіяхъ внѣшней среды, т.-е. могутъ появляться неоднократно и передаваться

по наслѣдству. Здѣсь тоже скачокъ эволюціи. Эти эволюціонные скачки— суть скачки нашего мышленія индивидуальностями, но вспомнимъ здѣсь, что и самое наше мышленіе образовалось на почвѣ чувственнаго противопоставленія «я» внѣшнему міру, уже смутно разложенному на неясные и немногочисленные зачатки индивидуальностей.

Мы можемъ только связывать нитями пространства и времени созданныя нами индивидуальности, но вывести всѣ свойства высшихъ индивидуальностей изъ свойствъ низшихъ мы не можемъ, пока мы мыслимъ индивидуальностями. Поэтому во всякой эволюціонной теоріи, являющейся всегда подобной попыткой, неизбѣжно будутъ констатированы *скачки*.

Какія же индивидуальныя или видовыя отклоненія создали человѣка? Что дало ему господство въ природѣ?

Внѣ сомнѣнія слѣдующее: прямая походка, конечности, способныя къ разнообразнѣйшимъ движеніямъ и подвижная голова; отсюда, вѣроятно, какъ слѣдствіе — свободная грудь и глотка, давшія возможность развиться рѣчи, глаза, овладѣвшіе широкимъ горизонтомъ, и все болѣе и болѣе увеличивающійся и дифференцирующійся мозгъ. Но какъ могли появиться эти качества?

Мы знаемъ, что и теперь нѣкоторыя, близкія къ намъ породы обезьянъ пользуются камнями и палками, какъ орудіями защиты и нападенія; можно предположить, что и наши доисторическіе или, лучше сказать, зоологическіе предки тоже не брезговали этимъ оружіемъ. У нѣкоторыхъ индивидовъ этихъ, неизвѣстныхъ намъ, нашихъ предковъ могли появиться въ строеніи мозга, рукъ, въ посадкѣ головъ индивидуальныя или видовыя, какъ хотите, однимъ словомъ, устойчивыя, наслѣдственныя отклоненія. Такіе индивиды выживали бы въ борьбѣ за существованіе дольше другихъ и давали бы болѣе многочисленное потомство. Послѣдовательнымъ повтореніемъ такихъ наслѣдственныхъ, скачковыхъ уклоненій изъ нашего зоологическаго предка могло образоваться существо съ прямой походкой, свободной грудью и глоткой и съ довольно большимъ мозгомъ. Дальнѣйшія скачковыя уклоненія могли уже касаться только мозга и дифференціаціи его и органовъ рѣчи. Появился *homo sapiens*.

Здѣсь мы хотимъ обратить вниманіе читателя на слѣдующее.

Въ этой эволюціи нашего зоологическаго предка, вѣроятно, появлялись различныя уклоненія въ строеніи и развитіи различныхъ органовъ, но могли удержаться только тѣ, которыя соотвѣтствовали условіямъ внѣшней среды, т.-е. борьбѣ за существованіе при помощи орудій—палки и камня,—только такія уклоненія закрѣплялись, благодаря болѣе многочисленному потомству, и затѣмъ, въ свою очередь, создавали чисто механическія, внѣшнія условія (болѣе свободная грудь, глотка, глаза) для раздраженія мозга и возможности появленія новыхъ

уклоненій, касающихся уже, главнымъ образомъ, увеличенія въ объемѣ и дифференціаціи этого наиболѣе важнаго нашего органа.

Доисторическій періодъ зоологической выработки вида homo sapiens шелъ, конечно, многія тысячелѣтія, и въ исторію и даже миѳъ человѣкъ вошелъ уже установившимся видомъ или, точнѣе, нѣсколькими близкими другъ другу, но не тожественными расами. Я лично склоняюсь къ тому мнѣнію, что общій корень этихъ расъ, можетъ быть, нужно искать на очень низкихъ ступеняхъ эволюціонной лѣстницы.

Какъ бы тамъ ни было, уже на зарѣ исторіи кончается зоологическая эволюція человѣка и начинается соціальная.

Зоологическая эволюція создала человѣка наиболѣе дифференцированнымъ, наиболѣе чувствительнымъ къ воспріятіямъ внѣшняго міра животнымъ; соціальная продолжала ту же работу, но далеко не такъ прямолинейно. Мы уже останавливались на нѣкоторыхъ психологическихъ моментахъ этой эволюціи. Характернымъ отличіемъ ея отъ зоологической является то, что послѣдняя закрѣпляла свой опытъ въ самомъ организмѣ, въ его измѣненіяхъ, соціальная же эволюція сохраняла общечеловѣческій опытъ благодаря рѣчи, сначала въ видѣ устной, а затѣмъ письменной. Достовѣрность знанія доисторическаго человѣка была зоологическая—въ его мышцахъ и инстинктахъ, достовѣрность современнаго человѣка въ наукѣ. Поэтому инстинктъ можно назвать безсознательной наукой.

Человѣкъ и въ соціальной жизни стремится и безсознательно и сознательно къ идеалу, завѣщанному ему міровой эволюціей: къ наибольшей самостоятельности, къ наибольшему проявленію своей индивидуальности и въ то же время къ наибольшей чувствительности къ внѣшнему міру, но соціальная эволюція затуманиваетъ и коверкаетъ этотъ идеалъ: она создала рабство и пирамиды, крѣпостное право и Аракчеева, постоянное войско и Наполеона, мѣщанскую буржуазію и ея мораль, американскихъ милліардеровъ и чудовищный развратъ, пролетаріевъ и вырожденіе.

Когда вожакъ въ стадѣ обезьянъ избиваетъ своихъ соперниковъ, то на это можно смотрѣть, какъ на благопріятный факторъ эволюціи, такъ какъ болѣе сильный и умный самецъ создаетъ болѣе сильное потомство, напряженность жизни увеличивается и основной факторъ эволюціи, отмѣченной нами выше, не нарушается. Также ничего ужаснаго не видимъ мы въ той жестокой борьбѣ за существованіе, которую велъ первобытный человѣкъ со своимъ братомъ за женщину, за господство, наконецъ прямо изъ-за каприза; это была борьба, увеличивавшая напряженность жизни для даннаго индивида и улучшавшая породу, такъ какъ побѣдителемъ выходилъ въ большинствѣ случаевъ наиболѣе сильный, наиболѣе талантливый,—наилучшій.

Несправедливость начинается съ тѣхъ поръ, какъ соціальная эволюція создала неравныя условія для борцовъ, когда выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы не болѣе сильный, болѣе умный, болѣе красивый, а тотъ, кому бабушка ворожитъ, кто совмѣстилъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ несправедливости соціальной эволюціи, кто получилъ хорошее наслѣдство не въ крови и мозгу, а въ банковыхъ билетахъ и земляхъ. Соціальная эволюція сдѣлала многое: она создала науку и матеріальную культуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ она создала и несправедливость, которой не знала эволюція зоологическая и которая можетъ разрушить всю цивилизацію. Я лично, впрочемъ, не смотрю на соціальный вопросъ такъ ужъ пессимистически.

Причинами, вызывавшими пессимистическія настроенія, была всегда идея о безконечности, шедшая въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, которая указывала на конечность всего существующаго: на смертность человѣка, конечное существованіе человѣческаго рода, самой земли, нашей планетной, нашей звѣздной системы. Самая идея о безконечности появилась, какъ отрицаніе смерти, она была изобрѣтена жрецами для спасенія нашихъ праотцевъ отъ того зоологическаго ужаса, который ихъ объялъ, когда они поняли, что они смертны.

Но представленіе о смерти создано сознаніемъ, и въ концѣ концовъ трагизмъ человѣческаго существованія заключается не въ смерти, а въ появленіи сознанія, въ раздвоеніи былого зоологическаго единства на «я» дѣйствующее и «я» наблюдающее. Съ развитіемъ науки гашишная идея о безконечности оттѣснялась все въ новыя, болѣе далекія, менѣе намъ извѣстныя области—безконечность міровъ, безконечность эволюціи человѣческаго рода и т. д.

Но, по нашему мнѣнію, и здѣсь мысль о безконечности есть только testimonium paupetatis нашего знанія и нашего мужества. Доказательства безконечности міровъ совершенно тѣже, что и доказательства безсмертія души: они созданы для успокоенія нашей пытливости и нашего страха. Тѣ же, которые говорятъ о безконечности эволюціи человѣческаго рода, или, вѣрнѣе о безконечности прогресса, забываютъ объ одной маленькой вещи—о предѣлѣ раздражимости нашей протоплазмы. Протоплазма вида humo sapiens, вѣроятно, самая богатая въ этомъ отношеніи, всеже имѣетъ предѣлы въ томъ количествѣ неустойчивыхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ она состоитъ. И мнѣ кажется, что мы уже приближаемся къ этому предѣлу съ тѣхъ поръ, какъ наше сознаніе вполнѣ окрѣпло, и человѣкъ раскололся на объектъ и суъбектъ.

Показателемъ близости этого предѣла является самая трагедія человѣческаго сознанія. Зоологическая эволюція человѣческаго рода закончилась не только потому, что соціальная эволюція закрѣпляетъ человѣческій типъ, архитектуру его организма, но и потому, что мы уже достигаемъ, если не достигли, предѣла раздражимости нашей протоплазмы. Дальнѣйшая наша эволюція будетъ эволюціей

только соціальной и будетъ состоять въ дальнѣйшемъ расчлененіи внѣшняго міра на новые ряды индивидуальностей, въ дальнѣйшей выработкѣ достовѣрности и, съ другой стороны, въ созиданіи новыхъ индивидуальностей, въ созиданіи матеріальной культуры и въ творчествѣ.

Кому этого мало, тотъ можетъ поставить болѣе далекую цѣль, близкую къ безконечности.

Напримѣръ, Ницше, отчаявшись въ человѣкѣ, высшей цѣлью сознательнаго человѣческаго существованія считаетъ созданіе «сверхъ человѣка».

«*Я пришелъ проповѣдывать вамъ сверхчеловѣка*, — говоритъ Заратустра къ собравшейся вокругъ него толпѣ.—Человѣкъ есть нѣчто такое, что должно быть превзойдено. Что вы сдѣлали, чтобы превзойти его?

«Всѣ существа, какія были доселѣ, давали рожденіе чему-нибудь болѣе, чѣмъ они, высокому; и вы хотите явиться отливомъ этого великаго прилива и, пожалуй предпочтете вернуться къ состоянію звѣря, лишь бы не превзойти человѣка?

«Что такое для человѣка обезьяна? Посмѣшище или стыдъ и боль. И тѣмъ же самымъ долженъ стать для сверхчеловѣка—человѣкъ: посмѣшищемъ или стыдомъ и болью...

«Внимайте, я проповѣдую вамъ сверхчеловѣка!

«Сверхчеловѣкъ это—смыслъ земли. Пусть же и воля ваша скажетъ: да будетъ сверхчеловѣкъ смысломъ земли!»...

Созданіе сверхчеловѣка, конечно, было бы новымъ, великимъ религіознымъ утѣшеніемъ для человѣчества.

Сотворить нѣчто большее самого себя—такая мысль можетъ удовлетворить даже сатанинскую гордость, это посильнѣе идеи о безконечности.

Но здѣсь приходятъ въ голову слѣдующія соображенія.

Если зологическая эволюція есть увеличеніе раздражимости протоплазмы, то сверхчеловѣкъ долженъ обладать протоплазмой, способной къ большей раздражимости, чѣмъ наша протоплазма. Откуда же она возьмется?

По всѣмъ, вѣроятіямъ наша протоплазма наиболѣе совершенная въ этомъ отношеніи. Конечно, возможно предположить, что имѣются уже организмы съ еще болѣе богатой протоплазмой, но они находятся, такъ сказать въ эмбріональномъ состояніи—изъ нихъ-то и разовьется «сверхчеловѣкъ» Ницше.

Можетъ быть (гипотезы въ нашихъ рукахъ), карлики центральной Африки являются не остатками первобытнаго человѣка, не наиболѣе древними расами, а наоборотъ, наиболѣе молодыми, съ протоплазмой, болѣе богатой возможностями развитія, чѣмъ наша.

Возможно, но дѣло въ томъ, что человѣкъ достигъ, благодаря соціальной эволюціи, такой силы матеріальной культуры, что не допу-

стить развитія своего соперника и уничтожить его, даже не подозрѣвая того, что уничтожаетъ нѣчто высшее, чѣмъ онъ самъ. Не всѣ будутъ столь безкорыстны и самотверженны по отношенію къ нарождающемуся «сверхчеловѣку», какъ его творецъ. Но лица, предполагающія, что не все наше знаніе покоится на ощущеніяхъ и на процессѣ расчлененія внѣшняго міра на ряды индивидуальностей, могутъ указать на разсказы, хотя и не вполнѣ достовѣрные, о геніальныхъ дѣтяхъ, къ 3, 4 годамъ достигавшихъ развитія взрослаго человѣка и затѣмъ безвременно умиравшихъ, могутъ указать на явленія транса, въ которыхъ знаніе приходитъ медіумамъ какими-то невѣдомыми нами путями и которыя, какъ ни какъ, удостовѣряются нѣкоторыми учеными, даже враждебными спиритизму и «духовную» жизнь сводящими къ матеріальнымъ процессамъ *).

Но всѣ эти явленія такъ противорѣчатъ построенной человѣчествомъ достовѣрности, а въ то же время такъ густо обросли сознательнымъ и безсознательнымъ шарлатанствомъ и простымъ мошенничествомъ, что мы можемъ только ими интересоваться, но принимать въ соображеніе при обсужденіи какого-либо вопроса и не хотимъ, и не имѣемъ права. Въ концѣ концовъ «сверхчеловѣкъ» Ничше остается, по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ, не оправдавшимъ своего права на существованіе.

Перейдемъ же снова къ соціальной эволюціи.

Мнѣ кажется, что какъ человѣчество справилось съ рабствомъ, съ крѣпостнымъ правомъ, такъ справится и съ менѣе грубой несправедливостью — неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства.

Вѣдь, собственно говоря, вся исторія человѣчества, помимо созиданія научной достовѣрности и матеріальной культуры, есть непрестанная борьба за индивидуальность и постепенное раскрѣпощеніе послѣдней: сначала отстаивали право быть человѣкомъ, а не вьючнымъ скотомъ, который можно убить или продать,— и достигли этого, затѣмъ боролись за право свободы мыслить и говорить — и достигли этого, но не вездѣ: теперь борятся за право быть сытымъ. Я не вижу основаній, почему эта борьба должна быть болѣе ожесточенной и болѣе безнадежной, чѣмъ первая и вторая. Вѣдь въ концѣ концовъ должны же понять, что

*) Напр., Джемсъ въ своей „Психологіи“ (Уильямъ Джемсъ. „Психологія“. Перев. И. И. Лапшина. Изд. 4-ое. 1902, стр. 167), говоритъ слѣдующее: “Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ въ состояніи транса, что „духъ“ можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность испытуемаго. Могу указать на одинъ случай, гдѣ „духомъ“ былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всевозможныя обстоятельства жизни, а также живыхъ и умершихъ, родныхъ и знакомыхъ безчисленнаго множества участниковъ сеансовъ, которыхъ женщина-медіумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала по имени“.

человѣчество выродится, если и здѣсь не будетъ одержана побѣда— и въ жизненной борьбѣ будутъ одерживать верхъ физическіе и нравственные уроды.

Я не могу себѣ представить людей въ видѣ стада барановъ, пасущихся мирно на тучномъ лугу, я убѣжденъ, что всегда будетъ борьба и конкуренція, какъ всегда останутся человѣческія индивидуальности, но борьба должна быть честная, при равныхъ условіяхъ и однимъ и тѣмъ же оружіемъ. А это настанетъ только тогда, когда каждому человѣку будутъ даны одинаковыя возможности учиться, работать и жить.

Соціальная эволюція сдѣлала свое дѣло — она намѣтила пути для построенія достовѣрности, построивъ науку, она создала матеріальную культуру, дающую возможность, но только возможность, при относительно малой затратѣ силъ удовлетворять свои зоологическія нужды, но при исполненіи этихъ задачъ соціальная жизнь порабощала въ человѣкѣ индивидуальность и разбила людей на большія стада со стадными и «добродѣтелями» и «пороками», со стадной нравственностью.

Создавъ научную достовѣрность путемъ урѣзанія индивидуальныхъ уклоненій—иллюзій, путемъ нахожденія средняго ариѳметическаго, люди, или, точнѣе, нѣкоторые изъ нихъ—философы—думаютъ, что и мораль, т.-е. законы поведенія могутъ построяться такимъ же путемъ; они забываютъ при этомъ, что наука есть закрѣпленіе въ наиболѣе общихъ, экономическихъ формулахъ общечеловѣческаго опыта, закрѣпленіе уже прожитого, прошедшаго, здѣсь методъ нахожденія средняго ариѳметическаго и выработка типовой человѣческой индивидуальности является вполнѣ естественнымъ и надежнымъ методомъ,—но мое поведеніе, моя активность, мое творчество есть не только научный фактъ, въ немъ не только отражено все прошлое, въ немъ созидается будущее и въ этомъ отношеніи поведеніе постольку и цѣнно, поскольку индивидуально. Это инстинктивно всегда чувствовалось человѣчествомъ: оно всегда цѣнило и почитало выше всѣхъ другихъ своихъ героевъ и геніевъ, какъ наиболѣе индивидуальныя личности. И цѣнило не изъ корыстныхъ разсчетовъ, не изъ эвдемонистическихъ соображеній: часто герои-геніи не дѣлали человѣческую жизнь счастливѣе, а наоборотъ, даже углубляли страданія, увеличивали сомнѣнія, но они вносили въ жизнь новые элементы, дѣлали ее красочнѣе и напряженнѣе, и только за это мы имъ благодарны.

Часто эта оцѣнка приходила поздно, и памятники воздвигались уже мертвымъ, но виной тому опять-таки та же стадность, то же порабощеніе прошлымъ, нормой.

«Законы» поведенія заключены въ уголовномъ и гражданскомъ кодексѣ и охраняются государствомъ; они даютъ норму того типоваго поведенія, которое въ прошломъ складывало данное государство.

«Законы» морали заключены въ ученіяхъ основателей различныхъ

религій, различныхъ философскихъ системъ; эти законы обусловлены идеалами даннаго пророка или философа; но идеалы этихъ пророковъ и философовъ были часто совершенно противоположны.

Для меня, какъ автономной личности, законы кодекса постольку обязательны, поскольку я боюсь околодочнаго надзирателя, законы морали—постольку, поскольку я раздѣляю идеалы пророковъ и философовъ.

Мое поведеніе безспорно обусловливается отчасти и этими законами, какъ обусловливается и моимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, и вообще моимъ сознаніемъ, но далеко не ими одними; все это бросается на чашки вѣсовъ, на которыхъ мое «я», моя индивидуальность, на ³/₄ безсознательно, взвѣшиваетъ свои желанія и хотѣнія.

Если бы «законы» поведенія были бы въ дѣйствительности законами обязательными, то жизнь человѣчества остановилась бы на одномъ мѣстѣ, мы перестали бы творить будущее,—и все, чѣмъ красна еще наша жизнь, — активность, борьба исчезли бы.

Мое поведеніе обусловливается всей моей индивидуальностью и единственный законодатель морали—моя автономная личность.

Мораль можетъ быть только личной; исторія превосходно иллюстрируетъ это положеніе: что ни пророкъ, что ни философъ—то своя особая мораль. Собственно говоря, самое построеніе системъ морали есть рѣзкое и довольно грубое проявленіе индивидуализма: стремленіе индивидуальности поработить чужую волю, навязать свои нормы чужому поведенію.

Конечно, рабство и крѣпостное право были еще болѣе грубымъ порабощеніемъ чужой личности, но въ силу самой этой первобытной грубости, пожалуй, не столь опаснымъ: люди легче съ ними раздѣлались; мораль же до сихъ поръ еще гнететъ, и подъ вліяніемъ ея развивается и заражаетъ человѣчество сверху до низу самая гнусная и опасная болѣзнь—лицемѣріе.

Люди изъ общества исповѣдуютъ мораль того или иного толка, а объявленныя преступными страсти и желанія принимаютъ чудовищныя формы и размѣры, лицемѣріе не прикрываетъ порока и «грѣха», а только придаетъ ему еще болѣе ѣдкій и пикантный привкусъ. Вѣдь какъ пріятно, должно быть, было англійскимъ лордамъ повалить Парнелля за несоблюденіе имъ установленнаго кодекса морали и въ то же время безнаказано участвовать въ такихъ оргіяхъ разврата и жестокости, которымъ позавидовалъ бы Неронъ и Мессалина. Какъ пріятно, должно быть, проповѣдывать любовь къ людямъ, къ меньшому брату, прощеніе обидъ, непротивленіе злу, отдавать на словахъ послѣднюю рубашку ближнему — и въ то же время обрабатывать человѣческое мясо при помощи пушекъ Максима, играть на биржѣ и тотализаторѣ, скупать башкирскія и татарскія земли, насаждать въ деревнѣ твердую власть и вырабатывать въ мужикахъ болѣе ясное представленіе о соб-

ственности при воздѣйствіи нагаекъ и пуль вооруженныхъ съ ногъ до головы черкесовъ.

Какъ пріятно, должно быть, говорить со слезами о мирѣ и готовиться къ войнѣ...

Мораль породила лицемѣріе, и еслибъ это былъ ея единственный грѣхъ, то и его было бы достаточно, чтобы выбросить ее за бортъ. Но у нея есть и другіе грѣхи.

Лицемѣры не страдаютъ отъ морали, они только становятся неуязвимѣе и съ ними труднѣе бороться, надо тратить время на неинтересное занятіе—срывать маски и показывать людямъ лица, искаженныя злобой и трусостью, покрытыя язвами скрытыхъ пороковъ. Лицемѣры—все равно пропащіе для будущаго люди, если бы даже они открыто проявляли себя: ихъ индивидуальныя уклоненія не въ сторону будущаго, а въ сторону еще болѣе далекаго прошлаго, чѣмъ сама европейская мораль. Лицемѣры это—трусливые насильники, убійцы и сластолюбцы.

И если мы нападаемъ на мораль, какъ на узду, задерживающую созидателей будущаго, то этимъ вовсе не даемъ благословенія на убійства и насилія.

Безспорно, будущее созидается проявленіемъ индивидуальности. Но въ то же время многія проявленія индивидуума есть выраженіе столь далекаго прошлаго, такого зоологическаго атавизма, что всякая мораль, даже какого-нибудь первобытнаго народа,—все же шагъ впередъ сравнительно съ такими индививуальными проявленіями настоящаго.

И здѣсь мы сильно расходимся съ Ничше: «бѣлокурый звѣрь» для насъ не идеалъ будущаго, даже хотя бы и переходнаго. Далекое будущее отъ насъ скрыто, но къ ближайшему, къ тому, которое мы созидаемъ, мы можемъ протянуть нити изъ прошлаго.

Мы вывели уже общую тенденцію міровой эволюціи: *индивидуальность стремится, съ одной стороны, къ наибольшей самостоятельности, съ другой—къ наибольшой чувствительности по отношенію къ внѣшнему міру, къ наибольшему пониманію другихъ индивидуальностей.* Въ первой части этой формулы наша активность, наша гордость и борьба, во второй—наше знаніе и наша справедливость. Нашъ идеалъ—посильное для нашего времени осуществленіе этой формулы, наша мораль—борьба за это осуществленіе.

Все, что увеличиваетъ самостоятельность индивидуальности и увеличиваетъ ея чувствительность къ другимъ индивидуальностямъ мы зовемъ добромъ,—все, что ослабляетъ, задерживаетъ развитіе этихъ качествъ—зломъ. И мнѣ кажется, что съ этой общей формулой эволюціи мы можемъ разобраться во всѣхъ вопросахъ, которые предлагаетъ современному человѣку дѣйствительность—и въ бурской кампаніи, и въ японской войнѣ, и въ возмутительномъ дѣлѣ князя Гагарина.

и въ университетскомъ вопросѣ, и въ марксистской теоріи, и въ шовинизмѣ, и въ радіоактивности, и въ электронахъ.

Мораль, вытекающая изъ этой формулы — не эвдемонистическая мораль; человѣкъ, принявшій ее, не будетъ руководиться соображеніями объ удовольствіяхъ и страданіяхъ, не будетъ мучиться, какъ Мечниковъ, той мыслью, что онъ не проживетъ до 150 лѣтъ, а умретъ завтра. Цѣль индивидуальнаго существованія не тащить свое бренное тѣло по жизненному пути возможно дольше и скучнѣе, а проявлять свою индивидуальность возможно полнѣе, бороться за свое «добро» возможно напряженнѣе, а придетъ смерть—умереть возможно мужественнѣе.

В. Агафоновъ.

КАРДУЧЧИ.

ВОЛЪ.

Сонетъ.

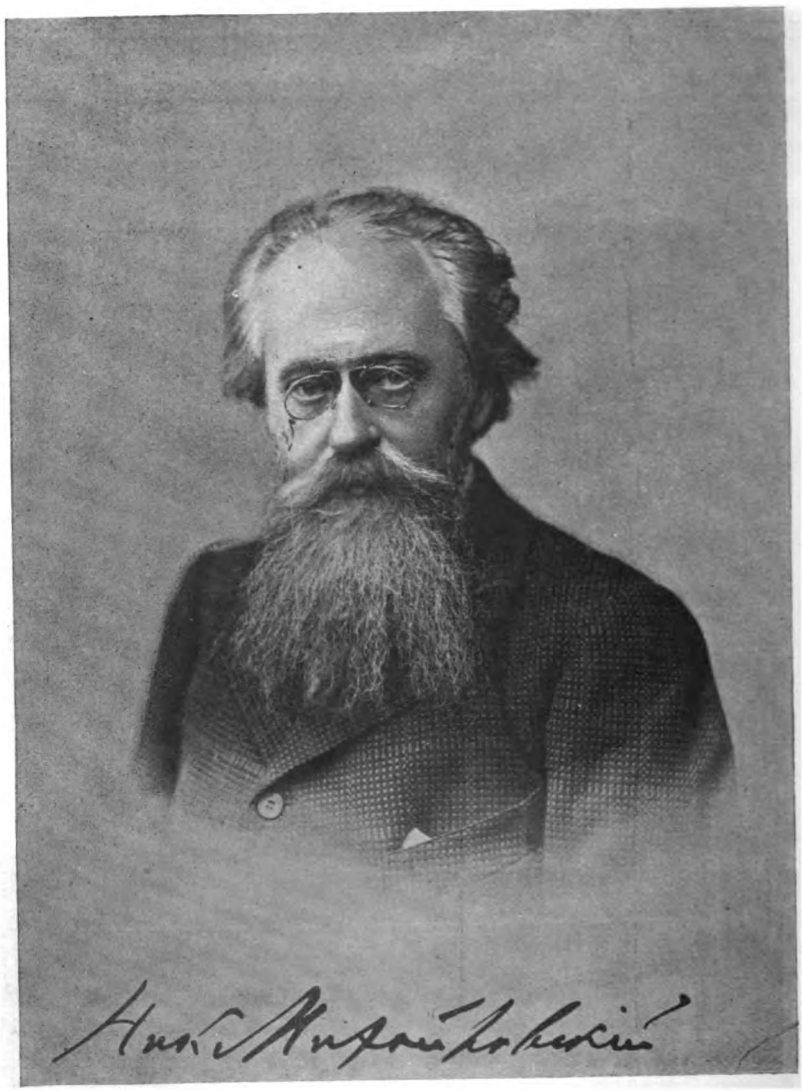
Люблю и чту тебя о, волъ благочестивый,
Даруешь сердцу ты величье и покой,
Взираешь ли на лугъ и бархатныя нивы,
Торжественно-ль стоишь, какъ памятникъ живой;

Иль, тихо подъ ярмомъ склонясь, неприхотливый,—
Сподученъ пахаря работѣ вѣковой.
Тебя онъ колетъ, бьетъ, но кроткій, терпѣливый,
Повелъ глазами ты и никнешь головой,

И изъ ноздри твоей, широкой, черной, влажной,
Дыханіе, дымясь, выходитъ, и звучитъ
Мычаніе, какъ гимнъ веселый и протяжный;

И въ строгой кротости очей твоихъ блеститъ,
Свѣтло отражена, божественна, пустынна
Святымъ безмолвіемъ объятая равнина.

А. Ѳедоровъ.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Два типа современности въ романѣ г. Боборыкина „Братья“: дѣятель и „эготистъ“.—Новое и старое въ программѣ перваго и въ чертахъ второго.—Разслоеніе семьи въ другомъ романѣ того же автора „Разладъ“.—„Петръ и Алексѣй“ г. Мережковскаго.—Сходство этого романа по построенію съ „Воскресшими богами“.—Общій интересъ романа.—Памяти Николая Константиновича Михайловскаго.

Давно уже признано и читателями, и критикой, что романы-хроники нашего неутомимаго бытописателя г. Боборыкина даютъ всегда если и не яркое, то живое и правдивое отраженіе волнующихъ общество въ данный моментъ теченій. Стоитъ вспомнить лучшія изъ этихъ хроникъ, каковы «На ущербѣ», «Китай-городъ», «Василій Теркинъ», «Тяга», и предъ нами развертываются цѣлыя полосы общественной жизни, умѣло схваченныя авторомъ въ рамки интересной картины, умно скомпанованной и вѣрно освѣщенной. Если сами выводимыя лица недостаточно жизненны, не такъ художественно выписаны, чтобы стать типами, тѣмъ не менѣе въ нихъ мы видимъ налицо типичныя черты каждаго изъ взятыхъ авторомъ явленій, а живой діалогъ, въ которомъ авторъ проявляетъ всегда высокое мастерство, кажется словно списаннымъ съ дѣйствительности. Эта чуткость г. Боборыкина, составляющая самую драгоцѣнную черту въ его талантѣ, проявляется и въ двухъ новыхъ его произведеніяхъ: «Братья» и «Разладъ», печатающихся въ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» и «Русской Мысли».

Въ хаотическомъ состояніи современной дѣйствительности почтенный авторъ намѣчаетъ два рѣзко опредѣленныхъ теченія, которыя и олицетворяетъ въ двухъ братьяхъ. Иванъ Бабичевъ—земецъ, получившій всероссійскую извѣстность своимъ отстаиваніемъ земскаго принципа, какъ «хорового начала», которое по его мысли должно объединять все, что стремится къ улучшенію всѣхъ сторонъ русской жизни. Начало это достаточно широко, чтобы объединить самые разнообразные элементы,—и земцевъ, и дворянъ-помѣщиковъ, искренно готовыхъ преслѣдовать не только узко-сословные интересы, и крупныхъ представителей капитала, для которыхъ необходимо болѣе широкое поле, чѣмъ одна фабрика, исключительно опирающаяся на покровительство, и, наконецъ, ту интеллигенцію, которая еще хранитъ «живого Бога» въ душѣ. Бабичевъ самъ по себѣ это здоровая энергичная натура, для которой трудъ и борьба составляютъ необходимую атмосферу жизни, а земская дѣятельность, гдѣ

больше условій для такой захватывающей всесторонней работы, естественно влечетъ его съ особой силой. Здѣсь его «хоровое начало» имѣетъ непосредственное примѣненіе, является не теоретическимъ принципомъ, а житейскимъ началомъ, яснымъ и понятнымъ для окружающихъ. «Послужить міру», быть за него «челобитчикомъ» въ этой земской сферѣ не пустыя слова, а самая реальная дѣйствительность какъ для самого Бабичева, такъ и для остальныхъ работниковъ, для которыхъ «безъ мірской солидарности немыслимо общественное возрожденіе». Бабичевъ ясно видитъ, что безъ борьбы во имя этого начала теперь не обойтись, и ни мало не смущается. Своему пріятелю Руженцову, изъ интеллигентовъ, нѣкогда пострадавшему и теперь недовѣрчиво настроенному, онъ вѣрно указываетъ на эту борьбу и способы ея веденія.

«— Въ извѣстной группѣ есть оттѣнки взглядовъ, отвѣчающихъ различію лагерей,—говоритъ онъ Руженцову, и на замѣчаніе послѣдняго—признаетъ ли онъ существованіе партій въ западно-европейскомъ смыслѣ, продолжаетъ:— Партіи! Я ихъ не отвергаю. И у насъ складываются двѣ главныхъ партіи, какъ я ихъ разумѣю. Одна смотритъ впередъ, другая назадъ. Онѣ рѣзко очерчены, отрицать это нелѣпо, и смѣшно повторять прибаутку о томъ, что у насъ, видите ли, нѣтъ партій.

«— А твое хоровое начало?

«— Оно должно объединять людей съ однимъ главнымъ credo. Но въ предѣлахъ одной партіи, положимъ, той, что глядитъ впередъ—есть десятокъ оттѣнковъ. И вотъ тутъ-то оно и спасительно, то начало, надъ которымъ ты такъ жестоко прохаживаешься. Вотъ передъ нами Х или У. Иксъ — дворянинъ съ извѣстными традиціями, но честный и благожелательный, способный нести хорошую земскую службу. Неужели я буду его раздражать, тыкать ему въ глаза: «ты дворянинъ, а я демократъ, ты—аглицкихъ идей, а—я французскихъ». Я его привлеку къ общему дѣлу: вотъ мой долгъ и моя душевная отрада. Полажу и съ Игрекомъ. Онъ купецъ, нынѣшній коммерсантъ, съ образованіемъ...

«— Какъ мой Хаевъ?

«— Именно, какъ твой Хаевъ! Лучше примѣра ты не могъ привести. Я знаю, что ихъ степенства считаютъ себя теперь царями положенія, что охранительныя пошлины раздули ихъ мошну, но назадъ ходу уже нѣтъ. У него нѣсколько тысячъ душъ рабочихъ въ моемъ уѣздѣ. Онъ крупнѣйшій землевладѣлецъ, у него образцовый хуторъ; онъ пожертвовалъ капиталъ на ремесленное училище».

Руженцовъ не безъ основанія, однако, сомнѣвается, можно-ли слить воедино столь разнообразные элементы, интересы которыхъ по существу противоположны. У Бабичева нѣтъ достаточно вѣскаго аргумента доказать возможность совмѣстной работы ихъ всѣхъ на почвѣ одного «хорового начала», и въ этомъ слабость его позиціи. Въ сущности Бабичевъ, при всей видимой трезвости своихъ взглядовъ, чистѣйшій идеалистъ, для котораго вопросы сложной земской жизни не представляются ясными иначе, какъ съ точки зрѣнія его идеала, скрытаго глубоко въ душѣ, но тѣмъ болѣе дорогого. Это

дѣлаетъ его, можетъ быть, еще болѣе симпатичнымъ, но зато и болѣе одинокимъ. Его пріятель, князь Мироновъ, мѣстный предводитель дворянства, «честный и благожелательный дворянинъ», оказывается далѣе мало надежнымъ, когда его поманили «постомъ администратора», и не надо особой прозорливости, чтобы продвидѣть, куда пойдетъ и Хаевъ, который, по словамъ Руженцова, «выжимаетъ сокъ изъ своихъ ткачей и присучальщиковъ, и не уступитъ имъ копейки мѣдной на кускѣ миткаля, и чуть что — военную команду».

Но самъ Бабичевъ не уступитъ, хотя и видитъ, что его «хоровое начало» трещитъ по швамъ при столкновеніи съ посторонней земству силой, и добровольно съ своего поста не уйдетъ, сколько бы его ни соблазняли всякими приманками въ видѣ того или иного «поста». Идея власти мало его удовлетворяетъ, для него важнѣе вопросъ, для чего эта власть, такъ какъ онъ прежде всего работаетъ для другихъ, для «человѣчества», какъ съ насмѣшкой выражается о немъ его братъ Петръ,—типъ совершенно иного рода.

Этотъ желаетъ быть «на высотѣ», гдѣ бы ему ничто не мѣшало жить для себя и — только. Онъ музыкантъ, композиторъ, преисполненъ собой и своимъ величіемъ и все остальное для него лишь «навозъ жизни», какъ выражаются герои Горькаго. Онъ, правда, не «сверхчеловѣкъ»,—хотя главнымъ образомъ, потому, что это «уже до смѣшного старомодно»,—онъ считаетъ себя «просто человѣкомъ», который не желаетъ по доброй волѣ «барахтаться тамъ, гдѣ и безъ меня найдутся охотники справлять свою службу». «Человѣчеству я могу желать прежде всего освобожденія отъ всѣхъ его умственныхъ и всяческихъ другихъ путъ. Но толпу я все-таки не выношу, и отдѣльные люди, чѣмъ больше я ихъ вижу, не вызываютъ во мнѣ особой такой эмоціи», изливается онъ передъ братомъ Иваномъ. Какъ видимъ, разновидность все того же еще болѣе старомоднаго типа «эготиста», по-просту здороваго животнаго, желающаго прожить жизнь какъ можно пріятнѣе для себя и безъ всякихъ усилій для своей высокой особы. Рядились эти шуты гороховые во всѣ времена въ наимоднѣйшіе костюмы, начиная съ «incroyabl'ей» временъ директоріи и до современныхъ намъ ничшеанцевъ и презирателей толпы. Онъ удивляется брату, который позволяетъ себя эксплуатировать на пользу толпы, безкорыстно служа «хоровому началу», вмѣсто того, чтобы пользоваться своими выдающимися общественными талантами—ораторскимъ и организаціоннымъ—лично для себя. Еще ради власти, т.-е. чтобы заполучить видный бюрократическій постъ, онъ, Петръ, готовъ допустить общественную дѣятельность, но для толпы—такая низменность! Почтенный авторъ вѣрно подмѣтилъ эту черточку нашихъ доморощенныхъ эготистовъ, ничшеанцевъ и всякихъ «истовъ» на высотѣ обретающихся — ихъ стремленіе въ ряды бюрократіи, гдѣ нынѣ всѣмъ имъ особый водъ и прикормъ. Свою страстишку къ ничегонедѣланію при хорошемъ окладѣ они прикрываютъ высокимъ яко бы пареніемъ надъ толпой, причемъ обязательно либо пишутъ стихи, которыхъ никто не читаетъ, либо сочиняютъ музыку, которую никто не слушаетъ, либо посвящаютъ себя вообще служенію искусству, главнымъ образомъ—балету. Но смыслъ жизни

для нихъ, конечно, составляетъ женщина, которую они «изучаютъ» съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ и герой повѣсти г. Боборыкина.

Типъ не новый, однимъ словомъ, ново въ немъ лишь одно — его особое обнаглѣніе, если можно такъ выразиться, его циническая откровенность, съ которою онъ выступаетъ теперь всюду—и въ обществѣ, и въ литературѣ, и въ наукѣ. Для полноты его обрисовки авторъ выводитъ еще двухъ такой же породы героевъ—приватъ-доцентъ Корнева и публициста изъ адвокатовъ Торопова. Оба они ужъ совсѣмъ на распашку, нагіе, что называется, и даже гордятся не мало такой откровенностью. «Мы,—рекомендуются они,—только любители жизни, и никакого ни доктринерства, ни мандаринства не признаемъ.

«Корневъ кивнулъ головой въ сторону Руженцова и потише прибавилъ:

«—Носимъ, Викторъ Павловичъ, особую кличку: *филозои*!

«—Какъ? Я по-гречески давно забылъ, да и въ студенты-то поступилъ съ тройкой.

«—Мудрость небольшая!—пояснилъ въ тонъ пріятелю Тороповъ.—*Филео*—люблю, *зое*—жизнь. Ergo—жизнелюбы.

«—По нынѣшнимъ временамъ—довольно трудная спеціальность!—замѣтилъ, поводя плечами, Руженцовъ.

«— Очень ужъ намъ обоимъ опротивѣло всеобщее нытье... гнилой, пустяковый пессимизмъ...

«—А чѣмъ же подбадривать себя?—остановилъ Руженцовъ.—Такимъ же пустяковымъ натаскиваньемъ себя на сверхчеловѣковъ или на идеализацію молодцовъ съ Хитрова рынка?

«— Ни того, ни другого!—вмѣшался Корневъ.—Брать жизнь, какъ она есть, ловить моментъ, ничего не бояться и ничего не ждать, ни отъ кого и ни отъ чего. А главное—никакихъ прописей.

«— Штука не новая, друзья мои! Это варіантъ на измышленія все того же нѣмца, кончившаго безуміемъ.

«— Нѣтъ-съ!—громко вскрикнулъ Тороповъ.—Мы съ Николаемъ все это сдали въ архивъ. Мы только *филозои*. Никакой проповѣдью не зашибаемся. Не хотимъ коверкать свою жизнь изъ-за разныхъ глупыхъ прописей и добродѣтельныхъ общихъ мѣстъ и сентенцій. Вотъ и все!

«—Филозои, филозои!—выговорилъ раздѣльно Руженцовъ.—Были когда-то «филареты» въ виленскомъ университетѣ. Мицкевичъ принадлежалъ къ этому сорту.

«—Ха-ха! — раздался смѣхъ Торопова. — Мы въ праведники не лѣземъ... Мы—грѣшники и думаемъ, что всѣ такъ называемыя добродѣтели—при ближайшемъ анализѣ—окажутся минусами... отрицательными величинами. Это—любимая формула Корнева».

Такова эта типичная парочка представителей современнаго нигилизма, выставляющихъ на знамени старинное «carpe diem!» И гдѣ только не встрѣтишь теперь этихъ ловителей момента! На каѳедрѣ они вертятся, какъ флюгера, готовые проповѣдывать все, что угодно, если это выгодно и пріятно. Они заполоняютъ любезныя ихъ сердцу «Денницы», съ тѣмъ, конечно, чтобы превра-

тить ихъ въ тьму кромѣшную. Въ печати это—«аристократы духа», проповѣдующіе, что для публициста убѣжденіе—лишній багажъ. Своей юркостью, безшабашной удалью и готовностью на все они производятъ шумъ и кажутся въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то новымъ и значительнымъ. А въ сущности именно они-то и представляютъ ту мертвую тину, которую волны жизни выкидываютъ на берегъ со дна. Это—тоже общественный отбросъ, какъ и столь ненавистные имъ босяки г. Горькаго, съ тою лишь разницей, что отбросъ босяцкій часто заключаетъ въ себѣ и бывшихъ людей, и настоящихъ героевъ, павшихъ лишь временно. Тогда какъ они, филозои,—сгнившій отбросъ, не годный даже на удобреніе. Теперь они, быть можетъ, замѣтнѣе, потому что попали въ счастливую для нихъ мутную струю, гдѣ чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Но это временное торжество—простой симптомъ приближающейся бури, которая смететъ эту гниль и тину однимъ взмахомъ. Ибо не можетъ жить долго такой филозой, разъ закипитъ живая жизнь и потребуетъ къ отвѣту. Нельзя выворачивать душу на изнанку до безконечности. Продѣлать это можно и разъ, и два, но въ концѣ концовъ эта операція до того истрепываетъ душу, что ее не примутъ въ закладъ ни въ какомъ ломбардѣ... даже нововременскомъ.

Мы не коснулись еще одного любопытнаго персонажа въ повѣсти, играющаго въ ней роль стариннаго резонера. Это—нѣкто Руженцевъ, который сначала въ университетѣ игралъ роль «башки», потомъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ «подневольнаго пребыванія» въ сѣверныхъ губерніяхъ является опытнымъ и талантливымъ химикомъ на фабрикѣ его степенства Хаева. Жизнь прошла надъ нимъ не даромъ. Его не только сильно помяло, но въ душѣ получился особый отпечатокъ горечи и недовѣрія ко всему, что онъ встрѣчаетъ теперь. Онъ отличный аналитикъ, превосходно умѣетъ разлагать окружающія явленія на ихъ составныя части, видитъ изнанку и подоплеку и своихъ патроновъ, въ родѣ Хаева, и увлекающагося земца Бабичева, и такихъ пустыхъ филозоевъ, какъ Корневъ и Тороповъ. Но его несчастье это—полная не способность къ синтезу, безъ чего вся жизнь представляется разсыпанной храминой, въ которой дѣйствительно концовъ не соберешь. И потому онъ чувствуетъ себя всюду чужимъ. Филозои кажутся ему въ чемъ-то родственными ему: «они,—думаетъ онъ въ душѣ,—начинаютъ съ того, чѣмъ онъ кончаетъ». Но едва ли это такъ, и намъ невольно хочется заступиться за него.

Руженцевъ не то, чѣмъ онъ кажется автору, который, очевидно, мало знакомъ съ тѣмъ міромъ, представителемъ котораго для насъ является этотъ интеллигентный работникъ. Теперь принято ругать интеллигенцію за ея дряблость, негодность къ выдержанной и долгой борьбѣ, за ея пессимизмъ, скептицизмъ и проч. Пора бы это и оставить. И прежде это было несправедливо, когда ее пытались, въ той или иной формѣ, противопоставлять то «народу», то рабочему, то, наконецъ, босяку. Всегда эти противопоставленія казались намъ невѣрными, скрывали въ себѣ какую-то фальшь, обидную не столько для интеллигенціи, сколько для тѣхъ, кому она противопоставлялась. Выходило такъ, что стоитъ народу, рабочему или босяцкому герою пріобщиться къ

интеллигенціи—и онъ станетъ столь же никуда не годенъ, какъ и злополучная интеллигенція. Одни это прямо заявляли, другіе присочиняли, что въ этомъ случаѣ народится какая-то своя, совсѣмъ особая интеллигенція. Намъ казалось (и кажется теперь еще болѣе, чѣмъ прежде), что это совершенно не такъ. Интеллигенція всегда и всюду одна и та же, изъ какихъ бы рядовъ она ни выходила. Вездѣ ея главнымъ отличіемъ является борьба за человѣка, за лучшія условія жизни, за лучшее будущее съ неприглядными сторонами настоящаго. Эту борьбу интеллигенція вела и ведетъ на всѣхъ поприщахъ и тѣмъ орудіемъ, какое только и надлежитъ ей—не грубой силой, а умомъ и знаніемъ. Она просвѣщаетъ и учитъ думать. Такъ боролась она съ крѣпостнымъ правомъ, лучше сказать съ крѣпостнымъ безправіемъ, проводя въ сознаніе то, что для массы было больше смутнымъ чувствомъ, пока оно не возобладало надъ всѣми. Такъ борется она и теперь съ новыми и новыми врагами всюду, куда можетъ достигнуть, въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ враждебнаго лагеря. И такой Руженцевъ ничего общаго не имѣетъ и не можетъ имѣть съ «филозоями» и прочей нечистью современности, хотя бы потому, что тамъ, гдѣ они тѣшатъ свои инстинкты, онъ страдаетъ и ропщетъ, и его ропотъ есть уже дѣло. Недаромъ одно уже его присутсутствіе вноситъ смущеніе и заставляетъ защищаться, хотя бы онъ и не нападалъ. Онъ усталъ и проникся недовѣріемъ къ себѣ, это правда. Но онъ не преклонился ни предъ однимъ изъ идоловъ, противъ которыхъ боролся, не призналъ ни одного изъ нихъ «абсолютомъ», его же не прейдеши, и не отказался ни отъ одного изъ своихъ требованій. Руженцовъ злится на свое видимое безсиліе, въ которомъ по существу таится больше силы, чѣмъ въ видимомъ торжествѣ враговъ. Отсюда его скептическое настроеніе, съ которымъ онъ относится къ упованіямъ Бабичева на «хоровое начало», его какъ бы безразличіе къ филозоямъ, которыхъ онъ не можетъ не презирать, и равнодушіе къ патрону Хаеву, котораго онъ превосходно понимаетъ. Но все это въ немъ лишь временно, пока онъ не стряхнулъ съ себя понятной и простительной слабости. Вѣдь путь, имъ пройденный, великъ и тяжелъ, а впереди—все таже борьба...

На этомъ пунктѣ мы и оставимъ Руженцова и остальныхъ персонажей повѣсти, которая, какъ и большинство такихъ же произведеній г. Боборыкина, не имѣетъ завязки и потому не нуждается въ развязкѣ. Въ ней намѣчены типичные представители современности, но не объединены дѣйствіемъ, котораго нѣтъ, да въ немъ и не чувствуется потребности. Можетъ быть, въ дальнѣйшемъ авторъ выведетъ еще два-три лица, интересныхъ для современности, но это не мѣняетъ существа повѣсти. Г. Боборыкинъ очень типичный беллетристъ-фотографъ, умѣющій схватить моментальный снимокъ и запечатлѣть на немъ двѣ-три яркихъ черты даннаго лица или явленія. Эта его особенность еще рѣзче выступаетъ въ другомъ произведеніи его «Разладъ», въ которомъ онъ далъ удачный снимокъ разлагающейся дворянской семьи. Отецъ—это типичный образчикъ помѣщика-дворянина, который подъ видомъ отстаиванія какой-то «дворянской» идеи просто добивается тепленькаго мѣстечка для про-

корма себя и двухъ своихъ жадныхъ и никуда негодныхъ птенцовъ, сына—студента изъ бѣлоподкладничковъ жуировъ, и изломанной разными «модернизмами» дѣвицы, изсохшей отъ вѣчной раздражающей скуки. Разладъ въ эту вполнѣ спѣвшуюся семейку вноситъ старшій сынъ, типъ въ родѣ Руженцова. Онъ не кончилъ университета вслѣдствіе обычной исторіи, кончившейся ссылкой. Въ повѣсти онъ является больнымъ и разочарованнымъ, потерявшимъ не только вѣру въ прежніе идеалы, но вообще вкусъ къ жизни. Въ противоположность отцу онъ, благодаря завѣщанію матери, богатъ, но не желаетъ лично пользоваться своимъ состояніемъ, хотя и не знаетъ, на что его употребить. Отцу, аппетиты котораго ему слишкомъ хорошо извѣстны, онъ рѣзко отказываетъ въ поддержкѣ «дворянскаго» трена жизни, самъ же рѣшительно не знаетъ, что дѣлать съ этимъ имуществомъ. Обѣ стороны очерчены достаточно и любопытны, какъ характерные представители двухъ непримиримыхъ лагерей. Какъ и въ «Братьяхъ», характернѣе и ярче выписаны отецъ и его младшія дѣти. Видно, что такихъ авторъ знаетъ и изучилъ достаточно, но старшій сынъ мало выясненъ авторомъ, для котораго такіе типы составляютъ загадку. Мы уже отмѣтили, что онъ не понимаетъ Руженцова, и тоже надо сказать и о другомъ представителѣ борющейся интеллигенціи. И того, и другого онъ изображаетъ разочарованнымъ, усталымъ, ушедшимъ съ поля битвы и даже какъ-бы насмѣшливо относящимся къ своему прошлому. Можетъ быть, еще недавно это и было характерно для настроенія нѣкоторой части интеллигенціи, но для настоящаго момента это совсѣмъ не такъ. Если теперь нѣтъ особаго подъема въ нашихъ теоретическихъ спорахъ, какой мы пережили въ періодъ боевого марксизма, зато несомнѣненъ другой—жизненный подъемъ, когда и рѣчи не можетъ быть объ усталости, разочарованности и т. п. И интеллигенція переживаетъ со всѣми одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, въ которомъ беретъ свою часть дѣла, не заботясь о теоретическихъ разногласіяхъ, слишкомъ не существенныхъ по сравненію съ тѣми практическими задачами, которыя жизнь выдвигаетъ теперь на каждомъ шагу и каждый день. Да и странно было бы, если бы въ такое живое и богатое событіями время. лучшая часть народа, его умственная и нравственная сила, олицетворяемая въ его интеллигенціи, занималась бы собой, своими очарованіями или разочарованіями. Не до того теперь. Время словъ прошло. Настало время дѣла.

Отъ нашей современности, въ которой мы переживаемъ великій трагическій моментъ, переходъ къ историческому роману г. Мережковскаго «Петръ и Алексѣй» вовсе не такъ рѣзокъ, такъ какъ взятая авторомъ эпоха тоже полна трагизма. Столкновеніе Петра и Алексѣя тоже было конечной борьбой двухъ началъ стараго и новаго, борьбой настолько острой, что недаромъ Петръ въ глазахъ приверженцевъ старины былъ несомнѣннымъ «антихристомъ», явившимся въ міръ, чтобы уничтожить древлее благочестіе и сдѣлать міръ добычею сатаны. Какъ и въ наши дни, примиреніе между этими двумя началами было невозможно, и одинъ изъ противниковъ долженъ былъ погибнуть. И, конечно, погибло старое начало: Россія, направляемая могучей рукой вели-

чайшаго изъ своихъ сыновъ, уже не могла повернуть назадъ, съ дороги западно-европейской культуры на путь азіатчины, дикости и всѣхъ прочихъ благъ, объединяемыхъ нынѣ подъ модньшъ именемъ «самобытности». Былъ одинъ моментъ,—какъ укоряетъ насъ кн. Ухтомскій,—когда Россія могла сойти съ этого пути. Именно, въ книгѣ, недавно выпущенной подъ заглавіемъ «Изъ области ламаизма», кн. Ухтомскій увѣряетъ, что въ серединѣ семнадцатаго вѣка, «буль въ Сибири хоть одинъ дѣятель, одаренный выдающимися политическими способностями, быть можетъ, въ Пекинѣ правилъ бы не возвысившійся позже манчжурскій, но русскій императорскій домъ. Стоило намъ хоть сколько-нибудь вникнуть въ положеніе разрозненной Монголіи, завязать черезъ ламъ сношенія съ Тибетомъ, искавшимъ опоры извнѣ для окончанія распри, стоило, наконецъ опередить укорененіе пришлой сѣверной династіи въ непріязненномъ ей Китаѣ,—и весь Востокъ имѣлъ бы теперь другой видъ, Россія была бы неоспорима богатѣйшей и могущественнѣйшей державой въ мірѣ» (стр. 4). Вотъ какъ въ тѣ времена дѣла просто дѣлались: «стоило»—и конецъ—и на богдыханскомъ престолѣ возсѣдалъ бы тотъ самый Петръ, который ѣздилъ учиться на проклятый Западъ и привезъ оттуда между прочимъ и «Петербургскую Венеру», какъ объ этомъ повѣствуетъ г. Мережковскій въ первой части своего романа. Вотъ какихъ великихъ благъ лишились мы, благодаря коварству судьбы, которая послала намъ кн. Ухтомскаго теперь, а не два столѣтія тому назадъ...

Но упущеннаго не воротишь, какъ не могли вернуть старину ни раскольники, ни Алексѣй, котораго очень ярко изображаетъ г. Мережковскій въ первыхъ главахъ романа. Сидитъ онъ послѣ попойки, грязный, немытый, заспанный, въ столь же грязной горницѣ, гдѣ «по стѣнамъ, съ ободранными, замаранными шпалерами изъ темно-зеленой травчатой клеенки, и по закоптѣлому потолку, и по тусклымъ стекламъ оконъ, не выставленныхъ, несмотря на жаркій конецъ іюня—всюду густыми черными роями жужжали, кишѣли и ползали мухи». И къ этому жалкому, несчастному, слабому человѣку прибѣгаютъ, какъ къ единственному защитнику, люди древляго благочестія. «Смилуйся, батюшка! Послушай насъ, бѣдныхъ, вопіющихъ послѣднихъ рабовъ твоихъ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитятко красное, церковное, солнышко ты наше, надежда россійская! Тобой хочетъ весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый. Смилуйся»! А эта «надежда несокрушимая» въ полусонномъ состояніи едва отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ. «Мухи все жужжатъ, жужжатъ; и маятникъ тикаетъ; и чижикъ уныло пищитъ; и гаммы доносятся сверху, и крики дѣтей со двора; и острый, красный лучъ солнца тупѣетъ, темнѣетъ; и разноцвѣтныя фигурки движутся; французскіе комедіанты играютъ въ чехарду съ березинскою бабой; японскій попъ подмигиваетъ птицѣ Малкофеѣ. И все путается, и глаза слипаются. И если-бы не эта огромная липкая черная муха, которая уже не въ рюмкѣ, а въ головѣ его жужжитъ и щекочетъ, то все было бы

хорошо, спокойно, и ничего бы не было, кромѣ тихой, темной, красной мглы». Такъ смутно и неопредѣленно въ этой душѣ, въ которой старое и новое спуталось въ дикомъ хаосѣ, подавленное страхомъ передъ непонятнымъ, могучимъ и ужаснымъ отцомъ и стыдомъ передъ единомышленниками. Что можетъ онъ, слабый и вялый, предпринять, кому помочь, кого спасти? «Оставшись одинъ, царевичъ медленно заломилъ руки, такъ что всѣ суставы пальцевъ хрустнули, потянулся и зѣвнулъ. Стыдъ, страхъ, скорбь, жажда раскаянія, жажда великаго дѣйствія—все разрѣшилось этой медленною, неудержимою до боли, до судорги въ челюстяхъ, болѣе страшною, чѣмъ всякій вопль и рыданіе, безнадежною зѣвотою».

Въ этомъ живомъ образѣ вся старая Русь, которую встряхнулъ Петръ, и уже съ первой главы читателю ясно, что ни о какой борьбѣ не можетъ быть рѣчи, что приговоръ судьбы уже произнесенъ и все это обречено на смерть, навсегда и безповоротно. Какъ развернется конецъ трагедіи въ романѣ, увидимъ, но пока уже ясно намѣчены главные дѣятели—царевичъ, Петръ, Докукинъ и рядъ другихъ участниковъ мрачной драмы, которая разыгрывается между отцомъ и сыномъ, между новымъ и старымъ, между Россіей, полнымъ ходомъ идущей на Западъ, и древней стариной, пытающейся поворотить все на старый ладъ.

По построенію романъ очень похожъ вначалѣ на «Воскресшихъ боговъ» и здѣсь, какъ и тамъ, «бѣлая дьяволица», именуемая теперь «Петербургской Венерой», открываетъ дѣйствіе романа, вызывая смущеніе въ однихъ и восторгъ и даже поклоненіе въ другихъ. Является опять, какъ въ «Воскресшихъ богахъ» ученикъ Леонардо, юноша Тихонъ, колеблющійся и смущенный всѣмъ, что происходитъ вокругъ. Новое міровоззрѣніе, почерпнутое имъ у нѣмцевъ и въ школѣ, влечетъ его къ себѣ, но не менѣе сильно привлекаетъ его и старина, унаслѣдованная имъ отъ отца, казненнаго во время усмиренія стрѣлецкихъ бунтовъ. Можно указать и еще рядъ аналогій между обоими романами, хотя содержаніе ихъ и кажется столь различно.

Въ новомъ произведеніи г. Мережковскаго, какъ и въ «Воскресшихъ богахъ», есть одинъ недостатокъ, сильно вредящій его художественной сторонѣ: слишкомъ много исторіи. Авторъ почти дословно воспроизводитъ записки того времени, въ описаніи, напр., пиршествъ Петра по случаю постановки статуи Венеры. Читая безконечныя мелочи фейерверка, кажется, словно читаешь записки Бухгольца. Намъ кажется, что такая мелочность описаній только портитъ колоритъ историчности, которая заключается не въ подробностяхъ обстановки того или иного дѣйствія или мѣста, а въ психикѣ дѣйствующихъ лицъ. Приведенная выше превосходная характеристика царевича Алексѣя достаточно убѣдительно говоритъ, что г. Мережковскій вполнѣ владѣетъ художественной способностью проникать въ душу историческихъ дѣятелей, въ духъ момента, и увлекаясь подробностями, онъ только затемняетъ общую картину. Этимъ недостаткомъ страдали и «Воскресшіе боги», но то время меньше знакомо читателю,—русскому, конечно,—тогда какъ эпоха Петра слишкомъ хорошо намъ знакома и не зачѣмъ загромождать вниманіе читателя лишними мело-

чами, мѣшающими ему слѣдить за главными моментами дѣйствія. Интересъ романа сразу оживляется, какъ только авторъ оставляетъ мелочи историческаго описанія и даетъ характеристики дѣйствующихъ лицъ и столкновенія характеровъ, изъ историка превращается въ художника-психолога. Историческій романъ именно и долженъ быть, съ одной стороны—картиной нравовъ данной эпохи, а съ другой—психологическимъ въ широкомъ значеніи. Иначе получится только историческій маскарадъ, въ которомъ наши современники разыгрываютъ современную пьесу, но въ историческихъ костюмахъ.

Романъ пока еще только вначалѣ, по которому судить о немъ вообще невозможно. Въ двухъ первыхъ частяхъ есть отдѣльныя сцены и характеристики прекрасныя, но упомянутое обиліе мелочей загромождаетъ романъ и замедляетъ дѣйствіе. Въ особенности это замѣтно въ описаніи пира, а также въ исторіи Тихона и его колебаній. Но въ общемъ романъ читается съ интересомъ.

Смерть Николая Константиновича Михайловскаго — самое крупное и самое тяжкое событіе въ литературѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной и великой утраты мысль замираетъ, и не можешь опомниться отъ неожиданности, что вдругъ не стало человѣка, который въ теченіе сорока почти лѣтъ стоялъ во главѣ нашей журналистики, какъ признанный вождь и руководитель въ важнѣйшихъ вопросахъ общественности и критики. Не вѣрится, что навсегда смолкъ голосъ, къ которому мы привыкли прислушиваться всякій разъ, когда въ литературѣ возникало новое явленіе, появлялось новое теченіе или выступалъ новый талантъ. Что скажетъ Михайловскій?—таковъ былъ обычный вопросъ читателя, съ которымъ онъ привыкъ обращаться подчасъ даже назойливо къ этому писателю, требуя отъ него разрѣшенія чуть не всякаго вопроса. И въ самой этой требовательности и настойчивости чувствовалось глубокое довѣріе къ мыслителю, сказывалась вѣра въ человѣка, въ его искренность и непоколебимость, какъ общественнаго борца.

И вдругъ его не стало, такъ неожиданно, такъ не во-время... Онъ умеръ смертью прекрасною для самого себя, завидной для другихъ, — какъ истый боецъ, до конца на славномъ посту, съ перомъ въ рукахъ, не ослабѣвшій и не утомленный борьбою, защищая память двухъ своихъ соратниковъ по литературѣ, нанося гибельные удары притивникамъ и съ новой силой подчеркивая дорогіе завѣты лучшихъ борцовъ за правду и справедливость.

«Своею смертью умираетъ совершившій свой путь, умираетъ побѣдоносно, окруженный тѣми, кто надѣются и кто даютъ священный обѣтъ», говоритъ Заратустра.

Да, завидная, славная смерть, но тѣмъ болѣе ощущаемъ значеніе утраты мы, остающіеся, на которыхъ палъ этотъ нежданный, непредвидѣнный и неотвратимый ударъ.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,

—этимъ стихомъ стараго поэта г. Якубовичь вѣрно выразилъ то чувство, которое подавляло всѣхъ у свѣжей могилы. Именно *вождя* потеряли мы, и мѣсто это осталось пустымъ, безъ достойнаго замѣстителя, котораго долго-долго придется ждать русскому обществу.

Ибо рѣдко такое сочетаніе силъ, какое такъ счастливо олицетворялъ въ себѣ покойный. Философъ русской жизни, публицистъ несравненной силы пера, неутомимый журналистъ, глубокій и разносторонній ученый, борецъ за правду и справедливость, непоколебимый общественный дѣятель, не знавшій сдѣлокъ съ честью и совѣстью,—это ли не рѣдчайшій типъ писателя, дѣятеля и человѣка? И при томъ—удивительный работникъ, черта какъ-то не вяжущаяся съ представленіемъ о русскомъ человѣкѣ. Начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда онъ вошелъ вплотную въ обновленныя Некрасовымъ «Отечественныя Записки», и до послѣдней минуты онъ жилъ съ перомъ въ рукахъ, поражая своей рабочей силой и выносливостью. Свершенной имъ работы хватило бы на добрый десятокъ первоклассныхъ талантовъ въ области журналистики. И каждый моментъ этой долгой работы отмѣченъ печатью таланта, печатью рѣзкой, почти колющей индивидуальности, не поддающейся сравненію, до того въ ней было все свое—отъ несравненной формы и всегда оригинальной мысли и до того неуловимаго «нѣчто», что присуще только великому художественному таланту. Этимъ только и объясняется его огромное вліяніе. Къ Михайловскому нельзя было относиться безразлично: его можно было любить или не любить, но нельзя было не чувствовать. Онъ вносилъ съ собой страсть мысли и страсть писательскаго темперамента, возбуждавшія вокругъ цѣлую бурю чувствъ. И по поводу каждаго затронутаго имъ вопроса закипала борьба, въ которой не всегда Михайловскій соблюдалъ справедливость къ противникамъ, но зато была жизнь, яркая сверкающая и здоровая. Что-то боевое чувствовалось даже во внѣшности его—въ этомъ гордомъ наклонѣ его высокаго крутого лба и всей головы, въ прямой постановкѣ, словно неудержимо стремящейся вверхъ и къ движенію, всей фигуры и во вдумчиво устремленныхъ впередъ упрямыхъ глазахъ. Боецъ и мыслитель—таково было первое впечатлѣніе отъ его красивой, стройной и какой-то строгой фигуры, внушавшей невольное почтеніе. Быть съ нимъ небрежнымъ, что называется «за панибрата», врядъ ли кому приходило въ голову. Чувствовалось, что предъ тобой сила, и, какъ всякая сила, требующая осторожнаго и внимательнаго обращенія. Чувствовалось въ то же время и благородство этой силы, заставлявшее подтягиваться въ его присутствіи и слѣдить за собой. Такое же облагораживающее вліяніе оказывалъ онъ и въ журналистикѣ, гдѣ его авторитетное слово сплошь и рядомъ являлось приговоромъ, что заставляло многихъ и многихъ быть и осторожнѣе, и сдержаннѣе. Недаромъ такъ страстно ненавидѣли его разные «аристократы духа», еще такъ недавно чуть не съ пѣною у рта накидывавшіеся на него за мѣткое и убійственное слово, которымъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу навѣки одного изъ ихъ лагеря. Ненависть этой породы «перевертней» и продажныхъ душъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ цвѣ-

товъ въ вѣнкѣ Михайловскаго. И мы боимся, но думаемъ, что это такъ: скоро почувствуется въ литературѣ отсутствіе этого авторитетнаго голоса, который всѣ привыкли уважать и многіе бояться...

Выяснить значеніе Михайловскаго для русской жизни и литературы крайне трудно, благодаря широтѣ захвата его мысли и таланта. Въ сущности его сорокалѣтняя работа заключаетъ въ себѣ исторію развитія русской общественности и русской мысли за это время. Онъ коснулся всего, откликнулся на все, далъ отвѣтъ на каждый вопросъ, поставленный жизнью. Съ нимъ много спорили, во многомъ не соглашались, но вліянія этой кипучей умственной и нравственной сила никогда не отрицали. Самый до извѣстной степени хаотическій характеръ этой работы лучше всего говоритъ, что предъ нами истинное отраженіе умственной работы цѣлыхъ поколѣній, которыя черпали полными пригоршнями изъ его неоскудѣвающей сокровищницы. Онъ не систематическій ученый, не строгій мыслитель, не публицистъ въ обычномъ значеніи, онъ—все вмѣстѣ. Это цѣльная живая личность, жившая всѣми силами ума и души, и только въ одномъ неизмѣнно вѣрная съ начала и до конца: въ стремленіи къ тому идеалу жизни, который сложился у него въ эпоху шестидесятыхъ годовъ и который онъ самъ такъ прекрасно и образно охарактеризовалъ, какъ осуществленіе въ жизни правды-истины и правды-справедливости.

«Всякій разъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій,—какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда, въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ писаній. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, въ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Ва всякомъ случаѣ выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача моей жизни. Нелегкая эта задача. Слишкомъ часто мудрымъ зміямъ не хватаетъ голубиной чистоты, а чистымъ голубямъ — зміиной мудрости. Слишкомъ часто люди, полагая спасти нравственный или общественный идеалъ, отворачиваются отъ непріятной истины, и, наоборотъ, другіе люди, люди объективнаго знанія, слишкомъ часто наровятъ поднять голый фактъ на степень незыблемаго принципа. Вопросы о свободѣ воли и необходимости,

о предѣлахъ нашего знанія, органическая теорія общества, приложенія теоріи Дарвина къ общественнымъ вопросамъ, вопросъ объ интересахъ и мнѣніяхъ народа, вопросы философіи, исторіи, этики, эстетики, экономики, политики, литературы въ разное время занимали меня исключительно съ точки зрѣнія великой двуединой правды. Я выдержалъ безчисленные полемическіе турниры, откликался на самые разнообразные запросы дня, опять-таки ради водворенія все той же правды, которая, какъ солнце, должна отражаться и въ безбрежномъ океанѣ оживленной мысли, и въ малѣйшихъ капляхъ крови, пота и слезъ, проливаемыхъ сію минуту».

Это неуклонное стремленіе въ одну сторону выработало въ Михайловскомъ борца за высшіе общественные интересы. Высокое развитіе общественности въ связи съ философскимъ обоснованіемъ его взглядовъ въ этой области создало изъ Михайловскаго самаго крупнаго публициста, боровшагося за свободу мысли, совѣсти и слова, за личность человѣка. По его словамъ, онъ былъ такъ счастливъ, что сразу, въ дни молодости, нашелъ основы своего міросозерцанія и донесъ ихъ неизмѣнными до могилы. Въ одномъ ему отказала судьба—увидѣть ихъ осуществленіе въ жизни, когда онъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ про себя: «нынѣ отпущаеши»... Съ той высоты, на которой онъ стоялъ по проникновенной мысли, по умудряющему опыту и знанію людей, онъ видѣлъ вблизи обѣтованную землю, но, какъ Моисею, ему не дано было войти въ нее...

Его не стало. Но духъ его живетъ и будетъ жить, пока существуетъ русская литература, на страницахъ которой имя Михайловскаго выписано нетлѣнными знаками вслѣдъ за именами Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Ихъ завѣты онъ впиталъ въ себя, свято соблюдалъ ихъ всю жизнь и передалъ послѣдующимъ поколѣніямъ, всю жизнь примѣромъ своимъ поучая, какъ надо жить и... умирать. Ибо, какъ говоритъ Заратустра:

«Въ смерти вашей долженъ еще горѣть духъ вашъ и добродѣтель ваша, какъ вечерняя заря горитъ на землѣ: или смерть ваша плохо удалась вамъ.

«Такъ хочу умереть я самъ, чтобы вы, друзья, ради меня еще больше любили землю; и въ землю хочу опять обратиться я, чтобы найти отдыхъ у той, что родила меня».

Мало людей, которые посмѣли бы сказать про себя, что въ смерти ихъ горятъ духъ и добродѣтели ихъ, и къ ихъ числу безспорно принадлежитъ Михайловскій. Онъ-то ужъ заработалъ свой отдыхъ у той, что родила его...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Кончина Н. К. Михайловскаго. Русская литература и русское общество понесли тяжелую утрату: въ ночь съ 27-го по 28-е января скоропостижно скончался писатель и редакторъ «Русскаго Богатства» Николай Константиновичъ Михайловскій. Покойный уже давно страдалъ хроническимъ заболѣваніемъ сердца, по временамъ причинявшимъ ему тяжкія мученія. Послѣдній мѣсяцъ онъ былъ въ особенно удрученномъ настроеніи, хотя въ самые послѣдніе дни своей жизни онъ какъ будто повеселѣлъ и былъ даже особенно разговорчивъ. 27-го января вечеромъ Николай Константиновичъ отправился на засѣданіе комитета литературнаго фонда, которое происходило на квартирѣ П. И. Вейнберга. Въ первомъ часу ночи онъ пріѣхалъ домой. Изъ домашнихъ никого не было дома. Прислуга разсказывала, что покойный отправился къ себѣ въ спальную и отпустилъ ее. Въ третьемъ часу возвратился домой племянникъ покойнаго. Трудно себѣ представить, каковъ былъ его ужасъ, когда онъ засталъ Николая Константиновича лежавшимъ поперекъ кровати безъ признаковъ жизни. Немедленно были приняты мѣры къ приведенію его въ чувство. Послали за врачомъ, которому оставалось только констатировать фактъ смерти. 30-го января послѣ краткой литіи тѣло покойнаго писателя было перенесено въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ въ $10^1/_2$ часовъ началась заупокойная обѣдня. Громадная толпа явившихся отдать послѣдній долгъ почившему писателю наполнила весь соборъ, площадь и прилегающія къ площади улицы. По окончаніи обряда отпѣванія гробъ былъ вынесенъ на рукахъ писателями и друзьями покойнаго и грандіозная процессія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ двинулась по Басковой улицѣ, гдѣ передъ редакціей «Русскаго Богатства» была отслужена литія. Затѣмъ печальное шествіе направилось по Надеждинской, черезъ Невскій, по Николаевской улицѣ и, наконецъ, по Обводному каналу по направленію къ Волкову кладбищу, этому «пантеону» русскихъ писателей. За гробомъ двинулись три колесницы, сплошь покрытыя вѣнками, число которыхъ было болѣе 70. Изъ нихъ обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ съ надписью: «Н. К. Михайловскому—осиротѣлая редакція «Русскаго Богатства»; затѣмъ были еще слѣдующіе вѣнки: «Отъ рабочихъ и служащихъ типографіи, печатающей «Русское Богатство»; «Отъ семьи Глѣба Успенскаго»; «Непоколебимому борцу за правду и справедливость» отъ редакціи журнала «Міръ Божій»;

«Борцу за общественное самосознаніе во имя свѣтлаго будущаго—отъ интеллигентнаго пролетаріата»; «Неутомимому, честному защитнику народнаго права—отъ общества горныхъ инженеровъ»; «Литератору-борцу отъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ»; «Поборнику правды, неутомимому борцу за лучшее будущее изъ Ярославля»; «Поборнику высокихъ идеаловъ»—отъ редакціи «Юриста»; «Великому истолкователю русской дѣйствительности и идейному борцу отъ служащихъ московской губернской земской управы»; «Отъ друзей»; «Отъ присяжныхъ повѣренныхъ»; «Доблестному вождю русской интеллигенціи»—отъ редакціи газеты «Право»; «Честному борцу»—отъ редакціи журнала «Правда»; «Отъ учащихъ и учениковъ воскресныхъ школъ рабочихъ шлиссельбургскаго тракта»; отъ редакцій: «Русск. Вѣдомостей», «Знанія», «Биржев. Вѣдомостей», «Экономической газеты», «Вѣстника Воспитанія», «Образованія», «Хозяина», «Вѣстника Права», «Русской Мысли» и др.; отъ группы студентовъ электротехн. института; «Отъ студентовъ горнаго института»; «Неутомимому борцу»—отъ студентовъ лѣсного института; «Отъ слушательницъ медицинскаго института»; «Отъ профессоровъ горнаго института»; «Отъ группы петербургскихъ гимназистовъ»; «Отъ петербургскаго педагогическаго общества»; «Отъ студентовъ-технологовъ»: «Отъ студентовъ военно-медицинской академіи»; «Отъ студентовъ-армянъ»; «Отъ сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ»; «Отъ почитателей»; «Отъ группы пріѣзжихъ врачей»; «Отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ»; «Отъ студентовъ-путейцевъ»; «Отъ читателей» и мн. др. Во все время, пока процессія двигалась по направленію къ кладбищу, хоръ учащейся молодежи пѣлъ «Вѣчную память» и «Святый Боже». Гробъ всю дорогу несли на рукахъ друзья, писатели и учащаяся молодежь и онъ высоко колыхался надъ толпой, которая сплошной массой окружала несущихъ останки покойнаго писателя. Такихъ похоронъ Петербургъ не видѣлъ давно. Это были въ полномъ смыслѣ слова гражданскія похороны; вся толпа точно была охвачена однимъ настроеніемъ, однимъ чувствомъ. Всѣ сознавали, что хоронятъ одного изъ послѣднихъ могиканъ шестидесятыхъ годовъ, одного «изъ той стаи славныхъ», и что эта потеря невозвратима. Смерть вырвала на этотъ разъ крупную жертву и торжественная обстановка похоронъ могла хоть немного заглушить горечь этой тяжелой утраты. Мы хоронили писателя-гражданина, и на этотъ разъ русское общество можетъ быть удовлетворено: оно съ честью проводило прахъ писателя къ мѣсту его послѣдняго успокоенія.

Надъ свѣжей могилой было сказано нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ отмѣтимъ рѣчь В. И. Семевскаго, говорившаго отъ имени редакціи «Русское Богатство». «Осиротѣло не только «Русское Богатство»,—сказалъ В. И.,—осиротѣло и все русское общество; осиротѣла и русская учащаяся молодежь, защитникомъ которой отъ обобщающихъ нареканій со стороны реакціоннонастроенной части русскаго общества былъ всегда покойный Н. К. Этой защитѣ посвящена между прочимъ и посмертная его статья»... Указавъ затѣмъ, что въ этой же статьѣ покойный писатель вспомнаетъ тѣ великія имена, которыя были учителями русской общественности, В. И. напомнилъ присутствующимъ,

что Н. К. Михайловскій оставилъ намъ одинъ завѣтъ, который надо помнить русскому обществу. Молодой поэтъ К. А. Горбуновъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

„Прощай, учитель нашъ! Прощай, борецъ,
Поднявшій высоко свое надъ нами знамя,
Во храмѣ Истины, какъ честный жрецъ,
Всю жизнь свою поддерживавшій пламя;
Прощай, прощай, народа вѣрный другъ!
Ты умеръ, но живетъ твое святое дѣло!
Твоихъ учениковъ растетъ могучій кругъ,
Впередъ они глядятъ, какъ ты училъ ихъ, смѣло!
Впередъ они идутъ,—туда, гдѣ лучъ зари
Блисталъ тебѣ наградой и привѣтомъ
И озарялъ отраднымъ, дивнымъ свѣтомъ
Свободы, равенства и братства алтари!
Впередъ они идутъ! Когда-жъ въ пути ихъ день
Затмится тучами печали иль сомнѣнья,
Тогда, спѣша, съ улыбкой вдохновенья,
Къ нимъ подойдетъ твоя, учитель, тѣнь,—
И глянетъ имъ въ глаза, и жизни жаркой кровью
По жиламъ ихъ огонь священный пробѣжитъ,
Сердца исполнятся могучею любовью
И дружный кличъ „Впередъ“ отважно прозвучитъ!...

Поэтъ П. Я. (Мельшинъ) прочелъ нѣсколько строфъ изъ извѣстнаго стихотворенія «На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура» (въ переводѣ Козлова), которое, какъ нельзя больше, подошло къ настроенію толпы, окружавшей живой стѣною могилу.

Вотъ эти строфы:

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили...

* * *

Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

* * *

Прости-же товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой!..

Говорило еще нѣсколько человѣкъ, послѣ чего какъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, толпа, пропѣвъ нѣсколько разъ «Вѣчную память», стала медленно расходиться, унося съ собой на память зеленыя вѣтви ели. Шелъ снѣгъ и его пушистыя бѣлыя хлопья медленно покрывали невысокій холмъ свѣжей могилы...

Вѣчная тебѣ память, писатель-гражданинъ, всю свою жизнь посвятившій рыцарскому служенію честному печатному слову!

Что читаетъ сельское населеніе. Въ «Статистическомъ ежегодникѣ» на 1903 г., изданномъ статистическимъ бюро полтавскаго губернскаго земства, помѣщены результаты произведеннаго въ 1903 году изслѣдованія о томъ, что читаетъ сельское населеніе Полтавщины.

Всѣхъ книгъ у крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ было переписано 20.000 томовъ съ періодическими изданіями (годовой экземпляръ за одинъ томъ) въ 667-ми селеніяхъ. Всѣ 20.000 томовъ составили 13.074 отдѣльныхъ названія. Составъ ихъ оказался такой: религіозно-нравственныя—42,8%, белетристика—27,7%, періодическихъ изданій—8,2%, смѣсь—8,1%, гражданская исторія и біографіи—4,8%, сельское хозяйство и промыслы—3,5%, учебный—1,9%, медицина и гигіена—0,9%, естествовѣдѣніе—0,7%, юридическія и обществовѣдѣніе—0,7%, географія и путешествія—0,6%, прочія научно-популярныя—0,4%. Произведенія извѣстныхъ писателей составляли 8% всѣхъ книгъ. По степени распространенности они шли въ такомъ порядкѣ: Гоголь, Пушкинъ, Толстой Л., Жуковскій, Лермонтовъ, Крыловъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Кольцовъ. Изслѣдованіе, отмѣчаетъ сравнительно незначительное распространеніе лубочной литературы, объясняя это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ коробѣ книгоноши имѣется не мало малорусскихъ изданій, лишенныхъ вообще лубочнаго характера и охотно покупаемыхъ населеніемъ. Кромѣ того повышеніе вкуса подъ вліяніемъ школъ и особенно библіотекъ-читаленъ констатируется многими корреспондентами, а также сопоставленіемъ данныхъ о составѣ книгъ въ селахъ, имѣющихъ библіотеки, съ селами, лишенными ихъ. Изъ періодическихъ изданій наиболѣе распространенными оказались: «Сельскій Вѣстникъ», «Хуторянинъ», «Родина», «Биржевыя Вѣдомости», «Русское Чтеніе», и «Журналъ Для Всѣхъ». По способу пріобрѣтенія книги распредѣлялись такъ: куплены въ городахъ 18%, въ селахъ губерніи—32,1%, внѣ губерніи—10,7%, подарено—26,4%, куплены въ монастыряхъ и церквахъ 4,7% остальныя—въ прочихъ мѣстахъ. Изъ купленныхъ въ городѣ книгъ 28,% куплено въ земскихъ книжныхъ складахъ (ихъ 13 въ губерніи). Всѣхъ фирмъ издательскихъ, снабжающихъ губернію книгами, — 273. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Сытинъ — 20%, Губановъ—15%, Девріенъ—4%, Коновалова, Марксъ, харьковское общество грамотности, земства—по 3% и т. д. По объему наиболѣе распространены книги свыше десяти печатныхъ листовъ—25% (періодическія изданія и религіозныя исключены), затѣмъ двухлистовка — 18%, въ три листа — 15%. Въ среднемъ по губерніи читатель не считаетъ дорогой цѣну за книгу въ 50 коп. Сравненіе состава книгъ по Орловской, Владимірской и Полтавской губерніямъ сильно говоритъ въ пользу послѣдней; особенно это замѣтно относительно книгъ по сельскому хозяйству (ихъ въ двухъ великорусскихъ губерніяхъ всего 0,3% противъ 3,5% въ Полтавщинѣ). Объясненіе лежитъ въ развитіи дѣятельности десяти сельскохозяйственныхъ обществъ и въ наличности книгъ по сельскому хозяйству, написанныхъ по-малорусски (Чикаленко, Ганько и пр.) и приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ. Вообще же книжная тор-

говля въ Полтавщинѣ оказывается далеко не такъ сильно монополизирована лубочнымъ разносчикомъ, какъ напр., во Владимирской губ.

При весьма низкомъ у насъ уровнѣ народнаго благосостоянія пріобрѣтеніе дорогихъ книгъ, конечно, не по силамъ деревенскому поселенію. Громадное значеніе могли бы имѣть поэтому народныя библіотеки—читальни, но тѣ условія, при какихъ эти библіотеки существуютъ въ Россіи, въ значительной степени парализуютъ ихъ пользу. Какъ извѣстно, дѣятельность безплатныхъ народныхъ библіотекъ сильно ограничена: сюда попадаютъ не тѣ книги, которыя допущены общей цензурой, а только избранныя особымъ комитетомъ, состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ минувшемъ 1903 году былъ выпущенъ дополнительный къ каталогу 1900 года списокъ разрѣшенныхъ изданій. Въ «С.-Петерб. Вѣд.» находимъ интересный разборъ помѣщенныхъ въ этомъ спискѣ книгъ, сдѣланный г. В. Раппомъ (членомъ южнорусскаго книжнаго издательства подъ фирмою Ефимова и Раппъ).

Въ этомъ дополнительномъ спискѣ поименовано 2.135 изданій, разрѣшенныхъ въ теченіе 4 лѣтъ.

По точному подсчету, г. Раппъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно содержанія этихъ 2.135 изданій:

1) 260 книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Эти книги по точному смыслу существующихъ узаконеній не нуждаются въ разрѣшеніи комитета, такъ какъ онѣ одобрены духовной цензурой и тѣмъ самымъ допускаются къ свободному обращенію въ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Для чего же понадобилось помѣщать ихъ въ каталогъ?

2) 605 названій, уже давно разрѣшенныхъ комитетомъ и помѣщенныхъ въ основный каталогъ министерства народнаго просвѣщенія изданія 1900 г.

3) 34 названія атласовъ, картинъ, альбомовъ и таблицъ.

4) 99 учебниковъ, по которымъ, конечно, можно и должно учиться, но которые врядъ ли могутъ быть признаны безъ натяжки книгами для чтенія.

5) 95 названій книгъ узко-спеціальнаго характера, какъ-то: пѣніе, музыка, учебныя игры, педагогика и пр.

6) 186 книгъ, предназначенныхъ исключительно для солдатъ и трактующихъ о воинской чести, военной дисциплинѣ, обязанностяхъ часового, деньщика и о преимуществахъ военной службы передъ всѣми остальными занятіями. Врядъ ли эти книги могутъ имѣть интересъ, въ качествѣ общаго чтенія, а вѣдь процентъ ихъ—не малый!

7) 41 книга духовно-нравственнаго содержанія, только по недосмотру попавшія въ другіе отдѣлы.

Суммируя эти цифры, получимъ 1.320 названій; остается, значитъ, только 815.

Большая половина изъ этихъ 815 названій предназначается для маленькихъ и не можетъ имѣть интереса для взрослаго читателя. Принимая даже число дѣтскихъ книгъ равнымъ половинѣ всѣхъ 815, получимъ 407 названій общаго характера.

Однако отсюда приходится выбросить 27 книгъ по ветеринаріи, 91—по сельскому хозяйству и 45 по медицинѣ, итого—163; остается, стало быть, 244 названія. Выброшенныя 163 названія носятъ спеціальный характеръ и являются далеко не доступными для читателя, не получившаго нѣкоторой подготовки.

Но и получившіяся 244 названія нуждаются въ нѣкоторой фильтровкѣ. Дѣло въ томъ, что въ ихъ число входятъ изданія чисто лубочныя или полулубочныя, какъ-то изданія Клюкина, Ефимова, Сытина, Панафидина, Ступина, Губинскаго и другихъ представителей Сухаревки и Никольскаго рынка, почему-то пользующіяся завидной привилегіей всегда быть разрѣшаемыми и одобряемыми для народныхъ библіотекъ.

Что же получается въ результатѣ?—спрашиваетъ изслѣдователь.

Получается тотъ выводъ,—грустно констатируетъ онъ,—что ученый комитетъ, разсматривая книги по исторіи, географіи, этнографіи, путешествія, біографіи, по исторіи литературы, искусства, критическія сочиненія, сочиненія по химіи, физикѣ, ботаникѣ, минералогіи, зоологіи (вплоть до иппологіи), по ремесламъ, общественнымъ вопросамъ, по юриспруденціи теоретической и практической, законы и справочныя изданія, колоссальную массу беллетристики оригинальной и переводной журналы, и газеты—нашелъ пригодными только 100 — приличныхъ названій, да и то еще не вполнѣ удовлетворяющихъ строгой критикѣ человѣка, желающаго дать народу дѣйствительно хорошую или полезную книгу.

Единственный выходъ изъ этого положенія, созданнаго сизифовымъ трудомъ бюрократическаго учрежденія, — заканчиваетъ свой подсчетъ изслѣдователь, — это допустить въ народныя библіотеки всѣ книги, разрѣшенныя въ Россіи общей цензурой. Только тогда можно будетъ ждать серьезныхъ результатовъ отъ внѣшкольнаго просвѣщенія народа.

Въ родныхъ палестинахъ. Въ «С.-Петерб. Вѣдом.» помѣщена любопытная корреспонденція изъ слободы Покровской, характеризующая нравы этого, недавно пострадавшаго отъ пожара, селенія. Жители слободы переживаютъ чрезвычайно тревожные дни. Грабежи, разбои, буйства, убійства, нападенія съ дубинами, револьверами, кинжалами и проч. безобразія творятся каждую ночь. Отъ безобразниковъ никто не гарантированъ — ни обыватели, ни врачи, ни священники и проч. Врачи отказываются посѣщать больныхъ въ ночное время, священники не ѣздятъ съ требами, такъ какъ было нѣсколько случаевъ нападенія на врачей и священниковъ; причемъ, не говоря уже о грабежахъ, нападавшіе позволяли себѣ такія издѣвательства: одного священника заставляли плясать подъ гармонику, угрожая въ противномъ случаѣ убить изъ револьвера; у другого отняли узелъ съ богослужебными принадлежностями и стрѣляли изъ револьвера. Покушались на убійство врачей, ѣдущихъ къ больнымъ. Полиція безсильна бороться съ этимъ зломъ.

Зачастую дѣлали нападенія на полицію, стрѣляя изъ револьверовъ, набрасываясь съ ножами и кинжалами и обращая полицію въ бѣгство.

Общественная арестантская ежедневно переполнена безобразниками, которые по составленіи протокола выпускаются на волю и снова творятъ безобразія. Полиція не успѣваетъ составлять протоколы. Волостной судъ и городской судья въ слободѣ не поспѣваютъ разбирать «дѣла», которыя залеживаются по полгоду. Въ настоящемъ году общество слободы Покровской порѣшило учредить другой составъ волостного суда. Слѣдственная власть завалена уголовными дознаніями и проч. Жители слободы вооружились револьверами и еще засвѣтло закрываютъ наглухо окна и запираютъ наглухо ворота и двери домовъ и хатъ.

«По ночамъ и даже вечерамъ никто изъ слобожанъ не рѣшается выйти на улицу.

«Больницы (общественная и земская) наполнены ранеными, изувѣченными и проч. лицами, не говоря уже объ ежедневныхъ посѣтителяхъ, являющихся въ больницы на перевязку съ болѣе легкими ранами и порѣзами. Все это—жертвы слободского безобразія.

«Недавно покровское общество на сельскомъ сходѣ приговоромъ отказалось отъ 14-ти общественниковъ. Все это лица порочнаго поведенія, неоднократно замѣчавшіяся въ убійствахъ, грабежахъ, стрѣльбѣ, и проч., и проч. Изъ числа 14-ти человѣкъ, приговоренныхъ къ высылкѣ въ Сибирь, только 7 отправлены въ тюрьму, а изъ остальныхъ 7 человѣкъ—нѣкоторые несовершеннолѣтніе, а другіе скрываются отъ полиціи.

«Безобразію не предвидится конца.

«Мѣстная администрація возбуждаетъ передъ самарскимъ губернаторомъ ходатайство о мѣропріятіяхъ по упорядоченію и охранѣ слободы отъ безобразій.

«Такое же ходатайство возбуждаютъ передъ начальникомъ губерніи нѣсколько сотъ человѣкъ слободскихъ обывателей, имущественная и личная безопасность которыхъ больше всего страдаетъ отъ безобразниковъ. Это—торговцы разнаго рода товарами, вынужденные закрывать свои магазины и лавки съ наступленіемъ вечера изъ боязни быть ограбленнымй, что не разъ уже и повторялось.

«Дерзкіе кражи и грабежи происходятъ и на желѣзнодорожномъ вокзалѣ слободы Покровской. Товарные поѣзда каждую ночь сопровождаетъ нѣсколько человѣкъ урядниковъ, жандармовъ и полиціи. При этомъ рѣдкая ночь обходится безъ того, чтобы между грабителями и полиціей не происходила перестрѣлка. Поѣзда идутъ очень медленно и грабители со всѣхъ сторонъ атакуютъ товарные вагоны, стрѣляя въ охраняющую вагоны полицію, помѣщающуюся на площадкахъ вагоновъ. Бывали неоднократно случаи, что грабители ограбляли товарные вагоны, несмотря на охрану.

«Въ среднихъ числахъ января рабочіе и служащіе желѣзной дороги въ слободѣ Покровской подали самарскому губернатору телеграмму, въ которой убѣдительнѣйше просятъ начальника губерніи принять репрессивныя мѣры къ охранѣ слободы Покровской».

Дѣло о нападеніи на кн. Л. Н. Гагарина. 28-го января въ московской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, началось разсмотрѣніе дѣла по обвиненію 26 крестьянъ д. Волосовки, Михайлов-

скаго уѣзда, Рязанской губ., въ нападеніи скопомъ на имѣніе княгини Н. М. Гагариной и въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій княгинѣ, ея мужу, князю Л. Н. Гагарину, и кн. С. Б. Щербатову. Въ «Русскомъ Словѣ» помѣщенъ подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, которое представилось на судѣ въ слѣдующемъ видѣ.

На судъ явились всѣ 26 обвиняемыхъ. Согласно обвинительному акту въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губ., расположено имѣніе княгини Натальи Михайловны Гагариной, называемое «Коровино». Имѣніе это прилегаетъ къ владѣніямъ крестьянъ д. Волосовки. Часть помѣщичьей земли, въ количествѣ 53 десятинъ, ближайшихъ къ д. Волосовкѣ, болѣе 10 лѣтъ отдавалась въ арендное пользованіе крестьянамъ этой деревни.

Вслѣдствіе того, что крестьяне д. Волосовки не имѣютъ собственнаго выгона и ихъ надѣльная земля съ двухъ сторонъ окружена владѣніями «Коровина», ихъ скотъ часто заходилъ на эти владѣнія и совершалъ потравы, которыя не встрѣчали строгаго преслѣдованія со стороны прежнихъ владѣльцевъ этого имѣнія.

Когда, въ 1895 г., Наталья Михайловна Обрѣзкова, которой «Коровино» досталось по наслѣдству, вышла замужъ за князя Леонида Николаевича Гагарина, послѣдній переѣхалъ въ имѣніе и началъ самъ завѣдывать въ немъ хозяйствомъ.

Князь Л. Н. Гагаринъ сталъ строже относиться къ крестьянамъ, штрафуя ихъ за потравы и возбуждая уголовныя преслѣдованія за кражи и лѣсныя порубки.

Для охраны владѣній жены онъ нанялъ въ 1898 г. на должности объѣздчиковъ трехъ выписанныхъ съ Кавказа черкесовъ, которые ревностно исполняли свои обязанности сторожей, но возбудили противъ себя общее неудовольствіе со стороны крестьянъ тѣмъ, что, при встрѣчѣ съ ними, наносили имъ всегда побои нагайками, не дозволяя проходить черезъ землю князя иначе, какъ по большой дорогѣ.

На дѣйствія черкесовъ крестьяне обращались съ жалобами къ кн. Гагарину, но тотъ, довольный службою черкесовъ, оставлялъ эти жалобы безъ вниманія.

На этой почвѣ и возникло враждебное отношеніе крестьянъ къ князю. Эти отношенія обострились благодаря тому, что кн. Гагаринъ не соглашался на просьбу крестьянъ объ увеличеніи количества сдаваемой имъ земли, а весной 1903 года объявилъ черезъ сельскаго старосту Ефимкина сельскому сходу д. Волосовки, что, если крестьяне не прекратятъ кражи пеньковъ изъ его лѣса, онъ совсѣмъ лишитъ ихъ аренды.

Слѣдующій случай послужилъ ближайшимъ поводомъ къ преданію крестьянъ суду.

Вечеромъ 1-го іюля 1903 года крестьянинъ д. Волосовки Михаилъ Карновъ, косившій рожь на примыкающей къ рощѣ княгини Гагариной десятинѣ, скосилъ съ окружавшей рощу канавы охапку травы.

Замѣтивъ это, одинъ изъ черкесовъ, Даурбековъ, потребовалъ, чтобы Кар-

новъ отправился въ контору экономіи, а въ виду отказа послѣдняго, сталъ бить его по спинѣ нагайкой. На помощь къ Карнову подоспѣлъ сынъ его, Андрей, и оба нанесли косами черкесу нѣсколько глубокихъ ранъ, а тотъ, обороняясь, три раза ударилъ кинжаломъ Михаила Карнова. Старикъ-крестьянинъ упалъ мертвымъ подъ этими ударами. Андрей Карновъ бросился въ деревню и разсказалъ о случившемся, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Егоромъ Волковымъ, сталъ убѣждать односельчанъ отправиться къ князю съ жалобой, причемъ Волковъ грозилъ отказавшимся идти въ «Коровино», что имъ «худо будетъ».

Въ это время въ деревнѣ находился сельскій староста Ефимкинъ, который, въ свою очередь, сталъ убѣждать крестьянъ идти жаловаться князю, а когда почти все населеніе д. Волосовки, вооружившись кольями, вилами, топорами и камнями, двинулось съ криками: «Идемъ жаловаться князю», «идемъ бить черкесовъ», староста самъ послѣдовалъ за этой толпой. Когда толпа нахлынула на княжескую усадьбу, крестьяне стали бросать въ домъ княгини камнями и перебили почти всѣ окна.

Приблизившись къ дому черкесовъ, крестьяне окружили его, и стоявшіе во главѣ толпы Волковъ и Вдовинъ стали кричать: «Бей, зажигай!»

Въ это время къ толпѣ прибѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ крестьянинъ Семеновъ, который закричалъ: «Чего же вы стоите?» Почти тотчасъ же послѣ этого домъ черкесовъ загорѣлся со стороны деревяннаго двора и былъ вскорѣ уничтоженъ огнемъ.

Староста Ефимкинъ былъ тутъ же въ толпѣ, но никакихъ мѣръ къ тушенію пожара и прекращенію безпорядковъ не принималъ. При выходѣ крестьянъ изъ второй усадьбы навстрѣчу имъ показался запряженный парою лошадей экипажъ Гагариныхъ, въ которомъ ѣхали съ мѣста убійства, совершеннаго черкесомъ, князь и княгиня Гагарины и князь С. Б. Щербатовъ.

Завидѣвъ ихъ толпа, съ криками: «Они, они! Ѣдетъ, ѣдетъ!» кинулась къ нимъ и стала бросать въ ѣхавшихъ камнями, палками и другими предметами.

Одинъ изъ первыхъ ударовъ попалъ въ лицо князю Гагарину, и онъ, потерявъ сознаніе, выпустилъ изъ рукъ вожжи, но княгиня схватила ихъ и повернула въ сторону на мгновеніе остановившихся лошадей, которыя рванули и понесли, благодаря чему Гагаринымъ и Щербатову удалось скрыться.

Гагарины подъѣхали къ дому мѣстнаго священника, гдѣ и нашли себѣ пріютъ.

У кн. Гагарина обнаружены были на тѣлѣ кровоподтеки, три колотыхъ раны и переломъ ключицы. У княгини—кровоподтеки и ушибленная рана надъ правымъ глазомъ. У кн. Щербатова—кровоподтеки на лицѣ и тѣлѣ.

Всѣ эти поврежденія были отнесены врачами, производившими судебно-медицинское освидѣтельствованіе потерпѣвшихъ, къ разряду легкихъ.

Передъ судебной палатой прошелъ длинный рядъ свидѣтелей, вызванный обвиненіемъ, гражданскимъ истцомъ и защитой.

Судебное слѣдствіе дало очень скудный матеріалъ для выясненія участія въ преступленіи каждаго изъ обвиняемыхъ, но оно съ достаточной яркостью освѣтило тѣ причины и поводы, которые вызвали событіе 1 іюля.

На первомъ планѣ можно поставить безчинства черкесовъ, находившихся въ имѣніи кн. Гагарина.

Передъ судомъ также прошелъ длинный рядъ свидѣтелей, повѣствовавшихъ о жестокостяхъ черкесовъ.

Всѣхъ черкесовъ было три, но ихъ знала вся округа. Вооруженные съ ногъ до головы нагайками, ружьями, револьверами и кинжалами, эти объѣздчики-азіаты держали въ страхѣ всѣ округу.

Передъ судомъ прошли крестьяне не только деревни Волосовки, къ которой принадлежатъ подсудимые, но и другихъ сосѣднихъ деревень, Павелкова, Финяева и др. И всѣ эти люди въ одинъ голосъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ разсказывали о жестокостяхъ черкесовъ. Черкесы «пороли, стегали народъ безо всякой причины, стрѣляли въ деревнѣ изъ ружей, запарывали крестьянскую скотину».

Свидѣтели приводятъ отдѣльные случаи. Одному старику-крестьянину черкесъ плетью перешибъ руку, у другого запоролъ телку, у третьяго «постегалъ хозяйку», у четвертаго «ни за что отстегалъ мальчика» и т. д., и т. д.

Черкесы не давали никому прохода. Дорога въ церковь пролегала черезъ княжескую усадьбу. И на этой дорогѣ происходили постоянныя столкновенія, такъ что крестьяне стали рѣже въ церковь ходить и даже ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ перечислили въ другой приходъ. При встрѣчѣ съ ними крестьяне снимали шапки и величали черкеса «бариномъ» и «высокородіемъ».

Черкесы не оставляли въ покоѣ и женщинъ, и одна крестьянка сама на судѣ разсказала, что была изнасилована черкесами. Дѣло это было передано судебному слѣдователю.

Урядникъ, исправникъ и земскій начальникъ до извѣстной степени подтверждаютъ слова крестьянъ, говоря, что до нихъ доходили свѣдѣнія о безчинствахъ черкесовъ.

По словамъ этихъ свидѣтелей, деревня Волосовка была не хуже другихъ деревень; особой бѣдности не замѣчалось, крестьяне исправно платили повинности и никакой особой преступности не проявляли.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ данныя, обнаруженныя судебнымъ слѣдствіемъ.

Засѣданіе 31 января было цѣликомъ посвящено преніямъ сторонъ.

1 февраля палата объявила приговоръ.

Палата признала наличность признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 264 ст. ул. о нак., и на основаніи этой статьи приговорила 22 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ каждаго и 2 подсудимыхъ къ 2 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія безъ лишенія правъ.

Одинъ подсудимый оправданъ. Бывшій староста Ефимкинъ за бездѣйствіе власти приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности.

Кромѣ того, палата постановила ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ наказанія первой группѣ подсудимыхъ 2-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія правъ и 2 подсудимыхъ—мѣсячнымъ

арестомъ. По отношенію къ осужденному Андрею Карнову (сыну убитаго крестьянина) палата постановила ходатайствовать о полномъ помилованіи.

Возстановленіе правъ защиты. 17-го февраля въ уголовномъ касаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева слушалось дѣло по касаціонной жалобѣ защитниковъ кр. Семенова—пом. прис. пов. Петрова и прис. пов. Елисѣева на приговоръ с.-петербургскаго окружного суда.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый кр. Семеновъ признанъ виновнымъ и заслуживающимъ снисхожденія въ томъ, что по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію и работѣ онъ тайно похитилъ изъ запертой квартиры имущество на сумму менѣе 300 р. Приговоромъ суда онъ присужденъ къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ. Семеновъ въ преступленіи своемъ сознался и защитникъ его пом. прис. пов. Петровъ даже отказался отъ допроса свидѣтелей, а въ рѣчи своей указалъ присяжнымъ засѣдателямъ на право ихъ оправдывать подсудимаго даже при наличности сознанія. Здѣсь онъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ Камышанскимъ, заявившимъ, что онъ вводитъ гг. присяжныхъ въ заблужденіе своимъ разъясненіемъ, такъ какъ разъ сознаніе есть и оно не опровергается данными дѣла и не возбуждаются сомнѣнія, что преступленіе совершено именно подсудимымъ и притомъ нѣтъ ни одного изъ законныхъ признаковъ невмѣненія, то присяжные засѣдатели не имѣютъ права оправдывать. Несмотря на это разъясненіе, защитникъ закончилъ свою рѣчь такими словами: «а я все-таки прошу васъ оправдать», за что былъ лишенъ права слова. А когда пытался и послѣ того давать объясненія, то былъ удаленъ изъ зала засѣданія. Мѣсто его по приглашенію предсѣдательствующаго занялъ пр. пов. Елисѣевъ, который просилъ также объ оправданіи подсудимаго. Въ своемъ резюме предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ, что оправданіе при наличности сознанія и отсутствіи законныхъ признаковъ о невмѣненіи было бы съ ихъ стороны беззаконіемъ; ихъ же дѣятельность должна быть также подзаконна, какъ и дѣятельность всякаго судьи. Вотъ этотъ образъ дѣйствій предсѣдательствующаго и сущность его резюме и выдвинулъ въ касаціонной жалобѣ вопросъ о правахъ защиты съ одной стороны и о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать при наличности сознанія съ другой, причемъ касаторы ссылкою на законъ и касаціонную практику доказывали существованіе права у защитника просить объ оправданіи въ такихъ случаяхъ, а также существованіе безконтрольнаго права у присяжныхъ засѣдателей оправдывать.

Для разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ дѣло и было передано на разсмотрѣніе департамента. Послѣ доклада дѣла сенаторомъ В. К. Случевскимъ слово было предоставлено пр. пов. Елисѣеву, который разработалъ вопросъ о правахъ защиты. Затѣмъ вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать при наличности сознанія былъ подробно разобранъ пр. пов. Карабчевскимъ. Онъ сослался и на мотивы государственнаго совѣта при разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ, и на богатую сенатскую практику, и ни въ одномъ изъ этихъ

источниковъ не находилъ того запрещенія требовать у присяжныхъ засѣдателей объ оправданіи сознавшагося преступника, о которомъ говорилъ г. предсѣдательствующій. Прис. пов. Карабчевскій доказывалъ, что нашъ законъ никогда не смотрѣлъ на присяжныхъ засѣдателей, какъ исключительно на судей факта; что имъ предоставлено право разрѣшать вопросъ о виновности и разрѣшать дѣла по совѣсти. Затѣмъ онъ указалъ на полное единодушіе въ этомъ отношеніи всей русской адвокатуры, высказавшейся противъ такого ограниченія правъ защиты и присяжныхъ, и выразилъ сомнѣніе, чтобы отнимаемое у присяжныхъ право могло бы компенсироваться правомъ, установленнымъ послѣднимъ циркуляромъ министра юстиціи, ходатайствовать передъ монаршею властью о помилованіи, ибо вопросъ о невмѣненіи можетъ быть правильно разрѣшенъ только судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу.

Оберъ-прокуроръ Щегловитовъ въ заключеніи своемъ высказался за то, что защита должна быть совершенно свободна въ своемъ словѣ и что она имѣетъ право просить объ оправданіи и при наличности сознанія и при отсутствіи законныхъ признаковъ невмѣненія, тѣмъ болѣе, что этихъ признаковъ совершенно недостаточно. Что же касается предѣловъ полномочій присяжныхъ засѣдателей, то въ отношеніи фактической стороны они полные хозяева дѣла и руководствуются только своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ отношеніи же правовыхъ понятій, подлежащихъ ихъ обсужденію, они подчиняются тѣмъ же правиламъ, что и коронные судьи, т.-е. они подзаконны. По всѣмъ этимъ основаніямъ онъ находилъ, что образъ дѣйствія предсѣдательствовавшаго Камышанскаго и преподанныя имъ разъясненія гг. присяжнымъ — совершенно неправильны, и что приговоръ суда и вердиктъ суда подлежатъ кассаціи за нарушеніемъ 611, 612, 745, 746, 801—804 ст. Уст. у. с.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: приговоръ спб. окружного суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей отмѣнить за нарушеніемъ вышеуказанныхъ статей и дѣло передать въ тотъ же судъ въ новомъ составѣ присутствія.

Вакуфный вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, по словамъ «Крымскаго Вѣстника», вновь подняло вопросъ о судьбѣ вакуфныхъ имуществъ. Въ циркулярномъ предложеніи министерства внутреннихъ дѣлъ на имя таврическаго губернатора вакуфный вопросъ передается на разрѣшеніе коммиссіи по татарскому вопросу, которой и придется высказаться по вопросу, не является ли своевременнымъ произвести секуляризацію вакуфовъ, передавъ завѣдываніе этими имуществами въ управленіе государственныхъ имуществъ, по примѣру переданныхъ недавно имуществъ армяно-грегоріанской церкви.

Въ циркулярѣ министерства имѣется ссылка на предположенія, существовавшія по этому поводу въ 1892 г. Тогда проектировалось принять вакуфныя имущества въ завѣдываніе казны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе духовенства и школъ на счетъ суммъ государственнаго казначейства или произвести выкупъ вакуфныхъ имуществъ по капитализаціи существующихъ съ нихъ доходовъ. Пользуясь данными изъ книги Лашкова «Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія», «Крымск. Вѣстникъ» опредѣляетъ самое понятіе

«вакуфъ». Вакуфъ—актъ, которымъ собственникъ изъ вида благостыни и во имя Всевышняго отчуждаетъ и посвящаетъ навѣки въ пользу извѣстнаго учрежденія принадлежащее ему имущество. Разъ установленный вакуфъ становится неотчуждаемымъ и безусловнымъ. Пророкъ сказалъ Омару: «Располагайте этою землею съ благотворительною цѣлью такимъ образомъ, чтобы она не могла быть ни продана, ни подарена, ни обращена въ наслѣдство». Несмотря на такое категорическое запрещеніе, вакуфная коммиссія нерѣдко продаетъ съ торговъ вакуфныя земли. Практика вакуфной коммиссіи основана, по словамъ газеты, на томъ, что наше законодательство о вакуфахъ не вполнѣ согласовано съ ученіемъ о немъ шаріата. Въ то время, когда, согласно шаріату, вакуфное имущество иммобилизируется, т.-е. является неотчуждаемымъ и изъятымъ изъ гражданскаго оборота, по ст. 1.203 и прил. къ ней 1—4, имущество это, хотя и признается неотчуждаемымъ и признается собственностью мусульманскаго духовенства (по ученію шаріата, духовенству принадлежитъ лишь право распоряжаться вакуфными имуществами), но со значительною и важною по послѣдствіямъ своимъ оговоркой: ненужные вакуфы могутъ быть проданы.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ. Невеселыя вѣсти идутъ изъ разныхъ концовъ Россіи о положеніи продовольственнаго дѣла и особенно изъ Новгородской губерніи. Такъ, по даннымъ текущей сельскохозяйственной статистики, урожай хлѣбовъ по Крестецкому уѣздѣ оказался, какъ пишутъ «Русскія Вѣдомости», значительно ниже средняго.

Для главныхъ хлѣбовъ урожай этотъ опредѣлился: ржи—въ самъ=2,^{5}, овса—въ самъ=2,^{5}, картофеля—въ самъ=5,$_{2}$. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и сборъ хлѣбовъ по сравненію съ предшествующими годами оказался далеко не удовлетворяющимъ годовую потребность населенія въ продовольствіи. Въ пополненіе дефицита уѣздный съѣздъ еще передъ началомъ сѣва озимыхъ уже выдалъ 109.293 п. ржи въ ссуду крестьянамъ. Новгородское губернское присутствіе, признавая, что «во всѣхъ уѣздахъ губерніи урожай ржи оказался плохимъ» и что вслѣдствіе этого «возможно ожидать, что отдѣльныя мѣстности губерніи будутъ поставлены въ затруднительное въ продовольственномъ отношеніи положеніе», предложило уѣзднымъ съѣздамъ выяснить общее положеніе населенія по продовольствію. При этомъ губернское присутствіе преподаетъ указаніе, что въ предстоящемъ выясненіи положенія признано безусловно необходимымъ совершенно отказаться отъ опросовъ самаго населенія и «вообще отъ всякихъ такихъ мѣропріятій, которыя могли бы поселить въ немъ ожиданія новой помощи»... Въ виду названнаго запроса уѣздный съѣздъ предложилъ членамъ съѣзда представить свои соображенія по данному предмету. Со стороны земской управы представлена уѣздному съѣзду докладная записка, въ которой на основаніи данныхъ текущей сельскохозяйственной статистики губернскаго земства обстоятельно обрисовано положеніе населенія въ продовольственномъ отношеніи. По этой запискѣ приводится, что годовая потребность крестьянскаго населенія уѣзда въ продовольствіи составляетъ 1.142.625 пуд.,

между тѣмъ на покрытіе этой потребности населеніе имѣетъ: 245.571 п. отъ урожая, 509.685 п. отъ заработковъ и 109.293 п. выданныхъ ссудъ, а всего 864.549 п. Другими словами, населенію не достаетъ на продовольствіе приблизительно 295.099 п. Въ заключеніе своей записки земская управа говоритъ: «Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы признаемъ необходимость продовольственной помощи населенія Крестецкаго уѣзда во избѣжаніе не только значительнаго обѣдненія населенія, но и весьма вѣроятныхъ послѣдствій предстоящаго недоѣданія, какъ, напримѣръ, массоваго заболѣванія цынгой, имѣвшаго мѣсто на подобной же почвѣ въ сосѣднемъ Старорусскомъ уѣздѣ въ зиму 1902—1903 года». Уѣздный съѣздъ вынужденъ признать всѣ выгоды докладной записки дѣйствительными, причемъ высказался за продовольственную помощь населенію въ формѣ общественныхъ работъ, для чего постановилъ: «Просить земскую управу доставить весь имѣющійся на этотъ предметъ у нея матеріалъ»... Въ настоящее время земскою управою проектъ общественныхъ работъ уже представленъ, причемъ управа видитъ возможность общественныхъ работъ только по проведенію проселочныхъ дорогъ.

Положеніе кустарей въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ сѣверо-восточномъ уголкѣ Муромскаго уѣзда, Влад. губ., пріютилось до десятка деревень, сплошь занятыхъ кустарнымъ производствомъ деревянныхъ сундуковъ. О положеніи этихъ кустарей далеко не утѣшительныя свѣдѣнія приводятъ «Русскія Вѣдомости».

До 700 крестьянъ находятъ себѣ въ этомъ промыслѣ главное пропитаніе. Старинная привычка къ этому занятію, отсутствіе всякихъ другихъ промысловъ, чрезвычайно незначительный земельный надѣлъ (у 47% дворовъ всего по 2—5-ти десятинъ, у 40%—свыше 5-ти дес., а у остальныхъ даже меньше 2-хъ дес. на дворъ) сдѣлали то, что здѣшній крестьянинъ все свое упованіе возлагаетъ на сундучный промыселъ: своего хлѣба не хватаетъ и на $^1/_3$ года, цѣлыхъ 60% сундучниковъ отрываются для полевыхъ работъ всего не больше мѣсяца, а 10% не отрываются совсѣмъ и работаютъ круглый годъ. Ужасный процентъ безлошадныхъ дворовъ—55,7%—дополняетъ картину полнаго упадка земельнаго хозяйства въ этомъ уголкѣ. Существованіе промысла вполнѣ надежно, такъ какъ до сихъ поръ примѣненіе машинъ къ этому производству не дало никакого успѣха; сбытъ сундуковъ годъ-отъ-года все увеличивается, такъ что судьба этихъ кустарей, казалось бы, должна быть вполнѣ обезпечена. Но въ позапрошломъ году сундучникамъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ: всѣ мѣстные скупщики сговорились на нижегородской ярмаркѣ и сразу понизили расцѣнку почти вдвое: вмѣсто прежняго годового заработка въ 180—200 р., второй годъ сундучникъ не зарабатываетъ и 90—100 р. Этотъ ударъ былъ такъ неожиданъ, что кустари не имѣли даже возможности подготовиться къ нему: «Годъ-отъ-года народъ все злѣе сталъ», говорятъ они. Ни бросить промыселъ, ни заняться чѣмъ-нибудь другимъ сразу нѣтъ никакой возможности. Кустари начинаютъ проживать то, что̀ накопили раньше. До $^1/_4$ всѣхъ рабочихъ имѣли въ нынѣшнемъ году въ разсчетныхъ книжкахъ «переборъ», т.-е.

остались должны хозяевамъ по нѣсколько десятковъ рублей. У одного, напримѣръ, этотъ долгъ возросъ до 150 р. Хозяинъ въ обезпеченіе взялъ себѣ страховой полисъ на избу должника. Отъ прежняго обезпеченнаго житья остаются теперь одни воспоминанія. А прежде жили хорошо, такъ какъ зарабатывали достаточно: «ѣли и мясо, и пшеничный хлѣбъ». Теперь уже и чай перестаютъ пить нѣкоторые; кустари жалуются на недостатокъ во всемъ: «Когда который и выпьетъ съ горя,—того не хватаетъ, другого не хватаетъ!» Единственнымъ выходомъ изъ этого печальнаго положенія, по мнѣнію кустарей, является образованіе артелей. Уже годъ тому назадъ одна такая артель и стала организовываться. Самымъ большимъ препятствіемъ для артельнаго дѣла въ этомъ производствѣ является необходимость въ большомъ капиталѣ для закупки лѣса. Естественно, что крестьяне обратились за деньгами къ земству. Въ нынѣшнемъ году собралась другая артель, тоже человѣкъ въ 70, и также обратилась къ губернскому земству за ссудой капитала: первая артель — въ 25 тыс. руб., вторая — въ 30 тыс. Есть всѣ данныя за то, что дѣла артели пошли бы болѣе или менѣе хорошо. Это предугадываютъ и сами хозяева-скупщики, такъ какъ съ первыхъ же шаговъ подготовительныхъ дѣйствій къ образованію артели они стали ставить этому дѣлу всевозможныя препятствія. Такъ, къ главному организатору артели явился однажды сотскій отъ волостнаго старшины и сталъ его запугивать: «Что ты бунтуешь народъ?» Когда прошлогоднее губернское земское собраніе переправило ходатайство о деньгахъ вновь образующейся артели для отзыва въ уѣздное собраніе, то этотъ отзывъ былъ составленъ въ управѣ «спеціалистомъ по сундучному производству», однимъ изъ гласныхъ, хозяиномъ-скупщикомъ сундучнаго дѣла, который выразился, что «артель не сможетъ продолжать дѣла». Однимъ словомъ, хозяева-скупщики дѣлали все возможное, чтобы помѣшать артели соединиться. Они даже стали отказывать въ работѣ тѣмъ кустарямъ, что подписались подъ артельнымъ договоромъ: «прижимали артельщиковъ, — ступай, куда хочешь». Одинъ, напр., артельщикъ дошелъ въ нуждѣ до того, что «въ ногахъ валялся у хозяина-скупщика, потомъ пошелъ къ старшинѣ и у него въ ногахъ валялся: «ни ѣсть не даютъ, ни свѣту». Другихъ хозяева притѣсняли въ разсчетахъ: «ни денегъ не даютъ, ни муки не даютъ». Любопытно, что всѣ сильные деревенскаго міра всячески старались очернить артельное начинаніе предъ пріѣхавшими для изслѣдованія лицами изъ губернскаго земства. Многіе изъ подписавшихъ артельный договоръ боялись даже идти на опросъ, чтобы потомъ хозяева не зачли имъ этого въ вину. Губернское земское собраніе истекшей сессіи отказало въ ссудѣ и той, и другой артели на томъ основаніи, что нѣтъ достаточныхъ гарантій въ исправной уплатѣ со стороны артельщиковъ столь большой ссуды. Такимъ образомъ, сундучники оставлены попрежнему на произволъ судьбы, и трудно сказать, что станется съ несчастными кустарями, отданными въ руки сплотившихся хозяевъ-кулаковъ.

Отхожіе промыслы въ Ярославской губерніи. На-дняхъ появилась въ «Вѣстникѣ Ярославскаго Земства» работа г. Воробьева объ отхо-

жихъ промыслахъ въ Ярославской губерніи, которая представляетъ большой интересъ для выясненія вопроса о роли этихъ промысловъ въ жизни русской деревни.

Ярославская губернія уже издавна высылала во всѣ концы Россіи крестьянъ-промышленниковъ; еще 100 лѣтъ тому назадъ въ губерніи ежегодно выдавалось до 65.000 паспортовъ, что составляетъ 9% всего живущаго въ ней населенія. Въ 1901 г. число выданныхъ паспортовъ достигло 201.000 и въ 1902 г.—202.000; по отношенію ко всему населенію уходящіе на заработки составляютъ такимъ образомъ уже 20—21%.

За пятилѣтіе 1897—1902 гг. ростъ отхода значительно опередилъ ростъ населенія. Изученіе отхода по отдѣльнымъ категоріямъ показываетъ, что мужской отходъ возросъ слабо, а въ 1899 г. даже рѣзко понизился вслѣдствіе введенія въ Петербургѣ винной монополіи. Женскій отходъ, наоборотъ, увеличился за шестилѣтіе на 18,8%; правда, около $^1/_3$ отлучающихся по паспортамъ женщинъ не преслѣдуютъ промышленныхъ цѣлей (отправляющіяся на побывку къ мужьямъ, на богомолье), тѣмъ не менѣе возрастаніе женскаго отхода свидѣтельствуетъ о томъ, что современныя условія деревенской жизни заставляютъ женщинъ уходить въ города. Но еще сильнѣе возросъ семейный отходъ: въ 1897 г. было выдано 9.389 семейныхъ паспортовъ, а въ 1901 г. ихъ уже было—17.308, въ 1902 г.—15.014; семейный же отходъ «въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуетъ о полной оторванности промышленниковъ отъ земледѣлія». Чтобы выяснить степень распространенія отхожихъ промысловъ въ Ярославской губерніи, достаточно сказать, что на 100 дворовъ приходится 110 паспортовъ (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—до 140), другими словами, въ настоящее время въ губерніи нѣтъ ни одного крестьянскаго двора, который не бралъ бы паспорта на отлучку кого-либо изъ своихъ членовъ. Общее число отлучившихся по паспортамъ въ 1901 г. составляетъ 235.735 человѣкъ, въ томъ числѣ мужчинъ—172.864 и женщинъ—62.871. Чтобы выйти въ люди, ярославецъ-отхожій промышленникъ съ дѣтства проходитъ тяжелую школу въ «мальчикахъ» и «ученикахъ». Въ 1901 г. ушло на заработки свыше 6.700 дѣтей обоего пола до 14-ти лѣтъ. Наиболѣе распространенъ какъ среди мужчинъ, такъ и женщинъ, конечно, отходъ людей въ возрастѣ 21—30-ти лѣтъ. При этомъ наблюдается очень интересный фактъ: въ женскомъ отхожемъ населеніи старшія возрастныя группы представлены значительно сильнѣе, чѣмъ въ мужскомъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, значительнымъ преобладаніемъ въ старческомъ возрастѣ вдовъ, которыя по существующимъ мірскимъ распорядкамъ обыкновенно со смертью мужей лишаются ихъ надѣловъ и потому вынуждаются покинуть деревню. Еще интереснѣе результаты сопоставленія возраста уходящихъ съ соотвѣтствующими возрастными группами всего населенія. Оказывается, что въ возрастѣ 18—20 лѣтъ почти $^3/_4$ (73%) мужского населенія деревни отсутствуетъ. Неудивительно поэтому, что отхожіе промышленники вступаютъ въ бракъ значительно позже остающагося въ деревнѣ населенія. Мы не станемъ подробно останавливаться на распредѣленіи отхожихъ промышленниковъ по отдѣльнымъ занятіямъ. Достаточно сказать,

что ярославцы представлены чуть ли не во всѣхъ отрасляхъ. Наибольшее ихъ число занято въ обрабатывающей промышленности (30%) и въ торговлѣ (26,2); вмѣстѣ съ трактирщиками число торговцевъ возрастаетъ до 31,9%. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ излюбленный ярославцами торговый промыселъ привлекаетъ къ себѣ свыше половины всѣхъ уходящихъ изъ деревни; однихъ трактирщиковъ даетъ губернія свыше 16.000 человѣкъ. Разумѣется, точно учесть распредѣленіе отхожихъ промышленниковъ по занятіямъ крайне трудно, потому что наиболѣе интеллигентные слои крестьянства, получивъ среднее или высшее образованіе, выходили изъ крестьянскаго сословія и потому въ подсчетъ не попадаютъ. По соціально-экономическому положенію отхожіе промышленники-мужчины распредѣляются слѣдующимъ образомъ: хозяевъ-предпринимателей—4,5, одиночекъ—2,5 и рабочихъ по найму—93,0. Такимъ образомъ только немногимъ—4 или 5 на 100—удается пробиться въ ряды хозяевъ, огромное же большинство остается въ наемныхъ рабочихъ. Разумѣется, и здѣсь наиболѣе преуспѣвшіе хозяева, завоевавъ прочное положеніе среди городской буржуазіи, приписываются къ городскимъ сословіямъ и такимъ образомъ ускользаютъ отъ подсчета. Р. Воробьевъ перечисляетъ рядъ громкихъ купеческихъ фирмъ, выросшихъ изъ отхожихъ промышленниковъ-крестьянъ Ярославской губерніи. Но если огромное большинство отхоже-промышленниковъ и остается въ группѣ наемныхъ рабочихъ, то тѣмъ не менѣе значеніе отхода для крестьянскаго населенія огромное. Изъ произведеннаго разспроса выяснилось, что хотя отхожіе промышленники выбираютъ краткосрочные (до одного года) паспорты, но въ дѣйствительноети отходъ сопровождается большимъ постоянствомъ, средняя продолжительность отхода по разнымъ промысламъ составляетъ у мужчинъ отъ 10-ти до 13-ти лѣтъ. Вполнѣ естественно, что параллельно съ этой устойчивостью занятій оторванность отхожихъ промышленниковъ отъ земледѣльческаго хозяйства должна была достигнуть очень сильной степени: и дѣйствительно, совсѣмъ не возвращаются на сельскія работы среди мужчинъ 75,3%, и женщинъ—73,9%, возвращаются на всѣ работы 12,6 и 17,2%, на часть работъ—12,1 и 8,9%. Степень этой оторванности, какъ оказывается, находится въ нѣкоторой зависимости отъ возраста отхожаго промышленника,—въ началѣ своей карьеры онъ менѣе связанъ съ деревней, чѣмъ въ позднѣйшіе годы, но даже въ наиболѣе цвѣтущемъ возрастѣ (20—40 лѣтъ) около $^3/_4$ отхожихъ промышленниковъ не возвращаются на сельскія работы. Вообще говоря, больше половины мужскихъ рабочихъ силъ деревни вовсе не прилагаются къ земледѣльческому хозяйству, въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ до $^3/_4$ взрослаго мужского населенія отрываются отъ него. Не трудно понять, что отходъ долженъ крайне неблагопріятно отзываться на мѣстномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ,—лучшія силы уходятъ, и вся отвѣтственная работа падаетъ на женщину. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ уѣздахъ съ наиболѣе развитымъ отходомъ, какъ въ Угличскомъ и Рыбинскомъ, наблюдается значительное сокращеніе запашки, масса запущенныхъ полосъ, поросшихъ даже лѣсомъ. Земледѣльческое хозяйство ведется здѣсь почти исключительно продовольственное. Но, отрывая значительныя силы отъ деревни, отходъ въ то же

время служитъ главнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству: «Безъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ отходъ крестьянину, хозяйство послѣдняго постепенно бы разрушалось».

«Какое огромное экономическое значеніе имѣютъ отхожіе промыслы для крестьянства Ярославской губерніи,—говорятъ «Рус. Вѣдомости», показываютъ слѣдующія данныя. По подворной переписи Мышкинскаго у. мѣсячный заработокъ промышленника опредѣлился въ 15,5 руб., а средняя продолжительность работы въ году—въ 10 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, годовой заработокъ его составляетъ 155 руб.; если допустить, что только-половина этого заработка попадаетъ въ деревню, то и тогда окажется, что 160.000 промышленниковъ-мужчинъ приносятъ и присылаютъ въ деревню не менѣе 12—13-ти милл. рублей; въ дѣйствительности,—полагаетъ г. Воробьевъ, въ деревню попадаетъ до $^2/_3$ заработка, т. е. до 16-ти милл. руб. Между тѣмъ, судя по оцѣночнымъ работамъ, чистая доходность крестьянскихъ земель не превышаетъ 4-хъ руб. на среднюю десятину безъ различія угодій, и такъ какъ площадь крестьянскаго землевладѣнія, надѣльнаго и купчаго, равняется приблизительно 2-мъ милл. десятинъ, то весь чистый земельный доходъ ярославскаго крестьянства составитъ 8 милл. руб. Другими словами, отхожіе промыслы даютъ крестьянству въ $1^1/_2$—2 раза больше, чѣмъ вся его земля. Косвеннымъ подтвержденемъ роли промысловъ для хозяйства служитъ фактъ, что къ началу 1903 г. ярославскіе крестьяне имѣли 628 тыс. дес. купчей земли. Но отходъ оказываетъ огромное вліяніе и на культурное развитіе населенія. Съ одной стороны, необходимость вооружить себя для городской конкуренціи, съ другой — сама жизнь въ городскихъ центрахъ привели къ тому, что населеніе, занятое отхожими промыслами, несравненно грамотнѣе остального населенія деревни,—въ полтора и даже въ два раза. Среди ярославцевъ, живущихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, по многимъ профессіямъ грамотные составляютъ отъ 85-ти до 98%. Въ виду такихъ данныхъ, «едва ли можетъ подлежать сомнѣнію огромное вліяніе отхожихъ промысловъ на культурный и экономическій уровень сельскаго населенія». Конечно, въ Ярославской губерніи роль этихъ промысловъ такъ велика потому, что размѣры отхода очень значительны. Но не надо думать, чтобы Ярославская губернія составляла единственное въ Россіи исключеніе. По даннымъ середины 90-хъ годовъ, губерніи Рязанская, Калужская и Тверская отличались еще болѣе развитымъ отходомъ, чѣмъ Ярославская».

За мѣсяцъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющіе министерствами юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 3-го сего февраля опредѣлили: прекратить вовсе изданіе выходящаго въ свѣтъ въ городѣ Тифлисѣ журнала на грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Квали», съ приложеніемъ «Джеджили».

— На основаніи статьи 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 3-го февраля опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Вѣстникъ Юга» на шесть мѣсяцевъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 7-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Уралецъ» на три мѣсяца.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: 8-го февр. вновь допустить розничную продажу нумеровъ «Петербургской Газеты», воспрещенную распоряженіемъ отъ 28-го января текущаго года.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 14-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала «Юго-Западная Недѣля» на восемь мѣсяцевъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 14-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Енисей» на три мѣсяца.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ, ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему міру, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно аттаковать Нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артура.

По полученіи о семъ донесенія Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о таковомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ въ двадцать седьмый день Января въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Б. Н. Чичеринъ (некрологъ). Скончавшійся 3-го февраля Борисъ Николаевичъ Чичеринъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, происходящему отъ выѣхавшаго изъ Италіи въ свитѣ Софіи Палеологъ, въ 1472 г., Аѳанасія Чичерни, принявшаго затѣмъ фамилію Чичерина. Б. Н. родился въ 1828 г., получилъ хорошее домашнее образованіе, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1848 г. Съ 1861 по 1868 г. занималъ каѳедру государственнаго права въ московскомъ университетѣ (до 1866 г. былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго, а съ этого года ординарнымъ профессоромъ), но въ 1868 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ Кирсановскомъ у. Тамбовской губ., занимаясь научными трудами и въ то же время принимая дѣятельное участіе въ работахъ тамбовскаго земства въ качествѣ гласнаго. Въ самомъ концѣ 1881 г. Б. Н. былъ избранъ московскимъ городскимъ головою, но уже въ 1883 г. по независящимъ отъ него обстоятельствамъ долженъ былъ оставить эту должность и съ тѣхъ поръ отдался исключительно научной и литературной дѣятельности. Первые ученые труды Б. Н., сразу создавшіе ему извѣстность, относились къ области исторіи русскаго права: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.» (1856 г.), «Опыты по исторіи русскаго права» (1858). Въ этихъ раннихъ трудахъ уже сказались многія особенности Б. Н., глубокая эрудиція и стремленіе къ синтезу, къ широкимъ обобщеніямъ. Почти одновременно съ тѣмъ Б. Н. началъ писать и по другимъ вопросамъ и напечаталъ рядъ очерковъ по государственному праву и публицистическихъ статей. Эти статьи и очерки вошли въ сборники: «Очерки Англіи и Франціи» (1858) и «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» (1862 г.). Затѣмъ наступилъ самый плодотворный періодъ дѣятельности. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ имъ издана капитальная книга «О народномъ представительствѣ» (1-е изд. 1866 г., 2-е изд. 1899 г.), до сихъ поръ сохранившая большое научное значеніе, а въ 1868 г. сталъ выходить въ свѣтъ капитальный трудъ Б. Н. «Исторія политическихъ ученій». Этотъ трудъ вышелъ въ 5-ти томахъ и по обстоятельности и точности, съ какою переданы ученія различныхъ мыслителей, начиная съ философовъ древней Греціи и кончая публицистами XIX в., представляетъ выдающееся явленіе въ

литературѣ. Изъ позднѣйшихъ трудовъ Б. Н. отмѣтимъ болѣе крупные. Результатомъ преподавательской дѣятельности Б. Н. явился обширный «Курсъ государственной науки» , изданный въ трехъ томахъ много лѣтъ спустя по оставленіи имъ каѳедры, въ 1894—1900 гг., «Наука и религія» (1879 г.), «Русскій дилетантизмъ и общинное землевладѣніе» (1878 г.; написано въ сотрудничествѣ съ В. И. Герье), «Мистицизмъ въ наукѣ» (1880 г.; критика взглядовъ Вл. С. Соловьева), «Собственность и государство» (1882—1883 гг.), «Философія права» (1901 г.), «Наука и религія», «Основанія логики и метафизики» (1894 г.), «Вопросы политики» (1903 г.), «Положительная философія и единство науки» и т. д. Одинъ этотъ неполный перечень произведеній Б. Н. показываетъ, насколько продуктивна была его ученая дѣятельность и какъ широкъ былъ кругъ его умственныхъ интересовъ. Но количествомъ изданныхъ трудовъ отнюдь нельзя измѣрять значенія научной дѣятельности Б. Н. Каждый его трудъ представляетъ крупный вкладъ въ науку. Важнаго значенія этихъ трудовъ не отрицали даже принципіальные противники покойнаго. Въ 1900 году докторъ государственнаго права Б. Н. Чичеринъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета.

Къ этой краткой характеристикѣ трудовой жизни покойнаго позволимъ себѣ добавить нравственную характеристику, прекрасно очерчивающую цѣльную личность Чичерина, принадлежащую А. Ѳ. Кони. Вотъ что говоритъ онъ въ своей статьѣ въ журн. «Право»:

«Не признавая обычной у насъ и странной поговорки «*господинъ своего слова*, онъ былъ всегда и во всемъ рабомъ своего слова, простирая этотъ взглядъ и на свои убѣжденія, плодъ безкорыстной думы и долгаго наблюденія. Поэтому въ современномъ обществѣ, гдѣ подчасъ громко и развязно проповѣдуется полезность измѣны убѣжденіямъ «примѣнительно къ обстоятельствамъ» и забвеніе коренного различія между непоколебимостью *убѣжденій* и создаваемою житейскимъ опытомъ измѣнчивостью *мнѣнія* объ условіяхъ наилучшаго и цѣлесообразнаго проведенія убѣжденія въ жизнь,—Чичеринъ непріятно поражалъ многихъ своею прямолинейностью и неуступчивостью. Благородный слуга своихъ убѣжденій, онъ не поступался ими ни въ какомъ случаѣ, не допуская ни колебаній, ни «приспособленій». Достаточно указать на уходъ его изъ «Русскаго Вѣстника» въ разгарѣ славы и вліянія этого журнала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ или на оставленіе имъ въ 1868 г., съ болью отъ незажившей до смерти раны, дорогого ему университета, во имя вопроса, касавшагося достоинства профессорской коллегіи... Эта неуступчивость не мѣшала ему, однако, уважать тѣхъ противниковъ, въ возраженіяхъ которыхъ ему слышалась искренность и отсутствіе своекорыстныхъ цѣлей; она дѣлала споръ съ нимъ всегда серьезнымъ, поучительнымъ и полнымъ интереса, а внутренній жаръ, проникавшій его блестящую, богатую содержаніемъ рѣчь, вмѣстѣ съ лучистымъ взглядомъ его прекрасныхъ, добрыхъ глазъ, заставлялъ выносить изъ бесѣды съ нимъ духовное наслажденіе».

Профессоръ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій (некрологъ). 17-го февраля, въ 12 часовъ дня, послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный профессоръ Спб. университета, основатель и почетный предсѣдатель физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества, *Ѳедоръ Ѳомичъ Петрушевскій*. Ѳедоръ Ѳомичъ родился въ 1828 г. Въ 1851 г. онъ кончилъ курсъ Спб. университета, непосредственно послѣ чего и началась его научно-педагогическая дѣятельность сначала въ качествѣ преподавателя гимназіи, а затѣмъ профессора университета. Ученикъ знаменитаго ученаго Э. Х. Ленца, Ѳедоръ Ѳомичъ безгранично уважалъ науку, и какъ человѣкъ глубоко убѣжденный требовалъ такого же уваженія къ ней и отъ другихъ, но воспитанный на высокихъ идеалахъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ Ѳ. Ѳ. къ самой наукѣ и къ представителямъ ея предъявлялъ строгія нравственныя требованія. Въ его идеалахъ университетъ долженъ былъ быть не только высшимъ ученымъ учрежденіемъ, но и учрежденіемъ высоко-моральнымъ. Вѣрный своимъ принципамъ, онъ не шелъ никогда на компромисы. Ѳ. Ѳ. читалъ въ университетѣ, начиная съ 1862 г., прекративъ чтеніе лекцій лишь за немного лѣтъ до смерти. Почти всѣ теперешніе профессора физики петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній являются его учениками. Въ его дѣятельности, какъ университетскаго преподавателя, прежде всего надо отмѣтить то, что онъ впервые открылъ для студентовъ двери лабораторіи. Онъ первый въ Россіи, среди немногихъ въ Европѣ, устроилъ практическія занятія, и его же трудами былъ созданъ физическій кабинетъ, лишь недавно замѣненный новымъ физическимъ институтомъ. Его мечтой было дождаться того дня, когда русскій университетъ станетъ автономнымъ. Его курсъ физики, написанный въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ первымъ большимъ курсомъ въ Россіи, и не мало поколѣній училось по этой книгѣ.

Послѣдніе четыре года, не читая лекцій, Ѳ. Ѳ. тѣмъ не менѣе продолжалъ свою дѣятельность въ университетѣ въ качествѣ предсѣдателя физическаго отдѣленія Р. Ф.-Х. О. и постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ факультета. Осенью 1901 г. былъ изобранъ почетнымъ предсѣдателемъ Физ. отд. Р. Ф.-Х. О. и еще за три дня до смерти просилъ извѣщать его о всѣхъ важныхъ постановленіяхъ отдѣленія.

Ученыя работы Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго тянутся на протяженіи болѣе 35 лѣтъ отъ 1853 до 1890 года. Съ 1891 г. Ѳедоръ Ѳомичъ участвовалъ въ редакціи «Энциклопедическаго Словаря». Кромѣ своей любимой науки физики Ѳ. Ѳ. не мало времени посвящалъ живописи. Многочисленные картины и этюды, принадлежащіе его кисти, свидѣтельствуютъ о его глубокомъ знаніи и пониманіи искусства.

КЪ ИСТОРІИ ЗАКОНА 1893 г.

(Письмо изъ Екатеринославской губерніи).

Законъ 8-го іюня 1893 г., представляющій для Россіи первую правильно поставленную попытку слѣдовать системѣ подоходныхъ налоговъ, все больше

и больше уходитъ въ «какую-то невѣдомую даль». А работа организованныхъ для осуществленія этого закона земскихъ оцѣночно-статистическихъ бюро за послѣднія 5 — 6 лѣтъ обратилась въ своего рода скачки съ препятствіями. Были и есть препятствія, такъ сказать, домашнія, извѣстныя подъ названіемъ «статистическихъ конфликтовъ»; были и есть препятствія общія—вспомнимъ хотя бы состоявшееся въ 1902 году распоряженіе временно прекратить оцѣночное обслѣдованіе. Во всякомъ случаѣ законъ 8-го іюня уже отпраздновалъ первое десятилѣтіе своего строго и исключительно бумажнаго существованія. Дѣятельность же оцѣночныхъ бюро находится нынѣ въ состояніи неопредѣленномъ и мало извѣстномъ.

Въ настоящее время было бы слишкомъ смѣло утверждать, что постановка екатеринославскаго оцѣночнаго бюро характерна для всего земскаго оцѣночнаго дѣла. По всей вѣроятности, она не такъ ужъ характерна. Быть можетъ, правильнѣе—и несомнѣнно пріятнѣе—думать, что здѣшнее бюро лишь случайный мазокъ на общей картинѣ. Но даже какъ случайный мазокъ, екатеринославская оцѣночная статистика представляетъ нѣкоторый интересъ—по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ ей посвятить нѣсколько строкъ.

Необходимо замѣтить, что теперешняя екатеринославская губернская земская управа, перестроившая оцѣночное дѣло наново, во главѣ съ предсѣдателемъ М. В. Родзянкомъ, является типичной выразительницей тѣхъ вѣяній, какія установились съ 12-го іюня 1890 г., когда, въ разсужденіи земства, былъ сдѣланъ окончательно первый полуоборотъ—«къ варягамъ спиной, лицомъ къ обдорамъ». Обдорское вліяніе сказывается на всемъ, начиная съ исключительно слабаго интереса къ народной школѣ (при довольно щедрыхъ ассигновкахъ на училища среднія и высшія) и кончая мостами, которые строятся капитально, но въ достаточной мѣрѣ случайно. Прежнею управою—«варяжскаго» типа—было произведено спеціальное изслѣдованіе о губернскихъ дорожныхъ нуждахъ, предполагалось въ области дорожныхъ сооруженій работать планомѣрно, соблюдая извѣстную очередь и послѣдовательность. Нынѣшняя—обдорская—управа просто строитъ, вызывая восторженные отзывы у своихъ единомышленниковъ.

— Вотъ видите,—говорятъ единомышленники,—прежде только разговоры разговаривали, а теперь дѣло дѣлаютъ...

И дѣйствительно дѣлаютъ, т.-е. исполняютъ нѣкоторые, наиболѣе по сердцу пришедшіеся, планы бывшихъ дѣятелей, всячески избѣгая обслѣдованій и общихъ соображеній.

Съ другой стороны, нынѣшняя управа сумѣла исполнить то, чего ея предшественники не могли осуществить. Достаточно указать на санитарную организацію, проектъ которой раньше систематически отклонялся собраніемъ. Но г. Родзянку та же самая организація была разрѣшена почти безъ преній. Любопытное, однако, обстоятельство случайно обнаружилось лѣтомъ 1903 года. Въ Славяносербскомъ у., въ экономіи крупнаго землевладѣльца, г. Булацеля, вспыхнула эпидемія тифа. Уѣздные врачи нашли, что содержаніе рабочихъ въ этой экономіи угрожаетъ общественному здравію, и потребовали улучшеній.

Укомплектованное же г. Родзянкомъ санитарное бюро признало требованія врачей, во-первыхъ, основанными якобы на ошибочномъ діагнозѣ *) и, во-вторыхъ, излишними. Одинъ изъ дѣятелей санитарнаго бюро въ уѣздномъ врачебномъ совѣтѣ утверждалъ даже, что грязныя корыта, изъ которыхъ кормятъ рабочихъ, онъ разсматриваетъ, какъ многогранную посуду, и что эмалированныя чашки, которыхъ требовали уѣздные врачи,—«декадентщина», ибо вызываютъ у простонародья отвращеніе...

Повидимому, предсѣдатель нынѣшней управы имѣетъ полное основаніе сказать:

— Мой предшественникъ только и могъ, что намѣчать. А я привожу въ исполненіе, и мнѣ это ничего не стоитъ, потому что пользуюсь большимъ довѣріемъ гг. землевладѣльцевъ вообще и дворянъ въ частности.

И это правда: г. Родзянко пользуется громаднымъ довѣріемъ крупныхъ землевладѣльцевъ и дворянъ.

Ставъ «къ варягамъ спиной, лицомъ повернувшись къ обдорамъ», отъ гласности надо прятаться. Дѣствительно, г. Родзянко и его управа живутъ въ глубокомъ раздорѣ съ печатью. Екатеринославскія газеты, повидимому, это «поняли», и потому въ нихъ сколько-нибудь серьезная критическая статья о дѣятельности губернскаго земства сдѣлалась большой рѣдкостью. Въ послѣднее время исчезли не только статьи, но даже замѣтки, сколько-нибудь намекающія на неблагополучіе въ губернской управѣ. Печатается лишь то, отъ чего г. Родзянку, если онъ походитъ на всѣхъ прочихъ людей, должно быть очень пріятно—по крайней мѣрѣ, какъ завоевателю, къ ногамъ котораго поверженъ газетный врагъ и супостатъ. Тѣмъ не менѣе г. Родзянко на лаврахъ не почіетъ и продолжаетъ чутко стоять на стражѣ интересовъ безгласности. Простой рабочій земской типографіи—нѣкто г. Цорнъ—былъ тотчасъ уволенъ, какъ только стало извѣстно, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Наборщикъ». И эту причину членъ управы совершенно откровенно объяснилъ г. Цорну:

— Намъ корреспондентовъ не нужно...

Замѣчу кстати, что г. Цорнъ ничего «обличительнаго» о земствѣ не писалъ. И его уволили, такъ сказать, авансомъ, въ интересахъ управской безопасности... Словомъ, газетная «критика», за ея неудобствомъ, въ мѣстной печати упразднена. А противъ печати иногородней принимаются мѣры.

Попытки къ устной «критикѣ» вначалѣ дѣлались. Въ 1901 г. на очередномъ губернскомъ собраніи съ нѣсколькими замѣчаніями—какъ разъ по поводу доклада объ оцѣночныхъ работахъ—выступилъ было гласный Вл. И. Карповъ. Г. Карповъ настаивалъ «на необходимости передать докладъ въ коммиссію, которая ...и разъяснила бы собранію истинное положеніе оцѣночно-статистическаго дѣла и въ какихъ рукахъ оно находится»... Почему г. Род-

*) Это признаетъ главный санитарный врачъ, г. Бутаковъ, не видѣвъ (какъ выяснилось изъ газетной полемики г. Бутакова съ уѣздными врачами) ни одного больного, по однимъ лишь разсказамъ служащаго въ экономіи ветеринарнаго фельдшера.

зянко пожелалъ уклониться отъ разъясненій комиссіи—это, конечно, его секретъ. Только онъ отвѣтилъ «критику» очень громко (даже слишкомъ громко), стуча кулакомъ по пюпитру:

«— Владиміръ И. Карповъ высказываетъ подозрѣніе въ томъ, что... дѣло (оцѣночное) находится въ неумѣлыхъ рукахъ. Заявляю, что это ложь и неправда» *).

Г. Карповъ поспѣшилъ уйти, собраніе же «выразило предсѣдателю управы полнѣйшее и самое глубокое довѣріе и... двукратно сочувствіе шумными аплодисментами» **).

Справедливость требуетъ сказать, что «двукратно выражали сочувствіе шумными аплодисментами» все-таки не всѣ гласные. А нѣкоторыхъ послѣ «двукратныхъ аплодисментовъ», какъ бы въ отвѣтъ на слова: «ложь и неправда», въ губернскомъ собраніи уже не видѣли ***). Да и оно понятно. Устроивъ при такихъ обстоятельствахъ г. Родзянку тріумфъ, собраніе ео ipso установило порядокъ, при которомъ гласный, если онъ сочтетъ своею обязанностью «критиковать» управу, долженъ предварительно запастись секундантами и написать духовное завѣщаніе или, по крайней мѣрѣ, переговорить съ адвокатомъ. Зато послѣ отповѣди, какую получилъ г. Карповъ, губернскія собранія стали походить на сплошное тріумфальное шествіе. Строго говоря, всѣ засѣданія свелись къ «шумнымъ аплодисментамъ» управѣ in corpore и г. Родзянку въ особенности. Нѣкоторое подобіе диссонанса внесъ было въ 1903 г. членъ управы г. Кисличный своимъ докладомъ, съ которымъ, однако, случилось нѣчто небывалое въ земскихъ лѣтописяхъ. Собраніе даже не подозрѣвало еще, что докладъ Кисличнаго существуетъ, а ужъ онъ оказался переданнымъ какой-то коммиссіи, которую губернскій предводитель дворянства, г. Миклашевскій, составилъ изъ членовъ ревизіонной и редакціонной коммиссій, и въ которую тотъ же г. Миклашевскій пригласилъ по собственному выбору нѣкоего г. Гана, а самого себя назначилъ предсѣдателемъ. Конечно, распространились слухи о необыкновенно таинственныхъ ночныхъ засѣданіяхъ необыкновенной коммиссіи, о которой собранію ничего неизвѣстно. Наконецъ, корреспонденты узнали, въ чемъ, приблизительно, дѣло, и одновременно въ «Новомъ Времени» и въ «Одесскихъ Новостяхъ» появились телеграммы, что въ собраніе поступилъ докладъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ г. Родзянка и погрѣшностяхъ денежнаго отчета. Немедленно корреспондентъ «Новаго Времени», присутствовавшій все время въ публикѣ, былъ предсѣдателемъ собранія — и самоучрежденной коммиссіи,—г. Миклашевскимъ удаленъ изъ зала. И этотъ актъ собраніе привѣтствовало шумными аплодисментами. И по какой-то странной и непонятной причинѣ никто изъ гласныхъ не догадался спросить: «Изъ-за чего, собственно, власть предсѣдателя по отношенію къ публикѣ превышается?» Почему о существованіи доклада собраніе узнаетъ лишь изъ

*) „Постановленія“ 1901 г., стр. 105.

**) Ibid. стр. 106.

***) Напр., глас. М. М. Алексѣенка. (Попечитель харьковскаго учебнаго округа).

«Новаго Времени»? Какъ могъ докладъ, неизвѣстный собранію, попасть въ столь же неизвѣстную коммиссію? Кѣмъ въ данномъ случа нарушенъ обыч ай и законъ?

Впрочемъ, память объ участи гл. Вл. И. Карпова еще слишкомъ жива. Вслѣдъ за изгнаніемъ корреспондента выступилъ предсѣдатель ревизіонно коммиссіи, г. Бродницкій, который спѣшно телеграммой въ «Спб. Вѣд.» заявилъ, что докладъ г. Кисличнаго—ложь, хотя коммиссіей еще не разсмотрѣнъ до конца... Словомъ, гг. Миклашевскій и Бродницкій дѣлали все, чтобъ подчеркнуть свои шаги въ пользу г. Родзянка. Г. Кисличному ничего другого не оставалось, какъ выступить со вторичнымъ заявленіемъ, въ которомъ онъ проситъ привлечь его къ судебной отвѣтственности, если коммиссія и собраніе найдутъ въ его докладѣ ложь.

Когда докладъ сталъ, наконецъ, извѣстенъ, то его даже не успѣли разсмотрѣть до конца, прежде чѣмъ вынести рѣшеніе. Пришлось вѣрить коммиссіи на слово, и собраніе признало докладъ г. Кисличнаго сплошной и недобросовѣстной ложью. Между тѣмъ, г. Кисличный лишь убѣждаетъ собраніе упорядочить дѣлопроизводство управы: «чтобы (денежные) отчеты составлялись по той же формѣ, какъ и книги, и представляли копіи съ нихъ; чтобы они печатались и разсылались гласнымъ, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ до начала собранія и были правильны во всѣхъ частяхъ; рѣшить, какой отчетъ за 1901 г. долженъ считаться утвержденнымъ,—тотъ ли, который разсматривала прошлый годъ ревизіонная коммиссія, или тотъ, который имѣется теперь въ управѣ, вновь исправленный», и т. д. Какъ опытный земецъ, безсмѣнно прослужившій членомъ управы 15 лѣтъ, г. Кисличный голословныхъ утвержденій избѣгаетъ. Что денежные отчеты слишкомъ запаздываютъ — это фактъ безспорный. Что тѣ же отчеты не соотвѣтствуютъ книгамъ, это признаетъ управская объяснительная записка къ денежному отчету за 1902 г., гдѣ говорится, что «итоги по отчету не сходятся съ итогами по книгамъ». Управа даже обѣщаетъ по этому поводу особое разслѣдованіе *). Но, къ сожалѣнію, предсѣдатель, г. Миклашевскій, избралъ странный способъ знакомить собраніе съ непріятнымъ управѣ докладомъ. Вмѣсто того, чтобъ читать его цѣликомъ, а потомъ уже доложить мнѣніе организованной г. Миклашевскимъ коммиссіи, читали отдѣльные пункты, сопровождая ихъ немедленными опроверженіями, безъ связи съ сущностью доклада. Немудрено, что у гласныхъ, принявшихъ такой порядокъ чтенія почему-то безропотно, возникло два предположенія: или г. Кисличный—человѣкъ психически больной, или весь докладъ—недобросовѣстная ложь. Послѣднее мнѣніе восторжествовало, и по этому поводу г. Родзянка еще разъ бурно привѣтствовали «шумными аплодисментами». Отъ привлеченія же г. Кисличнаго къ суду г. Родзянко, по всей видимости, имѣетъ твердое намѣреніе уклониться.

---

*) Впрочемъ, по словамъ „Одес. Нов.“, денежный отчетъ за 1902 г. вышелъ въ двухъ видахъ — вначалѣ съ объяснительной запиской, но затѣмъ послѣдняя изъ отчета куда-то исчезла.

Судьба, постигшая докладъ г. Кисличнаго, съ необыкновенною выразительностью показала, что нынѣшній предсѣдатель губернской управы дѣйствуетъ не одиноко и не за собственный рискъ и страхъ. Онъ строго сообразуется съ желаніями и надеждами большинства, установленнаго реформой 1890 года и ввѣрившаго г. Родзянку земскія бразды. Крупновладѣльческое по желаніямъ и помѣщичье по надеждамъ, это большинство даетъ тонъ и направленіе земской дѣятельности. А г. Родзянко лучше другихъ идетъ съ большинствомъ «въ ногу». Въ этомъ его сила; поэтому его защищаютъ отъ «критиковъ», и поэтому же оцѣночное дѣло въ губерніи дошло до жизни такой, которою оно теперь прозябаетъ.

Въ самомъ началѣ своей предсѣдательской службы г. Родзянко взялъ оцѣночное бюро подъ свое исключительное наблюденіе. Это было въ 1901 г., когда новый предсѣдатель еще только обдумывалъ планъ упомянутой выше санитарной организаціи и шелъ къ цѣли какъ бы ощупью. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весь составъ оцѣночно-статистическаго бюро, работавшій съ 1898 г. оставилъ службу. Внѣшнихъ поводовъ къ такому шагу было два: во-первыхъ, г. Родзянко потребовалъ, чтобы статистики «согласно мыслили»—что это значитъ, такъ и осталось не выясненнымъ, во-вторыхъ, обязалъ статистиковъ вести дневники, якобы съ цѣлью контролировать, чѣмъ служащіе въ оцѣночномъ бюро занимаются. Оба требованія, слишкомъ не соотвѣтствующія достоинству земскихъ учрежденій, въ печати вызвали горестное недоумѣніе. Однако, мѣстные люди поводамъ внѣшнимъ особаго значенія не придавали, стараясь угадать внутреннія причины статистическаго погрома, или, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, «статистическихъ безпорядковъ».

Ни для кого не было секретомъ, что прежней—до-родзянкинской—управѣ ея серьезное отношеніе къ оцѣночному дѣлу противники вмѣняли въ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ; что на самый законъ 8-го іюня, какъ на попытку подоходнаго обложенія, нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей смотрятъ неодобрительно. Извѣстно также было, какъ новый предсѣдатель губернской управы передъ самымъ своимъ избраніемъ доказывалъ, что «желательно не производить подворной переписи» *) и, упразднивъ ее, сократить ассигновку на бюро, и собраніе, не разсматривая вопроса о «подворной переписи», ассигновку сократило. Для екатеринославцевъ «статистическіе безпорядки» были, несомнѣнно, проявленіемъ «новаго курса». Но куда «новый курсъ» цѣлитъ—пока оставалось неяснымъ.

Организованная заново «статистика» заставляла ждать, что «подворной переписью» сокращенія не ограничатся. Въ бюро вошли (кромѣ двухъ второстепенныхъ служащихъ, по статистикѣ работавшихъ) люди весьма разнообразныхъ спеціальностей—отъ бывшихъ сельскихъ учителей до сотрудниковъ приблудившагося къ печатному дѣлу г. Крушевана включительно; но ни завѣдывающій, ни главные статистики не были даже шапочно знакомы со статистикой. Впрочемъ, это обстоятельство отнюдь не помѣшало г. Родзянку тор-

*) „Постановленія“ за 1900 г., стр. 54.

жественно заявить послѣ доклада собранію 1901 г., «что при нынѣшнемъ составѣ статистическаго отдѣленія оцѣночное дѣло находится въ надежныхъ и свѣдущихъ рукахъ» *). Съ своей стороны тогдашній предводитель дворянства А. П. Струковъ «счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, дѣйствительно, теперь дѣло находится въ свѣдущихъ рукахъ, дальше оно пойдетъ лучше, будетъ стоить дешевле, и оцѣночныя работы окончатся скорѣе». **) Заявленіемъ г. Струкова—о дешевизнѣ и скорости—собственно лишь резюмировался управскій докладъ, и безъ того составленный въ выраженіяхъ ясныхъ и рѣшительныхъ.

По словамъ доклада, въ дѣятельности прежняго бюро (разбѣжавшагося или разогнаннаго—не будемъ спорить о словахъ) «управа не могла не усмотрѣть необъяснимую и нежелательную медленность». Ибо что оно успѣло сдѣлать за время отъ 1898 до половины 1901 г.? (По счету составителей доклада это составляетъ полныхъ четыре года). 1) Организовать бюро; 2) обслѣдовать полностью Екатеринославскій и Александровскій уѣзды; 3) издать сборникъ по Екатеринославскому у. и не окончить сборникъ по Александровскому у. (кто понудилъ не окончить—докладъ великодушно умалчиваетъ; умалчивалось и о томъ, что первая часть Александровскаго сборника была уже напечатана); 4) обслѣдовать почти весь Верхнеднѣпровскій и часть Маріупольскаго уѣздовъ ***). Насколько ничтожны эти результаты, можно видѣть изъ того, что новое бюро за одинъ 1902 годъ: 1) издастъ сборникъ по Александровскому у.; 2) закончить обслѣдованіе Верхнеднѣпровскаго и Маріупольскаго уу.; 3) издастъ сборники по обоимъ этимъ уѣздамъ; 4) приведетъ въ порядокъ матеріалы, оставленные прежнимъ бюро въ хаотическомъ видѣ... И все это, включая 3 сборника, будетъ стоить 2.400 р., тогда какъ прежняя управа, издавшая только одинъ сборникъ (по Екатеринославскому у.), истратила свыше 90.000 р...

Какъ ни побѣдоносны казались управѣ эти цифры, однако имѣть дѣло съ матеріалами, «оставленными въ хаотическомъ безпорядкѣ», и издать въ одинъ годъ три сборника—намѣреніе слишкомъ героическое. И какъ бы потрясенный глубиною собственнаго героизма, докладъ относительно сборниковъ по Маріупольскому и Верхнеднѣпровскому уу. дѣлалъ скромную оговорку: «если позволитъ время и размѣръ ассигнованія». Въ сущности, эта оговорка, вопреки торжественнымъ увѣреніямъ гг. Струкова и Родзянка, головой выдавала новое статистическое бюро. Не разсчитать, что можно сдѣлать въ теченіе года—одинъ или сразу три сборника,—черезчуръ даже для профана. Сомнѣніе вызывалось невольно. Оно и было высказано гл. Вл. И. Карповымъ. Именно за это г. Карпову отвѣтили словами: «ложь и неправда»... Организатору же новаго статистическаго бюро, г. Родзянку, «собраніе выразило полнѣйшее и самое глубокое

*) „Постановленія", за 1901 г., стр. 105.

**) „Постановленія", за 1901 г. стр. 106.

***) Относительно Маріупольскаго у. въ докладѣ характерная для нынѣшней управы неточность: вначалѣ докладъ говоритъ, что обслѣдовано *двѣ трети* уѣзда, а черезъ одиннадцать строкъ тѣ же двѣ трети обращены уже въ *одну четверть*.

довѣріе» *). Кстати сказать—ко времени собранія 1901 г. «въ освѣдомленныхъ кругахъ» уже говорили о строгомъ приказѣ статистикамъ, «чтобъ дохода съ десятины больше четырехъ рублей не было». Впрочемъ, приказъ этотъ оказался впослѣдствіи неисполнимымъ.

Докладъ къ очередной сессіи 1902 г. вышелъ уже не за полной подписью управской коллегіи—отсутствуетъ подпись г. Кисличнаго. Однако тонъ попрежнему рѣшительный и побѣдоносный. Почти всѣ обѣщанія выполнены:

1) «Закончена разработка и изданіе матеріаловъ по оцѣнкѣ земель въ Александровскомъ у.». Далѣе узнаемъ, что для Александровскаго сборника «добыты въ Александровскомъ у. экспедиціоннымъ путемъ данныя объ урожаѣ по экономическимъ группамъ, опредѣленнымъ по размѣру землевладѣнія крестьянскихъ хозяйствъ». Вообще же матеріалы по Александровскому у переработаны на основаніи новаго принципа дѣленія на районы.

Александровскій сборникъ лишь въ срединѣ прошлаго 1903 г. сдѣлался достояніемъ гласности и подвергся детальной критикѣ въ южныхъ газетахъ. Напр., въ обширной статьѣ г. Носалевича, напечатанной въ «Вѣстникѣ Юга» (послѣдняя по времени серьезная статья въ мѣстной печати о дѣятельности губернской управы), документально устанавливается, что составители Александровскаго сборника обращаются съ цифрами въ лучшихъ случаяхъ младенчески-наивно, а сплошь и рядомъ не этично; что сборникъ этотъ нуждается въ тщательной провѣркѣ и въ теперешнемъ его видѣ совершенно не пригоденъ для губернской сводки. Статья эта взволновала и бюро, и управу, но что на нее возразить—ни бюро, ни управа не находятъ до сего дня.

Со спеціальной же экспедиціей, о которой говоритъ докладъ, повидимому, случилось какое-то недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ, составитель главы о пашнѣ очень жалуется на условность находившихся въ его распоряженіи свѣдѣній объ урожаѣ. Онъ даже говоритъ, какъ бы кивая на прежнее бюро: «Несмотря, однако, на отрицательную сторону данныхъ объ урожаѣ, мы должны были ими воспользоваться, такъ какъ другихъ въ нашемъ распоряженіи не было» (стр. 30).

Стало быть, надо предположить одно изъ двухъ: или экспедиціонные матеріалы не подверглись обработкѣ, или экспедиція была организована не цѣлесообразно.

2) Разработаны — говоритъ далѣе докладъ 1902 г. — и печатаются матеріалы по оцѣнкѣ земель Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Дѣйствительно, 6-го декабря 1902 г., т.-е. во время сессіи, вышелъ и врученъ гласнымъ обширный—въ 674 страницы—томъ, сплошь наполненный цифрами и безъ оглавленія. Пояснительнаго текста въ немъ всего 2 строчки — петитная выноска на стр. 8—9. Выноска гласитъ, что въ уѣздѣ остались не обслѣдованными 28.974 дес. (Прежними же статистиками, какъ узнаемъ изъ доклада 1901 г., не дообслѣдовано лишь 16 селеній). Къ сожалѣнію, выноска забыла похвалиться, что зато нѣсколько селеній обслѣдованы дважды, такъ

*) „Постановленія“ за 1901 г., стр. 106.

какъ высланный новымъ бюро статистикъ заблудился и производилъ работу тамъ, гдѣ она уже произведена. Но это, конечно, мелочь: каждому человѣку свойственно заблудиться, если онъ не знаетъ, куда нужно ѣхать. Гораздо интереснѣе, что послѣ сессіи, съ января 1903 г., статистическое бюро принялось за исправленіе и провѣрку уже изданнаго цифрового матеріала. А еще интереснѣе, что матеріалы не были разработаны и не могли печататься, ибо они приготовлены лишь въ 1903 году, притомъ къ 1-му декабря 1903 г., т.-е. даже въ тотъ день, когда предполагалось открыть очередное губернское собраніе, приступить къ печатанію Верхнеднѣпровскаго сборника все еще было нельзя. Случайно открытіе собранія замедлилось на недѣлю. А 5-го декабря (матеріалы все еще не печатались) г-на Родзянка и управляемое имъ оцѣночное бюро неожиданно для всѣхъ постигъ—въ разсужденіи Верхднепровскаго сборника—непостижимый force majeure: завѣдывающій статистическимъ отдѣленіемъ и убѣжденный врагъ карточной системы г. Дембровскій въ припадкѣ умоизступленія сжегъ самую важную и отвѣтственную главу—о пашнѣ. Г. Дембровскаго отправили въ психіатрическое отдѣленіе губернской земской больницы, а изъ его квартиры, гдѣ почему-то и неизвѣстно зачѣмъ находились всѣ приготовленные къ печати матеріалы по Верхнеднѣпровскому уѣзду, уцѣлѣвшее отъ сожженія было возвращено въ управу. Уцѣлѣло, впрочемъ, все, кромѣ главы о пашнѣ, которую писалъ самъ г. Дембровскій. На слѣдующій день онъ вышелъ изъ больницы, такъ какъ врачи уже не нашли его больнымъ. Газетныя сообщенія назвали болѣзнь г. Дембровскаго бѣлой горячкой.

Верхнеднѣпровскій сборникъ вышелъ изъ печати во время собранія 1903 г. Главы «Пашня» въ немъ нѣтъ. Зато есть «Приложенія къ главѣ 1-ой—«Пашня». Впрочемъ, странности этого совершенно невѣроятнаго статистическаго «труда» неисчислимы. Достаточно сказать, что въ главѣ второй («Сѣнокосъ») общая площадь сѣнокосныхъ угодій опредѣлена: сначала въ 69949,7 дес., черезъ нѣсколько строкъ (таблица № 1)—69159,6 дес., при провѣркѣ же итога оказывается вовсе не 69159,6, а лишь 38.988 дес. Оцѣнивать сборникъ подробнѣе—жаль и времени, и мѣста. Да и безполезно: ибо рядъ поразительныхъ небрежностей заставляетъ прежде всего спросить,—что же надо думать о соотвѣтствіи между сырыми матеріалами и сдѣланными изъ нихъ такимъ способомъ и такими людьми извлеченіями?

То, что сборникъ по Верхнеднѣпровскому уѣзду запоздалъ, г. Родзянко объяснилъ на собраніи неожиданной болѣзнью завѣдывающаго статистическимъ бюро. Какъ могла болѣзнь, приключившаяся 5-го декабря 1903 г., задержать выпускъ матеріаловъ, которые, по категорическому утвержденію управы, разработаны и печатались еще въ 1902 г.,—г. Родзянко разъяснять не сталъ.

3) О Маріупольскомъ сборникѣ управа въ 1902 г. докладывала такъ, какъ будто онъ не былъ обѣщанъ. «Въ концѣ апрѣля 1902 г. начато—говоритъ докладъ—описаніе и обслѣдованіе. Но въ началѣ іюня, когда работы по всему уѣзду были почти закончены, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ собиранія оцѣночныхъ матеріаловъ въ уѣздѣ, а потому управа распорядилась о прекращеніи работъ. Несмотря, однако, на это, работы въ

Маріупольскомъ уѣздѣ можно считать почти законченными, такъ какъ только въ 4—5 селеніяхъ не произведено подворнаго описанія». Дальше повторяется обѣщаніе въ теченіе 1903 г. издать сборникъ по Маріупольскому уѣзду. Обѣщаніе и въ 1903 г. не выполнено. Пока Маріупольскій уѣздъ не дождался и той макулатуры, какой удостоенъ Верхнеднѣпровскій. И хотъ макулатура эта преслѣдуетъ цѣли, явно не оцѣночныя, а какія-то особыя, однородныя съ гипнотическими пассами, и жалѣть о томъ, что ея нѣтъ, вовсе приходится, тѣмъ не менѣе не исполненное надо называть не исполненнымъ.

4) Въ томъ же 1902 г. управа обѣщала «въ случаѣ разрѣшенія экспедиціонныхъ работъ приступить къ обслѣдованію Славяносербскаго уѣзда, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы закончить работы и по учету земель, и по собиранію оцѣночныхъ матеріаловъ». Работы были разрѣшены. Поговаривали даже—не пора ли, и въ самомъ дѣлѣ, приступить къ обслѣдованію. Потомъ возникъ проектъ произвести «обслѣдованіе» путемъ переписки съ волостными писарями. И въ заключеніе помощникъ завѣдывающаго статистическимъ бюро, г. Ипполитовъ *), чуть не выписалъ по подложной ассигновкѣ на свое имя 8.500 руб. на обслѣдованіе Славяносербскаго уѣзда. Подлогъ былъ во-время обнаруженъ. Вотъ и все, что могли бы узнать гласные о работахъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, если бы управа полагала, что о невыполненныхъ крупныхъ обѣщаніяхъ все-таки надо доложить собранію.

Взамѣнъ Славяносербскаго уѣзда, по указанію управы, мѣстнымъ профессоромъ химіи, г. Куриловымъ, были произведены въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ почвенныя изслѣдованія. Объ этомъ управа доложила собранію 1903 г., и теперь рѣшено на широкихъ началахъ организовать изслѣдованія такого рода, пользуясь услугами того же г. Курилова. Гласнымъ А. М. Александровымъ (извѣстный присяжный повѣренный) высказано было замѣчаніе, что для столь спеціальной и при томъ широко задуманной работы гораздо резоннѣе пригласить не просто химика, а спеціалиста-почвовѣда. Но—какъ выразился на собраніи предсѣдатель, г. Миклашевскій,—«*недовѣріе*,» высказанное гл. Александровымъ профессору Курилову, никѣмъ не было поддержано». Эта формулировка, которою, неизвѣстно зачѣмъ, принципіальный вопросъ переносится на личную почву, странна и неудобна, но вполнѣ понятна: разъ сотрудникъ «Бессарабца», не вѣдая статистики, сдѣлался руководящимъ статистикомъ, почему профессору химіи не быть почвовѣдомъ? Послѣднее все-таки вѣроятнѣе перваго.

Впрочемъ, почвенныя изслѣдованія—статья особая, и цѣли у нихъ тоже особыя. Дѣло въ томъ, что нынѣшняя управа, какъ видно изъ доклада 1902 г., въ основу оцѣночныхъ трудовъ кладетъ слѣдующее правило: «способъ обработки—техника полеводства, какъ принципъ дѣленія на районы, не выдерживаетъ критики... Наиболѣе устойчивымъ факторомъ является почва, въ особенности въ Екатеринославской губерніи, гдѣ продуктивность урожая... главнымъ образомъ зависитъ отъ качества чернозема». Прежнее же бюро технику полеводства

*) Тотъ самый, который изучалъ статистику въ редакціи „Бессарабца“.

полагало важнѣйшимъ для оцѣнки экономическимъ признакомъ. Оба принципа имѣютъ интересъ не только академическій и свою исторію, о которой здѣсь говорить не мѣсто. Достаточно сказать, что система, которую излюбилъ г. Родзянко, равняетъ, въ смыслѣ доходности, крупныя и интенсивныя хозяйства съ мелкими и экстенсивными. Методъ прежняго бюро давалъ для интенсивнаго хозяйства болѣе высокія оцѣночныя нормы, нежели для первобытнаго. Одно даетъ исключительныя преимущества владѣніямъ крупнымъ и солидно капитализированнымъ, понижая для нихъ оцѣнку; другое болѣе соотвѣтствуетъ подоходности. Но это различіе, хоть и выясняетъ намѣреніе управы, руководимой г. Родзянкомъ, однако существеннаго значенія, при данномъ положеніи оцѣночнаго дѣла, не имѣетъ. Что бы ни намѣривалась сдѣлать управа, по какой бы причинѣ она ни избѣгала спеціалистовъ (народа, какъ извѣстно, упрямаго), итоги ея оцѣночной дѣятельности на лицо:

1) Пригодность Александровскаго сборника для губернской сводки остается подъ большимъ сомнѣніемъ.

2) Верхнеднѣпровскаго сборника до сихъ поръ нѣтъ, пока его пытаются замѣнить суррогатами.

3) Маріупольскій уѣздъ не имѣетъ даже суррогатовъ.

4) Оба уѣзда—и Верхнеднѣпровскій и Маріупольскій—остаются все еще не дообслѣдованными.

Съ половины 1901 года оцѣночное дѣло въ Екатеринославской губерніи стоитъ на одномъ мѣстѣ и пока не обнаружило особой готовности двинуться впередъ, навстрѣчу закона 1893 года. Мѣстные пессимисты утверждаютъ, что такъ оно и впередъ будетъ: ибо—говорятъ они въ доказательство, подражая Кузьмѣ Пруткову,—плохъ тотъ охотникъ, который, видя бѣгущаго зайца, стрѣляетъ самому себѣ въ носъ; и нѣтъ такой кошки, которая бы, взирая на мышонка, съѣла собственный хвостъ.

Но туманныя метафоры—плодъ угнетеннаго остроумія. Онѣ убѣдительно говорятъ о душевномъ состояніи пессимистовъ, а на сколько пессимисты правы—пусть рѣшитъ будущее. Пока несомнѣнно одно: исторіей екатеринославской статистики хорошо опредѣляются примѣты, по которымъ надо узнавать такъ называемаго «новаго земца».

А. Петрищевъ.

P. S. Когда это письмо было уже отослано, въ печати появились извѣстія, что предсѣдатель губернской управы, г. Родзянко, сдѣлалъ дальнѣйшіе шаги къ «сокращенію» оцѣночной статистики: двое служащихъ въ бюро уволены, подворное же обслѣдованіе Славяносербскаго уѣзда рѣшено поручить сельскимъ учителямъ. Такимъ образомъ, центръ тяжести оцѣночныхъ работъ окончательно переносится къ почвеннымъ изслѣдованіямъ, ближайшій смыслъ которыхъ, какъ уже сказано, въ уравненіи доходности мелкихъ, крестьянскихъ, хозяйствъ съ крупными, помѣщичьими.

А. П.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль"—январь.—„Историческій Вѣстникъ"—февраль.—„Русское Богатство"—январь.—„Образованіе"—январь.)

Госпожа Некрасова является у насъ несомнѣнно однимъ изъ знатоковъ жизни, дѣятельности и литературныхъ произведеній А. И. Герцена. Ея, помѣщавшіяся въ различныхъ изданіяхъ, многія статьи, касающіяся личности знаменитаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, читаются всегда съ живымъ интересомъ. Это же впечатлѣніе вызываетъ и напечатанная г-жой Некрасовой въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» ея новая статья, озаглавленная «Актеръ М. С. Щепкинъ и А. И. Герценъ». (Какъ гласитъ примѣчаніе автора статьи, послѣдняя была читана на закрытомъ засѣданіи «Общества любителей россійской словесности» 21-го ноября 1903 года). Громадный интересъ представляетъ въ исторіи развитія нашего самознанія личность самого А. И. Герцена, но она становится какъ-то еще болѣе яркой, еще болѣе выпуклой, когда рядомъ съ нею появляются его друзья, товарищи, пріятели, люди, съ которыми Герценъ часто не сходился во многихъ, чрезвычайно существенныхъ взглядахъ, но безъ встрѣчъ съ которыми онъ и самъ бы едвали развилъ въ себѣ вполнѣ все многообразіе заложенныхъ въ его натурѣ богатыхъ дарованій. Къ кругу такихъ-то лицъ относится и стяжавшій себѣ въ свое время громадную извѣстность на поприщѣ артистической дѣятельности М. С. Щепкинъ. Знакомство Герцена со Щепкинымъ, пишетъ въ своей статьѣ г-жа Некрасова, относится къ декабрю 1839 года, т. е. ко времени, когда Герценъ, отбывъ свою вятскую и владимірскую ссылку, получилъ право жительства въ Москвѣ. Щепкинъ сразу заинтересовалъ Герцена не только своимъ артистическимъ талантомъ, но и глубокою наблюдательностью, вмѣстѣ съ мастерскимъ изображеніемъ картинъ жизни родной земли, такихъ картинъ, отъ которыхъ становилось, конечно, жутко на душѣ и не такимъ впечатлительнымъ людямъ, какъ Герценъ. Какое впечатлѣніе долженъ былъ производить на членовъ московскихъ кружковъ разсказъ (разумѣется, устный) Щепкина о двухъ офицерахъ, изъ которыхъ «одинъ держалъ пари, что у него въ ротѣ есть солдатъ Степановъ, который выдержитъ тысячу палокъ и не упадетъ».

Послали за солдатомъ.

— Степановъ! — дружески обращается къ нему офицеръ: — синенькую и штофъ водки—выдержишь тысячу палокъ?

— Радъ стараться, ваше благородіе!

Когда солдатъ вышелъ, его догналъ Щепкинъ, тогда еще юноша, и удивленно спросилъ:

— Какъ же ты, братецъ, на это согласился?

— Эхъ, парнюга,—махнулъ рукою солдатъ,—все равно даромъ дадутъ!..

Извѣстно, что одинъ изъ разсказовъ того же Михаила Степановича Щепкина легъ въ основу повѣсти Герцена «Сорока-воровка».

Г-жа Некрасова приводитъ въ своей статьѣ два, еще не видавшіе свѣта, разсказа Щепкина, которые были сообщены ей въ рукописи Н. А. Ога-

ревой. Оба разсказа относятся къ началу XIX вѣка и носятъ названіе: одинъ—«О дядѣ, племянницѣ и ихъ казачкѣ», а другой—«О крѣпостномъ музыкантѣ и генеральской дочкѣ». Воспроизводить здѣсь эти разсказы мы не будемъ, но читателю будетъ небезынтересно прочесть ихъ въ подлинникѣ. Оба разсказа переносятъ насъ къ тѣмъ, мрачной памяти, временамъ, когда фактъ рожденія человѣка въ крѣпостной средѣ опредѣлялъ разъ навсегда лишь двоякую и никакую болѣе его судьбу: человѣкъ заурядный долженъ былъ оставаться навѣки приниженнымъ и забитымъ рабомъ, человѣкъ выдающійся окончить въ громадномъ большинствѣ случаевъ свое ужасное существованіе не иначе, какъ трагически... Это время прошло, но прошло, такъ сказать, лишь въ химически чистомъ видѣ, крѣпостническій же духъ его далеко не отошелъ въ вѣчность: онъ живетъ среди насъ, онъ оказываетъ и на современность свое тлетворное вліяніе.

Странными, однако, свойствами обладало большинство даже самыхъ передовыхъ «людей сороковыхъ годовъ». Люди эти ненавидѣли въ глубинѣ души крѣпостное право и весь крѣпостническій укладъ русской жизни, но, когда среди нихъ нашелся человѣкъ, который захотѣлъ проявить свое негодованіе и свою ненависть къ этимъ прелестямъ не на словахъ только, а на живомъ дѣлѣ, то большинство его друзей вздрогнуло, посторонилось, смутилось, «прижукнуло», стало сожалѣть о «безумномъ поведеніи» своего друга и, наконецъ, уговаривать его оставить начатое дѣло, дать какъ-нибудь забыть про себя, а затѣмъ добровольно отдаться на милость. Въ послѣднемъ отношеніи проявилъ наиболѣе энергіи именно М. С. Щепкинъ, тотъ самый Щепкинъ, который умѣлъ до глубины души трогать своихъ собесѣдниковъ разсказами о невыразимо безпросвѣтномъ положеніи крѣпостного люда. И вотъ, этотъ Щепкинъ, вслѣдъ за изданіемъ Герценомъ его первыхъ свободныхъ произведеній, направляется въ Англію и умоляетъ Герцена прекратить его дѣло. «Я, вотъ, на старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски,—говорилъ онъ Герцену, пріѣхалъ посмотрѣть на васъ въ Лондонъ. Я сталъ бы на свои старыя колѣни предъ тобой, сталъ бы просить тебя остановиться, пока есть время... Поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда, года черезъ два три мы начнемъ работать, чтобы тебѣ разрѣшили въѣздъ въ Россію...»

Герценъ былъ тронутъ, но, какъ извѣстно, «пошелъ своей дорогой»...

Свиданіе Герцена со Щепкинымъ описано въ свое время самимъ Герценомъ, но г-жа Некрасова добавила къ этому еще нѣсколько характерныхъ подробностей, касающихся времени пребыванія Щепкина въ Парижѣ непосредственно послѣ свиданія съ Герценомъ.

«Все время пока Михаилъ Степановичъ жилъ въ Парижѣ,—пишетъ г-жа Некрасова, — онъ не могъ успокоиться отъ мысли, что не исполнилъ своей миссіи, не уговорилъ, не смогъ уговорить Герцена свернуть съ «ложной» дороги. Его мучила мысль, что такой умный, такой хорошій человѣкъ и такъ ошибся, такъ увлекся мыслью о свободѣ народа, объ уничтоженіи крѣпостного права. Михаилъ Семеновичъ теперь готовъ былъ даже сомнѣваться, доросли ли до права на свободу русскіе крестьяне? И онъ горько корилъ себя за то, что

не могъ убѣдить, не могъ заставить Герцена свернуть съ «ложнаго пути». Мысль эта не давала ему покоя. Ему казалось, что онъ не все высказалъ пріятелю, что большая доля неудачи лежала въ немъ самомъ, въ томъ, что онъ былъ мало убѣдителенъ, былъ мало настойчивъ. И вотъ, передъ отъѣздомъ въ Россію онъ снова обращается къ Герцену, пишетъ ему изъ Парижа большое, рѣзкое и даже, можно сказать, «жестокое письмо». Это была съ его стороны послѣдняя попытка, послѣдній опытъ; если ужъ и онъ не удастся, то больше этого, больше того, чтобы рѣшиться на «жестокое слово» къ любимому человѣку, больше этого, онъ, Щепкинъ, сдѣлать уже не можетъ,—не въ силахъ».

«Оригиналъ письма Щепкина къ Герцену,—пишетъ далѣе г-жа Некрасова,—подаренъ мнѣ А. А. Герценомъ и въ настоящую минуту находится у меня въ рукахъ. Приводить его здѣсь цѣликомъ считаю лишнимъ; письмо очень длинно, однообразно,—лучше ограничусь краткой передачей его содержанія».

Вотъ за это г-жу Некрасову похвалить нельзя. Пусть это письмо «длинно и однообразно»,—что за бѣда,—оно все же принадлежитъ къ литературнымъ памятникамъ, которые должны бы служить общественнымъ достояніемъ. Его авторъ, его адресатъ, его содержаніе и поводъ, по которому оно написано, даютъ ему именно такое значеніе. Но г-жа Некрасова разсуждала иначе, что дѣлать, она теперь собственница письма, а право собственности есть, какъ извѣстно, jus utendi et *abutendi*... Удовольствуемся, поэтому, ознакомленіемъ нашихъ читателей съ тѣми отрывками изъ письма Щепкина къ Герцену, которые г-жа Некрасова сочла нужнымъ привести въ ея статьѣ.

«Щепкинъ начинаетъ письмо,—пишетъ она,—обращеніемъ на «вы», но очень скоро бросаетъ этотъ сухой, оффиціальный тонъ и переходитъ на привычное и болѣе идущее къ нему «ты».

«Онъ бранитъ Герцена за его первыя брошюры, изданныя въ Лондонѣ, говоритъ, что въ нихъ только «блестящій наборъ словъ», одни «слова, слова и слова», находитъ неразумнымъ и воззваніе его объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, находитъ, что Герценъ и съ этимъ вопросомъ «заигрался въ слова». «Неужели человѣку слово дано только для того, чтобы изрыгать безъ пользы колкости? Нельзя ли употреблять его благороднѣе и полезнѣе?» Самъ сторонникъ освобожденія крестьянъ, Щепкинъ начинаетъ убѣждать Герцена, что освобождать народъ рано, что онъ напрасно хочетъ двигать исторію, которая идетъ своимъ путемъ, «по своимъ, невѣдомымъ человѣку, законамъ». Онъ возстаетъ даже и противъ равенства людей и подтвержденіе себѣ находитъ въ природѣ: «въ ней нѣтъ ни въ чемъ равенства».

«Представьте, что вопросы ваши есть слѣдствіе заблужденія, и повѣрьте, что у многихъ (я тебя исключаю) человѣчество только предлогъ, а все дѣло въ своихъ убѣжденіяхъ, для которыхъ вы готовы это любимое человѣчество облить кровью и предать огню и мечу; но изъ-за своего я, изъ-за своей гордости вы будете упрямиться и для поддержанія своихъ нечувствуемыхъ вами ошибокъ будете возмущать, будете лить кровь любимаго вами человѣчества, а отвѣтомъ вашимъ вопросамъ все будетъ прошедшая всемірная исторія».

«Онъ требуетъ, чтобы Герценъ и его единомышленники отказались отъ своихъ ошибокъ: «неужели всѣ милліоны на всемъ земномъ шарѣ глупы, а только мы, избравшіе сами себя въ руководители цѣлаго міра, только мы—полное совершенство и потому имѣемъ право учить весь міръ,—не слишкомъ ли самолюбиво».

«Михаилъ Степановичъ совѣтуетъ лучше начать уроки съ себя самого, съ исправленія своихъ недостатковъ, стараться сѣять вокругъ «нравственную мысль», «братскую любовь»... «Будемъ же дѣлать то, что по силамъ, нежели щеголять фразами только о томъ, что производитъ время... право, прочь всѣ вопросы, вырви себя изъ этой волны хоть года на два, а затѣмъ и за дѣло—уѣзжай въ Америку или другую какую страну, вездѣ можно быть человѣкомъ, не истощаясь въ безполезныхъ остротахъ и щегольскихъ фразахъ...» Напоминаетъ Герцену, что онъ отецъ, что долженъ дѣтей своихъ научить быть людьми, «да не мечтательными фразами, а дѣломъ».

«Прощай! Надо, чтобы душа моя сильно страдала, чтобы я рѣшился такъ много наболтать... зато нѣтъ строки, которая бы не была облита горькими слезами».

«Онъ сознается, что мало логики въ его письмѣ, потому проситъ Герцена оставить письмо безъ отвѣта: «ты знаешь, что это будетъ неравный бой и поэтому это будетъ нечестно»... «Безъ отвѣта у меня останется надежда, что ты примиришься съ самимъ собой и найдешь въ сердцѣ своемъ хоть часть утраченнаго блага».

«Письмо заканчивается словами:

«Обнимаю тебя и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, а ты обойми за меня дѣтей своихъ и вмѣстѣ съ ними вспоминай иногда о старикѣ».

Прошло пять лѣтъ послѣ заграничной поѣздки Щепкина. Герценъ не послушался наивно-благодушныхъ совѣтовъ истиннаго москвича, и его «Колоколъ» гудѣлъ на всю Россію, призывая все живое къ новой жизни.

Съ тѣмъ же Щепкинымъ произошелъ такой эпизодъ: московскіе актеры уполномочили его ѣхать въ Петербургъ, хлопотать у директора театровъ Гедеонова о выдачѣ недоданныхъ имъ денегъ. Щепкинъ поѣхалъ и явился къ директору. Гедеоновъ отвѣчалъ на его просьбу отказомъ.

«— Въ такомъ случаѣ,—погрозилъ Щепкинъ,—я обращусь къ министру.

«— Министръ вамъ откажетъ.

«— Ну, такъ я обращусь къ государю.

«— Я вамъ это запрещаю.

«— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается одно средство: обратиться въ «Колоколъ» къ Герцену.

Послѣ такой угрозы Гедеоновъ велѣлъ Щепкину приходить завтра въ контору: «Я посмотрю».

Неизвѣстно, припомнилъ ли при этомъ Щепкинъ свои, обращенныя къ Герцену, личныя и письменныя увѣщанія—не становиться «на ложный путь» и прекратить лондонскія изданія.

Чѣмъ сложнѣе личность человѣка и писателя, тѣмъ болѣе поражаетъ она такими удивительными противорѣчіями ея природы, сосуществованіе которыхъ, казалось бы, также невозможно, какъ невозможно сосуществованіе огня и воды, яркаго солнечнаго свѣта и непроглядно-темной ночи. Г-жѣ В. В. Т-вой (О. Починовской, какъ разоблачаетъ она тутъ-же сама свой псевдонимъ) пришлось проработать цѣлый годъ въ должности корректорши въ журналѣ «Гражданинъ» въ то самое время, когда соредакторомъ князя Мещерскаго былъ не болѣе, не менѣе, какъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Хотя черезъ годъ совмѣстной работы Достоевскій и покинулъ съ облегченнымъ сердцемъ своего компаньона, но все же самый фактъ мирнаго сожительства на страницахъ одного и того же органа печати во многихъ отношеніяхъ колосса Достоевскаго и во всѣхъ безъ исключенія отношеніяхъ пигмея Мещерскаго является одною изъ такихъ страничекъ въ исторіи нашей журналистики, на которой невольно останавливается вниманіе читателя. Но этой любопытной стороны дѣла г-жа Починовская касается мало или, правильнѣе, вовсе не касается. Въ своей, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», статьѣ «Годъ знакомства съ знаменитымъ писателемъ» она разсказываетъ, немудрствуя лукаво, о своихъ частыхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и разныхъ мелкихъ, но характерныхъ событіяхъ его жизни, быть свидѣтельницей которыхъ привела ее судьба. Разсказываетъ все это г-жа Починовская правдиво, искренно, хорошо. Оттого и вѣетъ отъ ея разсказа тою безыскусственностью, которая составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній всякаго литературнаго произведенія. Относясь къ памяти Достоевскаго съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, г-жа Починовская не считаетъ нужнымъ, однако, скрывать на этомъ основаніи такія черты характера знаменитаго писателя, которыя удивительно не гармонируютъ съ общимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ обликомъ Ѳедора Михайловича. Здѣсь много можетъ быть работы для психолога. Прислали какъ то въ «Гражданинъ» статью о необходимости введенія въ народныхъ школахъ звукового метода обученія грамотѣ и Ѳедоръ Михайловичъ разразился по этому поводу необыкновенными репликами:

«— Не хочу я, чтобы нашихъ крестьянскихъ дѣтей обучали по этой методѣ!—съ непонятнымъ мнѣ еще тогда ожесточеніемъ говорилъ онъ.—Это не человѣческая метода, а попугайная. Пусть обучаютъ они по этой методѣ обезьянъ или птицъ. А для людей она совсѣмъ не годится! Бб! вв! сс! тт!.. Развѣ свойственны людямъ такіе дикіе звуки? У людей должно быть человѣческое названіе каждой буквѣ. У насъ есть свои историческія преданія. То ли дѣло наша старинная азбука, по которой мы всѣ учились! Азъ, буки, вѣди, глаголь, живѣти, земля!—съ наслажденіемъ выговаривалъ онъ.—Сейчасъ чувствуешь что то живое, осмысленное,—какъ будто физіономія есть своя у каждой отдѣльной буквы. И неправда это, будто по звуковой онѣ легче выучиваются. Задолбить, можетъ быть, скорѣе задолбятъ. Но никакого просвѣщенія отъ этого не прибавится. Все это однѣ выдумки. Никогда не повѣрю!» Или такая, напримѣръ, сцена:

Требуетъ Достоевскій отъ метранпажа, чтобы онъ помѣстилъ одну статью.

«— Воля ваша,—сказалъ на это Ѳедору Михайловичу метранпажъ,—но только помѣстить эту статью я теперь никакъ не могу. Иначе придется весь наборъ вынимать изъ машины, снова верстать—и мы опоздаемъ.

Но Ѳедоръ Михайловичъ требовалъ, «чтобы безъ всякой переверстки вышло».

Метранпажъ усмѣхнулся.

«— То-есть какъ же это безъ всякой переверстки? Вѣдь, въ листѣ то печатномъ опредѣленное количество буквъ: куда же я втисну новый наборъ, когда листъ у меня заполненъ сполна?

«— Знать ничего не хочу!—по барски крикнулъ Ѳедоръ Михайловичъ, и глаза его надменно сузились, все лицо помертвѣло, губы задергала судорга. Пристукивая по столу крѣпко зажатыми пальцами, онъ хрипло, растягивая слова, произнесъ: хоть на стѣнѣ, хоть на потолкѣ, а чтобы было мнѣ напечатано!

«— Ну, отъ такихъ чудесъ я отказываюсь,—съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ метранпажъ (М. А. Александровъ). Я не Богъ. Я на потолкѣ или на стѣнѣ верстать не умѣю. Воля ваша!

«— А не умѣете, такъ я себѣ другого метранпажа найду, который сумѣетъ!

«— И потрудитесь найти другого! А я не могу!.—говорилъ, уходя, М. А. Александровъ. А Ѳедоръ Михайловичъ, задыхаясь отъ волненія, кричалъ ему вслѣдъ:

«— И найду! И найду! Мнѣ нужно людей готовыхъ на все для меня, преданныхъ мнѣ собачьею преданностью... такихъ, на которыхъ я могу всегда положиться... А это ни на что не похоже! Какой нибудь метранпажъ и вдругъ смѣетъ указывать мнѣ, редактору, что можно и чего нельзя!.. Я этого никогда не позволю! Я редакторъ, я распорядитель журнала! Онъ обязанъ исполнять мои приказанія! Гдѣ Траншель?—уже изступленно кричалъ онъ.—Позовите сюда содержателя типографіи. Пусть онъ дастъ мнѣ сейчасъ новаго метранпажа!

«Но Траншель былъ на дачѣ, и Ѳедоръ Михайловичъ, взявъ бланковый листокъ, тутъ же написалъ, что проситъ дать ему другого метранпажа, «такъ какъ этотъ грубитъ и отказывается работать».

«Записку эту, не запечатанную и даже не сложенную, Ѳедоръ Михайловичъ вручилъ мнѣ для передачи Траншелю.

«— Вы передадите это Траншелю отъ меня,—отрывисто произнесъ онъ, устремляя на меня испытующій взглядъ, точно желая видѣть насквозь, что я теперь о немъ думаю.

«Мнѣ хотѣлось и успокоить его, и сказать ему, что онъ не правъ. Но, поднявъ на него глаза, я не рѣшилась сказать ни слова: такъ исказилось его лицо и такъ оно было неумолимо и до жестокости строго, и такъ страшно напряженно, что, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ съ нимъ сдѣлаются корчи отъ бѣшеной злобы или онъ разрыдается, какъ больной и несчастный ребенокъ, отъ сознанія, что онъ виноватъ...

*

«Молча принявъ отъ него записку, я только выраженіемъ старалась показать, что я не сочувствую такому его образу дѣйствій, и мы сухо, безмолвно разстались.

«Страшно тогда поразилъ меня этотъ барственный крикъ и эти слова о «собачьей преданности»...

Вся эта сцена происходила въ присутствіи автора статьи и служившаго въ конторѣ Крейтенберга. Она до такой степени дика, что въ эту минуту нельзя было не признать справедливости замѣчанія Крейтенберга, уподобившаго Достоевскаго князю Мещерскому. И этотъ «такой же», сказалъ Крейтенбергъ.

Но было бы, разумѣется, глубоко несправедливо видѣть въ подобнаго рода сценахъ истинное существо Достоевскаго. Въ иномъ видѣ представляется онъ вотъ хоть бы въ такой, рисуемой г-жой Починовской, сценѣ.

Достоевскій заговорилъ съ ней объ идеалахъ и рекомендовалъ всегда оставаться имъ вѣрной.

«— Стремитесь всегда къ самому высшему идеалу,—говорилъ онъ.—Разжигайте въ себѣ это стремленіе, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда чтобы не погасалъ. Никогда!

«— Ну, а вы мнѣ все-таки не сказали, какой же у васъ идеалъ?—снова началъ онъ, помолчавъ.—Идея-то ваша какая?

«— Идеалъ одинъ... для того, кто знаетъ Евангеліе...

«— А вы его знаете?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

«— Въ дѣтствѣ я была религіозна и постоянно читала его.

«— Но съ тѣхъ поръ, конечно, вы выросли, поумнѣли и, получивъ образованіе отъ высшихъ наукъ и искусствъ...

«На углахъ его губъ появилась знакомая мнѣ «кривая» улыбка. Но въ этотъ разъ она меня не смутила.

«— Потомъ,—продолжала я тѣмъ же тономъ,—подъ вліяніемъ науки религіозность эта стала принимать другія формы, но я всегда и думала и думаю, что лучше и выше Евангелія ничего у насъ нѣтъ!

«— Но какъ же вы понимаете Евангеліе? Его, вѣдь, разно толкуютъ. Какъ по вашему, въ чемъ главная суть?

«Вопросъ, который онъ задалъ мнѣ, впервые пришелъ мнѣ на умъ. Но сейчасъ же, точно какіе-то отдаленные голоса изъ глубины моей памяти подсказали отвѣтъ:

«— Осуществленіе ученія Христа на землѣ, въ нашей жизни, въ совѣсти нашей...

«— И только?—тономъ разочарованія протянулъ онъ.

«Мнѣ самой показалось этого мало.

«— Нѣтъ, и еще... Не все кончается здѣсь на землѣ. Вся эта жизнь земная—только ступень... въ иныя существованія...

«— Къ мірамъ инымъ!—восторженно сказалъ онъ, вскинувъ руку вверхъ, къ раскрытому настежъ окну, въ которое виднѣлось тогда такое прекрасное, свѣтлое и прозрачное іюньское небо.

«— И какая это дивная, хотя и трагическая задача—говорить это людямъ!—съ жаромъ продолжалъ онъ, прикрывая на минуту глаза рукою.—Дивная и трагическая, потому что мученій тутъ очень много... Много мученій, но зато—сколько величія! Ни съ чѣмъ не сравнимаго... то-есть рѣшительно ни съ чѣмъ! Ни съ однимъ благополучіемъ въ мірѣ сравнить нельзя!

«— И какъ трудно осуществить эту задачу!—робко вставила я, думая *о своемъ*.

«Онъ взглянулъ на меня съ блескомъ въ глазахъ.

«— Вы говорите, что хотите писать. Вотъ вы и пишите *объ этомъ!*

«И какъ бы въ благословеніе на этотъ путь Ѳедоръ Михайловичъ подарилъ мнѣ тогда три чистыхъ листа оставшейся у него почтовой бумаги въ осьмушку, на которой всегда писалъ онъ свои статьи.

«— Вотъ вамъ отъ *меня*—съ удареніемъ сказалъ онъ, передавая ихъ мнѣ.

«Они живы у меня до сихъ поръ—эти три листка, пожелтѣвшіе, гладкіе и простые. Мы простились въ тотъ вечеръ, какъ еще никогда не прощались: точно мы были съ нимъ равные другъ другу, взаимно преданные друзья.

«Послѣ этого разговора мнѣ уже не хотѣлось ѣхать на взморье и, вмѣсто того, чтобы идти на Фонтанку, какъ мы условились съ Демертомъ, я долго бродила гдѣ-то по улицамъ, «разжигая душевный костеръ».

Этотъ и другіе подобные же разговоры съ Достоевскимъ произвели на г-жу Починовскую неизгладимое впечатлѣніе и, вспоминая Достоевскаго много лѣтъ послѣ того, когда его уже не стало, она характеризуетъ его такими глубоко прочувствованными строками:

«Есть люди, которыхъ оцѣнишь вполнѣ только послѣ того, какъ утратишь. Вблизи они слишкомъ захватываютъ и иногда подавляютъ своимъ обаяніемъ, своей силой... нельзя безнаказанно смотрѣть открытымъ глазомъ прямо на солнце—блескъ его нестерпимъ, можно ослѣпнуть. Нужны темныя стекла времени, чтобы увидѣть свѣтило своими собственными глазами...

«Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

«На разстояніи сгладились всѣ безпокойныя и рѣзкія черты, и мягко засіяла неугасимо-ровнымъ, любящимъ свѣтомъ эта пламенно-нѣжная, объединенная въ своей высшей сложности, устремленная къ одной высшей цѣли, многострадальная и глубокая личность писателя».

Очень интересную замѣтку помѣстилъ въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Колычевъ. Замѣтка эта носитъ названіе «Вопросы просвѣщенія на пріискахъ Сибири» и немножко подымаетъ завѣсу того малоизвѣстнаго у насъ мірка, который называется «золотыми пріисками». Мы говоримъ подымаетъ «немножко», потому что г. Колычевъ вовсе или почти вовсе не касается въ своей замѣткѣ экономическаго положенія пріисковыхъ рабочихъ, ихъ правового состоянія и многихъ другихъ основныхъ чертъ, характеризующихъ бытъ населенія пріисковъ, но и то малое, что даетъ замѣтка, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія читателей. Дѣло идетъ о положеніи на золотыхъ пріискахъ

школьнаго и внѣшкольнаго образованія рабочихъ и ихъ дѣтей, которое обстоитъ прямо-таки ниже всякой критики. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе и долженъ интересовать общество. «Вопросъ объ устройствѣ на пріискахъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій,—пишетъ г. Колычевъ,—пріобрѣтаетъ особенную остроту въ силу условій золотого промысла. Какъ специфическая особенность большинства пріисковъ—отдаленность ихъ отъ населенныхъ мѣстъ и культурныхъ центровъ и полнѣйшая оторванность отъ культурной жизни. Особенность эта ставитъ пріисковую рабочую массу въ условія, неблагопріятныя для ея культурнаго и экономическаго роста. На пріискахъ, удаленныхъ отъ горнаго надзора, не можетъ быть рѣчи о законахъ, нормирующихъ положеніе рабочихъ, потому что тамъ некому наблюсти за исполненіемъ этихъ законовъ. Что значатъ шесть окружныхъ инженеровъ съ помощниками на золотопромышленный районъ, занимающій площадь въ нѣсколько западно-европейскихъ государствъ! Представитель горнаго надзора здѣсь рѣдкій и недолгій гость... На пріискахъ работаютъ по 12—15 часовъ въ сутки въ теченіе операціи, длящейся 6—7 мѣсяцевъ; на пріискахъ живутъ въ шалашахъ, землянкахъ и избушкахъ, гдѣ холодно, сыро, тѣсно, грязно; на пріискахъ всякіе необходимые рабочему продукты и припасы продаются втридорога, потому что существующія таксы или высоки, или не исполняются золотопромышленниками; на пріискахъ, гдѣ заболѣваемость изумительно высока, существуетъ лишь подобіе медицинской помощи, которую подаетъ малограмотный солдатъ-фельдшеръ. Наконецъ, на пріискахъ не существуетъ ни школъ, ни библіотекъ, ни чтеній, ни спектаклей, ни другихъ какихъ просвѣтительныхъ учрежденій, хотя нужда въ этого рода учрежденіяхъ должна быть, и дѣйствительно чувствуется, очень сильная. Многіе рабочіе живутъ съ семьями, кто одну операцію, а кто и дольше, и какъ для дѣтишекъ нужна школа, такъ для взрослыхъ—театръ и книга. Иначе дѣти обречены на безграмотность, въ наши годы страшную по своимъ послѣдствіямъ, а взрослые, оторванные отъ всего міра, угнетенные и экономически, и духовно, и физически, находятъ «одну торную дорогу»—къ пріисковому амбару, гдѣ въ изобиліи хранится хозяйская сивуха».

Такимъ образомъ условія, въ которыхъ живутъ пріисковые рабочіе, требуютъ особенно настоятельно заботъ о созданіи на пріискахъ всякаго рода просвѣтительныхъ учрежденій. Какъ же обстоитъ это дѣло на практикѣ? А вотъ какъ: въ томскомъ горномъ округѣ первый съѣздъ золотопромышленниковъ, состоявшійся въ 1897 году, высказался за устройство передвижныхъ школъ и за привлеченіе къ участію въ расходахъ и промышленниковъ и рабочихъ, но на дѣлѣ изъ этого ничего не вышло. «Въ 1899 году,—пишетъ г. Колычевъ,—на пріискахъ томскаго округа «считалось» 7 школъ грамоты, о функціонированіи которыхъ никакихъ свѣдѣній, впрочемъ не имѣется». Вотъ и все то, болѣе чѣмъ немногое, что имѣется по вопросу о школьномъ дѣлѣ въ томскомъ округѣ. Перейдемъ къ другимъ округамъ.

«На первомъ съѣздѣ *южно-енисейскаго* округа,—пишетъ г. Колычевъ,—«по общему убѣжденію, по мѣстнымъ условіямъ» признана «болѣе подходя-

щею» подвижная школа. Опредѣлено было въ будущемъ же (1898) году открыть двѣ такихъ школы, пока на счетътѣхъ золотопромышленниковъ, на пріискахъ которыхъ онѣ будутъ функціонировать. Согласно этому постановленію, двѣ школы, дѣйствительно, были открыты, но не какъ подвижныя, а какъ постоянныя, обѣ въ системѣ рѣки Б. Мурожной». Въ одной изъ нихъ обучалось въ 1799 году—25 человѣкъ, въ другой—12. Къ 1901 году число школъ выросло до громадной цифры. Ихъ было уже цѣлыхъ 4 и въ нихъ обучалось 69 дѣтей обоего пола, изъ которыхъ оканчивало курсъ, впрочемъ, лишь весьма небольшое количество. «Незначительный контингентъ оканчивающихъ курсъ объясняется,—по мнѣнію докладывавшаго съѣзду о школахъ горнаго исправника Барышникова,—съ одной стороны подвижностью пріисковаго населенія, а съ другой—погонею родителей *за наживой*: дѣтей берутъ изъ школы подъ гальку, гдѣ мальчики получаютъ по 14—18 рублей въ мѣсяцъ». «Г. исправникъ немножко преувеличиваетъ,—говоритъ, приведя эту цитату, г. Колычевъ: не жажда «наживы», а нужда заставляетъ рабочаго, быть можетъ, скрѣпя сердце, взять мальчика изъ училища, чтобы пустить въ работу всѣ наличныя силы семьи».

«Ачинско-минусинскій съѣздъ,—продолжаетъ г. Колычевъ,—остановился на мысли устроить по одной подвижной школѣ на каждую группу пріисковъ. «Двадцать малютокъ (обоего пола) учебнаго возраста на пріискахъ данной системы должны составить норму, при которой содержаніе подвижной школы обязательно для промышленниковъ той системы,—полагалъ съѣздъ.—Промышленники, устроившіе школу непосредственно на своемъ пріискѣ, въ расходахъ по содержанію подвижной школы могутъ не участвовать». Но дальше добрыхъ намѣреній, если даже и предположить ихъ наличность, дѣло и здѣсь не пошло: «школьный вопросъ въ ачинско-минусинскомъ округѣ такъ и не шагнулъ дальше многотерпѣливой бумаги».

«Такая же участь постигла школьный вопросъ и на съѣздахъ золотопромышленниковъ степныхъ областей и сѣверно-енисейскаго округа, гдѣ его обошли полнѣйшимъ молчаніемъ».

Такъ патріархально обстоитъ дѣло со школьныхъ образованіемъ на пріискахъ. Да и зачѣмъ оно, когда и безъ него предпринимателямъ, право, живется недурно, а что касается пріисковаго люда, то, вѣдь, давно уже сказано: не бѣда, что потерпитъ мужикъ... Зачѣмъ образованіе, если экономическая сторона золотопромышленныхъ предпріятій является, по сдѣланному г. Колычевымъ разсчету, въ слѣдующемъ видѣ:

«Въ 1900 году въ томской горной области разрабатывалось 654 пріиска, занято было 21.021 рабочій; намыто золота 321 пудъ, въ среднемъ около 60 золотниковъ каждымъ рабочимъ. Оцѣнивая 60 золотниковъ въ 400 руб. и прибавляя къ этому доходъ промышленника отъ продажи пищевыхъ продуктовъ и другихъ припасовъ и вина рабочимъ (всего на сумму 70—80 рублей), получимъ, что каждый рабочій приносилъ 480 рублей. Въ то же время заработокъ средняго рабочаго въ операціи колебался между 220 и 250 руб.»

Тутъ «прибавочную стоимость» вычислить уже не трудно. Ясно, что

образованіе рабочихъ въ глазахъ предпринимателей должно являться совершенно излишнею роскошью.

Относительно внѣшкольнаго образованія взрослыхъ рабочихъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ школьное образованіе пріисковой дѣтворы. Правда, съѣзды золотопромышленниковъ возбуждали по этому поводу разнаго рода ходатайства, но послѣднія по обыкновенію не удовлетворялись, и съѣзды, повидимому, этимъ очень мало огорчались. Среди золотопромышленниковъ встрѣчались, правда, отдѣльныя просвѣщенныя личности, искренно желавшія сдѣлать что-нибудь существенное для блага трудящейся массы (къ такимъ исключительнымъ личностямъ принадлежалъ нерѣдко упоминаемый г. Колычевымъ золотопромышленникъ г. Саввиныхъ), но, въ общемъ, узко-классовые интересы промышленниковъ выступали на пріискахъ съ особенною яростью. То немногое, что устроено на пріискахъ для развитія духовныхъ потребностей взрослыхъ рабочихъ, до такой степени мизерно, что заслуживаетъ вниманія читателей исключительно со стороны своей мизерности. Г. Колычевъ формулируетъ въ концѣ своей замѣтки тѣ пожеланія, осуществленіе которыхъ является на пріискахъ крайне необходимымъ. Эти пожеланія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

«1) Для интеллектуальнаго развитія рабочихъ, имѣющихъ въ настоящее время очень невысокій умственный уровень, а также съ цѣлью отвлеченія ихъ отъ пьянства и съ цѣлью разумнаго использованія свободнаго времени, на пріискахъ необходимо завести библіотечки. Въ виду экономіи расходовъ на это дѣло и наиболѣе цѣлесообразной постановки его, библіотеки могутъ быть передвижныя, подобранныя свѣдущимъ въ литературѣ лицомъ.

«2) Такъ какъ въ настоящее время рабочіе не пользуются свободными днями и, вслѣдствіе тяжелыхъ условій труда и жизни, крайне нуждаются въ отдыхѣ, то необходимо измѣнить существующій законъ въ томъ смыслѣ, чтобы отдыхъ былъ *обязателенъ*, а не предоставлялся соглашенію хозяина съ рабочимъ.

«3) Въ дни отдыха продажа питейныхъ напитковъ изъ пріисковыхъ амбаровъ ни въ какомъ случаѣ не должна допускаться и всякое отступленіе отъ этого правила должно строго преслѣдоваться. Ибо, если промышленники попрежнему будутъ спаивать рабочихъ, то никакія культурныя средства не помогутъ оздоровленію пріисковой жизни».

Все это прекрасно, но гдѣ же тѣ силы, которыя взяли бы на себя починъ въ подобныхъ начинаніяхъ?

Въ январьской книжкѣ «Образованія» помѣщена заслуживающая вниманія статья г. Изгоева, носящая названіе «Интеллигенція, какъ соціальная группа». Извѣстно, что въ 70-хъ годахъ подъ интиллигенціей подразумѣвался, по опредѣленію одного изъ крупнѣйшихъ писателей того времени, такой слой населенія Россіи, у котораго «сердце и разумъ съ народомъ». Съ этой точки зрѣнія заявлялось, что Бѣлинскій и Лермонтовъ—интеллигенція, а «Аксаковъ есть *интеллигенція*, состоящая въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи,

къ московскимъ купцамъ». Г. Изгоевъ вѣрно указываетъ на несостоятельность такого опредѣленія «Логическая несостоятельность этихъ чисто субъективныхъ опредѣленій, — говоритъ онъ, — бьетъ въ глаза. Если въ понятіе интеллигенціи, какъ необходимый признакъ, входитъ требованіе, чтобы «сердце и разумъ» человѣка были «съ народомъ», то какъ же можно назвать «интеллигенціей» Аксакова, «состоящаго въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи»... Въ наше время, конечно, никто не подпишется подъ этимъ опредѣленіемъ. Поговорите-ка, напримѣръ, съ нововременскимъ Энгельгардтомъ или княземъ Мещерскимъ. Они горячо васъ будутъ увѣрять, что именно ихъ «разумъ» и ихъ «сердце» съ «народомъ», и что они съ чистою совѣстью могутъ сказать про себя: мы интеллигенція, тогда какъ Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко не кто другіе, какъ лица, «состоящія въ вассальныхъ отношеніяхъ» къ врагамъ Россіи. И очевидно, что на этой почвѣ никакой споръ съ ними невозможенъ, очевидно также, что на столь шаткомъ и субъективномъ критеріи нельзя построить опредѣленія цѣлой соціальной группы, наличность которой въ Россіи для всѣхъ очевидна и крупная роль которой въ жизни страны ни для кого не является тайной».

Послѣ длиннаго ряда разсужденій, г. Изгоевъ предлагаетъ свое опредѣленіе понятія «интеллигенція»:

«Признакомъ,—говоритъ онъ,—позволяющимъ изъ рядовъ класса интеллектуальныхъ работниковъ выдѣлить извѣстное количество индивидуумовъ и объединить ихъ въ особую соціальную группу — интеллигенцію, служитъ *присущій профессіональной дѣятельности этихъ лицъ элементъ учительства въ широкомъ смыслѣ слова* (курсивъ г. Изгоева), передача людямъ свѣдѣній и накопленныхъ знаній съ цѣлью наученія. Признакъ вполнѣ объективный, объясняющій матеріальныя основы существованія «интеллигенціи», не включающій такихъ, напримѣръ, субъективныхъ требованій, чтобы у представителя интеллигенціи «сердце и разумъ» были «съ народомъ». Даже обыденное словоупотребленіе, въ которомъ царитъ полный хаосъ, содержитъ явные намеки, что «учительство» — характернѣйшій признакъ интеллигенціи. Средній человѣкъ, при перечисленіи представителей интеллигенціи, непремѣнно назоветъ на первомъ планѣ: профессоровъ, учителей, литераторовъ, проповѣдниковъ. Для нихъ обычное словоупотребленіе создало даже особый терминъ: представители *высшей* интеллигенціи страны, причемъ подъ низшей, очевидно, разумѣются всѣ остальные представители интеллектуальнаго труда—отъ врачей до бухгалтеровъ и отъ консисторскихъ писцовъ до департаментскихъ заправилъ. Педагоги всѣхъ родовъ, литераторы и проповѣдники, дѣйствительно, называются наиболѣе типичными представителями соціальной интеллигенціи; они даютъ окраску и другимъ лицамъ, подобно тому какъ въ наше время принципы *профессіональнаго* «учительства» распространяются и на учительство, не ставшее еще профессіей».

Отсюда г. Изгоевъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ.

«Учительство,—пишетъ онъ, — понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, нуждается въ свободѣ. Сдѣлайте элементарный психологическій опытъ.

Если въ самой обыкновенной школѣ, гдѣ учитель занимается съ ребятишками, будетъ постоянно присутствовать лицо для надзора за преподаваніемъ, ученіе пойдетъ крайне скверно даже въ томъ случаѣ, если надзиратель будетъ только наблюдать и производить, какъ сказано, нравственное давленіе; если же онъ будетъ и активно вмѣшиваться, поправляя учителя, то изъ ученія ровно ничего не выйдетъ. Это же явленіе, только въ большемъ масштабѣ, повторяется въ дѣятельности всей интеллигенціи. Учительство требуетъ наличности извѣстныхъ отношеній между лицомъ, распространяющимъ знанія, и тѣмъ, кто ихъ воспринимаетъ, такихъ отношеній, которыя бы обезпечивали для интеллигента сомоуваженіе. Безъ самоуваженія трудъ интеллигенціи никогда не будетъ производительнымъ. Учительство въ широкомъ смыслѣ безспорно самый тонкій видъ интеллектульнаго профессіональнаго труда. И, дѣйствительно, ни въ одной соціальной группѣ самоуваженіе, чувство собственнаго достоинства не развито такъ сильно, какъ у интеллигенціи. И имѣетъ оно при этомъ свой специфическій характеръ. Чувство собственнаго достоинство было развито очень сильно у феодаловъ, у родовой аристократіи. Но тамъ оно было иного типа. На основаніи его требовали власти, покорности и другихъ признаковъ подчиненности. Чувство же собственнаго достоинства у интеллигенціи заставляетъ ее требовать свободы, отстаивать свою независимость, даже больше, требовать свободы и для враждебныхъ мнѣній, для своихъ противниковъ»...

Эти свойства интеллигенціи заставляютъ ее играть и особую роль въ жизни страны, особливо въ ея критическія эпохи.

«Когда въ окружающей жизни мало простора,—пишетъ г. Изгоевъ,—интеллигенція, въ силу присущаго ей стремленія къ свободѣ, становится на самый высокій пьедесталъ въ странѣ, переживаетъ героическую эпоху. Такъ было во всѣхъ странахъ, вездѣ было время, когда интеллигенція рождала несмѣтное число героевъ. По мѣрѣ того, какъ область свободы расширяется (все относительно), по мѣрѣ того, какъ усиливаются ранѣе надавленныя общественныя группы, интеллигенція обезцвѣчивается, распаивается, идетъ на службу къ различнымъ общественнымъ группамъ. Это процессъ фатальный...

«Но въ тѣ времена, когда въ жизни вообще нѣтъ простора, когда всѣ общественныя группы чувствуютъ потребность и въ прочной независимости для своей дѣятельности, и въ обезпеченности личности членовъ своей группы, интеллигенція, съ ея стремленіемъ къ полной и разносторонней свободѣ, становится передовымъ элементомъ общества. Въ это время она и можетъ сыграть выдающуюся роль въ національной жизни, твердо дѣйствовать, какъ особая, цѣльная по своимъ практическимъ стремленіямъ, общественная группа, громко говорить отъ имени всей націи, интересы которой она представляетъ, такъ какъ эти интересы въ самой общей формулировкѣ сводятся къ освобожденію человѣческой личности, къ освобожденію духа».

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

I.

Ляо-дун'скій (Квантунскій) полуостровъ.

Постепенно расширяющіеся торговые и политическіе интересы европейскихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ заставили Россію, Францію, Германію и Англію подумать объ огражденіи своихъ интересовъ отъ возможныхъ случайностей, и вскорѣ послѣ японско-китайской войны начались съ Китаемъ переговоры объ уступкѣ на правахъ аренднаго пользованія извѣстныхъ пунктовъ, благодаря которымъ державы могли бы защищать свои интересы. 15-го марта 1898 г. россійскіе и китайскіе уполномоченные подписали въ Пекинѣ договоръ, по которому часть Ляо-дун'скаго полуострова съ Портъ-Артуромъ и портомъ Далянь-вань, съ соотвѣтствующимъ воднымъ пространствомъ, была отдана Россіи въ аренду на 25 лѣтъ съ правомъ продолжить этотъ срокъ по взаимному соглашенію. По этому же договору Россія получила право провести отъ сибирской магистрали желѣзнодорожную линію на соединеніе съ Портъ-Артуромъ по китайскимъ владѣніямъ, именно по Манчжуріи. 16-го марта русскія войска съ эскадры подъ начальствомъ контръ-адмирала Дубасова, стоявшей на Портъ-Артурскомъ рейдѣ съ конца 1897 г., заняли Портъ-Артуръ.

Вскорѣ по занятіи русскими Портъ-Артура была назначена разграничительная коммиссія, въ составъ которой вошли представители Китая и Россіи, для установленія точной границы какъ новыхъ русскихъ владѣній, такъ и нейтральной зоны къ сѣверу отъ нашихъ владѣній, которая осталась во владѣніи Китая, но безъ права держать тамъ войска. Несмотря на противодѣйствіе китайскихъ коммиссаровъ и даже явное сопротивленіе со стороны довольно враждебно настроеннаго населенія, коммиссія эта выполнила возложенную на нее задачу и къ концу 1898 г. подробно обозначила орографически ничѣмъ не отмѣченную границу постановкой 31 пограничнаго столба.

Русскіе получили Портъ-Артуръ въ почти совершенно разрушенномъ состояніи. Чтобы привести его въ видъ, соотвѣтствующій морскому порту, имѣющему столь важное значеніе, потребовалась громадная затрата энергіи и средствъ. Работать приходилось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но уже въ самомъ непродожительномъ времени Портъ-Артуръ былъ укрѣпленъ и съ моря, и съ суши.

16-го августа состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи временного положенія объ управленіи Квантунской областью. По этому положенію Квантунская область, за исключеніемъ гор. Цзинь-чжоу, которому была сохранена автономія, раздѣляется на пять участковъ. Управленіе области составляютъ: главный начальникъ Квантунской области, онъ же командующій войсками области и морскими силами Тихаго океана; коммиссары по частямъ гражданской и финансовой, чиновникъ по дипломатической части и другія управле-

нія отдѣльными частями разныхъ вѣдомствъ; мѣстныя административныя учрежденія—участковыя, городскія и сельскія, и, наконецъ, судебныя установленія. Въ порядкѣ общаго управленія Квантунская область состоитъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Мѣстопребываніемъ управленія назначенъ гор. Портъ-Артуръ. Обществу китайской восточной желѣзной дороги предоставлено устройство гор. Дальняго, образующаго отдѣльное градоначальство, находящееся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Въ гор. Дальнемъ устраивается коммерческій портъ, эксплоатація котораго предоставляется тому же желѣзнодорожному обществу. 19-го августа 1899 г. главнымъ начальникомъ области назначенъ вице-адмиралъ Е. И. Алексѣевъ.

Мирное развитіе Квантунскаго полуострова было нарушено въ 1900 году возникшимъ тогда въ Китаѣ возстаніемъ боксеровъ, для усмиренія котораго пришлось истратить много средствъ и энергіи и на время отвлечься отъ созидающей дѣятельности. Китайскія власти старались всячески возбуждать населеніе противъ русскаго управленія, продолжали взыскивать съ населенія таможенныя и соляныя пошлины и всячески противились мѣропріятіямъ русскихъ властей. Въ октябрѣ 1898 г. русскія власти арестовали таможенныя и соляныя конторы въ Би-цзы-во и Янъ-тоу-ва, при посредствѣ которыхъ китайскія власти взыскивали пошлины съ мѣстнаго населенія. 14-го же іюля 1900 г. былъ взятъ и самый городъ Цзинъ-чжоу, мѣстопребываніе китайскихъ властей, и тамъ введено русское гражданское управленіе.

Непосредственно послѣ занятія начались всесторонніе изслѣдованія русскими занятой территоріи, и теперь наши свѣдѣнія о ней, хотя далеко еще неполныя, даютъ возможность представить краткій очеркъ Ляо-дун'скаго полуострова съ физико-географической и статистической точекъ зрѣнія.

Занятая нами территорія извѣстна подъ именемъ Квантунской области. Русскій синологъ Э. В. Бретшнейдеръ указываетъ на то, что названіе Кванъ-тунъ есть испорченное китайское названіе Гуань-дунъ (на востокъ отъ заставы), которое въ простонародьи употреблялось для обозначенія всей Манчжуріи. Южная часть Манчжуріи издавна называлась Ляо-дунъ (востокъ отъ р. Ляо), почему этому названію и слѣдуетъ отдать предпочтеніе, какъ болѣе древнему. Нѣкоторые авторы именемъ Квантуна называютъ только южную часть полуострова къ югу отъ гор. Цзинь-чжоу, соединенную съ Ляо-дунъ'скимъ полуостровомъ узкимъ перешейкомъ. По мнѣнію Бретшнейдера, русскіе изслѣдователи были здѣсь введены въ заблужденіе англійской морской картой 1860 г., на которой у оконечности полуострова написано «Kwantung Peninsula». По мнѣнію того же Бретшнейдера, правильно какъ названіе Ляо-дун'скій, такъ и Квантунскій, только слово Квантунъ надо передавать Гуань-дунъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ протоколѣ пекинскаго договора полуостровъ названъ Гуань-дун'скимъ. Самое правильное названіе полуострова будетъ такое: «Гуань-дун'скій (Ляо-дун'скій) полуостровъ».Оффиціальное же названіе—Квантунская область.

Границы Квантунской области: съ сѣвера пограничная линія, идущая отъ сѣверной оконечности порта Адамса до сѣверной оконечности бухты Би-цзы-

во, съ запада—Ляо-дун'скій заливъ, съ юга—Чжилійскій заливъ, съ востока—Корейскій. Береговая линія, включая сюда и острова, уступленные Россіи, составляетъ около 400 верстъ, а сѣверная пограничная линія—53¾ версты. Вся площадь занятой Россіею территоріи, входившей раньше въ составъ манчжурской провинціи Шэнъ-цзинъ, равняется вмѣстѣ съ островами 2.784 кв. верстъ, т.-е. меньше Царскосельскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Береговая линія очень изрѣзана и образуетъ много бухтъ, но всѣ эти бухты мелководны, доступны вѣтрамъ и, за немногими исключеніями, не представляютъ удобствъ для судовъ.

Въ орографическомъ отношеніи полуостровъ представляетъ средней высоты нагорье, низменныхъ мѣстъ очень мало—всего около 8% всей поверхности. Горы, заполняющія полуостровъ, повидимому, составляютъ отроги хребта Чанъ-бо-шань между Кореей и Манчжуріей. Отроги эти не имѣютъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, но все же вдоль всего полуострова можно прослѣдить водораздѣльный хребетъ между рѣками, впадающими въ Ляо-дун'скій и Корейскій заливы. Хребетъ заходитъ въ нашу территорію съ сѣвера и идетъ въ южномъ и юго-западномъ направленіи, представляя собою гряду пологихъ холмовъ, вышиною до 85 метровъ. Постепенно понижаясь, близъ дер. Ю-цзя-тунь онъ сходитъ почти на нѣтъ. Повышаясь далѣе, наибольшей высоты онъ достигаетъ на горѣ Сампсонъ (Лао-ху-шань), высотою до 630 м. Гора Лао-ху-шань (Тигровая гора) представляетъ собою могучій массивъ, южные отроги котораго замыкаютъ съ востока бухту Да-лянь-вань. Далѣе водораздѣлъ слѣдуетъ по перешейку и переходитъ въ группу Ань-цзы-шань (Double-Peak), вышиною въ 340 м., далѣе онъ переходитъ въ .группу Си-шань, высотою 110 м., еще далѣе онъ носитъ названіе Дунь-да-линъ (около 210 м.). Къ югу отъ Дунь-да-лин'а, оканчивающагося на сѣверномъ берегу бухты Луиза, отдѣляется отрогъ Яо-шань (около 200 м. высотою), охватывающій Портъ-Артуръ съ сѣв.-запада, и отдѣленный отъ него долиною р. Лунъ хребетъ Драконовъ, средней высотою 150 м., огибающій Портъ-Артуръ съ сѣвера и сѣверо-востока. На юго-западномъ концѣ полуострова водораздѣльный хребетъ оканчивается массивомъ Лао-тѣ-шань, высотою 430 м., восточные отроги котораго съ запада ограничиваютъ Портъ-Артурскую бухту.

Восточнѣе бухты Та-хэ отъ группы Дунь-да-линь тянется вѣтвь вплоть до бухты Викторія, отдѣленная отъ первой вѣтви дикою и скалистою долиною р. Малянь, впадающей въ заливъ Хао-суй.

Общій характеръ горъ болѣе или менѣе одинаковъ. Большинство вершинъ имѣетъ коническую или шатровую форму, а кряжи образуютъ оголенные узкіе скалистые гребни. Горы безжизненны благодаря отсутствію на нихъ лѣса, и вообще ландшафтъ представляетъ довольно безотрадную картину. По геологическому строенію полуостровъ относится къ древнѣйшимъ образованіямъ. Древнѣйшія породы—гнейсы и гнейсо-граниты тѣсно перепутаны между собою. Гнейсо-граниты наибольшее развитіе имѣютъ въ сѣверномъ участкѣ къ сѣверу отъ гор. Цзинь-чжоу. Слѣдующей свитой горныхъ породъ являются кварциты, сланцы и филлиты, названные Рихтгофеномъ Да-гу-шань'ской свитой по имени

такъ: въ Портъ-Артурѣ 26.459, въ Дальнемъ 18.628, въ Таліенванѣ 3.557, въ Би-цзы-во 6.009, въ Цзинь-чжоу 11.272, въ остальной области 198.342. Средняя плотность населенія 95 чел. на 1 кв. версту. Откинувъ городское населеніе, получимъ плотность населенія въ области 71 чел. на 1 кв. версту. Изъ этихъ цифръ видно, что область населена очень плотно. Къ югу отъ Цзинь-чжоу населеніе распредѣлено болѣе или менѣе равномѣрно, къ сѣверу менѣе равномѣрно. Къ югу отъ Цзинь-чжоу наиболѣе населены окрестности Цзинь-чжоу, побережье Таліенванской бухты и побережья бухтъ Louise и Pigeon. Къ сѣверу наиболѣе населены окрестности Цзинь-чжоу, долина р. Аньцзы-хэ и мѣстность Цзи-цзинь-шэ, занимающая весь сѣверо-восточный уголъ полуострова и ограниченная съ запада рѣкой Да-ша-хэ, а съ сѣвера границей. Китайскіе выходцы изъ внутренняго Китая, населяющіе теперь Квантунъ, по времени своего прибытія и различію въ соціальномъ положеніи раздѣляются на хань-цзюнъ'овъ (благородныхъ) и минъ'овъ (простолюдиновъ). Различаются они между собою лишь подробностями соціальнаго положенія. Въ отношеніи языка и обычаевъ они представляютъ въ общемъ совершенное тожество.

Въ административномъ отношеніи Квантунская область раздѣлена на 5 участковъ: I. Би-цзы-воскій (центръ управленія гор. Би-цзы-во), II. Лянъ-дзя-дян'скій (дер. Го-цзя-линъ), III. Портъ-Артурскій (дер. Шуй-ши-инъ), IV. Цзинь-чжоу'скій (гор. Цзинь-чжоу), V. Островной (гор. Таліенванъ). Каждый участокъ раздѣленъ на волости, волости на общества, а общества составляются изъ деревень, которыхъ въ 1901 г. было 1.828.

Главное занятіе мѣстнаго населенія земледѣліе. Въ 1901 году подъ посѣвами было занято 567.354 му *) земли. Изъ этого количества наибольшее приходилось на кукурузу (бао-ми)—250.910 му, гао-лянъ (Sorghum vulgare)—113.364 му, чумизу—88.808 му, бобы и горохъ—55.907 му, просо—24.580 му, пшеницу—20.296 му. Кромѣ того, въ незначительныхъ количествахъ воздѣлывается овесъ, рисъ, ячмень, гречиха и макъ. Небольшое количество земли занято садами и огородами. Кукуруза составляетъ одинъ изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ населенія и даже служитъ въ урожайные годы предметомъ вывоза. Гао-лянъ, или высокое просо, идетъ на кормъ скоту и употребляется для выкуриванія водки. Просо гу-цзы, называемое также сяо-ми, употребляется для уплаты подати натурой. Другой видъ просо-ми-цзы идетъ на выкуриваніе слабаго желтаго вина. Бобы и горохи также разводятся въ значительномъ количествѣ. Цинъ-доу—темный горохъ—употребляется для выдѣлки масла, а изъ выжимокъ приготовляютъ галеты. Этимъ дѣломъ занимается нѣсколько заведеній, главнымъ образомъ въ Би-цзы-во. Галеты употребляются, главнымъ образомъ, на кормъ скоту и на удобреніе полей, часть ихъ вывозится въ Чи-фу. Масло идетъ въ пищу и на освѣщеніе. Другой видъ гороха—люй-доу—зеленый горохъ—идетъ въ пищу и считается лакомствомъ. Небольшое количество мака, воздѣлываемое въ Квантунѣ, идетъ на приготовленіе опіума, но невысокаго качества. Картофель также разводится, но въ весьма

*) Му = 132 кв. с. $42^{60}/_{144}$ кв. ф. = около $^1/_{18}$ десятины.

небольшихъ количествахъ, такъ какъ употребленіе его еще не привилось у мѣстнаго населенія.

Изъ огородныхъ овощей разводятся салатъ, огурцы, баклажаны, лукъ, чеснокъ, стручковый перецъ, фасоль, редисъ, рѣдька. Въ небольшихъ количествахъ разводится также и табакъ, исключительно для собственнаго потребленія.

Во многихъ деревняхъ есть сады съ фруктовыми деревьями. Большинство растущихъ здѣсь плодовъ полудики, мелки и на вкусъ непріятны. Изъ плодовъ здѣсь дозрѣваютъ абрикосы, персики, тѣ и другіе мелкіе и мало ароматичные, нѣсколько сортовъ яблокъ, грушъ и сливъ, грецкіе орѣхи съ толстой скорлупой и очень грубые на вкусъ. Около Цзинь-чжоу въ небольшихъ размѣрахъ культивируется виноградъ, синій, бѣлый и розовый, нѣсколько похожій на бессарабскій. Культура его привита здѣсь католическими миссіонерами.

Скотоводство, какъ промыселъ, здѣсь не развито въ виду отсутствія пастбищъ. Жители держатъ скотъ только для домашнихъ надобностей, какъ рабочую силу. Въ 1901 г. было на полуостровѣ: лошадей 1.681, быковъ и коровъ 16.396, муловъ 9.078,ословъ 9.425, свиней 8.397, козъ и овецъ 6.110.

Прибрежные жители занимаются, кромѣ того, рыболовствомъ. Островные жители доставляютъ еще значительное число мореходовъ. О добычѣ соли уже сказано.

Въ общемъ же населеніе крайне бѣдно, бьется изъ-за куска хлѣба. Вся годная къ обработкѣ земля эксплоатируется и свободной земли не остается ни клочка. Торговля развита мало. Главными торговыми пунктамъ служатъ: г. Би-цзы-во и Цзинь-чжоу. Изъ Би-цзы-во вывозятся въ Чифу кукуруза, бобы, галеты и бобовое масло. Изъ Чифу получаются мануфактурные товары. пшеничная мука и рисъ. Второй по важности сношенія съ Би-цзы-во портъ Дадунъ-гоу, откуда получается лѣсъ и торфъ.

Флора и фауна изслѣдованы мало. Можно сказать, что фауна очень неразнобразна, благодаря большой плотности населенія. Изъ млекопитающихъ извѣстны только сѣрые зайцы и хорьки. Птицъ также очень мало. Лѣсовъ мало, состоятъ они изъ японской сосны, обыкновенной сосны, тополя, дуба, уксуснаго дерева и др.

Пути сообщенія до занятія русскими были въ крайне плачевномъ состояніи. Единственной дорогой служила дорога изъ Портъ-Артура въ Нью-чуанъ (Инкоу) черезъ Цзинь-чжоу и Фу-чжоу, называемая по-китайски Гуань-дао, а по русски Мандаринской дорогой и имѣющая по нашей территоріи протяженіе около 100 верстъ. Мандаринская дорога представляетъ полосу поселеній китайскихъ войскъ (такъ называемыхъ 8-знаменныхъ), на обязанности которыхъ лежало охранять путь, поддерживать и ремонтировать дорогу и держать гоньбу. Самыя названія селеній лежащихъ по этой дорогѣ, Эрръ-жи-ли-пу Сань-ши-ли-пу, Сы-ши-ли-пу и др., т.-е. «станки въ 20, 30. 40 ли», *) по-

*) Ли—½ версты.

казываютъ на ихъ происхожденіе. Вообще дороги не заслуживаютъ даже такого названія, никто ихъ не устраивалъ и не поддерживалъ. Только Мандаринская дорога болѣе или менѣе сносна.

Съ водвореніемъ русскихъ началась въ началѣ 1899 г. постройкой желѣзная дорога, идущая почти параллельно Мандаринской. Къ концу 1899 г. она была уже окончена. Отъ главной линіи отдѣляется вѣтвь Нанга-линъ—Дальній, длиною въ 15 в., Тафашинъ—Таліенванъ, длиною въ 5 в. Рѣчныхъ путей сообщенія нѣтъ, такъ какъ рѣки всѣ несудоходны.

Городами въ Квантунской области считаются Портъ-Артуръ, Цзинь-чжоу, Би-цзы-во (въ просторѣчіи Пи-коу) и Дальній. На мѣстѣ Портъ-Артура раньше находилась небольшая деревушка Люй-шунь-коу, въ которой жило небольшое рыбацкое населеніе. Но назначенный въ началѣ 1880 годовъ генералъ-губернаторомъ Печилійской провинціи Ли-хунь-чжанъ, обративъ вниманіе на прекрасное стратегическое положеніе Люй-шунь-коу (Портъ-Артура *), рѣшилъ сдѣлать изъ него военный портъ. Изъ Европы были выписаны инженеры и матеріалы, и работа закипѣла. Портъ-Артуръ оживился, сюда наѣхала масса рабочихъ и купцовъ, и въ скоромъ времени въ немъ насчитывалось уже нѣсколько тысячъ жителей. Взятый и разрушеный въ 1894 г. японцами, онъ былъ возстановленъ и еще сильнѣе укрѣпленъ русскими и теперь представляетъ сильную крѣпость. Расположенъ онъ на берегу Портъ-Артурскаго залива. Входъ въ заливъ узокъ и ограниченъ съ запада Тигровымъ полуостровомъ, а съ востока Золотой горой и грядой холмовъ. Заливъ этотъ довольно значителенъ по величинѣ, но мелководенъ. Въ восточной части его вырытъ искусственный бассейнъ съ двумя доками для миноносокъ и большихъ судовъ, весь бассейнъ облицованъ гранитомъ. Въ настоящее время въ Портъ-Артурѣ имѣется уже нѣсколько учебныхъ заведеній (реальное училище, женская гимназія и др.). издается газета «Новый Край», имѣется церковь, госпиталь, городская больница. метеорологическая станція, драматическое общество, театръ и другія учрежденія Въ гавани стоитъ постоянно русская эскадра. Съ 30 іюня 1903 г. Портъ-Артуръ получилъ еще большее значеніе, какъ мѣстопребываніе намѣстника. И съ моря, и съ суши Портъ-Артуръ защищенъ очень хорошо.

Городъ Дальній, большой порто-франко и коммерческій портъ, строится на западномъ берегу бухты Викторія на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30-го іюля 1899 г. и въ настоящее время представляетъ уже вполнѣ благоустроенный городъ.

Городъ Цзинь-чжоу, взятый русскими 14-го іюля 1900 г., расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ сѣверный полуостровъ съ южнымъ, въ $1^1/_2$ в. отъ бухты Си-хай-коу, и обнесенъ толстой каменной стѣной, вышиною около 2 чжановъ (болѣе $2^1/_2$ саж.) и такой же толщины. Въ стѣнѣ оставлено 4 воротъ, прямо на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ. Съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ городъ пересѣченъ двумя улицами. Въ центрѣ города по-

*) Портъ-Артуръ получилъ свое названіе въ 1880 г. въ честь командира одного англійскаго судна.

мѣщается кумирня въ честь бога войны Гуань-лао-ё-мяо. Здѣсь же сосредоточены главные рынки и лавки. Городъ очень бѣдный, зажиточные люди въ немъ только купцы, ведущіе экспортную торговлю. Торговля ведется черезъ западный портъ Си-хай-коу, очень мелководный и неудобный, но главнымъ образомъ черезъ Нань-хай-коу, извѣстный на морскихъ картахъ болѣе подъ именемъ Odin-Cove. Цзинь-чжоу — главный городъ Цзинь-чжоус'каго округа. Главныя занятія жителей округа—земледѣліе, солепромышленность и винокуреніе.

Таліенванъ—небольшой поселокъ, расположенный на полуостровкѣ, далеко вдающемся въ Таліенванскій заливъ, у такъ называемаго миннаго городка. Этотъ городокъ служилъ складомъ артиллерійскихъ запасовъ для китайскихъ батарей, защищавшихъ входъ въ заливъ. Би-цзы-во, называемый въ просторѣчіи Пикоу, расположенъ у бухты Би-цзы-во надъ моремъ на скатахъ лёссовыхъ холмовъ въ весьма живописной мѣстности. Бухта Би-цзы-во очень мелководна, только въ приливъ могутъ подходить лишь туземныя плоскодонныя джонки и шампунки. Площадь города равна $^3/_4$ квадр. вер. Набережныхъ нѣтъ. Дома очень невзрачные, китайской постройки. Параллельно набережной тянется главная улица. Какъ торговый портъ, Би-цзы-во довольно значителенъ. Въ 1894 г. было вывезено изъ Би-цзы-во на 150.000 фунтовъ стерл. Главные предметы вывоза—продукты земледѣлія, преимущественно бобовое масло. Отъ Би-цзы-во на востокъ тянется группа острововъ, извѣстныхъ на картахъ подъ именемъ Blond-и Elliot-grupe. Число значительныхъ острововъ въ группѣ Эллiотъ достигаетъ 16. Главное занятіе островного населенія—земледѣліе и рыболовство. Эти же острова доставляютъ значительное количество мореходовъ. Въ военномъ отношеніи эти острова очень удобны для стоянки миноносокъ, и въ ихъ лабиринтѣ можетъ прятаться цѣлый миноносный флотъ.

Таковы въ общемъ свѣдѣнія объ этомъ ничтожномъ сравнительно клочкѣ земли, на которомъ сосредоточено въ настоящее время вниманіе всего міра.

А. С—вичъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Свобода искусства и германскій рейхстагъ. Въ германской печати много толковъ вызываютъ пренія, происходившія въ рейхстагѣ по вопросу о свободѣ искусства. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на сцену по случаю обсужденія устройства германскаго художественнаго отдѣла на выставкѣ въ Сен-Луи. Пренія по этому поводу приняли совершенно неожиданный характеръ и всѣ партіи рейхстага высказались противъ исключенія такъ называемыхъ «сецессіонистовъ», послѣдователей современнаго направленія въ искусствѣ устраненныхъ отъ участія въ выставкѣ. Особенно были поражены всѣ, когда депутатъ центра д-ръ Шпанъ вступился за сецессіонистовъ, признавая заслуги современнаго направленія въ искусствѣ, и горячо высказался въ пользу полнаго равноправія всѣхъ направленій въ искусствѣ. Произошла, какъ выра-

жаются газеты, настоящая демонстрація въ пользу свободы искусства, заключающая въ себѣ явное порицаніе правительства за его пристрастное отношеніе къ сецессіонистамъ. Не только лѣвая, но и правая рейхстага заявила, что искусство должно быть свободно и что ни какая верховная власть не можетъ ему предписывать никакихъ правилъ и навязывать догматовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно постоянное вмѣшательство верховной власти въ дѣло искусства вызвало этотъ протестъ, явно направленный противъ произнесенной императоромъ Вильгельмомъ, по случаю открытія «Аллей побѣды», рѣчи объ искусствѣ, въ которой онъ устанавливалъ для искусства извѣстныя рамки и предписывалъ ему извѣстное направленіе. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ искусства принялъ политическій характеръ, тѣмъ болѣе, что прусское правительство, довольно безцеремонно относилось къ южно-германскимъ государствамъ, навязывая имъ свои взгляды на искусство и вызвало этимъ усиленіе партикуляристскихъ тенденцій. южно-германскія государства, Баварія, Баденъ, Вюртембергъ, а также Саксонія и великое герцогство Гессенское придаютъ огромное значеніе заботамъ о своемъ отечественномъ искусствѣ и смотрятъ на Мюнхенъ, какъ на столицу нѣмецкаго искусства. Во всѣхъ этихъ государствахъ далеко не раздѣляютъ взглядовъ прусскаго правительства, которое относится къ сецессіонистамъ чуть ли не какъ къ полицейски-неблагонадежнымъ людямъ, подлежащимъ надзору и подозрѣнію. Представители современнаго направленія въ искусствѣ въ южной Германіи не только пользуются всѣми правами, но получаютъ отличія и преподаютъ въ высшихъ художественныхъ школахъ. Само собою разумѣется, что этимъ союзнымъ государствамъ не могло быть пріятно, что прусское правительство совершенно игнорировало ихъ взгляды въ своихъ постановленіяхъ относительно выставки, хоть въ совѣщаніяхъ комиссіи эти взгляды были выдвинуты на сцену. Такое поведеніе прусскаго правительства ясно носило характеръ давленія, направленнаго къ тому, чтобы обуздать свободное искусство и заставить его всюду организоваться по излюбленному прусскому образцу. Неудовольствіе вызванное этимъ стремленіемъ Пруссіи къ гегемоніи даже въ дѣлахъ искусства, выразилось въ преніяхъ рейхстага и бѣдный графъ Посадовскій очутился словно на горячихъ угольяхъ, когда ему пришлось отвѣчать на всѣ эти рѣчи по поводу того что сецессіонисты не будутъ участвовать въ германскомъ художественномъ отдѣлѣ. Онъ видимо былъ смущенъ, такъ какъ у него очевидно не было желанія играть роль диктатора въ искусствѣ, а приходилось нести отвѣтственность за то, что въ сущности не было его виной. Осторожный и предусмотрительный графъ Бюловъ искусно ретировался, предоставивъ своему коллегѣ выпутываться въ рейхстагѣ. Не даромъ одинъ изъ депутатовъ, Мюллеръ-Мейнининъ, сказалъ, что въ данномъ случаѣ графъ Посадовскій играетъ роль «козла отпущенія» или то, что по нѣмецки называется: «Prügelknabe», получающій побои за другого.

Женскій вопросъ снова былъ выдвинутъ на сцену въ рейхстагѣ по случаю дебатовъ объ учрежденіи особыхъ купеческихъ судовъ для разбирательства споровъ, возникающихъ между хозяевами и приказчиками. Эти суды, которые будутъ организованы по образцу промышленныхъ судовъ, должны будутъ имѣть

своею главною цѣлью улаженіе разногласій, примиреніе сторонъ и предупрежденіе стачекъ. Какъ хозяева такъ и приказчики имѣютъ право выбирать одинаковое число членовъ въ эти суды. Печать отнеслась очень сочувственно къ этому законопроекту правительства, либеральныя же газеты поставили на видъ, что правительственный законопроектъ совершенно игнорируетъ права женщины, служащихъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ. Въ время преній въ рейхстагѣ только одни консерваторы высказались въ пользу такого взгляда на трудящуюся женщину, какъ на совершенно безправное существо, несмотря на то, что, по даннымъ оффиціальной статистики въ Германіи не менѣе 120.000 служатъ въ различныхъ магазинахъ и конторахъ, исполняя совершенно одинаковыя съ мужчиной обязанности. И тутъ графъ Посадовскій, которому пришлось отвѣчать на рѣчи депутатовъ, не зналъ какъ ему вывернуться. Онъ даже соглашался, что нѣтъ никакихъ аргументовъ противъ распространенія на приказчицъ тѣхъ же правъ, какими будутъ пользоваться приказчики, но прибавилъ все-таки, что правительство возьметъ назадъ свой законопроектъ, если рейхстагъ будетъ настаивать на включеніе женщинъ и распространеніи на нихъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права. Законопроектъ поступилъ теперь на обсужденіе комиссіи и надѣются, что она взглянетъ на это дѣло иначе, чѣмъ графъ Посадовскій

Очень оживленныя пренія въ рейхстагѣ вызвалъ также вопросъ о принудительныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ (Zeugnisszwang) редакторовъ и о профессіональной тайнѣ. За отказъ назвать суду автора какой-нибудь статьи нѣмецкіе судьи приговариваютъ редактора къ денежному штрафу, а иногда и къ тюремному заключенію до шести мѣсяцевъ. Такіе случаи повторялись, особенно въ послѣднее время, довольно часто и главнымъ образомъ доставалось редакторакъ оппозиціонныхъ газетъ, отказывавшихся называть авторовъ статей, непріятныхъ высокопоставленнымъ лицамъ, поэтому въ рейхстагъ былъ внесенъ предсѣдателемъ союза германскихъ издателей запросъ, который выставлялъ на видъ все несоотвѣтствіе закона, не принявшаго во вниманіе особыхъ условій печати. Авторъ запроса указывалъ на то, что священникъ, врачъ и чиновникъ обязаны сохранять профессіональную тайну, тогда какъ журналисты ставятся въ этомъ отношеніи въ совершенно особое положеніе и имъ закономъ вмѣняется въ обязанность нарушать профессіональную тайну.

Предсѣдатель союза германскихъ издателей націоналъ-либералъ, но его поддерживали не только депутаты его партіи, но даже нѣкоторые изъ консерваторовъ. Одинъ изъ соціалъ-демократовъ привелъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что этотъ законъ въ большинствѣ случаевъ служитъ лишь орудіемъ для преслѣдованія оппозиціонной печати. Но къ чести германской печати надо все-таки сказать, что редакторъ выдающій своего сотрудника изъ страха передъ наказаніемъ, составляетъ крайне рѣдкое явленіе. Депутатъ правой Отто Арендтъ также выступилъ въ защиту правъ печати, сказавъ, что ее нельзя заключать въ узкія рамки и что это невыгодно даже съ правительственной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ вопросъ о профессіональной тайнѣ редак-

тора поставленъ теперь на очередь и, конечно, на него будетъ обращено вниманіе во время предстоящаго обсужденія судебной реформы.

Разумѣется, эти пренія въ рейхстагѣ вызвали и въ газетахъ оживленныя разсужденія. Консервативная печать доказывала, что нельзя приравнивать священниковъ и врачей къ редакторамъ. Вѣдь священникъ и врачъ должны непремѣнно имѣть дипломъ, а редакторомъ можетъ быть каждый и никакого диплома для этого не нужно! На это оппозиціонная печать справедливо возражаетъ, что именно въ журналистикѣ трудъ и талантъ имѣютъ первостепенное значеніе, тогда какъ плохой врачъ или священникъ сохраняютъ свое положеніе, благодаря своему диплому, не взирая на свою непригодность. Дипломъ, слѣдовательно, не можетъ имѣть большого значенія и нѣмецкій журналистъ можетъ стоять высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, хотя бы не сдавалъ никакихъ экзаменовъ и не имѣлъ никакого диплома.

Возстаніе въ юго-западной Африкѣ. Германіи не везетъ съ ея африканскими колоніями. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уже колоніальныя власти были встревожены поведеніемъ туземцевъ въ германскихъ юго-западныхъ владѣніяхъ Африки, опасаясь, что на нихъ какъ бы рикошетомъ отразилось возбужденіе кафровъ, вызванное южно-африканскою войною. Опасенія эти не замедлили оправдаться. Сперва начались волненія среди племени бондельцвартовъ, а затѣмъ еще болѣе опасное и серьезное возмущеніе вспыхнуло на сѣверѣ колоніи, среди гереро, численность которыхъ гораздо больше. Въ Германіи извѣстіе объ этомъ возмущеніи вызвало сильное безпокойство и тотчасъ же была снаряжена экспедиція, но положеніе колонистовъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ, такъ какъ колонія обнимаетъ обширную территорію въ 830.000 кв. кил., возбуждаетъ весьма серьезныя опасенія.

Причины возстанія туземцевъ не вполнѣ выяснены до сихъ поръ и вызываютъ много толковъ въ германской печати. Противники колоніальной политики видятъ въ этомъ неожиданно вспыхнувшемъ возстаніи, уже стоившемъ крови и денегъ германской имперіи, новое доказательство не только безполезности, но и вреда такихъ колоній. Дѣйствительно, эта колонія, являющаяся однимъ изъ первыхъ продуктовъ пробужденія колоніальнаго духа Германіи, съ экономической точки зрѣнія не могла быть названа удачнымъ предпріятіемъ. Земледѣліе тамъ почти неизвѣстно, и главный источникъ доходовъ страны составляетъ скотоводство. Гереро—народъ, насчитывающій около 75.000 душъ, преимущественно занимаются скотоводствомъ и нуждаются для этого въ обширныхъ и свободныхъ пространствахъ земли. Съ появленіемъ же бѣлыхъ фермеровъ началось отчужденіе земель туземцевъ, такъ какъ фермеры нуждались также въ большихъ пространствахъ для своихъ стадъ. Нѣмецкія колоніальныя газеты открыто говорили о томъ, что земля должна перейти изъ рукъ туземцевъ въ руки бѣлыхъ и что это вполнѣ отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи и т. д., и т. д. Но уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нѣмецкихъ дѣятелей, долго жившій въ колоніи, предупреждалъ, что такой образъ дѣйствій долженъ вызвать неудовольствіе среди гереро и что это неудовольствіе будетъ

все усиливаться, пока не наступитъ моментъ для открытаго возстанія. Этотъ моментъ, очевидно, теперь наступилъ.

Одинъ изъ знатоковъ страны, прожившій около 30 лѣтъ среди гереро, указываетъ, между прочимъ, въ «Frankfurt. Zeit.» еще на одну причину волненій: на плохой подборъ колонистовъ. Тутъ повторилась та же исторія, что и во многихъ другихъ европейскихъ колоніяхъ Африки. Среди бѣлыхъ колонистовъ встрѣчается особенно много совершенно ненадежныхъ элементовъ, часто возбуждающихъ своимъ поведеніемъ не только негодованіе, но и презрѣніе туземцевъ. Къ тому же и мѣстныя колоніальныя власти часто оказывались не на высотѣ и своимъ неумѣлымъ, безтактнымъ и часто жестокимъ обращеніемъ съ туземцами возбуждали этихъ послѣднихъ противъ себя и противъ всѣхъ бѣлыхъ колонистовъ. Одному изъ такихъ начальниковъ туземцы даже дали прозвище «кнута» (Peitsche) и на совѣсти этого послѣдняго лежитъ много беззаконныхъ поступковъ. Затѣмъ этотъ нѣмецъ, прожившій столько лѣтъ въ колоніи и хорошо знакомый съ туземнымъ населеніемъ, отрицаетъ общепринятое мнѣніе, будто гереро—не что иное, какъ никуда не годный сбродъ лѣнтяевъ. Прежде они каждый кусокъ хорошей земли засѣвали пшеницей и разводили сады, но распространеніе спиртныхъ напитковъ, ввозимыхъ европейцами, пьянство и болѣзни оказали свое пагубное вліяніе, и туземцы забросили свое хозяйство, предавшись пороку. Отношенія между туземнымъ населеніемъ и европейцами давно уже настолько обострились, что возстаніе ни для кого изъ знающихъ положеніе дѣлъ въ колоніи не было сюрпризомъ,—ни для кого, кромѣ центральнаго управленія въ Берлинѣ, гдѣ, повидимому, были очень мало освѣдомлены насчетъ истиннаго положенія дѣлъ. Ненависть накоплялась давно, и если до сихъ поръ не произошло взрыва, то это всецѣло слѣдуетъ приписать, по мнѣнію знающихъ людей, примирительному вліянію миссіонеровъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ авторовъ, обсуждая колоніальный вопросъ, указываетъ между прочимъ, на странное явленіе, которое постоянно наблюдается, а именно: на измѣненіе характера европейцевъ подъ вліяніемъ климата и обстановки. Особенно рѣзко бросается въ глаза необыкновенная жестокость, которая вдругъ обнаруживается у европейцевъ, никогда не проявлявшихъ прежде такой черты въ своемъ характерѣ. Благодаря ей, европеецъ не только уподобляется дикарю, но даже иногда превосходитъ его. Въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о цивилизующемъ вліяніи европейца, культура котораго словно растворяется подъ вліяніемъ жгучихъ лучей тропическаго солнца.

Экспедиціонному отряду, посланному въ колонію, не удалось еще возстановить тамъ спокойствіе. Около Виндгука, административнаго центра колоніи, находящагося въ семидесяти миляхъ отъ берега, внутри страны, постоянно происходятъ стычки съ туземцами, но объ открытой, правильной войнѣ не можетъ быть и рѣчи. Гереро нападаютъ изъ-за засады, подстерегаютъ и убиваютъ европейцевъ, гдѣ только могутъ. Участь многихъ колонистовъ, находящихся на фермахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и лежащихъ внутри страны, возбуждаетъ большія опасенія; многіе изъ нихъ, вѣроятно, погибли.

Парламентскіе выборы въ Англіи. Составъ британскаго парламента долженъ мѣняться каждые семь лѣтъ, но еще ни одинъ изъ парламентовъ не дожилъ до этого законнаго срока, и всѣ были распущены раньше. Въ общемъ, каждый парламентъ существуетъ не болѣе пяти лѣтъ, а за послѣдніе 60 лѣтъ этотъ срокъ еще сократился. По всей вѣроятности, и теперешній парламентъ, избранный въ 1900 году, не достигнетъ до срока, и такъ какъ во всякое время могутъ быть объявлены новые выборы, то англійскія партіи должны быть постоянно наготовѣ. Даже лѣтомъ, когда наступаютъ парламентскія вакаціи, тѣ изъ членовъ парламента, которые руководятъ партіями, не прекращаютъ своей дѣятельности. Особенно много имъ работы выпадаетъ въ августѣ, когда вездѣ, на церковныхъ дверяхъ, на стѣнахъ ратуши и т. д., вывѣшиваются списки избирателей и каждый, намѣревающійся воспользоваться своимъ правомъ голоса, можетъ удостовѣриться въ томъ, находится ли его имя въ спискѣ. Руководители партій особенно зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы имена ихъ приверженцевъ не были выключены изъ списковъ. Тогда-то и начинается усиленная агитація. Окончательные списки опубликовываются только послѣ 20-го августа и оспаривать ихъ уже нельзя. Еслибъ даже въ нихъ заключались ошибки, то и тогда нельзя все-таки поправлять ихъ, хотя бы онѣ и являлись нарушеніемъ закона. Такъ, напр., женщины не обладаютъ еще парламентскимъ избирательнымъ правомъ въ Англіи, но случается, что нарочно или нечаянно имена женщинъ-избирательницъ выставляются въ спискахъ, и если никто не сдѣлаетъ противъ этого возраженій, то женщины могутъ идти и выбирать. Во время послѣднихъ выборовъ, въ 1900 году, былъ даже такой случай: двѣ женщины попали въ избирательныя списки и, воспользовавшись ошибкой, подали свои голоса вмѣстѣ съ прочими избирателями. Одна изъ нихъ подала голосъ за консервативнаго кандидата. Иногда такія ошибки дѣлаются нарочно, когда партія хочетъ заручиться лишнимъ голосомъ на выборахъ. Въ Бермондесѣ попалъ въ списки даже четырнадцатилѣтній мальчикъ, и такъ какъ окончательный списокъ оспаривать нельзя, то мальчикъ былъ приведенъ и его заставили выбирать.

Настоящая политическая жизнь и дѣятельность партій въ Англіи начинается собственно тогда, когда объявлено распущеніе парламента и выборы должны произойти въ самомъ скоромъ времени. Кандидаты партій и тѣ, которые помогаютъ имъ, заняты бываютъ по горло. Прежде всего они должны позаботиться о деньгахъ для покрытія издержекъ по операціи и о хорошихъ и опытныхъ выборныхъ агентахъ. Закономъ 1883 года ограничены издержки кандидатовъ и для округовъ въ 2.000 избирателей онѣ опредѣлены въ 650 фунтовъ, на каждую же лишнюю тысячу избирателей это число возрастаетъ на 60 ф. Кромѣ того, кандидатамъ еще надо имѣть довольно крупную сумму, для уплаты выборнымъ агентамъ. Эти послѣдніе имѣютъ очень большое значеніе на выборахъ и поэтому первая забота кандидата должна заключаться въ томъ, чтобы найти подходящаго агента, который является повѣреннымъ въ дѣлахъ и представителемъ кандидата. Ничто во время выборовъ, не можетъ быть предпринято безъ его согласія. Дѣятельность агента,

однако, весьма разносторонняя и вся организація избирательной кампаніи въ пользу кандидата, лежитъ въ его рукахъ. Этотъ агентъ беретъ себѣ помощниковъ разсылаетъ ихъ по разнымъ мѣстамъ своего избирательнаго округа, ведетъ переговоры съ избирательнымъ комитетомъ, устраиваетъ цѣлый рядъ избирательныхъ собраній и заботится объ ораторахъ. Но главное онъ долженъ всегда во-время опредѣлить, нужно или нѣтъ личное присутствіе кандидата на собраніи; онъ долженъ позаботиться о распространеніи избирательныхъ брошюръ, памфлетовъ и т. д., однимъ словомъ, онъ не долженъ упускать ни одного способа воздѣйствовать на избирателей, но долженъ при этомъ строго соблюдать законность, для того чтобы не вовлечь кандидата въ какую-нибудь непріятность.

Однако и кандидату не приходится сидѣть сложа руки, въ то время какъ агентъ разъѣзжаетъ по округу и хлопочетъ за него. Одни посѣщенія избирателей чего-нибудь да стоятъ! Гладстонъ, напр., выступивъ впервые кандидатомъ въ 1832 году, не только лично посѣтилъ каждаго изъ 2.000 избирателей своего округа, но у каждаго побывалъ въ домѣ пять разъ, чтобы заручиться голосами тѣхъ, кто пользовался избирательнымъ правомъ и вліяніемъ тѣхъ, кто въ выборахъ не участвовалъ. Такимъ образомъ Гладстонъ сдѣлалъ тогда не болѣе, не менѣе, какъ 10.000 избирательныхъ визитовъ. Теперь, впрочемъ, этотъ обычай посѣщенія избирателей уже оставленъ, и кандидатъ ограничивается тѣмъ, что издаетъ свою программу — избирательный манифестъ, въ которомъ излагаетъ свои политическіе взгляды и распространяетъ эту программу во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Послѣ этого, онъ уже самолично старается пріобрѣсти популярность въ своемъ округѣ. Онъ долженъ вездѣ показываться, произносить безчисленное множество рѣчей, стоять на одинаково дружеской ногѣ съ высшими и низшими и быть готовымъ во всякое время принимать интервьюеровъ и вообще находиться въ распоряженіи мѣстной печати. Кромѣ того, онъ долженъ отвѣчать съ величайшей аккуратностью на всѣ письма, получаемыя имъ изъ круга избирателей и выказывать большой интересъ ко всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ, а также къ тому роду спорта, который предпочитаютъ его избиратели. Въ то время какъ онъ переѣзжаетъ съ одного мѣста на другое, его друзья заботятся о томъ, чтобы благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на округъ, не испарилось, и вездѣ вывѣшиваются его портреты, напоминающіе о немъ избирателямъ. При благопріятной погодѣ избирательныя собранія устраиваются на открытомъ воздухѣ и для произнесенія рѣчей приглашаются наиболѣе популярные члены партіи. Во всемъ округѣ царитъ большое оживленіе; на площадяхъ, въ паркахъ и другихъ мѣстахъ устраиваются трибуны для ораторовъ, причемъ иногда такою трибуной служитъ даже простая телѣга. По домамъ расхаживаютъ люди; это такъ называемые—собиратели голосовъ, выполняющіе ту обязанность, которую прежде самолично исполнялъ кандидатъ, вербовавшій для себя голоса.

Женщины играютъ довольно важную роль на всѣхъ парламентскихъ выборахъ въ Англіи. Въ особенности же онѣ бываютъ полезны кандидатамъ въ качествѣ собирателей голосовъ или избирательныхъ агентовъ. Нѣкоторыя

избранія являются исключительно дѣломъ рукъ женщинъ. Такъ, напр., леди Сомерсетъ въ 1900 году произнесла въ избирательномъ собраніи рѣчь за своего сына, который еще не вернулся изъ колоній. Личное присутствіе кандидатовъ вовсе не представляетъ безусловной необходимости, и жены зачастую руководятъ избирательною кампаніей за своихъ мужей, находящихся въ это время гдѣ-нибудь въ Африкѣ, Индіи или другихъ мѣстахъ.

Но вотъ наступаетъ день генеральнаго сраженія. Вѣрные своему дѣлу граждане отправляются къ избирательнымъ урнамъ, и съ 8-ми утра до 8-ми вечера не прекращается движеніе. Англичанинъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ воздерживается отъ подачи голоса и только на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ въ 1900 году, извѣстныхъ подъ именемъ «Khaki election» (khaki — матерія, изъ которой дѣлаются мундиры колоніальныхъ войскъ), много избирателей изъ убѣжденія не подавали голоса на выборахъ, не сочувствуя направленію англійской политики. Избраніе въ парламентъ считается величайшею честью въ Англію, и каждый депутатъ, имѣющій право поставить подъ своимъ именемъ на своей карточкѣ буквы: «M. P.» (Member of Parliament), очень гордится этимъ.

Если теперь произойдутъ парламентскіе выборы, къ которымъ англійскіе избиратели уже начинаютъ готовиться довольно усиленно, то они представятъ особенно выдающійся интересъ, такъ какъ на нихъ должна будетъ рѣшиться судьба всей фискальной политики Чэмберлена. По увѣренію нѣкоторыхъ газетъ звѣзда бывшаго министра колоній уже начала меркнуть. Чэмберленъ не только наткнулся на сопротивленіе либеральной партіи, сплотившейся для этой цѣли, но встрѣтилъ оппозицію и въ нѣдрахъ собственной партіи, среди либералъ-уніонистовъ, среди молодыхъ консерваторовъ и среди многихъ финансовыхъ авторитетовъ, отвергающихъ его выводы.

Политическія партіи въ южной Африкѣ. Выдающееся событіе въ южной Африкѣ составляютъ въ настоящее время выборы въ законодательное собраніе (Legislative Assembly) Капской колоніи, такъ какъ отъ результата этихъ выборовъ зависитъ вся будущность южной Африки. Побѣда такъ называемой «прогрессивной партіи» была бы равносильна окончательной передачѣ Капской колоніи въ руки группы крупныхъ капиталистовъ, которые уже теперь управляютъ Трансваалемъ и Родезіей и всѣми способами стараются подчинить себѣ голландское африкандерское населеніе. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ Капской колоніи было только двѣ партіи: прогрессивная и африкандерская. Къ первой принадлежали всѣ джинго и капиталисты, стремящіеся утвердить господство «Union Jack» въ южной Африкѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и господство англійской націи. Это та самая партія, главою которой былъ Сесиль Родсъ и которая организовала набѣгъ Джемсона и вызвала бурскую войну. Теперь эта партія господствуетъ въ Іоганнесбургѣ, Кимберлеѣ и Булувайо и глава ея тотъ самый докторъ Джемсонъ, другъ Родса, который нѣкогда былъ приговоренъ трансваальскимъ судомъ къ висилицѣ, затѣмъ помилованъ президентомъ Крюгеромъ, подъ условіемъ никогда больше не вмѣшиваться въ южно-

африканскую политику, и, наконецъ, посаженъ въ тюрьму въ Лондонѣ, по приговору суда, за свое покушеніе на спокойствіе иностраннаго государства. Отбывъ наказаніе, Джемсонъ вернулся въ южную Африку, но уже не игралъ никакой активной роли, оставаясь при своемъ другѣ Сесилѣ Родсѣ до самой его смерти. Теперь Джемсонъ снова выступаетъ на сцену, сдѣлавшись послѣ смерти Родса главою прогрессивной партіи. Эта партія недавно опубликовала свой политическій манифестъ, главные пункты котораго слѣдующіе: 1) главенство Великобританіи и преобладаніе англійскихъ идей и идеаловъ въ южной Африкѣ; 2) дешевый трудъ; 3) централизація народнаго образованія въ рукахъ правительства и исключеніе вліянія церкви; 4) равноправіе всѣхъ цивилизованныхъ людей въ южной Африкѣ, безъ различія національности, вѣры и цвѣта кожи; 5) государственная помощь иммигрантамъ, съ цѣлью заселенія страны англичанами. Тенденція такой политики партіи вполнѣ опредѣленна и не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Программа же африкандерской партіи прямо противоположна программѣ прогрессистовъ. Эта партія состоитъ не только изъ однихъ членовъ африкандерскаго союза и изъ голландцевъ, но къ ней принадлежатъ и англичане, большею частью либералы, не раздѣляющіе политическихъ взглядовъ джинго. Лозунгъ этой партіи: «Африка для африканцевъ», и интересы Великобританіи имѣютъ для нея лишь второстепенное значеніе. Мощь южной Африки они полагаютъ не въ ея минеральныхъ богатствахъ, которымъ придаютъ лишь преходящее значеніе, а въ развитіи ея сельскаго хозяйства и скотоводства. Поэтому африкандерская партія требуетъ, чтобы правительство оказывало самую широкую помощь фермерамъ, въ особенности же во всемъ, что касается устройства орошенія, такъ какъ недостатокъ воды составляетъ главное зло, отъ котораго страдаетъ страна. Далѣе партія требуетъ введенія покровительственной пошлины для всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и т. п., а въ вопросахъ народнаго образованія какъ разъ придерживается противоположной точки зрѣнія, т.-е. стремится не къ централизаціи образованія въ рукахъ правительства, а къ расширенію правъ мѣстныхъ школьныхъ властей.

Къ обѣимъ этимъ партіямъ присоединилась теперь третья—рабочая партія, не носящая, однако, соціалистическаго характера, какъ рабочія партіи въ другихъ странахъ, и очень умѣренная въ своихъ требованіяхъ. Она добивается, главнымъ образомъ, удешевленія жизненныхъ припасовъ и квартирной платы и соотвѣтствующаго вознагражденія за трудъ, такъ какъ въ южной Африкѣ жизнь очень дорога, а заработная плата все таки относительно низка и не устанавливается никакими правилами.

Четвертая южно-африканская партія называется «партіей независимости», но въ сущности не имѣетъ никакой опредѣленной программы. Въ ея рядахъ находится Шрейнеръ, бывшій первымъ министромъ Капской колоніи въ 1899 и 1900 гг. Но онъ скорѣе философъ-политикъ, нежели практическій политикъ, и потому, несмотря на всѣ свои высокія качества ума и образованія, не можетъ быть настоящимъ вождемъ партіи, обезпечивающимъ ея успѣхъ.

Вслѣдствіе своей мощной организаціи прогрессивная партія имѣла больше

всего шансовъ на успѣхъ, что и оправдалось на дѣлѣ, такъ что теперь первымъ министромъ колоніи будетъ знаменитый Джемсонъ и имперіалистская политика получитъ въ южной Африкѣ дальнѣйшее развитіе.

Одинъ нѣмецкій журналистъ, долго жившій въ южной Африкѣ и лично знавшій Джемсона, дѣлаетъ слѣдующую характеристику новаго перваго министра Капской колоніи: «При первомъ взглядѣ, Джемсона легко принять за фанфарона, но это впечатлѣніе исчезаетъ при ближайшемъ знакомствѣ, и тогда открывается, что подъ этою непріятною оболочкой скрывается хорошее зерно. Джемсонъ одинъ изъ немногихъ образованныхъ людей, отправившихся въ южную Африку искать счастья. Ему было 24 года, когда онъ въ 1877 году получилъ дипломъ доктора медицины въ лондонскомъ университетѣ и быстро пріобрѣлъ репутацію искуснаго хирурга, такъ что ему пророчили блестящую медицинскую карьеру, но его безпокойная натура, не выносящая никакихъ тѣсныхъ рамокъ, заставила его скоро покинуть Англію и отказаться отъ предстоящей ему карьеры. Онъ уѣхалъ въ Капъ, гдѣ ему было больше простора и скоро пристроился, въ качествѣ врача, при бриллiантовыхъ копяхъ въ Кимберлеѣ. Тамъ то онъ и познакомился съ Сесилемъ Родсомъ, который долженъ былъ имѣть такое большее вліяніе на его жизнь. Родсу, впрочемъ, Джемсонъ сначала не понравился и онъ оцѣнилъ его какъ слѣдуетъ лишь послѣ того, какъ въ Кимберлеѣ возникла эпидемія. До сихъ поръ еще нѣкоторые изъ южно-африканцевъ помнятъ это время и воздаютъ должное Джемсону, который спасъ много человѣческихъ жизней. Съ этого времени Родсъ и Джемсонъ стали друзьями и Родсъ болѣе не упускалъ изъ вида Джемсона. Настоящая совмѣстная дѣятельность началась у нихъ, впрочемъ, лишь съ основанія «Chartered Company». Джемсонъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ помощникомъ Родса во всѣхъ его дѣлахъ и экспедиціяхъ, но зачастую его пылкій, необузданный темпераментъ вредилъ планамъ Родса. Въ 1891 году Джемсонъ былъ сдѣланъ администраторомъ Родезіи и въ качествѣ такового устроилъ свой знаменитый набѣгъ, за который ему пришлось поплатиться десятимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Когда онъ вернулся послѣ этого въ Капъ, то не искалъ случая снова вступить въ сношенія съ Родсомъ, но тотъ самъ, первый, пошелъ къ нему на встрѣчу и предложилъ ему мѣсто личнаго секретаря и довѣреннаго при своей особѣ. Джемсонъ согласился, и тогда, какъ онъ самъ выражался потомъ, «наступило самое счастливое время его жизни». Онъ поклонялся Родсу, котораго считалъ геніальнымъ, и ничто не могло ему доставить большаго наслажденія, какъ совмѣстная работа съ этимъ человѣкомъ и посвященіе въ широкіе планы «капскаго Наполеона».

«Несмотря на то, что Джемсонъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ богатѣйшими людьми міра и могъ извлечь большія матеріальныя выгоды изъ этого, также какъ изъ своего положенія довѣреннаго Родса, онъ остался бѣденъ, какъ «церковная мышь». Потребности у него очень скромныя и среди міра, поклоняющагося Маммону, онъ одинъ презиралъ такъ называемое «money making», вслѣдствіе чего весьма часто находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. На себя онъ смотритъ, какъ на политическаго наслѣдника Родса, планы котораго

онъ призванъ осуществить. По смерти Родса онъ сдѣланъ былъ директоромъ компаніи «De Beers» и «Chartered Company», но всѣ свои доходы употребилъ на политическую агитацію. Его избраніе первымъ министромъ должно еще усилить расовую вражду въ южной Африкѣ и привести или къ побѣдѣ чэмберленовской южно-африканской политики, или же къ очень опасному фіаско. Во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ теперь очень серьезно».

Эли Реклю. Французская наука понесла потерю въ лицѣ Эли Реклю, профессора этнографіи въ брюссельскомъ свободномъ университетѣ. Эли Реклю никогда не разставался со своимъ братомъ Элизе Реклю, который занимаетъ каѳедру сравнительной географіи въ томъ же самомъ университетѣ.

Семидесятисемилѣтній Эли Реклю былъ старшимъ въ родѣ и вполнѣ раздѣлялъ политическіе и соціальные взгляды своихъ братьевъ Элизе и Поля. Отецъ Реклю былъ протестантскимъ пасторомъ и желалъ, чтобы старшій сынъ пошелъ по его стопамъ. Эли изучалъ богословіе въ Моншанбанѣ, но не чувствуя призванія къ духовному званію, отправился потомъ путешествовать и изучилъ нѣсколько языковъ. Послѣ переворота 1851 года ему пришлось эмигрировать. Эли было тогда 24 года. Онъ поселился въ Лондонѣ и защищалъ кооперативную систему.

Разумѣется у обоихъ братьевъ было много друзей. Восемь лѣтъ, предшествовавшихъ паденію имперіи, они провели въ Парижѣ, и Эли много помогалъ своими совѣтами и идеями брату, который уже пріобрѣлъ извѣстность. Когда вспыхнула война, Элизе отправился въ полкъ, и Эли былъ очень огорченъ, что не могъ послѣдовать за нимъ, но у него была повреждена правая рука во время одной горной экскурсіи и поэтому онъ не годился для военной службы. Во время коммуны Эли былъ назначенъ директоромъ національной библіотеки, и благодаря ему эта драгоцѣнная коллекція книгъ осталась неприкосновенной, но послѣ коммуны ему пришлось бѣжать и онъ эмигрировалъ въ Цюрихъ, гдѣ поселился недалеко отъ своего брата Элизе. Когда объявлена была амнистія, оба брата вернулись въ Парижъ. Элизе продолжалъ свои географическія работы и искалъ и находилъ издателей для своихъ сочиненій, но Эли ни за что не соглашался вступать въ какія-либо переговоры и поэтому только два тома его изслѣдованія первобытныхъ народовъ «Les primitifs» были изданы и то лишь благодаря хлопотамъ его сына, профессора, Поля Реклю. Эли ни сколько не заботился о деньгахъ и не зналъ тревоги о завтрашнемъ днѣ, всегда отдавая то, что у него было, нуждающимся. Онъ былъ воплощеніемъ честности и доброты и поражалъ дѣтскою чистотою души, привлекавшею къ нему всѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ сношенія.

Французскія газеты говорятъ, что послѣ него осталось много цѣнныхъ, не публикованныхъ имъ документовъ по исторіи происхожденія религій и исторіи хлѣба отъ самой первобытной эпохи существованія міра до нашего времени.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Патріотизмъ и гуманность.—Характеристика Канта. Моммзенъ о Императорѣ Вильгельмѣ.

«La Revue» помѣщаетъ продолженіе своей «enquête» по вопросу о патріотизмѣ и любви къ человѣчеству. На этотъ разъ журналъ сообщаетъ мнѣніе политиковъ, ученыхъ и публицистовъ, французскихъ и иностранныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно: Шарль Рише, Морисъ Бушаръ, Анатоль Франсъ, Урбенъ Гойе, Маньо, Фурньеръ, Наке, Ломброзо, Новиковъ и Вандервельде мечтаютъ о европейской федераціи. Большинство писателей и ученыхъ и большинство политиковъ полагаютъ, что любовь къ человѣчеству и патріотизмъ не исключаютъ другъ друга, и только ярые націоналисты, такіе, какъ Деруледъ и Эдмонъ Лепеллетье, а также консерваторъ Денисъ Кошенъ, проповѣдуютъ непримиримый патріотизмъ, который находится въ прямой оппозиціи съ идеей всеобщаго братства. Дюкло, Мирбо, Элизе Реклю, Метерлинкъ идутъ даже дальше идеи европейской федераціи и стремятся къ полному сліянію народовъ и радикальной отмѣнѣ всѣхъ границъ. Изъ иностранцевъ, къ которымъ обращался французскій журналъ, Домела Ньювенгуисъ, голландскій соціалистъ, и Энрико Ферри, итальянскій профессоръ и соціалистскій депутатъ, одинаково находятъ, что патріотизмъ, такъ, какъ его понимаютъ обыкновенно, наноситъ прямой ущербъ гуманитарнымъ идеямъ. Это узкій патріотизмъ, культивируемый правительствами въ школахъ и печати, который всегда приводитъ къ войнѣ и къ конфликту между націями. Выше патріотизма—любовь къ человѣчеству, та любовь, которая заставляетъ трудиться для прогресса человѣчества и свободна отъ такихъ старыхъ предразсудковъ, какимъ является патріотизмъ во многихъ случаяхъ. Писатель Максъ Нордау, осуждая агрессивный шовинизмъ, который часто замѣняетъ истинный патріотизмъ, говоритъ, что патріотизмъ долженъ служить конкретнымъ выраженіемъ человѣческой солидарности. Знаменитый германскій ученый, профессоръ іенскаго университета Эрнстъ Геккель, находитъ, что патріотизмъ и «интернаціонализмъ» должны играть такую же роль въ жизни народовъ, какъ альтруизмъ и эгоизмъ въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ. Оба эти чувства вполнѣ естественны и законны, но необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соблюдать равновѣсіе между ихъ противоположными стремленіями.

Англичанинъ сэръ Чарльзъ Дилькъ, извѣстный политикъ, бывшій статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ въ министерствѣ Гладстона, прислалъ очень короткій отвѣтъ: «Ни одинъ англичанинъ не умѣетъ писать о какомъ-нибудь абстрактномъ вопросѣ. Мы всѣ вообще невосприимчивы къ общимъ идеямъ».

Моммзенъ, незадолго до своей смерти, написалъ слѣдующій отвѣтъ журналу: «Человѣчество не можетъ обходиться ни безъ патріотизма, ни безъ интер-

національнизма (простите за выраженіе), и, чтобы установить границы между обоими, надо быть или богомъ, или дьяволомъ, а такъ какъ я ни то, ни другое, то и воздерживаюсь. Притомъ же вдаваться въ подробности такого щекотливаго вопроса, когда онъ дебатируется международно, по моему рискованно. Для сохраненія добраго согласія, надо оставаться въ предѣлахъ общихъ идей».

Въ журналѣ напечатанъ также и отвѣтъ покойнаго Н. К. Михайловскаго, который указываетъ на различіе понятій о патріотизмѣ. Патріотизмъ, по его мнѣнію, можетъ заключаться въ стремленіи къ осуществленію въ своей странѣ гуманитарнаго идеала... Но теперь, когда только что кончилась англо-бурская война, когда въ Македоніи происходитъ возстаніе и мы оказываемся чуть-ли не наканунѣ ужасныхъ гекатомбъ, которыя намъ угрожаютъ на Дальнемъ Востокѣ, было бы нелѣпо вѣрить въ торжество справедливости, несмотря на горячія стремленія къ этому всѣхъ избранныхъ душъ. Еще недавно такіе мыслители, какъ Спенсеръ, полагали, что промышленная дѣятельность, мирная по существу, положитъ конецъ войнѣ. Это ошибка: развитіе капиталистической промышленности вызвало поиски за новыми рынками и жаркую борьбу изъ-за нихъ. Кровь снова проливается обильнымъ образомъ и на ряду съ движеніемъ мирныхъ идей прогрессируетъ и международная ненависть; поэтому только полная ликвидація существующей соціальной организаціи могла бы положить конецъ ужасному состоянію міра.

«Deutsche Rundschau» помѣщаетъ характеристику Канта, какъ человѣка, на основаніи біографическихъ данныхъ и разсказовъ его современниковъ, а также замѣчаній, высказанныхъ самимъ Кантомъ. Знаменитый нѣмецкій философъ, какъ оказывается, знакомъ былъ только съ очень маленькимъ уголкомъ вселенной. Онъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы своей родной провинціи, хотя первый настаивалъ на введеніи преподаванія физической географіи въ программу школъ. Море онъ видѣлъ только въ Пиллау, но никогда не видалъ горъ, долинъ, скалъ, овраговъ, вулканы, ледники, океанъ, острова и синее южное небо. Яркія краски тропическихъ странъ ему были совсѣмъ незнакомы. Между тѣмъ, силою своего воображенія онъ воспроизводилъ всю эту красоту и могъ наслаждаться ею, запечатлѣвая ее въ своей феноменальной памяти. Если онъ читалъ какое-нибудь описаніе природы, то получалъ при этомъ такое ясное и яркое представленіе, что оно принимало для него совершенно конкретную форму. Въ памяти его сохранялись всѣ самыя мельчайшія детали, такъ что однажды, разговаривая съ однимъ англичаниномъ, онъ столь подробно описалъ ему Вестминстерскій мостъ, что тотъ былъ удивленъ и спросилъ Канта, сколько лѣтъ онъ былъ въ Лондонѣ и не была ли архитектура его спеціальностью?

Главнымъ наслажденіемъ Канта было чтеніе. Онъ читалъ ужасно много и даже нарочно поселился у самой библіотеки, чтобы быть поближе къ источнику всѣхъ своихъ работъ. Когда онъ писалъ, то возлѣ него всегда лежала какая-нибудь новая книга, которую онъ перелистывалъ отъ времени до вре-

мени, чтобы дать отдыхъ уму. У него было особенное пристрастіе къ оригинальнымъ и даже нѣсколько парадоксальнымъ писателямъ. Его умъ требовалъ постоянно новой пищи, потребной ему для созданія новыхъ мыслей и выходящей за предѣлы обычной сферы. Кантъ любилъ также поговорить, но тщательно избѣгалъ въ разговорѣ философскихъ темъ. Въ числѣ близкихъ ему людей находились два коммерсанта, уроженцы Англіи, и много другихъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ міромъ ученыхъ. Онъ отлично умѣлъ обходиться съ людьми и становиться на ихъ точку зрѣнія, и всѣ его біографы признаютъ, что онъ всегда умѣлъ найти подходящій тонъ въ разговорѣ съ высшими и низшими. Его словамъ придавали даже большее значеніе, нежели клятвамъ другихъ лицъ. Искренность, точность и абсолютная вѣрность во всемъ, даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ, была для него основою и фундаментомъ всѣхъ соціальныхъ сношеній. Кантъ совершенно былъ лишенъ эмотивности и съ презрѣніемъ относился къ импульсамъ, которые увлекаютъ людей. Самъ онъ никогда ихъ не испытывалъ и признавалъ только одинъ родъ энтузіазма, тотъ который возбуждаютъ въ человѣкѣ идеи и въ особенности идея свободы, представляющую истинное величіе человѣка. Чувство простой человѣческой любви было ему совсѣмъ незнакомо. Онъ любилъ своихъ родителей, когда былъ ребенкомъ, а затѣмъ въ старости любилъ своего вѣрнаго друга и совѣтника Вельянскаго и въ обоихъ этихъ случаяхъ любовь была вызвана глубокимъ чувствомъ благодарности за заботы и жертвы, которыя приносились ему. Въ молодости онъ даже совсѣмъ не признавалъ дружбы, считая ее химерой, и только къ старости сознался Вельянскому, что измѣнилъ свое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Отношенія его къ другимъ людямъ были чисто интеллектуальныя, хотя онъ и выказывалъ себя порою доброжелательнымъ другомъ, готовымъ придти на помощь, оказать поддержку, гдѣ она нужна, но это не вытекало у него изъ сердца, а обусловливалось чувствомъ общаго благоволенія къ человѣчеству и въ частности къ людямъ, которымъ онъ былъ благодаренъ за доставленные ему пріятные часы.

Кантъ былъ въ высшей степени общественнымъ человѣкомъ и самое большое матеріальное удовольствіе доставлялъ ему хорошій обѣдъ въ хорошемъ обществѣ, но и то, и другое должно было быть избраннымъ. Про него даже въ шутку говорили, что онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ написать критику кулинарнаго искусства, какъ и критику чистаго разума. Кантъ, впрочемъ, всегда находилъ, что женщина прежде всего должна быть хорошею хозяйкой. и его идеалъ брачной жизни былъ самый буржуазный. Онъ часто высказывался въ пользу браковъ по разсчету и служилъ посредникомъ для своихъ пріятелей въ матримоніальныхъ дѣлахъ. Два раза онъ самъ серьезно подумывалъ жениться, но, поразмысливъ, отказался отъ этого намѣренія. Страстная любовь, готовая на всѣ жертвы, была ему неизвѣстна и казалась ему не только противной разуму но и недостойной человѣка. Музыки онъ не любилъ; онъ находилъ, что она разслабляетъ человѣка и всегда оттоваривалъ своихъ послѣдователей заниматься музыкой; говоря, что она отнимаетъ слишкомъ много времени и отвлекаетъ ихъ отъ серьезныхъ занятій. Онъ былъ

совершенно лишенъ чувства красоты; весна, цвѣты, ихъ ароматъ все это оставляло его совершенно равнодушнымъ. Онъ говорилъ Вельянскому: «вѣдь это повторяется ежегодно и всегда одно и то же»; у него не было также потребности окружать себя красивыми вещами со вкусомъ меблировать и украшать свои комнаты, а между тѣмъ онъ, благодаря своему уму и силѣ своихъ разсужденій, сдѣлался отцомъ нѣмецкой эстетики.

Одинъ изъ сотрудниковъ англійскаго журнала «Truth» передаетъ свой разговоръ съ покойныхъ нѣмецкимъ историкомъ Моммзеномъ объ императорѣ Вильгельмѣ. Старикъ Моммзенъ, конечно, расхваливалъ характеръ Вильгельма II и превозносилъ его качества, но при этомъ сказалъ, что у Вильгельма нѣтъ ровно никакихъ военныхъ талантовъ. «Онъ самъ это знаетъ,—прибавилъ старый профессоръ,—и поэтому, пока онъ живъ, Германія будетъ избѣгать войны. Въ другихъ же отношеніяхъ императоръ Вильгельмъ очень способный человѣкъ, умный и добрый. Правда, онъ любитъ разыгрывать тирана, и надо полагать, что чѣмъ дальше, тѣмъ онъ больше будетъ разыгрывать роль деспота, но это пустяки. Въ сущности, это такая же уловка, къ какой прибѣгаютъ дѣтскія няньки, которыя постоянно угрожаютъ наказаніемъ, но въ дѣйствительности никогда не наказываютъ. Худшій изъ недостатковъ императора, это его манія рубить прекрасныя деревья въ нашемъ Тиргартенѣ и замѣнять ихъ мертвымъ камнемъ. Я никогда не прощу ему нелѣпыхъ статуй аллеи побѣды!—воскликнулъ Моммзенъ.—Очень многіе берлинцы раздѣляютъ мой взглядъ въ этомъ отношеніи. У императора Вильгельма очень много общихъ чертъ съ его матерью, императрицею Викторіей. Со мною произошелъ такой случай: она захотѣла изучить римскую археологію и обратилась ко мнѣ. Но всякій разъ она мнѣ давала урокъ, а не я ей. Она дѣйствительно много знала, но еще больше говорила, и я рѣшительно не имѣлъ возможности вставить ни одного слова. Вотъ императоръ и наслѣдовалъ отъ своей матери свою удивительную способность говорить обо всемъ».

— «Ну, а какую роль играютъ женщины въ жизни императора Вильгельма?» спросилъ журналистъ.—Никакой.—отвѣчалъ Моммзенъ.—Императору некогда обращать на нихъ вниманіе. Онъ очень привязанъ къ императрицѣ и довѣряетъ ей свое семейное счастье. Но въ домашнемъ быту она дѣлаетъ все, что захочетъ. Со своими сыновьями императоръ очень строгъ, а свою единственную дочку очень балуетъ. Но онъ сожалѣетъ, что она не родилась или немного раньше, или немного позже. Онъ бы хотѣлъ обезпечить ей корону, но въ цѣлой Европѣ не найдется, теперь наслѣднаго принца соотвѣтствующаго возраста, котораго императоръ Вильгельмъ могъ бы просить въ мужья своей дочери».

ЖЕНЩИНЫ-ИЗБИРАТЕЛЬНИЦЫ ВЪ НОРВЕГІИ.

29-го мая 1901 г. въ Норвегіи вошелъ въ силу законъ, согласно которому норвежскія женщины, достигшія 25-ти-лѣтняго возраста и лично или сообща съ мужемъ владѣющія имуществомъ или доходомъ, съ котораго уплачиваютъ налоги не менѣе 400 (въ городахъ)—300 кронъ (въ деревняхъ) въ годъ, имѣютъ право голоса при коммунальныхъ выборахъ, а равно и сами могутъ быть избираемы въ качествѣ членовъ или должностныхъ лицъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Принятіе этого закона стортингомъ явилось сюрпризомъ для многихъ. Народное собраніе, несмотря на всѣ старанія и заманчивыя обѣщанія лѣвой партіи, всегда относилось къ этому такъ несочувственно, что норвежки уже отказались-было, до поры до времени, отъ надеждъ на расширеніе своихъ гражданскихъ правъ. Законъ *), вѣроятно, не прошелъ бы и на этотъ разъ, если бы не встрѣтилъ неожиданной поддержки правой, которая рѣшилась на это отчасти изъ чувства справедливости, отчасти въ видахъ противовѣса одновременно предложенному и принятому закону «всеобщаго голосованія», т.-е. закону, надѣлившему выборнымъ правомъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ и граждански-правоспособныхъ мужчинъ, безъ различія имущественнаго ценза.

Едва законъ былъ принятъ, всѣ партіи стали усиленно ухаживать за женщинами-избирательницами, признавая въ нихъ новую силу и стараясь переманить ее на свою сторону. Вожаки лѣвой партіи напоминали при этомъ женщинамъ, чѣмъ онѣ обязаны прогрессивной партіи, всегда стоявшей за права женщинъ. Правые же говорили красивыя слова о смягчающемъ, облагораживающемъ вліяніи женщинъ и о присущемъ женщинамъ «чувствѣ справедливости», безъ которыхъ, однако, обѣ партіи такъ долго отлично умѣли обходиться. И обѣ партіи сошлись въ сочувственномъ привѣтствіи «новому элементу» гражданской жизни.

Какъ скоро обнаружилось, нововведеніе не застало женщинъ-избирательницъ врасплохъ; напротивъ, онѣ успѣли настолько подготовиться къ своей новой роли, что могли-бы обойтись и безъ всякой указки со стороны вожаковъ партій, дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Такою подготовкой женская масса была обязана передовымъ женщинамъ писательницамъ и общественнымъ дѣятельницамъ. Эти послѣднія принялись за дѣло, какъ только законъ былъ принятъ, да времени и нельзя было терять, такъ какъ выборы предстояли ближайшею осенью.

---

*) Свѣдѣнія почерпнуты изъ отчета Кайи Гэльмунденъ, появившагося въ журналѣ „Det Ny Aarhundrede“.

Женскія общества, кружки и союзы—особенно въ столицѣ—немедленно начали созывать экстренныя засѣданія и устраивать публичныя лекціи для распространенія среди женщинъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній о ихъ новыхъ правахъ и проистекающихъ отсюда обязанностяхъ. Благодаря талантливымъ организаторшамъ засѣданій и лекцій, тѣ и другія возбудили сильнѣйшій интересъ къ вопросу даже среди такихъ женщихъ, которыя до тѣхъ поръ вообще держались въ сторонѣ отъ женскаго движенія.

Для передовыхъ, самостоятельно мыслящихъ женщинъ сразу было ясно, что если женщины хотятъ дѣйствительно явиться «новымъ элементомъ» въ гражданской жизни страны, то имъ прежде всего слѣдуетъ избѣгать всего того, что отзывается шаблономъ. Само собой, что проще всего было бы женщинамъ прямо примкнуть къ какой-нибудь изъ существующихъ хорошо дисциплинированныхъ партій, увеличить такимъ образомъ ея вліяніе и воспользоваться послѣднимъ для того, чтобы провести своихъ кандидатовъ. Но это значило бы заранѣе отказаться отъ самостоятельности, плестись въ чужомъ хвостѣ. И вотъ, въ Христіаніи, возникъ «союзъ женщинъ-избирательницъ», который и обратился ко всѣмъ норвежскимъ женщинамъ съ приглашеніемъ не связывать свободы своихъ взглядовъ и дѣйствій, не примыкать ни къ какой изъ политическихъ партій, но держаться собственнаго «анти-политическаго», «безпрограммнаго» способа выборовъ, при которомъ женщины подавали бы голоса за дѣльныхъ и честныхъ дѣятелей обоего пола, безъ различія ихъ политической окраски. Нѣсколько позже «союзомъ» былъ избранъ комитетъ изъ 20 лицъ для выработки списка такихъ кандидатовъ.

Дѣйствія «союза» возбудили тѣмъ большее вниманіе, что среди заправилъ и членовъ его находилось большинство извѣстныхъ норвежскихъ дѣятельницъ, которыя, по общему мнѣнію, могли считаться первыми кандидатками на выборныя должности при коммунахъ и которыхъ, въ видѣ приманки, добивались привлечь въ кандидатки своихъ списковъ вожаки различныхъ партій. Разъ ужъ приходилось допустить въ свою среду женщинъ, то каждой партіи избирателей хотѣлось заручиться наиболѣе извѣстными и вліятельными изъ нихъ. Поэтому выказанная этими женщинами самостоятельность пришлась очень не по вкусу мужчинамъ, и сразу сдѣлалась предметомъ нападокъ и насмѣшекъ со стороны партійныхъ органовъ печати, которые находили проектъ сліянія партій при коммунальныхъ выборахъ идеальнымъ, но не осуществимымъ.

«Союзъ», однако, не испугался насмѣшекъ и продолжалъ свое дѣло. На многолюдномъ собраніи, созванномъ «союзомъ», пользующаяся большою извѣстностью въ странѣ общественная дѣятельница фру Рагна Нильсенъ изложила въ замѣчательно ясной и убѣдительной формѣ profession de foi «союза». Прежде всего ораторша выяснила причину все увеличивающейся «программности» послѣдняго времени. Причина эта—стремленіе каждой партіи обезпечить себѣ преобладающее число голосовъ. Но если въ политической жизни страны партіи

и являются необходимостью, то въ коммунальной онѣ излишни. Тутъ совершенно незачѣмъ руководиться, напримѣръ, тѣмъ, какого мнѣнія данный кандидатъ держится по вопросу объ уніи (со Швеціей), а надо руководиться его дѣловитостью и освѣдомленностью по части вопросовъ и дѣлъ общественнаго самоуправленія. Городское благоустройство, санитарное дѣло, церковное и школьное и прежде всего экономическое процвѣтаніе общины—представляютъ одинаковый интересъ для плательщиковъ налоговъ, принадлежащихъ къ правой и лѣвой партіи. Женщины могутъ заинтересоваться въ коммунальномъ управленіи многимъ, что̀ мужчины оставляютъ безъ вниманія. Не мало также въ этой области вопросовъ спеціальнаго характера, которые могутъ быть лучше всего разрѣшены именно женщинами. Если же послѣднія уже въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности дадутъ себя поглотить давнымъ-давно выработаннымъ и замкнутымъ организаціямъ мужчинъ, самостоятельные женскіе взгляды на дѣло скоро совсѣмъ сотрутся и погибнутъ въ столкновеніи партійныхъ интересовъ. На этихъ основаніяхъ ораторша и призывала норвежскихъ женщинъ попробовать мыслить и выбирать самостоятельно, прежде чѣмъ примкнуть къ какой-либо партіи.

Въ противоположность фру Рагнѣ Нильсенъ, предсѣдательница «Провинціальнаго союза женщинъ-избирательницъ», супруга члена государственнаго совѣта, фру Квамъ, выступила съ рѣшительнымъ порицаніемъ новаго теченія. Члены «Провинціальнаго союза» приглашались всячески распространять среди женщинъ убѣжденіе, что единственный путь для нихъ достигнуть чего-нибудь—это примкнуть къ существующимъ партіямъ. Фру Квамъ при этомъ особенно напирала на то, что женщинамъ не достаетъ нужнаго опыта, да и денежныхъ средствъ для самостоятельной выборной агитаціи *).

Мысль объ устраненіи политики изъ коммунальныхъ выборовъ нашла, однако, сочувствіе и въ провинціи. Въ Бергенѣ, напримѣръ, какъ и въ Христіаніи, наиболѣе выдающіяся женщины отказались связывать свободу дѣйствій партійными программами.

Кромѣ живого слова, защитницы самостоятельности женщинъ-избирательницъ прибѣгли и къ печатному. Такъ, въ теченіе лѣта и осени въ издаваемомъ писательницею Гиной Крогъ журналѣ появился цѣлый рядъ статей, имѣвшихъ цѣлью разъяснить женщинамъ ихъ права и обязанности по новому закону. Статьи эти, впрочемъ, сослужили службу не однѣмъ женщинамъ. Послѣднія, обращаясь къ мужьямъ или другимъ мужчинамъ за разъясненіемъ того или другого пункта въ правахъ и обязанностяхъ избирателей, часто имѣли случаи убѣдиться, что ихъ учителя сами обрѣтались по этой части въ полномъ невѣдѣніи.

---

*) Оказалось, однако, что Христіанійскій „союзъ женщинъ-избирательницъ" сумѣлъ обойтись суммой, составившейся изъ микроскопическихъ членскихъ взносовъ и равнявшейся половинѣ той суммы, въ которую обошлась выборная агитація одной изъ крупныхъ политическихъ партій.

Наконецъ, для подготовки выборной агитаціи были организованы особыя справочныя бюро для женщинъ-избирательницъ.

По мѣрѣ того, какъ время выборовъ приближалось и обычная агитація партій усиливалась, учащались и нападки какъ на «женскій списокъ» Христіанійскаго союза избирательницъ, такъ и на лишенные политической окраски кандидатскіе списки вообще. Въ агитаціи противъ «женскаго» списка принимали горячее участіе и женщины, примкнувшія къ лѣвой или правой партіи, убѣдительно призывавшія всѣхъ остальныхъ женщинъ-избирательницъ подавать голоса непремѣнно за кандидатовъ ихъ партіи или въ крайнемъ случаѣ за кандидатовъ противной, только не поддерживать «безпрограммныхъ» и въ особенности женщинъ.

Комитетъ Христіанійскаго «союза женщинъ-избирательницъ», который, благодаря числу своихъ членовъ (20), получилъ двусмысленное прозвище «Tyvekomiteen» или «Tyvekvinderne» *), однако, покойно продолжалъ свою работу; не страшась предсказаній, что ему не удастся даже привлечь въ свой списокъ имени ни одного сколько-нибудь выдающагося кандидата изъ мужчинъ, не говоря уже о томъ, чтобы, вообще, провести хоть одного изъ своихъ кандидатовъ. Не поддался комитетъ и прямымъ предложеніямъ вожаковъ партій— доставить голоса кандидаткамъ комитета, если «Союзъ» пойдетъ на извѣстный компромиссъ съ другими союзами. «Союзъ женщинъ-избирательницъ» остался вѣренъ объявленному имъ съ самаго начала образу дѣйствій: «мы дѣйствуемъ во имя того, что считаемъ правильнымъ, и тѣмъ путемъ, который считаемъ правильнымъ; не хотимъ ни сами вести агитацію на политической подкладкѣ, ни входить въ соглашеніе съ политическими партіями. Если мы ничего не добьемся на этотъ разъ, начнемъ сызнова въ слѣдующій».

Несмотря на то, что комитетъ съ самаго же начала ясно объявилъ о томъ, «что считаетъ правильнымъ и чего имѣетъ въ виду достигнуть», газеты то и дѣло подымали его на смѣхъ, вопрошая, чего въ сущности «дамы» полагаютъ достичь своею «безпрограммной» программой. Прессѣ и удалось до извѣстной степени сбить публику съ толку относительно списка «союза». Нѣкоторые стали думать, что «комитетъ двадцати» выставляетъ кандидатуру однѣхъ женщинъ, другіе — что лицъ, совершенно безцвѣтныхъ, лишенныхъ всякихъ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Съ цѣлью разсѣять эти недоразумѣнія, предсѣдательница «союза женщинъ-избирательницъ», фрёкенъ Анна Гольсенъ прочла еще одну публичную лекцію, настолько ясную и убѣдительную, что даже самымъ ярымъ противникамъ «союза» оставалось только сознаться, что эти женщины знаютъ, чего хотятъ.

Послѣ опубликованія всѣхъ кандидатскихъ списковъ оказалось, что въ «женскихъ» спискахъ красуется цѣлый рядъ именъ извѣстныхъ и уважаемыхъ

---

*) „Tyve“ означаетъ и цифру двадцать, и множественное число отъ „Tyv“— воръ; такъ что выходитъ „комитетъ двадцати“ или „воровской комитетъ“, и „женщины-воровки“.

дѣятелей, между прочимъ, и такихъ, которыхъ тщетно старались привлечь къ кандидатурѣ политическія партіи. Кромѣ того, въ «женскихъ» спискахъ находились и имена лучшихъ представительницъ женщинъ. Партіи забили настоящую тревогу, и въ своемъ опасеніи лишиться голосовъ избирателей начали выдвигать тяжелую артиллерію. Въ дни, непосредственно предшествовавшіе выборамъ, и въ самый день ихъ въ газетахъ появились страстные призывы всѣмъ избирателямъ остерегаться такъ называемаго «антиполитическаго списка», этого «лютаго волка» (выраженіе газеты «Aftenposten»), причемъ газеты лѣвой партіи обзывали этотъ списокъ «презрѣннымъ прихвостнемъ» правыхъ, а газеты правой—«ничѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ спискомъ лѣвыхъ». Это помогло. При подачѣ голосовъ, изъ выставленныхъ въ женскомъ спискѣ прошли лишь двѣ, зато наилучшія представительницы самостоятельности женщинъ-избирательницъ, фру Рагна Нильсенъ и фрёкенъ Анна Гольсенъ, а кандидатками къ нимъ тоже двѣ изъ членовъ «союза». Изъ мужчинъ же кандидатовъ союза не прошелъ ни одинъ. Въ Тромсё вышло какъ разъ наоборотъ. Партія такъ называемыхъ «независимыхъ лѣвыхъ», заручившись содѣйствіемъ женщинъ при составленіи кандидатскаго списка, взяла да на выборахъ и вычеркнула всѣ имена женщинъ, такъ что прошли одни мужчины.

Такой пріемъ лѣвыхъ наблюдался, впрочемъ, при выборахъ по всей странѣ, что возбудило и удивленіе, и возмущеніе. Въ нѣкоторыхъ городахъ въ списки лѣвой партіи не попало ни одной женщины, хотя имѣвшіяся тамъ на лицо женщины-кандидатки удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ общественнымъ дѣятельницамъ.

При выборахъ 1901 г. за женщинами числилось свыше $^1/_3$ всего числа избирательныхъ голосовъ, или изъ 633.487 избирателей 231.164 были женщины, и изъ нихъ 18.971 личныхъ плательщицъ подоходнаго налога. Самое же участіе женщинъ въ выборахъ выразилось различно. Въ деревняхъ, гдѣ вообще ко всему новому относятся недовѣрчиво и осторожно, замѣчалось вообще мало интереса къ выборамъ, и изъ общаго числа женщинъ избирательницъ участвовало въ выборахъ среднимъ числомъ всего 9,4%. Въ $^1/_5$ всѣхъ уѣздовъ женщинами не было даже подано ни одного голоса. Въ городахъ наблюдалось совершенно другое отношеніе. Принимало личное участіе въ выборахъ среднимъ числомъ 48% женщинъ-избирательницъ (мужчины-избиратели давали въ среднемъ 57%); во многихъ небольшихъ городкахъ участіе женщинъ въ выборахъ выразилось еще сильнѣе, давая до 80—90%, а въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ, наоборотъ, значительно слабѣе.

Изъ общаго числа 12.428 выбранныхъ коммунальныхъ представителей оказалось 98 женщинъ; изъ нихъ 86 были выбраны въ 27 городахъ и лишь 12 въ сельскихъ общинахъ. Въ 1 городѣ (Христіансзандѣ) было выбрано 7 женщинъ; въ 5 городахъ по 6; въ остальныхъ отъ 5 до 1. Въ 33 городахъ вовсе не прошла ни одна женщина. Кандидатками были выбаллотированы 160 женщинъ; изъ нихъ 105 въ городахъ и 55 въ сельскихъ общинахъ. Въ нѣкоторыхъ западныхъ провинціяхъ, гдѣ еще сильно замѣтны слѣды піэ-

тизма, женщины рабочихъ классовъ почти поголовно воздержались отъ участія въ выборахъ. Женщины, принадлежащія къ партіи соціалъ-демократовъ, повсюду избѣгали солидарности съ другими женщинами-избирательницами, дѣйствуя исключительно въ интересахъ своей партіи, тѣмъ не менѣе не особено преуспѣвшей на выборахъ.

Въ общемъ, на первыхъ коммунальныхъ выборахъ, произведенныхъ въ Норвегіи съ участіемъ женщинъ, послѣднія большею частью все-таки подавали голоса за кандидатовъ тѣхъ партій, къ которымъ издавна принадлежали ихъ мужья или родные и друзья мужчины. Правая, которой удалось провести значительное большинство своихъ кандидатовъ, много была обязана этимъ именно участію женщинъ. Бюргеры-консерваторы, въ глазахъ которыхъ предоставленіе женщинамъ права голоса еще такъ недавно казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ, теперь мирно подходили къ избирательнымъ урнамъ подъ руку со своими половинами, и этимъ послѣднимъ волей-неволей приходилось помогать своимъ мужьямъ «ставить препоны соціалистамъ лѣвой». Правая вообще всячески старалась застращать мирныхъ избирателей, рисуя имъ ненасытныя вожделѣнія соціалистовъ, чѣмъ и успѣла обратить на путь истинный не мало заблудшихъ или колебавшихся овецъ. По опубликованіи результатовъ выборовъ газеты правой не преминули всячески благодарить «дамъ» за доброе содѣйствіе. Газеты лѣвой, напротивъ, обвиняли, женщинъ за неудачный для партіи результатъ выборовъ и утѣшали себя надеждой, что при выборахъ представителей въ стортингъ, въ которыхъ женщины не будутъ участвовать, все пойдетъ какъ должно.

Если теперь спросить, замѣтны ли уже какіе-либо результаты участія женщинъ въ общественномъ самоуправленіи, то на это безусловно приходится отвѣтить утвердительно, хотя въ общемъ онѣ еще сохраняютъ выжидательное положеніе, сознавая свою неопытность и необходимость многому поучиться— особенно по части соблюденія разнаго рода формальностей. Въ нѣкоторыхъ городахъ женщины передъ каждымъ оффиціальнымъ коммунальнымъ собраніемъ устраиваютъ предварительныя частныя засѣданія, на которыхъ и обсуждаютъ между собою предстоящіе вопросы и дѣла. Многоглаголаніемъ и празднословіемъ представительницы прекраснаго пола на оффиціальныхъ собраніяхъ пока не грѣшатъ, какъ многіе мужчины; по крайней мѣрѣ, одна изъ женщинъ, засѣдающихъ въ коммунальномъ управленіи одного большого города, прямо заявила, «что, участвуя въ засѣданіяхъ, прежде всего научилась молчать, такъ какъ происходящее на нихъ празднословіе просто претитъ. Ни одна изъ моихъ товарищей женщинъ въ этомъ отношеніи еще не провинилась, поэтому и можно надѣяться, что насъ станутъ слушать, когда придетъ нашъ чередъ сказать слово».

Въ Христіаніи, гдѣ изъ 84 членовъ коммунальнаго управленія всего 6 женщинъ, послѣднія однако играютъ значительную роль. Въ числѣ ихъ находится такая выдающаяся представительница женской энергіи и общественной дѣятельности, какъ Рагна Нильсенъ, и ни одинъ важный вопросъ не рѣ-

шается безъ ея участія, причемъ ея здравый практическій взглядъ на вещи и неустрашимая критика приносятъ большую пользу, особенно при обсужденіи вопросовъ экономическаго характера. Въ этомъ отношеніи она сразу произвела реформу общепринятой системы — разговаривать объ экономіи, вмѣсто того, чтобы строго проводить ее на дѣлѣ.

Главные же результаты предоставленія женщинамъ избирательнаго права сами передовыя женщины видятъ, во-первыхъ, въ невольно установившемся съ тѣхъ поръ большемъ уваженіи къ труду женщинъ и ихъ взглядамъ—особенно въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ считалось немыслимымъ предоставить женщинамъ какое-либо вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и гдѣ вообще весь «женскій вопросъ» казался чѣмъ-то вродѣ «красной тряпки». А во-вторыхъ въ томъ ободряющемъ, возбуждающемъ дѣйствіи, какое способенъ оказывать примѣръ женщинъ выборныхъ представительницъ общества на здравомыслящихъ, но робкихъ ихъ сестеръ; послѣднія видятъ, какъ первыя, такія же женщины, какъ онѣ, оффиціально выступаютъ со своими мнѣніями и энергично отстаиваютъ ихъ, не стѣсняясь тѣмъ, что расходятся съ общепринятыми, и заставляютъ себя слушать съ уваженіемъ даже при обсужданіи такихъ вопросовъ, по которымъ общество прежде или вовсе не спрашивало мнѣнія женщинъ, или выслушивало его только съ насмѣшливой улыбкой, какъ «бабье сужденіе».

Женщины-члены коммунальныхъ управленій рѣшаютъ теперь совмѣстно съ мужчинами вопросы народнаго просвѣщенія, призрѣнія бѣдныхъ, опеки дѣтей, народнаго здравія, засѣдаютъ во всякаго рода комитетахъ и коммиссіяхъ, и ни откуда не слышно о ихъ дѣятельности ничего кромѣ хорошаго.

На одномъ изъ предшествовавшихъ выборамъ собраній женщинъ-избирательницъ въ г. Драмменъ однею изъ послѣднихъ было высказано слѣдующее: «Мы приступаемъ къ участію въ общественной жизни съ нашими простыми опредѣленными понятіями о хорошемъ и о дурномъ. И не будемъ стыдиться этой нашей главной точки зрѣнія на всѣ вещи». Эта точка зрѣнія подавала надежду, что женщины будутъ судить всегда по совѣсти, не поддаваясь никакимъ партійнымъ соображеніямъ, и надежда эта, повидимому, оправдалась— по крайней мѣрѣ, въ лицѣ тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ личное мнѣніе. Никто, повидимому, также не жалѣетъ, что женщинъ допустили къ участію въ общественныхъ дѣлахъ.

Да и странно было бы иначе. Потому что въ сущности это вовсе не такая ужъ новость. Въ дѣйствительности женщины всегда принимали участіе не только въ общественныхъ дѣлахъ, а и во всѣхъ дѣлахъ въ мірѣ, всегда оказывали на нихъ вліяніе—хотя бы и не гласно, косвенно, черезъ вліяніе на мужчинъ. Вліяніе это на столько общеизвѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно отыскать причину какого-либо факта, частнаго или общественнаго характера, принято говорить: «cherchez la femme!» Но сами-то женщины не хотятъ болѣе удовлетворяться такимъ закулиснымъ вліяніемъ; по крайней мѣрѣ, такихъ теперь навѣрно окажется меньшинство; остальныя же, если про-

должаютъ еще тратить свои силы на такое вліяніе, то главнымъ образомъ потому, что имъ не предоставлено другого исхода для проявленія вложенныхъ въ нихъ отъ природы и развитыхъ воспитаніемъ жажды дѣятельности, энергіи и способностей. Насколько невыгодно для общества сохранять въ этомъ отношеніи statu quo,—кажется, не требуетъ поясненій, и надо надѣяться, что починъ норвежцевъ скоро найдетъ послѣдователей и тамъ, гдѣ по разнымъ причинамъ, преимущественно же въ силу рутины, не приступали еще къ расширенію гражданскихъ правъ «половины» рода человѣческаго. Норвегія же, если судить по недавно появившемуся въ газетахъ извѣстію, не остановилась на первомъ шагѣ, но готовится даровать женщинамъ право голоса и при общихъ выборахъ народныхъ представителей въ стортингѣ.

П. Ганзенъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Еще о радіоактивности.

Этотъ фельетонъ намъ приходится начать опять-таки радіоактивностью. За 5 мѣсяцевъ (съ октября прошлаго года) снова накопилось много интересныхъ фактовъ, и данный вопросъ становится кардинальнымъ вопросомъ не только физики, но и всего нашего знанія, въ немъ въ зародышѣ заложены такія возможности, которыя современная наука не въ силахъ не только ввести въ свою систему, но даже предвидѣть.

Отсылая тѣхъ изъ читателей, которые не знакомы съ этимъ вопросомъ, къ прежнимъ нашимъ статьямъ *), мы все же напомнимъ самые основные, твердо уже установленные факты и попутно сообщимъ все новое, что выяснилось за послѣдніе 5 мѣсяцевъ. Найдены новыя простыя тѣла—элементы (*радій*, *полоній*, *актиній*), которые испускаютъ какіе-то новые невидимые лучи, названные въ честь открывшаго ихъ ученаго (Беккереля)—*беккерелевскими*. Беккерелевскіе лучи дѣйствуютъ на фотографическую пластинку, дѣлаютъ газъ, черезъ который они проходятъ, проводникомъ электричества, проникаютъ черезъ черную бумагу и металлы; они не преломляются, не отражаются и не поляризуются.

Лучи,—испускаемые *радіемъ* удалось разбить на три группы: лучи α, лучи β и лучи γ. Отличаются они другъ отъ друга, во-первыхъ, своимъ отношеніемъ къ магнитному полю: первые—α—отклоняются отъ своего прямолинейнаго движенія очень слабо, подобно закатоднымъ лучамъ Гольдштейна, и притомъ только при воздѣйствіи на нихъ магнитнаго поля очень высокаго напряженія; вторые—β—отклоняются гораздо легче, подобно катоднымъ лучамъ, и, наконецъ, третьи не отклоняются совсѣмъ и аналогичны рентгеновскимъ лучамъ.

Другія свойства этихъ трехъ группъ лучей также весьма различны.

Лучи α обладаютъ весьма слабой способностью проникать черезъ тѣла: пластинка аллюминія, въ нѣсколько сотыхъ миллиметра, совершенно поглощаетъ

*) Научные фельетоны за февраль и ноябрь прошлаго года. „М. В.“ См. также статьи проф. И. И. Боргмана „Основы электронной теоріи“ Августъ. 1903. „М. Б.“

ихъ; они поглощаются воздухомъ и не могутъ проникать въ него при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи глубже, чѣмъ на 10 сантиметровъ, при этомъ оно сильно іонизируютъ воздухъ, гораздо больше, чѣмъ лучи β и γ, поэтому можно предположить, что въ пучкѣ беккерелевскихъ лучей они преобладаютъ. Изученіе свойствъ лучей α заставляетъ склониться къ мнѣнію, что они представляютъ изъ себя, вѣроятно, однородныя частицы бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ электроны, обладаютъ скоростью въ 20 разъ меньшей, чѣмъ скорость свѣта, и заряжены положительнымъ электричествомъ.

Лучи β аналогичны катоднымъ лучамъ, но не представляютъ такой однородной группы, какъ лучи α; одни лучи β отличаются отъ другихъ β—какъ степенью способности проникать черезъ тѣла, такъ и степенью отклоненія въ магнитномъ полѣ, наиболѣе проникающіе лучи въ то же время наименѣе отклоняемые. Предполагаютъ, что эти лучи образованы мельчайшими частицами—электронами, заряженными отрицательно и выбрасываемыми радіоактивными веществами съ громадной скоростью, достигающей для нѣкоторыхъ изъ нихъ скорости свѣта. Способность лучей β проникать черезъ тѣла громадна. Различныя теоретическія соображенія *) заставляютъ признать, что инерція такого электрона зависитъ отъ его состоянія электрическаго заряда, находящагося въ движеніи, и что скорость движенія такого электрическаго заряда не можетъ быть измѣнена безъ затраты энергіи; иначе говоря, масса электрона, по крайней мѣрѣ отчасти, есть масса только кажущаяся—масса электромагнитная.

Лучи γ—совершенно аналогичны рентгеновскимъ лучамъ и составляютъ крайне незначительную часть въ свитѣ всѣхъ лучей, испускаемыхъ радіемъ.

Полоній испускаетъ лучи, должно быть, весьма близкіе къ лучамъ α радія.

Торій, *уранъ* и *актиній* испускаютъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и лучи α, и лучи β.

Лучи радія вызываютъ фосфоресценцію (самосвѣченіе) во многихъ тѣлахъ; наиболѣе чувствительными въ этомъ отношеніи являются — платиновосинеродистый барій, минералъ виллемитъ (силикатъ цинка), сѣрнистый цинкъ (Сидо), алмазъ и мн. др. Вещества эти не только фосфоресцируютъ, но при продолжительномъ дѣйствіи лучей радія претерпѣваютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Во-первыхъ, они начинаютъ тогда слабѣе фосфоресцировать, затѣмъ измѣняютъ окраску или окрашиваются, напр., стекло становится или фіолетовымъ, или чернымъ, или коричневымъ,безцвѣтный кварцъ превращается въ дымчатый, безцвѣтный топазъ—въ желтовато-оранжевый и т. д. Соли радія и сами свѣтятся, вѣроятно, подъ вліяніемъ испускаемыхъ ими же беккерелевскихъ лучей. Тѣ же лучи превращаютъ бѣлый фосфоръ въ красный, выдѣляютъ изъ смѣси сулемы и щавелевой кислоты каломель, а Гизель (также и Кюри) утверждаетъ, что при воздѣйствіи лучей радія на кислородъ иногда образуется озонъ.

Недавніе опыты Блайсвуда (Blythwood) показали, что лучи радія совер-

---

*) См. упомянутую выше статью проф. Боргмана „Основы электронной теоріи“.

шенно разрушаютъ растительныя вещества; такъ, напр., былъ совершенно сожженъ кусокъ бумажной матеріи при дѣйствіи на нее въ теченіе 4-хъ дней лучей радія. (Hargy) Гэрги описываетъ замѣчательное дѣйствіе лучей радія на коллоидальныя вещества. Глобулинъ крови былъ растворенъ сначала въ минимальномъ количествѣ уксусной кислоты и въ такомъ же количествѣ ѣдкаго натра. Въ первомъ растворѣ глобулинъ двигался въ электрическомъ полѣ отъ анода къ катоду, въ присутствіи же щелочи движеніе происходило въ обратномъ направленіи. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, глобулинъ былъ заряженъ положительнымъ, во второмъ—отрицательнымъ электричествомъ. Оба раствора были подвергнуты дѣйствію бромистаго радія, причемъ первый растворъ черезъ 3 минуты превратился въ непрозрачное желе, второй же сдѣлался менѣе опалесцирующимъ.

Вообще лучи радія оказываютъ весьма разнообразныя физіологическія дѣйствія. Они оказываютъ губительное дѣйствіе на кожу. Если подержать на кожѣ всего нѣсколько минутъ трубочку съ какимъ-нибудь препаратомъ радія, то сначала не будетъ замѣтно ничего особеннаго, но по истеченіи 15—20 минутъ на кожѣ въ данномъ мѣстѣ появляется краснота, а затѣмъ струпъ. Если же дѣйствіе радія было болѣе продолжительно, то появляются трудно излечимыя язвы. Беккерель первый подвергся губительному дѣйствію открытаго имъ вещества: онъ продержалъ 6 часовъ въ боковомъ карманѣ трубочку съ радіемъ и не мало былъ удивленъ, когда черезъ 10 дней на соотвѣтственномъ мѣстѣ появился нарывъ, а затѣмъ и глубокая язва; язва эта зарубцовалась лишь черезъ 49 дней.

Соль радія, даже заключенная въ непрозрачную картонную коробочку, дѣйствуетъ, какъ уже извѣстно нашему читателю, на глазъ, закрытый непроницаемой для обыкновеннаго свѣта черной матеріей, и производитъ впечатлѣніе свѣта. Здѣсь лучи радія дѣлаютъ фосфоресцирующей, свѣтящейся среду глаза, главнымъ образомъ, сѣтчатку, и потому соотвѣтственный мозговой центръ получаетъ ощущеніе свѣта. То же свѣтовое ощущеніе производитъ коробочка съ радіемъ, если ее приблизить даже не къ глазу, а къ какой-нибудь другой части головы,—къ затылку, ко лбу и т. д.

Столь же губительное дѣйствіе оказываютъ лучи радія и на нервную систему, вызывая, какъ то показали опыты Дениза, параличъ, а въ концѣ концовъ смерть. Къ тѣмъ же результатамъ привели и опыты нашего соотечественника, доктора Лондона, которому объектомъ изслѣдованія служили бѣлыя мыши. Онъ помѣщалъ этихъ животныхъ въ особый ящикъ въ возможно благопріятныя жизненныя условія, но только на крышку этого ящика помѣщалъ коробочку съ солью радія. Черезъ нѣсколько часовъ у этихъ мышей стало обнаруживаться покраснѣніе ушей. Г. Лондонъ объясняетъ это покраснѣніе параличемъ вѣтвей симпатическаго нерва. «На вторыя, третьи сутки,—говоритъ нашъ экспериментаторъ,—появляются ясные симптомы мозгового заболѣванія; животныя какъ бы погружаются въ свой внутренній міръ; равнодушно отвернувшись отъ всего окружающаго, они закрываютъ глаза, отказываются отъ пищи, дѣлаются вялыми и неподвижными. Затѣмъ начинаютъ выступать параличныя

явленія со стороны конечностей, особенно заднихъ. Въ концѣ концовъ они совершенно лишаются способности передвигаться, впадаютъ въ безсознательное состояніе и погибаютъ при появленіяхъ паралича дыханія».

Докторъ Лондонъ говоритъ, что достаточно 25 — 30 миллиграммовъ радія, чтобы убить въ теченіе года до 3.000 мышей; при этомъ вѣсъ даннаго количества соли радія не уменьшится.

Бону удалось наблюдать силу радія (трубка съ бромистымъ радіемъ) на множество живыхъ существъ, подвергая ихъ непрерывному дѣйствію этого метала впродолженіи 7-ми мѣсяцевъ. Онъ констатировалъ при этомъ много интересныхъ явленій и, между прочимъ, то обстоятельство, что при разныхъ положеніяхъ радія по отношенію къ подвергавшимся его дѣйствію животнымъ послѣднія погибали черезъ различные промежутки времени. Подъ вліяніемъ лучей радія изъ личинокъ лягушекъ выходятъ недолговѣчныя, уродливыя формы головастиковъ. Если трубку съ радіемъ заключить вмѣстѣ съ муравьями въ небольшое замкнутое пространство, то муравьи не выживаютъ болѣе восьми часовъ; для рыжихъ муравьевъ экспозиція должна продолжаться дольше.

Диксонъ нашелъ, что радій почти не оказываетъ никакого дѣйствія на растенія, но миссъ Уилькокъ приходитъ къ заключенію, что отрицательные результаты опытовъ Диксона произошли благодаря тому, что разстояніе, отдѣлявшее отъ зеренъ то небольшое количество радія, которымъ пользовался при своихъ опытахъ Диксонъ, было черезчуръ велико.

Миссъ Уилькокъ пользовалась при опытахъ тремя порціями радія: въ 5 миллиграммовъ, въ 10 миллигр. и 40 миллигр. Всѣ три порціи были помѣщаемы на разстояніи 3 миллиметровъ отъ сосуда, въ которомъ содержались животныя. Чтобы уменьшить поглощеніе лучей, стѣнки сосуда была сдѣлана не изъ стекла, а изъ слюды. Результаты получились слѣдующіе:

Actenosphoerium—съ вытянутыми ложноножками; отъ дѣйствія 10 миллиграммъ радія ложноножки не вытягивались, но по истеченіи двухъ часовъ послѣдовала смерть животнаго. 2 экземпляра стенторовъ (stentor) сдержались нѣсколько часовъ до опыта въ темнотѣ, чтобы увеличить ихъ чувствительность къ лучамъ радія. Подъ вліяніемъ дѣйствія 50 мил. радія, находящагося отъ нихъ на разстояніи 4 миллим., оба животныя медленно съеживались, при удаленіи же радія такъ же медленно вытягивались. 16 экземпляровъ стенторовъ держались въ темнотѣ въ сосудѣ, одна изъ стѣнокъ котораго сдѣлана изъ свинца толщиной въ 3 мил.; въ этой стѣнкѣ пробуравлено отверстіе въ 5 мил. въ діаметрѣ, подъ которое вкладывалось 50 миллигр. бромистаго радія. На слѣдующій день 15 животныхъ помѣстились въ мѣстѣ, находящемся внѣ вліянія лучей β; на пути же лучей остался одинъ только стенторъ.

Гидры зеленыя удаляются отъ лучей β, если же ихъ все-таки насильно погрузить въ эти лучи, то послѣ третьяго раза онѣ погибаютъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Диксона надъ нѣкоторыми бациллами (Bacilus pyocyanus, B. typhosus, B. pradigiosus, B. anthracis), радій замедляетъ ихъ развитіе, парализуетъ ихъ дѣйствіе, но, однако, не убиваетъ ихъ.

Такое разрушительное дѣйствіе лучей радія на организмы навело

медиковъ на мысль о возможности примѣнить эти лучи къ леченію нѣкоторыхъ болѣзней, напримѣръ, раковыхъ опухолей. Попытки подобнаго рода дѣлаются уже во многихъ странахъ,—между прочимъ и у насъ въ Россіи. Такъ, докторъ Гольдбергъ (Петербургъ) подвергнулъ одного больного раковою язвой леченію при помощи лучей радія; леченіе продолжалось $2^1/_2$ мѣсяца, причемъ въ общей сложности радій дѣйствовалъ на эту язву всего 7 часовъ. Г. Гольдбергъ утверждаетъ, что результатъ былъ блестящій—язва совершенно исчезла.

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, соли радія непрерывно выдѣляютъ теплоту. Измѣренія показали, что граммъ радія выдѣляетъ въ часъ 80 малыхъ калорій—количество теплоты достаточное, чтобы расплавить граммъ льда. Но выдѣляя теплоту, радій не претерпѣваетъ измѣненій, которыя могли бы быть констатированы нашими обычными химическими методами.

Кромѣ того, нужно отмѣтить, что свѣжеприготовленный радій выдѣляетъ сначала относительно мало теплоты и только съ теченіемъ времени это выдѣленіе постепенно возрастаетъ и достигаетъ указаннаго выше максимума. То же можно сказать и по отношенію къ растворамъ солей радія: свѣжеприготовленный растворъ выдѣляетъ въ началѣ мало теплоты, но выдѣленіе съ теченіемъ времени возрастаетъ и, достигнувъ максимума по прошествіи мѣсяца, становится постояннымъ; при этомъ максимумъ тотъ же, что и соли въ твердомъ состояніи, и пропорціоналенъ количеству находящагося въ данномъ растворѣ радія. Это удивительное выдѣленіе теплоты безъ видимаго измѣненія и потери вещества радія большинствомъ ученыхъ, занимавшихся даннымъ вопросомъ, объясняется медленнымъ распадомъ атомовъ радія и освобожденіемъ при этомъ тепловой энергіи.

Кромѣ беккерелевскихъ лучей, радіоактивныя вещества—*радій*, *торій* и *актиній* испускаютъ еще особые потоки матеріальныхъ частицъ, такъ называемыя *эманаціи*.

Уже во время первыхъ изслѣдованій этихъ радіоактивныхъ веществъ стало ясно, что они сообщаютъ свои свойства тѣламъ, находящимся около нихъ. Это явленіе названо было индуктивной или *наведенной радіоактивностью*. Предполагаютъ, что такая *эманація* распространяется въ газѣ, окружающемъ радіоактивное вещество, что оно мало-по-малу разрушается, испуская беккерелевскіе лучи и превращаясь въ другія неустойчивыя радіоактивныя вещества, которыя осаждаются на поверхности окружающихъ твердыхъ тѣлъ и дѣлаютъ послѣднія радіоактивными.

Такая наведенная радіоактивность быстро и рѣзко ослабляется, становится въ нѣсколько тысячъ разъ слабѣе, какъ только данное тѣло удаляютъ изъ сферы вліянія радіоактивнаго вещества, но все же не исчезаетъ совершенно; эта остаточная, такъ сказать, наиболѣе устойчивая наведенная радіоактивность сохраняется годами.

Кромѣ беккерелевскихъ лучей такіе «искусственно» радіоактивныя тѣла испускаютъ и сами эманацію, но только въ крайне незначительномъ количествѣ и обыкновенно не дольше 20 минутъ послѣ того, какъ данное тѣло освободили

отъ непосредственнаго вліянія радіоактивнаго вещества; впрочемъ, нѣкоторыя твердыя вещества (парафинъ, каучукъ, целлулоидъ) обладаютъ способностью какъ бы пропитываться эманаціей радія и потомъ выдѣлять ее въ довольно большихъ количествахъ въ теченіе многихъ дней.

Жидкости, подвергнутыя вліянію радія, тоже дѣлаются радіоактивными, онѣ, вѣроятно, растворяютъ нѣкоторое количество эманаціи. Если жидкость съ такой наведенной радіоактивностью освободить отъ дальнѣйшаго воздѣйствія радія и заключить въ запаянную трубку, то радіоактивность жидкости теряется очень медленно; если же такую жидкость помѣстить въ открытый сосудъ, то она, испуская въ окружающій воздухъ заимствованную эманацію, очень быстро становится неактивной.

Интересно отмѣтить, что вода нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ является радіоактивной. Такъ, напр., въ водѣ источниковъ Bath'a (около Кембриджа) констатировано присутствіе радіоактивнаго газа. Адамсъ изслѣдовалъ этотъ газъ и нашелъ, что онъ обладаетъ свойствами очень сходными съ эманаціей радія и своею радіоактивностью, вѣроятно, обязанъ эманаціи радія. Вопреки мнѣнію Руттерфорда, Адамсу удалось показать, что незначительное количество эманаціи поглощается водой; послѣдняя можетъ быть избавлена отъ нея кипяченіемъ, тогда какъ вода упомянутаго выше минеральнаго источника сохраняетъ эманацію и послѣ кипяченія, вѣроятно, потому, что содержитъ, кромѣ растворенныхъ эманацій, еще нѣкоторое, конечно, крайне незначительное, количество соли радія. Поэтому Адамсъ предположилъ, что вблизи этого источника находятся какія-нибудь горныя породы, заключающія радій. Предположеніе его оправдалось въ настоящее время: въ желѣзныхъ рудахъ, залегающихъ недалеко отъ ключей Bath'a, открыто присутствіе радія.

Изъ другихъ радіоактивныхъ веществъ, ураній и полоній не испускаютъ эманацій, торій испускаетъ очень слабую эманацію, актиній же—очень сильную. Эманація актинія исчезаетъ очень быстро, въ теченіе одной секунды она ослабляется на половину своей первоначальной величины. При обыкновенномъ давленіи эманація актинія не можетъ распространяться въ воздухѣ далѣе какъ на 7,8 миллиметровъ отъ испускающаго вещества и, слѣдовательно, можетъ переноситься только на тѣла, находящіяся у самаго источника; но въ пустотѣ она распространяется гораздо быстрѣе, при этихъ условіяхъ актиній дѣйствуетъ на тѣло, находящееся отъ него даже на разстояніи 10 сантиметровъ.

Руттерфордъ и Содди показали, что эманаціи радія и торія могутъ быть сгущены при температурѣ жидкаго воздуха.

Уже относительно давно было извѣстно, что атмосферный воздухъ всегда способенъ слабо проводить электричество, что онъ всегда нѣсколько іонизированъ, т.-е. въ немъ находится то или иное количество іоновъ-газовыхъ частицъ, способныхъ переносить электрическіе заряды. Эльстеръ и Гейтель объясняютъ это явленіе тѣмъ, что атмосферный воздухъ всегда содержитъ небольшое количество эманацій, подобныхъ испускаемымъ радіоактивными веществами. Эти ученые показали, что на вершинахъ горъ атмосферный воздухъ богаче эманаціями, чѣмъ воздухъ равнинъ или морскихъ береговъ; особенно

же богатъ эманаціями почвенный воздухъ, а также воздухъ пещеръ и погребовъ. На основаніи этихъ изслѣдованій Эльстеръ и Гейтель заключаютъ, что въ атмосферный воздухъ эманаціи попадаютъ изъ почвы, гдѣ онѣ образуются, благодаря присутствію радіоактивныхъ веществъ; кромѣ того, какъ показали изслѣдованія Лебона *), вообще всѣ вещества обладаютъ слабой радіоактивностью.

Итакъ, въ окружающей насъ атмосферѣ находятся громадные запасы радіоактивныхъ веществъ въ видѣ эманацій. Немудрено, что многимъ ученымъ приходитъ въ голову мысль, нельзя ли какъ-нибудь извлечь изъ воздуха эти вещества, представляющія такіе могучіе конденсаторы энергіи. Еще Рутерфордъ показалъ, что эманаціи съ особенной силой осаждаются на поверхностяхъ отрицательно наэлектризованныхъ проводниковъ. Эльстеръ и Гейтель воспользовались этимъ и поставили слѣдующіе опыты. Цилиндръ изъ мѣдной проволочной сѣтки заряжали отрицательнымъ электричествомъ большого напряженія (до 10.000 вольтъ) и затѣмъ выставляли его на открытый воздухъ на нѣсколько часовъ. Когда такой цилиндръ вносили въ помѣщеніе, гдѣ стоялъ электроскопъ, соединенный съ заряженнымъ тѣломъ, электроскопъ указывалъ на быструю потерю этимъ тѣломъ его заряда, что могло быть объяснено только іонизаціе воздуха, происшедшей подъ вліяніемъ эманацій нашего цилиндра.

Вещество, производящее эти эманаціи, можно, какъ показали прямые опыты многихъ ученыхъ, даже снять съ такого цилиндра при помощи кожи или бумаги, смоченной амміакомъ или соляной кислотой; тогда кожа и бумага и даже зола ихъ становятся радіоактивными.

Что же такое эманація?

Слѣдующія свойства заставляютъ многихъ ученыхъ склоняться къ той мысли, что эманація—газъ. Такъ, если въ одномъ изъ двухъ сообщающихся сосудовъ находятся эманація, а въ другомъ ея нѣтъ, то эманація диффундируетъ изъ перваго сосуда во второй и въ концѣ концовъ распредѣляется въ нихъ соотвѣтственно объему каждаго сосуда; если одинъ изъ сосудовъ нагрѣть до 350°, а другой оставить при температурѣ окружающей средѣ, то распредѣленіе эманаціи въ сосудахъ слѣдуетъ законамъ Маріотта и Гэй-Люссака. Извѣстно также, что диффузія эманацій въ воздухѣ совершается согласно закону диффузіи газа; наконецъ, мы видѣли, что эманаціи сгущаются при низкихъ температурахъ, также какъ и газы. Но съ другой стороны, какъ указываетъ Кюри, до сихъ поръ эманаціи не удалось взвѣсить, не удалось и констатировать ея давленія на окружающую среду; свойство эманаціи улетучиваться изъ запаянной трубки и притомъ со скоростью, независимой, напримѣръ, отъ температуры, ея полная химическая пассивность, необыкновенная легкость, съ которой она проходитъ черезъ самыя тонкія щели и дырки въ твердыхъ тѣлахъ, говоритъ также противъ газообразной природы эманацій.

Въ нашемъ ноябрьскомъ фельетонѣ мы сообщали уже объ удивительномъ открытіи Рамзая—превращеніи радія въ гелій.

Теперь это открытіе получило блестящее подтвержденіе въ слѣдующемъ

*) См. „Научный фельетонъ“, февраль 1903. „М. Б.“

опытѣ г-жи Кюри. Въ стеклянную трубку было помѣщено 4 дециграмма бромистаго радія, изъ трубки выкачали воздухъ и запаяли ее. Черезъ три мѣсяца былъ изслѣдованъ спектръ содержимаго трубки, спектральныхъ линій гелія не оказалось. Запаянная трубка была переслана изъ Парижа въ Лондонъ физику Дьюару. Онъ пересыпалъ бромистый радій изъ этой трубки въ особую кварцевую (огнеупорную) и подвергъ послѣднюю столь сильному прокаливанію, что бромистый радій сплавился; затѣмъ изъ трубки выкачали воздухъ, запаяли ее и переслали обратно г-жѣ Кюри. Теперь спектръ обнаружилъ характерныя линіи гелія.

По поводу этого поразительнаго превращенія одного элемента въ другой г. Кюри дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе.

И радій и гелій встрѣчаются только въ минералахъ, содержащихъ уранъ; не указываетъ ли совмѣстное нахожденіе этихъ трехъ элементовъ на родство ихъ происхожденія?

II.

О причинахъ, вызывающихъ отталкиваніе солнцемъ кометныхъ хвостовъ.

На послѣднемъ собраніи международнаго астрономическаго общества нашъ соотечественникъ, извѣстный физикъ, проф. московскаго университета Лебедевъ сдѣлалъ крайне интересное сообщеніе «О физическихъ причинахъ отклоненій отъ закона всемірнаго тяготѣнія».

Въ виду важности этого вопроса, мы въ нашемъ изложеніи очень мало уклонимся отъ изложенія почтеннаго докладчика.

Вопросъ объ аномаліяхъ въ законѣ всемірнаго тяготѣнія и о физическихъ причинахъ этого явленія считается однимъ изъ самыхъ старыхъ въ астро-физикѣ; вопросъ этотъ обсуждался еще ранѣе появленія закона Ньютона. Триста лѣтъ тому назадъ Кеплеръ занимался этимъ вопросомъ и пытался дать ему объясненіе, лучше котораго не найдено еще и до сихъ поръ. Самый поразительный и въ то же время самый простой случай аномаліи представляютъ хвосты кометъ; здѣсь мы замѣчаемъ ясно выраженное отталкиваніе со стороны солнца.

Исторія развитія взглядовъ на природу этого явленія и объясненій его, основанныхъ на данныхъ физики, составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ главъ астро-физики; на протяженіи трехъ вѣковъ мы можемъ прослѣдить взаимную связь между астро-физическими теоріями и физическими понятіями каждой данной эпохи.

Въ 1608 году Кеплеръ высказалъ мнѣніе, что хвостъ кометъ состоитъ изъ газовъ, образующихся въ ядрѣ, газы эти имѣютъ независимое отъ ядра движеніе и отталкиваются солнцемъ вмѣсто того, чтобъ притягиваться имъ. Причину этого отталкиванія Кеплеръ приписывалъ солнечному лучеиспусканію. Въ тѣ времена теорія лучеиспусканія играла первенствующую роль въ оптикѣ; по теоріи этой свѣтовые лучи оказываютъ давленіе на встрѣчаемые ими предметы; такимъ образомъ можно было объяснять и отталкиваніе частицъ газа

солнечными лучами. Ньютонъ (1687) доказалъ ясно, что теорія Кеплера, приписывая отталкиваніе давленію вызываемому солнечнымъ свѣтомъ, можетъ служить основаніемъ для объясненія этого факта; но самъ Ньютонъ не призналъ этого взгляда Кеплера и уклоненія хвоста кометы считалъ кажущимся. Онъ высказалъ гипотезу, что вселенная заполнена газообразной средой болѣе плотной, чѣмъ хвостъ кометы, который и приподнимается, слѣдуя закону Архимеда; такимъ образомъ уклоненіе, вызываемое солнцемъ, будетъ только кажущимся.

Эйлеръ въ 1744 году увидѣлъ затрудненія, вызываемыя гипотезой Ньютона, и вернулся ко взглядамъ Кеплера, стараясь, какъ и онъ, объяснить отклоненіе давленіемъ свѣта. Но въ противоположность теоріи лученспусканія Эйлеръ принялъ теорію Гюйгенса и думалъ, что свѣтъ вызывается волнообразнымъ движеніемъ, сопровождаемымъ продольнымъ перемѣщеніемъ эѳира. Эйлеръ смотрѣлъ на давленіе свѣта, какъ на результатъ цѣлаго ряда толчковъ, производимыхъ продольными волнообразными движеніями на встрѣчные предметы.

Въ половинѣ 18 вѣка почти за 35 лѣтъ до того момента, когда Кавендишъ производилъ лабораторные опыты съ закономъ притяженія, Меранъ и Дю-Фэ (Maigan и du-Fay) (1754) старались впервые провѣрить на опытахъ давленіе свѣтовыхъ лучей, давленіе, дѣйствію котораго приписывались исключенія въ законѣ Ньютона. Они начертали очень искусный планъ предполагавшихся опытовъ, но натолкнулись на затрудненія (воздушныя теченія), которыя невозможно было устранить съ помощью существовавшихъ въ 18 вѣкѣ приспособленій; имъ пришлось оставить неразрѣшеннымъ вопросъ о существованіи механическаго давленія, вызываемаго свѣтомъ.

Въ 19 вѣкѣ наблюденія Ольберса (Olbers) снова направили вниманіе ученыхъ на движеніе кометъ. Въ 1812 году Ольберсъ отбросилъ объясненія и Кеплера, и Ньютона, какъ гипотезы, не опирающіяся на опытныя данныя; съ большою осторожностью Ольберсъ формулировалъ новую гипотезу: «невольно думается,—говоритъ онъ,— о чемъ-нибудь сходномъ съ электрической силой притяженія и отталкиванія». Если мы вспомнимъ, что онъ сдѣлалъ такое предположеніе въ то время, когда теорія электричества праздновала свои первыя побѣды, мы поймемъ, что онъ думалъ объ электрическихъ силахъ, законы дѣйствія которыхъ были открыты опытами Куломба (1785).

Электрическая теорія Ольберса одержала верхъ. Законъ уменьшенія электрической силы въ прямомъ отношеніи къ квадрату разстоянія, законъ, примѣняемый также къ давленію свѣта, далъ возможность Бесселю (1836) создать простую теорію движенія кометныхъ хвостовъ и высчитать, по степени изгиба хвоста, абсолютную величину силы отталкиванія. Съ помощью большого числа измѣреній Бредихинъ нашелъ, что величина этой отталкивающей силы стоитъ въ зависимости отъ составныхъ частей хвоста. Сила эта въ 17,5 разъ больше силы притяженія. Электрическая сила Ольберса покоится на двухъ гипотезахъ: во-первыхъ, солнце должно быть всегда заряжено электричествомъ, во-вторыхъ, каждая молекула газа въ хвостѣ кометы должна быть наэлектризирована однозначно съ солнцемъ. Но до сихъ не удалось еще на опытахъ доказать эти двѣ гипотезы. Не удалось найти связи между предположеніемъ,

что солнце представляетъ изъ себя наэлектризованное тѣло, и магнитными явленіями земли, не прибѣгая къ помощи добавочныхъ гипотезъ; невозможно также измѣрить абсолютную величину электрической энергіи въ солнцѣ, а равно и опредѣлить знакъ этой энергіи. Съ другой стороны, физики въ своихъ лабораторныхъ опытахъ не доказали еще электризаціи молекулъ газа въ условіяхъ, требуемыхъ второй гипотезой. Въ защиту гипотезы электризаціи элементовъ, составляющихъ хвостъ кометы, приводилось часто сходство между оптическими явленіями, наблюдаемыми въ хвостѣ кометы и въ гейслеровской трубкѣ; но аргументъ этотъ не можетъ быть принятъ; онъ противорѣчитъ закону сохраненія энергіи, по которому каждое свѣтовое явленіе влечетъ за собою трату энергіи, этой траты энергіи не должно быть въ молекулахъ газа, сохраняющихъ постоянную электризацію. Гораздо вѣроятнѣе объяснять свѣтовыя явленія въ хвостѣ кометы флуоресенціей, проявляемой газами при сильномъ освѣщеніи.

Цёльнеръ, лучше всѣхъ развившій электрическую теорію интересующаго насъ явленія, соглашался все же (въ 1872 г.) отказаться отъ своей теоріи и признать теорію Кеплера, если ему докажутъ существованіе давленія, производимаго солнечнымъ свѣтомъ. Вопросъ объ этомъ существованіи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1873 г., Максвелемъ, какъ выводъ изъ его электро-магнитной теоріи свѣта, и Бартоли въ 1876 г., какъ слѣдствіе второго закона термодинамики. Эти теоретическія изысканія привели двухъ вышеупомянутыхъ ученыхъ къ выводу, что свѣтъ долженъ непремѣнно производить опредѣленное давленіе и что оно находится въ простомъ отношеніи съ энергіей, падающей на данное тѣло въ секунду (пучкомъ параллельныхъ лучей), и съ быстротой свѣта. Было вычислено, что солнечный свѣтъ на разстояніи, равномъ разстоянію солнца отъ земли, даетъ давленіе 0,5 миллиграмма на квад. метръ.

Лебедеву, Никольсу и Гёллу удалось доказать лабораторными опытами существованіе давленія свѣта; опыты эти подтвердили данныя формулы Бартоли и Максвеля. Еще раньше этихъ опытовъ, въ 1884 г. Фитцгеральдъ приложилъ теоретическіе выводы Максвеля къ исключеніямъ въ законѣ Ньютона, къ движеніямъ кометъ; только онъ сдѣлалъ ошибку, распространивъ ихъ и на газообразныя молекулы хвоста, не обративъ вниманія на то, что выводы Максвеля относятся исключительно къ тѣламъ довольно большимъ по отношенію къ длинѣ свѣтовой волны, ихъ ударяющей. Ошибка эта была избѣгнута въ наблюденіяхъ, опубликованныхъ одновременно Лебедевымъ *) и Лоджемъ, надъ отталкивающей силой солнца и надъ деформаціей и распаденіемъ кометныхъ ядеръ (одинъ Лебедевъ).

Изъ очень простой формулы можно вычислить, что отклоненія отъ закона Ньютона для тѣла размѣрами больше метра, будутъ гораздо ниже границъ ошибокъ астрономическихъ наблюденій. Но для ядра кометы, составленнаго

*) Съ изслѣдованіями проф. Лебедева по этому вопросу читатели нашего журнала были своевременно ознакомлены. (См. „М. Б.“ 1901 г., мартъ).

изъ массы камней, величиною менѣе сантиметра, при благопріятныхъ условіяхъ наблюденія, законъ тяготѣнія уже не дѣйствуетъ болѣе. Если камни эти еще меньшихъ размѣровъ, то отклоненіе будетъ еще замѣтнѣе. И обратно: если не замѣчается замѣтнаго разногласія съ закономъ Ньютона и если мы знаемъ границы ошибокъ нашихъ астрономическихъ наблюденій, то можно опредѣлить минимальный предѣлъ размѣра камней, составляющихъ ядро кометы.

Если ядро состоитъ изъ метеоритовъ различной величины, причемъ часть ихъ достаточно мелка, то ядро деформируется и распадается; это особенно хорошо должно быть замѣтно на кометахъ, сдѣлавшихся періодическими. Въ этомъ случаѣ высчитанная заранѣе, обычнымъ способомъ, орбита проявитъ, при послѣдующемъ прямомъ наблюденіи, болѣе значительныя, чѣмъ обыкновенно уклоненія. Упомянутая нами формула не можетъ имѣть примѣненія въ томъ случаѣ, когда частички кометной пыли бываетъ величиной не болѣе нѣсколькихъ тысячныхъ миллиметра, и слѣдовательно, одной величины съ волной солнечныхъ лучей, которые ихъ встрѣчаютъ. Шварцшильдъ доказалъ, что въ этомъ случаѣ сила отталкиванія достигаетъ максимума для нѣкоторыхъ размѣровъ частицъ и что сила эта уменьшается быстро, когда размѣры эти становятся еще меньше.

Молекулы газа, подвергнутыя солнечному лучеиспусканію, развиваютъ явленія резонанса, сопровождаемыя давленіемъ, вызваннымъ падающими лучами солнца.

Такимъ образомъ взгляды Кеплера получили прочное обоснованіе и мы можемъ теперь утверждать, что солнце обладаетъ дѣйствительно силой отталкиванія, величина которой опредѣлена лабораторными опытами. Мы можемъ заранѣе предсказать въ каждомъ данномъ случаѣ величину отступленія отъ закона Ньютона и выяснить послѣдствія этихъ отступленій. Могутъ ли электрическія силы вмѣшиваться въ томъ или иномъ случаѣ и вызывать разногласіе съ закономъ Ньютона.? Вотъ вопросъ, который еще не можетъ быть теперь рѣшенъ. Пока мы не выразимъ въ точныхъ цифрахъ дѣйствіе солнечнаго свѣта, которое, очевидно, играетъ здѣсь главную роль, мы не можемъ дѣлать выводовъ о присутствіи или отсутствіи здѣсь другихъ силъ, ни утверждать, необходимы ли для объясненія этого явленія второстепенныя гипотезы, или достаточно одной теоріи Кеплера.

III.

Изъ области біологіи.

Примѣненіе низкихъ температуръ при разработкѣ біологическихъ проблемъ. Доказавъ на тифозныхъ бацилахъ, что низкая температура жидкаго воздуха (—190° Ц.) и даже жидкаго водорода не уничтожаетъ жизни, англійскій ученый *Мэкфейденъ* примѣнилъ низкія температуры къ изученію клѣточныхъ соковъ. Нормальная или патологическая ткань животныхъ, напр., эпителіальныя клѣтки, раковая опухоль и т. п. растираются при такой температурѣ, и внутриклѣточное содержимое ихъ подвергается соотвѣтственнымъ опытамъ; такой же обработкѣ подвергнуты нѣкоторыя плѣсени, дрожжи и бактеріи. Благодаря такимъ изслѣдованіямъ удалось доказать, что существуетъ особый классъ токсиновъ и ферментовъ, которые находятся и дѣйствуютъ внутри

клѣтокъ данной ткани или внутри бактерій; этотъ классъ противополагается другому, въ настоящее время уже относительно хорошо знакомому классу токсиновъ, находящихся при жизни данной клѣтки въ окружающей ее средѣ. Къ этому послѣднему классу принадлежитъ дифтеритный напр. ядъ, который служитъ для выработки дифтеритнаго противоядія (антитоксина). Многіе инфекціонные организмы не развиваютъ замѣтныхъ внѣклѣточныхъ токсиновъ, и потому неизвѣстные намъ токсины слѣдуетъ разыскивать внутри специфическихъ клѣтокъ, которымъ, повидимому, и слѣдуетъ приписывать отравленіе организма въ теченіе данной болѣзни. Практическая польза изученія этихъ внутриклѣточныхъ токсиновъ доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что вытяжка, полученная изъ внутриклѣточнаго токсина тифозной бациллы, даетъ намъ противоядіе противъ этого же токсина.

Изслѣдованія микроорганизмовъ гноя доказали, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ внутриклѣточными токсинами.

Примѣненіе низкихъ температуръ сдѣлало возможнымъ разработку и многихъ другихъ біологическихъ проблемъ. Напримѣръ, оказалось, что свѣтящіяся бактеріи сохраняютъ эту способность и будучи опущены въ жидкій воздухъ, но растертыя, онѣ уже перестаютъ свѣтиться. Отсюда ясно, что свѣченіе составляетъ функцію живого организма данной бактеріи и проявляется только тогда, если организація клѣтки не нарушена. Ядъ бѣшенства не найденъ еще до сихъ поръ или, по крайней мѣрѣ, не выдѣленъ въ чистомъ видѣ, хотя въ немъ и видятъ организованное вещество. Мѣсто нахожденія неизвѣстнаго намъ яда бѣшенства въ нервной сисмемѣ. Если мозговое вещество бѣшенаго животнаго будетъ растерто при низкой температурѣ, то его заразительныя свойства уничтожаются. Это служитъ новымъ доказательствомъ тому, что причиной болѣзни бѣшенства является организованный ядъ.

Образованіе бѣлковыхъ веществъ растеніями. Долголѣтніе, крайне обстоятельные опыты Лорана и Маршаля (Laurent et Marchal) надъ образованіемъ растеніями (горчица, цикорій, спаржа, горошекъ и мног. др.) бѣлковыхъ веществъ привели ихъ къ выводу, что безъ свѣта и хлорофилла не происходитъ несомнѣннаго образованія этихъ веществъ на счетъ азотистыхъ минеральныхъ соединеній. Доказать это можно различными способами: наиболѣе демонстративнымъ является слѣдующій, сравнительно довольно легкій, опытъ. Приготовляютъ растворъ калійной селитры (1 на 1.000) съ небольшимъ количествомъ сахарозы и опускаютъ туда свѣжіе, зеленые стебли различныхъ растеній. Стебли дѣлятъ на три группы: первая подвергается немедленно анализу для опредѣленія количества бѣлковаго вещества, вторая остается на ночь въ темнотѣ, послѣ чего дѣлается анализъ, третья также остается на ночь въ темнотѣ, но весь слѣдующій день на солнцѣ, послѣчего уже производится анализъ.

Цифры первой группы будутъ основными; цифры второй укажутъ, произошло ли увеличеніе бѣлковаго вещества въ темнотѣ, а цифры третьей дадутъ приростъ бѣлковаго вещества подъ вліяніемъ свѣта. Опыты эти и привели къ упомянутому выше выводу, что приростъ бѣлковыхъ веществъ происходитъ только днемъ, на свѣту.

Другіе опыты, подъ вліяніемъ различныхъ лучей спектра, показали, что лучи, наиболѣе содѣйствующіе образованію бѣлковыхъ соединеній, будутъ лучи ультрафіолетовые, въ особенности же наиболѣе преломляемые изъ нихъ.

Вотъ какую общую картину усвоенія азота растеніями даютъ Маршаль и Лоранъ. Свободный азотъ можетъ усвояться нѣкоторыми низшими организмами (или въ одиночку, или въ симбіозѣ), напр., *Clostridium pasteurianum*, различными бактеріями, ностоками, Rhizobium'ами. Азотъ въ видѣ амміачныхъ солей усвояется бактеріями, плѣсенями и другими низшими растеніями, лишенными хлорофилла, безъ вмѣшательства свѣтовыхъ лучей. То же самое явленіе можно наблюдать и у зеленыхъ растеній и при свѣтѣ и въ темнотѣ, и въ зеленыхъ тканяхъ и въ тканяхъ, лишенныхъ хлорофилла, но только при свѣтѣ процессъ этотъ совершается гораздо интенсивнѣе. Наконецъ, азотъ въ видѣ солей азотной кислоты усваивается безхлорофильными растеніями и въ темнотѣ и при свѣтѣ, но только въ послѣднемъ случаѣ совершается быстрѣе.

Когда ассимиляція азота въ какомъ-либо изъ этихъ трехъ видовъ идетъ въ темнотѣ, то происходитъ потребленіе углеводовъ, доставляющихъ необходимую энергію для химическихъ процессовъ возстановленія и синтеза. Но полный синтезъ бѣлковаго вещества можетъ совершаться въ темнотѣ только у низшихъ растеній, лишенныхъ хлорофилла, у растеній же зеленыхъ онъ происходитъ только при свѣтѣ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые процессы и здѣсь могутъ совершаться въ темнотѣ: крахмалистыя вещества могутъ возникать въ органахъ, лишенныхъ хлорофилла, присоединеніе же нѣкоторыхъ крахмалистыхъ веществъ къ образовавшимся уже въ данномъ растеніи веществамъ сахаристымъ можетъ сопровождаться образованіемъ бѣлковыхъ веществъ, несмотря на темноту. Но вѣдь сахары не могутъ образоваться въ растеніи безъ вліянія свѣта. Такимъ образомъ для перехода амміака или азотной кислоты въ бѣлковое вещество у взрослаго зеленаго растенія свѣтъ безусловно необходимъ.

Что же касается до усвоенія растеніями углекислоты, то здѣсь мы встрѣчаемъ большее однообразіе. За исключеніемъ очень незначительнаго числа организмовъ, какъ, напр., нитрифицирующихъ бактерій, возстановляющихъ этотъ газъ безъ участія хлорофилла и свѣта, всѣ остальныя растенія для осуществленія этого процесса нуждаются въ солнечномъ свѣтѣ. А такъ какъ солнечные лучи необходимы для образованія сахаровъ, а они, въ свою очередь, необходимы для образованія бѣлковыхъ веществъ, то можно сказать, что образованіе этихъ послѣднихъ всегда обусловливается солнечнымъ свѣтомъ.

Опыты прививки сифилиса обезьянамъ. Старый и новый способъ леченія этой болѣзни. Не такъ давно Мечникову и Ру удалось привить сифилисъ шимпанзе. До недавняго времени не удавалось привить эту болѣзнь ни одному позвоночному, ни даже млекопитающему. Только въ 1893 г. Николь привилъ его макаку (bonnet chinois), а нѣсколько позже Гамони японскому макаку. Мечниковъ и Ру производили свои опыты также и надъ макаками (bonnet chinois); черезъ 20 дней послѣ прививки образовывались пупулы и отеки вокругъ этихъ послѣднихъ; но все это держалось очень не-

долго, дальнѣйшихъ явленій сифилиса не появлялось и притомъ папулы наблюдались всего у 2-хъ изъ 5-ти животныхъ, подвергнутыхъ опыту. Затѣмъ Мечниковъ и Ру сдѣлали прививку шимпанзе, какъ наиболѣе близкому къ человѣку (въ анатомическомъ отношеніи) изъ всѣхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Для опыта была взята шимпанзе—самка, приблизительно около 2-хъ лѣтъ отъ роду. Сначала ей была введена серозная жидкость, взятая изъ твердаго шанкра человѣка; затѣмъ сифилитическая серозная жидкость введена была въ надбровную область. Обѣ эти прививки сифилитическаго яда сдѣланы отъ людей, лечившихъ эту болѣзнь. Въ 3-й же разъ этому же шимпанзе ввели сифилитическій ядъ отъ твердаго шанкра человѣка не лечившагося. Только черезъ 20 дней у шимпанзе появился маленькій прозрачный пузырекъ, окруженный краснотой. Вскорѣ пузырекъ превратился въ язвочку, а ткань вокругъ него съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе плотной. Дно шанкра, образовавшагося такимъ образомъ, стало круглымъ, желтаго цвѣта и покрылось сѣрой пленкой съ ясно выраженными контурами. Черезъ 20 дней послѣ появленія пузырька шанкръ находился въ полномъ своемъ развитіи; черезъ 56 дней послѣ первой прививки появились на спинѣ и на животѣ 4 разсѣянныхъ папулы; спустя нѣсколько дней число ихъ достигло 15. Папулы эти были покрыты сухими чешуйками, при осторожномъ соскабливаніи которыхъ появлялась розовая серозная жидкость. Позже между периферіей и чешуйками появилось тонкое кольцо, покрытое бѣлыми бляшками. Спустя нѣкоторой время послѣ періода наивысшаго развитія всѣхъ явленій сифилиса периферія шанкра изъ красной стала блѣдной, затѣмъ пигментированной въ черный или темно-коричневый цвѣтъ; затвердѣніе папулъ исчезло, также и при дотрогиваніи онѣ легко сморщивались. Черезъ 3 мѣсяца послѣ начала опыта обезьяна заболѣла и проболѣвъ 2 недѣли умерла. Трупъ ея вѣсилъ всего 4.600 граммъ. При вскрытіи найдены были паховыя лимфатическія железы съ правой стороны болѣе увеличенными, чѣмъ съ лѣвой, селезенка твердой и гипертрифированной; печень—большой, малокровной, желтой, съ выпуклостями; почки также малокровныя, съ ненормально увеличеннымъ корковымъ слоемъ. Вещества для культуры, засѣянныя кровью изъ сердца, печени, селезенки и легкихъ, дали громадное количество пневмококковъ. Животное, слѣдовательно, погибло благодаря развитію въ организмѣ этихъ послѣднихъ. Изъ своего опыта Мечниковъ и Ру вывели слѣдующіе результаты: шимпанзе болѣе чувствителенъ къ сифилитическому яду, чѣмъ остальныя обезьяны; развитіе сифилиса у шимпанзе идетъ въ томъ же порядкѣ, что и у человѣка и, наконецъ, вторичныя явленія обнаруживаются въ видѣ чешуйчатыхъ папулъ.

Кромѣ того, опытъ Мечникова и Ру показалъ, что твердый шанкръ человѣка, даже находящійся на пути къ заживленію, содержитъ достаточно сифилитическаго яда, для зараженія имъ шимпанзе; и, наконецъ, что иммунитетъ наступаетъ очень быстро.

Мечниковъ и Ру привили затѣмъ сифилисъ отъ перваго шимпанзе второму, на этотъ разъ самцу, чѣмъ и доказали, что болѣзнь эта можетъ быть передаваема отъ одного шимпанзе къ другому.

Новыми опытами вышеупомянутые ученые хотятъ рѣшить вопросъ, не явится ли сифилитическій ядъ ослабленнымъ, если онъ пройдетъ черезъ организмъ шимпанзе. Понятна важность результатовъ съ точки зрѣнія леченія этой страшной болѣзни.

За послѣднее время снова поднимаются споры о «старомъ» и «новомъ» леченіи сифилиса.

Такъ, Кюнъ (Kuhn) подымаетъ вопросъ о женитьбѣ сифилитиковъ и о леченіи ихъ.

Въ послѣднее время многіе сифилитологи держатся того мнѣнія, что нетолько сифилитики, не проведшіе курсъ леченія въ теченіе 3-хъ, 5-ти лѣтъ, не должны вступать въ бракъ, но даже и лечившіеся такимъ образомъ не могутъ быть вполнѣ годными мужьями. Свои слова спеціалисты эти подтверждаютъ обширной практикой, которая позволила имъ сдѣлать заключеніе, что будущее многихъ изъ ихъ пацієнтовъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались продолжительному леченію, никогда не застраховано отъ новыхъ проявленій болѣзни, притомъ тѣмъ болѣе частыхъ, чѣмъ болѣе коротко было леченіе.

По мнѣнію же Кюна, всѣ эти увѣренія основаны на результатахъ плохого леченія, и онъ убѣжденъ, что именно продолжительное специфическое леченіе сдѣлаетъ изъ сифилитика инвалида и плохого мужа, такъ какъ подобное леченіе совершенно недостаточно и можетъ уничтожить нѣкоторыя проявленія сифилиса, радикально не вылечивая; если же и вылечиваетъ, то это касается тѣхъ доброкачественыхъ случаевъ, гдѣ исцѣленіе происходитъ безъ всякаго лекарства.

Въ осужденіе метода, заключающагося въ веденіи въ организиъ въ теченіе продолжительнаго времени небольшихъ количествъ ртути, такихъ, при которыхъ слюнетеченіе не проявляется, Кюнъ приводитъ слова извѣстнаго страсбургскаго профессора Шютценбергера:

«Я убѣдился, что введеніе небольшихъ дозъ ртути приводитъ къ леченію часто очень продолжительному, что рецидивы при такомъ леченіи часты и что способъ этотъ, въ общемъ вводя въ организмъ большія количества ртути, не приводилъ къ радикальному излечиванію... Для меня становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что способъ этотъ плохой, и потому, начиная съ 1840 г., я вернулся къ старому, которымъ пользовались: Фабръ, Рустъ, Гессертъ, Шааль и др., въ чемъ я никогда не раскаивался». Всѣ подробности стараго метода находятся въ работѣ Шютценбергера «Observations pratiques sur la syphilis», вышедшей послѣ 1870 г. Достаточно сказать, что все леченіе распадается на 3 періода: 1) Подготовительный періодъ, совершенно пренебрегаемый большинствомъ сифилитологовъ, между тѣмъ какъ дальнѣйшій опытъ показалъ, что если извѣстнымъ режимомъ не подготовить больного, то специфическое леченіе остается часто недѣйствительнымъ или же только даетъ временное облегченіе.

2) Курсъ специфическаго леченія *интенсивными* втираніями, при которомъ, въ противоположность продолжительному методу леченія, въ организмъ вводится въ короткое время значительныя количества ртути, могущія уничтожить инфекціонное начало или сдѣлать ткани невоспріимчивыми къ нему.

3) Періодъ возстановляющій, которымъ оканчивается леченіе въ виду того, что больные худѣютъ и теряютъ до 10-ти килогр. вѣса.

Общая продолжительность всѣхъ 3-хъ періодовъ колеблется отъ 7-ми до 10 недѣль, впродолженіи которыхъ больной не покидаетъ комнаты.

«Я прослѣдилъ, —говоритъ Шютценбергеръ,—въ теченіе 10, 20, 30 лѣтъ очень много моихъ старыхъ паціентовъ, многіе изъ нихъ старики, отцы и дѣдушки. Здоровье ихъ и ихъ дѣтей прекрасно. Поэтому я не подпишусь подъ увѣреніями въ неизлечимости пріобрѣтеннаго сифилиса».

Самому Кюну пришлось также слѣдить много лѣтъ за сифилитиками, лечившихся по старому методу; многіе изъ нихъ женаты и дѣти ихъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ наслѣдственнаго сифилиса. И ни у кого изъ нихъ не было рецидивовъ, точно также, какъ никто изъ нихъ не является какъ мужъ и какъ отецъ худшимъ, чѣмъ не болѣвшіе сифилисомъ. Но даже сифилитологи, не признающіе вообще интенсивнаго метода, стоятъ за него при тяжелыхъ проявленіяхъ сифилиса. Такъ Фурнье, находитъ, что если сифилисъ проявится въ воспаленіи сѣтчатой и сосудистой оболочекъ глазъ, то немедленно надо прибѣгнуть къ ртути наиболѣе активнымъ, наиболѣе энергичнымъ образомъ. Слабое леченіе въ теченіе продолжительнаго времени, не примѣнимо въ подобныхъ случаяхъ. Сулема, ртуть, вводимыя внутрь черезъ желудокъ, даже въ большихъ дозахъ являются недѣйствительными и недостаточными противъ такого рода проявленій сифилиса.

Внутривенное вспрыскиваніе сулемы при заразныхъ болѣзняхъ. Недавно появилась работа *Маріони* о противоядномъ дѣйствіи сулемы. Свои многочисленные опыты онъ производилъ надъ животными и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Внутривенныя вспрыскиванія сулемы увеличиваютъ противодѣйствіе организма животныхъ заразнымъ началамъ, что объясняется скорѣй антитоксическимъ вліяніемъ этихъ вспрыскиваній, чѣмъ бактерицидным, т.-е. уничтоженіемъ самихъ бактерій.

Впрыскиванія вызываютъ и усиливаютъ способность кровяной сыворотки склеивать бактеріи и спасаютъ животныхъ, которымъ былъ введенъ какой-нибудь бактерійный ядъ.

Такъ удалось спасти животныхъ, зараженныхъ диплококками и стрептококками. Нужно только, чтобы вспрыскиваемый растворъ сулемы былъ очень слабый и въ количествѣ $^1/_{50}$ миллигр. на каждый килограммъ животнаго.

Такимъ образомъ вспрыскиванія сулемы могутъ служить предохранительной прививкой. Если вспрыскивать животнымъ черезъ извѣстный промежутокъ времени ежедневно $^1/_{10}$ миллигр. раствора сулемы, то послѣ этого имъ можно безнаказанно ввести смертельную дозу какого-нибудь изъ вышеупомянутыхъ токсиновъ или вспрыснуть въ брюшину вирулентную культуру бактерій.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Мартъ. 1904 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Публицистика.— Соціологія и политическая экономія. — Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Б. Якимовъ. „Безъ хлѣба насущнаго“.—*И. Гривскій.* „Записки рабочаго“.—*Артуръ Шницлеръ.* „Пьесы“.

В. Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к. Годъ тому назадъ г. Якимовъ издалъ сборникъ интересныхъ очерковъ изъ голоднаго 1899 года. Хотя сами очерки и не отличались особыми литературными достоинствами, будучи написаны только, что называется, прилично, но какъ правдивое описаніе голодающей деревни и отношенія къ ней разныхъ соприкасающихся элементовъ—книга его «По слѣдамъ голода» заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, мы боимся, что нѣкоторый успѣхъ его первой книги побудилъ автора поспѣшить съ изданіемъ второй книги его разсказовъ, которая, не отличаясь никакими литературными достоинствами, лишена и того фактическаго интереса, какой несомнѣнно представляетъ первая. Г. Якимовъ пишетъ прилично, гладко, правильнымъ русскимъ языкомъ и въ высшей степени добродѣтельно. Каждый его очеркъ заключаетъ въ себѣ мораль и поученіе, въ родѣ того, что къ людямъ надо относиться хорошо («Неизбѣжный процентъ»), не слѣдуетъ никогда забывать о бѣдныхъ («Безъ хлѣба насущнаго»), надо помогать, не надо соблазнять чужихъ женъ («Съ больной совѣстью») и т. д. Въ каждомъ разсказѣ та или иная мораль торчитъ какъ шестъ и злитъ своей назойливостью даже и непритязательнаго читателя. А происходитъ это по той простой причинѣ, что для литературнаго произведенія недостаточно добрыхъ мыслей и расположенія къ людямъ, а надо хоть капельку. таланта. Возьмемъ для примѣра лучшій очеркъ г. Якимова «Неизбѣжный процентъ», въ которомъ идетъ рѣчь о дурномъ отношеніи строителей желѣзной дороги къ рабочимъ. Инженеръ, конечно, хапуга и картежникъ по трафарету очерченный. Гости станового, у котораго онъ спускаетъ добытыя нечистымъ путемъ деньги, всѣ на одно лицо. Двое студентовъ—одинъ уже копія съ инженера, другой съ добродѣтельной закваской—не живые люди, а два для соотвѣтственной цѣли приспособленные манекена. Мы ихъ не видимъ, не слышимъ, а только внимаемъ автору, какъ онъ силится ихъ представить живыми при помощи общихъ словъ, обычныхъ эпитетовъ, но нѣтъ у автора ни одной *своей* черточки, *своего* пріема, *своего* глаза, который бы открылъ намъ въ его герояхъ нѣчто такое, чего мы раньше не видѣли, не чувствовали, не замѣчали. Вотъ это-то отсутствіе *своей* физіономіи и дѣлаетъ всю книгу г. Якимова безличной, блѣдной, не интересной и ненужной. Къ концу книги приложено нѣсколько небольшихъ очерковъ изъ голоднаго года, которые

какъ-то не вяжутся съ содержаніемъ остальной части книги, и умѣстнѣе было бы ихъ включить во второе изданіе первой книги г. Якимова «По слѣдамъ голода». *А. Б.*

И. Гривскій. Записки рабочаго. Спб. 1904 г. Ц. 80 к. Небольшая книжечка г. Гривскаго открывается двумя небольшими разсказами, до того наивными и ничтожными, что становится неловко за автора. Но не въ этихъ разсказикахъ значеніе этой книжечки, и будетъ жалко, если иной читатель, пробѣжавъ ихъ, броситъ книжку, какъ обычную макулатурную стряпню еще одного неудачника. Значеніе и несомнѣнный интересъ придаютъ ей два очерка—«Изъ жизни мастеровыхъ» и «Безатестатный», составляющіе главное ея содержаніе. Въ нихъ нѣтъ никакихъ попытокъ на вымыселъ и художественное «сочиненіе»: это безхитростное описаніе жизни петербургскихъ мастеровыхъ, ихъ быта, условій труда, оплаты его и невозможной, убійственной обстановки. Очерки несомнѣнно написаны человѣкомъ если не рабочимъ, то очень близко стоящимъ къ рабочей средѣ. Въ первомъ авторъ начинаетъ съ описанія квартиры, въ которой ютятся большинство рабочихъ въ Петербургѣ. Въ небольшой полутемной квартирѣ изъ четырехъ комнатъ живутъ 35 человѣкъ—артель столяровъ, артель маляровъ и артель каменьщиковъ. И вотъ какъ живутъ: «Постели у задней стѣны нижняго яруса (наръ) занимали маляры. Они платили по два рубля съ человѣка въ мѣсяцъ. Ихъ постели были пропитаны масломъ и красками, хотя они и были изъ мочальныхъ матрасовъ и перовыхъ подушекъ, но наволочки на нихъ блестѣли, точно клеенчатыя, потому что онѣ никогда не были въ стиркѣ и ничѣмъ не закрывались, а днемъ на нихъ тѣ же столяры клали, что попало; да и сами маляры приходили съ работы въ блузахъ и фартукахъ, запачканныхъ красками и разною грязью, ибо по своему ремеслу малярамъ больше всѣхъ другихъ мастеровъ приходится убирать грязь вездѣ... Вотъ въ такихъ-то костюмахъ они и приходятъ съ работы, снимая всю свою одежду, тутъ же около постели и складываютъ, и ложатся спать по два человѣка на одной постели, гдѣ отъ стружекъ столярной мастерской такая масса блохъ, что онѣ буквально всѣхъ ихъ, какъ говорится, обсыплютъ». Чѣмъ же объясняется такая обстановка? Прежде всего заработкомъ. Авторъ описываетъ всю жизнь одного мастерового, отъ выхода его мальчикомъ изъ деревни и до того момента, когда его застаетъ разсказъ—уже взрослымъ, женатымъ и трезвымъ, искуснымъ мастеромъ. «Послѣдніе годы онъ больше не рядился на все лѣто, а работалъ поденно. Прошлое лѣто онъ получалъ 1 р. 60 к. въ день. Съ 15 мая по 15 сентября имъ было заработано за 101 день 161 р. 60 к. При самомъ скудномъ питаніи онъ издерживалъ по 25 к. въ день, съ праздниками вышло 39 р. 50 к.; одежда и обувь 10 р., баня и стирка бѣлья 2 р. 50 к., за уголъ въ темной комнатѣ по 2 р. въ мѣсяцъ—10 р., да на дорогу изъ деревни (въ Костромской губерніи, откуда ѣдутъ большинство маляровъ, плотниковъ и штукатуровъ) и обратно издержалъ 25 р. Поэтому при самой скромной жизни у него выходило расхода 87 р. и оставалось на круглый годъ для деревни 74 р. 60 к.». И такъ живетъ и работаетъ не пьющій, хорошій мастеръ, которымъ дорожатъ и охотно берутъ на работу.

Такой же безхитростный разсказъ и «Безатестатный», тоже несомнѣнно «записанный» съ натуры. Это судьба мастера повыше, который, благодаря врожденной способности къ рисунку, мало-по-малу выбивается на поверхность, но удерживается здѣсь съ великимъ трудомъ, постоянно рискуя потонуть. Жизнь не обезпечена ничѣмъ, болѣзнь сразу губитъ плоды работы цѣлыхъ годовъ; жадность, несправедливость въ разсчетахъ, невозможность стоять за личное достоинство и тысячи случайностей—вотъ обычная обстановка такого мастера высшаго разряда. Наивность изложенія, подчасъ дѣтскія почти размышленія автора нѣсколько прискучиваютъ, но эти недостатки подчеркиваютъ правди-

вость разсказа. «Сочинитель», хотя бы въ родѣ г. Якимова, сразу выдалъ бы себя попытками на художественность и психологію, чѣмъ справедливо внушилъбы недовѣріе къ фактичности и правдѣ своихъ очерковъ. *А. Б.*

Артуръ Шнитцлеръ. Пьесы. Въ погонѣ за легкой добычей. Завѣщаніе. Сказка. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1903. — Его же. Покрывало Беатриче. Драма въ 5 актахъ. Пер. Михаилъ Свободинъ. Москва. 1903. — Его же. Часы жизни. Пер. О. Н. Поповой.—Его же. Часы жизни. Пер. А. Гретманъ и Е. Ю-ге. Москва 1902. Симпатіи нашихъ переводчиковъ, или вѣрнѣе сказать, издателей иностранной беллетристики чрезвычайно инертны: въ теченіе долгаго времени писатель игнорируется совершенно, а затѣмъ благодаря какой-нибудь случайности, очень часто не стоящей въ связи съ литературными достоинствами его произведеній, онъ становится предметомъ увлеченія; не успѣетъ онъ издать что-нибудь въ оригиналѣ, удачно ли новое произведеніе или неудачно, оно тотчасъ же преподносится русскому читателю въ нѣсколькихъ переводахъ, и при этомъ издатели вполнѣ убѣждены, что этого требуетъ именно вкусъ читателя, а не ихъ собственная рутина. Такъ ведется ужъ у насъ изстари: пристрастіе къ именамъ и равнодушіе къ сущности. Этой едва ли завидной участи подвергались въ числѣ другихъ Шпильгагенъ, Зола, Доде, въ болѣе недавнее время Ибсенъ, Гауптманъ и, наконецъ, Шнитцлеръ. Послѣдній вошелъ у насъ въ моду съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что онъ вступилъ въ принципіальный конфликтъ съ офицерскимъ кодексомъ чести мундира. Но вниманіе, которымъ онъ пользуется среди русскихъ переводчиковъ и издателей, по нашему мнѣнію, далеко превышаетъ его истинныя литературныя заслуги. Мы не утверждаемъ, что Шнитцлеръ бездарный писатель, и не отрицаемъ за нимъ нѣкоторыхъ солидныхъ качествъ; въ своихъ повѣстяхъ онъ хорошій разсказчикъ съ развитымъ зрительнымъ воображеніемъ, онъ всегда беретъ интересныя психологическія или общественныя темы, очень умно и пикантно ихъ обставляетъ, тѣ мысли, которыя онъ вкладывалъ въ уста своимъ героямъ, часто глубоко продуманы и всегда остроумно выражены, у него развитой вкусъ, предохраняющій его отъ аляповатости, все это очень почтенныя качества, но до творческаго таланта отсюда еще далеко. Той естественности и конкретности, которыя даютъ читателю непосредственное ощущеніе жизненной правды, которыя дѣлаютъ литературное произведеніе какъ бы явленіемъ дѣйствительности, у него не встрѣчается. Его повѣсти и особенно драмы похожи на тщательные чертежи инженера, а не на рисунки художника. Особенно холодны его произведенія на философскія темы, какъ напр., исторически декорированная драма «Покрывало Беатриче». Для человѣка существуетъ только настоящій моментъ; прошлое—сонъ, будущее—никто не можетъ сказать, что онъ будетъ чувствовать и хотѣть черезъ полчаса. «Никто не можетъ дважды вступить въ одинъ и тотъ же потокъ», какъ говоритъ древній мудрецъ; душа не есть нѣчто единое и цѣльное, а лишь цѣпь безконечно перемѣнчивыхъ состояній сознанія. Все это очень интересно и въ рукахъ геніальнаго художника могло бы породить безсмертные образы, тогда какъ драма Шнитцлера неубѣдительна, растянута, полна глубокими, но скучными философствованіями; въ ней нѣтъ поэзіи живого чувства, но есть много того, что Л. Н. Толстой называетъ поэтичностью, т.-е. поддѣлки подъ поэзію. Удачнѣе, во всякомъ случаѣ интереснѣе его драмы изъ современной жизни, затрогивающія общественныя темы: объ условной корпоративной чести («Въ погонѣ за легкой добычей»), о бракѣ, не записанномъ въ метрику («Завѣщаніе»), о порочности женщины, совершившей «ошибку» («Сказка»). Здѣсь авторъ, полный самаго достойнаго свободомыслія, вполнѣ побѣдоносно разрушаетъ всѣ доводы безсмысленныхъ предразсудковъ и рисуетъ злую сатиру буржуазной ограниченности и черствости. Но и въ этихъ драмахъ разсудочность гораздо сильнѣе художественной

реализаціи, а для русской публики значеніе ихъ много ослабляется тѣмъ, что поставленные авторомъ вопросы для нея давно уже безповоротно рѣшены, не только въ теоріи, но и по чувству. Касты, старающіяся придерживаться искусственныхъ понятій о формальной чести, у насъ немногочисленны, и никому въ голову не придетъ изображать ихъ заскорузлые принципы въ видѣ бича общественнаго мнѣнія. Формальное отношеніе къ браку, по крайней мѣрѣ въ интеллигентной средѣ, также давно разрушено. Третій мотивъ — непреодолимое отвращеніе, которое, несмотря ни на какіе доводы ума, мужчина питаетъ къ «прошлому» любимой женщины, сильно занимаетъ западныхъ писателей, начиная съ Анатоля Франса («Le lis rouge») и кончая Пшибышевскимъ («Дѣти сатаны» и др.), но русской литературѣ онъ совершенно чуждъ, если не считать уже совсѣмъ ненормальныхъ героевъ Достоевскаго («Записки изъ подполья» и нѣкоторые другіе), а отсюда позволительно заключить, что и самое чувство мало распространено въ русскомъ обществѣ. Особнякомъ стоитъ маленькая одноактная пьеска Шнитцлера «Послѣднія маски» (въ сборникѣ «Часы жизни»), гдѣ сила выраженія соотвѣтствуетъ глубинѣ содержанія. Несчастный неудачникъ-писатель, въ полномъ сознаніи умирающій въ больницѣ, хочетъ еще разъ увидѣть своего злѣйшаго врага, прославленнаго поэта, чтобы однимъ словомъ разбить благополучіе и самодовольство этого баловня судьбы: было время, когда онъ, жалкій горемыка, былъ любовникомъ жены своего счастливаго соперника, онъ можетъ это доказать, у него сохранились письма. Но когда тотъ великодушно навѣщаетъ его въ больницѣ, бѣдняга не исполняетъ своего плана: «Какъ жалки люди, которымъ предстоитъ еще жить и завтра,—говоритъ онъ послѣ свиданія своему сосѣду по палатѣ.—Что можетъ быть общаго съ людьми у насъ, которыхъ завтра уже не будетъ на свѣтѣ?» Пьеса эта хорошо переведена г-жею Гретманъ. Вообще всѣ указанныя здѣсь произведенія Шнитцлера переведены вполнѣ удовлетворительно. Г. Свободинъ, за рѣдкими исключеніями, передалъ подлинникъ гладкими, иногда даже звучными стихами. Языкъ О. Н. Поповой лишенъ характера; она слишкомъ буквально старается передать оригиналъ,—мѣстами это прямо нарушаетъ смыслъ: такъ ein Nest, въ приложеніи въ городу, не значитъ «гнѣздо», какъ переводитъ г-жа Попова, а трущоба, яма, дыра; ein sauberes Mädel въ данномъ контекстѣ не значитъ «опрятная дѣвочка», а славная, миленькая дѣвушка или дѣвочка... Однако, въ общемъ, какъ сказано, всѣ лежащіе передъ нами переводы исполнены достаточно литературно.

Е. Дегенъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Энгельгардтъ. „Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати.—*К. Храневичъ.* „Очерки новѣйшей польской литературы".

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 75 к. На 355 стр. новаго труда г. Энгельгардта напечатаны такія строки: «Принципы, которыми руководился Бѣлинскій, которымъ не могъ не слѣдовать, по сущности природы своей, стали завѣтомъ для всей русской литературы, закономъ писательской чести». Чтобы познакомить читателя съ принципами Бѣлинскаго, далѣе перепечатаны выдержки изъ его писемъ къ Краевскому, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Не любя присвоивать себѣ ничего чужого, ни худого, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ мнѣній, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены». И такъ, не присваивать себѣ ничего чужого — это «законъ писательской чести», по признанію самого г. Энгельгардта. Какъ со-

блюдался г. Энгельгардтомъ этотъ «законъ» раньше, хорошо извѣстно изъ рецензій, посвященныхъ «Исторіи русской литературы XIX вѣка». Но это дѣло прошлое, по крайней мѣрѣ, дѣло 1902 и 1903 годовъ, а передъ нами книга, помѣченная 1904 годомъ. Можетъ быть, теперь г. Энгельгардтъ сталъ гораздо осторожнѣе и рѣшился не скупиться на подстрочныя примѣчанія и кавычки? Дѣйствительно, того и другого въ новой книгѣ г. Энгельгардта очень много, пожалуй, еще болѣе чѣмъ въ «Исторіи русской литературы». Въ своихъ ссылкахъ онъ теперь старается быть точнымъ, на сколько возможно: онъ указываетъ иногда не только годъ изданія, но даже адресъ типографіи, гдѣ эта книга была напечатана. Не смотря на все это, и въ новой книгѣ г. Энгельгардта оказывается не мало чужихъ словъ, не отмѣченныхъ кавычками. Иногда, впрочемъ, сдѣланы подстрочныя примѣчанія, которыя даютъ возможность думать, что тутъ мы имѣемъ дѣло если не съ чужими словами, то, по крайней мѣрѣ, съ чужими мыслями. Но встрѣчаются и такія мѣста, которыя присвоены себѣ г. Энгельгардтомъ безъ всякихъ указаній на источники. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

У Шелгунова („Воспоминанія“), гл. VII. „Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли, были Москва и Петербургъ... Въ поддержку „Русской Бесѣды“ Кошелева явился „Парусъ„ Ив. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ—„Русскій Вѣстникъ“, основанный въ 1856 г., въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность интересомъ и дѣльностью содержанія; но уже въ 1857 г., возникъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ расколъ по вопросу о централизаціи и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала „Атеней“.

У г. Невѣдѣнскаго („Катковъ и его время; стр. 121):

„Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ завѣденъ отдѣлъ современной лѣтописи, но онъ состоялъ въ первые годы большею частью изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ... Въ означенномъ отдѣлѣ Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землей и осуществленія операціи выкупа съ помощію правительства“.

У Джаншіева („Эпоха великихъ реформъ“, изданіе 7-ое, с. с. 373—374), „Обращаясь къ Россіи, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ, и само высшее правительство, передававшее на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою.“

У г. Энгельгардта (стр. 239): „Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли въ періодъ съ 1855 по 1862 годъ, были Москва и Петербургъ... Въ поддержку „Русской Бесѣдѣ“ Кошелева возникъ „Парусъ“ Ив. С. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ — „Русскій Вѣстникъ“, основанный въ 1859 г. въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность дѣльностью содержанія. Но уже въ 1857 году возникъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ расколъ по вопросу о централизаціи, и часть его сотрудниковъ, отлѣвшись, основала „Атеней“.

У г. Энгельгардта (с. 240): „Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ завѣденъ отдѣлъ „Современная Лѣтопись“, но онъ состоялъ въ первые годы большею частью изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ... Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землею и осуществленія операціи выкупа съ помощью правительства.“

У г. Энгельгардта (с. 265): „Баронъ Корфъ прямо заявилъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ и само высшее правительство, предавшее (!) на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою“.

Можно даже сказать, что въ «Очеркахъ исторіи русской цензуры» такихъ позаимствованій гораздо больше, чѣмъ въ «Исторіи русской литературы». Въ первой изъ названныхъ книгъ мы находимъ цѣлый рядъ перепечатокъ изъ второй, конечно, безъ всякихъ кавычекъ и указаній. При этомъ перепечатаны цѣлыя страницы вмѣстѣ съ цитатами, которыя при второй перепечаткѣ не всегда отмѣчены кавычками. Такимъ образомъ, то, что въ «Исторіи русской литературы» было еще *чужимъ*, въ «Очеркѣ исторіи русской цензуры» оказалось уже *своимъ*. И послѣ всего этого г. Энгельгардтъ рѣшился сдѣлать такое заявленіе: «Считая русскихъ невѣждами и варварами, презирая ихъ, какъ полякъ, Сенковскій смѣло плагіировалъ, черпая обѣими руками изъ западныхъ литературъ» (стр. 118). За кого же считаетъ русскихъ читателей самъ г. Энгельгардтъ, «смѣло... черпая обѣими руками» не только изъ мало доступныхъ, но и изъ широко распространенныхъ русскихъ книгъ? Характерна также строгость г. Энгельгардта по отношенію къ чужимъ стилистическимъ промахамъ. На 288 стр. послѣ словъ г. Скабичевскаго: «является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ», поставлено въ скобкахъ: «является явленіемъ... гмъ!» Интересно знать, какимъ бы междометіемъ разразился г. Энгельгардтъ, если бы ему пришлось уличить кого-нибудь въ забывчивости по части кавычекъ передъ чужими словами.

Самый подборъ цитатъ, составляющихъ большую часть новой книги г. Энгельгардта, сдѣланъ крайне безпорядочно. Если бы, напримѣръ, читатель захотѣлъ ознакомиться съ дѣятельностью тайнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго 2-го апрѣля 1848 года, онъ, конечно, обратился бы къ «Очеркамъ николаевской цензуры», вошедшимъ въ книгу г. Энгельгардта, но нашелъ бы тамъ всего одно предложеніе: «учрежденъ негласный комитетъ, такъ называемый «бутурлинскій» (стр. 164). Болѣе подробно, и совершенно неумѣстно, говорится объ этомъ комитетѣ въ отдѣлѣ «Цензура въ эпоху великихъ реформъ».

Поражаетъ новая книга г. Энгельгардта и грубѣйшими ошибками въ области исторіи русской цензуры и журналистики. Невѣрно, что императрица Екатерина II создала «первый русскій журналъ» (стр. 8): были журналы и до появленія «Всякой всячины». Невѣрно, что «русская печать начинаетъ предъявлять притязанія на самостоятельность» только съ 1790 г., со времени Радищева и Карамзина (стр. 8): въ такихъ притязаніяхъ никакъ нельзя отказать Новикову. Невѣрно, что «только съ 1796 года начинается борьба правительства съ *вредными* идеями» (стр. 27): Радищевъ, Новиковъ и трагедія Княжнина «Вадимъ» пострадали до 1796 года. Невѣрно, что въ царствованіе императора Александра I «книги и авторы, говорившіе противъ крѣпостной зависимости, всегда подвергались остракизму» (стр. 64): «Теорія налоговъ» Николая Тургенева выдержала два изданія, несмотря на заключавшіеся въ этой книгѣ протесты противъ «рабства». Невѣрно, что въ 1848 году «учреждено сразу до двадцати различныхъ цензуръ» (стр. 164): «множественность» цензуръ явилась не сразу, а образовалась постепенно.

Подобныя ошибки въ большинствѣ случаевъ можно опровергнуть на основаніи собственной же книги г. Энгельгардта, у котораго наблюдается интересная способность скоро забывать даже то, что недавно еще было имъ написано или напечатано. Этою только способностью можно объяснить и такой, напримѣръ, фактъ, что на стр. 38-ой Булгаринъ «названъ сыномъ польскаго магната», а на стр. 50-ой—«минскимъ шляхетскимъ недорослемъ». Даже на одной и той же страницѣ сначала сказано, что «обсужденіе внутреннихъ дѣлъ не допускалось впродолженіи 50-хъ годовъ», а вслѣдъ затѣмъ говорится, что именно въ пятидесятыхъ годахъ Катковъ писалъ о дарованіи крестьянамъ гражданской полноправности и объ освобожденіи крестьянъ съ землею посред-

ствомъ выкупа, Безобразовъ писалъ о дворянствѣ, а Громека—о взяткахъ и полиціи (стр. 240).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какого «историка» русской цензуры и русской журналистики мы имѣемъ въ лицѣ г. Энгельгардта. Что касается его собственныхъ взглядовъ на цензуру, то объ этомъ уже было сказано въ февральской книжкѣ нашего журнала. *С. Ашевскій.*

К. І. Храневичъ. Очерки новѣйшей польсной литературы. Спб. 1904. Существуютъ и по днесь критики, которые чувствуютъ себя призванными судить живыхъ и мертвыхъ и произносить имъ приговоры къ свѣдѣнію писателей и въ назиданіе «обыкновеннаго читателя». Къ подобнымъ критикамъ принадлежитъ г. Храневичъ. «Пусть каждый судитъ по личному опыту,—говоритъ онъ,—насколько интересно и полезно бываетъ сопоставить личное впечатлѣніе, полученное отъ того или другого художественнаго произведенія, съ приговоромъ присяжнаго критика—предполагается (хотя далеко не всегда такъ бываетъ,— объективно прибавляетъ авторъ)—тонкаго и справедливаго цѣнителя». Безъ критики не можетъ быть никакого порядка въ литературѣ, въ родѣ того, какъ на ярмаркѣ безъ урядника. Поэтому, русская критика, которая, по мнѣнію автора, послѣ Добролюбова окончательно выродилась, уступивъ свое мѣсто «куцой рецензіи», наноситъ непоправимый вредъ литературѣ и публикѣ. «Цѣлая плеяда крупныхъ талантовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ остается въ полномъ пренебреженіи со стороны литературной критики; произведенія ихъ, несомнѣнно читаемыя публикой, для критики остаются какимъ-то заколдованнымъ кладомъ, до котораго она не хочетъ или боится прикоснуться». Имена этихъ талалантовъ, внушающихъ такой страхъ нашей робкой критикѣ, авторъ такъ и не сообщаетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ мы убѣждены, что русская критика грѣшитъ не столько робостью (въ этомъ, по крайней мѣрѣ, ее еще никогда не упрекали), сколько невѣдѣніемъ: просто, она не имѣетъ понятія о существованіи того клада, который извѣстенъ г. Храневичу. Польская литература, наоборотъ, вполнѣ удовлетворяетъ автора: «здѣсь, можно сказать, каждый Гансъ имѣетъ свою Гретхенъ», т.-е. сколько писателей, столько и критиковъ. Кому изъ нихъ принадлежитъ мужская роль, а кому женская, авторъ также не объясняетъ. Не знаемъ, какую пользу приноситъ богатство критической литературы польскому читателю, но г. Храневичъ несомнѣнно извлекъ изъ нея очень много: онъ обѣими руками черпаетъ изъ извѣстныхъ трудовъ Петра Хмѣлёвскаго («Zarys najnowszej literatury polskiej») и Вильгельма Фельдмана («Wspolczesna literatura polska»; впрочемъ, наиболѣе полная версія послѣдняго сочиненія, «Piśmiennictwo polskie», осталась ему неизвѣстной), у которыхъ онъ кстати, а чаще не кстати выписываетъ библіографическія и біографическія свѣдѣнія, невсегда удачно разбавляя ихъ собственными стилистическими разводами: такъ, напр., В. Фельдманъ сообщаетъ объ Клем. Юношѣ, что онъ «послѣ краткой чиновничьей карьеры хозяйничалъ въ родной деревнѣ»; г. Храневичу это кажется блѣднымъ, и онъ считаетъ нужнымъ установить психологическую связь этихъ фактовъ: «Юноша, — утверждаетъ онъ,—быстро *разочаровался* въ чиновничьей жизни и поселился въ небольшомъ своемъ фольваркѣ...» Что Юноша былъ когда-нибудь очарованъ чиновничьей дѣятельностью, польской критикѣ неизвѣстно. При убожествѣ мысли, въ чисто литературныхъ, какъ и въ общественныхъ вопросахъ, г. Храневичъ заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы писать такъ, какъ пишется въ «настоящихъ» книжкахъ: слова онъ употребляетъ больше «по звону», не задумываясь о томъ, что они собственно означаютъ. Приведемъ примѣры. «Что Юноша не такой крупный талантъ, который давалъ бы право на помѣщеніе его въ пантеонѣ, хотя бы *только лишь* въ польскомъ,—противъ этого нельзя спорить; (но) будетъ только дѣломъ справедливости сказать, что въ немъ

квартируютъ нѣкоторые національные герои, въ сравненіи съ которыми нашъ беллетристъ *куда какъ выше* и почтеннѣе...» Какихъ «квартирантовъ» пантеона подразумѣваетъ г. Храневичъ, опять загадка. Холодность критики къ Юношѣ авторъ объясняетъ (неосновательно) тѣмъ, что польская литература интересуется теперь только жизнью большого города и съ пренебреженіемъ смотритъ на мелкую, экономически вымирающую деревенскую шляхту, слабо откликающуюся «на отдаленный рокотъ волнующихся центровъ», тогда какъ Юноша, наоборотъ, увлекался бытомъ этой общественной группы. Авторъ считаетъ такую исключительность (которой, впрочемъ, вовсе не существуетъ) въ высшей степени несправедливой: тутъ начинается историческая философія. «Именно по отношенію къ польской шляхтѣ нельзя устанавливать такого рѣзкаго разграниченія, потому что шляхта всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, а особенно сеймовымъ устройствомъ, воспитана и пріучена къ особенной чуткости во всемъ (ко всему?), что касается польской націи и ея интересовъ. Такъ называемая «провинція» въ Польшѣ, правда, очень старомодна, но отнюдь не мертва въ отношеніи умственныхъ запросовъ, и развѣ это можно ставить ей въ вину, видѣть въ этомъ ея отсталость?» Разумѣется, самые злые враги «провинціи» и не поставятъ ей въ вину ея живости «въ отношеніи умственныхъ запросовъ», и если видятъ въ чемъ-нибудь ея отсталость, то, конечно, въ противоположной чертѣ—въ мертвенности и отсутствіи умственныхъ запросовъ. Что касается разсужденій объ особенной чуткости польской шляхты къ интересамъ польской націи, то врядъ ли авторъ могъ бы конкретно объяснить, что собственно онъ подразумѣвалъ подъ этими словами. Особенные восторги внушаетъ г. Храневичу, конечно, Сенкевичъ. Хотя онъ и у него находитъ нѣсколько «пробѣловъ», но, въ общемъ, все грандіозно, очаровательно, безподобно и т. п. въ томъ же восклицательномъ, но безсодержательномъ стилѣ. Даже палачъ и висѣльникъ Іеремія Вишневецкій (изъ «Огнемъ и мечомъ») — «тоже очень великій и достойный человѣкъ, но онъ стоитъ слишкомъ высоко», и автору еще болѣе нравится Заглоба, къ которому, онъ относится какъ къ живому человѣку. «Разсказъ Сенкевича,—говоритъ, напр., авторъ,—въ этомъ пунктѣ достигаетъ чисто майнъ-ридовской интересности и для читателей юношескаго возраста доставитъ самое высокое наслажденіе. Да и мы съ вами,—обращается онъ фамильярно къ читателю,—хотя останемся равнодушны къ техническимъ усовершенствованіямъ (?), введеннымъ здѣсь беллетристомъ, не безъ удовольствія узнаемъ, что панъ Заглоба остался цѣлъ, невредимъ и долго еще будетъ оживлять своимъ появленіемъ страницы трилогіи». Г. Храневичъ сожалѣетъ только, что Сенкевичъ пропускаетъ нѣкоторые эпизоды, въ которыхъ навѣрное долженъ былъ беснуть Заглоба. «Къ сожалѣнію,—огорчается авторъ,—Сенкевичъ не нашелъ нужнымъ описать свадебный вечеръ, который былъ, несомнѣнно, однимъ изъ счастливѣйшихъ дней жизни и для пана Заглобы. Въ подобные моменты обычное веселое благодушіе Заглобы лилось черезъ край и заражало всѣхъ, а рѣчь его особенно сверкала остроуміемъ». Присутствуя на представленіи пьесы «Заглоба-сватъ», сочиненной по случаю юбилея Сенкевича, и «вспоминая юбилейное чествованіе Сенкевича,—говоритъ г. Храневичъ—мнѣ пришло въ мысль, что гораздо лучше было бы, еслибъ панъ Заглоба, хоть на одинъ день, воскресъ тогда изъ мертвыхъ (лучше, но авторъ забылъ, что это гораздо труднѣе) и явился поздравить Сенкевича съ юбилеемъ его блестящей дѣятельности...» «Не берусь гадать,—скромно прибавляетъ авторъ,—что собственно сказалъ бы Заглоба юбиляру», но онъ думаетъ, что Заглобѣ кстати было бы повторить свою фразу: «Apud Polonos nunquam sine clamore et strepitu gaudia fiunt» (у поляковъ безъ шуму и треску не бываетъ празднествъ), не предполагая, повидимому, что въ этихъ словахъ заключается злая эпиграмма. Такое наивное отношеніе къ авторамъ, къ

ихъ персонажамъ, къ читателю и къ общественнымъ вопросамъ не покидаетъ г. Храневича никогда. Такъ, напр., въ статьѣ о Маріи Конопницкой, восхваляя ея теплое сердце ко всѣмъ страждущимъ, онъ пускаетъ такія тирады: «Заставьте-ка кого-нибудь проникнуться симпатіей къ еврею, симпатіей не отвлеченно-публицистической (такихъ симпатій по пятачку за строку у насъ не занимать стать), а искренней, настоящей, родящейся не въ умѣ, а въ тайникахъ сердца... Еврей *всѣмъ намъ* кажется чужой, такъ какъ мы не признаемъ въ немъ свойственной *всѣмъ намъ* привязанности къ тому клочку земной поверхности, который зовется родиной... *Всѣ мы* думаемъ, что евреи не способны ни къ какимъ лучшимъ, благороднѣйшимъ порывамъ, что они бываютъ въ состояніи отдаваться единственному увлеченію—денежно-коммерческому...» «Всѣ мы»—очевидно читатели и поклонники гг. Буренина, Крушевана и К°; другіе люди г. Храневичу не встрѣчались. Мы подчеркиваемъ, однако, что эти пошловатыя выраженія являются скорѣе плодомъ некультурности и малограмотности, чѣмъ человѣконенавистничества. Въ общемъ, г. Храневичъ не обнаруживаетъ людоѣдскихъ наклонностей по отношенію къ «инородцамъ». Но для усвоенія русскимъ читателямъ польской литературы его очерки ничего не даютъ. Не идущая къ дѣлу библіографія (заимствованная), длинныя цитаты, восторженныя похвалы или снисходительныя порицанія,—кому это нужно? *Е. Дегенъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. С. Пругавинъ. „Религіозныя отщепенцы (очерки современнаго сектантства". Вып. I и II.—„Періодическая печать на Западѣ".—*Кн. Эсп. Ухтомскій.* „Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ".

А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Выпускъ первый. Цѣна 1 руб. Спб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1904 г. А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Выпускъ второй. Цѣна 1 руб. Спб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1904 г. Расколъ и сектантство по праву занимали русскую печать съ конца 50-хъ и до половины 80-хъ годовъ. Покойный Н. И. Костомаровъ разсматривалъ расколъ, какъ «крупное явленіе умственнаго прогресса», потому что «раскольникъ любилъ мыслить, спорить; онъ не успокаивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, пытался самъ все провѣрить и изслѣдовать». Щаповъ видѣлъ въ расколѣ явленіе «не только религіозное, но историческо-бытовое и соціальное», а его послѣдователь В. В. Андреевъ говорилъ: «Представители раскола — безспорно представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ... Старина для раскола—только предлогъ,—онъ борется не за нее, а противъ поглощенія правъ земства центральною властью, противъ введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства». Соглашаетесь-ли вы полностью съ этой точкой зрѣнія на расколъ, или держитесь того новѣйшаго взгляда, что «вопросы совѣсти были первой и главной причиной раскола» и что вопросъ объ отношеніи къ государству выдвинулся въ немъ исключительно благодаря преслѣдованіямъ, какимъ подвергались раскольники,—все равно, нельзя отрицать знаменательности и интереса этого умственнаго и нравственнаго движенія среди народныхъ массъ. Тѣмъ большую важность имѣетъ для пониманія народнаго міросозерцанія изученіе сектантства—раціоналистическаго и мистическаго (евангельскаго и духовнаго христіанства), изу-

ченіе процесса «постепенной спиритуализаціи религіи», «постепеннаго превращенія религіи обряда въ религію души», по выраженію проф. Милюкова. Этотъ процессъ занимаетъ видное мѣсто у насъ съ конца XVIII ст., а со второй половины XIX вѣка онъ является предметомъ изслѣдованій и еще больше — темой для ряда публицистическихъ статей, освѣщающихъ факты изъ жизни и стремленій сектантовъ. Особенно большой интересъ къ умственному броженію въ народной средѣ вызывался статьями А. С. Пругавина (въ «Русской Мысли» и др. изд.) и Я. В. Абрамова (Федосѣевца, въ «Отеч. Запискахъ» и «Словѣ») и программами, составленными ими для собиранія свѣдѣній о сектантствѣ; программа перваго была напечатана въ «Русской Мысли» (1881 г., кн. 3), второго—въ «Отеч. Запискахъ» (1882 г., кн. 4 и 5). Но со второй половины 80-хъ годовъ этотъ интересъ, къ сожалѣнію, сталъ ослабѣвать и въ литературѣ, и въ жизни; говоримъ «къ сожалѣнію» потому, что для самосознанія общества (въ широкомъ смыслѣ слова), слѣдовательно, и для правового и экономическаго роста важно знать не только, какъ работаетъ, питается, одѣвается, чѣмъ дышитъ народъ, но не менѣе существенно знать, что онъ думаетъ, чего хочетъ, на сколько удовлетворяютъ его современныя формы общественной жизни.

По той же причинѣ мы поспѣшили ознакомиться съ книгой А. С. Пругавина «Религіозные отщепенцы», разсчитывая найти въ ней данныя о современныхъ сектахъ: подзаголовокъ книги «Очерки современнаго сектантства» далъ намъ право на это. Но оказалось, что передъ нами два сборника прежнихъ статей автора (и то не всѣхъ), помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ въ 1880—1884 гг.,—только одинъ очеркъ «Бѣлоризцы» впервые появился на свѣтъ въ 1903 г. Двадцать лѣтъ—періодъ достаточно значительный для того, чтобы народная мысль успѣла болѣе или менѣе видоизмѣнить свое направленіе и свое содержаніе. Возьмемъ хотя бы штундизмъ, появившійся у насъ, какъ опредѣленное ученіе, въ 60-хъ годахъ. Эволюціонируя, онъ переходитъ съ 70-хъ годовъ въ штундо-баптизмъ, который, въ свою очередь, въ слѣдующее десятилѣтіе—въ 80-е годы—мало-по-малу уступаетъ мѣсто младо-штундизму. Такъ и раіонъ, охваченный той или другой сектой, не остается одинаковъ: онъ расширяется или съуживается.

Что представляетъ сектантство въ наши дни, не возникли ли въ немъ за эти 20 лѣтъ какія-нибудь новыя направленія, нѣтъ ли измѣненій въ старыхъ, увеличилось или уменьшилось его распространеніе—вотъ вопросы, на которые книга А. С. Пругавина не даетъ никакихъ отвѣтовъ, если не считать данныхъ о новой сектѣ «бѣлоризцевъ».

Тѣмъ не менѣе мысль собрать воедино свои статьи—мысль хорошая: сборники даютъ возможность современному молодому поколѣнію до извѣстной степени ознакомиться съ исторіей, направленіями и положеніемъ нѣкоторыхъ сектъ въ половинѣ 80-хъ годовъ. Наибольшей полнотой и законченностью отличаются тѣ очерки, которые написаны на основаніи личнаго знакомства автора съ представителями религіознаго отщепенства. Таковы обрисованные въ первомъ выпускѣ «сютаевцы»—съ ихъ совершенно самостоятельно выработаннымъ христіанско-соціальнымъ ученіемъ; «апостолъ Зосима», видящій главную основу жизни въ трудѣ, любви и братствѣ,—«только то мое, што выработалъ», «земля должна быть обчая»; наконецъ, «Еретики»,—тутъ авторъ вводитъ читателя въ соловецкую монастырскую тюрьму и знакомитъ съ Пушкинымъ, знаменитымъ узникомъ, поплатившимся болѣе чѣмъ 16-ю годами страшнаго одиночнаго заключенія за свою idée fixe, которой нельзя отказать въ величіи: «Новый искупитель міра и людей долженъ явиться... Горе все растетъ на землѣ, и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше, больше... Народы, какъ звѣри, дерутся другъ съ другомъ, и люди живутъ, какъ враги... Скоро, скоро настанетъ

крайній предѣлъ, настанетъ время суда... время возрожденія человѣка... И тогда-то явится новое небо и новая земля... духъ истины воцарится на землѣ, настанетъ миръ и правда, настанетъ на землѣ царство Божіе...» Эта святая надежда горитъ въ глазахъ узника, она поддерживаетъ въ немъ силу переносить разлуку съ близкими и суровый режимъ темницы; она поддерживаетъ самую жизнь его...

Во второмъ выпускѣ полнѣе другихъ сектантовъ обрисованы «бѣлоризцы», жизнь которыхъ проникнута суровымъ ригоризмомъ, а ихъ представитель, Писцовъ—типичный неугомонный «изыскатель истины». Въ остальныхъ своихъ очеркахъ А. С. Пругавинъ пользуется почти исключительно свѣдѣніями, почерпнутыми изъ оффиціальныхъ источниковъ. Какъ ни скудны данныя этого рода, но и они устанавливаютъ достаточно полно и убѣдительно причины сектантскаго движенія и связь разныхъ направленій въ немъ съ измѣненіями и усложненіями соціально-экономическихъ отношеній. Эта связь ярко выступаетъ—и даже подчеркивается оффиціальными источниками—въ исторіи такихъ сектъ, какъ «немоляки», «медальщики», особенно въ исторіи такъ называемыхъ «вредныхъ сектъ» («бѣгуны», «неплательщики», «лучинковцы»).

Читатель найдетъ въ книгахъ А. С. Пругавина много любопытныхъ страницъ, характеризующихъ отношеніе православнаго духовенства и администраціи къ сектантству (замѣтимъ, что сборники изданы съ разрѣшенія петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета). У насъ нѣтъ сейчасъ подъ рукой свѣдѣній о томъ, измѣнилось ли это отношеніе, за послѣднее двадцатилѣтіе, хотя сколько-нибудь, въ смыслѣ большаго уваженія личности и ея правъ на свободу мысли и совѣсти. Едва ли. Да и мудрено ожидать, чтобъ получило преобладаніе воздѣйствіе (разъ оно считается необходимымъ) на сектантовъ путемъ убѣжденія, когда даже наиболѣе образованные представители духовенства пока еще не находятъ возможнымъ обходиться въ дѣлахъ вѣры безъ помощи государства. Вспомните, напр., религіозно-философскія собесѣдованія, въ Петербургѣ въ 1903 г., и рѣчи преосвящ. Сергія и священника Левашова. Послѣдній, признавая, что «каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защиту церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства», находитъ, однако, что «церковь не имѣетъ нравственнаго права отказаться отъ помощи, которую даетъ ей государство мѣрами насилія», а «должна воздѣйствовать на государство такъ, *чтобы мѣры насилія сдѣлались ненужными*» («Вѣст. Ев.» 1903 г., кн. 7, стр. 437 и 438). Послѣднюю мысль едва ли кто будетъ оспаривать.

Какъ бы ни смотрѣли духовныя и свѣтскія правящія сферы на вопросъ о борьбѣ съ «превращеніемъ религіи обряда въ религію души», какъ бы онѣ ни относились къ соединенію «религіи съ экономикой»,—факты, собранные въ статьяхъ А. С. Пругавина, свидѣтельствуютъ, что «суровыя мѣры на практикѣ привели къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя отъ нихъ ожидались». Этотъ выводъ и довольно обстоятельная характеристика ученій «религіозныхъ отщепенцовъ» придаютъ книгѣ Пругавина, помимо вышеуказаннаго значенія, особую цѣнность въ наши дни, когда жизнь выдвигаетъ на очередь общій вопросъ о расширеніи сферы самоопредѣленія личности и въ частности—вопросъ о свободѣ совѣсти. *Л. Л—о.*

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей П. Берлина, Г. Гроссмана, П. Звѣздича, Д. Сатурина, А. Лабріола, Е. Смирнова, И. Гурвича, Э. Пименовой. Спб. 1904 г. Стр. 447. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Трудно быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Но иногда это необходимо. Журналисты обязаны разъяснять обществу значеніе періодической печати, безъ ложной скромности выдвигая ея заслуги и безъ ложнаго стыда раскрывая ея невольныя и вольныя прегрѣшенія. Однихъ общихъ фразъ

о великой силѣ печатнаго слова, о благодѣтельномъ вліяніи гласности—недостаточно. Необходимо время отъ времени оглядываться на всю совокупность работы, произведенной журналистами всѣхъ направленій, всѣхъ категорій за опредѣленный періодъ времени, и изъ итоговъ прошлаго выводить уроки для будущаго. Поэтому очень удачной и вполнѣ своевременной слѣдуетъ признать идею нѣсколькихъ сотрудниковъ «Образованія» дать русскимъ читателямъ рядъ очерковъ о прошломъ и настоящемъ періодической печати на Западѣ. Сами авторы очерковъ, очевидно, руководились мыслью, что знакомство съ періодической печатью Запада должно привести русскаго читателя къ извѣстнымъ выводамъ относительно Россіи. Учительная цѣль сквозитъ во всѣхъ статьяхъ; авторы излагаютъ факты только для того, чтобы ставить приговоры, оправдывать и обвинять. Быть можетъ, это невыгодно отразилось на полнотѣ матеріала и планомѣрности работы. Но авторы, очевидно, и не задавались цѣлью дать настоящую научную исторію печати или глубокій теоретическій анализъ ея задачъ. Субъективизмъ ихъ, иногда слишкомъ замѣтный для читателя, станетъ понятнымъ, если вспомнить, какъ тяжело должно быть журналисту, любящему свое дѣло, разочаровывать читателя разсказомъ о страшныхъ опасностяхъ и тяжелыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, портящихъ это любимое дѣло. Въ большую заслугу авторамъ нужно поставить, что они смѣло, безъ умолчаній и недомолвокъ, обнаруживаютъ язвы, которыми страдаетъ періодическая печать на Западѣ. Пусть лучше читатели узнаютъ про эти язвы отъ людей, которые любятъ печать и вѣрятъ въ нее, чѣмъ отъ тѣхъ, кто боится ея силы и злобствуетъ на ея успѣхи. «Язва литературнаго капитализма, — говоритъ г. П. Берлинъ въ вступительной статьѣ «Сборника»,—все разростается и грозитъ на практикѣ жизни полнѣйшею гибелью элементарному, сформулированному Гоголемъ требованію — съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно» (стр. 30). Г. Звѣздичъ въ очеркѣ объ австрійской печати соглашается, въ концѣ концовъ, со слѣдующимъ рѣзкимъ приговоромъ: «Въ Вѣнѣ до сихъ поръ существуетъ, можно сказать, только два типа изданій: богатыя газеты, живущія подкупомъ, и честныя газеты, умирающія отъ истощенія» (162). Про англійскую печать г. Д. Сатуринъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Наиболѣе грустной страницей въ новѣйшей исторіи англійской прессы является переходъ либеральныхъ и радикальныхъ газетъ въ джингоистскій лагерь. Когда большинство газетъ подпало вліянію небольшой группы безпринципныхъ людей, независимому слову стало трудно сохранять свои позиціи, и добросовѣстность и серьезность, бывшія отличительными чертами англійской прессы, начали подвергаться остракизму и вытѣсняться ложью и клеветами, диктуемыми корыстными вожделѣніями» (210). По словамъ г. Е. Смирнова, во Франціи «газета превратилась въ буквальномъ смыслѣ въ лавочку», ежедневная пресса «имѣетъ деморализующее вліяніе на массу читателей» (329, 330). Американская печать, въ изложеніи г. Гурвича, представляется какимъ-то сплошнымъ темнымъ пятномъ, какимъ-то гнѣздомъ невѣжественныхъ, корыстныхъ, наглыхъ и продажныхъ рабовъ капитализма.

Замалчивать язвы западной печати было бы, конечно, и нечестно, и не умно. Но раздавая похвалы и порицанія, нужно сообразоваться съ практическими выводами, которые могутъ быть изъ нихъ сдѣланы. Когда хвалишь и бранишь только для того, чтобы отвести душу, похвалы легко превращаются въ невольную лесть, а порицанія — въ невольную клевету. И вотъ практическихъ-то выводовъ, практической пользы отъ порицаній и обличеній, собранныхъ авторами, какъ будто и не видно. Происходитъ это отъ одного основного недостатка разбираемой книги: въ ней отсутствуетъ идея объ отвѣтственности печати передъ обществомъ. Авторы не устанавливаютъ различія между такими недостатками печати, за которые отвѣтственна сама печать,

сами журналисты, и такими, за которые отвѣтственность падаетъ на общество, на правительство, на внѣшнія обстоятельства. Въ Россіи внѣшнія обстоятельства, дѣйствительно, играютъ совершенно исключительную роль. Но чѣмъ тяжеле бремя внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣмъ интенсивнѣе должна бы идти внутренняя работа и тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ заслуги и грѣхи самой журналистики. И въ разбираемомъ «С орникѣ» признается, что, «въ силу особыхъ условій, на нашей прессѣ лежитъ гораздо болѣе всеобъемлющая и отвѣтственная роль, чѣмъ на европейской или американской прессѣ» (33). Если такъ, то русскимъ публицистамъ менѣе всего пристало успокаиваться на дешевыхъ соціологическихъ обобщеніяхъ, гласящихъ, что пресса — зеркало общества, что нечего обществу на зеркало пенять, — недостатки смѣшиваются въ одну кучу и читатель не знаетъ, кого за нихъ винить и отъ кого ждать помощи въ будущемъ. Сами авторы, не задумываясь надъ отвѣтственностью журналистовъ, склонны преувеличивать значеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и окружающей среды. Можно, пожалуй, сказать, что такая точка зрѣнія—самая естественная для русскаго публициста, ибо недостатки прессы суть недостатки всего общества или всего современнаго строя. А между тѣмъ, почти всѣ статьи сборника проникнуты желаніемъ свалить грѣхи журнализма на голову все того же пресловутаго «капитализма». Авторы не замѣчаютъ, что это слишкомъ легкое оправданіе вредитъ прежде всего той же самой прессѣ. Вѣдь гораздо почетнѣе и выгоднѣе для самихъ журналистовъ признать, что современная періодическая печать есть новая огромная сила, которою люди еще не научились какъ слѣдуетъ пользоваться, которая требуетъ отъ своихъ работниковъ приспособленія и выучки, сила, которая можетъ принести на первыхъ порахъ вредъ даже и въ честныхъ рукахъ. Возьмемъ, напр., чрезвычайно важный вопросъ о вредной односторонности партійной печати. Наши авторы внимательно изучаютъ распредѣленіе органовъ печати по направленіямъ и по партіямъ. Но они совершенно упускаютъ изъ виду, что въ настоящее время обязанности человѣка партіи часто сталкиваются съ профессіональными обязанностями журналиста. По мнѣнію г. Звѣздича, «это обвиненіе (въ односторонности, вытекающей изъ партійныхъ предубѣжденій) будетъ падать не столько на публицистику, сколько на самый фактъ существованія партій. Но это явленіе неизбѣжное» (163). Авторъ тутъ не рѣшаетъ, а просто обходитъ вопросъ. Вѣдь въ основѣ обвиненія лежитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что именно сама пресса разжигаетъ борьбу партій, обостряетъ противорѣчія, вызываетъ такую степень вражды и классовой нетерпимости, которой вовсе не было бы безъ прессы. Недавно на глазахъ у всего міра могучая англійская пресса разжигала вражду англичанъ къ бурамъ и къ другимъ народамъ. Этотъ фактъ самымъ безпощаднымъ образомъ клеймится въ статьѣ г. Сатурина. Отчего же, если признается вредное вліяніе прессы на обостреніе національной вражды, не признать возможности такого же вреднаго вліянія ея и на обостреніе классовой борьбы? Но скажутъ намъ—безъ прессы классовая борьба имѣла бы еще болѣе тяжелыя послѣдствія. Совершенно вѣрно, но являясь полезнымъ орудіемъ въ борьбѣ партій и классовъ, пресса въ то же время создаетъ новую опасность, заключающуюся въ томъ, что партіи и классы начинаютъ судить о своихъ интересахъ и объ интересахъ своихъ враговъ только по сужденіямъ журналистовъ, а не по собственному разуму и чувству. Съ этой опасностью могутъ бороться только сами журналисты; они одни могутъ поставить естественныя границы своей власти надъ умами читателей; только они одни имѣютъ право сказать читателю: «провѣряй меня, не довѣряй мнѣ на слово»! И въ этомъ самоограниченіи, въ самокритикѣ — первая и лучшая гарантія для журналистовъ противъ опасности разныхъ внѣшнихъ ограниченій. Та печать, въ которой растетъ

внутренняя дисциплина, внутренняя свобода мнѣній, самообладаніе, разумное самоограниченіе во властвованіи надъ чувствами читателей, способна къ здоровому развитію, какъ бы велики ни были ея ошибки въ прошломъ и каково бы ни было негодованіе, возбуждаемое ею въ тѣхъ или другихъ общественныхъ кругахъ.

Какъ же обстоитъ на этотъ счетъ въ Западной Европѣ? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, авторы призываютъ громы небесные на капитализмъ да на продажныхъ журналистовъ. Вмѣсто объясненія общеизвѣстныхъ печальныхъ явленій получаются шаблонныя обвиненія, лишенныя всякаго практическаго значенія. Г. Смирновъ даже плохую освѣдомленность французской печати пытается поставить въ вину «монополіи господствующихъ классовъ» (326). Но, вѣдь вотъ и въ Англіи господствующіе классы, если вѣрить г. Сатурину, окончательно наложили руки на періодическую печать, а между тѣмъ англійскія газеты не оставляютъ желать лучшаго относительно освѣдомленности. Или возьмемъ вопросы о рекламѣ. Ни въ Англіи, ни въ Германіи нѣтъ такого систематическаго пользованія редакціонными статьями въ качествѣ оплачиваемыхъ рекламъ, какъ во Франціи. А капитализмъ въ Англіи и въ Германіи достигъ не меньшей силы, чѣмъ во Франціи. Значитъ, нельзя всю вину взваливать только на капиталъ.

Говоримъ мы все это не въ защиту капитала, а въ защиту журналистовъ и журнализма. Авторы сборника своими постоянными ссылками на капитализмъ, фальсифицирующій будто бы общественное мнѣніе, незамѣтно для себя принижаютъ великое значеніе печати. Если капиталистамъ достаточно только собрать извѣстное число милліоновъ, чтобы взять въ свои руки журналистовъ всей страны и повернуть въ желательную сторону общественное мнѣніе, то, значитъ, дѣло журнализма, дѣйствительно, обстоитъ плохо. А судя по нѣкоторымъ страницамъ сборника именно такъ и выходитъ. И какой печальной ироніей звучатъ послѣ такихъ безнадежныхъ картинъ заключительныя слова г. Смирнова: «сознательная масса нуждается въ хорошей политической прессѣ—и она съумѣетъ ее создать» (333), или г. Сатурина: «а разъ такая партія (рабочая) будетъ сформирована, на сцену выступитъ самостоятельная рабочая пресса, а съ ней исчезнетъ и нынѣшняя нравственная физіономія англійской печати» (221). Т.-е. честнымъ журналистамъ будто бы ничего не остается, какъ ждать развитія самосознанія народныхъ массъ. Да вѣдь именно сознаніе этихъ самыхъ народныхъ массъ и фальсифицируется, по мнѣнію авторовъ сборника, современной печатью! Именно печать то и затемняетъ самосознаніе народа! Для развитія народа нужна честная печать, а для честной печати нужно развитіе народа. Изъ этого круга не выйти, пока всѣ сужденія о печати сводятся къ подраздѣленію ея на честную и нечестную и журналистовъ на «истинныхъ», «настоящихъ» журналистовъ «въ благородномъ смыслѣ слова» и продажныхъ. Вовсе не всѣ журналисты, потворствующіе дурнымъ вкусамъ народныхъ массъ, дѣлаютъ это вслѣдствіе продажности. Вовсе не всѣ газеты, снисходительныя къ буржуазному строю, виновны въ низкой угодливости и прислуживаніи сильнымъ міра сего. Гораздо проще и ближе къ истинѣ искать причину зла въ новизнѣ дѣла, въ неподготовленности журналистовъ и всего общества.

Даже и американская печать, которую въ такихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ г. Гурвичъ, не даетъ повода къ чрезмѣрному пессимизму. Самъ г. Гурвичъ не знаетъ хорошенько, кого ему обвинять, или, вѣрнѣе, онъ обвиняетъ всѣхъ, т.-е. американскій народъ вообще. А подобное обвиненіе не такъ ужъ страшно. По словамъ г. Гурвича, въ Америкѣ пресса «является болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія», и ея изученіе «даетъ ключъ къ уразумѣнію соціальной психологіи американскаго народа», (337);

пресса вполнѣ соотвѣтствуетъ умственнымъ запросамъ читателей; уровень прессы стоитъ очень низко, столь же низко, значитъ, стоитъ и уровень читателей; отъ газеты требуютъ только, чтобы она была богатой фабрикой сенсаціонныхъ новостей, дѣловыхъ справокъ и пустыхъ сплетенъ. Противъ фактовъ г. Гурвичъ, можетъ быть, и не погрѣшаетъ. Но освѣщеніе имъ онъ все-таки даетъ произвольное. Отсутствіе идейности онъ постоянно отожествляетъ съ продажностью (см., напр., стр. 356: «примѣнительно къ подлости» и т. д.).

А между тѣмъ американскій журналистъ совершенно искренно считаетъ, что его обязанности ограничиваются своевременной доставкой новостей; онъ—репортеръ и подлежитъ критикѣ только за репортажъ. Каждый работникъ можетъ отвѣчать только за тѣ обязанности, которыя онъ сознательно на себя возложилъ. Если американскіе читатели не желаютъ выслушивать нравственныхъ и политическихъ поученій отъ журналистовъ, то это еще не значитъ, что у американскихъ читателей и американскихъ журналистовъ нѣтъ никакихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Своеобразная американская печать, конечно, не можетъ служить предметомъ зависти и источникомъ подражанія для другихъ странъ. Но нельзя и ее судить по нашей мѣркѣ, какъ судитъ г. Гурвичъ. «Американскіе читатели,—говоритъ Брайсъ (Американская республика, часть III, глава LXXIX)—болѣе разборчивы, болѣе самостоятельны въ своихъ убѣжденіяхъ и менѣе склонны подчиняться вліянію таинственнаго слова «мы». Я не знаю, есть ли въ Америкѣ такая газета, на сужденія которой постоянно ссылался бы какой-нибудь многочисленный разрядъ читателей; но я увѣренъ, что тамъ очень мало людей, которые ссылались бы, подобно многимъ англичанамъ, на свою любимую газету, какъ на оракулъ». «Въ Америкѣ, быть можетъ, и не найдется такихъ же, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, газетъ и журналистовъ, которые успѣли пріобрѣсти громадное вліяніе на значительную часть публики, но это объясняется тѣмъ, что американскіе читатели болѣе англійскихъ самостоятельны въ своихъ убѣжденіяхъ и смотрятъ на газеты совершенно другими глазами, чѣмъ англичане» (тамъ же).

Мы не будемъ останавливаться на особенностяхъ отдѣльныхъ статей. Всѣ онѣ написаны приблизительно въ одномъ и томъ же духѣ. Общимъ недостаткомъ является невниманіе къ культурному значенію печати. Ничего или почти ничего не говорится о томъ, какъ отражалось развитіе газетнаго дѣла на изящной литературѣ, на литературной и вообще эстетической критикѣ, на распространеніи научныхъ знаній и образованности. Большаго вниманія заслуживали бы также, на нашъ взглядъ, вопросы профессіональной этики и профессіональной организаціи журналистовъ.

Что же касается достоинствъ, то о нихъ достаточно говоритъ сама тема и направленіе сотрудниковъ. Во всѣхъ статьяхъ читатель найдетъ массу интереснаго матеріала. Особенно интересными намъ показались страницы, посвященныя англійской печати, которая занимаетъ въ сборникѣ почетное мѣсто: ей удѣлено цѣлыхъ двѣ статьи—во-первыхъ, статья г. Д. Сатурина о современномъ положеніи печати въ Англіи и во-вторыхъ, помѣщенный въ приложеніи, историческій очеркъ г-жи Э. Пименовой о драматической борьбѣ англійской печати за свободу печатнаго слова. *А. Рыкачевъ.*

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. Спб. 1904 г. Давно уже кн. Ухтомскій избралъ предметомъ своихъ усиленныхъ заботъ Азію и все, что съ ней связано. Въ свое время онъ хлопоталъ о выходѣ въ Великій океанъ и доказывалъ, что истинная задача и, такъ сказать, провиденціальная миссія Россіи на Востокѣ это—сліяніе съ Ки-

тасмъ и объединеніе всѣхъ народовъ Азіи подъ русско-китайскимъ скипетромъ. Теперь его заботитъ Тибетъ и коварные шаги англичанъ въ этомъ направленіи.

«Мы опоздали! — горестно восклицаетъ онъ:—Англичане готовятся властно вторгнуться въ царство Далай-Ламы. Очевидно, назрѣваетъ потребность для русскаго общества ближе познакомиться съ извѣстнаго рода вопросами, стоящими нынѣ на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значенію. Культура тѣхъ дальнихъ и замкнутыхъ краевъ слишкомъ долго оставалась намъ чуждою и малопонятною. Пора разсѣять туманъ и многое выяснить». И сіятельный авторъ выясняетъ, что если бы два съ половиной столѣтія тому назадъ мы объ этомъ позаботились, «завязки мы связь съ Лхассой черезъ благоговѣвшихъ въ ней кочевниковъ, при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 г., Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древнеязыческой цивилизаціи». Мѣсто Китая заняли бы мы, и осуществилась бы тогда еще излюбленная мечта князя Ухтомскаго о сліяніи Китая и Россіи воедино. Но тогда упустили случай, и вотъ нашъ авторъ снова обращается къ тѣмъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, съ предостереженіемъ. Англичане хотятъ добраться въ Лхассу и завязать прямыя сношенія съ Далай-Ламой. Надо этому помѣшать, предотвратить гибельныя послѣдствія, кому-то сказать, кого-то послать, что-то сдѣлать. Словомъ, у бѣднаго князя хлопотъ полонъ ротъ.

Изъ-за чего же, однако, шумъ, и какое отношеніе къ намъ имѣетъ эта экспедиція въ Тибетъ? Очень просто и ясно: у насъ есть нѣсколько сотъ тысячъ бурятъ-буддистовъ и столько же калмыковъ-буддистовъ, а такъ какъихъ духовный глава сидитъ въ Лхассѣ, значитъ—намъ, а не англичанамъ надо захватить эту таинственную обитель буддизма. Второе —тамъ много интересныхъ и важныхъ историческихъ и религіозныхъ документовъ по исторіи буддизма. Теперь они могутъ попасть въ руки англичанъ, и наши ученые будутъ черпать свѣдѣнія по буддизму изъ вторыхъ рукъ. Князь такъ вошелъ вовкусъ, что готовъ былъ бы самъ возсѣсть на верблюда или яка и вести экспедицію въ Лхассу, по примѣру доблестныхъ предшественниковъ—Пржевальскаго и его компаньоновъ. А пока пишетъ глубокомысленныя записки съ указаніями для будущей нашей политики... въ Тибетѣ.

Итакъ, два съ половиной столѣтія тому назадъ Россія лишилась счастья видѣть русскаго царя на тронѣ богдыхана. Не будемъ же упускать хотя теперь случая—увидѣть князя Ухтомскаго, возсѣдающаго на тронѣ Далай-Ламы въ Лхассѣ. За такое рѣдкое зрѣлище можно заплатить и дорогую цѣну,— напр., въ родѣ той, какою теперь мы расплачиваемся на Дальнемъ Востокѣ... Но оставимъ все это княжеское великолѣпіе и попробуемъ взглянуть на дѣло проще,—зачѣмъ намъ Тибетъ? Какіе наши интересы въ этой горной пустынѣ? Неужели только потому намъ надо лѣзть туда, что среди милліоновъ русскихъ подданныхъ есть буддисты? Но у насъ есть десятки милліоновъ католиковъ,— не завладѣть ли поэтому Римомъ? Есть еще больше мусульманъ,—не попытаться ли захватить Мекку и посадить тамъ своего ахуна? Лиха бѣда начало, а тамъ какъ войдемъ во вкусъ, такъ и всего міра покажется мало. И какія богатѣйшія перспективы открываются! Князь Ухтомскій возсядетъ въ Лхассѣ; въ Меккѣ посадимъ, напр., кн. Мещерскаго, благо онъ имѣетъ «влеченіе, родъ недуга» къ восточнымъ нравамъ; въ Іерусалимѣ хотя бы г. Меньшикова, который только что сдѣлалъ открытіе, что японцы и жиды —одна нація. Для разныхъ прочихъ мѣстъ тоже найдется тьма охотниковъ, въ особенности если хорошими окладами ихъ снабдить, подъемными, суточными и прочимъ добромъ.

Имѣя дѣло съ патріотами-мечтателями, невольно забываешь о серьезной сторонѣ, а таковая дѣйствительно есть—не во вздорныхъ мечтаніяхъ того или иного князя, а въ той общей тенденціи, которая сказывается въ ихъ фантастическихъ проектахъ. Иногда устами сіятельныхъ младенцевъ глаголетъ—не столько истина, сколько скрытая отъ простыхъ смертныхъ причина очень важныхъ дѣйствій, за тяжкія послѣдствія которыхъ приходится намъ потомъ расплачиваться. И это новое натравливаніе Россіи на Тибетъ развѣ не повтореніе исторіи о Манчжуріи, о «исторической миссіи» на Дальнемъ Востокѣ, о «Желтороссіи» и т. д.

А въ сущности, какое намъ дѣло до Тибета? И что бы съ нимъ ни сдѣлали англичане, намъ отъ того ни тепло, ни холодно. Довольно съ насъ тибетской медицины г. Бадмаева, чтобы еще заводить новую исторію изъ-за обуявшей князя Ухтомскаго попечительности о ламаизмѣ и русскихъ ламаистахъ.

А. Б.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Кн. Н. В. Шаховской. „Земледѣльческій отводъ крестьянъ"—„Труды мѣстныхъ Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности".

Кн. Н. В. Шаховской. Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Спб. 1903 г. Трудъ кн. Шаховского уже знакомъ русскимъ читателямъ: выпущенный нѣсколько лѣтъ назадъ подъ заглавіемъ: «Сельскохозяйственные отхожіе промыслы», онъ былъ удостоенъ московскимъ университетомъ преміи имени Юрія Самарина и встрѣченъ одобрительными отзывами большинства нашей печати. Въ настоящемъ изданіи авторъ дополнилъ старый матеріалъ нѣкоторыми новыми данными для цѣлей особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Эти дополненія не отразились, однако, ни на основныхъ взглядахъ автора, ни на общемъ характерѣ его работы. Какъ и въ первомъ изданіи, кн. Шаховской дастъ чисто описательное изслѣдованіе сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ и намѣчаетъ то направленіе, которое должна, по его мнѣнію, принять политика государственной власти по отношенію къ сельскимъ рабочимъ. Теоретическое значеніе отхода, какъ одного изъ наиболѣе яркихъ проявленій интенсивнаго капиталистическаго процесса, совершающагося въ современномъ крестьянствѣ, г. Шаховской не выясняетъ, хотя собранныя имъ данныя представляютъ богатый матеріалъ для выводовъ. Кромѣ того, авторъ разсматриваетъ рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ изолированно отъ окружающихъ общихъ условій нашей политической и соціально-экономической жизни, что, естественно, ведетъ къ неполнотѣ и неясности въ очень многихъ случаяхъ. Но, какъ обширный, умѣло разработанный и хорошо систематизированный матеріалъ, трудъ г. Шаховского, отличающійся еще и живымъ изложеніемъ, является единственнымъ источникомъ для всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Россіи. Извѣстныя среди спеціалистовъ изслѣдованія г. Тезякова не могутъ быть признаны доступными широкимъ слоямъ читающей публики. Трудъ Варба (Браве) («Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ», М. 1899 г.), обѣщавшій широкое теоретическое освѣщеніе вопроса, прерванъ въ самомъ началѣ безвременною смертью автора. Многочисленныя же статьи, замѣтки, корреспонденціи и монографіи, разсѣянныя въ оффиціальныхъ изданіяхъ, медицинскихъ и земско-статистическихъ сборникахъ, въ журналахъ и

еженедѣльныхъ газетахъ, конечно, имѣютъ значеніе только въ смыслѣ пособій для обобщающаго изслѣдованія. Г. Шаховской собралъ и использовалъ весь этотъ обширный и разнообразный сырой матеріалъ.

Онъ начинаетъ съ характеристики раіоновъ выхода сельскохозяйственныхъ рабочихъ и причинъ, побуждающихъ населеніе искать заработковъ на сторонѣ; переходитъ, затѣмъ, къ раіонамъ найма, отмѣчаетъ ихъ экономическія особенности и подробно описываетъ положеніе сельскихъ рабочихъ. Послѣднія главы книги посвящены выясненію вѣроятной будущей судьбы сельскохозяйственнаго отхода, попыткамъ организаціи передвиженія сельскихъ рабочихъ на югъ и мѣрамъ, предлагавшимся для упорядоченія сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ. Точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ отхожихъ промышленниковъ у насъ, какъ извѣстно, не имѣется. Единственнымъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ отхода являются паспортныя книги, которыя ведутся въ волостныхъ правленіяхъ. По этимъ книгамъ, довольно вѣрно выражающимъ дѣйствительное число лицъ, уходящихъ на сторону, наша деревня съ каждымъ годомъ выдѣляетъ все большее и большее количество крестьянъ, вынужденныхъ отказываться отъ самостоятельнаго хозяйствованія. Ежегодное среднее число отхожихъ промышленниковъ въ десятилѣтіе 1861—1870 гг. равнялось 1.291.280; въ 1871—1880 гг.—3.692.930; въ 1881—1890 гг.—4.946.610; въ 1891—1900 г.—7.136.620. Такимъ образомъ, свыше семи милліоновъ крестьянскаго населенія ежегодно ищетъ приложенія своихъ силъ за предѣлами собственнаго хозяйства, и эта судьба, очевидно, предстоитъ еще большему числу. Въ особенности велики размѣры отхода въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ пяти уѣздахъ Смоленской губ., напримѣръ, уходитъ 91 чел. на каждые сто мужчинъ рабочаго возраста, въ Петербургской—83 чел., въ Московской—80, въ Вятской—72 и т. д. Въ составъ этой массы сельскохозяйственные рабочіе, являющіеся предметомъ изслѣдованія г. Шаховского, входятъ въ числѣ 1.178.200 чел. Трудно сказать, насколько достовѣрна эта цифра; во всякомъ случаѣ она нисколько не уменьшаетъ размѣровъ явленія.

Причины «экономическихъ скитаній» крестьянства, какъ онѣ выясняются изъ показаній рабочихъ при регистраціи на земскихъ врачебно-продовольственныхъ пунктахъ и подтверждаются статистическими данными о крестьянскомъ землевладѣніи въ районахъ отхода, являются, главнымъ образомъ, малоземелье и безземелье. Какой слой крестьянства поставляетъ сельскохозяйственныхъ батраковъ,—видно изъ того, что на земскихъ пунктахъ Самарской губерніи зарегистрованы рабочіе, никогда не ѣвшіе мяса. Большинство рабочихъ выходитъ изъ черноземной полосы и направляется въ районы, гдѣ развитіе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ достигло значительной степени: въ Новороссійскій край, Донскую область, Заволжье и Предкавказье. Обычный способъ передвиженія—пѣшее хожденіе; обычная пища—черствый хлѣбъ, захваченный изъ дому. Въ районахъ, прилегающихъ къ Днѣпру, рабочіе отправляются и по рѣкѣ въ особыхъ лодкахъ, «дубахъ», большихъ, неповоротливыхъ, на скорую руку сколоченныхъ деревянными гвоздями. Предприниматели, занимающіеся перевозкою рабочихъ, заботятся только о большей выручкѣ и нагружаютъ дубы сверхъ всякихъ нормъ. Въ результатѣ, плаваніе сплошь и рядомъ оканчивается гибельными катастрофами. По прибытіи на рынки найма, рабочіе располагаются обыкновенно на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Далеко не всѣ изъ пришедшихъ крестьянъ получаютъ заработокъ, но и тѣ, кому удается наняться въ экономіи, попадаютъ въ очень неблагопріятныя условія. Отсутствіе помѣщеній, пригодныхъ для жилья, отвратительная пища, обсчитываньe, непосильная продолжительная работа, постоянная возможность увѣчья—вотъ та обстановка, которая окружаетъ отхожанъ

въ экономіяхъ и которая тѣмъ болѣе тяжела, что въ послѣдніе годы, съ переходомъ южнаго хозяйства къ машинамъ, среди пришлыхъ рабочихъ громадный процентъ составляютъ дѣвушки, подростки и даже дѣти.

При такихъ условіяхъ, понятны всѣ нарушенія договоровъ, о которыхъ такъ громко вопятъ наши аграріи. Г. Шаховской, очевидно, въ цѣляхъ безпристрастія, приводитъ достаточное количество отзывовъ дикихъ помѣщиковъ, но самъ, повидимому, стоитъ на сторонѣ тѣхъ хозяевъ, которые полагаютъ, что при добросовѣстномъ отношеніи землевладѣльца къ рабочимъ никакихъ столкновеній не бываетъ и не можетъ быть. Къ сожалѣнію, г. Шаховской уклоняется здѣсь отъ несомнѣнной истины и становится на какую-то странную сословно-націоналистическую точку зрѣнія. По его мнѣнію, дурное обращеніе съ рабочими на югѣ Россіи зависитъ преимущественно отъ отсутствія тамъ дворянскаго элемента среди землевладѣльцевъ и наличности нѣмцевъ, армянъ и другихъ инородцевъ. Здѣсь сказывается явный недостатокъ теоретическихъ знаній, такъ какъ тогда авторъ былъ бы освѣдомленъ, что капиталъ «стоитъ выше» сословныхъ и національныхъ различій и одинаково эксплоатируетъ трудъ, покупаемый для цѣлей производства.

Послѣднія главы труда г. Шаховского, посвященныя попыткамъ разрѣшенія рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ очень интересны, хотя и здѣсь практицизмъ автора оказываетъ неблагопріятное вліяніе на достоинство его труда. Всѣ мѣропріятія въ области рабочаго движенія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общественныхъ учрежденій, были вызваны, естественно, не требованіями рабочихъ. Жалобы хозяевъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, на своеволіе, нарушеніе договора и т. п. явились главнымъ поводомъ къ составленію правилъ о наймѣ на сельскохозяйственныя работы и выработкѣ различныхъ неосуществившихся проектовъ организаціи рабочаго движенія съ цѣлью обезпечить южно-русское хозяйство достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Среди этихъ измышленій наиболѣе характернымъ является проектъ инженера Баталина, который, какъ вѣрный слуга капитала, придумалъ цѣлую систему закабаленія рабочихъ еще на мѣстѣ ихъ жительства и затѣмъ доставки ихъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ со всѣми предосторожностями противъ бѣгства (хорошъ проектъ, въ которомъ бѣгство предусматривалось, какъ неизбѣжное явленіе!), съ рядомъ наказаній, налагаемыхъ упрощеннымъ административнымъ порядкомъ. Но всѣ эти откровенно-хищническія попытки не получили практическаго осуществленія, прежде всего, потому, что онѣ относятся къ области зловредныхъ утопій. Даже правила о сельскохозяйственномъ наймѣ, стѣснительныя для рабочихъ, не достигли никакихъ результатовъ. Въ степномъ просторѣ, въ горячую пору земледѣльческой страды, при слабости деревенскихъ органовъ власти и многочисленности рабочихъ, регламентація взаимныхъ отношеній оказалась неисполнимою. Другой характеръ носятъ начинанія земскихъ учрежденій. Кромѣ попытокъ организаціи правильнаго ознакомленія мѣстнаго населенія съ состояніемъ рабочихъ рынковъ, не удавшихся вслѣдствіе общей неподготовленности страны къ такимъ культурнымъ мѣрамъ (напримѣръ, безобразное положеніе почтоваго дѣла въ деревни), земство нашло наиболѣе цѣлесообразную и наименѣе опекунскую форму помощи рабочему народу. Подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ возможностью появленія холеры и чумы въ губерніяхъ, гдѣ скопляется масса безпріютнаго и голоднаго люда, въ Херсонской, Самарской, Екатеринославской, отчасти въ Симбирской и Таврической были организованы земствомъ врачебно-продовольственные пункты, ставившіе цѣлью выдачу рабочимъ дешевыхъ и безплатныхъ обѣдовъ и, въ случаѣ необходимости, подачу медицинской помощи. Эти пункты быстро завоевали симпатію рабочаго люда и

оказались вполнѣ приспособленными къ жизненнымъ нуждамъ. Плодотворность ихъ дѣятельности признана и высшимъ правительствомъ. Г. Шаховской придаетъ ихъ развитію большое значеніе.

Попытки «упорядочить» рабочее движеніе, превратить его въ стройное организованное передвиженіе арміи, управляемой центральнымъ учрежденіемъ, кажутся автору явно утопическими. Единственно, что необходимо сдѣлать въ интересахъ рабочаго населенія,—это предоставить ему возможно большую свободу. Правительство можетъ только содѣйствовать улучшенію участи рабочихъ путемъ установленія льготныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, благопріятныхъ для рабочихъ правилъ перевозки, обязательныхъ постановленій о работѣ на машинахъ и—maximum—учрежденія сельскохозяйственной инспекціи. Заботы же о здоровьѣ рабочихъ, объ организаціи для нихъ справочныхъ конторъ и т. п. должны быть предоставлены вѣдѣнію земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій. Всѣ другія опекунскія мѣропріятія г. Шаховской считаетъ излишними, такъ какъ обезпеченіе южно-русскаго хозяйства рабочими силами и взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ въ значительной степени опредѣляются стихійнымъ процессомъ экономическаго развитія. Уже теперь на югѣ рабочій вопросъ съ точки зрѣнія предпринимателей теряетъ свою остроту, благодаря распространенію машинъ. Въ общемъ, при данныхъ условіяхъ, предложенія г. Шаховскаго являются вполнѣ цѣлесообразными. Но, при всей ихъ полезности, они недостаточны. Г. Шаховской, горячо настаивая на учрежденіи земскихъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, ничего не говоритъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ этимъ земскимъ начинаніемъ со стороны администраціи. Между тѣмъ, постоянныя неутвержденія медицинскаго персонала, стѣснительный надзоръ за нимъ и другія постороннія обстоятельства сплошь и рядомъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ отзываются на попыткахъ земства облегчить участь рабочаго народа. Такимъ образомъ, естественно, возникаетъ вопросъ о современной постановкѣ земскаго дѣла. Затѣмъ, также естественно, возникаетъ и другой вопросъ—о самодѣятельности рабочихъ, безъ которой всѣ благія начинанія теряютъ три четверти своей цѣны. Но эти вопросы—общіе вопросы русской жизни, которые возникаютъ всякій разъ, когда мы приступаемъ къ изслѣдованію ея частныхъ явленій. Люди, которые дошли до сознанія связи между частнымъ и общимъ, сдѣлаютъ необходимые выводы, несмотря на пробѣлы въ трудѣ г. Шаховского: матеріалъ, собранный авторомъ, говоритъ самъ за себя; цѣнность его несомнѣнна, какъ и тѣхъ основныхъ положеній, которыя руководили г. Шаховскимъ въ его трудѣ. *Н. І—скій.*

Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. С.-Пб. 1903 г. — Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губеріямъ Европейской Россіи. С. Пб. 1903 — 1904 г. Наконецъ стали доступны обыкновеннымъ смертнымъ Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, до сихъ поръ составлявшіе почти что канцелярскую тайну: по постановленію особаго овѣщанія они теперь разсылаются въ университеты, губернскія земскія управы, ученыя общества; получили ихъ также нѣкоторыя редакціи и отдѣльныя лица. Всѣхъ томовъ Трудовъ 58: по тому для 50 губерній Европейской Россіи и 8 томовъ для Привислянскаго, Кавказкаго, Туркестанскаго, Степного края, губерній—Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Томы убористаго шрифта, въ большинствѣ очень объемистые, по 400—500 страницъ, нѣкоторые до 1138 стр. (по Кіевской губ.), 1112 стр. (Подольская губ.), 876 (Курская губ.), 850 (Полтавкая). Въ каждомъ помѣщены: журналы засѣданій губернскихъ комитетовъ и отдѣльныя разсмотрѣнныя ими записки; затѣмъ слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ уѣздовъ журналы и записки уѣздныхъ комитетовъ. Кромѣ

этихъ 58 томовъ, содержащихъ въ себѣ свыше 28 тысячъ страницъ, особое совѣщаніе даетъ 18 томовъ сводныхъ работъ по разнымъ вопросамъ, изъ которыхъ вышли изъ печати слѣдующіе шесть: 1) «Крестьянское землепользованіе», 126 страницъ, составлено г. Риттихомъ, 2) «Денежное обращеніе», 34 стр., сост. г. Никифоровымъ, 3) «Природныя препятствія сельскому хозяйству», 146 стр., составилъ г. Скрипицынъ, 4) «Сельскохозяйственная техника», 264 стр. сост. г. Бирюковичемъ, 5) «Аренда», стр. 176, сост. г. Флексоромъ, 5) «Подсобные къ земледѣлію промыслы и производства», 116 стр., составл. г. Пономаревымъ. Въ каждой сводной работѣ имѣется краткій общій очеркъ положенія вопроса на основаніи матеріала, заключающагося въ трудахъ комитетовъ, въ связи съ пожеланіями и мѣрами, указанными отдѣльными лицами. Затѣмъ приводятся заключенія, принятыя комитетами, причемъ сдѣланы ссылки на соотвѣтствующія страницы изданныхъ Трудовъ.

Такимъ образомъ, особое совѣщаніе дало цѣлую библіотеку, осуществивъ изданіе довольно скоро, менѣе, чѣмъ въ полгода. Опубликованіе вошедшихъ въ него матеріаловъ представляется намъ чрезвычайно важнымъ.

Всѣмъ памятно, какъ всколыхнули инертное русское общество собиравшіеся въ 1902 и началѣ 1903 г. комитеты. Оно на время ожило, заговорило и, къ удивленію многихъ, обнаружило по цѣлому ряду вопросовъ вполнѣ зрѣлую общественную мысль, правильно и довольно единодушно намѣтивъ нѣкоторые общіе недуги времени.

Во множествѣ уѣздовъ шла кипучая работа: мѣстные дѣятели собирались, обсуждали вопросы, которыми охватывалась почти вся жизнь, писали записки, давая въ нихъ если не отвѣты, то огромный матеріалъ для отвѣтовъ, очень часто односторонне освѣщенный, иногда пристрастно изложенный, но обильный фактами. Имѣя все вмѣстѣ теперь въ рукахъ, можно видѣть, какой это цѣнный, неисчерпаемый источникъ для изученія страны въ различныхъ направленіяхъ. Но онъ не однороденъ; въ этомъ главный его недостатокъ. Труды отдѣльныхъ комитетовъ отличаются одинъ отъ другого вопервыхъ внѣшне: съ одной стороны напечатаны подробные журналы засѣданій съ почти стенографически записанными преніями, которыя дополняютъ заключенія комитетовъ и многое въ нихъ разъясняютъ; съ другой стороны, по цѣлому ряду комитетовъ помѣщенъ лишь сухой перечень постановленій, иногда даже безъ краткихъ протоколовъ засѣданій. Второго рода неоднородность матеріаловъ, — внутренная, и о ней приходится всего больше сожалѣть. Причина ея лежитъ въ разнообразіи составовъ комитетовъ и въ различныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности, опредѣлявшихъ и объемъ, и содержаніе принятыхъ ими постановленій. Составъ комитетовъ, какъ колпчественный, такъ и качественный (въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, въ нихъ входившихъ) и условія дѣятельности комитетовъ зависѣли отъ случайной причины усмотрѣнія предсѣдательствовавшихъ лицъ, которые очень различно относились къ своей задачѣ. Въ однихъ мѣстахъ предводители дворянства вербовали свѣдущихъ людей изъ самихъ широкихъ круговъ, включая въ составъ комитетовъ цѣлыя земскія собранія, приглашая представителей деревни—крестьянъ, священниковъ, учителей, врачей, иногда спрашивая, кромѣ того, на мѣстахъ всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ дѣятелей, созывая для этого сходы крестьянъ и т. п., другіе же предводители ограничивали составъ комитетовъ небольшимъ числомъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же къ совершенно опредѣленной общественной группѣ.— Вотъ два примѣра разницы въ отношеніи къ вопросу о составѣ комитетовъ, быть можетъ не самые характерные. Опочецкій уѣздный комитетъ (Псковской г.), въ которомъ принимало участіе свыше 80 человѣкъ, въ первомъ своемъ засѣданіи призналъ необходимымъ имѣть въ своемъ составѣ возможно большее число

представителей отъ крестьянъ, въ виду того, что нѣкоторые вопросы, поставленные особыми совѣщаніями, относятся всецѣло къ крестьянскому хозяйству. Исполняя эти постановленія, предсѣдатель комитета объѣхалъ въ сентябрѣ 1902 г. весь уѣздъ и созвалъ въ 5 пунктахъ совѣщанія изъ представителей отъ крестьянъ трехъ ближайшихъ волостей въ количествѣ около 60 человѣкъ каждое; совѣщанія, высказавъ общія соображенія по предложеннымъ вопросамъ, указали по три человѣка для участія въ засѣданіяхъ уѣзднаго комитета. Не вдаваясь здѣсь въ критику постановки опроса крестьянъ Опочецкаго уѣзда и способа избранія крестьянскихъ представителей, указываемъ на этотъ уѣздъ, какъ на примѣръ одного рода. Примѣромъ другого рода можетъ служить Борисоглѣбскій уѣздный комитетъ Тамбовской губ. Предводитель дворянства вмѣстѣ съ большинствомъ участниковъ перваго засѣданія комитета не только не нашли возможнымъ пригласить крестьянъ въ свою среду, но у нихъ даже мотивомъ противъ передачи вопросовъ на обсужденіе земскаго собранія явилось участіе крестьянъ. Въ комитетахъ указывалось «на опасность обсужденія вопросовъ программы въ земскомъ собраніи при участіи крестьянъ», такъ какъ «при обсужденіи этомъ могутъ возникнуть вопросы болѣе общаго характера, вопросы правовые, управленія, земельныхъ распредѣленій; вопросы для крестьянъ жгучіе, но такого объема, что разобраться въ нихъ они достаточно не могутъ. Принявъ же во вниманіе не только полную некультурность массы населенія, но даже отсутствіе достаточной грамотности, что дѣлаетъ эту среду особенно впечатлительной, вопросы эти могутъ породить въ нихъ преувеличенные толки и надежды, не желательные особенно въ настоящее время». Ясно, что два названные комитета—величины неоднородныя. Отношеніе предсѣдателей и членовъ комитетовъ къ объему подлежавшихъ ихъ обсужденію вопросовъ и свободѣ преній было также самое различное. Одни предводители, руководствуясь циркуляромъ предсѣдателя особаго совѣщанія и желая выяснить нужды сельскохозяйственной промышленности въ цѣломъ, во взаимодѣйствіи всѣхъ прямо и косвенно вліяющихъ на нее причинъ, представляли свободно высказываться участникамъ комитетовъ и въ рамкахъ данной программы, и не ограничиваясь этими рамками, ставя вопросы изъ нея выходящіе, другіе наоборотъ, даже самую программу съузили, не находя нужнымъ давать отвѣты на многіе вопросы ея, не имѣющіе, по ихъ мнѣнію, мѣстнаго значенія, и накладывали свое властное veto на все, что казалось имъ не подлежащимъ обсужденію, какъ формально, такъ и по существу. Дѣло доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до открытыхъ протестовъ, до выхода части членовъ, иногда очень значительной, изъ состава комитетовъ, до прекращенія занятій комитетовъ вовсе.

Такимъ образомъ, будучи цѣннымъ матеріаломъ для изученія явленій народохозяйственной жизни, труды комитетовъ не имѣютъ того значенія, какое могли бы имѣть, какъ результатъ работы нѣсколькихъ тысячъ мѣстныхъ дѣятелей надъ одними и тѣми же вопросами; въ сотняхъ мѣстъ это не былъ опросъ не только страны, но даже отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Поэтому по не сравнимымъ между собою трудамъ комитетовъ нельзя выяснять, какъ распространены у насъ тѣ или иныя мнѣнія и настроенія и сознательное отношеніе къ кореннымъ вопросамъ русской жизни, нельзя сопоставлять одни мѣстности съ другими, нельзя статистически подводить итоги. Такіе выводы допустимы лишь въ самой грубой формѣ, какъ общее впечатлѣніе, такъ какъ до извѣстной степени сила общественнаго мнѣнія оказывала вліяніе на поведеніе предсѣдателей комитетовъ и на опредѣленіе состава послѣднихъ.

Значительной доли значенія трудовъ комитетовъ лишаетъ также ихъ неполнота въ изданіи особаго совѣщанія... Было бы желательно, чтобы особое совѣщаніе которому, конечно, не трудно было бы затребовать недополученные матеріалы

отъ соотвѣтствующихъ предсѣдателей комитетовъ, издало ихъ дополнительнымъ томомъ; еще болѣе было бы желательно, чтобы оно присоединило къ этимъ матеріаламъ все то, что, имѣя въ рукахъ, не напечатало въ вышедшихъ томахъ. Полнота трудовъ комитетовъ, имѣющихъ значеніе богатаго источника всякихъ свѣдѣній и являющихся содержательной страницей исторіи развитія русской общественной мысли, представляетъ, по нашему мнѣнію, огромную важность.

Въ заключеніе выскажемъ еще одно пожеланіе. Труды комитетовъ вышли изъ печати всего въ 600 экземплярахъ. Особое совѣщаніе, принципіально ничего въ настоящее время не имѣя (какъ высказалось въ постановленіи 22-го ноября) противъ распространенія изданія, стѣсненное, однако, количествомъ экземпляровъ, разсылаетъ его оффиціальнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Слѣдовательно, труды, несмотря на большой интересъ къ нимъ очень широкаго круга лицъ, все же останутся мало доступными. Было бы, поэтому, желательно, чтобы было теперь же предпринято новое изданіе трудовъ, которое мы, увѣрены, окупило бы себя; матеріальный рискъ могъ бы быть уменьшенъ предварительной подпиской.

В. Х—овъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Оживленіе провинціи и большой спросъ на книгу, развившійся въ широкихъ народныхъ массахъ, вызвали въ различныхъ городахъ развитіе дѣятельности книгоиздательствъ, выпускающихъ въ свѣтъ цѣлыя серіи дешевыхъ книгъ. Въ нашемъ послѣднемъ обзорѣ народной литературы мы остановили вниманіе читателя на изданіяхъ т-ва «Донской Рѣчи» въ Ростовѣ-на-Дону, выпустившаго недавно еще цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, также изящно и дешево изданныхъ; на этотъ разъ намъ хочется поговорить о новомъ издательскомъ товариществѣ, работающемъ въ Вяткѣ.

Изъ имѣющихся у насъ 12 книжекъ изданій вятскаго товарищества, четыре составляютъ сборники избранныхъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ на слѣдующія темы: 1) «Несчастные» ц. 6 к., 2) «Сказки и легенды» ц. 12 к., 3) «Крестьянскія дѣти» ц. 7 к., 4) «Женская доля» ц. 10 к.

Въ сборникахъ этихъ мы встрѣчаемъ часто изъ русскихъ поэтовъ имена—Некрасова, Никитина, Сурикова, Плещеева, Шевченко, изъ иностранныхъ—имена Беранже, Гюго, Гете, Т. Гуда. Имена поэтовъ говорятъ сами за себя, что же касается до подбора стихотвореній, то нельзя не отмѣтить слишкомъ большого однообразія мотивовъ и настроеній, звучащихъ во всѣхъ этихъ сборникахъ произведеній русской и иностранной поэзіи. Касаясь исключительно жизни трудящагося люда и преимущественно крестьянскихъ массъ и освѣщая ея мрачныя стороны, составители сберниковъ не пытались расширить кругозоръ читателя и показать ему другую сторону жизни, внести бодрое настроеніе, указавъ на общественные идеалы, осуществленіе которыхъ волнуетъ міръ. На недостатокъ матеріала для этого и въ русской, и въ иностранной поэзіи пожаловаться нельзя, а между тѣмъ такихъ произведеній почти нѣтъ въ сборникахъ вятскаго товарищества. Если они не могли найти себѣ мѣсто въ такомъ спеціальномъ по содержанію сборникѣ, какъ сборникъ, посвященный крестьянскимъ дѣтямъ, очень недурно составленномъ, то они были бы вполнѣ умѣстны во всѣхъ другихъ сборникахъ, затрагивающихъ общіе вопросы. Вообще едва ли удачна мысль составителей выпускать сборники поэтическихъ произведеній на опредѣленныя частныя темы, общечеловѣческіе интересы въ этомъ отношеніи сослужили бы лучшую службу и навѣрно не нагоняли бы такого

тоскливаго настроенія, которое остается по прочтеніи сборниковъ стихотвореній вятскаго товарищества. Съ внѣшней стороны изданія вятскаго товарищества производятъ пріятное впечатлѣніе, видна заботливая рука и любовь къ дѣлу; они напечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и по цѣнѣ не дороги.

Изъ беллетристическихъ произведеній, изданныхъ вятскимъ товариществомъ, отмѣтимъ художественный разсказъ г. Елпатьевскаго «Гекторъ» 36 стр. 5 к., и рядъ хотя и менѣе художественныхъ, но интересныхъ по содержанію разсказовъ изъ жизни крестьянъ и рабочихъ: Данилина «Наслоенія» 47 стр. 6 к. «Панкратыча», 17 стр., 3 к. Е. Некрасовой «Больше чѣмъ родная» 32 стр. 1 к. А. Баранова «Макарычъ» 32 стр. 2 к. Во всѣхъ этихъ разсказахъ мы видимъ попытки отдѣльныхъ личностей, не удовлетворяющихся жизнью изо дня въ день, внести такъ или иначе свѣтъ въ окружающую ихъ мрачную обстановку. Въ различныхъ формахъ проявляются эти попытки въ зависимости отъ разнообразія жизненныхъ условій, но по существу аналогичны желанія Макарыча подыскать въ интересахъ его деревни «забористый закончикъ» или добыть «подходящее рѣшеньице» и желаніе Панкратыча «сказать правду» хозяевамъ, у которыхъ онъ работаетъ, и стремленія молодыхъ мастеровъ (идущія, впрочемъ, нѣсколько дальше) въ разсказѣ Данилина «Наслоенія», интересномъ по темѣ, но нехудожественномъ по изложенію.

Съ большимъ или меньшимъ интересомъ, вѣроятно, всѣ эти разсказы будутъ охотно читаться въ широкихъ кругахъ массоваго читателя.

Остановимся еще на одной книжкѣ, изданной вятскимъ товариществомъ.

У. А. В—въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Защита въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ стр. 52 ц. 15 к. Авторъ подробно, шагъ за шагомъ излагаетъ, какъ ведутся уголовныя дѣла въ окружныхъ судахъ, начиная съ предварительнаго слѣдствія и заканчивая исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ и способовъ ихъ апелляціи и кассаціи. Изложеніе довольно простое и ясное, книжка можетъ дать рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній на случай, если придется имѣть дѣло или защищать себя въ окружномъ судѣ. Попытка дать толковую книжку о судебныхъ порядкахъ заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ полное невѣдѣніе крестьянскихъ массъ въ этомъ отношеніи служитъ часто причиной непоправимыхъ бѣдъ, несчастій и разоренія цѣлыхъ семей, а между тѣмъ у насъ еще почти нѣтъ хорошо составленныхъ популярныхъ книгъ на эту тему. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ даетъ слишкомъ краткія общія свѣдѣнія о судахъ и характерѣ судопроизводства въ нихъ; читателю не выясняется разница уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ; упоминая о томъ, что не всѣ уголовныя дѣла разбираются въ окружныхъ судахъ, авторъ не указываетъ, какія же именно дѣла подлежатъ окружному суду, какія низшимъ судамъ и какія—судебнымъ палатамъ. Разница между окружнымъ судомъ и судебной палатой остается мало выясненной. Излагая уставъ уголовнаго судопроизводства, авторъ почему-то не указываетъ никогда статей устава, что практически могло бы быть полезно. Всѣ эти дополненія при второмъ изданіи значительно увеличили бы цѣнность этой полезной книги.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Издательство О. Н. Поповой. **Шарль Рабо. Огненная Земля (по Отто Норденшильду). Подъ редакціей и со вступительной статьей Д. А. Коропчевскаго. «Человѣкъ на крайнемъ югѣ» (XIX стр.). Стр. 65. Ц. 40 к. Спб.** Очерки Рабо—описаніе шведской экспедиціи Норденшильда въ Огненную Землю—знакомятъ читателя съ географіей и этнографіей этого острова, лежащаго на крайнемъ югѣ. Довольно подробное описаніе мѣстностей, по которымъ двигалась экспедиція, климата, животнаго и растительнаго міра и естественныхъ богатствъ страны въ сухомъ и

мало доступномъ изложеніи не можетъ заинтересовать широкій кругъ читателей; этнографическій очеркъ быта и нравовъ туземцевъ Огненной Земли болѣе интересенъ, но ему отведено всего лишь 12 стр. Живѣе и доступнѣе изложена вступительная статья Коропчевскаго, дающая характеристику общихъ условій жизни и быта человѣка на крайнемъ югѣ.

Э. К. Пименова. Австралія и ея обитатели. Стр. 21. Ц. 30 к. Спб. Небольшая книжечка Пименовой въ живомъ разсказѣ знакомитъ читателей съ исторіей открытія и колонизаціи Австраліи, съ природой страны, бытомъ ея чернокожихъ обитателей и съ тѣми измѣненіями, которыя были внесены въ ихъ жизнь и природу страны европейскими колонистами. Не останавливаясь подробно на условіяхъ государственной, общественной и экономической жизни современной Австраліи, авторъ въ общихъ чертахъ лишь знакомитъ читателей съ главнѣйшими занятіями жителей и культурой современныхъ австралійскихъ колоній.

М. Стокманъ-Диксонъ. Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Переводъ съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 198 Ц. 60 к. Открытіе и заселеніе Америки—вотъ содержаніе книжки. Разсказъ написанъ для дѣтей, но съ удовольствіемъ будетъ читаться и взрослыми. Задачу свою—дать читателямъ представленіе объ историческомъ значеніи открытія Америки и поставить его въ связь съ предшествовавшей исторіей и послѣдующими событіями—авторъ выполняетъ удачно. Главное мѣсто въ его книгѣ отведено не путешествію и планамъ Колумба, что обыкновенно занимаетъ центральное мѣсто въ книгахъ, посвященныхъ открытію Новаго Свѣта, а постепенное изслѣдованіе земель Новаго Свѣта и его колонизація. Путешествіе Колумба стоитъ въ ряду другихъ, ему предшествовавшихъ и за нимъ послѣдовавшихъ съ цѣлью открытія новыхъ земель и ихъ заселенія. При заселеніи Америки колонистами изъ различныхъ странъ Европы, указаны главнѣйшія причины внутренней жизни этихъ народовъ, вызвавшія развитіе колонизаціи. Переводъ хорошій.

Персія и персы. Составила Евг. Богрова. Историческая коммиссія учебн. отд. общ. распр. техн. знаній. Москва. Стр. 80. Ц. 20 к. Книжка эта знакомитъ читателя съ Персіей прошлаго и настоящаго времени. Религія, обычаи, занятія, бытъ древнихъ персовъ и краткій очеркъ могущества древнеперсидской монархіи, ея славные цари и ихъ управленіе—все это заинтересуетъ читателя, такъ какъ авторъ касается лишь наиболѣе существенныхъ сторонъ жизни, не останавливаясь на подробностяхъ. Хорошо изложены авторомъ и періодъ упадка Персіи, завоеваніе ея Александромъ Македонскимъ, вліяніе греческой и римской культуры и, наконецъ, владычество арабовъ и распространеніе магометанства, оставившія глубокій, неизгладимый слѣдъ на всей странѣ. Указавъ далѣе на религіозныя распри, внутреннія смуты и опустошительныя нашествія дикихъ азіатскихъ народовъ, наводнившихъ страну и тяготѣвшихъ надъ персидскимъ населеніемъ, пока, наконецъ, не утвердилась въ странѣ династія нынѣ правящихъ князей, авторъ переходитъ къ современной Персіи. Природа страны, современное управленіе ею, бытъ народа, занятія его и религія—все это изложено въ простомъ, живомъ разсказѣ, доступномъ самому широкому кругу читателей.

Серія книжекъ по географіи и этнографіи **Вл. Львова** пополнилась выпускомъ книгъ: **Новая Земля, природа животный міръ, промыслы и населеніе. Москва. 75 стр., ц. 25 к., и «Русская Лапландія и русскіе лопари». Географическій и этнографическій очеркъ. Москва. 81 стр., ц 25 к.** Обѣ книжечки снабжены рисунками и географической картой описываемыхъ мѣстностей, составлены онѣ умѣло и содержательно, изложеніе довольно живое и доступное, а потому ихъ можно рекомендовать, какъ хорошее пособіе для знакомства съ природой, условіями жизни и бытомъ обитателей сѣвера Евро-

пейской Россіи. Въ первой книгѣ главное вниманіе обращено на природу, климатъ и естестественныя богатства долго бывшаго совершенно необитаемымъ острова и на исторію его постепеннаго изслѣдованія; во второй-же авторъ останавливается преимущественно на топографіи края, описывая внѣшній, семейный и общественный бытъ лопарей, ихъ занятія, промыслы, религію, ихъ религіозныя представленія и народную поэзію. Указавъ на слабыя стороны и недостатки русской просвѣтительной дѣятельности среди лопарей, страдавшихъ отъ угнетенія и эксплоатаціи просвѣтителей, авторъ отмѣчаетъ способность лопарей къ совершенствованію и развитію.

О. М. Жирновъ. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Изданіе вятскаго губернскаго земства. Стр. 39. Цѣна не обозначена. Вятка. Книжка Жирнова знакомитъ съ сущностью земскаго отъ огня страхованія обязательнаго и добровольнаго, съ различными видами страховыхъ обществъ, съ тѣмъ, какъ производятся страховыя оцѣнки и устанавливаются страховые платежи въ различныхъ земствахъ, и, наконецъ, указываетъ, куда идетъ и какъ расходуется земскій страховой капиталъ. Въ концѣ книжки указаны различныя мѣропріятія, предпринимаемыя земствами для уменьшенія числа пожаровъ и ихъ опустошительнаго дѣйствія. Изложеніе простое и толковое, доступное каждому взрослому, хорошо грамотному.

А. В. Мезіеръ. Тернистой дорогой. Страничка изъ исторіи дѣтскаго фабричнаго труда въ Англіи. Изд. Гершунина. Спб. Стр. 92. Ц. 40 к. Развернувъ передъ читателемъ картину ужасающихъ условій дѣтскаго фабричнаго труда въ Англіи первой четверти XIX вѣка и давъ краткій, но яркій очеркъ промышленнаго переворота, вызвавшаго введеніе дѣтскаго труда въ фабричной промышленности, авторъ останавливается на исторіи борьбы за введеніе и расширеніе фабричнаго законодательства въ Англіи. Рядъ борцовъ за лучшія условія дѣтскаго труда проходитъ передъ читателемъ, но наиболѣе подробно останавливается авторъ на жизни и дѣятельности на этомъ поприщѣ Ричарда Остлера, «короля фабричныхъ дѣтей». Упорная энергія этого борца не останавливалась передъ стоявшими на пути препятствіями и склонила, наконецъ, враждебно настроенное противъ фабричныхъ законовъ общественное мнѣніе на сторону борцовъ за несчастныхъ фабричныхъ дѣтей. Пробужденіе сознанія и самодѣятельности въ средѣ рабочихъ массъ, наконецъ постепенное расширеніе избирательныхъ правъ населенія обезпечили этимъ борцамъ окончательную побѣду, навсегда закрѣпившую право на законодательную охрану труда рабочихъ въ Англіи и отодвинувшую въ невозвратное прошлое всѣ ужасы безусловной свободы промышленности и невмѣшательства государства въ промышленную жизнь народа. Къ сожалѣнію, авторъ почти не останавливается на участіи самихъ рабочихъ въ борьбѣ за лучшія условія труда, отмѣчая лишь громадное значеніе ихъ самодѣятельности въ окончательномъ исходѣ борьбы. Попутно авторъ останавливается на многихъ интересныхъ фактахъ изъ исторіи промышленной и политической жизни Англіи первой половины XIX ст. и и на экономическихъ теоріяхъ, господствовавшихъ въ то время въ наукѣ и обществѣ.

Интересная книга Мезіеръ заслуживаетъ широкаго распространенія.

Л. К—ва.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го января по 15-ое февраля 1904 г.

Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. Пер. съ англ. М. Даниловской. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

И. Н. Потапенко. Живая жизнь. Романъ. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

П. Гнѣдичъ. Новый скитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйст. Изд. Маркса. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

З. Ихоровъ. Исповѣдь человѣка на рубежѣ XIX вѣка. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Брешко-Брешковскій. Шопотъ жизни. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Левъ Даксергофъ. Передъ новой жизнью. 2-ое изд. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Его же. Около душевнаго недуга. М. 1904 г. Ц. 80 к.

Его же. Изъ-за человѣка. М. 1904 г. Ц. 80 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмерт. собр. сочиненій съ порт. автора, свѣд. о его жизни и статьей В. Брюсова о его творчествѣ. М. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. Ц. 2 р.

Г. Сѣверцевъ. Онѣ... Новеллы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Его же. Трудящіеся. Повѣсти. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Т. Бордулякъ. Оповидання въ галицького життя. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

П. Добротворскій. Моя исповѣдь. М. 1904 г.

Русскіе поэты (Карманная хрестоматія). Сост. П. Вейнбергъ. Т. I и II. Изд. Суворина. «Дешевая библ.». 1904. Спб. Ц. по 20 к.

Библіотека «Юнаго Читателя». В. Оксъ. Обитель въ осадѣ. В. Зутнеръ. Долой оружіе!

В. Шекспиръ. Король Лиръ въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. И. И. Иванова. М. 1904 г.

М. Стокманъ-Диксонъ. Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Пер. съ англ. О. Коропчевскаго съ 65 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

В. фонъ-Поленцъ. Деревенскій священникъ. Ром. Перев. съ нѣм. В. Величкиной. Изд. «Посредника». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

С. Т. Семеновъ. Дѣвичья погибель и другіе разсказы. Изд. «Посредника». М. 1904. Ц. 80 к.

Его же. У пропасти и другіе разсказы Изд. «Посредника». М. 1904 г. Ц. 80 к

Г. Чулковъ. Кремнистый путь. М. 1904 г Ц. 1 р.

П. Красновъ. Любовь абиссинки. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ перев. стих. 3-ье над., исправл. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Энтони Хопъ. Графъ Антоніо. Ром. Пер. съ англ. М. Дубровиной. Спб. 1904 г. «Новыя Сочиненія». Ц. каждой книги 30 к.; по подпискѣ 12 кн. 2 р. 40 к.

В. Микуличъ. Встрѣча со знаменитостью. Съ пор. Достоевскаго. Изд. «Посредника». М. 1903 г. Ц. 20 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. 2-ое. М. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Чеховъ. Каштанка. Съ 55 рис. Д. Кардовскаго. Изд. Маркса. Спб. 1904 г.

Э. Сетонъ-Томпсонъ. Жизнь сѣраго медвѣдя. Съ 35 р. автора. Пер. съ анг. Н. Шишкова. М. 1903 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Феликсъ Гра. Марсельцы. Повѣсть изъ вр. франц. революціи. Ростовъ-на-Д. 1903 г. Ц. 35 к.

А. Купринъ. Молохъ. Ростовъ-на-Д. 1903 г. Ц. 12 к.

И. Франко. На днѣ. Ростовъ-на-Д. 1903. Ц. 9 к.

И. Бѣлоконскій. Деревня. Печальная. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 8 к.

А. Петровскій. Не дался. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 1 к.

В. Танаевская. Безпокойная. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 3 к.

И. Митропольскій. На плотахъ. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 3 к.

Скиталецъ. Атаманъ. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 2 к.

Пѣсни труда. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 5 к.

Некрасовъ и Никитинъ. Избр. стихотворенія. Р.-на-Д. 1903. Ц. 4 к.

А. Гинрихсонъ. Руководство къ изученію фотографированія растеній безъ аппа-

рата, объектива, пластинокъ и темной комнаты. Спб. 1903 г.

И. Елинъ. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ. М. 1904 г. Ц. 20 к.

С. Орловскій. Жизнь Диккенса. Съ 12 рис. М. 1904 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

А. Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Пер. съ анг. А. Коншина. М. 1904 г. Изд. «Посредника». Ц. 60 к.

П. Буланже. Жизнь и ученіе Конфуція. Со ст. Л. Н. Толстого. «Изложеніе китайскаго ученія». Изд. «Посредника». М. 1904 г. Ц. 75 к.

Изд. т-ва «Донская Рѣчь» въ Ростовѣ-на-Д.: И. Серафимовичъ. Въ камышахъ. Ц. 2 к. Въ бурю. Ц. 3 к. А. Яблоновскій. Конокрадъ. Ц. 3 к. Въ консультаціи. Ц. 3 к. И. Бунинъ. Вайбаки. Ц. 3 к. Надъ городомъ. Ц. 1 к. С. Елпатьевскій. «Отпетаетъ мой соколикъ». Ц. 2 к. Л. Андреевъ. Жили-были. Ц. 3 к. Ангелочекъ. Ц. 3 к. Н. Телешовъ. Противъ обычая. Ц. 3 к. В. Дмитріева. Волки. Ц. 3 к. Бѣлыя крылья. Ц. 2 к. В. Немировичъ-Данченко. Воскресшая пѣснь. Ц. 5 к. К. Станюковичъ. Эмигрантъ. Ц. 3 к. В. Вересаевъ. Звѣзда. Ц. $1^1/_2$ к. Повѣтріе. Ц. 4 к. В. Короленко. Черкесъ. Ц. 4 к. А. Крандіевская. Только часъ. Ц. 10 к.

Изд. «Посредника». М. 1903 г. Д. Марковичъ. На вовчомъ хуторѣ. Ц. 1 к. С. Семеновъ. Деревенскіе герои. Драм. сцены. Ц. $1^1/_2$ к. М. Конопницкая. Торгашъ Гедали. И. Старининъ. Горбунъ Яша. Ц. 1 к. Левоники. Ц. 1 к. Дядя Өирсай. Ц. 1 к. Пѣсенники. Ц. каждаго 1 к. Состав. И. Горбуновъ-Посадовъ. С. Семеновъ. Надежда Гагалдаева. Драм. произв. Ц. 50 к. А. Зубрилинъ. Ленъ и обработка его на волокно. Съ 7-ю рис. Ц. 4 к. Какую пользу и приноситъ травосѣяніе? Ц. 3 к. Изд. «Деревенское хозяйство и деревенская жизнь». Кн. 34-я и 30-я.

А. Чеглокъ. Разсказы изъ жизни животныхъ для дѣтей: 1) Лѣсникъ Николай. 2) Разбойники лѣса. 3) Исторія волчьяго семейства. 4) Несуразный звѣрь. 5) Отчего я не сдѣлался охотникомъ. 6) Суслик. 7) Мой ежикъ. 8) Степной орелъ. 9) Скопа. 10) Какъ моя сорока попала въ газету. 11) Несчастная птица. 12) Синицы. 13) Водяной. 14) Баба. 15) Живой камень. 16) Слово знаетъ. Изъ жизни змѣй. Ц. каждой книжки 5 к. Спб. 1904 г.

Н. Каразинъ. На далекихъ окраинахъ. Ром. въ 3-хъ час. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Устименко. Село Павловка въ пожарномъ отношеніи по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія. 1903 г. Саратовъ. 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьков. Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1901 годъ. Въ 2-хъ частяхъ. Харьковъ. 1903 г.

В. В. Корсаковъ. Въ Старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Янжулъ. Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

Н. Пиниусъ. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Варшава. 1903 г.

К. Скальковскій. Новая книга. Публицистика. Эконом. вопросы. Путевыя впечатлѣнія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Н. Линдъ. Учить-ли мужика или у него учиться? М. 1904 г. Ц. 20 к.

О. Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Пер. А. Вачинскаго. М. 1903 г. Ц. 20 к.

М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. М-ва. 1903. Ц. 75 к.

С. Кисовъ. Изъ боевой и походной жизни. 1877—1878 г. Пер. съ болгар. М. Горюнинъ. Софія. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. Е. Трубецкой. Философія Ницше. Крит. очеркъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Яковлевъ. Геологическая исторія животн. царства. Съ 33 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

А. Погодинъ. Боги и герои Эллады. Съ 15 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Мечниковъ. Невоспріимчивость въ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Съ 45 рис. распр. въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 5 р.

Н. Вороновъ. На отвлеченныя темы. М. 1904 г. Ц. 30 к.

В. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Пименова. Австралія и ея обитатели. Съ 16 рис. и картою. Изд. О. Поповой. 1904 г. Спб.

Э. Борецкая. Проблема объективности познанія.

Гулишамбаровъ. Благородные металлы и камни въ міровой промышленности. Спб. 1904 г.

Е. Чебышева-Дмитріева. Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Карта театра военныхъ дѣйствій Манчжуріи, Японіи и Кореи. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Богуславскій. Иллюстр. путеводитель по Кіеву. Кіевъ. 1903. Ц. 50 к.

В. Бокъ. П. И. Добротворскій. Критико-біограф. очеркъ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Н. Боровко. Психологія мышленія. Варшава. 1904 г. Ц. 60 к.

Г. Сергѣевъ. Школа первоначальнаго рисованія для дѣтей отъ 8 до 12-лѣт. возр. въ штриховкѣ 2-мя цвѣт. карандашами. Вып. I и II. Спб. Изд. Маркса. 1904 г. Ц. каждаго вып. 80 к., съ перес. 1 р.

У. Кеннингэмъ. Ростъ англійской промы-

шленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Пер. съ 3-го англ. изд. Н. Теплова. М. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Таблицы Кловеръ-Штрауха для опредѣленія живого и убойнаго вѣса рог. скота двойнымъ обмѣромъ. Пер. на рус. мѣры. А. Калантаръ. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1903 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

С. Кулюкинъ. Первая книга для чтенія послѣ азбуки. М. 1903 г. Ц. 25 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Наглядность и наглядныя пособія при обученіи ариѳметикѣ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Ф. Мускатблибъ. Россія и Японія на Дальнемъ Востокѣ. Ист.-пол. этюдъ. Одесса. 1904 г. Ц. 25 к.

П. Вольногорскій. Страницы изъ книги природы. Со мног. рис. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

П. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

Э. Марешаль. Исторія девятнадцатаго вѣка (1789—1899 гг.). Пер. 9. Ону, подъ ред. А. Трачевскаго. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

М. Рецелиусъ. Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для семьи и школы. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Кацъ. О защитѣ глаза отъ внѣш. вред. вліяній. 2-ое изд., испр. и дополн. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Сомова. Спб. 1903 г. Т. I, вып. 17—20. Ц. 1 р. 60 к.

Картинныя галлереи Европы. 100 хромотипогравюръ. Текстъ проф. А. Филиппи. Вып. I. Изд. Вольфа. Спб. 1904 г.

Н. Крайнскій. Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. Спб. 1903 г.

А. Брагинъ. 5 лѣтъ жизни одной школы. Отчетъ. Мелитополь. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности общества взаимнаго вспоможенія при моск. учит. институтѣ за 1903 г. М.

Отчетъ ялтинской санаторіи. Ялта.

А. Шингаревъ. Горячіе завтраки въ начальныхъ школахъ Ворон. губ. въ $190^2/_3$ г. Воронежъ. 1903 г.

Русскій астрономическій календарь на 1904 г. Н.-Новгородъ. 1903 г.

С. Умановъ. Современный бабизмъ. Тифлисъ. 1904 г. Ц. 50 к.

К. Воробьевъ. Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Яр. губ. Статист. очеркъ. Ярославль. 1903 г.

И. Бѣлоблоцкій. Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренбургъ. 1903 г.

П. Ардашевъ. О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ. 1904 г. Ц. 35 к.

М. Черниковъ. О евреяхъ богачахъ и ихъ богатствахъ. Одесса. 1904 г.

Матеріалы повторной переписи крестьян. хозяйствъ Воронеж. губ. 1900 г. Подъ ред. И. Воронова. Т. II. Воронежъ. 1903 г.

Турутинъ. Означеніи дѣятельности крестьянскихъ с.-х. обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Курганъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Сельскохоз. обзоръ Вятской губ. за 1903 г. Ч. I и II. Вятка. 1903 г.

Статистическое описаніе Ярославской губ. Т. I. Ярославль. 1902 г.

В. Гредасовъ. Запретный плодъ. Романъ. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

В. Рахмановъ. Берегите здоровье дѣтей. Бесѣды врача съ учителемъ начальной школы. М. 1904 г. Ц. 35 к.

М. Богдановъ. Что такое птица? Осенній перелетъ птицъ. Съ 7 рис. М. 1904 г. Ц. 12 к.

Э. Сетонъ-Томпсонъ. Маленькій герой и другіе разсказы. Съ 16 рис. М. 1904 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

В. Кедровъ. Въ чемъ истинное значеніе творчества Максима Горькаго? Опытъ критическаго анализа произведеній М. Горькаго. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

Л. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904 г. Ц. 85 к.

Др. Зауэръ. Минералогическій атласъ, сост. изъ 24-хъ хромолитографир. таблицъ съ краткимъ текстомъ. М. 1904 г. Ц. 3 р. 75 к.

З. Рахмановъ. Леченіе болѣзней. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Е. Б., пер. съ англ. Капитанъ Январь. Разсказъ. Съ 22 рис. М. 1904 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Къ 5-му марта выйдетъ изъ печати 5-мъ изданіемъ **I ЧАСТЬ**

„ОЧЕРКОВЪ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ"

П. МИЛЮКОВА.

Складъ изданія въ конторѣ журнала «МІРЪ БОЖІЙ», Спб. Разъѣзжая, 7.

Цѣна 1 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Japan: Aspects and destinies*» *by W. Petrie Watson. London* (*Grant Richards*). *12 s. 6 d.* (*Японія; ея положеніе и судьбы*). Несмотря на то, что авторъ этой прекрасно написанной книги пробылъ три года въ Японіи и постарался изучить ее, онъ откровенно сознался, что все-таки не понимаетъ Японіи и японцевъ и, по его мнѣнію, ни одинъ англичанинъ въ сущности не знаетъ Японіи, такъ какъ въ каждомъ японцѣ заключаются элементы, совершенно ускользающіе отъ взоровъ наблюдателя европейца. Въ то время какъ Японія во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась западною державой, въ другихъ она попрежнему осталась восточною страной, которая не могла порвать со своимъ прошлымъ и крѣпко связана съ ними всѣми своими традиціями, вѣрованіями и суевѣріями. Однако, хотя авторъ и говоритъ, что онъ не знаетъ японцевъ, тѣмъ не менѣе онъ даетъ въ своей книгѣ чрезвычайно интересное и подробное описаніе страны, ея исторіи и ея населенія въ прошломъ и настоящемъ.

(Daily Chronicle).

«*India Impressions*» *by C. F. Keary* (*Впечатлѣнія путешественника по Индіи*) (*Edward Stauford*). Книга представляетъ художественное описаніе Индіи и индусовъ, заключающее въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ подробностей, раскрывающихъ передъ читателемъ блескъ и тайны восточнаго міра.

(Academy).

«*The Turk and hislost provinces: Greece, Bulgaria, Servia, Bosni. Sketches and Studies of Life and Travel in the Land of the Sultan*» *by Willam Eleroy Curtis. With numerous illustrations* (*Fleming*). *6 s. 7 d.* (*Турки и ихъ потерянныя провинціи: Греція, Болгарія, Сербія и Боснія*). Этотъ трудъ представляетъ очень удачную комбинацію исторіи, политики и описаній природы и жизни тѣхъ странъ, которыя играютъ выдающуюся роль въ восточномъ вопросѣ.

(Academy).

«*Politische Porträts*» *von Theodor Barth* (*Verlag von Georg Reimer*). *2 м.* (*Политическіе портреты*). Въ сборникѣ находятся шестнадцать характеристикъ политическихъ дѣятелей съ Бисмаркомъ во главѣ. Со многими изъ этихъ дѣятелей авторъ былъ знакомъ лично и хотя его можно, пожалуй, заподозрить въ нѣкоторомъ пристрастіи, но тѣмъ не менѣе его характеристики не теряютъ своего значенія для современной исторіи.

(Berl. Tag.).

«*Weltgeschichte der Gegenwart*» *von D-r Albrecht Wirth* (*Gose und Tetslaff*) (*Всемірная исторія современной эпохи*). Авторъ поставилъ себѣ задачею помочь читателю ориентироваться въ различныхъ теченіяхъ и стремленіяхъ, характеризующихъ современную міровую политику. Свое изложеніе авторъ начинаетъ съ культуркампфа и затѣмъ переходитъ къ другимъ событіямъ міровой политики, разсматривая ихъ къ точки зрѣнія ихъ значенія для міровой исторіи. Въ книгѣ заключается много цѣннаго историческаго матеріала. Особенно интересны съ политической точки зрѣнія главы: «Отъ Версаля до Занзибара», «Раздѣленіе Африки» и «Ростъ славянъ и англосаксовъ». Авторъ прикладываетъ шесть географическихъ картъ для поясненія своихъ выводовъ.

(Köln. Zeit).

«*Unser Leben im Lichte der Wissenschaft*» *von D-r L. Besser, Bonn* (*Karl Georgis Verlagsbuchhandlung*) (*Наша жизнь въ научномъ освѣщеніи*). Ученый авторъ этой книги изучаетъ въ ней важнѣйшія проблемы человѣчества, оставаясь въ предѣлахъ строго научнаго изслѣдованія.

(Köln. Zeit.).

«*Das Land der unbegrenzten Möglichkeiten*» *von Ludwiy Max Goldberger. Beobachtungen über das Wirtschaftsleben der vereinigten Staaten von Amerika* (*Fontane*) (*Страна безграничныхъ возможностей*). Авторъ изслѣдуетъ причины огромныхъ экономическихъ успѣховъ сѣверо-американскаго союза за послѣднее десятилѣтіе. Онъ приводитъ статистическія данныя, указывающія на увеличеніе національнаго богатства, на развитіе желѣзныхъ дорогъ, внѣшней торговли и т. д. Очень

пространная глава посвящена трёстамъ и американскимъ рабочимъ союзамъ.

(Berl. Tag.).

«*Oxford*». *Painted by Lohn Fulleylove, described by Edward Thomas* (*Black*). *20 s.* (*Оксфордъ*). Въ Оксфордѣ нѣтъ ничего, что было бы созданіемъ одного человѣка или одного года. Каждая коллегія, церковь или садъ являются созданіемъ многихъ столѣтій и многихъ поколѣній, наложившихъ свой отпечатокъ на это старое университетское поселеніе, описаніе котораго заключается въ книгѣ, знакомящей читателя со всѣми особенностями университетской жизни Оксфорда и его достопримѣчательностями.

(Academy).

La vie et les Livres» par Gaston Deschamps (*Colin*). *3 fr. 50* (*Жизнь и книги*). Въ этой серіи томовъ авторъ изслѣдуетъ вліяніе историческихъ событій и современныхъ тенденцій на литературныя произведенія. Слѣдующія заглавія главъ указываютъ на ихъ содержаніе: «Война 70-го года и литература», «Общество и современная беллетристика», «Феминисты», «Три стадіи въ карьерѣ Анатоля Франса». Въ послѣднемъ томѣ авторъ трактуетъ о слѣдующихъ предметахъ: «Циклъ Наполеона», «Циклъ войны», «Колоніальный и живописный экзотизмъ». Въ «Циклѣ войны» авторъ критически разбираетъ всѣ произведенія, имѣющія отношеніе къ войнѣ 1870 года, и старается выяснить, какъ отразилась эта война на французской литературѣ.

(Academy).

«*La Morale et la science des Moeurs» par L. Lèvy-Bruhl, professeur à la Sorbonne. Paris* (*Alcan*) (*Нравственность и наука нравовъ*). Въ послѣднее время было приложено не мало усилій къ созданію науки о нравственности и такъ какъ метафизическія гипотезы и религіозныя вѣрованія лишились своего престижа въ глазахъ многихъ современниковъ, то для того, чтобы придать принципамъ нравственности достаточный авторитетъ, необходимо было поставить ихъ на научную почву. Вышеназванная книга и представляетъ такую попытку, которую нельзя не назвать вполнѣ удачной, такъ какъ авторъ доказываетъ, что судьба нравственности тѣсно связана съ соціальною наукой.

(Temps).

«*L'Introduction du Règime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X par I. Barthèlemy* (*Giard*) (*Введеніе парламентскаго режима во Франціи*). Читатели, интересующіеся проблемами политической науки, найдутъ огромный матеріалъ въ этой книгѣ, такъ какъ авторъ тщательно изучилъ парламентскіе дебаты и мемуары. Между прочимъ, онъ указываетъ, что наканунѣ іюльской революціи уже существовали всѣ элементы для организаціи правительства кабинета, и дѣлаетъ, по этому случаю, весьма интересныя сравненія съ теперешнимъ режимомъ. Несмотря на обычную критику парламентскаго режима, авторъ приходитъ къ заключенію, что все-таки это единственно возможная форма, такъ какъ опытъ до сихъ поръ еще не указалъ никакой другой, которая устанавливаетъ сотрудничество между народомъ и правительствомъ въ дѣлѣ руководства судьбами страны.

(Journal des Débats).

«*Idèes Sociales et faits sociaux*». *Conferences de mm. G. Blondel, Aug. Sochon, Martin Saint Leon, Ch. Combes, Dufourmantelle, Emm. Riviere, avec une introduction de M. Georges Goyau* (*Librairie Fontemoing*) (*Соціальныя идеи и соціальные факты*). Это обворъ всего того, что сдѣлано въ XIX вѣкѣ въ области соціальныхъ наукъ. Предполагается выпустить три тома, изъ которыхъ вышелъ только первый. Въ этомъ томѣ изслѣдуется общество вообще, затѣмъ соціальные элементы, соціальные факты (характеръ и классификація) и соціальная эволюція, а также характеръ, раздѣленіе и связь, существующая между соціальными науками. Въ книгѣ подвергаются тщательному критическому анализу всѣ главныя системы соціальныхъ наукъ и соціальныя доктрины.

(Journal des Débats).

«*La Magie dans l'Inde Antique*» *par Victor Henry* (*Duparc*). *Prix: 3 fr. 50* (*Магія въ древней Индіи*). Авторъ изучившій литературу древней Индіи и обнаруживающій въ этомъ отношеніи громадную эрудицію, посвящаетъ читателя во всѣ подробности и тайны индійской магіи и въ заключеніе изучаетъ отношеніе магіи къ мифамъ, религіи и наукѣ.

(Polybiblion).

«*L'Histoire de la charité*» *par Lèon Lallemand. T. II. Les neuf premieres siècles de l'ère chrètienne Paris* (*A. Picard*). *5 fr.* (*Исторія благотворительности*). Авторъ, предпринявшій обширное историческое изслѣдованіе, раздѣлилъ свой трудъ на пять періодовъ. Первый, раньше вышедшій, томъ былъ посвященъ древней эпохѣ до Константина. Авторъ изслѣдовалъ благотворительность у древнихъ евреевъ, египтянъ, восточныхъ народовъ, грековъ, римлянъ, галловъ и германцевъ. Въ своемъ новомъ томѣ онъ уже изслѣдуетъ девять первыхъ вѣковъ христіанской эры и изображаетъ постепенное развитіе и ростъ христіанской церкви въ эпоху преслѣдованій, положеніе христіанъ въ языческомъ обществѣ и возникновеніе различныхъ организацій благотворительности въ христіанскомъ обществѣ.

(Polybiblion).

«*Le Sentiment religieux dans l'Antiquitè*»—*Le Christianisme avant le Christ, par A. Dufieux* (*Emanuel Vitte*) (*Религіозное чувство въ древности*). Авторъ занимается изслѣдованіемъ религіозныхъ понятій древности, съ цѣлью извлечь изъ нихъ квинтъ-эссенцію религіознаго чувства, которое онъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Врожденное и утѣшительное довѣріе къ сверхъестественной власти». Авторъ старается найти доказательства абсолютнаго единства религіознаго чувства; этому онъ посвящаетъ первую часть своего труда. Во второй части онъ изслѣдуетъ вѣрованія, а въ третьей и послѣдней—проявленія религіознаго чувства и его высшаго выраженія у грековъ и римлянъ.

(Journal des Débats).

«*Les associations des producteurs: Trusts, Kartels et Syndicats*» *par Paul Duchaine. Paris-Bruxelles* (*Lebègne et C°*) (*Ассоціаціи производителей*). Это популярное сочиненіе, разсчитанное на широкій кругъ читателей и знакомящее ихъ съ общими причинами образованія и распространенія синдикатовъ-производителей и съ происшедшею экономическою эволюціей. Авторъ, главнымъ образомъ, выдвигаетъ на сцену три причины, вызвавшія эту эволюцію: сосредоточеніе промышленности, чрезмѣрную конкуренцію и протекціонизмъ. Далѣе онъ подвергаетъ подробному разбору трёсты, синдикаты и картели въ Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ мѣстъ Европы, излагая при этомъ законодательство каждой страны, имѣющее въ виду регламентацію этихъ промышленныхъ группъ.

(Journal des Débats).

«*Zukunfts-pädagogik*» *von W. Münch. Utopien, Ideale, Möglichkeiten* (*G. Reimer*) (*Педагогика будущаго*). Эта книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ странныхъ проектовъ, направленныхъ къ полному преобразованію системы преподаванія и воспитанія и съ яростью нападающихъ на педагогику настоящаго. Большинство такого рода проектовъ нѣмецкаго происхожденія, но есть и американскія и французскія. Авторъ останавливается, однако, главнымъ образомъ, на планахъ двухъ французовъ, Лакомба и Дэмолена и на педагогической проповѣди Элленъ Кей, шведской писательницы. Но, по мнѣнію автора, всѣ эти реформаторскіе проекты страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: они слишкомъ просто рѣшаютъ очень сложный вопросъ. Подробно разобравъ всѣ эти педагогическія теоріи, авторъ переходитъ во второй части къ изложенію собственныхъ взглядовъ на современныя педагогическія системы и педагогику будущаго и подвергаетъ строгой критикѣ школьную систему Германіи.

(National Zeitung).

«*Neues Land*» *von Kapitän O. Sverdrup. Vier Jahre in arktischen Gebieten. Zwei Bände. Leipzig* (*Brockhaus*) (*Новая страна*). Это очень интересное описаніе второй норвежской полярной экспедиціи, пробывшей четыре года въ арктической области. Начальникомъ этой второй экспедиціи былъ Свердрупъ, старый товарищъ Нансена, сопровождавшій его въ его первомъ путешествіи по Гренландіи и въ его экспедиціи къ сѣверному полюсу въ 1893—96 году. (Berlin. Tag.).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Книгопродавцамъ уступка 25%.

Заканчивается печатаніемъ новая книга:

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„КЪ СВѢТУ"

подъ редакціей **Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова.**

Изданіе Комитета Общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

Въ составъ Сборника входятъ новыя произведенія слѣдующихъ авторовъ:

I. **По беллетристикѣ** (стихотворенія, очерки, повѣсти и разсказы): Allegro, К. Д. Бальмонта, П. Д. Боборыкина, М. В. Ватсонъ, П. И. Вейнберга, Г. А. Галиной, Л. Я. Гуревичъ, Ераковой-Даниловой, Влад. Г. Короленко, М. В. Крестовской, А. И. Куприна, Ек. П. Лѣтковой, А. А. Лугового, С. К. Маковскаго, А. М. Ѳедорова, О. Н. Чюминой, О. А. Шапиръ, Сем. С. Юшкевича, П. Я. (Мельшина).

II. **Статьи научныя и критическія:** Е. В. Балобановой, Ѳ. Д. Батюшкова, акад. Н. Н. Бекетова, проф. В. П. Бузескуль, Анат. Ѳ. Кони, В. Каренина, проф. Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга, Е, Ю. Лозинскаго, Ник. К. Михайловскаго, акад. С. Ѳ. Ольденбурга, О. М. Петерсонъ, проф. М. И. Ростовцева. С. Русовой, проф. Е. В. Тарле, А. Н. Шабановой, П. Е. Щеголева.

Въ текстѣ (около 33 печ. лист.) иллюстраціи и приложеніе: отраженія женскаго движенія въ русской живописи за послѣднюю четверть вѣка (снимки съ картинъ художниковъ: Вл. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, бар. М. П. Клодта, Е. Д. Поленовой, И. А. Матвѣева, А. Морозова, В. И. Сурикова, Н. А. Ярошенко и др.).

Цѣна по выходѣ въ свѣтъ книжки **4** рубля, безъ пересылки.

Склады изданія: въ **С.-Петербургѣ**: 1) въ библіотекѣ Высш. Женскихъ Курсовъ (Вас. Остр., 10-ая линія, д. 33); въ конторѣ журналовъ: 2) «Міръ Божій» (Разъѣзжая, 7) и 3) «Русское Богатство» (Баскова ул. 9); 4) въ книжномъ складѣ О. Н. Поповой (Невскій пр, 54), въ **Москвѣ**: въ книжномъ магазинѣ «Трудъ», Москва, Тверская ул.

Своими дальнозоркими глазами онъ узналъ даже отдѣльныхъ солдатъ.

Четвертая батарея какъ разъ въ это время вывозила изъ воротъ свои шесть орудій. Въ пятой же еще никто не шевелился,—капитанъ Моръ не любилъ производить ученье вскорѣ послѣ обѣда; его батарея—шестая—отправлялась на плацъ для пѣшаго ученья. Каски сверкали на солнцѣ, и ему казалось даже, что онъ слышитъ мѣрный топотъ ногъ. Вегштетенъ и оба лейтенанта шли впереди.

Начались упражненія, по взводамъ, въ общемъ строю, церемоніальный маршъ, сначала по походному, потомъ развернутыми колонами — все удавалось какъ нельзя лучше. Истинное удовольствіе было смотрѣть сверху, какъ двигались эти правильныя прямыя линіи. Вмѣсто него, на мѣстѣ вахмистра шелъ Гепнеръ, а сержантъ Кейзеръ, какъ старшій унтеръ-офицеръ шелъ вмѣсто вахмистра впереди ѣздовыхъ.

Но этотъ новый распорядокъ ни въ чемъ не давалъ себя чувствовать; все совершалось въ полномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ опущеній.

А онъ-то, Шуманъ, воображалъ себѣ, что онъ незамѣнимъ,—воображалъ, что безъ него все дѣло станетъ!..

За ужиномъ Юлія Гепнеръ сказала мужу:

— Отто, намъ не хватаетъ тѣхъ денегъ, что ты даешь на хозяйство. Сегодня Ида не могла заплатить молочнику.

Вице-вахмистръ отвѣтилъ съ набитымъ ртомъ:

— Меня это не касается. Устраивайтесь, какъ знаете.

Наѣвшись, онъ надѣлъ мундиръ, подпоясалъ саблю и взялъ фуражку.

Жена слѣдила непріязненнымъ взглядомъ, какъ онъ расчесывалъ передъ зеркаломъ усы и застегивалъ перчатку.

Гепнеръ посмотрѣлъ на нее, насмѣшливо расхохотался и сказалъ:

— Навѣрно ты теперь думаешь: «вѣдь вотъ идетъ въ трактиръ и пропьетъ тамъ послѣднія денежки»! И какъ разъ сегодня ошиблась. Ну, да можешь себѣ думать, что хочешь, по крайней мѣрѣ, будетъ изъ-за чего злиться.

Но эти вѣчныя стычки изъ-за денегъ выводили изъ себя и Иду, вѣдь ей-то именно и приходилось объясняться со всѣми поставщиками, когда имъ нечѣмъ было платить. Поэтому она сердито замѣтила:

— Прекрасно! Ты будешь пропивать деньги, а мы должны умѣть изворачиваться.

Вице-вахмистръ подошелъ къ ней и сказалъ, смѣясь:

— Неужели и ты намѣрена такъ же ворчать, какъ твоя любезная сестрица? Тебѣ это совсѣмъ не идетъ. Но все-таки тебѣ я, пожалуй, скажу. Отъ вчерашнихъ проводовъ осталась добрая толика пива,—я велѣлъ ее припрятать для себя. Ну, чья правда?

Онъ шутя похлопалъ свояченицу по круглому плечу и прибавилъ въ заключеніе:

— Кто знаетъ, можетъ быть, завтра я принесу тебѣ цѣлую кучу денегъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ дому.

Мимоходомъ онъ заглянулъ еще въ конюшню и строго-на-строго приказалъ дежурнымъ ни подъ какимъ видомъ не уходить со своихъ мѣстъ. Потомъ онъ вышелъ изъ воротъ.

Чувствовалъ онъ себя сегодня превосходно. Этотъ старый придира Шуманъ, несносный ворчунъ, всюду совавшій свой носъ, былъ у него точно бѣльмо на глазу. Давно пора ему было собрать свои потроха и проваливать по добру, по здорову на гражданскую службу, вмѣсто того, чтобы торчать въ батареѣ и мѣшать ему выйти въ вахмистры. Теперь тотъ, слава Богу, убрался, и онъ, Гепнеръ, могъ считать себя все равно что вахмистромъ. А тутъ, вѣдь, дѣло не въ одномъ только жалованьѣ,—это ужъ совсѣмъ иная статья,—у него теперь власть и съ нимъ придется считаться даже лейтенантамъ, а если онъ умненько поведетъ дѣло, то и самому капитану.

Сегодня для него счастливый день, онъ ощущалъ это даже въ кончикахъ пальцевъ, и этимъ обстоятельствомъ

слѣдовало воспользоваться, — вечеромъ нужно во что бы то ни стало перекинуться въ картишки.

Въ предвидѣніи этого онъ пригласилъ раздѣлить съ нимъ остатки прощальнаго ужина только такихъ людей, которые годились для этой цѣли: вахмистра пятой батареи, который стремился перепить своего начальника и въ концѣ концовъ насилу могъ карты въ рукахъ держать, и трубача Генке изъ собственной, шестой батареи — оба завзятые картежники. Остальными партнерами были: самъ хозяинъ «Бѣлаго Коня» и толстый пекарь Кюнъ, получившій поставку бѣлаго хлѣба на полкъ. По разсчетамъ Гепнера, этому пекарю и Богъ велѣлъ проиграть—денегъ у него куры не клюютъ.

У воротъ Гепнеру пришло въ голову, что гораздо пріятнѣе идти до города въ компаніи, и онъ рѣшилъ зайти за трубачомъ.

Надо было перейти черезъ улицу и пройти нѣсколько шаговъ по узенькой ольховой аллейкѣ до двухъ крестьянскихъ усадебъ, хозяева которыхъ въ прежнее время занимались обработкой сосѣднихъ полей. Теперь онѣ уже давно перестали служить хозяйственнымъ цѣлямъ: въ переднемъ домѣ, называвшемся почему-то «раемъ», въ нижнемъ этажѣ помѣщалась ремонтная мастерская, а наверху жили полковые мастера. Задняя усадьба упиралась въ отвѣсную гору, такъ что едва оставался тѣсный проходъ по берегу ручейка, протекавшаго у подошвы. Она называлась «адомъ» и тамъ были отведены квартиры женатымъ унтеръ-офицерамъ, не помѣстившимся въ главной казармѣ.

Большая часть жильцовъ были трубачи. Но никто ихъ нихъ не заживался слишкомъ долго въ «аду». Ненасытная музыкантская глотка гнала ихъ изъ уютнаго крестьянскаго домика, подъ окнами котораго мирно журчалъ ручей. Трубачамъ, исполнявшимъ въ походѣ должность вѣстовыхъ, не позволялось толстѣть. Полковникъ издалъ постановленіе, по которому ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ вѣсить больше 75 килограммовъ (4½ пуда), и каждое лѣто, не опредѣляя заранѣе срока, онъ приказывалъ всѣхъ ихъ взвѣшивать. Кто при этомъ испытаніи оказывался хоть на полфунтика выше нормы, безъ милосердія исключался.

Сержанту Генке было еще пока далеко до опаснаго предѣла. Это былъ живой, подвижный человѣкъ съ свѣжимъ краснощекимъ лицомъ, красивой черной бородкой, черными кудрями, отпущенными немного не по формѣ. Солдатъ онъ былъ хоть куда и составлялъ прекрасную пару съ своей женой Елизаветой, хорошенькой, стройной блондинкой, сохранившей, благодаря своему прекрасному росту, видъ молодой дѣвушки.

Бѣлокурая молодая женщина до сихъ поръ была слѣпо влюблена въ своего мужа. Она положительно боготворила его, а онъ принималъ ея обожаніе какъ должное и обращалъ на нее, въ общемъ, весьма мало вниманія. Онъ мнилъ себя великимъ артистомъ, такъ какъ на концертахъ въ капеллѣ игралъ соло на пистонѣ и пользовался большимъ успѣхомъ, особенно среди женской половины слушателей. Онъ утверждалъ, что только женитьба помѣшала ему стать «знаменитостью». Однажды онъ получилъ пламенное любовное посланіе, подписанное «высокородной дамой, оплакивавшей кровавыми слезами разъединявшую ихъ пропасть». Конечно, это было дѣломъ какого-нибудь шутника, но тщеславный Генке создалъ въ своемъ воображеніи какую-то богатую наслѣдницу, и это окончательно вскружило ему голову. Съ этихъ поръ, онъ старался имѣть видъ свѣтскаго джентельмена и бѣгалъ по пятамъ за всѣми изящными женщинами въ городѣ; жену онъ едва удостаивалъ взгляда. Но она работала, не покладая рукъ, и старалась экономить на чемъ возможно, чтобы супругъ ея могъ удовлетворять своимъ благороднымъ вкусамъ. Она была счастлива и тѣмъ, что онъ позволялъ ей жить рядомъ съ собой. А онъ, ни мало не стѣсняясь, заставлялъ ее набирать какъ можно больше работы, чтобы накопить побольше де-

негъ. Его мечта была разбогатѣть и стать на самомъ дѣлѣ равнымъ всѣмъ этимъ важнымъ господамъ.

Для этой же цѣли должны были служить ему и карты. Кромѣ того, онъ почему-то считалъ картежную игру чрезвычайно изысканнымъ видомъ развлеченія.

Онъ уже собирался идти и только послѣдній разъ прихорашивался передъ зеркаломъ, когда подъ окномъ раздался сигналъ «рысью». Этимъ способомъ Гепнеръ, его всегдашній товарищъ по игрѣ, обыкновенно вызывалъ его. Въ одну минуту онъ уже былъ на улицѣ рядомъ съ вице-вахмистромъ. Обмѣнявшись короткимъ привѣтствіемъ, они быстрыми шагами отправились по дорогѣ въ городъ.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до «Бѣлаго Коня», трубачъ вдругъ остановился, хлопнулъ себя по карману и воскликнулъ:

— Проклятье! Я забылъ дома деньги.

Въ дѣйствительности у него ихъ совсѣмъ не было,—ни дома, ни въ карманѣ.

Благодушно настроенный Гепнеръ успокоилъ его:

— Пустое! Ѣсть и пить мы будемъ сегодня даромъ, а на прочіе расходы я ссужу тебѣ талеръ. Вотъ тебѣ, изволь!

И онъ, не входя въ дверь, сунулъ ему въ руку большую серебряную монету. Трубачъ обрадовался. Взятыя въ долгъ деньги приносятъ счастье.

Хозяинъ приготовилъ пиршество въ отдѣльной комнатѣ. Остатки вчерашняго ужина были аккуратно разложены, и посреди красовался во льду бочоночекъ пива въ добрыхъ сорокъ литровъ.

Но изъ пяти партнеровъ только одинъ, Блехшмитъ, вахмистръ пятой батареи, воздалъ честь приготовленіямъ хозяина. Онъ исправно ѣлъ и пилъ, между тѣмъ какъ четверо другихъ, очистивъ себѣ одинъ уголъ стола, принялись, не теряя времени, за дѣло, т.-е. за игру.

— Прежде всего что-нибудь основательное!—сказалъ пекарь Кюнъ.

Поэтому начали играть въ «двуглаваго короля», причемъ каждый долженъ былъ ставить по три марки.

Игра тянулась долго, не хотѣлось бросать, пока въ кассѣ оставалось хоть что-нибудь. Наконецъ, ее опустошили, Гепнеръ торжествовалъ. Предчувствіе не обмануло его: когда онъ подсчиталъ свои деньги, оказалось, что онъ выигралъ цѣлыхъ двѣ марки. И пекарь и хозяинъ сыграли почти что ни въ чью, за всѣхъ поплатился одинъ трубачъ.

Поработавъ, не грѣхъ было немножко подкрѣпить силы, да и горло промочить. Закусывая, они оживленно обсуждали случайности карточной игры.

Гепнеръ не любилъ копаться; едва проглотивъ послѣдній кусокъ, онъ сталъ выразительно поглядывать на другой уголъ стола.

«Ну-съ, что-жъ терять золотое времячко», говорили его взгляды.

Пекарь сочувственно засмѣялся и сказалъ:

— Кто началъ, какъ мы, съ солидной игры, тотъ можетъ немножко и побаловаться.

Хозяинъ тщательно заперъ дверь на задвижку и осмотрѣлъ, плотно ли притворены ставни. Игроки сдвинулись тѣснѣе, и Блехшмитъ тоже подсѣлъ къ нимъ.

Начали играть по порядку въ «Семнадцать и четыре», въ «Тетки» и въ «Точки» — все игры самыя азартныя. Въ «Точкахъ» можно въ одну ставку проиграть до пятидесяти марокъ и даже больше.

Игроки совсѣмъ полегли на столѣ, лица у нихъ горѣли, глаза, не отрываясь, слѣдили за падающими картами. Они бросали на полъ докуренныя сигары, зажигали новыя, а когда въ горлѣ очень ужъ пересыхало, торопливо выпивали нѣсколько глотковъ пива, которое текло теперь изъ крана скучной медленной струйкой.

Они утратили всякое представленіе о времени.

Вдругъ Блехшмитъ, неисправимый пьяница, вскричалъ сердито:

— Ну, я вамъ больше не товарищъ! Пива нѣтъ!

Хозяинъ вынулъ часы.

— Скоро пять,—сказалъ онъ.

*

Никто не хотѣлъ вѣрить. Имъ казалось, что они играли никакъ не больше часа.

Но какъ бы то ни было, приходилось, доигравъ круговину, заканчивать игру.

Когда, наконецъ, послѣднія ставки были разыграны, всѣ съ облегченіемъ перевели духъ. Во время игры никто не чувствовалъ усталости, а какъ только заговорили, что пора кончать, каждый почувствовалъ, что всѣ его члены точно свинцомъ налиты.

Оставалось только подсчитать свои проигрыши и выигрыши.

Трубачъ раньше всѣхъ покончилъ съ этимъ дѣломъ. Онъ подалъ Гепнеру взятый взаймы талеръ и не могъ сдержать счастливаго смѣха. Да и было чему порадоваться. Пришелъ онъ сюда безъ единаго пфенига, а теперь у него въ карманѣ побрякивала немалая сумма въ сто слишкомъ марокъ! Больше все серебромъ, конечно, но было и нѣсколько золотыхъ монетъ.

Остальные четверо были всѣ въ проигрышѣ. Вице-вахмистръ не досчитывался цѣлыхъ тридцати марокъ, Блехшмитъ и хозяинъ отдѣлались всего нѣсколькими пфенигами. И только на пекарѣ Кюнѣ пожеланіе Гепнера исполнилось въ полной мѣрѣ: онъ оставилъ на столѣ больше семидесяти марокъ.

Вице-вахмистръ мрачно смотрѣлъ на лежавшую еще передъ нимъ маленькую кучку денегъ. Истинный онъ дуракъ! Вмѣстѣ съ талеромъ онъ передалъ Генке все свое счастье,—это ужъ какъ Богъ святъ! И вотъ теперь этотъ болванъ вмѣсто него набилъ себѣ карманы за счетъ толстаго пекаря. Вотъ тебѣ и награда за доброту.

Онъ почувствовалъ непобѣдимое желаніе затѣять ссору съ этимъ нахальнымъ трубачомъ, беззаботно качавшимся на стулѣ,—такъ бы вотъ, кажется, и съѣздилъ его по зубамъ, чтобъ отбить у него охоту зубы скалить. Но если онъ только прорвется, выдастъ свое бѣшенство, его засмѣютъ въ конецъ.

Вдругъ Генке пришла въ голову блестящая идея.

— Почтенная компанія! — сказалъ онъ:—вижу, что мнѣ безбожно повезло. Надо мнѣ откупиться чѣмъ-нибудь.

Онъ толкнулъ въ бокъ задремавшаго было хозяина и крикнулъ ему въ самое ухо:

— Эй, Антонъ, тащи двѣ бутылки шампанскаго! Я угощаю!

Гепнеръ и пекарь начали было возражать, увѣряя, что пора домой. Оба были въ прескверномъ расположеніи духа, устали и сознавали, что стаканчикъ-другой этой «сладкой жижицы», какъ окрестилъ Кюнъ шампанское, не вернетъ имъ ихъ денежекъ.

Но вѣчно жаждущій Блехшмитъ заявилъ рѣшительно:

— Шампанское? Великолѣпно!

Хозяинъ тоже сразу повеселѣлъ. Когда такъ, вечеръ и для него кончится изрядным выигрышемъ.

Когда Гепнеръ и Кюнъ увидѣли, что остались въ меньшинствѣ, они, конечно, тоже присоединились къ компаніи. Хоть это имъ и не очень улыбалось, а все-таки отчего же не выпить на чужой счетъ.

— Какой же ты хочешь марки, Генке?—спрашивалъ хозяинъ. — Принести тебѣ карту винъ? У меня есть всякое: и французское, и нѣмецкое.

— Подавай самое дорогое!—провозгласилъ трубачъ.

— Да, вѣдь, оно одиннадцать марокъ бутылка, Генке!

— Ну, такъ что-жъ? Если господа офицеры пьютъ, то и я могу! Живо, тащи!

Хозяинъ ощупью спустился въ погребъ и вытащилъ изъ потаеннаго уголка двѣ бутылки изъ подъ «Помери»— настоящая солидная марка,—не такъ давно два лошадиныхъ барышника спрыснули имъ выгодное дѣльце.

Прохладный воздухъ погреба окончательно отрезвилъ его. Онъ лукаво подмигнулъ обѣимъ бутылкамъ, осторожно снялъ съ нихъ этикетки и наклеилъ ихъ на двѣ какія-то бутылки съ серебряными горлышками, влачившія до того дня безымянное существованіе.

Ледъ теперь трудно было достать. Поэтому онъ сталъ раскупоривать бутылки, какъ только принесъ ихъ изъ

погреба. Пробка прыгнула до потолка, и вино фонтаномъ брызнуло изъ горлышка.

Оба вахмистра скомандовали «пали», а трубачъ протрубилъ на губахъ какую-то фанфару. Потомъ всѣ опустили носы въ стаканы и съ удовольствіемъ ощущали, какъ ихъ щекочетъ поднимающійся оттуда газъ. Наконецъ они стали пробовать тепловатый напитокъ и не могли достаточно нахвалиться имъ.

Трубачъ, старавшійся всегда блеснуть подслушанными у офицеровъ выраженіями, объявилъ, что онъ знатокъ шампанскаго. Онъ усиленно разнюхивалъ его, держалъ его на языкѣ, причемъ лицо его принимало восторженое выраженіе, и, наконецъ, воскликнулъ съ одушевленіемъ:

— Господа! По этому букету я узнаю французскую марку. Нѣмецкому шампанскому до него далеко? Это совсѣмъ другая музыка!

Остальные вполнѣ соглашались съ нимъ.

Только Кюнъ замѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Горькимъ миндалемъ отзываетъ это пойло!

Тутъ ужъ вступился и хозяинъ.

— Развѣ ты не знаешь, пекарь,— замѣтилъ онъ сердито,—что именно этотъ вкусъ и служитъ признакомъ французскаго шампанскаго?

И онъ съ нѣжностью поглядывалъ на пробки, которыя предусмотрительно оставилъ въ углу.

Войдя утромъ въ батарейную канцелярію, капитанъ Вегштетенъ спросилъ сейчасъ же вице-вахмистра:

— Что съ вами? У васъ ужасный видъ.

— Простите, господинъ капитанъ,— отвѣтилъ Геннеръ, — моя жена очень дурно провела нынѣшнюю ночь.

— Вотъ какъ? — протянулъ капитанъ.—Очень жаль, коли такъ.

Про себя же онъ подумалъ: «Если это и правда, то ты, вѣрно, залилъ горе изрядным количествомъ пива; несетъ отъ него на двѣ сажени».

Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ освободить его отъ верховой ѣзды, но Геннеръ не согласился, онъ пожелалъ во чтобы то ни стало принять участіе въ ученьи. Часокъ верховой ѣзды—лучшее средство отъ этого рода болѣзни. Да и вообще неужели же одна безсонная ночь можетъ сломить такого молодца, какъ онъ.

Капитанъ порадовался такому усердію, особенно, когда увидѣлъ, какъ великолѣпно ѣздилъ вице-вахмистръ въ этотъ день на своей лошади, а лошадь его была безспорно самая непокорная во всей батареѣ. Послѣ ученья онъ сказалъ ему:

— Сегодня послѣ обѣда, Геннеръ, я, вѣроятно, сообщу вамъ пріятную вещь.

Въ это самое время ему вспомнилось, что онъ намѣревался представить полковнику нѣкоторыя возраженія противъ назначенія Геннера, а теперь это ужъ неудобно,—онъ самъ себя связалъ этимъ обѣщаніемъ.

Тѣмъ не менѣе, при разговорѣ съ Фалькенгеймомъ, онъ упомянулъ ему о своихъ сомнѣніяхъ, но на того они не произвели особаго впечатлѣнія. Полковникъ даже самъ облегчилъ ему отступленіе.

— Чего вы собственно хотите, милѣйшей мой Вегштетенъ?—сказалъ онъ.— Припомните-ка всѣхъ вашихъ унтерофицеровъ. За котораго вы можете поручиться, что онъ не играетъ? Совершенно естественно, что люди въ этомъ промежуточномъ званіи подражаютъ всему, что они видятъ у офицеровъ, а дурному и глупому, конечно, всего охотнѣе. Они разыгрываютъ изъ себя важныхъ господъ, пьютъ, кутятъ съ женщинами, играютъ, и это всѣ, одни больше, другіе меньше.

Вегштетенъ почтительно возразилъ:

— Простите, полковникъ, не всѣ все-таки. Мой старый вахмистръ...

Но тутъ Фалькенгеймъ живо перебилъ его:

— Вы говорите о Шуманѣ? Ну, да, тутъ вы, конечно, правы. Онъ былъ послѣднимъ изъ цѣлаго поколѣнія, представитель старыхъ традицій: основательный, скромный, спокойный и притомъ добросовѣстный и вѣрный до послѣдней

капли крови. Но этотъ рѣдкій типъ унтерофицеровъ вымираетъ. Что прежде было правиломъ, то теперь становится исключеніемъ. Въ пѣхотѣ ихъ уже давно нѣтъ, только въ кавалеріи да у насъ сохраняется еще нѣсколько образцовъ.

Полковникъ помолчалъ минуту, потомъ продолжалъ снова:

— Ради Бога, Вегштетенъ. не дѣлайте вы такой похоронной физіономіи. Дѣло не такъ ужъ плохо. Есть, конечно, и теперь порядочные унтерофицеры, но почти у всѣхъ у нихъ,—замѣтьте, мой милый Вегштетенъ, я говорю: «почти», —тѣ или другія непріятныя свойства, которыхъ прежде не было. Другія времена, другіе люди! Оглядитесь кругомъ въ мірѣ, вездѣ то же самое, мы еще сравнительно въ лучшихъ условіяхъ. Но, если я спрошу васъ, скажите мнѣ по совѣсти, капитанъ Вегштетенъ, сталъ ли унтерофицерскій корпусъ лучше или хуже, съ тѣхъ поръ хотя бы, какъ вы служите въ офицерахъ,—что вы скажете?

— Къ сожалѣнію—хуже, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ капитанъ.

— Да, къ сожалѣнію. Я и самъ такъ же думаю.

Изъ кучи бумагъ, ожидавшихъ подписи, полковникъ выбралъ двѣ и положилъ ихъ передъ собой.

— Ну, милѣйшій Вегштетенъ,—сказалъ онъ,—вотъ приказъ о назначеніи. Я не могу дольше ломать голову надъ подобными мелочами. Это не мое дѣло. Я обращаюсь съ этимъ къ вамъ: хотите вы попробовать, что выйдетъ изъ Геннера?

— Слушаю, господинъ полковникъ.

— И прекрасно, я самъ такъ же думаю.

Фалькенгеймъ подписалъ бумагу и передалъ ее капитану.

— Ну вотъ! Теперь онъ вахмистръ!— сказалъ онъ.—Я думаю, что у васъ съ нимъ дѣло пойдетъ на ладъ. Способовъ для надзора за нимъ у васъ достаточно. Досаднѣе всего, что для фронтовой службы онъ у васъ въ значительной степени будетъ потерянъ. А это его истинное назначеніе. Но все-таки нельзя посадить ему на голову болѣе молодого.

Онъ взялъ вторую бумагу и подалъ Вегштетену:

— Вотъ и другое назначеніе. Я приготовилъ оба согласно вашему представленію. Сержантъ Геймертъ назначается вице-вахмистромъ и освобождается отъ своихъ обязанностей. Сегодня онъ передастъ слѣдующему за нимъ весь матерьялъ и завтра представится вамъ.

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ,—отвѣчалъ капитанъ.—Могу ли я оставить у себя оба назначенія?

— Какъ хотите, милѣйшій Вегштетенъ. Ординарецъ можетъ отнести ихъ вамъ.

Но Вегштетенъ засунулъ обѣ бумаги за обшлагъ и откланялся. Полковникъ любезно проводилъ его до дверей и еще разъ пожалъ ему руку.

Спускаясь съ лѣстницы, капитанъ подумалъ: «Каждый человѣкъ долженъ имѣть хоть одинъ недостатокъ. Онъ, какъ и всѣ, былъ того мнѣнія, что Фалькенгеймъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ арміи и что ему несомнѣнно предстоитъ въ будущемъ стать дивизіоннымъ, если даже не корпуснымъ командиромъ. А для артилериста это очень много. Но почему всякій, имѣвшій счастье служить въ великой арміи при незабвенномъ Мольткѣ, считалъ своимъ долгомъ смотрѣть на все послѣдующее сверху внизъ—это онъ не вполнѣ понималъ. Конечно, имя Мольтке стоило цѣлой арміи, а то и двухъ, но развѣ нельзя допустить, что теперешній главнокомандующій проявитъ такіе же таланты, если представится къ тому случай? Его имя онъ не могъ сразу припомнить. Ну, да, конечно, графъ Шлифенъ. Такъ вотъ, почему имя Шлифенъ не могло стать такимъ же славнымъ, какъ Мольтке?

Въ сущности онъ и самъ не слишкомъ-то этому вѣрилъ, — почему, онъ не могъ отдать отчета,—такъ какъ-то не вѣрилось, да и все.

Было что-то смутное, переходное въ теперешнемъ времени, мѣшавшее всякому яркому проявленію. А между тѣмъ онъ инстинктивно возмущался противъ тѣхъ, кто постоянно превозносилъ доброе старое время. Смѣшное противорѣчіе, право!

Вегштетенъ яростно взмахнулъ сво-

нимъ хлыстомъ и пробормоталъ какое-то проклятіе.

И все это ни къ чему? Чортъ возьми! Нельзя же плыть противъ теченія! Никто не рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ!

Вечеромъ Гепнеръ самъ прочелъ въ приказѣ по батареѣ о своемъ назначеніи вахмистромъ и о назначеніи сержанта Геймерта вице-вахмистромъ.

Солдаты удивленно переглянулись. Геймертъ? Это кто такой? Никто его и не видывалъ.

Ага! Дальше было сказано: «Вице-вахмистръ Геймертъ сдастъ немедленно надзоръ за артиллерійскими матеріалами и вернется къ батареѣ».

Такъ это тотъ, съ громаднымъ носомъ, что вертится постоянно въ сараяхъ и въ складахъ!

Послѣ прочтенія приказа Гепнеръ вернулся въ канцелярію и сѣлъ за свой столъ, на немъ лежала еще цѣлая груда неоконченной работы.

Теперь только сказывалась безсонная ночь. Вахмистръ зѣвнулъ и неохотно принялся за работу.

Должность вахмистра имѣла тоже много обратныхъ сторонъ! Во-первыхъ, это вѣчное торчанье въ комнатѣ! Онъ, положигельно, неохотно разставался со своей службой. Выѣзжать лошадей, учить верховой ѣздѣ или вести взводъ во время ученья, — это было по душѣ ему. Ну, а ужъ это вѣчное бумагомаранье совсѣмъ ему не по вкусу.

Если бы еще у него, по крайней мѣрѣ, былъ работящій писецъ, какъ у Блехшмита въ 5-й батареѣ; тотъ не слишкомъ-то изводилъ себя надъ работой! Но Кепхенъ извѣстный лѣнтяй, и хуже всего то, что онъ самъ въ большой зависимости отъ него,—по многимъ вопросамъ ему, вахмистру, приходилось обращаться къ тому за совѣтомъ, такъ какъ самъ-то онъ почти ни въ чемъ еще не могъ толкомъ разобраться.

А этотъ шельмецъ пользовался этимъ и сочинилъ одну ловкую штуку. По поводу большинства дѣлъ, особенно, если они касались какихъ-нибудь личныхъ вопросовъ, онъ заявлялъ:

— Господинъ капитанъ считаютъ этого рода дѣла до нѣкоторой степени секретными и находятъ, что никто, кромѣ вахмистра, не долженъ совать въ нихъ носа.

И Гепнеру приходилось волей-неволей вѣрить на слово своему ловкому руководителю.

Было уже довольно поздно, когда онъ заперъ свою конторку и отправился домой.

Свояченица встрѣтила его извѣстіемъ, которое тоже не могло улучшить его настроеніе.

— Былъ портной, — сказала она, — получить по счету за твой новый мундиръ. Вѣдь ужъ цѣлый мѣсяцъ ты ему не платишь. Онъ завтра опять придетъ.

— Ну, долго ему придется ждать,— проворчалъ Гепнеръ. Денегъ у него больше не было. Вчера онъ проигралъ большую часть, а сегодня еще какъ разъ предстояло выдать женѣ на хозяйство.

Сердито насупившись, усѣлся онъ за ужинъ.

— Тебя назначили вахмистромъ? — спросила вдругъ жена. Она приподнялась и нетерпѣливо ждала отвѣта, не сводя съ него глазъ.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Этой еще чего нужно? Ишь запѣла! Неужели она думаетъ ломать передъ нимъ комедіи?

Но и свояченица тоже съ ожиданіемъ смотрѣла на него. Онъ буркнулъ въ ея сторону:

— Да, — потомъ грубо обратился къ женѣ:—тебѣ-то что за дѣло?

Она откинулась на подушку и тихо проговорила:

— Я рада этому.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо воскликнулъ онъ. Онъ кинулъ на нее подозрительный взглядъ и пробормоталъ сквозь зубы:

— Заткни глотку.

Потомъ онъ съ сердцемъ отодвинулъ отъ себя тарелку, осушилъ одну за другой двѣ бутылки пива и ушелъ къ себѣ спать.

Сестры остались вдвоемъ, больная неподвижно лежала на диванѣ, младшая

молча шила около лампы. Изъ-за перегородки доносился храпъ Гепнера.

Лицо лежащей было въ тѣни, но глаза неотступно слѣдили за сестрой съ выраженіемъ острой, непримиримой ненависти.

Въ дверь постучали. Батарейный портной принесъ мундиръ вахмистра, на которомъ онъ сдѣлалъ двойныя нашивки на рукавѣ. Ида молча взяла его и повѣсила на вѣшалку.

Больная равнодушно смотрѣла на это. Нѣсколько минутъ назадъ она испытала легкое движеніе радости, узнавъ о повышеніи мужа, но онъ сейчасъ же постарался убить въ ней это чувство. Теперь ей не было никакого дѣла до всего этого.

Вдругъ черты ее исказились, и руки судорожно сжались.

Ей показалось, что сестра съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ сдержанной ласки провела рукой по мундиру!

Такъ вотъ какъ далеко зашелъ ея позоръ!..

Юлія Гепнеръ думала уже, что ей придется умереть совершенно одинокой, вѣроломно покинутой всѣми, но неожиданно у нея явился другъ и утѣшитель — вновь назначенный вице-вахмистръ Геймертъ.

Геймертъ поселился въ бывшей квартирѣ Шумана. Онъ былъ, положимъ, холостой, но черезъ нѣсколько недѣль предстояла его свадьба, и капитанъ разрѣшилъ ему занять квартиру для женатыхъ. Вице-вахмистръ сейчасъ же занялся устройствомъ своего помѣщенія и съ трогательной заботливостью занимался украшеніемъ пустыхъ стѣнъ и оконъ. У него были маленькія сбереженія, и онъ рѣшилъ цѣликомъ употребить ихъ для этой цѣли. Чуть не каждый день онъ пріобрѣталъ что-нибудь новенькое, что, по его мнѣнію, могло придать больше уютности его квартиркѣ, по нѣскольку разъ принимался переставлять мебель и все по новому укладывалъ складки на гардинахъ.

Онъ былъ раньше кустаремъ и смекалъ кое-что почти во всѣхъ ручныхъ ремеслахъ. По воскресеньямъ онъ иногда съ утра до вечера возился съ пилами да подпилками, молотками и клеемъ. Послѣ обѣда, когда въ казармѣ все затихало, изъ его квартиры отчетливо доносились удары молотка и визгъ пилы.

По праздникамъ ему въ сущности неудобно было видѣться съ невѣстой. Въ остальные дни онъ посвящалъ ей каждую свободную минуту, но Альбина Ворцуба, служила буфетчицей въ небольшомъ городскомъ ресторанчикѣ, и въ праздничные дни у нея не было для него ни одной свободной минутки. Да и ему не доставляло особеннаго удовольствія видѣть, какъ тотъ или другой изъ гостей подходилъ къ буфету и, заплативъ за пару пива, считалъ себя въ правѣ отпустить какую-нибудь шуточку Альбинѣ или даже похлопать ее по спинѣ. У него не разъ уже выходили изъ-за этого серьезныя стычки, и въ концѣ концовъ хозяинъ почти что запретилъ ему приходить въ свою пивную. Альбина тоже совѣтовала ему бывать порѣже. Пока она служитъ буфетчицей, разсуждала она, она должна быть любезной и смѣшно ей обижаться на всякую шутку гостей. Если же ему непріятно видѣть это, то лучше всего для него держаться подальше. И кидая на него многообѣщающій взглядъ, она прибавляла,—сдѣлавшись его женой, она будетъ принадлежать ему безраздѣльно.

Геймертъ неохотно соглашался на ея доводы.

Теперь онъ просиживалъ воскресенья за станкомъ, терзая себя ревнивыми подозрѣніями, неопредѣленными и потому еще болѣе мучительными. Видѣть заигрыванія съ Альбиной полупьяныхъ посѣтителей было, пожалуй, даже легче, чѣмъ сидѣть здѣсь, воображая себѣ Богъ знаетъ что. Когда онъ смотрѣлъ въ зеркало, ему казалось вообще невѣроятнымъ, чтобы Альбина любила его. Онъ съ радостью отдалъ бы все свое имущество, чтобы хоть на одинъ день получить въ свое обладаніе шапку невидимку. Онъ бы узналъ тогда, какъ ведетъ себя Альбина, когда его нѣтъ. Встрѣчаетъ ли она своихъ ухаживателей съ такимъ же неприступ-

нымъ видомъ, какъ при немъ, или посылаетъ другимъ такія же нѣжныя улыбки, какъ ему.

Въ одно изъ такихъ воскресеній Геймертъ услышалъ во время работы какой-то стонъ. Онъ вышелъ за дверь и прислушался. Жалобные звуки доносились изъ квартиры Гепнера. Онъ отворилъ туда дверь и вошелъ.

Больная была въ полномъ одиночествѣ. Сестра, должно быть, ушла гулять, а вахмистръ навѣрно сидѣлъ гдѣнибудь въ трактирѣ. Это случалось довольно часто, но на этотъ разъ у нея сдѣлался страшный припадокъ удушья, и она вообразила, что умираетъ.

Умереть—совершенно одной! Не почувствовать въ послѣднюю минуту ободряющаго пожатія человѣческой руки, погрузиться въ мракъ, не озаренный въ послѣдній разъ лучомъ участливаго человѣческаго взгляда.

Задыхаясь, она съ отчаяніемъ призывала имя своего мужа:

— Отто, Отто, Отто!

Геймертъ, перепуганный, подбѣжалъ къ ней. Она схватила его за руку и судорожно сжимала ее все время, пока онъ старался успокоить ее и вытиралъ ей со лба крупныя капли пота платкомъ.

Всѣ его движенія были какъ-то удивительно женственно-мягки, что совершенно не гармонировало съ его тяжелой приземистой фигурой. Благодаря его заботамъ больная скоро успокоилась. Она закрыла глаза и на губахъ ея заиграла даже легкая улыбка. Ей чудилось, что около нея сидитъ мать и нѣжно поглаживаетъ ея руку.

Геймертъ далъ ей время совершенно успокоиться и потомъ тихо спросилъ:

— Хотите, фрау Гепнеръ, я разыщу вашихъ?

Но она отрицательно закачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—и потомъ прошептала, съ трудомъ переводя дыханіе: если бы вы могли еще немного побыть со мной, господинъ Геймертъ.

Вице-вахмистръ кивнулъ головой и остался молча сидѣть на мѣстѣ.

Прошло еще довольно много времени, прежде чѣмъ фрау Гепнеръ собралась съ силами разсказать ему, что съ ней случилось. Только тутъ она ближе вглядѣлась въ него и почти испугалась его безобразія. Грубое лицо съ большими торчащими ушами, съ громаднымъ вѣчно краснымъ носомъ возбуждало не то смѣхъ, не то отвращеніе. Что изъ того, если съ этого лица смотрѣли прекрасные, добрые дѣтскіе глаза? Кому придетъ въ голову искать ихъ среди такого безобразія?

Больная вспомнила, что кто-то говорилъ при ней, будто вице-вахмистръ женится. Удрученная своимъ горемъ, она подумала, что этотъ бракъ можетъ быть счастливымъ только въ томъ случаѣ, если онъ выбралъ себѣ жену такую же безобразную, какъ онъ самъ. Тогда въ общемъ несчастіи они будутъ черпать утѣшеніе и находить новый источникъ любви.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она освѣдомилась у него о его невѣстѣ, и влюбленный женихъ сталъ превозносить передъ ней красоту и прелести Альбины.

Больная стала раздумывать, предостеречь ли ей его или нѣтъ? Въ концѣ концовъ она оставила это намѣреніе. Пусть себѣ онъ осуществитъ свое намѣреніе! Быть можетъ, ему выпадетъ на долю хоть маленькая крупица счастья, хоть нѣсколько короткихъ мгновеній. Иначе онъ совсѣмъ не узнаетъ его. Вѣдь и она сама была же счастлива когда-то, хотя теперь ея несчастіе и превосходило всякую мѣру. Между ея настоящимъ и тѣмъ далекимъ временемъ нагромоздилась такая громада горя, что она едва могла припомнить о немъ. Но все-таки она твердо знала, что когда-то она была счастлива, она была благодарна и за эту милость и будетъ благодарна до послѣдняго вздоха.

Геймертъ казался ей товарищемъ по несчастью, только она готовилась уже сложить свое бремя, а онъ только еще собирался взвалить его на плечи.

Они разговаривали между собой, точно были знакомы уже долгіе годы; почти обо всемъ они были одинаковаго мнѣнія. На прощанье больная попросила

вице-вахмистра почаще заходить къ ней, когда она одна; она будетъ подавать ему знакъ, а онъ можетъ спокойно приносить съ собой свою работу,—стукъ молота нисколько не мѣшаетъ ей.

И дѣйствительно Геймертъ являлся всякій разъ, когда Юлія Гепнеръ звала его; такимъ образомъ ему легче было бороться со своими ревнивыми подозрѣніями, а сама вахмистрша казалась ему очень хорошей женщиной, только по несчастью вышедшей замужъ за неподходящаго человѣка. Другой навѣрно отлично ужился бы съ нею. Но обращенье съ ней Гепнера, всѣ тѣ грубости и униженія, которымъ тотъ подвергалъ ее, глубоко возмущали вице-вахмистра.

Въ его ограниченной головѣ едва вмѣщались необходимыя мысли о службѣ, объ Альбинѣ и обо всемъ, связанномъ съ ней,—ни для чего другого тамъ уже е было мѣста. Но теперь, при видѣ возмутительнаго поведенія вахмистра, гдѣ-то на самой глубинѣ начинали шевелиться у него какія-то забытыя школьныя, дѣтскія воспоминанія: что же это, вѣдь есть же Богъ на небѣ, какъ же онъ не поразитъ своей молніей этого негодяя?

Состраданіе къ несчастной женщинѣ незамѣтно перешло у Геймерта въ сильнѣйшее отвращеніе къ вахмистру, а изъ отвращенія развилась мало-по-малу самая настоящая ненависть.

Вахмистръ любилъ посмѣяться надъ Геймертомъ. Онъ называлъ его «король носъ» и изводилъ жену разговорами о ея «возлюбленномъ».

— Вы двое — самая подходящая пара!—смѣялся онъ. — По красотѣ вы другъ другу не уступите!

Разъ, проходя мимо сосѣдней квартиры, вахмистръ заглянулъ въ открытую дверь и увидѣлъ, что Геймертъ любуется портретомъ своей невѣсты. Застигнутый врасплохъ, тотъ хотѣлъ было спрятать карточку, но Гепнеръ сталъ упрашивать его показать ему.

Онъ воображалъ, что увидитъ такую же безобразную женщину, какъ его жена, или еще хуже,—какая же другая могла влюбиться въ Геймерта!—и когда онъ взялъ карточку, у него невольно вырвалось восклицаніе:

— Чортъ возьми! Какая раскрасавица!

Съ этой минуты онъ сталъ постоянно приставать къ Геймерту, упрашивая взять его какъ-нибудь съ собой къ невѣстѣ.

— Зачѣмъ тебѣ? — спрашивалъ съ неудовольствіемъ вице-вахмистръ. — Не хочешь ли ты отбить ее у меня?

Гепнеръ расхохотался.

— Какъ же! Чорта съ два! У меня у самого пара бабъ въ домѣ. За глаза съ меня. Я думаю, бѣды нѣтъ — познакомиться съ невѣстой товарища?

И онъ нарочно прибавилъ:

— Или ты такъ въ ней не увѣренъ?

— Ну нѣтъ!—проворчалъ Геймертъ.— Это ты врешь!

— А коли такъ, за чѣмъ же дѣло?— подхватилъ тотъ.—Какъ ни какъ, не станешь же ты ее прятать и подъ замкомъ держать, когда она будетъ твоей женой. Что же за бѣда, если я теперь же повидаю ее.

Припертый къ стѣнѣ, вице-вахмистръ принужденъ былъ сдаться. Отчасти ему даже льстило сознаніе, какую онъ выискалъ красавицу. Завистливый огонекъ въ глазахъ вахмистра навѣрно доставитъ ему нѣкоторое удовольствіе. Наконецъ, онъ согласился въ будущій понедѣльникъ захватить его съ собой къ Грундману. Грундманъ былъ хозяинъ того трактира, гдѣ служила буфетчицей Альбина; по понедѣльникамъ торговля тамъ шла всего слабѣе, и можно было надѣяться перемолвиться нѣсколькими словами съ Альбиной.

Гепнеръ съ своей стороны съ умысломъ хотѣлъ непремѣнно присосѣдиться къ вице-вахмистру. Онъ могъ бы, конечно, и одинъ отправиться въ трактиръ, но онъ предчувствовалъ, что дѣвушка будетъ тогда держаться съ нимъ очень настороженъ, хотя бы изъ опасенія сплетенъ. Если же онъ придетъ съ женихомъ и отрекомендуется его другомъ, то онъ будетъ представленъ ей съ самой выгодной стороны. Кромѣ того, онъ прекрасно сознавалъ, что для него очень выгодно сосѣдство Геймерта.

Въ понедѣльникъ вечеромъ онъ въ условленный часъ встрѣтился съ Геймертомъ въ сѣняхъ.

Вице-вахмистръ постарался принарядиться. Онъ надѣлъ новую парадную форму, предназначавшуюся собственно къ свадьбѣ, а свои огромныя руки затянулъ въ бѣлыя лайковыя перчатки. Воротникъ былъ въ сущности слишкомъ высокъ и такъ стѣснялъ шею, что онъ съ трудомъ могъ поворачивать голову. Гепнеръ остался въ своемъ обычномъ мундирѣ. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи и все время болталъ, Геймертъ же шелъ съ нимъ рядомъ мрачно и молчаливо.

По дорогѣ женихъ купилъ букетикъ фіалокъ для невѣсты. Вахмистръ насмѣшливо поглядывалъ, какъ тотъ совалъ въ цвѣты свой громадный носъ.

У «Грундмана» все сложилось какъ нельзя удачнѣе. Они оказались единственными гостями, и хозяинъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Альбина посидѣла съ ними за столомъ.

Гепнеръ сѣлъ такъ, чтобы ему удобно было сбоку разсматривать дѣвушку. Она ему понравилась. Какъ разъ въ его вкусѣ—высокая грудь, великолѣпныя бедра и круглыя руки. И лицомъ она была настоящая красавица—живые, блестящіе глаза и полныя немного выпяченныя впередъ губы,—такъ бы, кажется и припечаталъ ихъ сейчасъ сочнымъ поцѣлуемъ. Волосы у нея были черные и густые, точно хорошій лошадиный хвостъ, а причесывала она ихъ какъ то по новомодному, такъ что выглядѣла совсѣмъ барыней, да и надушена она была точь въ точь какъ самыя важныя дамы.

— Какъ называются духи, которыми отъ васъ пахнетъ?—спросилъ вахмистръ во время разговора.

— Мускусъ, — отвѣтила Альбина.

Вахмистръ кивнулъ головой.

— Вотъ-вотъ. Мускусъ. Мнѣ ужасно нравится этотъ запахъ; первый сортъ-- духи, тонкіе духи.

Красавица мелькомъ взглянула на него и промолвила:

— Не правда ли?

Въ общемъ Гепнеръ находилъ, что она обращаетъ на него слишкомъ мало вниманія, и сердился. Она почти исключительно говорила со своимъ женихомъ, который разсказывалъ ей разныя подробности объ убранствѣ ихъ квартиры. Его она лишь изрѣдка удостаивала взглядомъ.

А между тѣмъ языкъ у нея былъ, видимо, хорошо привѣшенъ. Когда онъ спросилъ ее, чтобъ только сказать что нибудь, откуда она родомъ, она охотно разсказала ему всю свою исторію.

Она была родомъ изъ Праги. Отецъ ея былъ сапожникъ, или лучше сказать, не сапожникъ, а сапожный фабрикантъ и не просто сапожный фабрикантъ, а придворный королевскій сапожный фабрикантъ, работавшій не на перваго встрѣчнаго, а только на эрцгерцоговъ и на высшую венгерскую знать. Она, Альбина, записывала въ книгу, когда отецъ снималъ мѣрку, и какъ разъ въ это время случилось такъ, что въ нее влюбился нѣкій графъ—Колоредо. Онъ хотѣлъ похитить ее и жениться, но она не согласилась, потому что знатная родня ея возлюбленнаго хотѣла отказаться отъ него, если онъ женится на дочкѣ сапожника.

Ей было очень ужъ жаль, что ему придется тогда снять свою прекрасную драгунскую форму.

Тутъ въ разсказѣ Альбины оказался маленькій пробѣлъ, но она съумѣла живо заполнить его. Дѣло въ томъ, что она бѣжала изъ родительскаго дома,—почему—она сперва умолчала,—и послѣ долгихъ скитаній нашла наконецъ прибѣжище, гдѣ она была вполнѣ защищена отъ преслѣдованій отца. Дальше выяснилось, что отецъ имѣлъ намѣреніе выдать ее за трубочистнаго мастера, а она его терпѣть не могла, хотя онъ былъ страшный богачъ—милліонеръ.

Въ дѣйствительности она была дочерью бѣднаго, какъ Іовъ, сапожника и послѣ весьма бурно проведенной молодости причалила свою сильно потрепанную житейскую ладью къ грундмановской пивной въ маленькомъ гарнизонномъ городкѣ.

Геймертъ нетерпѣливо ждалъ окон-

чанія этого романа, который онъ уже должно быть, не одинъ разъ выслушивалъ. Но когда Альбина начинала разсказывать свою исторію, она напоминала музыкальный ящикъ, который долженъ во что ни стало проиграть свой репертуаръ, пока не кончится весь заводъ.

На вопросы жениха она попросту не отвѣчала, а когда онъ перебилъ ее, сказавъ, что графъ Коллоредо служилъ въ «палатинскихъ» гусарахъ, а не въ драгунахъ,—она грубо оборвала его и попросила въ другой разъ вести себя повѣжливѣе, когда она что нибудь разсказываетъ. При этомъ она смѣрила его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ.

Но какъ только она кончила свою исторію и вернулась къ сознанію дѣйствительности, она снова повернулась къ Геймерту и подарила его нѣжнымъ взглядомъ.

— Не правда ли, у тебя я отдохну отъ всего горя, какое мнѣ пришлось перенести?—прошептала она.

Появилось нѣсколько новыхъ посѣтителей, и ее призвали къ исполненію обязанностей. Оба унтеръ-офицера остались вдвоемъ за столикомъ. Геймерту казалось, что вахмистръ поглядываетъ на него насмѣшливо и недовѣрчиво. Ему стало неловко, и онъ сталъ разрисовывать столъ разводами пролившагося пива.

— Да, да,—вымолвилъ онъ, наконецъ,—удивительный народъ эти женщины! Конечно, она все это выдумываетъ, про свое происхожденіе и все прочее.

— Да,—отвѣтилъ вахмистръ,—женщины это любятъ.

— Но не все, что она говорила, сплошь враки, — продолжалъ онъ.— Отецъ ея правда сапожникъ,—т.-е. былъ, такъ какъ теперь онъ умеръ,—хоть и не придворный. И состояніе у него, должно быть, было, такъ какъ она получила только законную долю, и съ нея ей идетъ пятьдесятъ кронъ процентовъ въ мѣсяцъ. Этото ужъ я знаю вѣрно.

— Чертъ возьми! Да вѣдь это больше сорока марокъ!

— Да.

— Такъ ты просто счастливчикъ! Она, значитъ, прямо-таки богатая невѣста!

— Ну, какое же это богатство! Но, конечно, все-таки дѣло хорошее. Только я совсѣмъ не изъ-за этого женюсь на ней. Я и самъ-то недавно только узналъ про это, когда уже давно рѣшился.

Геппнеръ чуть не лопнулъ съ досады, слушая его: этакій уродъ, этакое страшилище и выудилъ — Богъ вѣсть какимъ способомъ — такую красавицу, да еще и богатую притомъ. Про проценты-то это ужъ навѣрняка была правда; Геймертъ никогда не лгалъ — стоило только взглянуть на него.

И дѣйствительно соблазнительная буфетчица получала каждый мѣсяцъ пятьдесятъ кронъ. Но только и тутъ была маленькая загвоздка. Деньги эти не были процентами съ унаслѣдованнаго отъ отца капитала, а пожизненной рентой, положенной на ея имя ея первымъ любовникомъ. То былъ толстый, добродушный салотопенный заводчикъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ разставшійся съ юной Альбиной Ворцуба, когда жена накрыла его на этомъ маленькомъ уклоненіи отъ супружескаго долга. Въ утѣшеніе Альбинѣ онъ подарилъ ей на прощанье небольшую ренту.

Альбина не находила нужнымъ посвящать своего жениха въ эти подробности. Къ чему? Она думала: вѣра даетъ счастье. А главное ей самой прискучила эта жизнь,—то буфетчица, то кельнерша, а то и еще что-нибудь похуже,— а она хотѣла найти успокоеніе въ солидномъ бракѣ. Имѣть ее любовницей не отказался бы, пожалуй, никто изъ мужчинъ, но жениться на ней могъ только такой простодушный и по уши влюбленный человѣкъ, какъ Геймертъ. Поэтому она обѣими руками схватилась за этотъ планъ и вовсе не хотѣла осложнять его излишней щепетильностью. Прага была далеко, со времени той исторіи прошло много лѣтъ, а по деньгамъ, вѣдь, не угадаешь, откуда онѣ...

Дѣла у буфетчицы все прибывало, и врядъ ли она могла скоро освободиться.

Унтеръ-офиперы рѣшили наконецъ встать, они расплатились и подошли къ буфету проститься съ ней.

Только въ эту минуту Альбина, казалось, замѣтила разницу между своимъ женихомъ и вахмистромъ. Когда они стояли рядомъ, Гепнеръ былъ чуть не на цѣлую голову выше вице-вахмистра. И всѣ его члены были такіе же крупные, хотя и соразмѣрные. Сила, грубая, безудержная мускульная сила составляла самую сущность этого человѣка. Широкая, неуклюжая фигура Геймерта казалась рядомъ съ нимъ какимъ-то уродствомъ, а лицо его напоминало маску клоуна.

Съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣла дѣвушка на Гепнера и, казалось, не въ силахъ была отвести отъ него глазъ. Когда она, наконецъ, перевела взглядъ на жениха, она не могла удержать презрительной гримасы. Но въ слѣдующую секунду она уже ласково улыбалась ему.

Гепнеру она сказала:

— Я очень рада, что, наконецъ, познакомилась съ однимъ изъ товарищей моего жениха.

Вахмистръ любезно возразилъ:

— О, сударыня, все удовольствіе на моей сторонѣ.

— Что же, увидимся мы еще когда-нибудь?—спросила она шутя.

— А какъ же, конечно. Когда вы будете молодой дамой, мы будемъ жить на одной площадкѣ.

Альбина переспросила смущенно:

—Неужели правда? На одной площадкѣ?

— А какъ же,—отвѣтилъ Гепнеръ,— всенепремѣнно. Тогда ужъ мы хорошенько познакомимся. Не правда ли?

Красавица особеннымъ образомъ повела глазами и отвѣтила томно:

— О да. Я думаю.

IV.

Въ концѣ марта, просматривая передъ обѣдомъ военный еженедѣльникъ, Реймерсъ прочелъ, что оберъ-лейтенантъ Гюнцъ, его задушевный другъ, увольняется 1-го апрѣля изъ испытательной артиллерійской коммиссіи и возвращается въ свой полкъ. Во время командировки другъ его получилъ красный орденъ четвертаго класса.

Онъ сейчасъ же велѣлъ ординарцу подать себѣ открытое письмо и написалъ на немъ: «Дорогой старина, радуюсь твоему возвращенію. Привѣтъ тебѣ. Твой Бернгардъ».

— Вы такъ сіяете, Реймерсъ,—сказалъ, подходя къ нему, маленькій докторъ Фребенъ,—точно по меньшей мѣрѣ орденъ получили!

— Я-то нѣтъ, — отвѣтилъ весело Реймерсъ,—а Гюнцъ дѣйствительно получилъ.

— Чортъ возьми! Неужто правда?— удивился Фребенъ.

Онъ заглянулъ въ газету и, замѣтивъ на столѣ открытое письмо, сказалъ:

— Не разрѣшите ли вы мнѣ, Реймерсъ, прибавить тутъ же кстати и мое поздравленіе?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ тотъ, и веселый докторъ Фребенъ написалъ своимъ неразборчивымъ почеркомъ—такой почеркъ онъ считалъ необходимой принадлежностью академическаго званія: «Позволяю себѣ съ своей стороны поздравить: П. Р. А. 4. Докторъ Фребенъ».

— Что это за кабалистическіе знаки?—освѣдомился Реймерсъ.

— Помилуйте! — закипятился Фребенъ.—Кабалистическіе знаки! Что вы такое говорите! Да, вѣдь, это же оффиціальное сокращеніе названія даннаго орденскаго знака!

И онъ продолжалъ, качая своей рыжей головкой съ видомъ шутливаго отчаянія:

— Однако, государь мой, вы, оказывается, весьма мало освѣдомлены въ вещахъ далеко не маловажныхъ. Нѣтъ, серьезно говоря, надо кое-что знать и въ этой области.

Реймерсъ съ улыбкой смотрѣлъ на веселаго доктора. Въ другое время онъ, можетъ быть, посмѣялся бы надъ его

ученымъ педантизмомъ въ отношеніи разныхъ пустяковъ, но теперь онъ былъ въ слишкомъ хорошемъ расположеніи духа.

Гюнцъ возвращается! Милый, трезвый Гюнцъ, безжалостно разбившій столько его иллюзій. Въ сущности говоря, по истинной правдѣ, въ послѣднее время онъ почти не вспоминалъ о другѣ, а теперь сразу почувствовалъ страстное желаніе увидѣть его. Хоть бы онъ скорѣе пріѣхалъ сюда со всей своей безпощадной логикой! Онъ, Реймерсъ, готовъ пожертвовать ему еще парой иллюзій.

Молодой офицеръ поймалъ себя на томъ, что считалъ дни до перваго апрѣля.

Ему самому не вѣрилось, что онъ способенъ на подобное нетерпѣніе.

Въ эту зиму онъ чувствовалъ себя въ полку какъ то особенно хорошо. Вѣроятно, не остыла еще радость отъ возвращенія домой. Онъ какъ-то дружелюбнѣе и проще шелъ навстрѣчу товарищамъ, и они какъ будто относились къ нему гораздо сердечнѣе. Ни одна зима не проходила для него такъ быстро.

Тѣмъ не менѣе большую часть вечеровъ онъ проводилъ по обыкновенію дома, надъ своими книгами. Онъ возобновилъ опять подготовленіе къ экзамену въ военную академію, прерванное его болѣзнью.

Въ разныхъ областяхъ военныхъ знаній онъ чувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ. Только одинъ предметъ сильно затруднялъ его,—это русскій языкъ. Въ сущности ему не было необходимости знать его досконально но онъ поставилъ себѣ цѣлью, раньше чѣмъ идти на экзаменъ, овладѣть имъ такъ же какъ французскимъ. Изъ-за этого онъ по возможности удалялся отъ развлеченій молодежи, и по этой же причинѣ не замѣчалъ, что его отношенія съ товарищами носили въ сущности чисто внѣшній характеръ. Даже рѣдкія встрѣчи съ полковникомъ почти не нарушали его уединенія.

Совершенно неожиданно въ немъ проснулось сознаніе своего одиночества. Но теперь все будетъ хорошо, такъ какъ гюнцъ возвращается. У него будетъ не только отецъ, но и братъ, равный ему и по положенію, и по возрасту. Съ нимъ онъ могъ говорить, какъ Богъ на душу положитъ, могъ пойти къ нему всегда, когда придетъ охота.

Въ офицерскомъ кругу на возвращеніе Гюнца не обратили почти никакого вниманія. Дѣло было самое обычное. По нѣскольку разъ въ годъ тотъ или другой офицеръ уѣзжалъ въ командировку или возвращался оттуда.

Только среди дамъ это обстоятельство вызвало нѣкоторое волненіе. Всплылъ и настоятельно требовалъ отвѣта одинъ вопросъ, который никого не интересовалъ, пока Гюнцъ былъ въ отсутствіи.

Оказалось, что въ Берлинѣ Гюнцъ женился. И на комъ же? На гувернанткѣ! И даже по слухамъ не Богъ вѣсть какая красавица. Разрѣшеніе онъ получилъ, слѣдовательно противъ семейства невѣсты ничего нельзя было возразить, но во всякомъ случаѣ сама молодая женщина принадлежала до свадьбы къ классу «наемниковъ» и необходимость вступить въ общеніе съ ней шокировала многихъ дамъ.

Майорша Лишке, принесшая своему мужу большое приданое, начала заговаривать о томъ, какъ неудобно будетъ встрѣчаться постоянно «съ особой, жившей раньше по мѣстамъ, въ отношеніи которой придется волей-неволей быть осмотрительной».

Само собой разумѣется капитанша Гропхузенъ была противоположнаго мнѣнія и не безъ ехидства спрашивала:

— Почему вы не говорите просто «служанка», милѣйшая фрау Лишке? А разъ вы уже заговорили объ осмотрительности, я бы на вашемъ мѣстѣ велѣла пришить себѣ на всякій случай застежки къ карманамъ, все-таки портмонэ цѣлѣе будетъ.

Тутъ майорша Лишке встала и съ достоинствомъ отвѣтила.

— Фрау фонъ Гропхузенъ, я не могу отвѣчать вамъ въ вашемъ тонѣ. Я считаю его ниже своего достоинства.

Капитанша Гропхузенъ сейчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и тоже поторопилась встать и выйти.

Побѣдитель, какъ извѣстно, тотъ, кто

оставляетъ за собой поле сраженія. На этотъ разъ, очевидно, восторжествовала майорша Лишке.

Единственную каплю горечи въ ея торжество внесла маленькая лейтенантша Меллеръ, урожденная Кейль. Какъ только капитанша Гропхузенъ вышла, она воскликнула своимъ звонкимъ голоскомъ:

— Что такое она сказала въ дверяхъ? Она, кажется, сказала «банда»!

Отъ ужаса она открыла свой розовый ротикъ, такъ что можно было пересчитать всѣ ея остренькіе зубки, и не закрывала до тѣхъ поръ, пока ея старшая невѣстка, оберъ-лейтенантша Кейль, рожденная Меллеръ, не произнесла укоризненно:

— Минни! что съ тобой?..

Въ концѣ концовъ майорша Лишке прибѣгла къ мужу. Она изложила ему сомнѣнія полковыхъ дамъ и потребовала, чтобы онъ попросилъ у полковника руководства для поведенія.

— Пожалуй, я спрошу,— сказалъ майоръ,—но долженъ тебѣ сказать, что мнѣ это не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Фалькенгеймъ умѣетъ быть грубъ, какъ извозчикъ.

— Какъ извозчикъ?—вскричала его супруга.—Да съ тобой, милѣйшій мой, и не такъ еще надо разговаривать! Да, вотъ кстати! Разъ ты уже заговоришь съ нимъ о неслужебныхъ дѣлахъ, упомяни, сдѣлай милость, объ этомъ увальнѣ Реймерсѣ. Цѣлую зиму онъ самымъ непозволительнымъ образомъ сторонился отъ нашего общества. Скажи полковнику, что я нахожу это совершенно неприличнымъ для молодого офицера.

Въ обыкновенное время Лишке вовсе не отличался особенной робостью въ отношеніи начальства, но теперь порученіе супруги повергло его въ немалое смущеніе, и онъ далеко не увѣреннымъ тономъ изложилъ его Фалькенгейму.

Полковникъ молча выслушалъ его. Потомъ онъ заговорилъ нѣсколько возбужденнымъ тономъ:

— Милѣйшій мой майоръ, передайте вашей супругѣ мой поклонъ и скажите ей слѣдующее: лейтенантъ Реймерсъ готовится къ экзаменамъ въ военную академію. Я думаю, что его отсутствіе достаточно оправдывается этимъ, и меня, милѣйшій майоръ, удивило бы, наоборотъ, еслибы онъ принималъ участіе во всякой благотворительной ерундѣ, какую устраиваетъ ваша почтенная супруга— въ качествѣ патронессы. Допускаю, что нѣкоторые начальники держатся на этотъ счетъ другихъ взглядовъ, но пока я буду имѣть честь командовать полкомъ, я буду считать подобные праздники обязательными только для тѣхъ молодыхъ людей, которые нуждаются еще въ нѣкоторомъ свѣтскомъ воспитаніи. Надѣюсь, что для Реймерса въ этомъ нѣтъ надобности. Ваша почтенная супруга такъ наблюдательна, что, конечно, отъ нея это не укрылось. Я изложилъ вамъ мой оффиціальный взглядъ на этотъ вопросъ, мой милый майоръ, лично же я думаю, пусть бы чортъ побралъ всѣ эти дурацкіе балы и плясы,— только объ этомъ, прошу васъ, не говорить вашей супругѣ.

Фалькенгеймъ совсѣмъ разгорячился. Онъ перевелъ духъ и продолжалъ все болѣе взволнованнымъ голосомъ:

— Что касается жены оберъ-лейтенанта Гюнца, то я покорнѣйше прошу выразить вашей супругѣ мое почтительнѣйшее удивленіе. Если военное министерство не могло ни въ чемъ придраться къ молодой дѣвушкѣ, то ужъ дамъ я попросилъ бы успокоиться! Онѣ, должно быть, просто боятся, что бывшая гувернантка перещеголяетъ ихъ ученостью? Не правда ли? Ну, это дѣло возможное.

Онъ всталъ со стула и сталъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Чертовня проклятая! — воскликнулъ онъ наконецъ.—Это чортъ знаетъ на что похоже. Изъ-за какой-то дамской дребедени я долженъ себѣ битый часъ языкъ трепать! Да когда же вы, наконецъ, научите вашихъ женъ сидѣть смирно и не брюзжать?

Лишке совсѣмъ съежился. Наконецъ добродушному Фалькенгейму стало его жалко и онъ на прощанье дружески пожалъ ему руку.

— Ну, ничего, милый майоръ, не обижайтесь, — сказалъ онъ. — Когда у человѣка накипитъ на сердцѣ, надо ему дать выбраниться. Итакъ, передайте вашей уважаемой супругѣ мой почтительнѣйшій поклонъ и сообщите ей, что найдете нужнымъ. Но только въ деликатной формѣ, разумѣется.

Лишке пробормоталъ:

— Слушаю-съ, господинъ полковникъ!—поклонился и вышелъ.

Полковникъ подошелъ къ своей конторкѣ и громко перевелъ духъ. На крышкѣ лежалъ тонкій длинный ножъ изъ пальмоваго дерева. На немъ было выжжено: «Привѣтъ съ Капри».

Онъ схватилъ его и сталъ съ силою разсѣкать имъ воздухъ, бормоча сквозь зубы что-то невнятое.

Должно быть, въ характерѣ у капитанши Гропхузенъ и у полковника Фалькенгейма было нѣчто родственное. По крайней мѣрѣ, у нихъ обоихъ вырвалось одно и то же выраженіе.

— «Банда»,—буркнулъ съ сердцемъ полковникъ.

Реймерсъ встрѣтилъ Гюнца на вокзалѣ.

Онъ нашелъ его немного растолтѣвшимъ. И не мудрено,—цѣлый годъ онъ не несъ фронтовой службы.

— Ты остановишься пока въ «Орлѣ»?—спросилъ онъ его.

Гюнцъ покачалъ головой.

— И не подумаю! Дома!

— Гдѣ же это твой домъ? Развѣ ты уже успѣлъ нанять себѣ квартиру?

— Всенепремѣнно. Сиротская улица, пятьдесятъ семь! Рядомъ съ полковникомъ. Маленькій домикъ, гдѣ жилъ раньше Клетикъ. Онъ командированъ, кажется, въ кавалерійскую школу? Правда?

— Ну, да. Но это, вѣдь, новый домъ. Ты же его совсѣмъ не знаешь. Какъ же ты рѣшился нанять его?

— Богъ мой! потребовалъ себѣ подробный планъ! Успокойся, дружище! Я, вѣдь, не спросясь броду, не суюсь въ воду. Я могу тебѣ сказать, какой длины и ширины тамъ каждый чуланчикъ. Мой неизмѣнный Гейдрухъ, чудесный малый, навѣрно, ужъ тамъ устраивается.

По дорогѣ оберъ-лейтенантъ внимательно оглядѣлъ младшаго товарища.

— Знаешь, Реймерсъ,—сказалъ онъ весело,—ты выглядишь совсѣмъ молодцомъ! Ахъ ты, африканскій путешественникъ! Бурскій воинъ! Что, и въ крѣпости пришлось-таки посидѣть? Ну, что же было лучше всего?

— Все въ своемъ родѣ, — отвѣчалъ Реймерсъ.—Одно стоило другого.

— Такъ, такъ! Видишь, не я одинъ занимаюсь разбиваніемъ иллюзій! Ну, все это ты долженъ мнѣ разсказать какъ слѣдуетъ. Идетъ?

— Тебѣ, Гюнцъ, съ радостью.

— Ну, и отлично. Да, еще одно: какъ у насъ тутъ въ гарнизонѣ теперь? Каковъ духъ?

— Да ничего, такъ себѣ. Вотъ какова-то тебѣ покажется, послѣ Берлина.

— Сойдетъ. А впрочемъ... ну, да тамъ видно будетъ.

Нѣсколько минутъ пріятели шли молча. Только что Гюнцъ хотѣлъ заговорить, какъ Реймерсъ перебилъ его:

— Постой, дай же и мнѣ спросить тебя. Прежде всего: какъ здоровье твоей супруги и гдѣ ты ее оставилъ?

Гюнцъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой:

— Дружище,—отвѣтилъ онъ,—прежде всего жена, а не «супруга». Нусъ, чувствуетъ она себя прекрасно, осталась пока въ Тюрингіи у своего брата пастора. А потомъ, что-жъ ты не спрашиваешь о моемъ сынѣ?

— Какъ? Развѣ у тебя есть сынъ?

— Понятное дѣло. Толстый мальчишка, круглый, какъ бомба. Десять недѣль отъ роду. И ты долженъ мнѣ его окрестить.

— Гюнцъ! Объ этомъ-то ты ужъ долженъ былъ сообщить мнѣ.

— Объ чемъ?

— Да что ты сталъ отцомъ.

— Это почему? Срокъ, кажется, законный? Кромѣ того, было напечатано въ военномъ еженедѣльникѣ. Слѣдовательно, самъ виноватъ! Ну, что-жъ, согласенъ ты идти въ крестные папаши?

— Господи, конечно. Съ радостью.

— Въ такомъ случаѣ просимъ. На будущей недѣлѣ въ субботу. Одежда— мундиръ.

Реймерсъ весело расхохотался.

— Скажи, пожалуйста, Гюнцъ, — вскричалъ онъ, смѣясь, — съ какихъ это поръ ты усвоилъ себѣ этотъ телеграфный стиль? Развѣ въ Берлинѣ слова такъ дороги?

Совершенно неожиданно тотъ вскипѣлъ:

— Дороги? Какъ же! Дешевы, очень дешевы! На грошъ сто тысячъ!

Его открытое добродушное лицо омрачилось и приняло раздраженное выраженіе.

— Ну,—сказалъ онъ въ заключеніе,—теперь мы будемъ видѣться, и часто, я надѣюсь, очень часто. До свиданія, дружище...

Дѣйствительно Реймерсъ сталъ постояннымъ гостемъ супруговъ Гюнцъ. Иногда ему казалось даже, что онъ приходитъ слишкомъ часто. Онъ боялся показаться навязчивымъ.

— Скажи-ка, Гюнцъ,—спросилъ онъ какъ-то,—только по истиной правдѣ, не стѣсняю ли я васъ?

Оберъ-лейтенантъ даже привскочилъ на своемъ удобномъ креслѣ.

— Какъ такъ?

— Я хочу сказать, не слишкомъ ли часто я прихожу?

Гюнцъ раскурилъ сигару и отвѣтилъ:

— Ни въ какомъ случаѣ, дружище. Еслибъ это было такъ, я, ни минуты не колеблясь, сказалъ бы тебѣ.

И Реймерсъ продолжалъ по обыкновенію являться каждое воскресенье къ обѣду и по средамъ вечеромъ въ уютный домикъ на Сиротской улицѣ.

Клара Гюнцъ, маленькая женщина, съ хорошенькимъ свѣжимъ личикомъ и ясными скромными глазами, называла это своими jour fixe'ами.

— Видишь ли, муженекъ,—говорила она Гюнцу,—я изо всѣхъ силъ стараюсь сравняться съ майоршей.

Она подняла плечи и продолжала, поджимая губы:

— Бывшая гувернантка не должна упускать изъ вида ни малѣйшихъ оттѣнковъ свѣтскихъ приличій. Ахъ, какъ это трудно! Иногда я начинаю терять надежду, что когда-нибудь стану совершенно такой же, какъ Густава Лишке.

Она глубоко вздохнула и весело подмигнула мужу.

Тотъ погрозилъ ей пальцемъ.

— Субординація, Клара! Непочтительности не потерплю!

Потомъ онъ продолжалъ со смѣхомъ:

— Густава! Богъ мой, сказалъ бы кто-нибудь Густѣ Краузе, что ее будутъ величать Густавой! Если бы папашѣ Краузе приходилось звать ее Густавой!

Онъ обратился къ Реймерсу:

— Мы съ этой Густавой жили по сосѣдству въ дѣтствѣ. Но она теперь отрицаетъ это знакомство. Мой старикъ — царство ему небесное!—былъ строительный мастеръ, а отецъ Густавы торговалъ масломъ и яйцами оптомъ. И торговалъ по совѣсти, Богъ мой, по чистой совѣсти. Ничего позорнаго за нимъ не было. Но ужъ такая теперь мода—подымай выше! Такимъ образомъ, отецъ Густавы превратился въ «крупнаго негоціанта».

Онъ приподнялся съ нѣкоторымъ трудомъ, чтобы стряхнуть пепелъ съ сигары. Потомъ опять лѣниво откинулся на спинку. Медленно, точно говоря съ самимъ собой, и отъ времени до времени затягиваясь сигарой, онъ продолжалъ, слегка посмѣиваясь:

— Крупный негоціантъ! Я представляю себѣ при этомъ одного изъ этихъ генераловъ отъ торговли въ Гамбургѣ, что ли, или въ Бременѣ, которые изъ своихъ конторъ командуютъ сокровищами стараго и новаго міра,— ну, чай тамъ, кофе, шелкъ, хлопокъ, дорогой табакъ,—послѣднее онъ произнесъ съ особымъ удареніемъ,—это я понимаю. Но папаша Краузе командовалъ только надъ бочками масла и ящиками яицъ, и его торговыя сношенія простирались не дальше границъ Галиціи.

Въ концѣ концовъ въ его словахъ зазвучала даже нотка раздраженія. Онъ закинулъ руки за голову и вскричалъ:

— Ахъ, Густава! Густава! Еслибъ тебя здѣсь не было, Клара, я бы ска-

залъ про нее словечко, которое показало бы въ настоящемъ свѣтѣ все это свинство. Наша Густава, къ несчастію, вѣдь, только симптомъ. Но долженъ тебѣ сказать Клара, если бы ты стала такою, какъ эта, то я бы... я бы...

— Ну, что бы ты тогда сдѣлалъ?— спросила, смѣясь, молодая женщина.

Гюнцъ сразу успокоился. Онъ лукаво улыбнулся и отвѣтилъ:

— Я бы тогда воспользовался правомъ тѣлеснаго исправленія, предоставленнымъ мнѣ добрымъ старымъ закономъ.

Клара весело расхохоталась.

— Въ сущности, — сказала она, — наши дамы не такія ужъ чудовища, какъ ты ихъ изображаешь.

Оберъ-лейтенантъ покачалъ головой:

— Да, какъ же, Клара! Я видѣлъ, вѣдь, какъ онѣ сидѣли передъ тобой настоящими истуканами и смотрѣли на твои руки, не потрескались ли онѣ «на мѣстахъ» отъ подтиранья половъ, стирки дѣтскаго бѣлья и т. п.

Клара не соглашалась.

— Ну, не бросаться же имъ сразу ко мнѣ на шею и осыпать изъявленіями любви и преданности.

— Этого отъ нихъ никто и не требуетъ,—возразилъ мужъ.—Но, знаешь, когда сюда явилась первый разъ жена полкового адъютанта Кауергофа, которая до тѣхъ поръ тоже была для нихъ неизвѣстной величиной, х или у,— онѣ всѣ просто душили ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловались точно самыя любящія сестры. Еслибъ ты только слышалъ, какое у нихъ пошло сразу щебетанье и стрекотанье. Конечно, супруга Кауергофа, урожденная фонъ Любенъ, дочь полковника и начальника отдѣленія въ военномъ министерствѣ, а ты, милая моя Кларочка,—фу, стыдись!—ты была всего только гувернанткой.

Но молодая женщина не сдавалась и начала даже горячиться.

— Да полно тебѣ,—вскричала она.— Право, это становится твоимъ пунктомъ помѣшательства—будто бы мнѣ не оказываютъ должнаго уваженія. А я увѣряю тебя, сколько разъ я тебѣ говорила, что всѣ дамы безъ исключенія были ко мнѣ чрезвычайно вѣжливы и любезны. И право, искренно говоря, я нахожу, что онѣ вовсе не такъ плохи. Вы согласны со мной, лейтенантъ Реймерсъ.

Реймерсъ внимательно слушалъ споръ между мужемъ и женой. Онъ по своему обыкновенію относился къ дѣлу серьезно и основательно и по совѣсти не могъ не согласиться съ Гюнцемъ. Но, съ другой стороны, онъ находилъ что Гюнцъ сталъ въ Берлинѣ что-то очень ужъ радикаленъ, иногда онъ готовъ былъ, какъ говорится, выплеснуть и ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны.

Поэтому онъ отвѣтилъ:

— Конечно, вы правы, сударыня. Но, сказать по правдѣ, у меня тоже не лежитъ сердце къ нашимъ полковымъ дамамъ. Большинство изъ нихъ по моему крайне необразованы и поверхностны.

— Просто гусыни, — проворчалъ Гюнцъ,—стадо глупыхъ гусынь!

— Фу, муженекъ, какъ некрасиво,— воскликнула Клара.

Но онъ только засмѣялся изъ глубины своего кресла:

— Ну, скажи, обняла ли тебя хоть одна изъ нихъ? Поцѣловала ли? Поговорила ли съ тобой просто, сердечно?

— Знаешь-ли, — сказала Клара, немного задѣтая, — я вовсе и не желаю, чтобъ мнѣ бросались на шею, не зная меня. Я считаю это неуваженіемъ! А вотъ одна такъ и правда была ко мнѣ и мила, и любезна, право, очень даже мила и любезна!

— Ба! кто же это такое?

— Капитанша Гропхузенъ!

— Такъ я и думалъ! Вѣрно; эта составляетъ исключеніе,—она не гусыня, она просто немножко тронутая.

— Не будь такимъ злымъ, голубчикъ! Ну что она тебѣ сдѣлала, бѣдняжка?

Гюнцъ всталъ, наконецъ, съ кресла и сталъ ходить взадъ и впередъ, чтобы размять ноги.

— Сдѣлала? мнѣ? — пробурчалъ онъ.—Что же она могла мнѣ сдѣлать? Только она настоящая истеричка. Это ужъ несомнѣнно.

Клара горячо вступилась за обиженную.

— Можетъ быть, ты и правъ, только навѣрно были какія-нибудь серьезныя причины.

— Конечно, конечно! — отвѣтилъ Гюнцъ.—Супругъ ея,—извини за выраженіе, Клара,—настоящая свинья тупорылая. Но только я не выношу истеричныхъ женщинъ, я ихъ просто боюсь.

— А мнѣ такъ жалко ее.

— Да и мнѣ жалко. Только лучше бы ей быть подальше отъ тебя, чтобъ какъ-нибудь не заразить тебя.

Молодая женщина посмотрѣла прямо въ глаза мужу:

— Меня она не заразитъ, — сказала она твердо.

Въ эту минуту изъ-за нѣсколькихъ дверей послышался заглушенный плачъ.

Клара прислушалась и сейчасъ же бросилась изъ комнаты.

Мужчины остались одни и нѣсколько времени сидѣли молча, задумавшись.

Наконецъ, Реймерсъ нарушилъ молчаніе:

— Я нахожу, что ты преувеличиваешь, Гюнцъ. Легкомысліе и глупость встрѣчаются не только въ офицерской средѣ, и во всякомъ случаѣ лбомъ стѣну не прошибешь.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣтилъ оберъ-лейтенантъ,—но если, по моему мнѣнію, карета заѣхала въ грязь, я перестаю везти ее.

Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ, и мало-по-малу черты его стали проясняться.

Наконецъ, онъ съ веселой улыбкой остановился передъ своимъ гостемъ.

— Я думаю,—заговорилъ онъ,—капитанша Гропхузенъ можетъ смѣло приходить къ Кларѣ, если это доставляетъ ей удовольствіе. Кажется, къ истерическимъ бацилламъ жена моя не воспріимчива. Не правда ли?

Реймерсъ еще не успѣлъ отвѣтить, какъ Клара вернулась. Она несла мальчика въ конвертикѣ и, немного раскраснѣвшись, покачивала его на рукахъ.

Ребенокъ, видимо, только что до сыта насосался материнскаго молока: на личикѣ у него выражалось полнѣйшее удовольствіе и онъ слегка покачивалъ головой, задремывая. Молодая мать прижимала крошечную ручку ребенка къ своей щекѣ и тихонько поцѣловала его въ лобъ, когда онъ закрылъ глазки.

Отецъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Онъ не рѣшался притрогиваться къ хрупкому созданію. Но въ своихъ рукахъ онъ чувствовалъ достаточно силы, чтобы въ случаѣ надобности взять ихъ обоихъ: и мать, и ребенка. и унести, уберечь отъ малѣйшей непріятности.

Глубокое умиленіе овладѣло имъ при видѣ матери и ребенка, точно горячая волна счастья поднималась у него въ груди.

Чтобы обуздать свое волненіе, онъ вскричалъ строгимъ голосомъ:

— Сколько разъ я тебя просилъ, Клара, не заставлять людей любоваться нашимъ мальчишкой.

Но молодая женщина отвѣтила увѣренно:

— О, я знаю, лейтенанту Реймерсу доставляетъ удовольствіе посмотрѣть на такого прелестнаго мальчугана. Вѣдь правда?

Реймерсъ, конечно, поспѣшилъ отвѣтить утвердительно.

Но несносный педантъ Гюнцъ не удовольствовался этимъ, онъ долженъ былъ разобрать дѣло досконально.

— Очень бы мнѣ любопытно было знать, что можетъ королевскій лейтенантъ видѣть интереснаго въ тринадцатинедѣльномъ ребенкѣ, конечно, если онъ не его собственный. Отцы, тѣмъ ужъ по закону полагается быть дураками во всемъ, что касается ихъ дѣтей, особенно такихъ перловъ красоты и ума, какъ мой сынъ. Итакъ, Реймерсъ, положа руку на сердце, почему тебѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на этотъ маленькій сверточекъ? Что тебѣ въ немъ собственно нравится?

Реймерсъ на минуту задумался.

— Именно то, что это ребенокъ,— сказалъ онъ наконецъ.

— Чортъ возьми! — вскричалъ Гюнцъ.—Какъ сантиментально! Знаешь ли, милый мой, мнѣ такъ это противно. Развѣ ты не радъ, что ты мужчина, человѣкъ? Человѣкъ, который знаетъ, чего онъ хочетъ, и можетъ все, что хочетъ? Все, что хочетъ! Все!—только что

не звѣзду съ неба достать! И тебѣ кажется завиднымъ это безсознательное прозябанье? Благодарю покорно!

Въ эту минуту ребенокъ почувствовалъ какое-то неудобство. Онъ зашевелилъ ножками въ конвертикѣ и жалобно запищалъ.

— Видишь! — продолжалъ отецъ.— Маленькій человѣчекъ тоже не всегда благоденствуетъ. Ну, тащи его, Клара! Онъ намъ всѣ уши прожужжитъ.—Надѣюсь, что онъ въ свое время будетъ думать иначе, чѣмъ ты, мой милый Реймерсъ!

Мать унесла маленькаго крикуна, а молодой офицеръ подошелъ къ старшему товарищу и пожалъ ему руку:

— Ты правъ, Гюнцъ, — сказалъ онъ, — это былъ сейчасъ голосъ моего безсознательнаго «я». Это глупое созданіе надо всегда держать на привязи...

Въ семьѣ Гюнцевъ Реймерсъ чувствовалъ себя превосходно. Ясность и увѣренность, которой была проникнута жизнь этихъ людей, невольно сообщалась и ему и немного отрезвляла его, когда полетъ фантазіи увлекалъ его слишкомъ далеко въ надзвѣздную высь.

Онъ думалъ, что долгая разлука внесетъ нѣкоторую отчужденность въ его отношенія съ другомъ, но оказалось, что они стали даже какъ будто ближе. Время нѣсколько охладило мечтательный пылъ Реймерса, а Гюнцъ, должно быть, подъ вліяніемъ своего личнаго счастья, сталъ какъ-то мягче, нѣжнѣе, и охотнѣе позволялъ отрывать себя отъ твердой почвы.

Оба они долгое время пробыли вдали отъ гарнизона и чувствовали себя теперь какъ-то свободнѣе въ оцѣнкѣ своего полка.

Въ большей части вопросовъ они совершенно сходились въ мнѣніяхъ. Только Гюнцъ судилъ тверже и безпощаднѣе.

Реймерсъ былъ очень радъ, узнавъ, что Гюнцъ раздѣлялъ его глубокое уваженіе къ Фалькенгейму. Иногда даже его холодный и уравновѣшенный другъ шелъ еще дальше его въ восторженныхъ похвалахъ полковнику.

— Вотъ это такъ человѣкъ!— говорилъ онъ.—У этого и голова, и сердце на мѣстѣ! Однимъ словомъ, молодецъ, настоящій мужчина.

Это была высшая похвала въ устахъ Гюнца. Въ обратныхъ случаяхъ онъ говорилъ прежде, до женитьбы—«баба». Теперь онъ заявлялъ, что одна праведница—разумѣется, его Клара—искупила весь этотъ грѣшный родъ и вмѣсто этого слова поставилъ на нижней ступени своей лѣстницы выраженіе «фитюлька», вывезенное имъ изъ столицы.

Очень онъ тамъ привыкъ къ разнымъ берлинскимъ словечкамъ и далеко не всегда особенно деликатнымъ. О товарищахъ-офицерахъ онъ сталъ отзываться совсѣмъ ужъ свободно.

Реймерсъ и самъ считалъ, что нѣтъ никакой надобности закрывать глаза на недостатки товарищей или начальниковъ, но Гюнцъ, по его мнѣнію, заходилъ иногда черезчуръ далеко. И онъ какъ-то высказалъ ему это.

— Передъ кѣмъ же мнѣ облегчать душу, дружище, если не передъ тобой?— отвѣтилъ ему Гюнцъ.—Ты думаешь, мнѣ самому это пріятно, что я по чести не могу считать настоящими офицерами большую часть товарищей и начальниковъ? Можетъ быть, какъ люди они ничего себѣ. Меня это не касается. Я ставлю вопросъ: выполняютъ ли они свое назначеніе, какъ офицеры? Если нѣтъ, тогда они нуль.

— Прежде ты судилъ мягче,—замѣтилъ Реймерсъ.

— Возможно, — продолжалъ тотъ.— Но кто уже разъ стряхнулъ съ себя привычную дремоту и протеръ глаза, тотъ не можетъ не видѣть лучше. А впрочемъ, примѣры сами по себѣ достаточно убѣдительны. Стукартъ назначается майоромъ. Что-жъ, ты считаешь его способнымъ командовать дивизіономъ?

— Нѣтъ, конечно; онъ и въ одной-то батареѣ натворилъ Богъ знаетъ какой ерунды. Ну, да онъ дольше года не пробудетъ штабнымъ офицеромъ.

— Зачѣмъ же онъ назначается? Ему бы и капитаномъ-то быть не слѣдовало. Идемъ дальше: Гропхузенъ?

— Ну, еще бы этотъ! Онъ совсѣмъ не по той дорогѣ пошелъ.

— Почему же онъ остается?

Гюнцъ сердито разсмѣялся.

— Чѣмъ же ему слѣдовало быть по твоему?—спросилъ онъ.

— Живописцемъ, — отвѣтилъ Реймерсъ.

Тотъ сдѣлалъ гримасу.

— Возможно. По моему, онъ опоздалъ родиться вѣка на два. И очень жаль.

— Почему?

— У него очень много общаго съ Людовикомъ XV. Они бы прекрасно поняли другъ друга! Ну, дальше: мой достоуважаемый начальникъ, капитанъ Моръ. О немъ что ты думаешь?

— Ну, этотъ, вѣдь, ужъ приговоренъ. Послѣ маневровъ навѣрно слетитъ!

— А, вѣдь, онъ тянетъ горькую, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю!

Оберъ-лейтенантъ громко вздохнулъ и продолжалъ:

— Увѣряю тебя, Реймерсъ, служить подъ начальствомъ такого человѣка далеко не весело! Эта исторія мнѣ вотъ гдѣ сидитъ—и онъ постучалъ себѣ по затылку.

Реймерсъ кивнулъ головой.

— Сочувствую тебѣ, дружище. И вѣдь подумать только, половина полка завидуетъ тебѣ, что ты служишь въ пятой батареѣ.

— Ба!—засмѣялся Гюнцъ,—самъ видишь, что это за банда! При этакомъ пьяницѣ они свободно могли бы бездѣльничать. А имъ этого-то и нужно, за этимъ только и гонятся! Туда ихъ тянетъ, гдѣ дѣла меньше. Всѣ они на одну колодку! А ты еще говоришь, я преувеличиваю! До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ, но я-то самъ долженъ знать, въ чемъ моя задача. Если у меня есть призваніе, оно должно меня удовлетворять. Я вовсе не желаю служить для чего-то декораціей.

Реймерсъ пытался успокоить друга, но тотъ не унимался.

— Я просто въ ужасъ пришелъ, увѣряю тебя,—когда вернулся въ батарею. Точно обухомъ по головѣ! Этакого опустошенія, какъ тамъ, ты и представить не можешь. Я спрашивалъ себя, неужели въ дивизіонѣ и въ полку неизвѣстно, что у насъ въ батареѣ творится. У нихъ тамъ цѣлая система выработалась, какъ все на скорую руку къ смотру подготовлять—въ родѣ знаменитыхъ потемкинскихъ деревень. И надо отдать имъ справедливость. Тутъ ужъ всѣ, начиная съ достоуважаемаго начальника и до послѣдняго канонира изъ кожи вонъ лѣзутъ,—кое-какъ и сходитъ съ рукъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ величайшая дисциплина царитъ, а въ сущности это простая уловка: два-три дня они изъ силъ выбиваются, чтобъ остальное время напропалую бездѣльничать. И въ этакомъ-то хозяйствѣ долженъ я принимать участіе! И безъ того,—самъ знаешь, другъ,— офицеръ въ мирное время не Богъ вѣсть что можетъ сдѣлать, а ужъ такъ, рѣшетомъ воду носить—не согласенъ! Этого я не выдержу. И знаешь, что я тебѣ скажу, если такъ и дальше пойдетъ, я сброшу этотъ мундиръ, хоть и люблю его.

Онъ остановился и съ грустью провелъ рукой по темно-зеленому сукну своего мундира. Потомъ онъ снова принялся бѣгать взадъ и впередъ и закончилъ съ горькой усмѣшкой.

— Теперь моя единственная надежда, что мой возлюбленный начальникъ допьется, наконецъ, до бѣлой горячки.

— Но ты долженъ согласиться,—замѣтилъ Реймерсъ,—что въ этой батареѣ очень ужъ скверно сложились обстоятельства. Это какъ-ни-какъ исключеніе. Знаешь, что я тебѣ посовѣтую, старина! Затѣй ссору со своимъ Моромъ. Правда, конечно, будетъ на твоей сторонѣ. Онъ, вѣдь, совсѣмъ собой не владѣетъ. И переходи къ Маделунгу или, еще лучше, къ намъ, къ Вегштетену.

— Это идея! — сказалъ Гюнцъ.—А, впрочемъ, не стоитъ. Фалькенгеймъ намекалъ мнѣ,—только это между нами,— что осенью меня, вѣроятно, произведутъ въ капитаны. И я тогда, вѣроятно, займу мѣсто Мора.

Реймерсъ привскочилъ отъ радости.

— Чудесно, старина! — воскликнулъ онъ.—Тогда все дѣло въ шляпѣ. Ты ужъ съумѣешь выправить пятую батарею! Это какъ разъ по тебѣ дѣло! И чѣмъ теперь хуже, тѣмъ больше будетъ твоя заслуга. Тогда второй дивизіонъ

будетъ на славу—Маделунгъ, Гюнцъ, Вегштетенъ! Лучшіе капитаны во всемъ корпусѣ! Истинная правда!

Но оберъ-лейтенантъ не раздѣлялъ его восторговъ.

— Все это прекрасно, дружище,— сказалъ онъ.—Но признаться по правдѣ, въ меня забрался какой-то червячокъ. Сдается мнѣ, что вся наша военная система дала гдѣ-то трещину. Всѣ мы на ложномъ пути—и Маделунгъ, и Вегштетенъ, да и я тоже. Работаемъ мы, работаемъ, и, можетъ быть, все зря.

Онъ вдругъ замолчалъ. Его открытое лицо затуманилось и стало озабоченнымъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Реймерсъ.

Тотъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Да мнѣ пока и самому все это не совсѣмъ ясно, дорогой мой. Попробую еще, можетъ, и привыкну опять къ строевой службѣ. Обѣщаю тебѣ одно: какъ только я разберусь въ этомъ, я тебѣ первому открою все, что теперь смутно бродитъ у меня въ головѣ.

Онъ горячо пожалъ руку Реймерсу, и тому показалось даже, что глаза у него были влажны.

Гюнцъ продолжалъ задумчиво:

— Еслибъ ты зналъ, другъ ты мой, каково на душѣ у человѣка, когда ему начинаетъ казаться, что онъ убилъ свою жизнь на фальшивое, безплодное дѣло. Въ сущности, какое значеніе имѣетъ одинъ человѣкъ?.. Иногда мнѣ представляется,—а вдругъ мои опасенія оправдаются? Я просто думать объ этомъ не могу...

— Какія опасенія?

— Я не могу выкинуть изъ головы одно скверное воспоминаніе...

— Какое?

— О Іенѣ.

Реймерсъ вздрогнулъ. Это несчастное слово дѣйствовало на него какъ ударъ бича. Онъ выпрямился и сказалъ:

— А Седанъ?

Тотъ продолжалъ спокойнѣе.

— Седанъ... Іена?.. Можетъ, ты и правъ, а можетъ быть и я. Никто напередъ не знаетъ.

Послѣ этого разговора Гюнцъ сталъ избѣгать затрагивать съ Реймерсомъ подобные вопросы. Когда Реймерсъ просилъ его высказаться опредѣленнѣе, онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Я, вѣдь, говорилъ тебѣ, — мнѣ нужно сперва самого себя провѣрить. Мнѣ не охота стрѣлять на воздухъ.

Мало-по-малу онъ сталъ какъ будто спокойнѣе и уравновѣшеннѣе. Его саркастическія замѣчанія утратили свою первоначальную рѣзкость и горечь. Невольно приходило въ голову, что это было просто поверхностное брюжжанье, навѣянное берлинскими разговорами.

На Пасхѣ одно маленькое событіе нарушило однообразіе гарнизонной жизни.

Полковникъ Фалькенгеймъ воспользовался маленькимъ отпускомъ на страстной и поѣхалъ за своей дочерью въ невшательскій пансіонъ. Послѣ праздника молодая дѣвушка должна была «вступить въ общество».

Реймерсъ соображалъ, удобно ли будетъ сдѣлать обычный визитъ Фалькенгейму въ одинъ изъ первыхъ праздничныхъ дней. Бо́льшая часть холостой молодежи взяла отпускъ на праздникъ. Въ пасхальный понедѣльникъ онъ оказался буквально единственнымъ гостемъ въ казино.

Онъ рѣшилъ отправиться оттуда къ полковнику.

Дочка его ни малѣйшимъ образомъ не возбуждала любопытства Реймерса. Три года тому назадъ Марихенъ пріѣзжала изъ своего пансіона къ отцу.

Въ то время она была хорошенькая, немного хрупкая дѣвочка. На спинѣ у нея болталась толстая бѣлокурая коса, а когда кто-нибудь кланялся ей, она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и быстро дѣлала хорошенькій книксенъ.

И теперь, семнадцатилѣтней дѣвушкой, она осталась все такой же хрупной, а недурненькое личико было окружено рамкой такихъ же свѣтлыхъ волосъ. Густая масса бѣлокурыхъ локоновъ казалась черезчуръ тяжелой для маленькой головки. Глаза у нея были большіе, сѣрые и ясные, но больше всего Реймерсъ обратилъ почему-то вниманіе на прямой тоненькій носикъ. По нему какъ-то сразу можно было замѣтить,

когда его обладательницу что нибудь сильно волнуетъ. Свое званіе дочери полковника она старалась поддерживать съ милымъ достоинствомъ. Она наливала чай съ пріемами опытной хозяйки и поддерживала разговоръ съ нѣсколько преувеличеной солидностью.

Фалькенгеймъ не сводилъ глазъ со своего дитятка. Иногда онъ улыбался про себя, наблюдая, съ какой непринужденностью она принимаетъ своего перваго гостя,—онъ зналъ какъ она втайнѣ боялась, что не съумѣетъ играть роль хозяйки дома. Въ дѣйствительности она великолѣпно выполняла свои обязанности.

Когда Реймерсъ собрался уходить, полковникъ пригласилъ его поужинать съ ними.

Лейтенантъ съ радостью согласился. Онъ былъ увѣренъ, что послѣ ужина ему удастся по душѣ поговорить съ полковникомъ. Каждый разъ послѣ такого разговора его уваженіе къ Фалькенгейму росло. И кромѣ того изъ его словъ онъ почерпалъ часто такія жизненыя знанія, какія трудно найти въ книгахъ.

Пріѣздъ дочери ничѣмъ видимо не нарушилъ обычаевъ фалькенгеймовскаго хозяйства. Подавались, какъ и всегда, самыя простыя холодныя кушанья.

Какъ и всегда только къ столу вышла «тетя Амалія». Въ этой старой дамѣ было что-то въ высшей степени комическое. Ея мужъ, лейтенантъ стрѣлковаго полка, числился «выбывшимъ изъ строя» во время великой войны. Горе, еще удвоеное полной неизвѣстностью о постигшей его судьбѣ, слегка помутило въ то время ея разсудокъ. Съ тѣхъ поръ она отдалась безвредной страсти къ чтенію. Почти весь свой вдовій пенсіонъ она тратила на абонементъ въ разныхъ столичныхъ библіотекахъ, которыя должны были отъ времени до времени высылать ей свои книги. Что было написано въ этихъ книгахъ въ сущности было ей почти все равно, и она съ одинаковымъ удовольствіемъ перечитывала черезъ нѣкоторое время второй разъ одну и ту же книгу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стала немного жадна въ пищѣ. Она упорно избѣгала всякаго общества и только неукоснительно появлялась при всякой ѣдѣ. Считалось, что она ведетъ хозяйство своего двоюроднаго брата, но въ сущности Фалькенгеймъ просто изъ жалости пріютилъ ее. При данныхъ обстоятельствахъ ея присутствіе въ домѣ оказалось очень кстати, для Марихенъ все равно нужна была какая нибудь компаньонка.

Реймерсъ съ перваго момента догадался о ея новой функціи.

Поздоровавшись съ нимъ, фрейлейнъ Фалькенгеймъ сказала, указывая на полуоткрытую дверь сосѣдней комнаты.

— У тети Амаліи, къ сожалѣнію, мигрень. Она была бы, конечно, очень рада васъ видѣть.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался какой-то утвердительный звукъ и потомъ время отъ времени раздавался шелестъ переворачиваемыхъ страницъ.

За столомъ тетя Амалія отвѣчала совершенно разумно, когда къ ней обращались съ какимъ нибудь вопросомъ, но, покончивъ съ ѣдой, она сейчасъ же вернулась назадъ къ своимъ книгамъ.

Такъ бывало всякій разъ, когда Реймерсъ обѣдалъ или ужиналъ у полковника. И всякій разъ, какъ только старая дама удалялась, полковникъ закуривалъ сигару и начиналъ дѣлиться съ Реймерсомъ сокровищами своихъ воспоминаній и опыта.

Но въ этотъ пасхальный вечеръ вышло нѣсколько иначе.

Въ присутствіи молоденькой дѣвушки мужчинамъ неудобно было погружаться въ такіе спеціальные военные вопросы, какъ обыкновенно.

Тѣмъ не менѣе Реймерсъ не испытывалъ скуки.

Послѣ ухода тети Амаліи фрейлейнъ Мари хотѣла было снова затѣять такой же комически солидный свѣтскій разговоръ, но полковникъ перебилъ ее.

— Знаешь, что, мальчуганъ,—сказалъ онъ,—брось ты эту скучную болтовню! Можешь себѣ упражняться въ ней съ другими, а лейтенантъ Реймерсъ, поскольку я его знаю, не очень-то любитъ такое времяпрепровожденіе. А знаю я его, сдается мнѣ, хорошо. Онъ вѣдь

одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку, малютка!

Маленькая женщина посмотрѣла на лейтенанта большими глазами и сказала искреннимъ тономъ:

— Ну, если папа это говоритъ, господинъ лейтенантъ, то поздравляю васъ.

Полковникъ засмѣялся, и разговоръ сразу сталъ веселымъ и непринужденнымъ. Молоденькая дѣвушка очень мило разсказывала о своихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ и предлагала толковые вопросы. Подъ конецъ она даже довѣрчиво освѣдомилась у лейтенанта о полковыхъ домахъ.

Тутъ Фалькенгеймъ спросилъ вдругъ Реймерса:

— Сажите, милый Реймерсъ, вы, вѣдь, кажется, часто бываете у оберъ-лейтенанта Гюнца? Правда?

— Да, господинъ полковникъ?

— Ну, еще бы, Гюнцъ, вѣдь, и раньше былъ вашимъ другомъ. Знаете, его жена мнѣ чрезвычайно понравилась. Такая милая, простая, скромная. Мы, вѣдь, близкіе сосѣди, что если бы они немножко пригрѣли мою дочурку? Только они, кажется, живутъ очень замкнуто?

— О, это чистая случайность, господинъ полковникъ. Гюнцы не любятъ только пустыхъ и поверхностныхъ свѣтскихъ знакомствъ.

— Также какъ и я, да и вы тоже, не правда-ли. Я васъ вполнѣ понимаю, мой милый Реймерсъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней оберъ-лейтенантъ Гюнцъ съ женой сдѣлали визитъ полковнику, и вслѣдъ затѣмъ между сосѣдними домами завязались постоянныя сношенія. Марія Фалькенгеймъ по институтской привычкѣ сейчасъ же начала «обожать» Клару Гюнцъ и ея «прелестнаго мальчугана», а Клара сердечно полюбила молоденькую дѣвочку, такъ рано лишившуюся матери.

Съ этого момента положеніе «бывшей гувернантки» значительно измѣнилось, и майорша Лишке стала приглашать «прелестную фрау Гюнцъ» на чашку кофе, даже въ дни самыхъ интимныхъ собраній. Но Клара благодарила и отказывалась, она все еще кормила своего мальчика и не могла отлучаться изъ дому больше, чѣмъ на два часа.

Когда вечера стали теплѣе, какъ-то само собой устроилось, что Фалькенгеймы и Гюнцы стали ужинать вмѣстѣ въ садовой бесѣдкѣ. Меню ужиновъ было разъ навсегда твердо установлено,— холодныя закуски и пиво. Изрѣдка только допускался легкій пуншъ. Заботы о кушаньяхъ и напиткахъ несли поочередно обитатели дома № 55 и дома № 57.

Тетю Амалію Фалькенгеймы оставляли дома.

— Иначе разсчетъ будетъ невѣрный, — добродушно замѣчалъ полковникъ.

Реймерсъ въ счетъ не шелъ. Его не допускали къ участію въ расходахъ. Разъ, когда онъ съ торжествомъ выложилъ на столъ колбасу съ трюфелями, мужчины сдѣлали ему замѣчаніе за «неисполненіе служебнаго приказанія», а Клара Гюнцъ воскликнула:

— Боже мой! лейтенантъ Реймерсъ! Колбаса съ трюфелями по такой жарѣ! Посмотрите, пожалуйста, она уже теперь испортилась.

Въ полку косились на такую «интимность». Находили, что подобныя отношенія должны неминуемо подрывать авторитетъ начальника. Тѣмъ не мѣнѣе многіе добивались благосклонности оберъ-лейтенантши Гюнцъ; а владѣлецъ домика, гдѣ жили Гюнцы, не разъ получалъ анонимныя предложенія сдать свою дачу кому-нибудь другому за болѣе высокую плату. По странной случайности хозяинъ былъ вполнѣ доволенъ и своими жильцами, и получаемымъ съ нихъ доходомъ.

Итакъ, Гюнцъ получилъ удовлетвореніе: его жена стала одной изъ любимѣйшихъ дамъ въ полку, если судить по количеству посѣщеній и по любезности посѣтительницъ.

Онъ уже началъ дразнить свою жену, увѣряя, что она задираетъ носъ, что ее теперь рукой не достанешь.

Въ дѣйствительности Клара сошлась нѣсколько ближе только съ двумя дамами. Кромѣ Маріи Фалькенгеймъ, она

чаще всего видалась съ Анной Гропхузенъ, супругъ ея говорилъ: «Клара удостаиваетъ своею благосклонностью капитаншу Гропхузенъ».

Эта женщина была поистинѣ загадкой. Все въ ней было порывъ и неуравновѣшенность. Иногда она по цѣлымъ недѣлямъ не показывала глазъ, а иногда какъ зачаститъ, такъ каждый день ходить и такъ бы, кажется, и не ушла. Порой, она была вся жизнь и движеніе, а порой могла цѣлый часъ просидѣть неподвижно, мрачно глядя въ пространство.

Наконецъ, оберъ-лейтенантъ взропталъ:

— Право, мнѣ какъ-то не по себѣ, Клара, когда она здѣсь. Знаешь, что мнѣ приходитъ въ голову?—И онъ продолжалъ, таинственно понизивъ голосъ:—должно быть, они съ Гропхузеномъ совершили когда-нибудь страшное преступленіе и теперь ихъ связываетъ кровавая цѣпь, хотя они ненавидятъ другъ друга, какъ кошка съ собакой.

Но Клара нашла эту шутку совершенно неостроумной.

— Вѣдь ты не знаешь, что у нея на душѣ,—замѣтила она серьезно.—Можетъ быть, и дѣйствительно въ прошломъ у нихъ убійство. Только совершилъ его одинъ Гропхузенъ,—онъ убилъ душу бѣдной женщины. Такъ что ужъ ты лучше избери другой предметъ для шутокъ, мой милый.

Счастливая молодая женщина чувствовала глубочайшее состраданіе къ этой несчастной, точно носившей съ собой какой-то неизлѣчимый недугъ. Не разъ ей хотѣлось разспросить о причинѣ ея глубокаго страданія. Ее влекло не пустое любопытство, а истинно сестринское участіе и стремленіе облегчить, если возможно, чѣмъ-нибудь ея горе. Но стоило ей заглянуть въ мрачные безнадежные глаза той, чтобы почувствовать, что это горе не ищетъ повѣренныхъ. Поэтому она оставляла въ покоѣ Анну Гропхузенъ. Она терпѣливо выслушивала, когда та по обыкновенію нервно и непослѣдовательно болтала о чемъ-нибудь, точно стараясь заглушить какой-то внутренній голосъ. Въ другой разъ она не прерывала ни однимъ словомъ мрачное молчаніе, въ которое погружалась ея гостья, глядя, какъ Клара что-нибудь шьетъ или чинитъ. Повидимому, эта мирная работа скорѣе всего дѣйствовала на ту успокоительно. Черты ея лица понемногу теряли напряженное выраженіе, тѣнь, лежавшая на нихъ, разсѣивалась, она глубоко вздыхала, точно освободившись отъ тяжелаго кошмара.

— У васъ въ домѣ какъ-то особенно мирно и спокойно, фрау Клара, — говорила она иногда.—Это удивительно хорошо дѣйствуетъ.

Оберъ-лейтенантъ только покачивалъ головой, онъ не одобрялъ такихъ штукъ. Единственно, что примиряло его съ нею,—это ея искреннее восхищеніе ихъ младенцемъ. Мать не могла доставить ей большаго удовольствія, какъ дать ей подержать своего мальчика. Анна смотрѣла тогда на ребенка съ почтительнымъ благоговѣніемъ, точно на колѣняхъ у нея дѣйствительно лежалъ настоящій херувимъ, а не самый обыкновенный сосунокъ съ безсмысленной мордашкой. Ея тонкія, точно выточеныя черты озарялись въ эти минуты какой-то просвѣтленной красотой, такъ что однажды Гюнцъ шепнулъ своей женѣ:

— Знаешь, Клара, чего ей не хватаетъ? Ребенка!

Ему захотѣлось и съ той подѣлиться своей мыслью, и онъ сказалъ ей шутя.

— Вамъ, вѣрно, тоже хотѣлось бы имѣть такого чудеснаго мальчишку?

Анна Гропхузенъ вскочила, точно ужаленная. Руки у нея дрожали такъ, что Клара едва успѣла подхватить ребенка. Бѣлая, какъ бумага, она вскричала, точно обезумѣвъ:

— Мнѣ?.. Ребенка?.. Сохрани Богъ!.. Никогда! Никогда!

И снова она повторяла:

— Ребенка? Нѣтъ! нѣтъ! Никогда! Никогда!

Взглядъ ея выражалъ безграничный ужасъ. Она подняла руки, точно обороняясь отъ чего-то страшнаго.

Гюнцъ въ испугѣ отступилъ назадъ

и тихонько вышелъ изъ комнаты. Расплакавшагося мальчугана онъ предусмотрительно захватилъ съ собой. Клара обняла обѣими руками дрожащую женщину и стала успокаивать ее, какъ ребенка.

Анна Гропхузенъ дала усадить себя въ кресло. Мягкій, успокоительный голосъ звучалъ въ ея ушахъ, не доходя до сознанія, она сидѣла, не имѣя силъ пошевелиться.

— Поплачьте лучше, дорогая моя,— говорила Клара, стоя на колѣняхъ и поддерживая ее,—это васъ облегчитъ.

Анна Гропхузенъ машинально проводила по ея волосамъ своей холодной, какъ ледъ, рукой.

— Нѣтъ, дѣточка,—сказала она наконецъ,—это не поможетъ. Это тоже не даетъ успокоенья.

Вдругъ она встала и сказала какимъ-то неестественно спокойнымъ голосомъ:

— Извините меня, дорогая фрау Клара, я надѣлала вамъ тревоги! Это ни на что не похоже, такъ плохо владѣть собой. Пожалуйста, не сердитесь на меня, и забудьте, что произошло сегодня.

Она поспѣшно собралась. Руки у нея дрожали, когда она передъ зеркаломъ закалывала себѣ шляпу.

— Я провожу васъ, дорогая фрау Гропхузенъ,—предложила Клара.

Но Анна Гропхузенъ уже настолько овладѣла собой, что могла отвѣтить съ какимъ-то подобіемъ улыбки.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя дорогая. Не безпокойтесь, я найду дорогу.

На прощанье она еще разъ сказала:

— Такъ вы простите меня? Правда? и съ этими словами быстро ушла.

Гюнцъ между тѣмъ все еще не могъ успокоить маленькаго крикуна. Онъ былъ очень радъ, когда Клара взяла у него непокорнаго сына.

— Что съ ней такое приключилось?— спросилъ онъ.

Клара пожала плечами.

— Она не говоритъ. Можетъ быть это слишкомъ тяжело, слишкомъ страшно, такъ что она и сказать не можетъ.

— Ты оставила ее одну, чтобы она успокоилась?

— Нѣтъ, она ушла.

Оберъ лейтенантъ выглянулъ въ окно. Клара съ ребенкомъ на рукахъ подошла къ нему.

— Посмотри,—сказалъ онъ,— вонъ она идетъ: молодая, красивая, богатая элегантная, просто шикъ. Кажется,— все есть, чтобъ быть счастливой?

И онъ заключилъ, качая головой:

— Бѣдная, бѣдная женщина!

Про себя онъ поклялся не дѣлать больше никакихъ замѣчаній объ Гропхузенъ. Одно только онъ долженъ былъ все-таки сказать женѣ:

— Не правда ли, Клара, — сказалъ онъ,—ты будешь порѣже давать ей ребенка? Правда?

Съ наступленіемъ весны Анна Гропхузенъ какъ будто ожила.

У ней была одна страсть, которой она каждую весну отдавалась съ новымъ увлеченіемъ — игра въ лаунъ-тенисъ.

Въ качествѣ дочери отставного генерала, проживавшаго свою пенсію и остатки состоянія въ Висбаденѣ, она имѣла возможность состязаться съ лучшими игроками Англіи и материка.

Въ маленькомъ гарнизонѣ она, конечно, не нашла себѣ достойнаго партнера. Единственнымъ серьезнымъ противникомъ могъ быть Реймерсъ, но онъ вотъ ужъ цѣлый годъ не принималъ участія въ состязаніяхъ. Зато теперь она съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчала наступленіе теплыхъ дней.

Сначала она хотѣла было увлечь съ собой и Клару Гюнцъ, но та рѣшительно отказалась.

— Можетъ быть, я и правда большая педантка,—говорила она, — но я привыкла всякое дѣло обсуждать со всѣхъ сторонъ. Между прочимъ и съ эстетической точки зрѣнія. И, видите ли, я считаю, что быстрыя движенія во время тениса очень неизящны для такой фигуры, какъ моя,—маленькой и и округлой.

Гюнцъ слышалъ это и вскричалъ со смѣхомъ:

— Слава тебѣ Господи! Наконецъ-то хоть въ чемъ-нибудь ты оказалась не вполнѣ совершенствомъ, Клара!—и онъ

продолжалъ, обращаясь къ Аннѣ Гропхузенъ:

— Надо вамъ сказать, фрау Гропхузенъ, что жена моя выражается весьма краснорѣчиво и тонко. На обыкновенномъ языкѣ это можно сказать гораздо проще: «я слишкомъ тщеславна, чтобы участвовать въ томъ, что мнѣ не къ лицу».

— Ну, пусть такъ,—отвѣтила молодая женщина, краснѣя.—Но я съ удовольствіемъ буду приходить иногда посмотрѣть на васъ, если вы позволите.

Реймерсъ очень любилъ тенисъ. Въ это время шли какъ разъ упражненія съ орудіемъ въ запряжкѣ. Утромъ часа четыре приходилось проводить на плацу, все время на лошади и все время съ напряженнымъ вниманіемъ. Послѣ полудня производили упражненія съ орудіемъ безъ запряжки, — тоже штука очень утомительная. Послѣ всего этого самымъ подходящимъ занятіемъ былъ тенисъ, самый легкій и пріятный видъ спорта.

Немножко трудно было преодолѣть послѣобѣденную лѣнь. Но стоило придти на мѣсто, и игра увлекала сама собой.

Обыкновенно онъ и Анна Гропхузенъ уходили послѣдними. Иногда игра такъ затягивалась, что въ наступающихъ сумеркахъ едва можно было различить летящіе мячи.

Анна Гропхузенъ находила, что ея партнеръ значительно усовершенствовался за время своего отсутствія Въ Каирѣ онъ прошелъ хорошую школу у англичанъ, лучшихъ знатоковъ этого спорта. Она же, напротивъ, играя все съ болѣе слабыми игроками, утратила до нѣкоторой степени свою прежнюю увѣренность. Теперь они стояли какъ разъ на одномъ уровнѣ.

Чувствуя это, Реймерсъ игралъ легче и свободнѣе. Онъ уже не былъ, какъ прежде, весь поглощенъ стараніемъ не ударить въ грязь лицомъ. Только теперь сталъ онъ замѣчать, какъ хороша Анна Гропхузенъ,—прежде это совершенно ускользало отъ его вниманія.

Зимой, когда онъ встрѣчалъ ее въ обществѣ, грустную, удрученную какимъ-то тайнымъ горемъ, безучастную къ окружающему веселью, — она казалась ему старше своихъ лѣтъ. Никто бы не повѣрилъ, что ей только 24 года и никакихъ заботъ, по крайней мѣрѣ, судя по внѣшности. Но теперь на фонѣ цвѣтущей весны, въ блескѣ жаркаго солнца, увлеченная игрой, она казалась совсѣмъ другой, точно она выкупалась въ живой водѣ. Куда дѣвалась ея равнодушная усталость. Даже обычная у молодыхъ женщинъ мягкость и такъ называемая женственность какъ будто оставила ее. Въ ней снова воскресла бойкая живость молоденькой дѣвушки. Не обращая вниманія, какое впечатлѣніе произведетъ тотъ или другой поворотъ ея тѣла, она вся отдавалась спорту. Движенія ея были естественны и полны безпечной граціи, что такъ рѣдко встрѣчается у опытныхъ женщинъ.

Ея костюмъ для тениса былъ очень простъ. Широкій поясъ, вмѣсто корсета, свѣтлая блузка и сѣрая юбка, очень узкая вверху и спускающаяся только до щиколки, темно-сѣрые шелковые чулки и туфли безъ каблуковъ изъ датской кожи.

Полковыя дамы находили этотъ костюмъ «нескромнымъ», но, конечно, ни одна изъ нихъ не поколебалась бы надѣть такой же, если бы къ ней онъ шелъ такъ же, какъ капитаншѣ Гропхузенъ.

Жена полкового адъютанта Кауэргофа, рожденная фонъ-Любенъ, попробовала одинъ единственный разъ явиться въ такомъ же туалетѣ. Только юбка вмѣсто сѣрой была цвѣта морской воды.

И Богъ вѣсть почему,—юбка у нея была даже чуточку длиннѣе, чѣмъ у Гропхузенъ,—общій видъ оказался гораздо болѣе рискованнымъ, чѣмъ у той.

«Вульгарно», опредѣлила оберъ-лейтенантша Кейль. А между тѣмъ фрау Кауэргофъ была положительно красива, высокая, стройная, немного полная, правда, особенной полнотой цвѣтущихъ блондинокъ. Въ свободной блузкѣ полнота эта какъ-то черезчуръ выступала, и взгляды юныхъ лейтенантовъ невольно обращались въ сторону прекрасной адъю-

тантши. Ноги ея тоже привлекали вниманіе,—икры начинались какъ-то сразу надъ щиколками. И икры внушительныя.

Кромѣ того, самая ступня у нея въ плоскихъ бѣлыхъ туфляхъ казалась громадной,—это всѣ дамы констатировавали съ чувствомъ искренняго удовлетворенія и противъ этого не находили никакихъ возраженій.

Что же касается остального, то капитаншѣ Вегштетенъ, какъ старшей по чину, необходимо было поговорить по душѣ съ молодой женщиной.

Но тутъ тоже встрѣтилось затрудненіе: капитанша рѣшительно отказывалась отъ такого щекотливаго порученія. Нельзя такъ, здорово живешь, задѣвать особу, отецъ которой завѣдуетъ отдѣленіемъ личныхъ назначеній въ военномъ министерствѣ.

Такъ этотъ вопросъ и остался бы нерѣшеннымъ къ удовольствію юныхъ лейтенантовъ, если бы счастливый случай не привелъ въ этотъ самый день адъютанта Кауэргофа къ площадкѣ, гдѣ играли въ тенисъ.

Онъ любезно проводилъ свою жену домой и тамъ прямо подвелъ ее къ зеркалу. Накрахмаленная кофточка вся смялась и кое-гдѣ смокла отъ пота. Туфли, сидѣвшія раньше аккуратно, сразу стоптались.

— Дорогая Маріанна,—сказалъ Кауэргофъ,—я не спорю, когда ты декольтируешься на балахъ, сколько тебѣ угодно, ты очень хороша,—онъ поцѣловалъ ее черезъ блузку,—но я тебя прошу не показываться людямъ въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ.

Маріанна покраснѣла и отвѣтила:

— Пожалуй, на этотъ разъ ты правъ. То-то Фребенъ и Ландсбергъ такъ увивались за мной сегодня.

Но вдругъ она надула губки и сказала съ досадой:

— А почему же Аннѣ Гропхузенъ это можно? Она точь-въ-точь такъ же одѣвается.

— Дитя мое,—возразилъ спокойно мужъ,—«quod licet Iovi, non licet bovi».

Недаромъ онъ прошелъ гимназическій курсъ.

Маріанна наморщила носикъ и спросила подозрительно:

— Это что еще значитъ?

Кауэргофъ любезно перевелъ:

— «Когда двое дѣлаютъ одно и то же, выходитъ неодинаково». Ты красивѣе Гропхузенъ, но она тоньше тебя.

Съ женщиной, отецъ которой завѣдуетъ отдѣленіемъ личныхъ назначеній въ министерствѣ, приходится быть любезнымъ и послѣ брака.

Послѣ этого капитанша Гропхузенъ продолжала попрежнему одна носить эффектный спортменскій костюмъ. Ни одна не рѣшалась подражать ей. И носила она его съ такой вызывающей граціей, что другихъ дамъ все больше разбирала зависть.

Теперь «вульгарной» стали называть ее, хотя первый разъ эпитетъ былъ примѣненъ къ адъютантшѣ Кауэргофъ.

Только маленькая лейтенантша Меллеръ, рожденная Кейль, неисправимый enfant terrible полка, смущавшая всѣхъ своими неумѣстными замѣчаніями, вскричала:

— Ахъ, нѣтъ, что вы! По моему фраю Гропхузенъ въ этомъ костюмѣ точно нарочно создана для поцѣлуевъ. Если бы я была мужчиной, я бы непремѣнно влюбилась въ нее. Мнѣ бы самой страшно хотѣлось надѣть такой костюмъ.

И она съ грустью окинула взглядомъ свой туалетъ. Она и во время тениса носила очень длинныя юбки, у нея, какъ и у младшаго брата, лейтенанта Кейля II-го, были немного кривыя ноги.

Во всякаго рода дурачествахъ и флиртѣ, которому посвящали большую часть времени молодые офицеры, Реймерсъ былъ совершенно неопытенъ. Поэтому онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы какъ-нибудь особенно скрывать свое искреннее восхищеніе Анной Гропхузенъ.

Нерѣдко случалось, что онъ забывалъ отпарировать мячъ, заглядѣвшись на какое нибудь граціозное движеніе своей противницы. Ея ноги даже въ тенисовской обуви казались прелестными, онѣ точно крылья ласточки едва

касались земли. Самые смѣлые прыжки, выходившіе у другихъ грубыми и неизящными у нея были исполнены кошачей граціи.

Реймерсъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ у него были раньше глаза. Ему казалось, что онъ никогда не видѣлъ ничего болѣе прекраснаго.

Но Анна Гропхузенъ сердилась, когда онъ стоялъ передъ ней въ наивномъ удивленіи.

— Лейтенантъ Реймерсъ! — звала она.—Вы невнимательны. Слѣдите хорошенько за мячомъ.

Но когда она чувствовала на себѣ очарованные взгляды лейтенанта, она видимо смущалась. Легкій румянецъ поднимался все выше по ея оживленному лицу и постепенно заливалъ чистый бѣлый лобъ, на которомъ теперь рѣдко обозначалась ранняя морщинка.

— Посмотрите-ка, лейтенантъ,—сказала она разъ вечеромъ,—мы опять остались послѣдними.

Солнце только что сѣло. Вечерній воздухъ былъ напоенъ ароматомъ. Непогасшіе еще лучи зари боролись съ надвигавшимися съ рѣки сумерками.

Анна Гропхузенъ поставила правую ногу на садовый стулъ и застегивала разстегнувшуюся пряжку туфли.

Реймерсъ, ждалъ держа въ рукѣ ея ракету.

Даже и въ этой странной, повидимому, неудобной позѣ Анна Гропхузенъ казалась воплощеніемъ совершенной гармоніи.

Онъ сказалъ спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго трепета страсти въ голосѣ.

— Вы изумительно хороши, фрау Гропхузенъ!

Анна Гропхузенъ ниже склонилась надъ своей туфлей. Ей хотѣлось отвѣтить также просто и естественно, но ничего не приходило въ голову, и она произнесла противную избитую фразу:

— Пожалуйста, лейтенантъ Реймерсъ, не начинайте говорить комплиментовъ!

Голосъ ея какъ-то сорвался при этомъ.

Они молча пошли рядомъ по узенькой луговой тропинкѣ къ городу.

Реймерсъ чувствовалъ себя подъ властью какихъ-то чаръ. Онъ былъ не въ силахъ заговорить. Онъ слышалъ легкіе быстрые шаги рядомъ съ своими медленными, слышалъ шелестъ шелковой юбки, въ тактъ съ этими легкими шагами, а когда съ рѣки поднимался теплый вѣтерокъ до него доносился слабый ароматъ духовъ. Онъ невольно вспоминалъ прекрасныя стройныя руки, которыя просвѣчивали на солнцѣ сквозь густую кисею рукавовъ. Легкій ароматъ навѣрно шелъ отъ нѣжной, гладкой кожи этихъ рукъ. Онъ вдругъ почувствовалъ страстное желаніе цѣловать эти прекрасныя руки.

Анна Гропхузенъ избѣгала смотрѣть на своего спутника. Только разъ она украдкой взглянула на него робкимъ, вопрошающимъ взглядомъ. Случайно въ эту самую минуту Реймерсъ тоже обернулся къ ней. Взгляды ихъ встрѣтились и долго не могли оторваться другъ отъ друга.

У садовой калитки онъ, прощаясь, поцѣловалъ ей руку. Она слегка вздрогнула и сказала съ слабой попыткой пошутить:

— Боже мой, что это съ нами? Въ такой теплый майскій вечеръ у насъ обоихъ руки какъ ледъ.

Реймерсъ вернулся домой взволнованный.

Въ половинѣ девятаго ему надо быть у Гюнцевъ — ужинать. Сегодня среда, «его» день. Восемь давно пробило, а ему надо еще переодѣться. Полковникъ, который, конечно, тамъ будетъ, не любилъ, когда его офицеры являлись куда нибудь въ штатскомъ костюмѣ. Это допускалось только на охотѣ или во время тениса.

Дома у него все было приготовлено. Свѣжая вода въ умывальникѣ, мохнатое полотенце, мыло, рубашка, мундиръ, сапоги и даже чистый носовой платокъ и свѣжія перчатки.

— Прикажете еще что нибудь, ваше благородіе?—спросилъ Гелеръ.

— Нѣтъ, благодарю, ничего не надо,— отвѣтилъ Реймерсъ.

Деньщикъ скромно удалился, всякому было ясно, что онъ знаетъ свое мѣсто.— При одѣваньи лейтенантъ не любилъ пользоваться чьими-нибудь услугами.

Реймерсъ оглянулся. Все было на своемъ мѣстѣ. Онъ могъ быть доволенъ Гелеромъ. Даже откупоренная бутылка краснаго вина стояла на столѣ рядомъ съ графиномъ чистой холодной воды. Ничто такъ не утоляло жажду послѣ тениса, какъ стаканъ холодной воды слегка подкрашеной виномъ.

Онъ быстро приготовилъ себѣ стаканъ этой смѣси и залпомъ выпилъ. Это прекрасно освѣжало. Онъ налилъ второй и выпилъ медленнѣе. Вода была такая холодная, что стаканъ весь запотѣлъ снаружи. Но она не могла затушить пламени, горѣвшаго у него въ груди, въ горлѣ, въ головѣ.

Онъ началъ быстро переодѣваться. До половины девятаго оставалось всего нѣсколько минутъ.

Онъ былъ почти готовъ. Оставалось только надѣть мундиръ..., и вдругъ все окружающее исчезло изъ его сознанія. Онъ почувствовалъ себя внѣ времени и пространства.

Машинально онъ сѣлъ на стулъ, опустилъ голову на руки и закрылъ глаза.

Онъ думалъ объ Аннѣ Гропхузенъ. Какъ она хороша, какъ дивно хороша! Вспоминалъ ея робкій взглядъ. О чемъ спрашивали ея прекрасныя глаза? Онъ, кажется, понялъ этотъ вопросъ: «Неужели и мнѣ суждено счастье? Неужели я, правда, могу надѣяться? И неужели *ты* дашь мнѣ это счастье?» спрашивалъ ея боязливый взглядъ.

Изъ самой бездны горя и отчаянія достигъ до него этотъ взглядъ.

Какъ глубоко несчастна эта женщина!

И какъ дивно хороша!..

Дверь скрипнула. Вошелъ Гелеръ.

Реймерсъ вскочилъ.

— Что вамъ нужно?

— Извините, ваше благородіе,—пробормоталъ деньщикъ,—я думалъ, что ваше благородіе готовы.

Въ рукахъ у него была сабля и фуражка.

— Ага! ну, хорошо! Давайте!

Лейтенантъ поспѣшно докончилъ свой туалетъ и отправился въ Сиротскую улицу.

Тамъ какъ разъ садились за столъ, когда онъ вошелъ въ садъ. Въ виноградной бесѣдкѣ все было по старому. Тѣ же люди и то же свободное благодушно-веселое настроеніе. Но Реймерсъ на этотъ разъ чувствовалъ себя чужимъ. Обыкновенно онъ былъ самымъ оживленнымъ изъ всей компаніи, но сегодня онъ сидѣлъ молчаливый и задумчивый.

Его страсть къ Аннѣ Гропхузенъ росла съ каждымъ днемъ. Онъ и не пытался бороться съ ней. Конечно, любимая женщина была женой другого, товарища, но онъ былъ увѣренъ, что даже въ мысляхъ не оскорбитъ ее нескромнымъ желаніемъ, а если это случится, онъ сумѣетъ совладать съ собой.

И дѣйствительно, они не сказали другъ другу ни одного слова, котораго не могъ бы слышать третій. Даже при прощаньи они не рѣшались горячѣе и крѣпче пожать другъ другу руки, только глаза ихъ обмѣнивались тайными признаніями, говорили о великой, страстной любви, жаловались на жестокое страданіе, сулили сладостное утѣшеніе, посылали другъ другу ласки и поцѣлуи.

И въ то время какъ глаза ихъ разговаривали другъ съ другомъ, сами они стояли на твердо утоптанной площадкѣ, раздѣленные другъ отъ друга сѣткой.

Она чувствовала, что своимъ присутствіемъ доставляетъ радость своему возлюбленному, а онъ, не отрывая глазъ, съ почтительнымъ восторгомъ любовался гибкими движеніями своей милой.

Конечно, полковая сплетня съ радостью ухватилась за новую жертву. Со времени флирта съ майоромъ Шредеромъ цѣлую зиму капитанша Гропхузенъ не давала никакой пищи длиннымъ языкамъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ они принялись теперь за дѣло.

Не прошло и мѣсяца, какъ молодые офицеры стали дѣлать Реймерсу довольно недвусмысленные намеки.

Маленькій докторъ Фребенъ грозилъ ему пальцемъ и лукаво замѣчалъ:

— Да, да, не даромъ говорится: въ тихомъ омутѣ черти.

Ландсбергъ при первомъ удобномъ случаѣ поздравилъ его:

— Экій счастливецъ!—сказалъ онъ съ завистью.—Кабы я...

И онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ всевозможныхъ совершенствъ капитанши Гропхузенъ, «этой великолѣпной женщины», какъ онъ ее называлъ.

Реймерсъ рѣзко оборвалъ его.

Подобныя столкновенія показали ему, какая глубокая пропасть лежала между его міросозерцаніемъ и взглядами его товарищей.

— Какой вы еще юноша,—сказалъ ему какъ-то полковникъ,—точно вы и не жили совсѣмъ.

Должно быть, это и въ самомъ дѣлѣ было такъ. По его мнѣнію, разсуждать такъ, какъ Ландсбергъ, можно развѣ о женщинѣ, которая даритъ свою благосклонность за деньги, но никакъ не о женщинѣ уважаемой, принятой въ обществѣ. Онъ, Реймерсъ, не могъ бы даже сказать, высокая или низкая грудь у Анны Гропхузенъ, онъ зналъ только, что она прекрасна.

Ему хотѣлось дать пощечину негодяю Ландсбергу, но это вызвало бы, конечно, скандалъ и могло повредить любимой женщинѣ.

Во всякомъ случаѣ онъ сталъ держаться немного подальше отъ нея. Изъза него она не должна страдать. Онъ сталъ не такъ аккуратно посѣщать тенисъ и, приходя, игралъ не исключительно съ ней.

Анана Гропхузенъ была видимо, поражена этимъ. Она не понимала его. Что за дѣло до всѣхъ этихъ сплетенъ? Да и еще и лживыхъ притомъ. Она уже привыкла къ нимъ. Ея кожа стала нечувствительной къ подобнаго рода уколамъ. А онъ мужчина. Неужели изъ-за этого онъ отворачивается отъ нея? Она охотно бросилась бы къ его ногамъ и молила бы:

— Не отнимай у меня своей любви! Я живу ею!

Судорожныя рыданія сжимали ей горло. Чтобы заглушить ихъ, она вмѣшивалась въ толпу, вела оживленную болтовню. Старалась завладѣть общимъ вниманіемъ, чтобы и онъ чувствовалъ, что она тутъ. Ею овладѣвало безумное желаніе во что бы то ни стало быть у него на глазахъ, заставить его видѣть и чувствовать свое присутствіе, какой угодно цѣной, рискуя даже сдѣлать ему больно, или, можетъ быть, именно ради того, чтобы сдѣлать ему больно.

Она кокетничала съ мужчинами и своимъ дрожащимъ, беззвучнымъ голосомъ говорила ужасныя вещи, странно звучавшія въ ея устахъ.

Однажды вечеромъ они очутились втроемъ на площадкѣ для тениса—она, Реймерсъ и Ландсбергъ. Именно съ Ландсбергомъ она особенно вызывающе кокетничала эти послѣдніе ужасные дни. Она знала, что Реймерсъ ненавидѣлъ его. Тупоголовый малый былъ очень польщенъ этимъ.

Всѣ трое отдыхали послѣ игры.

Ландсбергъ бросился на траву у самой площадки и остался лежать тамъ, упорно глядя въ одномъ направленіи.

Реймерсъ считалъ, что валяться на землѣ въ присутствіи дамы показываетъ неуваженіе къ ней. Онъ мрачно посмотрѣлъ на товарища и невольно прослѣдилъ за направленіемъ его взгляда.

Анна Гропхузенъ сидѣла на стулѣ, безпечно положивъ ногу на ногу. Обѣ ея ноги въ сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ были видны чуть не до колѣнъ.

Безумное бѣшенство овладѣло Реймерсомъ. Ему захотѣлось схватить мерзкаго мальчишку за шиворотъ и надавать ему пощечинъ.

Но въ эту минуту Анна Гропхузенъ замѣтила упорный взглядъ Ландсберга. Она съ презрѣніемъ отвернулась и медленно поправила платье.

Реймерсъ всталъ. Онъ чувствовалъ потребность что-нибудь сломать, разбить, разрушить. Онъ нервно размахивалъ ракетой, борясь съ желаніемъ пустить ее въ голову нахалу. Вдругъ онъ почувствовалъ сильную боль въ сгибѣ руки. Ракета выпала у него.

— Что съ вами?—спросила Анна.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ рѣзко.— Я собирался откланяться вамъ.

Онъ низко поклонился. Было такъ темно, что онъ различалъ только контуры ея фигуры.

Съ минуту она молчала. Потомъ она отвѣтила голосомъ, полнымъ нѣжной ласки.

— Развѣ вы не хотите проводить меня, лейтенантъ Реймерсъ?

— Если вы прикажете, фрау Гропхузенъ.

Ландсбергъ торопливо и нѣсколько смущенно попрощался съ ними. Они пошли медленно слѣдомъ за нимъ.

Тяжелыя дождевыя облака низко нависли надъ землей, иногда по полю пробѣгалъ порывъ вѣтра.

Реймерсъ зашагалъ быстрѣе.

Только разъ Анна Гропхузенъ прервала молчаніе:

— Вы сильно ушибли руку?

— Да... нѣтъ... не знаю.

Когда они подошли къ калиткѣ, наступилъ почти полный мракъ.

— Покажите мнѣ вашу руку,—тихо попросила женщина.

Реймерсъ молча протянулъ ее. На сгибѣ была порядочная опухоль.

Вдругъ Анна нагнулась и быстро поцѣловала больное мѣсто.

Когда она подняла голову, по щекамъ ея струились слезы.

Реймерсъ наклонился къ ней. Онъ схватилъ ея блѣдныя, похолодѣвшія руки и припалъ къ нимъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Анна!—вырвалось у него съ рыданіемъ.

Она нѣжно провела рукой по его лбу и посмотрѣла на него съ безконечной печалью.

Потомъ онъ ушелъ.

Издали онъ оглянулся. Все потонуло во мракѣ. Но вдругъ на горизонтѣ блеснула молнія. На одно мгновеніе онъ различилъ смутныя очертанія одинокой фигуры, и вслѣдъ за тѣмъ все исчезло.

— Ничего опаснаго,—рѣшилъ полковой врачъ. — Вы вытянули сухожиліе. Немножко помассировать да хорошенькій бандажъ и больше ничего! Службѣ это не помѣшаетъ, ну, а тенисъ, конечно, придется на время оставить.

Тенисъ и безъ того приходилось кончать. Наступалъ срокъ выхода въ лагери на стрѣльбу.

Отъ товарищей онъ слышалъ, что Анна Гропхузенъ тоже не появлялась на площадкѣ. Говорили, что она не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ и собирается на воды. Мужчины при этомъ значительно посмѣивались. Они думали, вѣроятно:

«Эге, должно быть, произошелъ крахъ»!

Но онъ не обращалъ на это вниманія.

Онъ зналъ, въ чемъ дѣло.

Его обычная компанія въ Сиротской улицѣ, видимо, не безъ удовольствія узнала о такомъ оборотѣ дѣлъ.

Послѣднее время онъ нерѣдко опаздывалъ и въ извиненіе всегда говорилъ одно: «Простите, я заигрался въ тенисъ». При этомъ у всѣхъ нихъ дѣлались какія-то особенныя лица, замкнутыя и чужія. И эта замкнутость и связанность лишь постепенно уступала мѣсто обычной непринужденности, а иногда и совсѣмъ не исчезала.

Теперь они снова встрѣтили его попрежнему, искренно и сердечно. Къ его поврежденію никто не отнесся серьезно, всѣ, должно быть, считали его благовиднымъ предлогомъ.

Онъ старался доказать противное, показывалъ опухоль—она, впрочемъ, быстро опадала,—но никто ему, видимо, не вѣрилъ.

Но самое удивительное еще предстояло впереди.

Послѣ ужина Клара и Марія Фалькенгеймъ прогуливались по дорожкамъ сада. Клару позвали, должно быть, къ ребенку, и Реймерсъ встрѣтилъ дочь полковника одну.

Онъ почтительно поклонился ей.

Молодая дѣвушка прямо взглянула на него своими ясными сѣрыми глазами и сказала:

— Я искренно рада, лейтенантъ Реймерсъ, что вы такъ рѣшительно положили конецъ всѣмъ сквернымъ сплетнямъ. Меня они очень огорчали и за фрау Гропхузенъ, и за васъ. Такъ больно выслушивать гадкія вещи и не знать, что возразить.

Гондола аэростата была снабжена веслами и рулемъ.

Въ ней находились герцогъ Шартрскій, два брата Роберъ и ихъ свояк̀ъ Коллэнъ-Гюллэнъ. Быстро поднявшійся аэростатъ былъ подхваченъ сильнымъ вихремъ, благодаря которому подъемъ чуть было

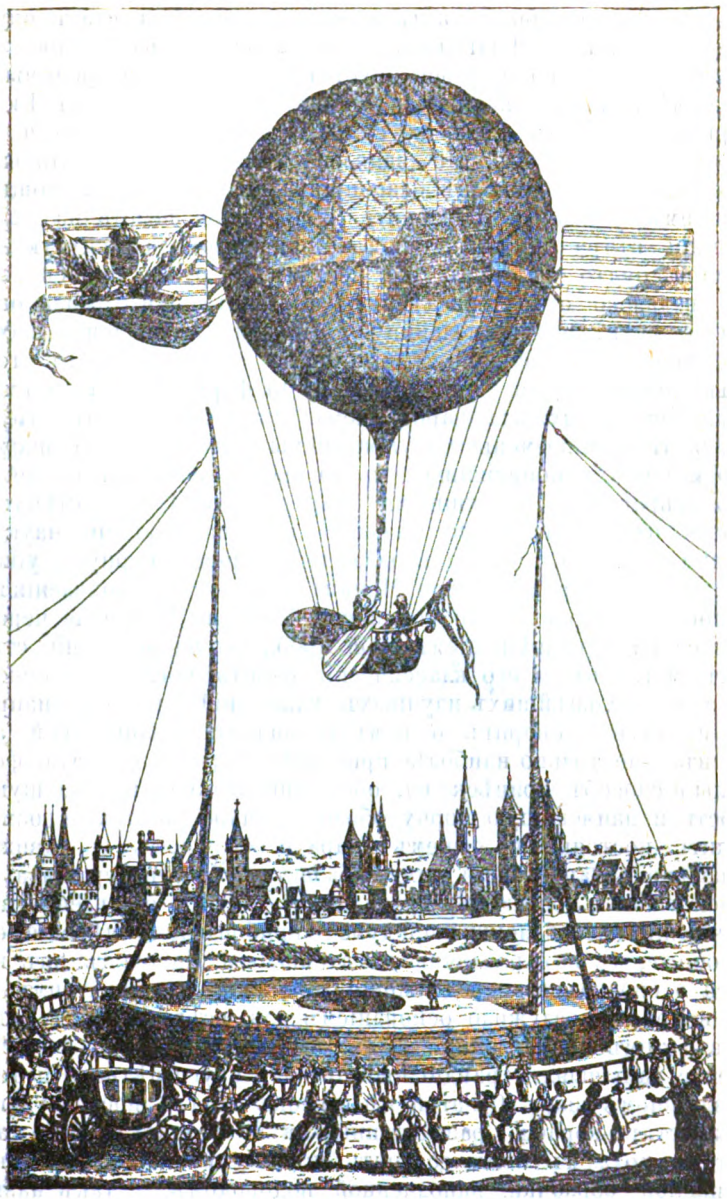


Рис. 23. Подъемъ Гюйтона де-Морво въ Дижонѣ 25-го апрѣля 1784 г.

не кончился ужасной катастрофой. Объ управленіи нечего было и думать, руль и весла—были сорваны, и, къ довершенію несчастья, внутренній шаръ закупорилъ нижнее отверстіе аэростата. Между тѣмъ

нагрѣтый солнечными лучами водородъ, не находя выхода, раздувалъ оболочку аэростата больше и больше. Барометръ показывалъ уже высоту 4800 метровъ, и при дальнѣйшемъ подъемѣ шара гибель становилась неизбѣжной. Тогда герцогъ Шартрскій схватилъ флагъ и его древкомъ проткнулъ оболочку въ нижней части шара. Такъ какъ при этомъ образовалась большая трещина, то аэростатъ сталъ опускаться черезчуръ быстро. Благодаря усиленному выбрасыванію баласта, пассажирамъ, однако, удалось опуститься на землю невредимыми.

Два мѣсяца спустя братья Роберъ въ компаніи съ Гюллэномъ повторили опытъ съ тѣмъ же самымъ аэростатомъ. Полетъ продолжался около 7 часовъ. По заявленію Роберовъ результаты опыта можно было назвать вполнѣ благопріятными, ибо при помощи веселъ и руля имъ удавалось отклонить направленіе полета на 22 градуса отъ линіи вѣтра и даже описать при полетѣ замкнутую кривую. Благодаря будто бы тѣмъ же веслам и рулю, при спускѣ аэростата (недалеко отъ Арраса), воздухоплаватели избѣжали опасности налетѣть на вѣтряную мельницу. Всѣ эти утвержденія несомнѣнно преувеличены, но значеніе этого опыта заключается въ томъ, что впервые примѣненная здѣсь овоидальная форма аэростата вмѣстѣ съ пропеллеромъ послужила зародышемъ, изъ котораго столѣтіе спустя развился типъ современныхъ управляемыхъ воздушныхъ шаровъ.

Но изъ всѣхъ появившихся въ то время проектовъ и идей относительно управленія воздушными шарами наиболѣе замѣчательными являются работы военнаго инженера и члена академіи наукъ Менье (Meusnier), впослѣдствіи генерала инженернаго корпуса, убитаго въ 1793 году въ сраженіи при Майнцѣ. Съ момента появленія первыхъ воздушныхъ шаровъ и до конца своей жизни, Менье не переставалъ трудиться надъ разрѣшеніемъ этой проблемы на основаніи строго научныхъ методовъ, и его классическія работы послужили основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ научныхъ изысканій въ этомъ направленіи. «Онъ изучилъ,—говоритъ о немъ президентъ французской академіи Жансенъ,—не только наиболѣе пригодную форму аэростата, форму его гондолы и способъ привѣски ея, обезпечивающій ей наибольшую неподвижность и наименьшую порчу оболочки шара, но также возможность сохранить постоянный объемъ шара и обезпечить его движенія въ вертикальномъ направленіи помимо баласта и безъ потери газа. Еще съ большею тщательностью онъ изслѣдовалъ вопросъ о давленіи газовъ на заключающія ихъ оболочки и придумалъ приборъ для измѣренія сопротивленія оболочекъ изъ различныхъ матеріаловъ. Наконецъ, онъ коснулся вопроса о способахъ передвиженія аэростата, и данное имъ рѣшеніе этого вопроса послужило основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ въ этомъ направленіи».

Менье замышлялъ грандіозный проектъ кругосвѣтнаго путешествія на воздушномъ шарѣ. Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ построить исполинскій аэростатъ-корабль, разсчитанный на 30 человѣкъ экипажа. Самый аэростатъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: внутренней непроницаемой оболочки, наполненной водородомъ, и такъ называемой предохранительной наружной оболочки, сдѣланной изъ очень толстаго, крѣпкаго холста и обмотанной сѣтью веревокъ (см. рис. 24). Между этими двумя оболочками долженъ былъ находиться сжатый воздухъ,

*) Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи памятника Менье въ г. Турѣ, 29-го іюля 1888 г.

который играя роль баласта, придавалъ въ то же время прочную форму аэростату. Воздухъ, по мѣрѣ надобности, долженъ былъ накачиваться во время путешествія при помощи большихъ, сильныхъ мѣховъ. Вѣсъ аэростата при этомъ увеличивался и онъ начиналъ опускаться; эффектъ подъема достигался обратной операціей. «Поступательное движеніе аэростата во время путешествія должно было обусловливаться вѣтрами, причемъ винтообразныя весла, приводимыя во вращательное движеніе мускульною силою экипажа, позволяли бы совершать нѣкоторыя, перпендикулярныя къ направленію вѣтра, движенія и достигать такимъ образомъ полосы благопріятныхъ вѣтровъ. Проектъ Менье едва ли могъ быть выполненъ въ то время уже по одному тому, что для его осуществленія требовались огромные капиталы, но это отнюдь не уменьшаетъ его великаго значенія для послѣдующаго развитія воздухоплавательной техники, которая столѣтіе спустя воспользовалась

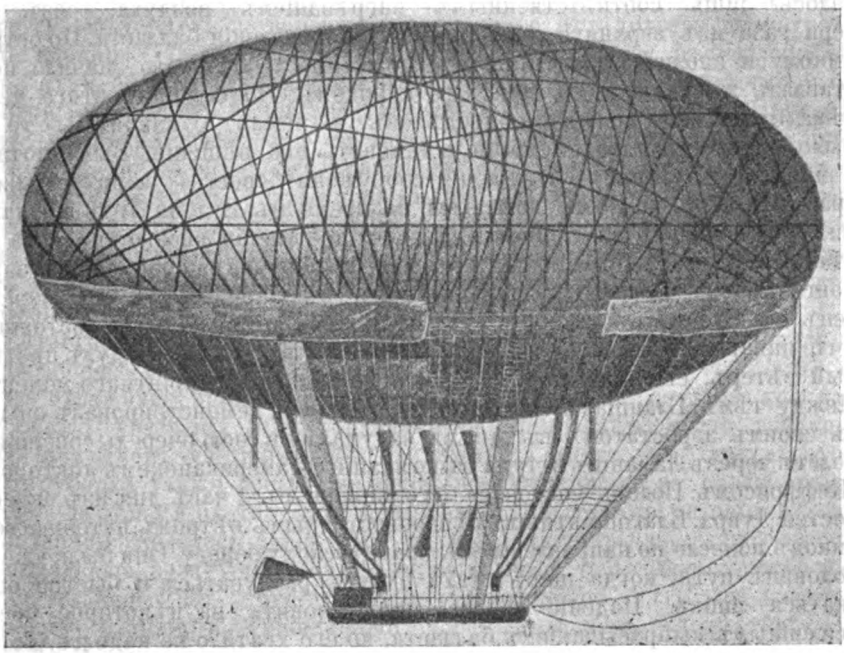


Рис. 24. Проектъ воздушнаго шара генерала Менье.

всѣми идеями, высказанными въ этомъ проектѣ. «Въ общемъ, можно сказать,—говоритъ Жансенъ въ упомянутой нами рѣчи,—что если братья Монгольфьеръ были славными иниціаторами воздухоплаванія, то Менье является его законодателемъ».

Исходя изъ идей Менье, французскій ученый Бриссонъ предложилъ въ 1784 г. проектъ управляемаго шара. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ докладѣ, сдѣланномъ Бриссономъ академіи наукъ. Его аэростатъ долженъ былъ имѣть форму цилиндра съ конусообразными заостреніями на концахъ, причемъ длина цилиндра предполагалась въ 6 разъ больше его діаметра. Въ виду того, что Бриссонъ не предвидѣлъ сколько-нибудь подходящаго двигателя для самостоятельнаго движенія шара противъ вѣтра, онъ остановился на утилизаціи для этой цѣли тѣхъ-же

воздушныхъ теченій. По его мнѣнію, на разныхъ высотахъ теченія эти идутъ въ различныхъ направленіяхъ, такъ что при подъемѣ на извѣстную высоту всегда можно разсчитывать найти благопріятный вѣтеръ. Легкость передвиженія аэростата въ вертикальномъ направленіи обезпечивалась при этомъ системой двойной оболочки Менье.

Высказанная Бриссономъ мысль о возможности утилизаціи воздушныхъ теченій для аэростатическихъ полетовъ запала въ голову Пилатру де-Розье, который рѣшилъ воспользоваться ею для переправы на воздушномъ шарѣ черезъ Ламаншъ. Но Розье не пожелалъ почему-то воспользоваться для этой цѣли конструкціею аэростата Менье, а придумалъ свой собственный типъ аэростата, и въ этомъ заключалась его роковая ошибка. Аэростатъ Розье представлялъ комбинацію газоваго шара съ монгольфьеромъ, причемъ послѣдній былъ прикрѣпленъ къ первому. Монгольфьеръ долженъ былъ играть роль регулятора при вертикальныхъ движеніяхъ аэростата, что достигалось лишь соотвѣтственнымъ нагрѣваніемъ воздуха, безъ потери газа изъ верхняго шара и безъ употребленія балласта. По остроумному и вполнѣ справедливому выраженію Шарля, это значило подставлять жаровню подъ бочку съ порохомъ. Но смѣлость этого человѣка буквально не имѣла предѣловъ и мысль о какой бы то ни было опасности едва ли могла остановить его рѣшеніе. Выхлопотавъ у министра Колонна субсидію на сооруженіе своего «аэромонгольфьера», Пилатръ де-Розье поселился на время въ Булони, гдѣ познакомился и вступилъ въ компанію для осуществленія своего проекта съ нѣкіимъ Пьеромъ Ромэномъ, которому и поручилъ сооруженіе аэромонгольфьера. Послѣдній былъ сдѣланъ въ Парижѣ, откуда перевезенъ въ Булонь въ декабрѣ 1784 г. Полетъ долженъ былъ состояться 1-го января 1785 г., но въ виду того, что въ это время дулъ противный вѣтеръ, его пришлось отложить до болѣе благопріятнаго момента. Между тѣмъ Бланшаръ, который въ это время демонстрировалъ опыты съ своимъ аэростатомъ въ Англіи, задумалъ въ свою очередь совершить полетъ черезъ Ламаншъ оттуда въ компаніи съ американскимъ докторомъ Жеффрисомъ. Полетъ состоялся 7-го января въ 1 часъ дня изъ окрестностей Дувра. Благопріятнымъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ путешественниковъ понесло по направленію къ французскому берегу. Они были уже на половинѣ пути, когда шаръ сталъ вдругъ раздуваться и быстро опускаться внизъ. Паденіе удалось пріостановить на нѣкоторое время усиленнымъ выбрасываніемъ балласта, но его хватило не надолго. Тогда въ море полетѣли инструменты, провизія, якоря, весла и даже одежда воздухоплавателей, но шаръ все-таки продолжалъ опускаться. Воздухоплаватели были уже въ виду французскаго берега. Чтобы спасти Бланшара, Жеффрисъ рѣшился броситься въ море и попытаться достичь берега вплавь, Бланшаръ удержалъ его и предложилъ отрѣзать гондолу а самимъ держаться за сѣтку. Но въ это время спускъ шара остановился самъ собою, подулъ свѣжій вѣтеръ, и путешественники были спасены. Въ 3 часа дня они спустились въ окрестностяхъ Калэ, населеніе котораго устроило имъ восторженный пріемъ. Успѣхъ этого полета былъ необычаенъ и Бланшаръ сдѣлался героемъ дня. Муниципалитетъ города Калэ поднесъ ему званіе «гражданина Калэ» и назначилъ пенсію. Такая же пенсія была пожалована Бланшару королемъ, у котораго онъ получилъ аудіенцію. На мѣстѣ, гдѣ опустилися путешественники, былъ поставленъ каменный столбъ съ надписью, увѣковѣчившей ихъ подвигъ.

Между тѣмъ Пилатръ де-Розье былъ въ отчаяніи, такъ какъ время уходило мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а вѣтеръ попрежнему не благопріятствовалъ его предпріятію. Съ другой стороны Колоннъ грубо намекалъ на то, что стотысячная субсидія выдана ему вовсе не за тѣмъ, чтобы онъ сидѣлъ въ Булони. Къ этому присоединились насмѣшки и эпиграммы, которыя сочинялись насчетъ Пилатра и его спутника. Его положеніе становилось невыносимымъ, и чтобы выйти изъ него онъ рѣшился попытаться совершить полетъ, несмотря ни на что. Подъемъ произошелъ 15-го іюня 1785 г. въ 7 часовъ утра. Аэростатъ медленно поднялся и понесся надъ проливомъ. «Радость и увѣренность были написаны на лицахъ путешественниковъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—и въ то же время смутное безпокойство овладѣло зрителями». Вскорѣ аэростатъ погнало вѣтромъ обратно къ берегу и онъ очутился надъ сушей, держась на высотѣ приблизительно 600 метровъ. Пилатръ, очевидно, хотѣлъ спуститься ниже, въ надеждѣ попасть въ полосу благопріятнаго вѣтра и должно быть сильно дернулъ за веревку попорченнаго отъ долгаго неупотребленія клапана. Клапанъ оторвался (его нашли потомъ въ галлерейкѣ аэростата), образовавъ большое отверстіе въ шарѣ. Неизвѣстно, что произошло при этомъ *), но аэростатъ камнемъ полетѣлъ внизъ. Пилатръ былъ убитъ на мѣстѣ, его спутникъ Ромэнъ оставался живымъ еще 10 минутъ, но не могъ уже произнести ни слова. Паденіе произошло въ 4-хъ километрахъ отъ Булони, въ 300 шагахъ отъ морского берега, по жестокой ироніи судьбы недалеко отъ того мѣста, на которомъ былъ воздвигнутъ памятникъ въ честь перваго полета Бланшара черезъ Ламаншъ. Такъ погибъ первый воздухоплаватель, которому суждено было сдѣлаться и первой жертвой воздухоплаванія **).

Катастрофа съ Пилатромъ де-Розье и его спутникомъ произвела потрясающее впечатлѣніе повсюду, куда могла проникнуть вѣсть о гибели отважнаго піонера воздухоплаванія, но она не охладила господствующаго увлеченія воздухоплаваніемъ. Напротивъ, число воздушныхъ подъемовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, съ другой стороны, публика также вошла во вкусъ возбуждавшаго ее своею опасностью зрѣлища и охотно оплачивала его. При такихъ условіяхъ воздухоплаваніе являлось очень выгоднымъ занятіемъ—появляются профессіональные воздухоплаватели. Первымъ и въ то же время наиболѣе замѣчательнымъ изъ этого рода воздухоплавателей былъ уже извѣстный намъ Бланшаръ. Опьяненный успѣхомъ своего путешествія черезъ Ла-Маншъ и той огромной популярностью, какую оно ему доставило, Бланшаръ сталъ объѣзжать большіе города Франціи и столицы другихъ европейскихъ государствъ, устраивая повсюду публичные полеты при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и поднимаясь по бо́ль-

---

*) Судя по тому, что при осмотрѣ аэростата не найдено слѣдовъ обжоговъ и серьезныхъ поврежденій, можно предполагать, что взрыва водорода при этомъ не произошло.

**) Эта мысль выражена въ слѣдующей восторженной надписи на могилѣ Пилатра-де-Розье въ Вимильѣ:

Ci git un jeune temeraire
Qui dans un génereux transport
De L'Olympe étonné franchissant la barière
Y trouva le premier et la gloire et la mort,

т. е. здѣсь покоится молодой смѣльчакъ, который въ благородномъ порывѣ, сломивъ преграды удивленнаго Олимпа, первый снискалъ на немъ славу и смерть.

шей части въ компаніи съ своей женой. Бланшаръ неоднократно совершалъ и настоящія воздушныя путешествія, перелетая изъ одного государства въ другое *). Изъ подражателей и соперниковъ Бланшара въ этой области большую извѣстность пріобрѣлъ также Тестю-Брисси (Testu-Brissy), благодаря своимъ подъемамъ верхомъ на лошади, которая находилась на деревянной платформѣ, прикрѣпленной къ шару. Ему же принадлежитъ, между прочимъ, первый ночной подъемъ, во время котораго онъ оставался въ воздухѣ впродолженіи 11-ти часовъ, выдержавъ при этомъ сильную бурю.

Одновременно съ этимъ не ослабѣвалъ и интересъ къ вопросу объ управленіи воздушными шарами. Проекты продолжаютъ появляться одинъ за другимъ, но большинство ихъ попрежнему были продуктомъ невѣжественной фантазіи ихъ авторовъ, не желавшихъ считаться съ основными законами механики и физики. Изъ всѣхъ проектовъ того времени лишь одинъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія—это проектъ драгунскаго офицера барона Скотта **). Скоттъ думалъ осуществить идею такъ называемаго парящаго аэростата (ballon-planeur), идею, къ которой, какъ мы увидимъ, неоднократно возвращались впослѣдствіи. По идеѣ Скотта аэростатъ долженъ былъ имѣть удлиненную форму, которая бы позволяла придавать ему какой угодно наклонъ по отношенію къ его горизонтальной оси. Если въ моментъ поднятія аэростатъ будетъ наклоненъ переднею частью внизъ, то его подъемъ совершится по діагонали и эростатъ одновременно съ подъемомъ будетъ подвигаться впередъ; наоборотъ, если при спускѣ наклонить противоположный конецъ аэростата, то опускаясь, онъ будетъ подвигаться въ томъ же направленіи, что и въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, путемъ послѣдовательныхъ поднятій и спусковъ на аэростатѣ Скотта достигается поступательное движеніе въ какомъ угодно направленіи. Свою идею Скоттъ думалъ осуществить путемъ устройства аэростата, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 25), причемъ вертикальныя движенія аэростата и сообщеніе ему соотвѣтствующаго наклона достигалось при помощи особаго рода баллонетовъ, наполненныхъ воздухомъ и прикрѣпленныхъ къ противоположнымъ концамъ аэростата. При нагнетаніи воздуха въ тотъ или другой изъ баллонетовъ аэростату сообщалось движеніе вверхъ или внизъ и одновременно придавался соотвѣтствующій наклонъ. Челнокъ, какъ это видно изъ рисунка, помѣщался въ углубленіи, находящемся по серединѣ аэростата, который былъ снабженъ, кромѣ того, рулемъ, облегчавшимъ задачу управленія горизонтальными движеніями аэростата. Скоттъ

---

*) При одномъ изъ такихъ путешествій онъ былъ схваченъ въ Тиролѣ и посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ революціонной пропагандѣ. Послѣ этого онъ перенесъ арену своей дѣятельности въ Сѣверную Америку, гдѣ и умеръ въ 1809 году. По количеству и смѣлости своихъ полетовъ Бланшаръ остается и до сихъ поръ никѣмъ не превзойденнымъ воздухоплавателемъ: имъ было совершено до 70-ти подъемовъ на воздушномъ шарѣ. Его жена, также замѣчательная воздухоплавательница, погибла, спустя 10 лѣтъ послѣ его смерти (6-го іюня 1819 года) при своемъ 67-емъ подъемѣ въ Парижѣ. Поднявшись на шарѣ вечеромъ въ саду Тиволи, при огромномъ стеченіи народа, она стала пускать съ шара ракеты, причемъ произошелъ взрывъ газа, наполнявшаго шаръ, и несчастная Бланшаръ разбилась на смерть, упавъ на мостовую одной изъ ближайшихъ къ саду улицъ.

**) Проектъ этотъ изложенъ въ мемуарѣ, опубликованномъ Скоттомъ въ 1789 г. („Aérostat dirigeable à volonté").

много лѣтъ работалъ надъ своимъ проектомъ, но ему не пришлось увидѣть его осуществленія. Проектъ его былъ опубликованъ въ

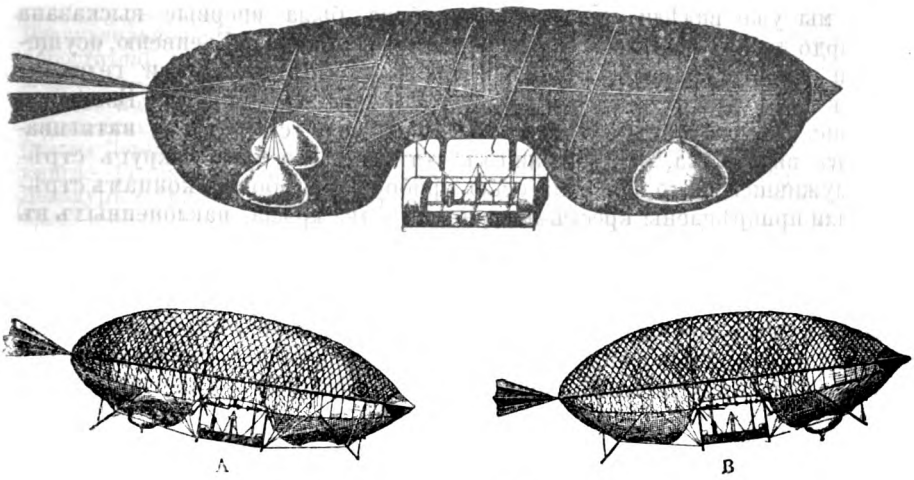


Рис. 25. Парящій аэростатъ (ballon-planeur) Скотта
А.—нисходящее положеніе В.—восходящее положеніе

моментъ, когда уже наступала революція и когда вопросы воздухоплаванія должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе существеннымъ задачамъ, выдвинутымъ общественной жизнью на родинѣ Скотта.

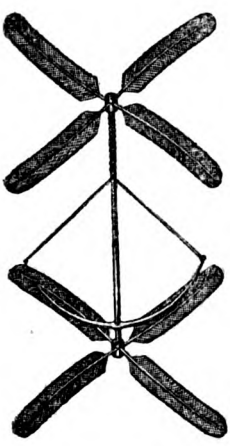


Рис. 26. Первый геликоптеръ, построенный въ 1784 Лоннуа и Бьенвеню.

Рис. 27. Летающая машина Жерара (1484 г.

Заканчивая изложеніе перваго періода исторіи аэростатическаго воздухоплаванія, періода, протекшаго со времени изобрѣтенія Монгольфьера до начала великой революціи, мы должны сказать нѣсколько

словъ о тѣхъ немногихъ попыткахъ въ области динамическаго воздухоплаванія, которыя были сдѣланы за это время. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь несомнѣнно изобрѣтенію летающаго геликоптера. Какъ мы уже видѣли, идея этого прибора была впервые высказана Леонардо да Винчи. Въ 1784 г. два француза, Лоннуа и Бьенвеню, осуществили идею Леонардо, демонстрировавъ изобрѣтенный ими геликоптеръ въ парижской академіи наукъ. Геликоптеръ Лоннуа и Бьенвеню (см. рис. 26.) состоялъ изъ пластинки китоваго уса, которая натягивалась въ видѣ лука, закручиваніемъ тетивы этого лука вокругъ стрѣлы, служившей въ то же время осью прибора. Къ обоимъ концамъ стрѣлы были прикрѣплены крестъ-на-крестъ по два крыла, наклоненныхъ въ противоположныя стороны. Послѣ того какъ лукъ сильно натягивался и затѣмъ предоставлялся самому себѣ, стрѣла вмѣстѣ съ крыльями приходила въ быстрое вращательное движеніе, причемъ верхніе и нижніе крылья вращались въ противоположныхъ направленіяхъ. Благодаря такому расположенію крыльевъ дѣйствія горизонтальныхъ толчковъ воздуха взаимно уничтожались, тогда какъ дѣйствія верти-

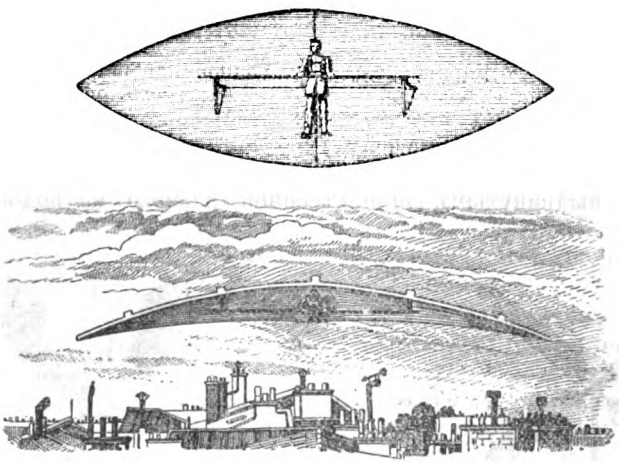


Рис. 28. Аппаратъ Меервейна.

кальныхъ толчковъ складывались и заставляли взлетать приборъ на воздухъ. Это замѣчательное изобрѣтеніе, значеніе котораго для динамическаго воздухоплаванія было оцѣнено впослѣдствіи, прошло въ то время почти незамѣченнымъ, такъ какъ вниманіе общества было поглощено воздушными шарами. Къ тому же 1784 г. относится и проектъ летательный машины Жерара, которая была описана имъ въ его «Опытѣ объ искусствѣ воздухоплаванія» (см. рис. 27). Заслуживаетъ вниманія также проектъ Меервейна, архитектора принца Уэльскаго. Приборъ его, разсчитанный на парящій полетъ (см. рис. 28) состоялъ изъ двухъ огромныхъ выгнутыхъ крыльевъ, экспериментаторъ помѣщался по серединѣ крыльевъ и приводилъ ихъ въ движеніе руками, соединенными съ крыльями ремнемъ.

ГЛАВА IV.

Воздухоплаваніе во время великой революціи: первая попытка примѣненія аэростатовъ къ военному дѣлу и образованіе воздухоплавательнаго парка въ Медонѣ. — Примѣненіе парашюта: опыты Ленормана, парашютъ Гарнерена. Первые подъемы на воздушныхъ шарахъ съ научными цѣлями: Робертсонъ, Гей-Люссакъ и Біо.—Замбеккари.—Воздухоплаваніе въ эпоху первой имперіи—Опыты Дегена.—Дальнѣйшіе проекты управляемыхъ аэростатовъ.—Гибель Кокинга.—Геликоптеръ Филипса.—Аэропланъ Генсонаи Стрингфеллоу.—Дюпю и Делькуръ.—Гринъ.—Научныи полетъ Барраля и Биксіо.—Петэнъ и ближайшіе предшественники Жиффара.

Когда вспыхнула великая французская революція, вопросы аэронавтики, естественно, должны были отойти на второй планъ, и хотя по прежнему рѣдкая программа народныхъ увеселеній обходилась безъ того, чтобы въ ней не фигурировало излюбленное парижанами зрѣлище аэростатическихъ подъемовъ, однако подъемы эти уже не вызывали прежняго энтузіазма у публики. Ослабѣлъ также и теоретическій интересъ къ вопросамъ воздухоплавательной техники. Послѣднее объясняется отчасти тѣмъ разочарованіемъ, которое наступило послѣ длиннаго ряда неудачныхъ попытокъ разрѣшить проблему управленія шарами. Тѣмъ не менѣе въ эпоху войнъ конвента съ коалиціей воздушнымъ шарамъ удалось снова привлечь вниманіе общества, благодаря той неожиданной роли, какую имъ пришлось сыграть въ борьбѣ съ союзными войсками. Мы говоримъ о первой попыткѣ примѣненія аэростатовъ къ военнымъ цѣлямъ. Извѣстный уже намъ Гюйтонъ де-Морво, который въ это время былъ членомъ Комитета Общественнаго Спасенія, занялся разработкой проекта привязного аэростата, съ помощью котораго можно было бы наблюдать на далекомъ разстояніи за движеніемъ непріятельской арміи. Проектъ Гюйтона былъ отданъ на разсмотрѣніе научной коммиссіи: она одобрила его, но поставила на видъ, что осуществленіе его она находитъ возможнымъ лишь при условіи добыванія водорода, необходимаго для наполненія аэростата, безъ помощи сѣрной кислоты. Дѣло въ томъ, что въ то время сѣрную кислоту получали исключительно сожиганіемъ сѣры, которой тогда очень дорожили: она цѣликомъ шла на изготовленіе пороха, продукта первостепенной важности въ первый періодъ революціи. Какъ разъ въ то время задача полученія водорода безъ помощи сѣрной кислоты была удачно рѣшена знаменитымъ Лавуазье: онъ нашелъ новый способъ добыванія этого газа, посредствомъ пропусканія водяныхъ паровъ черезъ раскаленныя до-красна желѣзныя трубки. Комитетъ Общественнаго Спасенія предложилъ физику Кутелю, другу Гюйтона де-Морво, произвести опытъ наполненія аэростата водородомъ, добытымъ по способу Лавуазье. Опытъ удался. Тогда, по распоряженію комитета, былъ организованъ военный воздухоплавательный паркъ, въ составъ котораго вошли: капитанъ, поручикъ и 30 нижнихъ чиновъ. Кутель, назначенный капитаномъ, получилъ предписаніе отправиться въ дѣйствующую армію, въ г. Мобежъ, осажденный австрійцами, и предложить свои услуги генералу Журдану. Этотъ послѣдній отнесся весьма сочувственно къ предложенному нововведенію. Прошло нѣсколько дней, и «L'Entrepenant», первый военный аэростатъ, вмѣстимостью въ 400 куб. метр., величественно поднялся вверхъ, при громкихъ кликахъ солдатъ, восхищенныхъ невиданнымъ зрѣлищемъ.

Кутель, находившійся въ лодочкѣ, далъ очень подробное описаніе непріятельскихъ укрѣпленій; ни одно движеніе австрійцевъ не могло ускользнуть отъ парящаго въ воздухѣ наблюдателя, вооруженнаго зрительной трубой.

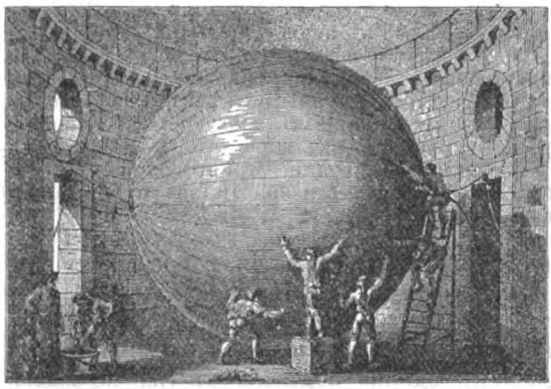


Рис. 29. Лакировка привязного военнаго аэростата въ Медонѣ по способу Кутеля и Де-Конте.

Впечатлѣніе, произведенное видомъ воздушнаго шара на непріятельскую армію, было огромное. Солдаты рѣшили, что французамъ помогаетъ нечистая сила, и замѣтно пріуныли. Что бы ободрить ихъ и показать, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего сверхъестественнаго, австрійскій генералъ приказалъ стрѣлять въ загадочную махину, виднѣвшуюся позади французскаго лагеря. Къ счастью, австрійская артиллерія дѣйствовала плохо: выпущенныя изъ пушекъ ядра не причинили никакого вреда аэростату.

26-го іюля 1794 г. въ битвѣ при Флерюсѣ французы одержали рѣшительную побѣду надъ австрійцами, которыми командовалъ принцъ Кобургскій. Въ этомъ сраженіи несомнѣнныя услуги оказалъ французамъ ихъ военный аэростатъ, поднятый на высоту 1.200 футовъ. Въ лодочкѣ аэростата сидѣли Кутель и дивизіонный генералъ Мороо, безпрерывно доносившіе штабу о всѣхъ замѣченныхъ ими передвиженіяхъ непріятельской арміи,—это обстоятельство являлось выгоднымъ преимуществомъ для республиканской арміи, обусловившимъ до извѣстной степени исходъ упорнаго боя.

Комитетъ общественнаго Спасенія, получивъ извѣщеніе о той полезной службѣ, которую несутъ аэростаты на театрѣ военныхъ дѣйствій, постановилъ организовать второй воздухоплавательный паркъ и учредить національную воздухоплавательную школу въ Медонѣ.

Кутель со своимъ воздушнымъ шаромъ двигался вмѣстѣ съ побѣдоносной французской арміей, вступившей въ предѣлы Германіи. Генералъ Гошъ, смѣнившій Журдана, нашелъ, что аэростаты ему не нужны, и раскассировалъ солдатъ, обслуживавшихъ воздушные шары, по различнымъ полкамъ.

Когда Бонапартъ предпринялъ походъ въ Египетъ, Кутель въ качествѣ воздухоплавателя былъ прикомандированъ къ научной экспедиціи, слѣдовавшей за французскими войсками. Однако воздухоплавателямъ не везло: корабль, на которомъ находились шары и необходимые для нихъ матеріалы, былъ захваченъ англичанами и потопленъ. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ, вообще не придававшій значенія вопросамъ аэронавтики, окончательно упразднилъ военные воздухоплавательные парки и закрылъ школу въ Медонѣ.

Тѣмъ не менѣе эта мѣра не подорвала интереса къ дальнѣйшимъ опытамъ въ области воздухоплаванія. Въ 1797 состоялся въ Парижѣ первый спускъ съ воздушнаго шара на парашютѣ.

Идея парашюта, какъ мы уже видѣли, была далеко не нова. Послѣ

Леонардо да-Винчи и Фауста Веранчіо, попытки практическаго примѣненія этой идеи встрѣчаются за долго до изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ. Такъ, въ царствованіе Людовика XIII, слѣдовательно въ первой половинѣ XVII вѣка, нѣкто Лавэнъ, уроженецъ Савойи, посажен-

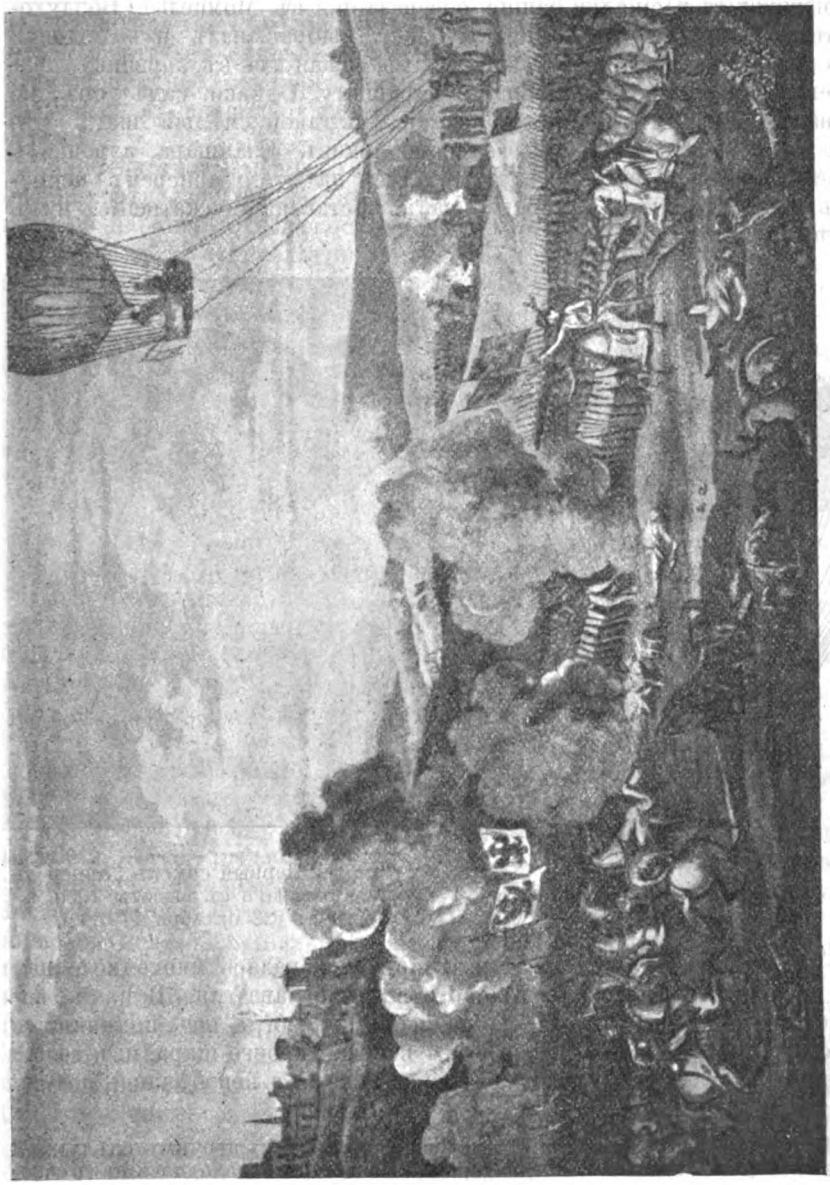


Рис. 30. Битва при Флерюсѣ, во время которой привязной военный шаръ наблюдалъ за движеніями австрійской арміи.

ный въ крѣпость Міоланъ за какое-то преступленіе, сдѣлалъ попытку вырваться на свободу съ помощью парашюта-зонта. Добывъ большой зонтъ, Лавэнъ соединилъ при посредствѣ тонкихъ бичевокъ концы китоваго уса, которыми зонтъ натягивался, съ его рукояткой и, держась за него, прыгнуть со стѣны тюрьмы, въ волны обмывавшаго ее Изера.

Спускъ произошелъ совершенно спокойно, но Лавэнъ былъ замѣченъ стражей и водворенъ обратно въ тюрьму.

Въ 1783 г. физикъ Себастіанъ Ленорманъ бросился внизъ съ верхушки дерева, держа въ каждой рукѣ по большому парашюту діаметромъ въ 30 дюймовъ. Опытъ былъ сдѣланъ удачно и онъ повторилъ его, прыгнувъ съ площадки башни обсерваторіи въ Момпелье. Воздухоплаватель Бланшаръ для потѣхи публики выбрасывалъ изъ лодочки своего аэростата различныхъ животныхъ, сажая ихъ въ корзинку, прикрѣпленную къ маленькому зонтику-парашюту. Однако, самъ онъ не рисковалъ совершить подобный полетъ. На такой смѣлый шагъ рѣшился въ 1797 г. одинъ изъ современниковъ Бланшара, аэронавтъ Жакъ Гарнеренъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, Гарнеренъ испробовалъ свой парашютъ нѣсколько разъ, заставляя спускаться съ нимъ животныхъ *).

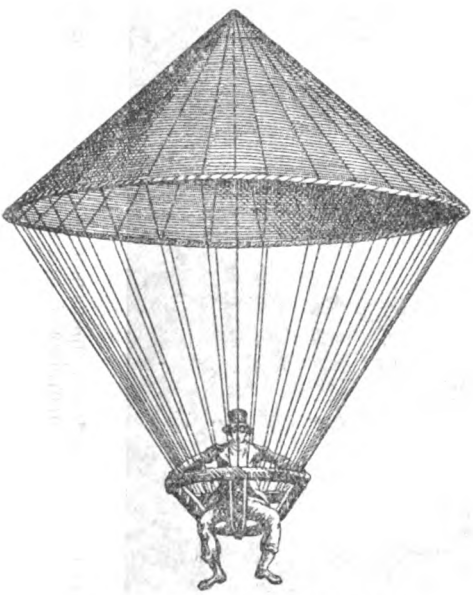


Рис. 31. Парашютъ Себастіана Ленормана.

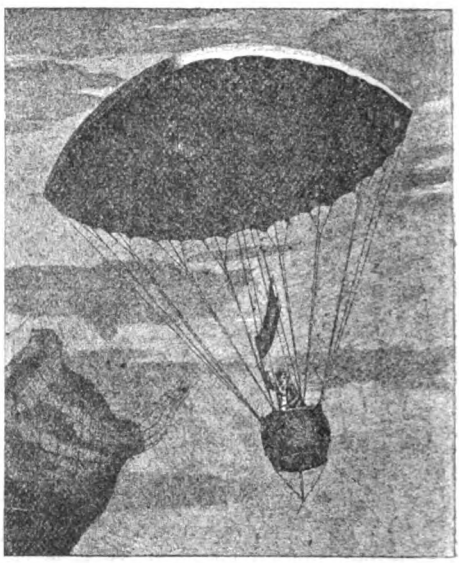


Рис. 32. Первый спускъ Гарнерена на парашютѣ съ высоты 1000 метровъ (22 октября 1797 г.).

22-го октября 1797 г. въ паркѣ Монсо собралась многочисленная толпа посмотрѣть на полетъ молодого воздухоплавателя. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за его движеніями; когда онъ, поднявшись на высоту 1.000 метровъ, перерѣзалъ веревки своего шара, изъ толпы раздались крики ужаса—смерть смѣльчака казалась неизбѣжной, потому

*) При одномъ изъ этихъ опытовъ произошелъ между прочимъ слѣдующій курьезный случай. Однажды, когда аэростатъ Гарнерена находился надъ облаками, былъ спущенъ парашютъ, къ которому была привязана его любимая собака. Вскорѣ парашютъ вмѣстѣ съ собакой погрузился въ облако и исчезъ въ немъ. Спустя нѣкоторое время, когда шаръ Гарнерена сталъ быстро спускаться и попалъ въ то же облако, Гернэренъ услыхалъ гдѣ-то не вдалекѣ отъ себя знакомый лай. Спустившись ниже облака, Гарнеренъ, къ немалому изумленію, увидѣлъ, что парашютъ съ его собакой плаваетъ надъ его аэростатомъ. Такимъ образомъ Гарнерену удалось спуститься на нѣсколько минутъ раньше парашюта.

что парашютъ, за который онъ держался, летѣлъ внизъ съ головокружительной быстротой. Но вотъ парашютъ, развернувшись, замѣтно замедлилъ паденіе и началъ медленно, хотя и не совсѣмъ плавно, опускаться. Гарнеренъ не сдѣлалъ въ своемъ аппаратѣ отверстія для выхода сжатаго воздуха, и этотъ послѣдній, пробиваясь наружу, производилъ сильныя, а вслѣдствіе этого довольно опасныя сотрясенія всего парашюта. Тѣмъ не менѣе, Гарнеренъ благополучно опустился на землю и тотчасъ отправился въ паркъ Монсо, гдѣ толпа устроила ему бурныя оваціи. Астрономъ Лаландъ, находившійся въ числѣ зрителей, побѣжалъ въ академію наукъ сообщить объ удачномъ опытѣ Гарнерена.

Впослѣдствіи Гарнеренъ, а также его племянница Элиза Гарнеренъ неоднократно совершали спускъ на парашютѣ и всегда удачно. Примѣненіе парашюта было послѣднимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ воздухоплаванія въ XVIII столѣтіи. Наступленіе слѣдующаго XIX-го вѣка было отмѣчено въ исторіи воздухоплаванія первыми серьезными попытками воздушныхъ полетовъ съ научными цѣлями. Именно въ 1802 г. знаменитый Гумбольдтъ и Бонпаръ поднялись на аэростатѣ на высоту 5.878 метр. и сдѣлали много интересныхъ наблюденій, измѣряя температуру и барометрическое давленіе въ различныхъ слояхъ атмосферы. Въ слѣдующемъ году физикъ Робертсонъ совершилъ свой первый научный подъемъ въ Гамбургѣ *).

Этотъ полетъ былъ произведенъ на томъ самомъ «L'Entreprenant», который прославился при осадѣ Мобежа и который, по окончаніи войны, былъ проданъ Робертсону. По словамъ Робертсона, ему удалось подняться на высоту 7.400 футовъ, причемъ во время своего путешествія онъ занимался исключительно наблюденіемъ магнитно-электрическихъ явленій. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Робертсонъ пришелъ къ заключенію, что по мѣрѣ удаленія отъ земли сила земного магнитизма уменьшается и притомъ почти пропорціонально съ возрастаніемъ высоты надъ уровнемъ моря.

Это открытіе произвело большую сенсацію въ ученомъ мірѣ; многіе естествоиспытатели усумнились въ правильности наблюденій и выводовъ Робертсона, настаивая на повтореніи опытовъ.

Робертсонъ между тѣмъ отправился въ Петербургъ. Петербургская академія наукъ предложила ему снова совершить полетъ для провѣрки сдѣланныхъ имъ ранѣе наблюденій. Вмѣстѣ съ русскимъ физикомъ Захаровымъ Робертсонъ поднялся на аэростатѣ 18-го іюля 1809 г. и во время полета спеціально занимался наблюденіемъ колебаній магнитной стрѣлки. Оба ученые пришли къ заключенію, что ослабленіе земного магнитизма на большихъ высотахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Лапласъ и другіе ученые энергично оспаривали выводы Робертсона. Тогда для окончательнаго выясненія вопроса парижская академія наукъ рѣшила организовать спеціальный полетъ, выбравъ для этого двухъ своихъ членовъ—Біо и Гэй-Люссака. Во время своего

*) Робертсонъ родился въ Бельгіи, въ Ліежѣ и по окончаніи коллегіи готовился поступить въ духовное званіе. Революція, разразившаяся въ это время, заставила его измѣнить карьеру. Онъ отправился во Францію и посвятилъ себя изученію физики, обращая главное вниманіе на область электрическихъ явленій. Нѣкоторое время онъ былъ профессоромъ въ одномъ провинціальномъ университетѣ, но вскорѣ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ заинтересовался проблемой воздухоплаванія.

путешествія, одного изъ наиболѣе славныхъ въ лѣтописяхъ научнаго воздухоплаванія (20-го августа 1809 г.), эти ученые сдѣлали много чрезвычайно важныхъ научныхъ наблюденій. Они прежде всего доказали, что никакого замѣтнаго уменьшенія въ напряженіи земного магнитизма не замѣчается даже при значительномъ удаленіи отъ земли; ошибка Робертсона, по ихъ мнѣнію, объясняется тѣми трудностями, съ которыми сопряжено наблюденіе колебаній магнитной стрѣлки на воздушномъ шарѣ, который самъ находится въ неустойчивомъ равновѣсіи, такъ какъ подверженъ постояннымъ толчкамъ и сотрясеніямъ всякаго рода.

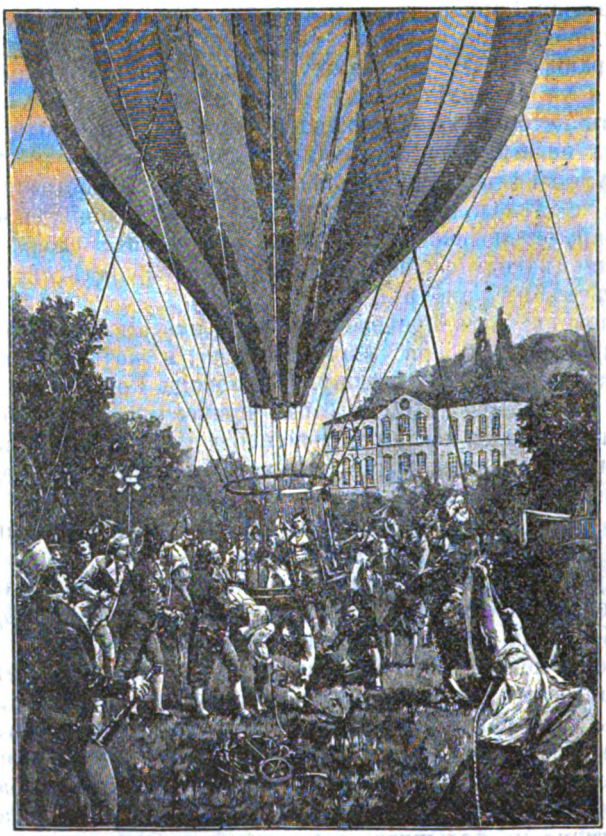


Рис. 33. Подъемъ Гей-Люсака въ Парижѣ 16 сентября 1804 г.

Біо и Гэй-Люссакъ констатировали далѣе прогрессивное уменьшеніе влажности по мѣрѣ поднятія въ болѣе высокіе слои атмосферы, сдѣлали нѣсколько цѣнныхъ наблюденій относительно содержанія электричества въ воздухѣ на различныхъ высотахъ. Наконецъ, сдѣлавъ рядъ термометрическихъ и барометрическихъ наблюденій, ученые наблюдали въ то же время вліяніе уменьшенія давленія на нѣкоторыхъ животныхъ, которыя были ими взяты съ собою.

Это поднятіе было столь богато научными пріобрѣтеніями, что Гэй-Люссакъ 16-го сентября 1804 г. совершаетъ вторичный полетъ; онъ достигъ на этотъ разъ высоты 7.016 метровъ надъ уровнемъ моря, вы-

Рис. 34. Жанъ-Баптистъ Біо.

Рис. 35. Жозефъ-Люи Гей-Люсакъ.

соты, которая долго оставалась не превзойденной послѣдующими воздухоплавателями. Между прочимъ, изъ этого путешествія Гэй-Люссакомъ были принесены двѣ пробы воздуха, взятыя имъ на высотѣ 6.561 и 6.636 метровъ, и анализомъ этихъ пробъ былъ впервые установленъ фактъ тожественности состава воздушной атмосферы на всѣхъ высотахъ.

Къ этому же времени относится и попытки несчастнаго графа Замбеккари разрѣшить проблему управляемаго аэростата. Попытки эти, по самой идеѣ ихъ, были заранѣе обречены на неуспѣхъ, но исторія этого «стоика аэронавта», столь беззавѣтно преданнаго своей идеѣ и принесшаго во имя ея столько жертвъ, интересна сама по себѣ и заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться. Состоя на службѣ въ испанскомъ флотѣ, графъ Замбеккари въ 1787 г. попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ посаженъ въ константинопольскую тюрьму и просидѣлъ въ ней до 1790 г. Сидя въ тюрьмѣ, чтобы разогнать тоску одиночества, Замбеккари сталъ придумывать способъ управленія воздушными шарами и такъ увлекся этимъ вопросомъ, что разрѣшеніе его сдѣлалось для Замбеккари цѣлью его жизни. Замбеккари придумалъ аэростатъ, который по своей идеѣ близко подходилъ къ аэромонгольфьеру Пилатра де-Розье, съ тою лишь разницею, что монгольфьеръ Замбеккари долженъ былъ нагрѣваться спиртовой лампой о 24-хъ фитиляхъ, пламя которой онъ могъ усиливать и уменьшать по желанію, заставляя горѣть то или другое количество фитилей. Этимъ регулировались вертикальныя движенія шара. Роль монгольфьера при этомъ долженъ былъ играть чехолъ, натянутый между экваторіальнымъ кругомъ аэростата и его нижнимъ, привѣснымъ обручемъ. Неудачи Замбеккари начались съ перваго же опыта, во время котораго его шаръ стукнулся о дерево, при чемъ отъ пролившагося спирта на Замбеккари вспыхнула одежда. Объятый пламенемъ, самъ аэронавтъ лишь увеличивалъ подъемную силу шара, и, къ ужасу присутствующихъ, въ числѣ которыхъ находилась его молодая жена и дѣти, шаръ быстро уноситъ его въ облака и исчезаетъ. Но на этотъ разъ Замбеккари удалось какъ-то потушить огонь и пришлось отдѣлаться лишь серьезными ожогами. Съ этого времени Замбеккари, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ энергіей и упорствомъ фанатика не переставалъ повторять опыты съ своимъ шаромъ, потративъ на нихъ все свое состояніе и постоянно рискуя своею жизнью. «Въ лѣтописяхъ аэронавтики,—говоритъ Фламмаріонъ,—нѣтъ болѣе трогательныхъ перипетій, какъ тѣ, жертвою которыхъ сдѣлался графъ Замбеккари, особенно въ его путешествіи 7-го сентября 1804 г., закончившемся въ волнахъ Адріатики» *).

Мы приведемъ подлинный разсказъ самого Замбеккари объ этомъ злополучномъ путешествіи:

„7-го сентября 1804 г.,—говоритъ Замбеккари—послѣ долгихъ мѣсяцевъ выжиданія благопріятнаго времени, невѣжество и фанатизмъ толпы заставили меня пуститься въ путь при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Изнуренный усталостью, ничего не ѣвши впродолженіи цѣлаго дня, съ желчью на устахъ и съ отчаяніемъ въ душѣ, я поднялся въ полночь съ двумя моими спутниками, Андреоли и Грассети на аэростатѣ, лишь на половину наполненномъ газомъ.

„Лампа, предназначенная для того, чтобы увеличивать подъемную силу, сдѣлалась для насъ безполезной. Мы могли наблюдать за состояніемъ барометра только при слабомъ свѣтѣ фонаря, и то очень плохо. Невыносимый холодъ, царившій въ той высокой области, въ которой мы были, истощеніе

*) Тиссандье и Фламмаріонъ. „Путешествіе по воздуху“, пер. съ франц. Мезіеръ. Москва 1899 г., стр. 364.

Годъ XIII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го марта 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр

1. М. Е. САЛТЫКОВЪ (Н. ЩЕДРИНЪ). (Опытъ литературной характеристики). **Вл. Кранихфельда.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) ВѢСТЬ ВЕСНЫ. 2) ЕСЛИ ВИДИШЬ, ЕСЛИ СЛЫШИШЬ. **Ѳ. Поступаева** 40
3. «МАЛЕНЬКАЯ ДРАМА». Разсказъ **А. Крандіевской** . . . 42
4. ИММАНУИЛЪ КАНТЪ. Рѣчь, произнесенная Алоизомъ Риломъ въ актовомъ залѣ университета въ Галле, въ торжественномъ засѣданіи по случаю столѣтія со дня кончины Канта. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Авкс.** 74
5. НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ. (Изъ русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля). Часть 2-я. (Окончаніе). **В. Н. Катинъ-Ярцева** 89
6. ТРУДЪ. Романъ **Ильзы Франанъ.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.** (Продолженіе) 112
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПРИЗЫВЪ. Изъ Маріи Конопницкой. **Е. Чернобаева** 149
8. БУНТЪ. Разсказъ. (Окончаніе). **М. Арцыбашева.** 150
9. ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО. (Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ). (Окончаніе). **Е. Дегена** 183
10. ЗА ОКЕАНОМЪ. Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. (Продолженіе). **Тана.** 209
11. ТАЙНА ЛѢСА. **Густава Гейерстама.** Со шведскаго **К. Ж.** 241
12. РОЛЬ САНИТАРНЫХЪ МѢРОПРІЯТІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ДОЛГОЛѢТІЕ. Проф. **Г. В. Хлопина.** 249
13. КОРЬ. Разсказъ **А. Куприна** 266
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. УЗНИКЪ. **С. Маковскаго.** 286

ОТДѢЛЪ ВТОРОИ.

15. Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. (Опытъ психологической характеристики). **М. Невѣдомскаго.** 1
16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Въ области женскаго вопроса; «Проѣздомъ», раз. В. Вересаева; «Тучки» В. Дмитріевой; «Полуживотное» Елены Белау; «Трудъ» Ил. Франанъ, и др. — Отчего страдаетъ современная женщина.—Излишняя жалость и

стр.

необходимость быть жестокой. — Выходъ одинъ: отстаивать свое право, быть личностью во чтобы то ни стало. **А. Б.** . 33

17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Въ московскомъ земствѣ. — Читальня для босяковъ. — Два доклада. — Прошлое соловецкой тюрьмы.—Къ дѣлу В. М. Дорошевича.—Переходъ общества въ другое вѣдомство. — Послѣдователи г. Крушевана.—Женскій вопросъ въ петербургской думѣ.—Полицейскіе стражники въ Орловской губерніи. — Бакинскіе фабриканты. — Въ харьковскомъ земствѣ.—За мѣсяцъ 45

18. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—мартъ.—«Русская Мысль»—февраль.—«Русское Богатство»—февраль. 62

19. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. II.Манчжурія, **А. Ст—вича** . . 74

20. **За границей.** Беллетристика въ германскомъ рейхстагѣ.—Соціальная политика Германіи и научная поѣздка германскихъ рабочихъ.—Двойственная политика англійскаго кабинета.—Парламентскіе выборы въ Америкѣ. — Американскій идеалъ по Рузвельту.—Итоги клерикальной политики въ Бельгіи.—Дѣло Дрейфуса въ послѣдней стадіи.—Дорого стоющія телеграммы. 86

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Ницше и его болѣзнь.—Защита американскихъ женщинъ. — Абиссинскій способъ открытія преступленій 99

22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. О туберкулезѣ. II. Успѣхи эмбріологіи. **В. Агафонова.** 104

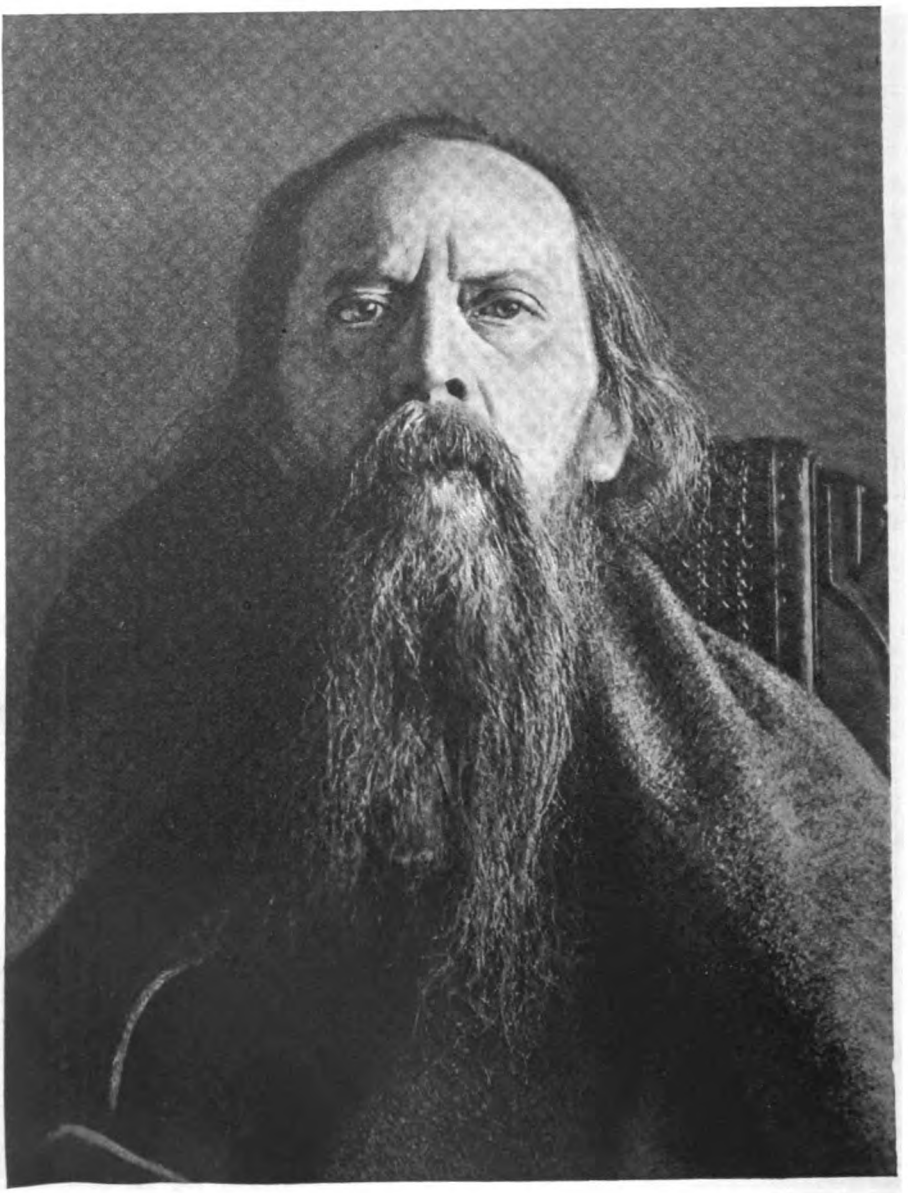
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика — Критика и исторія литературы и искусствъ.—Политическая экономія и соціологія.—Естествознаніе и медицина.—Образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 118

24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 148

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 97

26. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 61



Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

(1826—1889 г.).

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Н. ЩЕДРИНЪ).

(Опытъ литературной характеристики).

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Прошло 15 лѣтъ съ той поры, какъ изъ дрожащихъ рукъ умиравшаго сатирика навсегда выпало перо, выводившее уже неувѣренныя колеблющіяся строки «Забытыхъ словъ», которыя онъ хотѣлъ напомнить читателю-другу, чтобы дать ему новый вдохновляющій лозунгъ въ тяжелой борьбѣ съ современной ему дѣйствительностью. А дѣйствительность эта была суровая, обезцвѣчивающая всѣ краски общественной и индивидуальной жизни, и вспыхнувшему послѣднимъ предсмертнымъ огнемъ взору сатирика она не безъ основанія представлялась въ видѣ однотоннаго, сѣраго, беззвучнаго пространства.

«Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски.

«Удручаютъ сѣрые тоны, но еще больше удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели...» *).

Разумѣется, за 15 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда были написаны только что приведенныя строки, многое, если не въ формахъ, то въ содержаніи русской жизни, измѣнилось: однотонная сѣрая даль запестрѣла красками, явственно зашипѣли гады, расцвѣтились и даже запѣли хоры птицъ. Еще больше перемѣнъ въ общественной жизни Россіи произошло за тѣ 53 года, которые протекли отъ начала литературной дѣятельности Салтыкова, или даже за 48 лѣтъ со времени появленія на страницахъ «Русскаго Вѣстника» «Губернскихъ Очерковъ», съ которыхъ принято считать начало щедринской сатиры. И если

*) „Забытыя слова". „Полное собр. сочиненій М. Е. Салтыкова", т. I. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ цитаты изъ „Полнаго собр. соч." сдѣланы нами по 4-му изданію А. Ф. Маркса, Спб. 1900 г.

подсчитать и учесть всѣ эти измѣненія, происшедшія въ русской общественности за періодъ ея полувѣкового развитія, то въ итогѣ окажется, что многое изъ того, что, годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, добросовѣстно отмѣчалъ нашъ лѣтописецъ-сатирикъ, теперь, въ наши дни, имѣетъ интересъ только историческій. Многое. Но, во-1-хъ, въ томъ огромномъ литературномъ наслѣдствѣ, которое завѣщалъ намъ сатирикъ, это многое является сравнительно лишь малою частью, а во-2-хъ, если бы даже мы могли похвастать счастьемъ радикальнаго разрыва съ наиболѣе темными сторонами нашего недавняго прошлаго, то и тогда разносторонняя сатира этого прошлаго, написанная Салтыковымъ, должна была бы остаться нашей любимой настольной книгой.

Достойно вниманія, что и при жизни сатирика наиболѣе сильно поражали читателя не тѣ картины, которыя онъ писалъ съ живой, истекающей кровью натуры, а тѣ, въ которыхъ онъ рисовалъ явленія, хронологически давно изжитыя и даже какъ бы похороненныя. «Господа Головлевы» и «Пошехонская Старина» недаромъ считаются безсмертными шедеврами русской литературы. Секретъ огромной цѣнности этихъ именно произведеній среди множества другихъ, написанныхъ тѣмъ же перомъ, заключается не въ томъ только, что авторъ, рисуя прошлое, могъ отыскать въ себѣ тѣ запасы объективизма и спокойствія, которые такъ необходимы для художественнаго воспроизведенія жизни, но и въ широкомъ размахѣ мысли, которая въ давно изжитомъ прошломъ умѣетъ отыскать живучіе ростки, цѣпко хватающіеся за будущее и связывающіе мертвое «было» съ еще не народившимся «будетъ» черезъ посредство волнующаго насъ «есть». Только что названныя нами произведенія Салтыкова, трактующія пережитки далекой старины, потому и безсмертны, потому и читаются даже теперь съ захватывающимъ интересомъ, что въ нарисованныхъ тамъ историческихъ картинахъ чувствуется живая современность, которая, въ свою очередь, уже теперь заражаетъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ атмосферу будущаго.

«Люди позднѣйшаго времени скажутъ мнѣ, что все это было и быльемъ поросло, и что, стало быть, вспоминать объ этомъ не особенно полезно»,—писалъ Салтыковъ, объясняя появленіе «Пошехонской Старины» спустя слишкомъ четверть вѣка послѣ отмѣны крѣпостного права.—«Знаю я и самъ, что фабула этой были дѣйствительно поросла быльемъ; но почему же, однако, она и до сихъ поръ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло быльемъ, а продолжаетъ и до днесь тяготѣть надъ жизнью? Фабула исчезла, но въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки... Спрашивается: исчезли ли, вмѣстѣ съ фабулой, эти привычки, эта складка?» *).

*) „Пошехонская Старина", т. XII, стр. 46.

Конечно, на этотъ вопросъ Салтыковъ не только въ «Пошехонской Старинѣ», но и цѣломъ рядѣ другихъ своихъ произведеній можетъ отвѣтить только отрицательно. Авторъ «Пошехонской Старины», авторъ «Исторіи одного города», онъ ни на минуту не могъ бы отвлечься въ область историческихъ развѣдокъ, если бы къ этому не влекли его живые интересы современности и даже—скажемъ точнѣе—интересъ текущаго момента.

2.

Страстный, активно-эмоціональный характеръ Салтыкова влекъ его къ постоянному непосредственному участію въ самой гущѣ жизни. Родись онъ въ Западной Европѣ, изъ него навѣрное выработался бы горячій боевой общественный дѣятель, который одинаково свободно чувствовалъ бы себя всюду, гдѣ только представляется возможность широкаго воздѣйствія на политическую и соціальную жизнь страны. Его голосъ раздавался бы въ общественныхъ собраніяхъ, въ судахъ, на парламентскихъ трибунахъ, его убѣжденное слово распространялось бы въ многочисленныхъ памфлетахъ, его жажда практической работы, съ осязательными, учитываемыми результатами, находила бы себѣ, быть можетъ, временное удовлетвореніе на министерскомъ креслѣ и т. д. Въ Россіи Салтыковъ могъ найти приложеніе этой своей неутолимой жаждѣ только въ двухъ областяхъ—въ литературѣ и въ бюрократіи,—и мы знаемъ, что обѣ эти области были имъ использованы, и обѣ онѣ должны быть приняты въ разсчетъ при оцѣнкѣ его интеллектуальной физіономіи.

Хотя долгій опытъ бюрократической дѣятельности привелъ Салтыкова къ категорическому убѣжденію въ полномъ отсутствіи у бюрократіи творческихъ силъ *), но не надо забывать, что сознательная жизнь Салтыкова началась тогда, когда «неусыпающее движеніе административнаго механизма» многимъ казалось «величественнымъ и плавнымъ», когда «въ любомъ указѣ губернскаго правленія предполагалось больше творческой силы, нежели, напримѣръ, въ произведеніяхъ Гоголя», когда даже такіе «заговорщики», какъ Петрашевскій и Тимковскій, мечтали осуществить свои утопическіе планы при любезномъ содѣйствіи все той же всесильной, казалось, бюрократіи. Огромное значеніе бюрократіи прямо противопоставлялось «безсильной литературной стряпнѣ». Въ то время, какъ указъ губернскаго правленія объявлялъ о рекрутскомъ наборѣ, напоминалъ о своевременномъ взносѣ податей, предписывалъ о пополненіи продовольственныхъ запасовъ, предупреждалъ, угрожалъ, понуждалъ, — словомъ, «и прямо и косвенно врѣзывался въ жизнь множества людей», — дѣйствіе повѣстей Гоголя на большинство

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 50.

читателей «ограничивалось только взрывомъ хохота, и только въ рѣдкихъ случаяхъ производило что-то похоже на отрезвленіе». Къ тому же, для того, чтобы почувствовать и оцѣнить это отрезвленіе, надобно было самому быть достаточно трезвымъ. Такое противопоставленіе бюрократической и литературной работы настолько доминировало въ русскомъ обществѣ, что даже Коршуновъ, «человѣкъ всецѣло литературный, жившій одною жизнью съ русской литературой, не знавшій никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкусившій ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу», даже Коршуновъ долженъ былъ убѣдиться, что «жизнь есть администрація», и, не обижаясь, принять къ свѣдѣнію мнѣніе о ничтожествѣ литературныхъ «интересишковъ»*).

Приставленный къ бюрократической стряпнѣ, сначало независимо отъ собственной воли и желаній, Салтыковъ, кстати сказать, въ своихъ отношеніяхъ къ бюрократіи, до поразительной точности воспроизводитъ біографію своего знаменитаго предшественника Рабле, въ той ея части, которая характеризуетъ отношенія французскаго сатирика къ монашеству. Оба они, и Рабле и Салтыковъ, относятся къ своимъ монастырямъ совершенно отрицательно и притомъ по однимъ и тѣмъ же приблизительно мотивамъ: Рабле въ католическихъ монахахъ, Салтыкова въ дореформенномъ чиновничествѣ, одинаково отталкиваютъ невѣжество, праздность и лицемѣріе, поддерживаемое тамъ іерархіей, здѣсь табелью о рангахъ. Оба они тяготятся окружающей ихъ средой, но остаются въ ней, — одинъ потому, что эта среда представляетъ благопріятную обстановку для его реформаторской работы въ сферѣ «гуманистическихъ» наукъ, культивированіе которыхъ въ эту пору разгара возрожденія признается лучшими умами Франціи единственнымъ живымъ дѣломъ, другой—потому, что эта среда кажется ему лучшимъ поприщемъ для непосредственнаго воздѣйствія на жизнь. Рабле не вынесъ обстановки французскаго монастыря и, преслѣдуемый монахами, которымъ не могли нравиться постоянныя его издѣвательства надъ ними, бѣжалъ. По такимъ же приблизительно мотивамъ оставилъ свою службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и Салтыковъ. И того и другого, однако, скоро потянуло назадъ, причемъ оба, впрочемъ, постарались на этотъ разъ нѣсколько измѣнить тяготившую ихъ первоначальную обстановку: одинъ перемѣнилъ орденъ—францисканцевъ на бенедектинцевъ, другой вѣдомство — министерство внутреннихъ дѣлъ на министерство финансовъ,—въ которомъ онъ могъ разсчитывать на бо́льшую самостоятельность. Но если Рабле удалось теперь же, съ перемѣною ордена, уклониться отъ монастырской жизни и отдать себя всецѣло научной и литературной работѣ, то Салтыковъ, вторично поступивъ на государственную

*) „Сборникъ“, т. V, стр. 547.

службу, долженъ былъ оставаться на ней еще цѣлыхъ 3½ года, прежде чѣмъ отдаться всецѣло, и уже навсегда и безповоротно, литературной дѣятельности.

Подобно Рабле, воздавъ огромными дозами сарказма и смѣха этой, теперь близко знакомой ему, средѣ, которая такъ жестоко обманула его ожиданія, Салтыковъ какъ бы старается наверстать безплодно убитые въ бюрократической кухнѣ дорогіе годы и принимается за литературную работу съ такой колоссальной энергіей, которая тѣмъ болѣе поражаетъ и количествомъ и качествомъ огромной произведенной работы, что съ средины 70-хъ годовъ здоровье его серьезно расшатывается и требуетъ постояннаго и систематическаго леченія.

Разсматривая теперь «весь міръ лишь постольку, поскольку онъ представляетъ матеріалъ для литературнаго воздѣйствія», Салтыковъ, какъ ни одинъ изъ русскихъ, да, пожалуй, какъ ни одинъ изъ писателей всего міра, со страстнымъ напряженіемъ прислушивался къ откликамъ, которые могли дать на его литературную работу тѣ «прекрасные незнакомцы, ради которыхъ русскій писатель волнуется въ своей конурѣ». Исторія его отношеній къ читателю—это сплошной романъ, всѣ главы котораго, при отсутствіи любовной интриги, переполнены той нервозностью, которая характеризуетъ нервныя отношенія пламеннаго любовника. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что писатель только «пописываетъ», а читатель «почитываетъ». Для него литература—это трибуна, съ которой писатель и читатель должны приходить въ самое близкое, непосредственное соприкосновеніе и вмѣстѣ, рука объ руку, взаимно другъ друга поддерживая, идти къ одной общей цѣли. Недаромъ же въ одной англійской статьѣ, напечатанной въ началѣ 80-хъ годовъ въ «Daily News», Салтыковъ трактуется какъ лидеръ дѣйствующей въ Россіи партіи, очень хитро ведущей свое дѣло. Это была завѣдомая неправда, которую Салтыковъ счелъ необходимымъ опровергнуть особымъ письмомъ въ редакцію англійской газеты. Но эта неправда очень въ то же время характерна по отношенію къ человѣку, который вторгался въ жизнь только съ перомъ въ рукѣ, который поддерживалъ свое непрерывное и страстное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, почти не выходя изъ своего кабинета *). За отсутствіемъ всякихъ иныхъ способовъ общенія съ массами общества, сатирикъ въ такой степени высоко оцѣнивалъ значеніе литературы, что къ достоинству ея, послѣ восторженныхъ гимновъ Салтыкова, едва ли можно было бы прибавить хоть одну новую черточку.

*) Здѣсь кстати замѣтить, чтоэ та же статья „Daily News“ пустила въ оборотъ быстро распространившійся затѣмъ въ Россіи совершенно фантастическій разсказъ объ обстоятельствахъ произведеннаго будто бы у Салтыкова обыска, которому онъ никогда, однако, со времени ссылки въ Вятку, не подвергался.

3.

Остановившись на литературѣ, въ которой онъ нашелъ теперь лучшее и даже единственное средство для непосредственнаго вмѣшательства въ водоворотъ жизни, отдавъ ей, литературѣ, свой исключительный талантъ и всѣ огромные запасы своихъ силъ, Салтыковъ, въ своей оцѣнкѣ значенія литературы, усиленно подчеркивалъ ея роль въ устроительствѣ будущаго.

«Литература,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—проводитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. Утопизмъ не пугаетъ ее, потому что онъ можетъ запугать и поставить въ тупикъ только улицу. Типы, созданные литературой, всегда идутъ далѣе тѣхъ, которые имѣютъ ходъ на рынкѣ, и потому-то именно они и кладутъ извѣстную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецѣло находится подъ гнетомъ эмпирическихъ тревогъ и опасеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ типовъ, современный человѣкъ, незамѣтно для самого себя, получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ себѣ новые взгляды, пріобрѣтаетъ новую складку, однимъ словомъ—постепенно вырабатываетъ изъ себя новаго человѣка». *).

Къ этой мысли о высокомъ значеніи литературы для будущихъ поколѣній и о громадной поэтому важности для самой литературы постановки и разработки идеаловъ, которые на языкѣ Салтыкова называются «утопіями», какъ на языкѣ Ничше—«призраками», сатирикъ на протяженіи своей долгой литературной дѣятельности возвращается много разъ. И это въ высшей степени характерно для него. Неутомимый борецъ противъ зла, поражающаго современность, онъ, подобно Ничше, чувствуетъ себя чужимъ въ «странѣ отцовъ и матерей» и всѣми силами души своей тяготѣетъ къ «странѣ дѣтей». И если бы понадобилось найти эпиграфъ, который долженъ былъ бы украсить полное собраніе сочиненій Салтыкова, мы не могли бы рекомендовать ничего лучше, ничего характернѣе для опредѣленія литературной дѣятельности Салтыкова, какъ слѣдующія слова Заратустры:

«Höher als die Liebe zum Nächsten steht die Liebe zum Fernsten und Künftigen; höher noch als die Liebe zu Menschen gilt mir die Liebe zu Sachen und Gespenstern» **).

Салтыковъ является для насъ типичнымъ представителемъ «любви къ дальнему», въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. И всѣ достоинства, всѣ недостатки, даже самый характеръ его литературной дѣятельности легко могутъ быть сведены къ этому основному тезису.

---

*) „Итоги“, т. X, стр. 679.

**) „Выше; чѣмъ любовь къ ближнему, стоитъ любовь къ дальнему и будущему; еще выше, чѣмъ любовь къ людямъ, цѣню я любовь къ вещамъ и призракамъ“. „Такъ говорилъ Заратустра“.

Еще въ самомъ началѣ своей литературной карьеры Салтыковъ счелъ необходимымъ какъ бы оправдаться передъ читателемъ въ томъ, что изъ всѣхъ видовъ литературнаго творчества онъ остановился именно на сатирѣ. «Много есть путей служить общему дѣлу,—писалъ онъ,—но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе добру и истинѣ» *).

Въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ мотивировалъ свое сатирическое отношеніе къ современности Салтыковъ въ 1856 г., а много лѣтъ спустя ту же мысль, но уже въ категорической и дерзки-смѣлой формѣ, устами Заратустры, формулировалъ Ничше: «Не щади своего ближняго!—такъ повелѣваетъ моя великая любовь къ дальнему».

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ активная любовь къ дальнему, стремленіе воплотить это дальнее, т.-е. то, что на языкѣ Салтыкова носитъ названіе утопій, въ жизнь, не предполагаютъ сами по себѣ, какъ необходимаго условія, полнаго разрыва съ ближнимъ и даже борьбы съ нимъ? А Салтыковъ уже въ дѣтствѣ вступилъ въ разладъ съ окружавшей его крѣпостной обстановкой во имя евангельскаго идеала, на смѣну которому впослѣдствіи пришли утопическія построенія Фурье и Сенъ-Симона, положившія неизгладимую печать на всю его нравственную физіономію.

4.

Сатирикъ съ первыхъ же, еще неувѣренныхъ шаговъ литературной карьеры, Салтыковъ осуществляетъ это свое, можно сказать, провиденціальное назначеніе въ такой степени послѣдовательно и стойко, что, кажется, онъ нигдѣ не измѣняетъ себѣ. Даже въ частной бесѣдѣ или перепискѣ, даже въ вице-губернаторскомъ креслѣ онъ остается сатирикомъ, острое зрѣніе котораго не можетъ мириться съ противорѣчіями между тѣмъ, что есть и что должно быть. «Противорѣчіями» названа его первая юношеская повѣсть, противорѣчія онъ отмѣчаетъ затѣмъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, не разбрасываясь въ стороны и не насилуя своего таланта какими-нибудь иными, несродными ему задачами. Быть можетъ, этой послѣдовательной и огромной при этомъ работой въ одномъ неизмѣнномъ направленіи возможно объяснить то удивительное явленіе, что талантъ писателя замѣтно и непрерывно растетъ, растетъ даже тогда, когда физическія силы окончательно измѣняютъ писателю и когда, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, самое существованіе его является однимъ сплошнымъ мучительнымъ страданіемъ.

Рано начавшаяся литературная карьера Салтыкова рано же позна-

*) „Губернскіе Очерки“, т. I, стр. 120.

комила его и съ терніями, которыми щедро усыпанъ путь русскаго писателя. Едва успѣла появиться въ свѣтъ вторая его повѣсть—«Запутанное дѣло», какъ онъ долженъ былъ провести цѣлыхъ восемь лѣтъ въ Вяткѣ, вдали отъ жизни и интересовъ, съ которыми онъ по выходѣ изъ лицея успѣлъ сродниться. Другая сторона литературной карьеры—такъ называемая «слава» писательская—открылась для него, когда онъ началъ, въ 1856—57 годахъ, печатать на страницахъ «Русскаго Вѣстника» «Губернскіе Очерки». Новыя и сильныя слова, которыми заговорилъ «надворный совѣтникъ Щедринъ»—этимъ псевдонимомъ подписывалъ Салтыковъ «Губернскіе Очерки»—произвели сильное впечатлѣніе на широкіе круги читателей. Обратила вниманіе на писателя и и критика, причемъ послѣдняя, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ въ то время своихъ представителей—Добролюбова и Чернышевскаго—дала Щедрину въ высокой степени сочувственную оцѣнку. Однако положеніе его въ литературныхъ кружкахъ было въ это время далеко не устойчивымъ. Часъ для полной и правильной оцѣнки новаго таланта еще не наступилъ, и сочувственные для Салтыкова отзывы ни мало не мѣшали совершенно отрицательному къ нему отношенію даже со стороны людей одинаковаго приблизительно съ нимъ настроенія и тонкаго художественнаго вкуса.

Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, датированномъ 8 марта 1857 г., категорически и рѣзко заявляетъ, что «если г. Щедринъ имѣетъ успѣхъ, то, говоря его словами, писать уже «не для-че». Пусть публика набиваетъ себѣ брюхо этими прянностями.—На здоровье!» *).

Не менѣе ядовитый отзывъ о Салтыковѣ далъ въ этомъ же году (27 іюня 1857 г.) въ частномъ письмѣ къ Тургеневу и Некрасовъ. «Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи,—писалъ Некрасовъ:—сущій пуфъ. Эти водовозы и проч. едва умѣютъ писать по-русски. Геній эпохи—Щедринъ—туповатый, грубый и страшно зазнавшійся господинъ. Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя. Противно раскрывать журналы,—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ—однообразно и бездарно» **). Спустя семь лѣтъ подобные же приблизительно взгляды высказалъ уже въ печати Писаревъ въ своей статьѣ—«Цвѣты невиннаго юмора»,—заглавіе которой въ достаточной степени характеризуетъ ея содержаніе.

Не останавливаясь сейчасъ на вопросѣ о томъ, какіе поводы могъ дать самъ Салтыковъ для такой жестокой оцѣнки его литературныхъ дебютовъ, мы здѣсь отмѣтимъ только, что эти, быть можетъ, самые злые и ужъ, конечно, самые талантливые его критики должны были капитулировать передъ силою его выроставшаго дарованія.

---

*) „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева". Спб. 1885 г. Письмо къ Е. Я. Колбасину, стр. 50.

**) „Русская Старина" 1897 г., кн. XI: „На зарѣ крестьянской свободы", К.

Всегда чуткій къ «новооткрытымъ» и даже къ неоткрытымъ талантамъ, Некрасовъ капитулировалъ первымъ. Онъ очень скоро понялъ и постарался исправить свою ошибку: такъ неудачно оцѣненный имъ въ 1857 г. сатирикъ съ 1859 г. дѣлается постояннымъ сотрудникомъ его журнала, а въ началѣ 1863 г. мы видимъ Салтыкова уже, рядомъ съ Некрасовымъ, во главѣ «Современника», а затѣмъ, съ 1868 г. во главѣ и «Отечественныхъ Записокъ». Въ томъ же 1868 г. переходитъ въ «Отечественныя Записки» и Д. И. Писаревъ, этимъ фактомъ свидѣтельствуя о коренномъ измѣненіи своего взгляда на осмѣяннаго имъ раньше писателя, который сталъ теперь руководителемъ журнала. Что касается Тургенева, то объ его абсолютной капитуляціи передъ огромнымъ дарованіемъ сатирика говорятъ намъ его собственныя признанія, сдѣланныя имъ какъ въ частной перепискѣ, такъ и въ печати *). Онъ понялъ, что область, отмежеванная сатирикомъ въ русской словесности, имѣетъ всѣ права на самостоятельное, независимое существованіе и что въ этой области Салтыковъ «неоспоримый мастеръ и первый человѣкъ» **). «Невольно» задаваясь вопросомъ, «отчего Салтыковъ, вмѣсто очерковъ, не напишетъ крупнаго романа съ группировкой характеровъ и событій, съ руководящей мыслью и широкимъ исполненіемъ», Тургеневъ здѣсь же и отвѣчаетъ себѣ: оттого, «что романы и повѣсти — до нѣкоторой степени пишутъ другіе, а то, что дѣлаетъ Салтыковъ—кромѣ его нѣкому» ***).

Одержавъ блестящую побѣду надъ такими мощными супостатами, какими являлись три названныхъ нами писателя, Салтыковъ быстрыми и увѣренными шагами подвигался впередъ, поднимаясь все выше и выше къ тѣмъ высотамъ литературы, съ которыхъ огромное значеніе писателя становится уже безспорнымъ даже для несогласно съ нимъ мыслящихъ жителей долинъ. Правда, и теперь еще изъ литературныхъ подворотенъ выскакиваютъ иногда маленькія, но неистовыя существа, которыя раздраженно тявкаютъ по направленію къ вершинѣ, на которой возвышается огромная фигура сатирика ****). Но существа эти, несмотря на всклокоченность ихъ шерсти, столь малы, слабое тявканіе ихъ столь одиноко и незамѣтно, что въ хорѣ человѣческихъ голосовъ, составляющихъ въ совокупности русскую литературу, они нико-

---

*) Печатный отзывъ о Салтыковѣ Тургеневъ далъ по поводу „Исторіи одного города“ въ № 19 англійскаго журнала „The Academy“ за 1871 г.

**) „Первое собраніе писемъ“. Письмо къ М. Е. Салтыкову 9 апрѣля 1873 г., стр. 217.

***) Ibid. Письмо къ М. Е. Салтыкову 28 октября 1875 г., стр. 267.

****) Для примѣра укажемъ хотя бы на, съ позволенія сказать, „Исторію русской литературы“ г. Николая Энгельгардта, гдѣ щедринская сатира обличается въ „совершенно безсодержательномъ зубоскальствѣ“ (т. II, стр. 223), „чрезвычайной мелководности“ (стр. 224) и въ другихъ тому подобныхъ противъ „Исторіи русской литературы Николая Энгельгардта“ грѣхахъ.

имъ образомъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ. Фактъ общепризнанности огромного литературнаго достоинства и общественнаго значенія сатиры Салтыкова остается фактомъ, а если въ то же время мы должны считаться и съ тѣневыми сторонами дѣятельности писателя, то это значитъ только, что и на солнцѣ есть пятна.

Къ сожалѣнію, не взирая на эту общепризнанность значенія сатирика, а, можетъ быть, даже благодаря ей, наша литература не дала до сихъ поръ сколько-нибудь исчерпывающей характеристики Салтыкова. Мало того. Чуть ли не ежедневно упоминая имя сатирика и безконечно цитируя его на столбцахъ и страницахъ періодическихъ органовъ, наша литература не приложила никакихъ стараній даже для того, чтобы освѣжить въ сознаніи новыхъ поколѣній самый образъ писателя. Неудивительно поэтому, что въ памяти современнаго молодого читателя рѣзко очерченная литературная физіономія сатирика въ значительной степени потускнѣла и, среди менѣе яркихъ, но ближе къ нему, читателю, стоящихъ новыхъ литературныхъ дѣятелей, какъ-то отодвинулась и затерялась.

Заполнить хотя бы отчасти этотъ серьезный пробѣлъ въ нашей литературѣ и такимъ образомъ побудить читателя вновь протоптать заростающую нынѣ тропу къ величественному памятнику, который воздвигъ себѣ сатирикъ изъ своихъ значительныхъ по размѣрамъ таланта произведеній, и составляетъ задачу настоящей работы.

I.

Автобіографическое значеніе „Пошехонской Старины“ и „Господъ Головлевыхъ“.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15 января 1826 г. въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, въ селѣ Спасъ-Уголъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи.

О первыхъ и самыхъ, конечно, рѣшающихъ годахъ жизни писателя, проведенныхъ имъ въ тиши деревенскаго захолустья, нѣтъ почти никакихъ извнѣ сообщенныхъ біографическихъ свѣдѣній. Но скудость ихъ въ огромной степени искупается той удивительной по яркости воспроизведенія картиной вскормившей его семейной обстановки, которая дана самимъ сатирикомъ въ «Пошехонской Старинѣ» и частью въ «Господахъ Головлевыхъ». Правда, во введеніи къ «Пошехонской Старинѣ» Салтыковъ на первой же страницѣ проситъ читателя не смѣшивать личности автора съ личностью Никанора Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ, и утверждаетъ, что автобіографическаго въ этомъ разсказѣ мало, что онъ является просто сводомъ жизненныхъ наблюденій, гдѣ чужое перемѣшано со своимъ и гдѣ въ то же время дано мѣсто и вымыслу. То же приблизительно, какъ передаетъ д-ръ Бѣлоголовый, говоритъ Салтыковъ и о «Господахъ Головлевыхъ», гдѣ, по его словамъ, воспроизведены изъ дѣйствительности только нѣкоторые типы родственниковъ

автора и отчасти нѣкоторые эпизоды ихъ семейной вражды и ссоры, но въ развитіи фабулы повѣсти и въ изображеніи судьбы дѣйствующихъ лицъ допущено много вымысла *).

Эти предупрежденія писателя, особенно по отношенію къ «Пошехонской Старинѣ», можно принять, однако, лишь съ большими оговорками. Вполнѣ понятно, что въ широкихъ картинахъ развернутой въ названныхъ произведеніяхъ жизни правда житейская должна была во многихъ случаяхъ стушеваться и отступить передъ требованіями правды художественной, тѣмъ болѣе, что и задачи, стоявшія передъ писателемъ, были совсѣмъ не таковы, чтобы точность автобіографическаго матеріала можно было бы ставить на первый планъ. Вѣдь какъ никакъ, а «Пошехонская Старина»—все таки сатира, причемъ самая тема этого произведенія, какъ и всѣхъ другихъ, выходившихъ изъ подъ пера сатирика, навѣяна не случайными личными настроеніями автора, а живыми общественными злобами переживаемаго дня. И вдумчивый читатель того времени очень хорошо понималъ, что еще лѣтъ за десять передъ этимъ Салтыкову, вѣроятно, и въ голову не приходило, что онъ сдѣлается лѣтописцемъ «Пошехонской Старины». «Но времена значительно измѣнились—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Салтыковѣ Л. Ѳ. Пантелѣевъ:—что считалось навсегда похороненымъ, да еще съ печатью заклейменія, то вдругъ стало предметомъ реабилитаціи и идеализаціи. Отвѣтомъ на это теченіе и явилась «Пошехонская Старина» **). Такимъ образомъ, вполнѣ естественно предположить, что въ картинѣ дѣйствительной жизни, взятой въ основу этого произведенія, мѣстами должны быть сгущены краски, мѣстами измѣнена перспектива въ размѣщеніи матеріала и т. д.

И тѣмъ не менѣе многое въ этой поистинѣ художественной сатирѣ до такой степени мало отклоняется отъ дѣйствительности, что смѣло, безъ риска сколько-нибудь серьезныхъ погрѣшностей, можетъ быть принято за правдивый автобіографическій разсказъ.

Тотъ же Л. Ѳ. Пантелѣевъ, воспоминанія котораго мы только что цитировали, свидѣтельствуетъ о болѣзненной страстности, съ какою относился писатель къ персонажамъ «Пошехонской Старины».

«— Ахъ, поскорѣе бы кончить,—говорилъ ему сатирикъ, когда «Пошехонская Старина» находилась, такъ сказать, въ процессѣ творчества:—не даютъ мнѣ покоя (персонажи сатиры), все стоятъ передо мной, двигаются; только тогда и перестаютъ, когда кто-нибудь совсѣмъ сходитъ со сцены».

Конечно, это были не отвлеченные продукты фантазіи, такъ властно втянувшіе автора въ интересы своего безплотнаго существованія,—это

---

*) Н. А. Бѣлоголовый „Воспоминанія и другія статьи". М. 1897 г., стр. 229.

**) „Изъ Воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ" Л. Пантелѣева, „Сынъ Отечества" 1899 г. №№ 111 и 112.

были живые образы, которые теперь, изъ глубинъ далекаго прошлаго, встали передъ писателемъ и снова крѣпко стянули тѣ давно ослабѣвшія и даже, казалось, порванныя нити, какими когда-то переплеталось ихъ земное бытіе съ радостями, горемъ и страданіями молодой жизни Салтыкова. И дѣйствительно, какъ утверждаетъ Н. К. Михайловскій, близко стоявшій къ Салтыкову въ этотъ періодъ его жизни, сатирика въ это время «посѣтила старческая память, при которой образы и картины прошлаго встаютъ какъ живые во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ... Воспоминанія дѣтства, помимо его воли, всплывали на поверхность сознанія и овладѣли имъ съ такою силой, что едва ли могъ бы онъ приняться за что либо другое, не сваливъ предварительно хоть части этого груза на бумагу» *).

Вмѣстѣ съ Михайловскимъ автобіографическое значеніе «Пошехонской Старины» подтверждаютъ и другія лица, которыя лично знали Салтыкова и которымъ такъ или иначе приходилось критически сопоставлять автобіографическія указанія «Пошехонской Старины» съ изустными разсказами сатирика. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ—пишетъ К. К. Арсеньевъ—что «Пошехонская Старина» даетъ вѣрную картину умственнаго и нравственнаго развитія Салтыкова, доведенную, къ сожалѣнію, только до окончанія домашняго воспитанія, т. е. до десятилѣтняго возраста» **). То же самое утверждаетъ и С. Н. Кривенко, по словамъ котораго многое изъ того, что Салтыковъ лично разсказывалъ при жизни воспроизведено имъ съ буквальной точностью въ «Пошехонской Старинѣ» ***). Это послѣднее свидѣтельство г. Кривенки подтверждается и нѣкоторыми опубликованными документами, каковы во 1-хъ воспроизведенное К. К. Арсеньевымъ въ «Матеріалахъ для біографіи» частное письмо Салтыкова къ одному изъ близкихъ его знакомыхъ, датированное 14-мъ января 1887 г. ****) и во 2-хъ, біографическій очеркъ, напечатанный, съ вѣдома Салтыкова, въ VIII выпускѣ «Русской Библіотеки» за 1878 г. Эти документы любопытны для насъ въ томъ отношеніи, что оба они содержатъ нѣкоторыя біо-

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“ т. V 235. Спб, 1897 г.

**) „Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова“ при I томѣ „Полнаго Собранія сочиненій Салтыкова“, стр. 12.

***) „М. Е. Салтыковъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Біографическій очеркъ С. Н. Кривенко. Спб. 1896 г., стр. 12.

****) Вотъ это письмо: „15-го января 1826 года у коллежскаго совѣтника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ. Принимала бабка повитушка Ульяна Ивановна, калязинская мѣщанка. Крестилъ священникъ села Спасъ-Уголъ Иванъ Яковлевичъ Новоселовъ; воспріемниками были: Угличскій мѣщанинъ Дмитрій Михайловъ Курбатовъ и дѣвица Марья Васильевна Салтыкова. При крещеніи Курбатовъ пророчествовалъ: „сей младенецъ будетъ разгопникъ женскій“. По этому случаю приглашаетесь вы съ фамиліей завтра въ четвергъ вечеромъ для присутствованія при всенощномъ бдѣніи въ домѣ № 62, на Литейной“.

графическія указанія, которыя затѣмъ вплоть до собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ, легко угадываются, а то и прямо повторяются въ «Пошехонской Старинѣ».

Если мы къ этому прибавимъ, что и въ другихъ произведеніяхъ сатирика нерѣдко попадаются отдѣльныя вскользь брошенныя автобіографическія указанія, которыя повторяются и въ «Пошехонской Старинѣ», причемъ здѣсь всѣ они относятся уже къ Никанору Затрапезному, то все это, вмѣстѣ взятое, должно установить для насъ почти полную идентичность личности послѣдняго съ личностью самаго Салтыкова. И такимъ образомъ, пользуясь данными «Пошехонской Старины», подъ контролемъ другихъ безусловно достовѣрныхъ, но менѣе детальныхъ біографическихъ указаній, мы можемъ дать болѣе или менѣе точный очеркъ дѣтскаго періода жизни писателя, до поступленія его въ московскій дворянскій институтъ.

II.

Предки и родители М. Е. Салтыкова.

О предкахъ писателя, съ отцовской стороны, можно, безъ какихъ бы то ни было поправокъ, принять имъ самимъ данную характеристику. Это былъ старинный дворянскій родъ, ничѣмъ особеннымъ себя не проявившій. «Въ пограничныхъ городахъ и крѣпостяхъ не сидѣли, побѣдъ и одолѣній не одерживали, крестъ цѣловали по чистой совѣсти, кому прикажутъ, безпрекословно. Вообще, не покрыли себя ни славою, ни позоромъ. Но зато ни одинъ изъ нихъ не былъ битъ кнутомъ, ни одному не выщипали по волоску бороду, не урѣзали языка и не вырвали ноздрей». Однимъ словомъ, это были настоящіе помѣстные дворяне, люди смирные и уклончивые, забившіеся въ глушь, чтобы здѣсь, вдалекѣ отъ честолюбивой игры знатныхъ дворянскихъ родовъ, безъ шума собирать дани съ кабальныхъ людей и, при помощи этихъ скромныхъ, но зато надежныхъ рессурсовъ, мирно плодиться. Иногда ихъ расплодилось множество, и они становились въ ряды захудалыхъ; но, по временамъ, словно моръ настигалъ ихъ расплодившіяся гнѣзда, и въ рукахъ какой-нибудь пощаженной отрасли сосредоточивались имѣнія и маетности остальныхъ. И только вслѣдствіе такихъ чисто стихійныхъ причинъ происходили колебанія въ положеніи Салтыковыхъ среди другихъ помѣстныхъ дворянъ ихъ захолустья: захудалые и зацвѣтшіе они вновь расцвѣтали и играли въ своемъ мѣстѣ видную роль.

Отецъ писателя, Евграфъ Васильевичъ Салтыковъ, имѣлъ несчастье появиться на свѣтъ въ семьѣ, которая, въ силу только что указанныхъ причинъ, должна была только что расцвѣтшихъ Салтыковыхъ снова обезцвѣтить и превратить въ захудалыхъ. Членъ хотя и взысканный фортуной, но многочисленной семьи, онъ, послѣ смерти отца, спустился на степень дворянина средней руки. И такъ какъ Салты-

ковы вообще личной своей энергіей въ устроеніи своей судьбы не участвовали, покоряясь всецѣло капризамъ распоряжавшихся ими случайностей, то и Евграфу Васильевичу не откуда было почерпнуть силъ для борьбы за свое поколебавшееся благополучіе.

Безвольный питомецъ крѣпостного режима, дававшій себѣ единственный трудъ—жевать и глотать то, что подносили ему въ готовомъ видѣ подневольныя руки рабовъ, онъ представлялъ изъ себя, по крайней мѣрѣ, ко времени появленія на свѣтъ Михаила Евграфовича, величину настолько ничтожную и незамѣтную, что въ громадныхъ полотнахъ прошлаго, написанныхъ его сыномъ, ему отведены самыя жалкія по пространству, хотя и яркія по силѣ изобразительности, мѣста. Василій Порфирычъ Затрапезный въ «Пошехонской Старинѣ» и Владиміръ Михайловичъ Головлевъ въ «Господахъ Головлевыхъ»—это два превосходныхъ портрета, написанныхъ съ одной и той же натуры, которой несомнѣнно служилъ для писателя его родной отецъ—коллежскій совѣтникъ Евграфъ Васильевичъ.

По своему времени порядочно образованный, свободно владѣвшій иностранными языками, онъ представлялъ типичную для послѣдняго предсмертнаго періода крѣпостного права фигуру дворянина - идеалиста, тяготившагося своимъ участіемъ въ окружающей его атмосферѣ насилія и наживы. Подавлявшей его реальной обстановкѣ онъ пытался, очевидно, противопоставить свой собственный міръ, созданный его фантазіей на фундаментѣ неясныхъ для него самого порывовъ и стремленій. Но фундаментъ оказался слишкомъ непрочнымъ, и всѣ его порывы, еще съ молодыхъ лѣтъ, принимали формы безалаберности и даже озорства. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную. Любилъ запираться у себя въ кабинетѣ и тамъ, спрятавшись отъ взоровъ постороннихъ, подолгу предавался занятіямъ, которыя должны были удовлетворять идеальнымъ стремленіямъ его природы, чуждой всякаго практическаго смысла. Онъ подражалъ здѣсь пѣнію птицъ, перечитывалъ старыя газеты, сочинялъ такъ называемые «вольные стихи», причемъ, въ минуты откровенныхъ изліяній, хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній будто бы даже благословлялъ его на одрѣ смерти. Независимо отъ стихотворныхъ упражненій, онъ попивалъ и охотно подкарауливалъ въ корридорѣ сѣнныхъ дѣвушекъ. Рядомъ съ этимъ, съ годами, развивалась въ немъ и mania religiosa, которая, впрочемъ не шла дальше увлеченія формальной обрядовой стороной религіи, а въ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ выражалась предпочтеніемъ, передъ другими видами наказаній, къ эпитиміямъ въ родѣ, напримѣръ, приказанія провинившемуся повару отбивать земные поклоны въ теченіе барскаго обѣда.

Вотъ этотъ-то обезсиленный обломокъ стариннаго дворянскаго рода, задумавъ сдѣлаться его продолжателемъ, остановилъ свой выборъ, къ

несчастью для себя, но къ счастью для слѣдующаго поколѣнія Салтыковыхъ, на юной купеческой дочери Ольгѣ Михайловнѣ Забѣлиной.

Бракъ этотъ былъ результатомъ не сердечнаго влеченія, а соображеній чисто матеріальнаго свойства: Евграфъ Васильевичъ имѣлъ въ виду при помощи богатаго приданаго поправить свои разстроенныя дѣла. Но плохой практикъ, онъ и здѣсь ошибся въ своихъ разсчетахъ и въ итогѣ супружескія отношенія сложились въ одну непрерывную семейную войну, побѣда въ которой оказалась, разумѣется, на сторонѣ «купчихи».

Ольга Михайловна (она же Анна Павловна въ «Пошехонской старинѣ» и Арина Петровна въ «Господахъ Головлевыхъ») была во всѣхъ отношеніяхъ полной противоложностью своему мужу. Воспитанная въ средѣ, въ которой земныя блага, въ видѣ болѣе или менѣе округленныхъ деревенекъ съ человѣческими «душами», не доставались по праву рожденія, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, а добывались цѣною личныхъ трудовъ и усилій, она принесла съ собой въ чужую для нея семью огромный запасъ энергіи и неутолимую жажду дѣятельности. Необразованная, далекая отъ какихъ бы то ни было идеальныхъ порывовъ, она необыкновенно цѣпко хваталась за дѣловую практическую сторону жизни, гдѣ она чувствовала себя въ своей привычной сферѣ. Убѣдившись разъ навсегда, что мужъ ей — не товарищъ, она все вниманіе свое устремила исключительно на одинъ пунктъ: на округленіе имѣнія, и дѣйствительно, въ теченіе продолжительной супружеской жизни она не только привела въ порядокъ разстроенное имѣніе мужа, но успѣла значительно увеличить фамильное состояніе, прикупивъ нѣсколько сосѣднихъ имѣній.

Положеніе ея въ чужой семьѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ супружества было до крайности безпомощное и приниженное. При этомъ, къ чести Евграфа Васильевича, домомъ котораго всецѣло управляли его сестры, надобно сказать, что онъ меньше, чѣмъ кто-либо другой, участвовалъ въ созданіи жалкаго положенія своей жены. Въ большинствѣ случаевъ роль его была совершенно пассивна, а если онъ и вступалъ иногда, выведенный изъ себя, въ ряды воюющихъ, то во всякомъ случаѣ для того только, чтобы осадить своихъ не знавшихъ мѣры въ насмѣшкахъ надъ Ольгой Михайловной сестрицъ. Эти послѣднія безпрестанно ставили на видъ Ольгѣ Михайловнѣ и обманутыя надежды на приданое, и невѣжество ея, и «низкое» происхожденіе, такъ что юная «купчиха», какъ ее звали члены семьи, должна была чувствовать себя въ домѣ травленнымъ звѣремъ. Въ довершеніе всего, пользуясь ея молодостью и неопытностью, ее довольно недвусмысленно оттирали отъ единственно доступной и манившей ее сферы хозяйственнаго устроительства, гдѣ только она и могла во всемъ блескѣ проявить свои недюженныя въ сущности силы. Только путемъ медленныхъ и постепенныхъ завоеваній эта властная и въ сильной степени одаренная творчествомъ

женщина подчинила себѣ своихъ домашнихъ враговъ, и въ то время когда началъ себя помнить двойникъ Щедрина—Никаноръ Затрапезный, командиршей въ домѣ была исключительно она одна. «Золовки (причинившія ей въ свое время особенно много горя и непріятностей) были доведены до безмолвія и играли роль приживалокъ. Отецъ тоже стушевался; однако-жъ сознавалъ свою приниженность и отплачивалъ за нее тѣмъ, что при всякомъ случаѣ осыпалъ матушку безсильною руганью и укоризнами. Въ теченіе цѣлаго дня они почти никогда не видались; отецъ сидѣлъ безвыходно у себя въ кабинетѣ и перечитывалъ старыя газеты; мать въ своей спальнѣ, писала дѣловыя письма, считала деньги, совѣщалась съ должностными людьми и т. д. Сходились только за обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, и тутъ начинался настоящій погромъ. Къ несчастью, свидѣтелями этихъ сценъ были и дѣти. Иниціатива брани шла всегда отъ отца, который, какъ человѣкъ слабохарактерный, не могъ выдержать и первый, безъ всякой наглядной причины, начиналъ семейную баталію. Раздавалась брань, припоминалось прошлое, слышались намеки, непристойныя слова. Матушка почти всегда выслушивала молча, только верхняя губа у нея сильно дрожала... Такія сцены повторялись почти каждый день» *).

Съ этой яркой картиной супружескихъ отношеній, установившихся между отцомъ и матерью писателя, нельзя не сопоставить здѣсь нѣсколькихъ штриховъ, которыми Салтыковъ характеризуетъ [послѣдній фазисъ совершенно аналогичныхъ отношеній въ семьѣ Головлевыхъ. Глава семьи, все дальше и дальше уходившій на задній планъ, рисуется тамъ уже дряхлымъ старикомъ, почти не оставлявшимъ постели. «А если изрѣдка онъ и выходилъ изъ спальной, то единственно для того, чтобы просунуть голову въ полуратворенную дверь женниной комнаты, крикнуть: «чортъ!»—и опять скрыться» **). Это вполнѣ естественный эпилогъ, къ которому должны были придти и взаимныя отношенія четы стариковъ Салтыковыхъ, и возможности его ни мало не противорѣчатъ сказанныя Никаномъ Затрапезнымъ въ другомъ мѣстѣ слова, утверждающія, что въ концѣ концовъ «самъ отецъ, видя возрастаніе семейнаго благосостоянія, примирился съ неудачнымъ бракомъ, и хотя жилъ съ женой несогласно, но вполнѣ подчинился ей» ***).

III.

Общая характеристика положенія дѣтей въ домѣ Салтыковыхъ.

Само собой разумѣется, что разладъ, такъ грубо расколовшій на двѣ враждующія половины отца и мать Салтыковыхъ, не могъ не на-

*) „Пошехонская Старина“, т. XII, стр. 33—34.
**) „Господа Головлевы“, т. II, стр. 12.
***) „Пошехонская Старина“, стр. 9.

ложить рѣзкой печати на всю семью, которая, съ появленіемъ на свѣтъ младшаго члена семейства—Михаила Евграфовича, насчитывала восемь человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ было пять сыновей и три дочери. Дѣти, по словамъ того же Никанора Затрапезнаго,—выслушивали возмутительныя выраженія семейной свары съ полнымъ хладнокровіемъ, и она не вызывала въ нихъ никакого иного чувства, кромѣ безотчетнаго страха передъ матерью и полнаго безучастія къ отцу, который не только кому-нибудь изъ дѣтей, но даже себѣ никакой защиты дать не могъ. Да и вообще весь характеръ взаимныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ былъ только формальнымъ, державшимся на внѣшней связи другъ съ другомъ, при полномъ отсутствіи искренней, сердечной привязанности. Ни отецъ, ни мать не занимались дѣтьми, почти не знали ихъ. Отецъ—потому, что былъ устраненъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ семейномъ обиходѣ, мать — потому, что всецѣло была погружена въ процессъ благопріобрѣтенія. У нея, какъ выразился Салтыковъ объ Аринѣ Петровнѣ Головлевой, была слишкомъ независимая, такъ сказать, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ея дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Среди дѣтей она появлялась лишь въ видѣ грозной карательной власти, — гнѣвная неумолимая, съ закушенной нижней губою, рѣшительная на руку, злая. Неудивительно, что, при такой обстановкѣ, огромная память Михаила Евграфовича, сохранившая отъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ не только факты, но даже имена и названія, начинается — по собственному его признанію—съ того момента, какъ его, тогда еще двухлѣтняго младенца, подвергаютъ жестокой поркѣ. «Помню,—разсказывалъ онъ С. Н. Кривенкѣ, опредѣляя первый, самый отдаленный этапъ своей памяти,—что меня сѣкутъ, кто именно, не помню, но сѣкутъ, какъ слѣдуетъ, розгой, а нѣмка—гувернантка старшихъ моихъ братьевъ и сестеръ—заступается за меня, закрываетъ ладонью отъ ударовъ и говоритъ, что я слишкомъ малъ для этого. Было мнѣ тогда, должно быть, два года, не больше» *).

Въ общей «оргіи битья», практиковавшейся въ домѣ Салтыковыхъ, Михаилъ Евграфовичъ, какъ младшій членъ семьи, принималъ, однако, сравнительно съ остальными, старшими своими братьями и сестрами, значительно меньшее участіе. И только потомъ, когда за воспитаніе мальчика взялась его старшая сестра, Надежда Евграфовна, возвратившаяся въ семью въ 1834 г. по окончаніи московскаго екатерининскаго института, ему за всякую провинность приходилось претерпѣ-

*) „М. Е. Салтыковъ". Біографич. очеркъ С. Н. Кривенко. Спб. 1896 г. стр. 6—7.

вать такія жестокія наказанія, что даже на склонѣ дней своихъ писатель, разсказывая объ этомъ періодѣ своей жизни доктору Бѣлоголовому, не могъ говорить безъ содроганія. Сестра дралась съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто мстила за прежде вытерпѣнные побои. Но если подобные пріемы воспитанія, въ которыхъ тѣлесныя наказанія, во всѣхъ видахъ и формахъ, играли основную роль, и вели къ тому, что Салтыковъ называетъ «подлиннымъ дѣтскимъ мартирологомъ», то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не выставляетъ ихъ какъ нѣчто специфическое для своей именно семьи. Нѣтъ, это была цѣлая стройная педагогическая система, выработанная и принятая всей тогдашней жестокой эпохой. И сами создатели дѣтскаго мартиролога отнюдь не сознавали себя извергами, да и въ глазахъ постороннихъ не слыли за таковыхъ. Просто говорилось: «съ дѣтьми безъ этого нельзя», и допускалось единственное ограниченіе: какъ бы не застукать совсѣмъ! Но кто можетъ сказать—добавляетъ къ этому сатирикъ—сколько «не до конца застуканныхъ» безвременно снесено на кладбище? Кто можетъ опредѣлить, сколькимъ изъ этихъ юныхъ страстотерпцевъ была застукана и изуродована вся послѣдующая жизнь? *).

Особенно горько приходилось въ этой оргіи битья «постылымъ», на которыхъ колотушки безъ счета сыпались со всѣхъ сторонъ, тогда какъ «любимчики» могли разсчитывать на нѣкоторое снисхожденіе, по крайней мѣрѣ впредь до обличенія ихъ въ болѣе или менѣе серьезныхъ проступкахъ противъ установившагося домашняго обихода. Дѣленіе дѣтей на двѣ категоріи — на любимыхъ и постылыхъ — очень строго проводилось въ семьѣ Салтыковыхъ. Этимъ съ поразительной наглядностью освѣщалась тѣсная связь семейной обстановки со всѣмъ современнымъ режимомъ, гдѣ неравенство было возведено въ принципъ, значеніе и власть котораго осязательно чувствовались даже въ самыхъ, казалось бы, неуловимыхъ проявленіяхъ соціальной жизни.

Наиболѣе существенныя преимущества любимыхъ надъ постылыми проявлялись, главнымъ образомъ, за обѣдомъ. Это объясняется тѣмъ, во-1-хъ, что высшее счастье въ этомъ ординарномъ помѣщичьемъ домѣ полагалось въ ѣдѣ, и во-2-хъ—тѣмъ, что дѣти здѣсь постоянно находились въ состояніи полу-голода. И это не значитъ, что хозяйство Салтыковыхъ было недостаточнымъ. Напротивъ, всевозможныхъ заготовокъ производилась обыкновенно такая масса, что значительная часть ихъ неизбѣжно въ концѣ концовъ подвергалась порчѣ—покрывалась плѣсенью, истлѣвала, загнивала. Но въ домѣ царила не то чтобы скупость, а какая-то непонятная «алчность будущаго», благодаря которой хоть цѣлая гора съѣдобнаго матеріала лежитъ передъ глазами человѣка, а все ему кажется мало. Утроба человѣческая ограничена, а жадное воображеніе приписываетъ ей размѣры несокрушимые, и

*) „Пошехонская Старина“, стр. 36.

въ то же время рисуется въ будущемъ грязная перспектива... Думалось, что хотя «часъ» еще и не наступилъ, но непремѣнно наступитъ, и тогда разверзнется таинственная прорва, въ которую придется валить, валить и валить. Отъ времени до времени производилась ревизія погребовъ и кладовыхъ и всегда оказывалось, что порченнаго запаса почти наполовину. Но даже и это не убѣждало: жаль было и испорченнаго. Его подваривали, подправляли, и только уже совсѣмъ негодное рѣшались отдать въ застольную, гдѣ, послѣ такой подачки, нѣсколько дней сряду «валялись животами» *).

И вотъ, когда полуголодныя дѣти, получившія раннимъ утромъ по чашкѣ снятого синеватаго молока (при сотняхъ стоявшихъ на скотномъ дворѣ коровъ) съ крохотнымъ ломтемъ домашняго бѣлаго хлѣба, являлись къ обѣду, здѣсь для любимчиковъ выбирались куски и побольше, и посвѣжее, а постылые непремѣнно надѣлялись какой-нибудь разогрѣтой и вывѣтрившейся чуркой. Къ тому же и чурки выдавались въ такихъ микроскопическихъ порціяхъ, что сѣнныя дѣвушки, семьи которыхъ содержались на весьма и весьма недостаточной «мѣсячинѣ», нерѣдко изъ жалости приносили постылымъ подъ фартуками ватрушекъ и лепешекъ и тайкомъ давали имъ поѣсть.

Были и другія преимущества любимчиковъ надъ постылыми, но всѣ они вращались, главнымъ образомъ, опять-таки въ области неравномѣрнаго дѣлежа, тайной раздачи лакомствъ и т. п., и всѣ они были такъ осязательны для дѣтей, что изъ-за нихъ въ дѣтской половинѣ дома шла непрерывная взаимная борьба. Какъ одно изъ средствъ этой борьбы, въ широкихъ размѣрахъ практиковалось наушничество. Наушничали не только любимчики, но и постылые, желавшіе хоть на нѣсколько часовъ выслужиться.

Единственное, что объединяло и милыхъ и постылыхъ, что ставило ихъ въ одно одинаково жалкое положеніе — это отсутствіе сердечной родительской ласки. Многимъ могла наградить Ольга Михайловна своихъ любимчиковъ; въ минуты особеннаго къ нимъ расположенія она могла даже, подобно Аннѣ Павловнѣ Затрапезной, допускать ихъ въ святое святыхъ своего храма, въ свою спальню, гдѣ совершались всѣ ея хозяйственныя и денежныя операціи.

«— Войди, посмотри,—говорила въ такія минуты Анна Павловна обращаясь къ тому или иному изъ любимыхъ,—посмотри, какъ мать-старуха хлопочетъ. Вонъ сколько денегъ Максимушка (бурмистръ изъ ближней вотчины) матери принесъ. А мы ихъ въ ящикъ уложимъ, а потомъ, вмѣстѣ съ другими, въ дѣло пустимъ. Посиди, дружокъ, посмотри, научись. Только сиди смирно, не мѣшай».

Любимчикъ садился и застывалъ на мѣстѣ. Онъ былъ безконечно

*) Ibid., стр. 18.

счастливъ, ибо понималъ, что маменькино сердце раскрылось и маменька любитъ его.

Но здѣсь-то и былъ тотъ роковой предѣлъ, до котораго только и могло раскрываться маменькино сердце. Даже такое элементарное проявленіе ласки, какъ глаженье по дѣтской головкѣ, было не въ обычаяхъ этой дѣловитой женщины. И понятно, что маленькій Никаноръ Затрапезный не могъ не расчувствоваться, когда съ этой именно лаской подошла къ нему бойкая и веселая бабушка-повитуха Ульяна Ивановна. Знаменательно, между прочимъ, что для этой доброй женщины, у которой Михаилъ Евграфовичъ нашелъ ребенкомъ, быть можетъ, въ первый разъ въ своей жизни, сердечный привѣтъ и ласку, онъ, вопреки принятому имъ общему правилу, цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, удержалъ въ «Пошехонской Старинѣ» ея подлинное имя: Ульяна Ивановна, принимавшая Никанора Затрапезнаго, вполнѣ тождественна той же Ульянѣ Ивановнѣ, калязинской мѣщанкѣ, которая принимала Михаила Салтыкова.

IV.

Отсутствіе идеалистическихъ элементовъ въ воспитаніи дѣтей Салтыковыхъ.

Но и помимо ласки, отсутствіе которой такъ больно чувствовалось дѣтьми, семья Салтыковыхъ не давала своимъ маленькимъ сочленамъ вообще ничего, что могло бы смягчить и согрѣть ихъ ожесточавшіяся всей обстановкой сердца.

Начнемъ съ природы, стихійное общеніе съ которой можетъ, по словамъ самого Салтыкова, захвативъ человѣка въ колыбели, наполнить все его существо и пройти потомъ черезъ всю его жизнь.

Общеніе съ природой здѣсь совершенно отсутствовало, какъ это ни кажется страннымъ по отношенію къ семьѣ, которая живетъ внѣ городской черты, живетъ исключительно за счетъ эксплуатируемыхъ, хотя бы и чужими руками, силъ природы. А между тѣмъ, это было именно такъ, и отсутствіе живой связи съ природой было потомъ всю жизнь больнымъ мѣстамъ писателя, который не одинъ разъ съ горечью возвращался къ этой наболѣвшей въ его душѣ темѣ.

«Мнѣ было уже за тридцать лѣтъ,—пишетъ Салтыковъ,—когда я прочиталъ «Дѣтскіе годы Багрова-внука», и, признаюсь откровенно, прочиталъ почти съ завистью. Правда, что природа, лелѣявшая дѣтство Багрова, была богаче и свѣтомъ, и тепломъ, и разнообразіемъ содержанія, нежели бѣдная природа нашего сѣраго захолустья», но, вѣдь, «при наличности общенія, ежели дѣти не закупорены наглухо отъ вторженія воздуха и свѣта, то и скудная природа можетъ пролить радость и умиленіе въ дѣтскія сердца» *). Чувство зависти,

*) Ibid., стр. 46—47.

охватившее писателя при сопоставленіи собственнаго дѣтства съ дѣтствомъ Аксакова, станетъ вполнѣ понятнымъ для насъ, когда мы вспомнимъ, какъ характезировалъ онъ свою домашнюю обстановку. О зимнемъ времени и говорить нечего. Зимою дѣтей положительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ. Ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до нихъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось. Катанье въ саняхъ не было въ обычаѣ, и только по воскресеньямъ дѣтей вывозили въ закрытомъ возкѣ въ церковь, отстоявшую отъ дома саженяхъ въ пятидесяти, но и тутъ ихъ закутывали до того, что трудно было дышать. Это называлось *тѣпеннымъ* воспитаніемъ. Лѣтомъ дѣти хоть сколько-нибудь оживлялись подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но и тутъ собственно знакомство съ природой происходило случайно, урывками, только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Ни о какой охотѣ никто и понятія не имѣлъ, даже ружья, кажется, въ цѣломъ домѣ не было. Раза два-три въ годъ всей семьей отправлялись въ лѣсъ по грибы или въ сосѣднюю деревню на ловлю карасей изъ большого пруда—и только. Выходило такъ, что «и звѣрей, и птицъ дѣти знали только въ соленомъ, вареномъ и жареномъ видѣ», и такимъ образомъ дѣти ни откуда не получали импульсовъ для того, чтобы въ душѣ ихъ могъ вспыхнуть сколько-нибудь серьезный интересъ къ «великой тайнѣ вселенской жизни».

Отдѣленныя частоколомъ усадьбы отъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ сокровищъ, которыя тутъ же рядомъ, въ лѣсахъ, на поляхъ, на дорогахъ, расточала для всякаго желающаго щедрая, даже и въ Калязинскомъ уѣздѣ, мать-природа, дѣти осуждены были питаться лишь тою скудною пищей узко-матеріальныхъ интересовъ и разсчетовъ, которые входили въ ежедневный обиходъ ихъ семьи. Даже на крыльяхъ фантазіи не могли они выбраться за предѣлы этого частокола, потому что и самыхъ-то крыльевъ лишила ихъ все та же обстановка. «Замѣчательно,—пишетъ Салтыковъ,—что между многочисленными нянъками, которыя пѣстовали мое дѣтство, не было ни одной сказочницы. Вообще, весь нашъ домашній обиходъ стоялъ на вполнѣ реальной почвѣ, и сказочный элементъ отсутствовалъ въ немъ. Дѣтскому воображенію приходилось искать пищи самостоятельно, создавать свой собственный сказочный міръ, не имѣвшій никакого соприкосновенія съ народной жизнью и ея преданіями, но зато наполненный всевозможными фантасмагоріями, содержаніемъ для которыхъ служило богатство, а еще болѣе генеральство. Послѣднее представлялось высшимъ жизненнымъ идеаломъ, такъ какъ всѣ въ домѣ говорили о генералахъ, даже объ отставныхъ, не только съ почтеніемъ, но и боязнью» *).

*) Ibid., стр. 24.

Даже предразсудки и примѣты были здѣсь въ полномъ пренебреженіи, но не вслѣдствіе свободомыслія, которое отнюдь не допускалось въ этомъ домѣ, а потому, что слѣдованіе имъ требовало возни и безплодной траты времени. Такъ что если, напримѣръ, староста докладывалъ о томъ, что хорошо бы рожь начать жать съ понедѣльника, но при этомъ высказалъ опасенія насчетъ «дурного дня», то ему неизмѣнно отвѣчали: «начинай-ка, начинай! Тамъ что будетъ, а коли, чего добраго, съ понедѣльника рожь сыпаться начнетъ, такъ кто намъ за убытки заплатитъ?» Допускались къ свободному обращенію въ домѣ лишь тѣ предразсудки, которые не приносили ущерба дѣлу.

Не бо́льшимъ авторитетомъ пользовалась въ домѣ и религія, отъ которой принята была въ обиходъ одна лишь внѣшняя, обрядовая сторона. По воскреснымъ днямъ ходили аккуратно къ обѣднѣ, наканунѣ большихъ праздниковъ въ домѣ служили всенощныя, причемъ строго слѣдили, чтобы дѣти крестились и клали земные поклоны. Но всѣ эти внѣшніе признаки благочестія—эти крестныя знаменія, сгибавшіяся колѣни и стукавшіеся объ полъ лбы—совершенно не отражали внутренняго настроенія домашнихъ, сердца которыхъ оставались пусты и нѣмы. Къ тому же и съ внѣшней стороны далеко не все было благополучно, если принять во вниманіе полупрезрительное отношеніе помѣщиковъ того времени къ духовенству, которое они держали обыкновенно въ черномъ тѣлѣ. Церковь, какъ и все остальное, была крѣпостная, и попъ при ней—крѣпостной да часто еще и не вполнѣ грамотный. Поэтому никого не удивляло, если помѣщикъ прерывалъ церковную службу для того, чтобы поправить священника или даже сдѣлать ему публичное внушеніе, если по окончаніи службы попъ выходилъ на амвонъ, становился на колѣни и кланялся помѣщику въ ноги, прося у него прощенія за свои вольныя и невольныя предъ нимъ прегрѣшенія.

Такова была обстановка этого дома, гдѣ избѣгалось все, что могло дать пищу воображенію и любознательности, гдѣ вся атмосфера была насыщена и дышала крѣпостнымъ правомъ. Крѣпостнымъ правомъ опредѣлялись всѣ взаимныя отношенія домашнихъ; отъ него, какъ отъ основного источника жизни, все исходило; къ нему, какъ рѣки къ океану, стекались всѣ помыслы, всѣ чаянія, всѣ опасенія людей, захваченныхъ этой крѣпкой системой «унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективой быть ежеминутно раздавленнымъ».

Вспоминая эту обстановку полвѣка спустя, Салтыковъ «съ недоумѣніемъ» спрашиваетъ себя: «Какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда незащищеннаго существованія?—и, къ удивленію, отвѣчаешь: однако-жъ, жили!» Жилъ въ ней и самъ писатель, первыя дѣтскія

впечатлѣнія котораго и составилъ этотъ тяжелый сплошной кошмаръ крѣпостного режима.

V.

Особое положеніе М. Е. Салтыкова въ семьѣ и его увлеченіе Евангеліемъ.

Какъ младшій изъ дѣтей, Михаилъ Евграфовичъ пользовался въ домѣ нѣкоторыми и даже весьма значительными привилегіями. Въ то время, когда его старшіе братья и сестры учились и когда изъ классной комнаты, вслѣдъ за щедро раздававшимися колотушками, раздавался неумолкаемый плачъ, маленькій Михаилъ ни къ какому дѣлу не былъ приставленъ и только прислушивался и приглядывался, почему память его и сохранила достаточно яркія впечатлѣнія. Не менѣе серьезной привилегіей его возраста было и то, что онъ находился внѣ воюющихъ лагерей постылыхъ и любимчиковъ, такъ какъ не состоялъ «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ». Онъ жилъ какъ-то незамѣтно, не любилъ попадаться на глаза и былъ въ домѣ не столько дѣйствующимъ лицомъ, сколько внимательнымъ наблюдателемъ.

Одинокій и безпризорный, онъ еще больше почувствовалъ свое тоскливое одиночество, когда весь выводокъ старшихъ дѣтей отправленъ былъ учиться въ Москву, и безмолвіе дѣтскихъ комнатъ какъ-то сразу распространилось во всемъ домѣ жуткой тишиною могилы. Правда, одиночество и отсутствіе надзора предоставляли мальчику бо́льшую сумму свободы, нежели старшимъ дѣтямъ, но эта свобода, какъ утверждаетъ писатель, не привела за собой ничего, похожаго на самостоятельность, или, по крайней мѣрѣ, самостоятельность пріобрѣталась только внѣшняя, кажущаяся. «Надо мной,—пишетъ Салтыковъ,—тяготѣла та же невидимая сила, которая тяготѣла надъ всѣми домочадцами и которой я, въ свою очередь, подчинялся безусловно. Этой силой была не чья-нибудь рука, непосредственно придавливающая человѣка, но вообще весь домашній укладъ. Весь онъ такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-либо свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать, какъ всѣ дышатъ, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче—завтра ожидала «красная шапка» *).

О томъ, каковъ именно былъ этотъ горячій лучъ, осіявшій дѣтскую совѣсть Салтыкова, мы скажемъ нѣсколько ниже. Здѣсь же нельзя

*) Ibid., стр. 94.

не отмѣтить, что самая возможность проникновенія луча въ атмосферу окружавшаго мальчика мрака необходимо должна была предполагать извѣстную отдаленность отъ этой атмосферы, одиночество, замкнутость, т.-е. тѣ именно условія, которыя мы причислили къ привилегіямъ маленькаго Михаила. Кромѣ того, для воспріятія этого луча требовалась извѣстная доля сознательности, интеллектуальная подготовка, къ характеристикѣ которой мы и переходимъ теперь.

Болтать по-французски и по-нѣмецки мальчикъ выучился довольно рано, около старшихъ братьевъ и сестеръ, и Салтыковъ припоминаетъ, что въ дни именинъ и рожденій родителей, заставляли его говорить поздравительные стихи, одинъ образецъ которыхъ онъ и воспроизводитъ въ «Пошехонской Старинѣ». И хотя здѣсь же писатель утверждаетъ, что до семи лѣтъ онъ ни читать, ни писать ни по-каковски, даже по-русски, не умѣлъ, но можно думать, что французская грамота составляла въ данномъ случаѣ исключеніе. На эту мысль настойчиво наводитъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что французскіе поздравительные стихи, воспроизведенные въ «Пошехонской Старинѣ», найдены и среди бумагъ Салтыкова, послѣ его смерти, причемъ здѣсь они оказались написанными дѣтскимъ почеркомъ и имѣли подпись: «ecrit par votre très humble fils Michel Soltykoff, le 16 octobre 1832» *).

16 октября 1832 г. Салтыкову было всего лишь 6 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, а между тѣмъ и автобіографическія указанія «Пошехонской Старины» и біографическія данныя «Русской Библіотеки» совершенно сходятся въ томъ, что первый урокъ *русской* грамоты данъ былъ Салтыкову крѣпостнымъ человѣкомъ, живописцемъ Павломъ, когда мальчику исполнилось семь лѣтъ. Павелъ, несчастной семейной исторіи котораго, разыгравшейся все на той же почвѣ крѣпостного режима, Салтыковъ посвятилъ въ «Пошехонской Старинѣ» отдѣльную главу («Мавруша-Новоторка»), очень быстро сравнительно, при своемъ архаическомъ методѣ («азами»), прошелъ съ мальчикомъ азбуку, и такъ какъ самъ онъ зналъ только печать гражданскую, писать же могъ лишь полууставомъ, насколько это требовалось для надписей къ образамъ, то былъ отстраненъ отъ роли учителя. Въ 1834 г. обученіе Салтыкова было поручено только что окончившей институтъ сестрѣ его Надеждѣ Евграфовнѣ и ея товаркѣ по институту, Авдотьѣ Петровнѣ Васильевской, поступившей въ домъ въ качествѣ гувернантки. Кромѣ того, съ мальчикомъ занимались священникъ села Заозерья Иванъ Васильевичъ, обучавшій его Закону Божію и латинскому языку по грамматикѣ Кошанскаго, и студентъ Троицкой духовной академіи Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго два года сряду приглашали въ имѣніе на лѣтнія вакаціи.

---

*) „Матеріалы для біографіи“, собранные К. К. Арсеньевымъ и приложенные къ I т. „Полн. собранія соч. М. Е. Салтыкова“, стр. 12.

Помимо урочныхъ занятій, которыя не стоили Салтыкову почти никакихъ усилій, онъ, по собственному почину, перечитывалъ оставшіеся послѣ старшихъ дѣтей учебники, и скоро почти наизусть зналъ «Краткую всеобщую исторію» Кайданова, «Краткую географію» Иванскаго и проч. Даже въ синтаксисъ заглядывалъ и не чуждался риторики. Роясь въ учебникахъ, онъ наткнулся однажды на «Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ»; книга эта и оказалась для него тѣмъ животворящимъ лучомъ, о которомъ мы упомянули выше.

Принимаясь за чтеніе Евангелія, Салтыковъ имѣлъ въ виду вполнѣ опредѣленную практическую цѣль: книга эта значилась въ числѣ учебныхъ руководствъ и знакомство съ ней требовалось для экзаменовъ. Но уже первое чтеніе этой книги пробудило въ немъ тревожное чувство.

«Прежде всего,—разсказываетъ онъ,—меня поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова, которыхъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ. И только повторительное, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило мнѣ дѣйствительный смыслъ этихъ новыхъ словъ и сняло темную занавѣсу съ того міра, который скрывался за ними... Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не давала имъ, кромѣ оковъ...» *).

Какъ бы изъ опасенія быть ложно истолкованнымъ, Салтыковъ тутъ же прибавляетъ, что онъ не хочетъ этимъ сказать, что сердце его сдѣлалось «очагомъ любви къ человѣчеству», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ полнымъ правомъ могъ утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ его міросозерцанія.

Что же касается непосредственныхъ результатовъ этой огромной для ребенка работы пробужденнаго, подъ вліяніемъ евангелія, сознанія, то они сказались въ томъ, что съ этихъ поръ его «обращеніе съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и что подлая крѣпостная номенклатура, которая дотолѣ оскверняла его языкъ, исчезла навсегда».

*) „Пошехонская Старина“, стр. 97.

То «свое», которое съ такой силой внезапно заговорило въ немъ, пробудило въ немъ въ то же время ясное сознаніе, что и *другіе* обладаютъ такимъ же равносильнымъ «своимъ».

VI.

Типы дворовыхъ людей, „братецъ—Ѳедосъ“ и сверстники М. Е. Салтыкова.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эти признанія, сдѣланныя отъ имени Затрапезнаго, исходятъ ни отъ кого иного, какъ отъ личности самаго писателя. Для этого достаточно сослаться на выведенные въ той же «Пошехонской Старинѣ» типы дворовыхъ людей, на данную здѣсь удивительно проникновенную психологію подневольнаго человѣка, которой ни до ни послѣ Салтыкова не имѣла наша литература. Здѣсь больше всего поражаетъ читателя тонкое умѣніе автора подслушать и уловить въ душѣ крѣпостного раба тѣ часто смутныя для него самого формулы, въ которыхъ онъ, этотъ безправный объектъ помѣщичьей власти, пытался опредѣлить себя, какъ самоцѣнную индивидуальность, имѣющую всѣ права на образъ и подобіе божества. И въ данномъ случаѣ мы должны будемъ признать одинъ изъ плодотворнѣйшихъ результатовъ озарившаго мальчика просіянія, подъ вліяніемъ котораго онъ ближе подошелъ къ рабу и сдѣлалъ счастливую попытку отыскать въ немъ то «свое», которое онъ только что обрѣлъ въ своей собственной душѣ. Здѣсь кстати отмѣтить, что попытки эти относятся исключительно къ дворовымъ людямъ, а не къ крестьянамъ, которыхъ мальчикъ, по условіямъ своей жизни, ограниченной предѣлами помѣщичьей усадьбы, могъ наблюдать лишь издалека и случайно.

Представительницей наиболѣе распространенной идеологіи, созданной крѣпостными, Салтыковъ называетъ Аннушку, принадлежавшую собственно не семьѣ писателя, а «тетенькамъ-сестрицамъ», которыя, вмѣстѣ съ ней, часто и подолгу гостили у своихъ родственниковъ. Аннушка была простодушнѣйшимъ существомъ, съ виду нѣсколько строптивымъ, но внутренно преисполненнымъ доброты и жалѣнія. Малорослая, приземистая, съ некрасивымъ, усѣяннымъ крупными бородавками лицомъ, она не казалась однако безобразной, благодаря тому выраженію убѣжденности, которое было разлито во всемъ ея существѣ. Чувствуя на себѣ тяжелое иго рабства, она несла его безъ ропота и была, такъ сказать, рабомъ *по убѣжденію*. У нея даже сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ афоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ.

«— Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка,—чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его

рабствомъ. Сказалъ: «рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ».

Доктрина эта — поясняетъ писатель — въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ, и повидимому, даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ - крѣпостниковъ самое «разсужденіе» о послушаніи уже представлялось крамольнымъ), и потому если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались. Доставалось частенько и Аннушкѣ за ея проповѣди, тѣмъ болѣе, что суровая дѣйствительность не всегда позволяла ей оставаться исключительно на теоретическихъ высотахъ, и сквозь общую ноту послушанія нерѣдко все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни получатъ облегченіе. Наказаніе хотя бы и облегченное, само собою подразумѣвалось, какъ нѣчто неизбѣжное, даже для милостивыхъ господъ.

«—Повинуйтесь! повинуйтесь! причастницами свѣта небеснаго будете!»—безпрестанно твердила Аннушка въ дѣвичьей во время всякой ѣды и приводила примѣры изъ евангелія и житій святыхъ. А такъ какъ и безъ того въ основѣ установившихся порядковъ лежало безусловное повиновеніе, во имя котораго только и разрѣшалось дышать, то всѣмъ становилось какъ будто легче при напоминаніи, что удручающія вериги рабства не были дѣйствіемъ фаталистическаго озорства, но представляли собою временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось возсіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ». Такъ встрѣчала проповѣдь Аннушки масса, но и среди нея находились, конечно, личности, для которыхъ это убѣжденныя рѣчи представлялись праздной болтовней, которая могла лишь раздражать. Къ числу такихъ лицъ принадлежала, напримѣръ, постоянная антагонистка Аннушки ключница Акулина. Она, «какъ истая саддукеянка», видѣла въ рабствѣ фаталистическое ярмо, къ хозяевамъ котораго она и относилась безъ критики, безъ разсужденій, съ покорностью преданной собаки, и такъ какъ подъ ея отвѣтственнымъ надзоромъ находилась вся дѣвичья, то не разъ она считала своимъ долгомъ доносить на Аннушку за ея «соблазнительныя» рѣчи.

Подобно Аннушкѣ, обзавелась своимъ кодексомъ и «Мавруша-Новоторка». Новоторжская мѣщанка, она добровольно закрѣпостила себя, вышедши замужъ за живописца Павла (перваго учителя Салтыкова), когда тотъ работалъ на оброкѣ въ Торжкѣ. Ни Павелъ, ни тѣмъ меньше Мавруша не предвидѣли тогда, что ихъ могутъ снять съ оброка и вызвать для домашнихъ работъ въ деревню. А между тѣмъ это именно и случилось, причемъ отъ Мавруши потребовали такой же подневольной работы, какую выполняли и другія дворовыя женщины. И по мѣрѣ того, какъ Мавруша погружалась въ обстановку рабской

жизни, ей становилось ясно, что, отказавшись ради эфемернаго чувства любви, отъ воли, она тѣмъ самымъ предала божій образъ и навлекла на себя «божью клятву», которая не перестанетъ тяготѣть надъ нею не только въ этой, но и въ будущей жизни, если она какимъ-нибудь чудомъ не «выкупится». И къ этому выкупу устремились ея завѣтнѣйшія мечты, а пока что, она рѣшилась, разъ и навсегда, отказаться отъ какой бы то ни было подневольной работы. Даже если ее истязать будутъ, она и истязанія приметъ, ради изведенія души своей изъ тьмы, въ которую ее погрузила «клятва». И она дѣйствительно приняла истязанія, приняла ихъ даже, по барской прихоти, отъ рукъ безумно любившаго ее и глубоко страдавшаго изъ-за нея мужа, но отъ подневольной работы упорно отказывалась. И хотя героическимъ упорствомъ своимъ она отвоевала себѣ значительныя уступки—на нее махнули рукой и перестали неволить работой,—но, въ глазахъ несчастной Мавруши, положеніе вещей отъ этого ни мало не измѣнилось. И до побѣды она была раба, и послѣ побѣды осталась рабою же—только бунтующейся. Выхода не было, и она предпочла окончить жизнь самоубійствомъ.

Такая же мысль, но въ нѣсколько иной формѣ, овладѣла сознаніемъ «Сатира-скитальца». Съ молодыхъ лѣтъ Сатиръ рѣзко выдѣлялся изъ массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ онъ урывками научился разбирать церковную печать и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Ни къ какому другому занятію онъ призванія не чувствовалъ, и всѣ попытки пристроить его къ какому-нибудь ремеслу разбивались о полную его неприспособленность къ самому простому дѣлу. Нѣсколько разъ бывалъ онъ въ бѣгахъ, причемъ каждый разъ возвращался съ болѣе или менѣе крупной суммой, собранной имъ во время скитаній на церковь. Одно время подозрѣвали, что Сатиръ находится въ общеніи съ сектою бѣгуновъ, которую помѣщики называли не иначе, какъ «пакостною», потому что въ число ея догматовъ входило, между прочимъ, и отрицаніе помѣщичьей власти. Но эти подозрѣнія были несправедливы. Хотя Сатиръ, точно также какъ и бѣгуны, относился къ крѣпостному праву отрицательно, хотя онъ, подобно бѣгунамъ, ни за что не хотѣлъ запасаться для своихъ скитаній паспортомъ, но отъ властей онъ не скрывался, подаяніе на церковь собиралъ открыто, появляясь для этого съ книжкой въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, время отъ времени онъ все-таки возвращался назадъ, отдавая и себя, и собранныя имъ на церковь деньги въ полное распоряженіе помѣщика. Очевидно, что на свою скитальческую жизнь Сатиръ смотрѣлъ, какъ на подвигъ, которымъ онъ подготовлялъ себя къ окончательному освобожденію отъ великаго, обременявшаго его совѣсть, грѣха, грѣха—быть рабомъ. По его словамъ, крѣпостные, бывшіе раньше вольными, сами продали свою волю, изъ-за денегъ господамъ въ кабалу отдались, и за это и сами они и ихъ потомки должны будутъ отвѣтить на страш-

номъ судѣ. Потому что «нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно что душу». И умирая, Сатиръ мечтаетъ о томъ, какъ онъ поправится и, съ разрѣшенія господъ, уйдетъ въ монастырь, гдѣ съ него снимутъ, наконецъ, рабскій образъ, и онъ въ ангельскомъ чинѣ предстанетъ на «вышній судъ».

Чтобы покончить съ этой замѣчательной портретной галлереей людей, съумѣвшихъ создать нѣчто оригинальное, «свое» въ нивеллирующей обстановкѣ крѣпостного права, назовемъ здѣсь еще «Ваньку-Каина» изъ той же дворовой среды и «братца-Ѳедоса»—изъ помѣщичьей.

«Ванька-Каинъ», онъ же Иванъ Макаровъ, при несуразной внѣшности, обладалъ какой-то особенной проказливостью нрава и беззавѣтнымъ и довольно-таки утомительнымъ балагурствомъ. Онъ никакъ не могъ войти въ предопредѣленную ему отъ рожденія роль раба: оброка не платилъ, никакой работы по дому не дѣлалъ и въ то же время никому, даже самой барынѣ, не давалъ спуску ни въ одномъ словѣ, отвѣчая дерзкими выходками на каждое сдѣланное ему замѣчаніе. Онъ такъ мало былъ приспособленъ къ рабьему званію, что только солдатчина могла помочь помѣщицѣ отдѣлаться отъ непокорнаго крѣпостного.

«Братецъ-Ѳедосъ»—фигура гораздо болѣе сложная. Онъ въ одно и то же время продуктъ дворянскаго разоренія и предвѣстникъ новыхъ народническихъ теченій въ дворянской средѣ. Выйдя изъ разоренной помѣщичьей семьи, Ѳедосъ обнаруживалъ какое-то инстинктивное тяготѣніе къ крестьянской массѣ, которую онъ идеализировалъ и съ которой онъ сливался всѣми своими привычками. Попавъ на короткое время, такъ сказать, на перепутьи, въ родственную ему семью Салтыковыхъ, онъ произвелъ на дѣтей сильное впечатлѣніе. Свое личное настроеніе онъ очень образно заповѣдалъ дѣтямъ, когда однажды, тайкомъ отъ родителей, пришелъ къ нимъ играть въ лошадки.

«— Я по-дворянски ничего не умѣю дѣлать,—говорилъ онъ имъ, развязывая принесенныя для игры веревки,—сердце не лежитъ!—то ли дѣло къ мужичку придешь... «Здравствуйте!» — Здравствуй! — «А какъ тебя величать?»—Еремой.—«Ну, будь здоровъ, Ерема!» Точно вѣкъ вмѣстѣ жили! Станешь къ нему на работу — и онъ рядомъ съ тобой, и коситъ, и молотитъ, всякую работу сообща дѣлаетъ; сядешь обѣдать—и онъ тутъ же; тѣ же щи, тотъ же хлѣбъ... Да вы, поди, и не знаете, какой такой мужикъ есть... такъ, думаете, скотина! Анъ нѣтъ, братцы, онъ не скотина! Помните это: человѣкъ онъ! У Бога есть книга такая, такъ мужикъ въ ней страстотерпцемъ записанъ... Давайте же по-крестьянски въ лошадки играть».

Пускай—повторяю—художественная правда этихъ характеристикъ нѣсколько заслонила или украсила лежащую въ основѣ ихъ правду реальную, но для насъ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что, благодаря озарившему мальчика просіянію, ему удалось подмѣтить и кру-

гомъ себя тѣ идеалистическія настроенія, которыя создавались и росли въ глубинахъ народнаго сознанія на почвѣ крѣпостного режима. Надо думать, что эти подмѣченныя имъ настроенія, въ свою очередь, оказывали вліяніе и на него самого, хотя бы въ смыслѣ укрѣпленія его въ тѣхъ принципахъ, которые онъ почерпнулъ изъ евангелія.

Дѣтская среда крѣпостного крестьянства была, очевидно, для маленькаго члена помѣщичьей семьи запретнымъ міромъ, совершенно недоступнымъ не только для непосредственнаго съ нимъ общенія, но даже и для наблюденія со стороны. Поэтому крѣпостныя дѣти въ воспоминаніяхъ Салтыкова никогда не имѣютъ самодовлѣющаго интереса, а появляются лишь въ качествѣ болѣе или менѣе яркихъ иллюстрацій жестокости крѣпостного режима. Такова, напримѣръ, въ «Пошехонской старинѣ» Наташа, съ которой писатель знакомитъ насъ въ моментъ выполненія надъ нею наказанія, больше похожаго, впрочемъ, на казнь: у конюшни, на кучѣ навоза, стояла она подъ знойными лучами солнца, привязанная локтями къ столбу, и рвалась во всѣ стороны; рои мухъ поднимались изъ навозной жижи и облѣпляли ея лицо, уже покрытое ранами, изъ которыхъ сочилась сукровица... Таковы, напримѣръ, въ «Невинныхъ разсказахъ» маленькіе герои трагическаго повѣствованія «Миша и Ваня», доведенные до самоубійства жестокостями своей барыни, впрочемъ, веселой и даже доброй въ своемъ кругу.

Что касается сверстниковъ Салтыкова изъ помѣщичьей среды, съ которыми могли бы быть дозволены болѣе или менѣе близкія отношенія, то изъ нихъ мы можемъ указать на одного Сергѣя Андреевича Юрьева, бывшаго редактора «Русской Мысли», родившагося въ селѣ Воскресенскомъ, въ семи верстахъ отъ родины Салтыкова. По словамъ г. Алексѣя Веселовскаго *), здѣсь началась дружба Салтыкова и Юрьева, которая еще болѣе скрѣпилась въ дворянскомъ институтѣ въ Москвѣ, гдѣ оба они учились. О характерѣ ихъ дѣтскихъ отношеній ничего въ сущности не извѣстно, но о тѣсной сердечной ихъ близости другъ къ другу въ этотъ періодъ можно судить по тому, что ихъ дружба стойко выдержала цѣлый рядъ испытаній, которыя могли бы совершенно оборвать отношенія менѣе связанныхъ между собою людей. Пути двухъ друзей разошлись съ дворянскаго института, откуда Салтыковъ перешелъ въ царскосельскій лицей, а Юрьевъ — въ московскій университетъ. Затѣмъ служба будущаго сатирика въ Петербургѣ и годы ссылки въ Вяткѣ еще дольше, казалось, развели ихъ. Однако, первыя же встрѣчи ихъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, опять скрѣпили старыя отношенія, и Салтыковъ, несмотря

*) Сборникъ „Въ память С. А. Юрьева". М. 1890 г. См. „Отрывки изъ старой переписки съ поясненіями Алексѣя Веселовскаго".

даже на раздѣлявшую ихъ разницу во взглядахъ, до послѣднихъ дней своихъ сохранилъ необыкновенно ласковое, даже нѣжное, отношеніе къ другу своего дѣтства. Иной разъ и на его счетъ вырывалась у него шутка, вспоминался какой-нибудь анекдотъ, но въ нихъ выступали лишь сильная впечатлительность, сказочная разсѣянность, обильное краснорѣчіе и неистощимая способность Юрьева увлекаться идеею, и въ остроумной шуткѣ слышалось сочувствіе мечтателю. Это замѣтно и въ письмахъ Салтыкова, откровенный тонъ которыхъ показываетъ, какимъ близкимъ человѣкомъ былъ ему Юрьевъ.

Нѣсколько разъ, мимоходомъ, Салтыковъ выводилъ, по его же словамъ, нѣкоторыя черты Юрьева въ своихъ произведеніяхъ (напр. въ «Пестрыхъ Письмахъ» въ лицѣ Семена Семеновича, въ «Пошехонской Старинѣ»—въ героѣ разсказа Валентинѣ Бурмакинѣ), хотя многія обстоятельства здѣсь съ умысломъ измѣнены и расходятся съ дѣйствительностью. Когда друзья Юрьева задумали изданіе сборника, посвященнаго его памяти, то Веселовскій обратился къ Салтыкову съ просьбой написать хоть нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній о школьныхъ годахъ въ дворянскомъ институтѣ. Въ первыхъ числахъ февраля 1889 г. Веселовскій вошелъ въ кабинетъ сатирика и засталъ его одиноко сидѣвшимъ въ глубокомъ креслѣ; ноги были заботливо закутаны пледомъ, на столикѣ виднѣлось нѣсколько стклянокъ съ лекарствомъ, на исхудавшемъ лицѣ, въ недвижномъ взорѣ застыло неотвязное, безсмѣнное страданіе. Ни души въ сосѣднихъ комнатахъ, ни звука: все было уныло и мертво. Но какъ только рѣчь зашла о Юрьевѣ, на страдальческомъ лицѣ мелькнула добрая улыбка. Нѣсколькими штрихами обрисовалъ онъ тутъ же характеръ умершаго товарища, хотя отъ писанія отказался за совершеннымъ своимъ нездоровьемъ.

VII.

Московскій дворянскій институтъ и Царскосельскій лицей.

Мы старались съ возможною полнотою исчерпать матеріалъ, характеризующій обстановку, въ которой Салтыковъ провелъ первыя десять лѣтъ своей жизни, и которая должна была и затѣмъ, въ школьный періодъ его жизни захватывать его своимъ многообразнымъ и сильнымъ вліяніемъ въ каникулярные мѣсяцы, которые онъ проводилъ въ семьѣ.

Какъ ни безалаберно складывались подготовительныя къ школѣ занятія, но, благодаря способностямъ мальчика и его огромному прилежанію, поощряемому полнымъ одиночествомъ въ семьѣ, оказалось, что къ десяти годамъ онъ не только былъ вполнѣ подготовленъ въ III-й классъ шестикласснаго московскаго дворянскаго института, но многое прошелъ самостоятельно сверхъ программы. Разумѣется, всѣ

эти свѣдѣнія, быстро усваивавшіяся имъ безъ системы, въ формѣ одиночныхъ, не связанныхъ между собой фактовъ, не представляли, по собственному признанію Салтыкова, устойчивыхъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы выработаться способность къ логическому мышленію. Слишкомъ ужъ нестройной была та груда книгъ, которыя достались мальчику по наслѣдству отъ старшихъ дѣтей. Среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ грамматикъ, синтаксисовъ, риторикъ, исторій, геоґрафій, арифметикъ и т. п., которыя одна за другой глотались мальчикомъ, не было, напримѣръ, ни одной книги, которая дала-бы хоть приблизительное понятіе о существованіи русской литературы. Ни хрестоматіи, ни даже басенъ Крылова не существовало, и мальчикъ, почти до самаго поступленія въ школу, не зналъ ни одного русскаго стиха, кромѣ тѣхъ немногихъ обрывковъ, безъ начала и безъ конца, которые были помѣщены въ учебникѣ риторики, въ качествѣ примѣровъ фигуръ и тропъ.

Съ такимъ хаосомъ свѣдѣній въ головѣ мальчикъ въ августѣ 1836 года былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и принятъ былъ въ III-й классъ института.

Московскій дворянскій институтъ, преобразованный незадолго до поступленія въ него Салтыкова (въ 1833 г.) изъ университетскаго пансіона, представлялъ нѣчто въ родѣ гимназіи съ пансіономъ, задача которой, какъ иронически вспоминаетъ писатель въ «Недоконченныхъ Бесѣдахъ», состояла «преимущественно въ подготовленіи питомцевъ славы». Институтъ, впрочемъ, замѣчаетъ писатель, имѣлъ хорошія традиціи и пользовался отличной репутаціей. Во главѣ его почти всегда стояли если не отличнѣйшіе педагоги, то люди, обладавшіе здравымъ смысломъ и человѣчностью. Салтыковъ съ уваженіемъ и любовью вспоминаетъ, напримѣръ, стараго моряка, С. Я. У., который былъ директоромъ института въ первый годъ пребыванія въ немъ писателя. Особенно пріятныхъ подробностей объ институтѣ однако въ воспоминаніяхъ Салтыкова нѣтъ. Напротивъ, такъ какъ толчкомъ для этой экскурсіи въ область далекаго прошлаго послужило изобрѣтеніе нѣкіимъ Кунцомъ «гигіенической кушетки», то мысль писателя исключительно и останавливается на роли «средней части тѣла» въ педагогической системѣ института. Онъ не припоминаетъ, чтобы лично много страдалъ отъ розги, но свидѣтелемъ того, какъ терпѣла «средняя часть тѣла» за дѣйствія и поступки, совсѣмъ не по ея иниціативѣ содѣянные, бывалъ неоднократно *).

Институтъ пользовался привилегіей отправлять каждые полтора года «отличнѣйшихъ» учениковъ въ царскосельскій лицей, куда они поступали на казенное содержаніе. Хотя Салтыковъ былъ оставленъ въ III-мъ классѣ института на второй годъ, но такъ

*) „Недоконченныя Бесѣды“, т. VI, стр. 645.

какъ это случилось не вслѣдствіе дурныхъ отмѣтокъ — учился онъ, попрежнему, хорошо—а только по малолѣтству, то на второй годъ своего пребыванія въ институтѣ въ число «отличнѣйшихъ» избранниковъ попалъ и онъ. Разсказывая объ этомъ д-ру Бѣлоголовому, Салтыковъ очень жалѣлъ, что ему не удалось кончить курсъ въ дворянскомъ институтѣ и поступить въ университетъ. Винилъ онъ въ этомъ своего дядьку, который былъ присланъ изъ деревни родителями для ухода за нимъ. Въ это время было въ обычаѣ, что многіе баричи поступали въ институтъ со своими дядьками изъ крѣпостныхъ, и дядьки эти дѣлались какъ бы комнатными сторожами, получая казенное содержаніе отъ института въ 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Когда вышло распоряженіе о переводѣ изъ дворянскаго института двухъ лучшихъ воспитанниковъ въ царскосельскій лицей, то директоръ назначилъ для перевода и Салтыкова, но тотъ отказался, мечтая о поступленіи въ московскій университетъ. Тогда дядька увѣдомилъ о происшедшемъ родителей, и мать, сильно разсердившаяся на сына за этотъ отказъ, принудила его перейти въ лицей *).

Царскосельскій (а съ 1844 г. Александровскій) лицей, куда теперь, въ 1838 г., перешелъ Салтыковъ, открытъ былъ въ 1810 г. съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы». Онъ состоялъ изъ двухъ курсовъ, начальнаго и окончательнаго, изъ которыхъ каждый проходился въ теченіе трехъ лѣтъ, обнимая предметы, «приличные важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужные для благовоспитаннаго юноши». Оканчивавшіе курсъ воспитанники выпускались съ правами на чинъ, смотря по успѣхамъ, отъ XIV до IX класса.

Воспѣтый когда-то Пушкинымъ царскосельскій лицей теперь, ко времени поступленія въ него Салтыкова, представлялъ изъ себя далеко не тотъ образцовый разсадникъ знанія, какимъ онъ былъ или, по крайней мѣрѣ, стремился быть въ первые послѣ его основанія годы. Теперь въ немъ измѣнилось все, начиная съ вѣдомства, имъ управлявшаго. Съ 1822 г. лицей изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія перешелъ въ военное вѣдомство. Духъ царившей въ немъ свободы, которая, въ связи съ хорошо поставленнымъ дѣломъ преподаванія, развивала въ лицеистахъ чувство человѣческаго достоинства и стремленіе къ самообразованію, давно вывѣтрился. Свободу смѣнила субординація; Куницина, о которомъ съ благодарностью вспоминалъ Пушкинъ **), смѣнилъ Гроздовъ, о которомъ Салтыковъ могъ бы вспом-

*) Н. А. Бѣлоголовый. „Воспоминанія и др. статьи“, стр. 229—230.

**) А. П. Куницинъ читалъ въ лицеѣ логику и нравственныя науки до 1821 г., когда онъ былъ уволенъ въ отставку за мнѣнія, „явно противорѣчащія истинамъ христіанства и клонящіяся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейныхъ и государственныхъ“. Вліяніе Куницина на лицеистовъ отмѣчено Пушкинымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Куницину дань сердца и вина! Онъ создалъ

нить только съ негодованіемъ. Неудивительно, что сатирикъ не любилъ касаться этой лицейской страницы своей жизни, а если мимоходомъ и затрагивалъ ее, то, во всякомъ случаѣ, не для того, чтобы помянуть ее добромъ. «Помню я школу, — говоритъ онъ въ одномъ изъ очерковъ,—но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи. Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... Прочь школу!» *).

При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для развитія учащихся условіяхъ, «пушкинскія традиціи» продолжали жить въ лицеѣ, настойчиво поддерживаемыя и защищаемыя старшимъ курсомъ. Такъ, каждый выпускъ лицеистовъ, считалъ необходимымъ имѣть непремѣнно своего собственнаго Пушкина, и хотя это почетное имя или званіе присваивалось по нуждѣ не всегда съ одинаковымъ тактомъ, не всегда по заслугамъ и талантамъ мѣстныхъ лауреатовъ, но уже само по себѣ взятое это стремленіе выдвинуть изъ своей среды и вознести на извѣстную высоту литературный талантъ предполагало въ лицеистахъ значительную степень уваженія къ интеллектуальной, кристализующейся въ литературѣ, работѣ. И дѣйствительно, вліяніе литературы было тогда, повидимому, очень сильно въ лицеѣ. Воспитаники старшаго курса, даже въ тяжелыхъ условіяхъ тогдашняго чуть ли не казарменнаго режима лицея, отстояли за собой право выписывать за свой счетъ журналы, и во времена Салтыкова въ лицеѣ получались «Отечественныя Записки», «Библіотека для чтенія», «Сынъ Отечества», «Маякъ» и «Revue Etrangère». Журналы читались лицеистами съ жадностью, причемъ особенно замѣтны были популярность и вліяніе «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ въ то время писалъ свои критическія статьи Бѣлинскій.

Пристрастился къ чтенію книгъ и Салтыковъ, чему, между прочимъ, способствовало и то обстоятельство, что преподаваніе предметовъ велось тогда въ лицеѣ такъ поверхностно, что ему, прекрасно подготовленному, первые годы приходилось удѣлять собственно учебнымъ предметамъ очень мало времени. Отсюда явилось полупрезрительное отношеніе къ программнымъ занятіямъ, которое поддерживалось затѣмъ самой системой преподаванія, и Салтыковъ, въ сущности никогда не утрачивавшій пріобрѣтенной имъ въ раннемъ дѣтствѣ огромной трудоспособности, уже во все время пребыванія въ лицеѣ учился плоховато и шелъ въ числѣ посредственныхъ по успѣхамъ воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ чтеніемъ явилась и страсть къ стихотворству, настойчиво преслѣдуемая учебной администраціей, но еще болѣе настойчиво культивируемая воспитанниками лицея, гдѣ рѣдкій мальчикъ, сколько нибудь талантливый, не лелѣялъ мечту сдѣлаться продолжателемъ или даже замѣстителемъ Пушкина. Рано проснувшіяся въ мальчикѣ объ

нась, онъ воспиталъ нашъ пламень... Поставленъ имъ краеугольный камень, имъ чистая лампада возжена".

*) „Губернскіе Очерки", т. I, стр. 384.

эти страсти причиняли Салтыкову въ лицеѣ, начиная съ младшихъ классовъ, не мало непріятностей. За чтеніе книгъ и особенно за стихотворство его преслѣдовала не только администрація лицея, до гувернеровъ включительно, но и—даже въ большей степени—учитель русскаго языка Гроздовъ. Правда, лицейское творчество юнаго поэта не всегда замыкалось въ чертоги чистаго искусства, и это обстоятельство должно было особенно обострять его отношенія къ лицейскому начальству. Тщетно прятали мальчикъ произведенія своей музы въ рукава куртки, за голенища сапогъ, контрабанда извлекалась изъ этихъ потаенныхъ мѣстъ, за чѣмъ неукоснительно слѣдовала кара со сбавкою балла изъ поведенія. Эти столкновенія приняли настолько систематическій характеръ, что впродолженіи своего пребыванія въ лицеѣ Салтыковъ, при 12-ти-балльной системѣ, почти никогда не получалъ изъ поведенія свыше 9 балловъ, не исключая и послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ передъ выпускомъ, когда обыкновенно всѣмъ выставлялся полный баллъ. Къ концу лицейскаго искуса дѣла Салтыкова въ этомъ отношеніи даже ухудшились. По крайней мѣрѣ въ выданномъ ему аттестатѣ значится: «при довольно хорошемъ поведеніи», а это—на условномъ языкѣ лицея—показываетъ, что средній баллъ въ поведеніи воспитанника за поведеніе два года былъ ниже восми. Такую низкую расцѣнку поведенія Салтыкова въ лицеѣ нельзя, однако, цѣликомъ приписывать провинностямъ его юношеской музы. Извѣстную роль сыграла здѣсь царившая въ лицеѣ казарменная субординація, которой молодой лицеистъ не хотѣлъ, а, можетъ быть, и не умѣлъ подчинить себя. Отсюда и происходятъ тѣ такъ называемыя «грубости и шалости,» которыя ставились на видъ непокорному лицеисту: то пуговица оказывалась разстегнутою или совсѣмъ потерянною, то треуголка надѣта съ поля, а не по формѣ, которая, кстати сказать, составляла особую и необыкновенно трудную науку, то юноша былъ пойманъ съ папиросой во рту или уличенъ въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ.

VIII.

Поэтическая карьера Салтыкова.—Выходъ изъ лицея.

Въ оцѣнкѣ поэтическаго дарованія Салтыкова начальство лицея сильно расходилось съ товарищами молодого поэта. Въ то время, когда первое квалифицировало талантъ Салтыкова попросту, какъ дурное поведеніе, товарищи провозгласили его ни мало, ни много, какъ Пушкинымъ своего, XIII-го выпуска. *). Обѣ стороны сильно увлекались и были пристрастны.

*) Для характеристики того, въ какой степени оправдывалась впослѣдствіи оцѣнка лицеистами ихъ лауреатовъ, напомнимъ, что Пушкинымъ XI-го выпуска былъ В. Р. Зотовъ, оказавшійся во мнѣніи лицеистовъ выше дѣйствительно даровитаго своего товарища Мея, Пушкинымъ XII-го выпуска—Н. П. Семеновъ,

Самъ Салтыковъ впослѣдствіи вспоминалъ о своихъ лицейскихъ поэтическихъ опытахъ, и особенно о неоконченной героической трагедіи «Коріоланъ», съ большимъ сарказмомъ. Еще въ лицеѣ оставивъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ, онъ не любилъ потомъ, какъ передаетъ г. Скабичевскій, чтобы кто-нибудь напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости. Онъ хмурился въ этихъ случаяхъ, краснѣлъ и всячески старался замять непріятный для него разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже парадоксальную мысль, будто бы всѣ поэты — сумасшедшіе люди. «Помилуйте, — объяснялъ онъ,— развѣ это не сумасшествіе,—по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренныя рифмованныя строчки! Это все равно что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая» *).

Въ устахъ такого тонкаго цѣнителя литературы, какимъ былъ Салтыковъ, это общее замѣчаніе о поэзіи было, конечно, не болѣе, какъ парадоксомъ. Но въ примѣненіи къ его юношескимъ поэтическимъ упражненіямъ здѣсь есть, повидимому, своя доля правды. Очевидно, стихотворная форма давалась юношѣ съ трудомъ, и, вкладывая плоды своего вдохновенія въ размѣренныя строчки, онъ лично могъ, дѣйствительно, испытывать ощущеніе человѣка, прохаживающагося по разостланной веревочкѣ. По крайней мѣрѣ всѣ извѣстныя намъ его лицейскія стихотворенія не только ничего не говорятъ о поэтическомъ дарованіи автора, но даже не свидѣтельствуютъ и о томъ, чтобы авторъ въ теченіе своей, очень непродолжительной впрочемъ, поэтической карьеры сдѣлалъ какіе-нибудь успѣхи въ умѣніи овладѣть формой **).

Тѣмъ не менѣе его стихотворенія печатались и даже имѣли нѣко-

---

впослѣдствіи сенаторъ, членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, XIV-го—В. П. Гаевскій, авторъ статей о Дельвигѣ и Пушкинѣ, много лѣтъ бывшій предсѣдателемъ литературнаго фонда.

*) „Исторія новѣйшей русской литературы“ А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891 г. стр. 292.

**) Наиболѣе удачнымъ по формѣ слѣдуетъ признать переводъ изъ Гейне „Рыбачкѣ“, написанный Салтыковымъ въ 1841 г.

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми—
Вѣдь морю себя ты ввѣряешь
И въ бурю и въ ясные дни.
А сердце мое то же море—
Бушуетъ оно и кипитъ
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ.

торый успѣхъ. Первое его стихотвореніе «Лира» было напечатано въ 1841 г. въ «Библіотекѣ для чтенія» (томъ 45-й) за подписью «С—въ». Въ слѣдующемъ году появилось въ томъ же журналѣ (т. 50-й) другое его стихотвореніе «Двѣ жизни», помѣченное только первой буквой его фамиліи. Остальныя стихотворенія, счетомъ семь пьесъ, напечатаны были, за полною его подписью, въ «Современникѣ» въ 1844 и 1845 гг., уже по выходѣ его изъ лицея. Вѣроятно, эти стихотворенія, или, во всякомъ случаѣ, часть ихъ, сданы были въ редакцію журнала гораздо раньше ихъ напечатанія и тогда уже обратили на себя вниманіе Плетнева, бывшаго въ то время редакторомъ «Современника». По крайней мѣрѣ, Плетневъ, какъ разсказывалъ Салтыковъ Бѣлоголовому, былъ настолько заинтересованъ своимъ юнымъ сотрудникомъ, что однажды пріѣхалъ даже въ лицей на экзаменъ. При этомъ едва ли, по словамъ Салтыкова, онъ составилъ хорошее представленіе о поэтѣ, который на экзаменѣ отвѣчалъ плоховато по обыкновенію.

Какъ бы тамъ ни было, но всѣ эти плоды вдохновенія молодого поэта не лишены значенія. Для Салтыкова они были полезны въ томъ смыслѣ, что на нихъ онъ подвергъ первому испытанію свои творческія силы; для насъ они интересны тѣмъ матеріаломъ, какой они даютъ для опредѣленія настроенія писателя въ его юношескіе годы.

Любопытно, что расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія Салтыкова начинаются и заканчиваются указаніями на два просвѣта, которые только и признавала его въ общемъ мрачно настроенная муза. Просвѣты эти—поэзія и природа. Въ стихотвореніи «Лира», которымъ въ 1841 г. дебютировалъ Салтыковъ, онъ довольно нескладно, но искренно выражаетъ по адресу русской поэзіи то благоговѣйное почти настроеніе, которое онъ впослѣдствіи перенесъ на русскую литературу вообще. Намекая на поэзію Жуковскаго и Пушкина, онъ пишетъ:

На русскомъ Парнасѣ есть лира;
Струнами ей солнца лучи,
Ихъ звукамъ внимаетъ полміра:
Предъ ними самъ громъ замолчи!

Оцѣнка поэзіи Пушкина здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія по весьма характерному для тогдашняго настроенія Салтыкова противопоставленію волшебнаго очарованія поэзіи безжизненному холоду дѣйствительности:

Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ:
Онъ пѣснею смертныхъ увлекъ
И міра безжизненный холодъ
Въ волшебные звуки облекъ.

Въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи «Весна», написанномъ въ 1844 г., за два или за три мѣсяца до выхода изъ лицея, Салтыковъ, рисуя картину пробужденія природы, противопоставляетъ ей «нашъ духъ унылый». Онъ привѣтствуетъ весну за то, что она согрѣваетъ сердце человѣка и пробуждаетъ въ немъ порывы къ волѣ.

За исключеніемъ этихъ двухъ пьесъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бѣдная лицейская душа поэта не оставалась все-таки безъ пищевого довольствія, весь циклъ стихотвореній лицеиста характеризуетъ его въ общемъ довольно мрачное настроеніе. Онъ жалуется на свое одиночество, на тоску, на сомнѣнія, на томительное однообразіе существованія, «безъ цѣли, безъ значенія». Не обойдена, конечно, юнымъ поэтомъ пѣснь любви, но и это чувство не вноситъ мира въ его душу:

Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

Итоги этого настроенія подводятся въ стихотвореніи «Нашъ Вѣкъ», написанномъ, какъ и «Весна», незадолго до окончанія лицея:

Что-жъ въ жизни есть веселаго? — Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья душу омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

При всѣхъ техническихъ недостаткахъ, которыми страдаютъ стихотворенія Салтыкова, они подкупаютъ васъ своей безыскусственной простотою. Въ нихъ нѣтъ рисовки, нѣтъ подчеркиваній. Юноша искренно, не гоняясь за эффектами, отмѣчалъ то, что переживалъ и чувствовалъ. А что мрачность красокъ, характеризующая его поэзію, болѣе или менѣе точно передавала дѣйствительно преобладавшее въ немъ настроеніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ разсказъ Головачевой-Панаевой о первыхъ встрѣчахъ ея съ Салтыковымъ - лицеистомъ. Она видѣла его еще въ мундирѣ лицеиста, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ по утрамъ въ праздничные дни приходилъ въ домъ М. А. Языкова, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ», какъ объяснялъ его визиты хозяинъ дома. «Юный Салтыковъ,—пишетъ г-жа Головачева-Панаева,—и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ, и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Авторъ воспоминаній только однажды замѣтилъ улыбку на лицѣ всегда сумрачнаго лицеиста. Это случилось во время дѣйствительно курьезной исповѣди нѣкоего К., извѣстнаго всему кружку хвастуна, котораго въ это утро распекалъ Бѣлинскій, въ присутствіи Панаева и другихъ гостей Языкова.

«— Господи, зачѣмъ я вру!—патетично воскликнулъ К.

«— Мамка васъ въ дѣтствѣ зашибла,—замѣтилъ ему Бѣлинскій».

При этихъ словахъ на лицѣ Салтыкова изобразилась та единственная улыбка, которую Головачева и отмѣтила въ своихъ воспоминаніяхъ *).

Въ маѣ 1844 года Салтыковъ окончилъ курсъ лицея съ чиномъ X-го класса, съ которымъ, между прочимъ, раньше вышли изъ лицея Пушкинъ, Дельвигъ и Мей. Въ выпускѣ 1844 года Салтыковъ ока-

*) „Русскіе писатели и артисты". Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Спб. 1890 г. стр. 425—426.

зался по списку семнадцатымъ изъ 22 воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ двѣнадцать было выпущено съ чиномъ IX-го класса, пять—X-го и пять—XII-го. Въ этомъ же году (23-го августа) онъ былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра и только два года спустя, 8-го августа 1846 года, получилъ тамъ первое штатное мѣсто помощника секретаря.

Вспоминая объ этомъ, непосредственно за выпускомъ изъ лицея послѣдовавшемъ, періодѣ своей жизни, Салтыковъ пишетъ: «Я былъ, такъ сказать, средній воспитанникъ; изъ ученія имѣлъ баллы не блестящіе, изъ поведенія—и того меньше. Мои виды на будущее были болѣе чѣмъ посредственные; отсутствіе всякой протекціи и довольно скудное «положеніе» отъ родныхъ отдавали меня на жертву служебной случайности и осуждали на скитаніе по скромнымъ квартирамъ «съ чернымъ ходомъ» и на продовольствіе въ кухмистерскихъ. Даже послѣднее было не всегда доступно, потому что молодость требовала дорогихъ развлеченій, и иногда, ради билета въ театръ, я вынуждался замѣнять скромный кухмистерскій обѣдъ десятикопѣечной колбасой съ булкой. Старый дядька, который жилъ при мнѣ, и тотъ имѣлъ въ мелочной лавкѣ пищу болѣе сытную и здоровую» *).

Брошенное здѣсь вскользь замѣчаніе о молодости, «требовавшей дорогихъ развлеченій», само собою напрашивается на сопоставленіе съ разсказомъ г. Скабичевскаго о томъ, что Салтыковъ, подобно Пушкину, первые три года по выходѣ изъ лицея очень бурно и разсѣянно справлялъ «праздникъ жизни». «По своей страсти все представлять въ комическомъ видѣ, не щадя и самого себя, — говоритъ г. Скабичевскій,—Салтыковъ разсказывалъ о себѣ нѣсколько анекдотовъ изъ этого періода своей жизни, которые по своей крайней курьезности вполнѣ совпадаютъ съ характеромъ его сатиръ» **).

Анекдотовъ этихъ г. Скабичевскій не воспроизводитъ, да для характеристики Салтыкова они едва ли и могутъ имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе. Для бурной и разсѣянной жизни бюджетъ молодого человѣка, который любилъ къ тому же и «пофрантить», былъ слишкомъ скроменъ: какъ самъ онъ разсказывалъ г. Пантелѣеву, онъ получалъ изъ дому отъ матери 1.000 рублей ежегодно, да около 50 рублей въ мѣсяцъ зарабатывалъ рецензіями въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». На такія средства особенно пышнаго праздника жизни не устроишь, и не въ праздникѣ, во всякомъ случаѣ, лежалъ центръ тяжести первыхъ лѣтъ жизни Салтыкова вслѣдъ за выпускомъ его изъ лицея.

Вл. Кранихфельдъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) „Мелочи жизни“, т. V, стр. 399.

**) „Исторія новѣйшей русской литературы“, стр. 292.

ВѢСТЬ ВЕСНЫ.

Въ страны снѣга и жестокихъ холодовъ
Съ юга дальняго, изъ солнечныхъ краевъ
Птичка малая примчалася одна
И пропѣла, что идетъ за ней весна...

Вѣсть прослышали и вздрогнули лѣса.
Улыбнулися сіяньемъ небеса...
Обнажилися вершины хмурыхъ горъ...
Всюду шумъ и гулъ, веселый разговоръ...

Подхватили вѣсть, помчали ручейки,
Донесли ее до скованной рѣки...
Пробудилася могучая, волной—
Вмигъ разбила льда оковы надъ собой...

Заплескалася въ крутые берега;
Затопила всѣ болота и луга,
И, гребнями волнъ бушуя, понеслась,
На степной просторъ далеко разлилась...

Обозлился старый дѣдушка-морозъ,
Заревѣлъ вѣтрамъ: «кто вѣсть весны принесъ?..
Кто осмѣлился нарушить мой покой?—
Занести того мятелью снѣговой...»

Засмѣялися надъ злобой старика:
Бѣлой пѣною игривая рѣка,
Яркой зеленью вершины вѣчныхъ горъ...
Покатился смѣхъ на солнечный просторъ...

Трелью звонкою, серебряной звенитъ,
Пѣсней вольною, стозвучною гремитъ...
Громомъ радости рокочетъ въ небесахъ,
Гуломъ хохота разносится въ лѣсахъ...

Задрожалъ старикъ на тронѣ снѣговомъ
И заплакалъ онъ, поникнувши челомъ:
«О, безумныя, не смѣйтесь надо мной!
Не хранилъ-ли я подъ снѣжной пеленой

Ваши сладкіе, таинственные сны
Отъ мятежныхъ ласкъ волшебницы весны?..»
Такъ промолвилъ онъ съ слезами на глазахъ
И исчезъ, дымясь туманами, въ горахъ...

А пѣснь радости рокочетъ и гремитъ:
Надъ землей весна побѣдная царитъ!

Ѳ. Поступаевъ.

ЕСЛИ ВИДИШЬ, ЕСЛИ СЛЫШИШЬ...

Если слышишь, какъ играетъ бѣгъ потоковъ вешнихъ водъ,
Какъ ликующе смѣется жизни новой хороводъ...

Если видишь, какъ цѣлуетъ Панъ великій грудь земли
И какъ страстно онъ ей шепчетъ сказки сладкія свои...

Если слышишь вздохъ любовный очарованныхъ небесъ,
Какъ хохочетъ громъ безпечный, какъ смѣется старый лѣсъ...

Если видишь, если слышишь,—знаешь тайны жизни ты,
Знаешь радости восторга, силу вѣчной красоты.

Ѳ. Поступаевъ.

„МАЛЕНЬКАЯ ДРАМА“.

Вошла она ко мнѣ робко, поклонилась низкимъ, поясным поклономъ, какъ кланяются монашенки или просительницы изъ простонародья, и сказала съ очень замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ:

— Вы мене извините. Я дѣвушке простая, мало образованна...

И опять поклонилась низко.

Я глянула на лицо ея свѣжее и яркое, сверкающее всѣми красками молодости, красоты и здоровья; на фигуру ея высокую, тонкую, стройную, въ простомъ черномъ платьѣ... главное же, на руки ея глянула, тоже замѣчательныя, необыкновенныя для «простой дѣвушки»: узкія, длинныя, формы нѣжной и благородной, настоящія «породистыя» руки, которыя она сложила на высокой груди, опять же изъ почтительнаго благоговѣнія ко мнѣ, одна на другую, какъ для молитвы, — и мнѣ стало немного досадно на нее за эту ея унизительную робость передо мною и за наивное благоговѣніе.

— Вы меня, пожалуйста, извините... ради Бога!

— Да отлично же!—вскрикнула я нетерпѣливо.—Я очень, очень рада! Честное слово! Чего вы извиняетесь? Пришли и ладно!

И я схватила ее за руку и потащила къ себѣ въ спальню, усадила на диванъ и сама сѣла съ ней рядомъ.

— Я дѣвушке простая, необразованна,—начала она опять голосомъ дрожащимъ, но уже глядя мнѣ въ глаза довѣрчиво, открытымъ и чистымъ дѣтскимъ взглядомъ.—Но и я имѣю умъ мой и душа, и сэрдце мое. И ежели мене трудно подошло и больно, то имѣю я свой право пойти до кого-нибудь и посовѣтоваться?—трепетно вопросила она меня.

И такъ какъ я молчала, она продолжала дальше еще страстнѣе, трепетнѣе:

— Ежели душа у мене болитъ день и ночь, то я и сказала себѣ: «дай, пойду до нихъ...» Потому что всѣ эти дни и ночи я думаю, думаю... Папа зъ мама ничего теперичка не означаютъ для меня... пхе! Что они со мною сдѣлаютъ?.. Папа

пообѣщался вырвать волосы мои, а мама сказала, что умретъ отъ горя, отъ несчастій, и братецъ даже плакалъ... бо братецъ больной и слабый молодой человѣкъ, очень добрый братъ и обожаетъ меня... Но что же я буду дѣлать, Богъ мой?—вскрикнула она уже звонко, отчаянно, ударивъ себя кулачкомъ въ грудь.— Ежели же я хочу жить и своя свобода имѣть и своя личность, и цѣль и смыслъ жизни? А какая же тутъ личность, когда папа дерется... папа добрый человѣкъ, но горячій, палевый человѣкъ... Когда оба они, и папа и мама принуждаютъ мене къ то, чего я не желаю, и запрещаютъ мене то, чего желаю... Глупо живу я, мадамъ, скучно, пошло въ домѣ родителей моихъ, безъ всякой цѣли живу... Да и городокъ нашъ... чего тутъ ждать? Сами вы видите, что за городокъ!.. А родители мои привыкли и довольны. Торговля идетъ хорошо, ну и больше ничего и не требуется. А мене тяжко здѣсь, а мене скучно даже до смерти!.. Лѣсъ кругомъ да болота, да волки въ лѣсу, а въ городѣ люди, какъ волки... Съ кѣмъ тутъ слово сказать? Исправникъ и земскій, и господинъ докторъ мене глазами жрутъ, проходу не даютъ, какъ будто бы я уже и честь своя дѣвическая не имѣю... поцѣлуи пальцами дѣлаютъ и все... А жены ихъ иначе мене не зовутъ, какъ жидовка пархата... Ну и послѣ всего этого сиди тутъ, ѣшь и пей и живи, какъ животный, какъ свинья?! — вскрикнула она съ вызовомъ, сверкнувъ чудесными своими глазами гнѣвно, возмущенно и оскорбленно до послѣдней степени.

Помолчавъ немного, она продолжала уже тихо и вразумительно:— Положимъ, родителей слушаться надо, потому они отъ Бога. Но и умъ мой отъ Бога, и честь, и личность... и сэрдце мое, и идэи, что узнала я отъ умный книга и отъ умный, хорошій человѣкъ, какъ господинъ Самковъ, Егоръ Егоровичъ... И никогда, никогда до самой смерти я уже не уступлю ни одной крошечки изъ того, что имѣю теперичка въ умѣ моемъ и въ сэрдцѣ!—выкрикнула она страстно и съ такою пламенною торжественностью, словно клятву передъ Богомъ давала.

Потрясенная этою клятвою, она смолкла, быстрымъ движеніемъ отвернулась отъ меня въ сторону, помахала обѣими руками въ пылающее лицо свое, точно вѣеромъ. И когда заговорила снова, то въ протяжномъ голосѣ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и возмущеніемъ зазвучала жалоба, горестная и трогательно-безпомощная, точно жалоба ребенка беззащитнаго.

— И все я одна, все одна сама съ собою, съ думами моими бѣдными и съ тоскою, и съ жаркими, какъ огонь, желаніями, чтобы все оно было по другому, не такъ, какъ есть, а какъ въ книгахъ пишутъ и какъ всякій, который умный и настоящій человѣкъ, желаетъ... Какъ я умныхъ, благородныхъ лю-

дей люблю!.. Ай, какъ люблю, почитаю, уважаю!.. И сколько разъ просила я Егора Егоровича: «познакомьте мене зъ ними!» (это со мною-то). А онъ все обѣщался... наконецъ того, и самъ отъ мене отвернулся!..

— Что вы, что вы!—поспѣшила я успокоить ее хоть на этотъ счетъ.—Егоръ Егоровичъ говорилъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго!.. Онъ васъ такъ цѣнитъ, въ такомъ восторгѣ отъ васъ!..

У нея глаза стали громадные, удивленные и восхищенные, словно она вдругъ солнце передъ собою увидала.

— Честное слово?—спросила она негромко, тономъ серьезнымъ, даже строгимъ.—А что же онъ объ мене говорилъ? Какъ отзывался?

И впилась въ лицо мое взглядомъ жаднаго, распаленнаго нетерпѣнія и ожиданія.

— Да много говорилъ онъ о васъ... о вашей грустной жизни дома, о семьѣ вашей и о томъ взаимномъ непониманіи, какое мучитъ и васъ, и родителей вашихъ... И жалѣетъ онъ васъ очень... Между прочимъ говорилъ, что вы очень способная, что книги, которыя онъ даетъ вамъ, вы такъ и «глотаете», съ быстротою невѣроятною и съ пониманіемъ изумительнымъ. Говорилъ онъ мнѣ, что ждетъ отъ васъ въ будущемъ очень много хорошаго,—заключила я, наконецъ, этотъ, быть можетъ, и не совсѣмъ тактичный въ смыслѣ педагогическомъ хвалебный отзывъ о ней, но вполнѣ правдивый, отъ слова до слова такой, какимъ я и слышала его отъ Егора Егоровича.

Она же такъ вся и просіяла.

— Честное слово?—спросила она еще разъ звонко, ударивъ въ ладоши восторженнымъ, дѣтскимъ жестомъ.

Щеки ея, и безъ того розовыя, еще ярче вспыхнули густымъ румянцемъ, засверкали большіе черные глаза и засмѣялись пунсовыя, нѣжныя губы съ характернымъ скорбнымъ очертаніемъ. Неподдѣльнымъ счастьемъ, молодою всезахватывающею радостью даже и на меня отъ нея повѣяло, и я тоже засмѣялась безпричинно и спросила неизвѣстно для чего:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать... девятнадцатый пошелъ съ ноября...

— Великолѣпно!—сказала я и засмѣялась еще радостнѣе.

Но она вдругъ опять потемнѣла въ лицѣ. Быстро отвернулась отъ меня и, уставившись сразу потухшими глазами въ окно, задумалась такъ крѣпко, что, казалось, забыла, гдѣ она и съ кѣмъ...

Эти внезапные и быстрые переходы въ ней отъ одного настроенія къ другому невольно рождали во мнѣ догадку, что передо мною не просто страстная, порывистая, «огневая» натура, тоскующая и неудовлетворенная и жадная до жизни, но еще и

влюбленная молодая дѣвушка. И я разглядывала ее всю еще съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ.

Откинувшись на спинку дивана, скрестивъ руки на груди, она глядѣла черезъ окно на бѣлую крышу сосѣдняго дома и на метель, что гнала мимо дома откуда-то слѣва громадныя волны снѣжной пыли. Волны эти то останавливались передъ окномъ неподвижною и плотною стѣною, и тогда въ комнатѣ моей дѣлалось темно и какъ будто тише, то быстро срывались съ мѣста и глазамъ снова открывалась бѣлая крыша сосѣдняго дома и высокій сугробъ подлѣ дома, похожій на могилу...

Когда она сидѣла такъ задумавшись, молчаливая и неподвижная, красота лица ея, головы и всей фигуры выступала до того рѣзко, выпукло, что поражала, удивляла, какъ-то странно пронзала до тоски даже и меня, постороннюю женщину. «Боже мой,—думала я,—съ такимъ лицомъ, съ такими глазами жить здѣсь, среди волковъ!» И я разсматривала ее пристально и раздумчиво, точно картину.

Глаза у нея были черные, какъ смола, но выраженіе ихъ было не слѣпое, какъ часто встрѣчается въ черныхъ глазахъ, а, наоборотъ, пронзительно-впивающееся свѣтлымъ и яркимъ блескомъ своимъ прямо въ душу тому, на кого глядѣли. И разрѣзъ ихъ былъ великолѣпный—длинный, миндалевидный. Красоту взгляда ея увеличивали еще густыя рѣсницы, загнутыя мягкимъ и нѣжнымъ полукругомъ, и черныя брови, тоже нѣжныя, бархатистыя. Носъ немного длиненъ, но форма строгая, чистая, и ноздри, вырѣзанныя благороднымъ, энергичнымъ рисункомъ. Пунсовыя губы, полныя огня и жизни въ яркой окраскѣ своей и скорбныя, печальныя въ выраженіи низко опущенныхъ уголковъ. Бѣлая, блестящая кожа — признакъ здоровья. Густые волосы съ массою мелкихъ, упругихъ завитковъ на вискахъ, на лбу и на затылкѣ. На фонѣ этихъ черныхъ, съ матовымъ блескомъ, завитковъ дѣвственно-гладкая шея граціозно сливалась съ округлыми щеками и съ твердымъ, характернымъ подбородкомъ. Крошечные, чуть замѣтные волосики точно легкой черной пудрой покрывали верхнюю губу. Такой же легонькій черный, пушекъ замѣтенъ былъ и вдоль щекъ, что придавало имъ выраженіе мужественное, энергичное. Смѣлостью, мужественной энергіей вѣяло и отъ лба ея, равномѣрно выпуклаго и немного непропорціональнаго съ другими частями лица, широкаго и высокаго. Величину его скрыть легко можно было бы волосами, которые она, словно нарочно, тщательно зачесывала наверхъ, отчего умная, интеллигентная открытость и чистота лба выступали еще рѣзче... И въ то же время все вмѣстѣ взятое давало впечатлѣніе такой обаятельной нѣжности, такого чисто-женскаго очарованія, что было бы странно, неесте-

ственно, если бы сама она красоты своей не сознавала... И сознавая, не чувствовала бы ее въ себѣ не какъ наслажденіе только, но и какъ страданіе...

Минутъ десять сидѣла она неподвижно, какъ изваяніе. И вдругъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, опустила голову, закрыла лицо обѣими руками и заплакала. Тихо заплакала, почти беззвучно. Только слезы крупныя и обильныя градомъ побѣжали между пальцами, смочили грудь, упали на колѣни.

— Что съ вами?—спросила я участливо, тронувъ ее за плечо.

Она обернулась ко мнѣ медленно, глянула глазами скорбными, затопленными слезами и прошептала:

— Ай! Пропала я!.. Ай-ай, что-жъ я буду дѣлать?!

И схватившись за виски и зажмуривъ глаза, она закачалась типичнымъ еврейскимъ движеніемъ впередъ и назадъ, впередъ и назадъ, и разрыдалась уже громко рыданіемъ, похожимъ на сухой кашель.

Я поднялась, прошла до дверей, затворила ихъ плотно, чтобы не услышала плачъ прислуга въ кухнѣ, и опять вернулась къ ней.

— Что съ вами?

Но она не отвѣчала, плакала надрывисто, съ большими усиліями вырывая изъ груди каждый звукъ рыдающій.

И смолкла сразу, пересиливъ себя въ одно мгновеніе. Вытерла лицо сперва платкомъ, потомъ ладонями и сказала:

— На-дняхъ долженъ къ намъ господинъ Айзенштейнъ пріѣхать, свататься до мене. Папаша говоритъ, что молодой человѣкъ этотъ—честный человѣкъ, хорошихъ честныхъ родителей. И образованный... Въ гимназіи учился... Въ Петрозаводскѣ у нихъ большая лѣсная торговля и мелочная лавка въ селеніяхъ... А въ банкѣ до ста тысячъ капиталу. Я ему по карточкѣ очень понравилась... И дядя мой ему обо мнѣ разсказалъ. А папаша, когда былъ въ Петрозаводскѣ, то и порѣшилъ уже съ нимъ обо всемъ, продалъ мене, какъ товаръ... А теперь уже пріѣдетъ, поглядитъ, да и совсѣмъ... Сейчасъ же и свадьба... Потому—карточка понравилась...

Она горестно усмѣхнулась, а потомъ гадливо сморщила носъ какъ будто бы заслышала что-нибудь отвратительное.

— А я же не корова и не лошадь, чтобы меня за деньги продавать... Уже другой годъ борюсь я съ родителями моими о томъ, что замужъ только по любви пойду, а безъ любви—ни за что!... Лучше въ рѣчку, въ прорубь головой, чѣмъ замужъ безъ любви! — вскрикнула она съ дикой энергіей, сверкнувъ глазами рѣшительно и отважно...

— Именно, именно!.. Такъ и надо,—сказала я въ искреннемъ восторгѣ, залюбовавшись ею.

Она же отъ волненія сидѣть на мѣстѣ не могла. Поднялась и, сложивъ руки на груди, стала шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, восхищая меня стройной фигурой своей и легкой поступью.

— Не хочу и только!—продолжала она бунтовать:—бей меня, рѣжь меня, кушать не давай, ядомъ корми меня — не пойду и дѣлу конецъ! Сама отъ себя хочу уже жить теперичка!.. Сама своими руками хочу судьба себѣ сковать, какъ кузнецъ желѣзо куетъ... Какъ оно выйдетъ, такъ и выйдетъ, а только чужого мнѣ счастья не надо, а свое не отдамъ.. И свое счастье я буду сама себѣ искать, а не другіе... Не желаю!...

— Великолѣпно!—подбодряла я,—такъ и надо.

— Но только одна у меня забота, одна въ сэрдцѣ заноза больная... Ай, какая больная!..

Она подошла ко мнѣ близко, съ секунду глядѣла въ лицо мнѣ пытливо, раздумчиво и нерѣшительно, словно провѣряла мысленно, можно ли мнѣ сказать то, что хотѣлось сказать ей страстно. И, вѣроятно, убѣдившись, что можно, быстро опустилась на диванъ, наклонилась къ самому уху моему и зашептала, обдавая щеку и шею мою горячимъ, прерывистымъ дыханіемъ:

— Вѣдь я его люблю!.. Егора Егоровича... Съ ума схожу, какъ люблю!.. Онъ некрасивый, но мнѣ кажется лучше всякаго красавца... Потому душа у него, умъ, и понятій и сэрдце, какъ у героя... Это—божество мое!... Я молюсь на него дни и ночи... И влюблена безумно, ужасно!.. Даже и въ лицо его некрасивое, но прекрасное для меня, влюблена до сумасшествій!.. Что же мене дѣлать? — спросила она съ тоскою, нервно хрустнувъ всѣми своими тонкими пальцами, словно разомъ переломить ихъ хотѣла.

И отшатнувшись отъ меня, сидѣла какъ пьяная, съ полузакрытыми, мутными и томными глазами, съ пылающими щеками, съ блуждающей улыбкой на полуоткрытыхъ и слегка оттопыренныхъ, точно для поцѣлуя, губахъ.

Мнѣ ее было и жаль, и чуточку неловко, какъ бываетъ неловко, когда мало знакомый человѣкъ раскрываетъ передъ тобою душу цѣликомъ, точно до-нага раздѣвается.

«Такъ вотъ оно что», подумала я, но удивилась мало, вѣрнѣе, почти не удивилась, такъ какъ еще раньше объ этомъ догадалась. Тотчасъ же припомнился мнѣ діалогъ, который произошелъ у меня съ Егоромъ Егоровичемъ съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Гдѣ были?—спросила я его, какъ-то встрѣтивъ на улицѣ.

— У жидовочки.

— Что дѣлали?

— Читали.

— Что?..

— Рабочіе союзы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

— Та-а-акъ!—помню, тогда же еще протянула я съ легонькой насмѣшкой, тайно подразумѣвая подъ этими «сѣверо-американскими союзами» другой «союзъ»... союзъ двухъ юныхъ душъ, жаждущихъ любви...

Только никогда не думала я, чтобы въ «союзъ» этотъ было вложено столько красиваго драматизма, силы страсти.

— Ну, что-жъ,—сказала я послѣ нѣкотораго молчанія,—это хорошо.

— Хорошо?! — встрепенулась она, словно отъ сна пробуждаясь.—Нѣтъ, не хорошо!.. Я чувствую, я понимаю, что это не должно, не нужно... потому—люблю только я одна, а онъ же-жъ нѣтъ!.. Ему непріятно... И мене бы очень уже хотѣлось объяснить себѣ всѣ его основанія: почему онъ пересталъ до меня ходить уже окончательно?

— Вы ему признались?

— Ни-ни-ни!.. Боже избави!.. Я молчу и буду молчать, только мнѣ обидно и странно, и непонятно, отчего онъ пересталъ ходить. Затѣмъ и до васъ пришла... Такъ себѣ думаю: дай пойду и поговорю съ ними и узнаю что-нибудь для себя ясное... Не могу уже я терпѣть: горитъ во мнѣ сэрдце и день, и ночь!..

— Что же, мнѣ развѣ спросить его? — вызвалась я первая быть посредницей между ею и предметомъ любви ея.

Она на мгновеніе съежилась, испуганно сжала губы и часто заморгала вѣками, точно надъ нею ударъ заносили. Но только на мгновеніе. И тотчасъ же вся засверкала радостью.

— А ну, будьте таки добры,—попросила она страстно, пылко, глянувъ на меня проникновенно, какъ вѣрующіе глядятъ на икону.

— Хорошо! Я сегодня же у него побываю. А теперь идемте со мною обѣдать!

Но она отъ обѣда рѣшительно отказалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я пойду... Дома мене мама ждетъ!

И опять почему-то въ ней проснулась непріятная приниженность, свойственная скорѣе расѣ ея, униженной и оскорбленной, чѣмъ собственной природѣ ея. Она поклонилась мнѣ робко и прошла изъ спальни черезъ столовую на цыпочкахъ, глиссадами, подпрыгивая и присѣдая на ходу, словно танцуя кадриль. И опять мнѣ стало больно за нее, за эту некрасивую робость ея, совершенно не гармонирующую съ общимъ ея стилемъ. И чтобы уже разъ и навсегда уничтожить ея «благоговѣніе» передо мною, я обняла ее фамиліарно за талію, какъ ребенка или какъ подругу свою, привлекла къ себѣ и поцѣловала въ розовую, нѣжную щеку. А у нея слезы налились въ большіе, прекрасные

глаза, и блаженная улыбка еще сильнѣе оживила и расцвѣтила и безъ того живое и цвѣтущее лицо ея.

II.

Пообѣдала я быстро и тотчасъ же собралась къ Егору Егоровичу.

Выйдя за ворота, я глянула вправо, влѣво, прямо передъ собою—всюду одно и то же: снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Навалило его столько, что, казалось, весь міръ погребсти подъ нимъ можно. Снѣжныя крыши домовъ, занесенныхъ высокими сугробами, тянулись двумя рядами по краямъ широкой и ровной, какъ скатерть, дорогѣ. Вмѣстѣ съ телеграфными столбами дорога эта убѣгала въ даль, въ бѣлое поле, пустынное и жуткое. И въ полѣ и по дорогѣ, тамъ и сямъ, крутилась мятель, то завиваясь въ плотныя бѣлыя облака, которыя подпрыгивали и присѣдали надъ землею, какъ бы танцуя дикій танецъ, то разсыпаясь бѣлою пылью, легкою и прозрачною, какъ кисея...

Я повернула влѣво и поплелась мимо сугробовъ, похожихъ на рядъ могилъ, къ самой крайней избѣ, выходившей въ поле. Здѣсь жилъ пріятель мой, Егоръ Егоровичъ Самковъ, съ которымъ я познакомилась недавно, всего мѣсяца два тому назадъ, но съ которымъ сошлась быстро, чуть не съ перваго разговора. Такъ быстро сходятся только люди, очутившіеся на необитаемомъ островѣ...

По профессіи—мастеровой, токарь по металлу, по развитію—интеллигентъ изъ разряда «идейныхъ», онъ велъ въ тихонькомъ, глухомъ городкѣ этомъ злое и нелѣпое существованіе человѣка, котораго въ самомъ разгарѣ работоспособности оторвали отъ привычнаго труда, отъ живой, полной захватывающаго интереса, осмысленной и плодотворной дѣятельности и зашвырнули въ дремучіе лѣса и болота, на далекій, пустынный сѣверъ, полгода занесенный снѣгомъ, обвѣянный мертвой тишиною безлюдья, бездѣятельности и сонливой, тягучей скуки.

Отъ нечего дѣлать рабочій человѣкъ этотъ дни и ночи читалъ. И чтеніе до того опостылѣло непосредственной, здоровой и дѣятельной натурѣ его, что безъ отвращенія онъ не могъ видѣть печатныхъ строкъ. И въ то же время онъ не только не убѣгалъ отъ книгъ, но, наоборотъ, набрасывался на нихъ съ какою-то лютою, остервенѣлою жадностью, словно нарочно, на зло кому-то хотѣлъ поскорѣе покончить съ собою, отравиться чтеніемъ на смерть.

И когда я говорила ему: «Да бросьте вы читать!»—онъ злобно огрызался: «А что же мнѣ прикажете въ этой чортовой трущобѣ

дѣлать? Становиться на четвереньки и выть на снѣгъ? Но для этой цѣли здѣсь существуютъ волки и собаки...»

И онъ былъ правъ. Дѣйствительно, дѣлать ему здѣсь совершенно нечего было...

По обледенѣлой, накренившейся на бокъ лѣсенкѣ, обсыпанной соломой для того, чтобы не поскользнуться, я вошла въ низенькія, темныя и вонючія сѣни, нащупала мокрую и осклизлую, обитую рогожей дверь, толкнула дверь ногою и вошла въ кухню, такую же вонючую, какъ и сѣни, но освѣщенную маленькой жестяной лампочкой и жаркую, даже черезчуръ жаркую и угарную отъ сильно натопленной печки.

Изъ кухни низенькая кособокая дверь вела въ комнату Самкова, снимаемую имъ у мѣстнаго городового за два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

— Здравствуйте вамъ!—сказала я ту же самую фразу, какою и Самковъ имѣлъ обыкновеніе здороваться со всѣми.

— Здравствуйте вамъ!—лѣниво отозвался звучный, но не громкій мужской басъ.

И тотчасъ же съ койки, которая заскрипѣла, поднялась «фигура» съ книгою въ рукахъ.

— Съ книгою?—спросила я, стаскивая съ себя шубу и калоши.

— Какъ водится,—отвѣтилъ басъ.

И въ ту-же секунду злополучная книга полетѣла на койку обратно, стукнулась твердымъ переплетомъ сперва объ стѣну, а потомъ шлепнулась на подушку.

«Фигура» молча подошла къ столу, пошарила на немъ, ища спички.

И «герой романа», наконецъ, предсталъ передо мною во всей своей наличности, ярко освѣщенный лампою безъ абажура.

Это былъ довольно высокаго роста сухой и жилистый человѣкъ, съ фигурою слегка наклоненною впередъ, словно бѣжать собирался, одѣтый въ костюмъ мастерового: синяя нанковая блуза, подпоясанная кожаннымъ ремнемъ, брюки, забранные въ высокіе, смазные сапоги, и черный дешевенькій пиджакъ поверхъ блузы.

Бѣлобрысое лицо его съ маленькими темно-сѣрыми глазами, съ громаднымъ ртомъ и съ незначительными остальными чертами—было самое обыкновенное лицо, скорѣе некрасивое, пожалуй, даже безобразное и ужъ ни въ какомъ случаѣ не изъ тѣхъ лицъ, что нравятся женщинамъ. Въ первый моментъ, по крайней мѣрѣ, въ глаза бросалось даже что-то непріятное, отталкивающее. Въ формѣ бугристаго низенькаго лба и въ волосахъ прямыхъ и жесткихъ, какъ щетина, растущихъ на лбу уродливо, тупымъ угломъ сво-

имъ подходящихъ близко къ переносью и по бокамъ открывающихъ глубокія залысины—было даже что-то животное, напоминающее дикобраза.

Но стоило вглядѣться въ это лицо, привыкнуть къ нему немного, какъ безобразіе его начинало даже нравиться. Въ особенности преображали лицо это мысль, разговоръ, улыбка. Маленькіе, сѣренькіе глазки становились тогда живымъ олицетвореніемъ того, что больше всего нравится въ человѣкѣ, а именно—искренности и правдивости какой-то стихійной, сплошной, безконечной и безудержной, не знающей предѣла и не останавливающейся ни передъ чѣмъ.

Та же стихійная искренность, была и въ улыбкѣ, которая такъ же на первый взглядъ казалась безобразной: громадный ротъ съ блѣдными тонкими губами, разрѣзанными прямымъ, какъ у рыбы, разрѣзомъ, растягивался чуть не до ушей, обнажая типичные мужицкіе зубы, широкіе, четырехъугольные — зубы первобытнаго животнаго. Тѣмъ не менѣе было что-то въ безобразіи этомъ тонко-духовное, влекущее къ себѣ, что грубый поверхностный глазъ, понимающій человѣческую красоту грубо, никогда не способенъ подмѣтить, и что такъ великолѣпно умѣетъ схватить и передать кисть большого художника.

— Садитесь, гостьей будете!—сказалъ Самковъ, освобождая для меня единственный стулъ, заваленный книгами и газетами.— Я всегда на табуретѣ сижу, стуломъ не пользуюсь.

— Сяду,—сказала я весело, вдругъ почувствовавъ себя въ обществѣ этого, сразу мнѣ понравившагося человѣка, легко и пріятно.—Пришла я къ вамъ, сударь, не въ гости... ибо кто же изъ порядочныхъ людей ходитъ по гостямъ днемъ?.. а по дѣлу пришла,—начала я тѣмъ шутливо-фамиліарнымъ тономъ, какой тоже сразу установился между нами.

— О-о?!.. Даже по дѣлу!.. Это любопытно!

— И очень большое дѣло,—продолжала я уже серьезно.— Видите ли, была у меня эта ваша... жидовочка...

— Да?—встрепенулся онъ не безъ тревоги.

— Просила она меня поговорить съ вами... Почему вы къ ней не ходите—тоже велѣла спросить... разсказывала о себѣ много... Между прочимъ, призналась...

— Знаю!—крикнулъ онъ рѣзко, взмахнувъ рукою протестующе.—Не говорите, знаю!..

Онъ нахмурился, спрятавъ озабоченные и недовольные глаза глубоко подъ бѣлесыя брови, круто повернулся и зашагалъ по комнатѣ, громко стуча каблуками и ворошa дикобразьи волосы свои обѣими руками взволнованно.

— Приходила къ вамъ и призналась въ томъ, что влюб-

лена, да?—спросилъ онъ, вдругъ остановившись передо мною и скашивая рыбій ротъ свой въ ироническую улыбку.

— Да,—подтвердила я тихо.—Вамъ, значитъ, извѣстно, что она влюблена? А между тѣмъ, мнѣ говорила, что вы ничего не знаете. Значитъ, соврала.

— Ничуть не соврала!—оборвалъ онъ угрюмо, глянувъ на меня сердито, словно обидѣлся за нее.—Правдива она, какъ дикарь, какъ людоѣдъ... врать не умѣетъ, это знайте! Но наивна иногда бываетъ до глупости, хотя и далеко не глупая особа. Просто, вѣроятно, вообразила, что узнать можно только тогда, когда она «признается». А я вотъ безъ всякихъ признаній взялъ да и порѣшилъ все... Визиты свои оборвалъ и конченъ балъ!..

Онъ опять зашагалъ, чему-то злобно усмѣхаясь въ рыжеватые тараканьи усы.

Я глядѣла на его не совсѣмъ стройную, но быструю, со стремительнымъ наклономъ впередъ фигуру, легкую, подвижную, съ какою-то прирожденною хищническою, какъ у пантеры, граціей, и ждала, что будетъ дальше.

— Сказано—бабье!—сталъ онъ бросать слова злымъ и отрывистымъ, какъ лай собаки, звукомъ, презрительно улыбаясь однимъ угломъ большого рта.—Къ нимъ подходишь съ однимъ, а онѣ тебѣ норовятъ вывести оттуда совсѣмъ другое. И получается, чортъ знаетъ, какой кавардакъ!.. И правъ Ничше, побей меня Богъ!.. сто разъ правъ, когда говоритъ: «женщины пока еще не люди. Это—кошки, птицы, обезьяны, въ лучшемъ случаѣ, коровы»... Да какъ же, помилуйте!—рванулся онъ въ мою сторону.—Ей, примѣрно, всячески толкуешь о томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ, какъ имъ жить не должно и какъ жить надлежитъ, а она: «люблю!..» И ужъ тебѣ млѣетъ и горитъ, и пышетъ... Пожарище, да и только!.. Чортъ знаетъ, что за ерунда!..

Онъ даже сплюнулъ въ уголъ громко, и бугристый лобъ его наморщился еще сильнѣе и сталъ безобразнѣе.

— Однако,—засмѣялась я,—хорошій же изъ васъ «любовникъ» получится!

— Никогда имъ не былъ, да и не буду: не мое амплуа!—рванулъ онъ, ожесточенно вращая бѣлками глазъ.

Злился онъ съ каждой минутой все сильнѣе, а я, сама не знаю почему, злости этой не вѣрила, она меня не смущала и не огорчала ни капельки. Наоборотъ, какъ-то глупо и безпричинно веселила, забавляла. И я продолжала зубоскалить.

— Оно и видно!.. Какой ужъ тутъ любовникъ!.. Дикарь и грубіянъ!.. Но, однако, погодите!.. Она-то васъ, вѣдь, любитъ! Какъ же съ этимъ быть?

— А я почему знаю?

Онъ бросилъ въ уголъ окурокъ и принялся набивать новую папиросу.

— Любитъ—ну, и пусть себѣ съ этою почтенною любовью своею справляется, какъ знаетъ!.. А по мнѣ—такъ и справляться то особенно нечего!.. Ерунда все это!..

— Любовь—ерунда?

— Да, то что-жъ? Нешто дѣло? — спросилъ онъ громко, насмѣшливо оскаливъ четырехъугольные зубы свои.—Ха-а!.. Кабы поменьше такихъ дѣловъ на свѣтѣ было, люди сразу бы поумнѣли... А то—дураки дураками!

— Оригинально! Это отчасти мнѣ нравится,—засмѣялась я.—Скажите: неужели васъ ни капельки не волнуетъ красота ея? Вѣдь красавица рѣдкостная, ей-Богу!

Онъ вспыхнулъ, какъ институтка, и этимъ выдалъ себя съ головою. И хотя бѣлесыя брови его опять насупились и глаза подъ ними засверкали звѣрски, но я уже ни на іоту не сомнѣвалась въ томъ, что «дѣло тутъ не совсѣмъ чисто».

Какъ-то особенно высокомѣрно ухмыльнувшись, словно ему и самъ чортъ не братъ, онъ бросилъ мнѣ, наконецъ, холодно, медленно, цѣдя слово за словомъ:

— То, что она красавица, какъ утверждаете вы, для мени означаетъ столько же, сколько и то, что я форменный уродъ... Капля въ каплю похожъ на ибсеновскаго «Барсука», какимъ его изображаетъ московскій художественный театръ,—видали Штокмана, небось?.. Ну, вотъ!.. Совершенно одинаково... Хорошъ ли я мордой, али дуренъ—все единственно... Это меня не касается!.. Точно также и писанная красота вышеозначенной особы меня нисколько даже не касается... Н-да-а-съ!.. Что вы на это скажете? — спросилъ онъ, ставъ передо мной въ позу и глянувъ на меня съ озорнымъ вызовомъ.

Я на это только засмѣялась. Онъ же не то догадался, что я ему не очень-то вѣрю, не то вспомнилъ что-то, но только задумался и стихъ и какъ-то разомъ опустилъ крылья. Минутъ пять ходилъ по комнатѣ, заложивъ обѣ руки въ карманы брюкъ и низко уронивъ голову на грудь. И когда заговорилъ снова, то голосъ его гудѣлъ уже на обычныхъ его басовыхъ нотахъ, глухо и монотонно, и глаза свѣтились задумчивой и глубокой, но сдержанной печалью.

— Въ жизни есть много кое-чего пострашнѣе любовныхъ томленій. Бываетъ такъ, что иному человѣку можно разомъ излѣчиться отъ какого угодно романтизма... Я, напримѣръ, однажды видѣлъ, какъ на заводѣ раскаленной до-красна проволокой—вотъ какія на телеграфныхъ столбахъ растягиваютъ—товарища моего пополамъ перерѣзало. Одна половина, гдѣ голова, руки и грудь—направо

упала, а другая, гдѣ животъ и ноги—налѣво. Тихохонько такъ свалилась. Трахъ—и готово! Безъ малѣйшаго даже звука, трахъ—и все! На одно только мгновеніе, когда тѣло-то проволока только что лизнула, раздался на весь заводъ дикій, нечеловѣческій крикъ: «а-а!» и затѣмъ—тихо... Ни звука. Одна половина тутъ, другая тамъ.

Онъ помолчалъ, болѣзненно усмѣхнулся и, не взглянувъ на меня, продолжалъ попрежнему тихо, глухо и монотонно:

— А еще такой случай видалъ. Въ механической мастерской дѣло происходило, на заводѣ Вермеля въ Москвѣ... громадный заводъ... масса станковъ разныхъ, машинъ... колесъ этихъ, ремней, проводовъ, штивовъ—пропасть! Устройства механической мастерской, конечно, не знаете? Очень жаль!.. Коли не видали, представить себѣ вамъ трудно, если бы даже и растолковать... Ну, да однимъ словомъ, въ числѣ прочихъ станковъ было такъ называемое точило. Былъ тамъ человѣкъ одинъ, шорникомъ назывался. На обязанности шорника надлежитъ слѣдить за ремнями: снимать ихъ и надѣвать, исправлять, чинить... Такъ вотъ, сталъ этотъ самый шорникъ у точила съ ремнемъ что-то дѣлать, надѣвать, кажется, да и запутался какъ-то въ ремень... Мигомъ схватило его и перебросило къ приводу... А приводъ-то подлѣ стѣны... трахъ объ стѣну!.. Опять потащило... заколотило о чугунные штивы, опять объ стѣну, перебрасывало съ одного привода на другой; растерзало въ клочья... оторвало на-прочь голову, руки и ноги, расшвыряло во всѣ стороны, а кишки по ремнямъ, по приводамъ размотало... Такая, я вамъ скажу, картина, что—ахъ!..

— Я наблюдалъ эту картину съ четверть часа,—продолжалъ онъ, усаживаясь на стулъ съ видомъ угрюмымъ и недовольнымъ, словно раскаивался въ душѣ, что говорилъ со мною объ этомъ.—Если бы вы видали лица рабочихъ въ этотъ моментъ!.. Я думаю, до самой смерти никто изъ нихъ уже не забудетъ этихъ размотанныхъ, какъ клубокъ веревокъ, кишекъ по ремнямъ, оторванной головы съ выкатившимися глазами. Представляете теперь, сколько ночей я долженъ былъ не спать, чтобы думать объ этомъ?.. все думать, все думать! А вѣдь я не изъ чувствительныхъ... Совсѣмъ даже напротивъ... какъ вообще рабочіе люди, служащіе на фабрикахъ, заводахъ, въ шахтахъ, въ рудникахъ и въ прочихъ серьезныхъ мѣстахъ. Содранная, напримѣръ, кожа тамъ, что ли... вырванные клочки мяса до костей, пальцы оторванные, даже иной разъ кисти рукъ и ступни ногъ—все это уже и за событіе не считается... Просто мелочь, о которой никто и не говоритъ. Отскочитъ палецъ—сосѣдъ даже еще засмѣется. «Такъ!—скажетъ,—не зѣвай!..» Ну, а послѣ шорника весь заводъ распустили, никто

работать не могъ... Разошлись по домамъ, какъ мертвецы бѣлые!.. Н-да-а-съ!. Такъ вотъ вамъ и любовь!..—заключилъ онъ совершенно неожиданно непріятнымъ выкрикомъ и разсмѣялся неестественно, короткимъ, нервнымъ смѣшкомъ.

И мнѣ стало не по себѣ. Словно тѣнь какая-то пробѣжала по душѣ моей, подымая во мнѣ что-то нудное. Въ груди вдругъ стало стѣснительно, тоскливо, похоже на то, когда легкія болятъ.

— Ну такъ какъ же?—спросила я, вспомнивъ, что вѣдь надо же мнѣ завтра, или когда тамъ, отвѣтить жидовочкѣ опредѣленно на ея вопросы.

— Что «какъ же?»—переспросилъ онъ уже весело, глядя на меня насмѣшливо и добродушно.

— Да насчетъ нея же... насчетъ этой миленькой и бѣдненькой влюбленной въ васъ дѣвушки... Погодите,—остановила я его, замѣтивъ, какъ бугристый лобъ его опять вдругъ наморщился и глаза сумрачно спрятались подъ брови.—Надо же ее пожалѣть! надо поговорить о ней, я затѣмъ, собственно, сегодня и пришла.

Онъ метнулся разъ-другой по комнатѣ, опять сѣлъ на кровать такъ, что ноги не доставали до полу, и, пуская въ воздухъ табачный дымъ колечками, сказалъ съ безпечною бравадою, которая опять же показалась мнѣ напускною, неискреннею.

— А что-жъ о ней говорить? Пусть она сама о себѣ говоритъ, а мы послушаемъ... да и то въ томъ только случаѣ, если коротко и не очень скучно. Смерть не люблю чувствительныхъ, романтичныхъ женщинъ, даже и въ книгахъ, гдѣ онѣ всегда рисуются въ сто кратъ интереснѣе, чѣмъ въ жизни!

И опять дымъ колечками и игривое безпечное болтаніе въ воздухѣ ногами.

Меня, наконецъ, взорвало. Не за жидовочку только стало обидно, а вообще за женщину, и я набросилась на него змѣйкою.

— А знаете что?

— Что?

— Это свинство!.. Подлость и гадость форменная!

— Да почему-жъ такое?—спросилъ онъ, нагло скаля зубы и разводя руками съ невинностью младенца.

— Да потому!—запальчиво крикнула я.—Самъ же дѣвушкѣ вскружилъ голову, да самъ же и на попятный дворъ... И какъ только вамъ ее не жалко, не понимаю рѣшительно!

— Э-э!—протянулъ онъ уже досадливо, сморщивъ носъ такъ, словно ваксы попробовалъ.—Ну, что значитъ «вскружилъ голову»? Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, что такое «попятный дворъ»? И, наконецъ, въ-третьихъ, что значитъ «жалко» и «не жалко»?.. Сейчасъ вамъ все объясню по пунктамъ.

Онъ глянулъ на меня строго, какъ судья на подсудимаго,

подошелъ поближе, присѣлъ на уголокъ стола и принялся «пункты» свои выяснять обстоятельно.

— Пунктъ первый,—сказалъ онъ, загибая указательный палецъ лѣвой руки. — Головы не кружилъ никому и никогда въ томъ смыслѣ, какой желателенъ вамъ для даннаго случая. Не кружилъ, не кружу и не стану кружить до конца дней моихъ. Ибо не имѣю на это никакихъ данныхъ—ни прирожденныхъ, ни благопріобрѣтенныхъ. Отъ природы есмь я барсукъ большеротый, а отъ жизни—циникъ и сатиръ, озорникъ и надсмѣшникъ надъ всѣмъ, что тонко, поэтично, романтично и вообще архичувствительно. Эстетики не признаю и надъ луною издѣваюсь. Женскую красоту чувствую, какъ нѣкую обузу, данную человѣчеству для того, чтобы только плодить въ немъ суетныя мысли и нездоровыя желанія. И когда подхожу къ женщинѣ, то первый вопросъ, который задаю себѣ, такой: дура ли она сплошная, круглая и ровная, гладкая, какъ пуля или крокетный шаръ, или же есть у нея еще и изгибы мысли, выемки и царапинки ума и разума? Потому что—простите великодушно!—вполнѣ умной женщины, какъ вотъ бываютъ вполнѣ умные мужчины, я еще отродясь не видывалъ. Ежели и встрѣчались, то только съ «выемками», съ «изгибами» и «царапинами». И за то благодареніе Богу!.. Такъ вотъ... подхожу и завожу съ ней рѣчь точно такъ же, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ бесѣдую и съ мужчинами, съ товарищемъ своимъ слесаремъ Гуськовымъ, вообще съ людьми... не болѣе и не менѣе!.. Въ кавалеры никогда не претендовалъ—глупо! Вотъ вамъ первый пунктъ. Второй пунктъ теперь. А хотя бы и на «попятный дворъ»? Что-жъ тутъ свинскаго? Наоборотъ, много человѣческаго. Къ пожару нужно подходить съ водою, съ вилами, съ крючьями или еще тамъ съ чѣмъ, чтобы такъ или иначе загасить его. Ну, а мой «попятный дворъ» для воспылавшей дѣвицы развѣ не та же пожарная кишка?.. Пунктъ третій теперь: «жалко»! Я и жалѣю и даже весьма жалѣю тѣмъ, что огня не раздуваю.

Онъ смолкъ, разомъ оборвалъ рѣчь свою, поднялся и опять зашагалъ задумчивый, хмурый и сосредоточенный.

Мнѣ нечего было ему возразить, до того «пункты» его были основательны, хотя полнаго удовлетворенія отъ объясненія его, такого подробнаго и яснаго, я все же не получила.

И когда попрощалась съ нимъ и вышла, то осадокъ чего-то непріятнаго въ душѣ почувствовался мною еще острѣе. Такъ бываетъ всегда при неискренности: идетъ ли эта неискренность отъ тебя самого, или отъ другого. Но въ то же время разглагольствованія его вспоминала не безъ удовольствія. Несмотря на нѣкоторую неискренность, разглагольствованія эти нравились мнѣ моло-

дою заносчивостью своею, вызовомъ, въ которомъ было что-то свободное, дерзкое и гордое.

Провожать меня онъ не пошелъ, какъ дѣлалъ раньше, и это опять же было подозрительно.

«Ужъ очень хочетъ поскорѣе остаться одинъ,—подумала я съ истинно-женскимъ злорадствомъ.—«Ерунда, ерунда», а самъ нѣтъ-нѣтъ да и потемнѣетъ».

Хотя было всего только шесть часовъ или даже меньше, но городокъ нашъ со всѣхъ сторонъ покрывала уже ночь, глухая и непогодная. Въ темномъ небѣ не было ни звѣздъ, ни мѣсяца. На темной землѣ съ озлобленнымъ воемъ носились мглистыя волны метели. Слѣпой керосиновый фонарь, залѣпленный снѣгомъ, словно фатою черною задернутый, сиротливо и одиноко мерцалъ у порога полицейскаго правленія, указывая мнѣ путь къ моему дому. И я брела противъ вѣтра, ощупью, тяжело и опасливо передвигая ноги, чтобы не наткнуться на сугробы и не завязнуть въ нихъ. Вѣтеръ, рѣзкій и злой, забирался во всѣ щели одежды, кололъ лицо и руки. И такъ какъ мой домъ былъ близко, то мнѣ не страшна была бѣшеная злость вьюги, а наоборотъ, было весело и отъ вѣтра, и отъ темноты, и отъ жуткаго безлюдья...

III.

На другой день едва я только проснулась, какъ прислуга объявила мнѣ, что въ столовой уже съ часъ дожидается меня «жидовская барышня».

На этотъ разъ встрѣтились мы съ нею уже запросто, какъ старые друзья. На мое привѣтствіе она обрадованно закивала головою и вмѣсто вчерашняго низкаго пояснаго поклона подала мнѣ обѣ руки живымъ и непринужденнымъ движеніемъ.

Опять повела я ее къ себѣ въ спальню, къ тому же самому дивану, на которомъ она и вчера сидѣла.

— Пришла я до васъ рано такъ потому, что уже очень хочется знать поскорѣе, какъ оно тамъ... вѣдь вы вчера были у него, да?..— спросила она, быстро освобождая голову отъ бѣлаго гаруснаго платка и стаскивая съ себя черненькую драповую кофточку.

Мнѣ не хотѣлось ее огорчать сейчасъ же передачей разговора моего вчерашняго съ Егоромъ Егоровичемъ. И я стала придумывать какое-нибудь смягчающее утѣшительное «предисловіе». А пока придумывала, занялась кофеемъ, который прислуга внесла мнѣ въ спальню.

Но она отъ кофе отказалась. И, сидя на диванѣ смирно, глядѣла на меня во всѣ громадные, блестящіе глаза съ нетерпѣніемъ, которое едва скрывала.

Наконецъ, я кончила свой кофе, подсѣла къ ней и начала такъ приблизительно:

— У насъ, женщинъ, любовь занимаетъ черезчуръ громадное мѣсто въ душѣ. И это очень дурно!.. Очень-очень неразумно. Ибо любовь—по крайней мѣрѣ, какъ она проявлялась и проявляется до сихъ поръ у людей—совсѣмъ, совсѣмъ не стоитъ того, чтобы отдавать ей лучшія силы души. Нести на алтарь ея самыя пламенныя мечты и грезы, самые яркіе и благоуханные цвѣты молодости... Совсѣмъ, совсѣмъ не стоитъ того!..

Я начала эту сентенцію съ единственною цѣлью—педагогическою, совершенно забывъ, что если и есть въ ней что-нибудь спасительное, то только для женщины, много любившей и отъ любви уставшей, а вовсе не для дѣвушки, влюбившейся впервые.

Но она все же слушала меня благоговѣйно, затаивъ дыханіе, широко раскрывъ глаза и глядя мнѣ прямо въ ротъ.

А я увлеклась и не замѣтила, какъ къ благоговѣнію этому присоединилось еще и раздраженіе, которое, наконецъ, вырвалось у нея, какъ стонъ, въ самый разгаръ моего краснорѣчія.

— Да погодите же!.. Вы о немъ... объ господинѣ Самковѣ... И онъ такъ же думаетъ?..

Я смутилась и пробормотала:

— Вѣроятно...

— А вчера?.. О чемъ вчера съ нимъ говорили?.. — спросила она шопотомъ, впиваясь въ лицо мое жаднымъ взглядомъ.

— Вчера говорили о вашей любви,—объявила я уже прямо.

— Ну?

Отъ нетерпѣнія она даже толкнула меня въ бокъ, такъ что я инстинктивно попятилась отъ нея.

— Да ему все извѣстно. Онъ давно уже обо всемъ догадался самъ, безъ вашего признанія.

— Оттого и ходить до меня пересталъ, да?..

— Вѣроятно,—опять сказала я уклончиво.

— Не любитъ, значитъ, да?..

Я промолчала. А потомъ пояснила:

— Жалѣетъ васъ, почему и не желаетъ чувства вашего раздувать.

Она рванулась впередъ всѣмъ тѣломъ, словно ее изнутри что подбросило, хотѣла было еще что-то не то спросить, не то объяснить, но раздумала. И глянувъ на меня вдругъ измѣнившимся, прищуреннымъ, потухшимъ взглядомъ, разсмѣялась смѣхомъ длиннымъ, тоненькимъ, разсыпчатымъ... Потомъ поднялась съ дивана и сказала, тоже тономъ измѣнившимся, бодрымъ, даже веселымъ:

— Ага! Теперчка я уже буду знать, чего мене дѣлать!.. Ага!..

И заходила по комнатѣ взадъ и впередъ шагомъ твердымъ, рѣшительнымъ, съ видомъ какимъ-то вдругъ обновленнымъ, словно что-то такое въ ней родилось и разомъ измѣнило ее всю и наружно, и внутренно.

— Такъ вамъ, значитъ, и сказалъ, что не любитъ меня, и только жалѣетъ?—еще разъ спросила она, но уже безъ прежняго влюбленнаго трепета, нетерпѣливаго и жаднаго, спросила, какъ бы для того только, чтобы уже покончить съ этимъ разъ и навсегда.

И опять молчаніе мое принявъ за знакъ согласія, она разсмѣялась еще звонче и протяжнѣе, глядя на меня прищуренными глазами насмѣшливо, загадочно и хитро.

Отъ смущенія какого-то безотчетнаго, похожаго на стыдъ, словно я тутъ чѣмъ-то была виновата, я взяла газету и уткнулась въ нее, дѣлая видъ, что читаю. А она стала носиться по комнатѣ мимо меня, какъ маятникъ, взадъ-впередъ, взадъ-передъ, шагомъ тяжелымъ, твердымъ, не похожимъ на ея прежнюю, женскую, чуть-чуть подпрыгивающую и легкую поступь. Изрѣдка, изъ-за газеты я взглядывала на нее бѣглымъ, боковымъ взглядомъ и удивлялась даже до испуга восковой блѣдности лица ея, синевѣ губъ и сухому блеску глазъ, которые все не переставали усмѣхаться усмѣшкой хитренькою, себѣ на умѣ.

И вдругъ она схватила платокъ свой и кофточку, быстро одѣлась и, не говоря ни слова, вѣроятно, забывъ даже совершенно, что она у меня въ гостяхъ и что надо ей попрощаться со мною, повернулась и все тѣмъ же тяжелымъ и твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ пошла къ выходу.

— Вы куда? Не хотите даже попрощаться?—окликнула я ее.

Она обернулась, глянула на меня разсѣянно, какимъ-то незрячимъ, отсутствующимъ взглядомъ, слабо усмѣхнулась и сказала съ усиліемъ:

— Теперь уже мене надо пойти... до дому... Прощайте!

Слабо дотронулась до моей руки похолодѣвшими, какъ у мертвеца, пальцами и вышла. Но въ передней опять на мгновеніе остановилась, словно вспомнила вдругъ что-то ужасно забавное, и крикнула весело, даже съ удалью, съ задоромъ:

— Ай, да исторія же будетъ!.. Ай-ай-ай!..

— Что вы такое надумали?—спросила я строго, предчувствуя что-то недоброе.

— А ничего себѣ!.. Такъ оно себѣ!—кинула она мнѣ уже съ явно подчеркнутою озорною насмѣшкою, словно издѣваясь надо мною.

И скрылась съ лицомъ бѣлымъ, какъ воскъ, съ глазами незрячими, отсутствующими и съ улыбкой озорною, хитренькой, себѣ на умѣ...

IV.

Прошло дня три. Егора Егоровича я не видала. Заходила къ нему раза два и не застала. «Жидовочки» тоже нигдѣ на улицахъ не встрѣчала. И впечатлѣніе отъ «романа» начинало понемногу разсѣиваться.

Какъ вдругъ на четвертый или на пятый день прислуга моя Саша, подавая поутру мнѣ газеты и письма, сказала, жеманясь не столько отъ конфуза, сколько отъ своеобразнаго деревенскаго кокетства:

— А у жидовъ дѣвка сбѣжала... Та, что у васъ была третева дни... Розой зовутъ...

Саша качнулась животомъ впередъ, жеманно склонила на бокъ курносое бѣлобрысое лицо и продолжала голосомъ ровнымъ, нараспѣвъ, сливая окончаніе одного слова съ началомъ другого, такъ что рѣчь ея издали слышалась мнѣ, какъ сплошное «вя-а-вя-а-вя-а-а!»

— Жидъ съ жидовкой и всѣ жиденята во-о-ютъ!.. Сусѣди бають, что еще въ пятницу сбѣжала... У васъ была утромъ, а вечеромъ скрылася... А родители спохватилися только два дни спустя... Она ихъ обманула... «Пойду, гритъ, къ аптекаревой Сонѣ баску себѣ шить. Тамъ, гритъ, и ночевать буду».—Матъ-то пустила, да и горя мало. Цѣльныхъ два дня прошло. Думали, дѣвка съ подружкою загулялася, анъ, глядь—на третій день мужикъ въ лавку приходитъ, да и подаетъ отъ нея письмо-то... Енъ же и возилъ самъ... Мужикъ-то... Чурилинскій мужичокъ, три версты отседова, Чурилино-то... Ну, она до Чурилина пѣшкомъ подрала, а оттедова наняла мужика до Куркиной, первая станція почтовая... Видно на Петенбурхъ маханула... И въ письмѣ написала, чтобы не искали... Не вернусь, гритъ, ни почемъ... А жанихъ изъ Петрозаводска пріѣхамши вчера... Срамота, да и только!..

Саша глупо захихикала, кокетливо закрыла грязнымъ фартукомъ ротъ и продолжала, качаясь животомъ уже во всѣ стороны:

— Жидовка-то, старуха, мамаша ейная, сперва все отъ людей скрывалася... Такъ, плакать-то, голосить все въ байну *) бѣгала. Затворится въ байной-то, плюхнется на полъ, уцѣпится за волосья да какъ заво-о-етъ!.. А робятишки въ окна, какъ воронье на падаль посбѣжалися... Отъ нихъ нешто скроешься?.. А самъ-то жидъ ровно бы помѣшался разумомъ-то, сперва мотнулся было въ погоню, а потомъ вернулся... «Пусть, гритъ, она проклята будетъ, бѣглянка, така-сяка... Нѣтъ ей мово родетельскаго бла-

*) Баня.

гословенья!» Дуже убиваца!..' Все Богу молится... А жанихъ-то въ конфузѣ!.. Съ молодымъ-то жидомъ все ругаца... «Ты, гритъ, такой-сякой, мошельникъ и обманщикъ... Кабы ежели упредилъ меня раньше—не поѣхалъ бы таку даль ни почемъ». А молодой-то ему: «Да нешто я зналъ?.. Нешто она со мною совѣтовалась—сбѣжать ей аль нѣтъ?..» Срамота!.. А что народу подлѣ лавки ихней, народу-то!.. Почитай, што весь городъ сбѣжамши... Мальчишковъ этихъ, дѣвчонковъ—страсть!.. Какъ же, занятно: невѣста сбѣжала!.. Гы-гы-гы-гы-ы!—засмѣялась Саша идіотскимъ смѣхомъ, тупымъ и злораднымъ.

Еще въ началѣ этого сообщенія я вскочила съ постели, какъ отъ удара, а къ концу у меня не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что все это правда. И эта «правда» ужасною тревогою сказалась въ моемъ сердцѣ.

V.

Прежде всего я побѣжала къ Егору Егоровичу. Но опять не застала его дома.

— Да куда онъ пропадаетъ все?—спросила я квартирную хозяйку его, городовиху.

— А хто-жъ яво знаетъ!.. Чисто волкъ какой бѣгаетъ эти дни: зло-о-ой-презлой!.. И обѣдать не приходитъ. Встанетъ рано, возьметъ хлѣба за пазуху краюху, да и до вечера!.. Гдѣ шляца—неизвѣстно!.. А полицейскій-то надзиратель Ефимыча мово окончательно извелъ... «Куда, гритъ, жилецъ-то твой шляца?.. Какъ ты есть хозяинъ яму, то должонъ слѣдить. Потому онъ хошь и на волѣ, а все одно, што арестантъ, острожникъ поднадзорный... И штобы безпремѣнно въ книгу кажинный день расписувался...» А яво нешто заставишь?.. Злой-презлой!.. Бяда!.. Теперь, небойсь, къ ночи яво только и жди!.. Бяда!.. Гдѣ шляца—неизвѣстно!..

Я повернулась, чтобы уйти. Но въ сѣняхъ остановилась и спросила:

— А что тамъ такое у евреевъ случилось, у лавочника, не слыхали?

— У явреевъ-то?—переспросила баба, невинно шмыгая носомъ.

И прежде чѣмъ отвѣтить, уставилась на меня бѣлыми глазами въ упоръ недовѣрчиво, подозрительно, испуганно.

Лицо у бабы было узкое и тонкое, выпяченное долгимъ носомъ впередъ, какъ у щуки, со стесаннымъ подбородкомъ и съ невѣроятно длиннымъ ртомъ, перерѣзывающимъ впалыя щеки пополамъ.

— У явреевъ-то? Да ужъ не безъ грѣха тутъ дѣло-то,—ска-

зала она, таинственно подмаргивая бѣлымъ глазомъ.—Нашъ-отъ Егоръ-то Егорычъ допрежъ шлялся къ нимъ частенько...

Баба раздвинула шучью пасть свою и показала распухшія, кровавыя десны.

— Ужъ не безъ грѣха! Дѣвка была пригожая изъ себя-то, съ морды то-ись!..

— Съ ума вы сошли!..

— Да мы—что-жъ!.. Наше дѣло сторона!.. Народъ баитъ... А только не безъ грѣха!—уже увѣренно и злорадно кинула мнѣ щука въ догонку.

Я направилась въ улицу, гдѣ была еврейская лавочка. «Всего города», какъ увѣряла Саша, не было, но «мальчишковъ» и «дѣвчонковъ» подлѣ лавочки дѣйствительно было пропасть, что ясно свидѣтельствовало о наличности «событія». Я вошла въ лавочку и спросила первое, что на умъ пришло:

— Конверты почтовые есть?

— Не торгуемъ!—какъ-то особенно звонко и обиженно кинулъ мнѣ изъ-за стойки молодой человѣкъ, очевидно братъ Розы.

И тотчасъ же занялся съ мужикомъ, выбиравшимъ себѣ кожанныя рукавицы.

— Тогда сахару два фунта...

— Свѣсь имъ!—приказалъ онъ мальчишкѣ-приказчику съ круглой и синей, какъ рѣпа, глупой рожицей, глядѣвшей на меня почтительно, даже до ужаса.

Пока мальчишка вѣшалъ сахаръ, я разглядывала Розина брата.

Онъ былъ очень похожъ на сестру: такъ же строенъ и высокъ, такіе же великолѣпные глаза, брови и рѣсницы, такая же живописная черноволосая голова въ крупныхъ упругихъ завиткахъ, красивой формы носъ и скорбныя, печальныя губы.

Но только очень онъ былъ худъ и блѣденъ и нездоровый, нервный на видъ. Отъ худобы красивая голова его на тонкой шеѣ казалась огромною, плечи и руки костистыми. Отъ нервозности одинъ глазъ—лѣвый—то захлопывался надолго, то открывался, расширяясь больше, чѣмъ правый. И голова дѣлала такія рѣзкія порывистыя, непроизвольныя движенія, словно его все время тянуло обернуться назадъ.

— Послушайте!—обратилась я къ нему тихо, вполголоса, послѣ того, какъ получила сахаръ отъ мальчишки.—Я зашла про сестру вашу узнать. Вѣдь она со мною только что познакомилась и я успѣла ее уже полюбить.

— А вамъ что?—вскрикнулъ онъ враждебно, обиженно и въ то же время испуганно до того, что поблѣднѣлъ еще больше и замоталъ головой подрядъ нѣсколько разъ.

Въ этотъ моментъ дверь въ лавочку распахнулась и съ улицы ворвалась группа любопытныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ.

У несчастнаго юноши глаза засверкали, какъ у волка, онъ всплеснулъ худыми руками, ахнулъ, а потомъ заоралъ благимъ матомъ:

— Пошли вонъ!.. къ чертямъ!.. Собаки!.. Нѣтъ на васъ переводу!.. Звѣри!.. Хамье проклятое!

— Измучили!..—обратился онъ ко мнѣ уже не враждебно, а жалобно, безпомощно, со слезами въ громадныхъ темныхъ глазахъ.

Любопытная юная публика съ пугливымъ, сдержаннымъ хохотомъ шарахнулась на улицу обратно.

А еврей, отпустивъ мужика, который выбралъ, наконецъ, себѣ рукавицы, обратился ко мнѣ уже тихо и все попрежнему жалобно, со слезами въ голосѣ и въ глазахъ.

— Бѣдной мамашѣ поплакать не даютъ, врываются всюду: въ комнаты, въ баню, въ сарайчикъ, въ лавочку... Мамаша—женщина и потому плачетъ въ голосъ, громко... Имѣетъ право женщина плакать на своемъ мѣстѣ громко?—спросилъ онъ опять крикливо, обиженно, возмущенно.—Но звѣри мѣшаютъ... горю вылиться мѣшаютъ... Проклятый городокъ!.. И взрослые, и дѣти, какъ тигры... Но только тигръ разрываетъ на клочки тѣло человѣка, а эти—душу.. Измучили!.. Три дня у насъ эта кутерьма идетъ, и три дня отъ людей отбою нѣтъ...

— Простите, что побезпокоила васъ,—попросила я его, вдругъ почувствовавъ страшный стыдъ передъ этими несчастными людьми, которымъ праздное, пошлое и жестокое любопытство мѣшаетъ страдать, мѣшаетъ «выливать горе»...

И вѣроятно искренность словъ моихъ, горячее сочувствіе мое тронуло его до глубины души. Благодарно глянувъ на меня и прижавъ руку къ сердцу, онъ сказалъ:

— Пойдемте, мадамъ, въ комнаты... на минуточку!..

И тотчасъ же мы вошли съ нимъ черезъ нивенькую дверь лавочки въ узкій темный корридорчикъ, съ тяжелымъ кислымъ запахомъ.

— Вотъ сюда, пожалуйста!—велъ онъ меня мимо дверей, открывающихъ какую-то тѣсную и узкую комнату, изъ невидимой глубины которой слышались голоса тоже невидимыхъ людей и несся запахъ печенаго хлѣба и лука.

Пройдя эту комнату, мы очутились съ нимъ въ просторной «залѣ» съ дешевыми кисейными занавѣсками, съ олеографіями и фотографическими карточками по стѣнамъ. Мебель въ «залѣ» была деревянная, съ мягкими сидѣніями, обтянутыми лопастымъ, яркимъ ситцемъ, съ высокими лампами подъ абажурами на столахъ, покрытыхъ яркими репсовыми скатертями...

— Садитесь, мадамъ!.. Вы тоже меня извините, мадамъ!.. Признаться, я не очень-то хотѣлъ разговаривать съ вами. Но вы такъ ласково заговорили объ моей несчастной сестрѣ, что...

Онъ захлопнулъ больной глазъ и схватился обѣими руками за лѣвую щеку, какъ бы силясь придержать рѣзкое отчаянное подергиваніе головы.

— Мы евреи—народъ несчастный, затравленный... Всѣхъ сторонимся и всѣхъ боимся. И бываетъ иной разъ такъ, что думаешь: «этотъ человѣкъ тебѣ врагъ». А потомъ можетъ получиться, что совсѣмъ даже напротивъ. Несчастный, оскорбленный человѣкъ прежде всего обидчивый человѣкъ, подозрительный и, значитъ, склоненъ ошибаться больше, нежели счастливый... не такъ ли, мадамъ?

— Скажите, какъ все случилось?—спросила я нетерпѣливо.

Онъ испуганно и озабоченно взглянулъ на дверь и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Ц-ц-съ!.. Будемъ говорить тише!.. Бѣдная мамаша только сейчасъ прилегла,—таинственно зашепталъ онъ. — Папаша все молится Богу, все молится... и втихомолку, чтобы никто не видалъ, плачетъ... А вѣдь онъ человѣкъ сильный, гордый и суровый. Онъ, знаете, поѣхалъ было слѣдомъ за нею, да вернулся... Отъ гордости вернулся. «Какая, говоритъ, она мнѣ теперь дочь, когда она уже переступила всѣ законы божескіе и человѣческіе. Потому законъ Бога требуетъ, чтобы дѣти были въ подчиненіи у родителей. А законъ человѣческій требуетъ дорожить репутаціей семьи... Нѣтъ, говоритъ, теперь у меня дочери... Нѣтъ и нѣтъ!..» Ахъ, мадамъ, какое у насъ въ домѣ теперь горе, какое горе!.. Мамаша, женщина слабая, она едва ли вынесетъ такую утрату... Вѣдь она Розочку обожала!.. Папаша—тотъ, правда, строгій, суровый, страшный фанатикъ!.. И отъ него въ домѣ все скрывалось... То, что ходилъ до насъ Егоръ Егоровичъ—скрывалось всегда... Наверху, въ мезонинчикѣ у насъ комнатка есть—моя комнатка. Такъ вотъ тамъ-то мы съ Розочкой Егора Егоровича и принимали, а папаша не зналъ... Что было бы, если бы папаша только узналъ!..

— Но, можетъ быть, она еще вернется?—опять нетерпѣливо перебила я его.

Хоть и любопытно мнѣ было слушать его, но въ то же время и тяжело глядѣть, какъ онъ волновался, какъ глазъ его то закрывался, то открывался, дергалась голова и щека лѣвая, а иногда и весь онъ дергался, какъ въ пляскѣ святого Витта...

— Что вы говорите!—безнадежно воскликнулъ онъ на вопросъ мой и улыбнулся такъ, какъ взрослые дѣтямъ улыбаются.—Вы не знаете Розочку, если предполагаете, что это не серьезно съ

ел стороны... Очень, очень она серьезная дѣвушка!.. И гордая, и пылкая, и нетерпимая, такая же по характеру, какъ и папаша... Когда, бывало, папаша ее ударитъ, она вмѣсто того, чтобы убѣжать поскорѣе, какъ я дѣлалъ, выпрямится передъ нимъ, какъ струна, сложитъ руки на груди, стиснетъ зубы и глядитъ на него въ упоръ, не мигая... Глядитъ, и въ глазахъ у нея не страхъ, не мольба, какъ у меня, а ненависть... да такая страшная ненависть, что даже папаша, на что ничего не боится, и то испугается, плюнетъ ей въ лицо громаднымъ такимъ плевкомъ и пойдетъ... «Палачъ, говоритъ, ты, а не дѣвушка. Тигрица, а не дочь моя...» Нѣ-ѣ-ѣтъ, она не вернется, не вернется!..—протянулъ юноша отчаянно, охвативши голову руками и закрывши оба глаза.

Отъ тоски, отъ горя сухая, блѣдная кожа на его лицѣ и на костлявыхъ пальцахъ трепетала непрерывною нервною дрожью, даже и тогда, когда мускулы были покойны.

— Знаете, мнѣ Розочку жалко,—началъ онъ снова, подымая на меня скорбные, печальные глаза свои.—Но, я думаю, ей будетъ лучше... оттого я самъ и не убиваюсь такъ, какъ родители мои... Я вѣдь, мадамъ, учился въ петрозаводской гимназіи, до четвертаго класса дошелъ, могу имѣть понятіе... Потому-то Розочку и понимаю... Ей тяжело было жить съ родителями нашими. Знаете, что?

Онъ испуганно оглядѣлся по сторонамъ, словно боялся, чтобы насъ не подслушали.

— Я бы и самъ убѣжалъ, если бы здоровъ былъ и силенъ характеромъ и смѣлъ, какъ Розочка... Но я слабый человѣкъ, больной человѣкъ... Я могу только умныя книги читать и мечтать о свободѣ, только оплакивать рабство свое, жизнь несчастную... Но протестовать на дѣлѣ не могу: слабый человѣкъ я, больной, хоть и очень хорошо все понимаю...

— Исаакъ, Исаакъ!—вдругъ послышался откуда-то сердитый, надсадистый голосъ.

И тотчасъ же въ дверь залы, притворенную Исаакомъ изъ опасенія, чтобы насъ не подслушали, просунулась сгорбленная фигура сѣдоволосаго старика, съ головою, обвязанною полотенцемъ, какъ чалмою, и съ черными глазами, глубоко впавшими въ орбиты.

Молодой еврей опрометью бросился къ старому и что-то объяснилъ ему по-еврейски, съ лицомъ испуганнымъ, подобострастнымъ и фальшивымъ.

Старикъ поглядѣлъ на меня издали сухими, строгими глазами и опять спрятался за дверь.

— Это папаша... Я имъ сказалъ, что вы пришли заказъ сдѣ-

лать на дрова... Мы тоже и дрова поставляемъ на дома,—сообщилъ мнѣ Исаакъ таинственнымъ шопотомъ заговорщика, какъ только вернулся ко мнѣ обратно.

Я встала, чтобы идти. Онъ меня не удерживалъ и тѣмъ же ходомъ повелъ обратно въ лавку, пробираясь впереди меня на цыпочкахъ, осторожно, оглядываясь по сторонамъ опасливо, какъ воръ. Проходя мимо двери комнаты, изъ которой несся запахъ печенаго хлѣба и лука, я мелькомъ увидала старуху, въ паркѣ темно-рыжаго цвѣта, съ лицомъ заплаканнымъ, обрюзглымъ, съ глазами до того красными, кровавыми, словно она не слезами плакала все время, а кровью.

Но въ лавочкѣ я опять невольно остановилась, прикованная новымъ впечатлѣніемъ. Почти слѣдомъ за нами изъ той же двери вышелъ изъ комнатъ господинъ въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, нараспашку, въ котиковой шапкѣ, небрежно сдвинутой на затылокъ, и, обращаясь къ Исааку, сказалъ:

— Опять началась пѣсня! Пойти по городу пройтись, что ли...

— Мамаша?—въ ужасѣ спросилъ Исаакъ, захлопнувъ лѣвый глазъ, а правымъ глянулъ на меня жалобно и отчаянно до послѣдней степени.

И тотчасъ за стѣной, отдѣляющей лавочку отъ жилыхъ комнатъ, послышался долгій, за душу хватающій, простонародный кликушечій вой.

— Мамаша опять заплакала... Бѣдная мамаша!..

Исаакъ безпомощно опустился на табуретку за прилавкомъ, а господинъ скептически улыбнулся и сказалъ, обращаясь уже ко мнѣ:

— Всякія сцены тогда только вызываютъ сочувствіе, когда онѣ имѣютъ конецъ... Но если онѣ не имѣютъ конецъ—онѣ надоѣдаютъ.

И оставшись, очевидно, доволенъ своимъ изреченіемъ, господинъ, въ знакъ улыбки, лѣниво приподнялъ лѣвый уголъ толстыхъ губъ и правую бровь.

— Это Розочкина знакомая,—сообщилъ Исаакъ господину не безъ гордости, хотя и страдальческимъ голосомъ, указывая глазомъ на меня.

Господинъ приподнялъ шапочку, обнажая совершенно лысый розовый черепъ, и сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Давидъ Айзенштейнъ... изъ Петрозаводска...

«Такъ вотъ онъ женихъ-то», подумала я и безцеремонно стала разглядывать новаго знакомаго своего съ головы до ногъ.

Это былъ вовсе не «молодой человѣкъ», какъ увѣряли Розу сваты ея, а лѣтъ сорока господинъ, низенькій, толстенькій, пузатый, бѣлый и румяный, съ отвислымъ подбородкомъ и съ «мѣш-

ками» подъ водянисто-голубыми и выпуклыми, какъ у рака, глазами. Самое непріятное было въ немъ, — это улыбка, не сходившая съ толстыхъ, типичныхъ еврейскихъ губъ его, улыбка скептическая и несокрушимо-самодовольная.

Изъ любопытства я заговорила съ нимъ первая.

— Такъ вы изъ Петрозаводска?—спросила я для того только, чтобы что-нибудь спросить.—Далеконько!

— Что будешь дѣлать!.. Забрался, какъ говорится, за тридевять земель!—изрекъ онъ и испустилъ носомъ печальный, меланхолическій звукъ.

— Вы, небось, уже все знаете?—спросилъ онъ меня, презрительно сморщивъ толстый съ сизыми жилами носъ.

На вопросъ его я утвердительно кивнула головою.

Онъ приподнялъ сперва одну бровь, потомъ другую и проглотилъ слюну съ такою гримасою, словно лимонъ попробовалъ.

— Современныя дѣвушки всѣ таковы... Молодое поколѣніе!.. Но одначе нельзя же и стариковъ обижать, такъ я говорю, или нѣтъ?.. И наконецъ, чѣмъ же другіе виноваты?..

Онъ пожалъ плечами и засмѣялся протяжнымъ смѣхомъ, сотрясаясь жирнымъ животомъ и подбородкомъ. Потомъ вынулъ часы, золотые, съ массивною золотою цѣпью, и подъ видомъ освѣдомиться, который часъ, хвастливо показалъ ихъ мнѣ и Исааку.

— Д-а!.. Маленькая драма!. Что будешь дѣлать?.. Ничего не будешь дѣлать!.. Такова современность... Маленькая драма!..

Произносилъ онъ эту фразу «маленькая драма» всякій разъ со снисходительнымъ вздохомъ, по которому я должна была догадаться, что имѣю дѣло съ человѣкомъ вполнѣ просвѣщеннымъ, знакомымъ со словомъ «драма».

— Вы очень огорчены?—спросила я.

Онъ опять пожалъ толстыми плечами, скептически улыбнулся и подкатилъ рачьи глаза подъ лобъ съ такимъ видомъ, который говорилъ: «Да помилуйте! Ну, съ какой стати? Развѣ невѣстъ мало? Одна убѣжала—сотни на мѣсто ея найдутся...»

— Конечно, — сказалъ, наконецъ, онъ, — убытокъ большой... Дѣло бросилъ... Сюда двое сутокъ да отсюда двое, да тутъ вотъ валандаюсь уже вторыя сутки—итого шесть сутокъ... А для человѣка дѣлового время—деньги, не такъ ли я говорю?..

И въ заключеніе онъ глянулъ на меня съ уничтожающимъ сожалѣніемъ, что я такой простой вещи не понимаю.

А мнѣ вдругъ омерзѣли, опротивѣли толстыя губы его со скептической усмѣшкой до тошноты. Я схватила свой сахаръ, пожала руку Исааку, а дѣловому господину слегка только кивнула головою и вышла...

*

VI.

Прошелъ день, прошелъ и вечеръ, а Егоръ Егоровичъ все ко мнѣ не являлся, несмотря на то, что я послала къ нему записку, въ которой просила придти сейчасъ же, какъ только вернется онъ домой.

И вдругъ уже совсѣмъ поздно, въ двѣнадцать или даже въ часъ ночи слышу стукъ въ окно съ улицы,—осторожная такая, легкая и нерѣшительная дробь пальцами о стекло.

Подхожу къ окну, гляжу—Егоръ Егоровичъ... Стоитъ себѣ, опершись о толстую суковатую палку, озаренный бѣлыми лучами мѣсяца, и ждетъ.

Я махнула ему рукою, приглашая въ комнаты, а потомъ прошла въ переднюю и отворила дверь.

Входитъ. Здоровается молча, кивкомъ головы и отрывистымъ рукопожатіемъ.

— Что такъ поздно?—спрашиваю.

— Поздно домой вернулся... въ одиннадцатомъ часу...

Я вопросительно и удивленно взглядываю на него, но молчу, жду, когда онъ самъ объяснитъ.

И онъ объяснилъ послѣ того уже, какъ усѣлся на диванъ и закурилъ папиросу.

— Есть тутъ деревня Вихляевка, въ восемнадцати верстахъ... Ну, такъ сегодня тамъ былъ... А въ прочіе остальные дни въ другихъ мѣстахъ... Каждый день лупилъ верстъ по тридцати восьми, по сорока... Ловко?—спросилъ онъ, кривя ротъ въ уродливую гримасу, долженствовавшую изобразить улыбку.

— Зачѣмъ?

Онъ тяжело завозился на мѣстѣ, насмѣшливо повелъ носомъ и сказалъ:

— А такъ.. чтобы куда-нибудь... У Достоевскаго Мармеладовъ говоритъ: «надо же человѣку куда-нибудь пойти!» Положимъ, у меня есть куда пойти—хотя бы къ вамъ, напримѣръ. И на Мармеладова похожъ я мало, но... надо-жъ и мнѣ куда-нибудь пойти!..

Онъ жадно затянулся папироской и задумался. Тутъ только замѣтила я, до чего онъ осунулся, посѣрѣлъ и пожелтѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ видала я его въ послѣдній разъ.

— Да вы не больны ли?

— А что?—встрепенулся онъ, ободряясь насильно.

— Да похудѣли очень и пожелтѣли.

— Весьма возможно... Уже дней шесть-семь «пѣшествую», какъ выражаются горьковскіе герои. Ну и къ тому же не жрамши, окромя всего иного прочаго.. Да наплевать!.. не въ томъ дѣло!—оборвалъ онъ самъ себя.—А вотъ... были тамъ?..

Быстрымъ, стремительнымъ движеніемъ онъ обернулся ко мнѣ и глянулъ на меня строго, словно заранѣе предупреждая, чтобы отвѣтила я ему все, что знала.

И я разсказала ему обо всемъ подробно. И о «женихѣ» разсказала, передала всѣ его словечки и гримасы.

— Да-а-съ!—протянулъ онъ съ самодовольной усмѣшечкой, закидывая одну ногу на другую.—Такъ говоритъ—«маленькая драма»? И изубытчился?.. О, чортъ!.. — захохоталъ онъ вдругъ во все горло, вскакивая съ дивана и принимаясь шагать.

— Но, право же это любопытно и весело!.. Изубытчился!.. Здорово она ихъ всѣхъ чертей, мѣщанъ вонючихъ, надула!.. Ха-ха-ха!.. И папашу тоже изубытчила... пятьдесятъ цѣлковыхъ стибрила на дорожку себѣ... Ха-ха-ха!.. Маленькая драма!.. Вотъ смерды-то проклятые, гнусы подлые!..

Онъ хохоталъ громко, злобно и радостно, шагая по комнатѣ быстрымъ, порывистымъ шагомъ. И лицо его костистое, желтое, съ громаднымъ оскаломъ четырехъугольныхъ зубовъ, искаженное злобою и радостью, походило на лицо сатаны.

— Откуда вы о пятидесяти рубляхъ знаете?—спросила я.

Онъ отвѣтилъ не сразу, упоенный сатанинскимъ хохотомъ своимъ. Все бѣгалъ по комнатѣ, какъ звѣрь, взыгравшійся въ клѣткѣ, наконецъ, вынулъ изъ кармана толстый конвертъ и бросилъ его передо мною на столъ.

— Прочитайте, коли охота! Сегодня получилъ... Опущено въ Ладогѣ, но, конечно, она не въ Ладогѣ теперь... Тю-тю!.. Ищи вѣтра въ полѣ!

Онъ ухарски свистнулъ и сѣлъ на диванъ. И какъ только сѣлъ, такъ и притихъ разомъ, словно выкипѣлъ до дна. Голова его прислонилась къ спинкѣ дивана и вѣки утомленно закрылись.

Я развернула длинное, на двухъ листахъ почтовой бумаги письмо и стала читать.

Писала Роза крупнымъ, четкимъ почеркомъ и, къ великому удивленію моему, совершенно правильно по-русски, не только въ грамматическомъ отношеніи, но и въ литературномъ, словно это другая Роза писала, не та, которая объяснялась по-русски, въ особенности, когда волновалась, такъ скверно.

«Я васъ люблю». Такъ начиналось это посланіе безъ обычныхъ обращеній. «Объ этомъ вамъ уже извѣстно. Да и не въ томъ теперь и дѣло совсѣмъ, что я васъ люблю, а въ томъ, что я не желаю оставаться на полдорогѣ и лѣзу уже напроломъ, куда глаза глядятъ. Сломлю себѣ голову—не бѣда, но зато сдѣлаю такъ, что вы останетесь мною довольны. Впрочемъ, погодите-ка.. не вообразите пожалуйста, что я только для васъ одного это и дѣлаю, то-есть, чтобы вы довольны остались. Нѣтъ! Еще и для себя!

Главное—для себя! Слушайте-ка: неужели вы полагали, что начитавшись книгъ о томъ, какимъ долженъ быть настоящій, себя-уважающій человѣкъ, наслушавшись проповѣдей вашихъ о томъ, что человѣкъ долженъ имѣть большую цѣль въ жизни, долженъ работать интересную, нужную работу—тогда только онъ и человѣкъ, а не тупое животное, неужели, полагали, возможно послѣ всего этого оставаться въ домѣ, гдѣ тебя бьютъ по щекамъ, плюютъ въ лицо, рвутъ и жгутъ твои книги? Гдѣ тебя продаютъ за деньги, какъ корову или лошадь. Неужели можно? Конечно, нельзя! Вотъ я и утекаю. Куда? А такъ... погляжу тамъ, куда и какъ. Думаю, что хуже не будетъ. Если же и хуже, то все же иначе, не такъ, какъ было, и ужъ это одно хорошо. Что-нибудь найдется и для меня, и я буду искать. Пословица говоритъ: подъ лежачій камень вода не течетъ. И я не хочу быть лежачимъ камнемъ. Одно только мутитъ мой умъ и душу мою, это то, что я на дорогу у папаши изъ шкатулки его пятьдесятъ рублей стащила. Никогда воровкой не была. И я въ одинъ разъ испытала всѣ подлыя, мерзостныя чувства вора. Когда я выскочила въ чуланъ съ зажатыми въ кулакѣ украденными деньгами, то у меня такъ стучало сердце и тряслись руки, и потемнѣло въ глазахъ и было тошно, гадко себя сознавать, что захотѣлось умереть... Кромѣ того и мамашу бѣдную мнѣ жалко и братца. Оба они такіе слабые, несчастные, больные и любящіе. Но тутъ, объ этомъ фактѣ я такъ себѣ думаю: безъ боли, безъ страданія ничего хорошаго въ жизни не бываетъ. Безъ страданія не родится человѣкъ на свѣтъ. У меня въ тетрадочкѣ записано вотъ что изъ книжечки, которую вы давали мнѣ въ послѣдній разъ: «Страданіе—великое, божественное чувство. Мы обязаны ему всѣмъ, что въ насъ есть добраго, что даетъ цѣну и смыслъ жизни». И потомъ вотъ еще слова: «настоящая радость въ самомъ страданіи, подобно тому, какъ цѣлительный сокъ въ самой ранѣ благороднаго дерева». Я заучила эти прекрасныя слова, какъ молитву, и съ ними войду въ новую жизнь мою. Неужели пропаду?.. Чортъ возьми!.. Я молода, здорова, у меня есть умъ мой, и характеръ мой и энергія... Я буду много страдать!.. Ну, что-жъ!.. Это будетъ рана, изъ которой потечетъ живительный сокъ жизни моей... Да здравствуетъ борьба, препятствія, лишенія и страданія!.. Иду на васъ и не боюсь, а наоборотъ, радостно простираю вамъ объятія мои!..»

На этомъ кончалось письмо. И опять ни обычныхъ «заключительныхъ» словъ, ни прощаній, ни даже подписи...

«Иду на васъ»... Меня это до того потрясло, взволновало, умилило и въ то же время всю наполнило такою острою грустью и сожалѣніемъ, что я едва отъ слезъ удержалась. Сло-

жила письмо, спрятала въ конвертъ, подошла къ окну и задумалась, глядя на дорогу, алмазными блестками сверкающую подъ лучами мѣсяца.

Самковъ зашевелился.

— Ну что... каково посланіе?—спросилъ онъ съ выдѣланною безпечностью, зѣвая и потягиваясь.

— Да грустно все же... страшно!

— Страшно?!—какъ-то разомъ возбуждаясь, словно на него кипятку плеснули, взревѣлъ онъ, вращая глазами возмущенно, негодующе.—А гнилая, вонючая тина пошлаго мѣщанства, которая окружала бы ее всю жизнь... всю жизнь до самой смерти, развѣ не страшна?!..

Онъ весь затрепеталъ, вскочилъ съ мѣста и, ероша обѣими руками дикобразью щетину свою, заметался по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ.

— А вѣдь тутъ человѣкъ же цѣлъ остался!.. И какой еще человѣкъ!.. Роскошь что такое!..—восхищенно вскрикнулъ онъ, весь такъ и загорѣвшись влюбленнымъ восторгомъ.—Вѣдь ребенокъ совсѣмъ!.. Восемнадцать лѣтъ всего!.. А какая дерзость!.. Какая вѣра въ себя, въ силы свои, въ жизнь!.. «Да здравствуетъ борьба, препятствія, страданія!.. Иду на васъ, не боюсь»!.. Ха-ха-ха!..—захохоталъ онъ смѣхомъ громкимъ, торжествующимъ, но тотчасъже и оборвался...

Точно рыданія подступили къ горлу его, сдавили и помѣшали говорить.

Минутъ пять ходилъ онъ по комнатѣ, шатаясь какъ пьяный. И когда заговорилъ снова, то скорѣе самъ съ собою заговорилъ, чѣмъ со мною.

— Я вотъ, напримѣръ, съ ума, можетъ быть, схожу въ эти дни... да-а-а!..—бормоталъ онъ, какъ въ бреду.—Ну и, конечно, останусь побѣдителемъ въ борьбѣ съ нѣкоторой стихіей, налетѣвшей негаданно-нежданно!..—Но вѣдь я—мужланъ!.. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ!.. Нервы у меня стальные!.. Выдержка дьявольская... Она же—ребенокъ!.. Пламенное дитя... И конечно все у нея острѣе, звонче, пронзительнѣе... Оттого и загорѣлось такъ... Но и она побѣдитъ!.. О-о, я теперь вѣрю въ нее!..

Онъ говорилъ быстро, возбужденно, словно одержимъ былъ лихорадкою. Глаза у него сверкали и смѣялись восхищенно, а губу нижнюю выворачивала судорога, какъ передъ глазами. И все лицо то оживлялось, загораясь страстнымъ влюбленнымъ восторгомъ, то темнѣло, блекло разомъ, потухали глаза и всѣ черты искажались страданіемъ, словно въ груди у него, въ сердцѣ тупой ножъ поворачивали.

— Вѣдь молодость одинъ разъ бываетъ и жизнь дается одна-

жды,—продолжалъ онъ сыпать слова страстной горячечной скороговоркой.—И надо жить... торопиться жить... Надо искать... Бѣжать, падать, подниматься, опять бѣжать, искать и страдать, страдать безъ конца!.. И страданья не бояться... искать его, жаждать!.. Ахъ, что это было бы за счастье, за огромное лучезарное блаженство, если бы люди вдругъ всѣ до единаго поняли, что страданіе—все!.. Внѣ его для современнаго несовершеннаго человѣка, со всѣхъ сторонъ сдавленнаго желѣзными тисками жизни, нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія, нѣтъ другой радости, кромѣ радости, рожденной страданіемъ!.. Ахъ, что бы это было, если бы всѣ поняли и бросились бы въ бездну страданья и перекипѣли бы въ немъ, перегорѣли и закалились, какъ сталь!.. Побѣдили бы разомъ, выросли, созрѣли и упились бы великимъ счастьемъ, великимъ воскресеніемъ!..

Послѣднія слова выкрикнулъ онъ въ какомъ-то экстазѣ дрожащимъ и пресѣкающимся голосомъ. И опять повалился на диванъ и задумался.

Я глядѣла на него, глядѣла... да вдругъ и спросила на этотъ разъ ужъ не отъ простого только любопытства, а отъ глубокой жалости къ нему, нѣжности и состраданія:

— Скажите—вамъ тяжело очень? Вы ее любите тоже?

И къ удивленію моему онъ отвѣтилъ сразу же, съ готовностью и даже съ радостною, стремительною готовностью, словно того только и ждалъ отъ меня.

— Да... Люблю... Очень... Всѣ эти дни съ ума схожу. Понимаете, какое странное состояніе?.. Разумъ кричитъ все время: «Глупо! Не нужно! Мѣшаетъ! Отдаляетъ отъ цѣли, лишаетъ свободы! Глупо, глупо!.. Человѣкъ въ твоемъ положеніи долженъ быть свободенъ». Такъ кричитъ разумъ. Ну, а что-то другое жжетъ кровь, волнуетъ, сосетъ сердце. Всѣ эти ночи тако ощущеніе, какъ будто бы кто-то стиснулъ мнѣ шею жаркими и цѣпкими, и тяжелыми, какъ желѣзо, объятіями и глядитъ въ глаза взглядомъ сверлящимъ, огненнымъ, отъ котораго все въ головѣ путается. Хочешь стряхнуть съ себя эти цѣпкія объятія и нѣтъ силъ...

Проговорилъ все это онъ тихо, безпомощно и какъ-то странно покорно, почти умиротворенно. Видимо то, что онъ «открылся», разомъ его облегчило, но только не надолго облегчило: не прошло и пяти минутъ послѣ этого, какъ онъ уже раскаялся и опять гаркнулъ бѣшено, возмущенно.

— Э, чортъ! Ерунда все это!.. Пройдетъ!.. Конченъ разговоръ объ этомъ!.. Шабашъ!

И всталъ. Шагнулъ къ этажеркѣ, на которой положилъ свою шапку и сталъ прощаться.

Не видались мы послѣ этого недѣли двѣ. Ни онъ ко мнѣ, ни я къ нему. Я потому не ходила, что тогда же, на второй день утромъ послѣ своего «признанія» онъ прислалъ мнѣ записку, въ которой просилъ не встрѣчаться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ «не перебѣсится».

И когда пришелъ онъ ко мнѣ, я сразу же убѣдилась, что онъ «перебѣсился» вполнѣ: видъ у него былъ ужасный—кожа да кости! Точно послѣ тифа. Но въ глазахъ, глубоко запавшихъ въ темносинія орбиты, и во всѣхъ чертахъ некрасиваго еще больше прежняго, обезображеннаго худобою лица его—сіяла такая радость побѣды надъ самимъ собою, кроткая печать умиротворенія, на которомъ расцвѣтаютъ цвѣты новыхъ надеждъ и мечтаній для того, кто живетъ и полонъ жизни, любитъ жизнь и вѣритъ въ жизнь...

— Здравствуйте вамъ!—сказалъ онъ мнѣ не громко, но живымъ, сочнымъ звукомъ... веселымъ звукомъ выздоравливающаго.

И, спокойно пожавъ мнѣ руку, улыбнулся прежнею своею улыбкою, чуть-чуть насмѣшливою, но доброю, милою, простою и искреннею.

— Здравствуйте вамъ!—воскликнула я радостно.

И тотчасъ же громко и оживленно заговорили мы съ нимъ о книгахъ, по которымъ даже и онъ, ненавидящій чтеніе, за время «бѣсива» своего соскучился, заговорили о Толстомъ и объ его антиподѣ Ничше, объ Ибсенѣ, о Горькомъ... Говорили о жизни, свѣтлой и радостной, о томъ времени, когда земля станетъ лучше, будутъ здоровые, сильные люди, свѣтлыя, смѣлыя пѣсни...

— Хорошо будетъ!—говорилъ Егоръ Егоровичъ, восторженно блестя глазами.—Да и сейчасъ уже хорошо тому, кто это предвкушаетъ, кто живетъ, дышитъ этимъ... Да, я вѣрю! Если бы вы только знали, какъ вѣрю!.. Если бы вы только знали!..

А. Крандіевская.

ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.

Рѣчь, произнесенная Алоизомъ Рилемъ въ актовомъ залѣ университета въ Галле, въ торжественномъ засѣданіи по случаю столѣтія со дня кончины Канта.

12-го февраля 1804 года умеръ въ Кёнигсбергѣ, своемъ родномъ городѣ, *Иммануилъ Кантъ*. Ему шелъ восьмидесятый годъ.

Раннимъ утромъ въ этотъ день онъ еще разъ прибрался и затѣмъ остался неподвижнымъ, покойно ожидая кончины. Въ 10 часовъ утра помутились глаза,—глаза, блиставшіе нѣкогда подобно голубому пламени эфира, кристально-чистые глаза, со взглядомъ, способнымъ очаровывать людей. Прошелъ еще часъ и сердце перестало работать. Его смерть была постепеннымъ угасаніемъ жизни, а не насильственнымъ актомъ природы.

Его умъ уже нѣсколько лѣтъ былъ помраченъ, его чудная память пропала. Онъ оживлялся нѣсколько, только когда разговоръ заходилъ о научныхъ предметахъ. Характерно, что всего долѣе въ его памяти сохранились предметы физической географіи, естественной исторіи и химіи. Онъ еще проектировалъ важные труды и пытался даже приступать къ ихъ выполненію: снова и снова принимался онъ за нихъ, но все напрасно. Танталовымъ называлъ онъ самъ то страданіе, которое испытывалъ вслѣдствіе невозможности работать. Только въ одномъ остался онъ до конца вѣренъ самому себѣ. За нѣсколько дней до кончины его посѣтилъ его врачъ. Кантъ съ трудомъ всталъ и остался въ такомъ положеніи, почти невыносимомъ для него при его слабости, дѣлая непонятные знаки и указанія: онъ просилъ врача сѣсть первымъ. Послѣ того, какъ догадались, наконецъ, чего онъ хочетъ, онъ произнесъ, собравъ всѣ силы: «Чувство гуманности еще не покинуло меня». Это было однимъ изъ послѣднихъ его словъ. Ничто не могло бы лучше охарактеризовать его существа.

Едва только разнеслась вѣсть о его кончинѣ, какъ всѣ устремились посмотрѣть на скончавшагося. Каждый хотѣлъ получить право сказать впослѣдствіи: и онъ видѣлъ Канта. Много дней продолжалось это паломничество. Только 28-го февраля происходило погребеніе въ склепѣ университетской церкви. Жители Кёнигсберга еще никогда не видали такихъ почестей по такому поводу.

Но не мертвому принадлежитъ наше сегодняшнее торжество—мы посвящаемъ его безсмертному мыслителю и учителю человѣчества, продолжающему жить въ своихъ твореніяхъ.

Только черезъ 100 лѣтъ поймутъ, какъ слѣдуетъ, его произведенія, начнутъ снова изучать ихъ и признаютъ все ихъ значеніе. Этому предсказанію Канта, сдѣланному имъ въ 1797 году, суждено было исполниться раньше. Въ шестидесятыхъ годахъ началось снова изученіе Канта. Сначала это были единичныя попытки, разроставшіяся затѣмъ все шире и шире. Дѣло шло при этомъ не о томъ, чтобы заполнить какъ-нибудь пустоту, которую оставила въ философіи послѣ своего крушенія послѣдняя спекулятивная система первой половины прошлаго столѣтія—система Гегеля. Дѣло было не въ одной только историко-критической работѣ—нѣтъ! Дѣлались попытки привести ученіе Канта въ связь съ успѣхами положительныхъ наукъ, достигнутыми за это время. Именно въ естественно-научныхъ кругахъ прежде всего и пробудилось пониманіе истинныхъ задачъ философіи, какъ изслѣдованія основныхъ понятій и метода познанія. Первымъ, кто еще въ 1855 году заявилъ, что идеи Канта еще живы и развиваются все богаче и полнѣе, былъ *Гельмгольцъ*. Необходимо, какъ бы само собою, естествознаніе должно было за разрѣшеніемъ своихъ философскихъ вопросовъ обратиться къ Канту, какъ къ послѣднему философу, бывшему въ то же время и естествоиспытателемъ. Такимъ образомъ, возвращеніе къ Канту слѣдуетъ разсматривать на самомъ дѣлѣ, какъ прогрессъ. Нити, связующія науку и философію къ ихъ обоюдной выгодѣ, порванныя на время натурфилософіей, были снова закрѣплены. И другое теченіе духовной жизни даннаго времени привело къ Канту съ другой стороны. Въ послѣдней трети прошлаго столѣтія въ наши основныя понятія морали ворвалась радикальная критика. Пусть она была только грозой, повлекшей за собой обновленіе духовной жизни,—тѣмъ не менѣе она требуетъ, какъ и самое это обновленіе, болѣе глубокаго изслѣдованія моральнаго сознанія. Мы снова обратились къ идеямъ практическаго разума. Въ наше время снова и въ морали, и въ философіи права оживаютъ идеи Канта.

Не интересъ простой учености или мода на опредѣленную философскую школу—нѣтъ!—путь научнаго развитія и существенные вопросы жизни такъ приблизили насъ къ Канту, какъ будто мы не отдѣлены отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Мы пытаемся разобраться въ его ученіи, стремимся упростить его и развить дальше. Въ исторіи философіи Кантъ во второй разъ создалъ эпоху; и эту вторую эпоху переживаемъ теперь мы.

Свои академическія занятія Кантъ началъ въ годъ восшествія на престолъ Фридриха II. Основы его образованія лежатъ всецѣло въ вѣкѣ просвѣщенія—въ «*вѣкѣ Фридриха*»: это имя далъ онъ самъ своему вѣку. Его дѣятельность прошла въ періодъ царствованія Фридриха,

и къ концу его (1786 г.) Кантъ уже завершилъ въ существенныхъ чертахъ свой трудъ. Великій король и «искусный и ставшій знаменитымъ благодаря своимъ сочиненіямъ магистръ Кантъ», какъ названъ онъ въ одномъ изъ рескриптовъ короля въ 1766 году, сродны другъ съ другомъ и внутренне. Слова Фридриха—«необходимо не то, чтобы я существовалъ, а то, чтобы я исполнилъ свой долгъ», могли бы находиться и въ критикѣ чистаго разума. Послѣдующій король, врагъ просвѣщенія, не могъ понимать Канта. «Съ вредными сочиненіями Канта нужно покончить», пишетъ Фридрихъ Вильгельмъ II въ одномъ изъ своихъ указовъ, въ мартѣ 1794 года. Намъ извѣстенъ результатъ нерасположенія короля—кабинетскій указъ отъ октября того же года, въ которомъ Кантъ обвиняется въ «униженіи многихъ главныхъ и основныхъ ученій христіанства». Ему грозятъ «непріятными послѣдствіями, если онъ будетъ продолжать упорствовать». Намъ извѣстно также и поведеніе Канта по отношенію къ этому указу. Его душа была глубоко потрясена этимъ; ему пришлось пережить тяжелую внутреннюю борьбу, пока онъ не нашелъ выхода. Не отказываясь отъ своихъ убѣжденій и не измѣняя имъ, онъ обязался не безъ нѣкоторой уловки, должны прибавить мы, молчать, пока будетъ править этотъ король. Повторяемъ, истинной эпохой Канта остается время правленія великаго Фридриха.

Духовное развитіе Канта шло такъ же періодически и размѣренно, какъ и его внѣшняя жизнь. «Я уже заранѣе опредѣлилъ себѣ путь, котораго я хочу держаться. Я вступлю на него и ничто не должно помѣшать мнѣ продолжать его», писалъ 22-хъ-лѣтній юноша въ своемъ первомъ трудѣ («Мысли объ истинной оцѣнкѣ живыхъ силъ»), который онъ написалъ, еще будучи студентомъ. Все его дальнѣйшее развитіе является оправданіемъ и осуществленіемъ этихъ словъ. Свой интересъ съ самаго начала онъ дѣлилъ равномѣрно между естествознаніемъ и философіей. Опытъ и разумъ, два источника, изъ которыхъ черпалъ онъ—изслѣдователь и мыслитель. У него былъ собственно только одинъ учитель. И имя этого перваго и единственнаго учителя Канта, сдѣлавшаго его послѣдователемъ Ньютона и введшаго его въ философію, имя *Мартина Кнутцена* не должно быть забыто.

Окончивъ университетъ, Кантъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ графа Кейзерлинга, проводившемъ впрочемъ большую часть года въ Кёнигсбергѣ. Свой родной городъ Кантъ покидалъ только на короткое время, а провинціи своего города не покидалъ ни разу въ жизни. Въ домѣ графа онъ усвоилъ себѣ тонъ изящнаго обращенія, и этотъ тонъ совершенно гармонировалъ съ его живымъ отъ природы и сознательно культивированнымъ чувствомъ гуманности. Подъ гуманностью онъ понималъ не только «общее чувство симпатіи», но и «способность интимнаго и широкаго общенія съ людьми». О его тонко-воспитанномъ обращеніи, о его умѣніи вести

интересный, оживленный остроуміемъ и юморомъ разговоръ съ большой теплотою разсказываетъ дочь графа, Элиза фонъ-деръ-Реке. «Онъ умѣлъ даже абстрактныя идеи облекать въ привлекательную форму. Ясно развивалъ онъ каждое мнѣніе, котораго держался. Иногда его разговоръ былъ оживленъ легкой сатирой, лишенной, впрочемъ, всякихъ претензій». Кто знаетъ Канта только изъ его твореній—въ особенности послѣдняго періода—тотъ въ сущности не знаетъ его. Кантъ сталъ философомъ, но въ то же время остался свѣтскимъ человѣкомъ. Всего меньше подходитъ къ нему самому его замѣчаніе о философѣ: что онъ знаетъ, то не принято въ обществѣ, а что принято, того онъ не знаетъ. Нельзя было представить себѣ собесѣдника болѣе пріятнаго. Всѣ, кто такъ или иначе соприкасался съ нимъ, были самаго высокаго мнѣнія о его талантахъ свѣтскаго человѣка. Извѣстныя странности въ его жизни выступили рѣзче только съ теченіемъ времени. Все тѣснѣе опутываетъ онъ себя сѣтью правилъ. Постепенно онъ дѣлается человѣкомъ строго размѣреннаго порядка, человѣкомъ правилъ. Необходимо, впрочемъ, присовокупить: тому постоянству, съ которымъ онъ держался за свои правила, онъ обязанъ своимъ здоровьемъ и продолжительностью жизни. Къ тому же никакая размѣренность не могла уничтожить его врожденной простоты. И даже чрезъ усвоенныя манеры просвѣчивало его истинное настроеніе, открытость его характера и присущая ему, какъ и всякому геніальному человѣку вообще, какая-то природная наивность.

Чтобы видѣть его въ полномъ расцвѣтѣ, мы должны перенестись въ 1764 годъ. Кантъ проектируетъ изданіе литературнаго журнала. Онъ читаетъ лекціи по математикѣ и физической географіи для русскаго генерала и его офицеровъ (это было какъ разъ время оккупаціи Кёнигсберга во время семилѣтней войны). Онъ вращается въ круговоротѣ общественной жизни и при этомъ замышляетъ массу работъ—по морали, новую метафизику, извлеченіе изъ своей географіи и еще сотню мелкихъ идей. Такъ рисуетъ намъ его Гаманнъ. И какъ бы литературнымъ отраженіемъ этого свѣтскаго времени являются изданныя въ то время «Наблюденія надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго». Они заслужили автору имя нѣмецкаго Ла-Брюйэра. Эта книга, думаетъ рецензентъ того времени, не должна отсутствовать даже на дамскомъ туалетномъ столикѣ.

Его лекціи, начатыя имъ въ 1755 году и продолжавшіяся до 1796 г. въ его лучшую пору не имѣли въ себѣ ничего доктринерскаго. Онѣ походили скорѣе на непринужденный разговоръ и дѣйствовали, по словамъ Гердера, какъ самая увлекательная и интересная бесѣда. У него должны были учиться не «философіи», а умѣнію философствовать. Не готовыя мысли для затверживанія хотѣлъ онъ давать—онъ хотѣлъ учить думать. Самостоятельно мыслить, самостоятельно изслѣдовать, стоять на своихъ собственныхъ ногахъ—вотъ выраженія и совѣты,

которые постоянно встрѣчались у него. Онъ читалъ по тогдашнему обыкновенію по компендіямъ, но при этомъ не держался рабски текста и дѣлалъ частые экскурсы. Особенно умѣлъ оживлять онъ свои лекціи, приводя мнѣнія и новѣйшихъ писателей, главнымъ образомъ Руссо. Всегда, однако, въ концѣ концовъ онъ возвращался опять къ «свободному изученію природы и моральной цѣнности человѣка». Чувственный и нравственный міръ, природа и свобода—между этими полюсами двигалась всегда его мысль.

Въ періодъ, предшествовавшій созданію критической философіи, работы естественно-научнаго содержанія являются первыми, какъ по числу, такъ и по времени. Онѣ содержатъ рядъ счастливыхъ мыслей и предположеній, подтвержденныхъ гораздо позже, отчасти даже только въ наше время. Кантъ зналъ, что движеніе земли вокругъ оси должно испытывать, благодаря противоположному движенію приливовъ, постепенное замедленіе, и вычислилъ количество этого замедленія. Сто лѣтъ спустя эта ясно изложенная Кантомъ причина замедленія была опять найдена астрономической наукой. Кантъ первый формулировалъ законъ вращенія вѣтровъ и почти тѣми же словами, какъ и Довэ въ 1835 году. Но цѣлую массу новыхъ воззрѣній и удивительно тонкихъ предположеній заключаетъ въ себѣ главный трудъ той эпохи, работа 31-лѣтняго ученаго—«Общая естественная исторія и теорія неба». Это—вторая послѣ Декарта попытка физической космогоніи, первая—опиравшаяся на принципахъ Ньютона. Строеніе и механическое происхожденіе вселенной, связанныя воедино, составляютъ предметъ этого труда. «Дайте мнѣ матерію, и я построю вамъ изъ нея міръ!» Представленіе, которое развиваетъ Кантъ о распредѣленіи звѣздной системы въ пространствѣ, блестяще подтвердились изслѣдованіями Гершеля и новыми фотографическими изслѣдованіями неба. Въ млечномъ пути Кантъ видѣлъ скопленіе солнцъ, въ туманностяхъ—далекіе млечные пути. Такимъ образомъ, его духъ проникъ раньше въ міровое пространство, чтобы созерцать въ немъ безчисленныя и безграничныя системы, прежде чѣмъ онъ открылъ обусловленность чувственнаго міра закономъ нашего внѣшняго созерцанія. Его предположеніе, что по ту сторону Сатурна должны находиться еще новыя планеты, стало фактомъ еще при его жизни, благодаря открытію Гершелемъ Урана. Его гипотезы о происхожденіи солнечной системы, знаменитая «небулярная» гипотеза, была сорокъ лѣтъ спустя на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, возобновлена Лапласомъ. При этомъ трудъ Канта отличается популярностью въ лучшемъ смыслѣ слова. Съ могучей силой воображенія, которая всегда свойственна истинному изслѣдователю, показываетъ намъ Кантъ величественную картину горящаго солнца. Его фантазія превосходитъ фантазію Галлера.

Къ началу 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія появляются быстро одно

за другимъ главныя произведенія Ж.-Ж. Руссо—«Новая Элоиза», «Эмиль», «Соціальный договоръ». Ни одинъ писатель до Руссо не производилъ болѣе внезапнаго и глубокаго вліянія на свою эпоху. Онъ внесъ въ нее то, чего ей какъ разъ не доставало,—страсть. Всѣмъ казалось, что они слышатъ новый голосъ—голосъ природы въ разсудочномъ мірѣ. Правда, и Руссо вращается всецѣло въ кругѣ идей вѣка просвѣщенія: равенство людей, природная доброта человѣка, отрицательное отношеніе къ исторіи, сдѣлавшей изъ человѣка природы «человѣческаго человѣка». Но въ этихъ формахъ живетъ все-таки новый духъ, замѣтно новое движеніе—движеніе отъ разсудка къ сердцу, отъ понятія къ ощущенію, отъ цивилизаціи къ природѣ. И это новое влеченіе, этотъ новый духъ были такъ сильны, что въ своемъ страстномъ порывѣ они порвали оковы преданія.

Кантъ тоже увлекся Руссо. Онъ забылъ за чтеніемъ «Эмиля» свою обычную прогулку. А это значитъ гораздо больше того, что какая-то знатная дама въ Парижѣ за чтеніемъ «Элоизы» пропустила придворный балъ. Ньютонъ былъ его путеводителемъ въ физическомъ мірѣ; теперь Руссо сталъ его руководителемъ въ мірѣ нравственномъ. Кантъ сумѣлъ найти даже точку соприкосновенія этихъ обѣихъ, столь разнородныхъ, духовныхъ величинъ. Ньютонъ первый усмотрѣлъ порядокъ и правильность тамъ, гдѣ до него господствовали безпорядокъ и пестрое многообразіе. Подобно ему, Руссо, за всѣмъ многообразіемъ человѣческихъ образовъ первый открылъ глубоко таившуюся природу человѣка и скрытый законъ, слѣдуя которому мы оправдываемъ провидѣніе. Кантъ научился у Руссо новой оцѣнкѣ познанія. «Я самъ изслѣдователь по склонности,—говоритъ онъ,—и понимаю всю глубину стремленія къ познанію. Было время, когда я думалъ, что честь человѣчества состоитъ только въ этомъ, и я презиралъ чернь, не знающую ничего. Руссо поставилъ меня на вѣрный путь. Ослѣпляющее преимущество познанія пропадаетъ,—я научаюсь уважать людей». Онъ считалъ бы себя безполезнѣе простыхъ рабочихъ, если бы только не вѣрилъ, что его занятіе способно дать цѣнность всѣмъ остальнымъ, способно возстановить «права человѣчества». Его послѣдующее, граничащее «чуть не съ энтузіазмомъ» увлеченіе великимъ событіемъ его вѣка—французской революціей—было вызвано политическими идеями того же Руссо. Портретъ Руссо былъ единственнымъ украшеніемъ его квартиры.

Очень своеобразно въ этотъ первый періодъ его отношеніе къ чистой философіи или метафизикѣ. Онъ колеблется между увѣренностью и недовѣріемъ. Его судьба—быть влюбленнымъ въ метафизику, хотя, прибавляетъ онъ шутя, она и рѣдко осчастливливаетъ его выраженіемъ своего благоволенія. Метафизическія познанія кажутся ему метеорами, блескъ которыхъ не можетъ быть порукой ихъ долговѣчности. «Они исчезаютъ, а математика остается». Поводомъ къ возник

новенію небольшихъ относящихся сюда работъ служили по большей части какія-нибудь внѣшнія событія; академическіе акты, работа на премію, данная берлинской академіей. Онъ не хочетъ останавливаться окончательно на какой-нибудь области философіи чистаго разума, не хочетъ писать по этому поводу большихъ книгъ, чтобы изъ тщеславія ученаго не быть вынужденнымъ защищать ихъ. Зато его духъ открытъ каждому новому ученію. Онъ включаетъ въ кругъ своихъ мыслей эмпирическую философію — философію Юма, ставшую составной частью и его позднѣйшаго ученія. Наконецъ, онъ пишетъ метафизикѣ прощальное письмо—прелестную сатиру: «Сновидѣнія духовидца, поясненныя метафизическими сновидѣніями». Духовидецъ Сведенборгъ, новый Аполлоній; а подъ метафизическими сновидѣніями мы находимъ и нѣкоторыя изъ его собственныхъ мечтаній, надъ которыми онъ смѣется съ сократовской ироніей. Къ чему эти тщетныя попытки изслѣдовать міръ духовъ? Любопытнымъ, желающимъ узнать при случаѣ о тайнахъ другого міра, всего естественнѣе принять такое рѣшеніе: самое разумное согласиться подождать, пока самъ не попадешь туда. «Развѣ непремѣнно нужно пустить въ ходъ машины съ того свѣта, чтобы здѣсь заставить дѣйствовать человѣка сообразно съ его назначеніемъ?» Разумъ, созрѣвшій съ опытомъ и ставшій мудростью, такъ говоритъ устами Сократа: какъ много есть еще вещей, въ которыхъ я совсѣмъ не нуждаюсь. Задача метафизики—не выясненіе скрытыхъ свойствъ вещей; она—«наука о границахъ человѣческаго разума».— Пока это еще не критика познанія, но мы уже стоимъ у ея порога.

Только открытіе, ходъ и время котораго мы можемъ точно указать, перевели его черезъ этотъ порогъ. Открытіе это состоитъ въ томъ, что пространство и время являются формами воспріятія или созерцанія (anschauen) и поэтому формами не самихъ вещей, а только ихъ явленій нашему чувственному сознанію. Пониманіе чувственнаго міра было благодаря этому совершенно измѣнено. Нужно было только установить отличіе явленій отъ опыта и открыть понятія, посредствомъ которыхъ мы мыслимъ объекты явленій — и основы новой философіи были даны. Кантъ назвалъ ее по ея отношенію къ метафизикѣ *критической* философіей.

Не за письменнымъ столомъ, а во время прогулокъ были набросаны эти первыя идеи. Мы обладаемъ этими первыми набросками. Часто они даже яснѣе, чѣмъ ихъ окончательная формулировка, и намѣренія мыслителя гораздо ярче выступаютъ въ нихъ. Въ процессѣ долголѣтней работы совершалось постепенное завершеніе этого произведенія, хотя окончательная редакція и была дана ему «какъ бы на лету». Лучше убить на работу цѣлые годы, думалъ Кантъ, чѣмъ пускаться во всякія измышленія, чтобы заштопать ими тамъ и сямъ свою систему. Кантъ хотѣлъ добиться полной ясности пониманія, которая совершенно могла бы удовлетворить его—и онъ добился этого.

Еще во время работы онъ получилъ приглашеніе въ Галле: это одно изъ немногихъ внѣшнихъ событій въ его жизни. Два раза—въ февралѣ и мартѣ 1778 года—запрашивалъ его объ этомъ министръ Цедлицъ: во второй разъ въ довольно настойчивой формѣ. Министръ не хочетъ отказаться отъ желанія перевести Канта въ Галле. Онъ предоставляетъ ему самыя благопріятныя условія. Онъ называетъ Галле центромъ ученой Германіи: теологическій факультетъ тамъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Долгъ Канта принести возможно больше пользы, и 1.000 — 1.200 студентовъ въ правѣ требовать отъ него обученія. Министръ указываетъ также и на лучшій климатъ, чѣмъ тамъ около балтійскаго моря.

Кантъ опять отклонилъ предложеніе. Выгода и то значеніе, которыя дастъ ему бо́льшая арена дѣятельности, говоритъ онъ Герцу, одному изъ своихъ учениковъ, не имѣютъ для него никакой прелести. Мирная жизнь, посвященная попеременно работѣ, размышленіямъ и знакомствамъ, вотъ все, чего онъ хотѣлъ и что получилъ. Его страшило каждое измѣненіе, въ особенности когда онъ какъ разъ работалъ надъ своимъ капитальнымъ произведеніемъ.

Еще разъ, уже двадцать лѣтъ спустя, Кантъ снова вступилъ въ сношеніе съ нашимъ университетомъ. Онъ обратился къ университету за цензурнымъ разрѣшеніемъ для одной части сочиненія—«Споръ факультетовъ», котораго онъ никакъ не могъ добиться въ Берлинѣ. Оно было, конечно, дано ему.

1781 годъ глубоко знаменателенъ въ исторіи германскаго духа. Въ январѣ шли въ первый разъ на сценѣ «Разбойники» Шиллера, въ февралѣ умеръ Лессингъ, въ мартѣ Кантъ подписалъ посвященіе *Критики чистаго разума* министру Цедлицу. Самъ же трудъ появился въ іюлѣ того же года.

Это одно изъ монументальныхъ твореній науки и философіи, подобно логикѣ Аристотеля и принципамъ Ньютона. Форма книги кажется намъ устарѣвшей и нѣсколько схоластичной. Кантъ долженъ былъ самъ сознаться, что она написана сухо, темно и растянуто, что изложенія ея совсѣмъ не походятъ на пріемы генія. Если перелистывать ее то тамъ, то здѣсь, говоритъ онъ, то ничто не можетъ показаться болѣе педантичнымъ, хотя она и «направлена всецѣло» на уничтоженіе всякой педантичности въ вопросахъ, «касающихся природы души, будущности и происхожденія всѣхъ вещей». Но въ метафизикѣ надо быть щепетильнымъ, по мнѣнію Канта. Если бы даже онъ и обладалъ, подобно Юму, всѣми средствами сдѣлать свой слогъ красивымъ, онъ все-таки колебался бы воспользоваться ими: его цѣль уничтожить всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ хочетъ увлечь, уговорить читателя. Къ счастью, онъ самъ еще разъ изложилъ цѣль и результаты своего труда въ гораздо болѣе понятной формѣ. Правда,

и оно не способно увлечь читателя, но зато излагаетъ ученіе самымъ яснымъ образомъ. Я говорю о «Пролегоменахъ».

Содержаніе труда, его предметъ—совсѣмъ новая наука. Даже идея ея была неизвѣстна. Это наука о разумѣ, произносящемъ свое сужденіе о вещахъ независимо отъ опыта: таково значеніе *чистаго* разума. Насколько новъ въ такомъ ограниченіи и выдѣленіи предметъ труда, настолько же новъ и его методъ. Правда, и до Канта въ новой философіи не было недостатка въ попыткахъ объяснить происхожденіе нашихъ представленій и опредѣлить сообразно съ этимъ границы человѣческаго познанія. Начала критики познанія можно найти уже у Локка и Юма. Но всѣ эти попытки разбивались о несовершенство примѣнявшагося метода. Онѣ раздѣляли опытъ и разумъ, какъ двѣ лежащія рядомъ области: одной отводилась область познанія фактовъ, другую ограничивали простымъ разсмотрѣніемъ отношеній понятій. При такой точкѣ зрѣнія оставалось невыясненнымъ, что уже самый предметъ опыта можетъ быть воспринятъ только съ помощью понятій, что, такимъ образомъ, всякій опытъ необходимо предполагаетъ уже участіе разсудка или разума. Стремленіе же построить все познаніе вещей на чистой эмпиріи оканчивалось отрицаніемъ возможности объективнаго познанія. Съ этого пункта, до котораго довелъ философію Юмъ, и началъ ее Кантъ.

Содержаніе «Критики чистаго разума» почти неисчерпаемо. Слова Канта о правильномъ пониманіи его произведеній только черезъ сто лѣтъ относятся прежде всего къ этой книгѣ. Уже выясненіе внутренняго распорядка труда не легко. Съ внѣшней стороны онъ построенъ по образцу логики, со всѣми ея традиціонными отдѣлами и частями. Внутри этихъ рамокъ изслѣдуются отдѣльныя метафизическія дисциплины—раціональная психологія, космологія, теологія. Мѣсто же «онтологіи» заступаетъ теорія опыта. Собственно говоря, трудъ распадается только на два главныхъ отдѣла—на критику метафизики, отъ которой онъ получилъ и свое названіе, и на предпосланное ей обоснованіе опыта. Онъ обращается противъ двухъ противниковъ и борется на два фронта: одинъ направленъ противъ метафизики, другой—противъ чистой эмпиріи.

Уже постановка вопроса у Канта имѣетъ рѣшающее значеніе. Предметомъ его изслѣдованія является не то, какимъ образомъ приходитъ человѣкъ къ опытному познанію и наукѣ, благодаря какимъ процессамъ или свойствамъ своего духа. Онъ изслѣдуетъ, какъ возможна вообще наука и что содержитъ опытъ, какъ таковой. Его вопросъ касается понятія познанія и тѣхъ предположеній, при которыхъ только опытъ и является познаніемъ. Рѣчь идетъ у него не о возникновеніи опыта, а о его содержаніи. Кантъ не разсматриваетъ непосредственно познавательной способности, онъ анализируетъ и изслѣдуетъ родъ познанія. Его путь идетъ не чрезъ психологію и

физіологію сознанія; онъ исходитъ поэтому не изъ чувственныхъ впечатлѣній и воспріятій, которыми несомнѣнно начинается всякое познаніе. Онъ исходитъ изъ точныхъ или раціональныхъ наукъ—математики, общаго естествознанія и изъ понятія опыта. Въ томъ, какъ онъ связываетъ науку и опытъ, и сказывается вся глубина его духа.

Въ природѣ есть математика, сказалъ Кеплеръ. Почему она должна быть такъ—объяснилъ намъ Кантъ. Онъ доказываетъ, что понятія, полагаемыя математикой въ основу ея познаній, т.-е. понятія пространства и времени, являются чистыми воззрѣніями (Anschauungen). Поэтому они выражаютъ общія формы или законы нашего созерцанія (anschauen). Пространство и время, со всѣмъ, чему учитъ насъ объ этихъ понятіяхъ математика, имѣютъ поэтому необходимое значеніе для воспріятія вещей или ихъ явленій нашимъ чувственнымъ сознаніемъ; природа должна самымъ точнымъ образомъ согласоваться съ законами математики,—они суть законы явленій природы.

Явленія мы относимъ въ опытѣ къ предметамъ. Послѣдніе сами уже не явленія, а мыслятся нами, «какъ опредѣляющія причины» явленій. Изъ условій возможности опыта Кантъ выводитъ общіе законы природы. Они являются законами природы, такъ какъ они — законы опыта природы. Открытіе Канта состоитъ въ утвержденіи, что опытъ нуждается въ такихъ принципахъ и основоположеніяхъ, которые лежатъ въ основаніи его возможности, и что эти принципы совпадаютъ съ постулатами естествознанія. Но Кантъ идетъ еще далѣе, еще глубже. Онъ сводитъ законы опыта, а вмѣстѣ съ этимъ и общіе законы природы къ ихъ послѣднему основанію, къ ихъ первому исходному пункту—къ единству мыслящаго сознанія вообще. Нельзя представить себѣ никакого единства объекта безъ абсолютнаго единства мыслящаго субъекта. Только для единаго сознанія, представленія котораго можетъ сопровождать всегда: «я мыслю», и возможно вообще познаніе, а стало быть опытъ. Только для него возможно познаніе предметовъ явленій.

Первое позитивное положеніе «Критики чистаго разума» гласитъ поэтому такъ: опытъ есть познаніе, такъ какъ онъ только и возможенъ по принципамъ мышленія въ соединеніи съ законами созерцанія (anschauen). Что обратное положеніе тоже правильно, т.-е., что познаніе заключается только въ опытѣ, доказываетъ Кантъ во второй части своего труда. Въ этой части онъ ведетъ процессъ противъ метафизики, какъ теоретическаго познанія сверхчувственныхъ вещей и акты этого процесса складываетъ въ архивѣ человѣческаго разума во избѣжаніе будущихъ ошибокъ подобнаго же рода. Если понятія чистаго разсудка или разума наводитъ на вещи вообще, а не только на вещи, данныя намъ въ эмпирическомъ воззрѣніи, то они будутъ блуждать въ пустомъ пространствѣ и заниматься сами съ собою діалектической игрой. Но

все-таки и «идеи» теоретическаго разума не безцѣльны въ экономіи нашего мышленія. Только онѣ представляютъ не вещи, а задачи или цѣли познанія, поскольку оно стремится къ завершенію, къ систематической законности. Онѣ являются поэтому методологическими понятіями и имѣютъ значеніе только, какъ высшіе руководящіе пункты изслѣдованія.

Такъ ограничиваетъ Кантъ теоретическое познаніе вещей областью опыта. Послѣ тѣхъ ясныхъ доказательствъ, которыя онъ далъ, онъ находитъ безсмысленной надежду узнать о какомъ-нибудь предметѣ больше того, что относится къ возможному опыту о немъ. Но и опытъ пріобрѣтаетъ въ его философіи совершенно другое значеніе, гораздо болѣе глубокое, чѣмъ въ философіи эмпиризма. Онъ является продуктомъ мышленія въ созерцаніи (Anschauung). Поэтому онъ возможенъ только для мыслящаго, обладающаго самосознаніемъ существа. Но для такого существа онъ также и необходимъ. Такимъ образомъ, съ принципомъ позитивизма—не выводить приложенія разума за предѣлы возможнаго опыта—Кантъ соединяетъ другое: «не разсматривать поле возможнаго опыта, какъ таковое, которое ограничивало бы само себя въ воззрѣніи разума».

Критическая философія Канта является въ одно и то же время побѣдой какъ надъ эмпиризмомъ, такъ и надъ догматизмомъ чистаго разума.

«Критически изслѣдованная и методически построенная наука—единственный путь къ ученію о мудрости, хранительницей котораго должна навсегда остаться философія».

Но философію никогда не удовлетворяло быть только ученіемъ о наукѣ или системой познаній разума. Философъ является въ то же время и «учителемъ въ идеалѣ». Правда, такое изображеніе философа само только идеалъ, только образецъ. Но не многимъ удалось въ своей жизни и ученіи подойти къ осуществленію его ближе, чѣмъ это сдѣлалъ Кантъ. Мы причисляемъ и его къ философамъ,—вождямъ жизни. Его моральная философія является въ нашихъ глазахъ сводомъ законовъ нравственной дѣятельности.

Когда слышатъ о моральной философіи Канта, то тотчасъ же начинаютъ думать, конечно, о «категорическомъ императивѣ». Слово это въ популярномъ употребленіи обозначаетъ собою нѣчто повелительное, подобное командѣ. Поэтому обыкновенно говорятъ о ригоризмѣ кантовской этики, противномъ всѣмъ психологическимъ условіямъ человѣческой природы. На самомъ же дѣлѣ категорическій обозначаетъ—только не гипотетическій. Категорическій значитъ не обусловленный, а безусловный. Къ тому же категорическій императивъ является только формулой, которая должна служить распознанію нами въ опредѣленныхъ случаяхъ нашего долга. Онъ не является въ то же время принципомъ моральной дѣятельности. Всѣ возраженія, направ-

ленныя противъ этой формулы (я склоненъ самъ соглашаться съ нѣкоторыми изъ нихъ) не касаются собственно принципа кантовской этики. Этимъ «единымъ принципомъ всѣхъ моральныхъ законовъ» является автономія воли—единство воли и разума. Отрицательное значеніе автономіи—независимость отъ всякой матеріи желанія, независимость отъ желаемаго предмета, независимость воли отъ всѣхъ только чувственныхъ побужденій. Автономія въ положительномъ смыслѣ—собственное законодательство, самозаконность, т.-е. свобода Свобода—принципъ нравственнаго закона. Идея свободы—нравственная идея, какъ таковая. Только нравственный законъ открываетъ свободу. Свобода возможна только, какъ нравственный законъ. Съ точки зрѣнія теоретическаго разума она мыслима: благодаря практическому разуму она становится дѣйствительной. Свобода не является индетерминизмомъ. Она заключается не въ случайности поступковъ, не опредѣляемыхъ въ этомъ случаѣ никакими основаніями. Поступокъ—свободенъ, поскольку онъ опредѣленъ разумомъ. Свободно каждое истинное дѣяніе воли. Достоинство каждаго разумнаго существа, какъ такового, и состоитъ въ томъ, что оно подчиняется только тому закону, который оно само даетъ себѣ. Въ царствѣ нравственнаго человѣкъ дѣйствительно является тѣмъ, чѣмъ онъ только казался въ государствѣ Руссо—подданнымъ и главою въ одномъ лицѣ.

Склонности мѣняются, оставляя послѣ себя всегда пустоту. Чувства должны производить свое дѣйствіе, пока еще не остыли. Къ тому же они способны вызывать только отдѣльныя вспышки. Одни только принципы неизмѣнно остаются. Нравственный законъ, изъ котораго они исходятъ, законъ свободы,—универсальный законъ для всѣхъ разумныхъ существъ: онъ, подобно самому разуму, вездѣ и всегда одинъ и тотъ же. Мы воспринимаемъ его, мы переживаемъ его внутренне, какъ долгъ. Но это моральное долженствованіе есть наше истинное, наше глубочайшее и сокровеннѣйшее стремленіе. Оно, какъ солнце, проглянуло бы сквозь облака, если бы мы могли только уничтожить противодѣйствующіе ему чувственные порывы. «Долгъ! — восклицаетъ Кантъ.—Долгъ! Ты возвышенное, великое слово, ты не заключаешь въ себѣ ничего пріятнаго, чтобы льстило чувствамъ. Наоборотъ, ты требуешь подчиненія. Но ты не угрожаешь, чтобы побудить волю къ дѣйствію: ты только выставляешь законъ, который уже самъ находитъ доступъ къ чувству и предъ которымъ нѣмѣютъ всѣ влеченія. Какое возникновеніе достойно тебя и гдѣ искать корней твоего благороднаго происхожденія? Его можно искать только въ томъ, что поднимаетъ человѣка надъ самимъ собой, что включаетъ его въ порядокъ вещей, имѣющій весь чувственный міръ надъ собою—его можно искать только *въ личности*».

Поистинѣ, Кантъ является «учителемъ въ идеалѣ». Не формалистична и не абстракта его этика, такъ какъ вся она выливается въ

концѣ концовъ въ полную жизненности, въ возвышенную идею личности. «Возвышенно то, о чемъ одна возможность мысли указываетъ на такую способность духа, которая превосходитъ всякій масштабъ чувствъ». Какъ чувственное существо, человѣкъ подчиненъ природѣ; какъ личность, онъ самъ подчиняетъ себѣ природу. Непоколебимо стоитъ онъ въ ней и имѣетъ ее подъ ногами. Самое внутреннее, самое глубокое и высшее въ человѣкѣ—его личность, человѣческое начало въ человѣкѣ. Отъ нея отказаться онъ не можетъ, не переставъ быть человѣкомъ. Она—единственно сверхчувственное, которое мы знаемъ и которое въ то же время мы можемъ, мы должны осуществлять. Она—тотъ жизненный пунктъ, изъ котораго исходитъ представленіе о чувственномъ мірѣ и который управляетъ міромъ нравственнымъ. Воля къ личности есть истинная воля къ мощи.

Установить связь между природой и необходимостью — задача третьяго критическаго труда Канта—критики силы сужденія.

Гёте видѣлъ въ этомъ произведеніи «сопоставленіе его самыхъ различныхъ занятій—искусства и произведеній природы. И о томъ и о другомъ говорилось въ этомъ произведеніи. Эстетическая и телеологическая сила сужденія взаимно освѣщали другъ друга». Онъ чувствовалъ себя страстно возбужденнымъ этимъ произведеніемъ и тѣмъ быстрѣе пошелъ впередъ по своему пути.

Красота есть цѣлесообразность безъ понятія, свобода въ явленіи. Изящное искусство—это искусство, поскольку оно въ то же время кажется природой. Этимъ указанъ тотъ пунктъ, въ которомъ соприкасаются двѣ такихъ, повидимому, разнородныхъ вещи, какъ эстетика и телеологія. Такъ же понималъ искусство и Гёте, когда требовалъ, чтобы произведенія искусства разсматривались и изображались, какъ произведенія природы. Но самый смыслъ всякаго художественнаго творчества выражаютъ слова Канта о геніи, какъ «о врожденномъ душевномъ дарованіи, посредствомъ котораго природа даетъ искусству правила». И эстетикѣ Кантъ указалъ ея путь. Ея цѣль не регламентація искусства: прекрасному нельзя научить. Ея цѣль—одновременно и субъективное и объективное изслѣдованіе произведенія искусства подобно произведенію природы. Въ эпоху, когда исторія искусства все болѣе и болѣе развивается въ науку объ искусствѣ, руководящія мысли Канта должны пріобрѣсти новое значеніе. Въ особенности это относится къ ученію о свободной красотѣ.

Цѣль, гласитъ главное положеніе телеологической силы сужденія, совсѣмъ не является принципомъ объясненія природы. Она—принципъ разсмотрѣнія извѣстныхъ формъ природы—именно, органическихъ. Она не объясняетъ намъ возникновенія или возможности этихъ формъ: она служитъ только для ихъ описанія. Мы не можемъ объяснить цѣли природы, мы никогда не можетъ наблюдать ея дѣйствій, которыя совершались бы по сознательному плану. Право на механическій только

способъ объясненія всѣхъ произведеній природы—безгранично, но способность обойтись только этимъ ограничена характеромъ нашего разсудка. Строго говоря, организація не имѣетъ ничего аналогичнаго съ какой бы то ни было извѣстной намъ формой причинности. Организмы представляются намъ причинами и слѣдствіями себя самихъ. Они не только организованныя существа; они—существа, организующія самихъ себя. Наша біологія тоже борется съ проблемой формы и Ньютонъ органической природы еще не появился. Предположеніе Канта о томъ, что въ неизвѣстномъ намъ, внутреннемъ основаніи природы физико-механическія соединенія и телеологическая связь могутъ совпадать, возбудило удивленіе Гёте. По мнѣнію Гёте, никакой человѣческій разсудокъ не могъ бы проникнуть дальше той границы, до которой достигъ Кантъ въ своей критикѣ силы сужденія.

Всего болѣе въ духѣ эпохи просвѣщенія, т.-е. въ духѣ чего-то уже прошедшаго, написаны религіозно-философскія сочиненія Канта. Историческую жизнь религіи Кантъ такъ же мало понималъ, какъ и Лессингъ, съ которымъ онъ имѣетъ очень много общаго и въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ. Несомнѣнно, его чистая моральная вѣра не исчерпываетъ сущности религіозныхъ переживаній, такъ какъ при этомъ совсѣмъ не принята во вниманіе ихъ эмоціональная сторона. Но если принципы вѣры и нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ облеченныя въ символы моральныя положенія, то слова Канта остаются все-таки справедливыми: «все, что, кромѣ доброй жизни, человѣкъ надѣется еще совершить, чтобы быть угоднымъ Богу, все это религіозное безуміе. Въ религіи все покоится на дѣятельности». Тотъ, кто создаетъ изъ себя нравственную, автономную личность, тотъ имѣетъ религію.

Кантъ произвелъ въ философіи революцію, подобную той, какую произвели въ астрономіи Коперникъ и въ физикѣ Галилей. Примѣръ этихъ изслѣдователей вставалъ дѣйствительно предъ его глазами во время его труда. Онъ далъ философіи задачу и въ то же время методъ для разрѣшенія этой задачи. Чѣмъ собственно является философія, каково ея значеніе и призваніе въ вѣкъ положительныхъ наукъ все это, можно сказать, первый показалъ онъ. Не замѣнить должна она науку, а дополнить ее, изслѣдуя основанія нашего знанія и выясняя значеніе ея объектовъ.

Но чистая наука, если она даже философски понята и углублена, не можетъ все-таки заполнить нашего духовнаго бытія, нашей жизни. Поэтому-то Кантъ, уничтоживъ теоретическое познаніе метафизическаго, далъ метафизикѣ, какъ природному влеченію нашего духа, практическое значеніе.

Чувственный и нравственный міръ выступаютъ въ его философіи въ такой тѣсной связи, какъ никогда раньше. Одна и та же форма дѣятельности нашего самосознанія, дѣлающая возможнымъ познаніе

внѣшняго міра и соединяющая отдѣльные опыты въ единство опыта или природы вообще, является также и источникомъ нравственнаго закона. Эта форма—единый, одинъ и тотъ же, разумъ. Посредствомъ него мы можемъ, мы должны подняться надъ чувственнымъ міромъ. Форма кантовской системы можетъ разрушиться,—что въ формѣ!—основаніе этой системы, скажемъ мы съ Шиллеромъ, не можетъ быть разрушено никакимъ закономъ измѣненій. Все время, пока существовалъ человѣческій родъ и пока существуетъ разумъ, оно молча признавалось всѣми.

Мы можемъ гордиться, зная, что сегодняшній день празднуется вмѣстѣ съ нами въ широкихъ философскихъ научныхъ кругахъ и за границей. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что наша родина дала міру величайшаго философа новаго времени. Но въ то же время это налагаетъ на насъ долгъ и отвѣтственность. Мы должны быть наслѣдниками его духа, должны принять на себя пополненіе его завѣщанія, мы должны продолжать его трудъ и заслужить то, чѣмъ мы въ немъ владѣемъ. Мы можемъ сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если мы вмѣсто того, чтобы держаться за его слова, послѣдуемъ неустанно проповѣдуемому имъ принципу самостоятельности мышленія. Мы должны, наконецъ, стремиться подняться на высоту того міросозерцанія, которую Кантъ выражаетъ часто цитируемыми теперь словами:

«Двѣ вещи наполняютъ мою душу все новымъ, все растущимъ удивленіемъ и преклоненіемъ, чѣмъ чаще и настойчивѣе работаетъ надъ ними моя мысль: *звѣздное небо надо мной и нравственный законъ во мнѣ*. Первый взглядъ, брошенный на безчисленное количество міровъ, уничтожаетъ все мое значеніе, какъ творенія, которое должно опять возвратить матерію, изъ которой оно состоитъ, планетѣ—простой точкѣ во вселенной. Второй, наоборотъ, безконечно возвышаетъ мою цѣнность, какъ разумнаго существа, чрезъ мою личность, въ которой нравственный законъ открываетъ мнѣ собственную жизнь, независимую отъ всего чувственнаго міра». Двѣ вещи: безграничность чувственнаго міра внѣ насъ и безконечность духовнаго существа въ насъ.

Перев. съ нѣмец. **Н. Авкс.**

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Окончаніе *).*

V.

„Поздняя осень". — Снѣгъ.—Поѣздка къ Розовому мысу. — Ледъ въ лагунѣ.—Работы на суднѣ.—Новые пассажиры.—Перевозка собакъ. — Начало полярной іереміады, или плаванія „Зари" на сѣверъ. — Пакъ.—Еще розовая чайка.—Настроеніе четвероногихъ пассажировъ.—На ледяномъ якорѣ. — Phoca barbata.—Ледяная ванна. — Медвѣдь на льдинѣ.—Тралъ и драга. — Мимо Нерпалаха.—Въ проливѣ.—Малыя глубины.—Драгировка.—Пелагическая сѣть. — Апоѳеозъ науки.—Благовѣщенскій проливъ.—Научныя станціи.—Опять назадъ!—Благосклонность солнца.—Въ „бочкѣ".—Вдоль береговъ Новой Сибири.—Кулинарныя событія. — Высокій торосъ. — Морская фауна. — Стайки розовыхъ чаекъ. — Островъ.—Увѣсистая добыча. — Отлетъ птицъ.—Перемѣна картины.—Неудача послѣдней попытки.—На югъ!

По словамъ Семена и Гаврилы, лагуна очистилась отъ льда 27-го іюля, но въ губѣ ледъ оставался.

Послѣ обѣда я поѣхалъ съ Ф. А. Матисеномъ на косу. Мы прогуляли недолго. Пейзажъ былъ почти зимній или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовалъ поздней осени, когда «ледъ, не окрѣпшій на рѣчкѣ студеной, словно какъ тающій сахаръ лежитъ». Часть озеръ покрылась льдомъ отъ одного до двухъ сантиметровъ толщиной. Только на сравнительно большихъ озерахъ вѣтеръ мѣшалъ образоваться льду. Тундра изъ-сѣра бѣловатаго цвѣта отъ недавно выпавшаго снѣга. Сиротливо покачивался на тощихъ стебелькахъ полярный макъ, маленькими зелеными оазисами выглядывала еще не покрытая снѣгомъ трава. Птицы, повидимому, начали покидать свои «дачныя» мѣста. Мы встрѣтили лишь пару гагаръ, да какой-то отбившійся отъ стаи куличокъ съ растерянным видомъ торопливо пересѣкъ намъ дорогу... Чайки продолжали летать надъ открытымъ моремъ. Воздухъ такой крѣпкій, живительный. Вотъ ужъ именно «здоровый, ядреный воздухъ усталыя силы бодритъ».

---

*) См. „Міръ Божій", № 3, мартъ 1904 г.

Выпавшій на другой день обильный снѣгъ покрылъ палубу. Тундра совсѣмъ побѣлѣла. Дулъ NW и NNW средней скорости. Потеплѣло.

Наши промышленнини порадовали насъ олениной, которую мы вкушали съ особеннымъ удовольствіемъ послѣ полярнаго режима.

Наши приготовленія къ плаванію начались съ омовенія въ банѣ. Мы поѣхали туда съ Ф. А. Матисеномъ на двойкѣ. Дулъ противный вѣтеръ и мы должны были оба сѣсть въ весла, чтобы выгрести противъ него. А на обратномъ пути насъ до того сильно воротило теченіемъ, что мы долго гребли только правыми веслами.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, у насъ была на нижней палубѣ молитва, а въ 3-мъ часу дня я отправился съ А. В. Колчакомъ къ Розовому мысу. Ему надо было поправить знакъ, а я намѣревался пособирать мамонтовы кости вблизи разрушенной поварни Воллосовича, покопаться въ третичныхъ глинахъ и поискать каменный уголь. Выѣхали мы на вельботѣ. Дулъ здоровый нордъ-вестъ, и тяжелый вельботъ, съ двумя гребцами вмѣсто шести, едва двигался съ мѣста, почти не слушаясь руля. Я сѣлъ третьимъ, и мы, наконецъ, достигли берега. На 14-ти собакахъ, запряженныхъ въ нансенскую нарту, съ Алексѣемъ въ качествѣ каюра, отправились мы дальше, напившись предварительно чаю въ урасѣ у промышленниковъ. Съ визгомъ и лаемъ пустились собаки «по первопутку». Сытые, облинявшіе псы стали гладки и красивы, но не обнаруживали большой прыти: на каждомъ бугрѣ, а ихъ встрѣчалось не мало, приходилось вставать. Свѣжаго снѣга на тундрѣ довольно много, въ нѣкоторыхъ ложбинахъ нога по колѣно уходила въ мягкій пушистый снѣжокъ и только кочки тундры оставались голыми: снѣгъ смело.

Когда я подстрѣлилъ пролетавшую вблизи чайку-разбойника, собаки, какъ оглашенныя, набросились на раненую птицу. Пока отбили ее отъ псовъ, одного крыла какъ не бывало.

Становилось холодно. Мела форменная пурга. Солнце только изрѣдка, грустно улыбаясь, выглядывало изъ-за тучъ, словно говоря: «ужъ вы меня, господа, извините, я на минутку».

Поправили знакъ. Наблюденій изъ-за пасмурной погоды сдѣлать не удалось: пока мы доѣхали, небо совершенно заволокло. Спускался туманъ. Нашли позвонокъ и ребро мамонта, черепъ, повидимому, третичнаго оленя. Угля я не нашелъ.

У береговъ мыса было очень много льду въ видѣ самыхъ разнообразныхъ формъ торосовъ, а далѣе вездѣ море казалось свободнымъ ото льда. Мелкія озерца на тундрѣ замерзли, на нѣкоторыхъ даже образовалось два слоя льда. Тундряныя кочки начали промерзать.

Обратно собаки бѣжали проворнѣе. Шелъ снѣгъ. Мело. Рѣзко, какъ въ зимнюю вьюгу, билъ въ лицо снѣгъ. Надъ тундрой съ лающими криками летали чайки-разбойники. Вотъ и коса, а вотъ и двойка съ судна выѣхала за нами.

Во время прилива, въ наше отсутствіе, въ лагуну нанесло много льда; много льдинъ садилось на якорную цѣпь, благополучно развертываясь. Одинъ конусообразный торосъ въ 3½ саж. вышиной сѣлъ на мель недалеко отъ судна; размѣры его подали поводъ къ пари, которое разрѣшилось измѣреніемъ тороса.

Въ 12 часовъ ночи на небѣ всплыла полная луна, которой мы не видѣли нѣсколько мѣсяцевъ. Близились полярныя сумерки.

На суднѣ оживленно шли работы: чинился котелъ, перегружался уголь. Посреди угля въ нижнемъ трюмѣ нашли трупъ пѣтуха. Онъ залетѣлъ туда еще въ Норвегіи. Тогда его не могли найти и онъ, очевидно, погибъ голодною смертью два года назадъ.

NW перешелъ въ N.

Закончивъ работы, команда вымылась въ банѣ. Поварня, складъ провіанта, баня были заколочены. Инородцы изъ вольныхъ промышленниковъ стали пассажирами «Зари». Собаки приняты на бортъ судна. Большая канитель была съ перевозкой собакъ, которыя съ самаго начала протестовали противъ морского путешествія. Когда вельботъ съ собаками причаливалъ къ судну, щенки, какъ природные моряки, отважно поднимались по трапу, а старыхъ псовъ—недовольныхъ и грустныхъ приходилось втаскивать на рукахъ.

Наконецъ, счеты съ косой покончены, и утромъ 8-го августа «Заря» снялась съ якоря. Припертая вѣтромъ къ сѣверной косѣ, льдина суживала и безъ того узкій проходъ. Глубина спускалась до 17 ф. при посадкѣ судна въ 16. Однако, выбрались безъ приключеній.

До 5 ч. веч. все шло хорошо. Открытое море, хотя и при противномъ сѣверномъ или сѣверозападномъ вѣтрѣ и небольшомъ туманѣ, окрыляло насъ надеждой дня черезъ два достигнуть Новой Сибири, ближайшей цѣли нашего плаванія, гдѣ дожидался «Зари» А. А. Бялыницкій-Буруля. Достигнуть Беннетта мало было надежды. Курсъ держали на NW, затѣмъ на NO, мимо береговъ Котельнаго, которые скрывались въ туманѣ. Выглянувшее ненадолго изъ тумана солнце освѣтило полуостровъ Огрина, который скоро снова исчезъ въ туманѣ. Миновали станъ Дурново... Стали попадаться отдѣльныя, довольно солидныя, многолѣтнія льдины. Волненія не было, только небольшая рябь, не смотря на порядочный вѣтеръ. Это становилось подозрительнымъ: можно было по близости предполагать ледъ. И, дѣйствительно, скоро началась обычная полярная іереміада на мотивъ «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Больше и больше многолѣтнихъ полей, грядами пошли торосы, пришлось оставить курсъ и идти изъ полыньи въ полынью на разные румбы. Покрытыя свѣжимъ снѣгомъ многолѣтнія льдины обыкновенно изрытыя, желтовато-грязноватыя производили обманчивое впечатлѣніе, особенно если онѣ имѣли относительно ровную поверхность и мало возвышались надъ водой. Только натыкаясь на нихъ форштевнемъ,

проникаешься почтеніемъ къ ихъ возрасту. Одинъ толчокъ былъ особенно силенъ. Посуда на столѣ въ каютъ-компаніи задребезжала. Очертанія пака (многолѣтняго льда) чрезвычайно разнообразны. Рядомъ съ довольно ровными, не очень возвышенными полями встрѣчаются тороса самой затѣйливой архитектуры, на 20 и болѣе футъ возвышающіеся надъ поверхностью моря, съ цѣлыми башнями и бастіонами. Иныя поля поднимались отвѣсной стѣной, имѣя подводную часть въ нѣсколько разъ больше надводной: послѣдняя приблизительно въ 6 разъ меньше первой. Когда погода прояснилась, а туманъ остался только на горизонтѣ, освѣщенные солнцемъ ослѣпительной бѣлизны поля и тороса удивительно красиво выдѣлялись на темновато-зеленомъ фонѣ моря. По небу гигантской дугой поднималась туманная радуга.

Пакъ становился все гуще. Положеніе грозило стать серьезнымъ и командиру приходилось заботиться не столько о курсѣ на Новую Сибирь, сколько о томъ, чтобы выбраться изъ пака. Вѣтеръ то заходилъ къ сѣверу, то поворачивалъ къ сѣверо-западу. Снасти обледенѣли...

На огромную льдину сѣла розовая чайка. Чайка-разбойникъ гонялась за какой-то другой, болѣе крупной и обѣ пронзительно кричали.

Собаки вели себя сносно. Было, конечно, между ними нѣсколько потасовокъ, сопровождавшихся гвалтомъ, но въ небольшомъ масштабѣ. Настроеніе ихъ было кислое. Не сладко казалось имъ, послѣ вольной охоты на косѣ за мышами и птицами, быть привязанными къ борту судна и не имѣть возможности бѣгать хотя бы по палубѣ. Нервный Бобка взвизгивалъ, Кочегаръ смотрѣлъ тупо и уныло, Таймыръ сантиментально-задумчиво помахивалъ хвостомъ. Одинъ изъ старыхъ и солидныхъ псовъ обнаружилъ не приличествовавшее его возрасту легкомысліе: захотѣлъ полюбоваться полярнымъ пейзажемъ, съ каковою цѣлью попробовалъ влѣзть на бортъ; но цѣпь оказалась коротковатой, и любитель природы могъ только положить на бортъ переднія лапы. Осталось неизвѣстнымъ, что онъ подумалъ, но на выразительной физіономіи стараго пса можно было прочитать унынie. Съ разочарованіемъ и отвращеніемъ наблюдатель опустился на всѣ четыре лапы.

Солнце садилось въ туманѣ. До сихъ поръ мы такъ и не имѣли случая видѣть солнечный закатъ во всемъ его великолѣпіи. Взошла луна.

9-го августа, попутавшись среди льда, мы стали на ледяной якорь у огромнаго сильно торосистаго поля.

Большой черный тюлень выѣзъ черезъ проталину и нѣжился возлѣ нея на льду, не обращая вниманіе на выстрѣлы разгорячившагося охотника. Это былъ phoca barbata—морской заяцъ, какъ его называютъ архангельскіе поморы. Животное чувствовало себя превосходно, что и обнаруживало своей тяжеловѣсно-выразительной мимикой: то голову подниметь, то ластомъ дрыгнетъ, то на бокъ перевернется. Долго мы наблюдали въ трубу за тюленьими кунстштюками. Наконецъ,

продѣлавъ свои экзерциціи, тюлень нырнулъ въ море. И во время, ибо уже смертоносный маузеръ былъ принесенъ на мостикъ.

Оружіе было обращено противъ кайры, которая плавала слишкомъ далеко для дробовика. Выстрѣлъ былъ удаченъ. Но далѣе вышелъ трагикомическій инцидентъ. Безбородовъ спустилъ байдарку, чтобы достать кайру, заторопился, поскользнулся на трапѣ, опрокинулъ байдарку и самъ упалъ въ воду. Конечно, его сейчасъ же вытащили. Это уже второй случай ледяной ванны, и все съ тѣмъ же Безбородовымъ. Весной, во время охоты, онъ, переправляясь черезъ рѣчку, упалъ, его подхватило быстрымъ теченіемъ и безъ чувствъ выбросило на берегъ. Онъ былъ на охотѣ одинъ, такъ что мокрый долженъ былъ идти, пока не возвратился съ однимъ изъ товарищей, который подѣлился съ нимъ своимъ туалетомъ. Оба раза — ни малѣйшей простуды.

Спустя часъ или полтора послѣ невольнаго купанья, Безбородовъ, уже стоявшій на вахтѣ, докладывалъ: «ваше б — діе, медвѣдь!» На большой торосистой льдинѣ не очень далеко отъ судна плылъ матерый бѣлый медвѣдь. Спустили двойку. Я поплылъ съ Евстихѣевымъ и Безбородовымъ за звѣремъ. Но, увы! только свѣжіе слѣды медвѣжьихъ лапъ, отпечатлѣвшіеся на недавно выпавшемъ снѣгу, свидѣтельствовали о пребываніи медвѣдя; подъ прикрытіемъ торосовъ звѣрь скрылся изъ виду. Тщетно проискавъ его на другихъ льдинахъ, мы возвратились на судно.

Имѣя дѣло съ пакомъ, приходится быть осторожнымъ, а потому не лишнее имѣть хотя небольшой запасъ провіанта подъ рукой. По распоряженію командира, у насъ былъ устроенъ маленькій складъ въ комнаткѣ, прилегающей къ лабораторіи.

Съ начала плаванія я принялъ на себя коллектированіе морской фауны. Для уловленія гадовъ морскихъ употребляются: драга, тралъ и пелагическая сѣть. Драга состоитъ изъ желѣзной рамы, съ острыми краями, и прикрѣпленнаго къ ней мѣшка изъ грубой, довольно плотной матеріи. Волочась по дну, драга загребаетъ своимъ острымъ краемъ грунтъ, который остается въ мѣшкѣ. Тралъ состоитъ изъ болѣе узкой и легкой желѣзной рамы, безъ остраго края; вмѣсто мѣшка, къ этой рамѣ прикрѣплена сѣть. Волочась по дну, какъ и драга, тралъ не собираетъ животныхъ, углубляющихся въ грунтѣ. При вытаскиваніи трала отчасти захваченный имъ грунтъ, если онъ не состоитъ изъ вязкаго ила, промывается сквозь ячейки сѣти. Тралы и драги у насъ были различной величины. Меньшихъ размѣровъ — нуждались не болѣе, какъ въ силѣ двухъ человѣкъ; большіе—вытаскивались при помощи паровой лебедки, а особый индикаторъ показывалъ вѣсъ улова.

Во время стоянки на ледяномъ якорѣ я забрасывалъ съ Желѣзниковымъ ручной тралъ. Вытащили огромное количество изобилующихъ

здѣсь морскихъ таракановъ, актиній съ улитками, съ которыми онѣ находятся въ симбіозѣ, червей, нѣсколько крошечныхъ рыбокъ, красиваго розоваго рачка—бокоплава и т. д.

Барометръ довольно быстро поднимался, но погода стояла скверная. Туманъ, туманъ и туманъ. Добравшись до 75°,58' с. ш., мы снова стали дрейфовать на югъ. Снова знакомыя мѣста мелькали въ туманѣ... Попытка проникнуть къ Новой Сибири съ сѣвера не удалась. Утромъ 10-го августа мы снялись съ ледяного якоря.

Командиръ рѣшилъ попытаться подойти къ мысу Высокому, гдѣ «Заря» должна была снять зоолога экспедиціи, черезъ проливъ Благовѣщенія.

Барометръ сталъ медленно опускаться. Съ обледенѣвшихъ снастей, иногда, какъ градъ, сыпались на палубу ледяные осколки. Противъ Нерпалаха мы встрѣтили значительное количество болѣе или менѣе разбитаго льда. Курсъ былъ взятъ на юго-западъ, и судно прошло въ 8-ми морскихъ миляхъ отъ острова Бѣльковскаго. Въ это время прояснило, и островъ былъ хорошо видѣнъ съ его высокими берегами; неподалеку отъ него возвышается маленькій скалистый островокъ столообразной формы; это островъ Стрыжова.

Въ 8 час. утра 11-го августа мы обогнули мысъ Медвѣжій и вошли въ проливъ между Котельнымъ и М. Ляховскимъ островами, который Ф. А. Матисенъ назвалъ моимъ именемъ. Льду почти не было видно. Судно слегка покачивалось на волнахъ. Глубины малыя, въ 20-ти миляхъ отъ берега 6—7 саж.

Была первая ходовая гидролого-зоологическая станція. Застопорена машина. Команда вызвана наверхъ. А. В. Колчакъ беретъ пробу грунта, воды съ различныхъ глубинъ для количественнаго анализа ингредіентовъ ея, опредѣляетъ температуру глубинъ и поверхности воды. Завели «стрѣлу», при помощи которой поднимаютъ тяжести. Тихій ходъ назадъ, и опущенная въ воду драга нѣкоторое время волочится по дну моря. Стопъ машина! Заработала паровая лебедка, и драга извлечена. Жидкая грязь потекла по палубѣ...

Кромѣ описанныхъ выше трала и драги, я ежедневно пользовался для коллектированія пелагическою сѣтью. Пелагическая сѣть представляетъ изъ себя коническій мѣшокъ со срѣзанной макушкой, въ которую вшитъ небольшой мѣдный обручъ. Мѣшокъ дѣлается изъ матеріи, легко пропускающей воду. Широкій конецъ мѣшка прикрѣпленъ къ большому обручу. Передъ спускомъ сѣти въ воду къ маленькому обручу прикрѣпляется мѣдный цилиндръ, на который надѣвается—вмѣсто дна—плотная матерія, фиксируемая завинчивающимся поверхъ нея кольцомъ.

Теперь ежедневно, часа въ 2 дня или около того, на палубѣ «Зари» можно было наблюдать живую картину—*аповеозъ науки*. Сцена — море, слегка волнующееся. Туманъ. Кое-гдѣ бѣлѣютъ и синѣютъ

льдины. На палубѣ суматоха. Машинистъ, очень серьезный, священнодѣйствуетъ у паровой лебедки. У борта, около драги или трала хлопочутъ нѣсколько человѣкъ. Обладающій пытливымъ умомъ, песъ Кёрёмёсь поднимается за заднія лапы и, опираясь передними о бортъ судна, съ видомъ знатока заглядываетъ въ загадочное море.

Всѣ на суднѣ обнаруживали большой интересъ къ количеству и разнообразію улова. Морскія звѣзды, актиніи, гидромедузы внимательно разсматривались. Инородцы, менѣе всѣхъ занятые, подолгу съ любопытствомъ смотрѣли, какъ я промывалъ принесенный драгой или траломъ грунтъ.

— Бу кусаганъ балыкъ! (вотъ плохая рыба) — глубокомысленно замѣчалъ Алексѣй, показывая пальцемъ на крупнаго таракана, но не рѣшаясь къ нему притронуться.

Пробовалъ я приспособить котораго-либо изъ промышленниковъ къ промыванію грунта, но ничего не вышло: даже вымыть палубу они не могли какъ слѣдуетъ; посмотритъ матросъ, и возьметъ швабру въ свои руки. А промывка солоно мнѣ приходилась, когда грунтъ былъ илистый. Для промыванія употреблялись проволочныя рѣшета.

Сталъ попадаться чаще разбитый ледъ. Вечеромъ, 12-го августа, мы входили въ проливъ Благовѣщенія. Солнце показывалось мгновеніями и скрывалось за облаками, еще нѣкоторое время оставаясь замѣтнымъ въ видѣ свѣтлаго пятна на темномъ фонѣ облачнаго неба. Туманъ нависалъ надъ моремъ... Былъ небольшой вѣтеръ.

Въ Благовѣщенскомъ проливѣ мы встрѣтили сильное теченіе и очень малыя глубины. Держась на серединѣ пролива около 6 — 7 саженъ (морская сажень = 6 фут.), онѣ при приближеніи къ берегу, быстро падали на 5, 4 и даже 3 сажени, а ближе 5-ти морскихъ миль мы къ берегу не подходили. Шансы на проходъ къ мысу Высокому, и далѣе, къ острову Беннетта съ самаго начала оказались не важными. Для починки дейдвудной трубы, черезъ которую течь достигала 5 тоннъ въ часъ, пришлось часа на три стать на ледяной якорь. Послѣ завтрака двинулись снова на сѣверъ, но встрѣтили сплошную массу разбитаго льда, совершенно непроходимаго для судна и, не дойдя всего 15-ти морскихъ миль до мыса Высокаго, должны были повернуть на югъ.

Берега Новой Сибири и Фаддѣевскаго острова низменны и, даже, по полярному масштабу, однообразны, именно на протяженіи Благовѣщенскаго пролива. Птицъ мы не встрѣчали, нерпы попадались рѣдко.

Погрузившееся въ море солнце оставило по себѣ золотистую зарю. Мы шли на югъ.

Солнце во время плаванія было очень неласково къ намъ, а потому было особенно пріятно, выйдя послѣ завтрака на палубу, видѣть, какъ разсѣевались облака и оно появилось во всемъ блескѣ

на безоблачномъ небѣ, предоставляя нашимъ астрономамъ рѣдкую возможность сдѣлать наблюденіе. Около четырехъ часовъ небо оставалось безоблачнымъ, потомъ по нему поплыли красивыя перистыя облака. Граціозные «барашки», граничившіе съ болѣе густыми кучевыми облаками, мало-по-малу скрыли отъ насъ солнце. Старый знакомый нордъ-вестъ, какъ «ночной зефиръ», едва-едва «струилъ эфиръ».

На морѣ—легкая рябь. Льду не видно, береговъ не видно. Температура поднималась на солнцѣ выше $+10^0$ R.

Гуси пролетѣли на югъ.

Въ 1 ч. дня на юго-западѣ показался ледяной барьеръ. Доносившійся до насъ шумъ движущагося льда напоминалъ гулъ идущаго на всѣхъ парахъ поѣзда. Къ вечеру небо заволокло облаками. Наступили сумерки. Собаки повизгивали. Судно шло полнымъ ходомъ на востокъ миляхъ въ 30 отъ южнаго берега Новой Сибири.

Утромъ, 15-го августа, когда я всталъ, машина была застопорена. Пили чай втроемъ, отъ чего уже стали отвыкать. Въ 10-мъ часу началась научная станція, которая продолжалась до 11.

При попыткѣ идти на NO натолкнулись на ледъ, а главное, на возмутительныя глубины, которыя доходили до 17 фут., такъ что струя воды отъ винта поднимала со дна илъ. Южный берегъ Новой Сибири, какъ и западный, низменъ. Море очень мелкое, въ разстояніи 30-ти миль отъ берега какихъ-нибудь 5—6 саженъ. Чтобы выйти на болѣе надежныя и ровныя глубины, взяли на югъ и шли на разстояніи 40 миль отъ берега.

День у каждаго изъ насъ былъ настолько заполненъ, что «Журналъ каютъ-компаніи» совершенно заглохъ. Вмѣстѣ намъ не приходилось сходиться, и обѣдалъ я, по очереди, одинъ день съ однимъ изъ офицеровъ, другой—съ другимъ.

15-е августа было днемъ для насъ знаменательнымъ по обилію кулинарныхъ открытій. Такъ какъ консервныя щи намъ порядочно надоѣли, то въ этотъ день у насъ появился пирогъ съ мясомъ, заимствованнымъ изъ щей. Кромѣ того, мы переняли у изобрѣтательной машинной команды способъ поджариванія этихъ щей на салѣ, что нѣсколько напоминало селянку. Мало того. Толстовъ отыскалъ завалившіяся гдѣ-то 25 жестянокъ паштета изъ печенки и 30-датскаго рагу изъ мяса!

Къ вечеру спустился густой туманъ. Стали на якорь на глубинѣ 28 фут. Сильное теченіе, повидимому, глубинное. Двигавшійся ледъ скоро заставилъ перемѣнить мѣсто. Пройдя немного назадъ, стали на большей глубинѣ. Простояли до полудня 16-го.

Вскорѣ на горизонтѣ показался огромный торосъ, совершенно напоминавшій высокій скалистый островокъ. Подойдя къ нему ближе, мы увидѣли колоссальную ледяную массу, съ горами и пригорками,

гротами, зубчатыми башнями и грудами ледяныхъ осколковъ. Волны съ глухимъ рокотомъ разбивались о ледяные утесы. Высота тороса, по измѣренію А. В. Колчака, оказалась равною 57 фут. Онъ сидѣлъ на мели на $6^1/_2$ саженяхъ глубины. Это былъ самый большой изъ встрѣченныхъ нами торосовъ; ранѣе мы встрѣчали до 47 фут.

Съ 7-ми часовъ вечера пошли полнымъ ходомъ на сѣверъ. Море было чистое. Небольшой вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Порядочная зыбь. У нашихъ промышленниковъ появилось головокруженіе, у Алексѣя даже форменная морская болѣзнь. Съ осунувшейся физіономіей и чрезвычайно плачевной миной стоялъ онъ у борта на шканцахъ, всячески стараясь вызвать къ себѣ сочувствіе: дѣтская черта, свойственная и этимъ «дѣтямъ» природы.

Кислѣе обыкновеннаго чувствовали себя псы во время качки. Болѣе чувствительные изъ нихъ умильно-жалобно взглядывали на каждаго, кто проходилъ мимо нихъ, и умоляюще помахивали хвостами. Другіе забивались въ уголъ и совершенно апатично относились къ ласкѣ. Старые ворчуны спали, свернувшись въ клубки, подавленность мозговыхъ центровъ вызывала у нихъ чрезмѣрную сонливость. А маленькій песецъ «Мальчикъ», какъ бы доказывая, что дѣти не подвержены морской болѣзни, продолжалъ обижать свою сестренку «Машку». Пронзительно-жалобно свистѣлъ осиротѣлый совенокъ. Его братъ, неосторожно перебравшійся съ помощью еще не окрѣпшихъ крыльевъ за порогъ лабораторіи, сталъ жертвой привязанныхъ по близости псовъ.

17-го августа, днемъ, семь розовыхъ чаекъ слѣдовали за судномъ. Остановили машину. Командиру удалось застрѣлить одну изъ нихъ. Всѣ, попадавшіеся намъ экземпляры, были въ первомъ опереніи.

Научная станція въ этотъ день была интересна, хотя и стоила намъ трала, который сломали при подъемѣ. Индикаторъ показывалъ 500 кило. За промывкой этой грязи я просидѣлъ всю ночь, до 4 ч. утра, чтобы съ 9 ч. снова приняться за ту же работу. Результаты были очень любопытны. Наряду съ неизмѣнными тараканами намъ попались и такія «нимфозоріи», какихъ прежде не встрѣчалось. Результатъ гидрологической станціи также оказался довольно неожиданнымъ: температура придонной воды, которая въ Ледовитомъ океанѣ держится около —1° С., на этотъ разъ оказалась почти равной 0°, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется большее разнообразіе фауны.

Въ тотъ же день Ф. А. Матисенъ увидалъ изъ «бочки» землю на сѣверо-востокѣ. По его предположенію, это былъ одинъ изъ Де-Лонговыхъ острововъ—Генріетта или Жаннетта, но такъ какъ отъ насъ до этихъ острововъ было около 120 миль, то, можетъ быть, это былъ и какой-нибудь новый островъ. Образовавшійся вскорѣ туманъ и необходимость преслѣдованія прямой задачи, снятія началь-

ника и членовъ экспедеціи, помѣшали командиру направиться къ показавшемуся вдали острову.

Влѣзалъ и я въ бочку, чтобы полюбоваться открывавшимися оттуда полярными перспективами. «Бочка», или «воронье гнѣздо» нѣмцевъ и англичанъ, это—подлинная бочка, укрѣпленная наверху гротъ-мачты. Влѣзая въ нее, закрываешь дно и защищенный до нѣкоторой степени отъ вѣтра—наблюдаешь. Слазить въ бочку для непривычнаго человѣка не легкая задача. Таковой, по крайней мѣрѣ, она мнѣ представлялась, когда я карабкался по вантамъ (веревочнымъ лѣстницамъ), когда я перебирался на марсъ (площадка у гротъ-мачты) и когда я уже былъ близокъ къ цѣли. Съ облегченіемъ вздохнулъ я, когда влѣзъ въ бочку, и только сознаніе необходимости совершить обратный путь нѣсколько отравляло мнѣ наслажденіе широкимъ пейзажемъ полярнаго моря.

Къ вечеру ледъ и сгустившійся туманъ заставили «Зарю» остановиться. Простояли мы цѣлыя сутки, дрейфуя со льдомъ то на сѣверъ, то на юго-востокъ, повидимому, въ зависимости отъ прилива и отлива, такъ какъ былъ почти полный штиль.

Восточный берегъ Новой Сибири—возвышенный, особенно мысъ Каменный. Видѣли хорошую ледяную горку, можетъ быть, принесенную моремъ съ Беннетта, болѣе 3-хъ саженъ вышиной.

18-го августа Желѣзниковъ увидалъ лежавшаго на льдинѣ огромнаго тюленя. Онъ поплылъ къ нему на байдаркѣ. Животное было неподвижно и, вѣроятно, спало. При приближеніи охотника оно слегка приподняло голову. Одинъ моментъ, и мѣткій выстрѣлъ положилъ его на мѣстѣ. Я слѣдилъ съ мостика въ бинокль. Спустили шлюпку и прибуксировали добычу къ судну. На палубу его подняли при помощи паровой лебедки. Это былъ морской заяцъ (phoca barbata), самка, пудовъ въ 25 вѣсомъ, 285 ctm. въ длину и 185—въ обхватѣ. Въ желудкѣ у него я нашелъ массу круглыхъ червей, еще живыхъ, и массу полупереваренныхъ морскихъ таракановъ; въ тонкихъ кишкахъ—множество ленточныхъ глистъ въ 1—2 арш. длиной. При своей огромной величинѣ животное производило странное впечатлѣніе кожаннаго мѣшка, набитаго саломъ. Голова, казавшаяся непропорціально малой, короткіе ласты, сравнительно очень небольшіе зубы—обличали полную беззащитность, скрывавшуюся за толстой броней шкуры и сала. Промышленники съ вожделѣніемъ посматривали на послѣднее. «Зир учуіей, эт-кусаган (жиръ—хорошъ, мясо—плохое). Зир оладьи стряпай можно», говорилъ, захлебываясь отъ удовольствія, Семенъ, перемѣшивая русскія слова съ якутскими и сопровождая свою рѣчь оживленной мимикой.

Вечеромъ была возобновлена попытка продраться къ острову Беннетта, но скоро судно уперлось въ пакъ. И третья попытка проник-

нуть къ острову Беннетта, или, по крайней мѣрѣ, къ мысу Высокому что на Новой Сибири, оказалась тщетной. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Пошли назадъ, чтобы возобновить попытку проникнуть къ Беннетту съ запада.

На этотъ разъ командиръ предполагалъ идти западнѣе острова Бѣльковскаго.

Весь день 19-го августа шелъ снѣгъ. Стоялъ густѣйшій туманъ. Перегружали уголь; на палубѣ—грязь и слякоть. Опять видѣли нѣсколько штукъ розовыхъ чаекъ, которыя то съ криками летали около судна, то опускались на воду и плавали. Масса птицъ—гаги, кулики, пуночки пролетали на югъ. Мы стояли до 9 час. въ дрейфѣ.

Мясо бородатаго тюленя, которое вскорѣ фигурировало на нашемъ обѣденномъ столѣ, оказалось сноснѣе нерпичьяго на вкусъ и не такъ черно. Мозгъ и почки, по крайней мѣрѣ, основательно вымоченные въ уксусѣ, почти не имѣли непріятнаго привкуса.

Нашъ обратный путь отъ восточнаго берега Новой Сибири происходилъ при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ первое время плаванія. Почти ежедневно шелъ снѣгъ, моросилъ «осенній мелкій дождичекъ». Море—сначала съ рѣдкимъ льдомъ, а потомъ свободное ото льда, снова сдѣлалось «ледовитымъ». Юго-восточный вѣтеръ погналъ съ юга массу разбитаго льда, среди котораго встрѣчались даже многолѣтнія поля, очевидно сдвинутыя на югъ долго дувшими сѣверо-западными вѣтрами и теперь совершавшія обратное путешествіе. Мѣста, которыя при нашемъ курсѣ къ восточному берегу Новой Сибири были чисты ото льда, теперь были далеко отъ него не свободны. Погода стояла еще болѣе туманная и облачная. 22-го августа солнце выглянуло ровно настолько, чтобы дать Ф. А. Матисену взять его высоту для опредѣленія мѣста. Къ вечеру барометръ сталъ сильно падать. Ждали шторма, но все разрѣшилось непродолжительнымъ шкваломъ. Снѣгъ пошелъ гуще и въ теченіе получаса была форменная пурга. Наступившія потемки—ночи становились длиннѣе и темнѣе,—сдѣлали невозможнымъ движеніе впередъ. Застопорили машину.

Утромъ 23-го «Заря» уже шла на югъ.

Если бы даже путь къ Беннетту и былъ проходимъ, намъ не хватило бы угля на плаваніе туда и обратно. Но, судя по развернувшейся передъ нами картинѣ сплошного льда съ полыньями въ немъ, нельзя было не придти къ заключенію, что и эта попытка была бы повтореніемъ трехъ предшествовавшихъ.

*

VI.

Островъ Столбовой.—Хорошая погода.—Открытое море.—Морская болѣзнь.—Заливъ Борхая.—Островъ Мостахъ и губа Тикси.—Сигналы.—Знакъ Бруснева.—Поѣздка на берегъ.—Визитъ Джергили.—Волокъ изъ Тикси въ Быковскую губу.—Верхомъ на оленѣ.—Неводьба.—Окрестности Тикси.—Ручной соколъ.—Птицы.—Пароходъ „Лена".—Торжественный обѣдъ.—Ликвидація дѣлъ.—Несчастный выстрѣлъ.—„Заря" на якорѣ.—Переноска раненаго и отъѣздъ изъ Тикси.—Рѣчная обстановка.—Малыя глубины.—На мели.—Тщетная надежда.—На линіи голодающихъ.—Путешествіе булунскаго засѣдателя по морю, „аки по суху".—Пріятная перемѣна.—Быковскій мысъ.—Острова Лены.—Пески и рыбные промыслы.—Смерть Носова.—Булунъ.—Похороны.—Кесюръ.—Жиганскъ.—Снѣгъ.—Устье Вилюя.—Шуга.—Алданъ.—Пріѣздъ въ Якутскъ.

Солнце давно такъ ярко не свѣтило. Казалось, оно передавало привѣтъ съ далекаго юга намъ, ѣхавшимъ на югъ. Кругомъ попадался еще рѣдкій ледъ. Однолѣтнія льдины преобладали, хотя встрѣчались и размытые остатки старыхъ торосистыхъ полей, иногда прекурьезной формы.

Утромъ 23-го августа была застрѣлена пара птицъ—самка и птенецъ—изъ отсутствовавшаго до сихъ воръ въ орнитологической коллекціи этого лѣта вида кайръ—uria lomvia arra.

Во 2-мъ часу открылся передъ нами островъ Столбовой,—гористый, особенно въ сѣверной его части, съ крутыми обрывами. Онъ уже совершенно побѣлѣлъ отъ снѣга.

Въ первый день нашего плаванія къ материку мы чуть-ли не въ первый разъ любовались закатомъ солнца, обыкновенно скрывавшагося отъ насъ за туманомъ или облаками. Золотистый, оранжевый, пурпурный и фіолетовый цвѣта съ мягкими тонами и полутонами смѣнялись въ облакахъ различныхъ очертаній.

Небо продолжало покровительствовать намъ и на слѣдующій день. Хотя солнце не разъ скрывалось за облаками, хотя и шелъ нѣкоторое время снѣгъ, все-таки мы видѣли «свѣтило дня» и облака не были безнадежно слоистыя, а кучевыя и перистыя преобладали. Барометръ къ вечеру сталъ быстро подниматься. Температура воздуха держалась около 0°, но температура воды была значительно выше: сказывалось вліяніе рѣки Лены.

Съ ранняго утра 24-го августа мы шли по совершенно свободному ото льда морю. При небольшомъ вѣтрѣ зыбь уже была изрядной. Я раза два просыпался отъ качки и узналъ, что Алексѣй страдаетъ морскою болѣзнью. Качка продолжала усиливаться. Къ полудню поднялся вѣтеръ до 12 м. въ секунду. Онъ дулъ намъ навстрѣчу. Скорость судна упала до 2-хъ узловъ въ часъ. Всѣ трое промышленниковъ и нашъ злополучный поваръ представляли изъ себя въ высокой степени жалкое зрѣлище: блѣдныя, вытянутыя физіономіи, полный упадокъ духа, точно ихъ приговорили къ повѣшенію. Семенъ былъ энергичнѣе

остальныхъ. Онъ долго оставался на открытомъ воздухѣ, работалъ и страдалъ менѣе другихъ. Работа на свѣжемъ воздухѣ вылѣчила и Гаврилу. Меня въ каютѣ скоро начинало укачивать, а потому я предпочиталъ оставаться на палубѣ. Все-таки завтракъ изъ тюленьей печонки не пошелъ мнѣ впрокъ; но скоро я оправился.

Кончивъ промывку трала и погулявъ по мостику, чтобы насладиться видомъ открытаго, хотя и желтовато-мутнаго моря, я очень рано легъ спать и скоро заснулъ, убаюканный легкой качкой.

25-го августа утромъ мы входили въ заливъ Борхая. Въ отдаленіи виднѣлись Хараулахскія горы, сѣверные отроги Верхоянскаго хребта. Наполовину покрытыя снѣгомъ горы, изсиня темныя или синевато-бѣлыя, были очень красивы. Ихъ прорѣзывали многочисленныя долины.

По довольно ровнымъ глубинамъ мы прошли мимо острова Мостаха; къ югу отъ него тянется длинная коса, которую пришлось обойти. Островъ Мостахъ (як. прилагательное отъ «мос»—мамонтова кость; означаетъ «содержащій мамонтову кость»), имѣетъ крутые и довольно высокіе берега (мысъ Караульный).

Вечеромъ вывѣшивали электрическій фонарь, чтобы дать знать Брусневу и пароходу «Лена», котораго ждали съ часу на часъ, о прибытіи «Зари».

Утромъ на слѣдующій день судно продвинулось дальше въ губу Тикси (тикси—як. пристань). На берегу бухты мы увидали знакъ, по которому убѣдились въ присутствіи гдѣ-либо по близости Михаила Ивановича Бруснева. Затѣмъ какой-то бѣлый предметъ, пониже знака, привлекъ наше вниманіе. Это оказалась палатка. Позже мы увидали поварню и, наконецъ, людей на берегу. Былъ сдѣланъ салютъ изъ пушки и выкинутъ флагъ. Съ берега отвѣтили залпомъ изъ ружей. Было около 12-ти часовъ—время завтрака. Завтракъ, разумѣется, былъ оставленъ, и я съ А. В. Колчакомъ и четырьмя матросами отправился на берегъ. Дулъ свѣжій попутный вѣтеръ и мы скоро проѣхали 4 мили, отдѣлявшія насъ отъ берега. Промѣръ показалъ, что судно безъ риску можетъ подойти ближе.

На берегу мы нашли М. И. Бруснева съ тремя промышленниками. Послѣ оживленнаго разговора и чая съ плохимъ коньякомъ все народонаселеніе берега было принято на шлюпку и доставлено на бортъ «Зари». Одинъ изъ промышленниковъ—Николай, былъ уже на Котельномъ островѣ, гдѣ видѣлъ «Зарю», а двое его товарищей въ первый разъ въ жизни видѣли судно, и удивленію ихъ не было предѣла. Спутникъ барона Толля въ его прежнихъ экспедиціяхъ,—старикъ Джергили только изъ-за того и взялся сопровождать М. И. Бруснева, что надѣялся повидаться съ барономъ и кстати посмотрѣть диковинную выдумку чужедальнихъ людей—большой домъ, какихъ не бываетъ, удивительный домъ, который плаваетъ по морю, близкому, но невѣдомому для него иначе, какъ подъ толстой ледяной корой морю. Его

сопровождалъ семнадцатилѣтній сынъ Степанъ, уже женихъ, но выглядѣвшій совсѣмъ мальчикомъ. Старикъ Джергили являлся носителемъ старинныхъ тунгусскихъ традицій и юный Степанъ доставлялъ ему не мало огорченій, явно предпочитая якутскую рѣчь и якутскіе обычаи. Не найдя барона, Джергили, когда узналъ, что командиръ его замѣщаетъ, сказалъ по-якутски, обращаясь къ послѣднему: «Табя вижу— все равно, что его вижу», и выразилъ желаніе ѣхать за начальникомъ экспедиціи на оленяхъ, когда замерзнетъ море. Пушка, ракеты, электричество вызывали младенческій восторгъ у старика.

— Настоящіе шаманы,—сказалъ онъ.

У Бруснева мы раздобыли свѣжаго и сушенаго оленьяго мяса и языковъ, такъ что трапеза у насъ была роскошная.

Такъ какъ пароходъ «Лена» не приходилъ и точныхъ свѣдѣній о немъ не было, то командиръ рѣшилъ произвести промѣръ Быковской протоки, чтобы выяснить, не можетъ-ли «Заря» войти въ Лену. Съ этою цѣлью долженъ былъ отправиться лейтенантъ Колчакъ на четверкѣ съ четырьмя матросами.

27-го были приняты подготовительныя мѣры. Командиръ, инженеръ Брусневъ, я и четверо матросовъ отправились на берегъ на вельботѣ съ четверкою на буксирѣ, имѣя въ виду, для сокращенія пути переправить четверку на оленяхъ въ Быковскую губу. На рулѣ въ пустой четверкѣ сидѣлъ Евтихѣевъ. Волненіе было значительное. Незагруженная четверка спускалась съ волны, какъ съ горы, стремительно, прямо на насъ, и одинъ разъ ковырнула-таки вельботъ.

На берегу промышленники поймали оленей и послѣ неудачной попытки войти вглубь маленькой бухты (шлюпка сѣла на мель) связали двѣ нарты и на восьми оленяхъ перевезли четверку черезъ перешеекъ, отдѣляющій губу Тикси отъ Быковской. Старый плавникъ на перешейкѣ указывалъ, что нѣкогда ленская вода—можетъ быть, только въ половодье—находила прямой путь въ Тикси. Быковская губа казалась очень мелкой съ пологимъ дномъ.

Видѣли гусей, пролетавшихъ на югъ. Молодыя — въ первомъ оперенiи чайки носились надъ берегомъ.

Мы катались верхомъ на оленяхъ. Примитивное сѣдло довольно слабо держится на оленѣ подпругой. Садиться приходится, опираясь на палку, чтобы не переломить хрупкаго позвоночника, не созданнаго для верховой ѣзды оленя; да и сѣдло иначе съѣзжаетъ на бокъ. Стремянъ не полагается. Сидѣть надо аккуратно, соблюдая балансъ. Сильно искушеніе, когда теряешь равновѣсіе, придержаться за вѣтвистые рога оленя, но тутъ-то паденіе и становится неизбѣжнымъ, такъ какъ олень моментально склоняетъ голову къ землѣ. Боишься, какъ бы рогами не выткнуло глаза. Когда немного проѣдешься на оленѣ, получается впечатлѣніе, что человѣкъ не подъ силу этому животному: онъ такъ тяжело дышитъ, неся свою тяжеловѣсную ношу. А между тѣмъ

олень незамѣнимъ на тундрѣ по своей выносливости и по своей легкости. Онъ вскарабкается туда, куда не взойдетъ ни одна лошадь, пройдетъ по зыбкой почвѣ, въ которой лошадь увязнетъ. Наши маленькіе ростомъ и легковѣсные тунгусы отлично гарцовали на оленяхъ. Падали мы немного. Я одинъ разъ скатился подъ косогоръ, да слѣзая съ сѣдла, потащилъ его за собой — и растянулся.

Мы пробыли цѣлый день на материкѣ и только къ ночи вернулись на судно. Неводили рыбу, да неудачно: попалась только сельдь и небольшіе муксуны. А въ Тикси встрѣчаютъ нельму и даже стерлядь, заплывающихъ сюда изъ Лены.

Окрестности Тикси мнѣ понравились. Гористый островокъ Бруснева, стоящій въ губѣ, виднѣющіяся въ отдаленіи горы материка, мѣстность неровная, съ оврагами и байджярахами значительно отличалась отъ болѣе ровной тундры Ново-Сибирскихъ острововъ, хотя и носитъ тотъ же отпечатокъ. Растительность здѣсь уже роскошнѣе и климатъ нѣсколько теплѣе, чѣмъ на островахъ. Тундра еще была покрыта травой и увядающими цвѣтами, тогда какъ тамъ уже въ первой половинѣ августа все было погребено подъ снѣгомъ. Трава здѣсь выше; незабудки, едва приподнимающіяся надъ землей на островахъ, здѣсь имѣютъ стебель въ 3—4 вершка вышиной. Фауна, въ особенности орнитологическая, богаче.

У М. И. Бруснева мы видѣли небольшого сокола, который былъ взятъ имъ птенцомъ изъ гнѣзда и сталъ совсѣмъ ручнымъ. Пользуясь полной свободой и летая весь день надъ тундрой, онъ прилеталъ на ночлегъ и кормежку къ поварнѣ. Во время прогулки онъ иногда садился на плечо или голову своего хозяина.

28-го августа А. В. Колчакъ поѣхалъ для промѣра къ Быковской протокѣ и вернулся черезъ день съ извѣстіемъ, что «Лена» вышла въ Тикси съ Торгерсеномъ въ качествѣ провожатаго. Былъ штормъ съ SO и OSO и только 30-го утромъ мы увидали пароходъ «Лену», который отштормовался у Мостаха. Къ намъ на судно пріѣхали съ «Лены» представитель фирмы А. И. Громовой В. Е. Гориновичъ, завѣдующій хозяйственною частью на пароходѣ; капитанъ парохода А. Ю. Ершевскій, норвежецъ И. И. Торгерсенъ, бывшій матросомъ на этой самой «Ленѣ» въ экспедиціи Норденшёльда, и булунскій засѣдатель П. А. Квасниковъ, который явился въ полномъ парадѣ. Получивъ предписаніе оказывать всевозможное содѣйствіе экспедиціи, засѣдатель счелъ своимъ долгомъ выѣхать къ намъ навстрѣчу. Господа ленцы были приглашены на обѣдъ. Недостатокъ въ питіяхъ былъ пополненъ изъ погребка «Лены».

Ѳома изготовилъ обѣдъ на славу и блисталъ своимъ безукоризненно бѣлымъ поварскимъ костюмомъ. Старикъ Джергили спросилъ на ухо М. И. Бруснева: «Какъ ты думаешь, долженъ я надѣть свои медали?» и, раздобывъ медали и припрятанную гдѣ-то у него старенькую

фуражку съ бархатнымъ околышемъ, которая была ему совсѣмъ не по головѣ, старый тунгусъ представлялъ изъ себя прекомичную фигуру. День завершился музыкой и пѣніемъ. Хоровое у насъ не спорилось; за то одинъ изъ нашихъ гостей оказался хорошимъ солистомъ.

«Лена» должна была спѣшить, чтобы не застрять по дорогѣ въ Якутскъ изъ-за ледохода, и намъ дали всего три дня на сборы. А по свѣдѣніямъ, полученнымъ съ Лены, — точнаго промѣра не существуетъ,—«Зарѣ» нечего было и думать пройти въ рѣку. Оставалось перегружаться.

А. В. Колчакъ ѣздилъ на «Ленѣ» съ промѣромъ и нашелъ за островомъ Бруснева хорошо защищенную гавань для «Зари». «Заря» была поставлена тамъ на якорь, а «Лена» стала бортъ къ борту къ ней.

Началась перегрузка. Пришлось-таки пороть горячку. Лично мнѣ оставалось докончить укладку библіотеки, уложить коллекціи морской фауны, отчасти орнитологіи и аптеку.

Было рѣшено, что члены экспедиціи пойдутъ на полномъ довольствіи «Лены», а команда—на иждивеніи экспедиціи, только мясо для нея будетъ покупаться на «Ленѣ», что было и лучше, и дешевле. Когда я выдавалъ провизію для команды, я услышалъ глухой выстрѣлъ. Въ помѣщеніи команды произошелъ трагическій случай. Матросъ Безбородовъ, стараясь вынуть патронъ изъ винтовки системы Маузера, произвелъ нечаянный выстрѣлъ и попалъ въ ногу кочегару Носову. Я нашелъ Носова распростертымъ на полу, стонущимъ отъ мучительной боли. Лужа крови стояла подъ раненой ногой. Пуля была съ развертывающейся оболочкой, знаменитая думъ-думъ, о которой столько говорили во время англо-бурской войны. При чрезвычайно маломъ входномъ отверстіи раны выходное достигало 2-хъ вершковъ слишкомъ въ продольномъ діаметрѣ. Видъ раны былъ ужасный. Значительной величины кусокъ большой берцовой кости былъ вырванъ и разбитъ въ дребезги, мышцы—разорваны. Кровотеченіе не было такъ значительно, какъ можно было ожидать, благодаря перекручиванію сосудовъ. Соотвѣтственно обоимъ отверстіямъ раны — въ сапогѣ было ничтожное входное отверстіе и большая рваная дыра въ мѣстѣ выхода пули. Пуля прошла сквозь палубу въ нижній трюмъ, а оболочка ея нѣсколько поцарапала палубу. Ночью у больного были сильныя боли; приходилось мѣнять перевязку. Разумѣется, сборы свои я оканчивалъ кое-какъ, часть вещей перенесъ просто въ охапкѣ.

Отъѣздъ изъ Тикси былъ назначенъ на 2-е сентября. Надо было организовать переноску больного съ «Зари» на «Лену», что представляло нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ нелегко было выбраться съ раненымъ съ нижней палубы, не потревоживъ его. Болѣе нашихъ свободные ленскіе матросы сдѣлали носилки. Матросы обоихъ пароходовъ участвовали въ переноскѣ. Чтобы подготовить ихъ, я устроилъ

репетицію со здоровымъ. Съ нижней палубы несли черезъ трюмъ, подняли на шканцы, оттуда по трапу на мостикъ «Лены» и, наконецъ, спустили въ каюту, заранѣе приготовленную. Каюту я выбралъ во 2-мъ классѣ, какъ самую просторную и наименѣе безпокойную во время качки, и старался, по мѣрѣ возможности, превратить ее въ хирургическую палату. Но было тѣсновато,—каюты на «Ленѣ» миніатюрныя, какъ и самъ пароходъ; перевязки во время качки были затруднительны.

Поставленная на якорь «Заря» осталась до замерзанія на попеченіи И. И. Торгерсена, съ которымъ оставались: квартирмейстеръ Толстовъ, самъ вызвавшійся на это, помощникъ машиниста съ «Лены» и четверо инородцевъ. По окончаніи замерзанія, когда течь прекратится, Толстову предстояло выѣхать въ с. Казачье и поступить въ распоряженіе М. И. Бруснева. Однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Толстова остаться, была раздѣляемая всей командой привязанность къ начальнику экспедиціи, которому онъ надѣялся быть полезнымъ при поѣздкѣ на помощь къ нему.

Около 3-хъ часовъ дня «Лена» снялась съ якоря. «Заря» отсалютовала намъ флагомъ. Научныя операціи русской полярной экспедиціи in corpore были закончены, но ученые члены экспедиціи еще работали на крайнемъ сѣверѣ. Мы стали пассажирами «Лены». М. И. Брусневъ, въ теченіи кратковременной стоянки въ Тикси не успѣвшій окончить переговоровъ съ командиромъ, сталъ нашимъ спутникомъ до Булуна.

Вся вздрагивая отъ сильной работы винта, «Лена» шла вдоль берега со скоростью 20-ти верстъ въ часъ. Глубины, несмотря на то, что мы шли все-таки въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, были очень небольшія. Посадка «Лены» при нагрузкѣ 9 четвертей. Стоявшіе у обоихъ бортовъ на носу парохода «наметчики» измѣряли невѣдомый фарватеръ длинными шестами. Кричали то по-русски, то по-якутски. Капитанъ объяснялъ послѣднее большею отчетливостью въ произношеніи якутскихъ числительныхъ. Но я полагаю, что въ значительной степени это объясняется вліяніемъ лоцмановъ, не знающихъ ни слова по-русски. Ихъ было двое. Откормленные и самодовольные, они очень высоко цѣнили свои лоцманскія способности и играли видную роль на пароходѣ, въ особенности старшій. Младшій былъ сговорчивѣй. Впрочемъ, фарватера устьевъ Лены они не знали, а тѣмъ болѣе прилегающей части моря, такъ какъ обычно плаваніе здѣсь не совершается.

— Четырнадцать!—кричитъ наметчикъ.

— «Онъ-юсь»! (тринадцать)—отзывается другой.

— Один-над-цать,—ударяя на «цать» перебиваетъ его первый.

Ходъ уменьшенъ... но поздно: пароходъ на мели. Снявшись на

этотъ разъ, мы на другой день утромъ устопорились болѣе основательно. Послѣ тщетной попытки сняться съ мели бѣдный капитанъ, слыхавшій, что въ морѣ бываютъ отливы, когда вода сбываетъ, и приливы, когда она убываетъ, утѣшалъ себя нѣкоторое время надеждой, что пароходъ сѣлъ на мель въ отливъ. Но, увы! Эта надежда оказалась тщетной. Пароходъ подтащило вѣтромъ и укрѣпило на днѣ его киль. Сильная качка въ день нашего отъѣзда мѣшала намъ обѣдать и нѣкоторыхъ укачивала. Теперь мы и съ ней были готовы примириться, лишь бы идти впередъ. Оказалось, что мы выскочили на мель въ приливъ. Когда вода сбыла, мы очутились на 5-ти четвертяхъ, затѣмъ былъ отливъ посильнѣе, и пароходъ очутился на сухомъ мѣстѣ, такъ что можно было прогуливаться по вновь образовавшемуся острову, получившему названіе острова «Лены». Море вблизи парохода стало покрываться тонкой ледяной корой. Попытка отослать часть людей на берегъ: у находившагося верстахъ въ 20-ти отъ насъ Быковскаго мыса были жители, между прочимъ семейство Торгерсена, сынишка котораго ѣхалъ туда съ нами на «Ленѣ», не удалась.

Такъ какъ впереди рисовалась печальная возможность замерзнуть въ виду берега, то, пока эта возможность не превратилась въ дѣйствительность, слѣдовало обезпечить себѣ отступленіе. Предстояло добыть съ берега или съ «Зари» провизіи, которой намъ могло не хватить до полнаго замерзанія и установленія сообщенія съ берегомъ по льду, надо было отправить куда слѣдуетъ эстафету. П. А. Кваснико̀въ (засѣдатель), неожиданно для себя попавшій на полярное положеніе, принялъ на себя эту миссію и во главѣ отряда ленскихъ матросовъ пустился на шлюпкѣ въ плаваніе къ Быковскому мысу. Съ самаго начала выяснилось, что предпріятіе не обѣщаетъ успѣха. По недостатку воды въ морѣ шлюпка не могла идти на веслахъ. Чувствуя подъ собою твердую почву, привычные къ ней ленскіе матросы поволокли шлюпку по дну. Вѣтеръ и теченіе заставили вернуться вспять небольшой отрядъ мореплавателей. Чтобы облегчить шлюпку, одинъ изъ матросовъ посадилъ на себя верхомъ своего предводителя, и нашимъ удивленнымъ взорамъ представилась странная картина: засѣдатель, путешествующій по морю, «аки по суху».

Вѣтеръ или туманъ не позволяли повторить попытку сношенія съ берегомъ въ слѣдовавшіе затѣмъ дни. Такъ какъ провизія у насъ была разсчитана на непродолжительный срокъ, то былъ введенъ общій для всѣхъ 36-ти человѣкъ котелъ и установленъ размѣръ порціи. Общій вѣсъ отпускаемой на каждаго человѣка провизіи былъ опредѣленъ около 2-хъ фунтовъ (мука, сухари, масло, сало и овощи; мяса не было). Провіантмейстеромъ со стороны экспедиціи былъ назначенъ, по случаю осаднаго положенія, лейтенантъ Колчакъ, которому я пе-

редалъ свои обязанности; со стороны «Лены» остался В. Е. Гориновичъ. Для больного я отобралъ наиболѣе питательную и удобоваримую часть провизіи, между прочимъ бульонъ въ плиткахъ, котораго у насъ оставалось очень немного. В. Е. Гориновичъ застрѣлилъ для него утку.

Положеніе Носова въ тѣсной каютѣ, которую онъ долженъ былъ дѣлить съ постоянно дежурившимъ около него товарищемъ и при паровомъ отопленіи, трудно поддававшемся нормировкѣ, было незавидно. Дежурили по очереди всѣ матросы «Зари», аккуратно смѣняясь и исполняя принятыя на себя обязанности очень охотно и добросовѣстно, хотя нѣкоторымъ, болѣе впечатлительнымъ, было очень тяжело присутствовать при перевязкѣ. Бѣдный Безбородовъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Больной его утѣшалъ. Колебанія температуры давали поводъ предполагать септическій процессъ, чему соотвѣтствовалъ и видъ раны, изъ которой иногда приходилось удалять небольшіе секвестры кости.

Два раза вблизи парохода показывались нерпы.

6-го сентября, при NNW вѣтрѣ приливъ былъ болѣе обычнаго. Вновь образовавшійся островъ, на которомъ безпомощно стоялъ нашъ пароходъ, сталъ покрываться водой. Пароходная администрація энергично принялась за дѣло. Всѣ воспрянули духомъ. Кое-кто изъ нашей команды помогалъ въ работахъ. Завезли якорь и при помощи паровой лебедки заворотили носъ градусовъ на 40. Благодаря вѣтру, въ отливъ вода осталась на томъ же уровнѣ, во время прилива нагнало воды еще больше. Гдѣ наканунѣ былъ островъ, ходили волны.

Къ ночи 7-го числа стянулись съ мели. Выйдя на надежную глубину, въ виду ночного времени стали на якорь. Видѣли слабое сѣверное сіяніе. Взошла полная луна.

Утромъ, 8-го сентября, мы огибали Быковскій мысъ. По пароходному свистку вышли на берегъ инородцы. Запаслись дровами и свѣжей рыбой. Съ Ф. А. Матисеномъ и В. Е. Гориновичемъ я съѣзжалъ на берегъ. Быковскій мысъ, довольно высокій, состоитъ, повидимому, изъ третичныхъ отложеній. Маленькія озерца на слегка опушенной снѣгомъ тундрѣ покрылись уже довольно прочнымъ льдомъ, который выдерживалъ тяжесть человѣка.

Начались острова Лены съ ихъ якутскими названіями: Дашкары (Дашкинъ островъ), Кара ары (Черный островъ)... На нѣкоторыхъ островахъ попадались жители, проводящіе здѣсь лѣто и зиму, а къ веснѣ перекочевывающіе выше по теченію рѣки. Урасы и поварни служатъ имъ жилищами. Островъ Дашкары частью состоитъ изъ торфа. Берегъ его, обращенный къ сѣверу—приглубый; выше по теченію рѣки мелко. Ткнулись было на мель, но черезъ ¼ часа благополучно снялись. Якутскія «вѣтки» подъѣзжали къ пароходу. Жители

очень интересовались, сняла ли «Лена» экспедицію, о чемъ спрашивали съ берега. В. Е. Гориновичъ пріобрѣлъ для нашего довольствія мяса дикаго оленя и стерлядь.

Берега рѣки гористы, особенно правый, по которому тянутся отроги Верхоянскаго хребта. Миновали Атырджяхъ-хая, т.-е. вилообразную гору. Къ вечеру снова видѣли слабое сѣверное сіяніе. Разыгрывался штормъ. Ночевали на якорѣ.

9-го сентября мы прошли мимо острова Столбъ, отвѣсно поднимающагося со дна рѣки. Вблизи этого острова находится могила Де-Лонга съ товарищами. Прошли узкимъ проходомъ между Эбеляхъ-хаята (бабушкина гора) материка и Чайдахъ ары (островъ, покрытый галькой). На горахъ, мѣстами почти отвѣсно спускающихся къ рѣкѣ, лежалъ снѣгъ. Вѣтеръ несъ его прямо въ лицо. На палубѣ было холодновато.

Фарватеръ пролегалъ почти у самаго берега. Попавшіе въ родную обстановку лоцмана сравнительно легко оріентировались, хотя пароходъ шелъ пока по незнакомымъ имъ мѣстамъ.

Миновали отвѣсную, пирамидальную Кереса-Тумса хаята, мысомъ выступающую въ рѣку, миновали мысъ Таба-бастахъ (оленеголовый), прошли Собуль-хая (рысью гору) и вечеромъ были у Титъ-ары.

До Титъ-ары пароходъ «Лена» дѣлаетъ свои обычные рейсы. Въ противуположность островамъ, лежащимъ ниже его по теченію рѣки, Титъ-ары покрытъ лѣсомъ, давшимъ ему его названіе. Это—граница лѣсовъ. Часть этого большого острова образуетъ выступившая изъ подъ воды песчаная отмель, сильно сузившая теченіе могучей Лены, которая стремительно проноситъ къ сѣверу свои воды черезъ эту «трубу». Кромѣ лиственницы, здѣсь встрѣчается ива и другіе кустарники. Полярная ива достигаетъ уже аршина въ вышину. У Титъ-ары прихода «Лены» дожидалась громовская желѣзная баржа.

Въ виду того, что мы задержались пять сутокъ на мели, необходимо было поторапливаться, чтобы пробраться въ Якутскъ до ледохода, а потому громовскій уполномоченный В. Е. Гориновичъ сократилъ въ значительной степени пріемъ грузовъ. Бочки съ засоленной громовской рыбой вкатывали только съ песковъ въ гору, чтобы рѣка не унесла ихъ своимъ весеннимъ разливомъ.

На Комасъ-суртѣ у Громовыхъ находилось 60 бочекъ рыбы. Поставили ее въ надежное мѣсто... Находившіеся здѣсь громовскіе довѣренные Шитовъ и Юргановъ, за неимѣніемъ мѣста на пароходѣ, помѣстились на баржѣ. Мѣстность Комасъ-суртъ, что̀ означаетъ по-якутски песчаное стойбище, очень красива. Довольно высокія горы, наполовину покрытыя уже снѣгомъ, съ лиственичнымъ лѣсомъ по склонамъ ихъ; ютящійся у подножія горы домикъ... рѣка въ этомъ мѣстѣ не болѣе двухъ верстъ шириною...

Рыбные промыслы на Ленѣ поставлены далеко не раціонально. Причиною этого выставляется обыкновенно недостатокъ рабочихъ рукъ при спѣшности заготовки; главную роль, однако, играетъ недостатокъ иниціативы, экономическая и общекультурная отсталость и халатность. Прекрасная ленская рыба, благодаря плохому качеству соли и плохому способу засолки, пропадаетъ. Великолѣпная икра «по недостатку времени» выбрасывается вмѣстѣ съ остальными внутренностями и даже пресыщенные псы ея не ѣдятъ. А приготовленная здѣсь икра имѣетъ горьковатый вкусъ и песокъ хруститъ у васъ на зубахъ, когда вы ее ѣдите. Такая хищническая эксплуатація богатствъ рѣки скоро дастъ себя почувствовать. А между тѣмъ, при обиліи и отличномъ качествѣ рыбы въ Ленѣ и ея притокахъ, здѣсь могъ бы съ успѣхомъ функціонировать заводъ рыбныхъ консервовъ, подобно существующему въ Томскѣ, который перерабатываетъ обскую рыбу; его издѣлія расходятся по всей Сибири, ихъ можно встрѣтить даже у инородцевъ глухихъ угловъ Якутской области. Съ развитіемъ самодѣятельности среди русскаго купечества, и избалованнаго, и стѣсненнаго въ то же время излишней опекой, приложенію капитала на Ленѣ откроются новые пути и питающійся прокисшей въ ямахъ рыбой инородецъ, которому нечего бояться «свариться въ фабричномъ котлѣ»,—настолько онъ иммунизированъ купцами, получитъ возможность жить по-человѣчески. Но... Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а теперь инородецъ вымираетъ.

Прежде рыба доставлялась съ Булуна въ Якутскъ на каюкахъ—большихъ лодкахъ. Въ послѣдніе годы каючный промыселъ если и не совсѣмъ исчезъ, то близокъ къ этому: пароходъ «Лена» дѣлаетъ въ навигацію три рейса къ низовьямъ рѣки, таская за собой очень вмѣстительную баржу. Въ навигацію 1902 г. былъ на Булунѣ и глотовскій пароходъ.

Не малое зло представляетъ истребленіе пароходами лѣса на топливо. Еще въ нижнемъ теченіи рѣки, гдѣ рейсируетъ пока одна «Лена», куда ни шло, а вверхъ отъ Якутска и внизъ до Алдана пароходовъ ходитъ порядочно. Между тѣмъ у Булуна и Жиганска есть мѣстонахожденія каменнаго угля, который лежитъ настолько поверхностно, что хоть сейчасъ грузи на баржу. Проба этого угля была привезена В. Е. Гориновичемъ на «Зарю». Уголь (бурый) найденъ былъ, по испытаніи его на «Зарѣ», хотя и не отличнымъ по качеству, но вполнѣ пригоднымъ для машины.

Берега Лены очень живописны и привлекли бы не мало туристовъ, если бы не были такъ изолированы отъ цивилизованнаго міра. Прорѣзывая въ нижнемъ теченіи—вблизи устья—гористую тундру, рѣка представляетъ зрѣлище мрачной и величественной красоты. То, широко разливаясь между берегами, течетъ она спокойно и плавно, то, ущемленная между высокими и крутыми стѣнами, быстро мчится къ далекому, Ледовитому морю.

Въ $6^1/_2$ час. утра 10-го сентября Носовъ умеръ отъ септицеміи. Трупъ его перенесли въ просторную рубку на верхней палубѣ баржи.

Командиръ кончалъ свои переговоры съ Брусневымъ, которому поручилъ заготовить оленей для барона Толля и въ случаѣ, если тотъ не пріѣдетъ къ 1-му февраля 1903 г. на Чай-поварню,— организацію помощи ему. М. И. Брусневъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ краемъ, былъ, конечно, самымъ подходящимъ лицомъ для подобнаго предпріятія.

12-го сентября мы прибыли въ Булунъ. На другой день товарищами были отданы послѣднія почести Носову. Онъ былъ погребенъ на кладбищѣ села Булуна, вблизи церковной ограды. Временно поставленъ надъ его могилой деревянный крестъ, чтобы быть замѣненнымъ памятникомъ, заказаннымъ на деньги, собранныя среди товарищей по экспедиціи.

Расположенное на берегу Лены село Булунъ—самый важный изъ населенныхъ пунктовъ Верхоянскаго округа по своему торгово-промышленному значенію. Рѣчка Булунка, въ устье которой заходятъ небольшіе пароходы, впадаетъ въ Лену возлѣ селенія. Къ нашему пріѣзду она уже замерзла. Торговыя фирмы часть года имѣютъ здѣсь свои резиденціи. Постоянно живетъ здѣсь довѣренный А. И. Громовой и фельдшеръ, состоящій на жалованьи у фирмы. На Булунѣ же—мѣстожительство засѣдателя (станового) и благочиннаго.

Лежащее въ 10-ти верстахъ выше по теченію Лены, на противоположномъ правомъ ея берегу селеніе Кесюръ составляетъ какъ бы филіальное отдѣленіе Булуна.

Въ теченіе кратковременнаго пребыванія въ Булунѣ мы успѣли сходить въ баню. Баня оказалась значительно хуже нашей экспедиціонной и мы были наказаны за довѣріе къ ней: А. В. Колчакъ простудился и заболѣлъ ангиной, которая продержала его нѣсколько дней въ каютѣ и испортила ему прелесть поѣздки по Ленѣ.

Дальнѣйшее плаваніе вверхъ по рѣкѣ обошлось безъ особенныхъ событій. Болѣе шумная жизнь не содѣйствовала веденію дневника, которое я прекратилъ передъ Булуномъ. Поселки на берегахъ Лены, въ нижнемъ ея теченіи, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Пароходъ останавливался для пріема пассажировъ, обыкновенно ѣдущихъ въ Якутскъ промышленниковъ, которые размѣщались на баржѣ, для нагрузки дровъ. Ночью лоцмана не рѣшались идти, и мы ночевали, гдѣнибудь притулившись у берега. Иногда мы съѣзжали на шлюпкѣ или сходили по сходнямъ на берегъ, уже покрытый снѣгомъ; посѣщали инородцевъ. Незамѣтно миновали полярный кругъ.

Въ «городѣ» Жиганскѣ, какъ водится, мы сдѣлали визиты мѣстнымъ жителямъ. Все населеніе Жиганска состоитъ изъ семей священника, псаломщика и купца. Для совершенія требъ батюшка долженъ

разъѣзжать по очень обширной округѣ. Мѣстный купецъ, подобно всѣмъ купцамъ этого отдаленнаго края, ведетъ кочевую торговлю. Когда-то Жиганскъ представлялъ изъ себя нѣчто бо́льшее, чѣмъ теперь, но его выжгли и разграбили ссыльно-поселенцы, а съ тѣхъ поръ онъ такъ и не могъ оправиться. Въ церковномъ архивѣ, говорятъ, сохранились любопытные документы.

Въ Жиганскѣ мы были около 21-го сентября. Снѣгъ уже толстымъ слоемъ покрывалъ землю.

Съ Жиганска русло Лены, усѣянное многочисленными островами, достигаетъ болѣе 10-ти верстъ въ ширину. Между островами отмѣчу большой островъ Аграфены, названной такъ по имени шаманки, оставившей по себѣ страшную память въ суевѣрныхъ умахъ мѣстнаго населенія.

Къ устью Вилюя долженъ былъ выйти намъ навстрѣчу пароходъ «Громовъ», но было уже поздно и онъ ушелъ обратно. Шла небольшая шуга. Рыбопромышленники, обосновавшіеся здѣсь, уже не надѣялись на приходъ «Лены». Одинъ изъ нихъ сталъ нашимъ спутникомъ.

Проѣхали устье Алдана, прикрытое островомъ, и потому мало замѣтное. Ближе къ Якутску земля еще не была покрыта снѣгомъ.

30-го сентября 1902 г. мы были въ Якутскѣ.

Надежда застать здѣсь пароходъ для путешествія вверхъ по Ленѣ не оправдалась. Экспедиціи пришлось дожидаться зимняго пути, когда она, раздѣлившись на партіи, выѣхала въ Петербургъ.

Заканчивая свои записки, не могу не сказать съ чувствомъ удовлетворенія, что участіе въ экспедиціи оставило во мнѣ свѣтлое воспоминаніе.

В. Катинъ-Ярцевъ.

Конецъ.

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Франанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

Когда человѣкомъ овладѣваетъ упоеніе, какъ ничтожна и малозначуща кажется ему дѣйствительность и, наоборотъ, какъ бываетъ полно значенія для него все неизъяснимое, неуловимое, невидимое!

Іозефиной вдругъ овладѣло страстное желаніе услышать музыку. Она, которая до сихъ поръ относилась къ музыкѣ совершенно равнодушно, теперь жаждала звуковъ. Взявъ Рёсли за руку, Іозефина отправилась съ нею въ соборъ, на концертъ органной музыки.

Тамъ было много студентовъ. Всѣ замѣтили стройную, молодую женщину въ черномъ, которая вела за руку ребенка, одѣтаго въ бѣлое, но она отвѣтила на поклонъ лишь немногимъ; всѣ остальные люди представлялись ей какими-то блѣдными призраками, а не реальными существами, и она не замѣчала ихъ.

Сначала Іозефина заняла мѣсто на длинной скамьѣ, какъ разъ противъ органа, но скамья такъ трещала отъ малѣйшаго движенія, что Іозефина покинула свое мѣсто и усѣлась, вмѣстѣ съ Рёсли, въ углу на стулъ, вдѣланный въ стѣну.

Послышались звуки органа. Іозефинѣ казалось, что эти тихіе и дрожащіе звуки постоянно наростаютъ и разливаются въ воздухѣ и падаютъ, падаютъ мягко и нѣжно, словно теплыя, крупныя дождевыя капли. И Іозефинѣ почудилось, что ея сердце раскрывается и ея жаждущая душа съ жадностью впитываетъ въ себя эти нѣжныя капли жемчужнаго дождя. Но вотъ они сдѣлались рѣже и крупнѣе и каждая изъ нихъ издавала другой звукъ. Наконецъ, паденіе ихъ прекратилось и ихъ замѣнили золотые шарики, которые заиграли въ струѣ внезапно брызнувшаго ключа. Вотъ золотые шарики превратились въ маленькіе звенящіе бубенчики и въ звонкіе большіе колокола. Звуки ихъ чередовались; сначала бубенчики словно нашептывали что-то другъ другу, потомъ раздавался спокойный, мощный звонъ большихъ колоколовъ;

*) См. „Міръ Божій„ №_3, мартъ 1904 г.

затѣмъ они начинали перекликаться все громче, все настойчивѣе, все язвительнѣе. Звуки все наростали, наполняя собою все пространство, и, казалось, даже башня, въ которой висѣли колокола, принимала участіе въ этой перекличкѣ. Она задрожала, заколебалась, затрещала и вотъ-вотъ готова была рушиться... Но вдругъ все прекратилось, и снова полились мягкіе, нѣжные звуки падающаго теплаго дождя, прогоняющаго бурю. Еще нѣсколько мгновеній трепетно и жалобно, замирая вдали, звенѣли серебряные колокольчики... И опять началась гроза; горы зашатались и треснули, земля задрожала, и изъ всѣхъ ея отверстій раздавался гулъ. Міръ погибаетъ!... Торжественное и чудное спокойствіе царитъ надъ разрушеннымъ міромъ, широкіе лучи свѣта разстилаются надъ безконечною, сверкающею зеркальною поверхностью воды... Слабый, заглушенный стонъ, нѣжный звонъ колокольчиковъ, въ воздухѣ дрожатъ и разливаются звуки... Конецъ!

— Вотъ гдѣ кончаются всѣ прорицанія мудрости! Іозефина ясно ощутила это и ей показалось, будто передъ нею раскрылась великая тайна жизни. Имя этой тайнѣ: красота, величіе и неистощимая любовь.

Возлѣ нея сидитъ Рёсли, скрестивъ свои длинныя ножки въ черныхъ чулкахъ и сложивъ ручки. Она сидитъ смирно и съ удивленіемъ осматривается.

Ресли первый разъ въ церкви. Она смотритъ на окно, длинное, запыленное и узкое окно и думаетъ: «Вотъ какія окна въ церкви! Небо выглядитъ отсюда такимъ же блѣдноголубымъ, какъ и изъ обыкновенныхъ оконъ». Она переводитъ глаза на старыя каменныя плиты и снова думаетъ: «Какія онѣ, должно быть, холодныя!» Она пальчиками притрогивается къ сѣрой, широкой, четырехъугольной колоннѣ, стоящей передъ нею. Колонна также холодна, но зато коричневое дерево, изъ котораго сдѣланъ ея неудобный стулъ, и маленькая винтовая лѣстница тамъ дальше выглядятъ гораздо болѣе теплыми. Рёсли слѣдитъ глазами за извивающимися ступеньками лѣстницы. Тамъ, наверху, должно быть, хорошо! Еслибъ она могла туда забраться! Ну, а это... что это такое? Это не можетъ быть церковное окно, тамъ напротивъ? Я близорука,—думаетъ Рёсли.—Мама сказала это. Если сощурить глаза, то тогда представляется нѣчто удивительное: мужское лицо, съ усами и трубкой и въ высокой шапкѣ. Этотъ мужчина завернулся въ толстый плащъ и поднялъ воротникъ, совсѣмъ закрывающій ему затылокъ. Онъ неподвижно слушаетъ, музыка такъ хороша! Онъ куритъ, но дымъ не выходитъ изъ его трубки... Рёсли не можетъ отвести глазъ отъ этого мужского лица. Онъ такъ спокойно смотритъ изъ окна, какъ будто бы былъ хозяиномъ этого дома. Вдругъ Рёсли вздрогнула; чувство невыразимой радости и вмѣстѣ страха пронизало ее. Что, если это самъ Господь Богъ? Вѣдь говорятъ, что это Божій домъ! Такъ это, должно быть, Онъ! Рёсли уставилась взорами въ тотъ образъ, который рисовался ей. Онъ смотритъ

такъ ласково, но не такъ, какъ всѣ люди. Его лицо не имѣетъ красокъ, какъ серебро; оно какъ будто прозрачно! Рёсли все болѣе и болѣе убѣждается, что это долженъ быть Онъ! Она складываетъ ручонки, и личико ея выражаетъ восторгъ.

Музыка кончилась. Іозефина встала. Когда онѣ вышли послѣдними изъ церкви, Рёсли крѣпко ухватила мать за руку.

— Мама, знаешь-ли, кто тамъ былъ?—спрашиваетъ она, но мать не слышитъ ея вопроса, и Рёсли нетерпѣливо повторяетъ: ты видала Его, Господа Бога?

— Да,—отвѣчаетъ мать, испуганная и удивленная. Ей страшно и въ то же время такъ пріятно, что ребенокъ раздѣляетъ ея восторгъ..

Елена Бегасъ взяла Іозефину за руку, и съ тревогою заглянувъ ей въ глаза, сказала дружески:—Ты больна, Іози; тебѣ необходимо отдохнуть. Ты такая стала разсѣянная, неровная. Недавно, когда я увидѣла, какъ ты сбѣгаешь съ Рёсли по крутой тропинкѣ, то обрадовалась и подумала: «Вотъ-то молодецъ! Сколько у нея эластичности! Она всѣхъ насъ опередитъ!» Ну, а теперь ты мнѣ не нравишься, совсѣмъ не нравишься.

Іозефина разсматривала свои ногти; выраженіе лица у нея было натянутое.

— Это меня приводитъ въ такое настроеніе психіатрическая клиника,—отвѣтила она.—Сегодня ассистентъ такъ возмутилъ меня, что я просто сдѣлалась больна. Грубый человѣкъ! Такое насиліе надъ интимною жизнью, какое производится въ клиникахъ и нами-врачами, выводитъ меня изъ себя! Я не могу этого вынести!

Она глубоко вздохнула и, бросивъ тревожный, измученный взглядъ на спокойную Елену, сказала:

— Это была такая бѣдняжка! Діагнозъ: первичная меланхолія. Она почти уже выздоровѣла. Онъ привелъ ее въ аудиторію: «Ну, разскажите же намъ вашу исторію». Она сидитъ, тяжело дыша, смущенная и красная отъ стыда. «Но, вѣдь, меня скоро отсюда выпишутъ», говоритъ она тихо. «Это насъ не касается. Разскажите намъ про вашего Эмиля, какъ онъ васъ вездѣ преслѣдовалъ», возражаетъ онъ и при этомъ смѣется и подмигиваетъ и чувствуетъ себя такимъ остроумнымъ, такимъ сильнымъ... О! бѣдная дѣвушка, бывшая служанка, вскакиваетъ. Глаза у нея полны слезъ. «Я здѣсь не для того, чтобы надо мною смѣялись», говоритъ она. «Да мы и не смѣемся надъ вами», возражаетъ докторъ и при этомъ смѣется. «Нѣтъ, вы все-таки разскажите, что вамъ сдѣлалъ Эмиль, Эмиль, часовщикъ, въ котораго вы были влюблены». Дѣвушка молчитъ и склоняетъ голову. Онъ беретъ ее за подбородокъ, поднимаетъ ее и насмѣшливо смотритъ ей въ глаза: «Онъ вамъ говорилъ черезъ печку разный влюбленный вздоръ, правда?» «Я, вѣдь, теперь здорова, что за дѣло

до этого студентамъ!» бормочетъ она. «На самомъ дѣлѣ она знала его только по виду, и онъ, вообще, никогда о ней не думалъ», продолжаетъ ассистентъ, обращаясь къ смѣющимся студентамъ. Какъ вздрогнула больная и еще ниже склонила голову! Это было ужасно! Такъ грубо! Но онъ не унимается: «И вотъ, подъ вліяніемъ влюбленности, она вообразила, что онъ разговариваетъ съ нею черезъ каминную трубу. Или это было черезъ крышу?» обращается онъ снова къ паціенткѣ. «Черезъ печку», шепчетъ больная, а дураки въ аудиторіи громко смѣются. «Онъ говорилъ конечно, что хочетъ на васъ жениться?» забавляется надъ нею нашъ благородный доцентъ. Дѣвушка покачала головой. «Нѣтъ, такъ что же онъ хотѣлъ отъ васъ? Чтобы вы сдѣлались его милой?» Елена, говорю тебѣ, у меня зазвенѣло въ ушахъ. Мнѣ хотѣлось вскочить и крикнуть: «Это выходитъ за предѣлы вашего права, докторъ!» Ахъ, но мы такъ трусливы!..

Елена Бегасъ пожала руку Іозефины:

— Хорошо, что ты удержалась. Мы, бѣдныя женщины, что мы можемъ сдѣлать? Читала ты, каково слушательницамъ въ германскихъ университетахъ? Мы все-таки должны благодарить Бога. Но въ самомъ дѣлѣ это было гадко.

— Нѣтъ, ты послушай, что онъ говорилъ дальше. Онъ сказалъ:

— Но какъ же вы могли считать способнымъ на что-нибудь подобное вполнѣ порядочнаго человѣка?

— Какой лицемѣръ, этотъ докторъ! Какъ будто намъ неизвѣстно, какъ они всѣ поступаютъ! А, вѣдь, всѣ они считаютъ себя порядочными людьми!

Іозефина сжала кулаки:

— И что отвѣчала эта бѣдняжка? Это было такъ грустно, такъ грустно, о!..

— Что же она сказала?

— Она сказала такъ жалобно и такъ чистосердечно: «Оттого что я простая, бѣдная дѣвушка и ничего больше!»

Елена Бегасъ, однако, не согласилась съ нею и нашла этотъ отвѣтъ скорѣе даже успокоительнымъ:

— Видишь ли, Іозефина, такой образъ мыслей для этихъ людей вполнѣ натураленъ; они, вѣдь, чувствуютъ не такъ, какъ мы, эти необразованные люди! Какъ можешь ты всегда отожествлять себя съ первымъ встрѣчнымъ?

— О, что ты говоришь!

Іозефина выдернула у подруги руку и на лбу у нея появились складки гнѣва.

— Ты тоже такъ думаешь? Ты—женщина, а разсуждаешь такъ, какъ тѣ, кто создалъ весь нашъ строй? Мы думаемъ такъ только потому, что намъ это удобно! Но я этому не вѣрю. Эта бѣдная дѣ-

вушка, со своею горячею любовью къ часовщику, который даже ее не знаетъ...

— Да, но, вѣдь, она же немножко сумасшедшая!—возразила смущенно Елена, стараясь ее успокоить.

Іозефина вспыхнула:

— Сумасшедшая? Почему? Она любила его, этого красиваго, тихаго, трудолюбиваго человѣка и никому не говорила объ этомъ, никому не надоѣдала своею любовью. И потомъ она заболѣла, впала въ меланхолію, потому что онъ былъ такъ много выше ея и она не видѣла никакой возможности приблизиться къ нему...

— Нѣтъ!—воскликнула удивленно Елена Бегасъ.—Подобныя романическія идеи и у врача!..

— Всѣмъ врачамъ извѣстно, что разстройства чувствъ могутъ быть вызваны внѣшними причинами. Какъ отдѣлить внѣшнее отъ внутренняго? По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи мы представляемъ монизмъ, нераздѣльную единицу. Меня просто изъ себя выводитъ, что ты думаешь такъ же, какъ этотъ докторъ, что у бѣдняковъ нѣтъ чувства.

Іозефина вдругъ разразилась слезами.

— Знаешь ли, Елена,—проговорила она,—я рада, что ты не изучаешь медицину. Такихъ, какъ ты, достаточно и среди мужчинъ.

— Благодарю! Mercі! Много благодарна,—отвѣчала обиженнымъ тономъ Елена.—Но ты—настоящая женщина, Іози, до такой степени женщина!.. И сама не подозрѣваешь этого!

— Не подозрѣваю?—вскричала Іозефина, широко раскинувъ руками.—Нѣтъ, я знаю это, знаю и благодарю Бога за это.

Елена невольно улыбнулась:

— Ну, хорошо, ты знаешь. Но годится ли такая истая женщина, какъ ты, для ученія—это вопросъ другой!

Лицо Іозефины омрачилось:

— Можетъ быть! сказала она.—Что меня касается! Моя жизнь слишкомъ тяжела!

— Отдохни — сказала ей Елена рѣшительно.—Вѣдь если потомъ свалишься, то какая же польза была такъ трудиться. И вообще, ты такъ близко все принимаешь къ сердцу, я совсѣмъ этого не могу понять. Это не имѣетъ смысла. Ты вдругъ начинаешь удивляться, что люди показываютъ себя такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ. Я болѣе ничему не удивляюсь. Я каждый день радуюсь, съ тѣхъ поръ какъ нахожусь въ Швейцаріи и съ наслажденіемъ пользуюсь тѣми удобствами, которыя мнѣ здѣсь предоставлены для ученія. У насъ тамъ еще царитъ мракъ, темная ночь! Въ нашей дорогой Германіи день еще не наступилъ для насъ, женщинъ. Говорю тебѣ, что это страна готентотовъ, наши студенты настоящіе готентот-

скіе парни, а врачи-людоѣды, по отношеніи къ намъ женщинамъ. Побыла бы ты у насъ годика два! Завтра же тебя бы вышвырнули за дверь, очень просто! А послѣзавтра ты очутилась бы въ ямѣ... Нѣтъ у насъ критиковать не дозволяется. Особенно женщинамъ, которыя вѣдь свободны какъ птицы!

Іозефина недовѣрчиво усмѣхнулась.

— Какъ, у васъ хуже, чѣмъ въ Россіи?—спросила она машинально, потому что не разслышала всего, что говорила Елена.

Елена яростно кивнула головой.—Такъ оно и есть. Гораздо хуже!—воскликнула она.—Студенты или не имѣютъ никакого мнѣнія, или они противъ насъ, а высшія стремленія женщинъ не вызываютъ подозрѣнія, а только презрѣніе. Понимаешь ты? Это большая разница.

— Да, должно бы быть иначе,—замѣтила Іозефина,

— Должно, но никогда не будетъ, никогда, говорю тебѣ! У насъ такъ заведено: кто самъ не притѣсняетъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, почитаетъ притѣснителей. Мы, нѣмцы, любимъ покланяться. Мы или деспоты или преклоняемся передъ кѣмъ-нибудь, и какъ часто, то и другое совмѣщается въ одномъ лицѣ. Восхитительная смѣсь! И все это у насъ исходитъ отъ сердца, все bona fide, безъ всякой скрытой насмѣшки надъ самимъ собою, какъ это замѣчается у другихъ націй. Ну, я больше ничего не скажу.

Іозефина смотрѣла въ окно на развивающіяся почки деревьевъ и вдругъ лицо ея покраснѣло.

— Иногда я думаю, и совершенно серьезно, — сказала она,—что мы призваны...

— Кто это мы?

— Мы, женщины...

— Ага!

— Что мы, женщины, призваны произвести родъ пересмотра въ мужскомъ государствѣ,—продолжала задумчиво и смущенно Іозефина.—Мнѣ кажется, что цѣль и смыслъ всего женскаго движенія заключаются именно въ этомъ пересмотрѣ ради служенія человѣчеству, которое хотя и медленно, но все-таки двигается впередъ. Своимъ, такъ много разъ поруганнымъ чувствомъ, мы должны подвергнуть испытанію всѣ ихъ произведенія холоднаго разсудка и посмотрѣть, что держится, а что нѣтъ, что дѣйствительно полезно и что дѣйствительно вредно. Мы должны возстать противъ ихъ педантизма, жажды выгоды, грубости и вступиться за права поруганной, истоптанной человѣческой личности, тамъ, тамъ...

Елена смотрѣла на нее съ удивленіемъ. Она была растрогана помимо воли.

— Позаботься лучше о себѣ, Іози, дитя, большое, безумное, милое дитятко!—Она вздохнула при этомъ и глаза у нея стали влаж-

ными.—Подумай о ближайшемъ, о самомъ близкомъ для тебя. Ты работаешь уже не такъ какъ прежде. Что-то поглощаетъ тебя, мѣшаетъ тебѣ. Я боюсь, что ты не въ состояніи будешь держать въ этомъ году государственный экзаменъ.

Іозефина не отвѣчала. Она все еще смотрѣла на освѣщенную крону яблони, почки которой отливали бронзой. Елена подошла къ ней и положила ей на плечо руку. — Сдѣлай себѣ вакаціи теперь, — сказала она.

Холодно и сердито посмотрѣла Іозефина на свою подругу. — Ты говоришь мнѣ непріятности безъ всякаго основанія. Я работаю. Я не провожу праздно время, за исключеніемъ данной минуты.

Она вскочила со стула, ея глаза покраснѣли и въ нихъ появилось выраженіе глубокой муки.

— Все, все надо превозмочь!—воскликнула она и замѣтивъ устремленный на нее пытливый взоръ Елены, разразилась гнѣвомъ: — Не смотри такъ на меня! Мы здѣсь не въ психіатрической клиникѣ. Я еще владѣю всѣми своими пятью чувствами.

Грустно посмотрѣла ей вслѣдъ Елена, когда она вышла.

Да, она отожествляла себя съ бѣдной, запуганной дѣвушкой, служанкой; она не считала себя высшею расой, какъ это безсознательно дѣлала Елена Бегасъ.

Іозефина почти ежедневно видѣла теперь Хованессіана. А когда она его не видѣла, то онъ все-таки стоялъ у нея передъ глазами. То представлялся онъ ей въ видѣ стройнаго, чернаго кипариса, съ слегка наклоненною верхушкой, съ покрытымъ смолою стволомъ, къ которому она съ радостью прислонилась, обнявъ его обѣими руками и прижавъ къ нему свое жаждущее сердце. То онъ казался ей орломъ, парящимъ въ воздухѣ, надъ всѣми пропастями и могилами земли. Или онъ сіялъ передъ нею какъ звѣзда, загадочно и нѣжно, и былъ такъ чуждъ ей! Ей казалось, что она видѣла его бѣлый мраморный образъ на высокой колоннѣ, воплощеніе человѣчности и доброты. Иногда, послѣ его разсказовъ онъ представлялся ей въ видѣ охотника, который разводитъ костеръ для себя и своихъ товарищей въ далекомъ невѣдомомъ лѣсу и, словно герой Гомера, поворачиваетъ надъ горящими угольями дичь, надѣтую на копье, то она видѣла его рыбакомъ, отправляющимся въ море, гостемъ въ уединенной рыбачьей хижинѣ, прислушивающимся къ морскимъ сказкамъ, или придумывающимъ такую сказку при свѣтѣ сосновой лучины, въ то время какъ луна, тамъ, внѣ хижины, освѣщаетъ разбивающіяся о берегъ волны. Иногда ей казалось, что онъ лежитъ на пестромъ коврѣ, подъ тѣнью тутоваго дерева, въ саду, окруженный смуглыми созданіями. Они поютъ пѣсни о лиліи, о соловьѣ и розѣ и вдругъ вскакиваютъ и принимаются плясать граціозный, пластическій, прекрасный

танецъ, подъ звуки зурны... Но вдругъ картина мѣняется. Безстрашный охотникъ превращается въ робкаго, большеглазаго, босоногаго ребенка, который обѣими руками крѣпко прижимаетъ къ себѣ своего голубя. Онъ такъ горячо любитъ этого голубя, и его отнимутъ у него, чтобы изжарить для отца!.. И образъ его постоянно мѣняется. Голодающій студентъ въ Москвѣ, питающійся только чаемъ, да картофелемъ, но всегда находящій у себя гроши, чтобы подѣлиться съ другими, или для того, чтобы взять билетъ въ театръ, когда пріѣзжаетъ какой-нибудь актеръ. Онъ первый, подъ вліяніемъ взрыва энтузіазма, спѣшитъ выпрячь лошадей изъ экипажа артиста и повезти его; веселый скрипачъ, вдругъ бросающій скрипку, потому что ему приходитъ въ голову, что есть «лучшее дѣло», нежели играть на скрипкѣ; человѣкъ преисполненный братскихъ чувствъ среди міра, въ которомъ господствуетъ самая грубая кулачная борьба; силачъ съ дѣтскою улыбкой на устахъ, для котораго не существуетъ трудностей или онъ не признаетъ ихъ; безстрашный человѣкъ, не боящійся запачкать свои руки, помогая другимъ,—всѣмъ этимъ былъ онъ въ ея глазахъ, и она жила точно въ волшебномъ мірѣ.

Когда упоеніе овладѣвало ею, она становилась ребенкомъ, жаждущимъ чудесъ, вѣрящимъ въ нихъ. Какъ далека она отъ той, какою была раньше! Развѣ въ своемъ несчастномъ бракѣ она не научилась отъ своего несчастнаго мужа считать всѣхъ людей, и себя также, низкими созданіями, которымъ много приходится утаивать? «Человѣкъ имѣетъ дурныя стремленія уже въ дѣтствѣ!..» Такъ думала она, пока не узнала его, и весь ея опытъ, вся ея мудрость были посрамлены. Съ каждымъ днемъ она открываетъ у него новыя качества; она получаетъ новое откровеніе, любъ человѣка, котораго она любитъ, свѣтится добротой. И какъ простъ, какъ понятенъ ей этотъ человѣкъ, на лбу котораго сіяетъ доброта! Его жизнь—это красота, и Іозефина думаетъ, что для него созданъ міръ, для него и ему подобныхъ...

Но медленно, вмѣстѣ съ восторженнымъ удивленіемъ передъ нимъ, наростало въ ея душѣ страданіе. Она поняла, что значитъ чувствовать себя, ощущать себя больной. Она точно растеніе, оторванное отъ корня, не чувствовала подъ собою почвы. Ее мучила мысль: «Принадлежитъ ли міръ добрымъ? Правда ли это? Но куда же тогда должны бѣжать мы, сами дурные и ожидающіе только дурного отъ другихъ?»

Она начала бояться Хованессіана.

«Мнѣ нечего дѣлать съ тобою, ты слишкомъ яркій свѣточъ для меня! Оставь, не зароняй лучей въ тьму, окружающую меня»,—думала она.

Темныя, бурныя волны катятся вдали. Онѣ несутъ съ собою разломанную льдину. День и ночь плыветъ эта льдина и на ней виднѣются неясные контуры человѣческой фигуры. Іозефина знаетъ кто это. Это ея судьба, судьба, ожидающая ее въ будущемъ, и для нея не существуетъ никакой другой...

— «Уходи, уходи отъ меня, ты прекрасный, ты добрый! Не для меня, не для меня сіяніе окружаетъ твой лобъ! Я вижу тебя. Ты стоишь, упершись стройною ногой на заступъ и крупныя капли пота покрываютъ твой лобъ. Ты сдвинулъ шляпу на затылокъ и изъ-подъ нея развѣваются твои черныя кудри».

Іозефина смотрѣла въ садъ на веселую группу и глаза ея упивались видомъ любимаго человѣка.

— Я прощаюсь, прощаюсь съ тобой,—прошептала она.

Изъ сада доносился къ ней веселый смѣхъ. Они всѣ бросали другъ въ друга пригоршнями опавшихъ бѣлыхъ вишневыхъ лепестковъ, Цвики, Хованесіанъ, дѣти, Лаура Анаиза... Рёсли, щечки которой раскраснѣлись, была совсѣмъ внѣ себя отъ восторга. Теплый, благоухающій вѣтерокъ качалъ начинающія зеленѣть вѣтви деревьевъ и дрожащія тѣни играли на поверхности посѣрѣвшей, высохшей подъ вліяніемъ майскаго солнца, земли.

Бѣлые цвѣты, золотистая зелень, синева небесъ и дѣтскій смѣхъ!

— Что вы не идете! — зоветъ ее Хованесіанъ и сильнымъ ударомъ всаживаетъ заступъ въ затвердѣвшую землю. — Идите сюда. Прекрасная работа. — Лицо его сіяетъ. — Мы тутъ продѣлываемъ дорогу!

Рёсли подбѣжала къ нему. Онъ нѣжно нагнулся къ ней и курчавые черные волосы его бороды коснулись ея головы. Онъ ласково говоритъ съ ребенкомъ. Когда онъ обращается къ дѣтямъ, то его глубокій голосъ пріобрѣтаетъ какой-то особенно теплый оттѣнокъ.

Малютка радостно смотритъ на него и съ выраженіемъ беззавѣтной преданности слушаетъ его.

«О!—думаетъ ея мать, стоя у окна!—Еслибъ я была такимъ же маленькимъ ребенкомъ, какъ она! Еслибъ я могла такъ стоять и смотрѣть на него вверхъ, какъ Рёсли, мое счастливое дитя, которая видитъ Бога въ церковномъ окошкѣ! О, еслибъ можно было вернуть молодость, вѣру, не имѣть прошлаго, будущаго, никакой вины, никакого страха, никакихъ обязанностей, ничего не знать!»...

Точно почувствовавъ призывъ могучей страсти, овладѣвшей душою Іозефины, Хованессіанъ поднимаетъ на нее глаза, и его веселое лицо становится серьезнымъ. Кровь съ внезапною силой приливаетъ ему въ голову; щеки его разгораются....

Іозефина исчезла.

Въ эту ночь Іозефинѣ снилось, что къ ней вдругъ навстрѣчу вышелъ незнакомецъ, неожиданное появленіе котораго заставило ее убѣжать изъ одного угла комнаты въ другой.

Незнакомецъ былъ въ элегантномъ костюмѣ, точно готовился отправиться въ свѣтское общество. Она ясно замѣтила широкую, бѣлую

грудь крахмальной рубашки подъ накинутымъ на плечи плащомъ, блестящій цилиндръ и новыя, красныя перчатки.

Онъ не говорилъ ничего, но только смотрѣлъ на нее и на его дряблыхъ устахъ виднѣлась таинственная, равнодушная усмѣшка; онъ какъ будто насмѣхался надъ нею. Его золотые очки блестѣли, стекла сверкали такъ, что она не могла разглядѣть его глазъ. И вотъ онъ дѣлаетъ столь знакомый ей жестъ, какъ будто собирается мыть руки; правая ладонь моетъ тылъ лѣвой руки, плечи округляются, онъ какъ будто собирается выговорить слово, котораго Іозефина боится, не хочетъ услышать отъ него.

Онъ смѣется и этотъ смѣхъ становится все болѣе страннымъ. Сверкающія стекла его очковъ направлены на нее. Онъ поднимаетъ руку, изгибаетъ ее дугой, исполненной искусственной граціи, какъ будто приглашаетъ ее, осматривая ее съ ногъ до головы, и насмѣшливо и высокомѣрно смѣется. Его толстыя, блѣдныя губы принимаютъ циническое выраженіе.

— Я васъ не знаю,—говоритъ ему Іозефина.—Прошу васъ, оставьте эту комнату.

Сердце ея какъ будто перестало биться. Ей холодно, но какая то апатрія овладѣла ею, а тамъ, внутри гдѣ-то глубоко, глубоко гнѣздится страхъ, такой страхъ!

Она просыпается: «Это былъ онъ! Георгъ!—думаетъ она.—Я сказала, что не знаю его. Но я его знаю. О!...»

Ужасъ пронизываетъ ее и она остается лежать неподвижно. А мысли вихремъ кружатся у нея въ головѣ.

«Неужели я его любила когда-нибудь? Этого? Любила?... Нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ!... Уходи! Я не знаю тебя, ужасный человѣкъ! Я никогда не была твоей! Никогда! Никогда! Слышишь ты? Никогда! Я никогда не цѣловала тебя! Ты чужой для меня. Совершенно чужой. Прочь отъ меня! Ты.... призракъ, ночное видѣніе! Кто тебя выдумалъ! Ты! Ты!...»

Вдругъ она выпрямилась, заломила руки и застонала почти безсознательно:

— Господи! Убей его! Убей его! Убей!...

Послышался тоненькій плаксивый голосокъ въ темнотѣ: «Мама! Мама!»

Іозефина затаила дыханіе. Это проснулась Ресли.

— Мама, зачѣмъ ты говоришь: убей?—спрашиваетъ ребенокъ.

Одно мгновеніе Іозефинѣ показалось, что темноту ночи пронизало сіяніе звѣзды и что-то зазвенѣло.... Но это продолжалось только мгновеніе.

Безмолвно натянула Іозефина на голову простыню закрывъ ею лицо, стиснула зубы и, сжавъ кулаки, повторила свою страшную молитву: «Всемогущій Господи! Убей его! Убей! Убей!...»

— Я вамъ что-то принесъ. Я принесъ картину,—сказалъ Хованесіанъ, входя къ Іозефинѣ.

Она мелькомъ взглянула на него и на мгновеніе глаза ихъ встрѣтились. У обоихъ было что-то натянутое, грустное въ лицѣ.

— Какую картину?

— Рѣпина, «Бурлаки», вы знаете.

Онъ положилъ картину, раскрашенную литографію, на письменный столъ, передъ Іозефиной и сталъ сзади нея, отойдя на нѣсколько шаговъ, какъ бы для того, чтобы не мѣшать ей.

Іозефина только взглянула на эту ужасную группу, группу бѣдняковъ, которые съ такимъ усиліемъ, съ такимъ напряженіемъ тащутъ свой тяжелый грузъ. Ея взволнованнымъ чувствамъ внезапно открылась почти нечеловѣческая сила той пѣсни, въ которой излилась мука несчастныхъ. Она видѣла впереди гигантовъ труда, съ опухшими, изсиня красными лицами, съ опущенною головой, согнувшихся точно быкъ подъ ярмомъ, для того чтобы со всею силою своихъ плечъ тащить впередъ тяжело нагруженное судно. Позади этихъ сильныхъ, человѣческихъ вьючныхъ животныхъ толпятся худые, жилистые, хрупкіе, вытянувъ свои тонкія шеи, почти лишенныя мускуловъ и, казалось, готовыя лопнуть отъ напряженія. Мышцы у нихъ, напрягшіяся до послѣдней возможности, образуютъ твердые узлы и канаты около угловатыхъ костей. Но среди всѣхъ этихъ, покорныхъ своей судьбѣ, людей, одинъ, молодой, какъ будто готовъ возмутиться. Онъ выпрямился, страданіе и бѣшенство выражаются на его лицѣ. Онъ высоко поднялъ голову и закинулъ ее назадъ, а руку просунулъ подъ ужасный ремень, который врѣзывается въ его обнаженную грудь. Этотъ страшный ремень, на всѣхъ давящій одинаково, проходитъ черезъ всѣ ихъ груди къ грузовому судну, которое они должны тащить за собой. Сколько проклятій застываетъ у нихъ на устахъ. Сколько стоновъ слышется въ ихъ безконечной пѣснѣ! Но послѣдній въ ряду.... О, этотъ уже не проклинаетъ болѣе и не поетъ! Тупо, какъ будто лишенный всякаго человѣческаго достоинства, съ безсильно повисшими руками и поникшею на грудь головою, онъ безсознательно, безвольно бредетъ за другими.... Его лицо обращено къ землѣ. Человѣческое вьючное животное вернулось къ обычной позѣ животныхъ... всему конецъ!

Хованесіанъ услышалъ громкое, неудержимое рыданіе. Передъ самымъ столомъ, закрывъ лицо руками, сидѣла Іозефина надъ картиной. Ея плечи содрогались отъ рыданія. Невыразимая грусть овладѣла ею при видѣ этихъ задавленныхъ страданіемъ людей и она все забыла, себя, Хованесіана, Георга, дѣтей, комнату, въ которой находилась, все! Весь воздухъ вокругъ нея, казалось ей, былъ переполненъ стонами, сердце ея истекало кровью, какъ будто оно было пронзено. Она рукою провела по своей груди: вотъ тутъ давитъ страшный ремень и врѣзывается въ живое, трепещущее мясо!

Гдѣ же крестикъ? Вѣдь тутъ у нея долженъ былъ висѣть на шнуркѣ крестикъ. Она пощупала рукой, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ думала найти на своей груди такой же крестикъ, какой виднѣлся изъ-подъ ремня на груди у молодого бурлака, въ красномъ изодранномъ кафтанѣ, возмутившагося противъ судьбы. Нѣтъ, она ничего не забыла! Она сознавала теперь все яснѣе, чѣмъ когда-либо! Она знала, что это жизнь. Она чувствовала, что и ея жизнь такая же. Именно этотъ символическій смыслъ картины, какъ всякаго такого произведенія великаго искусства, поразилъ ее въ самое сердце, завладѣлъ ею. Всѣ такъ, всѣ, она, Георгъ, дѣти, больные... Только... Нѣтъ, онъ этотъ человѣкъ, съ своею сверкающею улыбкой, не находился среди этой группы! Нѣтъ, Хованесціана тамъ не было, среди страдающихъ...

Она сбоку взглянула на него. Ей хотѣлось посмотрѣть на его лицо, на которомъ не было мѣста страданію... Но какое-то новое чувство пронизало ее, когда она увидѣла, что онъ задумчиво стоитъ въ полуоборота къ ней и крупныя слезы катятся по его щекамъ и исчезаютъ въ бородѣ. Она ощутила присутствіе чего-то таинственнаго, невидимаго въ этой комнатѣ, между этимъ плачущимъ человѣкомъ и собою, и слезы горячимъ потокомъ хлынули у нея изъ глазъ. Она затаила дыханіе и легкое обморочное состояніе овладѣло ею. Въ ушахъ раздавалась громкая, оглушающая музыка, а передъ глазами сверкали искры и звѣзды. Она неслась куда-то быстро, быстро, надъ темною бездной... Потомъ вдругъ она почувствовала чье-то легкое прикосновеніе. Волосы у нея стали дыбомъ, дрожь пронизала ее и она пришла въ себя. Возлѣ стула, на который она безсильно опустилась, стоялъ, нагнувшись, Хованесціанъ и гладилъ ее по волосамъ, шепча ей:

— Теперь ничего подобнаго нѣтъ! Теперь это дѣлаютъ маленькіе буксирные пароходы!

Они улыбнулись другъ другу, сквозь слезы, нависшія на рѣсницахъ, словно двое воскресшихъ людей, недовѣрчиво и изумленно, ощущая какую-то странную полноту неземного блаженства.

— Въ первый разъ мнѣ приходится видѣть, что и вы много страдали,—прошептала Іозефина и пытливо заглянула ему въ лицо, которое находилось отъ нея совсѣмъ близко.—Оттого вы такой...

Она хотѣла сказать: «оттого вы такой красивый», но не могла выговорить это и покраснѣла.

Хованесціанъ держалъ ея руку. Его рѣсницы дрожали, словно крылья черной бабочки.—Въ послѣднее время я много думалъ о женщинахъ,—сказалъ онъ какимъ-то странно звучащимъ голосомъ.

— Что же вы думали?

Онъ сильно поблѣднѣлъ и на его мужественныхъ чертахъ появилось робкое и нѣжное выраженіе. Онъ закрылъ глаза и молча сжалъ ея пальцы, потомъ вдругъ кровь бросилась ему въ лицо; онъ

нагнулся надъ ея рукой и стыдливо, подъ вліяніемъ охватившаго его всесильнаго чувства, прошепталъ:

— Простите меня! Простите меня! Я не думалъ такъ о женщинахъ. Не ставилъ ихъ такъ высоко! Простите меня! Вы научили меня, преобразовали, совершенно преобразовали. Я не надѣялся найти... Я не вѣрилъ! О, простите меня, простите меня!

Онъ упалъ на колѣни передъ нею и спряталъ свое лицо въ складки ея платья, потомъ вдругъ поднялся и быстро, словно потерянный, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Между душами, которыя притягиваютъ другъ друга, образуется словно тонкая сѣть волоконъ, нѣжныхъ и хрупкихъ, боящихся свѣта, трепещущихъ и ломкихъ, какъ тонкія нити водорослей или волоконца корней, наполненныхъ лучшими соками жизни. Тихонько, скрываясь отъ дневного свѣта, ищутъ другъ други эти слѣпыя нити, нѣжныя волоконца, выростающія изъ его и ея души и тянутся другъ къ другу. А когда наступитъ часъ, нѣжныя устьица прикоснутся другъ къ другу и волоконца сплетутся вмѣстѣ, то вырастаетъ чудный, благоухающій и сверкающій всѣми цвѣтами радуги цвѣтокъ, питаемый самыми сладостными, самыми возвышенными мечтами, лучшею кровью сердца. Изъ чашечки этого цвѣтка изливается ароматъ, разносящій жизнь и смерть, нераздѣльныя и такъ тѣсно смѣшанныя другъ съ другомъ, что онѣ составляютъ одно. И жизнь и смерть одинаково сладостны, оба одинаково желательны, возвышенны! Жизнь и смерть!

Этотъ часъ наступилъ и цвѣтокъ зацвѣлъ.

«Умереть! Умереть бы въ эту минуту,—думала Іозефина, оставшись одна.—Ты! Ты! Я не знала, какіе люди живутъ на свѣтѣ. Я не знала, что есть одинъ человѣкъ, въ тысячу разъ выше и дороже всего міра. А ты говоришь обо мнѣ? Что я такое? Какъ ты можешь говорить со мною такъ, какъ ты говорилъ? Вѣдь я живу только съ тѣхъ поръ, какъ узнала тебя! Безъ тебя я ничто! Только черезъ тебя я начала жить, чувствовать, получила душу! Я только теперь сознаю неописуемую красоту земли, неба, жизни! Ахъ, умереть! Теперь, въ эту блаженную минуту! Это слишкомъ хорошо и потому исчезнетъ. Онъ увидитъ меня, какова я на самомъ дѣлѣ, и тогда все пройдетъ! Нѣтъ, умереть, хотя бы въ мукахъ, но ощущая поцѣлуй счастья на своихъ устахъ. Умереть отъ твоей руки, съ тобою вмѣстѣ!»

Вдругъ Іозефинѣ стало страшно; она испугалась за себя:

«Я схожу съ ума! Я и его хочу убить, какъ того, другого, котораго я сегодня ночью, во снѣ, задушила въ его темницѣ. Что за губительныя мысли у меня! И меня, меня онъ можетъ любить!»

Но она не можетъ отогнать отъ себя навязчивой, упорной мысли.

«Неужели это могло бы быть! Умереть вмѣстѣ! Нѣтъ, я должна умереть одна. Онъ долженъ жить! Видѣть потухшими эти глаза, этотъ

лобъ побѣднѣвшимъ и покрытымъ смертнымъ потомъ? И изъ-за меня? Ахъ! гдѣ взять силы! Кто поможетъ мнѣ въ этой бѣдѣ? — Іозефина заломила руки.—Умирать должны только счастливые, не такіе, какъ я!»

Кто-то постучалъ въ двери. Іозефина вскочила и отперла ихъ. Это былъ посланный изъ женской клиники. Ей надо идти тотчасъ же. Это первые роды, которые ей придется вести самостоятельно. Въ первый разъ возлагается на нее такая трудная задача, а она позабыла объ этомъ. Куда же она годится послѣ этого? Такая безполезная мечтательница! И притомъ какія мечты поглощали ее: О Господи! Не освѣщай своими лучами этого сердца, объятаго мракомъ. Стыдъ! Стыдъ!

Быстро собравъ инструменты, Іозефина крикнула Еленѣ, что уходитъ, и вышла.

Она чувствовала, что теперь на нее готова обрушиться вся тяжесть жизни; она сознавала отвѣтственность, которая лежала у нея на плечахъ.

Надзирательница посмотрѣла на нее нѣсколько удивленно; практикантка Іозефина показалась ей черезчуръ взволнованной. «Извѣстно ли этой практиканткѣ, что отъ нея зависятъ двѣ человѣческія жизни?» подумала надзирательница. Но когда Іозефина сняла шляпу и перчатки, то лицо ея приняло спокойное выраженіе; возбужденіе исчезло и на лицѣ появился отпечатокъ глубокой серьезности и сознаніе тяжелой задачи. У постели кричащей, извивающейся отъ боли женщины Іозефина окончательно вернула свое спокойствіе. Бѣдная служанка молила о смерти подъ вліяніемъ страданій. Іозефина ласково заговорила съ ней, стараясь ее успокоить. Она должна жить, чтобы дать жизнь ребенку! И странный, слѣпой законъ жизни во что бы то ни стало одинаково захватилъ ихъ обѣихъ, какъ роженицу, такъ и врача. Для чего рождается этотъ ребенокъ? Для свѣта и дня или для мрака и жестокаго преслѣдованія? Бѣдняжка-мать не задаетъ себѣ такихъ вопросовъ; она страдаетъ и терпитъ.

Такое же слѣпое стремленіе къ жизни, которое охватываетъ рождающую женщину, придаетъ силы и Іозефинѣ. Ни на минуту она не забываетъ того, что надо дѣлать и, остается возлѣ страдалицы весь вечеръ, всю ночь.

Въ эту самую ночь, когда она такъ желала умереть сама, когда она лишила бы себя жизни, не будь она матерью и врачомъ,—въ эту самую ночь она помогла существу вступить въ жизнь и поддержала другое въ его страданіяхъ.

Когда она возвращалась домой на зарѣ, голодная и озябшая, то все, что она пережила до этого съ Хованессіаномъ, отошло въ область прошедшаго. Тяжелыя, кровавыя человѣческія страданія легли между нею и этимъ прошлымъ и она шла, думая о книгахъ, которыя необходимо проштудировать, о многомъ, чему она училась и что уже успѣла позабыть.

— Хованессіанъ! — сказала она вполголоса и улыбка появилась у нея на лицѣ. — Мой милый другъ, вы слишкомъ высоко ставите меня!

Она посмотрѣла въ сторону. Ей была пріятна мысль, что онъ находится возлѣ нея.

— Слишкомъ высоко! — повторила она. — Въ самомъ дѣлѣ, лучшее, на что я гожусь, это то, что я умѣю подчиняться требованіямъ минуты.

Спокойствіе, какого она давно не испытывала, охватило ее, вмѣстѣ съ ощущеніемъ усталости въ мышцахъ. Она какъ будто неожиданно достигла теперь давно желанной цѣли.

— Онъ цѣнитъ во мнѣ то, что я умѣю работать! — сказала она себѣ, радостно улыбаясь.—Это единственное, что онъ можетъ во мнѣ цѣнить; въ другихъ отношеніяхъ я ничто. Мы сохранимъ эту способность для себя, не правда ли, мой другъ? О, я такъ давно не работала съ полными силами.

Взоры ея съ лаской устремились къ утренней звѣздѣ, а въ сердцѣ своемъ она чувствовала святыню.

— Какъ ты стараешься погубить себя!—бранила Елена свою подругу.—Эта вѣчная экзальтація. Даже когда ты молчишь, у тебя такой видъ, какъ будто ты сейчасъ готова закричать. И такъ работать до поздней ночи! Знаешь, я читаю теперь Августина. Это очень поучительно! У тебя также бываютъ, вѣроятно, искушенія, какъ у него?

Іозефина ничего не отвѣтила, но густо покраснѣла. Елена вздохнула:

— О, этотъ извращенный свѣтъ! Эти пылающіе святые! Хованессіанъ тоже изъ такихъ. Мнѣ всегда хочется подержать около него спичку, навѣрное она загорится. Ты какъ думаешь?

Не получая отвѣта, Елена продолжала уже серьезно, указывая на рѣпинскую картину, прибитую гвоздиками къ стѣнѣ, вблизи письменнаго стола Іозефины:

— Вчера Хованессіанъ объяснялъ мнѣ эту картину. Она превосходно сдѣлана, не правда ли? Онъ указалъ мнѣ на этого юношу, въ красномъ изодранномъ кафтанѣ, съ крестомъ на груди и сказалъ растроганнымъ голосомъ: «Этотъ еще борется; остальные уже покорились!» И потомъ прибавилъ, совершенно спокойнымъ тономъ: «Вотъ этотъ постоянно напоминаетъ мнѣ вашу подругу Іозефину, такое сходство!» И его глаза такъ уставились въ картину, что, казалось, пронизали ее насквозь.

— Не говори о немъ, — пробормотала Іозефина, но въ тонѣ ея голоса слышалось другое: «Говори еще! Говори больше о немъ!»

Но Елена послушалась словъ.

— Успокойся же, Іозефина, дорогая. Я больше всего желаю тебѣ этого. Къ счастью для меня, я родилась амфибіей и только чисто

случайно стала дѣвушкой... Скажу тебѣ, какъ удобно обладать такимъ темпераментомъ, какъ мой!

Іозефина испытывала минуты страстнаго влеченія къ человѣку, котораго любила. Она ненавидѣла и презирала себя въ такія минуты, но онѣ все таки возвращались. Когда онъ оставался вдали отъ нея, то былъ ея героемъ, ея орломъ, ея стройнымъ кипарисомъ, но близость его, привлекая ее, временами причиняла ей такую муку, что она должна была убѣгать отъ него.

Одна, въ своей комнатѣ, ища спокойствія и самообладанія, она кусала губы и со страстною тоскою ломала руки. И ей было такъ стыдно, такъ стыдно за себя! Но, повинуясь неудержимому влеченію, она возвращалась въ комнату, гдѣ онъ находился, нарочно замедляя шаги и боязливо прижимая руки къ груди. Ей хотѣлось броситься къ нему, хотѣлось зацѣловать его до смерти! Одинъ только разъ!.. Но она робко и медленно входила въ комнату и съ дикою ревностью смотрѣла на Германа и Рёсли, которыхъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ. Она едва владѣла собою.

Когда Цвики становился возлѣ него и дружески клалъ ему на плечо руку или Елена и Бернштейнъ шутили съ нимъ и заставляли его бѣгать вокругъ стола, гоняясь за нимъ, или когда дѣти и взрослые окружали его тѣснымъ кругомъ, то у нея вдругъ являлось безумное желаніе крикнуть: «Не смѣйте его трогать! Онъ мой! мой! Прочь всѣ! какъ вы осмѣливаетесь прикасаться къ нему».

Въ такія минуты ею овладѣвало сильнѣйшее раздраженіе, которое она съ трудомъ могла подавить. Ее возмущала Лаура Анаиза, которая часто съ наивнымъ восхищеніемъ смотрѣла на Хованессіана и старалась къ нему приблизиться. Въ душѣ Іозефины возникало тогда внезапное отвращеніе къ молодой дѣвушкѣ, противъ котораго она старалась бороться всѣми силами своего разсудка. Послѣ того она всегда такъ страшно негодовала на себя, чувствовала къ себѣ такое глубокое презрѣніе, что ей хотѣлось унизить себя какъ можно больше. У нея являлось желаніе написать Хованессіану, раскрыть ему чувства, которыя бушевали въ ея душѣ, и сказать: «Вотъ какъ сильно ты во мнѣ обманулся! Вотъ какая я дурная!»

Но она не написала ему ничего, такъ какъ, когда она оставалась одна, буря затихала въ ея душѣ и она мысленно становилась на колѣни передъ своимъ кумиромъ. Душа ея снова была чиста и она была счастлива; она не стремилась завладѣть имъ для себя одной—нѣтъ! Онъ долженъ свѣтить всему міру, всѣмъ доставить счастье своимъ существованіемъ, а не ей одной.

«Когда они узнаютъ тебя, то не будутъ больше горевать, не будутъ чувствовать себя одинокими!—думала она.—Они не будутъ знать ни страха, ни униженія, ни пошлости, они перестанутъ мучиться, когда узнаютъ тебя, мое солнце!»

Ея любовь, въ такія мгновенія, казалась ей священнослуженіемъ. Она проливала слезы радости передъ алтаремъ, и мысль, что жизнь хороша, потому что на этомъ алтарѣ находится его изображеніе, наполняла ея душу точно небесная музыка.

Она складывала руки и молилась какъ ребенокъ: «Сдѣлай меня доброй! Очисти меня, чтобы я могла идти за тобою на небо!»

Постоянно терзаемая такими переходами отъ возвышеннаго экстаза къ дикой страсти, измученная и усталая, Іозефина бралась тогда за работу, какъ за всеисцѣляющее лекарство. И только тогда, когда работа поглощала ее, она чувствовала, что живетъ настоящимъ образомъ. Все остальное была какая-то дикая пляска, бурный потокъ, но тутъ, среди труда, она находила равновѣсіе и твердою рукою направляла руль своего корабля, избѣгая подводныхъ камней и утесовъ. Мало-помалу у нея развивалось самообладаніе, глубина взгляда и сознаніе побѣды надъ своими собственными страстями наполняло ее чувствомъ гордости и радости.

«Я люблю его, потому что хочу его любить,—думала она.—Если бы я не хотѣла этого, то могла бы потушить этотъ свѣтильникъ. Тогда наступила бы ночь, но, вѣдь, можно жить и въ темнотѣ».

Такъ прошли два мѣсяца и, наконецъ, наступилъ одинъ вечеръ, роковой вечеръ!

Іозефина долго оставалась въ хирургическомъ отдѣленіи. Ея любимая сидѣлка Ванда была въ отсутствіи, ей дали отпускъ на полдня, съ тѣмъ, чтобы она нашла себѣ замѣстительницу, и Іозефина взялась подежурить за нее.

Было душно. Цѣлый день больныхъ мучили мухи и, несмотря на открытыя окна, въ переполненной больными палатѣ не ощущалось притока свѣжаго воздуха. Рѣзкій запахъ іодоформа, хлороформа и карболки, смѣшанный съ испареніями больныхъ и ихъ ранъ, наполнялъ палату, образуя спеціальную госпитальную атмосферу, къ которой Іозефина никакъ не могла привыкнуть. Особенно ужасно было находиться вблизи молодыхъ дѣвушекъ съ гноящимися ранами костей. Около нихъ пахло смертью и разложеніемъ, а между тѣмъ именно эти несчастныя, безпомощныя больныя, осужденныя на долгое страданіе, нуждались въ особенномъ участіи. Іозефина не могла отказать этимъ несчастнымъ въ радости, которую доставляло имъ ея присутствіе; она садилась около ихъ болѣзненнаго одра и гладила ихъ холодныя, какъ ледъ, и влажныя или пылающія въ лихорадкѣ руки, прислушиваясь къ ихъ затрудненному дыханію, которое, казалось, долетало къ ней изъ глубины могилы. Ей было тяжело находиться возлѣ нихъ, но еще тяжелѣе было слушать ругань двухъ совсѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, которыя жалобными и въ то же время проникнутыми злостью голосами насмѣхались другъ надъ другомъ. Обѣ были больны волчанкой.

— У нея остался только одинъ глазъ, а она все еще желаетъ

прихорашиваться! Для доктора ты и такъ хороша! Не думаешь ли ты, что онъ посмотритъ на такую, у которой вмѣсто лица котлетка? Ха! Ха!

— А ты?—кричала другая, почти плача.—Ты лучше, что ли? Со своимъ искусственнымъ носомъ? Развѣ это носъ? Это клецка. Смотри, хочешь зеркало? Я навѣрно въ двадцать разъ красивѣе тебя.

Первая, повязавшая на свою бѣленькую, гладкую дѣвическую шейку красную ленточку, осторожно, кончиками пальцевъ, притронулась къ странному комочку, придѣланному ей на мѣсто носа врачами, которые воспользовались для этой цѣли кускомъ кожи, вырѣзаннымъ со лба.

— Не такъ ужъ плоха, какъ ты,—проворчала она насмѣшливо.— И вотъ увидишь, я найду себѣ мужа. А ты, какъ бы не такъ! Несчастная слѣпая курица, кто тебя возьметъ.

Полуслѣпая разразилась неистовымъ хохотомъ, который скоро перешелъ въ рыданіе, и вскричала:

— Ты! ты! Мужа?.. Да вѣдь я... я все же лучше тебя! Сестрица, не правда ли? Вѣдь я не такъ ужъ отвратительна? Вѣдь и одного глаза достаточно, чтобы видѣть? Сестрица, скажите же, которая изъ насъ двухъ лучше? Которая можетъ найти себѣ мужа?

— Какъ вамъ не стыдно! Успокойтесь же! Ни одна не получитъ мужа. И такъ проживете!—отвѣчала сестра милосердія Ванда, только что вернувшаяся съ прогулки. Она вошла въ палату раскраснѣвшаяся и веселая, держа въ рукахъ большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ.—Вы опять ссоритесь? Это стыдно.

Іозефина ушла. Въ ушахъ ея все еще раздавались сердитые голоса ссорившихся дѣвушекъ и она не могла отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Наморщивъ брови, она быстро шла по аллеѣ госпитальнаго сада и ей все слышались бранныя слова, которыми обмѣнивались двѣ несчастныя больныя.

Надъ озеромъ сверкала молнія. Небо было покрыто быстро несущимися темными клочьями тучъ. Луна то исчезала, то появлялась снова изъ-за темной завѣсы облаковъ, изливая свой голубоватый свѣтъ на дорогу.

Дойдя до калитки, которая была открыта, Іозефина вдругъ услышала за собою чьи-то легкіе тихіе шаги и чей-то голосъ проговорилъ: «Добрый вечеръ».

Она невольно вздрогнула. Все время, не переставая, она думала о немъ и даже во время ругани больныхъ у нея мелькнула мысль: «Какъ бы ужаснулся Хованессіанъ, еслибъ онъ это услыхалъ!» Она привыкла дѣлиться съ нимъ мысленно всѣмъ, съ чѣмъ ей приходилось сталкиваться и что производило на нее впечатлѣніе. И вдругъ теперь онъ очутился возлѣ нея, онъ какъ будто дожидался ее.

— Хотите прогуляться? Или вы устали?—спросилъ онъ ее тихо, идя съ нею рядомъ.

Оба чувствовали смущеніе и молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Очень душно,—выговорила Іозефина съ трудомъ.—Надвигается гроза.

— О нѣтъ, еще нѣтъ. Я бы хотѣлъ... если вы мнѣ позволите... сказать вамъ нѣсколько словъ...

Его дрожащій голосъ выдавалъ его волненіе. Они прошли мимо дома Іозефины и вышли на незастроенную улицу, которая шла въ гору. Молчаніе давило ихъ. Они остановились на минуту и взглянули на сверкавшій огнями городъ, лежащій внизу, на который луна слала теперь съ высоты свой мягкій, серебряный свѣтъ. Какой-то странный, глухой и протяжный звукъ раздался за ними. Это вѣтеръ пронесся надъ краемъ откоса горы.

Хованессіанъ взялъ ея руку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и глубоко вздохнулъ:

— Мнѣ такъ тяжело,—сказалъ онъ.—Я не могу больше приходить къ вамъ... У меня такъ натянуты нервы, я такъ неспокоенъ...

— Да,—прошептала Іозефина машинально.—Это правда...

— Я знаю... вы любите... другого. О, я знаю это, знаю!.. И я вашъ другъ... Я бы хотѣлъ... Вы любите его... вашего мужа?.. Ахъ, если бъ я могъ взять васъ и унести отсюда... далеко! Мы бы полетѣли туда, туда, къ прекрасной звѣздѣ... Долженъ я удалиться? Долженъ... Іозефина?

Она посмотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ. Ея глаза казалось говорили ему: «Нѣтъ! Нѣтъ!», но дрожащія губы промолвили: «Да!»

Онъ застоналъ. Ея молящій взоръ лишалъ его самообладанія.

Іозефина вдругъ почувствовала, что ее обняли сильныя, могучія, горячія руки и прижали ее къ груди. Ея пересохшія, жаждущія губы обожгло точно огнемъ и никогда еще не испытанное ею чувство страсти охватило ее. Она откинулась назадъ и, протянувъ руки, уперлась въ его широкую, тяжело дышавшую грудь.

— Ты не хочешь быть моей? Не хочешь?—раздавался въ ея ушахъ чей-то страстный шопотъ, и вся кровь, прилившая у нея къ сердцу, казалось, взывала: «Да, хочу!», но уста почти противъ воли, необъяснимымъ образомъ, повторяли: «Нѣтъ! Нѣтъ!»

— Нѣтъ?!

Онъ пересталъ сжимать ее въ своихъ объятіяхъ и громко перевелъ духъ.

— Нѣтъ!—повторяла она.—Нѣтъ! Нѣтъ!

Его руки опустились. Онъ взялъ ея пальцы и поднеся ихъ къ своимъ устамъ, стиснулъ ихъ зубами.

— Я не долженъ больше приходить?

— Нѣтъ!

— И ты меня позабудешь, Іозефина?

Изъ груди ея вырвался стонъ и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, она съ отчаяніемъ прошептала:

— О, еслибъ умереть! Умереть!

Онъ также вздохнулъ:

— Это было бы слишкомъ малодушно для тебя! Ты... будешь... жить! — проговорилъ онъ тихо, но настойчиво.

Закрывъ глаза рукою, онъ простоялъ молча нѣсколько мгновеній Іозефина не шевелилась. Кругомъ воздухъ какъ будто былъ наполненъ вздохами.

Ей казалось, будто она ушла куда-то далеко, далеко, будто она уже умерла.

— А меня ты не спрашиваешь, что я буду дѣлать?—спросилъ онъ съ горечью.

Она торопливо повторила:

— Что ты будешь дѣлать?

Онъ снова заключилъ ее въ свои объятія и началъ нашептывать ей слова на своемъ языкѣ, глухимъ, дрожащимъ голосомъ, съ глазами, полными слезъ. Это была молитва, благодарность, благословеніе. Потомъ онъ сказалъ ей по-нѣмецки:

— Живи! Научи меня переносить! Ты многое сдѣлаешь! Я о тебѣ услышу. Можетъ быть, и ты услышишь обо мнѣ. У насъ есть задачи, ты знаешь... тамъ, на родинѣ!

Вдругъ его тонъ измѣнился, потерялъ свою теплоту. Глаза его расширились и взглядъ его устремился вдаль.

— Между нами лежитъ камень,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови. Его руки отпустили ее.—Ты такъ хотѣла!

Молнія, сверкавшая кругомъ, не прекращалась ни на мгновеніе, отливая то краснымъ, то зеленоватымъ свѣтомъ. Надъ озеромъ прокатились первые раскаты грома, но луна продолжала ярко свѣтить по временамъ.

— Убей меня, молнія!—стонала измученная душа Іозефины.—Это больше, чѣмъ я могу вынести.

Она медленно удалилась.

— Единственный другъ,—съ трудомъ проговорила она, идя съ опущенною головою,—прощай!.. Будь счастливъ! Забудь!.. Я... Я... благодарю тебя!..

Она исчезла въ тѣни деревьевъ и ея слова жалобно прозвучали въ шумѣ вѣтвей. Хованессіанъ не удерживалъ ее, но онъ ждалъ, что она вернется, что она, по крайней мѣрѣ, оглянется но него! Но она этого не сдѣлала. Невѣрными шагами, поникшая, она шла впередъ, точно движимая какою-то странною, непонятною силою.

«Если бы ей преградила путь гора, то она бы все же не остановилась», подумалъ Хованессіанъ.

Онъ слѣдовалъ за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи. Онъ видѣлъ, какъ она вошла въ освѣщенный кругъ около ея дома, какъ она остановилась и облокотилась, точно въ изнеможеніи, на перила крыльца. Опу-

стивъ голову, стояла она, держа шляпу въ безсильно повисшей рукѣ. Онъ почувствовалъ, что долженъ ее оставить одну, изъ жалости, изъ состраданія и любви, на которую онъ не считалъ себя способнымъ до этой минуты и которая внезапно обрушилась на него съ неба или изъ сердца женщины, гдѣ она зародилась впервые.

«Найдена и потеряна!—подумалъ онъ.—Зачѣмъ все устремляется впередъ? Зачѣмъ все не могло оставаться такъ, какъ было?»

Она исчезла въ домѣ.

— Да хранитъ тебя Богъ! Да хранитъ тебя Богъ!—шептали его уста.

Онъ не вѣрилъ никакому Богу, не вѣрилъ ни въ какую защиту, но въ эту священную минуту его губы невольно повторяли слова, которыя онъ слышалъ отъ своей матери, слова, проникнутыя глубокой, самоотверженною нѣжностью и смиреніемъ.

Всю ночь онъ провелъ на скамейкѣ, на бульварѣ, откуда могъ видѣть ея домъ.

Черезъ два дня онъ уже уѣхалъ изъ города.

А Іозефина продолжала жить въ опустѣлой комнатѣ, въ опустѣломъ домѣ, въ опустѣломъ городѣ!

Міръ для нея превратился въ пустыню.

И она продолжала вести жизнь безъ смысла, безъ содержанія, безъ солнечнаго свѣта и тепла, печальную и исковерканную. Четыре долгихъ, тяжелыхъ и мучительныхъ мѣсяца прожила она такъ. Она не была бездѣятельна, но дѣятельность ея была лишена прежняго воодушевленія. Трудъ, въ который она вкладывала свою честь и свои надежды, снова превратился для нея въ опіумъ, притупляющій ея страданія, усыпляющій ее. Она соткала кругомъ себя непроницаемую сѣть. Все, что происходило снаружи, было такъ ей безразлично теперь! Ни худое, ни хорошее уже больше ее не трогали. Даже ея отношенія съ дѣтьми, не только съ товарищами и посторонними, сдѣлались чисто-внѣшними, поверхностными.

«Изъ одиночества мы пришли, въ одиночествѣ живемъ и къ одиночеству же возвращаемся», думала она и съ удивленіемъ смотрѣла на другихъ людей, которые говорили о солидарности, совмѣстной дѣятельности, о сообществѣ.

Она была одинока!

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Передъ зданіемъ желѣзнодорожнаго вокзала на площади, около красиваго фонтана, толпился народъ.

Серебристыя липы на площади и на выходящихъ на нее улицахъ порѣдѣли и пожелтѣли, но октябрьское солнце еще ярко свѣтило, посылая свои лучи на зеленый, пѣнящійся Лиммать, воды котораго съ шумомъ

устремлялись къ запрудѣ, къ мельницѣ, стоящей внизу, и продолжали дальше свой путь, производя уже однимъ своимъ видомъ освѣжающее, бодрящее впечатлѣніе.

Женщины съ непокрытыми головами, съ корзиночками въ рукахъ, почтенные загорѣлые старики, съ бронзовыми лицами и съ дымящимися трубками въ зубахъ, дѣти въ пестрыхъ лѣтнихъ платьяхъ и молодыя дѣвушки, везущія дѣтскія колясочки—вся эта разнообразная толпа группами тѣснилась подъ аркадами, вблизи выходовъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за выставляемыми у дверей вокзала щитами, на которыхъ были обозначены приходящіе поѣзда. Въ толпѣ слышался смѣхъ, шутливыя замѣчанія; никто, однако, не тѣснился и не толкалъ другъ друга, всѣ были радостно настроены и находились въ возбужденномъ состояніи, какъ передъ ожиданіемъ чего-то особенно пріятнаго и веселаго.

Площадь все болѣе и болѣе наполнялась людьми, и скоро они покрыли собою все свободное пространство, оставивъ только небольшой узкій проѣздъ для электрическаго трамвая и желтыхъ почтовыхъ повозокъ. Тутъ преобладали мужчины, одѣтые, однако, не такъ, какъ обыкновенно, въ темное городское платье, а въ бѣлыхъ или бѣлыхъ съ голубымъ костюмахъ гимнастовъ, оставлявшихъ обнаженными тонкія, загорѣлыя, мускулистыя руки и шею. Флаги и знамена развѣвались въ толпѣ, и по временамъ раздавались звуки музыки; это игралъ оркестръ, стоявшій у фонтата. Солнечные лучи сверкали въ струяхъ бьющей вверхъ и низвергающейся воды и на мѣдныхъ инструментахъ музыкантовъ. Маленькая группа итальянцевъ рабочихъ, припертая въ углу, распѣвала какую-то веселую пѣсню, отбивая тактъ по панели своими палками. Въ воздухѣ разносились свистки паровозовъ. Церковные часы, а за ними и часы на вокзалѣ громко пробили пять часовъ.

Наконецъ, появился желанный поѣздъ. Матери и отцы поспѣшили стать вблизи двойной двери, а дѣтскія колясочки расположились шпалерами. Двери раскрылись, и дѣти, съ букетами въ рукахъ, въ украшенныхъ виноградными листьями шляпкахъ, ожерельями изъ зеленыхъ вѣтокъ на шеѣ и букетиками дубовыхъ листьевъ, качающимися на верхушкѣ палокъ, веселыя, возбужденныя, выбѣжали въ припрыжку на платформу, ярко залитую солнцемъ. Начались объятія, поцѣлуи, крики, поиски дорожныхъ вещей. Воздухъ наполнился гуломъ веселой, празднично настроенной толпы. Красивыя вѣтви вереска, украшенныя вѣнками соломенныя шляпы, пестрыя гирлянды изъ осенніхъ листьевъ, которыми были окутаны нѣкоторые изъ самыхъ маленькихъ путешественниковъ и путешественницъ отъ головы до самого края ихъ коротенькихъ платьевъ, все это мелькало между трубочками старичковъ, протянутыми руками матерей, отодвигающихъ въ сторону дѣтскія колясочки, преграждавшія дорогу, и исчезало въ толпѣ.

Прежде чѣмъ родители разыскали своихъ дѣтей, разбѣжавшихся въ разныя стороны, пришелъ второй ожидаемый поѣздъ. Открылись другія двери, въ то время какъ поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ платформѣ. На ступеняхъ лѣстницы показались побѣдоносные гимнасты, съ огромными лавровыми вѣнками въ рукахъ, разукрашенными знаменами, и раздались громкіе крики «ура» и рукоплесканія. Тѣ знамена, которыя держали въ рукахъ ожидавшіе на площади, склонились въ знакъ привѣтствія вновь прибывшимъ. Грянула музыка, за гимнастами показались бронзовыя, мощныя фигуры бернцевъ и фрейбургцевъ въ бархатныхъ безрукавкахъ; двое впереди держали каждый по молодой соснѣ, которую они, казалось, вырвали изъ каменистой почвы горъ и съ торжествомъ несли надъ головами встрѣчной толпы.

Воздухъ дрогнулъ отъ восторженныхъ возгласовъ. Кто-то затянулъ швейцарскую пѣсню, подхваченную тотчасъ же сотнями молодыхъ голосовъ. Пламенныя строки Готфрида Келлера, воспѣвшаго прекрасную швейцарскую родину, разнеслись въ воздухѣ, надъ головами толпы, наполнявшей площадь. Кругомъ царили радость, веселье; всѣ были счастливы, горды, смѣялись, кричали, но ни толкотни, ни торопливости, ни безпорядка, не было и нигдѣ не было замѣтно полиціи, стѣсняющей толпу и обыкновенно вызывающей въ ней смятеніе.

Торжественная встрѣча, устроенная на площади вокзала горцамъ, пріѣхавшимъ навѣстить горожанъ, положила начало импровизированному празднеству, какими вообще такъ богата швейцарская жизнь. Длинный поѣздъ привезъ въ городъ множество посѣтителей, членовъ одного и того же гимнастическаго союза. Нѣсколько частныхъ пассажировъ, попавшихъ въ толпу разукрашенныхъ горцевъ съ загорѣлыми лицами, точно конфузясь своего присутствія, робко пробирались впередъ. Нѣкоторые, впрочемъ, останавливались въ толпѣ ожидающихъ, привлеченные любопытствомъ или увидѣвъ знакомаго горнаго пастуха, или знаменитаго гимнаста, съ радостью привѣтствовали его, гордясь знакомствомъ съ такимъ лицомъ, слава котораго, казалось, отражалась и на нихъ.

Только одинъ человѣкъ среди этой веселой толпы, желтый и больной, безучастно и съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу между тѣснившимися у входа въ вокзалъ людьми. Онъ былъ въ элегантномъ костюмѣ, который, однако, былъ для него слишкомъ широкъ и бросался въ глаза своимъ старомоднымъ покроемъ. Маленькій, желтый кожаный дорожный чемоданъ, который онъ держалъ въ рукѣ, заставлялъ его сильно склоняться на лѣвую сторону, а цилиндръ, глубоко надвинутый на глаза, странно выдавался среди мягкихъ шляпъ съ отвислыми краями и придавалъ этому незнакомцу что-то экзотическое.

— Билеты, прошу! — выкрикнулъ въ тысячный разъ желѣзнодорожный служащій, стоящій у рѣшетки, и протянулъ руку. Но путе-

шественникъ какъ будто ничего не слыхалъ, ни на что не обращалъ вниманія, поникнувъ головой и прижавъ правую руку къ груди, онъ продолжалъ подвигаться впередъ, слегка охая. Когда сторожъ громко окликнулъ его и загородилъ ему рукою дорогу, онъ вдругъ вскрикнулъ и бросился бѣжать.

— Стой! Билетъ!—крикнулъ сторожъ.

Какая-то рѣшительная женщина схватила за рукавъ бѣгущаго, чтобы остановить его.

— Ахъ! Ахъ!—жалобно вскрикнулъ онъ, словно отъ боли. Его рука, когда онъ началъ вытаскивать требуемый билетъ, такъ сильно дрожала, что билетъ выпалъ. Сторожъ выругался, поднимая билетъ, и пропустилъ пассажира, но тотъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ зашатался, и его должны были отвести въ залу, чтобы онъ оправился. Сторожъ передалъ его на руки кельнеру, и тотъ, видя передъ собою изящно одѣтаго господина, спросилъ по-англійски его приказаній,

Пассажиръ, однако, отвѣчалъ ему на нѣмецкомъ языкѣ, не открывая глазъ:—«Коньяку! Носильщика! Дрожки!»

Выпивъ рюмку коньяку, путешественникъ нѣсколько оправился, и шаги его сдѣлались гораздо тверже, когда онъ пошелъ вслѣдъ за носильщикомъ, понесшимъ его чемоданчикъ, къ той сторонѣ вокзала, гдѣ можно было найти извозчиковъ. Двѣ прехорошенькія молодыя дѣвушки, въ большихъ шляпахъ и съ затянутыми тонкими таліями, прошли мимо путешественника. Онъ взглянулъ на нихъ и лицо его оживилось:

— Носильщикъ!—спросилъ онъ вполголоса. — Какъ зовутъ этихъ?

Носильщикъ повернулъ къ нему потное лицо и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Внезапная перемѣна, происшедшая съ путешественникомъ, поразила носильщика. — Вы вѣрно пріѣхали издалека, не правда ли?—замѣтилъ носильщикъ снисходительно.

Извозчикъ подъѣхалъ, щелкая бичомъ.

— Тридцать сантимовъ, господинъ! — сказалъ носильщикъ, остановившись возлѣ экипажа.—Тридцать сантимовъ!—закричалъ онъ сердито и, не получая отвѣта, побѣжалъ за экипажемъ.

— Тридцать!.. Эй, вы!..—крикнулъ, наконецъ, кучеръ.

— Pardon! Я забылъ.

Носильщикъ получилъ пятьдесятъ сантимовъ, но онъ долженъ былъ собирать ихъ на мостовой, такъ какъ разсѣянный путешественникъ разронялъ деньги.

Спустя полчаса желтый, больной путешественникъ стоялъ у дверей дома «Zum grauen Ackerstein» и читалъ, нагнувшись, стоящее на мѣдной дверной дощечкѣ имя: «Д-ръ Георгъ Гейеръ».

Онъ слышалъ грохотъ колесъ медленно удаляющагося экипажа, который привезъ его, а за дверями раздавался веселый смѣхъ, топаніе чьихъ-то легкихъ ножекъ и въ щели видно было, что кто-то зажигалъ лампу въ сѣняхъ.

Послѣдніе лучи вечерней зари угасали. Путешественникъ посмотрѣлъ на извилистую бѣлую линію дороги, около которой росла узловатая старая яблоня, а затѣмъ перевелъ глаза на стеклянныя двери. Въ узкую щель между пестрыми занавѣсками виднѣлась полоса свѣта отъ горѣвшей за дверью лампы. Смѣхъ и шопотъ ногъ за дверью прекратились.

Громко запѣлъ сверчокъ. Сердце путешественника билось такъ сильно, что, казалось, вторило пѣнію сверчка. Едва держась на ногахъ отъ усталости, стиснувъ зубы, стоялъ онъ у двери, не зная на что рѣшиться. Наконецъ, онъ поднялъ исхудалую, дрожащую руку и нащупала плоскую пуговку звонка въ металлическомъ углубленіи.—Вѣдь прежде тутъ была большая стеклянная кнопка,—пробормоталъ онъ и нагнулся, чтобы хорошенько разсмотрѣть звонокъ. Онъ хотѣлъ засмѣяться, но вдругъ судорога искривила ему ротъ и лѣвое плечо начало подергиваться.

— Ахъ опять!—застоналъ онъ, торопливо растирая рукой лѣвую щеку. Подождавъ немного, онъ нажалъ кнопку, раздался громкій звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ послышались шаги и стукъ отворяемой двери.

Передъ путешественникомъ стояла красивая, высокая черноволосая дѣвушка, въ яркокрасномъ передникѣ и съ вязальною иглою въ зубахъ.

— Bona sera,—сказала она.—Кого вамъ нужно?

— Госпожу Гейеръ,—отвѣчалъ незнакомецъ и лицо его снова перекосило судорогой.

Молодая дѣвушка отступила, даже не пытаясь скрыть своего отвращенія.—Госпожи нѣтъ дома, къ сожалѣнію,—сказала она коротко, вынимая вязальную иглу, которую держала въ своихъ бѣлыхъ зубахъ.

— Когда она вернется?—спросилъ незнакомецъ, пристально разсматривая красивое лицо дѣвушки, принявшей угрюмый видъ.

— Къ одиннадцати, а можетъ быть и къ двѣнадцати часамъ ночи,—отвѣчала дѣвушка.

Незнакомецъ застоналъ и покачалъ головой.

— Гдѣ же она остается такъ долго?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышалось подозрѣніе.

— Гдѣ? Въ клиникѣ. Тотъ, кто служитъ ассистентомъ, долженъ тамъ находиться, не такъ ли?

— Ахъ!—онъ ударилъ себя по лбу и улыбнулся своею ужасною судорожною улыбкой, искривившею лицо.—Кто же дома?

Дѣвушка съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Дома? Г. Бернштейнъ и фрейлейнъ Елена находятся въ коллегіи, но г. Логиновичъ, можетъ быть, дома. Я пойду спрошу.

Она быстро прошла въ двери, не постучавъ, а когда вернулась, то съ нею вмѣстѣ вышла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, съ длинными темно-русыми волосами, свѣшивающимися на лобъ и на спину. Тонкая,

нѣжная фигурка дѣвочки прижималась къ черноволосой дѣвушкѣ, мощная и здоровая наружность которой казалась почти грубой рядомъ съ прозрачнымъ личикомъ ребенка, поражавшимъ мечтательнымъ взглядомъ своихъ огромныхъ, прекрасныхъ глазъ.

— Мама въ клиникѣ,—сказалъ тоненькій, нѣжный голосокъ и щеки дѣвочки покраснѣли.

Но и больное лицо посѣтителя также покраснѣло. Глаза у него точно налились кровью и губы все время подергивались. Онъ поднялъ руки и сказалъ, усиліемъ воли смягчая свой голосъ, не спуская глазъ съ дѣвочки:—Но ты дома!

Онъ рѣшительно переступалъ порогъ, таща за собою чемоданъ.

— Я?—пронзительно вскрикнула дѣвочка и бросилась бѣжать въ открытыя двери кухни.—Лаура-Анаиза! Иди сюда! Иди сюда!

Дѣвочка затопала ногами и принялась плакать. Какимъ-то робкимъ, но въ то же время упрямымъ голосомъ посѣтитель объявилъ, что онъ хочетъ ждать и, точно притягиваемый черною надписью на дверной фарфоровой дощечкѣ, направился къ двери.

Лаура-Анаиза прошла впередъ и открыла двери. Порывъ вѣтра, подувшій изъ открытаго окна узкой комнаты, заставилъ пламя стѣнной лампы вытянуться кверху въ видѣ краснаго острія.

— Извините,—проговорила дѣвушка,—но вѣдь это слишкомъ долго! Ждать? Но, вѣдь, она можетъ придти только къ двѣнадцати. Лучше завтра!

Но посѣтитель сѣлъ на стулъ у письменнаго стола и ничего не отвѣчалъ. Дѣвушка споткнулась о кожаный чемоданъ, который онъ поставилъ на полъ. Она перешагнула черезъ него и рукою дотронулась до плеча назойливаго гостя.—Слушайте вы!—сказала она, кашлянувъ.—Приходите-ка лучше завтра.

— Лампу!—возразилъ на это посѣтитель, не поворачивая головы, но вздрогнувъ отъ ея прикосновенія, точно отъ обжога.—Лампу и стаканъ воды!

Его оханіе наводило ужасъ на дѣвушку. Она выбѣжала изъ комнаты и, какъ вихрь, ворвалась въ комнату Логиновича.

— О! о!—кричала она.—Идите скорѣе. Тамъ сидитъ одинъ... Онъ точно изъ дерева... совсѣмъ деревянный... вошелъ въ комнату и не уходитъ... точно изъ дерева!

Логиновичъ обернулся и съ удивленіемъ взглянулъ на дѣвушку. За ухомъ у него торчало перо, а круглые стекла очковъ блестѣли при свѣтѣ лампы.

— Опять ничего не понимаю!—воскликнулъ онъ и засмѣялся, причемъ его маленькое сморщенное личико покрылось еще болѣе мелкими складками.—Скажите толкомъ, что вамъ надо!.. Тш! Тамъ кто-то плачетъ!—сказалъ онъ вдругъ, прислушиваясь.

Они выбѣжали изъ комнаты. Въ сѣняхъ раздавался чей-то плачъ

и крикъ, и они увидѣли на порогѣ незнакомца, который держалъ въ рукахъ отбивавшуюся отъ него Рёсли и точно безумный цѣловалъ ея лицо и волосы. Его шляпа валялась на полу, а безбородая и безволосая желтая голова напоминала собою черепъ мертвеца. Наконецъ, онъ выпустилъ дѣвочку, которая бросилась къ Лаурѣ-Анаизѣ и, спрятавшись въ складки ея платья, продолжала плакать и кричать. Лаура-Анаиза увела ее съ собой. Это было настоящее бѣгство и еще долго за дверьми кухни раздавались рыданія и крики ребенка.

Логиновичъ принялъ воинственную позу. Онъ былъ багрово красенъ и ругался по-русски, а затѣмъ по-нѣмецки. Онъ кричалъ:—Вонъ! Вонъ! Чего тебѣ надо? Ты хочешь убить ребенка?

Незнакомецъ совершенно безучастно отнесся къ его словамъ. Онъ въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ и закрылъ глаза, казалось онъ вдругъ заснулъ.

Молодой русскій продолжалъ кричать на него, но вдругъ голосъ его понизился и онъ сказалъ уже другимъ, болѣе участливымъ тономъ: Вы больны? Что вамъ надо? Она не лечитъ мужчинъ, только женщинъ и дѣтей. Идите къ другому врачу.

Что-то дрогнуло въ изможденномъ, безкровномъ лицѣ посѣтителя и онъ съ трудомъ раскрылъ свои темные глаза. Взглядъ ихъ былъ тусклый и какой-то стеклянный.—Кто живетъ здѣсь?—прошепталъ онъ, точно спрашивая самъ себя и не ожидая получить отвѣтъ.

Логиновичъ пожалъ плечами и сострадательно засмѣялся:

— Тутъ живетъ много людей. А кого вы хотите видѣть?

— Тамъ на дверяхъ поставлено имя,—замѣтилъ незнакомецъ.

— Мало ли что? Имя тутъ ничего не значитъ. Такого тутъ нѣтъ.

Усталые глаза незнакомца сверкнули.

— Такъ, такъ, его нѣтъ! — сказалъ онъ. — А кто это говоритъ? Имя, вѣдь, стоитъ на дверяхъ. Это противорѣчіе, ео ipso, не такъ ли? Ахъ! Ахъ! Онъ умеръ?—незнакомецъ прищурился, словно ожидая услышать пріятное извѣстіе.—Мнѣ было бы интересно услыхать, что вы о немъ знаете. Видѣли ли вы его мертвымъ, господинъ... не знаю вашего имени.

— Логиновичъ,—проговоривъ русскій.—Что вамъ нужно? Я не понимаю! Умеръ онъ или только отсутствуетъ, — я о немъ ничего не знаю. Меня это не интересуетъ.

— Отсутствуетъ? Вы сказали отсутствуетъ, г. Логиновичъ? Но гдѣ же онъ? Меня это интересуетъ, ради Бога, скажите, гдѣ?

Логиновичъ невольно отодвинулся, когда незнакомецъ обратилъ на него свой пытливый, угрожающій взоръ.

— Мы не знаемъ. Меня это не касается. Можете спросить ее... а теперь уходите!

Онъ открылъ двери, приглашая его выйти.

— Куда? — спросилъ незнакомецъ, вздыхая. Онъ выпрямился и

снялъ свои новыя желтыя лайковыя перчатки.—Я подожду. Я, вѣдь, долго ждалъ. Или вотъ что: ее, вѣдь, можно вызвать. Скажите, г. Логиновичъ, что пришелъ родственникъ. Преемника у него нѣтъ? Или, можетъ быть, вы преемникъ? Нѣтъ! Нѣтъ! Вы говорите, она въ клиникѣ, г. Логиновичъ? Въ какой клиникѣ? Я тоже зналъ клиники; частенько бывалъ тамъ, да, да... Вы видѣли его мертвымъ? Нѣтъ? И нѣтъ преемника? Удивительно! Я былъ увѣренъ, что слышалъ это... Можете вы мнѣ дать стаканъ воды. Я ужасно усталъ. Разговоръ утомляетъ меня, но это такое наслажденіе, истинное наслажденіе! Благодарю случай за такое пріятное знакомство.

Онъ, видимо, дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы держаться на ногахъ, и, охая, вытиралъ крупныя капли пота, выступавшія у него на лбу.

— Дайте мнѣ стулъ, а то я упаду,—сказалъ онъ.—Увѣряю васъ мнѣ было пріятно увидѣть васъ. Сначала я думалъ, что вы преемникъ, но нѣтъ, вы, пожалуй, слишкомъ молоды. Я могу сидѣть, гдѣ вамъ угодно. Въ пріемной стоитъ теперь письменный столъ и книжныя полки .. Это, вѣдь, сейчасъ можно видѣть. Живете тутъ очень пріятно? Гм... Да, да, но я настоятельно прошу васъ, г. Логиновичъ, сходите за ней. Какъ можно скорѣе. Это, должно быть, женская клиника, само собою разумѣется! Скажите ей, что родственникъ. Скажите ей: отецъ, который поцѣловалъ своего ребенка. Да, г. Логиновичъ, вы это видѣли... это! Отецъ, цѣлующій своего ребенка. Вѣдь вы ничего другого и не подумали? Позвольте мнѣ представиться вамъ.

Онъ торопливо вытащилъ футляръ съ карточками и, доставъ оттуда одну изъ нихъ, держалъ ее своими длинными, костлявыми, бѣлыми пальцами передъ Логиновичемъ. Тотъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами и думалъ въ это время, къ какому клиническому случаю его можно отнести.

— Узнайте, кто я, г. Логиновичъ,—сказалъ посѣтитель глухимъ, театральнымъ тономъ.—На порогѣ своего стараго счастья, — онъ громко всхлипнулъ,—на порогѣ своего стараго счастья стоитъ человѣкъ, который имѣлъ несчастье оскорбить современные предразсудки и за это ему разорвали сердце!—Онъ застоналъ и началъ громко и неудержимо рыдать. Его измученное лицо, взглядъ, полный упрека и обвиненія, и жестъ руки, поднятой кверху, звукъ его голоса, все это производило странное впечатлѣніе, казалось вмѣстѣ истиннымъ и фальшивымъ, безыкусственнымъ и въ то же время заученнымъ, естественнымъ и ложнымъ.

— Вы не артистъ ли?—вырвалось у изумленнаго Логиновича.

Логиновичъ пошелъ въ клинику за Іозефиной. Лаура-Анаиза не показывалась, Рёсли не отпускала ее отъ себя.

Песокъ снаружи заскрипѣлъ и вскорѣ послышались шаги по ка-

меннымъ ступенямъ крыльца. Незнакомецъ выпрямился. Онъ сидѣлъ у стола въ сѣняхъ и выпилъ цѣлый графинъ воды. Его знобило, а приближающіеся шаги только еще усиливали его тревожное состояніе. Онъ дрожалъ и, казалось, искалъ глазами куда бы скрыться, но все-таки остался сидѣть.

Іозефина пришла одна. Она открыла дверь ключомъ и вошла въ сѣни своими обычными твердыми шагами. Въ своей черной блузкѣ и маленькой темной шляпкѣ она казалась особенно моложавой и стройной. Ея тонкое личико точно свѣтилось. Въ рукахъ у нея былъ пакетъ книгъ и коробочка съ вишнями, которыя она купила въ городѣ. Завтра, вѣдь, рожденіе Рёсли!

Логиновичъ ее не встрѣтилъ.

Когда она увидѣла сидящаго за маленькимъ столикомъ худого, желтаго, лысаго человѣка, то осталась стоять какъ вкопанная, держа въ рукахъ принесенныя ею вещи. Только одинъ легкій стонъ вырвался изъ ея стѣсненной груди..

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Это длилось одно мгновеніе, показавшееся, однако, безконечно долгимъ. Іозефина хотѣла что-то сказать, но голосъ не повиновался ей. Она выронила книги на полъ.

Сидящій у стола какъ-то съежился и прошепталъ:

— Зефина, могу ли я здѣсь остаться?

Его голосъ заставилъ ее вздрогнуть и у нея въ глазахъ потемнѣло. Ей казалось, что передъ нею разверзлась мрачная, глубокая пропасть, и она боялась сдѣлать шагъ впередъ.

— Ты уже свободенъ?—спросила она, не узнавая своего голоса.— Зачѣмъ ты сидишь у дверей? Развѣ ты не хочешь войти?

Она говорила робко, охваченная смертельною тревогой. Но онъ не пошевелился, а только смотрѣлъ пристально на свою жену, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ.

— Зефина!—простоналъ онъ.—Дай мнѣ поѣсть! Я ждалъ цѣлый день, чтобы съ тобой поѣсть. У тебя есть хорошее вино? Посмотри, какъ я выгляжу! Взгляни на мои руки. Они мнѣ подарили четверть года, негодяи! Думали, конечно, что пусть я лучше у тебя подохну. Я уже годами страдаю диспепсіей. Найдется ли тутъ что-нибудь поѣсть? Гдѣ я могу прилечь. Я точно мертвецъ. Сюрпризъ не удался, ты не удивилась, Зефина, по крайней мѣрѣ, ты, я вижу, не была пріятно удивлена! Теперь скажи мнѣ, кто этотъ дуралей, который тутъ разыгрываетъ хозяина? Онъ хотѣлъ меня выгнать, этотъ парень! А эта миленькая дѣвушка, кто она? Все чужое, все! Охъ!

Онъ поникъ головой и застоналъ...

— Я долженъ лечиться, пройти правильный курсъ леченія... Ну, конечно, ты не станешь закалывать тельца ради меня, Зефина? Само собою разумѣется! Тутъ живутъ у тебя поляки... Пхе! У тебя нѣтъ вина? Вѣдь мы должны же отпраздновать наше свиданіе, жена? Есть

у тебя деньги? Они меня выставили на улицу съ пятидесятью франками. Остальное все тамъ разошлось. Но все заработано мною да еще какъ! Пхе!

Онъ сплюнулъ на полъ точно извощикъ и угрюмо засмѣялся, потомъ съ трудомъ поднялся и какъ-то сбоку, робко поглядѣлъ на Іозефину.

— Къ кому я пришелъ, скажи, жена? Ты не хочешь меня? Не хочешь протянуть мнѣ руку, привѣтствовать меня? Радость была слишкомъ велика, да, Зефина? Ну, мнѣ все равно! Я не требую такъ много. День и ночь, каждую минуту, каждую секунду я молился только объ одномъ, объ одномъ: дожить до свиданія, лишь бы дожить до него! А что потомъ будетъ—молчаніе. Ну вотъ теперь мы увидѣлись, увидѣлись и...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько колеблющихся шаговъ къ дверямъ, охая, какъ дряхлый старикъ.

— Фарисеями обвиненъ, фарисеями осужденъ, фарисеями наказанъ и собственною... собственною... единственною и горячо любимою... до безумія любимою... всегда... собственною женой отвергнутъ!

Ноги у него подкосились. Онъ уперся лбомъ въ стѣну.

— Куда! Куда!—всхлипнулъ онъ.—Не протянула даже руки! Не поздоровалась! Боже, сжалься надо мной!

Іозефина, наконецъ, подошла къ нему. Ея руки дрожали, дыханіе у нея сперло, и голосъ звучалъ холодно, но мягко.

— Ты все получишь, Георгъ,—сказала она.—Отецъ недавно прислалъ вина. Черезъ полчаса будетъ приготовленъ ужинъ. Ты хорошо заснешь послѣ напряженія силъ; ты оправишься. Слова не нужны, ты знаешь, вѣдь, какая я!

Онъ повернулся къ ней. Глаза его были мокры отъ слезъ, и лицо судорожно подергивалось.

— Видитъ Богъ, я буду жить теперь какъ слѣдуетъ,— сказалъ онъ жалобно.—Милость снизошла на меня, душа моя проснулась. Заря занимается. Мы еще будемъ счастливы, Зефина!

Вдругъ его лицо побѣднѣло какъ полотно, носъ заострился и онъ упалъ въ обморокъ.

Лаура-Анаиза помогла Іозефинѣ отнести безчувственнаго Георга на постель Германа. Онъ былъ такъ легокъ, что онѣ обѣ испугались, когда подняли его. Красивая дѣвушка съ отвращеніемъ посмотрѣла на лежащаго, покачала головой и съ печальнымъ видомъ поцѣловала Іозефину въ щеку.

— Да... но...—начала было она, но Іозефина сдѣлала ей знакъ, чтобы она молчала.

— Смотри, какъ онъ боленъ,—сказала она предостерегающимъ тономъ.—Говорилъ онъ съ тѣмъ? Называлъ себя?

Ея взоръ затуманился и она почувствовала, какъ состраданіе медленно прокрадывалось ей въ сердце, согрѣвая ея похолодѣвшую кровь.

— Держи его руки повыше, Лаура-Анаиза! Положи подушку ему подъ ноги!

Она оттирала его, дала эфиру и сдѣлала все, что нужно было дѣлать въ такихъ случаяхъ. Вначалѣ она была только врачомъ, но постепенно къ ней вернулись другія чувства. Она сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы взглянуть на него, и заставила себя погладить его холодный, влажный лобъ.

— Молчи! Молчи еще!—молила ея душа.—Еслибъ ты молчалъ, я была бы другая.

Она старалась всѣми силами привести его въ чувство, но въ то же время въ душѣ желала продлить его безсознательное состояніе, чтобы имѣть возможность жалѣть его, оплакивать его, чтобы не быть вынужденной ненавидѣть его.

Когда онъ молчитъ, то говорятъ за него его впалые виски, безкровныя губы, восковыя уши, все его исхудалое, измученное долгимъ заключеніемъ тѣло, и она чувствовала, что этимъ рѣчамъ она не можетъ противиться, что онѣ проникаютъ въ ея душу и она сознаетъ, что она человѣкъ.

Когда онъ говоритъ: «Кто это такой?» вертится въ мозгу назойливая мысль. «Что мнѣ за дѣло до него? Уходи отъ меня, чужой человѣкъ; у меня нѣтъ ничего общаго съ тобой!»

Глубокое чувство отвращенія, брезгливости охватывало ее при звукѣ его голоса и она думала, ошеломленная ужасомъ:

«Если-бъ онъ упалъ мертвый къ моимъ ногамъ, то я бы ничего не почувствовала!»

Но когда онъ упалъ къ ея ногамъ, не мертвый, но блѣдный, какъ мертвецъ, въ глубокомъ обморокѣ, то чувство человѣчности снова вернулось къ ней.

Въ то время, какъ она заботилась о немъ, она снова видѣла передъ собою только страдающаго, измученнаго человѣка и съ серьезною, чисто-материнскою улыбкою на устахъ она привѣтствовала его первый сознательный взглядъ и могла держать въ своихъ рукахъ его дрожащія руки и позволить ему выплакаться на своей груди.

Несчастнымъ также овладѣло странное волненіе: онъ молчалъ и плакалъ, плакалъ неудержимо, точно хотѣлъ излить ей въ сердце всѣ свои слезы, молча высказать ей свое горе. И то, что минуту тому назадъ казалось Іозефинѣ совершенно невозможнымъ, то случилось. Въ молчаніи и слезахъ къ нимъ вернулась часть прежняго общенія и въ душѣ женщины проснулся весь ея сильный инстинктъ покровительства, заступничества, когда она держала въ своихъ рукахъ жалкаго, опозореннаго человѣка. Сердце ея согрѣлось, глаза прояснились, и лицо приняло то самое просвѣтленное выраженіе, которое казалось такимъ страннымъ ея отцу. Жалкій человѣкъ смотрѣлъ на нее съ тоскою и тревогою. Онъ высвободилъ свою голову изъ ея рукъ и простоналъ:

— Never! Never! Never! *).

Но она, вся ѣще подъ вліяніемъ своего материнскаго инстинкта, не поняла его отчаяннаго возгласа. Она засмѣялась, засмѣялась, какъ мать смѣется своему больному ребенку, серьезно, ласково, но съ чувствомъ превосходства.

— Ты выздоровѣешь,—сказала она ему, утѣшая его и чуть-чуть прикоснувшись къ его влажному лбу своими губами, спокойно отстранила его протянутыя къ ней руки.

— Если бъ только ты былъ въ состояніи работать,—прибавила она.—Усни немного; скоро будетъ готовъ ужинъ.

И она оставила его, несмотря на его протесты.

Германъ, мокрый и грязный, хотѣлъ проскользнуть въ свою комнату, мимо матери, но она увидѣла его.

— Опять былъ на озерѣ!—сказала она шопотомъ.—Они тебя принесутъ когда-нибудь мертвымъ сюда, мальчуганъ. Ты уже побывалъ въ водѣ, кажется мнѣ,—прибавила она, трогая его мокрое платье.

Онъ строптиво вырвался у нея изъ рукъ:

— Я тамъ не былъ!—сказалъ онъ.

— Не былъ на озерѣ, Германъ?

— Нѣтъ!

— Гдѣ же ты былъ?

Онъ зѣвнулъ, откинулъ назадъ пряди своихъ бѣлокурыхъ волосъ и проговорилъ:

— Ахъ, что это!

— Ты лжешь?—замѣтила мать и посмотрѣла ему въ лицо.

— Пускай!—возразилъ мальчикъ упрямо.

— Ты пилъ вино, я слышу запахъ!—возразила Іозефина, схвативъ его худую руку.—Развѣ ты не знаешь, что это тебѣ вредно?

— Превосходно знаю это; ты достаточно часто проповѣдывала мнѣ это,—проворчалъ тринадцатилѣтній мальчуганъ.

— Отчего же ты не слушаешься, Германъ? Ты знаешь, что ты нехорошій мальчикъ.

— Возможно!

— Это не отвѣтъ! Говори, какъ слѣдуетъ, безпутный мальчишка!

Онъ посмотрѣлъ на нее исподлобья и сказалъ:

— Мать, ты такъ умна; всѣ говорятъ, что ты умна, такъ развѣ ты не знаешь, что нельзя быть хорошимъ?

— Какъ такъ нельзя? Почему?

— Потому что слишкомъ трудно. Очень просто!

Іозефина почувствовала, какъ ее кольнуло въ сердце.

— Да, это трудно,—сказала она тихо и вдругъ склоняя голову,—но... надо пытаться, Германъ, всегда надо пытаться!

*) Никогда! Никогда! Никогда!

— Я также пытаюсь, каждый день, и поэтому мнѣ это надоѣло.

Іозефина крѣпко стиснула его маленькую, худую, грязную ручку и потащила его за собою въ свою комнату. Это была прежняя маленькая пріемная, теперь наполненная книгами. Въ ней стоялъ письменный столъ и умывальникъ.

— Я хочу сказать тебѣ кое-что, Германъ. Говори тихо; въ домѣ есть больной.

Ея шопотъ, ея настойчивость испугали мальчугана. Онъ хотѣлъ вырваться и убѣжать, но она повернула ключъ въ замкѣ и стала спиною къ двери. Въ комнатѣ было такъ темно, что они почти не видѣли другъ друга.

— Германъ, папа вернулся, но онъ боленъ и мы не должны его тревожить. Слышишь?

Мальчикъ подпрыгнулъ въ темнотѣ и ощупью приблизился къ матери.

— Папа?—переспросилъ онъ.

— Ну да. Только онъ чувствуетъ себя нехорошо. Не надо его ни о чемъ разспрашивать, не надо его мучить, понимаешь?

— Изъ Африки?—спросилъ послѣ минутнаго молчанія мальчуганъ, страннымъ, подозрительнымъ и почти насмѣшливымъ тономъ.—Или откуда?

«Что онъ могъ слышать? Какими словами уже отравлено его слабое сердце?» подумала съ тоскою мать.

Она чувствовала какую-то злую, враждебную силу, которая отдаляла отъ нея этого богато одареннаго, но лишеннаго внутреннихъ устоевъ мальчика. Въ немъ было что-то такое, что мѣшало ея вліянію, легко раздражало ее и часто огорчало.

— Отъ тебя требуется послушаніе и разсудительность,—сказала она болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣла.—Ты достаточно великъ, чтобы знать, что о многихъ вещахъ на свѣтѣ умалчиваютъ. Твой отецъ пережилъ много дурного, его надо поберечь и онъ долженъ найти около себя добрыхъ дѣтей, которыя будутъ стоять на его сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ людей, которые съ нимъ дурно обращались.

Германъ помолчалъ съ минуту, какъ будто раздумывая о чемъ-то, потомъ вдругъ пробурчалъ, какъ бы съ упрекомъ:

— Но вѣдь ты поклялась однажды, что папа въ Африкѣ, а между тѣмъ въ классѣ говорятъ...

— Довольно!—прервала его мать.—Стыдись повторять то, что болтаютъ наглые уличные мальчишки. Самъ старайся поступать хорошо, Германъ, это главное. Мы не имѣемъ никакого права судить или осуждать, мы не должны,—прибавила она, вздохнувъ.

— Но вѣдь я папу люблю больше всѣхъ на свѣтѣ!—возразилъ ей Германъ съ удивленіемъ.—А, можетъ быть, онъ хорошо знаетъ грече-

скій языкъ, мама? Въ будущемъ году мы начинаемъ учиться по-гречески... Вотъ было бы хорошо!

Восемь дней Іозефина продержала больного въ постели. Вначалѣ онъ противился, сердился и плакалъ и, обращаясь къ стѣнамъ, жаловался на возвращеніе, на свою судьбу, на свое существованіе, но постепенно сталъ спокойнѣе.

Іозефина проводила много времени у его постели, всегда, однако, оставаясь въ роли врача или сестры милосердія, терпѣливая и кроткая, но чужая. Германъ часто приходилъ къ отцу вмѣстѣ съ нею, но одного его она не пускала. Рёсли, однако, нельзя было убѣдить пойти хотя бы только поздороваться съ отцомъ. Она боялась человѣка, который съ такимъ бѣшенствомъ цѣловалъ ее и въ которомъ она не хотѣла признать отца. Она не сохранила объ отцѣ никакихъ воспоминаній и поэтому не хотѣла имѣть «папы». Она цѣплялась за платье матери, стараясь ее удержать, когда та отправлялась въ комнатку Германа, гдѣ лежалъ больной. Однажды она даже стала звать на помощь «дядю Хованессіана» и это былъ единственный разъ, что ея волненіе передалось ея матери... Въ общемъ же Іозефина давно уже не была такъ безнадежно спокойна, какъ теперь.

«Моя судьба рѣшена,—думала она.—Я родилась не для того, чтобы быть счастливой. Но я не хочу очутиться подъ ногами у другихъ. Я хочу быть наверху, пока дышу».

Крикъ ея ребенка, звавшаго исчезнувшаго человѣка, сильно взволновалъ ее. Но и надъ этимъ воспоминаніемъ прошла все сглаживающая волна.

«Я страдала выше человѣческихъ силъ, когда потеряла его,—сказала она себѣ.—Теперь я закалилась. Все, что бы ни произошло, въ сущности, вѣдь, безразлично».

Но потомъ у нея все-таки явилось стремленіе устроить свою жизнь какъ-нибудь, передѣлать ее рукою художника.

«Надо попытаться все устроить,—думала она.—Самое главное было бы найти Георгу какое-нибудь занятіе. Трудъ вылѣчитъ его, какъ вылѣчилъ меня. Я поговорю съ нимъ откровенно».

Однако, она раньше пошла къ Еленѣ Бегасъ.

— Ты съ ума сошла, милая Іози!—воскликнула Елена, изумленная и озадаченная.—Къ чему ты ломаешь себѣ голову! По моему тутъ существуетъ только одинъ выходъ: разводъ. Я не могу отъ тебя уѣхать, потому что жалѣю тебя и потому что тебѣ можетъ понадобиться имѣть возлѣ себя человѣка.

— Еще одинъ вопросъ: какъ ты будешь встрѣчаться съ Георгомъ, Елена? Надо, вѣдь, быть болѣе мягко чувствующей, Лени?—замѣтила Іозефина сухо.

Елена нѣсколько смутилась. Она покраснѣла, частью отъ гнѣва

частью отъ замѣшательства, потому что стыдилась своего благоразумія, которому Іозефина такъ мало придавала значенія.

— Ты имѣешь почти союзника въ Бернштейнѣ,—сказала Елена.—Мы съ нимъ уже поссорились изъ-за тебя и изъ-за него.

— Вы и такъ всегда ссоритесь,—замѣтила, смѣясь, Іозефина.—Значитъ въ Бернштейнѣ я увѣрена.

Однако у Бернштейна вытянулось лицо, когда Іозефина попросила его по возможности отдавать свой досугъ Георгу.

— Эхъ! Мой досугъ! Да откуда онъ у меня?—проворчалъ онъ.—Еще еслибъ мнѣ было интересно говорить съ этимъ человѣкомъ! Но у меня нѣтъ времени. Съ нимъ, какъ мнѣ кажется, надо немного поплакать вмѣстѣ, а у меня нѣтъ на это времени! Это печально, но это такъ. Что дѣлать! Ни у кого нѣтъ времени для больныхъ и несчастныхъ. Поэтому прошу, оставьте меня въ покоѣ, очень прошу, покорнѣйше прошу! Э!

Однако послѣдствіемъ этого было то, что Іозефина, возвращаясь домой, раза два заставала своего пріятеля Бернштейна у постели Георга. Но онъ тотчасъ же уходилъ, съ смущеннымъ видомъ, какъ только она входила.

— Думаю, что этотъ человѣкъ очень боленъ, — говорилъ Бернштейнъ мрачно Еленѣ Бегасъ.—Нервно-больной или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ужасно. Онъ не слушаетъ, что ему говорятъ, не интересуется ничѣмъ. Я спрашиваю его: «Чѣмъ вы хотите заняться? Не хотите ли выучиться русскому языку?» Онъ кричитъ на свою жену, что она нехорошая, что она ходитъ въ клинику, что она его совсѣмъ не любитъ, что онъ лучше готовъ сидѣть въ тюрьмѣ... Ужасно!.. А когда приходитъ его жена, то онъ говоритъ ей разныя глупости. Я просто не понимаю, какъ она можетъ выслушивать такія глупости, какія онъ говоритъ. Онъ жалуется, что его отравляютъ, нарочно колютъ булавками... Лаура-Анаиза хочетъ обжечь его чаемъ, дѣти на улицѣ воютъ точно собаки, это значитъ, что онъ умретъ! Его жена хочетъ, чтобы онъ умеръ, а онъ не хочетъ, и т. п. вздоръ. Онъ ненавидитъ Логиновича, я не знаю, почему. Я говорю: «Логиновичъ очень порядочный человѣкъ», а онъ кричитъ: «Нѣтъ, нѣтъ, онъ дурной!» И постоянно онъ говоритъ о добродѣтели, просто ужасно! Я спросилъ: «Гдѣ вы научились этой добродѣтели?»—«Тамъ, гдѣ я всему научился. Надо любить добродѣтель!» отвѣчаетъ онъ, и глаза его становятся совсѣмъ бѣлыми отъ ярости. Я говорю: «Я думаю, что надо заняться чѣмъ-нибудь положительнымъ! Можетъ быть, у васъ есть охота учиться русскому языку?» Онъ складываетъ руки, вотъ такъ, и говоритъ: «Ты меня не любишь? Хорошо! Ты увидишь, увидишь!» Иногда это меня интересуетъ, но порою мнѣ это наскучаетъ и притомъ, вы знаете, у меня нѣтъ времени.

Потомъ Бернштейнъ пересталъ ходить къ Георгу, и тотъ, повидимому, не замѣчалъ его отсутствія.

Логиновичъ перебрался на другую квартиру, уже потому, что мѣста не было, такъ какъ семья увеличилась однимъ человѣкомъ. Съ удивленіемъ замѣтилъ онъ, что Іозефина холодно разсталась съ нимъ. Отвращеніе къ нему Георга передалось, какъ видно, и его женѣ. Она отдалялась отъ каждаго, кто сознательно или безсознательно могъ обидѣть больного. А между тѣмъ, изъ всѣхъ людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ несчастнымъ, только одинъ человѣкъ непрестанно мучилъ его, раздражалъ, огорчалъ, доводилъ до отчаянія—это была именно Іозефина.

Она отчасти понимала, почему, но не хотѣла признавать это, отстраняя всякое размышленіе объ этомъ пунктѣ, какъ нѣчто отвратительное, унизительное, позорное. Съ такимъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ какимъ тогда, въ тотъ вечеръ, когда онъ вернулся, она отстранила его руки, обнявшія ее, оттоняла она отъ себя и всѣ размышленія о чувствахъ или желаніяхъ Георга, обращенныхъ къ ней. Въ ея обращеніи со всѣми, даже съ отцомъ, вкрадывалось что-то абстрактное, безличное. Отецъ написалъ ей тотчасъ же по возвращеніи Георга. Его письмо было полно тревоги. Горячая отцовская любовь сквозила между разсудительными словами письма, точно нѣжная зеленая травка, пробивающаяся между каменьями мостовой, Іозефина отвѣчала ему такъ:

«Противъ ожиданія, все идетъ хорошо, дорогой отецъ. Георгъ, со времени своего возвращенія, уже прибавился на три фунта. Дѣятельность сердца у него стала правильнѣе и лучше, и кашель уже не такъ его мучитъ, какъ прежде. Легкія здоровы; съ этой стороны тревожиться нечего. Что настроеніе паціента все еще угнетенное—это вполнѣ понятно, но именно съ этимъ и надо будетъ бороться теперь. Георгъ долженъ заниматься какимъ-нибудь легкимъ физическимъ трудомъ, что подѣйствуетъ на него освѣжающимъ образомъ. Онъ ничего не читаетъ теперь; онъ какъ будто разучился читать и все думаетъ, что въ его состояніи это вредно. Пожалуйста, пришли твой токарный станокъ, маленькій, который тебѣ не нуженъ. Мои славные товарищи, какъ ты ихъ называешь—и вполнѣ правильно!—къ сожалѣнію разъѣхались. Цвики уѣхалъ въ Вѣну; дѣти очень жалѣютъ о немъ. Возможно, что я потеряю и Елену; когда она кончитъ свое ученіе, то, конечно, вернется въ Германію. Свои экзамены я не откладываю, дорогой отецъ, ты этого не бойся. Событія послѣднихъ недѣль именно и заставляютъ меня торопиться съ окончаніемъ ученія. Я не останусь ассистенткой, какъ ты предполагалъ, а тотчасъ же открою у себя пріемную для больныхъ. Трудъ для меня все!

«Твоя благодарная дочь Іози.

«PS. Сердечно благодарю за извѣстіе о томъ, что Улиссъ такъ пре-

красно развивается. Мое маленькое сокровище находится у тебя въ вѣрныхъ рукахъ. Я не могу теперь повидать его, на мнѣ лежитъ слишкомъ много. Его дѣтскія черты напоминаютъ тебя, мой отецъ, это для меня большая радость».

Старикъ Платтнеръ прочелъ это письмо, наморщивъ лобъ и качая головой. Онъ думалъ о томъ, что находилось между строкъ. Вопросы возникали у него въ головѣ, но они оставались безъ отвѣта, и даже то, что стояло между строкъ письма, не могло на нихъ отвѣтить. Но чувство щекотливости воспрещало ему подобные вопросы... Старый Платтнеръ покраснѣлъ до самаго корня своихъ сѣдыхъ волосъ.

Одно мгновеніе онъ думалъ даже самъ поѣхать въ Цюрихъ, отвезти станокъ и повидать Іозефину, но тотчасъ же отказался отъ этого плана. «Между ею и мною стоитъ этотъ человѣкъ,—думалъ онъ съ горечью.—Никогда больше я не переступлю ея порога!»

Потомъ онъ досталъ запыленный станокъ, стоявшій въ углу, и цѣлыхъ полдня провозился, приводя его въ порядокъ. Сердито счищалъ онъ ржавчину, и его гнѣвъ все возрасталъ. «Для кого? Богъ мой, для кого!—ворчалъ онъ, вытирая потъ съ лица.—Вѣдь эдакая упрямая женщина! И вертитъ мною, вертитъ своимъ старымъ отцомъ, точно ниткой! И ее слушаются, поистинѣ ее слушаются!»

Станокъ былъ уложенъ. Отправка его, однако, стоила дорого и вызвала хлопоты, такъ что Платтнеръ, возвращаясь домой, все еще продолжалъ сердито ворчать.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРИЗЫВЪ.

Изъ Маріи Конопницкой.

Не приходи, мой другъ, ко мнѣ
Румянымъ утромъ мая;
Не приходи, мой другъ ко мнѣ:
Чужда тебѣ, какъ и веснѣ,
Моя тоска нѣмая.

Приди ко мнѣ въ холодный часъ,
Осеннимъ утромъ рано;
Приди ко мнѣ въ холодный часъ,
И небо пусть укроетъ насъ
Плащомъ изъ волнъ тумана.

Не приходи ко мнѣ, мой другъ,
Когда я жажду боя;
Не приходи ко мнѣ, мой другъ,
Когда цвѣты цвѣтутъ вокругъ,
И слышенъ звонъ прибоя.

Приди, когда послѣдній сонъ
Сомкнетъ мнѣ тихо очи;
Приди, когда послѣдній сонъ
Задушитъ мой предсмертный стонъ
Въ затишьи черной ночи.

Приди въ пріютъ безмолвныхъ думъ
И тишины унылой;
Приди въ пріютъ безмолвныхъ думъ,
Гдѣ слышенъ хмурыхъ сосенъ шумъ
Надъ свѣжею могилой...

Е. Чернобаевъ.

БУНТЪ.

(*Окончаніе* *).

V.

Какъ у громаднаго большинства мужчинъ любовь начинается съ абсолютно физическаго влеченія, такъ у женщинъ она проявляется идеализаціей достоинства мужчины. И чѣмъ женщина болѣе угнетена и обижена нравственно, тѣмъ больше склонна она къ идеализаціи и любви. Если женщины дурного поведенія рѣдко любятъ искренно, то это только оттого, что мужчины подходятъ къ нимъ такъ, что не остается мѣста ни для какого чувства, кромѣ самаго грубаго ощущенія. И у тѣхъ изъ нихъ, которымъ не пришлось любить до своего паденія, именно послѣ него способность къ идеализаціи и любви выростаетъ въ болѣе чистомъ и сильномъ видѣ, чѣмъ у т. н. порядочныхъ женщинъ, ожидающихъ себѣ мужа постоянно и постоянно треплющихъ свою душу въ попыткахъ любить.

Какъ только студентъ принялъ живое, человѣческое участіе въ Сашѣ,—такое, какого ей недоставало въ жизни, такъ сейчасъ-же забитая потребность любви вспыхнула въ ней съ захватывающей силой и вылилась въ безконечно покорное обожаніе этого человѣка, какъ самаго лучшаго въ мірѣ. Все въ немъ, отъ голоса, прически, мундира, до смысла словъ и поступковъ, казалось Сашѣ невыразимо прекрасно, благородно и вызывало въ ней сладкій, умиленный, всю душу вытягивающій восторгъ.

Въ пріемную она вошла, шатаясь, какъ пьяная, все съ тѣмъ же безсмысленно-блаженнымъ лицомъ, почти не слыша, что выговариваетъ ей надзирательница.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Вы, кажется, воображаете, что васъ взяли сюда исключительно для вашего удовольствія? Для своихъ любвей можно было и не покидать... вашего пре-

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1904 г.

лестнаго института!—со злобой и насмѣшкой кричала надзирательница.

Въ пріемной по прежнему было много людей, и они опять мелькнули, какъ-то не попавъ въ сознаніе Саши, но когда она уже была въ дверяхъ, раздался такой дикій крикъ, что Саша остановилась, какъ вкопанная.

Все поднялось и засуетилось.

— Подлецъ ты! Подлецъ!—истерически кричала худая и блѣдная, съ отвисшимъ толстымъ животомъ, Полынова.

Ея жидкіе волосики водянистаго цвѣта растрепались, голубая ленточка свалилась на лобъ, а лицо пошло красными пятнами. Въ рѣшительномъ изступленіи она всѣмъ тѣломъ кидалась на приземистаго мужчину въ черномъ сюртукѣ и все вытягивала длинные крючковатые пальцы къ его черноватому лицу съ бѣгающими бойкими глазами. Мужчина въ сюртукѣ слегка отстранялъ ее локтемъ, но вовсе не смущался, хотя и притворялся смущеннымъ, и даже какъ будто былъ радъ скандалу.

— Полегче, полегче-съ... потише, Авдотья Степановна! Помилуйте-съ.. здѣсь не полагается!—насмѣшливымъ говоркомъ произносилъ онъ, отступая къ двери.

— Извергъ!

— Что? Что у васъ такое? Это что за безобразіе? Полынова! Какъ вы... молчать!...—кидаясь къ нимъ, закричала надзирательница.

— Не могу я молчать!—отчаянно завопила Полынова.—Онъ... онъ меня погубилъ, проклятый! Онъ мнѣ самъ говорилъ: „брось эту жизнь, я тебя обзаконю“... деньги взялъ!

— Какія деньги?—вскинулась надзирательница.

Вокругъ стѣснилась толпа, многіе даже на стулья повставали, чтобы лучше видѣть.

Мѣщанинъ въ сюртукѣ немного смутился, носъ у него закраснѣлъ, а глаза забѣгали низомъ.

— Это такъ можно все говорить!—пробормоталъ онъ, оглядываясь кругомъ исподлобья.

— Какія деньги... Мои!.. кровныя триста рублевъ! Какъ одна копеечка...—хлипающимъ голосомъ и все нелѣпо шевеля пальцами передъ лицомъ мѣщанина, точно желая вцѣпиться ему въ бороду, которая была скверно выбрита, вопила Полынова.

— Онъ взялъ у васъ триста рублей? Когда?

Въ толпѣ послышались и смѣющіеся, и негодующіе голоса.

— Онъ, проклятый... жениться обѣщалъ... съ тѣмъ и деньги взялъ! Ты, говоритъ, въ исправительное, чтобы скверну... скверну очистить... а я на эти деньги торговлю... а опосля... Обманулъ!—вдругъ пронзительно закричала Полынова и какъ-то сразу, всплес-

нувъ руками, какъ мѣшокъ, осѣла на полъ къ ногамъ обступившихъ людей.

— Ай, батюшки!

— Вотъ такъ исторія!

— Ты-жъ это что же, голубчикъ!—беря мѣщанина почти за воротъ чернаго сюртука, съ сердитой веселостью спросилъ полный, хорошо одѣтый, съ пушистой, свѣтлой бородой господинъ, тотъ самый, который пришелъ къ Ивановой.

Мѣщанинъ злобно оглянулся и вывернулся движеніемъ скользкихъ тонкихъ лопатокъ.

— Вы не хватайтесъ!—угрожающее пробормоталъ онъ.—Я за ихъ поклепы не отвѣтственъ... Жениться я, можетъ, и точно хотѣлъ... Это что говоритъ... потому какъ питалъ я такое чувство... А... всѣ, значитъ, смѣются: ты на такой женишься!... Мы тоже при своемъ самолюбіи... Намъ тоже не желательно!..

Полынова, сидѣвшая на полу съ тупымъ и ошалѣвшимъ взглядомъ, вдругъ сорвалась и изо всей силы вцѣпилась въ полу его сюртука, но мѣщанинъ ловко отскочилъ и Полынова звонко шлепнула худыми ладонями по гладко крашенному полу.

— Прокл...—прохрипѣла она, стоя на четверенькахъ.

— Да деньги-то ты взялъ?—настаивалъ господинъ съ бородой.

Но мѣщанинъ вдругъ нахорохорился.

— А вамъ что?—вызывающе ухмыльнулся онъ.—Вы видѣли? А не видѣли, такъ и соваться нечего!.. Да если бы и отдали онѣ свой капиталъ... кому, такъ въ томъ ихъ добрая воля была... Какъ любимши, я имъ, можетъ, больше, чѣмъ на триста рублевъ, денегъ переносилъ...

— Врешь, врешь, подлецъ!—захрипѣла, теряя голосъ Полынова.—Самъ съ меня тянулъ... проклятый!..

Вдругъ она замолчала, стиснула зубы и уставилась на всѣхъ такимъ страннымъ, наивно-удивленнымъ взглядомъ, что отъ нея отшатнулись и даже мѣщанинъ опасливо замолчалъ.

— Чего ты?—спросила Иванова наклоняясь.

Зубы Полыновой стучали, она судорожно разводила руками по полу и вдругъ ухватилась за животъ и заричала тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Да она рожаетъ!—крикнулъ кто-то и совершенно глупо захихикалъ.

Сразу всѣ заговорили и задвигались. Послышались совѣты, сожалѣнія, и кто то побѣжалъ зачѣмъ то за водой. Господинъ съ бородой хотѣлъ опять захватить за шиворотъ мѣщанина, но тотъ плюнулъ, надѣлъ шапку, тутъ же въ комнатѣ, и съ обиженнымъ видомъ пошелъ вонъ.

— Это ужъ Богъ знаетъ, что такое! — возмущенно бормоталъ онъ.

Подымавшійся снизу по лѣстницѣ дворникъ тупо посмотрѣлъ ему въ спину.

VI.

Къ вечеру, когда все мало-по-малу успокоилось, когда зажгли огонь и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Саша сидѣла на своей кровати съ хорошенькой Ивановой. Сюртукова опять, хоть и не полагалось спать раньше времени, тихо похрапывала, облокотившись головой на столикъ. Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, но по ея спинѣ Саша и Иванова чувствовали, что она ихъ слушаетъ. Кохъ въ дальнемъ углу шила что то у свѣчки. Было тихо.

— Мы въ этой палатѣ,—говорила Иванова, смѣясь одними глазами:—все „новенькія", которыя еще къ дѣлу не пристроены, а то у нихъ тутъ скоро... Даромъ кормить не будутъ...

— А вы какъ сюда, душенька, попали? — робко спрашивала Саша и сама удивлялась, какая она тутъ стала тихая и ласковая.

— Да такъ,—весело засмѣялась Иванова, встряхивая волосами:—надоѣло по улицамъ шляться... устала... Поживу тутъ, отдохну... Какъ къ работѣ приставятъ, уйду.

— Куда?—еще робче спросила Саша.

Ей было странно и даже непріятно слышать, что и отсюда уходятъ.

— Да куда... Туда, откуда и пришла!—звонко и нисколько не смущаясь отвѣтила Иванова.

Саша смотрѣла на нее съ недоумѣніемъ.

— Чего-жъ вы удивляетесь? Неужто-жъ мнѣ и вправду здѣсь исправляться?—дѣлая комически большіе глаза, спросила Иванова.

— А зачѣмъ же вы и пришли, какъ не для того.

— Да ужъ не за исправленіемъ!.. Богъ съ ними, что у нихъ святости отбирать... Самимъ имъ она очень пригодится... Васъ кто принялъ?

— Дама... красивая такая... брюнетка... не знаю...

— Фонъ-Краузе, — глухо отозвалась рябая, не поворачивая спины.

— То-то и есть,—засмѣялась Иванова, какъ показалось Сашѣ, даже радостно:—у этой Краузе любовниковъ не оберешься... а тоже... исправляетъ... Ну ихъ къ чорту... Всѣ они одинъ другого грѣшнѣй, коли правда, что есть грѣхъ на свѣтѣ!..

— Ну, — недовѣрчиво протянула Саша, но и пріятно ей было слышать и охотно вѣрилось этому.

— Вотъ и ну!.. Съ ихними же мужьями мы гуляемъ, пока онѣ насъ спасаютъ! У этой Лидки Краузе, что ни туалетъ, то и тысяча, а для спасенія... Ради мужчинокъ же одѣваются да оголяются, а что денегъ за это не берутъ, такъ только потому что свои есть! Спасаютъ... Было бы отъ чего!..

— Да какъ же,—застѣнчиво пожала плечами Саша.

— Что, какъ же?.. Лучше бы отъ голода да отъ тоски спасали, когда я въ магазинѣ платья шила, цѣлый то день спины не разгибая... за четыре рубля въ мѣсяцъ!—со страннымъ для ея мягкаго красиваго личика озлобленіемъ говорила Иванова.

— Я тоже въ магазинѣ была прежде,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила Саша.

Иванова помолчала.

— Исправляться... было бы хоть для чего,—заговорила она, глядя въ сторону:—ну, вотъ я исправлюсь... ну... а дальше что?

— Честная будете,—съ убѣжденіемъ проговорила Саша.

Иванова съ веселымъ озлобленіемъ всплеснула руками.

— Эхъ, радость!.. Да я тогда и была честная, когда голодала... Такъ отъ этой честности я и на улицу пошла!.. Потому всякому человѣку жить хочется, а не... Что-жъ, я скажу, правда— и на улицѣ не медъ, я и не радовалась, когда на улицу пошла... А все-таки... Я, вотъ говорятъ, хорошенькая! — улыбнулась Иванова.

— Очень вы хорошенькія—съ умиленіемъ сказала Саша.

— Вотъ... чудачка вы!.. Такъ, вѣдь, красота—даръ Божій, говорятъ... счастье... Что-жъ мнѣ съ этимъ счастьемъ такъ было и сидѣть да думать: сошью вотъ это, а тамъ надо юбку для офицерши перешить, а потомъ лифъ кончать, а потомъ еще... что принесутъ, а тамъ состарѣюсь, все лифы перешивать буду... такъ и до могилы... и въ могилѣ, должно быть, по привычкѣ пальцами шевелить буду... А тамъ на крестѣ хоть написать: честная была, честная померла, извините, что отъ этого никому ни тепло, ни холодно!.. Ха!

Саша молчала. Ей было грустно, точно померкло что, а въ то же время стало и легче на душѣ.

Иванова помолчала опять, а когда заговорила, то голосъ у нея былъ нѣжный и мечтательный.

— Я понимаю, если всю эту муку есть для кого терпѣть... или тамъ задача въ жизни какая есть... А намъ вѣдь только и радости въ жизни—нацѣловаться покрѣпче!..

— Будто?—отозвалась рябая такъ неожиданно, что Саша вздрогнула.

— Да, можетъ быть, у кого и другія радости есть, ну... и слава Богу—его счастье!—радуйся и веселись!.. А какая у меня, напримѣръ, или вотъ у нея, — показала она на Сашу, — или у Кохъ...

Кохъ опустила работу на колѣни и смотрѣла на нихъ тупо и скучно.

— А?

Рябая молчала.

— И кто отъ меня можетъ требовать, что-бы я, дурочка темная, свою одну радость—красоту и молодость засушила такъ... ради спасенія одного? Ты мнѣ укажи, для чего, для кого, дай такое, чтобы я отъ спасенія моего такъ вотъ прямо и радость почувствовала, чтобы мнѣ, спасшейся, жить легче стало! Вотъ... Такихъ, чтобы такъ, для Бога, вериги носили, можетъ, на всемъ свѣтѣ два, три, да и тѣ не здѣсь, а гдѣ-нибудь на Аѳонѣ спасаются... А всѣмъ...

Въ это время отрывисто звякнулъ и задребезжалъ колокольчикъ въ корридорѣ.

И сейчасъ же Кохъ встала, аккуратно сложила шитье и стала стелить постель. Проснулась и Сюртукова, и рябая тоже встала потягиваясь.

— Ну, вотъ и бай-бай!—засмѣялась Иванова.—Черти, электричества жалко!

— А мнѣ спать-то еще не охота,—не понявъ, сказала Саша:—посидите, душенька.

Иванова съ насмѣшкой на нее посмотрѣла.

— Не охота!.. Мало ли чего не охота!.. Такой тутъ порядокъ. Что, не нравится? Ложитесь, ложитесь, а то Корделія наша придетъ!..

— Чего?—не разобрала Саша.

— Корделія, Корделія Платоновна... надзирательница наша,—пояснила Иванова.

— Пора спать,—сказала въ дверяхъ скрипучая дама.

— Сейчасъ,—вяло отозвалась Иванова.

Черезъ минуту уже всѣ лежали подъ несгибающимися твердыми одѣялами. Кохъ сейчасъ же захрапѣла.

— Ишь, дьяволъ добродѣтельный!—со злостью сказала о ней Иванова.—Ско-олько въ ней этой самой добродѣтели!

Электричество разомъ потухло. Раскалившаяся дужка еще краснѣла въ темнотѣ, и слышно было слабое придушенное сипѣніе.

А когда это сипѣніе затихло и воцарилась совсѣмъ мертвая тишина, робкій голосъ, который самой Сашѣ показался страннымъ, произнесъ во мракѣ:

— А если у меня есть для чего... это самое?..

— Дура!—отозвался съ непоколебимымъ презрѣніемъ сиплый и глухой басъ.

VII.

Саша притихла. Опять по давешнему черезъ окна падали на потолокъ полосы колеблющагося свѣта, было темно и тихо.

Саша смотрѣла въ темноту подъ сосѣдней кроватью, а передъ нею роемъ кружились и плавали лица, образы и мысли дня. И уже совершенно опредѣленно и понятно ей дорогимъ выплывалъ образъ студента Дмитрія Николаевича.

„Имячко какое милое, — думала Саша: — Митя... Митенька... А что-жъ, и правда: всѣ мы одинаковыя... и та, что по-французски смѣялась, и Полынова... все одно! У каждаго грѣхъ есть и каждый можетъ свой грѣхъ передъ Господомъ замолить, передъ людьми исправиться... Ну, и была дѣвкой... что-жъ... буду честная, какъ всѣ... не грѣшнѣй! И коли онъ меня и вправду любитъ...“

„А любитъ?“—вдругъ съ испугомъ спросила она себя и поблѣднѣла.

„Не любилъ, такъ и не хлопоталъ бы!.. А можетъ изъ жалости?.. Нѣтъ, самъ говорилъ, что цѣны мнѣ нѣтъ, что—красавица... А что дѣвкой была, такъ я слезами то отмою... кровавыми... А ужъ какъ я любить буду... Миленькій мой, красавчикъ мой золотой!“

И поплыло что-то свѣтлое, радостное. Темнота наполнилась золотыми искорками и кругами, они сбѣжались и разбѣжались, разлилось золотое море. На глаза набѣжали слезы; Саша смаргнула ихъ и все думала, не отрываясь. Все существо ея переполнилось горячимъ чувствомъ безпредѣльной любви и могучаго желанія счастья. Вся она дрожала мелкой дрожью отъ безсознательной силы, красоты и молодости.

Было темно и тихо, и во всемъ громадномъ мірѣ для Саши было только двое: она сама и человѣкъ, котораго она любила. И не было больше ни раскаянія, ни страха передъ людьми, которые что-то старались съ ней сдѣлать, не было прошедшаго, а было только желаніе счастья.

VIII.

На другой день Сашу перевели въ женскую частную лечебницу, куда набирали сидѣлокъ откуда угодно, потому что трудъ ихъ былъ тяжелъ и опасенъ и не давалъ ни радости, ни денегъ.

А дня черезъ три Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ ѣхалъ

на извозчикѣ въ эту лечебницу. Ему было холодно и почему-то досадно. Всегда онъ посѣщалъ кафе-шантаны, трактиры, биллiардныя и публичныхъ женщинъ, но никто не интересовался его частной жизнью, а исторія съ Сашей вдругъ стала извѣстна всѣмъ и всѣхъ заинтересовала. Тотъ самый господинъ, пожилой чиновникъ, котораго онъ просилъ за Сашу, съ удовольствіемъ разсказалъ объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Узнали и его родные. Они были такіе воспитанные въ извѣстномъ направленіи люди, что не сказали ему, и онъ зналъ, что не скажутъ, ни одного слова, но по страдающему лицу матери, по тревожно-любопытнымъ взглядамъ сестры и тому дурному, сосредоточенному молчанію, которое внезапно воцарялось при его появленіи, Дмитрій Николаевичъ видѣлъ, что имъ все извѣстно, и что онѣ недовольны имъ. А всего непріятнѣе было Дмитрію Николаевичу то, что надъ нимъ начали подшучивать товарищи, и, несмотря на свои убѣжденія, онъ чувствовалъ, что это достойно шутки. Конечно, если бы съ нимъ стали спорить, онъ совершенно справедливо отвѣтилъ бы, что не только не смѣшно, но даже очень хорошо, что онъ помогаетъ человѣку выбиться изъ дурной жизни, что это по-христіански, что такъ и слѣдуетъ поступать. Но въ то же время онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто къ нему прилипло что-то грязное и пошлое.

„Надо непремѣнно кончить эту глупую исторію!“—думалъ Дмитрій Николаевичъ, хватаясь за сидѣнье, когда санки забѣгали на поворотахъ.

Оттого, что погода была хороша, свѣтла и морозна здоровымъ, бодрящимъ морозцемъ, всѣ люди имѣли веселый и бойкій видъ, и такой же видъ былъ у самаго Рославлева. Но ему казалось, что въ немъ есть и всѣмъ видно что-то дурное.

„А какъ она мнѣ руку... тогда!“—съ неопредѣленнымъ чувствомъ жалости и сознанія, что онъ былъ достоинъ этого, подумалъ Дмитрій Николаевичъ.

Больница была совсѣмъ старое, мрачное, облупленное зданіе. Старый швейцаръ, почему-то пахнущій канифолью, отворилъ дверь Рославлеву и принялъ его шинель.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ, шамкая.—Нынче пріема нѣтъ.

— Знаю, знаю,—заторопился Дмитрій Николаевичъ.—Я по дѣлу, мнѣ нужно видѣть сидѣлку Козодоеву.

— Такой у насъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ и полѣзъ доставать съ вѣшалки его шинель.

Дмитрій Николаевичъ испуганно придержалъ его за рукавъ.

— Она недавно, вы, можетъ быть, не знаете!

— А можетъ и то,—равнодушно отвѣтилъ швейцаръ.—Вы наверхъ пройдите, тамъ скажутъ.

Дмитрій Николаевичъ торопливо поднялся по широкой, но темной лѣстницѣ.

Швейцаръ что-то пробормоталъ.

— А, что?—поспѣшно переспросилъ Дмитрій Николаевичъ, останавливаясь съ приподнятой на ступеньку ногой.

— Много у насъ ихъ тутъ, говорю, всѣхъ-то не упомнишь,— повторилъ швейцаръ равнодушнѣе прежняго.

— Ну, да... конечно,—торопливо согласился Дмитрій Николаевичъ, осклабляясь.

И улыбка у него вышла какая-то подобострастная.

„Чортъ знаетъ, что такое!—съ мукой въ душѣ подумалъ онъ, поднимаясь дальше.—Я, кажется, начинаю бояться всѣхъ... Точно я сдѣлалъ что-то такое, за что у всѣхъ обязанъ прощенія просить. А вѣдь я очень хорошо сдѣлалъ... лучше всѣхъ сдѣлалъ!..“

Онъ прошелъ три площадки и на четвертой столкнулся съ Сашей.

Она видѣла въ окно, какъ онъ подъѣхалъ, и съ замирающимъ сердцемъ, радостно испуганная выбѣжала навстрѣчу.

И оба они покраснѣли разгорѣвшимся молодымъ румянцемъ.

— Не ждали?.. Здравствуйте,—сказалъ тихо, точно заговорщикъ, Дмитрій Николаевичъ.

Онъ почему-то ждалъ, что Саша, какъ и въ первый разъ, заробѣетъ, но Саша легко и радостно взглянула прямо ему въ лицо и отвѣтила:

— Камъ можно... Здравствуйте!

На лѣстницѣ никого не было, швейцаръ тихо копошился внизу, наверху лѣстницы тихо и спокойно тикали часы, раскачивая большой желтый маятникъ.

И вдругъ что-то странное, влекущее протянулось между нимъ и розовыми, слегка раскрывшимися губами Саши, и прежде чѣмъ Дмитрій Николаевичъ понялъ, что онъ дѣлаетъ, онъ уже почувствовалъ, что не можетъ не сдѣлать, и весь замирая отъ невыразимо-пріятнаго, свѣжаго, боязливо-радостнаго чувства, нагнулся и губы его будто сами нашли мягкія, холодноватыя губы Саши и придавили ихъ, раскрывая твердыя ровныя зубы, и что-то горячее отдалось во всемъ его тѣлѣ.

На глазахъ у Саши выступили слезы, но глаза блестѣли, какъ черныя вишни.

— Сюда... пойдемъ,—тихо сказала она, тупясь.

И не онъ, а она уже повела его въ конецъ корридора и посадила на холодный твердый диванчикъ.

— Развѣ можно?—почему-то шопотомъ спросилъ Дмитрій Николаевичъ.

— Можно,—такимъ же дрожащимъ голосомъ отвѣтила Саша.

Въ корридорѣ было такъ же пусто и тихо, какъ и на лѣстницѣ. Только въ сосѣдней палатѣ кто-то тяжело ходилъ взадъ и впередъ, то приближаясь, то удаляясь, шаркая туфлями, и каждый разъ, доходя до двери, звучно плевалъ куда-то.

И опять, точно повинуясь какой-то посторонней, могучей, торжествующей силѣ, Дмитрій Николаевичъ обѣими руками обнялъ Сашу и, весь дрожа и замирая, сталъ цѣловать ее въ губы, вдругъ ставшія такими горячими, что почти жгли. У самаго его лица были ея черные, блестящіе, не то лукавые, не то таинственные глаза, и отъ ея порозовѣвшаго лица, совсѣмъ не похожаго на то накрашенное и сухое лицо, которое зналъ Дмитрій Николаевичъ, пахло чѣмъ-то свѣжимъ и невыразимо-пріятнымъ.

— Этого... ужъ... нельзя... тутъ!..—полушопотомъ, но счастливымъ и лукавымъ голосомъ говорила Саша по одному слову между поцѣлуями и вся тянулась къ нему, прижимаясь упругой грудью и маленькой рукой.

— Можно... можно...—такъ же лукаво повторялъ онъ ея слова.

Кто-то шелъ по лѣстницѣ. Сверху спустилась худая и блѣдная, съ очень ласковымъ и печальнымъ лицомъ, сидѣлка.

На ней было такое же платье, какъ и на Сашѣ. Она прошла, стараясь не смотрѣть, и стала возиться у шкафчика на другомъ концѣ длиннаго корридора. А Дмитрій Николаевичъ только теперь обратилъ вниманіе на Сашинъ костюмъ.

Она была вся въ бѣломъ балахонѣ, закрывающемъ донизу ея черную юбку и гладко обтягивающемъ грудь. И изъ этой бѣлой и чистой матеріи удивительно свѣжее и хорошенькое личико ея смотрѣло точно новое, въ первый разъ имъ видѣнное. И она чувствовала, что хорошенькая, и радостно улыбалась ему.

— Ну какъ вамъ тутъ?—тихо и тоже улыбаясь спросилъ онъ, косясь на сидѣлку.

— Ничего,—радостно отвѣтила Саша.—Работа тяжелая, а... ничего, пусть. Я тутъ долго пробуду... пусть...

— Почему такъ?—любуясь ею и заглядывая ей въ глаза, спрашивалъ онъ.

«Потому что я хочу очиститься этой каторгой; тяжелой и скверной работой, какую ты никогда не дѣлалъ, искупить то дурное, въ чемъ жила раньше и стать достойной тебя!»—сказало ея закраснѣвшееся лицо, но говорить такъ Саша не умѣла. Она только улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Такъ!

— Значитъ, вы рады, что ушли?—спросилъ Дмитрій Николаевичъ, не понимая выраженія ея лица. Но зато онъ сейчасъ же догадался, что спрашивать этого не надо было.

Саша потупилась и лицо у нея стало жалкое, дѣтское и виноватое.

«Ты и всегда это вспоминать будешь?»—сказало оно ему и опять непонятно для него.

— Да... какъ же-съ,—прежнимъ робко нерѣшительнымъ голосомъ отвѣтила она и потупилась.

И Дмитрію Николаевичу стало жаль, что у нея лицо померкло, и захотѣлось, чтобы у ней явилось то милое, опять наивно-восторженное выраженіе, съ которымъ она его цѣловала.

— Ну, вотъ...—заторопился онъ,—теперь, значитъ, новая жизнь начнется. Вы тутъ, конечно, будете только пока, а тамъ я устрою васъ куда-нибудь.

И лицо Саши сразу посвѣтлѣло, розовыя губы открылись и глаза довѣрчиво поднялись къ нему.

— Дмитрій Николаевичъ,—вдругъ сказала она съ какимъ-то проникновеннымъ выраженіемъ:—вѣрьте Богу, я не „такая“... и была „такая“, а теперь нѣтъ... да и никогда я „такой“ не была!

Дмитрій Николаевичъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Да, конечно...—пробормоталъ онъ;—т.-е., я не то хотѣлъ сказать, а я понимаю, и... вѣрю я...

Онъ путался и мѣшался потому, что хорошо, до самой глубины, понялъ смыслъ Сашиныхъ словъ, и совершенно не могъ имъ повѣрить.

— Козодоева!—сказала, опять выходя въ корридоръ, сидѣлка.—Ваша баронесса уже плачетъ... идите...

И ушла, не глядя.

Саша встала. Она не поняла и даже почти не слышала его словъ, такъ была вся душа ея поглощена тѣмъ великимъ для нея чувствомъ, которое было въ ней.

— Надо идти,—грустно сказала она.

— Какая тамъ баронесса?—и радуясь перерыву и огорчаясь спросилъ Дмитрій Николаевичъ, тоже вставая и съ высоты своего богатырскаго роста глядя на ея потемнѣвшее личико.

— Больная моя,—отвѣтила Саша.—Капризна... страсть! Мочи съ ней нѣтъ. Только вы не думайте, голубчикъ мой,—вдругъ испугалась она,—я не то... я за ней хорошо смотрю... И хоть бы и больше капризничала, пусть!

„Я потерплю“, опять покорно сказали ея глаза.

Они стояли другъ противъ друга, точно не рѣшаясь выговорить чего-то. Въ корридорѣ было полутемно и они неясно видѣли глаза другъ друга, но что-то росло и крѣпло между ними. Былъ одинъ моментъ, который Саша помнила уже потомъ всю жизнь, но чего-то не хватило. Дмитрій Николаевичъ опустилъ глаза и сказалъ:

— Жаль... Ну, я потомъ приду... Къ вамъ, значитъ, всегда можно?

Саша вздохнула покорно, но грустно.

— Всегда... Прямо меня и спросите.

— Да я и сегодня спрашивалъ, а швейцаръ сказалъ, что у нихъ такой нѣтъ.

Саша всплеснула руками.

— Ахъ, противный старичокъ какой! Я же ему сегодня сама говорила...

Саша растерялась и засмѣялась своему смущенію.

— Ну, надо идти,—сказала она и не уходила.

— А...—началъ Дмитрій Николаевичъ.

И опять, какъ раньше, что-то потянуло его, и губы его встрѣтились съ Сашиными, показавшимися ему какими-то необыкновенно вкусными.

Саша смотрѣла на него сверху, когда онъ медленно спускался съ лѣстницы. Уже съ нижней ступеньки онъ обернулся, увидалъ бѣлую фигурку, прилѣпившуюся къ прямымъ длиннымъ периламъ лѣстницы, и улыбнулся ей съ внезапнымъ порывомъ нѣжности и влюбленнаго восторга.

IX.

Когда Рославлевъ, все еще весь переполненный смутнаго, пріятнаго и немного недоумѣвающаго чувства, пріѣхалъ домой и прямо прошелъ въ свою комнату, въ дверь къ нему тихо постучалась и позвала его сестра.

— Митя! Можно къ тебѣ?

Рославлевъ очень любилъ всѣхъ своихъ родныхъ, сестру больше всѣхъ. Теперь, когда было такъ весело и хорошо, видѣть сестру доставило ему большое удовольствіе.

— Можно, можно!—закричалъ онъ весело и нѣжно.—Входи, Нюня!

Нюня отворила дверь и вошла. Какъ всегда, что особенно умиляло брата, она была такая чистенькая и свѣженькая, что вся комната какъ будто освѣтилась и наполнилась свѣжимъ, пріятнымъ запахомъ чистоты и молодости.

Но лицо у нея было нерѣшительное и смущенное.

— Что скажешь хорошаго?—спросилъ Рославлевъ, застегивая тужурку. Хотя всѣ они жили очень дружно, но были воспитаны болѣе чѣмъ щепетильно и никто не позволялъ себѣ манкировать костюмомъ при матери и сестрѣ.

Нюня сѣла на кушетку и, поднявъ на брата смущенные, красивые глаза, заговорила съ такимъ видомъ, что было видно, какъ долго и обдуманно она собиралась къ нему.

— Митя, ты не сердись на меня, я хотѣла тебѣ сказать, хотя это, конечно, не мое дѣло, что папа такъ недоволенъ тобою, что я просто боюсь за ваши отношенія,—деликатно смягчая значеніе своихъ словъ, сказала она.

Рославлевъ сразу догадался въ чемъ дѣло и ему стало холодно, какъ будто его поймали въ скверной и мальчишеской продѣлкѣ. Онъ тупо стоялъ передъ Нюней, не смѣя отвести глазъ, и судорожно шевелилъ пальцами лѣвой руки. И Нюня смотрѣла на него, и въ ея глазахъ ясно выражались смущеніе и смутное тревожное любопытство. Она знала, что существуютъ дома терпимости и что ихъ посѣщаютъ всѣ молодые люди, но никакъ не могла представить себѣ, что и братъ бываетъ тамъ. И хотя она была чистая дѣвушка и даже боялась думать о такихъ сторонахъ жизни, инстинктъ тревожилъ ее, подсказывая то, что дѣлалъ братъ, и что-то смутно и интересно волновалъ въ ней.

— Что же, Митя?—вздрагивающимъ голосомъ спросила она.

И опять Дмитрій Николаевичъ съ недоумѣніемъ подумалъ:

„Да что же это въ самомъ дѣлѣ? Неужели это дѣйствительно гадко, или всѣ такъ опошлились, что уже не могутъ видѣть ничего, кромѣ гадости... даже въ самомъ хорошемъ дѣлѣ!..“

— Видишь ли, Нюня,—заговорилъ онъ такимъ голосомъ, точно заикался на каждомъ звукѣ,—это очень тяжело... что мы съ отцомъ не понимаемъ другъ друга... и что, вообще...

— Ты бы попробовалъ объясниться съ нимъ,—робко предложила Нюня, вдругъ испугавшись, что онъ заговоритъ о томъ, о чемъ ей очень хотѣлось, чтобы онъ заговорилъ.

— Врядъ ли онъ пойметъ меня,—съ горечью сказалъ Дмитрій Николаевичъ, и очень красивою показалась ему эта горечь и ободрила его:—слишкомъ разныхъ взглядовъ мы съ нимъ люди.

— Митя, нашъ папа всегда былъ человѣкомъ передовымъ,—слегка обижаясь за отца, возразила Нюня.—Его взгляды всегда были самые лучшіе, всегда честные... И если то... все это хорошо, то онъ пойметъ...

Чувство нѣжности къ отцу появилось у него; Дмитрій Николаевичъ почувствовалъ слезы на глазахъ и рѣшимость прямо и откровенно сказать все. Онъ подошелъ къ Нюнѣ и, взявъ ее за плечи, простымъ и грудным голосомъ проговорилъ:

— Ты права, Нюня... Но ты сама не считаешь меня дурнымъ?

„Вотъ оно!“ съ испугомъ и замирающимъ любопытствомъ подумала Нюня и поднявъ глаза и усиливаясь не покраснѣть, отвѣтила:

— Я знаю, что ты не способенъ ни на что... гадкое...

— Спасибо,—растроганно отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ,

искренно чувствуя въ эту минуту, что не способенъ ни на что дурное, и, не опуская рукъ, сказалъ.—Больно видѣть, Нюня, что именно то, что ты считаешь самымъ святымъ, понимается людьми близкими, какъ... преступленіе,—докончилъ онъ, испугавшись слова „развратъ", которое пришло ему въ голову.

— Митя, пойди къ папѣ!—вдругъ со слезами на глазахъ и съ особеннымъ проникновеннымъ звукомъ голоса сказала Нюня.

Дмитрій Николаевичъ смутился и замялся, но глаза Нюни такъ довѣрчиво и съ такой любовью смотрѣли на него, что онъ, противъ воли путаясь, проговорилъ:

— А онъ дома?

— Дома... онъ въ кабинетѣ и одинъ... Пойди, Митя!—умоляющимъ голосомъ протянула Нюня и взяла его за руки.

— Хорошо... я пойду,—неровно проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, медленно подвигаясь къ двери.

— Ты такъ обрадуешъ этимъ маму и меня,—ободряя, говорила Нюня, идя съ нимъ.

Дмитрій Николаевичъ рѣшительно подобрался и пошелъ, но въ дверяхъ остановился и, поддаваясь внезапному влеченію, спросилъ, глядя прямо въ глаза Нюнѣ:

— А ты бы сдѣлала на моемъ мѣстѣ такъ?

— Конечно!—твердо отвѣтила Нюня, потому что была въ этомъ убѣждена.

— Если бы ты видѣла эту дѣвушку,—вспоминая Сашу и испытывая какое-то нѣжное и тревожное чувство, продолжалъ Дмитрій Николаевичъ,—она такая несчастная. И не она виновата передъ обществомъ, а общество передъ нею...

— Да, да,—вдругъ испуганно согласилась Нюня, ей показалось, что онъ хочетъ предложить ей увидѣться съ этой дѣвушкой.

Дмитрій Николаевичъ хотѣлъ еще что-то сказать и не находилъ словъ, а Нюня поспѣшно перебила, чтобы не дать ему высказать:

— Да гдѣ ты узналъ?..

— Да тамъ... товарищи сказали,—весь багровѣя отъ прилившей сразу крови, упавшимъ голосомъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ.—Такъ я пойду...

— Да, иди иди,—также упавшимъ голосомъ и такъ же торопливо сказала Нюня, почти догадываясь и боясь догадаться.

Она осталась въ комнатѣ, а Дмитрій Николаевичъ пошелъ въ кабинетъ отца. И у обоихъ у нихъ осталось такое чувство, точно они оба сказали лживое и злое.

Николай Ивановичъ, отецъ Дмитрія Николаевича, сидѣлъ за работой у себя въ кабинетѣ, хорошо обставленной уютной ком-

натѣ. Онъ былъ писатель, и теперь кончалъ одинъ изъ своихъ разсказовъ. Увидѣвъ сына, онъ отложилъ перо и, избѣгая смотрѣть на него, что вошло ему въ привычку за послѣдніе дни, когда между ними явилось это невысказанное непріятное чувство, встрѣтилъ его притворно-беззаботнымъ возгласомъ:

— А это ты... А я думалъ, ты еще не пріѣзжалъ.

— Давно уже дома,—отвѣтилъ Дмитрій Николаевичъ такимъ же притворно беззаботнымъ голосомъ. Онъ сѣлъ противъ отца и, взявъ со стола пипиросу, сталъ закуривать. Отецъ смотрѣлъ на него искоса съ мучительнымъ и огорченнымъ выраженіемъ. Какъ разъ сегодня онъ говорилъ съ женой о сынѣ и у нихъ было рѣшено деликатно поговорить съ нимъ. Но ему хотѣлось, чтобы сынъ самъ заговорилъ объ этомъ и тѣмъ доказалъ, что онъ вѣритъ ему и уважаетъ его.

„Кажется, я могу разсчитывать на это?“ говорилъ Николай Ивановичъ, намекая не на отцовскіе права, а на свою литературную дѣятельность, въ честности и передовитости которой онъ никогда не сомнѣвался. Ему казалось, что написать три книги такихъ разсказовъ, какіе написалъ онъ, такое хорошее и большое дѣло, что въ правѣ его на уваженіе и довѣріе всѣхъ никто не можетъ сомнѣваться.

И ему было очень пріятно, что сынъ началъ самъ:

— Слушай, папа,—съ усиліемъ заговорилъ Дмитрій Николаевичъ, притворяясь, что небрежно слѣдитъ за клубами дыма:— я замѣтилъ, что ты мною недоволенъ, и знаю, за что, но... только...

Николай Ивановичъ, волнуясь, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, да... я знаю, я знаю,—перебилъ онъ, мучительно краснѣя,—что-жъ, по существу въ этомъ нѣтъ ничего такого... и если мы съ матерью... то только ради тебя...

Дмитрій Николаевичъ былъ очень радъ, что отецъ говоритъ самъ, и молчалъ, уставившись въ узоръ ковра.

„Но если нѣтъ ничего въ этомъ такого, то отчего же мы всѣ такъ волнуемся?“—невольно пришло ему въ голову.

— Видишь ли,—рѣшившись прямо перейти къ этому вопросу, продолжалъ отецъ,—я самъ былъ молодъ, конечно,—онъ робко улыбнулся,—и не безупреченъ въ этомъ отношеніи... да и никто не безупреченъ, всѣ люди, всѣ человѣки,—опять улыбнулся онъ и заторопился,—это физіологическая потребность, тутъ ничего не подѣлаешь, но зачѣмъ же подчеркивать это? Если ты чувствовалъ себя виноватымъ по отношенію къ этимъ жертвамъ общественнаго темперамента, то ты могъ бы принять такое или иное участіе въ обществахъ... благотворительныхъ, но такъ... право, Митя, выходитъ некрасиво!.. Ты прости меня...

Дмитрій Николаевичъ покраснѣлъ и еще упорнѣе сталъ изучать узоръ на коврѣ. Ему ясно припомнилось, что онъ и самъ чувствовалъ все время что-то грязное въ этой исторіи, и не могъ понять, что именно.

— Я, ты знаешь,—помолчавъ, точно дожидаясь отвѣта и не дождавшись, проговорилъ отецъ,—самъ не мало поработалъ надъ этимъ вопросомъ, лѣтъ десять тому назадъ меня даже звали въ шутку ангеломъ-хранителемъ этихъ дамъ, и врядъ ли не лучшія мои вещи написаны ради уясненія обществу его отвѣтственности передъ этими несчастными!...

Дмитрій Николаевичъ значительно кивнулъ головой. Хотя онъ и говорилъ сестрѣ о томъ, что отецъ врядъ ли пойметъ его, но въ глубинѣ души чрезвычайно гордился отцомъ, какъ писателемъ.

— Ну, вотъ,—обрадовался отецъ,—и я не могу не радоваться тому, что ты сдѣлалъ, по идеѣ... но это надо было не такъ... И, знаешь, разъ уже ты запутался, я готовъ дать тебѣ денегъ... пристрой ее въ какую-нибудь мастерскую... Но самому тебѣ принимать близкое участіе не стоитъ... Невольно у всякаго является мысль о томъ, гдѣ ты съ ней познакомился и какія у васъ отношенія теперь... Хотя я, конечно, увѣренъ, что теперь ничего нѣтъ... Это было бы уже совсѣмъ... нехорошо!—съ искреннимъ чувствомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

Какъ и сынъ, онъ не уяснялъ и не могъ бы уяснить, почему именно это нехорошо, но былъ твердо въ этомъ увѣренъ. А Дмитрію Николаевичу показалось, что онъ ударилъ его этими словами. Онъ безпокойно зашевелился и бросилъ папиросу, но въ слѣдующую минуту, какъ и всегда, когда онъ открывалъ въ себѣ что-нибудь дурное, Дмитрій Николаевичъ подыскалъ оправданіе:

„Но вѣдь теперь совсѣмъ не то, тогда было свинство... развратъ, а теперь я... совершенно искренно, я...“

Но это оправданіе испугало его еще больше, чѣмъ слова отца.

И Николай Ивановичъ замѣтилъ это по его лицу и, понимая въ другомъ смыслѣ, заторопился кончить свое объясненіе:

— Я понимаю, что тебѣ это тяжело, и мнѣ самому непріятно... Но ты понимаешь, что я рѣшился только для твоего же блага... Повторяю, исторія, въ основаніи которой лежитъ самое благородное чувство, благодаря обстановкѣ, такъ сказать, принимаетъ некрасивую окраску... Притомъ ты знаешь наши нравы, знаешь, какъ на это посмотрятъ... пойдутъ сплетни и даже, какъ я замѣтилъ, уже и пошли... Объ этомъ постарался Гвоздиловъ, конечно... Ты сдѣлалъ большую ошибку, что заговорилъ съ нимъ... Попросилъ бы лучше Истаманова, что ли.

И желая приласкать сына и затереть въ немъ дурное впечатлѣніе отъ объясненія, Николай Ивановичъ слегка обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Мы съ матерью такъ любимъ тебя и уважаемъ, что намъ больно было бы, если бы твое имя хоть однимъ краемъ волочилось въ грязи... А ты знаешь, что для дурныхъ людей этого достаточно...

Въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ его жены и Нюни. И торопясь, Николай Ивановичъ быстро договорилъ:

— Не правда ли, съ этимъ вопросомъ покончено?.. Да вѣдь и сдѣлалъ ты совершенно достаточно! Чего-жъ еще... Передай ей эти деньги и все прекрасно... кончится!

Онъ торопливо отодвинулъ ящикъ стола и, вынувъ, очевидно, заранѣе приготовленную пачку кредитокъ, неловкимъ и боковымъ движеніемъ отдалъ сыну.

— Ты очень добръ!—смущенно пробормоталъ Дмитрій Николаевичъ.

Они пожали другъ другу руки, какъ два друга. Такія отношенія очень нравились имъ обоимъ.

Провожая сына до дверей, Николай Ивановичъ съ нѣжнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ его еще нѣжное, но уже мужественное, красивое лицо и хотѣлъ сказать:

„А главное, я боюсь, что ты увлечешься этой... такіе благородные, милые юноши легко увлекаются идеей спасенія этихъ тварей, я самъ когда-то чуть не женился на проституткѣ... А это было бы ужасно!“

Но онъ не сказалъ этого и вернулся къ своей работѣ съ умиленнымъ чувствомъ гордости своимъ сыномъ и воспоминанія о томъ времени, когда онъ искренно мечталъ спасти проститутку и возродить ее къ новой жизни.

„Она ушла тогда отъ меня... а то бы... И слава Богу, во время убѣдился, что если кто желаетъ ихъ спасенія, то это спасающіе, а не спасаемые!“

И закуривъ папиросу, Николай Ивановичъ серьезно и вдумчиво сталъ писать.

X.

Въ тотъ же день къ вечеру Дмитрій Николаевичъ пѣшкомъ пошелъ на Васильевскій Островъ къ одному изъ своихъ товарищей, котораго очень любилъ, съ тѣмъ, чтобы разсказать ему все и попросить совѣта, какъ лучше устроить дѣло съ Сашей. Онъ самъ не зналъ, когда именно пришло ему въ голову такое рѣшеніе, но оно уже было непоколебимо, хотя и мучило его.

Дорогой онъ все вспоминалъ, въ какомъ невѣроятно жизнерадостномъ и даже блаженномъ настроеніи вышелъ онъ днемъ изъ больницы. Все казалось ему хорошо, мило, прекрасно. И санки извозчика, и галки на снѣгу, и городовые съ учтивыми усатыми лицами, и собственное тѣло, въ которомъ было бодрое и куда-то влекущее чувство. Ему было трудно уйти отъ Саши и была одна минута, когда онъ чуть не назначилъ ей свиданіе, но уже выйдя, онъ вспомнилъ и застыдился этого желанія, хотя оно было пріятно ему. И всю дорогу онъ вспоминалъ, какъ медленно и жгуче они цѣловались, и у него кружилась голова и напрягалось желаніемъ тѣло.

Теперь онъ шелъ сумрачный и разстроенный.

„Отецъ говоритъ, что теперь это было бы слишкомъ гадко... И я самъ такъ думаю,—съ удовольствіемъ подумалъ онъ, что думаетъ совершенно такъ, какъ умный и писатель отецъ.—А если теперь нельзя, то какое же право я имѣлъ цѣловать ее?... Какое-то имѣлъ!... Было пріятно и ничуть не стыдно... А теперь стыдно! Неужели я въ нее былъ влюбленъ тогда?... Это глупости... Вѣдь, что тамъ ни говори, она—публичная дѣвка! И.. не могу же я ее любить!“

Но ему было очень пріятно вспоминать каждое слово и каждое движеніе Саши. Ея бѣленькое платье, такое чистое, пахнущее свѣжей матеріей, и такъ къ ней шедшее, такъ и мелькало у него въ глазахъ.

„Просто похоть!“ грубо подумалъ онъ, чтобы успокоить себя, и хотя всегда считалъ похоть дурнымъ чувствомъ, но это объясненіе его успокоило, такъ страшна для него была мысль, что онъ могъ бы влюбиться въ бывшую публичную женщину, какова бы она ни была теперь.

„И надо кончить все это сразу... Папа правъ совершенно! И какой я дуракъ, у другого бы это вышло просто, легко и красиво, а у меня вышло такъ грубо, стыдно.. и самъ я запутался некрасиво!.. Какой я несчастный! Почему мнѣ ничего не удается?... Вѣдь я хотѣлъ самаго хорошаго, а выходитъ грязь!.. А почему грязь?.. Это не потому, что я ее вытащилъ, и не потому, что раньше ходилъ туда... всѣ ходятъ, и не потому, что я ее цѣловалъ въ больницѣ... А почему же?—съ отчаяніемъ подумалъ Дмитрій Николаевичъ.—А потому, вѣдь, что на одну минуту я допустилъ возможность какой-то близости между собой и ею, допустилъ какъ будто... что я могу любить женщину, которая всѣмъ отдавалась... Я съ нею какъ бы сталъ рядомъ, и вмѣсто спасителя сталъ близкимъ ей человѣкомъ!.. Вотъ и грязь!.. А вѣдь она въ меня влюблена!—вдругъ спохватился онъ съ ужасомъ.—О какъ это тяжело все! Надо кончить, надо кончить!.. Конечно, дамъ ей

денегъ на машинку, на прожитіе первыхъ мѣсяцевъ... И больше никто отъ меня не можетъ ничего требовать!"—съ ожесточеніемъ противъ чего-то, что смутно, но упорно-тоскливо стояло у него въ груди, чуть не вслухъ проговорилъ Дмитрій Николаевичъ, подходя уже къ дому, гдѣ жилъ студентъ Василій Ѳедоровичъ Семеновъ.

Семеновъ былъ боленъ чахоткой, а потому всегда сидѣлъ дома и теперь встрѣтилъ пріятеля желтый и сумрачный отъ усилившагося къ вечеру и отъ сырой погоды кашля.

— А, это ты?—сказалъ онъ, отворяя дверь.

Въ его комнатѣ, несмотря на открытый отдушникъ, было сильно накурено табакомъ, отъ котораго Семеновъ не отставалъ, хотя и былъ боленъ грудью.

— Опять куришь!—съ дружескимъ и соболѣзнующимъ чувствомъ сказалъ Рославлевъ, снимая шинель и шапку.

— Все равно...—неопредѣленно махнулъ рукой Семеновъ, и въ его голосѣ не было иного чувства, кромѣ тупого равнодушія.

— Ну..—проговорилъ Рославлевъ, сѣлъ, и закуривая папиросу, сейчасъ же заговорилъ о томъ, что его занимало.

— Я къ тебѣ по дѣлу... а?

— Ну?—равнодушно протянулъ Семеновъ, морщась отъ мучительнаго приступа кашля, который онъ старался, напрягая грудь, удержать. Ему все казалось, что его болѣзнь, и кашель, и то, что онъ выплевываетъ мокроту, и его постоянно окровавленный, заплеванный платокъ возбуждаютъ въ людяхъ не состраданіе, какъ они стараются показать, а брезгливое чувство. Когда онъ кашлялъ или шелъ въ переднюю выплюнуть мокроту, онъ чувствовалъ, что на него стараются не смотрѣть, отворачиваются и самъ себѣ онъ казался тогда грязнымъ, противнымъ, мокрымъ пятномъ, около котораго даже стоять противно. И всегда въ такихъ случаяхъ онъ сознавалъ, что не виноватъ въ болѣзни и въ ея симптомахъ, что имѣетъ право болѣть, плевать, кашлять, что никто не смѣетъ презирать его за это, и все-таки страдалъ и чувствовалъ страшную ненависть ко всѣмъ.

Отъ Рославлева за три шага слышенъ былъ свѣжій, пріятный запахъ холоднаго воздуха, принесеннаго со двора, и молодого, сильнаго человѣка. Этотъ бодрый и сильный запахъ входилъ въ легкіе Семенова и былъ пріятенъ имъ и мучительно тяжелъ и ненавистенъ его, измученному болѣзнью и страхомъ смерти, сознанію.

— Ну?—повторилъ онъ и, не удержавшись, закашлялся, брызнувъ тонкими, запекшимися губами.

— О, чортъ!—съ безконечной ненавистью и къ себѣ, и къ кашлю, и къ Рославлеву прохрипѣлъ онъ.

Рославлевъ, именно съ тѣмъ чувствомъ, которое подозрѣвалъ Семеновъ, съ брезгливой жалостью сильнаго и красиваго къ больному и безобразному, смотрѣлъ въ сторону, но думалъ не о немъ, а о томъ, какъ начать.

Когда Семеновъ пересталъ плевать, отошелъ отъ плевальницы и сѣлъ на кровать, потирая грудь рукою, Рославлевъ заговорилъ:

— Помнишь, я тебѣ разсказывалъ о той проституткѣ, что...

— Помню,—отвѣтилъ Семеновъ, вовсе не помня. Сказалъ потому, что ему все хотѣлось перебить здоровый и красивый голосъ.—По проституткамъ ходишь...—зачѣмъ-то прибавилъ онъ.

Рославлевъ вскинулъ на него удивленными глазами и, не смущаясь, весело возразилъ:

— Нельзя... всѣ люди...—и уже сказавъ это, вспомнилъ о болѣзни Семенова и неловко замолчалъ.

Молчалъ и Семеновъ, машинально крутя пальцами тощую и маленькую бородку.

— Ну, такъ что?—спросилъ онъ опять.

— Да,—оживляясь, заговорилъ Рославлевъ,—я ее оттуда взялъ и пристроилъ въ пріютъ этотъ... ну, а она... можешь себѣ представить, въ меня влюбилась!

И при этихъ словахъ Рославлевъ вспомнилъ Сашу, такую чистенькую и свѣжую, какою онъ обнималъ и цѣловалъ ее въ больницѣ, и ему стало странно, что это онъ о ней говоритъ „проститутка“ такимъ смѣющимся и легкимъ голосомъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго,—улавливая его презрительный тонъ и почему-то обижаясь за проститутку, точно за самого себя, возразилъ Семеновъ.—Ты ее „спасъ“... спаситель... хм!..

Рославлеву, хотя онъ былъ увѣренъ, что это прекрасно и что онъ точно—спаситель, стало смѣшно.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—безпечно смѣясь, говорилъ онъ,—влюбилась...—И прежде, чѣмъ успѣлъ сообразить, прибавилъ:—и, знаешь, она просто прелесть какая хорошенькая!..

— И ты въ нее влюбился?—усмѣхнулся Семеновъ, и усмѣшка у него вышла добродушная.

Рославлевъ сначала улыбнулся, но сейчасъ же и отвѣтилъ:

— Глупости. Какая тутъ можетъ быть любовь! Просто мнѣ ее жалко стало, когда она руку поцѣловала, ну и... вообще, она хорошенькая, и я же ее зналъ и раньше.

— Значитъ, ты и послѣ „спасенія“ съ нею „того“?—спросилъ Семеновъ съ злой насмѣшкой.

— Нѣ-ѣтъ, что ты!—искренно считая это гадкимъ, сказалъ Рославлевъ и покраснѣлъ.

— Чего-жъ ты?

Рославлевъ замялся, съ испугомъ припоминая то, что было между нимъ и Сашей въ больницѣ.

— Да что... Я знаю, что это нехорошо!—довѣрчиво прибавилъ онъ, разсказывая Семенову уже все, что съ нимъ случилось.

Семеновъ молчалъ и слушалъ, все такъ же покручивая тонкіе волоски безцвѣтной бородки и такъ же удерживая кашель. И въ этой комнатѣ съ затхлымъ лекарственнымъ запахомъ, около маленькой и плохой лампы, въ присутствіи молчаливаго больного человѣка, съ озлобленнымъ на все лицомъ, было такъ неумѣстно и странно то, что онъ разсказывалъ, что Рославлевъ замолчалъ и смотрѣлъ на Семенова.

— Василій Ѳедоровичъ!—позвала тонкимъ голосомъ мѣщанка, хозяйка Семенова, изъ-за перегородки.

— Чего?—отозвался Семеновъ, не поворачивая головы.

— Чай будете пить?

— Давайте.

Послышалось звяканье посуды, скрипнула дверь, и тощая беременная женщина въ платочкѣ принесла синій чайникъ и другой, бѣлый, маленькій, два стакана изъ толстаго стекла и ситный хлѣбъ. Пока она устанавливала все это на столѣ, студенты молчали.

— Сами заварите?

— Самъ,—отвѣтилъ Семеновъ.

Она ушла, натягивая концы платка на тяжелый круглый животъ.

Семеновъ досталъ чай и насыпалъ его въ чайникъ. Рославлевъ внимательно смотрѣлъ на это и въ душѣ у него было недоумѣлое и обидчивое чувство.

„Чего-жъ онъ молчитъ?.. Знаетъ, вѣдь, какъ мнѣ трудно было все высказать, и молчитъ!.. А впрочемъ, чего я отъ него хочу?.. Онъ и не пойдетъ... Лучше просто написать... конечно, лучше написать!“

— Ну, что-жъ ты скажешь?—неловко и противъ воли спросилъ онъ.

— Что?—равнодушно спросилъ Семеновъ.

— Да вотъ... насчетъ всей этой „исторіи“?—притворяясь улыбающимся и уже съ досадой, весь наливаясь кровью и боясь, чтобы Семеновъ этого не замѣтилъ, пробормоталъ Рославлевъ.

— А что я тебѣ скажу?—сердито отозвался Семеновъ.—Глупости все это.

— Какъ?

— Да такъ... Я тебя и не понимаю вовсе: какого ты чорта взялся за это дѣло и чего теперь мучаешься.

— Странное дѣло,—обидчиво возразилъ Рославлевъ.—Чего взялся?.. А ты бы не взялся?

— Нѣтъ,—упрямо сказалъ Семеновъ.

— Тѣмъ хуже для...—усмѣхаясь, сказалъ Рославлевъ.

— Нѣтъ не хуже!—визгливо вскрикнулъ Семеновъ и вдругъ опять мучительно и тяжело раскашлялся. Онъ хрипѣлъ, задыхался, плевалъ и отхаркивался, и все его тщедушное тѣло дрожало и извивалось.

Рославлевъ, не глядя на него, ждалъ, когда это кончится, и ему было досадно отъ нетерпѣнія и невольно хотѣлось крикнуть: „Да перестань ты!..“

Семеновъ, тяжело дыша, замолчалъ, вытеръ наполнившіеся слезами глаза и холодный мокрый лобъ и всталъ.

— Какое ты-то право имѣлъ ее „спасать“?—заговорилъ онъ, задыхаясь.—Подумаешь, спаситель!.. Спасители...

— Когда человѣкъ тонетъ.

— А другой по уши увязъ,—съ насмѣшкой перебилъ Семеновъ.—Скажи мнѣ, пожалуйста, ты-то живешь добродѣтельно?

— Странное дѣло... сравнительно,—почему-то смущаясь, пробормоталъ Рославлевъ.

— Сравнительно!..—визгливо передразнилъ Семеновъ.—Всякій человѣкъ сволочь, и ты сволочь и она сволочь. Ты самъ, какъ и всѣ, такъ же далекъ отъ идеала нравственной чистоты, какъ и она, а небось, если бы тебя спасать вздумали, ты бы даже въ негодованіе пришелъ...

— Ну, это что!—протянулъ Рославлевъ.—Такъ можно все сравнять, а... все-таки она—публичная женщина, а я...

— А ты—человѣкъ, который этой публичной женщиной пользуешься!.. А впрочемъ и не въ томъ дѣло... Скажи ты мнѣ на милость, за что это мы такъ презираемъ эту самую „публичную женщину“? Что онѣ... зло кому-либо дѣлаютъ?.. Вѣдь у насъ воровъ, убійцъ и насильниковъ всякихъ меньше презираютъ... Себя-то презирать трудно, такъ давай другого презирать за свои же... А впрочемъ и это не то,—перебилъ себя Семеновъ, махнулъ рукой и сталъ наливать чай.

— А, что?—глядя на него съ удивленіемъ, спросилъ Рославлевъ.

„Нѣтъ, его нельзя просить объ этомъ!“—сказалъ онъ себѣ со досадливымъ чувствомъ.

— Да что... ни къ чему все это!—грустно проговорилъ Семеновъ и замолчалъ.

Рославлевъ помолчалъ тоже.

— Вотъ ты говоришь, кому онѣ зло дѣлаютъ,—нерѣшительно заговорилъ онъ, подыскивая слова, чтобы высказать свою просьбу, и не находя ихъ:—а сифилисъ развѣ не зло?

Семеновъ вдругъ сдержанно и грустно улыбнулся.

— Болѣзнь, братъ, всякая—зло, самое скверное зло... это я тебѣ скажу! И сифилисъ—зло... но только, если бы я могъ,— вдругъ опять озлобляясь, заторопился онъ, расширяя зрачки,— такъ я бы эту дрянь, которая слюнки распускаетъ за всякой бабой, заражается, а потомъ еще и хнычетъ, и лѣчить бы не сталъ!..

„Нѣтъ, его нельзя просить",—опять подумалъ Рославлевъ и всталъ.

— Ну, ты, братъ, сегодня какой-то... Пойду я лучше на билліардѣ поиграю...

— И я тебѣ еще вотъ что скажу,—машинально подавая ему руку и не замѣчая, что онъ уходитъ, продолжалъ Семеновъ:— если люди хотятъ и считаютъ нужнымъ исправлять другихъ, такъ это прежде всего—ихъ собственное желаніе... ну, ихъ собственная потребность тамъ, что ли... А въ такомъ случаѣ не ихъ должны униженно благодарить за это, а они должны прилагать всѣ старанія, чтобы еще удостоились другіе исправляться-то по ихнему!..

Рославлевъ, уже надѣвшій шинель и фуражку, безсмысленно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Къ чему это ты?

— Да ты же вотъ... самъ лѣзешь съ исправленіями и самъ же...

— Да она сама попросила.

— Сама?.. Да ты же разсказываешь, что она въ тебя влюбилась... Она... она у тебя счастья, человѣка искала... ей постоянное животное презрѣніе опротивило... А ты что ей приподнесъ? Добродѣтель картонную... Да развѣ нужна добродѣтель несчастному человѣку? Эхъ, вы!..

— Что ты говоришь, ей-Богу!—съ досадой сказалъ Рославлевъ, уходя.

Но Семеновъ со злобой и съ накипающими почему-то слезами жалости къ самому себѣ пошелъ за нимъ въ темную переднюю. Рославлевъ возился съ калошами, а Семеновъ продолжалъ говорить.

— Неужели ты до сихъ поръ не понимаешь, что добродѣтель нужна и хороша только сытому брюху!

— Слыхали мы это!—пробормоталъ Рославлевъ, котораго начало тяготить это, непонятное ему, озлобленіе и хриплый, тонкій голосъ больного.

— Нѣтъ, не слыхали!—закричалъ Семеновъ со злыми слезами въ голосѣ и размахивая руками.—А это правда!.. Я тебѣ это говорю... Я вотъ умираю и знаю это теперь... теперь меня никто не надуетъ жалкими словами! Счастье нужно, здоровье нужно, не умирать нужно, а не... вотъ...

Рославлевъ взялъ его за пуговицу и, глядя ему въ лицо сверху внизъ, добродушно проговорилъ:

— Ну, счастье... Я тебя и хочу просить... Я больше всего хочу, чтобы она была счастлива...—и лицо у него стало самодовольно—скромное.

— А ты женись на ней... любитъ тебя и женись!.. Вотъ и счастье... пока, на первый случай!..

— Глупости,—искренно и машинально засмѣялся Рославлевъ,—а мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что она не на шутку того... Голубчикъ, пойди къ ней завтра... она въ больницѣ теперь сидѣлкой... Отдай ей деньги и скажи, что это отъ меня на машинку и тамъ... А то, ей-Богу, невозможное положеніе получилось... Чортъ знаетъ, что такое... Вѣдь не могу же я на ней въ самомъ дѣлѣ жениться!

Семеновъ молча посмотрѣлъ въ его покраснѣвшее, пухлое и здоровое лицо.

— И какая ты дрянь!—съ страшной ненавистью задавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Что?—спросилъ, не разслышавъ Рославлевъ.

Онъ былъ почти вдвое больше Семенова и отъ всего его здороваго тѣла дышало страшной силой и самоувѣренностью.

— Дрянь ты, говорю!—повторилъ Семеновъ, но противъ воли его голосъ былъ уже шутливый и игривый.

— Ну, пускай!—самодовольно и весело улыбнулся Рославлевъ.—А ты все-таки будь другомъ, устрой это дѣло... а?

Жидкіе волосы прилипли къ холодному лбу Семенова, ему было трудно стоять, жалко себя и стыдно того, что онъ сказалъ.

— Хорошо,—проговорилъ онъ и скосилъ глаза въ уголъ.

Рославлевъ крѣпко и дружелюбно пожалъ ему руку.

— Ну, вотъ спасибо! А теперь я пойду... Такъ сходишь завтра?

— Схожу.

— Ну, до свиданья.

— До свиданья.

Рославлевъ отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, оборачиваясь и улыбаясь Семенову. Дверь затворилась, и слышно было, какъ онъ медленно спускался внизъ. Семеновъ остался одинъ въ полутемной передней. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно и все больше и больше блѣднѣлъ, а потомъ вдругъ сорвался съ мѣста, выскочилъ на холодную лѣстницу и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ черезъ перила, сорвавшимся голосомъ, съ невѣроятной злостью и презрѣніемъ изо всѣхъ силъ крикнулъ въ пустоту:

— Сволочь проклятая!

Голосъ гулко задробился въ пустыхъ пролетахъ лѣстницы, а

Семеновъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ пронизывающаго холода, и отъ злого возбужденія, долго прислушивался, свѣсившись внизъ, пока ему не стало чего-то жутко въ этомъ пустомъ молчаливомъ мѣстѣ, слабо освѣщенномъ плохими коптящими лампочками.

IX.

Дежурная сидѣлка, измучившаяся за ночь, разбудила Сашу и прошла будить другихъ. Было еще совсѣмъ темно, въ окна проникалъ только слабый, тоскливый и тусклый сѣрый свѣтъ, было сыро и холодно въ огромномъ, остывшемъ за ночь, сыромъ зданіи. Вся дрожа такъ, что зубы дробно стучали, и чувствуя какъ все тѣло сжимается, покрываясь непріятными пупырышками, Саша торопливо одѣлась. На другихъ кроватяхъ тоже молча дрожали смутно видныя въ полусумракѣ сидѣлки. Та, которая будила, не раздѣваясь, повалилась на сосѣднюю кровать и сейчасъ же заснула; Саша видѣла ея блѣдное, казавшееся мертвымъ и синимъ при блѣдномъ свѣтѣ, лицо, съ замученными, впавшими щеками и темными вѣками.

Все еще дрожа и стараясь собственными движеніями согрѣться и удержать дрожь, Саша пошла внизъ, въ столовую для служащихъ. Столовая была въ подвальномъ этажѣ и въ ней было еще холоднѣе и сырѣе и такъ темно, что горѣли электрическія лампочки, подвѣшенныя къ низкому сводчатому потолку.

За такимъ же точно зеленоватымъ столомъ, какіе были въ пріютѣ, Саша, торопясь и обжигая губы, напилась чаю, грѣя лицо и руки надъ горячимъ паромъ.

— Рукъ не отогрѣешь!—проговорила она.

Сидѣвшая рядомъ толстая и старая сидѣлка молча посмотрѣла на посинѣвшія руки Саши и равнодушно отвернулась.

„Экія всѣ непривѣтливыя!“ — подумала Саша. —„Всѣ тутъ такія!“

Она уже замѣтила это и уже поняла, что это оттого, что работа тутъ очень тяжелая, скучная, противная, и живутъ сидѣлки скучно, однообразно, постоянно другъ у друга на глазахъ, среди однообразно мучающихся, тяжело пахнущихъ, капризничающихъ, однообразно умирающихъ людей.

„Ну, и жизнь!“—подумала она, вставая и относя свою кружку на мѣсто.—„Вотъ ужъ ни за что не осталась бы тутъ!.. А вонъ же живутъ, тутъ и старѣютъ.. ни свѣта, ни радости! Господи... Кабы не Митенька, такъ бы и плюнула на все“...

— Козодоева, васъ больная зоветъ!—сказала сидѣлка и прошла, звякая пузырьками.

Саша вздохнула, поправила волосы и пошла опять наверхъ

по пустой, черезчуръ широкой и чистой лѣстницѣ, по которой странно-одиноко отдавались ея шаги.

Въ комнатѣ больной баронессы было душно и не только тепло, а даже парно, какъ въ предбанникѣ. Пахло лекарствами, духами, которыми душили въ комнатѣ, чтобы заглушить нудный, сладковатый и острый запахъ разлагающагося человѣка. Сашѣ даже въ голову ударило, когда она вошла въ эту атмосферу изъ холоднаго корридора.

Баронесса лежала на спинѣ, глядя на дверь запавшими больными и раздражительными глазами; уголки губъ у ней все опускались и она судорожно, болѣзненно-торопливо, перебирала по одѣялу тонкими пальцами. На той груди, которую ѣлъ ракъ, не поддававшійся операціямъ, лежалъ пузырь со льдомъ, обернутый полотенцемъ.

— Господи,—капризнымъ страдающимъ голосомъ встрѣтила она Сашу,—васъ не дозовешься.. Эта дура ничего не умѣетъ... Я всю ночь не спала... Льду дайте .. Поверните меня-а..

Ея слабый, нудный голосъ капризно звенѣлъ Сашѣ въ ухо, когда она, подсунувъ руки подъ странно-тяжелое, вялое тѣло баронессы, поднимала его на подушки.

— Выше.. еще.. Господи, да больно-же.. еще..

Отъ мокрой больнымъ потомъ рубашки ея пахнуло въ ротъ и лицо Саши тяжелымъ запахомъ. Простыни подъ ней сбились и были горячія, противныя.

— Чаю хотите или молока принести?—спросила Саша, запыхавшись отъ усилій и поправляя разбившіеся волосы.

Баронесса не сразу отвѣтила, въ упоръ глядя на нее злыми отъ болѣзни, темными глазами.

— Молока?—повторила Саша.

— Ахъ, да конечно же! Вы же знаете, что я пью по утрамъ!—раздражительно отвѣтила баронесса.

Саша промолчала и пошла за молокомъ.

„И ни чуточки мнѣ ее не жаль,—подумала она о баронессѣ, сходя съ лѣстницы:—она и здоровая, должно, такая же злая была...“

Первый день Саша жалѣла баронессу и ей казалось страшно и странно, что вотъ эта женщина больна, что у нея гніетъ тѣло и она скоро умретъ, но тяжелая и противная забота возлѣ нея скоро притупила это чувство, и, какъ тѣ два сѣдые мужика въ бѣлыхъ фартукахъ, которые равнодушно протащили навстрѣчу Сашѣ бѣлыя носилки для кого то умершаго ночью, протащили, ругаясь между собой изъ-за какой-то простыни, Саша уже совершенно машинально ухаживала за больной, переворачивала ее, носила посуду, кормила, совсѣмъ не думая о ней, а о себѣ.

Молоко уже скипѣло, и Саша пошла назадъ.

— Неужели вы не можете скорѣе... О, Гос-споди,—чуть не скрежеща зубами, встрѣтила ее баронесса, съ ненавистью безконечной зависти больного и несчастнаго человѣка къ здоровому и счастливому тѣмъ.

— Чего ужъ скорѣе,—досадливо пробормотала Саша.

— Не смѣйте грубить мнѣ!—взвизгнула баронесса.

Саша промолчала.

— Опять молоко... сколько разъ кипѣло?

— Два.

— Неправда... врете... скипятите еще разъ.

— Да, ей Богу, два—улыбнулась Саша.

— А я говорю нѣтъ... какъ вы смѣете спорить. Я говорю прокипятите еще разъ...

Саша пошла внизъ.

День понемногу разсвѣталъ и въ корридорахъ стало свѣтло и тепло. Сквозь огромныя окна полились цѣлые потоки солнечныхъ лучей, но больница не замѣчала ихъ, наполненная своею тошной, тяжелой умирающей жизнью. И Саша не замѣчала этого свѣта и тепла, дѣлала тяжелое безрадостное дѣло, поднимала больныхъ, кормила, давала лекарства, потомъ обѣдала внизу въ подвальной столовой.

Послѣ обѣда она поссорилась со своей больной.

— Дрянь!..—кричала баронесса, захлебываясь слезами и безсильной злостью.—Какъ вы смѣете мнѣ грубить! Вы знаете, кто я и кто вы!..

Саша испугалась и обидѣлась. Съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ публичнаго дома, никто не кричалъ на нее такъ, и ей уже казалось, что и никогда никто не будетъ ее ругать, что никто не имѣетъ теперь на это права.

Въ этомъ рѣзкомъ крикѣ ей вдругъ послышались тѣ же самыя обиды, которыми осыпали ее въ прошлой жизни, и ей показалось на мгновеніе, что она опять сидитъ на полу, закрываясь руками, а на голову и спину ея больно сыпятся удары тетеньки.

И когда вдругъ больная притихла, поблѣднѣла, и, прищуривъ глаза, какъ-то хитро и упрямо толкнула ее костлявымъ и слабымъ кулакомъ въ плечо, Саша сразу заплакала и, закрывая лицо руками, ушла.

— Господи, Боже мой,—прошептала она:—хоть бы ужъ скорѣе вырваться въ настоящую жизнь!.. Что-жъ это такое... Митенька мой милый! Что-жъ ты...

И она сама не знала, чего ждала отъ него.

Такъ прошелъ день, тяжелый и скорбный, и скучный.

Совсѣмъ передъ вечеромъ сидѣлка пришла и позвала Сашу.

— Тамъ васъ спрашиваютъ,—сказала она.

— Пришелъ! А я-то... глупая!—чуть не вскрикнула Саша и почти бѣгомъ, легкая и радостная, вся замирая отъ любви и ожиданія чего-то невѣроятно-радостнаго, свѣтлаго, побѣжала по корридору.

Семеновъ въ худомъ длинномъ сюртукѣ, прорванномъ подъ мышками, и съ шапкой въ рукахъ стоялъ въ корридорѣ.

— Вы Козодоева?—спросилъ онъ сердито, сердясь вовсе не на нее, а на увеличившуюся въ этотъ день отдышку и боль въ груди.

— Я,—отвѣтила Саша съ размаху останавливаясь передъ нимъ.

— Я къ вамъ отъ Рославлева,—сказалъ Семеновъ.

— Ахъ, пожалуйста,—почему-то сказала Саша и покраснѣла.—Они не больны?—тревожно прибавила она.

— Нѣтъ, здоровъ... должно быть,—сердито отвѣтилъ Семеновъ и закашлялся.

Саша молчала.

— Рославлевъ просилъ меня сказать вамъ, что онъ теперь уѣзжаетъ и, вѣроятно, долго не будетъ... то-есть не то, а просто... вотъ вамъ тутъ деньги,—сквозь кашель со злостью выкрикнулъ Семеновъ, не глядя на Сашу и доставая изъ кармана пакетъ, который онъ самъ тщательно склеилъ утромъ,—и если вамъ тутъ не нравится, такъ онъ похлопочетъ... мѣсто въ магазинѣ портнихи, мадамъ Эльзы, что-ли!

Саша молчала. Семеновъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и стоялъ, неловко протянувъ деньги.

Было такъ тихо, что слышно было, какъ ходилъ кто-то, шаркая туфлями и звонко плюя куда-то.

— Возьмите деньги,—сердито повторилъ Семеновъ.

У него кружилась голова отъ слабости и въ ушахъ звенѣло и ему уже не было дѣла ни до кого и ни до чего на свѣтѣ, кромѣ тупой, ноющей боли въ груди.

Саша взяла.

— Больше ничего?—спросилъ Семеновъ.

— Ничего,—только прошевелила губами Саша.

Семеновъ помолчалъ.

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

Семеновъ пошелъ прочь, согнувъ спину и покашливая.

Саша долго и тихо стояла и смотрѣла въ спускающуюся съ лѣстницы худую, потертую спину студенческаго сюртука; потомъ положила деньги въ карманъ и пошла въ „дежурную“ комнату.

Тамъ она прилегла на кровать и сжалась въ комокъ, точно стараясь, чтобы никто ее не видѣлъ.

— Больны, Козодоева?—спросила сидѣлка.

— Неможется,—тихо отвѣтила Саша.

— Долго ли тутъ заболѣть!—съ ненавистью къ кому-то проговорила сидѣлка.—Такъ я за васъ поставлю дежурную, а вы полежите. Градусникъ поставьте.

— Хорошо,—покорно отвѣтила Саша.

На этой кровати съ маленькой, жесткой кожанной подушкой, которую она помнила потомъ всю жизнь, Саша пролежала весь вечеръ и ночь.

XII.

Передъ глазами у нея колыхались въ темнотѣ и расплывались золотые круги и какъ будто гдѣ-то внутри глазъ отчетливо освѣщенные внутреннимъ свѣтомъ выплывали, стояли и расплывались одни за другими лица, сцены и люди, и мѣста. Все, что Саша видѣла и слышала за эти дни, вставало передъ нею, и она ясно чувствовала, что оборвалась какая-то выдуманная ею самой связь, что она и теперь такъ же одна, никому ненужная, несчастная, какъ и прежде.

„Ну, что-жъ... не любитъ, такъ не любитъ,—машинально думала она, всматриваясь въ оживающій знакомыми образами мракъ.—Я думала... Мало ли чего я думала... Развѣ такихъ любятъ?.. Знай свое мѣсто!“

Проплылъ передъ нею модный магазинъ, въ которомъ она работала, прежде чѣмъ сбилась на улицу, и Саша будто почувствовала даже ощущеніе тоненькой иголки и боль въ пальцахъ и въ спинѣ. Согнутыя за вѣчной скучной и ненужной имъ самимъ работой, прежнія подруги ея смутно рисовались ей.

„Опять, значитъ, въ эту каторгу!—съ ужасомъ вдругъ, точно просыпаясь, чуть не вскрикнула Саша.—Да за что?.. Развѣ для того я всю эту муку перенесла, чтобы опять всю сначала начать?.. Тутъ оставаться? Всегда за больными ходить... безъ свѣта, безъ радости... Да развѣ я этого хотѣла, когда изъ той жизни ушла?“

Раздался нерѣшительный, подавленный звукъ и потухъ въ темнотѣ.

„А вѣдь это я плачу“, мелькнуло у Саши въ головѣ.

Слезы выбѣжали на напряженные глаза, и золотые круги закрутились, исчезли, все пропало, и она уже ясно почувствовала себя и то, что съ ней дѣлается и что встало впереди.

Что-то придавило сначала легонько, а потомъ съ мучительной силой сердце Саши и жалость къ себѣ наполнило всю ее. Она сдѣлала усиліе, чтобы поймать что-то и вдругъ поняла, что ей жаль того свѣтлаго, тихаго и радостнаго умиленія, которое она испытала въ первую ночь въ пріютѣ, когда лежала въ кровати, смотрѣла на сѣрѣющее пятно окна и ждала, что съ завтрашняго дня начнется новая жизнь, какая-то удивительно чистая и счастливая.

„Дура, дура!—съ горькимъ упрекомъ сказала она себѣ:—ничего этого нѣтъ...“

Гдѣ-то далеко провизжала на блокѣ и хлопнула дверь, кто-то, волоча ноги прошелъ по корридору, а потомъ застонала умиравшая въ третьей палатѣ чахоточная.

Саша вспомнила звукъ рояля подъ пальцами Любки, тоскливый и одинокій звукъ, мгновенно родившійся и мгновенно исчезнувшій, и ей представилось, что это не больная стонетъ, а рояль подъ пальцами погибающей Любки.

„И выходитъ, что Любка всѣхъ лучше поступила,—пришло ей въ голову,—умерла и нѣтъ ея... коли нѣтъ счастья, такъ и самой ея нѣтъ!.. И чего я, дура, шла... чего мучилась?.. Коли нѣтъ счастья, такъ не все ли равно, гдѣ жить, какъ жить... „Исправляютъ“!—вспомнила она слова Ивановой:—у, проклятые...“

Кто-то, тяжело ступая, подошелъ къ двери и отворилъ ее. Черная тѣнь заслонила полосу яркаго свѣта, ворвавшагося черезъ всю комнату изъ освѣщеннаго корридора.

— Козодоева... Александра!—позвала фельдшерица, своимъ безнадежно тусклымъ голосомъ, выцвѣтшимъ въ однообразно тяжелой жизни больницы.

— А?—отозвалась Саша и сѣла на кровать.

— Идите ради Создателя къ своей... зоветъ васъ... замучила!—скучающимъ и просительнымъ тономъ сказала фельдшерица.

Саша машинально одѣлась и вышла, щурясь отъ свѣта усталыми, безжизненными глазами.

— Капризничаетъ невыносимо... никто не угодитъ...

Саша смотрѣла на ея молодое и очень некрасивое, безцвѣтное лицо съ сѣрыми волосами, пропитанными запахомъ іодоформа и карболки, съ тусклыми глазами, съ безрадостнымъ выраженіемъ въ уголкахъ опустившагося рта.

„Такой и мнѣ быть!» подумала она съ испугомъ.

И внезапно что-то протестующее, сознающее свое право, сильное и молодое вспыхнуло въ ней.

— Всѣ онѣ такія!—сказала она со злостью и пошла по корридору.

Въ комнатѣ баронессы было такъ же душно и полутемно.

Баронесса опять лежала на спинѣ и лихорадочно-блестящими глазами встрѣтила Сашу.

— Чего вамъ?—спросила Саша и сама удивилась своему злому и грубому голосу.

— Сколько разъ я вамъ говорила, что я не могу такъ... не могу!—съ плаксивой злобой, напряженно закричала баронесса.

— Чего?—съ недоумѣніемъ спросила Саша.

— Вы не знаете?.. Ахъ, хорошо! Сколько разъ я говорила вамъ, что не могу, чтобы мнѣ прислуживали разныя... Она ничего не знаетъ! Я требую прислуги, которая бы мнѣ... которая бы знала мои привычки! А это Богъ знаетъ что... Я буду жаловаться!

Саша смотрѣла на нее и что-то странное происходило у нея въ головѣ.

— Куда вы пропали

— Я спала... вѣдь...

Баронесса дернулась всѣмъ тѣломъ.

— Спали? Ахъ, скажите пожалуйста... такъ васъ потревожили?..

Саша вдругъ подошла къ ней близко и нагнулась.

— У меня свое горе случилось, барыня...—проговорила она тихимъ и выразительнымъ голосомъ.

Баронесса удивленно помолчала.

— Какое горе? Что вы говорите?

— Меня любовникъ бросилъ... человѣкъ любимый,—такъ же тихо поправилась Саша, въ упоръ глядя въ глаза баронессѣ.

— Что?.. Да мнѣ какое дѣло?—вскрикнула баронесса.—Скажите, какія нѣжности!..

— А вы вонъ плачете, когда письма читаете,—упорно, точно подхваченная чѣмъ-то, продолжала Саша.

Баронесса поблѣднѣла, въ ея лицѣ мелькнуло то мягкое и растерянно-жалкое выраженіе, какое бываетъ у всѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ счастья.

Тѣ письма, о которыхъ говорила Саша, были письма отъ ея мужа, давно не посѣщавшаго больной и скучной жены.

Но баронесса преодолѣла свое чувство, считая унизительнымъ выдать его такому ничтожному человѣку, какъ Саша.

— Вы, кажется, сравниваете меня съ вами? — высокомѣрно проговорила она.

— Все равно,—оказала Саша:—всѣмъ счастья хочется... что вамъ, что мнѣ!

— Счастья... скажите пожалуйста!.. Вы не для счастья здѣсь, а для того, чтобы ухаживать за больными!.. Дѣлайте свое дѣло... Подымите меня!

Саша не тронулась съ мѣста.

— Да вы слышите или нѣтъ?

— А вы бы стали ухаживать за больными?—спросила она.

Баронесса съ испугомъ и ненавистью скосила на нее блестящій больной глазъ.

— Я уже сказала вамъ! Не смѣйте сравнивать меня и себя... Вы... панельная... вы должны быть счастливы, что вамъ дышать позволили!.. Дрянь!—сорвалась баронесса.

— Эко счастье! — усмѣхнулась, какъ въ какомъ-то бреду, Саша.—Дышать вездѣ можно, что на панели, что... дорого-то за дыханье берете... вы!

— Да какъ ты смѣешь со мной говорить такъ!—крикнула въ изступленіи баронесса и прибавила скверное и грубое слово, гдѣ-то слышанное ею.—Я велю вышвырнуть тебя отсюда, несчастная!.. На улицѣ сгніешь!—крикнула она.

Холодное и тяжелое чувство прошло въ Сашѣ и вырвалось рѣзкимъ крикомъ:

— Ну, и пусть! Экъ напугали... Всѣ сгніемъ... вы еще скорѣе меня!

— О...—испуганно и жалко вскрикнула баронесса.

Что-то злобно-веселое подхватило Сашу, и, точно мстя кому-то, она кричала:

— Ну, да... сгніете, сгніете... вы и теперь уже гніете!.. Вы, честная... чтобъ вамъ!..

Баронесса что-то слабо и неясно выговорила, подняла руку и зарыдала. И рыданіе это было такъ безконечно жалко и страшно, что Саша, расширивъ глаза, замолчала, а потомъ съ ужасомъ и гнѣвомъ выскочила въ корридоръ и побѣжала прочь.

На дворѣ уже свѣтало.

Саша подошла къ запотѣвшему окну и, глядя на смутно виднѣвшуюся улицу, взялась за голову и сказала громко и протяжно:

— Всѣ сгніемъ... и я, и всѣ... кабы радость какая! А такъ—все равно! Скучно... ску-учно!..

Мимо окна съ тусклымъ дребезжаньемъ пронеслась карета съ зажженными фонарями. Рослыя лошади стлались по мостовой, и Саша замѣтила важнаго, вытянувшаго руки кучера.

„Съ балу, должно,—подумала она,—такъ ежели бы... а то!..

Что-жъ это?.. Богъ съ ними совсѣмъ... Кучеръ-то, чай, всю ночь сидѣлъ, ждалъ,—почему-то пришло ей въ голову.—Ахъ, ску-учно!.. За что?.."

За окномъ блестѣла мокрая мостовая.

И глаза у Саши стали мокрые, какъ мостовая, и ей показалось, что вся она слилась въ одно съ этой мостовой, сѣрымъ небомъ, сѣрымъ мокрымъ городомъ, будто нигдѣ нѣтъ ничего яснаго, чистаго, живого, а только одна больная, безсмысленно-нудная слякоть.

И это ощущеніе, противное и неестественное въ молодомъ, полномъ силы, красоты и желанія счастья существѣ, прошло только тогда, когда Саша въ новомъ, стального цвѣта, красивомъ платьѣ, купленномъ на деньги Рославлева, въ огромной прелестной шляпѣ вошла въ залъ „Альказара" и въ зеркалѣ увидѣла то, что любила больше всего: самое себя, красивую, нарядную, прелестную съ ногъ до головы.

И уже когда она была совсѣмъ пьяна, Саша выговорила:

— Чортъ съ вами со всѣми!

Пьяный, веселый господинъ въ блестящемъ цилиндрѣ засмѣялся.

— Что такъ?

Саша безшабашно махнула рукой.

— Поѣдемъ, миленькій... все равно!..

И ночью, въ его объятіяхъ, отъ вина и безшабашнаго угара Сашѣ было пріятно, шумѣло въ головѣ и казалось, что весело.

Утро встало сѣрое, мертвое, безконечно и безнадежно печальное...

М. Арцыбашевъ.

ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО.

(Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ).

(*Окончаніе* *).

Выборъ направленія симпатій Морриса опредѣлялся впрочемъ нетолько его добрымъ сердцемъ, а также и его взглядомъ на интересы самого искусства. Вмѣстѣ съ Рескиномъ онъ считалъ смертельною болѣзнью искусства современное его состояніе, когда оно производится немногими для немногихъ. Неопровержимо убѣдительными фактами доказывалъ онъ, что искусство существуетъ на свѣтѣ не для украшенія хоромъ праздныхъ людей, что оно задыхается во дворцахъ, и и что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дорогія бездѣлушки, наполняющія эти дворцы (въ томъ числѣ и картины, и статуи), могутъ быть названы забавой, утѣхой тщеславія, условнымъ символомъ богатства и господства немногихъ надъ многими, но не въ правѣ называться искусствомъ: «оно, быть можетъ, умретъ, но оно не можетъ жить въ рабствѣ у богатыхъ, не можетъ служить символомъ рабства бѣдняковъ» **). Это энергичное заключеніе проистекало у него не изъ этическихъ постулятовъ, какъ у Рескина, а изъ его пониманія генезиса и функцій искусства. По его мнѣнію, назначеніе искусства состоитъ въ томъ, чтобы доставлять людямъ удовольствіе отъ тѣхъ предметовъ, которыми они *должны пользоваться*, а также отъ тѣхъ, которые они *должны производить*. Моррисъ, какъ и Рескинъ, страстно протестуетъ противъ стараго заблужденія экономистовъ, будто человѣкъ можетъ преодолѣть свою лѣность и взяться за трудъ только съ цѣлью обезпечить свое существованіе, устранить грозящую опасность, сдѣлать возможнымъ спокойный досугъ: трудъ есть необходимое зло, отъ котораго человѣкъ старается освободится при всякой

*) См. „Міръ Божій“ № 3, 1904 г.

**) „Hopes and Fears for Art“, Five Lectures 1878—1881 гг., London etc 1898, стр. 176. Кромѣ этого сборника публичныхъ рѣчей В. Морриса объ искусствѣ, составленнаго и изданнаго самимъ авторомъ, значительное число его лекцій издано въ посмертномъ сборникѣ: „Architecture, Industry and Wealth“ 1902 г., а также отдѣльными брошюрами: „Art and the Beauty of the Earth“, „Art and its Producers“ и др.

возможности. Моррисъ же считалъ трудъ одною изъ величайшихъ радостей жизни, безъ которой самая жизнь теряетъ всякій интересъ. Однако, само собою разумѣется, что этотъ характеръ свойственъ труду только при условіи, чтобы онъ былъ не чрезмѣрно обременителенъ по своей напряженности, продолжительности, скукѣ или безсмысленности и чтобы онъ совершался въ здоровой и пріятной обстановкѣ. Человѣку пріятно, когда изъ-подъ его рукъ выходитъ *нѣчто*, какой-нибудь предметъ, который онъ можетъ назвать своимъ созданіемъ; этотъ предметъ ему нравится, и онъ старается его украситъ, сдѣлать его возможно болѣе привлекательнымъ и для другихъ. Такимъ образомъ, искусство происходитъ тогда, когда человѣкъ получаетъ удовольствіе отъ своей работы: *искусство есть выраженіе удовольствія работника отъ своей работы* *). Отсюда, какъ слѣдствіе, проистекаетъ и другой выводъ: искусство по своему существу должно быть органически связано съ производительной дѣятельностью человѣка; когда художникъ перестаетъ быть ремесленникомъ, когда живописецъ и скульпторъ перестаютъ быть сотрудниками архитектора, тогда искусство перестаетъ исполнять свое назначеніе и становится тѣмъ, чѣмъ оно стало въ наше время: забавой для однихъ, хлѣбной профессіей для другихъ, мучительнымъ призваніемъ для третьихъ—этихъ меньше всего—и предметомъ недоумѣнія и презрѣнія для четвертыхъ—этихъ большинство. Итакъ, и причины, и цѣль искусства находятся не за предѣлами жизни, а связаны неразрывными узами съ этою презираемою обыденною жизнью человѣческаго общества: искусство способно исполнять крупную соціальную роль, а когда оно ее не исполняетъ, то общество отъ этого тяжко страдаетъ, а само искусство не только теряетъ право существованія, но и вырождается.

Съ того времени, какъ трудъ сталъ черезчуръ поспѣшнымъ, напряженнымъ, продолжительнымъ, монотоннымъ, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ работаетъ въ мрачной, вонючей и грязной фабрикѣ и въ большинствѣ случаевъ видитъ только очень малую часть производимаго предмета, онъ не можетъ чувствовать удовольствія отъ своей работы, не можетъ ощущать того особаго рода отеческаго отношенія къ продуктамъ своего производства, какое свойственно самостоятельному работнику или художнику. Конкуренція и раздѣленіе труда, созданныя капиталомъ и машинами, убили народное искусство и тѣмъ весьма сильно уменьшили радость жизни. Вынужденную работу, безъ интереса къ ней, безъ скрашивающаго ее элемента искусства, Моррисъ, также какъ и Рескинъ, считаетъ самою тяжелою и унизительною изъ формъ рабства и отказывается признать благодѣтельность цивилизаціи, которая

*) Блестящее научное подтвержденіе этого мнѣнія, хотя съ совершенно иной точки зрѣнія и для иной группы искусствъ, дано въ извѣстномъ трудѣ *Карла Бюхера*: „Работа и ритмъ“.

привела къ такому печальному результату громадное большинство затронутыхъ ею людей, нисколько не улучшивъ при этомъ даже быть своихъ немногочисленныхъ баловней. Ибо роскошь, которую цивилизація подставила на мѣсто искусства, никому не даетъ и не можетъ дать радости и только усложняетъ и обременяетъ жизнь. Домъ современнаго Креза, загроможденный безполезными, безвкусными, подражательными вещами, никому не доставляющими удовольствія и увеличивающими лишь работу прислуги и докторовъ, кажется Моррису болѣе дикимъ, чѣмъ крааль зулуса или снѣжная юрта гренландца *), тамъ искусство живо и исправно выполняетъ свою функцію.

Но если бы оказалось возможнымъ сдѣлать искусство снова народнымъ, т.-е. отдать его снова въ руки простыхъ ремесленниковъ-мастеровъ, приблизить его снова къ пониманію всѣхъ и каждаго, это, можетъ быть, увеличило бы ихъ довольство жизнью, но не пострадало ли бы отъ этого самое искусство? Не должно ли оно было бы отказаться отъ своего техническаго совершенства, достигнутаго цѣлыми вѣками спеціальной тренировки? Популярное искусство, по убѣжденію многихъ современныхъ «жрецовъ» его, означаетъ банализацію средствъ, приниженіе индивидуальности художника. Едва ли можно найти болѣе нелѣпый предразсудокъ. Индивидуальность художника нисколько не выигрываетъ отъ высоко развитой техники, наоборотъ, нерѣдко послѣдняя затмеваетъ не особенно выдающееся дарованіе. Если намъ у современныхъ художниковъ больше бросаются въ глаза индивидуальныя различія, а у старыхъ больше племенныя, то это не болѣе, какъ обманъ зрѣнія: въ чужой странѣ всѣ кажутся на одно лицо; японцу же и теперь кажется, что все европейское искусство представляетъ нѣчто единое, какую-то однообразную массу, въ подраздѣленіяхъ которой трудно разобраться. Главное же, совершенство техники не только не обозначаетъ высоты искусства, но въ большинствѣ случаевъ обратно пропорціонально ей. На этомъ особенно настаиваютъ и Моррисъ, и Рескинъ. Высота искусства опредѣляется искренностью, глубиною и свѣжестью выражаемаго чувства, но такое чувство можетъ выражаться самыми примитивными, неизощренными, бѣдными средствами. Краснорѣчіе профессіональнаго оратора часто имѣетъ цѣлью только симулировать выработанными пріемами сильную эмоцію, которая въ дѣйствительности давно утрачена вслѣдствіе постояннаго повторенія, тогда какъ неподготовленный человѣкъ, охваченный неподдѣльнымъ чувствомъ, одной фразой, часто однимъ возгласомъ можетъ дать вамъ заглянуть до самаго дна своей души. Точно также и въ пластическихъ искусствахъ: символическій «Добрый пастырь» въ римскихъ катакомбахъ, очерченный слабымъ контуромъ, едва напоминающимъ человѣческую фигуру, по глубинѣ вложеннаго въ этотъ контуръ религіознаго

*) „Architecture in Civilisation".

чувства неизмѣримо выше ученой и мастерской иконописи любого профессора живописи нашего времени. Глубоко чувствовать можетъ каждый человѣкъ, и каждый можетъ иногда дать своему чувству яркое и убѣдительное выраженіе. Но вложить чувство въ сложныя, до высокой степени развитыя формы, свойственныя новому европейскому искусству, такъ, чтобы чувство не терялось въ виртуозныхъ комликаціяхъ, и чтобы эти формы служили только средствомъ выраженія, а не цѣлью, можетъ только геніальный художникъ. Но геніевъ во всѣ времена было немного, и сообразно какимъ-то не открытымъ до сихъ поръ законамъ, они распредѣляются крайне неравномѣрно во времени и пространствѣ. Значитъ ли это, что тамъ, гдѣ нѣтъ или мало геніальныхъ художниковъ, не можетъ быть и высокаго искусства? Также какъ въ природѣ, развѣ только величественныя явленія достойны вниманія и удивленія? «Зеленая трава,—говоритъ Рескинъ *),—вотъ что изъ всей природы наиболѣе существенно для здоровой духовной жизни человѣка. Большая часть изъ насъ не нуждается въ красивыхъ пейзажахъ, пропасти и горныя вершины не предназначены, чтобы ихъ созерцали всѣ люди, можетъ быть ихъ могущество сильнѣе всего поражаетъ тѣхъ, кто къ нимъ не привыкъ. Но деревья, поля, цвѣты сдѣланы для всѣхъ и необходимы всѣмъ». И какъ для человѣка, вникающаго въ жизнь природы, ея красота и величіе раскрываются въ каждомъ мѣстѣ, въ каждомъ камушкѣ, въ каждой каплѣ росы не меньше, чѣмъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, горныхъ стремнинахъ и въ грозовыхъ тучахъ, такъ и въ каждомъ завиткѣ народнаго орнамента, въ каждомъ образѣ народной пѣсни заключенъ такой же (по качеству если не по силѣ) неразгаданный творческій принципъ, какъ въ «Моисеѣ» Микель Анджело и въ «Фаустѣ» Гёте. Подобіе безъ натяжки можно провести еще далѣе. Если не всматриваться въ ткань каждаго стебелька, а окинуть однимъ взглядомъ поле ржи или цвѣтущій лугъ, развѣ эта картина менѣе прекрасна, нежели играющее въ лучахъ солнца южное море? Если разсматривать въ отдѣльности скромные продукты народнаго творчества, они могутъ многимъ казаться незначительными и бѣдными, но если интегрировать эти отдѣльныя безконечно малыя величины и представить себѣ общую картину творчества даннаго народа, то мы получимъ такое же великое искусство, такое же глубокое пониманіе какой-нибудь стороны природы, какъ и въ произведеніяхъ лучшихъ геніевъ человѣчества. Да и кромѣ того, развѣ народное искусство не создавало никогда геніальныхъ въ своей цѣльности произведеній? «Развѣ Вестминстерское аббатство или св. Софію въ Константинополѣ построили Генрихъ III и императоръ Юстиніанъ, какъ пишется въ учебникахъ исторіи,—спрашиваетъ Моррисъ,—а не простые люди, какъ вы и я, ремесленники, отъ которыхъ не сохранилось именъ, да и ничего,

*) „The Nature of gothic“, § 71.

кромѣ ихъ работы?» *). Такое именно искусство Моррисъ называетъ народнымъ и опредѣляетъ его, какъ «кооперацію многихъ умовъ и рукъ, различныхъ въ качествѣ и степени талантовъ, но производящихъ каждый свою долю работы въ надлежащемъ подчиненіи великому цѣлому, безъ малѣйшей утраты своей индивидуальности». «Потеря такого искусства,—говоритъ онъ,—несомнѣнно велика, болѣе того неоцѣнима» **). Утративъ народное искусство, т.-е. утративъ ту организацію труда, при которой онъ былъ не проклятіемъ, а радостью жизни, цивилизованная Европа сдѣлала много цѣнныхъ пріобрѣтеній. «Свободу мысли, приращеніе знаній, безграничное умѣніе пользоваться матеріальными силами природы, кромѣ того относительную политическую свободу, уваженіе къ жизни цивилизованныхъ людей и другія связанныя съ этимъ пріобрѣтенія; тѣмъ не менѣе я сознательно говорю, что... эти пріобрѣтенія куплены слишкомъ высокой цѣной: смерть искусства слишкомъ дорогая плата за матеріальное благосостояніе средняго класса... Мы отдали искусство за то, что намъ казалось свѣтомъ и свободой, но то, что мы купили, меньше, чѣмъ свѣтъ и свобода: свѣтъ показалъ многое тѣмъ изъ самостоятельныхъ людей, которые хотѣли видѣть; свобода сдѣлала достаточно свободными тѣхъ изъ состоятельныхъ людей, которые хотѣли воспользоваться своею свободой, но такихъ въ лучшемъ случаѣ было мало; для большинства людей этотъ свѣтъ показалъ, что имъ не на что больше надѣяться; свобода для большинства людей означаетъ свободу исполнять за жалкую плату первую попавшуюся работу или голодать ***)».

Итакъ, соціальный элементъ искусства опредѣляетъ все его значеніе, по мнѣнію Морриса. Любовь къ красотѣ открыла ему глаза на реальную дѣйствительность. Отсутствіе красоты въ человѣческой жизни было для него равнозначущимъ съ отсутствіемъ счастья. Вопросы искусства привели и Рескина въ соприкосновеніе съ общими бѣдствіями человѣчества, но онъ не видѣлъ въ такой мѣрѣ, какъ Моррисъ, органической связи между искусствомъ и общественнымъ строемъ, оно въ его глазахъ не играло роли конструирующаго соціальнаго фактора. Въ сущности, онъ всегда оставался ближе къ Карлейлю: его интересовали больше всего корифеи искусства и ихъ шедевры, появленіе которыхъ менѣе, очевидно, зависитъ отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ; въ такихъ художникахъ, какъ Тиціанъ, Тинторетто и Тернеръ, онъ склоненъ былъ видѣть концентрацію національнаго генія, а мелкое, обыденное художественное производство массъ было для него важно лишь постольку, поскольку оно служило красивымъ пьедесталомъ для «героевъ». Строя воздушные замки идеальнаго общественнаго строя,

*) „The lesser Arts“.
**) „Art, Weaeth and Riches“.
***) „Art and Socialism“.

основаннаго на авторитетѣ и іерархіи, онъ удѣляетъ въ немъ мѣсто искусству лишь въ качествѣ украшающаго аксессуара, не безусловно необходимаго для осуществленія нравственнаго идеала въ человѣческомъ общежитіи. Для Морриса будущность искусства отожествлялась съ будущностью народа. Когда онъ пришелъ къ этому убѣжденію, онъ со всею серьезностью сталъ искать средствъ, которыя бы дали возможность надѣяться на преобразованіе современнаго общественнаго строя. Въ этой области онъ радикально разошелся съ Рескиномъ, и конечно, различію ихъ склада убѣжденій въ соціальныхъ вопросахъ нужно приписать, что между ними никогда не было личной близости, несмотря на то, что многое должно было ихъ соединять.

Моррисъ не обладалъ той силой теоретической мысли, которая придаетъ глубокое значеніе критическому анализу Рескина, даже если не придавать значенія его положительнымъ конструкціямъ, но зато гораздо яснѣе понималъ механизмъ общественной жизни и трезво оцѣнивалъ факторы, производящіе въ ней движеніе. «Если я правильно понимаю ваши взгляды,—писалъ онъ одному изъ своихъ корреспондентовъ,—вы думаете, что *индивидуумы* доброй воли, принадлежащіе ко всѣмъ классамъ, если они будутъ достаточно многочисленны и дѣятельны, могутъ совершить желаемыя перемѣны. Я же, напротивъ, думаю, что основа всякой перемѣны должна заключаться, какъ это и было всегда, въ антагонизмѣ классовъ: я того мнѣнія, что, хотя тамъ и сямъ немногіе изъ среды высшаго и средняго класса, движимые своею совѣстью и разумомъ, могутъ и несомнѣнно будутъ дѣлить жребій съ трудящимися классами, все-таки высшій и средній классъ, какъ таковые, по самой основѣ своего существованія, какъ растительная сила, будутъ противостоять уничтоженію классовъ. Я не говорю, что это не имѣетъ печальной стороны, но какъ можетъ иначе быть? Коммерціализмъ, конкуренція безразсудно сѣяли вѣтеръ и должны пожать бурю: они создали пролетаріатъ въ своихъ интересахъ, и ихъ собственное созданіе уничтожитъ и должно уничтожить ихъ: нѣтъ другой силы, которая бы могла это сдѣлать. Что меня касается, я никогда не оцѣнивалъ слишкомъ низко силу среднихъ классовъ: не взирая на встрѣчающуюся въ ихъ средѣ индивидуальную добрую природу и банальность, а считаю ихъ самой страшной и неумолимой силой, и мнѣ кажется возможнымъ, что ихъ противодѣйствіе необходимымъ перемѣнамъ, если начало этихъ перемѣнъ будетъ слишкомъ долго медлить, разрушитъ всякую цивилизацію на время» *). Если въ высшихъ классахъ Моррисъ не видѣлъ такого могущества, какъ въ среднихъ, то онъ былъ не лучшаго мнѣнія объ ихъ способности взять на себя задачи времени. Вѣра Рескина въ предвѣчное дѣленіе людей на рабовъ и господъ была совершенно чужда Моррису. Онъ находилъ, что даже

*) *Mackail*, II, 116—117.

теперь, при деморализующемъ вліяніи капиталистическаго строя, при низкомъ уровнѣ умственнаго уровня трудящихся массъ, только въ ихъ средѣ можно найти здоровый инстинктъ общественной справедливости, не извращаемый вѣковыми предразсудками и классовымъ эгоизмомъ. На практикѣ это стало для него ясно при первомъ же его выступленіи на политической аренѣ во время русско-турецкой войны: въ то время, какъ правительство и буржуазія, въ видахъ защиты своихъ коммерческихъ интересовъ, вели низкую, трусливую политику, покровительствуя звѣрскимъ подвигамъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, Моррисъ нашелъ только на рабочихъ митингахъ откликъ своему возмущенному чувству гуманности и рѣшимость противодѣйствовать, по крайней мѣрѣ, открытому вооруженному вмѣшательству въ пользу турецкихъ палачей и разбойниковъ. Съ этого момента Моррисъ не порывалъ связи съ рабочими кругами, и когда вскорѣ послѣ этого, впервые въ Англіи, стала организовываться рабочая партія въ качествѣ политической силы, онъ принялъ въ ней самое горячее участіе, пренебрегая оппозиціей своихъ лучшихъ друзей. Правда, онъ не имѣлъ данныхъ для роли вождя подобной организаціи—роли, которая роковымъ образомъ навязывалась ему силою обстоятельствъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лихорадочно-напряженной дѣятельности долженъ былъ отказаться отъ практической политики, но по чувству и убѣжденію онъ до конца жизни остался соціалистомъ. Этотъ соціализмъ отличался, однако, весьма своеобразными чертами: онъ не питался классовымъ инстинктомъ, потому что Моррисъ не былъ пролетаріемъ, и не вытекалъ изъ теоретическихъ посылокъ политической экономіи, которою Моррисъ хотя и занимался усиленно, но не могъ заинтересоваться и овладѣть, а развился всецѣло на почвѣ эстетическихъ взглядовъ.

Въ этомъ смыслѣ демократическій складъ убѣжденій Морриса представляетъ замѣчательное явленіе. Большинство европейскихъ художниковъ, удостаивающихъ общественные вопросы своего вниманія, всячески стараются выдѣлиться въ новую аристократію, стоящую выше «низменныхъ страстей» и политическихъ стремленій. Правда, всегда встрѣчались отдѣльныя личности и среди художниковъ, которые изъ чувства гуманности пассивно или даже активно становились на сторону трудящихся массъ, но это не соприкасалось со сферою ихъ профессіональной дѣятельности или даже находилось въ противорѣчіи съ нею: тогда они смотрѣли на свое искусство, какъ на слабость или грѣхъ, и порой готовы были совсѣмъ отречься отъ него. Въ литературѣ эта психологія изображена въ «Двухъ художникахъ» Гаршина, а мимоходомъ и въ «Одинокихъ людяхъ» Гауптмана. Таково въ основѣ отношеніе къ своей художественной дѣятельности и у Л. Н. Толстого. Довольно многочисленны, особенно у насъ, художники, которые считаютъ, что только извѣстное идейное содержаніе или извѣстная школа техники (натурализмъ или реализмъ) придаютъ искусству общественное

значеніе и дѣлаютъ его демократическимъ. Не говоря объ общеизвѣстныхъ русскихъ художникахъ и писателяхъ, укажемъ во Франціи на Курбе и на самого Зола, въ Германіи на плеяду быстро выдохшихся натуралистовъ, бурно выступившихъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Но идея, что искусство, какъ таковое, независимо отъ школъ, направленій и тенденцій, является самымъ вѣрнымъ союзникомъ демократіи, и обратно, что демократія является единственной средой, въ которой искусство способно жить и развиваться, а не только красиво умирать, была впервые высказана и обоснована Моррисомъ, и до сихъ поръ эта мысль понята лишь весьма немногими *).

Критикуя съ этой точки зрѣнія существующій общественный строй, Моррисъ вслѣдъ за Рескиномъ считалъ главными врагами искусства и демократіи торговую конкуренцію и машинное производство. Относительно послѣдняго, впрочемъ, онъ шелъ на серьезныя уступки. Онъ признавалъ, что значительная часть нужной человѣчеству работы по существу имѣетъ чисто механическій характеръ и не можетъ быть скрашена искусствомъ: къ этой категоріи принадлежитъ вся работа, которая непосредственно не производитъ какихъ-нибудь предметовъ. Сократить эту, такъ сказать, черную работу до минимума и могла бы взять на себя машинная техника. Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, Моррисъ думалъ, что и чисто механическій трудъ, если онъ можетъ быть исполненъ лучше или хуже, и если онъ не черезчуръ продолжителенъ, можетъ доставлять людямъ удовольствіе, и что, если бы онъ былъ подѣленъ между всѣми людьми, а не сваленъ на плечи одного только класса людей, то онъ не представлялъ бы никакого неудобства въ экономіи человѣческаго счастья. Вся же масса труда, производящаго предметы, совмѣстима съ искусствомъ, а слѣдовательно, способна служить источникомъ радости для производителя, какъ и для потребителя; поэтому нѣтъ никакого основанія примѣнять здѣсь механическіе двигатели и вообще техническія «усовершенствованія», кромѣ простыхъ ручныхъ станковъ, если цѣлью производства ставить не накопленіе прибылей, а удовлетвореніе тѣхъ потребностей, для которыхъ предназначается производимый предметъ. На сколько такая форма производства успѣвала бы обслуживать все растущія потребности человѣчества, которыя Моррисъ не склоненъ сокращать до такихъ предѣловъ, какъ Л. Толстой, остается открытымъ вопросомъ. Что касается торговой конкуренціи, составляющей главный нервъ современной жизни, то безусловно справедливо, что она, съ одной стороны, стремится свести къ нулю всякій трудъ, который не приноситъ денежнаго барыша, и слѣдовательно, въ корнѣ враждебна художественной дѣятельности, а съ другой стороны, нисколько не обезпечи

*) Объ этомъ см. этюдъ автора „Интеллигенція и демократія во Франціи“, „Міръ Божій“ 1903 г., №№ 2 и 3.

ваетъ прогресса въ удовлетвореніи даже чисто матеріальныхъ потребностей общества, ибо соперничество происходитъ не въ улучшеніи продукта, а въ его ухудшеніи путемъ урѣзыванія оплаты рабочихъ рукъ и въ изобрѣтательности въ сферѣ пріемовъ сбыта, т.-е. въ изысканіи новыхъ искусственныхъ потребностей или въ умѣніи скрыть недостатки и преувеличить достоинства товара. Во всѣхъ случаяхъ общество отъ этого только проигрываетъ.

Такое анархическое состояніе производства, по мнѣнію Морриса, не можетъ продолжаться до безконечности. Лучшія человѣческія качества не могутъ не противостать этимъ разрушительнымъ силамъ, ведущимъ европейское общество къ новому періоду одичанія. Какимъ путемъ произойдетъ переломъ, надъ этимъ вопросомъ онъ мало задумывался. Онъ вѣрилъ только, что человѣкъ, который заснулъ бы въ концѣ XIX-го вѣка и проснулся бы въ XXI-мъ, нашелъ бы, что Англія, закопченная дымомъ, обезображенная грязью большихъ городовъ, опозоренная рабствомъ трудящихся массъ, стала цвѣтущимъ садомъ, въ которомъ живетъ и трудится здоровое, красивое и счастливое племя, менѣе изнѣженное, чѣмъ мы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не представляющее себѣ существованія безъ красоты въ природѣ и въ искусствѣ. Такую Англію Моррисъ описываетъ подробно въ своемъ романѣ «Извѣстія ниоткуда», переведенномъ на многіе европейскіе языки и содѣйствовавшемъ популярности автора, особенно на континентѣ, болѣе всѣхъ другихъ его сочиненій *). Побужденіемъ къ этому роману послужилъ извѣстный, также фантастическій романъ Беллами («Looking Backward»), въ которомъ авторъ старался довести до крайнихъ предѣловъ современную форму культуры: человѣкъ окончательно поработилъ себѣ природу при помощи техническихъ изобрѣтеній. Въ противовѣсъ этому Моррисъ хотѣлъ видѣть идеалъ жизни въ полной гармоніи между человѣкомъ и природой, такъ, чтобы послѣдняя была не рабой, а другомъ человѣка. Если въ смыслѣ культуры идиллія Морриса является антитезой романа Беллами, то, какъ соціальный идеалъ, она является такой же антитезой авторитарнаго государства будущаго, о которомъ мечталъ Рескинъ. Принудительныя, строго разграфленыя отношенія между людьми, благополучіе поневолѣ замѣняютсяу Морриса свободнымъ общеніемъ, регулируемымъ исключительно взаимною любовью и добротой членовъ новаго общества. Если Рескинъ въ своихъ общественныхъ идеяхъ можетъ быть названъ ученикомъ Платона (его «Политія»), то Моррисъ идетъ по стопамъ Томаса Мора и Фурье. Облечь соціальную утопію въ художественную форму не удавалось до сихъ поръ ни одному писателю, не удалось и Моррису. Интересъ, присущій подобнаго рода произведеніямъ, чисто

*) См. *Е. В. Аничковъ*. „Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ", въ сборникѣ „Литературное дѣло", Спб. 1902 г.

теоретическій. Поэтому и романъ Морриса имѣетъ значеніе лишь, какъ синтезъ его критики современнаго строя общества. Для насъ цѣнность этого произведенія уменьшается тѣмъ, что Моррисъ не съумѣлъ изобразить здѣсь въ конкретныхъ образахъ психологію производства и потребленія искусства въ тотъ моментъ, когда оно стало всенароднымъ, тогда какъ его лекціи въ этомъ смыслѣ полны широкими перспективами, свидѣтельствующими о истинно художественной наблюдательности надъ самимъ собой и надъ декоративнымъ искусствомъ минувшихъ вѣковъ.

Л. Н. Толстой.

И Рескинъ и Моррисъ отправлялись отъ искусства и довольно сходнымъ путемъ пришли къ глухой стѣнѣ соціальной несправедливости. Сознавая, какое неоцѣнимое благо для нихъ самихъ заключалось въ наслажденіи, доставляемомъ искусствомъ, въ формѣ дѣятельности и въ формѣ воспріятія, они были поражены тѣми условіями, которыя лишаютъ подавляющее большинство современныхъ людей возможности испытывать подобное наслажденіе вмѣстѣ со всѣми его благотворными послѣдствіями. Взгляды Л. Н. Толстого на искусство сложились инымъ путемъ. Онъ сначала заинтересовался міровыми вопросами о смыслѣ жизни, о царствѣ Божіемъ на землѣ, о религіозной основѣ человѣческой справедливости, и затѣмъ уже, съ высоты своего религіозно-соціальнаго міровоззрѣнія, съ высоты идеала общественныхъ отношеній, въ который онъ увѣровалъ, обратился къ вопросамъ искусства, которымъ онъ прежде занимался, не задумываясь. Отсюда дедуктивный, отвлеченный и абсолютный характеръ его эстетической теоріи. Но сквозь эту теорію часто прорѣзываются остатки прежнихъ привычекъ, чувствъ и воззрѣній, впрочемъ также не всегда къ лучшему: иногда не трудно замѣтить консервативный складъ вкусовъ человѣка опредѣленной эпохи, весьма узкой въ смыслѣ оцѣнки искусства; но зато рядомъ съ этимъ, почти неожиданно, мы слышимъ голосъ человѣка, который самъ глубоко пережилъ опытъ художественнаго творчества и не забылъ еще, что выше этой радости не дано испытывать человѣку. Этотъ сложный генезисъ сужденій Толстого вызываетъ многочисленныя противорѣчія, которыхъ онъ самъ не замѣчаетъ. При этомъ онъ съ такимъ пренебреженіемъ относится къ научному способу изложенія, что очень часто утверждаетъ, какъ вполнѣ очевидныя истины, весьма спорныя или неопредѣленныя положенія, не считая нужнымъ выяснить ихъ точное значеніе или обосновывать ихъ логически. Онъ не потрудился также припомнить или поискать, не высказывалъ ли кто-нибудь раньше него тѣ положенія, которыя онъ считаетъ своими открытіями, и взявъ на выдержку нѣсколько старомодныхъ эстетикъ, не задумываясь, заключаетъ, что всѣ

люди, думавшіе и писавшіе объ искусствѣ, старались только дать теоретическую основу современному состоянію искусства, плачевному въ смыслѣ узости сферы воздѣйствія. Когда-то, въ исторіософической части «Войны и Мира», онъ съ такимъ же пренебреженіемъ третировалъ историковъ, утверждая, что они занимаются только біографіями королей, полководцевъ и героевъ, между тѣмъ какъ въ то время исторія давно уже стремилась освѣтить историческій процессъ, какъ интегралъ всей совокупности мелкихъ силъ, дѣйствующихъ на общество и въ обществѣ. Точно также игнорируетъ Толстой въ области эстетики какъ разъ тѣхъ, которые должны были бы особенно привлечь его вниманіе. «Надо надѣяться,—говоритъ онъ («Что такое искусство», стр. 230),—что та работа, попытку которой я сдѣлалъ объ искусствѣ, будетъ сдѣлана и о наукѣ...» Такимъ образомъ, раньше Толстого какъ будто никто не подымалъ вопроса о соціальной роли искусства. «Надо прежде всего поправить обычную ошибку, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 77),—которую дѣлаютъ люди, приписывая нашему искусству значеніе истиннаго общечеловѣческаго искусства». Послѣ Рескина и Морриса, казалось бы, ничего не оставалось прибавить къ ихъ горькимъ упрекамъ современному искусству въ томъ, что оно не «истинное» и не «общечеловѣческое» *). Также, какъ Толстой, они были убѣждены, что «нельзя заставлять людей подневольно трудиться для искусства, не рѣшивъ прежде вопроса, правда ли, что искусство есть такое хорошее и важное дѣло, что оно выкупаетъ это насиліе» (стр. 13), и рѣшали этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что искусство дѣйствительно есть хорошее и важное дѣло, безъ котораго человѣчеству живется очень плохо, но что оно не нуждается въ подневольномъ трудѣ и насиліи, а напротивъ, есть лучшій признакъ духовной свободы и должно служить для всѣхъ источникомъ «радости навѣки».

Но для насъ важно не то, что Толстой несправедливо игнорируетъ Рескина и Морриса **), а то, что самыя цѣнныя его мысли объ искусствѣ, къ которымъ онъ пришелъ, конечно, самостоятельно, очень часто тожественны съ мыслями этихъ двухъ англійскихъ мыслителей, а иногда выражены почти буквально одними и тѣми же словами. Въ системѣ ихъ взглядовъ есть, конечно, и весьма существенныя различія, но въ этихъ разногласіяхъ правда обыкновенно не на сторонѣ великаго русскаго читателя: большею частью это тѣ случаи, когда онъ

*) Нечего говорить, что съ другихъ точекъ зрѣнія многіе отрицали „истинность" новѣйшаго искусства; между ними такіе, напр., разнородные ученые, какъ Тэнъ и Ѳ. И. Буслаевъ, который, можетъ быть, по всей справедливости названъ русскимъ пре-рафаэлитомъ въ теоріи.

**) Врядъ ли можно думать, что онъ не былъ знакомъ, если не съ Моррисомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ Рескиномъ.

умозаключаетъ дедуктивно отъ религіозныхъ основъ своего этико-общественнаго идеала къ искусству.

Искусство, каково бы оно ни было — хорошее или дурное, при современномъ строѣ жизни производится для немногихъ, а народныя массы, которыя оплачиваютъ тяжкимъ трудомъ всю нашу культуру, въ томъ числѣ и академіи, консерваторіи, театры, картинныя галлереи коллекціонеровъ и меценатовъ и т. п., этимъ искусствомъ не пользуются. Стоитъ ли искусство того, чтобы изъ за него приносились такія матеріальныя жертвы и поддерживалась такая несправедливость? Такъ ставитъ вопросъ Толстой и разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что то, что теперь называется искусствомъ, въ большинствѣ случаевъ есть поддѣлка подъ искусство, роскошь, забава праздныхъ людей, арена алчности для любителей легкой наживы, а вовсе не искусство, настоящее же искусство,—то, которое могло бы быть нужно всѣмъ, почти вовсе исчезло изъ обихода современнаго европейскаго общества. «Наше исключительное искусство высшихъ классовъ христіанскаго міра пришло къ тупику. По тому пути, по которому оно шло, ему дальше идти некуда... Искусство будущаго — то, которое дѣйствительно будетъ,—не будетъ продолженіемъ теперешняго искусства, а возникнетъ на совершенно другихъ, новыхъ основахъ...» (стр. 211). Тотъ же безпощадный приговоръ новѣйшему искусству,—искусству высшихъ классовъ, то же пророчество о будущемъ искусствѣ мы уже слышали: «Я того мнѣнія, что искусство имѣетъ такую симпатическую связь съ веселой свободой, чистосердечіемъ и реальною жизнью, такъ страдаетъ отъ эгоизма и любви къ роскоши, что оно не захочетъ жить въ такой изолированности и исключительности (какъ теперь). Я пойду далѣе и скажу, что при такихъ условіяхъ я не желаю, чтобы оно жило. Я торжественно утверждаю, что для всякаго честнаго художника позорно наслаждаться такимъ награбастаннымъ для себя одного искусствомъ, какъ позорно для богатаго человѣка садиться за свой изысканный столъ среди голодающихъ солдатъ въ осажденной крѣпости. Мнѣ не нужно искусства для немногихъ, также какъ образованія для немногихъ или свободы для немногихъ». Эти слова сказаны Моррисомъ *) за двадцать лѣтъ (1878 г.) до цитированныхъ выше словъ Толстого, и изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что это не случайно вырвавшаяся фраза, а содержаніе всей его проповѣди о демократизаціи искусства.

Толстой очень долго останавливается на вопросѣ, почему такое извращенное, фальшивое искусство можетъ быть признаваемо за настоящее, истинное, которое, теперь, пожалуй недоступно народу, потому что онъ забитъ матеріальной нуждой и невѣжественъ, но со временемъ могло бы стать всеобщимъ искусствомъ, когда увеличится благосо-

*) „The Lesser Arts".

стояніе и распространится просвѣщеніе. Существованіе такого исключительнаго искусства,—находитъ онъ,—содѣйствуетъ укрѣпленію привилегированнаго положенія обезпеченныхъ классовъ, а потому въ ихъ средѣ изобрѣтена ложная теорія искусства, направленная къ тому, чтобы дать законную видимость современному его состоянію. Теорія эта заключается 'въ томъ, что цѣлью искусства признается *наслажденіе*, а содержаніемъ *красота*. Послѣднее слово, несмотря на безчисленныя попытки дать ему философское опредѣленіе*), по мнѣнію Толстого, можетъ имѣть только одно значеніе: красота это то, что красиво, т.-е. то, что нравится зрѣнію, и вовсе не синонимъ хорошаго. Если въ послѣднее время стали безразлично примѣнять слово «красивый» къ зрительнымъ, какъ и къ звуковымъ впечатлѣніямъ и даже къ нравственнымъ качествамъ, то это извращеніе языка, противорѣчащее народному смыслу, который-де всегда различалъ понятія красиваго и хорошаго. «Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ моей молодости,—говоритъ Толстой,—выраженія «красивая музыка» и «некрасивые поступки» были не только неупотребительны, но непонятны» (стр. 20—22). Слово «красивый», дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ есть неологизмъ, но надо замѣтить, что оно и вообще сравнительно новое слово, свойственное только литературному языку (въ народномъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ «красовитый»). Однако, несомнѣнно, что во всѣ времена и въ народномъ, и въ литературномъ языкѣ существовало слово для выраженія высокой степени одобренія безразлично при оцѣнкѣ внѣшности, или звука, или нравственнаго качества. Конечно, и въ молодости Л. Н. Толстого всѣмъ понятны и общеупотребительны были выраженія «прекрасная музыка», «прекрасный поступокъ», какъ и «прекрасная картина». Въ народномъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ «красный», что можно было бы подтвердить многочисленными свидѣтельствами старой письменности и народной поэзіи. Въ народѣ говорятъ «красная дѣвица», но и «красный звонъ». Поговорка «не красна изба углами, а красна пирогами» сопоставляетъ внѣшнюю, зрительную красоту съ радушіемъ, гостепріимствомъ, т.-е. съ нравственными качествами, и обозначаетъ оба эти вида красоты однимъ словомъ. Такимъ образомъ весь этотъ филологическій экскурсъ Толстого представляется простымъ недоразумѣніемъ. Именно въ первоначальномъ пониманіи языка не было строгаго раздѣленія между внѣшними и внутренними достоинствами, и корень слова «добрый» обозначалъ всякаго рода хорошія качества: доброту въ нашемъ смыслѣ, силу (добрый витязь или

*) Мы не будемъ здѣсь останавливаться на томъ, что множество цитированныхъ Толстымъ опредѣленій красоты, если взять на себя трудъ вникнуть въ содержаніе разнообразныхъ терминовъ, а не останавливаться на несходствѣ ихъ звуковъ, можно было бы свести къ немногимъ основнымъ группамъ, такъ что впечатлѣніе калейдоскопа, которое вызывается у профана изобиліемъ этихъ цитатъ, есть результатъ внѣшняго способа ихъ сопоставленія.

добрый конь), красоту (оздобный—украшенный) и даже пріятный вкусъ (сдобный).

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что когда теперь говорятъ о красотѣ въ искусствѣ, въ живописи, въ музыкѣ, въ поэзіи и въ архитектурѣ, то имѣютъ въ виду чаще всего только поверхностное пріятное впечатлѣніе, получаемое воспринимающимъ субъектомъ: въ красивомъ домѣ можетъ быть очень неудобно жить, красивая музыка и поэзія могутъ быть совершенно лишены содержанія. Въ пластическихъ искусствахъ пріятное впечатлѣніе зрителя является какъ будто болѣе рѣшающимъ моментомъ, но если глубже вникнуть въ процессъ эстетическаго воспріятія, то не трудно увидѣть, что живопись въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ отраслей искусства. Прежде всего объективнаго содержанія понятія красоты нѣтъ и не можетъ быть,—въ этомъ Толстой совершенно правъ. Это чисто историческая категорія, и то, что въ то или другое время, въ тѣхъ или другихъ географическихъ границахъ признается за идеалъ красоты, имѣетъ весьма сложный составъ и подвергается постоянной эволюціи. Искусство въ періоды своего роста до момента полнаго расцвѣта никогда не заботилось о красотѣ. Есть много состояній, которыхъ можно достигнуть лишь тогда, когда, не думая о нихъ, стремишься къ чему-нибудь другому. Если человѣкъ всю свою жизнь будетъ искать счастья, онъ всегда будетъ неудовлетворенъ и разочарованъ; если же передъ нимъ дорогая ему реальная цѣль, къ которой онъ можетъ хоть отчасти приблизиться, то попутно могутъ быть моменты, когда его грудь будетъ расширяться отъ почти физическаго ощущенія счастья. То же самое со здоровьемъ: заботы о немъ несомнѣнный признакъ болѣзни. Точно такъ же пуглива красота въ искусствѣ: художникъ можетъ стремиться служить своими произведеніями религіи, и если онъ, дѣйствительно, способенъ молиться кистью, стихами или звуками, то онъ создаетъ произведеніе искусства, которое въ душѣ воспринимающаго субъекта, если этотъ способенъ сочувствовать художнику, разбудитъ особое, специфическое радостное чувство, выливающееся въ возгласѣ: «это прекрасно!» Такъ было съ примитивными живописцами Италіи XIV-го и XV-го вѣковъ, со строителями готическихъ церквей XIII-го вѣка, съ авторами многихъ духовныхъ пѣснопѣній, гусситами, Лютеромъ, Ефремомъ Сириномъ. Художникъ можетъ благоговѣйно преклоняться передъ величіемъ природы, можетъ отдать свою жизнь на изобрѣтеніе средствъ передать подмѣченныя имъ тайны, не думая о томъ, красивы онѣ или нѣтъ, и у зрителя, если онъ способенъ сочувствовать художнику, откроются глаза, и тотъ новый міръ, который откроетъ ему художникъ, покажется ему прекраснымъ. Художникъ, писатель можетъ быть пораженъ царящимъ на землѣ зломъ, несправедливостью и страданіями людскими, изъ-подъ его кисти или пера вырвется крикъ негодованія, или вопль отчаянія, или кличъ ко всѣмъ, у кого «сердце бодрое, руки сильныя», для борьбы съ неправдой

и созданные имъ образы зажгутъ сердца людей, и каждый, кто способенъ сочувствовать художнику, ощутитъ суровую красоту этихъ образовъ. Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду исчерпать число чувствъ, достойныхъ художественной обработки: каждая эмоція, которая повелительно побуждаетъ художника къ творческой работѣ, можетъ облечься въ плоть и кровь живого образа; каждое произведеніе, въ основѣ котораго лежитъ такая эмоція, не умираетъ, какъ бы ни измѣнялись техническіе пріемы. Но вотъ искусство дошло до вершины, какая только доступна въ извѣстномъ направленіи; родилось и умерло поколѣніе художниковъ, которые воплотили доступное людямъ величіе и поразили ихъ воображеніе настолько, что всѣ сошлись въ признаніи ихъ произведеній идеаломъ, дальше котораго идти некуда. Дальнѣйшія поколѣнія художниковъ будутъ развиваться подъ гнетомъ ихъ славы, будутъ сравнивать свои произведенія съ классическими образцами, будутъ подражать имъ или конкурировить съ ними, изучать ихъ пріемы и стараться детальнѣе, утонченнѣе, глубже разработать созданный ими типъ красоты. Красота окаменѣла и стала сознательною цѣлью искусства. Это упадокъ, вырожденіе, старость искусства. Ничего великаго не сдѣлаетъ художникъ, который видитъ свою цѣль не выше своего мольберта, а ограничиваетъ ее амбиціей написать какъ можно болѣе красивую картину. Можно найти натурщицу красивѣе рафаэлевскихъ мадоннъ, но самый тщательный портретъ ея будетъ некрасивъ сравнительно съ ними; самыя красивыя женщины нарисованы на бомбоньеркахъ, но въ художественномъ отношеніи эти хорошенькія личики безобразны. Однимъ словомъ, красота произведенія искусства заключается не въ красотѣ изображенныхъ предметовъ, не въ какой-нибудь опредѣленной комбинаціи линій, красокъ или звуковъ, которая въ данное время соотвѣтствуетъ представленіямъ о красотѣ, а въ непосредственности и силѣ того «пафоса» по терминологіи Бѣлинскаго, который въ душѣ художника послужилъ источникомъ творческаго процесса.

И Рескинъ, и Моррисъ, и Толстой разными словами, но сходнымъ образомъ изображали очерченный нами выше процессъ подъема, расцвѣта и паденія искусства, и хотя относительно историческихъ формъ этой кривой позволительно съ ними не соглашаться (всѣ трое находятъ, что съ начала XVI вѣка эта кривая непрерывно понижалась до нашихъ дней, тогда какъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе крупные частичные подъемы происходили съ той поры неоднократно), но сущность этого процесса они понимали вполнѣ правильно. Припомнимъ, что Рескинъ еще въ молодости видѣлъ источникъ энергіи художника въ его искренности, и этотъ взглядъ онъ сохранилъ на всю жизнь. По мнѣнію Толстого искренность художника, т.-е. испытываемая имъ внутренняя потребность выразить свое чувство, есть главное условіе «заразительности искусства», иначе говоря, она опредѣляетъ силу воздѣйствія художественнаго произведенія на воспринимающаго субъекта (стр. 172). Коренного значенія этого качества, конечно, никто не отри-

цаетъ, но важно понять всѣ вытекающія изъ этого признанія послѣдствія. Когда въ исторіи искусства утрачивается непосредственность, когда художники попадаютъ подъ гнетъ пережитаго идеала красоты, которому они хотятъ дать какъ можно болѣе яркое выраженіе, тогда начинаютъ постепенно изощряться и усложняться техническія средства, техника постепенно получаетъ преобладающую роль надъ психическимъ моментомъ и неизмѣнно вырождается въ безсмысленную, самодовлѣющую виртуозность, изысканность, манерность и фальшь. Мы видѣли уже, какъ Рескинъ и Моррисъ враждебно относятся къ технической утонченности, приписывая этому качеству безжизненность всего новѣйшаго искуства. Точно также и Толстой считаетъ виртуозность смертельною болѣзнью и одною изъ главныхъ причинъ, почему искусство высшихъ классовъ не можетъ быть понятно народнымъ массамъ, противопоставляя ему простоту и неподдѣльную искренность народнаго искусства, какъ дѣлали и Рескинъ, и Моррисъ. Но признавая непосредственность и искренность единственной живительной силой искусства, Толстой самъ разрушаетъ всю силу этого принципа, требуя, чтобы художникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и воспринимающій субъектъ, какъ критикъ, такъ и зритель приступали къ художественному произведенію съ твердо установленной нравственно-эстетической теоріей. Такъ изложивъ въ смѣшномъ видѣ два акта «Зигфрида» Вагнера*), въ убѣжденіи, что авторъ только подражаетъ искусству, Толстой прибавляетъ: «смѣло можно рѣшить, что все, что напишетъ такой авторъ, будетъ дурно, потому что, очевидно, такой авторъ не знаетъ, что такое истинное художественное произведеніе» (стр. 151). Но почему же опера Вагнера нравится? Потому что она различными искусственными пріемами гипнотизируетъ «людей, не имѣющихъ яснаго представленія о томъ, чѣмъ должно быть искусство» (стр. 158). Также неосновательно поступаетъ и ученая критика, не прилагающая одной апріорной мѣрки ко всѣмъ произведеніямъ искусства: «Вмѣсто того, чтобы дать опредѣленіе истиннаго искусства и потомъ, судя по тому, подходитъ или не подходитъ произведеніе подъ это опредѣленіе, судить о томъ, что есть и что не есть искусство, извѣстный рядъ произведеній, почему-либо нравящійся людямъ извѣстнаго круга, признается искусствомъ, и опредѣленіе искусства придумывается такое, которое покрывало бы всѣ эти произведенія» (стр. 51—52). Не говоря уже о томъ, что ученые эстетики, къ которымъ обращенъ этотъ упрекъ, совершенно неповинны въ этомъ грѣхѣ, и напротивъ слишкомъ часто приступали къ живымъ явленіямъ искусства съ абстрактной критической теоріей, можно спросить, куда же дѣвалась искренность и непосредственность? Ибо, если художникъ, чувствуя влеченіе дать образъ роящимся въ головѣ его голосамъ, ста-

*) Кстати сказать, замѣчательно сходнымъ языкомъ излагалъ Ничше оперы Вагнера, когда онъ изъ страстнаго поклонника обратился въ ожесточеннаго его врага. См. *Eduard Kulke.* „Richard Wagner und Friedrich Nietzsche", Leipzig 1890, стр. [illegible] 57.

нетъ взвѣшивать, соотвѣтствуетъ ли то, что онъ собирается создать, здравымъ представленіямъ объ истинномъ художественномъ произведеніи, то несомнѣнно онъ долженъ будетъ, хотя бы безсознательно, подгонять подъ эти здравыя представленія свою живопись, свою музыку или книгу, а слѣдовательно, будетъ неискреннимъ, т.-е. разрушитъ главное, по Толстому, условіе заразительности своего искусства. Если зритель, сидя въ театрѣ, будетъ повторять про себя усвоенный имъ символъ вѣры и провѣрять свои впечатлѣнія незыблемыми догматами, то о непосредственности чувстване можетъ быть и рѣчи. И точно также, если ученый будетъ укладывать явленія искусства на прокрустово ложе своей классификаціи, установленной на основаніи апріорныхъ разсужденій, а не на основаніи того, что ему нравится, то онъ будетъ похожъ не человѣка, который, глядя на какой-нибудь необычный закатъ солнца, находитъ, что онъ неестественъ, ибо ни одинъ художникъ ничего подобнаго не рисовалъ.

То, что какое-нибудь произведеніе искусства нравится, это и значитъ, что оно заражаетъ, — если хотите, гипнотизируетъ воспринимающаго субъекта. Конечно, причина этого зараженія или гипноза часто лежитъ не въ силѣ выраженнаго художникомъ чувства, а въ побочныхъ условіяхъ: въ силѣ привычки, въ нравственномъ давленіи общественнаго мнѣнія, въ совершенно случайныхъ ассоціаціяхъ. Поэтому, то обстоятельство, что какое-нибудь произведеніе пользуется успѣхомъ, далеко не всегда служитъ доказательствомъ его высокаго художественнаго достоинства, если измѣрять его искренностью автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое высокое произведеніе искусства не можетъ никакимъ другимъ путемъ дѣйствовать на воспринимающаго субъекта, какъ только тѣмъ, что оно ему нравится. Какъ зритель можетъ заразиться чувствомъ художника, если произведеніе, въ которомъ это чувство выражено, ему не нравится, т.-е. не доставляетъ ему удовольствія? Онъ можетъ десять разъ заглядывать въ свой эстетическій кодексъ и говорить себѣ: да, это хорошее произведеніе, авторъ зналъ, что такое настоящее искусство; но если это «хорошее» произведеніе не доставляетъ ему удовольствія, то оно его не заражаетъ. Но по мнѣнію Толстого, это будетъ только доказательствомъ извращенности зрителя. «Непонятно дѣйствительно можетъ быть хорошее и высокое художественное произведеніе, но только не простымъ, неизвращеннымъ рабочимъ людямъ народа (этимъ понятно все самое высшее), но настоящее художественное произведеніе можетъ быть и часто бываетъ непонятно многоученымъ, извращеннымъ, лишеннымъ религіи людямъ» (стр. 115). Толстой дѣлитъ человѣчество на двѣ неравныя части: первая часть—это «маленькій кружокъ извращенныхъ людей», «культурная толпа», иначе «люди нашего времени», «люди нашего круга» или «вся Европа»; вторая часть—народъ. Каждая изъ этихъ группъ внутри представляется Толстому вполнѣ однородной. «Для человѣка съ неизвращеннымъ вкусомъ, для рабочаго

не городского, это (распознаніе истиннаго художественнаго произведенія между тысячами поддѣльныхъ) такъ же легко, какъ легко животному съ неиспорченнымъ чутьемъ найти въ лѣсу или въ полѣ изъ тысячъ слѣдовъ тотъ одинъ слѣдъ, который ему нужно; но не такъ это для людей съ испорченнымъ воспитаніемъ и жизнью вкусомъ. У этихъ людей атрофировано чувство, воспринимающее искусство, и въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній они должны руководиться разсужденіемъ и изученіемъ, и эти разсужденіе и изученіе окончательно путаютъ ихъ» (стр. 163). Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Толстой самъ предлагаетъ разсудочный критерій для расцѣнки искусства на истинное и фальшивое. «Все, что я писалъ, — говоритъ онъ, разсуждая, напр., о 9-ой симфоніи Бетховена,—я писалъ только для того, чтобы найти ясный, разумный критерій, по которому можно бы было судить о достоинствахъ произведеній искусства. И критерій этотъ, совпадая съ простымъ и здравымъ смысломъ, несомнѣнно показываетъ мнѣ то, что симфонія Бетховена не хорошее произведеніе искусства» (стр. 192). Но это противорѣчіе касается только «небольшого кружка извращенныхъ людей», тогда какъ человѣку «изъ народа» разрѣшается руководствоваться непосредственнымъ чувствомъ. Такъ, напр., слушая «Зигфрида» Вагнера, «я невольно представилъ себѣ,—говоритъ авторъ,—почтеннаго, умнаго, грамотнаго деревенскаго рабочаго человѣка, преимущественно изъ тѣхъ умныхъ, истинно религіозныхъ людей, которыхъ я знаю изъ народа, и воображалъ себѣ то ужасное недоумѣніе, въ которое пришелъ бы такой человѣкъ, если бы ему показали то, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ» (стр. 154). Нѣмецкіе эстетики стараго времени (многіе, впрочемъ, и до сихъ поръ), какъ ultima ratio оцѣнки художественныхъ произведеній, имѣли обыкновеніе ссылаться на здравый смыслъ *нормальнаго* зрителя. Если присмотрѣться повнимательнѣе, этимъ нормальнымъ интеллектомъ всегда является сытый филистеръ, который въ свободное время, въ воскресеніе послѣ обѣда, закуривъ сигару, любитъ поговорить о политикѣ, о дороговизнѣ, о добромъ старомъ времени и о Шиллерѣ. Для Толстого такимъ же нормальнымъ субъектомъ является этотъ «почтенный, умный, грамотный деревенскій рабочій человѣкъ».

Представляетъ ли вкусъ этого нормальнаго цѣнителя гарантію правильныхъ эстетическихъ сужденій? Въ то время, когда на Руси еще существовало дѣйствительное единое, всѣмъ близкое и понятное народное искусство, въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Моррисъ, можно было бы еще считать вкусъ перваго попавшагося крестьянина въ извѣстныхъ предѣлахъ среднимъ, если и не единственно рѣшающимъ вкусомъ народа. Но тѣ условія, которыя создали культурную отчужденность высшихъ и низшихъ классовъ у насъ еще больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, не только извратили (допустимъ) вкусъ высшихъ классовъ, но почти до основанія разрушили искусство и интересъ къ нему въ средѣ низшихъ классовъ. «Искусство всена-

родное,—говоритъ самъ жеТолстой, — возникаетъ только тогда, когда какой-либо человѣкъ изъ народа, испытавъ сильное чувство, имѣетъ потребность передать его людямъ». Въ такомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ творчества, русское народное искусство доживаетъ свой вѣкъ только въ очень немногихъ мѣстахъ, преимущественно въ далекихъ сѣверныхъ трущобахъ. Объ этомъ можно сожалѣть, но этого нельзя отрицать. Какъ всюду въ Европѣ, такъ и у насъ дешевый фабрикатъ вытѣснилъ художественную промышленность. Съ уменьшеніемъ творчества, съ сокращеніемъ производства атрофировался и несомнѣнно также извратился и вкусъ. Настоящее искусство, старинная пѣсня, орнаментъ, рѣзьба сохраняются еще кое-гдѣ въ видѣ мертваго переживанія, въ видѣ археологическихъ памятниковъ, а мѣсто этого искусства узурпировала фабричная или солдатская пѣсня, гармошка, «французскій» ситчикъ, «Бѣлый генералъ» или «Взятіе китайскаго города Хайлара» на лубочной картинкѣ. И эти ужасныя, безвкусныя и большею частью безнравственныя (въ смыслѣ Толстого) произведенія, не выражающія никакого чувства, потому что они создаются не изъ потребности творчества, а изъ-за куска хлѣба дешевыми рабами фабрикантовъ и никольскихъ издателей, эти продукты разложенія нравятся тому почтенному, умному крестьянину, съ которымъ знакомъ Толстой. Это ли искусство хочетъ онъ заставить насъ признать истиннымъ?

Что касается искусства и вкусовъ «культурной толпы», то они вовсе не такъ однородны, какъ это представляется Толстому: «всю Европу» нельзя взять за одну скобку. Опера Вагнера и 9-я симфонія Бетховена имѣютъ, конечно, много поклонниковъ, но еще пожалуй больше противниковъ, между ними многіе музыканты, какъ напр. такіе несомнѣнно извращенные (съ точки зрѣнія Толстого) люди, какъ Чайковскій. Толстой возмущается символической и «декадентской» французской поэзіей *), но всѣмъ извѣстно, какой всеобщій протестъ встрѣтила она повсюду и въ самой Франціи. Ему также антипатичны новыя направленія французской живописи, импрессіонизмъ, символизмъ и т. д., но если бы онъ не судилъ на основаніи свидѣтельствъ весьма невѣжественнаго любителя (стр. 106—108), а захотѣлъ бы самъ ознакомиться съ тѣми художниками, которыхъ онъ такъ огульно осуждаетъ, то, мы увѣрены, онъ нашелъ бы какъ разъ среди этихъ художниковъ такихъ, которые ближе всего подходятъ къ его идеалу истиннаго искусства, одушевленнаго религіознымъ чувствомъ любви къ человѣку; таковъ напр., Пювисъ де-Шаваннъ, Эженъ Карьеръ и др. Но для людей, любящихъ искусство, не какъ праздную роскошь, а какъ высшее проявленіе человѣческаго духа, еще болѣе обидно то, что Толстой сва-

*) Между прочимъ, какъ примѣръ безсмыслицы, онъ выписываетъ три пѣсни Метерлинка (стр. 104—105), печатая ихъ безъ перерыва, какъ одно стихотвореніе. Я думаю, что выходитъ безсмыслица.

ливаетъ въ одну кучу то искусство, въ которое художники вкладываютъ свою жизнь, хотя можетъ быть и идутъ по ложному пути, и базарный товаръ, разсчитанный не только на дурные вкусы, но и на дурные инстинкты. Численно онъ, конечно, всюду преобладаетъ и имѣетъ свою обширную, а главное богатую публику, но къ дѣйствительно серьезному искусству эта продажная фабрикація относится такъ же, какъ гармошка и лубокъ съ Никольскаго рынка къ настоящему народному искусству, какъ проституція къ истинной любви. Истинное, глубоко прочувствованное, хотя бы и болѣзненное искусство рѣдко, скромно, и рыночная цѣна ему въ большинствѣ случаевъ дешевая. Тѣ милліоны изъ народнаго кармана, которыми Толстой попрекаетъ искусство высшихъ классовъ, тратятся именно на эти суррогаты искусства. Не нужно быть «нормальнымъ» человѣкомъ изъ народа, чтобы чувствовать негодованіе при мысли, что какой-нибудь примадоннѣ или танцовщицѣ «даютъ 100.000 за сезонъ или живописцу столько же за картину, и еще больше авторамъ романовъ, описывающимъ любовныя сцены» (стр. 201 — 202). Вспомнимъ только «Политическую экономію искусства» Рескина и его трудовую теорію художественной цѣнности.

Какими же свойствами должно обладать искусство, чтобы стать общенароднымъ? И стоитъ ли вообще заботиться объ искусствѣ? Развѣ люди не могли бы жить по закону евангельской любви, отбросивъ праздную повидимому игру фантазіи? Все, что Толстой мимоходомъ говорилъ объ искусствѣ ранѣе своей книги «Что такое искусство», давало поводъ думать, что онъ склоняется къ утвердительному отвѣту на послѣдній вопросъ. Поэтому, несмотря на столько горькихъ истинъ, а еще болѣе несправедливыхъ упрековъ, высказанныхъ имъ по адресу искусства и его служителей, можно было только радоваться, услышавъ отъ великаго писателя земли русской, что онъ не подвергаетъ ни малѣйшему сомнѣнію великое значеніе художественнаго творчества въ жизни человѣчества. Искусство, говоритъ онъ, «есть необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ... Благодаря способности человѣка заражаться посредствомъ искусства чувствами другихъ людей, ему дѣлается доступно въ области чувства все то, что пережило до него человѣчество, дѣлаются доступны чувства, испытываемыя современниками, чувства, пережитыя другими людьми тысячи лѣтъ тому назадъ, и дѣлается возможной передача своихъ чувствъ другимъ людямъ»... Не будь у людей способности къ общенію въ области мысли, они были бы подобны звѣрямъ. «Не будь другой способности человѣка—заражаться искусствомъ, люди едва ли бы не были еще болѣе дикими и, главное, разрозненными и враждебными» (стр. 60 — 61). «Какъ бы ни былъ поэтиченъ, похожъ на настоящій, эффектенъ или занимателенъ предметъ, онъ не предметъ искусства, если онъ не вызываетъ въ человѣкѣ того, совершенно особеннаго отъ всѣхъ другихъ, *чувства радости*, единенія душевнаго съ

другимъ (авторомъ) и съ другими (со слушателями или зрителями), воспринимающими то же художественное произведеніе» (стр. 169). Функціи, приписываемыя здѣсь искусству, велики и плодотворны, но это только одна сторона его соціальной роли. Толстой обращаетъ почти исключительное вниманіе на *потребленіе* искусства, тогда какъ оно имѣетъ еще, пожалуй, большее значеніе для человѣчества, чѣмъ *производство*. Если переживать чувства, выраженныя другимъ человѣкомъ, доставляетъ радость, то насколько интенсивнѣе испытываетъ ее тотъ, кто въ состояніи кристаллизовать свое собственное чувство въ формѣ художественнаго произведенія и такимъ образомъ создать причину радости для другихъ. Толстой оставилъ безъ разсмотрѣнія искусство, какъ дѣятельность, конечно потому, что производителей искусства немного, а потребителемъ можетъ быть всякій. Такое соображеніе обнаруживаетъ, что онъ еще слишкомъ крѣпко стоитъ на почвѣ современной организаціи художественнаго производства, когда оно составляетъ профессію сравнительно ничтожной группы людей. Правда, онъ энергично протестуетъ противъ профессіональности въ области искусства, такъ какъ это приводитъ къ обособленности художниковъ, какъ соціальной группы, къ утонченности и исключительности самаго искусства, отчуждаемаго такимъ образомъ отъ пониманія широкихъ массъ народа. Правда, Толстой, также какъ Рескинъ, хотѣлъ бы, чтобы во всѣхъ народныхъ школахъ преподавались элементы рисованія и музыки, съ цѣлью дать возможность развитія каждому творческому таланту, но все-таки онъ представляетъ себѣ, повидимому, что талантомъ къ творчеству всегда будутъ обладать только исключительныя натуры. Мимоходомъ онъ высказываетъ очень любопытное замѣчаніе, что «искусство во всѣхъ видахъ граничитъ, съ одной стороны, съ практически полезнымъ, съ другой—съ неудачными попытками искусства» (стр. 15). Если бы онъ углубилъ эту мысль, онъ пришелъ бы вѣроятно къ тому же выводу, какъ и Моррисъ, что спасеніе отъ неудачныхъ попытокъ для искусства заключается въ томъ, чтобы оно какъ можно сильнѣе укрѣпило свою связь съ практически полезнымъ. Всѣмъ людямъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свойственна способность къ художественному творчеству, также какъ всѣ способны болѣе или менѣе чувствовать искусство, только въ настоящее время эти способности глохнутъ отъ отсутствія упражненія. Но не всѣ люди могутъ писать картины, лѣпить статуи, сочинять романы и симфоніи: большинство будетъ всегда строить дома, дѣлать столы и стулья, лѣпить горшки, ткать, ковать и т. д. Поэтому художественныя дарованія должны найти примѣненіе въ этой области, искусство не должно отгораживаться стѣной отъ хозяйственной дѣятельности, оно должно служить выраженіемъ счастливыхъ условій труда, какъ говоритъ Моррисъ, оно должно соединить неразрывными узами художника и рабочаго. И только тогда, когда искусство станетъ народнымъ, какъ производство, оно можетъ сдѣлаться доступнымъ потребленію народному. Какъ производство, оно

должно вносить радость въ работу; какъ потребленіе, оно сдѣлаетъ радостнымъ только досугъ, котораго у человѣчества немного.

Но когда мы говоримъ — радость, удовольствіе, то не ставимъ ли, мы искусству цѣлью доставлять людямъ *наслажденіе*? Удовольствіе, радость и наслажденіе—вѣдь это синонимы, выражающіе только разныя степени одного и того же ощущенія пріятности. Между тѣмъ Толстой приписываетъ всю извращенность современнаго искусства тому, что высшіе классы требуютъ отъ него наслажденія, и утверждаетъ, что искусство, если оно должно стать народнымъ, должно отказаться отъ стремленія доставлять наслажденіе. «Вѣдь, разбирая вопросъ о пищѣ, — говоритъ онъ, — никому въ голову не придетъ видѣть значеніе пищи въ томъ наслажденіи, которое мы получаемъ отъ принятія ея» (стр. 53). Точно также искусство, какъ своего рода духовная пища, должно оцѣниваться только по своейпитательности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что разсужденіе о пищѣ плохо подтверждаетъ мысль автора. Значеніе пищи, конечно, заключается не въ наслажденіи, но самыми точно обставленными опытами доказано, что питательныя свойства пищи только тогда хорошо усваиваются организмомъ, когда принятіе пищи сопровождается удовольствіемъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ удовольствіе (наслажденіе испытываютъ только обжоры) является не цѣлью, а средствомъ питанія. Точно также можно сказать, что, если путемъ искусства люди должны что-нибудь усваивать, то средствомъ, которымъ располагаетъ для этого искусство, и притомъ единственнымъ, является удовольствіе. Разница заключается только въ томъ, что пища, введенная въ желудокъ безъ удовольствія, хотя бы насильственно, все-таки съ грѣхомъ пополамъ переваривается и поддерживаетъ питаніе организма, тогда какъ искусство немыслимо, если оно не доставляетъ удовольствія художнику, и не заражаетъ никого чувствомъ художника, если оно не доставляетъ удовольствія воспринимающему субъекту: кто (кромѣ развѣ несчастныхъ рецензентовъ) будетъ читать романъ, если онъ скученъ, хотя бы онъ былъ полонъ самыми христіанскими чувствами? Но мало того: развѣ въ жизни человѣчества такъ много радости, чтобы надо было осуждать дѣятельность, которая стремится увеличить сумму пріятныхъ ощущеній? Что наслажденіемъ злоупотребляютъ однѣ группы общества, иногда до пресыщенія, въ ущербъ другимъ, которымъ достаются однѣ печали, это вопросъ соціальный, а не эстетическій. Искусство разнообразно и многогранно: иногда оно при посредствѣ удовольствія, захватываетъ нетолько чувство, но и мысль, и волю человѣка, а иногда оно ограничиваетъ свою амбицію только тѣмъ, чтобы радовать взоръ или слухъ, дѣлая этимъ человѣка болѣе счастливымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно одинаково почтенно и желательно. Самъ Толстой впрочемъ не можетъ удержаться на высотѣ своей аскетической теоріи, и мы уже подчеркивали его неосторожное признаніе, что какой-нибудь предметъ можно только тогда назвать произведеніемъ искусства, когда онъ вызываетъ из-

вѣстное специфическое «чувство радости». А отъ радости до наслажденія одинъ шагъ.

Какого же рода пищу должно вводить искусство въ душу человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается Толстому его общими религіозно-нравственными взглядами. Какое бы чувство ни испытывалъ художникъ, доброе или злое, нравственное или безнравственное, разъ оно дѣйствительно испытывается, а не симулируется, оно можетъ лечь въ основу настоящаго, неподдѣльнаго искусства,—это признаетъ и Толстой. Но онъ настаиваетъ на томъ, что мы должны производить расцѣнку искусства, т.-е. чувствъ, которыя оно передаетъ, на хорошее, дурное или безразличное искусство. Цѣннымъ для жизни, нужнымъ для всѣхъ, а потому народнымъ искусствомъ можетъ быть только хорошее искусство. Мѣриломъ же для расцѣнки искусства служитъ распространенное въ обществѣ религіозное пониманіе смысла жизни. «Всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это то религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ» (стр. 65). Такъ было всегда и вездѣ. «Вся исторія показываетъ (?), что прогрессъ человѣчества совершался не иначе, какъ при руководствѣ религіи» (въ значеніи сознанія высшаго смысла жизни). «Если же прогрессъ человѣчества не можетъ совершаться безъ руководительства религіи,—а прогрессъ совершается всегда, слѣдовательно совершается и въ наше время,—то должна быть и религія нашего времени» (стр. 177). Но такъ какъ въ дѣйствительности исторія ничего подобнаго не показываетъ, а окружающая дѣйствительность это самымъ наглядным образомъ опровергаетъ, то Толстой бьется въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, стараясь согласить желательное съ существующимъ. Такъ несмотря на то, что «всегда и вездѣ» цѣнилось и теперь цѣнится только религіозное (въ указанномъ смыслѣ) искусство, оказывается, что въ настоящее время среди извѣстнаго класса людей «стало выростать искуство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только по тому, насколько оно красиво; другими словами—насколько оно доставляетъ наслажденіе» (стр. 67). Несмотря на то, что «вездѣ и во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ» существуетъ будто бы общее всѣмъ людямъ высшее религіозное сознаніе, оказывается, что высшіе классы, въ силу разныхъ историческихъ причинъ, «остались безъ всякаго религіознаго міровоззрѣнія» (стр. 68.). Противорѣчія эти иногда прямо сталкиваются на одной и той же страницѣ. Такъ, утверждается, напр., что общая всѣмъ религія въ настоящее время—христіанство, и что «вся жизнь людей нашего времени проникнута духомъ этого ученія и сознательно и безсознательно руководится имъ», а нѣсколькими строками выше признавалось что «причина болѣзни (современнаго искусства) была непринятіе ученія Христа въ его ис-

тинномъ, т.-е. полномъ значеніи. Исцѣленіе отъ болѣзни только въ одномъ—въ признаніи этого ученія во всемъ его значеніи» (стр. 207). Для всякаго, мало-мальски знакомаго съ фактами изъ исторіи искусства и быта минувшихъ вѣковъ, также очевидна несообразность слѣдующаго утвержденія: «Пока искусство не раздвоилось, а цѣнилось и поощрялось одно искусство религіозное, безразличное же искусство не поощрялось,—до тѣхъ поръ вовсе не было поддѣлокъ подъ искусство; если же они были, то, будучи обсуживаемы всѣмъ народомъ (?), онѣ тотчасъ же отпадали» (стр. 132.) Авторъ, конечно, не могъ бы указать ни одного факта всенароднаго обсужденія произведеній искусства съ точки зрѣнія соотвѣтствія господствующему религіозному сознанію. Если происходили обсужденія и осужденія, разумѣется не всенародныя, то только съ точки зрѣнія традиціи, а въ худшемъ случаѣ съ точки зрѣнія догмы.

Изъ положенія, что въ данное время понятно и цѣнно только то искусство, которое соотвѣтствуетъ религіозному сознанію даннаго времени, логически слѣдуетъ, что искусство прошедшихъ временъ, воплощавшее другіе религіозные идеалы, теряетъ всякую цѣну и интересъ. Толстой не боится этого deductio ad absurdum: «что было велико передъ людьми, стало мерзостью передъ Богомъ» (стр. 180). «Только благодаря критикамъ (которыхъ Толстой считаетъ однимъ изъ главныхъ золъ для искусства), восхваляющимъ въ наше время *грубыя, дикія и часто безсмысленныя для насъ* (курсивъ нашъ) произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана, или новыхъ: Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; въ живописи—всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ «Страшнымъ судомъ»; въ музыкѣ всего Баха и всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ, стали возможны въ наше время Ибсены, Метерлинки, Верлены» и т. д. (стр. 137). «Чувства, передаваемыя искусствомъ нашего времени, не только не могутъ совпадать съ чувствами, передаваемыми прежнимъ искусствомъ, но должны быть противоположны имъ» (стр. 180). Если бы это было дѣйствительно такъ, то искусство имѣло бы чисто временное значеніе, немногимъ больше, чѣмъ значеніе моды. Къ счастью, Толстой и тутъ непослѣдователенъ и изъ собственнаго внутренняго опыта разрушаетъ то, что созидаетъ его тиранническая теорія. Мы уже цитировали его глубокую мысль, что благодаря искусству, человѣку «дѣлается доступно въ области чувства все то, что пережило до него человѣчество, чувства, пережитыя другими людьми тысячи лѣтъ тому назадъ...» И когда онъ называетъ нѣсколько произведеній искусства, которыя, по его мнѣнію, могутъ считаться общенародными, то рядомъ съ ничтожными произведеніями, вводимыми имъ въ угоду своей теоріи и своимъ устарѣлымъ вкусамъ (напр., слащавыя картины Жюля Бретона и Дефреггера), онъ считаетъ достойными и нѣсколько старыхъ произведеній, въ томъ числѣ, напр., «Иліаду», и «Одиссею»; а вѣдь въ этихъ поэмахъ, такъ ярко выражающихъ

«религіозное сознаніе» древнихъ грековъ, нѣтъ и слѣда современнаго христіанства, заключающагося, по опредѣленію Толстого, въ сознаніи того, «что наше благо, и матеріальное, и духовное, и отдѣльное, и общее, и временное, и вѣчное, заключается въ братской жизни всѣхъ людей, въ любовномъ единеніи нашемъ между собой» (стр. 177—178).

Истина заключается въ томъ, что нѣтъ критерія для отдѣленія хорошаго искусства отъ дурного. Всякое искусство, достойное своего имени, т.-е. искусство, созданное потребностью художника выразить свое чувство, независимо отъ качества этого чувства, будетъ хорошимъ искусствомъ. Это не значитъ, что искусство стоитъ по ту сторону добра и зла, но эти категоріи устанавливаются только въ сознаніи воспринимающаго субъекта. Очень хорошо, если художникъ стоитъ «на уровнѣ высшаго для своего времени міросозерцанія», какъ требуетъ Толстой (а также и Рескинъ), но, въ общемъ, это встрѣчается крайне рѣдко. Художникъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ смертные, и имѣетъ право быть несовершеннымъ. Всякое искреннее чувство, хорошее или дурное, даже порочное и вредное въ общественномъ смыслѣ, имѣетъ свои глубокія причины въ духовной природѣ человѣка и связано тысячами нитей съ окружающимъ міромъ. Закрѣпивъ въ образѣ конкретный фазисъ этого чувства, художникъ открываетъ намъ всегда какую-нибудь новую, имъ впервые открытую сторону своей психической жизни, и если мы находимъ этотъ образъ прекраснымъ, это значитъ, что мы поняли или, по крайней мѣрѣ, почувствовали цѣлую группу явленій, которая соприкасается съ выраженнымъ въ немъ чувствомъ, и уже дѣло наше освѣтить этотъ пріоткрывшійся намъ тайникъ нашимъ собственнымъ идеаломъ или «религіознымъ сознаніемъ», сохраняя выраженіе Толстого. Чѣмъ богаче наше міросозерцаніе, чѣмъ развитѣе наше чувство, тѣмъ большая область искусства доступна нашему пониманію. Мы непрестанно подчеркивали, что произведеніе искусства можетъ быть заразительно только для того, кто способенъ къ его воспріятію. Искусство, которое производило бы одинаковое воздѣйствіе на все человѣчество, хотя бы на всѣхъ тѣхъ, кто не извратилъ своихъ вкусовъ городскою культурою, нельзя себѣ вообразить; это утопія *), и при томъ такая, которая стремится обѣднить и принизить искусство. Искусство не должно и не можетъ спуститься до низшаго интеллектуальнаго уровня, какой только можетъ существовать, но зато человѣчество въ правѣ и можетъ стремиться къ расширенію и обогащенію своего интеллекта, и было бы преступленіемъ поставить ему въ этомъ направленіи предѣлъ, его же не прейдеши. Въ этомъ смыслѣ, потенціально, искусство въ полномъ своемъ объемѣ не только всенародно, но и общечеловѣчно. Произведеніе искусства вырастаетъ изъ чувства художника, какъ растеніе, претерпѣвая всевозможное воздѣйствіе, благотворное или вредное, отъ окружающей среды. Растеніе и

*) Обстоятельное доказательство этого дано *Θ. Д. Батюшковымъ*: „Утопія всенароднаго искусства“ („Крит. очерки и замѣтки“, I, Спб. 1900).

само можетъ быть питательно или нѣтъ, цѣлебно или ядовито для человѣческой жизни, но оно всегда прекрасно для того, кто хочетъ и умѣетъ проникнуть въ тайну его жизни и строенія. И, наконецъ, свойства растенія постоянны, а отношеніе человѣка къ нимъ можетъ мѣняться: то, что въ прежнее время считалось цѣлебнымъ, со временемъ можетъ быть признано вреднымъ, и наоборотъ. Такъ и чувства, выраженныя въ произведеніи искусства, могутъ въ одну эпоху считаться благородными и возвышенными, а затѣмъ могутъ казаться разрушительными и безчеловѣчными; другія считались прежде презрѣнными, а послѣ были признаны чистыми и высокими. Но самое произведеніе искусства, если оно имѣетъ такое же органическое строеніе, какъ созданіе природы, а не является только безжизненной поддѣлкой природы, не можетъ потерять интереса и красоты. Вотъ почему неправъ Толстой, утверждая, что искусство высшихъ классовъ такъ же недолговѣчно, какъ ихъ вкусы: то, что восхищало нашихъ предковъ, теперь будто бы чуждо и непонятно. Это далеко не такъ. И въ искусствѣ предковъ, какъ бы ни измѣнились наши воззрѣнія на красоту, какъ бы ни казались намъ устарѣвшими техника и стиль, мы всегда сможемъ открыть человѣческую сторону: она проглядываетъ и сквозь завитки рококо, и сквозь условности Людовика XIV, и сквозь топорныя формы средневѣковой скульптуры, и сквозь упрощенные, схематическіе контуры египетскихъ барельефовъ. Но чтобы раскрыть свою душу для такого универсальнаго пониманія, чтобы умѣть отдѣлять устарѣвшую форму отъ вѣчно юнаго содержанія, нужно сравнительно много знать, нужно имѣть душевную бодрость и досугъ, а главное нужно самому, хоть въ малой долѣ, быть причастнымъ къ художественному творчеству: кто самъ пережилъ процессъ, посредствомъ котораго смутное сначала движеніе души кристализуется въ осязаемую форму, какъ бы результаты этого процесса ни были слабы или даже неудачны, тотъ съ особенною интенсивностью способенъ воспринимать то, что пережилъ другой, создавая свой образъ. Вотъ почему искусство во всѣхъ его проявленіяхъ до сихъ поръ составляетъ достояніе только немногихъ счастливыхъ. Поэтому же самому тотъ, кто говоритъ о возрожденіи народнаго искусства, долженъ искать средствъ, чтобы дать трудящейся массѣ досугъ, душевную бодрость, знаніе и возвратить ей возможность упражнять высшую интеллектуальную способность человѣка — способность художественнаго творчества. Этого требуетъ, по выраженію Морриса, «уваженіе къ жизни человѣка на землѣ: пусть прошлое будетъ прошлымъ, до послѣдней малости, если въ ней нѣтъ болѣе жизни; пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ, а мы обратимся къ тому, что живетъ, и, вооружась непоколебимымъ мужествомъ и надеждою, сколько у насъ ея есть, не допустимъ, чтобы земля осталась безрадостной въ грядущія времена».

Евгеній Дегенъ.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава X.

Ѳедоръ Брудный по обыкновенію проснулся на зарѣ и, выйдя на дворъ, накачалъ холодной воды въ ушатъ подъ насосомъ, потомъ неторопливо снялъ рубаху и, перегнувшись внизъ, сунулъ голову и плечи въ воду и оставался въ этой полуопрокинутой позѣ такъ долго, какъ будто рѣшился утопиться въ этомъ ушатѣ съ водой. Вытащивъ наконецъ голову изъ ушата, онъ принялся растирать ее большой и жесткой щеткой съ такой силой, какъ будто чистилъ лошадь. Вычистивъ голову, онъ вернулся въ избу и надѣлъ бѣлую рубаху съ мережанымъ воротомъ, завязаннымъ красной ленточкой, высокіе выростковые сапоги и картузъ съ широкимъ козыремъ, твердымъ и яснымъ, какъ зеркало. Въ будничное время Ѳедоръ одѣвался по-американски, то-есть носилъ шнурованные ботинки, короткій пиджакъ и твердую шляпу, но его праздничный костюмъ хранилъ всю живописность одежды верхнеднѣстровскихъ подолянъ и даже особенности того покроя, который былъ въ ходу въ родномъ селѣ Ѳедора, Озерянахъ, Тарнопольскаго повѣта.

Ѳедоръ Брудный жилъ на американской землѣ, сѣялъ американскій хлѣбъ, получалъ за свою работу американскія деньги, но приходя въ праздничное настроеніе, онъ снова чувствовалъ себя озерянскимъ селякомъ и старался въ одеждѣ и манерахъ подражать своему дѣду по матери, на котораго былъ похожъ лицомъ и который былъ заможнымъ хлопомъ и имѣлъ уволоку пахатной земли и десять морговъ сѣножати.

Ѳедоръ былъ человѣкъ огромнаго роста и мрачнаго вида. Онъ носилъ длинные усы и брилъ щеки осколкомъ старой косы, которую привезъ съ собой изъ Озерянъ и ни за что не хотѣлъ за-

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1904 г.

мѣнить американской бритвой. Онъ говорилъ, что бритва беретъ слишкомъ мягко,—онъ произносилъ *мнягко*,—и что для его «*стерны*» требуется именно коса.

День былъ будній, но Ѳедоръ еще вчера сказалъ лѣснику, что не придетъ на работу. Онъ собирался отправиться къ Сосновскому, управлявшему дѣлами комитета въ Ноксвильскомъ околоткѣ, по въ высшей степени важному предмету, а именно, онъ хотѣлъ заключить съ нимъ условіе о покупкѣ своего участка съ разсрочкой платы и сдѣлать первый взносъ. Конечно, Ѳедоръ предпочелъ бы выбрать для этого будущее воскресенье и не терять рабочаго дня, но Сосновскій долженъ былъ уѣхать въ субботу въ Филадельфію и Ѳедору не хотѣлось слишкомъ долго откладывать этого дѣла. Ноксвильскія земли, наполовину пустыя и мало воздѣланныя, почему-то начали подниматься въ цѣнѣ, и въ городѣ стали поговаривать, что комитетъ разсчитываетъ привлечь новый потокъ еврейскихъ фермеровъ изъ Восточной Европы.

Сосновскій вставалъ не рано и къ нему нельзя было отправиться раньше десяти часовъ, тѣмъ не менѣе Ѳедоръ съ ранняго утра вырядился въ свой праздничный нарядъ и обрекъ себя на нѣсколько часовъ параднаго бездѣйствія и скуки. Быть можетъ, это была съ его стороны безсознательная жертва богу важныхъ и чинныхъ сдѣлокъ, чтобы онъ оказалъ ему покровительство въ предстоящемъ ему важномъ шагѣ.

Ѳеня тоже встала и по обыкновенію немедленно отправилась задать кормъ свиньямъ. Однако, на этотъ разъ кормежка окончилась неожиданнымъ эпизодомъ. Молодой кабанъ, которому надоѣло сидѣть взаперти, еще съ вечера усердно занялся подкапываніемъ одной изъ стѣнъ хлѣва. Къ утру ходъ былъ совершенно готовъ, но хитрое животное не хотѣло пропустить завтрака. Теперь, какъ только корыто съ мѣсивомъ и ушатъ съ обрѣзками были очищены, кабанъ, не теряя времени, выбрался на свободу и прямо отправился на огородныя гряды.

— Хру-нга, хру-нга!—кричала Ѳеня, подражая свиному хрюканью и тщетно стараясь отвлечь вниманіе кабана отъ картофельной разсады. Догнать кабана было не особенно трудно, но онъ былъ упрямъ, и Ѳеня по опыту знала, что связываться съ молодыми боровами не безопасно. Два года тому назадъ, въ самомъ началѣ ея свиноводства племянной боровъ сѣкачъ бросился на нее съ поднятыми кверху клыками и она насилу успѣла заскочить за изгородь.

— Ѳедь, кабанъ ушелъ!—закричала она, обращаясь къ своему мужу, какъ къ послѣднему средству.

Ѳедоръ стоялъ среди двора, собираясь надѣть въ рукава ши-

рокое сѣрое пальто, которое, какъ двѣ капли воды, походило на свитку. Услышавъ крикъ жены и увидѣвъ бѣгущаго кабана, онъ еще постоялъ немного, потомъ быстро снялъ съ себя свитку, жилетъ, рубаху и остался совершенно безъ всего до пояса. Потомъ онъ поспѣшно подтянулъ ремень, поддерживавшій его штаны и продернутый, какъ очкуръ, сквозь особыя петли, и бросился въ догонку за кабаномъ. Его поведеніе было ему продиктовано обстоятельствами. Испачкать парадную одежду было недопустимо, но онъ не хотѣлъ также позволить кабану испортить картошку.

Завидѣвъ подбѣгавшаго хозяина, кабанъ пустился было на утекъ, но онъ былъ жиренъ и не могъ бѣгать очень быстро. Ѳедоръ безъ труда догналъ его своими длинными ногами. Кабанъ вдругъ повернулся, понурилъ голову и принялъ угрожающую позу.

— Тю, на твою голову!—хладнокровно сказалъ Ѳедоръ. Онъ размахнулся правой ногой и внезапно далъ кабану такого пинка своимъ тяжелымъ чоботомъ, что строптивое животное отлетѣло въ сторону шаговъ на пять и растянулось на землѣ.

— А хочешь, такъ зарѣжемъ тебя! — прибавилъ Ѳедоръ съ учительной нотой въ голосѣ. Кабанъ растянулся на бороздѣ и припалъ головой къ землѣ, какъ собака, ожидающая удара. Тяжелый носокъ озерянскаго сапога сразу вышибъ изъ него всякую охоту къ сопротивленію. Ѳедоръ подумалъ немного, потомъ вытащилъ ремень изъ штановъ и захлеснулъ его петлей за шею кабана. Новымъ пинкомъ онъ заставилъ его подняться на ноги и торжественно повелъ его назадъ, одной рукой сжимая ремень, а другой поддерживая свои широкія, какъ море, шаровары.

Ѳеня поглядѣла на странную фигуру своего мужа и такъ и покатилась со смѣху.

— Охъ, ты, грибъ подберезовикъ! — съ трудомъ выговорила она, хватаясь руками за перекладину изгороди.

Ѳедоръ часто выдѣлывалъ на своей усадьбѣ разныя диковинныя штуки. Онъ, между прочимъ, былъ настолько силенъ, что одинъ амбарчикъ, который былъ обращенъ дверью на сѣверъ, онъ сдвинулъ съ мѣста, какъ медвѣдь, и повернулъ его на югъ.

Ѳедоръ посмотрѣлъ на жену съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но потомъ короткая улыбка проскользнула между его жесткихъ черныхъ усовъ. Собственно говоря, онъ не видѣлъ ничего смѣшного въ своемъ поступкѣ, но женщина смѣялась такъ заразительно, что на минуту и онъ заразился ея веселостью.

Водворивъ кабана на прежнее мѣсто, Ѳедоръ чинно одѣлся и отправился въ избу, гдѣ на вышкѣ рядомъ съ горницей у него была особая комора. Онъ держалъ въ ней разныя вещи, которыя

могли понадобиться въ хозяйствѣ: старый хомутъ, все еще ожидавшій лошади, банку съ мазью отъ свиной коросты, кое-какой столярный инструментъ.

Въ этой коморѣ Ѳедоръ также держалъ свои деньги, по старому дѣдовскому обычаю, въ узкомъ кожаномъ мѣшкѣ, который Ѳедоръ называлъ чересомъ и вывезъ съ собой изъ Озерянъ. Въ Озерянахъ Ѳедоръ носилъ его ввязаннымъ въ широкій тканный поясъ, но бѣда была въ томъ, что въ чересѣ почти никогда не было ни копейки. Теперь чересъ былъ набитъ серебромъ и бумажками и Ѳедоръ пряталъ его въ какомъ-то укромномъ мѣстечкѣ въ глубинѣ своей коморы. Въ этомъ отношеніи супруги избрали разные пути и складывали свои сбереженія отдѣльно. Ѳеня съ самаго начала стала относить ихъ въ мѣстный банкъ и богатство ея заключалось въ маленькой сѣрой книжкѣ, которую она держала въ сундукѣ безъ особенныхъ опасеній, ибо книжка была именная. Но Ѳедоръ ни за что не давалъ себя убѣдить положить деньги въ банкъ.

— Еще не отдадутъ!—говорилъ онъ кратко.—Поди, судись съ ними!

Недовѣрчивость русинскаго крестьянина, который долго выносилъ на своей спинѣ и польское и нѣмецкое иго, переѣхала вмѣстѣ съ нимъ чрезъ океанъ и никакъ не хотѣла поддаться американской обстановкѣ.

Когда Ѳеня стращала его, что его деньги могутъ украсть, онъ только усмѣхался. Его комора была заперта висячимъ замкомъ, тоже привезеннымъ изъ Озерянъ, ключъ отъ котораго Ѳедоръ носилъ на шеѣ. Ключъ этотъ былъ такъ великъ, что больше всего походилъ на часть желѣзныхъ веригъ, но Ѳедоръ съ гордостью утверждалъ, что американскіе слесаря не умѣютъ дѣлать такихъ ключей и презрительно прибавлялъ, что американскіе замки маленькіе, дрянь,—онъ произносилъ «дрань».

Впрочемъ, Ѳеня даже не знала, какъ много денегъ накоплено въ завѣтномъ чересѣ Ѳедора. Онъ былъ скупъ и скрытенъ и меньше всего любилъ говорить о томъ, куда дѣвалъ деньги, полученныя за работу или за продажу чего-нибудь, что принадлежало къ мужскому хозяйству, напримѣръ, за дрова или за сѣно. Свиньи принадлежали къ женскому хозяйству и доходъ отъ нихъ доставался Ѳенѣ. У Ѳени, однако, было больше ста долларовъ въ банкѣ на книжкѣ, и она совершенно правильно разсуждала, что у Ѳедора должно быть гораздо больше денегъ, ибо онъ работалъ внѣ дома и получалъ лучшую плату, между тѣмъ какъ она должна была заниматься домашней работой. Вчера за ужиномъ Ѳедоръ совершенно неожиданно объявилъ ей, что идетъ покупать землю и она была совершенно увѣрена, что его сбереженія, должно

быть, достигли значительной суммы, если онъ рѣшается на такой шагъ.

Поднявшись на лѣстницу и проникнувъ въ свою комору, Ѳедоръ зажегъ огарокъ парафиновой свѣчи, потомъ тщательно заперъ дверь и заложилъ ее изнутри деревяннымъ брускомъ, потомъ попробовалъ, можно ли что-нибудь видѣть сквозь щели косяка, и только тогда сталъ доставать свой чересъ. Онъ былъ спрятанъ въ тайникѣ, искусно вырѣзанномъ на мѣстѣ схожденія двухъ бревенъ, и никому не могло бы придти въ голову искать его въ этомъ темноватомъ закоулкѣ.

Чересъ Ѳедора раздулся отъ денегъ и былъ очень тяжелъ, но онъ повѣсилъ его на грудь вмѣстѣ съ ключомъ и только тогда снова открылъ дверь и вышелъ изъ коморы.

Ѳеня поспѣшно отдала ему свою книжку.

— Ну съ Богомъ!—сказала она.—Дай Богъ въ добрый часъ.

И какъ ни въ чемъ ни бывало опять принялась за свои обычныя хлопоты. Катерины не было дома. Она ушла къ докторшѣ домывать бѣлье, которое Ѳеня оставила вчера въ щелочномъ бучилѣ.

Сверхъ ожиданія Ѳедоръ не засталъ Сосновскаго дома. Уполномоченный комитета въ этотъ день всталъ почти такъ же рано, какъ Ѳедоръ Брудный, и тотчасъ же уѣхалъ изъ дому по нетерпящимъ отлагательства дѣламъ. Ночью онъ получилъ телеграмму отъ одного изъ благопріятелей, который служилъ при городскомъ отдѣленіи комитета. Телеграмма сообщала, что нѣсколько членовъ комитета намѣрены на другой день внезапно посѣтить Ноксвиль. Такія посѣщенія случались довольно часто, особенно лѣтомъ и составляли нѣчто среднее между ревизіей и пикникомъ. Члены обыкновенно пріѣзжали къ завтраку, угощались у уполномоченнаго скромными дарами сельскаго хозяйства, кушали душистый медъ образцовой пасѣки и прекрасные фрукты, взращенные въ плодовомъ саду сельскохозяйственной академіи, потомъ дѣлали краткій обходъ ноксвильскихъ «учрежденій», осматривали академію и нормальную школу, а если посѣщеніе приходилось въ субботу, отправлялись въ Синагогу, посѣщали фабрику Блюменталя и двухъ наиболѣе богатыхъ фермеровъ, потомъ приходили назадъ къ Сосновскому, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ, уже болѣе изысканный, съ закусками и шампанскимъ, купленнымъ изъ самой большой лавки въ Ноксвилѣ. Впрочемъ, шампанское члены комитета часто привозили съ собою изъ Филадельфіи. Шампанское развязывало языки и кто-нибудь изъ наиболѣе именитыхъ гражданъ Ноксвиля, чаще всего самъ Сосновскій, произносилъ рѣчь, въ которой дѣятельность комитета и преуспѣяніе ноксвильской «идеи» превозносились до небесъ и изображались полными самыхъ

радужныхъ обѣщаній для будущаго. Послѣ обѣда члены комитета уѣзжали обратно въ Филадельфію и Нью-Іоркъ, унося съ собою самое пріятное воспоминаніе о сельской экскурсіи, и ревизія была окончена.

На этотъ разъ, впрочемъ, помимо ревизіи и пикника, члены комитета, повидимому, хотѣли составить противовѣсъ собранію интеллигентныхъ эмигрантовъ, праздновавшихъ свою годовщину, и потому рѣшились явиться въ Ноксвиль, но уже на другой день.

Они считали себя наиболѣе здоровыми и надежными элементами еврейства и ревностно стремились противопоставить свое вліяніе воздѣйствію нечестивыхъ, космополитическихъ и радикальныхъ интеллигентовъ. Къ ноксвильскому «простому народу» они относились въ высшей степени заботливо и постоянно старались оберегать его отъ вредныхъ вліяній, насколько это деликатное и отвѣтственное попечительство допустимо въ безцеремонной и грубой Америкѣ.

Не заставъ Сосновскаго дома, Ѳедоръ было расположился его ждать, но маленькія дѣти Сосновскаго вбѣжали въ комнату и объявили, что папа уѣхалъ въ Ноксвиль, а оттуда поѣдетъ на вокзалъ и вернется только къ полудню.

Ихъ было четверо и старшему было только десять лѣтъ. Населеніе Ноксвиля отличалось плодовитостью и интеллигенты не составляли исключенія! У доктора Харбина и его брата было вмѣстѣ шестеро дѣтей, у Сосновскаго четверо, а у Драбкина цѣлыхъ пятеро. Все это притомъ были люди среднихъ лѣтъ, которые обѣщали въ ближайшіе десять лѣтъ удвоить свое наличное потомство.

Госпожа Сосновская тоже вышла къ Ѳедору и посовѣтовала ему придти послѣ обѣда, когда парадные гости уѣдутъ назадъ.

Это была толстая, совсѣмъ расплывшаяся дама, съ сѣрымъ лицомъ и заспанными глазами. По виду ея никто бы не повѣрилъ, что десять лѣтъ тому назадъ она получила степень доктора философіи, ибо единственная философія, доступная ей въ настоящее время, была житейская и практическая, сводившаяся къ безпечальному житью, мирному потребленію продуктовъ и безостановочному накопленію денегъ.

Ѳедоръ отправился домой въ полномъ разочарованіи. Онъ потерялъ понапрасну рабочій день, ибо переговоры съ Сосновскимъ должны были состояться только ночью. Вернувшись на свою усадьбу, онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшимости передъ дверью, какъ будто спрашивая себя, не слѣдуетъ ли ему оставаться до вечера въ томъ же неудобномъ и стѣсняющемъ движенія костюмѣ.

Потомъ онъ быстро рѣшился, снялъ съ себя свитку, рубаху

и такъ далѣе, и облачился въ свое обычное рабочее платье. Потомъ взялъ топоръ и корчевальный крюкъ и отправился на лѣсистую половину своего участка, чтобы въ теченіе предстоящихъ свободныхъ часовъ очистить, насколько возможно, отъ лѣсныхъ порослей еще одинъ лишній клочокъ земли.

Глава XI.

Было уже семь часовъ, когда Ѳедоръ Брудный во второй разъ явился къ Сосновскому. На этотъ разъ онъ не захотѣлъ переодѣться. Его сѣрая короткая куртка была вся въ пятнахъ и на лѣвомъ локтѣ была четвероугольная заплата, и башмаки его, цѣлый день топтавшіе только что развороченную землю, были сѣры отъ пыли и стучали по доскамъ крыльца своими толстыми, такъ называемыми дубовыми подошвами, какъ лошадиныя копыта.

Но свою кису съ деньгами и чековую книжку жены Ѳедоръ принесъ за пазухой, твердо рѣшившись не уходить домой, пока не окончитъ своего дѣла.

Поздній обѣдъ только что кончился, но гости сидѣли за фруктами и виномъ. Брудный упрямо тряхнулъ головой и прямо прошелъ въ домъ. Одинъ изъ воспитанниковъ земледѣльческой академіи, которые во время такихъ обѣдовъ прислуживали за столомъ, провелъ его въ узкую комнату, которая служила Сосновскому дѣловой пріемной. Комната эта была рядомъ со столовой и Ѳедору можно было ясно слышать, какъ участники обѣда одинъ за другимъ поднимались и произносили рѣчи столь же импровизированно-парадныя, какъ и самый обѣдъ.

Онъ молча сидѣлъ и угрюмо ждалъ конца, отъ нечего дѣлать прислушиваясь къ обѣденнымъ рѣчамъ. Общій смыслъ ихъ былъ для него понятенъ, несмотря на то, что пирующіе говорили по-англійски, какъ это и полагалось на такомъ офиціальномъ праздникѣ. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ подъ широкій черепъ русинскаго мужика залѣзла такая несоотвѣтственная штука, какъ знаніе англійскаго языка. Самъ онъ никогда не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Онъ прислушивался къ этимъ несообразнымъ гортаннымъ и носовымъ звукамъ, которые походили больше на птичье курлыканье, чѣмъ на человѣческій языкъ, и въ концѣ концовъ смыслъ сказанныхъ словъ возникалъ самъ собой въ его головѣ и онъ зналъ, чего хочетъ его собесѣдникъ. Дрессированная лошадь почти также прислушивается къ словамъ своего хозяина, но она отгадываетъ его желанія не столько по звукамъ его словъ, сколько по выраженію его глазъ и изобразительности жестовъ.

Людямъ, сидѣвшимъ въ сосѣдней комнатѣ, было гораздо ве-

селѣе, чѣмъ Брудному. Ихъ было человѣкъ пятнадцать. Членовъ комитета было четверо и съ ними было еще двое пріятелей изъ Нью-Іорка, которые пріѣхали полюбоваться на интересное зрѣлище русско-еврейской колоніи. Въ Америкѣ мало зрѣлищъ, особенно для самихъ американцевъ, и каждый изъ нихъ чуть не весь вѣкъ питаетъ въ себѣ мечту увидѣть что-нибудь «экзотическое». Русско-еврейскій поселокъ представлялъ именно такое соединеніе Азіи, Европы и американскаго вліянія, которое могло интересовать американскихъ посѣтителей. Изъ ноксвильскихъ нотаблей были приглашены Блацкій и Драбкинъ, раввинъ Яске, который имѣлъ притязаніе на титулъ доктора іудейской теологіи и утверждалъ, что его родина въ Германіи, «немного восточнѣе Берлина», хотя на дѣлѣ онъ происходилъ изъ мѣстечка Свислоча, Минской губерніи; секретарь Сосновскаго, Бруйда, молчаливый и безцвѣтный человѣкъ, двое учителей академіи, чистокровныхъ американцевъ, которые съ еврейской благотворительностью не имѣли ничего общаго, кромѣ полученія жалованья.

Гости-благотворители рѣзко отличались отъ ноксвильскихъ обитателей своимъ сугубо-американскимъ видомъ. Одежда на нихъ была самаго моднаго покроя, со смѣшными, кругло обрѣзанными полами сюртуковъ и высокимъ двубортнымъ жилетомъ. Галстухи ихъ были заколоты толстыми золотыми булавками, и пальцы рукъ сіяли широкими перстнями съ камнями разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ передней на столѣ стоялъ принадлежавшій имъ рядъ цилиндровъ, блестящихъ и отливавшихъ дорогимъ шелковымъ ворсомъ.

Отцы и дѣды этихъ людей происходили изъ Гамбурга или Франкфурта-на-Майнѣ, но они родились на американской почвѣ и считали себя прежде всего природными американцами.

Въ двухмилліонномъ американскомъ еврействѣ существуетъ нѣсколько наслоеній, которыя стоятъ другъ надъ другомъ, какъ черепицы крыши. Старше всѣхъ испано-португальскіе евреи, такъ называемые *сефардимъ*, которые переселились сюда изъ Голландіи и Англіи, и съ гордостью утверждаютъ, что пять испанскихъ евреевъ были въ числѣ первыхъ спутниковъ Колумба, и что Люисъ Торресъ, первымъ вступившій на американскую землю, былъ еврей. Они держатся замкнутымъ кружкомъ, имѣютъ собственную синагогу, особыя благотворительныя учрежденія и клубы и чуждаются остального еврейства.

Нѣмецко-американскіе евреи, называющіе себя «іегудимъ», явились въ Америку позже испанцевъ, но все-таки достаточно давно, чтобы основательно и удобно устроиться. Изъ ихъ среды выдѣлилась богатая буржуазія, банкиры, фабриканты, владѣльцы крупныхъ торговыхъ домовъ, нѣсколько профессоровъ и модныхъ

адвокатовъ, члены конгресса, даже два сенатора и одинъ верховный судья.

Іегуды представляютъ солидный консервативный слой. Они являются ярыми приверженцами американскаго общественнаго строя, который даетъ имъ возможность наживать такіе прекрасные барыши, и самую легкую критику считаютъ потрясеніемъ основъ.

Русское еврейство, бѣдное и многочисленное, составляетъ рабочую массу съ небольшей примѣсью интеллигентовъ, и іегуды относятся къ нимъ вдвойнѣ подозрительно, ибо рабочіе слишкомъ склонны требовать увеличенія заработной платы, а интеллигенты принесли съ собой изъ Россіи привычку относиться непочтительно къ самымъ высокимъ вещамъ.

Благотворители, бывшіе на обѣдѣ, принадлежали съ самому богатому слою буржуазіи іегудовъ. Эти шесть человѣкъ вмѣстѣ могли стоить, по крайней мѣрѣ, шесть милліоновъ долларовъ. Въ своихъ денежныхъ разсчетахъ они являлись осторожными и искусными дѣльцами, но выйдя изъ стѣнъ рабочей конторы, они блѣднѣли и теряли оригинальность. Въ общественномъ отношеніи они являлись скучными копіями шаблоннаго идеала, который выросъ въ Америкѣ на почвѣ грубаго, слишкомъ скоро пріобрѣтеннаго богатства. Они во всемъ подражали христіанамъ, строили роскошныя синагоги съ дорогимъ органомъ, ложами для молящихся и іудейскимъ пасторомъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, заводили благотворительныя учрежденія, столь же дорогія, лицемѣрныя и безполезныя, какъ у любыхъ «акробатовъ благотворительности».

Ихъ сыновья и младшіе братья основывали спортменскіе клубы и общества приличныхъ молодыхъ людей, которые собирались по субботамъ, чтобы по-очереди произносить рѣчи на этическія темы.

Какъ всѣ выскочки, они до-нельзя преувеличивали плоскую и лицемѣрную сторону того буржуазнаго строя, приверженцами котораго они являлись. Въ ихъ общественномъ честолюбіи были смѣшныя стороны, какъ у дикарей или неразвитыхъ дѣтей. Напримѣръ, въ большихъ городахъ Америки были нѣкоторыя ультрааристократическія гостинницы, которыя усиленно щеголяли консерватизмомъ по старо-европейскому образцу и поэтому поставили себѣ за правило не принимать евреевъ. Каждый изъ этихъ еврейскихъ богачей охотно заплатилъ бы тысячу или двѣ долларовъ за право занять номеръ въ такой гостинницѣ, хотя бы на одну ночь...

Несмотря на импровизированный характеръ этого деревенскаго праздника, обѣдъ имѣлъ предсѣдателя, которымъ являлся президентъ комитета, банкиръ Кракауръ. Онъ имѣлъ въ своихъ ру-

кахъ лоскутокъ бумаги, на которомъ были написаны по порядку имена всѣхъ предположенныхъ ораторовъ.

Первую рѣчь сказалъ, впрочемъ, онъ самъ. Она содержала нѣсколько комплиментовъ по адресу мѣстныхъ администраторовъ Ноксвиля, и Сосновскій отвѣтилъ въ краткихъ словахъ. Теперь слово принадлежало Габріэлю Абажуру, тоже банкиру, но представителю болѣе молодого поколѣнія. Онъ не состоялъ въ комитетѣ, но былъ однимъ изъ двухъ гостей, и притомъ наиболѣе желаннымъ.

Это былъ человѣкъ сытый и плотный, съ добродушными сѣрыми глазами и улыбкой постоянно хорошо обѣдающаго человѣка. Въ петличкѣ его сюртука былъ продѣтъ бѣлый цвѣтокъ. Несмотря на свой добродушный видъ, Абажуръ имѣлъ среди еврейскихъ банкировъ громкую военную репутацію. Во время испанской войны онъ принялъ дѣятельное участіе въ снаряженіи еврейскаго полка, подобно многимъ другимъ американскимъ богачамъ, снаряжавшимъ полки на собственный счетъ. Онъ самъ тоже поступилъ волонтеромъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кубѣ, и если не былъ раненъ, то за то захворалъ маларіей, что въ военное время гораздо опаснѣе и хуже.

— Находясь въ центрѣ обширнаго земледѣльческаго округа,— сказалъ онъ,—и послѣ посѣщенія столь прекрасно устроенной земледѣльческой школы, позвольте мнѣ привѣтствовать васъ, какъ главныхъ дѣятелей по возвращенію еврейскаго народа къ такому почтенному труду, какъ земледѣліе. Я надѣюсь, что поселки ваши вырастутъ и умножатся, и что еврейскіе фермеры дадутъ нашему возлюбленному отечеству здоровыхъ сыновей, готовыхъ защищать край, который сталъ для нихъ родиной!..

— Браво!—закричали единодушно присутствующіе.

Кракауръ снова поднялся на ноги и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ оратора.

Комитетъ до сихъ поръ старательно поддерживалъ фикцію, что еврейскіе поселки въ ноксвильскомъ округѣ являются земледѣльческими.

Подальше Ноксвиля, по линіи желѣзной дороги было расположено еще нѣсколько колоній: Союзъ, Кармелъ, Розенгайнъ. Въ этихъ колоніяхъ почти не было фабрикъ, но фермеры жили скудно и кое-какъ перебивались кукурузой и сладкимъ картофелемъ.

Чтобы поправить ихъ благосостояніе, комитетъ не нашелъ ничего лучше, какъ устройство новыхъ промышленныхъ предпріятій на такихъ же основаніяхъ, что и въ Ноксвилѣ. Проекты такихъ предпріятій уже стали приводиться въ исполненіе и на дѣлѣ весь околотокъ въ концѣ концовъ долженъ былъ быть превращенъ за благотворительный счетъ въ настоящее промышленное царство.

— Слово принадлежитъ Хосандеру!—провозгласилъ Кракауръ.

Членъ комитета Хосандеръ, высокій и тощій, съ лошадинымъ лицомъ и большими постоянно обнаженными зубами, поспѣшно поднялся на ноги, какъ будто получивъ неожиданный толчокъ снизу.

— Мы, американскіе, состоятельные граждане, — сказалъ онъ,—чувствуемъ на себѣ долгъ не только устроить матеріально, но и облагородить нашихъ младшихъ братьевъ. Имъ должно быть внушено уваженіе къ порядку и собственности и стремленіе неослабнымъ упорствомъ своего труда развить основы благосостоянія, заложенныя съ нашей помощью. Только тогда оно будетъ прочнымъ и достойнымъ Америки!..

Другой членъ комитета Жаденеръ, толстый и красный, съ двойной золотой цѣпью, протянутой изъ одного жилетнаго кармана въ другой, напомнилъ, что благодарность есть высшая человѣческая добродѣтель, а неблагодарность—высшій порокъ. Бѣдные жители Ноксвиля должны помнить, чѣмъ они обязаны усиліямъ тѣхъ, которые призвали ихъ сюда и заложили для нихъ среди пустыни основы ихъ общества и въ настоящія смутныя времена всегда становятся подъ ихъ знамя.

Онъ даже прибавилъ, что надѣется, что въ Ноксвилѣ обучаютъ юношество именно этимъ принципамъ.

Драбкинъ слегка усмѣхнулся, но промолчалъ.

Нѣкоторые изъ еврейскихъ благотворителей все-таки считали его не совсѣмъ подходящимъ для роли руководителя школы, назначенной для бѣдныхъ дѣтей. Комитетъ въ трудную минуту призвалъ его, какъ послѣднее средство, но теперь онъ такъ прочно укрѣпился, что могъ смотрѣть довольно хладнокровно на выходки въ родѣ словъ Жаденера. Притомъ же академія получала большую часть фондовъ изъ Парижа и не особенно зависѣла отъ щедротъ комитета.

Драбкинъ посылалъ въ Парижъ фотографическіе снимки и лучшія письменныя работы учениковъ. Кромѣ того, онъ зналъ, что парижскіе распорядители фондовъ культурнѣе американскихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ получилъ поздравительное письмо изъ Парижа, которое утверждало, что земледѣльческая академія Ноксвиля является самымъ благоустроеннымъ изъ учебныхъ заведеній, основанныхъ на ихъ деньги.

Сосновскій позволилъ себѣ даже похлопать первой части рѣчи Жаденера, но при намекѣ относительно академіи лицо его немедленно приняло совершенно непроницаемое выраженіе. Это былъ человѣкъ до такой степени обстрѣлянный, что легкимъ измѣненіемъ улыбки и выраженія лица, онъ могъ почти одновременно выразить сочувствіе двумъ совершенно различнымъ и даже оппо-

нирующимъ другъ другу элементамъ. Онъ происходилъ изъ Керчи, побывалъ въ московскомъ университетѣ, потомъ получилъ въ Бернѣ ученую степень. Въ Америкѣ онъ жилъ такъ давно, что почти разучился говорить по-русски. Онъ былъ первымъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ лѣсистую трущобу, которая должна была превратиться въ Ноксвиль и подъ его наблюденіемъ расчищались заросли и строились дома для переселенцевъ. Теперь въ его рукахъ сосредоточились всѣ оффиціальныя нити по управленію Ноксвилемъ. Онъ продавалъ и давалъ на выплату фермы, давалъ субсидіи фабрикантамъ, распредѣлялъ двигательную силу. Положеніе его было трудное. Онъ долженъ былъ давать обѣды членамъ комитета, выслушивать ихъ рѣчи, иногда уговаривать ихъ, какъ дѣтей, имѣть дѣло съ требовательностью фабрикантовъ, успокаивать портныхъ и слесарей, которые нерѣдко вспоминали, что нью-іоркскіе заработки выше ноксвильскихъ и начинали заговаривать о стачкѣ.

Въ силу необходимости, онъ являлся повсюду миротворцемъ и старался предупреждать столкновенія. Такія новыя, искусственныя и общественныя единицы, какъ Ноксвиль, слишко часто распадаются отъ внутреннихъ несогласій, а для Сосновскаго вся его жизнь и карьера были связаны съ Ноксвилемъ. Несмотря на свой ученый дипломъ, онъ сильно бѣдствовалъ до ноксвильской эпохи, и даже однажды въ теченіе трехъ мѣсяцевъ занимался разносной торговлей, въ качествѣ дешеваго коробейника. Теперь въ его вѣдѣніи находились обороты, достигавшіе ежегодно полумилліона долларовъ. Мало-по-малу онъ развилъ въ себѣ значительное финансовое искусство. Онъ ревниво слѣдилъ, чтобы всѣ части капиталовъ, вложенныхъ въ ноксвильское дѣло, возвращались назадъ безъ всякаго ущерба. Идея отдавать пустыя фермы въ чужія руки принадлежала именно ему. При неуплатѣ очереднаго взноса за домъ или землю, онъ продавалъ имущество своихъ кліентовъ съ публичнаго торга или сгонялъ ихъ съ участка. Ноксвильскіе евреи съ ѣдкимъ чувствомъ юмора прозвали его бурмистромъ и Іосифомъ въ Египтѣ, приравнивая свое положеніе не къ братьямъ египетскаго министра, но къ тѣмъ египетскимъ мужикамъ, которые должны были отдать свои участки въ казну фараона и дѣлать такіе же очередные взносы, если не деньгами, то продуктами и трудомъ.

Черезъ часъ Ѳедоръ Брудный во второй разъ ушелъ изъ конторы ноксвильскаго управленія, но на этотъ разъ онъ унесъ съ собой первоначальный актъ на владѣніе своей землей. Ноксвильскій бурмистръ оцѣнилъ участокъ Ѳедора въ восемьсотъ долларовъ. Цѣна была божеская, но онъ сразу потребовалъ половину. Другая половина должна была быть выплачена въ десять лѣтъ,

по сорокъ пять долларовъ въ годъ, считая капиталъ и проценты. Какъ ни упирался Ѳедоръ Брудный, но Сосновскій не хотѣлъ отступить ни на іоту отъ своихъ условій. У Ѳедора, однако, оказалось двѣсти восемьдесятъ пять долларовъ вмѣстѣ съ Ѳениной книжкой. Сосновскій потребовалъ еще пятнадцать долларовъ въ теченіе недѣли и Ѳедоръ пообѣщалъ убить пару свиней, хотя сезонъ для свиного убоя еще далеко не наступилъ.

На остающіеся сто долларовъ Ѳедоръ выдалъ годовую росписку. Такимъ образомъ въ будущемъ году Ѳедору предстояло уплатить еще сто сорокъ пять долларовъ. Ѳедоръ крѣпко почесалъ въ затылкѣ, а потомъ припомнилъ, что къ его семьѣ прибавилась еще одна рабочая сила и далъ угрюмое согласіе.

Впрочемъ, если бы условія были гораздо тяжелѣе, онъ все-таки въ концѣ концовъ согласился бы. Ему нужна была собственная земля, такая, которая принадлежала бы ему вполнѣ, какъ дойная корова или какъ любовница. Онъ хотѣлъ сознавать, что имѣетъ право оплодотворять ее, топтать ея черную грудь своими тяжелыми сапогами, разрыть ей нѣдра плугомъ, истыкать ее изгородями, вообще поступить съ ней, какъ только ему вздумается.

Глава XII.

Двойнисъ остался въ Ноксвиллѣ еще на сутки. По правилу, вошедшему въ его плоть и кровь, онъ постоянно присматривался къ новымъ людямъ и мѣстамъ и соображалъ, не могутъ ли они послужить благопріятнымъ матеріаломъ для новыхъ вѣтвей союза. Онъ зналъ Ноксвиль довольно хорошо, но на этотъ разъ его заинтересовалъ механикъ, Коссъ. Въ Ноксвиллѣ, какъ во всѣхъ американскихъ городкахъ, существовали нѣсколько ложъ различныхъ масонскихъ и масонообразныхъ орденовъ. Коссъ сталъ членомъ самой вліятельной ложи, принадлежавшей къ очень распространенному братству «Сыновей Іакова».

Ложа эта называлась «Ложей невинныхъ» и принимала только молодыхъ людей, не старше двадцатипятилѣтняго возраста. Члены ея набирались среди молодыхъ рабочихъ мануфактуры Блюменталя, ибо фабрика Когана принадлежала къ другому соперничающему ордену, который назывался «Дѣти Сіона» и принималъ въ однѣ и тѣ же ложи людей всякаго возраста.

Въ «Ложѣ невинныхъ» было болѣе семидесяти членовъ. Въ короткое время Коссъ сдѣлался ея президентомъ и получилъ безусловное вліяніе на своихъ товарищей. Двойнису пришло въ голову, нельзя ли использовать это вліяніе въ какомъ-нибудь подходящемъ направленіи.

Коссъ, однако, отказался наотрѣзъ имѣть дѣло съ королемъ портныхъ.

— Я механикъ! — сказалъ онъ въ объясненіе. — Какое дѣло мнѣ до портняжнаго союза?

— А я страховой агентъ!—спокойно возразилъ Двойнисъ.— А вотъ мнѣ есть дѣло!

— Такъ застрахуйте намъ удачу!—сказалъ Коссъ насмѣшливо.— Мы маленькій городъ, зачѣмъ намъ юніонъ?

— Мелкіе города тоже открываютъ вѣтви!—сказалъ Двойнисъ.

— То американскіе козлы, а это еврейскіе бараны!—сказалъ Коссъ.—Уйдутъ они отъ Блюменталя, куда они пойдутъ?

— Мы вамъ поддержку дадимъ,—предложилъ Двойнисъ.

— Куда ее?—сказалъ Коссъ.—Теперь кто уйдетъ отъ Блюменталя, идетъ къ Когану, а то вотъ новую фабрику здѣсь открываетъ. А юніону до другихъ работниковъ дѣла нѣтъ. Или намъ для каждой фабрики заводить новую вѣтвь?..

— Пойдите къ намъ въ члены, Коссъ!—вдругъ предложилъ Двойнисъ.—Я вамъ желаю добра. Отъ насъ многіе люди въ гору пошли!

— А вы погодите немного!—сказалъ Коссъ.

— Ждать нельзя! — настаивалъ Двойнисъ. — Скоро выборы. Послѣ выборовъ будетъ поздно!..

— Тамъ видно будетъ,—сказалъ Коссъ загадочнымъ тономъ.

Двойнисъ хотѣлъ что-то сказать, но въ это время въ окнѣ послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ?—съ удивленіемъ окликнулъ Двойнисъ.

Для гостей было уже слишкомъ поздно, и онъ никого не ждалъ къ себѣ.

— Собака, должно быть!—сказалъ Коссъ.

Но черезъ минуту стукъ повторился съ той же осторожностью. Самый звукъ его на этотъ разъ имѣлъ оттѣнокъ таинственности.

— Войдите!—сказалъ Двойнисъ, отодвигая щеколду.

Неизвѣстный посѣтитель поспѣшно вошелъ въ комнату и притворилъ за собою дверь.

Это былъ пожилой еврей, съ широкой, наполовину посѣдѣвшей бородой и такими же полусѣдыми, курчавыми волосами. Два длинные локона, выбившіеся изъ-за ушей, подозрительно смахивали на пейсы, но одежда на немъ была американская и голова его была украшена шляпой котелкомъ. Что-то въ изгибѣ его сутуловатыхъ плечей говорило, что этотъ человѣкъ съ дѣтства занимался шитьемъ одежды и, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ поколѣнію наслѣдственныхъ портныхъ.

— Миръ вамъ!—сказалъ онъ по-еврейски голосомъ, такимъ же осторожнымъ, какъ и его недавній стукъ.

— Заприте, пожалуйста, дверь!—тотчасъ же попросилъ онъ.

Двойнисъ подвинулъ задвижку двери на прежнее мѣсто.

— Садитесь!—сказалъ онъ, указывая посѣтителю на стулъ.—Какъ поживаете?

Посѣтитель, однако, остался стоять.

— Вы меня не знаете, господинъ Двойнисъ,—сказалъ онъ съ осторожной улыбкой,—а я васъ знаю очень хорошо!..

— Я васъ тоже знаю, господинъ Лейзеровичъ!.. — отвѣтилъ Двойнисъ.

У него была прекрасная память на лица и имена. Онъ былъ въ Ноксвилѣ только два раза, и, однако, зналъ въ лицо чуть не половину обитателей городка.

Лейзеровичъ опять усмѣхнулся съ польщеннымъ видомъ...

— У меня есть къ вамъ, господинъ Двойнисъ, большое дѣло!..—началъ онъ тѣмъ же пониженнымъ голосомъ.

— Очень хорошо!—сказалъ Двойнисъ хладнокровно — Какое дѣло?

— Я пойду, пожалуй!—сказалъ Коссъ, поднимаясь съ мѣста.

— Пустое!—сказалъ Двойнисъ.—Сидите пожалуйста!

— Господинъ Коссъ знаетъ здѣшнія дѣла!—прибавилъ онъ въ видѣ объясненія, обращаясь къ Лейзеровичу.

Лейзеровичъ посмотрѣлъ на Косса удивленнымъ взглядомъ, но тотчасъ же опять повернулся къ Двойнису.

— Скажите, пожалуйста,—заговорилъ онъ быстро, — зачѣмъ форманъ можетъ насъ ругать собаками и свиньями? Здѣсь Америка,—мы свободные евреи!..

— Какъ разъ сегодня,—продолжалъ Лейзеровичъ,—онъ сказалъ у насъ одному жилетнику: «Зачѣмъ криво шьешь, я тебѣ бороду выдеру!»

Двойнисъ выжидательно промолчалъ.

— Какъ онъ ругаетъ молодыхъ дѣвушекъ!—продолжалъ Лейзеровичъ.—Страхъ!

Глаза Двойниса блеснули негодованіемъ.—А вы терпите и молчите?—вставилъ онъ жесткимъ тономъ.

— Дальше терпѣть нельзя!—согласился Лейзеровичъ.

— Я и то хотѣлъ ему сказать сегодня, — продолжалъ онъ, быть можетъ, неожиданно разоблачая инкогнито жилетника, обруганнаго форманомъ: «Лучше бы твои руки отсохли, чѣмъ драть наши бороды!»

Двойнисъ слегка усмѣхнулся.

— Мы слышали,—продолжалъ Лейзеровичъ,—что былъ такой человѣкъ, еврейскій портной, онъ стоялъ у машины... Но когда форманъ обругалъ еврейскую дѣвушку, онъ поднялъ свою руку и сбилъ формана съ ногъ, какъ Моисей египтянина,—прибавилъ

онъ почти торжественнымъ голосомъ.—А когда судьи велѣли посадить его въ тюрьму, Богъ умягчилъ сердце президента и президентъ велѣлъ его выпустить, ибо въ Америкѣ есть правда!..

Двойнисъ пользовался большой славой даже у самой невѣжественной части рабочаго еврейства. Около его имени сложилась настоящая легенда. Она гласила, между прочимъ, что онъ писалъ президенту письмо, настаивая, чтобы еврейскимъ фабрикамъ разрѣшили праздновать субботу вмѣсто воскресенья, и убѣдилъ нью-іоркскаго мера не трогать уличныхъ торговцевъ, которые торгуютъ съ лотка, мѣстами составляя мелкіе базары и загораживая дорогу прохожимъ.

— Чего же вы хотите?—спросилъ Двойнисъ съ тѣмъ же выжидательнымъ видомъ.

Теперь, когда дѣло шло о практическомъ предпріятіи, онъ сталъ чрезвычайно внимателенъ и остороженъ.

— А почему здѣсь плата меньше?—продолжалъ Лейзеровичъ свои обличенія.—Въ Нью-Іоркѣ жилетникъ получаетъ десять долларовъ въ недѣлю, а здѣсь восемь, сюртучникъ въ Нью-Іоркѣ—двѣнадцать, а здѣсь—десять. Даже бѣдная дошивальница и та получаетъ на долларъ меньше. Та же самая работа!

— Не та же самая!—вставилъ Коссъ.—Здѣшняя работа хуже нью-іоркской!

— Ваша работа, небось, не хуже нью-іоркской, господинъ Коссъ!—сказалъ Лейзеровичъ примирительнымъ тономъ.

— Чего же вы хотите, однако? — повторилъ Двойнисъ. — Я все это знаю и самъ насчетъ платы и ругани!

— Если бы вы намъ велѣли устроить хоро-ошій страйкъ,—сказалъ Лейзеровичъ,—мы бы съ радостью послушались!

— А кто вы такіе? — спросилъ Двойнисъ. — Вы говорили съ другими?

— Мы поговорили между собою! — поспѣшно сказалъ Лейзеровичъ.—Если юніонъ намъ поможетъ, мы согласны на все!

— Что же, у васъ комитетъ есть?—спросилъ Двойнисъ.

— О, комитетъ!—сказалъ Лейзеровичъ.—Зачѣмъ евреямъ комитетъ? У каждаго есть собственный комитетъ въ головѣ!

— А вотъ онъ говоритъ, что нужно подождать! — сказалъ Двойнисъ, указывая пальцемъ на Косса.

Лейзеровичъ опять посмотрѣлъ съ недовѣріемъ на молодого человѣка. Ему стало казаться, что мѣсто вождя ноксвильскихъ рабочихъ было уже занято.

— Хорошо тому ждать, у кого крыша не каплетъ!—сказалъ онъ обидчивымъ голосомъ. — Время теперь горячее, начало сезона. Потомъ будетъ хуже...

Двойнисъ на минуту задумался. Такой же самый аргументъ онъ самъ недавно приводилъ въ разговорѣ съ Коссомъ.

— А помните артельное дѣло?—вдругъ сказалъ Коссъ. Лопнуло, небось!

— А какъ же не лопнетъ, когда денегъ нѣту?—резонно возразилъ Лейзеровичъ.—У ноксвильскихъ портныхъ только блохъ собирать въ складчину, прости Господи!

— А кредитъ?—приставалъ Коссъ, поддразнивая.

— А поручитель? — возразилъ Лейзеровичъ угрюмо. — Кто намъ дастъ безъ поручителя?.. Сосновскій, переметная сума, трясця его матери, пообѣщать пообѣщалъ, а потомъ по телефону сообщилъ въ Филадельфію: «Мы, говоритъ, за нихъ не можемъ ручаться,—они, говоритъ, ослушники!..»

Съ годъ тому назадъ въ Ноксвилѣ уже была стачка портныхъ, которые подъ конецъ попробовали завести артель. Но попытка эта лопнула въ самомъ началѣ, благодаря ожесточенному противодѣйствію администраціи комитета.

— Ну вотъ!—сказалъ Двойнисъ.

За окномъ кто-то стукнулъ. Лейзеровичъ вздрогнулъ и испуганно посмотрѣлъ на дверь.

— Эка напугали васъ! — сказалъ Двойнисъ.

— Извините! — сказалъ Лейзеровичъ въ видѣ оправданія. — Узнаютъ, бѣда, отъ мѣста откажутъ, волчій билетъ выдадутъ. А уѣзжать не охота изъ Ноксвиля!

— Значитъ, стачка не можетъ устроиться, — сказалъ Двойнисъ,—потому что тогда, вѣдь, навѣрное узнаютъ, и всѣмъ откажутъ отъ мѣстъ, а уѣзжать изъ Ноксвиля, должно быть, не охота никому.

— Мы будемъ исполнять, что прикажетъ комитетъ!—повторилъ Лейзеровичъ.

— Комитетъ приказываетъ, чтобы не было ни стачки, ни юніона!—сказалъ Двойнисъ.—Если воевать, то надо знать зачѣмъ. А вамъ все равно не выстоять противъ Блюменталя. Для насъ будете вы, какъ тяжелое бремя!..

— Подождите пока, тамъ виднѣе будетъ!—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Онъ успѣлъ сопоставить аргументы Косса съ тономъ рѣчи ноксвильскаго портного, и его опытность подсказала ему, что въ данномъ случаѣ нѣтъ надежды на успѣхъ, и заставила его внезапно измѣнить свои намѣренія. Двойнисъ имѣлъ инстинктивное чувство политической тактики,—онъ умѣлъ выжидать, отступать назадъ или идти окольнымъ путемъ, если этого требовали интересы дня.

— Ну, я пойду! — сказалъ Лейзеровичъ грустнымъ голосомъ.—Не говорите никому, что я былъ у васъ!

— И я тоже пойду!—сказалъ Коссъ.—Намъ по дорогѣ!

— Подождите до выборовъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.—Пословица говоритъ: не спрашивай про мостъ, пока не подошелъ къ рѣкѣ...

Проходя мимо фабрики Бальцера, Коссъ увидѣлъ свѣтъ и движущіяся тѣни въ двухъ крайнихъ окнахъ, граничившихъ съ владѣніями Блоцкаго. Фабрикантъ и инженеръ занимались своимъ новымъ сплавомъ. Бальцеръ устроилъ себѣ въ особомъ углу своей фабрики небольшую мастерскую для опытовъ. Здѣсь была плавильная печь, нѣсколько литейныхъ формъ, небольшой токарный станокъ для работы надъ сталью, динамо-машина для освѣщенія и двигательной силы, и даже маленькая химическая лабораторія.

Станокъ и печь часто служили Бальцеру для обыкновенной работы, ибо онъ находилъ удовольствіе продѣлывать самому всѣ необходимыя стадіи плавильной, литейной и рѣзной работъ, безъ помощи своихъ рабочихъ. Въ общемъ, все-таки это была игрушка, но не очень дорогая и часто дававшая неожиданно хорошіе результаты.

Печь ярко топилась. Вентиляторъ мѣрно жужжалъ, нагнетая воздухъ въ тягу подъ большимъ тиглемъ. Воробейчикъ стоялъ у печи съ длинной желѣзной вилкой въ рукахъ и время отъ времени пріоткрывалъ ею дверцы и заглядывалъ внутрь. При яркомъ свѣтѣ, падавшемъ оттуда, на его лицѣ явственно выступало какое-то безстрастное, совершенно отвлеченное выраженіе.

— Двѣ части хрома, — повторилъ онъ, — двѣ съ половиной части никкеля, коэфиціентъ вязкости f, коэфиціентъ твердости d. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ...

Бальцеръ прислушался къ клокотанью расплавленнаго металла, слабо доносившемуся изъ печи сквозь тонкія стѣнки тигля.

— Готово!—сказалъ онъ, беря въ руки такую же металлическую вилку съ клещами на концѣ, какая была у Воробейчика.— Давайте форму!

Инженеръ быстро подхватилъ узкое чугунное ведро и пододвинулъ его къ устью печи. Вдвоемъ они вынули тигель изъ печи, отбили крышку и съ трудомъ опрокинули его надъ формой.

Огненно-бѣлая струя перегрѣтаго металла мягко хлынула внизъ, наполняя мастерскую короткимъ и ослѣпительнымъ блескомъ.

— Пусть остынетъ!—сказалъ Бальцеръ, отодвигая форму въ сторону своей желѣзной вилкой.

— Каково кашицу сварили, посмотримъ! — прибавилъ онъ шутливо.

Инженеръ взялъ небольшой ковшикъ съ заостренными краями и помѣшалъ имъ въ формѣ, поверхность которой уже покрылась бурымъ налетомъ, потомъ ловко зачерпнулъ съ самаго дна немного раскаленной массы, густой и тягучей, какъ медъ, и неожиданно поднесъ ее къ самому носу Бальцера.

— Хочешь попробовать? — спрашивалъ онъ съ буйнымъ весельемъ.—Ложечку?

Бальцеръ попятился, но инженеръ продолжалъ наступать, упорно направляя ковшикъ въ лицо своему партнеру.

— Дурень ты, дурень!—гордо сказалъ онъ, бросая на полъ ковшикъ съ быстро остывающей красно-бурой массой. — Когда Воробейчикъ говоритъ, ты слушай и молчи! Двѣ части хрома и двѣ съ половиной части никкеля, понимаешь? Я все вычислилъ,—продолжалъ онъ,—твердость и ковкость, и вязкость. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ!.. Все на свѣтѣ можно вычислить, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — нужно только сдѣлать полный детальный анализъ... Хочешь, я вычислю, какъ и за сколько ты меня продашь съ моей броней?..

— Господь съ вами!—сказалъ Бальцеръ, не на шутку испуганный.—Продадимъ, такъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и подѣлимъ!

— Только не продавай той шайкѣ, — прошипѣлъ Воробейчикъ,—доктору, Коцяну, Журавскому!..

Онъ назвалъ рядъ своихъ воображаемыхъ враговъ и опять измѣнился въ лицѣ и даже заскрежеталъ зубами.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—успокаивалъ его Бальцеръ.

Онъ поспѣшно вычистилъ тигель и погасилъ всѣ огни, кромѣ одной маленькой лампочки.

— Пойдемте лучше на воздухъ, душно здѣсь!—предложилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

Но изобрѣтатель уже не обращалъ на него вниманія. Онъ досталъ изъ кармана записную книжку и, стоя у единственнаго рожка, принялся что-то записывать, бормоча алгебраическія и химическія формулы, какъ будто творилъ заклинанія противъ своихъ враговъ.

Глава XIII.

Общество искателей истины собиралось черезъ пятницу два раза въ мѣсяцъ въ первомъ этажѣ гостинницы «Новый Вашингтонъ» на Медисонской аллеѣ. Вихницкій, одно время бывшій ревностнымъ членомъ общества, продолжалъ получать два раза въ мѣсяцъ обычныя гектографированныя повѣстки. Ѣздить изъ Ноксвиля на собранія было довольно далеко, но во время посѣщеній Нью-Іорка Вихницкому иногда все-таки удавалось попа-

дать къ искателямъ. Общество было запечатлѣно духовной оригинальностью, какую рѣдко можно встрѣтить въ фабричной Америкѣ, и юноша, не умѣвшій никакъ приспособиться къ стереотипной формѣ окружающей жизни, чувствовалъ свое духовное родство съ разношерстнымъ кругомъ искателей. Онъ былъ искателемъ, какъ они, и также не зналъ, къ чему стремиться и какъ выбиться изъ окружающей пошлости, хотя, быть можетъ, элементы недовольства и его запросы были иные, чѣмъ у членовъ общества.

На этотъ разъ на очередной повѣсткѣ было приписано женской рукой: «Пріѣзжайте, есть дѣло!»

Почеркъ принадлежалъ Ольгѣ Томкинсъ, которая вмѣстѣ съ своимъ мужемъ была основательницей и руководительницей общества. Изо всего круга искателей Вихницкій болѣе всего уважалъ именно эту чету.

Молодой учитель былъ свободенъ отъ полудня пятницы до понедѣльника, ибо суббота была недѣльнымъ праздникомъ, а въ воскресенье въ школѣ были только практическія занятія. Билетъ изъ Ноксвиля въ Нью-Іоркъ стоилъ недорого и почти всѣ ноксвильскіе интеллигенты ѣздили время отъ времени въ Филидельфію или Нью-Іоркъ освѣжиться.

Драбкинъ далъ Вихницкому нѣсколько мелкихъ порученій въ Нью-Іоркъ, которыя нужно было исполнить въ тотъ же день. Вихницкій поэтому опоздалъ, и когда онъ поднялся по короткой лѣстницѣ и постучался въ широкую стеклянную дверь залы, общество было почти въ полномъ сборѣ. Зала была огромная, какъ манежъ, прохладная и даже сырая, несмотря на лѣтнюю ночь, заглядывавшую въ окна.

Мебель была сборная. У стѣнъ залы стояли кресла въ сѣрыхъ чехлахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали края малиновой бархатной обивки, а черезъ всю средину тянулся рядъ некрашенныхъ столовъ самой грубой работы. Во время обѣдовъ столы покрывались бѣлоснѣжными скатертями, а чехлы съ креселъ снимались прочь и тогда все приходило въ должное соотвѣтствіе. Посреди залы чуть-чуть струился фонтанъ надъ четвероугольной чашей изъ заплесневѣлой бронзы, очень похожей по формѣ на большія лохани, въ которыхъ нью-іоркскія прачки моютъ бѣлье.

Въ залѣ пахло плѣсенью и еще какимъ-то тонкимъ и непріятнымъ запахомъ, призрачно напоминавшимъ жареный лукъ. Быть можетъ, это былъ запахъ безчисленныхъ обѣдовъ, впитавшійся въ эти стѣны и потихоньку испарявшійся въ теплыя лѣтнія ночи.

Въ дальнемъ углу залы стояло фортепіано, за которымъ въ настоящую минуту сидѣлъ молодой безбородый человѣкъ и тихонько наигрывалъ что-то жалобное и простое, но какъ-то не со-

впадавшее съ обычнымъ размѣромъ и тактомъ цивилизованной музыки. Въ залѣ было около тридцати человѣкъ. Они раздѣлились на небольшія группы, сидѣли на закутанныхъ стульяхъ, стояли по угламъ или ходили парами вокругъ длинной линіи столовъ. Искатели не признавали стѣсненій и не имѣли никакой опредѣленной цѣли для своихъ собраній. Они сходились, какъ сходятся сотни другихъ подобныхъ маленькихъ клубовъ въ Нью-Іоркѣ, для того, чтобы не сидѣть дома и не отправляться въ дешевый трактиръ пить пиво, но вмѣсто этого имѣть возможность поговорить о предметахъ, которые болѣе или менѣе интересовали ихъ всѣхъ.

Около Томкинса собралась самая большая группа. Это былъ красивый человѣкъ, стройный, съ высокимъ лбомъ и маленькой русой бородой, пріятно обрамлявшей его чистыя, слегка румяныя щеки. Его большіе голубые глаза глядѣли важно и благодушно, мечтательно и вмѣстѣ насмѣшливо. О Томкинсѣ говорили, что два года тому назадъ онъ достигъ высшей истины, и теперь уже онъ не былъ искателемъ, а обладателемъ новаго философскаго камня. Благодушное выраженіе его лица соотвѣтствовало его дѣйствительному настроенію. Онъ какъ-то сказалъ о себѣ, что теперь онъ счастливъ, какъ ребенокъ, и что съ дѣтьми онъ чувствуетъ себя легче всего.

— Какъ Христосъ!—многозначительно добавляли нѣкоторыя наиболѣе увлекающіяся поклонницы новаго учителя.

Дѣйствительно, мѣсяца три тому назадъ, онъ ѣздилъ въ Оклагому, совсѣмъ новый штатъ, выкроенный изъ лучшаго куска индійской территоріи, которая была оставлена на жительство остаткамъ вымирающихъ индійскихъ племенъ, но теперь постепенно подпадаетъ расхищенію бѣлыхъ переселенцевъ. На границѣ Оклагомы и уцѣлѣвшей индійской территоріи Томкинсъ посѣтилъ праздникъ соединенныхъ индійскихъ школъ, гдѣ сошлось около пятисотъ дѣтей и три дня разговаривалъ съ ними, также непринужденно, какъ съ искателями въ Нью-Іоркѣ. Въ заключеніе онъ предложилъ дѣтямъ написать ему рядъ писемъ о разныхъ предметахъ, что кому придетъ въ голову, и теперь привезъ съ собой въ Нью-Іоркъ цѣлый ворохъ этой оригинальной литературы.

Очень маленькая дѣвушка съ поблекшимъ лицомъ и сѣрыми безнадежно грустными глазами стояла противъ Томкинса и глядѣла ему въ лицо. Разница ихъ роста была такъ велика, что ей приходилось все время задирать голову вверхъ.

— Учитель!—сказала дѣвушка.—Скажите намъ о безсмертіи души.

— Слушаю, миссъ Гленморъ.

Томкинсъ склонилъ голову и заглянулъ дѣвушкѣ въ лицо, чуть-чуть улыбаясь своими насмѣшливыми глазами. Имя учитель

онъ принялъ, какъ нѣчто должное, или не обратилъ на него вниманія.

— Безсмертіе души,—заговорилъ онъ,—должно разсматриваться особо для каждаго отдѣльнаго случая. Въ человѣческомъ *я* сложены пять частей: физическое тѣло, астральное тѣло, умственная личность, нравственная личность и духовная основа. Послѣдняя безсмертна сама по себѣ, первыя двѣ мало существенны. Вамъ, конечно, не интересно перенести въ будущій міръ всѣ ваши тѣлесныя немощи и привычки?—обратился онъ прямо къ собесѣдницѣ.

Миссъ Гленморъ чуть-чуть покраснѣла. Ей было тридцать пять лѣтъ и она имѣла преувеличенное сознаніе о своей физической непривлекательности. Лѣтъ пять тому назадъ она стала сохнуть и худѣть и ея ненависть къ тѣлесности стала разростаться. Она тяготилась отправленіями своего организма и начала избѣгать животной пищи, постепенно выступая на дорогу аскетическаго воздержанія. Тѣмъ не менѣе у ней были мелкія привычки, свойственныя одинокому человѣку и она дорожила ими. Иногда по ночамъ ей снилось, что тѣло ея исчезло, и что она стала совсѣмъ безплотной, но даже въ безплотномъ состояніи она не могла бы обойтись безъ бѣлыхъ занавѣсокъ передъ кроватью, мятныхъ пилюль Пирсонъ и патентованной пудры.

— Остаются, стало быть, еще двѣ части,—продолжалъ Томкинсъ.—Но онѣ тоже сложны. У насъ есть вредныя и безнравственныя побужденія. Важно сохранить только то, что въ насъ есть свѣтлаго и совершеннаго, и продолжить наши лучшія качества за предѣлами этой жизни.

— А какъ ихъ продолжить?—спросила дѣвушка.

— Объективируйте ихъ!—сказалъ Томкинсъ.—Поставьте себѣ цѣль внѣ вашего существа. Вложите въ нее свою душу и ваша душа переживетъ васъ. Когда ваша жизнь станетъ приходить къ концу, думайте не о себѣ, а о вашей цѣли. Тогда вамъ дастся узнать, что ваша духовная личность избѣгла уничтоженія.

— Это трудно сдѣлать!—сказала дѣвушка.

— А я говорю, что всѣ это дѣлаютъ,—сказалъ Томкинсъ,—болѣе или менѣе. Возьмемъ грубый примѣръ. Богатый купецъ жертвуетъ милліонъ на университетъ и частица его существа—его имя остается связано съ этимъ дѣломъ послѣ смерти. Ученый работаетъ въ этомъ университетѣ для науки и его собственная личность остается жить въ его открытіяхъ. Послѣдній примѣръ: учитель въ томъ же университетѣ вкладываетъ свои силы въ воспитаніе юношей, и его нравственная душа расщепляется на части и внѣдряется въ десятокъ другихъ человѣческихъ душъ.

— А я думаю, что душа недѣлима,—сказалъ высокій молодой человѣкъ съ гладко выбритымъ лицомъ и длинными черными куд-

рями до плечей. Онъ былъ профессоромъ прикладной механики на техническомъ факультетѣ университета Колумбія, но помимо своихъ чертежей и вычисленій интересовался самыми отвлеченными идеями.

— Все на свѣтѣ дѣлимо,—возразилъ Томкинсъ,—кромѣ плана мірозданія, которое катится впередъ, какъ лавина, и никогда не достигаетъ конца!

— Я предпочитаю недѣлимую душу!—упрямо сказалъ профессоръ.—Всю для себя.

— Жадность до добра не доводитъ!—сказалъ Томкинсъ, забавно приподнимая брови.—Душа не денежная рента. Чѣмъ больше отдашь, тѣмъ больше останется.

— Это слишкомъ сложная математика!—сказалъ профессоръ.

— Не умирать страшно!—сказала дѣвушка.—Страшно думать, вотъ ты исчезнешь и тебя не будетъ!

— Но васъ и теперь нѣтъ!—возразилъ Томкинсъ.—Есть человѣчество, совокупность явленій, а не отдѣльные моменты. Я такъ живо чувствую, что меня нѣтъ. Есть мой отецъ и дѣдъ, и мой сынъ, и внукъ, и правнукъ, и вся цѣпь предковъ и потомковъ, они живутъ во мнѣ и растутъ, они ведутъ меня къ великой предустановленной цѣли...

Онъ говорилъ такимъ убѣдительнымъ тономъ, что слушатели на минуту почувствовали, что тайна отношеній между частицей жизни и совокупностью ея явленій стоитъ гдѣ-то совсѣмъ близко, и что какъ будто стоитъ только протянуть руку, чтобы ее ощупать.

— Стоитъ ли думать о себѣ самомъ, о частномъ?—продолжалъ Томкинсъ.—Мотылекъ живетъ одинъ день, а вечеромъ налетитъ на свѣчку и нѣтъ его. Мы не увѣрены, что будетъ съ нами завтра утромъ, но мы совершенно увѣрены, что черезъ тысячу лѣтъ на этой самой Медисонской аллеѣ будутъ такіе же люди. Они будутъ одинаково ходить, разговаривать, чувствовать, какъ мы съ вами, и еще черезъ тысячу лѣтъ опять будутъ такіе же люди, и такъ далѣе безъ конца.

— А въ чемъ планъ мірозданія?—спросила дѣвушка.

— Планъ мірозданія,—отвѣтилъ Томкинсъ безъ запинки,—лежитъ въ постепенномъ воплощеніи высшихъ духовныхъ началъ. Великіе міровые законы автоматически приспособлены къ осуществленію прогресса. Въ объективномъ мірѣ мы называемъ ихъ дѣйствіе эволюціей, а субъективно сознаемъ его, какъ идеалъ. Это изнанка и правая сторона.

— Если есть прогрессъ,—быстро заговорила сухощавая дама, съ густыми черными волосами и злыми блестящими черными глазами, похожая на итальянку или на цыганку,—скажите мнѣ, зачѣмъ существуетъ зло?..

Руки у ней были небольшія, но безпокойныя. Когда она говорила, они постоянно двигались и шевелили пальцами, какъ будто перебирая воображаемое вязанье.

— Не зачѣмъ, а почему?—поправилъ Томкинсъ.—Потому что міровая идея безконечна, а явленія конечны, и она можетъ просвѣтлять ихъ только со ступени на ступень.

— Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ? — настаивала дама. — Зачѣмъ зло, пороки, убійство. Какое просвѣтленіе черезъ ненависть?

— Все это преходяще! — сказалъ Томкинсъ. — Добро вѣчно!

Безпокойные пальцы дамы замелькали въ воздухѣ.

— Я познакомилась съ сирійцами въ Нижнемъ городѣ, — сказала она.—Они говорятъ, что здѣсь есть группа эмигрантовъ, тоже азіатовъ, іезидовъ, которые поклоняются дьяволу.

Среди слушателей пробѣжалъ невольный трепетъ. Обрывки земныхъ народовъ, съѣзжавшіеся со всѣхъ сторонъ въ столицу западнаго міра, приносили съ собой свои обычаи и домашнихъ боговъ, но послѣднее сообщеніе казалось слишкомъ удивительнымъ. Почти половина искателей были коренные американцы, родомъ изъ Новой Англіи и все, что было пуританскаго въ ихъ крови, возмутилось противъ такого кощунственнаго извращенія религіи.

— Говорятъ у нихъ церковь есть,—продолжала дама,—мѣсто, гдѣ они сходятся и отправляютъ служеніе, скрытно, конечно... Но мои сирійцы обѣщали, что, можетъ быть, удастся пробраться къ нимъ.

Мистрисъ Кордиганъ съ ея стремительными манерами и безпокойными руками обладала и талантомъ заводить самыя неожиданныя знакомства.

Съ полгода тому назадъ она удивила искателей, разсказавъ свое посѣщеніе общины махдистовъ, которая тоже оказалась въ Нью-Іоркѣ и даже на своихъ собраніяхъ дѣлала складчину для помощи суданскому безумному муллѣ въ его борьбѣ противъ англичанъ.

— А знаете, почему іезиды поклоняются дьяволу, — продолжала мистрисъ Кордиганъ. — Они говорятъ: зло сильнѣе, чѣмъ добро. Міръ полонъ зла, стало быть, онъ сотворенъ не добрымъ, а злымъ, и зло есть отецъ и господинъ его!

— Съ такой религіей страшно жить! — сказалъ Томкинсъ.

— Міръ тоже страшенъ! возразила мистрисъ Кордиганъ. — Религія соотвѣтствуетъ ему!

— Страхъ себялюбивое чувство! — сказалъ Томкинсъ.

— Можно ужасаться не за себя, а за другихъ, — сказала мистрисъ Кордиганъ.—Напримѣръ, если вы видите маленькихъ дѣтей, страдающихъ и погибающихъ неизвѣстно зачѣмъ!

По лицу ея пробѣжала судорога, и безпокойные пальцы сплелись,

но тотчасъ же расплелись и зашевелились въ пространствѣ. Два года тому назадъ у ней умеръ единственный ребенокъ, и съ тѣхъ поръ эта маленькая, злая женщина поддерживала неутомимую распрю съ мірозданіемъ и постоянно спрашивала свои «за что?» или «зачѣмъ?».

— Всѣ умираютъ одинаково, большіе и маленькіе — вставилъ Томкинсъ.

— Помните у Байрона, — быстро продолжала дама, — когда Каинъ спрашиваетъ, зачѣмъ долженъ ягненокъ, ужаленный змѣей, издыхать въ мученіяхъ и искупитъ ли все великолѣпіе будущихъ благъ страданіе одного несчастнаго маленькаго существа?

— Это все-таки себялюбіе, — сказалъ Томкинсъ. — Поскольку кто боится страданій, постольку сострадаетъ и другимъ. Каждый трепещетъ за себя, а не за другихъ.

— Ну, пусть за себя! — сказала мистрисъ Кордиганъ. — Мы тоже ничѣмъ не провинились. Зачѣмъ мы должны жить подъ вѣчнымъ страхомъ смертной казни, какъ осужденные преступники? Это нечестно!

— Попробуйте встать на другую точку зрѣнія! — сказалъ Томкинсъ.—Страданіе общій удѣлъ, необходимая переходная ступень, въ смерти нѣтъ ничего страшнаго. Я умру и другой умретъ, и всѣ люди умрутъ. Почему же не умереть также и ягненку или ребенку?

— Что вы говорите? — воскликнула мистрисъ Кордиганъ. — Эти разсужденія для здоровыхъ и счастливыхъ, а не для больныхъ и несчастныхъ!

Она хотѣла сказать еще что-то, но сдержалась, передернула плечами и отошла въ сторону.

Это было столкновеніе двухъ противоположныхъ системъ мышленія и чувства, между которыми не было ни перехода, ни взаимнаго пониманія.

Для мистрисъ Кордиганъ Томкинсъ, съ его благодушнымъ оптимизмомъ, не могъ быть учителемъ жизни.

Наступила неловкая пауза.

— А что такое астральное тѣло? — спросилъ благообразный человѣкъ небольшаго роста, съ сильной просѣдью въ волосахъ, но съ очень живыми, совсѣмъ юношескими глазами.

Это былъ Джибсонъ, одинъ изъ довольно крупныхъ дѣльцовъ Бруклина, который днемъ занимался сложными желѣзнодорожными и биржевыми операціями, но во время, свободное отъ игры въ повышеніе и пониженіе, тоже предавался исканію истины, хотя и на особый ладъ.

Между искателями были двѣ ступени, какъ ихъ называлъ Томкинсъ.

Верхняя ступень стремилась познать смыслъ жизни и ея нравственную оцѣнку, нижняя ступень интересовалась оккультизмомъ

и добивалась узнать, есть ли связь между міромъ естественнымъ и сверхъестественнымъ, существуютъ ли духи и т. п. Въ Америкѣ множество людей интересуется этими вопросами, и такія ученія, какъ спиритизмъ и христіанскій оккультизмъ, быстро пріобрѣтаютъ милліоны приверженцевъ.

— Астральное тѣло,—сталъ объяснять Томкинсъ—есть сила, физическое тѣло—матерія. Первое управляетъ вторымъ. Это то, что раньше называли низшая душа, *Anima*.

— А откуда извѣстно, что она существуетъ? — настаивалъ Джибсонъ.

— По свидѣтельству мудрецовъ востока, во-первыхъ,—сказалъ Томкинсъ,—которые суть единственные мудрецы міра. А во-вторыхъ, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Слушатели притихли. Всѣ лица обратились къ Томкинсу. Всѣ почувствовали, что онъ собирается разсказать нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій.

— Есть родъ физическаго упражненія,—сказалъ Томкинсъ,—для него нужна тренировка, какъ для атлетическихъ актовъ, особая діэта, образъ жизни, впечатлѣнія. Нужно научиться сосредоточивать свою волю и относиться къ собственному тѣлу, какъ къ постороннему объекту. Послѣ надлежащей подготовки внезапнымъ усиліемъ воли астральное тѣло отдѣляется отъ физическаго и отходитъ въ сторону. Тогда оно можетъ видѣть свою тѣлесную оболочку лежащею, какъ бездушная глина. Астральное тѣло во всемъ подобно физическому, у него есть черты лица, ноги, руки. Оно можетъ говорить, писать, двигать предметы. Но свойства его отличны отъ матеріи, оно можетъ двигаться съ быстротой мысли, исчезать и проявляться, проникать сквозь запертыя двери и желѣзныя стѣны. Я не совѣтую никому слишкомъ далеко удалять свое астральное тѣло.

— Впрочемъ эти опыты опасны,—прибавилъ Томкинсъ, послѣ короткой паузы.—Физическое тѣло нужно сторожить. Если, напримѣръ, кто-нибудь посторонній повернетъ физическое тѣло, то астральное тѣло уже не можетъ войти назадъ...

Онъ говорилъ объ отношеніяхъ астральнаго и физическаго тѣла такимъ же спокойнымъ и научнымъ тономъ, какъ будто это были мало извѣстные химическіе элементы, которые ему удалось изучить.

— А какъ оно входитъ назадъ? Какъ оно себя чувствуетъ, устаетъ ли оно, куда уходитъ послѣ смерти? — Посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Зачѣмъ оно существуетъ? — спросила миссъ Гленморъ, невольно подражая госпожѣ Кордиганъ.

— Я не знаю зачѣмъ!—сказалъ Томкинсъ съ минутнымъ неудовольствіемъ.

Послѣдній вопросъ, несмотря на свою наивность, нѣсколько озадачилъ его. Дѣйствительно не было никакого достаточнаго основанія, чтобы астральное тѣло существовало.

— Снять бы съ него фотографію! — сказалъ Джибсонъ съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Зачѣмъ фотографію?—возразилъ Томкинсъ своимъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Какъ? — горячо заговорилъ Джибсонъ.—Для того, чтобы матеріализировать духъ, найти осязательный фактъ въ мистическомъ и перекинуть мостъ между двумя несоизмѣримыми мірами.

Инстинктъ дѣльца сказался въ немъ и здѣсь, въ этомъ жадномъ стремленіи къ факту и внѣшнему доказательству сверхъестественнаго, между тѣмъ какъ Томкинсъ и вся «верхняя ступень» искали внутренняго мистическаго воспріятія.

— Скажите, пожалуйста, у васъ есть тѣло?—спокойно спросилъ Томкинсъ.

— Ну, есть, положимъ,—неохотно уступилъ Джибсонъ.

— И духъ есть?—продолжалъ Томкинсъ.

— И духъ!—согласился Джибсонъ.

— И они связаны вмѣстѣ?—продолжалъ Томкинсъ.—Ну вотъ, значитъ, и мостъ существуетъ... зачѣмъ же еще фотографіи?..

Вихницкій тоже стоялъ въ группѣ у стола и внимательно слушалъ рѣчи спорящихъ. Конечно, онъ не придавалъ особенной цѣны ученію объ астральномъ тѣлѣ, но во многомъ глава искателей и даже госпожа Кордиганъ высказывали его собственныя мысли.

Особенно слова учителя о великой цѣли, которую каждый человѣкъ обязанъ поставить передъ собой, были какъ будто выхвачены у самого Вихницкаго. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ высказалъ почти то же самое въ разговорѣ съ молодой дѣвушкой, пріѣхавшей изъ Бытоміра. Быть можетъ, именно вліяніе Томкинса помогло ему яснѣе и рѣзче формулировать свой душевный вопросъ. Юноша ясно чувствовалъ, что эти мистическіе мечтатели его родные братья и что всѣ они одинаково далеки отъ практическаго матеріализма самодовольной и преуспѣвающей Америки.

Однако спорящіе слишкомъ долго оставались въ области философскихъ умозрѣній. Онъ готовъ былъ вставить свое замѣчаніе по этому поводу, но въ эту минуту къ нему вдругъ долетѣли тихіе журчащіе звуки фортепіано, тѣ самые, которые поразили его слухъ, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ залу. Споры искателей внезапно потеряли интересъ въ его глазахъ. Онъ отошелъ отъ стола и подошелъ къ человѣку, игравшему на фортепіано.

Очень высокая женщина, въ просторной фланелевой блузѣ и съ толстымъ вѣнкомъ свѣтлыхъ волосъ на головѣ, стояла поло-

живъ руку на фортепіано и смотрѣла на противоположную стѣну. Во всей фигурѣ ея было какое-то странное чувство неподвижности и по выраженію ея большихъ свѣтлыхъ глазъ нельзя было рѣшить, слушаетъ она музыку или думаетъ о чемъ-то, отдаленномъ за тысячи верстъ отъ этой залы, или, быть можетъ, просто дремлетъ на яву.

Звуки лились жалобно и смиренно, одна и та же музыкальная фраза въ три такта повторялась въ минорномъ тонѣ, потомъ переходила въ руладу журчащихъ звуковъ и снова выскакивала въ концѣ музыкальной волны.

Подъ руками музыканта фортепіано вздыхало и переливалось, какъ волынка или какъ тонкая свирѣль, и Вихницкому почему-то почудилось туманное утро, холмы, поросшіе верескомъ, и дикій пастухъ, сидящій на краю обрыва надъ рѣчкой бѣгущей внизу, и изливающій свое чувство въ безыскусственныхъ звукахъ въ унисонъ журчанію волны.

— Что это, Доскинъ? — невольно спросилъ онъ, подождавъ, пока музыкантъ въ сотый разъ прожурчалъ на клавишахъ свою жалобу и, наконецъ, достигъ перерыва.

— Здравствуйте, мадамъ Томкинсъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дамѣ, которая была женой Томкинса.

— Это голосъ пустынь!—сказала дама, отвѣчая на вопросъ и не обращая вниманія на привѣтствіе. Ея собственный голосъ показался Вихницкому долетѣвшимъ откуда-то изъ далекаго пространства.

Музыкантъ повернулъ лицо навстрѣчу юношѣ.

— Это индѣйская пѣсня, единеніе съ природой!—сказалъ онъ.

У него были широкія скулы, обтянутыя грубой смуглой кожей и узкіе широко разставленные глаза. Онъ былъ индѣецъ чистой крови, изъ быстро угасающаго племени сіуксовъ, и имя его даже въ англизированной формѣ *Doeskin* означало: Оленья кожа.

Нѣкогда сіуксы вели упорную борьбу съ бѣлыми переселенцами и большая часть ихъ погибла въ битвахъ. Остатки племени утратили свою воинственность и жили на Индійской территоріи въ полуплѣнномъ состояніи, какъ скотъ, запертый въ ограду. Нѣсколько деревень основались у озера Онтаріо близъ канадской границы. Отецъ Доскина быдъ старшиной одной изъ деревень и велъ торговлю лѣсомъ. Доскинъ былъ его единственнымъ сыномъ и онъ рѣшилъ дать ему воспитаніе въ городѣ и въ самыхъ лучшихъ школахъ. Старый индійскій вождь хотѣлъ сдѣлать изъ Оленьей Кожи инженера, но молодой индіецъ еще въ дѣтствѣ цѣнилъ выше всего свою свирѣль, выдолбленную изъ рѣчного камыша. Окончивъ среднюю школу, онъ вмѣсто техническаго института, поступилъ въ музыкальную академію.

Спеціальностью своей Доскинъ избралъ фортепіано, но проис-

хожденіе все-таки сказалось. Вмѣсто культурной музыки, онъ болѣе всего интересовался пѣснями индійскихъ племенъ, ревностно собиралъ ихъ и стремился соединить ихъ въ нѣчто цѣльное и придать имъ болѣе значительное выраженіе.

Была какая-то трагическая иронія судьбы въ томъ, чтобы одинъ изъ послѣднихъ потомковъ свирѣпаго индійскаго племени, пріобщившись культурѣ, сталъ именно музыкантомъ и мечталъ о созданіи оригинальной американской музыки изъ странныхъ и простыхъ мелодій, уцѣлѣвшихъ у остатковъ туземныхъ поколѣній въ самыхъ глухихъ углахъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Представьте себѣ индійскаго мальчика,—заговорилъ Доскинъ.—Онъ мало живетъ подъ кровлей, съ ранняго дѣтства онъ бѣгаетъ по лѣсу и по полю. Онъ сторожитъ на берегу рѣки, какъ маленькія рыбки играютъ въ мелкой водѣ. Онъ знаетъ имена всѣхъ лѣсныхъ птицъ, его учатъ различать слѣды животныхъ. Онъ умѣетъ выбирать дерево для костра и густыя вѣтви для кровли шалаша. Изъ коры простого кедра онъ дѣлаетъ себѣ челнокъ. Онъ знаетъ, когда приходитъ время любви для земляныхъ бѣлокъ. Природа для него домъ и открытая книга. Этотъ мальчикъ въ лѣтній полдень сидитъ на берегу рѣки. Птицы поютъ, вода журчитъ, облака плывутъ надъ его головой, легкій вѣтеръ шуршитъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Онъ беретъ свою свирѣль и въ устахъ его рождается простая пѣснь, которая отражаетъ и ручей и облака, шелестъ листьевъ въ лѣсу и щебетъ птицъ на вѣтвяхъ.

Въ коричневыхъ глазахъ музыканта проступило меланхолически-мечтательное выраженіе. Вихницкій попробовалъ приставить къ этой характерной индійской головѣ воинственный уборъ изъ орлиныхъ перьевъ, но выраженіе лица Оленьей Кожи не соотвѣтствовало представленію о свирѣпомъ индійскомъ воинѣ.

Переведя глаза на ноты, Вихницкій къ своему удивленію увидѣлъ наверху страницы изображеніе индійца, очень похожаго на Доскина, съ ногъ до головы украшеннаго перьями, съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ и ружьемъ за плечами.

— Это портретъ моего дѣда,—сказалъ Доскинъ, слѣдуя взглядомъ за глазами Вихницкаго.—Говорятъ, что я похожъ на него лицомъ. Но вы видите эти перья. Сосчитайте-ка, сколько ихъ! Я не имѣлъ бы права носить такой уборъ. Индійскій воинъ могъ втыкать въ свои волосы по одному перу за каждаго убитаго врага...

Присмотрѣвшись къ портрету, Вихницкій увидѣлъ, что изображенный индіецъ былъ гораздо старше музыканта, хотя онъ затруднился бы опредѣлить возрастъ Оленьей Кожи по его смуглому безбородому лицу. Перьевъ въ уборѣ стараго воина было такъ много, что изъ убитыхъ имъ людей можно было бы составить цѣлую роту

— Мой дѣдъ былъ стараго закала!—сказалъ Доскинъ.—Онъ

ненавидѣлъ бѣлыхъ людей. Вы знаете, наши земли прежде были на югѣ у Миссисипи, а потомъ насъ переселили на сѣверъ. Но лучшая часть нашего племени перешла въ Канаду, гдѣ тогда было совсѣмъ пусто. Тамъ было много рыбы и дичи, но моему дѣду климатъ не нравился. Мнѣ тогда было пять лѣтъ, и онъ мнѣ постоянно говорилъ: «Помни, бѣлые люди отняли у насъ наши теплыя земли и загнали насъ въ эти снѣга, какъ россомахъ». Былъ онъ уже лѣтъ шестидесяти. А раньше, когда онъ былъ моложе, а меня еще не было на свѣтѣ, онъ, говорятъ, ходилъ на границу съ товарищами вести мелкую войну. Пикетъ подрѣжутъ, почту перебьютъ, или разграбятъ скваттера.

— Но когда онъ умеръ, мой отецъ вернулся въ штаты!— закончилъ Оленья Кожа.

Вихницкій съ удивленіемъ выслушалъ этотъ неожиданный разсказъ.

— А какая связь между портретомъ и нотами?—спросилъ онъ вдругъ, замѣтивъ, что портретъ поставленъ у первой строки нотъ въ родѣ заглавной виньетки.

— А это его пѣсня!—сказалъ Оленья Кожа.—Когда онъ былъ совсѣмъ молодой... Зимой въ Канадѣ, когда на дворѣ снѣгъ и всѣ озера замерзли, онъ все бывало поетъ ее. «Въ нашей землѣ, говоритъ, теперь воды бѣгутъ, въ нашей землѣ, говорятъ, теперь птицы поютъ»! Мой дѣдъ былъ мастеръ пѣть старыя пѣсни и даже самъ сочинялъ новые мотивы.

Мадамъ Томкинсъ тоже повернула лицо къ юношѣ.

— Мы скоро уѣзжаемъ!—сказала она.

На лицѣ ея застыло странное трагическое выраженіе, и тонъ ея словъ былъ таковъ, какъ будто она сообщала не объ отъѣздѣ, а о похоронахъ.

Мадамъ Томкинсъ была родомъ изъ самаго сердца Новой Англіи. Она выросла въ набожной и зажиточной семьѣ и пуританскій духъ ея предковъ съ ранняго дѣтства воодушевлялъ ея. Она привыкла думать, что отъ жизни слѣдуетъ брать только терніи и не обращать вниманія на ея цвѣты. Когда ей было двадцать лѣтъ, она рѣшила уѣхать миссіонеркой въ Китай. Родители пошли на компромиссъ и послали ее вмѣсто того путешествовать по Европѣ вмѣстѣ съ старой теткой. Она прожила полгода въ Италіи и годъ въ Парижѣ и, когда она вернулась, церковь пресвитеріанской общины, къ которой принадлежала ея семья, показалась ей слишкомъ голой и тѣсной. Сомнѣніе, однако, досталось ей путемъ такой тяжелой борьбы, что она даже заболѣла и одно время врачи опасались за ея разсудокъ. Впрочемъ говорили, что въ этомъ потрясеніи участвовалъ французскій художникъ, красивый и безбожный, съ которымъ молодая пуританка познакомилась въ Па-

рижѣ, и еще третье маленькое лицо безъ рѣчей, которое исчезло почти тотчасъ же, какъ и явилось на свѣтъ.

Она провела нѣсколько лѣтъ въ тщетномъ исканіи объектовъ для своего религіознаго чувства, перебывала въ десяткахъ различныхъ обществъ, отъ вегетаріанцевъ до общества реформы женскихъ одеждъ, и опять-таки чуть не уѣхала въ Сирію лечить прокаженныхъ въ подражаніе миссъ Марсденъ.

Трудно было бы сказать, что сблизило ее съ Томкинсомъ. Благодушное ученіе автоматическаго прогресса не имѣло ничего общаго съ суровымъ символомъ первороднаго грѣха, принятымъ у старинныхъ англійскихъ диссидентовъ. Быть можетъ, самая туманность философскаго мистицизма показалась ей привлекательной послѣ догматовъ, опредѣленность которыхъ не выдержала критики здраваго смысла. Въ каждой человѣческой и тѣмъ болѣе въ женской душѣ есть стремленіе къ безконечному и надміровому и мадамъ Томкинсъ удовлетворяла ему, прислушиваясь къ запутаннымъ мистическимъ построеніямъ своего мужа.

Она, однако, старалась ввести порядокъ въ нѣдра новоосновааннаго общества, хотя это ей плохо удавалось. Она работала больше всѣхъ, вела книги и счеты, писала письма, разсылала приглашенія и наполовину безсознательно стремилась къ тому, чтобы придать организаціи болѣе опредѣленную форму и превратить ее по возможности въ церковь.

Мадамъ Томкинсъ рѣдко участвовала въ преніяхъ, но слушала очень внимательно. Тайно отъ міра, она вела дневникъ, куда записывала всѣ изреченія своего мужа. Въ будущемъ, если бы ей пришлось пережить его, этотъ дневникъ могъ бы стать первой священной книгой новой секты.

Впрочемъ, сильная и методическая природа мадамъ Томкинсъ не могла назваться уравновѣшенной. Послѣ потрясенія, которое она пережила въ молодости, нервы ея не были въ полномъ порядкѣ. Время отъ времени на нее находили припадки угрюмости, когда она ни съ кѣмъ не разговаривала, не выходила и все сидѣла въ своей комнатѣ и молча смотрѣла на стѣну. Мистеръ Томкинсъ былъ настолько благоразуменъ, что оставлялъ ее въ покоѣ въ это время и даже дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Другое противорѣчіе природы мадамъ Томкинсъ состояло въ томъ, что она очень любила смутную и неопредѣленную музыку новѣйшей школы. Быть можетъ, это былъ ея методъ мистическаго воспріятія Она старалась отыскивать малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ музыкантовъ, которые уклонялись отъ общепринятыхъ путей и стремились достигнуть новыхъ результатовъ въ воспріятіи гармоніи. Она ввела въ общество Оленью Кожу и еще одного молодого композитора, по происхожденію шведа, который стре-

мился объяснять музыкой самыя запутанныя мѣста изъ драмъ Ибсена.

— Мы уѣзжаемъ! — повторила миссисъ Томкинсъ.

Вихницкій вздрогнулъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на первое сообщеніе, но теперь слова хозяйки прозвучали для него, какъ эхо.

— Куда? — спросилъ онъ поспѣшно.

— Въ Индію!—сказала мадамъ Томкинсъ.

— Въ Индію, зачѣмъ?—машинально спросилъ Вихницкій.

— За книгой!—сказала хозяйка, подчеркивая своимъ тономъ это короткое слово. — Книга скрытыхъ чудесъ. Пундитъ Ом-Раби писалъ моему мужу, что въ монастырѣ Тиртанкара въ Дели онъ найдетъ полный списокъ. Друзья зовутъ насъ,—продолжала мадамъ Томкинсъ, — и еще Анди говоритъ, что вредно оставаться столько времени далеко отъ первоисточника мудрости.

Томкинса звали Андреемъ, но она называла его Анди. Въ ея немногихъ словахъ прошли рядомъ, но не смѣшиваясь, двѣ струи, одушевлявшія общество искателей — стремленіе къ мистическому идеалу и исканіе внѣшняго откровенія.

Группа у стола разсѣялась.

— Вонъ Анди уходитъ! сказала хозяйка.

Вихницкій повернулъ голову и увидѣлъ учителя уже въ дверяхъ, хотя онъ сдѣлалъ это такъ искусно, что не обратилъ на себя ничьего вниманія.

Вихницкій тоже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

— Я хочу попрощаться съ вами, мистеръ Томкинсъ!—сказалъ онъ.—Еще Богъ знаетъ, когда опять встрѣтимся!

— Вотъ на!—сказалъ Томкинсъ.—Развѣ вы уѣзжаете куда?

— Вы уѣзжаете!—сказалъ Вихницкій съ легкимъ удивленіемъ.

Томкинсъ часто говорилъ такъ загадочно, что нельзя было уловить истинное состояніе его мыслей.

— Ну вотъ еще!—сказалъ Томкинсъ.—Пойдемте съ нами!—прибавилъ онъ уже изъ корридора, надѣвая пальто. Оленья Кожа тоже прошелъ мимо Вихницкаго и, въ свою очередь, сталъ надѣвать пальто. Онъ, очевидно, готовился сопровождать Томкинса.

Вихницкій наполовину машинально взялъ свою шляпу.

— Куда мы пойдемъ?—спросилъ онъ уже у входной двери.

— Въ клубъ двадцатаго вѣка! — сказалъ Томкинсъ. — Тамъ тоже собралось общество, и я хочу произнести нѣсколько словъ, а мистеръ Доскинъ произнести нѣсколько звуковъ, — прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНА ЛѢСА.

Густава Гейерстама.

Со шведскаго **К. Ж.**

Далеко было до Камышеваго озера. Сначала нужно идти густымъ лѣсомъ по узкой тропинкѣ, извивавшейся между высокими соснами и частью шедшей по голымъ косогорамъ. Тамъ, гдѣ косогоры кончались, начиналось Бѣлое болото. По кочкамъ росли крошечныя карликовыя сосны, и когда цвѣла пахучка, то воздухъ наполнялся прянымъ ароматомъ, привлекавшимъ туда насѣкомыхъ. Порядочный кусокъ приходилось пройти и по болоту, и когда снова поднималась гора, и съ ея гребня виднѣлся рѣдѣющій лѣсъ и спокойная, зеркально-чистая вода, среди поросшихъ елью береговъ, то путь все еще не былъ конченъ, потому что хуторокъ стоялъ по ту сторону воды. Пѣшкомъ нужно было дѣлать большой крюкъ. Но если стать на берегу, откуда видѣнъ былъ хуторокъ съ его маленькими загонами, хвойнымъ лѣсомъ вокругъ покосившагося скотнаго двора и низкой избой, если позвать достаточно громко и порядочно подождать, то на другой сторонѣ появлялся маленькій, скрюченный старичокъ, въ красной шапкѣ и шерстяной куркѣ, осторожно спускался съ каменистаго пригорка [и, выпихнувъ зыбкую дубовую колоду, перевозилъ зовущаго.

Переѣзжая такимъ образомъ черезъ озеро, приходилось удивляться, почему оно называлось Камышевымъ озеромъ. Настоящаго озера, собственно, не было, а просто былъ маленькій прудокъ, отрадно дѣйствовавшій послѣ долгой ходьбы въ лѣсномъ сумракѣ подъ частыми елями, обросшими длинными, сѣрыми, косматыми лишаями. И камышей тоже сначала не видно. Берега состояли изъ твердыхъ утесовъ, подъ которыми въ спокойномъ озерѣ отражались растущія на ихъ рыхлыхъ вершинахъ ели. И только въ бухтѣ, гдѣ озеро дѣлало поворотъ за гору, къ концу лѣта возвышалась густая зеленая заросль камышей, въ которыхъ каждую весну пара утокъ свивала гнѣздо, выводила птенцовъ и всѣ они безъ помѣхи плавали по гладкому зеркалу воды.

Якобъ, сидѣвшій согнувшись, на веслахъ и перевозящій путника, никогда не могъ научиться стрѣлять изъ ружья. Такъ, по крайней

мѣрѣ, говоритъ онъ самъ; однако, это вовсе не значитъ, что такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть.

— Въ молодости,—говоритъ онъ,—я много разъ пробовалъ. Но ничего не выходило. У меня точно былъ какой-то порокъ. Я никакъ не могъ научиться зажмуривать одинъ глазъ. Поэтому ничего и не вышло изъ стрѣльбы. Теперь-то я могу зажмуривать и одинъ глазъ, и оба. Но я ужъ слишкомъ старъ, чтобъ учиться, и пусть ужъ будетъ, какъ есть.

Утки знаютъ поэтому, что ихъ никто не потревожитъ. Не обращая вниманія на надвигающуюся лодку, насѣдка и ея проворные утята подплываютъ къ самому мостику. Тамъ они выискиваютъ рыбьи потроха и картофельную шелуху, гогочутъ, ныряютъ, разговариваютъ другъ съ другомъ и ведутъ себя совсѣмъ, какъ домашнія животныя. Якобу приходится отгонять, причаливая, самыхъ дерзкихъ.

Такимъ образомъ Якобъ перевезъ многихъ путниковъ черезъ озеро, и неудивительно, что число ихъ подъ конецъ стало такъ велико. Онъ столько времени прожилъ на хуторѣ у Камышеваго озера, что никто, да пожалуй, и онъ самъ, не могъ бы сказать, когда онъ тамъ поселился. Обыкновенно туда не часто попадаетъ кто-нибудь чужой. Путь туда слишкомъ дологъ а тотъ, кто живетъ у Камышеваго озера, не многимъ можетъ,—или правильнѣе, могъ, когда жилъ,—угостить. Теперь Якобъ давно уже умеръ, и жена его тоже. Домъ развалился, поле постепенно заростаетъ сорной травой и превращается въ пустырь. Въ такой отдаленной и глухой лѣсной мѣстности, гдѣ находится Камышевое озеро, теперь никто по собственной охотѣ не селится. Прежде на свѣтѣ было больше любителей уединенія, не боявшихся пустынь.

Якобъ и его жена были два удивительныхъ отшельника, какіе еще иногда попадаются въ глубинѣ лѣсовъ, далеко отъ всякаго жилья, и если бы они захотѣли поразсказать о своей судьбѣ, то могли бы сообщить необыкновенныя вещи. Мартина, напримѣръ, видѣла лѣсную женщину и русалокъ, знала, что значатъ блуждающіе огни, свѣтившіе на Бѣломъ болотѣ, и слышала и видѣла все, что шепчетъ и шелеститъ, стонетъ и вздыхаетъ въ лѣсу, когда звѣздная, холодная зимняя ночь лежитъ надъ замерзшимъ озеромъ. Мартина знала все это очень хорошо и могла объяснить гораздо лучше и толковѣе любое колдовство, чѣмъ разныя происшествія своей однообразной жизни. Но лучше всего были ей знакомы маленькія существа, возившіяся въ чащѣ кустовъ, которыя выводили ее на правильную дорогу въ лѣсу и разставались съ ней только тогда, когда она брала ключъ съ его многолѣтняго мѣста въ щели подъ окномъ. Тогда всѣ они быстро разбѣгались на своихъ тоненькихъ быстрыхъ ножкахъ, радуясь, что проводили ее такъ далеко. И если въ это время подъ занесенными снѣгомъ елями начиналъ завывать волкъ, то Мартина знала, кого ей благодарить за то, что цѣлой добралась до дому. Якобъ всегда молча слушалъ, когда

жена разсказывала что-нибудь подобное, и иногда случалось, что онъ кивалъ головой, какъ бы давая ея словамъ то подтвержденіе, котораго они заслуживали, или въ которомъ нуждались. Но чаще онъ сидѣлъ равнодушно, уставившись глазами передъ собой, словно видѣлъ что-то, чего не могъ видѣть никто другой, и въ такихъ случаяхъ лицо его принимало строгое, почти сердитое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Зачѣмъ ты разсказываешь такія вещи людямъ, которые сами ничего не видали? Развѣ они знаютъ что-нибудь о лѣсѣ?»

Въ молодости Якобъ былъ угольщикомъ и тогда постоянно зарабатывалъ столько, что никому не былъ въ тягость. Мартина собирала ягоды, продавала щепныя корзины, помогала въ домахъ на деревнѣ на Рождествѣ или Пасхѣ и было хорошо извѣстна во всемъ околоткѣ. Она всегда отсыпала полную мѣру, всегда ея ягоды были свѣжи и только что сорваны, и съ нею нечего было бояться, что на днѣ лежатъ зеленыя ягоды. Корзины ея были прочны и хорошо сдѣланы, она была свѣдуща въ убоѣ скотины и мастерица стряпать, несмотря на то, что жила далеко отъ населенныхъ мѣстъ. Никогда дорога не казалась ей слишкомъ длинной, и если она не много знала изъ того, что написано въ книгахъ, зато знала много другого, что съ удовольствіемъ разсказывала всякому, кому охота была ее слушать.

Впрочемъ и Якобъ былъ не такой человѣкъ, за которымъ всякій могъ угнаться. Онъ ловилъ лѣсныхъ звѣрей капканами и стрѣлялъ ихъ изъ ружья вопреки своимъ собственнымъ словамъ. Были люди, говорившіе, что въ молодости съ Якобомъ никто не могъ сравняться по мѣткости и ловкости стрѣльбы. Свою старую берданку онъ пряталъ за кроватью, а исторія о томъ, что въ молодости онъ не умѣлъ зажмурирать одинъ глазъ, была выдумана, вѣроятно, потому, что Якобъ желалъ охотиться по своему усмотрѣнію и никакъ не могъ примириться съ ограниченіями, налагаемыми мелочными охотничьими постановленіями на его согражданъ. Словомъ, въ былыя времена Якобу жилось недурно, и изъ маленькаго домика у Камышеваго озера вышли три сына, служившіе въ работникахъ по деревнямъ, гдѣ больше можно было заработать денегъ, и гдѣ никто уже не слышалъ того, о чемъ шепчетъ лѣсъ.

Вначалѣ Якобъ и Мартина говорили объ этихъ дѣтяхъ въ длинные зимніе вечера, когда кругомъ нихъ стало такъ тихо, и никто не приходилъ навѣстить ихъ. Но годы шли своимъ чередомъ, Бѣлое болото и озеро подъ ихъ окнами замерзали много разъ, и много разъ наступало лѣто и прилетали утки. Но вокругъ обоихъ стариковъ было такъ тихо, точно никогда и не было дѣтей, игравшихъ на пригоркѣ у озера, и чѣмъ дальше эта тишина продолжалась, тѣмъ тѣснѣе Якобъ и Мартина сживались другъ съ другомъ, забывая, что существуетъ свѣтъ внѣ ихъ, и находили въ порядкѣ вещей, что никто не вспоминалъ тѣхъ, которые сами забыли почти всѣхъ.

*

Лѣсъ пѣлъ обоимъ старикамъ свою пѣсню, и то, немногое, что они требовали отъ жизни, они тоже имѣли до тѣхъ поръ, пока Якобъ однажды не долженъ былъ слечь. Что это была за болѣзнь, не зналъ ни одинъ изъ нихъ, но она началась съ того, что когда онъ долго стоялъ или ходилъ, то въ ногахъ у него поднималась какая-то странная боль, и однажды утромъ, проснувшись, онъ не могъ держаться на ногахъ и долженъ былъ остаться въ постели.

— Придется тебѣ ужъ позаботиться теперь обо всемъ, Мартина,— сказалъ Якобъ.—Когда я встану, отдохнешь.

Теперь, когда Якобъ слегъ, во многомъ начались нехватки. Изъ лѣса не появлялось дичи, а изъ озера не вылавливалось рыбы. Дрова тоже не приходили сами въ домъ, и некому было помочь вырубить прорубь во льду. Но хуже всего было съ кормомъ для коровы. Мартина брала съ собой серпъ, срѣзала и приносила домой, сколько могла, травы. Но все это было ей слишкомъ трудно и тяжело. Не разъ она по нѣскольку часовъ сидѣла въ лѣсу и плакала, потому что не хотѣла плакать дома. А Якобъ лежалъ пластомъ, и хорошо еще, что онъ былъ такъ терпѣливъ и ласковъ. А то Мартина ни за что не выдержала бы.

Въ концѣ концовъ ихъ постигло величайшее несчастье: корова въ одну зиму издохла отъ голода, и Мартинѣ ничего не оставалось, какъ ходить въ деревню побираться. Тяжело это было ей, никогда ничего не просившей у людей. Она казалась маленькой и сгорбленной, шла быстро и останавливалась только на самое короткое время, сколько требовала простая вѣжливость, потому что внѣ дома Мартина никогда не чувствовала себя спокойной. Дома лежалъ Якобъ, а онъ не могъ даже пройти нѣсколько шаговъ, чтобы развести себѣ огонь, если вечеромъ становилось слишкомъ холодно. И ѣсть, кромѣ того немногаго, что она оставляла ему, уходя, было нечего. Мартина шла печальная и озабоченная, неся въ рукахъ бутылку съ молокомъ, съ нищенской сумой на спинѣ, такъ что собаки перелетали черезъ заборы на дорогу и лаяли, когда она проходила мимо.

Два года проходила такъ Мартина, и все это время Якобу не дѣлалось лучше. Но и хуже тоже не дѣлалось. Подъ конецъ не стало уже разницы между днемъ и ночью, лѣтомъ и зимою, солнцемъ и дождемъ. Осталось одна только бѣда, которой, казалось, никогда не будетъ конца.

— Еслибъ я только могъ умереть,—говорилъ обыкновенно Яковъ.— Тогда тебѣ было бы гораздо легче.

При этихъ словахъ Мартина чувствовала такую слабость, что, несмотря на всѣ старанія, не могла удержать слезъ.

— Что же будетъ со мной, если ты умрешь?—говорила она.

Въ глубинѣ души она чувствовала, что такъ плохо, какъ теперь, никогда не можетъ быть. Но сказать это ему, такому безпомощному, она не рѣшалась.

Былъ лѣтній день, и Мартина возвращалась изъ деревни домой. Немного она несла съ собой. Люди устаютъ давать тѣмъ, которые часто просятъ ихъ помощи. А побираться—тяжелое ремесло для того, кому не мила жизнь. Котомка, которую она несла на спинѣ, была поэтому легка, и бутылка съ молокомъ въ рукѣ у старушки тоже не тяжела. Солнце сильно припекало, когда Мартина шла по Бѣлому болоту. На кочкахъ наливалась морошка, а гдѣ-то далеко въ еляхъ свистѣлъ черный дроздъ. Пройдя немного дальше, Мартина нагнулась посмотрѣть на незрѣлую бруснику. Она ходила по своимъ знакомымъ мѣстамъ, нагибалась надъ кочками и все смотрѣла и смотрѣла. О, сколько завязи было! И сколько спѣлой черники! А она не могла собирать и продавать ее какъ прежде, она ходила по деревнѣ и побиралась, потому что не могла въ одно и то же время ухаживать за больнымъ и работать за обоихъ. Какъ тутъ было тихо и пустынно. Мартина уронила суму, поставила кувшинъ и присѣла. Она такъ устала, устала отъ всей жизни. Еслибъ теперь вышла лѣсная женщина и предложила ей что-нибудь. Или тотъ, чьего имени она не хотѣла назвать даже мысленно, тотъ, который всегда наготовѣ, когда человѣкъ находится въ настоящей нуждѣ. Почему онъ не появляется теперь? Почему она ничего не видитъ? Она, видѣвшая всегда столько! Почему она даже не слышитъ малютокъ въ кустахъ, когда раньше слышала такъ много? Отчего лѣсъ молчитъ? И почему нѣтъ ни одного человѣка, который проводилъ бы ее домой, посмотрѣлъ бы, какъ ей живется, помогъ въ нуждѣ и облегчилъ бы ей немного то, съ чѣмъ она, дряхлая старуха, не можетъ справиться одна?

Но лѣсъ молчалъ вокругъ Мартины. Она слышала, какъ вдали прошумѣлъ тетеревъ, задѣвая на лету крыльями о сосновыя вѣтки. Слышала, какъ ворковали горлинки своими звонкими, переливчатыми голосами и какъ странная птица, названія которой она не знала, прокричала, словно человѣкъ въ бѣдѣ. Но кромѣ этого все кругомъ нея было тихо. Лѣсъ молчалъ, она не видѣла ничего, кромѣ деревьевъ, кустовъ, мухъ, солнечнаго свѣта, моха и сѣрыхъ лишаевъ. Воздухъ трепеталъ отъ жары, и все кругомъ нея было такъ безмолвно, такъ тихо, что ей стало страшно.

Мартинѣ, всю свою жизнь прожившей въ лѣсу, слышавшей по ночамъ, какъ кричатъ лисицы, и видѣвшей, какъ въ трескучія отъ мороза, звѣздныя зимнія ночи, волки, какъ сѣрые призраки, прокрадываются къ запертому скотному двору, въ первый разъ стало страшно одной въ лѣсу. Точно деревья обступили ее слишкомъ близко, точно стало слишкомъ тихо вокругъ нея, слишкомъ пусто, слишкомъ одиноко, слишкомъ спокойно. Дрожа, она поднялась, чтобы идти. Дрожа, повѣсила суму за плечи и взяла бутылку въ руки. Дрожа, стояла, вслушиваясь въ это глубокое молчаніе, звучавшее какъ одинъ тяжелый, не прерываемый никакимъ инымъ звукамъ, вздохъ. Неувѣренными шагами

пошла она дальше и не останавливалась, пока не дошла до берега, гдѣ лежала зыбкая колода. Поспѣшно влѣзла она въ нее и оттолкнулась отъ земли. Но Мартинѣ чудилось, что за ней тянутся точно руки, которыя схватятъ ее, если она обернется. Пни въ лѣсу, гнилушки, камни, старыя, готовыя повалиться деревья, камни, покрытые мхомъ и можевельникомъ, росшимъ круглыми, косматыми шапками по косогорамъ,—всѣ жили и всѣ молчали, молчали такъ, что наполняли воздухъ своимъ молчаніемъ и превращались въ отвратительныя видѣнія, въ каменномъ безмолвіи насмѣхавшіяся надъ ея бѣдой. Мартина быстро переправилась черезъ длинное, узкое озеро. Она слышала, какъ позади нея гоготали утки, утки, которыхъ Якобъ не имѣлъ-духа стрѣлять. Но она не обернулась посмотрѣть на нихъ, вытащила колоду на берегъ и скорѣе побѣжала, чѣмъ пошла, мимо ольхъ, по берегу къ избѣ. Ей казалось, что безмолвіе лѣса кричитъ и гонитъ ее впередъ.

Въ избѣ, въ кровати, лежалъ Якобъ, какъ онъ лежалъ послѣдніе два года. Когда Мартина вошла, онъ даже не открылъ глазъ, и, еще дрожа всѣмъ тѣломъ послѣ лѣсного страха, жена подошла къ плитѣ, наложила въ нее вѣтокъ и хворосту и зажгла огонь. Въ тусклой комнатѣ, куда маленькія окошки пропускали такъ мало свѣта, посвѣтлѣло. Но до того угла, гдѣ лежалъ Якобъ, отблескъ пламени не достигалъ, и съ своего мѣста Мартина не могла разобрать, спалъ ли больной, или проснулся.

— Это ты, Мартина?—раздался вдругъ голосъ Якоба изъ угла за окномъ.—Ты долго проходила.

— Я устала и сидѣла, отдыхала въ лѣсу,—возразила жена.—Какъ ты себя чувствовалъ сегодня?

— Какъ всѣ дни.

Голосъ Якоба звучалъ такъ ясно и мягко, что Мартина подошла ближе посмотрѣть на него.

— Я, должно быть, поспалъ сейчасъ немного,— сказалъ старикъ.— Это оттого, что я такъ долго лежалъ одинъ и думалъ.

— О чемъ же ты думалъ?—спросила Мартина.

Странно! Лѣсъ точно вошелъ съ ней въ избу и внесъ съ собой страхъ.

Якобъ передвинулъ голову, чтобы лучше видѣть. Теперь свѣтъ падалъ на его лицо. Оно было худое и сѣрое, какъ у человѣка, долго не видѣвшаго солнца. Но глаза старика сіяли.

— Я хотѣлъ бы еще разъ видѣть солнце, передъ смертью,—сказалъ онъ. — Я всегда любилъ солнце и спокойное озеро, и здѣшній лѣсъ. Какъ ты думаешь, можешь ты меня вынести наружу, если я буду помогать тебѣ, насколько могу?

Мартина подошла и сѣла на край постели.

— Что же ты будешь дѣлать на улицѣ?—сказала она.

Якобъ посмотрѣлъ на нее глазами, которые вдругъ стали какъ-то удивительно прозрачны.

— Я хочу умереть,—сказалъ онъ.—И ты должна мнѣ помочь. Не бойся, что я прошу тебя. Умереть не можетъ быть тяжело. Жить я больше не въ силахъ. И когда меня не будетъ, тебѣ не нужно будетъ ходить по деревнѣ и побираться, чтобы протянуть мнѣ жизнь.

Опять Мартинѣ почудилось, что страхъ изъ лѣса пришелъ съ ней въ избу. Она стиснула руки, сухія, старыя, сморщенныя руки; она поняла, чего хотѣлъ больной; задолго до того, какъ это было сказано, Мартинѣ казалось, что она слышала, что Якобъ просилъ, какъ теперь, и въ окно она видѣла, какъ свѣтило солнце и какъ спокойно сверкало Камышевое озеро.

— Ты снесешь меня въ колоду,—сказалъ старикъ,—и вытолкнешь ее въ озеро. А потомъ ступай сюда и не смотри больше.

Глаза Якоба тревожно искали глазъ жены, какъ у ребенка, просящаго исполнить самое завѣтное его желаніе. А Мартина сидѣла, и ей казалось, что иначе это и не могло быть. Вотъ чѣмъ напугалъ ее лѣсъ, вотъ о чемъ она думала, сидя тамъ, гдѣ кончается Бѣлое болото и дорога поднимается въ гору между елями.

— Когда же ты хочешь? — сказала она, и слезы капали изъ ея старыхъ глазъ.

— Сейчасъ солнце свѣтитъ,—сказалъ Якобъ.

И голосъ его зазвучалъ опять нетерпѣливо, какъ у ребенка, не желающаго ждать.

— Я два года лежалъ и думалъ только объ этомъ.

Тогда Мартина сѣла къ окну и стала думать, напрягая всѣ силы своего ума. Она никогда много не читала книгъ и знала тоже немного. Такъ она сидѣла долго, а Якобъ лежалъ молча и не мѣшалъ ея мыслямъ.

Наконецъ, Мартина встала и увидѣла, что солнце стояло еще высоко. Тогда, не говоря больше ни слова, она взяла своего стараго мужа, съ которымъ прожила столько десятковъ лѣтъ, и подняла его на постели. Потомъ она вынесла его изъ избы и посадила на лѣстницѣ. Худой онъ сталъ, тонкій и нести его было не тяжело. И вотъ Якобъ сидѣлъ и смотрѣлъ на солнце, лѣсъ, озеро и на все, что нѣкогда принадлежало ему.

— Если можешь, снеси меня дальше,—сказалъ онъ наконецъ.

Тогда Мартина снесла калѣку внизъ на берегъ и посадила въ колоду. Но сдѣлавъ это, она вся съежилась, взяла Якоба за руку и не могла выговорить ни слова.

— Вытолкни теперь колоду,—сказалъ Якобъ тихо,—а потомъ ступай въ избу и не стой здѣсь. Возьми книгу и почитай. Богъ пойметъ и проститъ. Онъ знаетъ вѣдь, какъ намъ съ тобой жилось.

И Мартина взяла руку Якоба и пожала ее на прощаніе. Потомъ отпихнула колоду отъ берега и постояла, пока она не дошла до глубокаго мѣста. Тогда она поднялась одна на гору и, войдя въ избу, достала старую книгу и попыталась читать. Читала она не библію, а

Ѳому Кемпійскаго. Но для Мартины обѣ эти книги были одинаковы, а другихъ у нея никогда и не бывало.

Вполголоса читала старуха непонятныя слова книги. Читала медленно и часто спотыкаясь, но чуждыми казались ей попадавшіяся, хорошо знакомыя слова. Въ ея времена учились немного, и большую часть того, что Мартина учила, она давнымъ-давно перезабыла. Мысли ея уходили далеко отъ словъ, и все же она находила нѣкоторое утѣшеніе въ этихъ чуждыхъ словахъ, можетъ быть, именно потому, что такъ мало въ нихъ понимала. Почитавъ, сколько ей казалось нужнымъ, она осторожно поставила книгу обратно на полку. Затѣмъ сошла опять съ горы и увидѣла, что колода плыветъ по водѣ пустая. Тогда Мартина сѣла на берегу, и то, о чемъ она тутъ думала и что видѣла, она не могла бы хорошенько разобрать. Но Мартинѣ казалось, что она думаетъ о душѣ Якоба, о себѣ самой и обо всемъ, что они вдвоемъ пережили. Простосердечно и кротко она прочитала «Отче нашъ» надъ тихой водой, въ которой отражался лѣсъ. И сдѣлавъ это, пошла опять въ избу, завѣсила окна чистыми простынями и насыпала еловыхъ вѣтокъ по дорогѣ, ведшей отъ лѣстницы къ озеру.

Послѣ того она легла въ постель и впервые заснула одна въ избѣ у Камышеваго озера.

Когда Мартина пришла въ деревню просить помочь ей найти и похоронить тѣло Якоба, она простодушно разсказала все, какъ было на самомъ дѣлѣ. Но всѣ думали, что она разсказываетъ сказку. И только когда пошли съ ней и увидѣли, что окна завѣшаны простынями и что отъ избы до озера дорога посыпана хвоей, то повѣрили, что разсказанная ею странная вещь—правда. И когда, въ концѣ концовъ, мертвое тѣло Якоба лежало, завернутое въ простыню, на той самой постели, гдѣ Якобъ самъ лежалъ столько лѣтъ больной, то вокругъ него стояло много народу, гораздо больше, чѣмъ когда-либо собиралось въ низкой избѣ.

И тутъ всѣ поняли, что того, что здѣсь случилось, никто не долженъ знать. То, что случилось, было тайной лѣса, и никто изъ знавшихъ ее, не долженъ былъ открывать того, что видѣлъ и слышалъ, и не разсказывать по другимъ деревнямъ. Потому что то, что Мартина сдѣлала, она сдѣлала по простотѣ своей и изъ нужды. А такія вещи можно было видѣть только здѣсь, гдѣ лѣсъ тянулся на десятки верстъ и гдѣ безмолвное озеро отражало лѣсъ.

РОЛЬ САНИТАРНЫХЪ МѢРОПРІЯТІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ДОЛГОЛѢТІЕ.

I.

Современныя санитарныя мѣропріятія основываются на фактахъ, установленныхъ гигіенической наукой, являются практическимъ выводомъ изъ теоретическихъ изслѣдованій въ гигіенической области и въ смежныхъ съ гигіеною наукахъ. Существуетъ тѣсная взаимная связь между гигіеной, какъ наукой о сохраненіи и улучшеніи здоровья, и санитаріей, какъ прикладной ея частью—искусствомъ охранять и улучшать здоровье. Накопленіе новыхъ фактовъ относительно причинъ заболѣваній и способовъ распространенія болѣзней, смѣна научныхъ теорій быстро и неизбѣжно сказываются на санитарныхъ мѣропріятіяхъ; эти послѣднія развиваются и совершенствуются по мѣрѣ роста теоретической гигіены и отражаютъ на себѣ ея научные успѣхи и теоретическія построенія. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного культурнаго государства, въ которомъ бы не велась организованная борьба, борьба болѣе или менѣе систематическая противъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, оказывающихъ вредное вліяніе на общественное здоровье, съ помощью спеціальныхъ предупредительныхъ мѣръ, мѣръ санитарныхъ. Интересъ къ предупрежденію болѣзней, а не только къ ихъ леченію, интересъ къ охраненію здоровья и къ развитію физическихъ силъ нашего организма растетъ съ каждымъ днемъ; этотъ интересъ въ свою очередь указываетъ на общекультурный ростъ націй, такъ какъ предусмотрительность, лежащая въ основѣ всей санитарной дѣятельности, есть одинъ изъ наиболѣе типичныхъ признаковъ культурнаго человѣка: дикарь не способенъ заботиться о будущемъ, малокультурный человѣкъ не способенъ сдѣлать даже запасовъ на зиму; только человѣкъ, достигшій извѣстной высоты развитія, дѣлается способнымъ заботиться о своемъ здоровьѣ прежде, чѣмъ сдѣлается больнымъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, и объясняется болѣе позднее развитіе научной предупредительной медицины сравнительно съ медициною лечебной. По мнѣнію отца научной гигіены Пет-

тенкофера, по систематичности борьбы съ вредными для здоровья условіями можно до извѣстной степени судить о высотѣ общей культуры.

Какія же причины вызываютъ въ настоящее время усиленныя заботы по предупрежденію болѣзней и по охраненію общественнаго здоровья?

Причины гигіеническаго движенія многочисленны и разнообразны, мы укажемъ только на самыя общія и самыя важныя. Первая причина — это постепенно распространяющееся въ обществѣ убѣжденіе, что человѣкъ съ культурою физически слабѣетъ, постепенно вырождается и живетъ меньше, чѣмъ онъ могъ бы прожить при болѣе благопріятныхъ для его здоровья условіяхъ. Вторая причина—это не менѣе глубокое убѣжденіе, что съ помощью предупредительныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ гигіеною, возможно устранить неблагопріятныя для жизни и здоровья условія, и тѣмъ продлить жизнь.

Слѣдующія соображенія и факты покажутъ намъ, что жизнь современнаго человѣка дѣйствительно коротка, такъ какъ въ наше время только немногіе счастливцы достигаютъ преклоннаго возраста 70 — 80 лѣтъ, который, однако, по мнѣнію извѣстнаго естествоиспытателя и мыслителя И. И. Мечникова, отнюдь нельзя считать для человѣка предѣльнымъ, а смерть въ этомъ возрастѣ физіологически необходимой, естественной. Для современнаго человѣчества указанный возрастъ, однако, является идеальнымъ. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право надѣяться, что указанный преклонный возрастъ, котораго достигаютъ только единицы, съ устраненіемъ наиболѣе вредныхъ для здоровья условій будетъ удѣломъ большаго числа лицъ, можетъ быть большинства. Если бы идеалъ этотъ былъ достигнутъ и въ извѣстномъ государствѣ населеніе въ среднемъ достигало бы возраста 80 лѣтъ, то изъ каждой тысячи жителей ежегодно умирало бы около 13 человѣкъ.

Таковъ идеалъ, посмотримъ, какова дѣйствительность.

Таблица I.

Коэффиціентъ общей смертности въ европейскихъ государствахъ.

на 1.000 жителей безъ мертворожденныхъ, по Бодіо.

	1874—83 г.	1884—93 г.	Къ концу XIX вѣка.
	I.		
Евр. Россія	35,5	33,5	33,1
Венгрія	34,0	32,4	28,0
Испанія	30,9	31,9	31,7
Австрія	30,6	28,8	24,9
Италія	29,1	26,9	—
	II.		
Германія	26,2	24,6	20,6

		III.	
Швейцарія.....	22,9	21,5	18,9
Финляндія.....	22,4	20,8	—
Франція.....	22,4	22,4	24,9
Бельгія.....	21,4	20,5	17,6
Англія.....	20,5	19,2	17,7
Данія.....	19,4	18,8	15,6
Ирландія.....	18,4	18,1	—
Швеція.....	18,4	17,1	15,4
Норвегія.....	17,2	16,9	15,2

Изъ приведенныхъ данныхъ (табл. I) прежде всего видно, что въ Евр. Россіи, Венгріи, Испаніи, Австріи и Италіи изъ каждой тысячи населенія умираетъ ежегодно болѣе 30 человѣкъ, то-есть слишкомъ въ два съ половиною раза больше, чѣмъ слѣдовало бы, если бы большинство людей доживало до возраста 70—80 лѣтъ.

Далѣе, рѣзко бросается въ глаза также и другое обстоятельство, а именно чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе смертности по различнымъ государствамъ. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи умираетъ изъ тысячи живущихъ 33 — 35 человѣкъ, въ Норвегіи умираетъ въ два раза меньше—15—18 человѣкъ на тысячу, т.-е. смертность почти достигла того минимума, который мы приняли за идеальный (13,13%). Въ цѣломъ рядѣ государствъ: въ Швеціи, Англіи съ Ирландіей и въ Даніи смертность меньше 20 на тысячу; въ остальныхъ европейскихъ государствахъ: въ Бельгіи, Франціи, Швейцаріи смертность въ 1884 — 1893 г. была нѣсколько выше 20 на тысячу и въ этой группѣ наибольшая смертность за этотъ періодъ времени наблюдалась въ Германіи. Достойно вниманія, что въ Финляндіи въ теченіе десятилѣтія 1884—1893 г. смертность равнялась всего 20,8 на тысячу населенія, въ то время какъ въ Европейской Россіи умирало 33,5 на тысячу.

Различія въ силѣ смертности, наблюдаемыя въ различныхъ государствахъ одного и того же континента, нѣтъ основаній объяснять племенными особенностями населенія и еще менѣе климатическими условіями. Нѣтъ, меньшая смертность среди норвежцевъ и англичанъ, сравнительно съ австрійцами, испанцами и русскими, обусловливается особенностями ихъ жизни и внѣшней обстановки, которыя въ такой же мѣрѣ могутъ быть доступны и всѣмъ другимъ европейцамъ; здѣсь нѣтъ ничего фатальнаго!

Отмѣченная неравномѣрность въ распредѣленіи смертности выступаетъ еще съ большей яркостью, если по принятымъ въ статистикѣ пріемамъ высчитать среднюю продолжительность жизни для средняго жителя каждой страны или государства.

По Бодіо, человѣкъ, родившійся въ Россіи, имѣетъ шансы про-

жить только до 28 лѣтъ, а новорожденный шведъ—до 50 лѣтъ; датчанинъ—до 48 лѣтъ и 2 мѣс.; англичанинъ—до 45 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ.

Если же, пользуясь тѣмъ же самымъ пріемомъ, высчитать шансы на долговѣчность для дѣтей, уже достигшихъ пятилѣтняго возраста, то шведъ, прожившій первые пять лѣтъ, можетъ расчитывать прожить до 56 лѣтъ, испанецъ и австріецъ—до 48 лѣтъ, въ большинствѣ остальныхъ европейскихъ государствахъ (за исключеніемъ Россіи) болѣе 50 лѣтъ.

Слѣдовательно, въ странахъ съ наименьшей смертностью люди уже и въ настоящее время въ среднемъ достигаютъ, если не идеальнаго возраста 80 лѣтъ, то до значительнаго возраста въ 56 лѣтъ.

Далѣе. При сравненіи цифръ, выражающихъ среднюю продолжительность жизни, нельзя не обратить вниманія на то, что шансы на долголѣтіе для дѣтей различныхъ странъ, достигшихъ пятилѣтняго возраста, значительно возрастаютъ, иными словами, наибольшую опасность для жизни дѣтей представляетъ возрастъ до одного года.

Слѣдующія данныя, указывающія на высоту смертности дѣтей до одного года, въ различныхъ странахъ, еще ярче иллюстрируютъ отмѣченную выше связь между высотой дѣтской смертности, средней продолжительностью жизни и величиной общей смертности.

Таблица II.

Дѣтская смертность на первомъ году жизни.

На сто дѣтей, рожденныхъ живыми, умирали на первомъ году жизни:

Страны:	1874—83 г.	1884—93 г.	Страны:	1874—83 г.	1883—93 г
Россія . .	*27,9*	*26,6*	Англія и Уэльсъ	14,4	14,6
Австрія .	25,1	24,9	Данія	14,1	13,4
Италія. .	20,8	19,0	Швеція . . .	12,8	10,7
Пруссія .	20,8	20,8	Шотландія . .	12,0	12,2
Нидерланды	19,2	17,5	Норвегія . . .	19,3	9,5
Финляндія	16,8	14,9	Ирландія . . .	*9,7*	*9,5*
Франція .	16,5	16,7			

Такимъ образомъ, наибольшая смертность дѣтей наблюдается именно въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, наблюдается и наибольшая общая смертность; Россія по смертности дѣтей занимаетъ первое мѣсто; первое же мѣсто принадлежало ей и по общей смертности. Второе мѣсто по дѣтской смертности принадлежитъ Австріи и по общей смертности Австро-Венгрія идетъ тотчасъ послѣ Россіи.

Точно также страны съ наименьшей общей смертностью—Англія, Данія, Швеція, Норвегія—отличаются и наименьшей дѣтской смертностью: въ нихъ въ возрастѣ до одного года умираетъ отъ 14 до 10% дѣтей, между тѣмъ какъ въ странахъ первой категоріи умираетъ отъ 21 до 28% новорожденныхъ дѣтей.

Если отъ приведенныхъ среднихъ цифръ для цѣлыхъ странъ пе-

рейти къ менѣе крупнымъ территоріальнымъ единицамъ, то, напримѣръ, у насъ въ Россіи мы найдемъ мѣстности съ ужасающей дѣтской смертностью: такова Пермская губернія, въ которой дѣтская смертность достигаетъ 48%, а въ отдѣльныхъ уѣздахъ и приходахъ этой губерніи повышается до 60% (по д-ру Русскихъ) и даже до 80% (по д-ру Никольскому).

Не завися отъ силы рождаемости, приведенные факты, касающіеся дѣтской смертности, весьма краснорѣчиво указываютъ, что санитарныя и всѣ другія мѣропріятія, имѣющія цѣлью бороться съ высокой смертностью населенія въ данной странѣ, должны быть направлены прежде всего на устраненіе причинъ, вызывающихъ высокую дѣтскую смертность. Борьба противъ чрезмѣрной дѣтской смертности, очевидно, должна занимать важное мѣсто въ общей борьбѣ человѣчества за долголѣтіе повсюду и особенно у насъ въ Россіи.

Въ предыдущемъ изложеніи мы употребляли выраженіе «борьба за долголѣтіе», понимая подъ этимъ борьбу противъ вредныхъ для здоровья условій.

Есть ли, однако, какія-нибудь основанія думать, что приведенные выше коэффиціенты общей и дѣтской смертности могутъ измѣняться въ благопріятную для населенія сторону подъ вліяніемъ сознательной дѣятельности человѣка, или цѣлой группы лицъ?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ разсмотрѣніе измѣненія смертности отдѣльныхъ странъ во времени (табл. I).

Сравнивая общую смертность по отдѣльнымъ государствамъ за десятилѣтіе 1874—83 гг., затѣмъ за 1884—93 гг. и, наконецъ, за послѣднія 7 лѣтъ прошлаго столѣтія, мы замѣчаемъ, что въ послѣднюю четверть или даже треть XIX вѣка во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ одной Испаніи, общая смертность постепенно уменьшается, хотя и не въ одинаковой степени въ различныхъ странахъ. Напримѣръ, въ Европейской Россіи смертность за указанный періодъ времени почти не уменьшилась—уменьшилась на ничтожную цифру 35 человѣкъ на каждые сто тысячъ населенія; при томъ и это уменьшеніе шло не постепенно, а съ колебаніями: въ десятилѣтіе 1884—93 гг. вслѣдствіе эпидеміи холеры, смертность была больше, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе.

Въ тотъ же промежутокъ времени въ Австріи и особенно въ Германіи смертность уменьшилась чрезвычайно рѣзко: въ Австріи съ 39,6 до 24,8, а въ Германіи съ 26,2 до 20,6 на тысячу жителей.

Чрезвычайно интересно, что общая смертность продолжаетъ уменьшаться также и въ тѣхъ странахъ, гдѣ она была сравнительно невысока и четверть вѣка назадъ, напримѣръ, въ Англіи, Швеціи и Норвегіи. Въ послѣднихъ государствахъ въ настоящее время смертность едва превышаетъ 15 на тысячу населенія, т.-е. въ два слишкомъ раза меньше, чѣмъ смертность въ Европейской Россіи.

Изъ приведенныхъ выше статистическихъ данныхъ вытекаютъ два главныхъ вывода:

1) что жизнь современнаго человѣка, дѣйствительно, слишкомъ коротка и преждевременно прерывается и

2) что подъ вліяніемъ какихъ-то причинъ въ послѣднюю треть вѣка въ большинствѣ европейскихъ государствъ смертность уменьшается, но не во всѣхъ и не одинаково.

Какія же причины вызываютъ уменьшеніе смертности среди населенія Европы? Отвѣтъ на поставленный вопросъ дастъ намъ изученіе причинъ, вызывающихъ преждевременную смерть.

Какъ извѣстно, самой частой причиной преждевременной смерти являются болѣзни. Изъ данныхъ общей баварской статистики причинъ смерти оказывается, что отъ старческой дряхлости, т.-е. отъ естественной смерти, вслѣдствіе истощенія физическихъ силъ, умираетъ не болѣе 7—10 человѣкъ изъ ста умершихъ отъ всѣхъ причинъ. (Майръ, стр. 450—451). Интересно, что цифра эта почти совсѣмъ не измѣняется во времени. Въ то же время отъ острыхъ и хроническихъ не хирургическихъ болѣзней умираетъ до 75% всѣхъ умершихъ.

По даннымъ той же баварской статистики, за пятилѣтіе 1890—94 г. приходилось умершихъ для каждой изъ слѣдующихъ важнѣйшихъ причинъ смерти слѣдующія доли:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894
На болѣзни развитія .	22,2	21,5	21,8	22,3	21,3
На заразныя и общія .	30,0	29,9	39,1	29,3	30,8
На мѣстныя болѣзни .	42,4	43,0	42,6	43,0	42,6

Такимъ образомъ, около одной трети всѣхъ смертныхъ случаевъ приходится на долю заразныхъ болѣзней, въ борьбѣ съ которыми, какъ мы увидимъ, гигіеническія мѣропріятія являются наиболѣя дѣйствительными.

Не вполнѣ соотвѣтствующая медицинскимъ требованіямъ группировка болѣзней въ только что приведенныхъ данныхъ о причинахъ смерти, позаимствованныхъ нами изъ общей, а не медицинской статистики, несомнѣнно уменьшаетъ количество смертныхъ случаевъ, причиной которыхъ являются заразныя болѣзни, такъ какъ, напримѣръ, не въ группу заразныхъ, а къ мѣстнымъ болѣзнямъ могли быть отнесены заразныя заболѣванія кишекъ и желудка и притомъ такія, какъ дѣтскіе поносы, которые въ общей суммѣ смертныхъ случаевъ составляютъ значительную долю. Со включеніемъ острыхъ катарровъ кишекъ, по даннымъ спеціально медицинской статистики, въ слѣдующихъ большихъ русскихъ городахъ отъ заразныхъ болѣзней умирало:

въ Москвѣ, по д-ру Остроглазову, 60% (1878—80 г.).

въ Петербургѣ, по д-ру Загорскому, 63% (1881—85 г.).

въ Варшавѣ, по д-ру Полякъ, 56% (1882—93 г.).

Слѣдуя подраздѣленію болѣзней, данному еще Дженомъ Симономъ, на неустранимыя и устранимыя, къ которымъ онъ причисляетъ заразныя болѣзни, въ нашихъ большихъ городахъ, по приведеннымъ даннымъ, отъ устранимыхъ болѣзней умираетъ двѣ трети всѣхъ умершихъ и менѣе одной трети умираетъ отъ причинъ, устранить которыя гигіена и медицина, въ широкомъ смыслѣ слова при ихъ настоящемъ состояніи не могутъ, напримѣръ, наслѣдственные пороки развитія и нѣкоторыя другія, или отъ соціальныхъ причинъ, которыя выходятъ за предѣлы ихъ компетенціи, какъ, напримѣръ, болѣзни, поддерживаемыя бѣдностью и невѣжественностью населенія.

Изъ сказаннаго видно, что въ современномъ обществѣ для гигіениста открывается широкая и плодотворная дѣятельность, и въ идеалѣ онъ можетъ надѣяться съ помощью предупредительныхъ мѣропріятій спасти отъ насильственной смерти двѣ трети преждевременно оканчивающихъ жизнь.

II.

Какъ бы ни были краснорѣчивы приведенныя данныя статистики смертности и болѣзненности, они не могли бы настолько сильно подѣйствовать на массу населенія и настолько повліять на общественные и правительственные органы, чтобы заставить ихъ принять активное участіе въ санитарныхъ мѣропріятіяхъ.

Первый толчокъ къ организованнымъ мѣропріятіямъ по предупрежденію общества отъ усиленной заболѣваемости и вызываемой этой заболѣваемостью усиленной смертности дала эпидемія холеры, разразившаяся надъ Европой въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія. Массовыя заболѣванія холерой и массовые смертельные случаи, безпомощность лечебныхъ мѣропріятій противъ свирѣпствующей болѣзни, уносящей каждый день сотни и тысячи жизней, все это вызвало панику въ населеніи, дискредитировало лечебную медицину и вызвало стремленіе найти новые пути и новые способы борьбы съ эпидеміями вообще.

На путь практическихъ мѣропріятій по охраненію общественнаго здоровья выступила первой Англія. Несмотря на то, что медицинская наука въ то время не имѣла точныхъ свѣдѣній о причинахъ заразныхъ болѣзней и о способахъ ихъ распространенія и могла только утверждать, что причины заразныхъ болѣзней нужно искать внѣ насъ, что заразныя болѣзни заносны, какъ холера, которая изъ Азіи дѣлаетъ на Европу набѣги,—санитарная дѣятельность въ Англіи сразу приняла вѣрное направленіе: она обратилась на оздоровленіе той внѣшней среды, среди которой живетъ человѣкъ и которая при извѣстныхъ условіяхъ становится удобной почвой для развитія заразныхъ началъ или посредникомъ въ переносѣ заразы съ больного на здоровыхъ.

По Бекэнену, санитарныя мѣропріятія, предпринятыя въ это время въ Англіи, состояли въ дренажѣ почвы, подпочвы и осушеніи домовъ; въ улучшеніи водоснабженія—въ исправленіи старыхъ и постройкѣ новыхъ водопроводовъ; въ очищеніи почвы внутри населенныхъ мѣстъ, т.-е. въ организаціи для быстраго удаленія способныхъ къ разложенію органическихъ веществъ за предѣлы селеній и въ предупрежденіи зараженія ими воды, воздуха и почвы. Съ этою цѣлью въ городахъ было устроено удаленіе нечистотъ по подземнымъ трубамъ (канализація); были улучшены выгребныя ямы, гдѣ уничтожить ихъ по мѣстнымъ условіямъ было нельзя, въ домахъ вмѣсто старыхъ отхожихъ мѣстъ были устроены водяные клозеты; кромѣ того, было обращено вниманіе на соблюденіе общественной опрятности: на мощеніе и содержаніе въ чистотѣ улицъ. Перечисленныя мѣры были пополнены реформою жилыхъ помѣщеній: были изданы распоряженія противъ скученности населенія, а также относительно содержанія меблированныхъ комнатъ и другихъ подобнаго рода учрежденій.

Всѣ такого рода мѣропріятія, направленныя на оздоровленіе внѣшней среды—почвы, воздуха, воды—были проведены одновременно, систематически и настойчиво и не замедлили сказаться на уменьшеніи смертности отъ нѣкоторыхъ наиболѣе губительныхъ и тяжелыхъ въ соціальномъ отношеніи болѣзней, напримѣръ, отъ брюшного тифа.

Смертность отъ брюшного тифа послѣ періода санитарныхъ реформъ упала въ 21 англійскихъ городахъ на 33 и даже на 75 %.

Столь блестящіе результаты, полученные въ Англіи съ помощью общихъ санитарныхъ мѣропріятій, послужили первымъ толчкомъ къ развитію санитарнаго дѣла на континентѣ Европы. Расцвѣтъ теоретической гигіены, созданной трудами Петтенкофера и его учениковъ въ Германіи; геніальныя открытія Пастера въ области этіологіи и предупрежденія заразныхъ болѣзней во Франціи; дальнѣйшее развитіе бактеріологіи подъ вліяніемъ открытій Коха и его школы—все это дало и теоретическія основанія, и практическія указанія для дальнѣйшихъ санитарныхъ мѣропріятій.

Подъ вліяніемъ гигіенической науки создалась спеціальная отрасль техники—санитарная техника, давшая и дающая цѣлый рядъ техническихъ сооруженій, преслѣдующихъ цѣль сдѣлать внѣшнюю среду—естественную и искусственную—менѣе вредной для человѣческаго здоровья, уменьшить шансы получить болѣзнь извнѣ и этимъ способствовать сохраненію и развитію нашего здоровья: таковы отвѣчающія требованіямъ гигіены частныя и общественныя жилища, хорошіе водопроводы съ чистой и здоровой водой, канализаціи для удаленія нечистотъ, печи для сжиганія мусора и т. д., и т. д.

Послѣ Англіи, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, особенной послѣдовательностью и настойчивостью въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, а слѣдовательно въ борьбѣ за долголѣтіе, съ по-

мощью санитарныхъ мѣропріятій отличается Германія и въ настоящее время также достигла чрезвычайно ощутительныхъ результатовъ.

Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ городовъ вслѣдъ за устройствомъ водопроводовъ и канализаціи, какъ и въ англійскихъ городахъ, смертность отъ заразныхъ болѣзней постепенно начала падать. Благодаря усиліямъ Петтенкофера, напримѣръ, г. Мюнхенъ, имѣвшій прочную репутацію города нездороваго, въ которомъ эпидеміи брюшного тифа не прекращались, сдѣлался послѣ санитарныхъ реформъ городомъ здоровымъ, свободнымъ отъ брюшнотифозныхъ эпидемій. Въ Мюнхенѣ смертность отъ брюшного тифа съ 255 случаевъ на 100.000 населенія послѣ санитарныхъ реформъ упала до 10 уже къ концу 80-хъ годовъ; въ Данцигѣ—съ 130 до 6; во Франкфуртѣ—на Майнѣ смертность отъ брюшного тифа и эпидеміи шли, постепенно уменьшаясь, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число домовъ, присоединившихся къ городской канализаціонной сѣти: еще въ семидесятыхъ годахъ во Франкфуртѣ—на—Майнѣ смертность отъ брюшного тифа доходила до 110 и болѣе на 100.000 жителей; по мѣрѣ развитія въ городѣ раціональнаго способа удаленія нечистотъ къ 1893 г. смертность упала до 5-ти человѣкъ на 100.000 населенія.

Въ высокой степени поучительную картину даетъ ходъ смертности отъ брюшного типа въ Берлинѣ по даннымъ, обработаннымъ докторомъ Т. Вейлемъ.

За 15 лѣтъ (съ 1858 по 1875 г.), въ теченіе которыхъ жители Берлина пользовались хорошей водой изъ водопровода, но не имѣли канализаціи, смертность отъ брюшного тифа уменьшилась съ 44 до 25 случаевъ на каждую тысячу умершихъ, но это уменьшеніе шло не равномѣрно, а прерывалось болѣе или менѣе жестокими эпидеміями, причемъ самая жестокая эпидемія тифа за этотъ промежутокъ времени вспыхнула въ 1872 г. и дала огромную цифру смертности въ 46 человѣкъ на 1.000 умершихъ. Начиная съ 1876 г., когда началась въ Берлинѣ постройка канализаціи, смертность отъ брюшного тифа стала постепенно падать и къ 1890 г. достигла ничтожной цифры 4 случаевъ изъ тысячи смертныхъ случаевъ. Въ настоящее время Берлинъ эпидемій тифа не знаетъ.

Санитарное движеніе въ Германіи началось съ конца 60-хъ годовъ и продолжаетъ развиваться до настоящаго момента, завоевывая все больше и больше симпатіи массы населенія и правящихъ сферъ, не смотря на крупныя затраты, которыя требуются на устройство основныхъ санитарныхъ сооруженій—водопроводовъ, канализаціи, устройство боенъ, хорошихъ зданій для школъ и т. д.

Разгорѣвшійся въ 70-хъ годахъ теоретическій споръ о способахъ распространенія холеры и брюшного тифа раздѣлилъ гигіенистовъ на два лагеря: одни видѣли спасеніе отъ холеры и тифа въ устройствѣ водопроводовъ (школа Коха), другіе—въ мѣрахъ, охраняющихъ отъ

загрязненія почву (школа Петтенкофера), не отрицая, однако, важности снабженія населенныхъ мѣстъ чистой и здоровой водой и другихъ санитарныхъ мѣръ. Къ счастью, теоретическія несогласія между представителями почвенной теоріи распространенія тифа и холеры—«локалистами» и «контагіонистами»—защитниками теоріи распространенія этихъ болѣзней питьевой водой, въ общемъ не вызывали важныхъ разногласій на практикѣ, и санитарныя мѣропріятія, въ большинствѣ случаевъ, направлялись и на улучшеніе водоснабженія, и на очищеніе почвы путемъ раціональной организаціи удаленія нечистотъ и дали, какъ мы видѣли, превосходные результаты.

Опытъ показалъ, далѣе, что санитарныя мѣропріятія общаго характера: улучшеніе водоснабженія, удаленія нечистотъ, улучшенія жилищъ и т. п. представляютъ не только отличное средство борьбы съ брюшнымъ тифомъ, но оказываютъ вообще благотворное вліяніе на здоровье жителей, уменьшаютъ заболѣваемость и смертность также и отъ другихъ болѣзней.

Для доказательства только что высказанной мысли достаточно привести данныя д-ра Вейля относительно уменьщенія дѣтской смертности въ Берлинѣ послѣ начала санитарныхъ реформъ.

	Изъ 1.000 живущихъ въ Берлинѣ умирало:				
Возрастъ	1871 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.
отъ 0 до 1 года. .	590	481	444	321	321
» 1 » 5 лѣтъ. .	189	174	139	117	107

Такимъ образомъ за послѣднее тридцатилѣтіе въ Берлинѣ смертность среди дѣтей въ возрастѣ до одного года уменьшилась почти въ два раза.

Чтобы убѣдиться, что санитарныя мѣропріятія вліяютъ на уменьшеніе смертности и болѣзненности сами по себѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ независимо отъ общекультурныхъ и соціальныхъ условій той или иной страны, достаточно указать измѣненіе смертности отъ брюшного тифа въ Варшавѣ. Несмотря на то, что санитарныя мѣропріятія въ Варшавѣ еще находятся въ періодѣ развитія, смертность отъ брюшного тифа съ 110 человѣкъ (1880 г.) упала до 20 на 100.000 населенія (1890 г.). При этомъ и общая смертность въ Варшавѣ съ 32 человѣкъ на каждую тысячу населенія понизилась къ 1895 г. до 25 (д-ръ Полякъ).

Не менѣе поучительную картину уменьшенія общей смертности подъ вліяніемъ двухъ важнѣйшихъ санитарныхъ сооруженій—водопровода и канализаціи—даетъ г. Одесса. Въ 1837 г. въ Одессѣ умирало 33 человѣка изъ тысячи населенія, въ 1883 г.—умирало уже только 29 чел., въ 1886 г.—28, а въ 1893 г. смертность понизилась до 25. Уменьшеніе смертности шло шагъ за шагомъ съ увеличеніемъ расхода воды изъ водопровода, т.-е. съ расширеніемъ водопроводной сѣти и съ уве-

личеніемъ числа домовъ, которые начали спускать нечистоты въ городскіе стоки (д-ръ Діатроптовъ).

Необходимо прибавить, что смертность и еще въ Одессѣ продолжаетъ уменьшаться: въ 1895 г. она равнялась уже на 22 на тысячу жителей и имѣетъ тенденцію понижаться далѣе.

Результаты санитарныхъ мѣропріятій поразительные, особенно, если принять во вниманіе, что въ 1890 г. въ Одессѣ числилось 48 съ половиною тысячъ однихъ евреевъ, находящихся въ тискахъ крайней нужды, почти нищихъ (32% всего еврейскаго населенія); условія жизни вообще и квартиры поистинѣ ужасны (Бродовскій. «Еврейская нищета въ Одессѣ». 1902 г.); кромѣ евреевъ, въ Одесскомъ портѣ круглый годъ работаютъ и живутъ тысячи «босяковъ», стекающихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи и Сибири.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ санитарныхъ мѣропріятій, въ большихъ западно-европейскихъ городахъ общая смертность упала ниже 20 на тысячу, между тѣмъ какъ въ началѣ 80-хъ годовъ стояла выше 30 (Лондонъ, Берлинъ и друг.).

Не представляя собою специфическаго средства, указанныя выше общесанитарныя мѣры являются по настоящее время самымъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ тѣхъ заразныхъ болѣзней, противъ которыхъ наука пока еще не открыла специфическихъ средствъ онѣ, способствуя развитію частной и общественной опрятности, уменьшаютъ шансы зараженія изъ окружающей насъ обстановки, укрѣпляютъ здоровье и поэтому облегчаютъ борьбу съ болѣзнями всякими другими средствами и способами. Когда идетъ рѣчь о систематическомъ оздоровленіи населенныхъ мѣстъ, необходимо начинать съ устройства хорошаго водоснабженія, съ организаціи удаленія нечистотъ, съ улучшенія жилищъ, вообще съ заботъ о доставленіи возможности жить опрятнѣе, а затѣмъ или одновременно съ этимъ организовать борьбу съ болѣзнями иными способами. Вліяніе такого рода мѣропріятій на уменьшеніе болѣзненности и смертности не только отъ брюшного тифа, но и отъ другихъ заразныхъ болѣзней не подлежитъ сомнѣнію.

Въ литературѣ, напримѣръ, имѣются данныя относительно того, что общесанитарныя мѣропріятія уменьшаютъ заболѣваемость маляріей; очевидно, что здѣсь на ослабленіе заболѣваемости вліяетъ осушеніе почвы вслѣдствіе спеціальнаго дренажа или осушеніе почвы, которое является какъ побочное слѣдствіе послѣ прокладыванія трубъ для удаленія нечистотъ. Труднѣе поддаются объясненію факты, достовѣрность которыхъ, однако, нѣтъ основаній отрицать, доказывающіе, что вслѣдъ за осушеніемъ городской почвы уменьшается болѣзненность и смертность отъ чахотки. По Боудиту въ 325 американскихъ городахъ смертность отъ чахотки уменьшилась послѣ осушенія городской почвы. О томъ же докладывалъ въ 1898 г. на международномъ конгрессѣ по гигіенѣ и демографіи д-ръ Дэвисонъ. Такое же явленіе отмѣчаетъ

д-ръ Полякъ и въ Варшавѣ. Можетъ быть, въ этихъ городахъ осушеніе почвы значительно повліяло на осушеніе подвальныхъ и другихъ жилищъ, въ которыхъ ютится бѣдная часть населенія большихъ городовъ.

Точно также подъ вліяніемъ санитарныхъ улучшеній въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ совершенно исчезли эпидеміи сыпного тифа—этого народнаго бича во время недородовъ и войнъ. Во время войны 1866 г. въ прусскихъ войскахъ умерло отъ ранъ 4.450, а отъ болѣзней, преимущественно отъ сыпного тифа, 6.437 солдатъ. Въ войну 1870—1871 гг. въ германской арміи не было больныхъ сыпнымъ тифомъ и вообще отъ болѣзней умерло вдвое меньше, чѣмъ отъ пуль и штыковъ,—такъ хорошо въ войскахъ была организована санитарная часть.

У насъ въ Россіи въ 1893 г. умерло отъ сыпного тифа 8.856 ч.; въ 1894 г.—6.000 ч. и въ 1895 г.—5.125 человѣкъ.

Возвратный тифъ въ настоящее время въ Германіи представляетъ большую рѣдкость, а у насъ въ Россіи не только въ деревняхъ, но и въ столицахъ нерѣдко больницы переполняются больными возвратнымъ тифомъ и ежегодно отъ него умираетъ по 3—4 тысячи человѣкъ.

Противъ сыпного и возвратнаго тифа до настоящаго времени специфическихъ предохранительныхъ средствъ не найдено; несмотря на это, эти болѣзни подъ вліяніемъ общихъ санитарныхъ мѣропріятій, почти исчезли.

Мы остановились нѣсколько подробно на значеніи общихъ мѣропріятій по оздоровленію городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ потому что въ послѣднее время у насъ въ Россіи подъ вліяніемъ увлеченія второстепенными способами борьбы съ заразными болѣзнями нѣкоторые гигіенисты начали умалять роль старыхъ испытанныхъ способовъ, за дѣйствительность которыхъ краснорѣчиво говорятъ приведенные выше факты и опытъ большинства культурныхъ націй. Подрывать значеніе общесанитарныхъ мѣропріятій въ странѣ, гдѣ пониманіе ихъ значенія только-только начало прививаться въ обществѣ, значитъ, по нашему мнѣнію, сбивать общественное мнѣніе съ правильнаго пути и наносить вредъ общественному здоровью.

Совсѣмъ иное дѣло, если бы намъ задали вопросъ—должны ли всѣ заботы объ охраненіи общественнаго здоровья, вся санитарная дѣятельность исчерпываться вышеуказанными мѣропріятіями по оздоровленію воды, почвы, воздуха, жилищъ? Конечно, нѣтъ.

Вмѣстѣ съ ними должна быть еще организована борьба съ болѣзнетворными зародышами въ моментъ ихъ выдѣленія больными, т.-е. организована соотвѣтственнымъ образомъ изоляція больныхъ отъ здоровыхъ и дезинфекція заразительныхъ выдѣленій, жилищъ, бѣлья и другихъ предметовъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ больными.

Пользуясь яркимъ сравненіемъ Дюкло, нельзя отрицать, что слѣдуетъ

ловить преступниковъ на мѣстѣ преступленія, но къ сожалѣнію микробы, какъ и преступники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ исчезаютъ гораздо раньше, чѣмъ прибудутъ на мѣсто преступленія власти для ареста виновныхъ. Только въ тѣхъ относительно немногихъ случаяхъ, когда къ больному былъ приглашенъ своевременно врачъ и своевременно былъ поставленъ правильный діагнозъ болѣзни, возможно сдѣлать своевременную, а не запоздалую дезинфекцію.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что только въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ дезинфекція дастъ хорошіе результаты, въ которыхъ предварительно проведены необходимыя общесанитарныя мѣры по снабженію населенія хорошой водой, по удаленію нечистотъ и т. д., пріучающія населеніе къ опрятности. Общесанитарныя мѣропріятія можно сравнить съ мѣрами по распланированію селеній съ цѣлью обезопасить ихъ отъ большихъ пожаровъ, а роль дезинфекціи—съ ролью пожарныхъ командъ, необходимыхъ для тушенія начавшагося уже пожара. Тѣ люди, которые думаютъ, что можно дезинфекціей замѣнить общесанитарныя мѣры, дѣлаютъ ту же грубую ошибку, какъ и люди, которые стали бы утверждать, что не нужно заботиться о безопасной въ пожарномъ отношеніи постройкѣ селеній, а слѣдуетъ только завести въ каждомъ селеніи хорошую пожарную команду.

Далѣе, необходимо организовать санитарную статистику, которая своевременно извѣщаетъ о началѣ и ходѣ эпидемій, борьбу противъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ и напитковъ, больничное дѣло и т. д. и т. д.

III.

Развитіе ученія о заразныхъ болѣзняхъ, дальнѣйшее изученіе біологическихъ свойствъ, вызывающихъ болѣзни микроорганизмовъ, которымъ наука и жизнь обязаны трудамъ Коха, Ру, Мечникова, Беринга и цѣлой плеяды бактеріологовъ, дало въ руки общественной гигіены новый могущественный способъ борьбы противъ заразныхъ болѣзней и высокой смертности. Этотъ способъ имѣетъ своимъ объектомъ не внѣшнюю среду, какъ вышеописанныя санитарныя мѣропріятія, а самого человѣка; онъ стремится съ помощью специфическихъ пріемовъ усилить или создать вновь у каждаго человѣка невоспріимчивость по отношенію къ какой-нибудь одной болѣзни, искусственно возбуждая и усиливая защитительныя способности организма.

Изученіе естественнаго и искуственнаго иммунитета создало спеціальную отрасль предохранительной медицины — предохранительныя прививки. Несмотря на то, что предохранительныя прививки противъ оспы были эмпирически найдены Дженнеромъ еще въ концѣ XVIII столѣтія (въ 1798 г.) и скоро нашли себѣ широкое практическое примѣненіе, раціональный путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій и открытій въ этой области былъ проложенъ только со времени открытія міра

микроскопически малыхъ существъ—патогенныхъ микроорганизмовъ, только послѣ того, какъ Пастеръ выработалъ способъ предохранительныхъ прививокъ противъ бѣшенства и противъ сибирской язвы. Открытія не заставили себя ждать: въ настоящее время мы имѣемъ предохранительныя прививки противъ оспы, бѣшенства и сибирской язвы; мы имѣемъ сыворотку Беринга и Китазато противъ дифтерита, сыворотку Марморека и Мозера противъ скарлатины и заболѣваній, вызываемыхъ гноеродными кокками, напримѣръ, противъ родильной горячки и др.; прививки Хавкина противъ бубонной чумы—одного изъ страшнѣйшихъ бичей человѣчества. Нужно надѣяться, что въ этой области ближайшее будущее подаритъ человѣчеству еще новыя блестящія открытія, напримѣръ, предохранительныя прививки противъ туберкулеза, холеры, тифовъ и даже противъ сифилиса.

Можно ли въ настоящее время учесть съ цифрами въ рукахъ, какую помощь оказали предохранительныя прививки въ борьбѣ съ заразными болѣзнями?

Къ сожалѣнію, убѣдительныя данныя имѣются только по отношенію къ предохранительнымъ прививкамъ противъ оспы, потому что относительно ихъ имѣется уже болѣе, чѣмъ столѣтній опытъ.

Предохранительныя прививки противъ оспы дали поразительные результаты въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ съ наибольшей послѣдовательностью и строгостью проведенъ принципъ обязательнаго прививанія оспы, напримѣръ, въ Англіи и въ Германіи.

Въ XVIII вѣкѣ въ Лондонѣ на долю умершихъ отъ оспы приходилось около одной десятой всѣхъ смертныхъ случаевъ. Въ концѣ прошлаго XIX вѣка во всей Англіи умерло отъ оспы всего 16 человѣкъ на милліонъ населенія.

Въ Пруссіи до введенія обязательнаго оспопрививанія умирало отъ оспы до ста человѣкъ на сто тысячъ населенія, а въ 1897 году во всей Германіи, т.-е. на 56 милліоновъ жителей, умерло отъ оспы только трое.

Значительно меньшихъ результатовъ въ борьбѣ противъ оспы достигли тѣ государства, въ которыхъ прививки оспы не были обязательны: во Франціи въ пятилѣтіе 1889—94 г. умирало по 149 человѣкъ, въ Венгріи по 155, въ Бельгіи по 253, въ Австріи по 638 человѣкъ ежегодно изъ милліона населенія.

Послѣднею же причиною объясняются столь малые успѣхи оспопрививанія въ Россіи съ тою особенностью, что страшнымъ тормазомъ для развитія оспопрививанія у насъ являются безграмотность населенія и суевѣрная боязнь прививокъ (антихристова печать).

По отчету медицинскаго департамента, за 1893—95 г. смерность отъ оспы въ Россіи равнялась слѣдующимъ абсолютнымъ цифрамъ:

Въ 1893 г.	Въ 1894 г.	Въ 1895 г.
77.659	43.877	41.098

Въ послѣдніе года были сильныя эпидеміи оспы въ Петербургѣ и въ сѣверозападныхъ губерніяхъ Россіи въ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ оспа уже довольно давно не давала сильныхъ эпидемій.

На основаніи приведенныхъ данныхъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ высшимъ санитарнымъ учрежденіемъ Франціи при обсужденіи проекта закона объ обязательномъ прививаніи оспы во Франціи: «оспа должна исчезнуть окончательно изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ подъ вліяніемъ обязательнаго оспопрививанія и ревакцинаціи», т.-е. повторныхъ прививокъ черезъ 5-6 лѣтъ.

Второе мѣсто послѣ прививокъ противъ оспы, по значенію въ общественной гигіенѣ и въ практической медицинѣ, безспорно принадлежитъ прививкамъ противъ дифтерита — этого бича дѣтскаго возраста, которыя были открыты въ 1890 г. Берингомъ и японскимъ ученымъ Китазато.

По отчетамъ иностранныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ больницъ со времени введенія противудифтеритныхъ прививокъ (съ 1894 г.) смертность отъ дифтерита понизилась. По даннымъ, приводимымъ Мечниковымъ въ Западной Европѣ смертность отъ дифтерита подъ вліяніемъ леченія его сывороткой съ 50—60% понизилась до 12—14%.

То же самое явленіе замѣчается и въ отдѣльныхъ городахъ. Напримѣръ, въ Марсели, по проф. Л. Д'Астросъ, до введенія противудифтеритныхъ прививокъ на каждыя сто тысячъ населенія умирало отъ дифтерита по 86—198 человѣкъ ежегодно; а затѣмъ число смертей отъ дифтерита начало постепенно уменьшаться и къ 1902 г. спустилось до 13 человѣкъ на сто тысячъ населенія!

Русская статистика не даетъ, къ сожалѣнію, для оцѣнки противудифтеритныхъ прививокъ столь убѣдительныхъ данныхъ, какъ вышеприведенныя.

Въ этомъ нѣтъ однако ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что противодифтеритная сыворотка существенно отличается отъ противуоспенной лимфы и детрита; она принадлежитъ болѣе къ средствамъ лечебнымъ, чѣмъ предохранительнымъ; предохранительный эффектъ ея очень кратковременъ—невосприимчивость къ новому заболѣванію дифтеритомъ у привитого субъекта сохраняется только въ теченіе 2—3-хъ недѣль. По этой причинѣ районъ ея примѣненія уже ограничивается больницами и частной практикой врачей. Принявъ во вниманіе далѣе, что въ неземской Россіи одинъ врачъ приходится на сто слишкомъ тысячъ населенія, и только четыре кровати на каждыя десять тыс. жителей, не трудно себѣ представить, что у насъ еще долго огромный процентъ больныхъ дифтеритомъ останется не только безъ сывороточнаго, но и безъ всякаго леченія, а слѣдовательно очень не скоро можно ожидать у насъ замѣтнаго пониженія смертности отъ дифтерита подъ вліяніемъ предохранительныхъ прививокъ.

Въ настоящее время весь медицинскій міръ находится въ періодѣ увлеченія предохранительными прививками: лучшія научныя силы направлены на изобрѣтеніе специфическихъ сыворотокъ противъ наиболѣе губительныхъ болѣзней—тифовъ, туберкулеза и другихъ.

Гигіенисты не составляютъ исключенія и нѣкоторые изъ нихъ ждутъ отъ этого движенія полнаго рѣшенія вопроса о борьбѣ съ заразными болѣзнями и даже всѣхъ вопросовъ общественнаго здравоохраненія.

Простой идеалъ — сдѣлать человѣческій организмъ невосприимчивымъ ко всѣмъ или къ большинству заразныхъ болѣзней съ помощью одного или нѣсколькихъ вспрыскиваній соотвѣтственной предохранительной сыворотки, по нашему мнѣнію, не можетъ и не долженъ удовлетворять мыслящаго гигіениста, несмотря на всю его кажущуюся простоту. Идеалы и задачи гигіены значительно шире, а средства къ охраненію и улучшенію здоровья разнообразнѣе. Эта мысль нуждается въ поясненіи.

Дѣло въ томъ, что искусственный иммунитетъ (невосприимчивость), который имѣютъ цѣлью вызвать у человѣка съ помощью предохранительныхъ прививокъ, не увеличиваетъ запаса силъ въ организмѣ, а наоборотъ—ихъ расходуетъ. Онъ является ничѣмъ инымъ, какъ тяжелымъ добавочнымъ налогомъ на клѣтки организма и притомъ налогомъ на военныя надобности въ цѣляхъ обороны противъ нападенія того или другого болѣзнетворнаго микроорганизма. Клѣтки организма подъ вліяніемъ предохранительныхъ прививокъ должны производить усиленный расходъ своей потенціальной энергіи на усиленіе оборонительныхъ средствъ организма; вслѣдствіе этого на другіе потребности организма—его такъ сказать, «внутреннія дѣла», на производительную дѣятельность—энергіи останется меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы клѣтки его не были обременены усиленнымъ и постояннымъ расходомъ энергіи на военныя надобности. По этой причинѣ для того, чтобы человѣческій организмъ безъ ущерба для его общаго здоровья былъ въ состояніи вынести длительный иммунитетъ отъ многихъ болѣзней, необходимо прежде изыскать средства для увеличенія количества потенціальной энергіи, запаса жизненыхъ силъ.

Въ настоящее время мы не располагаемъ другими средствами, чтобы увеличить запасъ жизненныхъ силъ въ организмѣ, кромѣ улучшенія его питанія и улучшенія всей его жизненной обстановки, начиная съ раціональнаго физическаго воспитанія грудныхъ дѣтей и кончая мѣропріятіями, имѣющими цѣлью улучшить жизнь и условія и обстановку труда взрослыхъ. Вотъ почему задачи гигіены и должны быть шире и средства ея значительно разнообразнѣе, чѣмъ предохранительныя прививки, какого бы совершенства онѣ ни достигли. Задача гигіены, по Петтенкоферу, заключается не только въ томъ, «чтобы отдалить смерть, но и сдѣлать развитіе человѣка болѣе совершеннымъ, упадокъ менѣе быстрымъ, жизнь болѣе сильною».

Нельзя не отмѣтить, что для достиженія указанныхъ цѣлей во всей ихъ полнотѣ далеко не всегда достаточно однихъ медицинскихъ и гигіеническихъ средствъ, такъ какъ многіе моменты, предрасполагающіе къ заболѣваніямъ или препятствующіе успѣшной борьбѣ съ ними, лежатъ внѣ компетенціи врача, напримѣръ, народное невѣжество, плохое питаніе, непосильный трудъ и нѣкоторые другіе. Въ этихъ случахъ гигіенистъ ищетъ себѣ союзниковъ внѣ медицинскихъ сферъ; онъ проводитъ свои идеи въ общественное сознаніе и осуществляетъ ихъ съ помощью общественныхъ учрежденій или при содѣйствіи государства, въ формѣ положительнаго закона. Гигіеническое движеніе въ послѣднее время нашло себѣ практическое выраженіе въ цѣломъ рядѣ санитарныхъ законовъ, изданныхъ въ Германіи, Австріи и во Франціи. У насъ въ Россіи оно сказалось въ развитіи земской и городской санитаріи, въ законѣ объ охранѣ труда, отчасти въ области школьной гигіены.

Въ настоящее время потребность въ сближеніи гигіенистовъ съ соціологами и съ законодательными сферами настолько созрѣла, что въ Германіи и Франціи возникла спеціальная вѣтвь гигіены, которая получила названіе «соціальной гигіены», терминъ только отчасти соотвѣтствующій нашему термину «общественная гигіена».

Нужно надѣяться, что эта отрасль гигіены соединитъ между собою дѣйствующія въ разбродъ не медицинскія и медицинскія силы, направленныя на борьбу со злѣйшими врагами человѣчества—тѣми болѣзнями, причины которыхъ лежатъ глубоко въ общихъ условіяхъ современной жизни и борьба съ которыми должна вестись не одними медико-санитарными средствами, но и при дѣятельномъ участіи болѣе широкихъ круговъ общества и государственной власти. Первое мѣсто среди такихъ болѣзней у насъ въ Россіи безспорно принадлежитъ болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста, а затѣмъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ—туберкулезу, сифилису и болѣзнямъ, вызываемымъ алкоголизмомъ.

Мы надѣемся, что приведенные факты, хотя отчасти, дали представленіе о томъ, какихъ ощутительныхъ, можно сказать, огромныхъ результатовъ достигла гигіена въ борьбѣ съ болѣзнями, какая видная роль принадлежитъ ей въ борьбѣ человѣчества за долголѣтіе, какіе широкіе горизонты она открываетъ для гуманной дѣятельности всякому образованному человѣку и въ особенности врачу!

Проф. **Г. В. Хлопинъ.**

КОРЬ.

I.

Передъ обѣдомъ докторъ Ильяшенко и студентъ Воскресенскій искупались. Жаркій юго-восточный вѣтеръ развелъ на морѣ крупную зыбь. Вода у берега была мутная и рѣзко пахла рыбой и морскими водорослями; горячія качающіяся волны не освѣжали, не удовлетворяли тѣла, а, наоборотъ, еще больше истомляли и раздражали его.

— Вылѣзайте, коллега,—сказалъ докторъ, поливая пригоршнями свой толстый, бѣлый животъ.—Такъ мы до обморока закупаемся.

Отъ деревянной кабинки нужно было подыматься вверхъ, на гору, по узкой тропинкѣ, которая была зигзагами проложена въ сыпучемъ черномъ шиферѣ, поросшемъ корявымъ дубнячкомъ и блѣдно-зелеными кочнями морской капусты. Воскресенскій взбирался легко, шагая рѣдко и широко своими длинными, мускулистыми ногами. Но тучный докторъ, покрывшій голову, вмѣсто шляпы, мокрымъ полотенцемъ, изнемогалъ отъ зноя и одышки. Наконецъ, онъ совсѣмъ остановился, держась за сердце, тяжело дыша и мотая головой.

— Фу! Не могу больше... Хоть снова полѣзай въ воду... Постоимъ минутку...

Они остановились на плоскомъ закругленіи между двумя колѣнами дорожки, и оба повернулись лицомъ къ морю. Взбудораженное вѣтромъ, мѣстами ослѣпительно освѣщенное солнцемъ, мѣстами затѣненное облаками,—оно все пестрѣло разноцвѣтными заплатами. У берега широко бѣлѣла пѣна, тая на пескѣ кисейнымъ кружевомъ, дальше шла грязная лента свѣтло-шоколаднаго цвѣта; еще дальше—жидкая зеленая полоса, вся сморщенная, вся изборожденная бѣлыми гребнями волнъ, и, наконецъ—могучая, спокойная синева глубокаго моря съ неправдоподобными яркими пятнами—то густо-фіолетовыми, то нѣжно-малахитовыми, съ неожиданными блестящими кусками, похожими на ледъ, зане-

сенный снѣгомъ. И вся эта живая мозаика казалась опоясанной у горизонта черной, спокойной, неподвижной лентой безбрежной дали.

— А все-таки здорово какъ! — сказалъ докторъ.—Красота, вѣдь, а?

Онъ протянулъ впередъ короткую руку, съ толстенькими, какъ у младенца, пальцами, и широко, по театральному, черкнулъ ею по морю.

— Да... ничего,—равнодушно отвѣтилъ Воскресенскій и зѣвнулъ полупритворно.—Только надоѣдаетъ скоро. Декорація.

— Та-акъ! Мы ихъ ѣли. Это, знаете, анекдотъ есть такой,— пояснилъ Ильяшенко.—Пришелъ солдатъ съ войны къ себѣ въ деревню, ну и, понятно, вретъ, какъ слонъ. Публика, конечно, обалдѣвши отъ удивленія. «Были мы, говоритъ, на Балканахъ, въ самыя, значитъ, облака забрались, въ самую середку».—«Ахъ, батюшки, да неужто-жъ въ облака?» А солдатъ этакъ съ равнодушіемъ: «А что намъ облака? Мы ихъ ѣли. Все одно, какъ студень».

У доктора Ильяшенка была страсть разсказывать анекдоты, особенно изъ простонароднаго и еврейскаго быта. Въ глубинѣ души онъ думалъ, что только по капризному расположенію судьбы изъ него не вышло большого актера. Дома онъ изводилъ жену и дѣтей Островскимъ, а въ гостяхъ у паціентовъ любилъ декламировать никитинскаго «Ямщика», причемъ неизмѣнно для этого вставалъ, переворачивалъ передъ собою стулъ и опирался на его спинку вывороченными врозь руками. Читалъ же онъ самымъ неестественнымъ, нутрянымъ голосомъ, точно чревовѣщатель, полагая, что именно такъ и долженъ говорить русскій мужикъ.

Разсказавъ анекдотъ о солдатѣ, онъ тотчасъ же, первый, радостно захохоталъ свободнымъ грудянымъ смѣхомъ. Воскресенскій принужденно улыбнулся.

— Видите ли, докторъ... югъ,—началъ онъ вяло, точно затрудняясь въ словахъ,—не люблю юга. Здѣсь все какъ-то... масляно, какъ-то... не знаю... чрезмѣрно. Ну, вотъ, цвѣтетъ магнолія... позвольте, да развѣ это—растеніе? Такъ и кажется, что ее нарочно сдѣлали изъ картона, выкрасили зеленой масляной краской, а сверху навели лакъ. Природа! Солнце встало изъ-за моря—и жара, а вечеромъ бултыхъ за горы—и сразу ночь. Нѣту птицъ. Нѣтъ нашихъ сѣверныхъ зорь съ холодной росой, съ запахомъ молодой травки, нѣтъ поэзіи сумерокъ, съ жуками, съ соловьемъ, со стадомъ, бредущимъ въ пыли. Какая-то оперная декорація, а не природа...

— Въ ва-ашемъ до-омѣ,—сиплымъ теноркомъ запѣлъ докторъ.— Извѣстно—вы кацапъ.

— А эти лунныя ночи, чортъ бы ихъ дралъ!—продолжалъ Во-

скресенскій, оживляясь отъ давнишнихъ мыслей, которыя онъ до сихъ поръ думалъ въ одиночку.—Одно мученье. Море лоснится, камни лоснятся, деревья лоснятся. Олеографія! Цикады дурацкія орутъ, отъ луны никуда не спрячешься. Противно, безпокойно какъ то, точно тебя щекочутъ въ носу соломинкой.

— Варваръ! Зато, когда у васъ въ Москвѣ 25 градусовъ мороза и даже городовые трещатъ отъ холода,—у насъ цвѣтутъ розы, и можно купаться.

— И южнаго народа не люблю,—упрямо продолжалъ студентъ, слѣдившій за своими мыслями.—Скверный народишко—лѣнивый, сладострастный, узколобый, хитрый, грязный. Жрутъ всякую гадость. И поэзія у нихъ какая-то масляная и приторная... Вообще—не люблю.

Докторъ остановился, развелъ руками и сдѣлалъ круглые, изумленные глаза.

— Тю-тю-тю-у!—засвисталъ онъ протяжно.—И ты, Брутусъ? Узнаю духъ нашего почтеннаго патрона въ вашихъ словахъ. Русская пѣсня, русская рубаха, а? Русскій Богъ и русская подоплёка? Жидишки, полячишки и прочіе жалкіе народишки? А?

— Будетъ вамъ, Иванъ Николаичъ. Оставьте,—рѣзко сказалъ Воскресенскій. Лицо у него вдругъ побѣднѣло и сморщилось, точно отъ зубной боли.—Тутъ смѣяться не надъ чѣмъ; вы знаете хорошо мои взгляды. Если я до сихъ поръ не сбѣжалъ отъ этого попугая, отъ этого гороховаго шута, то только оттого, что ѣсть надо, а это все скорѣе прискорбно, чѣмъ смѣшно. Довольно и того, что за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ я ежедневно отказываю себѣ въ удовольствіи высказать то, что меня давитъ... душитъ за горло... что оподляетъ мои мысли!..

— Прелесть, ну зачѣмъ такъ сильно!

— У! Я бы ему сказалъ много разныхъ словъ!—воскликнулъ злобно студентъ, потрясая передъ лицомъ крѣпкимъ, побѣлѣвшимъ отъ судорожнаго напряженія кулакомъ. — Я бы... О, какой это шарлатанъ!.. Ну, да, ладно... Не на вѣкъ связаны.

Глаза доктора вдругъ съузились и увлажнились. Онъ взялъ Воскресенскаго подъ руку и, баловливо прижимаясь головой къ его плечу, зашепталъ:

— Слушайте, радость, зачѣмъ такъ кирпичиться? Ну что толку, если вы Завалишина изругаете? Вы его, онъ васъ—и выйдетъ шкандалъ въ благородномъ домѣ, и больше ничего. А вы лучше соедините сладость мести съ пріятностями любви. Вы бы Анну Георгіевну... а? Или уже?

Студентъ промолчалъ и дѣлалъ усилія высвободить свою руку изъ рукъ доктора, но тотъ еще крѣпче притиснулъ ее къ себѣ и продолжалъ шептать, гадко играя смѣющимися глазами.

— Чудакъ-человѣкъ, вы вкусу не понимаете. Женщинѣ 35 лѣтъ, самый расцвѣтъ, огонь... тѣлеса какія! Да будетъ вамъ жасминничать—она на васъ, какъ котъ на сало, смотритъ. Чего тамъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Запомните афоризмъ: женщина съ опытомъ подобна вишнѣ, надклеванной воробьемъ—она всегда слаще... Эхъ, гдѣ мои двадцать лѣтъ?—заговорилъ онъ по театральному, высокимъ блеющимъ горловымъ голосомъ.— Гдѣ моя юность! Гдѣ моя пышная шевелюра, мои тридцать два зуба во рту и...

Воскресенскому удалось, наконецъ, вырваться отъ повисшаго на немъ доктора, но сдѣлалъ онъ это такъ грубо, что обоимъ стало неловко.

— Простите, Иванъ Николаичъ, а я... не могу такихъ мерзостей слушать... Это не стыдливость, не цѣломудріе, а... просто грязно, и... вообще... не люблю я этого... не могу...

Докторъ насмѣшливо растопырилъ руки и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Очарованіе мое, значитъ, вы не понимаете шутокъ? Я самъ вполнѣ уважаю чужія убѣжденія, и, увѣряю васъ, радуюсь, когда вижу, что среди нынѣшней молодежи многіе смотрятъ чисто и честно на эти вещи, но почему же нельзя пошутить? Сейчасъ же фрр... и хвостъ вѣеромъ. Къ чему?

— Извините,—глухо сказалъ студентъ.

— Ахъ, родной мой, я же, вѣдь, это не къ тому. Но только всѣ вы теперь какіе-то дерганые стали. Вотъ и вы: здоровенный мущинище, грудастый, плечистый, а нервы, какъ у институтки. Кстати, знаете что,—прибавилъ докторъ дѣловымъ тономъ,— вы бы, сладость моя, порѣже купались. Особенно въ такую жару. А то знаете, можно съ непривычки перекупаться до серьезной болѣзни. У меня одинъ паціентъ нервную экзему схватилъ отъ того, что злоупотреблялъ моремъ.

Они шли теперь по послѣднему, почти ровному излому тропинки. Справа отъ нихъ обрывалась круто внизъ гора и безконечно далеко уходило кипящее море, а слѣва лѣпились по скату густые кусты шиповника, осыпаннаго розовыми, нѣжными цвѣтами, и торчали изъ красно-желтой земли, точно спины лежащихъ животныхъ, большіе, сѣрые, замшѣлые камни. Студентъ смущенно и сердито глядѣлъ себѣ подъ ноги.

«Не хорошо это вышло, — думалъ онъ, морщась. — Нелѣпо какъ-то. Въ сущности, докторъ славный, добрый человѣкъ, всегда внимательный, уступчивый, ровный. Правда, онъ держитъ себя немножко паяцомъ и болтливъ, ничего не читаетъ, сквернословитъ, опустился, благодаря легкой курортной практикѣ... Но все-таки онъ хорошій, а я поступилъ съ нимъ рѣзко и невѣжливо».

А Ильяшенко въ это время безпечно сбивалъ тросточкой тонкіе бѣлые цвѣточки павилики, крѣпко пахнувшей горькимъ миндалемъ, и напѣвалъ вполголоса:

Въ вашемъ д-омѣ узналъ я впервые-ые...
Сладость чистай и нѣжн-ай любви.

II.

Они вышли на шоссе. Надъ бѣлой каменной оградой, похожей своею массивностью на крѣпостную стѣну, возвышалась дача, затѣйливо и крикливо выстроенная въ видѣ стилизованнаго русскаго терема, съ коньками и драконами на крышѣ, со ставнями, пестро разрисованными цвѣтами и травами, съ рѣзными наличниками, съ витыми колонками, въ формѣ бутылокъ, на балконахъ. Тяжелое и несуразное впечатлѣніе производила эта вычурная, пряничная постройка на фонѣ сіяющаго крымскаго неба и воздушныхъ, сѣро-голубыхъ горъ, среди темныхъ, задумчивыхъ, изящныхъ кипарисовъ и могучихъ платановъ, обвитыхъ сверху донизу плющомъ, вблизи отъ прекраснаго, радостнаго моря. Но ея владѣлецъ, Павелъ Аркадьевичъ Завалишинъ—бывшій корнетъ армейской кавалеріи, затѣмъ коммиссіонеръ по продажѣ домовъ, позднѣе—нотаріусъ въ крупномъ портовомъ городѣ на югѣ, а нынѣ извѣстный нефтяникъ, пароходовладѣлецъ и предсѣдатель биржевого комитета,—не чувствовалъ этого рѣжущаго глазъ противорѣчія. «Я русскій и потому имѣю право презирать всѣ эти ренессансы, рококо и готики!—кричалъ онъ иногда, стуча себя въ грудь.—Намъ заграница не указъ. Будетъ-съ: довольно наклонялись. У насъ свое, могучее, самобытное творчество, и мнѣ, какъ русскому дворянину, начихать на иностранщину!»

На огромномъ нижнемъ балконѣ уже былъ накрытъ столъ. Дожидались Завалишина, который только что пріѣхалъ изъ города и переодѣвался у себя въ комнатѣ. Анна Георгіевна лежала на креслѣ-качалкѣ, томная, изнемогающая отъ жары, въ легкомъ халатѣ изъ молдаванскаго полотна, шитаго золотомъ, съ широкими, разрѣзными до подмышекъ рукавами. Она была еще очень красива, тяжелой, самоувѣренной, пышной красотой,—красотой полной, хорошо сохранившейся брюнетки южнаго типа.

— Здравствуйте, доктовъ,—сказала она низкимъ голосомъ, чуть-чуть картавя.—Отчего вы вчера не догадались пріѣхать? У меня была такая мигрень!

Не подымаясь съ кресла, она лѣниво протянула Ивану Николаевичу руку, причемъ свисшій внизъ рукавъ открылъ круглое, полное плечо съ бѣлой оспинкой и голубыя жилки на внутрен-

немъ сгибѣ локтя, и темную хорошенькую родинку немного повыше. Анна Георгіевна (она требовала почему-то, чтобы ее называли не Анной, а Ниной) знала цѣну своимъ рукамъ и любила ихъ показывать.

Ильяшенко приникъ къ протянутой рукѣ такъ почтительно, что ее пришлось у него выдернуть насильно.

— Вотъ видите, какой у насъ докторъ галантный,—сказала Анна Георгіевна, переводя на Воскресенскаго смѣющіеся, ласковые глаза. — А вы никогда у дамъ рукъ не цѣлуете. Медвѣдь. Подите сюда, я перевяжу вамъ галстухъ. Вы, Богъ знаетъ, какъ одѣваетесь!

Студентъ неуклюже подошелъ и нагнулся надъ ней, ощущая сквозь сильный ароматъ духовъ запахъ ея волосъ. Ловкіе, нѣжные пальцы забѣгали по его шеѣ.

Воскресенскій былъ цѣломудренный молодой человѣкъ въ прямомъ, здоровомъ смыслѣ этого слова. Конечно, еще съ первыхъ классовъ гимназіи онъ, по наслышкѣ, зналъ все, что касается самыхъ интимныхъ отношеній между женщиной и мужчиной, но его просто никогда не тянуло дѣлать то, что дѣлали и чѣмъ хвастливо гордились его товарищи. Въ немъ сказывалась спокойная и здоровая кровь устойчивой старинной поповской семьи. Но и лицемѣрнаго, ханжескаго негодованія противъ «безстыдниковъ» у него не было. Онъ равнодушно слушалъ то, что говорилось по этому поводу, и не возмущался, если при немъ разсказывали тѣ извѣстные «анекдотцы», безъ которыхъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ не обходится ни одинъ разговоръ.

Онъ хорошо понималъ, что значило постоянное заигрываніе съ нимъ Анны Георгіевны. Здороваясь и прощаясь, она подолгу задерживала его руку въ своей мягкой, изнѣженной и, въ то же время, крѣпкой рукѣ. Она любила, шутя, ерошить ему волосы, звала его иногда покровительственно уменьшительнымъ именемъ, говорила при немъ рискованныя, двусмысленныя вещи. Если имъ обоимъ случалось нагнуться надъ альбомомъ или опереться рядомъ на перила балкона, слѣдя за пароходомъ въ морѣ, она всегда жалась къ нему плечомъ и горячо дышала ему въ шею, причемъ завитки ея жесткихъ курчавыхъ волосъ щекотали его щеку.

И она возбуждала въ Воскресенскомъ странное, смѣшанное чувство—боязливости, стыда, страстнаго желанія и отвращенія. Когда онъ думалъ о ней, она представлялась ему такой же чрезмѣрной, ненатуральной, какъ и южная природа. Ея глаза казались ему черезчуръ выразительными и влажными, волосы черезчуръ черными; губы были неправдоподобно ярки. Лѣнивая, глупая, безпринципная и сладострастная южанка чувствовалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждой улыбкѣ. Если она подходила къ

студенту слишкомъ близко, то онъ сквозь одежду, на разстояніи, ощущалъ теплоту, исходящую отъ ея большого, полнаго, начинающаго жирѣть тѣла.

Двое подлѣтковъ-гимназистовъ, съ которыми занимался Воскресенскій, и три дѣвочки, поменьше, сидѣли за столомъ, болтая ногами. Воскресенскій, стоявшій согнувшись, поглядѣлъ на нихъ искоса, и ему вдругъ стало совѣстно за себя и за нихъ, и въ особенности за голыя, теплыя руки ихъ матери, которыя двигались такъ близко передъ его губами. Онъ неожиданно выпрямился съ покраснѣвшимъ лицомъ.

— Позвольте, я самъ,—сказалъ онъ хрипло.

На балконѣ показался Завалишинъ, въ фантастическомъ русскомъ костюмѣ: въ чесунчовой поддевкѣ поверхъ шелковой голубой косоворотки и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Этотъ костюмъ, который онъ всегда носилъ дома, дѣлалъ его похожимъ на одного изъ провинціальныхъ садовыхъ антрепренеровъ, охотно щеголяющихъ передъ купечествомъ широтой натуры и одеждой въ русскомъ стилѣ. Сходство дополняла толстая золотая цѣпь черезъ весь животъ, бряцавшая десятками брелоковъ и жетоновъ.

Завалишинъ вошелъ быстрыми, тяжелыми шагами, высоко неся голову и картинно расправляя обѣими руками на двѣ стороны свою пушистую, слегка сѣдѣющую бороду. Дѣти, при его появленіи, вскочили съ мѣстъ. Анна Георгіевна медленно встала съ качалки.

— Здравствуйте, Иванъ Николаичъ. Здравствуйте, Цицеронъ,— сказалъ Завалишинъ, небрежно протягивая руку студенту и доктору.—Кажется, я заставилъ себя ждать? Боря, молитву.

Боря съ испуганнымъ видомъ залепеталъ:

— Оч-чи всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ...

— Прошу,—сказалъ Завалишинъ, короткимъ жестомъ показывая на столъ.—Докторъ, водки.

Закуска была накрыта сбоку на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ. Докторъ подошелъ къ ней шутовскимъ шагомъ, немного согнувшись; присѣдая, подшаркивая каблуками и потирая руки.

— Одному фрукту однажды предложили водки,—началъ онъ по обыкновенію паясничать.—А онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, благодарю васъ; во-первыхъ, я не пью, во-вторыхъ, теперь еще слишкомъ рано, а въ-третьихъ, я уже выпилъ».

— Изданіе двадцатое,—замѣтилъ Завалишинъ.—Возьмите икры.

Онъ придвинулъ доктору деревянный лакированный ушатъ, въ которомъ, во льду, стояла серебряная бадья съ икрой.

— Удивляюсь, какъ вы можете въ такую жару пить водку,— сказала, морщась, Анна Георгіевна.

Завалишинъ поглядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, держа у рта серебряную чеканную чарочку.

— Русскому человѣку отъ водки нѣтъ вреда,—отвѣтилъ онъ внушительно.

А докторъ, только что выпившій, громко крякнулъ и прибавилъ діаконскимъ басомъ:

— Во благовременіи... Что же, Павелъ Аркадьевичъ? Отецъ Мелетій велитъ по третьей?

За столомъ прислуживалъ человѣкъ во фракѣ. Прежде онъ носилъ что-то вродѣ ямщичьей безрукавки, но Анна Георгіевна въ одинъ прекрасный день нашла, что господамъ и слугамъ неприлично рядиться въ почти одинаковые костюмы, и настояла на европейской одеждѣ для лакея. Но зато вся столовая мебель и утварь отличались тѣмъ безшабашнымъ, ёрническимъ стилемъ, который называется русскимъ декадансомъ. Вмѣсто стола стоялъ длинный, закрытый со всѣхъ сторонъ ларь; сидя за нимъ, нельзя было просунуть ногъ впередъ,—приходилось все время держать ихъ скорченными, причемъ колѣни больно стукались объ углы и выступы рѣзного орнамента, а къ тарелкѣ нужно было далеко тянуться руками. Тяжелые, низкіе стулья, съ высокими спинками и растопыренными ручками, походили на театральные деревянные троны—жесткіе и неудобные. Жбаны для кваса, кувшины для воды и сулеи для вина имѣли такіе чудовищные размѣры и такія нелѣпыя формы, что наливать изъ нихъ приходилось стоя. И все это было вырѣзано, выжжено и разрисовано разноцвѣтными павлинами, рыбами, цвѣтами и неизбѣжными пѣтухами.

— Нигдѣ такъ не ѣдятъ, какъ въ Россіи,—сочнымъ голосомъ говорилъ Завалишинъ, заправляя бѣлыми, волосатыми руками уголъ салфетки за воротникъ.—Да, господинъ студентъ, я знаю, что вамъ это непріятно, но—увы!—это—такъ-съ. Во-первыхъ—рыба. Гдѣ въ мірѣ вы отыщете другую астраханскую икру? А камскія стерляди, осетрина, двинская семга, бѣлозерскій сигокъ? Найдите, будьте любезны, гдѣ-нибудь во Франціи ладожскаго сига или гатчинскую форель. Ну-ка, попробуйте, найдите, я васъ прошу. Теперь возьмите дичь. Все, что вамъ угодно, и все въ несмѣтномъ количествѣ: рябчики, тетерки, утки, бекасы, фазаны на Кавказѣ, вальдшнепы. Потомъ дальше: черкасское мясо, ростовскіе поросята, нѣжинскіе огурцы, московскій молочный теленокъ! Да, словомъ, все, все... Сергѣй, дай мнѣ еще ботвиньи.

Павелъ Аркадьевичъ ѣлъ много, жадно и некрасиво. «А, вѣдь, онъ порядочно наголодался въ молодости», подумалъ студентъ, наблюдая его украдкой. Случалось иногда, что среди фразы Завалишинъ клалъ въ ротъ слишкомъ большой кусокъ, и тогда нѣкоторое время тянулась мучительная пауза, впродолженіи которой онъ, торопливо и неряшливо прожовывая, глядѣлъ на собесѣдника выпученными глазами, мычалъ двигалъ бровями и нетерпѣливо

качалъ головой и даже туловищемъ. Въ эти минуты Воскресенскій опускалъ глаза въ тарелку, чтобы не выдать своей брезгливости.

— Докторъ, а вина?—съ небрежной любезностью предлагалъ Завалишинъ.—Рекомендую вамъ вотъ это бѣленькое. Это Оріанда 93-го года. Демосѳенъ, вашъ стаканъ.

— Я не пью, Павелъ Аркадьевичъ. Простите.

— Эт-то уд-дивительно! Юноша, который не пьетъ и не куритъ. Скверный признакъ, молодой человѣкъ! — вдругъ строго возвысилъ голосъ Завалишинъ.—Скверный признакъ! Кто не пьетъ и не куритъ, тотъ мнѣ всегда внушаетъ подозрѣніе. Это — или скряга, или игрокъ, или развратникъ. Пардонъ, къ вамъ сіе не касательно, господинъ Эмпедоклъ. Докторъ, а еще? Это—Оріанда; право же, недурное винишко. Спрашивается, зачѣмъ я долженъ выписывать отъ колбасниковъ разные тамъ мозельвейны и другую кислятину, если у насъ, въ нашей матушкѣ Россіи, выдѣлываютъ такія чудесныя вина. А? Какъ вы думаете, профессоръ?—вызывающе обратился онъ къ студенту.

Воскресенскій принужденно и вѣжливо улыбнулся.

— У всякаго свой вкусъ...

— Де густибусъ?.. знаю-съ. Тоже учились когда-то... Чему-нибудь и какъ-нибудь, какъ выразился великій Достоевскій. Вино, конечно, пустяки, киндершпиль, но важенъ принципъ. Принципъ важенъ, да!—закричалъ неожиданно Завалишинъ.—Если я истинно русскій, то и все вокругъ меня должно быть русское. А на нѣмцевъ и французовъ я плевать хочу. И на жидовъ. Что, не правду я говорю, докторъ?

— Да-а... собственно говоря—принципъ... это, конечно, да,— неопредѣленно пробасилъ Ильяшенко и развелъ руками.

— Горжусь тѣмъ, что я русскій!—съ жаромъ воскликнулъ Завалишинъ.—О, я отлично вижу, что господину студенту мои убѣжденія кажутся смѣшными и, такъ сказать, дикими, но ужъ что подѣлаешь! Извините-съ. Возьмите такимъ, каковъ есть-съ. Я, господа, свои мысли и мнѣнія высказываю прямо, потому что я человѣкъ прямой, настоящій русопетъ, и привыкъ рубить съ плеча. Да, я смѣло говорю всѣмъ въ глаза: довольно намъ стоять на заднихъ лапахъ передъ Европой. Пусть не мы ее, а она насъ боится. Пусть почувствуютъ, что великому, славному, здоровому русскому народу, а не имъ, тараканьимъ мощамъ, принадлежитъ рѣшающее властное слово! Слава Богу!—Завалишинъ вдругъ размашисто перекрестился на потолокъ и всхлипнулъ.—Слава Богу, что теперь все больше и больше находится такихъ людей, которые начинаютъ понимать, что кургузый нѣмецкій пиджакъ уже трещитъ на русскихъ могучихъ плечахъ; которые не

стыдятся своего языка, своей вѣры и своей родины, которые довѣрчиво протягиваютъ руки мудрому правительству и говорятъ: «веди насъ!..»

— Поль, ты волнуешься, — лѣниво замѣтила Анна Георгіевна.

— Я ничего не волнуюсь,—сердито огрызнулся Завалишинъ.— Я высказываю только то, что долженъ думать и чувствовать каждый честный русскій подданный. Можетъ быть, кто-нибудь со мной не согласенъ? Что-жъ, пускай мнѣ возразятъ. Я готовъ съ удовольствіемъ выслушать противное мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, господину Воздвиженскому кажется смѣшнымъ...

Студентъ не поднялъ опущенныхъ глазъ, но поблѣднѣлъ, и ноздри у него вздрогнули и расширились.

— Моя фамилія—Воскресенскій,—сказалъ онъ тихо.

— Виноватъ, я именно такъ и хотѣлъ сказать: Вознесенскій. Виноватъ. Такъ вотъ, я васъ и прошу: чѣмъ строить разныя кривыя улыбки, вы лучше разбейте меня въ моихъ пунктахъ, докажите мнѣ, что я заблуждаюсь, что я не правъ. Я говорю только одно: мы плюемъ сами себѣ въ кашу. Мы продаемъ нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушерѣ. Кто орудуетъ съ нашей нефтью?—Жиды, армяшки, американцы. У кого въ рукахъ уголь? руда? пароходы? электричество?—У жидовъ, у бельгійцевъ, у нѣмцевъ. Кому принадлежатъ сахарные заводы?—Жидамъ, нѣмцамъ и полякамъ. И, главное, вездѣ жидъ, жидъ, жидъ!.. Кто у насъ докторъ?—Шмуль? — Кто аптекарь? банкиръ? адвокатъ?—Шмуль. Ахъ, да чортъ бы васъ побралъ! Вся русская литература танцуетъ маюфисъ и не вылѣзаетъ изъ миквы. Что ты дѣлаешь на меня етрашные глаза, Аничка? Ты не знаешь, что такое миква? Я тебѣ потомъ объясню. Да! Недаромъ кто-то сострилъ, что каждый жидъ—прирожденный русскій литераторъ. Ахъ, помилуйте, евреи! израэлиты! сіонисты! угнетенная невинность! священное племя! Я говорю одно,—Завалишинъ свирѣпо и звонко ударилъ вытянутымъ пальцемъ о ребро стола,—я говорю только одно: у насъ, куда не обернешься, сейчасъ на тебя такъ мордой и претъ какая-нибудь благородная, оскорбленная нація. «Свободу! языкъ! народныя права!» А ми-то передъ ними разстилаемся. «О, бѣдная, культурная Финляндія! О, несчастная, порабощенная Польша! Ахъ, великій истерзанный еврейскій народъ!.. Бейте насъ, голубчики, презирайте насъ, топчите насъ ногами, садитесь къ намъ на спины, поѣзжайте». Н-но нѣтъ!—грозно закричалъ Завалишинъ, внезапно багровѣя и выкатывая глаза.—Нѣтъ!—повторилъ онъ, ударивъ себя изо всей силы кулакомъ въ грудь.—Этому безобразію подходитъ конецъ. Русскій народъ еще покамѣстъ только чешется спросонья, но завтра, Господи благослови, завтра онъ проснется. И тогда онъ стряхнетъ съ себя блудливыхъ радикаль-

*

ствующихъ ин-тел-ли-гентовъ, какъ собака блохъ,и такъ сожметъ въ своей мощной длани всѣ эти угнетенныя невинности, всѣхъ этихъ жидишекъ, хохлишекъ и полячишекъ, что изъ нихъ только сокъ брызнетъ во всѣ стороны. А Европѣ онъ просто-на-просто скажетъ: тубо, старая....

— Браво, браво, браво! — голосомъ, точно изъ грамофона, подхватилъ докторъ.

Гимназисты, сначала испуганные крикомъ, громко захохотали при послѣднемъ словѣ, а Анна Георгіевна сказала, дѣлая страдальческое лицо:

— Поль, зачѣмъ ты такъ при дѣтяхъ!

Завалишинъ однимъ духомъ проглотилъ стаканъ вина и торопливо налилъ второй.

— Пардонъ. Сорвалось. Но я говорю только одно: я сейчасъ высказалъ всѣ свои убѣжденія. По крайней мѣрѣ—честно и откровенно. Пусть теперь они, т.-е. я хочу сказать господинъ студентъ, пусть они опровергнутъ меня, разубѣдятъ. Я слушаю. Это все-таки будетъ честнѣе, чѣмъ отдѣлываться разными кривыми улыбочками.

Воскресенскій медленно пожалъ плечами.

— Я и не улыбаюсь вовсе.

— Ага! Не даете себѣ труда возражать? Кон-нечно! Это сам-мое лучшее. Стоите выше всякихъ споровъ и доказательствъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ не выше... А просто, намъ съ вами невозможо столковаться. Зачѣмъ же понапрасну сердиться и портить кровь?

— Та-акъ! Пон-ним-маю! Не удостаиваете, значитъ?—Завалишинъ пьянѣлъ и говорилъ преувеличенно громко.—А жаль, очень жаль, милый вьюноша. Лестно было бы усладиться млекомъ вашей мудрости.

Въ эту секунду Воскресенскій впервые поднялъ глаза на Завалишина и вдругъ почувствовалъ приливъ острой ненависти къ его круглымъ, свѣтлымъ, выпученнымъ глазамъ, къ его мясистому, красному и точно рваному у ноздрей носу, къ покатому назадъ, бѣлому, лысому лбу и фатовской бородѣ. И неожиданно для самого себя онъ заговорилъ слабымъ, сдавленнымъ, точно чужимъ голосомъ:

— Вамъ непремѣнно хочется вызвать меня на споръ? Но, увѣряю васъ, это безполезно. Все, что вы изволили сейчасъ съ такимъ жаромъ высказывать, я слышалъ и читалъ сотни разъ. Вражда ко всему европейскому, свирѣпое презрѣніе къ инородцамъ, восторгъ передъ мощью русскаго кулака и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это говорится, пишется и проповѣдуется на каждомъ шагу. Но при чемъ здѣсь народъ, Павелъ Аркадьевичъ,

этого я, признаюсь, не понимаю. Не могу понять. Народъ,—т.-е. не вашъ лакей и не вашъ дворникъ, и не мастеровой, а тотъ народъ, который составляетъ всю Россію,—темный мужикъ, троглодитъ, пещерный человѣкъ! Зачѣмъ вы его-то пристегнули къ вашимъ національнымъ мечтамъ? Онъ безмолвствуетъ, ибо благоденствуетъ, и вы его лучше не трогайте, оставьте въ покоѣ. Не намъ съ вами разгадать его молчаніе...

— Позвольте-съ, я не хуже васъ знаю народъ...

— Нѣтъ ужъ, теперь *вы* позвольте мнѣ,—дерзко перебилъ его студентъ.—Вы давеча изволили упрекнуть меня въ томъ, что я будто бы смѣюсь надъ вашими разглагольствованіями... Такъ я вамъ скажу ужъ теперь, что смѣшного въ нихъ мало, также какъ и страшнаго. Вашъ идеальный всероссійскій кулакъ, жмущій сокъ изъ народишекъ, никому не опасенъ, а просто-на-просто омерзителенъ, какъ и всякій символъ насилія. Вы — не болѣзнь, не язва, — вы — просто неизбѣжная, надоѣдливая сыпь, вродѣ кори. Но ваша игра въ широкую русскую натуру, всѣ эти ваши птицы-сирины, ваша поддѣвка, ваши патріотическія слезы—да это, дѣйствительно, смѣшно.

— Такъ. Пре-красно. Продолжайте, молодой человѣкъ въ томъ же духѣ,—произнесъ Завалишинъ, язвительно кривя губы.—Чудесные полемическіе пріемы, докторъ, не правда ли?

Воскресенскій и самъ чувствовалъ въ душѣ, что онъ говоритъ неясно, грубо и сбивчиво. Но онъ уже не могъ остановиться. Въ головѣ у него было странное ощущеніе пустоты и холода, но зато ноги и руки стали тяжелыми и вялыми, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и тамъ трепетало и рвалось отъ частыхъ ударовъ.

— Э, что тамъ пріемы. Къ чорту!—крикнулъ студентъ, и у него этотъ крикъ вырвался неожиданно такимъ полнымъ и сильнымъ звукомъ, что онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ злобную и веселую радость.—Я слишкомъ много намолчался за эти два мѣсяца, чтобы еще разбираться въ пріемахъ. Да! И стыдно, и жалко, и смѣшно глядѣть, Павелъ Аркадьевичъ, на вашу игру. Знаете, лѣтомъ въ увеселительныхъ садахъ выходятъ иногда дуэтисты-лапотники. Знаете:

Разъ Ванюша, крадучися,
Дуню увидалъ,
И схвативши ея ручку,
Нѣжно цѣловалъ.

Что-то мучительно-фальшивое, наглое, позорное! Такъ и у васъ. «Русскія щи, русская каша—мать наша». А вы видали эти щи когда-нибудь? Пробовали? Сегодня съ такомъ, а завтра съ нѣтомъ? Вы ѣли ихній хлѣбъ? Вы видали ихнихъ ребятъ съ распученными животами и съ ногами колесомъ? А у васъ поваръ 60 руб-

лей въ мѣсяцъ получаетъ и лакей во фракѣ, и паровая стерлядка. Такъ и во всемъ вы. Русское терпѣніе! Русская желѣзная стойкость! Да, вѣдь, какими ужасами рабства, какимъ кровавымъ путемъ куплено это терпѣніе! Смѣшно даже! Русское несокрушимое здоровье—эхъ, раззудись плечо!—русская богатырская сила!—у этого-то изможденнаго работой и голодомъ, опившагося, надорваннаго человѣка?.. И въ довершеніе всего неистовый вопль: долой сюртуки и фраки! Вернемся къ доброй, славной, просторной и живописной русской одеждѣ! И, вотъ, вы, на смѣхъ своей прислугѣ, наряжаетесь, точно на святки, въ поддевку по семи рублей за аршинъ, на муаровой подкладкѣ. Эхъ, весь вашъ національнизмъ на муаровой подкладкѣ! Господи, а когда вы заведете рѣчь о русской пѣснѣ—вотъ чепуха какая! Тутъ у васъ и море слышится, и степь видится, и лѣсъ шумитъ, и какая-то безпредѣльная удаль... И все, вѣдь, это неправда: ничего вы здѣсь не слышите и не чувствуете, кромѣ болѣзненнаго стона или пьяной икотки. И никакой широкой степи вы не видите, потому что ея и нѣтъ вовсе, а есть только потное, искаженное мукой лицо, вздувшіяся жилы, кровавые глаза, раскрытый, окровавленный ротъ...

— Вамъ, духовенству, виднѣе съ колокольни,—презрительно фыркнулъ Завалишинъ, но студентъ только отмахнулся рукой, и продолжалъ:

— Ну-съ, а теперь, изволите ли видѣть, вошло въ моду русское зодчество! Рѣзные пѣтухи, какіе-то деревянные поставцы, ковши, ендовы, подсолнечники, кресла и скамьи, на которыхъ невозможно сидѣть, какіе-то дурацкіе колпаки... Господи, да неужели же вы не чувствуете, какъ все это еще больше подчеркиваетъ страшную скудость народной жизни, узость и бѣдность фантазіи? Сѣрое, сумеречное творчество, папуасская архитектура... Игра, именно игра. Игра гнусная, если все это дѣлается нарочно, чтобы водить дураковъ и ротозѣевъ за носъ, и жалкая, если это только модное баловство. Какой-то нелѣпый маскарадъ! Все равно, если бы доктора, приставленные къ больницѣ, вдругъ надѣли бы больничные халаты и стали бы въ нихъ откалывать канканъ. Вотъ онъ что такое, вашъ русскій стиль на муаровой подкладкѣ!..

Что-то перехватило горло Воскресенскому, и онъ замолчалъ. Только теперь, спохватившись, онъ сообразилъ, что во время своей безсвязной рѣчи онъ, незамѣтно для самого себя, всталъ во весь ростъ и колотилъ кулаками по столу.

— Можетъ быть, вы еще что-нибудь прибавите, молодой человѣкъ?—съ усиленной вѣжливостью, преувеличенно мягко спросилъ весь поблѣднѣвшій Завалишинъ. Губы у него кривились и дергались, а концы пышной бороды тряслись.

— Все,—глухо отвѣтилъ студентъ,—больше ничего...

— Тогда позвольте ужъ и мнѣ послѣднее слово.—Завалишинъ

всталъ и швырнулъ салфетку на стулъ.—Убѣжденія—убѣжденіями, и твердость въ нихъ вещь почтенная, а за своихъ дѣтей я все-таки отвѣчаю передъ церковью и отечествомъ. Да. И я обязанъ ограждать ихъ отъ вредныхъ, развращающихъ вліяній. А поэтому—вы ужъ извините,—но одному изъ насъ—или мнѣ, или вамъ—придется отстраниться отъ ихъ воспитанія...

Воскресенскій молча кивнулъ головой. Павелъ Аркадьевичъ рѣзко повернулся и большими шагами пошелъ отъ стола. Но въ дверяхъ онъ остановился. Его еще душила злоба. Онъ чувствовалъ, что студентъ взялъ надъ нимъ нравственный верхъ въ этомъ безтолковомъ спорѣ и взялъ не убѣдительностью мыслей, не доводами, а молодой, несдержанной, и хотя сумбурной, но все таки красивой страстностью. И ему хотѣлось, прежде чѣмъ уйти отсюда, нанести студенту послѣднее оскорбленіе, потяжелѣе, похлеще...

— Мой человѣкъ принесетъ вамъ наверхъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ въ носъ, отрывисто и надменно.—А также, по условію, деньги на дорогу.

И вышелъ, такъ громко хлопнувъ дверью, что хрустальная посуда на столѣ задребезжала и запѣла тонкими голосами.

На балконѣ всѣ продолжительно и неловко замолчали. Воскресенскій дрожащими холодными пальцами каталъ хлѣбный шарикъ, низко наклонивъ лицо надъ столомъ. Ему казалось, что всѣ, даже шестилѣтняя Вавочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ и брезгливой жалостью. «Пойти и дать ему пощечину?—безсвязно мелькало у него въ головѣ!—Вызвать его на дуэль? Ахъ, какъ все это вышло скверно, какъ пошло! Вернуть ему назадъ деньги? Швырнуть въ лицо? Фу, какая гадость»!

— Милый Сашенька, не придавайте такого значенія,—ласкающимъ голосомъ, точно съ маленькимъ, заговорила Анна Георгіевна.—Голубчикъ, не стоитъ. Черезъ часъ онъ самъ сознается, что былъ неправъ, и извинится. Ужъ если говорить правду, то, вѣдь, и вы ему порядочно наговорили.

Онъ не отвѣтилъ. Больше всего на свѣтѣ онъ хотѣлъ бы сейчасъ-же встать, уйти куда-нибудь подальше, спрятаться въ какой-нибудь темный, прохладный уголъ, но сложная, мучительная нерѣшительность приковывала его къ мѣсту. Докторъ заговорилъ о чемъ-то слишкомъ громко, неестественно развязнымъ тономъ. «Это онъ оттого такъ, что ему за меня стыдно», подумалъ Воскресенскій и сталъ прислушиваться, почти не понимая словъ.

— Одинъ мой знакомый, который хорошо знаетъ арабскій языкъ, такъ онъ сравнивалъ арабскія поговорки съ русскими. И получились прелюбопытныя параллели. Напримѣръ, арабы говорятъ: «Честь это алмазъ, который дѣлаетъ нищаго равнымъ султану». А по-русски выходитъ: «что за честь, коли нечего ѣсть». Тоже насчетъ гостепріимства. Арабская пословица говоритъ...

Воскресенскій вдругъ всталъ; не глядя ни на кого, съ потупленными глазами неуклюже обошелъ столъ и торопливо сбѣжалъ съ балкона въ цвѣтникъ, гдѣ сладко и масляно пахло розами. За своей спиной онъ слышалъ тревожный голосъ Анны Георгіевны:

— Сашенька, Александръ Петровичъ, куда же вы? Сейчасъ подадутъ фрукты!..

III.

Придя наверхъ, Воскресенскій переодѣлся, вытащилъ изъ-подъ кровати свой старый, порыжѣлый, весь обклеенный багажными ярлыками чемоданъ и сталъ укладываться. Съ ожесточеніемъ швырялъ онъ въ чемоданъ книги и лекціи, съ излишней энергіей втискивалъ скомканное кое-какъ бѣлье, яростно затягивалъ узлы веревокъ и ремни. И по мѣрѣ того, какъ расходовалась его физическая сила, взбудораженная недавнимъ неудовлетвореннымъ гнѣвомъ,— онъ самъ понемногу отходилъ и успокоивался.

Покончивъ съ чемоданомъ, онъ выпрямился и оглянулся кругомъ. Внезапно ему стало жаль своей комнаты, точно въ ней оставалась часть его существа. По утрамъ, когда онъ просыпался, то ему не надо было даже приподымать голову отъ подушки, чтобы увидѣть прямо передъ собою темную, синюю полосу моря, подымавшуюся до половины оконъ; а на окнахъ въ это время тихо колебались, парусясь отъ вѣтра, легкія, розоватыя, прозрачныя занавѣски, и вся комната бывала по утрамъ такъ полна свѣтомъ, и такъ въ ней крѣпко и бодро пахло морскимъ воздухомъ, что въ первые дни, просыпаясь, студентъ нерѣдко начиналъ смѣяться отъ безсознательнаго, расцвѣтавшаго въ немъ восторга.

Воскресенскій вышелъ на балконъ. Далеко впереди выдавался въ море узкій длинный мысокъ, кончавшійся правильнымъ закругленіемъ, которое здѣсь называли батареей. Изъ-за батареи, круто огибая ее, выплывалъ маленькій паровой катеръ, и отчетливо доносилось его торопливое фырканье, похожее на дыханіе запыхавшейся собаки. Подъ полотнянымъ тентомъ можно было разглядѣть темныя человѣческія фигуры. Катеръ покачивало, но онъ бодро подымался на одну волну и, съ замедленіемъ перевалившись черезъ нее, смѣло зарывался носомъ въ слѣдующую, между тѣмъ какъ разрѣзанная имъ вода взмывала къ самымъ бортамъ. А еще дальше, какъ будто по серединѣ между берегомъ и горизонтомъ, плавно, безъ малѣйшаго звука и сотрясенія, двигалась черная, могучая громадина большого парохода съ наклоненными назадъ трубами. И тотчасъ же, сквозь легкое облачко набѣжавшей грусти, Воскресенскій почувствовалъ то сладкое и дерзкое замираніе сердца, которое онъ всегда испытывалъ при мысляхъ о дальнихъ поѣздкахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ, о новыхъ людяхъ—

о всей безбрежной широтѣ лежащей передъ нимъ молодой, неисчерпанной жизни..

«Завтра и я буду толкаться по пароходу вмѣстѣ съ другими, буду знакомиться, смотрѣть на берега, на море, — подумалъ онъ.—Хорошо!»

— Сашенька, гдѣ вы здѣсь? Подите ко мнѣ,—услышалъ онъ голосъ Анны Георгіевны.

Онъ быстро вернулся въ комнату, застегивая на ходу воротъ красной рубахи и поправляя волосы. Какой-то мимолетный испугъ, какое-то темное, раздражающее предчувствіе на мгновеніе шевельнулось въ его душѣ.

— Устала!—говорила Анна Георгіевна, слегка задыхаясь.—Какъ у васъ хорошо. Прохладно.

Она сѣла на подоконникъ. На фонѣ ослѣпительнаго, бѣло-голубого неба сверху и густой синевы моря снизу—ея высокая, немного полная фигура въ бѣломъ капотѣ обрисовалась съ тонкой, изящной и мягкой отчетливостью, а жесткіе, рыжеватые, противъ солнца, завитки волосъ зажглись вокругъ ея головы густымъ золотымъ сіяніемъ.

— Ну, что, сердитый воробей,—спросила Анна Георгіевна съ нѣжной фамильярностью,—еще не простыли?

— Простылъ. Сейчасъ, вотъ, ѣду,—угрюмо отвѣтилъ студентъ.

— Саша!..

Она произнесла его имя тихо и такимъ страннымъ, протяжнымъ, волнующимся звукомъ, какого Воскресенскій не слыхалъ никогда въ жизни. Онъ вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на нее. Но она сидѣла спиной къ яркому свѣту, и выраженіе ея лица нельзя было разсмотрѣть. Однако студенту показалось, что ея глаза блестятъ не по обыкновенному.

— Саша, родной мой, вы не уѣдете,—вдругъ заговорила она, спѣша и задыхаясь.—Нѣтъ, нѣтъ, милый, вы не уѣдете. Слышите? Подите сюда. Да сюда же, ко мнѣ... ко мнѣ, вамъ говорятъ!.. Охъ, какой безтолковый... Слышите, не смѣйте ѣхать. Я не хочу. Дорогой мой, вы останетесь...

Она схватила его руки, крѣпко сжала ихъ и, не выпуская изъ своихъ, положила къ себѣ на колѣни, такъ что онъ на секунду ощутилъ подъ легкой шершавой тканью капота, ея твердое и точно скользкое тѣло!

— Останетесь? Да?—спросила она быстрымъ шопотомъ, близко заглядывая ему въ лицо.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ ея затуманеннымъ, неподвижнымъ, жаднымъ взглядомъ. Горячая радость хлынула у него изъ сердца, разлилась по груди, ударила въ голову и забилась въ вискахъ. Смущеніе и неловкость исчезли. Наоборотъ, было жуткое, томительное наслажденіе—глядѣть такъ долго, такъ без-

стыдно и такъ близко, не отрываясь и не произнося ни слова, въ эти прекрасные, еще сіяющіе слезами, обезсмысленные страстью глаза. Потомъ онъ полусознательно почувствовалъ, что она смотритъ ниже его глазъ, и онъ самъ перевелъ глаза на ея крупныя яркія раскрытыя губы, за которыми сверкала влажная бѣлизна зубовъ. Ему вдругъ показалось, что воздухъ въ комнатѣ сталъ знойнымъ; во рту у него сразу пересохло и стало трудно дышать.

— Останетесь? Да? Правда?

Онъ обнялъ ее и тотчасъ же почувствовалъ ея большое, роскошное тѣло легкимъ, живымъ, послушнымъ каждому движенію, каждому намеку его рукъ. Какой-то жаркій, сухой вихрь вдругъ налетѣлъ и скомкалъ его волю, разсудокъ, всѣ его гордыя и цѣломудренныя мысли, все, что въ немъ было человѣческаго и чистаго. Почему-то вдругъ, обрывкомъ, вспомнилось ему купанье передъ обѣдомъ и эти теплыя, качающіяся, ненасытныя волны...

— Милый, правда? правда?—повторяла безъ конца женщина.

Онъ грубо, по-звѣрски, схватилъ ее на руки и поднялъ. Точно въ бреду онъ слышалъ, какъ она съ испугомъ прошептала:

— Дверь... ради Бога... дверь!

Онъ машинально оглянулся назадъ, увидѣлъ раскрытую настежъ дверь и темноту корридора за нею, но не понялъ ни смысла этихъ словъ, ни значенія этой двери и тотчасъ же забылъ о нихъ. Полузакрытые, черные глаза вдругъ очутились такъ близко около его лица, что очертанія ихъ стали неясными, расплывчатыми, и сами они сдѣлались огромными, неподвижными, страшно блестящими и совсѣмъ незнакомыми. Горячія, качающіяся волны хлынули на него, разомъ затопили его сознаніе и загорѣлись передъ нимъ огненными вертящимися кругами...

Потомъ онъ очнулся и услышалъ съ удивленіемъ ея точно о чемъ-то умоляющій голосъ:

— Я обожаю тебя... Мой сильный, молодой, красивый...

Она сидѣла рядомъ съ нимъ на его постели и съ покорнымъ, заискивающимъ видомъ жалась головой къ его плечу, стараясь поймать его взглядъ. А онъ глядѣлъ въ сторону, хмурился и трясущейся рукой нервно теребилъ бахрому своего пледа, висѣвшаго на спинкѣ кровати. Непобѣдимое отвращеніе росло въ немъ съ каждой секундой къ этой женщинѣ, только что отдавшейся ему. Онъ и самъ понималъ, какъ несправедливо, какъ эгоистично было это чувство, но не могъ его пересилить даже изъ благодарности, даже изъ сострадательной вѣжливости. Ему было физически гадко ея близкое присутствіе, ея прикосновеніе, шумъ ея частаго перерывистаго дыханія, и, хотя онъ во всемъ происшедшемъ винилъ одного себя, но слѣпая, неразумная ненависть и презрѣніе къ ней переполняли его душу.

«О какой я подлецъ! Какой подлецъ!» думалъ онъ и боялся

въ то же время, что она прочитаетъ его мысли и чувства у него на лицѣ.

— Милый мой, обожаемый,—растроганно говорила Анна Георгіевна.—Зачѣмъ ты отвернулся? Ты сердишься? Тебѣ непріятно? О, мой дорогой, неужели ты не замѣчалъ, что я тебя люблю? Съ самаго начала, съ самаго перваго дня... Ахъ, впрочемъ нѣтъ!.. Когда ты къ намъ пришелъ въ Москвѣ, ты мнѣ не понравился. Я думала: у какой злюка. Но зато потомъ!... милый, посмотри же на меня...

Студентъ пересилилъ себя и какъ-то сбоку, неуклюже, изъ подлобья, взглянулъ на нее. И у него даже что-то захватило горло: до того противнымъ показалось ему ея раскраснѣвшееся лицо со слѣдами пудры у ноздрей и на подбородкѣ, мелкія морщинки около глазъ и на верхней губѣ, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, и въ особенности, ея молящій, тревожный, полный виноватой преданности, какой-то собачій взглядъ. Содрагаясь спиной отъ гадливости, онъ отвернулся.

«Но почему же я ей не противенъ?—подумалъ онъ съ отчаяніемъ. —Почему? Ахъ я подлецъ, подлецъ!...»

— Анна Георгіевна... Нина,—сказалъ онъ, заикаясь, фальшивымъ, деревяннымъ, какъ ему самому показалось, голосомъ... Вы меня простите... я сейчасъ... Вы меня извините, я взволнованъ и не знаю, что говорю... Поймите меня и не сердитесь... Мнѣ нужно побыть одному... У меня голова кружится.

Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы отстраняясь отъ нея, и она поняла это. Ея руки, обвивавшія его шею, безсильно упали вдоль колѣнъ, и голова опустилась внизъ. Такъ она посидѣла еще минуту, и затѣмъ встала, молча, съ покорнымъ видомъ.

Она понимала лучше, чѣмъ студентъ, то, что съ нимъ теперь происходило. Она знала, что у мужчинъ первые шаги въ чувственной любви сопряжены съ такими же ужасными, болѣзненными ощущеніями, какъ и первыя затяжки опіумомъ для начинающихъ, какъ первая папироса, какъ первое опьяненіе виномъ. И она знала также, что до нея онъ не сближался ни съ одной женщиной, что она была для него *первой*, знала это по его прежнимъ словамъ, чувствовала это по его дикой и суровой застѣнчивости, по его неловкости и грубости въ обращеніи съ ней.

Ей хотѣлось утѣшить, успокоить его, объяснить ему въ нѣжныхъ, материнскихъ выраженіяхъ причину его страданій, такъ какъ она видѣла, что онъ страдаетъ. Но она—всегда такая смѣлая, самоувѣренная—не находила словъ; она смущалась и робѣла, точно дѣвушка, чувствуя себя виноватой и за его паденіе, и за его молчаливую тревогу, и за свои 35 лѣтъ, и за то, что она не умѣетъ, не находитъ, чѣмъ помочь ему.

— Саша, это пройдетъ,—сказала она чуть слышно.—Это прой-

детъ, успокойтесь, вѣрьте мнѣ. Только не уѣзжайте... слышите? Вы, вѣдь, скажете мнѣ, если захотите уѣхать?

— Да.... хорошо... да... да... повторилъ онъ нетерпѣливо и все оглядывался назадъ, на дверь.

Она вздохнула и тихо вышла изъ комнаты, беззвучно притворивъ за собою дверь. А Воскресенскій обѣими руками вцѣпился себѣ въ волосы, и со стономъ повалился лицомъ въ подушку.

IV.

На другой день Воскресенскій ѣхалъ въ Одессу на большомъ пассажирскомъ пароходѣ «Ксенія». Онъ позорно и малодушно сбѣжалъ отъ Завалишиныхъ, не вытерпѣвъ жестокаго раскаянія, не находя въ себѣ рѣшительности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Анной Георгіевной. Пролежавъ до сумерекъ въ постели, онъ какъ только стало темно, собралъ свои вещи и потихоньку, крадучись, точно воръ, заднимъ крыльцомъ вышелъ въ виноградникъ, а оттуда спрыгнулъ на шоссе. И во все время, пока онъ добрался до почтовой станціи, пока ѣхалъ въ дилижансѣ, биткомъ набитомъ молчаливыми турками и татарами, пока устраивался въ ялтинской гостинницѣ на ночь, его не оставлялъ колючій стыдъ и безпощадное омерзеніе къ себѣ самому, къ Аннѣ Георгіевнѣ, ко всему, что вчера произошло и къ собственному мальчишескому побѣгу. «Вышло такъ, какъ будто бы послѣ ссоры, изъ мести, я взялъ и укралъ что-то у Завалишиныхъ и убѣжалъ отъ нихъ», думалъ онъ, злобно стискивая зубы.

День былъ жаркій, безвѣтреный. Море лежало спокойное, ласковое, нѣжно-изумрудное около береговъ, свѣтло-синее по срединѣ и лишь кое-гдѣ едва тронутое лѣнивыми фіолетовыми морщинками. Внизу подъ пароходомъ оно было ярко-зелено, прозрачно и легко, какъ воздухъ, и бездонно. Рядомъ съ пароходомъ бѣжала стая дельфиновъ. Сверху было отлично видно, какъ они на глубинѣ могучими, извилистыми движеніями своихъ тѣлъ разсѣкали жидкую воду и вдругъ съ разбѣгу, одинъ за другимъ, выскакивали на поверхность, описавъ быстрый темный полукругъ.

Берегъ медленно уходилъ назадъ. Постепенно показывались и скрывались густые, взбирающіеся на холмы парки, дворцы, виноградники, тѣсныя татарскія деревни, бѣлыя стѣны дачъ, утонувшихъ въ волнистой зелени, а сзади голубыя горы, испещренныя черными пятнами лѣсовъ, и надъ ними тонкія, воздушныя очертанія ихъ вершинъ.

Пассажиры толпились на правомъ борту, у перилъ, лицомъ къ берегу. Называли вслухъ мѣста и фамиліи владѣльцевъ. На серединѣ палубы, около люка, двое музыкантовъ—скрипка и арфа—

играли вальсъ, и избитый, пошлый мотивъ звучалъ необыкновенно красиво и бодро въ морскомъ воздухѣ.

Воскресенскій нетерпѣливо искалъ глазами знакомую дачу въ видѣ русскаго терема. И когда она показалась, наконецъ, изъ-за густой чащи княжескаго парка, и стала вся видна надъ своей огромной, бѣлой крѣпостной стѣной, онъ часто задышалъ и крѣпко прижалъ руку къ похолодѣвшему сердцу.

Ему показалось, что онъ различаетъ на нижней террасѣ бѣлое пятно, и ему хотѣлось думать, что тамъ сидитъ теперь эта странная женщина, ставшая вдругъ для него такой таинственной, непонятной и привлекательной, и что она смотритъ на пароходъ такими же, какъ и онъ, печальными, полными слезъ глазами. Онъ представилъ себѣ самого себя, стоящаго тамъ на балконѣ, рядомъ съ ней, но не теперешняго себя, а вчерашняго, третьягодняшняго,—прежняго себя, какого уже больше никогда не будетъ. И ему стало жалко,—нестерпимо, до боли жалко той полосы жизни, которая ушла отъ него навсегда и никогда не вернется, никогда не повторится... Съ необычайной яркостью, въ радужномъ туманѣ слезъ, застилавшихъ глаза, встало передъ нимъ лицо Анны Георгіевны, но не торжествующее, не самоувѣренное, и не чувственное какъ всегда, а кроткое, съ умоляющимъ выраженіемъ, виноватое, и сама она представилась ему почему-то маленькой, обиженной, слабой и какъ то болѣзненно близкой ему, точно приросшей навѣки къ его сердцу.

И къ этимъ тонкимъ, грустнымъ, сострадательнымъ ощущеніямъ, примѣшивалось чуть слышно, какъ ароматъ тонкаго вина, воспоминаніе о теплыхъ обнаженныхъ рукахъ и о голосѣ, дрожавшемъ отъ чувственной страсти, и о прекрасныхъ глазахъ, глядѣвшихъ внизъ, на его губы ..

Прячась за деревьями и дачами и опять показываясь на минутку, русскій теремъ уходилъ все дальше и дальше назадъ и вдругъ исчезъ совсѣмъ изъ виду. Воскресенскій, прижавшись щекой къ чугунному столбику перилъ, еще долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ онъ скрылся. «Все сіе прошло, какъ тѣнь и какъ молва быстротечная!» вспомнился ему вдругъ горькій стихъ Соломона, и онъ заплакалъ. Но слезы его были благодатныя, а печаль молодая, свѣтлая и легкая.

Внизу, въ салонѣ, зазвонили къ завтраку. Болтливый, шумный студентъ, съ которымъ Воскресенскій познакомился еще на пристани, подошелъ къ нему сзади, хлопнулъ его по спинѣ и закричалъ радостно:

— А я васъ, коллега, ищу, ищу... Вы вѣдь съ продовольствіемъ? Айда, водку пить...

А. Купринъ.

УЗНИКЪ.

Онъ съ молоду одинъ въ темницѣ изнывалъ.
И повторялъ судьбѣ напрасные укоры,
И блѣдный лучъ небесъ въ его окно сіялъ,
Сплетая на стѣнахъ дрожащіе узоры,
И грезились ему: лѣса, долины, горы...
Такъ годы шли... И день, желанный день насталъ:
Предъ нимъ открылся міръ, свободу онъ узналъ
И путь направилъ свой въ манящіе просторы.

* * *

И жизнь извѣдалъ онъ; всѣмъ сердцемъ молодымъ
Онъ счастье призывалъ, любилъ и былъ любимъ...
Но вотъ груститъ онъ вновь, груститъ, какъ въ дни былые,
И грезится ему: рѣшетка, полутьма,
На каменныхъ стѣнахъ узоры золотые...
Далекая навѣкъ, печальная тюрьма.

С. Маковскій.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

(Опытъ психологической характеристики).

«Похоронная процессія растянулась очень далеко. Говорятъ, со времени похоронъ Тургенева Петербургъ не видѣлъ такой толпы за гробомъ писателя... Похоронили Михайловскаго у «литераторскихъ мостковъ», недалеко отъ Успенскаго. Когда мы возвращались, среди раннихъ петербургскихъ сумерокъ, съ Волкова кладбища,—по Лиговкѣ долго еще тянулись группы людей, въ которыхъ можно было узнать провожавшихъ гробъ Михайловскаго. А навстрѣчу съ Невскаго, неслись громкіе крики. Это шла патріотическая манифестація,—второй день уже ходившая по улицамъ Петербурга съ воинственными криками. И мысль съ невольной тревогой обращалась отъ этихъ шумныхъ проявленій жизни къ спокойному величію смерти...»

Такъ заканчиваетъ В. Г. Короленко описаніе похоронъ Н. К. Михайловскаго въ замѣткѣ, посвященной памяти покойнаго его «соратника и друга»,—товарища по редакціи «Русскаго Богатства», въ февральской книжкѣ журнала.

Слова В. Г. Короленки хорошо передаютъ то ѣдкое ощущеніе одиночества и оторванности, которое я переживалъ, слѣдуя за гробомъ Н. К. Михайловскаго, хотя насъ, провожавшихъ, и было около трехъ тысячъ,—чувство оторванности нашей отъ равнодушной уличной толпы, или, пожалуй, ея оторванности отъ насъ, отъ нашего печальнаго шествія... Проходя по одной изъ малолюдныхъ улицъ, примыкающихъ къ Обводному каналу, я слышалъ такой разговоръ: какой-то лавочникъ, удивленный многочисленностью прохожихъ, толпами возвращавшихся съ кладбища, справляется у газетчика (газетчики по нынѣшнимъ временамъ самые освѣдомленныя лица уличнаго міра), кого это хоронили?—«Профессора какого-то», отвѣчаетъ газетчикъ... А на одномъ изъ вѣнковъ была надпись: «Неустанному, честному защитнику народнаго права». И, вѣдь, хорошая это была надпись, совершенно правдивая, вполнѣ заслуженная... «О rus—о Русь!», какъ восклицалъ нѣкогда Пушкинъ.

Я знаю, отлично знаю, что эта оторванность результатъ недоразумѣнія, недомыслія. Знаю и то, что за послѣднее время это недоразумѣніе, прежде царившее нераздѣльно надъ нашей Русью, съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ все болѣе ощутительные признаки предстоящей ликвидаціи. Я вообще не склоненъ къ пессимизму. Но это не мѣшало мнѣ болѣзненно переживать ощущеніе оторванности и за насъ всѣхъ, участниковъ печальнаго шествія, и за самого

Михайловскаго. Умеръ человѣкъ, всю жизнь не покладая рукъ, бросавшій сѣмена истиннаго демократизма, истиннаго народолюбія. А тутъ—«профессоръ»... Хоть бы уже *учителемъ* назвали, хотя бы по ошибкѣ! И это случайное, по недоразумѣнію кинутое слово, еще рѣзче подчеркнуло для меня ту черту въ духовномъ обликѣ Михайловскаго, которая всегда придавала ему на мой взглядъ своеобразную привлекательность. Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, что̀ пережилъ за свою сорокалѣтнюю дѣятельность этотъ, до конца сохранившій свою честную дерзость, свою «благородную упрямку», труженикъ мысли; если представить себѣ, что только первое, увы очень короткое, время онъ могъ питать дѣйствительныя надежды на воплощеніе въ жизнь своей горячей проповѣди, а затѣмъ долгіе, долгіе годы переживалъ крушеніе этихъ надеждъ и поворотъ нашей исторіи въ такую сторону, въ попыткахъ миновать которую онъ видѣлъ всю задачу, весь смыслъ существованія своего и своихъ единомышленниковъ; если вспомнить, какъ красивы, какъ грандіозны и пылки были эти мечты его весны и въ какую онѣ реализовались до кошмара будничную, сѣрую, угрюмую дѣйствительность, когда уже приходилась не мечтать и не указывать путей жизни, а только упрямо и какъ бы скрѣпя сердце бросать сѣмена сознательности, безъ всякой надежды увидѣть когда-либо всходы изъ этихъ сѣмянъ;—если представить себѣ все это, то понятно станетъ, сколько трагическаго было въ изящной фигурѣ этого сѣдого, какъ лебедь бѣлаго старика, съ тонкими юношескими чертами лица и даже юношескими манерами... Да, именно что-то юношеское, всегда готовое и на откликъ сочувствія, и на отпоръ, было во всей его фигурѣ: и въ движеніяхъ, и въ этихъ остроумныхъ, усталыхъ, но ясныхъ глазахъ, и во всемъ этомъ бородатомъ лицѣ, съ прекраснымъ упрямымъ лбомъ, съ печатью блестящей мысли, съ крѣпко сомкнутыми и, казалось, всегда готовыми на сарказмъ губами;—юношеское и въ то же время трагическое. Этотъ двойственный отпечатокъ мнѣ приходилось наблюдать на всѣхъ лучшихъ людяхъ, пережившихъ то время. Тутъ и крушеніе надеждъ, должно быть, сказывается—крушеніе, но въ то же время и былая причастность къ нимъ—и поистинѣ трагическія воспоминанія...

Г. Мякотинъ въ февральской же книжкѣ «Р. Б.» приводитъ письмо къ нему отъ покойнаго писателя, писаное за мѣсяцъ до смерти, подъ новый годъ—послѣдній новый годъ для Н. К. Михайловскаго: «Поздравляю васъ съ грядущимъ новымъ годомъ и очень пожелалъ бы, чтобы онъ принесъ и вамъ, и всѣмъ намъ что-либо получше нынѣшняго, еслибъ вѣрилъ въ возможность лучшаго. Но, кажется, слѣдуетъ ожидать всякихъ пакостей». Совершенно непонятнымъ, страннымъ диссонансомъ звучатъ поэтому на нашъ слухъ послѣднія строки стихотворенія г. Вейнберга «Памяти Н. К. Михайловскаго»:

„Жестокая насмѣшка естества
Жить въ радостяхъ и мукахъ упованія
И умереть въ минуту торжества".

Что разумѣетъ подъ этимъ почтенный авторъ? Въ какихъ такихъ радостяхъ упованія жилъ Михайловскій, какая минута торжества для него настала?

Пожалуй, не стоило бы останавливаться на этихъ стихахъ г. Вейнберга...

У стихотворцевъ, пожалуй, чаще еще, чѣмъ у прозаиковъ, не «перомъ сердитый водитъ умъ», а наоборотъ «перо не сердитымъ умомъ», какъ остроумно перефразировалъ однажды лермонтовскій стихъ покойный Михайловскій, а къ тому же имъ приходится еще озабочиваться риѳмой... Но, во-первыхъ, въ данномъ случаѣ риѳма не при чемъ, такъ какъ нѣсколькими строками выше упоминается «пристань, показавшаяся не вдалекѣ», и говорится, что «завѣтный часъ уже пробилъ»; а во-вторыхъ, мнѣ хочется, пользуясь этимъ случаемъ, разъяснить одно недоразумѣніе относительно умершаго, въ которомъ повиненъ не одинъ г. Вейнбергъ. Я не знаю, на чемъ собственно основанъ его, г. Вейнберга, оптимизмъ, но учесть всѣ слагаемыя современности всегда дѣло не легкое, и можетъ статься, онъ даже и правъ; его бы устами да медъ пить — въ такомъ случаѣ... Ясно однако, что Михайловскій-то далеко не былъ такъ оптимистично настроенъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы одно только что цитированное его письмо къ г. Мякотину. Но главное, что мнѣ нужно отмѣтить это,—что «упованія», которымъ «радовался», которыми «мучился» покойный далеко не исчерпывались и не удовлетворились бы той пристанью, о близости которой говоритъ стихотворецъ. Въ извѣстной части нашей молодежи сложилось представленіе о Михайловскомъ, какъ о буржуазномъ мыслителѣ. Я слышалъ даже, что находились такіе, которые на этомъ основаніи не хотѣли жертвовать на вѣнокъ ему. Дикое и нелѣпое недоразумѣніе. Оно имѣетъ, правда, свои причины и къ нимъ мы еще вернемся въ концѣ замѣтки. (Главная причина—это, конечно, незнакомство съ произведеніями Н. К. Михайловскаго прежнихъ лѣтъ). Но мнѣ хочется указать здѣсь же, что это глубочайшая неправда, что это полнѣйшее и тоже трагическое, если хотите, для покойнаго недоразумѣніе, что по всѣмъ своимъ стремленіямъ, вкусамъ и принципамъ онъ былъ истинной противоположностью тому, что предполагаетъ такая квалификація.

«Что такое прогрессъ?»—первая большая работа Н. К. Михайловскаго, сразу завоевавшая ему видное мѣсто среди нашихъ писателей передового лагеря, была напечатана въ 1869 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Трудно и представить себѣ, что нибудь болѣе анти-буржуазное. Нападки на буржуазію, отрицаніе буржуазнаго, по типу «органическаго развитія» сложившагося общества' борьба съ наукой, санкціонирующей этотъ строй, этотъ типъ развитія—вотъ основная нота этой статьи. Я бы затруднился даже найти тамъ какую-нибудь другую ноту, ибо этимъ отрицаніемъ буржуазіи почти исчерпывается все содержаніе статьи. Во вступительной главѣ къ своимъ «Литературнымъ воспоминаніямъ и современной смутѣ», т.-е. въ 1891 году, Н. К. Михайловскій говоритъ, что въ общемъ онъ всю жизнь оставался вѣренъ тому міросозерцанію, которое у него выработалось ко времени его выступленія на литературное поприще, и это, разумѣется, совершенная правда.

Въ полемикѣ съ направленіемъ, народившимся на смѣну народничеству, да и по инымъ поводамъ, Н. К. Михайловскій не разъ отрекался отъ наименованія народника. Онъ имѣлъ на это свои основанія, противополагая себя, напримѣръ, аполитическому народничеству г. В. В. или лагерю лирическаго

народничества, нашедшаго своего публициста въ лицѣ Юзова, а беллетристическаго истолкователя въ лицѣ Златовратскаго. Но для насъ онъ все же былъ народникомъ. Для насъ этотъ терминъ обнимаетъ всѣ направленія нашей демократической мысли, вызванныя къ жизни громаднымъ фактомъ паденія крѣпостного права. А отличительными признаками народничества для насъ являются—основная тенденція служить интересамъ *народа* (т.-е., главнымъ образомъ, крестьянства), причемъ понятіе народъ совершенно не анализируется въ соціальномъ смыслѣ, народъ признается чѣмъ-то единымъ по своимъ интересамъ—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, признаніе существованія или возможности для нашего народа особаго пути соціальнаго развитія, отличнаго отъ пути западно-европейскаго, уже опредѣлившагося въ жизни, уже освѣщеннаго теоріей—пути классовой борьбы. Въ этомъ смыслѣ Михайловскій былъ народникомъ.

Народничество наше при всемъ его отрицаніи Запада, собственно говоря, родилось исключительно благодаря Западу и даже именно на Западѣ. Геніальный его родоначальникъ А. И. Герценъ, уѣзжая въ 1847 году изъ Россіи, увозилъ съ собою глубоко трезвое отношеніе къ народу, къ крестьянству. Въ первомъ томѣ «Былого и думъ», въ дневникѣ, относящемся къ 44 году, Герценъ характеризуетъ русскаго мужика слѣдующимъ образомъ: «Я смотрю здѣсь безпрестанно на низшій классъ, во всегдашнемъ соприкосновеніи съ нимъ; чего не достаетъ ему, чтобы выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ, вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди»... «Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ въ дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc... А видно, какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ, чего-то не достаетъ въ головѣ, мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ»... Но вотъ Европа, а съ нею и Герценъ, переживаетъ 1848 годъ; за нимъ слѣдуетъ наполеоновскій coup d'état и разгаръ реакціи, и среди душу щемящихъ страницъ, полныхъ глубокаго разочарованія въ Европѣ съ ея мѣщанствомъ, уже попадаются ноты «исправленнаго славянофильства», и взоры Герцена уже съ надеждой обращаются къ русскому народу. А дальше—надежды на нашу «весеннюю распутицу», и идеализація артели, и общины и т. д. Отъ вопросительнаго знака, поставленнаго нѣкогда надъ народомъ, и слѣда неосталось.

Разочарованіе въ Европѣ послужило, повидимому, первоисточникомъ народническихъ идей и для другого генія пассивно-анархическаго народничества—для Льва Толстого. Вспомните его чудную повѣсть «Люцернъ», гдѣ князь Нехлюдовъ такъ оскорбленъ положеніемъ шарманщика въ «свободной» Швейцаріи...

Начиная съ Герцена и до самыхъ 80-хъ годовъ передовая мысль сосредоточивалась на тѣхъ исчезнувшихъ на Западѣ, но уцѣлѣвшихъ у насъ первобытныхъ формахъ народной жизни, которыя, казалось, были чреваты такими радужными соціальными перспективами, на тѣхъ особенностяхъ русской дѣйстви-

тельности, которыми она казалась призванной обновить человѣчество. Весенній день 19-го февраля, единственный весенній день, доставшійся на долю русскаго народа за все его вѣковое многострадальное существованіе,—естественно сдѣлалъ мужика центромъ всѣхъ интеллигентскихъ помышленій, всѣхъ заботъ и надеждъ. «Изъ едва понятной и понятой субстанціи народа, нѣмецкимъ процессомъ мышленія, какъ выражался Тургеневъ, абстрагировались тѣ принципы, на которыхъ предполагалось, что онъ устроитъ свою жизнь». Абстрагировать-то абстрагировали, но, вѣдь, надо же вспомнить, что и единственной сколько нибудь реальной базой для демократическаго мышленія могли стать тогда только интересы этого народа, только интересы мужика. Другого народа не было, и ужъ слишкомъ понятно было и «увлеченіе», и готовность абстрагировать и идеализировать. Утопическое мышленіе—о да, конечно, утопическое; но есть ли хоть одно прогрессивное направленіе, хоть одна соціально-политическая программа, которая была бы абсолютно свободна отъ утопизма? Не всѣ ли онѣ подобны тѣмъ воздушнымъ замкамъ на каменномъ фундаментѣ, о которыхъ говорится въ одной изъ драмъ Ибсена? Реальный фактъ—въ видѣ фундамента, идеалистически активное настроеніе въ видѣ перваго этажа и воздушные шпицы, уходящіе въ небо—вотъ при ближайшемъ объективномъ анализѣ вѣчныя составныя части всякаго такого направленія. Каменнымъ фундаментомъ народническому воздушному замку служилъ, и только и могъ служить, освобождавшійся или только что освобожденный народъ. И если судить исторически, то правыми были, конечно, люди горячаго сердца, смѣлаго ума—Герцены и Чернышевскіе, а не умный аналитикъ и скептикъ И. С. Тургеневъ, хотя фактически оказался правымъ именно онъ.

Затѣмъ,—и это обстоятельство очень существенно для пониманія того времени,—великій актъ освобожденія былъ осуществленъ мирнымъ путемъ, былъ осуществленъ правительствомъ. Это то же было особенностью русской жизни. Въ умахъ современниковъ подобное обстоятельство должно было породить совершенно своеобразное пониманіе взаимныхъ отношеній политики и экономики въ соціальномъ процессѣ. Это прежде всего разъединило эти два совершенно соціологически неразложимыхъ начала, которыя являются лишь двумя сторонами одного и того же соціальнаго процесса; это привело къ преувеличенной оцѣнкѣ роли политической организаціи, породило несбыточныя надежды на нее. Опять несомнѣнная утопія... Но, господа, попробуйте на минуту поставить себя въ положеніе человѣка, переживающаго такой моментъ, какъ паденіе рабства; вспомните, какъ этотъ моментъ объединилъ въ одномъ чувствѣ умѣреннаго цензора Никитенку, который при вѣсти о манифестѣ опустился передъ иконой на колѣни и молился за «освободителя», съ неумѣреннымъ литераторомъ Герценомъ, изрекшимъ свое знаменитое: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»—и поручитесь за себя, что вы бы уберегліись отъ подобныхъ утопій! Для насъ день 19 февраля является настоящимъ ключомъ для историческаго пониманія всей эпохи, для уразумѣнія и ошибокъ и заслугъ, и плюсовъ и минусовъ дѣятелей того времени.

Н. К. Михайловскій слагался духовно именно въ весеннюю пору 60-ыхъ

годовъ. Ему было 26 лѣтъ, когда онъ выступилъ со своимъ программнымъ profession de foi «Что такое прогрессъ?», а въ день 19 февраля онъ переживалъ свой восемнадцатый годъ. Понятно, что всѣ надежды этого времени были общи и ему. Понятно, что особенности нашей народной жизни должны были стать каменнымъ фундаментомъ и его воздушнаго замка. А въ это время наша родина вступала на путь развитія капитализма. Капиталистическій строй, всѣ ужасы ненавистнаго Герцену европейскаго мѣщанства надвигались на насъ, ступая семимильными шагами. На ряду съ этимъ, со времени выступленія Н. К. Михайловскаго въ литературѣ, пора наивныхъ увлеченій нашей русской весной уже приходила къ концу; крестьянская реформа была осуществлена съ обидными экономическими урѣзками, а урѣзки въ гражданскихъ преобразованіяхъ, вытекавшихъ изъ этой реформы, были еще значительнѣе, еще обиднѣе. Розовое, идиллическое, молодое народничество начинало уже блѣднѣть, порывы чувства натыкались на непреоборимыя препятствія и внѣшнія, и заключавшіяся внутри того самаго народа, на который были обращены эти порывы. Однимъ настроеніемъ пробавляться было нельзя, нужна была теорія. И вотъ явился теоретикъ, сведшій въ стройную схему всѣ эти невыясненныя, смутныя чаянія и перспективы и съумѣвшій подвести подъ нихъ съ возможнымъ по тому времени реализмомъ «каменный фундаментъ».

Н. К. Михайловскій явился теоретикомъ того теченія народнической мысли, которое мы, въ отличіе отъ идиллическаго, опиравшагося на одно чувство, народничества Юзова и Златовратскаго, назвали бы народничествомъ *критическимъ*. Это было направленіе «Отечественныхъ Записокъ», Салтыкова, Глѣба Успенскаго, т.-е. всего наиболѣе интеллектуальнаго, чуткаго и талантливаго, что жило въ ту эпоху. Исходя изъ тѣхъ же стремленій и чаяній, пробужденныхъ днемъ 19 февраля, это народничество не настаивало на особенностяхъ русскаго духа и исторіи какъ таковыхъ; оно не увлекалось самобытностью, не страдало мессіанствомъ, не высказывалось категорически. Оно допускало только возможности: возможность миновать капиталистическую стадію развитія, возможность соціологическаго развитія народныхъ формъ хозяйства. Оно вездѣ ставило *если*; было чуждо лирическаго догматизма, мыслило критически. Вотъ какъ самъ Михайловскій характеризуетъ начальную пору своей дѣятельности въ статьѣ, написанной уже въ 1880 г.:

„Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя... „Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“—вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, причемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути“.

Допустимъ даже, что въ этой ретроспективной оцѣнкѣ элементъ критицизма нѣсколько преувеличенъ: оглядываясь на свое прошлое, человѣкъ легко поддается соблазну раціонализировать его при свѣтѣ позднѣе пріобрѣтенныхъ взглядовъ; но несомнѣнно, что, въ общемъ, это глубоко вѣрная характеристика начальной поры критическаго народничества.

Въ то время, какъ Златовратскій воспѣвалъ «устои» и «изгибы стихійной критической мысли народа», а Юзовъ, уповая на особенности народнаго духа, проповѣдывалъ приматъ чувства надъ умомъ, доказывалъ, что «не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство», Михайловскій писалъ: «Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, «голову», «книжку», отнюдь не приходится»... и выставлялъ свой принципъ прогресса, и создавалъ свою теорію «типовъ и степеней развитія». Повторяемъ: критическое народничество было наиболѣе интеллектуальнымъ теченіемъ того времени, а Н. К. Михайловскій являлся, пожалуй, наиболѣе интеллектуально одареннымъ изъ представителей критическаго народничества.

Родившись на Западѣ, но питаясь прежде всего отрицаніемъ Запада съ его общественной дифференціаціей, народничество естественно должно было направить всѣ силы своего теоретическаго мышленія противъ надвигавшагося на насъ могучаго фактора дифференціаціи—капитализма. «Что такое прогрессъ?» представляетъ горячую критику Спенсера, его органической теоріи общества и формулы прогресса, санкціонирующей эту дифференціацію. Опираясь на законъ Бэра о физіологическомъ раздѣленіи труда между органами, какъ условіи развитія организмовъ, Н. К. Михайловскій указывалъ, что спеціализація органовъ сопровождается ихъ переходомъ отъ разнородности къ однородности и по аналогіи доказывалъ, что тѣмъ же сопровождается и общественное раздѣленіе труда между классами: переходомъ индивидуума отъ разнородности къ однородности. Онъ доказывалъ, что развитіе общества по органическому типу приводитъ къ умаленію, «помраченію» личности, и, въ противовѣсъ спенсеровой формулѣ прогресса (переходъ отъ однороднаго къ разнородному), онъ выставилъ такое положеніе:

«Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ».

Такимъ образомъ живой индивидуумъ, цѣльная человѣческая личность поставлены въ центрѣ всѣхъ соціологическихъ оцѣнокъ и построеній, и Михайловскій не разъ съ сочувствіемъ цитируетъ Гумбольдта: «Конечная цѣль человѣка, т.-е. та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума, а не есть только порожденіе смутныхъ и преходящихъ желаній, эта цѣль состоитъ въ наивозможно гармоническомъ раз-

витіи всѣхъ его способностей въ одно полное, самостоятельное цѣлое... Предметъ, къ которому каждый человѣкъ долженъ непрерывно направлять всѣ свои усилія, и который особенно должны постоянно имѣть въ виду люди, желающіе вліять на своихъ согражданъ, есть могущество и развитіе индивидуальности».

Вся исторія человѣчества дѣлится на три эпохи: объективнаго антропоцентризма, эксцентризма и субъективнаго антропоцентризма, приблизительно соотвѣтствующія тремъ періодамъ контовской соціологіи: теологическому, съ его подраздѣленіями, метафизическому и позитивному. Первый, древнѣйшій періодъ характеризуется соціальной формой *простого сотрудничества*, т.-е. временныхъ союзовъ на случай войны, охоты и пр. равныхъ во всемъ дикарей съ цѣлостнымъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ жизни. Все въ мірѣ существуетъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, самое большее для даннаго союза. Человѣкъ есть центръ всего міра.

„Намъ, современнымъ людямъ, трудно представить себѣ единство различныхъ сторонъ человѣческой жизни, которое царило въ доисторическую пору. Религія, философія, наука, искусство,—всѣ эти для насъ совершенно различныя и часто другъ другу противорѣчащія вещи, вещи, существующія рядомъ, несмотря на трудность и даже невозможность примиренія по многимъ пунктамъ, все это сливалось для первобытнаго человѣка въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ... Велѣнія боговъ, юридическая норма, правительственный кодексъ, нравы и обычаи совпадаютъ... Еслибъ принципъ простого сотрудничества восторжествовалъ, *если бы цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ кооперації личное существованіе равномѣрно во всѣ стороны* *), не раздробляя индивидуальности, а пріобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности, столь же цѣльныя, если бы при этомъ воззрѣнія на природу путемъ коллективнаго опыта очищались отъ объективнаго антропоцентризма... я не знаю, что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было и, насколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло. Запутанный порядокъ сложнаго сотрудничества постепенно стиралъ *непосредственность* взаимныхъ отношеній и дробилъ индивидуальную *цѣльность*“ **).

Эксцентрическій періодъ водворяется вмѣстѣ съ *раздѣленіемъ труда* и длится по сейчасъ. Родовой бытъ смѣняется общественнымъ, появляется рабство и верховная власть. «Религіозныя представленія получаютъ столь отвлеченный характеръ, непосредственныя отношенія къ природѣ нарушаются столь сильно, что становятся уже нужными посредники между людьми и богами». Рабство однихъ даетъ досугъ другимъ. Развитіе потребностей, обмѣнъ, спеціальный классъ торговцевъ, богатство, разнородность нравовъ и обычаевъ, необходимость писанаго закона, метафизика,—все это появляется одно за другимъ. «Нравы и обычаи обособляются въ деспотизмъ общественнаго мнѣнія; нравственность въ аскетическую мораль; право и справедливость даютъ начало наукѣ, провозглашающей своимъ принципомъ: fiat justitia pereat mundus, т.-е. не справедливость существуетъ для человѣка, а человѣкъ для справедливости.

---

*) Курсивъ мой. *М Н.*

**) Т. I, стр. 95 и сл. Курсивы и здѣсь принадлежатъ мнѣ. М. Н.

Рядомъ съ безусловною справедливостью и безусловною нравственностью выступаютъ чистая наука, чистое искусство... Бѣдняга первобытный человѣкъ думалъ, что все создано для него, оказывается, что онъ самъ созданъ для всего, кромѣ самого себя» *).

Таковъ эксцентрическій періодъ. Послѣдній, субъективно антропоцентрическій, еще не наступилъ, но признаки его пришествія Михайловскій видитъ въ позитивизмѣ:

«Опять человѣкъ становится мѣриломъ вещей, но на этотъ разъ уже сознательно... Границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа цѣльнаго и единаго... Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для человѣка* и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка»... «Но нужно еще въ систему ввести человѣка какъ *цѣлостное недѣлимое*, центромъ не только теоретическихъ, а и практическихъ вопросовъ, т.-е. связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ».

Въ противоположность Спенсеру, признававшему въ соціологіи, какъ и вездѣ, научнымъ только объективный методъ, Н. К. Михайловскій, вслѣдъ за П. Л. Лавровымъ, выдвигаетъ субъективный методъ, какъ единственный законный въ соціологіи. Доказывая присутствіе предвзятости во всякомъ мышленіи, во всякомъ изслѣдованіи, онъ находитъ, что тѣмъ неизбѣжнѣе эта предвзятость въ вопросахъ такъ близко насъ касающихся, какъ вопросы соціологіи. А кромѣ того, здѣсь она не только неизбѣжна, но и нужна. Цитируемыя Н. К. Михайловскимъ слова Лаврова прекрасно выражаютъ его мысль: «Объективный элементъ въ области этики, политики и соціологіи ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *понять* ихъ, надо разсмотрѣть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средство, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое цѣль? Это желаемое, пріятное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованія, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и въ то же время позволяютъ это сдѣлать вполнѣ научно».

Вотъ краткій схематическій абрисъ первой, програмной статьи Н. К. Михайловскаго. Контуры этой схемы наполнены и даже переполнены въ статьѣ горячей критикой частныхъ утвержденій Спенсера, блестящими вылазками противъ его квіэтизма и удовлетворенности всѣмъ сущимъ, яркими картинками, иллюстрирующими мысль автора, цитатами изъ сочиненій по соціологіи и біологіи... Но основная мысль хорошо передается тремя приведенными мною мѣстами. Мы выписали эти мѣста, дабы собственными устами Н. К. Михайловскаго сформулировать самыя завѣтныя его мечты, самую суть его міросозерцанія. Эти основыя мысли только дополняются и развиваются въ послѣдую-

*) Т. I, стр. 97 и сл.

щихъ теоретическихъ и публицистическихъ его произведеніяхъ. Но, въ общемъ, они почти до конца служатъ ему тѣмъ свѣтомъ у гроба Господня, отъ котораго паломники зажигаютъ свои свѣтильники и который берегутъ весь дальнѣйшій путь. Потребности живой человѣческой личности, требованіе *гармоническаго* ихъ развитія и удовлетворенія—эта идея явилась несомнѣннымъ наслѣдіемъ фурьеризма, которому, какъ извѣстно, отдавали дань и Чернышевскій, и петрашевцы; но еще несомнѣннѣе, что она подсказывалась той особенностью русской жизни, опираясь на которую, можно было надѣяться на «возможность непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя стадію буржуазнаго государства»: эта идея являлась отраженіемъ того первобытнаго общиннаго уклада, въ которомъ передовые люди того времени видѣли, выражаясь словами Успенскаго, «благообразіе крестьянской жизни», «красоту ржаного поля». Выше, въ одной изъ цитатъ мы подчеркнули слова, особенно хорошо передающія интимную сторону мыслей Михайловскаго: раздѣленіе труда, дифференцированная общественная жизнь «стирали *непосредственность* взаимныхъ отношеній и дробили индивидуальную *цѣльность*». Эта непосредственность и эта цѣльность служили предметомъ зависти и идеализаціи всѣхъ интеллигентовъ того времени. «Кающійся дворянинъ», какъ и заболѣвшій «болѣзнью совѣсти» культурный разночинецъ,—оба противопоставляли своей раздвоенности и надломленности именно эту гармоничность, цѣльность, непосредственность отношеній крестьянской жизни. Это противопоставленіе вы найдете у Толстого, начиная съ «Казаковъ» и кончая «Мыслями о городѣ и деревнѣ», полонъ имъ Успенскій, давшій настоящую эпопею «болѣзни совѣсти». Это противопоставленіе есть вообще ключъ къ уразумѣнію всей эпохи,—ключъ, который даетъ намъ въ руки все тотъ же день 19-го февраля.

Терминъ, «кающійся дворянинъ» принадлежитъ Н. К. Михайловскому. Въ полубеллетристическомъ, полу-автобіографическомъ очеркѣ «Въ перемежку» (нѣкоторыя фигуры дѣйствующихъ лицъ срисованы по памяти съ нѣкогда близкихъ автору людей) *)—Н. М. Михайловскій чудесно вскрылъ все интимное содержаніе этого покаяннаго настроенія. Пускай въ этомъ настроеніи слишкомъ властно преобладаютъ мотивы *совѣсти* надъ мотивами *чести*, говоря терминами самого Михайловскаго; пускай для насъ, современныхъ людей, радикальная формула: «пусть насъ сѣкутъ, мужиковъ сѣкутъ же», которой, какъ мы видѣли, Михайловскій характеризовалъ настроеніе того времени, кажется и дикой, и лишенной неотъемлемо присущихъ намъ теперь нравственныхъ элементовъ; но всякій, кто перечтетъ эту полубеллетристику Михайловскаго, признаетъ, сколько чистоты, безстрашной правдивости и силы было въ этихъ кающихся, больныхъ совѣстью, «снимателяхъ ризокъ»; признаетъ, что много было истинной красоты въ ихъ чистотѣ и безстрашіи; признаетъ, кромѣ того, все благородство и всю привлекательность души самого автора, на рѣдкость вылившейся въ этихъ очеркахъ... Михайловскій, не

*) Очеркъ написанъ въ 1876—77 гг. Подзаголовокъ его: „Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія“.

принадлежалъ къ экспансивнымъ, легко высказывающимся натурамъ. Онъ рѣдко высказывается въ положительной формѣ; лирическихъ мѣстъ у него почти нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ, въ немъ есть какая-то скупость, сдержанность, пожалуй—застѣнчивость очень гордой натуры, не желающей обнажать себя передъ читателемъ. Лирическихъ, положительныхъ мѣстъ у него меньше, чѣмъ у Щедрина, гораздо меньше, чѣмъ у Успенскаго. Такихъ мѣстъ немного даже въ юношескомъ «Что такое прогрессъ?», а позднѣе, ихъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Михайловскій предпочитаетъ полемику, критику, отрицаніе чужихъ, враждебныхъ ему взглядовъ; предпочитаетъ полемическій сарказмъ и иронію—и, скажу тутъ же, онъ съумѣлъ отточить это свое всегдашнее оружіе до необычайной остроты, выработалъ изъ себя рѣдкаго, сокрушающей силы полемиста. Но именно поэтому особенно цѣнны такія вещи, какъ «Въ перемежку». Я могу указать только на прекрасную статью «Послѣднія минуты Некрасова», да еще, до извѣстной степени, на статью о Лермонтовѣ: «Герой безвременья», какъ на такія, которыя можно поставить рядомъ съ «Въ перемежку»: и эти двѣ вещи безъ обиняковъ, непосредственно обнаруживаютъ всю нравственную привлекательность автора, «снимаютъ ризки» съ его привыкшей прятаться души...

Но все это—такъ сказать, въ скобкахъ. Мы вели рѣчь о принципѣ гармоніи, гармоническаго развитія, какъ основной идеѣ всѣхъ писаній Михайловскаго. Слѣдующія за «Что такое прогрессъ?» статьи теоретическаго характера: «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» (1869 г.), «Теорія Дарвина и общественная наука» (1870 г.) и очерки «Борьба за индивидуальность» (относящіеся къ 1878 и 1877 годамъ), продолжаютъ ту же борьбу съ органической теоріей общества, съ перенесеніемъ *объективнаго метода* естествознанія въ науку объ обществѣ, словомъ съ теоретическимъ оправданіемъ общественной дифференціаціи, съ теоретическимъ оправданіемъ того, что «стирало непосредственность» и «дробило цѣльность».

Французская дарвинистка Клемансъ Ройэ, ретиво переносящая принципы «борьбы за существованіе» изъ біологіи въ соціологію и мораль и воспѣвающая привилегіи наилучше приспособленныхъ «побѣдителей»; методическій нѣмецъ Іегеръ, со спокойной увѣренностью въ своей правотѣ проводящій тѣ же принципы; наконецъ, отечественный поборникъ іерархій г. Стронинъ—получаютъ на свои головы цѣлый дождь обличительныхъ сарказмовъ. Резюме Михайловскаго таково:

„Раздѣленіе труда и конкуренція — вотъ нравственно-политическіе столпы дарвинизма, не имъ выдуманные, не имъ впервые возведенные на степень основъ общественнаго строя и имъ только по мѣрѣ силъ укрѣпляемые. Дарвинизмъ только ярче, смѣлѣе и, да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, наглѣе настаиваетъ на послѣдовательномъ проведеніи началъ, уже дѣйствующихъ и господствующихъ въ современномъ обществѣ“ *).

Указывая, согласно Снэллю и Геккелю, что эволюція, на ряду съ *идеальными* (сложной организаціи) *типами* («синтетическими» или «пророческими» по Агассицу), сплошь и рядомъ создаетъ типы *практическіе*, хорошо

*) Т. I, стр. 291.

приспособленные къ средѣ, но упрощенные, съ атрофированными органами, Михайловскій заключаетъ:

„Человѣкъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, что и остальная природа. И въ обществѣ человѣческомъ много званныхъ, но мало избранныхъ, и здѣсь избранными сплошь и рядомъ оказываются подслѣповатые и слабокрылые; и здѣсь существуютъ типы идеальные и практическіе въ лицѣ отдѣльныхъ, недѣлимыхъ, сословій, народовъ; и здѣсь борьба, подборъ и полезныя приспособленія дѣлаютъ свое роковое дѣло. Но человѣкъ растятъ въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, желанія, цѣли. Ему нужна санкція ихъ. Въ немъ борются мысли и чувства, ища отвѣта на категорическій вопросъ: что дѣлать? Послѣдовательные представители дарвинизма отвѣчаютъ развязно: приспособляйся къ условіямъ окружающей тебя жизни, дави неприспособленныхъ, ибо изъ этого проистечетъ вящшая выгода для общества.

„Изъ предыдущаго слѣдуетъ заключить, что возможенъ совершенно противоположный отвѣтъ: приспособляй къ себѣ условія окружающей тебя жизни, не дави неприспособленныхъ, ибо въ борьбѣ, подборѣ и полезныхъ приспособленіяхъ заключается гибель и твоя и твоего общества“ *).

Въ этихъ строкахъ звучитъ очень характерная для Михайловскаго нота—нота *активности*. Вездѣ и всегда онъ ведетъ упорную борьбу съ принципомъ «приспособленія», санкціонирующимъ, на его взглядъ, status quo; вездѣ и всегда призываетъ онъ къ активному вмѣшательству въ жизнь... Этимъ духомъ активности такъ проникнуто все имъ написанное отъ раннихъ теоретическихъ статей до послѣдней публицистической замѣтки, что я бы съ удовольствіемъ замѣнилъ его терминъ «субъективный» методъ — терминомъ *активный методъ* въ соціологіи. Это было бы не менѣе научно и въ то же время—характернѣе, опредѣлительнѣе...

Но къ этому «методу» мы еще вернемся. А теперь обратимся къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ основного принципа—гармоніи. Самымъ существеннымъ изъ этихъ выводовъ надо признать идею о *типахъ* и *степеняхъ* развитія. Эта идея, если не ошибаемся, впервые высказана въ «Запискахъ профана» 1875 г. въ статьѣ «Десница и шуйца гр. Л. Толстого». Это очень важное для всей теоріи Михайловскаго различеніе. Подсказано оно, разумѣется, все той же необходимостью защищать «благообразіе крестьянской жизни», на которомъ основано было столько надеждъ; вытекало оно, разумѣется, изъ того же принципа гармоніи, осуществленіе котораго видѣли въ этомъ самомъ «благообразіи». Но указанное различеніе само по себѣ служило фундаментомъ для дальнѣйшихъ построеній и надеждъ. Вдумайтесь только, какъ много это значило заполучить въ свои руки—пріобрѣсти право утверждать, что да, молъ, пусть Европа далеко опередила насъ во всевозможныхъ частностяхъ и спеціальностяхъ, но она идетъ по «органическому типу» развитія, она можетъ только прогрессировать въ частныхъ областяхъ знанія и культуры, душа и жизнь ея раздроблены, и придутъ ли къ цѣлостному синтезу—это неизвѣстно; а у насъ низшая степень

*) Ibid., стр. 292.

развитія, но зато типъ—высшій... И эта по существу эстетико-моральная квалификація, казалось, уполномочивала на самыя радужные соціологическіе выводы.

„Напримѣръ, имѣя въ виду *степени экономическаго развитія* Англіи и Россіи, всякій долженъ будетъ отдать преимущество первой. Но это не помѣшаетъ мнѣ признать Англію низшимъ (въ экономическомъ отношеніи) *типомъ* развитія. Это различеніе типовъ и ступеней развитія весьма важно, оно могло бы, если бы постоянно имѣлось въ виду, избавить насъ отъ множества недоразумѣній и безплодныхъ пререканій. Я прошу читателя приложить его къ... утвержденію графа Толстого, что пѣсня о „Ванькѣ Ключникѣ“ и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ выше любого стихотворенія Пушкина и симфоніи Бетховена. Безъ сомнѣнія, въ „Ванькѣ Ключникѣ“ и „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ нѣтъ той тонкости и разнообразія отдѣлки, нѣтъ даже той *односторонней* глубины мысли и чувства, какими блестятъ Пушкинъ и Бетховенъ, они ниже послѣднихъ въ смыслѣ ступеней развитія, но они принадлежатъ къ высшему *типу* развитія, находящемуся пока на низкой ступени, но могущему имѣть *свой* прогрессъ. Эту *возможность* развитія, болѣе широкаго и глубокаго, чѣмъ какими вы обладаете сами, вы отнимете, если вамъ удастся подсунуть народу Пушкина и т. д.“ *).

Приведенная цитата—одноизъ самыхъ яркихъ, почти парадоксальныхъ выраженій настроенія того времени. Очень характерно, что на этомъ пунктѣ сходятся такія рѣзкія противоположности, какъ Левъ Толстой и Михайловскій, эти представители двухъ полюсовъ народничества;—сходятся, какъ въ день объявленія манифеста сошлись на одномъ чувствѣ Никитенко съ Герценомъ...

Усиліемъ воли подавивъ въ себѣ всякія возраженія соціологическаго свойства, читатель, я думаю, самъ почувствуетъ сколько соблазнительнаго было въ этомъ ученіи о типахъ и степеняхъ. Эта возможность *своего* и при томъ *положительнаго* пути прогресса, болѣе глубокаго и широкаго, чѣмъ европейскій, возможность цивилизаціи, «раздвигающей равномѣрно во всѣ стороны человѣческое недѣлимое», какъ говорится въ «Что такое прогрессъ»?—несомнѣнно представляетъ много эстетически и морально привлекательнаго и посейчасъ; а ужъ въ тѣ годы — и говорить нечего! Въ тѣ годы, когда европейскій прогрессъ разсматривался подъ угломъ зрѣнія чисто отрицательнымъ, когда въ немъ легче и охотнѣе всего усматривали «помраченіе» человѣческой личности, когда корифеи западно-европейской науки, и экономисты, и моралисты, и біологи, санкціонировали это помраченіе принципомъ національнаго богатства, отожествленіемъ привилегій съ моральнымъ превосходствомъ и пр.; когда въ противовѣсъ не оправдавшей надеждъ Европѣ, естественно вставалъ только-что освобожденный молодой народъ съ заложенными въ немъ возможностями;—тогда, несомнѣнно, это различеніе типовъ и степеней должно было казаться не находкой, а настоящимъ открытіемъ. И оно впиталось въ общественную мысль и долго еще жило въ ней, порождая безконечные, до нашихъ дней дотянувшіеся, разговоры объ общинѣ и подворномъ владѣніи, о зачаткахъ коллективизма въ земельныхъ передѣлахъ и пр. и пр.

Объяснить способы реализаціи великихъ возможностей должна была

*) Т. III, стр. 515 и сл.

теорія «борьбы за индивидуальность». Но она осталась незаконченной, ограничилась нѣсколькими очерками, которые провозглашаютъ принципъ этой борьбы единственнымъ прогрессивнымъ началомъ въ исторіи и прослѣживаютъ его проявленія отчасти въ первобытную пору докультурнаго человѣка, отчасти въ средніе вѣка. Больше всего мѣста удѣлено очень остроумной теоріи семьи и любви; послѣдняя разсматривается какъ стремленіе двухъ недѣлимыхъ, разорванныхъ процессомъ эволюціи, спеціализированныхъ въ половомъ отношеніи, къ возстановленію своего первобытнаго единства, которое существовало въ періодъ, когда наши предки, простѣйшіе организмы, не знали раздѣленія половъ... Личность, семья, родъ, общество—разсматриваются, какъ іерархія индивидуальностей; высшая, болѣе сложная индивидуальность всегда стремится подчинить себѣ и «помрачить» индивидуальность ей подчиненную. Послѣдняя можетъ или приспособляться къ этимъ требованіямъ, приспособляться къ средѣ, по аналогіи съ практическими типами въ біологіи, или бороться со средой и видоизмѣнять ее соотвѣтственно своимъ потребностямъ — гармоническаго, цѣлостнаго существованія, уподобляясь «пророческимъ», идеальнымъ типамъ. Такая борьба возможна, какъ для личности, такъ и для групповыхъ индивидуальностей, каковъ народъ по отношенію къ государству и т. д. Гнетъ высшихъ ступеней индивидуальности вызываетъ явленія «вольницы и подвижниковъ». Послѣдніе, подобно практическимъ типамъ, урѣзываютъ свое *я* до minimum'a, сокращаютъ свои потребности—это одинъ исходъ; вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный, но при этомъ реакціонный, ибо борется большей частью за старину, «ту старину, которая еще не знала всей силы раздѣленія потребности съ условіями ея удовлетворенія»... Процессъ подавленія личности обществомъ прослѣживается въ явленіяхъ неудачнаго брака, въ нравственныхъ эпидеміяхъ эпохи цеховъ и феодальныхъ замковъ и т. д. Но мы не будемъ далѣе пересказывать мыслей автора: пересказъ, даже и удачный, всегда обезцвѣчиваетъ, лишаетъ аромата, сушитъ, особенно когда дѣло идетъ о такихъ живыхъ писательскихъ дарованіяхъ, какъ Михайловскій, каждая статья котораго переполнена сопоставленіями съ современной дѣйствительностью или ученіемъ того или другого теоретика, полемическими вылазками и вообще всякими уклоненіями въ сторону и литературы и жизни. Скажемъ только, что очерки «Борьба за индивидуальность» являются все той же соціологіей съ *активнымъ* методомъ, что это сплошной призывъ къ активности, облеченной въ ризы этнологіи, біологіи, соціологіи и исторіи.

Читателю, полагаемъ, уже выяснилась теоретическая физіономія Н. К. Михайловскаго, выяснялись всѣ составныя части построеннаго имъ воздушнаго замка на каменномъ фундаментѣ. Каменный фундаментъ, реалистическая база—это *высшій типъ*, который тогда видѣли въ укладѣ народной жизни, и обусловленная имъ *возможность* миновать не желательную стадію. Средній этажъ это принципъ борьбы за индивидуальность, активное демократическое настроеніе, которымъ дышитъ каждая буква, написанная въ тѣ годы его перомъ; воздушная часть постройки, шпицъ, вѣнчающій зданіе и уходящій въ небо—идеалъ гармонически развитой, цѣлостной человѣческой личности.

Намъ надо добавить къ предыдущему только одно замѣчаніе. Всѣ требованія, всѣ построенія Михайловскаго, отправляясь отъ потребностей личности, какъ онъ ихъ понимаетъ, имѣютъ цѣлью *счастье* этой личности. Счастье можетъ дать только гармоническое развитіе, всякое помраченіе ведетъ къ страданію, къ боли. Этотъ эвдемонизмъ, или утилитаризмъ очень важная сторона въ воззрѣніяхъ Михайловскаго: она объясняетъ его отношеніе ко многимъ теченіямъ мысли и жизни, не укладывающимся въ теорію эвдемонической морали.

Характеръ и составные элементы «воздушнаго замка» опредѣляли взгляды Н. К. Михайловскаго на всѣ частные вопросы. Всѣ требованія, предъявляемыя къ наукѣ, къ искусству, вытекаютъ изъ того же принципа гармоніи и цѣлостности. Пламенную діатрибу противъ «чистаго искусства» мы находимъ уже въ «Что такое прогрессъ?»... Михайловскій всю жизнь стоялъ на той же точкѣ зрѣнія и защищалъ идейную, гражданскую теорію искусства. Каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ своимъ словомъ человѣкъ долженъ подчинять среду своимъ требованіямъ. Такова должна быть каждая буква, начертаная наукой; таково должно быть каждое слово, произнесенное поэтомъ, каждый штрихъ карандаша художника, каждая нота музыканта, еслибъ это было возможно... Эта концентрированная, напряженная гражданственность и активность характерная черта того времени. Она обусловлена не только настроеніемъ, появившихся въ эпоху 19-го февраля «кающихся дворянъ», и силою ихъ покаянія, а и той переоцѣнкой роли политики, политической организаціи, о которой мы уже упоминали; въ первые, слѣдовавшіе за актомъ 19-го февраля годы, эта переоцѣнка находила свое выраженіе въ той характерной альтернативѣ, которую мы выписали выше: «элементы, сильные *либо* властью, *либо* своей численностью»; впослѣдствіи—отъ этой альтернативы отказались, но переоцѣнка оставалась...

Такова въ общихъ чертахъ теоретическая физіономія Михайловскаго. Въ этихъ общихъ чертахъ своихъ она не измѣнялась до конца его дѣятельности, хотя, разумѣется, публицистическіе и практическіе выводы, изъ нея вытекавшіе, подъ давленіемъ исторіи претерпѣвали извѣстное измѣненіе. Это измѣненіе опредѣлялось прежде всего отказомъ отъ одного изъ представленій только что цитированной альтернативы и усложненіемъ, утонченіемъ другого; а затѣмъ—все болѣе ощутительнымъ «урѣзываніемъ» той великой возможности, допущеніе которой служило фундаментомъ всему зданію.

Закончимъ этотъ общій абрисъ Михайловскаго, какъ теоретика, его собственной характеристикой, сдѣланной имъ въ предисловіи къ послѣднему собранію его сочиненій, а затѣмъ перейдемъ къ его публицистикѣ. Нижеслѣдующая цитата не разъ приводилась въ статьяхъ о Михайловскомъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать эти прекрасныя и характерныя строки:

„Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда", я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина

и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее".

Фракцію народничества, теоретическимъ обоснователемъ и вдохновителемъ которой былъ Михайловскій, можно назвать *критическимъ* народничествомъ не только во имя критической постановки вопроса о «возможности непосредственнаго перехода къ лучшему будущему», но и въ силу того различія, которое эта фракція дѣлала между *мнѣніями* и *интересами* народа. И здѣсь мышленіе было тоже критическимъ, отношеніе гораздо болѣе культурнымъ и европейскимъ, чѣмъ у лирическихъ народниковъ. Послѣдніе готовы были, «сливаясь съ народомъ», отказаться отъ всѣхъ завоеваній европейской жизни и мысли; они учиняли нѣчто подобное тому, что, по увѣренію г. Л. Оболенскаго въ одной критической статьѣ о Достоевскомъ, учинилъ послѣдній: «Захотѣлъ вѣрить по народному, и сталъ вѣрить». Михайловскій всегда вѣрилъ *по своему* и защищалъ права личности на моральную свободу и автономность съ самыхъ первыхъ своихъ публицистическихъ статей. Полемизируя съ П. Ч., писавшимъ въ «Недѣлѣ» въ началѣ 70-ыхъ годовъ, когда она еще не успѣла сдѣлаться тѣмъ межеумочнымъ органомъ, какимъ стала впослѣдствіи, Михайловскій говорилъ: «Только сахарные Маниловы, да еще трусы и лѣнтяи, отлынивающіе отъ своихъ нравственныхъ обязанностей, могутъ ждать, что «люди деревни», вытерпѣвшіе гнетъ не однихъ Обровъ, такъ вотъ и скажутъ «надлежащее слово», даже предполагая, что они имѣютъ уже фактическую возможность его сказать»... «У мужика есть чему поучиться, но есть и намъ, что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи» *).

Такимъ образомъ онъ выдвигалъ активную роль интеллигенціи, сознательныхъ элементовъ, проникшихся лишь интересами народа, выдвигалъ ее вмѣстѣ съ другимъ теоретикомъ той же фракціи, П. Л. Лавровымъ, который и называлъ такихъ интеллигентовъ «*критически* мыслящими личностями», «сынами исторіи», въ противоположность народу—«пасынку» ея.

Отношенія между интеллигенціей и народомъ, въ моральномъ смыслѣ, опредѣлялись извѣстной формулой народничества: *уплата долга народу*. Это былъ, разумѣется, главнымъ образомъ, мотивъ кающихся дворянъ: имъ хотѣлось расплатиться за права и привилегіи, которыми они или отцы ихъ пользова-

*) „Записки профана", 1875 г., т. III, стр. 693 и 698.

лись только вчера еще... Но изумительная черта эпохи: къ этой же моральной формулѣ, къ той же *уплатѣ* присоединились и разночинцы, интеллигентные работники, выходившіе изъ среды духовенства, мѣщанства или даже крестьянства! Имъ, казалось бы, расплачиваться было не за что; на ихъ плечахъ никакихъ долговыхъ обязательствъ не лежало, сами они, напротивъ, въ дѣтствѣ несли на этихъ плечахъ гнетъ всѣхъ «высшихъ индивидуальностей» почти въ той же мѣрѣ, какъ и самъ народъ. Но такова была сила общаго энтузіазма, общаго порыва къ новымъ формамъ жизни, что и они, отрицаясь ветхаго человѣка, каялись и расплачивались вмѣстѣ съ прочими. Михайловскій такъ объясняетъ это настроеніе:

„Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій, ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ.. Мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ“ (изъ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ“ 1873 года, „Коментаріи къ „Бѣсамъ“ Достоевскаго“).

Практическое осуществленіе идеаловъ, формулированныхъ теоріей, возлагается на интеллигенцію и на народъ. Интеллигенція эта стоитъ какъ бы внѣ классовъ, ее составляютъ не принадлежащіе ни къ какой опредѣленной соціальной группѣ «кающіеся дворяне» и «разночинцы». «Каждый изъ насъ, какъ свѣдущій работникъ, приспособился къ извѣстной профессіи и болѣе или менѣе сжатъ тисками всепоглощающей высшей индивидуальности—общества». Служа своей спеціальности, научной ли, технической ли, интеллигентъ работаетъ не для себя, не для своей личности: «все это заберетъ въ свои руки высшая индивидуальность; всѣмъ этимъ воспользуется въ безпощадной борьбѣ съ нами же и изуродуетъ самихъ людей науки». У этой интеллигенціи нѣтъ иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ личности. Изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что въ *высшемъ типѣ*, который представляетъ собою укладъ деревенской жизни, заложены возможности именно гармоническаго развитія, равномѣрнаго расширенія во всѣ стороны человѣческой личности. Отсюда слѣдуетъ, что интересы народа и интересы личности—тожественны. А это даетъ Михайловскому право опредѣлять народъ такъ: «совокупность трудящихся классовъ общества», и вездѣ подставлять вмѣсто интересовъ личности интересы труда. «Если, такимъ образомъ, все зданіе правды должно быть построено на личности,—говоритъ онъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» (1877 г.),—то, какъ уже сказано, конкретные политическіе вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой сѣти за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто интересовъ личности, вы поставите интересы народа или, точнѣе, труда». «Народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, есть совокупность трудящихся классовъ общества. Служить народу значитъ

работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите»...

Въ другомъ мѣстѣ «Записокъ профана» Михайловскій говоритъ, что «народъ (народъ уже не въ «настоящемъ»,а въ обычномъ смыслѣ слова,—крестьянство) никогда не былъ сословіемъ. Онъ платилъ подати и періодически выдѣлялъ изъ себя единицы для пополненія рядовъ арміи; но никакой дальнѣйшей спеціализаціи въ пользу высшей индивидуальности онъ не подлежалъ, никакой корпораціи не составлялъ и профессіальному образованію не подвергался. Онъ всегда «самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ», тогда какъ система сословій въ томъ именно и состоитъ, что потребности однихъ удовлетворяются другими»...

Эти приведенныя мною параллельно цитаты хорошо объясняютъ, на мой взглядъ, изъ какихъ побужденій Михайловскій отожествлялъ понятіе народа съ понятіемъ личности. Остановился я такъ подробно на этомъ пунктѣ потому, между прочимъ, что нѣкоторые критики, какъ г. Бердяевъ, которому принадлежитъ большая и очень интересная работа о Михайловскомъ, отказываются понять это отожествленіе. Для меня оно, во-первыхъ, совершенно понятно, какъ, надѣемся, понятно изъ вышеизложеннаго и читателю, а во-вторыхъ, для меня очевидно, что въ этомъ отожествленіи было много заманчиваго для интеллигентовъ-народниковъ... Оно было какъ бы логическимъ хожденіемъ въ народъ, логическимъ сліяніемъ съ нимъ. И произошло это теоретическое сліяніе какъ разъ въ то время, когда внѣшнія препятствія къ практическому осуществленію этой задачи уже выросли въ громадной степени. Въ публицистикѣ Михайловскаго все сильнѣе звучитъ новая струна, струна настоящей гражданской проповѣди. Одно то обстоятельство, что «критически мыслящей личности» въ цитированныхъ статьяхъ Н. К. Михайлввскаго отводится такая видная практическая роль въ жизни, уже доказываетъ, что къ этому времени, къ серединѣ семидесятыхъ годовъ, приведенная выше альтернатива съ двумя *либо* была предана окончательному забвенію.

Къ тому же должно было повести и происходившее у него на глазахъ «урѣзываніе» той великой возможности, въ которую народники клали всю душу. Еще въ 1878 году Н. К. Михайловскій писалъ:

„Пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, коимъ слѣдуетъ наше отечество, отъ тѣхъ, по которымъ шла и идетъ Европа. Еще есть, конечно, до извѣстной степени возможность позаимствовать у историческаго опыта Европы все хорошее и избѣжать дурного. Но для этого нужны энергическія усилія, а не безсмысленное закрываніе глазъ на то, что кругомъ насъ творится... У насъ сплошь и рядомъ можно услышать утѣшительные разговоры насчетъ того, что мы, такъ сказать, не отъ міра сего, объ наживѣ не думаемъ, а потому и буржуазіи вырастить изъ себя не можемъ. Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглагольствуютъ, сборная команда купцовъ, помѣщиковъ-предпринимателей и кулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нашъ отечественный солтыкъ и притомъ пока не [illegible]кнутую еще корпоративнымъ духомъ“ („Литературныя замѣтки“ 1878 [illegible]тяхъ Писемскаго“).

А черезъ два года говоря о «Дневникѣ писателя» Достоевскаго въ той же главѣ «Литературныхъ замѣтокъ», изъ которой мы сдѣлали выше цитату съ альтернативой, онъ вспоминаетъ объ этой альтернативѣ, какъ о давно изжитомъ и отвергнутомъ представленіи и даетъ слѣдующую характеристику переживаемаго момента—момента сосредоточеннаго напряженія и трагическихъ предчувствій. «Сборная команда» увеличивается еще однимъ членомъ:

„...та теоретическая возможность, въ которую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ, порознь или вмѣстѣ дѣйствующихъ, и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ“ рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться» *).

Великія надежды на великую возможность уже таяли. Эту возможность готовы были признать иллюзіей. Это былъ тотъ моментъ, когда интеллигенція взваливала на свои рамена всю тяжесть исторической работы, тотъ моментъ за которымъ вскорѣ послѣдовалъ періодъ уже окончательнаго душевнаго мрака, періодъ «героизма отчаянія», какъ охарактеризовалъ поэзію Матвѣя Рамшева одинъ критикъ, а затѣмъ—мертвая полоса 80-ыхъ годовъ. Мы привели эти цитаты, чтобы языкомъ самого Михайловскаго и языкомъ того времени, драматически такъ сказать, представить читателю эволюцію идей и настроенія, какъ самого Михайловскаго, такъ и передовой части нашей интеллигенціи—это синонимы, впрочемъ, ибо всегда онъ былъ во главѣ этой интеллигенціи, всегда являлся истолкователемъ и вдохновителемъ ея.

Мы далеки отъ мысли, что представили характеристику всей публицистики Михайловскаго за этотъ періодъ. Это была бы очень не легкая задача, да мы ею и не задавались: намъ хотѣлось только указать на измѣненія въ основныхъ мотивахъ этой публицистики. Какъ въ первый періодъ, въ періодъ надеждъ на «минованіе средней стадіи», онъ, главнымъ образомъ, направлялъ свои острыя стрѣлы по адресу разныхъ апологетовъ нарождающагося капитализма, отечественныхъ въ родѣ гг. Скальковскаго, гр. Орлова-Давыдова, и иностранныхъ мыслителей буржуазнаго типа, санціонкирующихъ всѣ прелести капиталистическаго строя; такъ по мѣрѣ приближенія къ 80-ымъ годамъ его вниманіе все больше сосредоточивается на новомъ членѣ «сборной команды», на параграфахъ естественнаго права.

Критики Михайловскаго упрекаютъ его въ аполитичности его теорій и публицистики. Этотъ упрекъ, несомнѣнно, основанъ на недоразумѣніи. Во-первыхъ, обвинители могли бы дѣлать этотъ упрекъ, принимая во вниманіе

*) Т. IV. стр. 957.

только произведенія первой полосы дѣятельности Михайловскаго, относящіяся къ эпохѣ великихъ надеждъ на великія возможности и признанія альтернативы съ двумя *либо*; во-вторыхъ, даже и здѣсь ошибочно, на мой взглядъ, чинить нравственный судъ и съ высоты «объективныхъ» принциповъ абсолютной морали, предавать анаѳемѣ «отказъ отъ элементарныхъ параграфовъ, естественнаго права». Несомнѣнно, что надежды критическихъ народниковъ рисовали имъ лучшее будущее, непосредственный переходъ къ которому признавался возможнымъ, въ видѣ реализаціи, между прочимъ, и этихъ параграфовъ. Это только не было очереднымъ вопросомъ и отказывались отъ этихъ параграфовъ какъ бы во имя ихъ же. Такъ что, вопреки строгому приговору г. П. Струве и г. Бердяева, я считаю эту фракцію народничества повинной лишь въ ошибкахъ соціологическаго и историческаго, а отнюдь не моральнаго сужденія. Курьезно, что во время ожесточенной полемики съ марксистами въ 90-ыхъ годахъ, самъ Михайловскій и его единомышленники кидали своимъ противникамъ буквально тотъ же упрекъ: они тоже инкриминировали чрезмѣрное увлеченіе экономизмомъ въ ущербъ параграфамъ естественнаго права... Мы, впрочемъ, подобно Михайловскому, чужды абсолютовъ и объективныхъ принциповъ морали. Я тоже «релятивистъ» и полагаю, что абсолютные принципы признавались и раньше нашихъ современныхъ «идеалистовъ», что у нихъ были предшественники на этомъ поприщѣ, но при этомъ иная историческая обстановка наполняла эти принципы совершенно не тѣмъ содержаніемъ, до котораго додумались они, современные идеалисты. Поэтому вполнѣ присоединяясь къ содержанію ихъ принциповъ, я однако нахожу, что въ строгомъ приговорѣ надъ народничествомъ 70-хъ годовъ они погрѣшили сами—отсутствіемъ исторической точки зрѣнія, неумѣніемъ перенестись въ психологію того времени.

А психологія того времени опредѣлялась не только надеждами на великую «русскую» возможность; ясность соціологическаго мышленія затемнялась не только живыми, страстными мечтами о развитіи кажущагося благообразія народной жизни до ослѣпительнаго совершенства и міровой гармоніи; тутъ дѣйствовалъ еще специфическій взглядъ на Европу, пессимистическая оцѣнка ея жизненнаго уклада, оцѣнка, которую, на первый взглядъ, оправдывала капризная, то и дѣло перемежающаяся паденіями, кривая европейскаго хода развитія. Началу критическаго народничества, подобно началу нашего народничества вообще, совпало съ моментомъ сильнаго паденія этой кривой. Надо замѣтить, что взоры русскихъ людей обращались преимущественно къ Франціи, этой странѣ бурныхъ реформъ, этой странѣ съ наиболѣе драматическимъ ходомъ исторіи изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Интересъ и вниманіе довольно понятные со стороны нетерпѣливыхъ молодыхъ душъ... Вспомните чудесныя страницы Щедрина, въ «За рубежомъ», объ этой Франціи, воплощавшей всѣ надежды его молодости и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказавшейся Франціей Макмагоновъ, Тьеровъ и т. п. поборниковъ «свободы». Это было какъ бы второе крещеніе, полученное нашимъ народничествомъ отъ Запада. Первое было въ дни Герцена, второе въ 70-ые годы. Въ оба раза въ купели оказалась довольно студеная вода, и ребенокъ остался недовольнымъ. Прибавьте къ этому, что передовые мыслители Европы, какъ Марксъ, занимались усиленной критикой, усиленнымъ обнаруженіемъ всѣхъ язвъ капиталистическаго строя.

Сочувственныя выписки изъ Маркса о калѣченіи, которому подвергается личность пролетарія, мы находимъ у Михайловскаго уже въ 1872 году («Дарвинизмъ и общественная наука»). Легко понять, почему русская передовая мысль цѣликомъ сосредоточилась на отрицательныхъ сторонахъ капиталистическаго строя, и не видѣла сторонъ положительныхъ, творческихъ. Это была не слѣпота. Слѣпотой можно бы назвать противоположный образъ мыслей, образъ мыслей тогдашнихъ отечественныхъ либераловъ. Вѣдь и Марксъ говорилъ, что капиталистическій строй въ первоначальной своей стадіи обнаруживаетъ только отрицательныя стороны. Нравственная слѣпота господъ либераловъ позволяла имъ не видѣть этого и видѣть положительныя стороны, шедшія навстрѣчу ихъ классовымъ вожделѣніямъ. Не могу не припомнить, по этому случаю, то курьезное полемическое увлеченіе, которое побудило г. П. Струве воспѣть въ одной замѣткѣ прозорливость Боткина, уже въ 40-хъ годахъ умѣвшаго усмотрѣть положительныя стороны буржуазнаго строя. Правда, это было написано въ самый разгаръ полемики; правда, одной изъ главныхъ задачъ того времени было указать именно на культурную и прогрессивную въ соціальномъ смыслѣ роль капитализма. Но воспѣвать Боткина было все-таки совершенно не за что: вѣдь его прозорливость достигалась безусловно приложеніемъ «субъективнаго метода» къ соціологіи. Достаточно было прочесть воспоминанія о немъ Фета, гдѣ Боткинъ рисуется необычайнымъ и универсальнымъ гурманомъ, находившимъ эстетическое наслажденіе не только въ ѣдѣ и процессѣ пищеваренія, но даже въ послѣдней стадіи этого процесса...

Слѣдующая цитата хорошо уяснитъ читателю то отношеніе народничества къ его теоретической колыбели, которое привело его къ ошибкамъ соціологическаго сужденія:

„Добросовѣстный и менѣе предубѣжденный, чѣмъ г-жа Ройе, критикъ замѣтилъ бы, что Руссо желаетъ собственно возвращенія не къ первобытной жизни, а только такъ сказать, къ ея пропорціямъ, причемъ требуется не отреченіе отъ науки, техническихъ открытій и усовершенствованій, нравственныхъ идей, пріобрѣтенныхъ цивилизаціей, а только извѣстное ихъ направленіе. Преслѣдуя науку, Руссо не отрицалъ ее самое, а только требовалъ, чтобы она исполняла свою службу человѣчеству, какъ служатъ дикарю его скудныя знанія. Когда Руссо сѣтовалъ, что у насъ есть физики и геометры, а нѣтъ гражданъ, онъ желалъ не исчезновенія физиковъ и геометровъ, а обращенія ихъ въ гражданъ. Этого-то требованія возвращенія къ пропорціямъ прошедшаго г-жа Ройе и не понимаетъ, хотя стоитъ очень близко къ ключу загадки"... „Но если г-жа Ройе такъ не любитъ равенства, то взамѣнъ того она очень любитъ свободу...

„У дверей кафе сидитъ нѣсколько франтовъ. Мимо проѣзжаетъ извозчикъ.

„— Извозчикъ, вы свободны?—спрашиваетъ одинъ изъ франтовъ.

„— Свободенъ.

„— Ну, такъ кричите: да здравствуетъ свобода!

„Эту остроту я вычиталъ нынче лѣтомъ, помнится, въ Шаривари. Едва ли самъ Шаривари понималъ всю ея глубину. А она дѣйствительно глубока, и канва для нея выхвачена изъ юмора самой исторіи, самой жизни. Я знаю только одну столь же глубоко юмористическую канву,—это судьба слова и понятія „пролетарій", что въ буквальномъ смыслѣ значитъ способный къ дѣторожденію, дѣтопроизводитель. Весь споръ соціалистовъ и либераловъ вертится около этихъ двухъ каламбуровъ исторіи. Свободный извозчикъ и дѣтопроизво-

дитель! Кричи: да здравствуетъ свобода! и не производи дѣтей,—таковъ лозунгъ либерализма. Ваша свобода душитъ свободнаго извозчика, возражаютъ либераламъ; онъ проситъ, чтобы его освободили отъ этой свободы, освободить же его можетъ только государство.—Караулъ!—кричатъ либералы. Правительственное вмѣшательство! Нарушеніе святого и плодотворнаго принципа свободы! Правительства! Не слушайте этихъ бредней и во имя святого и плодотворнаго принципа свободы запретите дѣтопроизводителямъ производить дѣтей!

„Свобода!—великое, громкое слово, тысячи разъ кровавыми буквами записанное на скрижаляхъ исторіи и въ сознаніи людей; прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадаетъ его хитрыхъ загадокъ. Кто не игралъ этимъ словомъ отъ мудраго Платона до новорожденныхъ русскихъ либераловъ; кто не выворачивалъ его на всѣ лады и не предлагалъ свободному извозчику кричать: да здравствуетъ свобода! Не провозгласилъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV теорію „свободныхъ народовъ и свободныхъ королей“; не провозглашаютъ ли русскіе либералы свободу отъ земли, не правъ ли публицистъ, утверждавшій, что для многихъ тысячъ людей laissez passer значитъ laissez mourir, и мало ли людей желающихъ освободиться отъ свободы?..“ *).

Начиная со второй половины 80-хъ годовъ, народничество переживаетъ тяжелый періодъ полнаго разочарованія. Оно уперлось въ глухую стѣну. Отъ былыхъ надеждъ на осуществленіе великихъ возможностей не оставалось и слѣда. «О наличности какой нибудь общественной задачи, которая соединила бы въ себѣ грандіозность замысла съ общепризнанной возможностью немедленнаго исполненія, нечего въ наше время и говорить,—писалъ Н. К. Михайловскій въ 91 г., въ статьѣ о Шелгуновѣ,—нѣтъ такой задачи, но нѣтъ и гораздо меньшаго... новые таланты... немедленно получаютъ отпечатокъ тусклости и безразличія. Это-то, можетъ быть и неизбѣжное, но, во всякомъ случаѣ, печальное положеніе вещей «новое литературное поколѣніе» возводитъ въ принципъ. Придавленное, пригнетенное фактомъ, оно безсильно противопоставить ему идею. Оно косится на всякія сколько-нибудь широкіе идеалы и рѣшительно отрицаетъ «героизмъ». Оно желаетъ «реабилитировать дѣйствительность» и съ этою цѣлью ищетъ въ ней «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній». Оно не способно расцѣнивать явленія жизни по ихъ нравственно-политическому значенію и эту свою неспособность возводитъ въ принципъ...» Вы чувствуете, читатель, какимъ душевнымъ мракомъ вѣетъ отъ этихъ усталыхъ, скрѣпя сердце написанныхъ строкъ? Вы видите, что грандіозная, кровавая драма пережита, что занавѣсъ опустился и что пережившій ее душою зритель сидитъ передъ этимъ опущеннымъ занавѣсомъ и, какъ бы въ оцѣпѣненіи, не знаетъ, какъ очнуться, вставать ли съ своего мѣста и куда направить свои шаги... Какъ это не похоже на смѣлыя, боевого пыла исполненныя писанія Михайловскаго прежнихъ лѣтъ. Какую неизгладимую, глубокую морщину провело въ его душѣ крушеніе былыхъ надеждъ и возможностей! Съ этого времени, т.-е. съ середины 80-хъ годовъ Михайловскій пишетъ рядъ критическихъ и публицистическихъ очерковъ, анализирующихъ явленія современной «Литературы и жизни», главнымъ образомъ, впрочемъ, литературы. Всѣ оцѣнки, всѣ опредѣленія дѣлаются съ той же общей точки зрѣнія, какая создалась въ годы надеждъ; тѣ же требованія «сконцен-

*) Т [illegible] 38 и сл. „Теорія Дарвина и телеологія“, 1870 г.

трированной гражданственности», какъ мы ее назвали, тотъ же принципъ гармоніи, прилагаются, какъ мѣрило всѣхъ разбираемыхъ явленій. Но уже прежняго воодушевленія и силы нѣтъ; всегда чувствуется, что реальная почва ушла изъ-подъ ногъ публициста, что и самъ онъ если не «безсиленъ», противопоставить факту идею, то все же воистину «придавленъ, пригнетенъ» этимъ фактомъ. Полагаю, что пережитая имъ историческая трагедія, въ которой онъ былъ, къ тому же не зрителемъ только, а и дѣйствующимъ лицомъ, по меньшей мѣрѣ объясняетъ это настроеніе. Да и дѣйствительность окружающая не могла ничѣмъ пособить ему, не могла привлечь его сочувствующій взоръ никакими явленіями, сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ и сколько-нибудь отвѣчавшими его повышеннымъ, въ школѣ весенняго общественнаго идеализма воспитаннымъ требованіямъ. Это была пора «малыхъ, конкретныхъ» дѣлъ, казавшихся такими элементарными, такими ничтожными въ только что истекшую эпоху; это была пора, когда народничество отрѣшалось отъ всякихъ соціальныхъ элементовъ, уходило въ работу чисто индивидуалистическаго самосовершенствованія, доводило идею сліянія съ народомъ, носившую въ себѣ прежде столько соціальнаго энтузіазма, до толстовскаго «опрощенія», этой послѣдней логической стадіи дворянскаго покаянія; а если вѣрить А. Чехову («Моя жизнь»), опростительство заходило даже дальше: даже покаянія никакого не содержало въ себѣ, а просто было опростительствомъ an und für sich, способомъ уйти отъ скуки и сутолоки культурной жизни. Въ то же время появилось декадентство въ его болѣзненныхъ проявленіяхъ, всплыли всевозможные гг. Волынскіе, Минскіе, а за ними Мережковскіе и т. д. Все это были проявленія не смерти, а лишь остановки,—глубокаго перелома, совершавшагося въ интеллигенскомъ мышленіи; все это была лишь сыпь на младенцѣ, свидѣтельствующая о раздражимости его кожи, а вовсе не объ отсутствіи роста или о дѣйствительной внутренней болѣзни. Все это была, несомнѣнно, одна внѣшность, одна поверхность, подъ которой рождалось и набиралось жизненныхъ соковъ новое міросозерцаніе, новое общественное направленіе, новый утопизмъ, если хотите. Но, разумѣется, для Михайловскаго это были только болѣзненныя явленія; а уродливость формъ, въ какихъ это все у насъ дѣлалось, вся эта до наивности подражательная, кувыркающаяся по западно европейскимъ шаблонамъ, бальмонтовщина и мережковщина уполномочивали упорнаго поклонника цѣльности, гармоничности и концентрированной гражданственности считать все это симптомами общественнаго разложенія. И надо удивляться терпѣнію и упорству Михайловскаго-критика, надо оцѣнить ту вѣчную, неослабѣвающую энергію и живучесть таланта, которыя онъ проявилъ въ борьбѣ со всѣми этими явленіями. Какой скучной, какой убійственно-утомительной должна была казаться ему эта новая работа, эта возня съ патологическими мелочами жизни, послѣ тѣхъ грандіозныхъ перспективъ, какія онъ раскрывалъ передъ читателемъ своими статьями въ началѣ 70-ыхъ годовъ, послѣ тѣхъ горячихъ призывовъ къ переустройству жизни, которыми полна его публицистика второй половины того же десятилѣтія! Мы не будемъ останавливаться ни на критикѣ, ни на публицистикѣ его, относящейся къ этимъ мертвымъ годамъ. Она у всѣхъ на памяти (не знакомые съ ней легко могутъ доставить себѣ большое удовольствіе—

перечитать эти статьи въ его собраніи сочиненій и въ 2-хъ томахъ «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты»); а затѣмъ, для нашей задачи состоящей, главнымъ образомъ, въ психологической характеристикѣ покойнаго писателя, достаточно и сказаннаго. Онъ нигдѣ не измѣняетъ своимъ старымъ принципамъ: ведетъ все ту же полемику съ «чистымъ искусствомъ», со всѣмъ, что противорѣчитъ его демократическимъ принципамъ, его основной идеѣ о личности, какъ центрѣ всѣхъ помышленій и всей дѣятельности человѣка. Но всѣ эти общіе принципы не облекаются въ какую-нибудь ясно очерченную общественную теорію. Отчасти, конечно, виноваты въ этомъ все тѣ же «независящія обстоятельства»; но надо признать и другую причину: «каменный фундаментъ» 70-хъ годовъ не лежитъ въ основаніи всѣхъ этихъ принциповъ и практическихъ выводовъ изъ нихъ, которые для Михайловскаго-то остаются, какъ были, безъ перемѣны; все это уже лишено окраски того соціальнаго утопизма, который придавалъ такую привлекательность и живительную силу «Отечественнымъ Запискамъ»; все это пріобрѣтаетъ неопредѣленность общедемократическаго направленія, и редактируемое съ 1892 г. Н. К. Михайловскимъ «Русское Богатство», въ глазахъ многихъ и многихъ, является только лѣвымъ флангомъ направленія «Вѣстника Европы».

Я забылъ упомянуть, что мертвые 80-ые годы легли особенной тяжестью на Михайловскаго, въ силу утраты «Отечественныхъ Записокъ», закрытыхъ въ 84-мъ году, и еще въ силу личныхъ потерь: въ концѣ 80-хъ годовъ умираютъ его соредакторы по «Отечественнымъ Запискамъ» Елисѣевъ и Салтыковъ и заболѣваетъ неизлѣчимой психической болѣзнью самый близкій ему по духу человѣкъ Г. И. Успенскій.

Чѣмъ были для своего времени «Отечественныя Записки»—это современному читателю трудно себѣ и представить. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ людей, пережившихъ тѣ годы, что каждая книжка ожидалась, какъ событіе, каждая страница читалась, какъ евангеліе. Журналъ былъ истиннымъ органомъ передовой группы тогдашняго общества, былъ полонъ той руководящей публицистики, которой такъ жаждали, которая такъ вдохновляла на дѣло, такъ уясняла жизнь. Незачѣмъ и говорить, что по своему значенію «Русское Богатство», да и ни одинъ иной современной журналъ, не могутъ быть поставлены рядомъ съ органомъ критическаго народничества. Причинъ этому много, и дѣло тутъ не въ отсутствіи только талантовъ, подобныхъ Салтыкову, Успенскому. Жизнь усложнилась и «раздробилась», какъ любилъ выражаться Михайловскій, до такой степени, что даже передовыя ея теченія не направляются по одному руслу, не могутъ, я готовъ сказать, не должны слиться въ одно русло. Поэтому руководительство, подобное руководительству «Отечественныхъ Записокъ», совершенно немыслимо. Литература становится только *совѣщательнымъ* органомъ... И партій стало больше, да и литераторъ уже не является предводителемъ партіи, онъ лишь *мыслитель*, обладающій умѣніемъ письменно высказываться. Въ средѣ зрѣлаго, развитого общества найдутся, разумѣется, люди, не хуже его,—а то и гораздо лучше—разбирающіеся въ общественныхъ дѣлахъ, во всѣхъ вопросахъ жизни. Вотъ почему теперь невозможна, да и не желательна на мой взглядъ, роль литературнаго руководителя жизни для жур-

нала, роль «властителя думъ», «учителя жизни» для литератора. Отсутствіе такихъ органовъ - руководителей и учителей жизни есть признакъ не упадка литературы, а роста общественности, развитія и углубленія общественной мысли.

Но несомнѣнно, что и въ послѣдніе годы Н. К. Михайловскій стоялъ «на славномъ посту». Это былъ нѣсколько иной постъ, чѣмъ тотъ, который онъ занималъ въ 70-ые годы. Благодаря своему огромному таланту и неутомимой энергіи своей демократической мысли, онъ естественно сталъ во главѣ всего прогрессивно настроеннаго общества. И тотъ энтузіазмъ, съ которымъ чествовалось 40-лѣтіе его литературной дѣятельности въ 1900 году, свидѣтельствовалъ не только о приподнятомъ общественномъ настроеніи, а и о томъ, что славная фигура сѣдого борца 70-хъ годовъ и въ новое время являлась символомъ, олицетворяющимъ лучшія стремленія, нашего общества, что Михайловскій былъ какъ бы естественнымъ лидеромъ всей широкой, вмѣщающей массу различныхъ оттѣнковъ, пробивающей себѣ дорогу впередъ общественной мысли...

Мы не входили до сихъ поръ въ оцѣнку теоретическихъ взглядовъ Н. К. Михайловскаго по существу, мы даже намѣренно избѣгали этого, желая представить читателю, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, эволюцію собственныхъ взглядовъ публициста-семидесятника въ связи съ эволюціей нашей дѣйствительности. Вотъ почему мы и не касались до сихъ поръ его отношенія къ передовому теченію, которое наложило свою печать на 90-ые годы и съ тѣхъ поръ, усложняясь и наполняясь новымъ этико-философскимъ содержаніемъ, но оставаясь вѣрнымъ своимъ соціологическимъ построеніямъ, продолжаетъ, на нашъ взглядъ, оставаться самымъ прогрессивнымъ направленіемъ нашей общественной мысли. По той же причинѣ не упомянули мы и объ взглядахъ его на Ницше и на все, что отъ Ницше, на всѣ тѣ, новые элементы, которые влились за послѣдніе годы въ этико - философское содержаніе марксизма. Упоминаніе объ этомъ привело бы насъ неизбѣжно къ оцѣнкѣ по существу, къ возраженіямъ и критикѣ, а мы намѣренно избѣгали ихъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и на эту тему. Подробно останавливаться на ней мы, однако, не будемъ. Критика субъективнаго метода и соціологической теоріи Михайловскаго, и очень обстоятельная критика, дана еще въ 1901 году въ книгѣ г. Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» и въ предисловіи къ ней г. П. Струве. Я совершенно не раздѣляю метафизическихъ воззрѣній обоихъ авторовъ; мнѣ совершенно чужда точка зрѣнія «объективнаго нравственнаго міропорядка, объективной истины и объективнаго добра», и вообще все это проектированіе нашихъ глубоко субъективныхъ, «человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ», говоря языкомъ Ницше, представленій на внѣшній, объективный міръ. Но моральное содержаніе ихъ идеализма, по моему, является, почти безъ оговорокъ, тѣми высшими общественными и нравственными требованіями, къ какимъ пришла, и могла только придти, современная мысль. А съ другой стороны подъ ихъ критикой народнической соціологіи я готовъ подписаться почти безъ оговорокъ. Вѣрно, какъ указываетъ г. Бердяевъ, что соціологіи-то именно въ воззрѣніяхъ Михайловскаго почти

зываетъ г. Бердяевъ, что соціологіи-то именно въ воззрѣніяхъ Михайловскаго почти и не было *). Вѣрно, что для Михайловскаго въ «Что такое прогрессъ?»—прогресса-какъ бы не существовало до самаго времени появленія въ исторіи самого Михайловскаго. (Эта полемическая фраза примѣнима, впрочемъ, къ любому утописту, къ Фурье, къ Сенсимону, а Михайловскій былъ именно соціальнымъ утопистомъ). Совершенно правильно также замѣчаніе, что «Борьба за индивидуальность», какъ ее понималъ Михайловскій, не есть соціологическое явленіе, а только моральное: въ соціальномъ смыслѣ борется не личность съ обществомъ, а только одна общественная группа съ другой. Наконецъ, справедливо также, что имѣетъ шансы на осуществленіе въ жизни своихъ идеаловъ только такая теорія, которая опирается на какой-нибудь прогрессивный элементъ общества; а теорія народничества, признавъ такимъ элементомъ крестьянство, была тѣмъ самымъ обречена на неудачу. Все это вѣрно. Но все это относится къ той части теорій Михайловскаго, которая соотвѣтствуетъ «субъективной политикѣ» Конта, къ той части, которая сливаетъ «правду-истину» съ «правдой-справедливостью» и намѣчаетъ пути для практики жизни. Въ теоріи о трехъ періодахъ развитія, какъ мы старались подчеркнуть, достаточно ясно выступаетъ мысль о зависимости человѣческаго міросозерцанія отъ уклада жизни и именно отъ формъ кооперації. Идея—чисто соціологическая и очень близкая къ соціологіи марксизма. Вліяніе общественнаго положенія, принадлежности къ тому или иному классу, на наши воззрѣнія прослѣживается Михайловскимъ такъ тщательно, какъ до него никто у насъ не дѣлалъ. Это—также отъ соціологіи. Что же касается практической части, то здѣсь соціологія, дѣйствительно, уступаетъ мѣсто морали и публицистикѣ. Активная программа почти не ищетъ себѣ опоры ни въ чемъ, кромѣ субъективизма. Но не надо забывать, что въ тѣ годы, когда Михайловскій создавалъ свою теорію, прогрессивныхъ элементовъ общества, въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ это слово теперь, вовсе не было; что демократу-идеалисту не на кого было опираться въ своихъ построеніяхъ, кромѣ «мелкаго собственника», «мелкаго буржуа» крестьянина.

Открыто выдвигаемый имъ «субъективный методъ» въ соціологіи можно бы, съ нашей точки зрѣнія, счесть проявленіемъ огромной «интеллектуальной честности»: Михайловскій какъ бы самъ сознавалъ и заявлялъ, что объективныхъ данныхъ для активныхъ выводовъ изъ его теорій—не было. Активность въ томъ духѣ, какой онъ только и могъ признавать, въ духѣ непосредственнаго служенія человѣческой личности, могла быть куплена только цѣною субъективнаго метода. Вотъ почему мы и предлагали выше назвать его активнымъ методомъ. Само собою разумѣется, что Михайловскій-то смотрѣлъ не по нашему: отождествивъ субъективное, въ психологическомъ смыслѣ слова, съ субъективнымъ, въ

*) Совершенно несправедливо однако утвержденіе г. Бердяева, что Михайловскій, отрицая „органическую“ теорію общества съ ея аналогіями, самъ тѣмъ не менѣе обосновывалъ свои взгляды такими же аналогіями съ организмомъ. У него это не обоснованіе, а лишь сравненія, образы. Единственное мѣсто, оправдывающее замѣчаніе г. Бердяева,—теорія семьи и любви въ „Борьбѣ за индивидуальность“, трактуетъ о фактѣ, стоящемъ какъ разъ на границѣ между біологіей и соціологіей.

смыслѣ телеологическомъ и моральномъ, онъ видѣлъ въ провозглашенномъ имъ методѣ—методъ научный.

Болѣе чѣмъ понятно, что Михайловскій не могъ приблизиться къ нашей точкѣ зрѣнія до конца своей дѣятельности. Интересы крестьянства, аграрный вопросъ, издавна стояли для него на первомъ планѣ; вниманіе къ этому вопросу, несомнѣнно, опредѣляетъ и физіономію и значеніе «Р. Б.». Для марксизма культурный и соціологическій приматъ города — основная истина, а аграрный вопросъ всегда стоялъ на второмъ планѣ. Затѣмъ, слишкомъ чуждъ былъ Михайловскому этотъ многострадальный, медленный путь развитія, который проходитъ Европа и на который вступили и мы; слишкомъ далекъ онъ былъ, со своимъ влеченіемъ къ гармоничности, отъ всѣхъ раздѣленій, которыя вноситъ въ жизнь этотъ путь, отъ представленія, что эта диференціація общества, приводя, съ одной стороны, къ однородности личности, одновременно съ тѣмъ медленно, но неуклонно создаетъ и разнородность и цѣлостность ея, не только по той причинѣ, что человѣкъ, по словамъ Зиммеля, есть существо *разностное* (Differenzwesen), и всѣ общественные контрасты обогащаютъ его психику совершенно недоступными, при иныхъ условіяхъ, чувствами и представленіями; а и потому еще, что этотъ процессъ сопровождается измѣненіемъ гражданской структуры общества, что личность привлекается къ участію въ такихъ общественныхъ интересахъ, получаетъ такую массу общечеловѣческихъ свойствъ и атрибутовъ, которые, вѣроятно, совершенно отсутствовали бы, если бы «раздѣленіе труда» не «одолѣло», еслибъ «восторжествовалъ принципъ простого сотрудничества, еслибъ цивилизація раздвигала именно этимъ видомъ кооперації личное существованіе равномѣрно во всѣ стороны» и т. д. Вы помните, что Михайловскій, дѣлая это предположеніе, останавливается на многоточіи, а затѣмъ пишетъ: «я не знаю, что бы тогда было», но, очевидно, ему рисуется нѣчто лучезарно-прекрасное. Мы можемъ ему отвѣтить, что *тогда*, пожалуй, ничего хорошаго бы не было, и жизнь стояла бы на своемъ мѣстѣ, и цивилизація ничуть не «раздвинула бы» личное существованіе *).

Мы не видимъ особенной опасности въ томъ, что науки, искусства и даже отдѣльныя вѣтви искусства, дифференцируются и спеціализируются, каждая въ своей области. Это даетъ возможность придавать имъ «одностороннюю глубину», какъ выразился Михайловскій въ приведенной выше цитатѣ о симфоніяхъ Бетховена и стихахъ Пушкина. Жизнь съумѣетъ свести, да сводитъ часто уже и теперь, всѣ эти односторонности къ необходимому синтезу; а вотъ возможно ли было бы иначе достичь нужной *глубины*, это вопросъ, на

*) Оцѣнивая диференціацію не такъ односторонне, какъ Михайловскій, мы видимъ въ раздѣленіи труда одно изъ основныхъ условій роста производительныхъ силъ человѣка; вмѣстѣ съ усовершенствованіями техники и обобществленіемъ производства именно оно позволяетъ намъ надѣяться на огромную *экономію* въ затратѣ энергіи, расходуемой на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Эта экономія освободитъ въ будущемъ много силъ и много времени, а эти силы и это время можно будетъ употребить на болѣе высокія цѣли, на удовлетвореніе высшихъ потребностей духа. По этому въ противоположность принципу народниковъ, принципу „трудовой нравственности“, принципу права на трудъ, мы выдвигаемъ принципъ *„права на лѣность“*.

который мы отвѣчаемъ отрицательно, ибо не можемъ обосновать утвердительнаго отвѣта на него ни одной ссылкой фактическаго характера. Но теорія «чистаго искусства», напримѣръ, такъ же чужда намъ, какъ и покойному публицисту. Мы уже доросли въ этой области до синтеза, до идеи *свободнаго искусства*, которая выставляетъ только требованія истинно-художественной концепціи (непосредственности и глубины интуиціи) и совершенства формы, ибо видитъ въ искусствѣ особую философски-пророческую отрасль человѣческой дѣятельности. Правда, что намъ почти столь же чужда и теорія гражданскаго, идейнаго искусства, которой придерживался Михайловскій: намъ чувствуется въ ней та «концентрированная гражданственность», о которой мы не разъ говорили выше; мы понимаемъ законность и цѣлесообразность ея въ извѣстныя историческія эпохи, когда гражданственность и общественность проявляютъ себя исключительно въ литературѣ, какъ во времена Добролюбова, или когда передовая мысль сосредоточивается, спеціализируется исключительно на гражданскихъ мотивахъ, какъ это было въ семидесятые годы. Но мы видимъ въ этомъ именно спеціализацію и притомъ по чужой спеціальности, такъ сказать; для насъ основная задача искусства — не проповѣдь, а истолкованіе жизни. Для проповѣди найдутся иныя, болѣе подходящія каѳедры, какъ публицистика, критика, моральная философія. А гражданственность à outrance есть, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ идоловъ, изъ тѣхъ самодовлѣющихъ началъ, *для* которыхъ, по мнѣнію Михайловскаго, существуетъ современный человѣкъ и съ которыми онъ велъ такую упорную борьбу: для насъ, въ концѣ концовъ, гражданственность есть только форма, гарантирующая возможно свободный ростъ всѣхъ многообразныхъ побѣговъ жизни—моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ... Они, эти побѣги, являются *содержаніемъ*, они суть физіологическіе элементы, для которыхъ гражданственность является только морфологическимъ началомъ; въ нихъ, а не въ ней—главное дѣло.

Въ ницшеанствѣ мы цѣнимъ прежде всего идею *самоцѣнности добра* и, говоря языкомъ Михайловскаго, страстную апологію *мотива чести*. Апологія мотивовъ чести пугала Михайловскаго, теоретически, потому что онъ видѣлъ въ ней нѣчто буржуазно-индивидуалистическое, противообщественное. Самъ онъ слишкомъ долго жилъ подъ тяжестью *мотивовъ совѣсти*, мотивовъ дворянскаго покаянія и теоріи объ уплатѣ долга народу; въ «письмахъ о правдѣ и неправдѣ» онъ, какъ замѣчаетъ справедливо г. Бердяевъ, пытается построить цѣлую систему морали, основанную на этомъ мотивѣ совѣсти. Но, въ его собственной фигурѣ, въ его интимномъ *я*, не было недостатковъ и въ мотивахъ *чести*: не случайность это, что онъ такъ часто возвращается къ темѣ о чести и совѣсти и не разъ опредѣляетъ моральное равновѣсіе, какъ гармонію этихъ двухъ мотивовъ; въ статьѣ объ Ибсенѣ онъ прослѣживаетъ своеобразныя сочетанія ихъ у дѣйствующихъ лицъ его драмъ... Какъ бы то ни было, онъ отрицательно отнесся къ тому преобладанію мотивовъ чести, которое звучитъ такъ сильно, является такимъ характернымъ въ молодой русской беллетристикѣ, особенно у Горькаго. Его вкусы воспитались въ эпоху 70-хъ годовъ, а каждому времени своя пѣсенка, какъ говоритъ пословица. Я лично думаю, что то «ницшеанское» преобладаніе мотивовъ чести и то творчески-индивидуалистическое

настроеніе, которое нашло свое отраженіе въ нашей литературѣ, связано тысячью нитей съ жизнью, что оно вполнѣ вытекаетъ изъ условій момента, не желающаго пренебрегать ни однимъ изъ параграфовъ естественнаго права...

Всѣ новѣйшія «идеалистическія» стремленія нашей философской литературы представляются мнѣ направленными къ одной цѣли — къ обоснованію этихъ параграфовъ общественнаго права и прежде всего къ провозглашенію лежащаго въ основѣ естественнаго права—принципа *самоцѣнности добра*, какъ начала, совершенно не нуждающагося ни въ какихъ санкціяхъ, ни въ какихъ оправданіяхъ.

Михайловскій всю жизнь искалъ сліянія добра съ истиной и именно такъ опредѣлилъ задачу своей жизни, въ цитированномъ выше мѣстѣ изъ предисловія къ собранію его сочиненій. Я совершенно не понимаю необходимости такого синтеза, такого сліянія. Здѣсь не мѣсто аргументировать и развивать мою мысль. Скажу только, что я убѣжденный поборникъ «раздѣленія труда» и въ этой области. Для меня и истина и добро самоцѣнны; они приводятся къ единству, сливаются только психологически и практически въ дѣятельности человѣка. Я поэтому не присоединяюсь къ сочувственной оцѣнкѣ идеи «двуединой правды» Михайловскаго, какую дали въ своей книгѣ гг. Бердяевъ и Струве. Повторяю—я, конечно, могу ошибаться—но мнѣ, вопреки утвержденіямъ самихъ авторовъ, видится даже въ ихъ метафизическихъ построеніяхъ только горячая пропаганда идеи о *самоцѣнности* добра, хотя они и назвали его добромъ «абсолютнымъ» и пытались дать метафизическое «объективное» оправданіе его... Михайловскій *теоретически* былъ чуждъ этой идеи о самоцѣнности добра. Онъ родился и выросъ въ вѣкъ утилитаризма, въ эпоху расцвѣта естествознанія, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ проглядѣлъ эту идею у Ницше. Онъ всегда старался поставить знакъ равенства между добромъ и счастьемъ и даже свой моральный идеалъ гармоническаго развитія личности обставилъ физіологическими параллелями. Но что эта идея самоцѣнности совсѣмъ не была чужда ему по безсознательному чувству, по инстинкту правды, такъ сказать, объ этомъ свидѣтельствуетъ прекрасная отповѣдь народникамъ, преклонявшимся предъ *мнѣніями* народа и отказывавшимся отъ автономности въ области мысли и морали, которую мы приведемъ сейчасъ. Инстинктъ правды, подсказавшій Михайловскому эту чудесную тираду, вмѣстѣ съ его антропоцентризмомъ, т.-е. стремленіемъ все трактовать съ точки зрѣнія человѣка, все цѣнить по отношенію къ человѣку, признавать истину только для человѣка, и горячимъ неподкупнымъ демократизмомъ,—представляютъ самыя близкія намъ, самыя цѣнныя для насъ стороны его взглядовъ.

„У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже милости и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я все-таки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ съумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь; но пока онѣ мнѣ дороги,

я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ". („Записки профана" 1875 г.)

Интересно отмѣтить, что въ своихъ полемическихъ статьяхъ Михайловскій давно указалъ на нѣкоторые пункты, сближающіе марксизмъ съ ницшеанствомъ. Онъ характеризовалъ марксистовъ съ ихъ приглашеніемъ «вывариться въ котлѣ капитализма», какъ приверженцевъ идеи «любви къ дальнему». Никто изъ марксистовъ того времени, кажется, и не помышлялъ еще о Ницше. Оказывается, что ярые враги бываютъ иногда столь же чутки, какъ самые интимные друзья. Я думаю, никто изъ современныхъ послѣдователей этого лагеря не откажется теперь отъ этой прекрасной этической формулы. Михайловскій видѣлъ въ ней элементы жестокости къ ближнему; мы съ своей стороны можемъ истолковать такое пониманіе лишь филантропической и эвдемонистической тенденціей, которой въ извѣстной степени были проникнуты всѣ поборники «непосредственнаго перехода къ лучшему будущему», противопоставлявшіе *положительный* типъ развитія *отрицательной* фазѣ, намечтанный ими путь расширенія во всѣ стороны наличныхъ, живыхъ человѣческихъ личностей—многострадальному пути дѣйствительнаго человѣческаго прогресса *). Отмѣчу еще, что въ годы полемики между обоими направленіями, Михайловскій являлся центромъ полемической мысли его литературныхъ враговъ. На него направлялись почти всѣ возраженія, отъ имъ высказанныхъ мыслей исходили, съ нимъ, прежде всего, боролись. Онъ самъ иронически жаловался на слишкомъ щедрое вниманіе со стороны противниковъ. Это совершенно понятно: помимо его значенія, какъ перворазряднаго таланта, онъ былъ вѣдь главнымъ теоретикомъ критическаго народничества, систематизаторомъ всей этико-философской мысли этого направленія.

Невозможность приблизиться къ новой точкѣ зрѣнія обусловлена была въ Михайловскомъ и еще одной причиной, помимо уже указанныхъ: страстной приверженностью его къ памяти 70-хъ годовъ и къ памяти дѣятелей этой эпохи. Приверженность болѣе чѣмъ понятная, придававшая ему въ моихъ глазахъ привлекательность благородной глубины и прочности идейныхъ привязанностей... Вы помните эти сжимающія душу своимъ мрачнымъ трагизмомъ строки изъ стихотворенія г. П. Я.:

„Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,

*) Непониманіе новой точки зрѣнія было тѣмъ естественнѣе, что въ марксовой схемѣ, съ теоріей Zusammenbruch'a въ ея концѣ, вѣдь дѣйствительно какъ бы намѣчается отрицательный путь къ положительнымъ цѣлямъ. Она до извѣстной степени, формально какъ бы утверждаетъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Теорія Zusammenbruch'a отвергнута лишь въ самые послѣдніе годы, хотя у насъ среди русскихъ марксистовъ процессъ развитія давно мыслился, какъ накопленіе положительныхъ элементовъ. Этимъ мы обязаны, пожалуй, въ извѣстной степени именно народничеству и Михайловскому съ ихъ безпощадной враждой къ капиталистической фазѣ. Но мыслилось-то это мыслилось, а въ литературѣ высказано чуть ли не впервые г. Бердяевымъ, въ упомянутой работѣ о Михайловскомъ.

Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ,
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія"!... *).

Мнѣ всегда вспоминались эти строки, когда Михайловскій съ запальчивостью, иногда даже несправедливой, нападалъ на литературнаго врага, въ которомъ почувствовалъ или только заподозрилъ хоть тѣнь недостаточнаго почтенія къ дорогимъ ему годамъ.

Мнѣ вспоминались часто эти строки и при простомъ взглядѣ на его прекрасное и юношеское, несмотря на сѣдины, и трагическое въ то же время лицо.

Однажды, помню, въ день его именинъ, въ началѣ 90-хъ годовъ (двери его демократической квартиры не запирались въ этотъ день, и посѣтители забирались къ нему въ несмѣтномъ количествѣ) къ нему явился какой-то молодой весьма малограмотный марксистъ и съ положительной наглостью допрашивалъ Михайловскаго, какъ это онъ не переходитъ на его, марксиста, точку зрѣнія, правильность коей достаточно, казалось бы, очевидна... Михайловскій не прогналъ этого господина, хотя онъ вполнѣ того заслуживалъ, а отошелъ въ сторону, гдѣ случился и я, и со слезами на глазахъ проговорилъ: «Странный народъ, требуютъ, чтобы мы отреклись отъ того, чѣмъ жили всю жизнь— вотъ такъ, однимъ почеркомъ пера, возьми и отрекись»... Сценка эта глубоко запечатлѣлась въ моей памяти и многое объясняла мнѣ въ дѣятельности Михайловскаго за послѣдніе годы... Но будетъ о послѣднихъ годахъ, вернемся лучше къ столь дорогимъ ему 70-мъ годамъ и приведемъ характеристику его значенія въ то время, изъ статьи одного ученика его и единомышленника:

«Лично я обязанъ очень многимъ Н. К. Михайловскому: на его сочиненіяхъ я пробуждался къ сознательной жизни, и онъ былъ однимъ изъ немногихъ «добрыхъ учителей», которые оставили наиболѣе прочный слѣдъ на моемъ міровоззрѣніи въ періодъ его выработки... Н. К. Михайловскій является все время чуткимъ выразителемъ и философскимъ обоснователемъ общественныхъ стремленій наиболѣе передовой части русской интеллигенціи. При этомъ онъ смотритъ настолько шире и дальше этой группы, взятой въ ея цѣломъ, что въ данный моментъ та или иная фракція ея... считаетъ своимъ долгомъ быть несогласной съ Михайловскимъ, ополчается противъ мыслителя-публициста... а потомъ, смотришь, оказывается присоединившеюся къ авангарду прогрессивной арміи. Я говорю это не съ чужого голоса, а по собственному опыту и личнымъ воспоминаніямъ...»

Да, въ ту эпоху Н. К. Михайловскій былъ истиннымъ «добрымъ учителемъ»,— «учителемъ жизни», въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова; былъ философомъ, какъ были философами Бѣлинскіе, Чернышевскіе... Философія всегда есть прежде всего приведенная въ систему жизнь; приводятъ же въ систему жизнь лишь общественные элементы, идейно и активно въ жизни участвующіе. Такимъ элементомъ у насъ была только интеллигенція. Вотъ почему въ зачаточномъ своемъ видѣ философія и явилась у насъ, какъ дѣло рукъ властителей думъ передо-

*) Стихотворенія, т. I-ый, четвертое изданіе, стр. 33.

вого общества. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признать русской философіей тупыя компиляціи какого-либо Владиславлева или другіе учебники нашихъ профессіоналовъ философіи. Единственнымъ совершенно одиноко стоящимъ исключеніемъ является Вл. Соловьевъ... Мнѣ думается, что теперь намъ не долго придется ждать появленія философовъ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова: громадный интересъ къ философскимъ вопросамъ, наблюдаемый въ послѣднее время, служитъ въ томъ порукой. Новыхъ же «учителей жизни», какъ мы уже говорили выше, мы врядъ ли дождемся: ихъ синтетическая роль теперь дифференцирована между представителями спеціальныхъ наукъ, «раздроблена» наличностью различныхъ направленій. Многіе изъ поклонниковъ Михайловскаго видятъ въ немъ научнаго мыслителя и почти сожалѣютъ, что жизнь не давала ему привести въ стройную систему свои теоріи. Я думаю, что это ошибочное мнѣніе. Мнѣ кажется, что онъ былъ типичнымъ, кровнымъ, прирожденнымъ публицистомъ. Публицистъ это писатель, прежде всего воздѣйствующій на волю своей аудиторіи. Н. К. Михайловскій обладалъ этой способностью въ огромной степени. При ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ его теоріи оказываются именно публицистикой—я намѣренно употребляю рѣзкое выраженіе: только облеченной въ образы, заимствованные изъ біологіи и соціологіи. Все это концентрированная гражданская проповѣдь, мораль, публицистика, а не наука. Но что это былъ громадный и свѣтлый умъ и громадный, незамѣнимый литературный талантъ—это безспорно. Совершенно справедливо, въ этомъ смыслѣ говоритъ, г. Пѣшехоновъ въ февральской книгѣ «Р. Б.»: что «нѣтъ ему смѣны на славномъ посту».

Стоя у гроба Николая Константиновича на панихидѣ, въ небольшой рабочей его комнатѣ, увѣшанной портретами Чернышевскаго, Герцена, Щедрина; любуясь въ послѣдній разъ на его красивое лицо, вполнѣ сохранившееся (точно онъ и вправду только «задремалъ случайно», какъ отмѣтилъ въ своемъ стихотвореніи г. П. Я.), я думалъ: вотъ онъ лежитъ здѣсь передъ нами, а уже пріобщился къ этимъ «учителямъ жизни», къ этимъ дорогимъ для всякаго интеллигентнаго русскаго человѣка покойникамъ, изображеннымъ на портретахъ. Не одна благоговѣйная рука повѣситъ и его портретъ рядомъ съ этими интеллигентскими *манами*—съ изображеніями этихъ провозвѣстниковъ нашихъ лучшихъ думъ, нашихъ лучшихъ надеждъ, и не одинъ благодарный взоръ будетъ вглядываться въ эти славныя черты...

Г. Пѣшехоновъ пишетъ: «Я и теперь не съумѣю сказать, кого мы лишились, я знаю одно лишь: умеръ Михайловскій». Нашей статьей мы по мѣрѣ силъ старались отвѣтить на этотъ поставленный г. Пѣшехоновымъ вопросъ. Умеръ послѣдній «учитель жизни»,—умеръ огромнаго таланта публицистъ, уже въ силу одного этого таланта стоявшій во главѣ всего передового нашего общества, какъ живое олицетвореніе лучшихъ его стремленій... И я повторю здѣсь слова, которыя не разъ произносились въ тотъ день, когда мы хоронили Николая Константиновича, — произносились съ какою-то обидой, со скорбною досадой: «Какъ не во время онъ умеръ»...

М. Невѣдомскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ области женскаго вопроса: „Проѣздомъ", раз. В. Вересаева; „Тучки" В. Дмитріевой; „Полуживотное" Елены Белау; „Трудъ" Ил. Франанъ, и др.—Отчего страдаетъ современная женщина.—Излишняя жалость и необходимость быть жестокой. — Выходъ одинъ: отстаивать свое право, быть личностью во что-бы то ни стало.

Женскій вопросъ давно уже утратилъ ту остроту, съ которой онъ трактовался нѣкогда обѣими заинтересованными сторонами, но что онъ далеко не сошелъ со сцены, показываетъ художественная литература. Въ будничномъ строѣ жизни, когда часъ за часомъ уноситъ частицу бытія незамѣтно, но неумолимо и безвозвратно, мы какъ-то не видимъ за примелькавшимися явленіями, сколько въ нихъ таится страданія, которое поглощаетъ все лучшее, свѣтлое, жизнерадостное въ жизни цѣлой половины человѣческаго рода. И только художники отъ времени до времени вскрываютъ намъ тотъ или иной уголокъ женской души, чтобы показать, что не все здѣсь обстоитъ благополучно, что многое, сдѣланное и достигнутое въ этой области, далеко еще не рѣшаетъ вопроса, и женская личность еще не стоитъ на той высотѣ, которой она въ правѣ себѣ требовать, чтобы чувствовать себя не только женщиной, но и человѣческой личностью, прежде всего. Художественной литературѣ мы обязаны тѣмъ, что женскій вопросъ, все разростаясь и углубляясь, заставляетъ задумываться и равнодушныхъ къ нему зрителей, и участниковъ въ общей борьбѣ за лучшее будущее. Изъ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній послѣдняго времени, затрогивающихъ женскій вопросъ, мы остановимся на нѣкоторыхъ, гдѣ онъ поставленъ въ болѣе чистомъ, безпримѣсномъ видѣ и потому съ особою силою бьетъ по нервамъ.

Въ этомъ отношеніи безспорно на первомъ мѣстѣ мы должны поставить небольшой, но полный жгучаго страданія очеркъ, скорѣе даже бѣглый эскизъ, картинку, схваченную на лету, г. Вересаева. «Проѣздомъ» *)—она такъ и называется, какъ бы съ цѣлью подчеркнуть, что предъ нами явленіе, примелькавшееся автору, какое мы можемъ наблюдать на каждомъ шагу, почему и не стоитъ его расписывать: достаточно его указать, и каждый самъ дополнитъ все недостающее въ картинѣ изъ личныхъ наблюденій. Важно одно—дать главный пунктъ въ картинѣ, отмѣтить центральную точку, изъ которой исхо-

*) „Образованіе", № 1.

дятъ лучи, освѣщающіе и осмысляющіе все остальное. И въ этомъ смыслѣ картина г. Вересаева вполнѣ законченное произведенье, представляющее цѣлую драму человѣческой жизни, одной изъ многихъ, можно не обинуясь сказать—безчисленныхъ жизней.

Даны два особо выпуклыхъ момента въ жизни женщины—сначала предъ нами «она» невѣстой, затѣмъ «она» женой и матерью. Въ противопоставленіи эти двухъ моментовъ и выясняется драма. Студентъ Ширяевъ и его невѣста Катерина Николаевна, оба сверкающіе всѣми красками молодого чувства и жизнерадостности, и докторъ со своей женой Марьей Сергѣевной, подавленные и отцвѣтшіе, какъ растенія, которыхъ осенью хватилъ ранній морозъ. А между тѣмъ оба они еще молоды, но кажутся какъ бы не въ расцвѣтѣ силъ, а въ концѣ жизненнаго пути, когда тяжкіе итоги давятъ плечи и сгибаютъ спину. Вначалѣ—поэзія, блескъ, игра бьющей черезъ край отъ полноты силъ души. Спустя десять лѣтъ вотъ какое настроеніе, вызывающее слѣдующіе разговоры.

«— Скажи, пожалуйста, ты видѣлъ книгу... Какъ ее, Викторъ Михайловичъ? Да, «Проблемы идеализма»... Видѣлъ ее?—спросила Марья Сергѣевна доктора.

«— Видѣлъ,—неохотно пробурчалъ докторъ.

«— Удивительное дѣло!—нервно засмѣялась Марья Сергѣвна.—А я даже и не знала ничего, ничего даже и не слыхала про нее.

«— Кто же въ этомъ виноватъ?—докторъ пожалъ плечами.

«— Вотъ и подумай, кто въ этомъ виноватъ... Отъ кого я что-нибудь могу услышать, кромѣ тебя? Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ во время и чтобы дѣти тебѣ не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда же я могу узнать?

«— Ну, пошло!—нахмурился докторъ и тяжело вздохнулъ.

«— Да, пошло!.. «Общеніе», «совмѣстная духовная жизнь»... Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать, какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ—обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее.

«Она говорила нервнымъ, спѣшащимъ голосомъ, какъ-будто нарочно старалась не дать себѣ времени одуматься. Ширяеву было неловко. Въ глазахъ доктора загорался мрачный неврастеническій огонекъ, онъ тоже уже терялъ желаніе замять ссору и не дать ей разгорѣться хоть при чужомъ человѣкѣ.

«— Скажи, пожалуйста, причемъ тутъ мягкотѣлость?—спросилъ онъ, враждебно глядя на жену.

«— Нужно только все прежнее,—продолжала Марья Сергѣевна.—Чтобъ жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи и о дровахъ и устраивала уютъ, а чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи, настоящіе пауки, право. Приникнутъ къ женщинѣ и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ человѣка одна родильная машина».

Смущенный этими горькими рѣчами, студентъ Ширяевъ «смотрѣлъ на Марью Сергѣевну и думалъ: вѣдь, были же, были у нея эти ясные, славные

глаза, съ какими она снята на группѣ... Обманывала ли ими жизнь, какъ она обманываетъ людей мимолетною дѣвическою прелестью, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть? И почему тогда оно погибло такъ легко и такъ безвозвратно?»

И счастливый влюбленный студентъ, ругнувъ про себя доктора «русакомъ проклятымъ», увѣренъ, что въ «ихъ» жизни ничего подобнаго не повторяется. «Люди ищутъ новаго счастья и ждутъ, что къ нему притти также легко, какъ къ старому; а жизнь густа и дремуча, и не раздвигается сама собой въ гладкую дорожку; кто хочетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу».

Также, какъ эта докторша, чахнетъ въ повѣсти г-жи Дмитріевой («Руск. Бог.», январь — февраль) «Тучки» кончившая консерваторію, жена земскаго начальника «Барбарисыча», Евгенія Ивановна. Правда, ее хоть дѣти утѣшаютъ, но и она чувствуетъ, какъ жестоко дѣйствительность разошлась съ мечтами ея дѣвическихъ лѣтъ.

«— Вотъ, Дора, вы все гоните, гоните меня на сцену... Развѣ можно отъ нихъ (дѣтей) уйдти?

«Дора Яковлевна смутилась, покраснѣла и брови ея нахмурились

«— Я и не говорила никогда, что вамъ надо уйдти отъ нихъ,—рѣзко возразила она.—Развѣ артистка должна быть непремѣнно монахиней? Вотъ уже несогласна и несогласна! Это мужчины выдумали, что ужъ если женщина вышла замужъ, такъ и сиди на привязи у семейнаго очага, а сами-то они преспокойно женятся и плодятъ дѣтей, да вѣдь не мѣшаетъ же имъ это быть и учеными, и писателями, и артистами, и... земскими начальниками!—неожиданно прибавила она и сама разсмѣялась.

«Евгенія Ивановна тоже улыбнулась, но улыбка у нея вышла какая-то неловкая, точно ей совсѣмъ не было смѣшно и нужно было только показать, что смѣшно, и что она сама не прочь надъ собой посмѣяться.

«— Вы еще совсѣмъ не понимаете жизни, Дора,—сказалао на, поглядывая то на Дору, то на Надежду Григорьевну своими красивыми, немножко усталыми глазами.—Хотя вы обѣ и ученыя дѣвицы, но ничего-ничего вы не понимаете. Ахъ, милыя мои, я тоже мечтала, когда мнѣ было 20 лѣтъ. Мы познакомились съ Борисомъ Борисычемъ въ вагонѣ желѣзной дороги... Я ѣхала въ консерваторію, а онъ въ университетъ. Ахъ, какъ мы хорошо говорили, если бы вы знали!.. Мы не спали всю ночь, и какіе были планы, какія мечты, какія огромныя дѣла мы хотѣли дѣлать!.. А вотъ прошло 10 лѣтъ... и Борисъ Борисычъ—земскій начальникъ, а я мать троихъ дѣтей... и только!..»

«Быть экономкой и нянькой—и больше ничего!.. Мать троихъ дѣтей—и только!» Эти и имъ подобныя жалобы, какъ заключительный аккордъ, звучатъ въ массѣ произведеній, посвященныхъ женской жизни не только въ русской литературѣ. Припомнимъ мать и сестру героини романа Елены Белау «Полуживотное», напр., гдѣ съ особой рѣзкостью и горечью авторъ подчеркиваетъ этотъ обидный конецъ женской жизни. Или въ романѣ «Сотрудница», гдѣ попытки жены стать товарищемъ мужа тоже кончаются неудачей.

*

Мы слышали эти жалобы столько разъ, что онѣ успѣли уже достаточно намъ наскучить, и уже не обращаемъ на нихъ вниманіе. Но въ послѣднее время начинаютъ звучать уже и новыя нотки, на которыхъ стоило бы остановиться.

Кто же виноватъ? Жизнь такъ устроена, говоритъ докторъ въ очеркѣ г. Вересаева. Надо искать новыхъ путей, замѣчаетъ про себя влюбленный студентъ. Какіе же эти пути? Намекъ на нихъ есть въ упомянутомъ романѣ Белау, въ которомъ Изольда не подчиняется общей дорогѣ для дѣвушекъ—выдти замужъ, рожать дѣтей—и только. Ей удается отвоевать себѣ свой уголокъ въ мірѣ искусства и она увлекается гордыми мечтами о самостоятельномъ творчествѣ. Но ей помогло отчасти счастливое обстоятельство—неожиданное богатство, а также искра таланта, не давшая ей опошлѣть и опуститься. Авторъ, однако, не довелъ ея жизни до полнаго завершенія и удовлетворенія, заставивъ ее трагически покончить съ жизнью, хотя и съ гордой надеждой, что въ конечномъ итогѣ побѣда останется за женщиной, которая съумѣетъ сама проложить свою дорогу къ счастью.

Не у каждой, однако, обстоятельства такъ счастливо слагаются, какъ у Изольды. И богатство, и талантъ—даръ случая, и не на нихъ можетъ строить женщина зданіе своего лучшаго будущаго, гдѣ бы ни материнство не становилось для нея проклятьемъ, ни замужество не преображало ихъ въ насѣдокъ и кухарокъ. Такой опорой можетъ служить только *личность*, разъ сознавшая себѣ цѣну и понявшая, что выше, важнѣе и цѣннѣе нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такое пониманіе не дается разомъ, не можетъ быть вычитано хотя бы изъ самой умной книги,—оно является какъ результатъ долгой и упорной борьбы съ жизнью, съ самимъ собой, съ людьми. И понемногу это пониманіе себя, какъ самоцѣнной личности, пролагаетъ себѣ дорогу въ жизни, хотя съ великими усиліями и огромной подчасъ болью.

Въ романѣ Ильзы Франанъ «Трудъ» мы видимъ такую болѣзненную и тяжкую дорогу въ борьбѣ за свою личность. Жизнь Іозефины Гейеръ сложилась вначалѣ по обычному порядку. Она замужемъ, мать четырехъ дѣтей и пока только жена и мать. Но вотъ разражается надъ семьей громовой ударъ, въ видѣ преступленія, совершеннаго мужемъ, ударъ, разбивающій все. Обычный порядокъ готовъ придти на помощь со своими столь же обычными рецептами—скрыться гдѣ-нибудь, въ тихій уголокъ, гдѣ можно укрыть отъ постороннихъ свой позоръ и свое горе, и тамъ тихо исчахнуть вдали отъ людей. Но въ эту-то минуту и просыпается въ Іозефина нѣчто, что заставило ее всѣмъ существомъ противиться уговорамъ любящаго отца и сестеръ уѣхать, покинуть городъ и заняться всецѣло только воспитаніемъ дѣтей, всю себя и весь остатокъ еще не изжитыхъ силъ пожертвовать дѣтямъ и несчастному преступнику. Это «нѣчто»—пока еще полусознательное представленіе, что жизнь вовсе не заключается въ жертвѣ собою, что есть что-то болѣе цѣнное, хотя и неизмѣримо болѣе трудное, чѣмъ любая жертва. Это—борьба за свое человѣческое достоинство во имя неустаннаго совершенствованія себя и черезъ себя—всего, что со мною такъ или иначе связано и соприкасается. И Іозефина вы-

ходитъ на эту дорогу борьбы, тяжкую для всѣхъ, вдвойнѣ тяжелую для женщины вообще и въ ея положеніи въ особенности. Медленно и постепенно, путемъ тяжкаго личнаго опыта она добивается сравнительнаго благополучія, когда возвращеніе мужа чуть-было не губитъ всѣхъ результатовъ ея трудовой жизни. Но борьба не даромъ такъ тяжела вообще,—она закаляетъ людей, и тамъ, гдѣ другіе падаютъ, привычный къ борьбѣ можетъ устоять. И героиня въ концѣ концовъ сумѣла отстоять себя и увидѣть, что ея героическія усилія не пропали даромъ.

Мы не послѣдуемъ за нею далѣе, не въ ней дѣло,—мы хотѣли только отмѣтить новую постановку женскаго вопроса, этого коренного вопроса не только современности. Потому что, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о достойномъ существованіи цѣлой половины рода человѣческаго, онъ, какъ гири на ногахъ, будетъ мѣшать дальнѣйшему ходу впередъ. А рѣшить его можетъ только сама женщина, и никто ей въ этомъ помочь не въ силахъ.

Напрасно поэтому такъ раздражается жена доктора въ очеркѣ г. Вересаева. «Интеллигентъ мягкотѣлый», ругаетъ она своего мужа. «Присосутся къ женщинѣ, какъ пауки, и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь»,—бросаетъ она безпощадное обвиненіе по адресу всѣхъ мужчинъ. Такъ ли, однако? Было ли что высасывать, эти самые запросы и духовная жизнь? А если и были, то почему же она позволила ихъ высосать? Глядя на ея дѣвичью карточку, снятую на голодѣ, гдѣ наша докторша славно поработала и воспоминаніями о томъ времени она молодитъ свою сѣрую жизнь,—Ширяевъ тоже задается почти такимъ же вопросомъ: «вѣдь были же у нея эти ясные, славные глаза... Обманывала ли ими жизнь, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть?» Можетъ быть, инымъ это покажется жестоко, но мы думаемъ, что не было, и что тутъ ничего въ сущности цѣннаго не погибло. Были, пожалуй, мечты, преувеличенная оцѣнка себя, столь свойственная молодости вообще, когда «міръ кажется тѣсенъ» и отъ накопившихся силъ кажется себѣ человѣкъ чуть не титаномъ. А только столкнулся съ горькой дѣйствительностью—и титанъ превратился въ самаго обычнаго сѣраго нытика. Была, словомъ, обычная молодая иллюзія, но цѣннаго ядра, существа человѣческаго, гордой силы—не было.

Такъ-то оно такъ, въ правѣ возразить намъ, но, можетъ быть, она пожертвовала этими силами мужу, дѣтямъ. Ахъ, сколько разъ приходится и читать, и слышать походя про ту или иную «жертву» семейной жизни, всякій разъ намъ хочется сказать въ отвѣтъ: «Да нужна ли еще была эта жертва?» И позвольте спросить—кому? Начнемъ хотя бы съ мужа, съ этого злого «паука», — что же, сладко ему живется? Онъ очень счастливымъ себя чувствуетъ оттого, что высосалъ запросы и все прочее? Отвѣтъ можетъ быть только отрицателенъ. Онъ-то больше всѣхъ, можетъ быть, несчастенъ, если только есть въ немъ хоть искра человѣчности и способности понимать чужія страданія. Разъ предъ нимъ жена-жертва, значитъ онъ—палачъ, а это во всякомъ случаѣ сознаніе не изъ пріятныхъ. Да и выслушивать такія признанія, какъ выше приведенныя, согласитесь—какое ужъ тутъ счастье? Вы-

ходитъ, стало быть, «пауку» жертва не доставила ни малѣйшаго счастья, а вѣрнѣе—наоборотъ: отравила жизнь въ конецъ. Остаются дѣти. Мать, жертвующая собою для дѣтей, это ли не священнѣйшее призваніе женщины? Жена доктора боится съ нянькой оставить дѣтей на ночь, сама съ ними спитъ, и потому всегда чувствуетъ себя не выспанной (этимъ отчасти объясняется ея дурное расположеніе). Очень прискорбное обстоятельство, за которымъ много-много другихъ, по мѣрѣ роста дѣтей, предвидится впереди, вплоть до унизительныхъ компромиссовъ съ честью и совѣстью, все ради дѣтей, какъ мы слышимъ сплошь и рядомъ въ жизни. Это ли не святыя жертвы? Нѣтъ, будь онѣ прокляты, и эти жертвы!—съ полнымъ правомъ могли бы отвѣтить дѣти. Да и отвѣчаютъ подчасъ, замѣтимъ въ скобкахъ. Принижая себя, свою личность, отказываясь ради дѣтей отъ своихъ правъ на полное и яркое существованіе, такія матери прежде всего губятъ своихъ дѣтей, которымъ онѣ создаютъ жизнь такую же нудную, сѣрую, никчемную, какъ и своя собственная, почему лучшія изъ дѣтей и начинаютъ самостоятельную жизнь съ разрыва съ своими «отцами», т.-е. съ семьей. Все это настолько старыя и печальныя истины, что развивать ихъ, надѣемся, нѣтъ надобности.

Жертва еще не оправданіе. А если это жертва своимъ человѣческимъ достоинствомъ, то и того хуже,—это уже осужденіе. «Милости хочу, а не жертвы», давно это сказано, и не даромъ сказано. Потому что жертва убиваетъ жизнь, а только жизнь имѣетъ цѣну. И потому не жертвовать собой, своей личностью надо, а всегда быть самимъ собой. Вотъ тогда и скажется то, что было въ насъ и что не должно погибать. Конечно, на повѣрку очень часто оказывается, что ничего и не было въ душѣ, кромѣ иллюзій, а подчасъ и прямой дрянности, только прикрытой громкими словами, какъ, смѣемъ думать, и случилось съ несчастной женой нашего доктора или земской начальницей въ разсказѣ г-жи Дмитріевой. На голодѣ она чувствовала себя превосходно, въ воронежской библіотекѣ и того превосходнѣе. Почему? Потому что боролась, помогала, учила. Но что же ей помѣшало и дальше бороться? Мужъ и дѣти? Странно это слышать. Если велика была въ ней потребность борьбы, мужъ и дѣти только усилили бы эту потребность, послужили бы новымъ толчкомъ, новымъ стимуломъ для борьбы съ жизнью, съ тѣмъ же голодомъ, физическимъ и духовнымъ, съ тѣми условіями, которыя создаютъ этотъ голодъ. Но вышло совсѣмъ иное, и вмѣсто борца предъ нами кислая дама, изливающая свои «горя» передъ первымъ встрѣчнымъ, дама, какихъ тысячи. Всѣхъ ихъ въ сущности жаль, но и слезы, и жалобы ихъ—праздное занятіе. Отъ нихъ ни имъ, ни окружающимъ не становится легче. Только скучно и имъ самимъ, и съ ними.

Не знаемъ, обратили ли наши читатели вниманіе въ повѣсти г. Тана «За океаномъ» на поразительное различіе въ томъ, какъ чувствуютъ себя въ Америкѣ переселившіяся туда интеллигентныя женщины и простыя русскія бабы. Первыя въ буквальномъ смыслѣ изнываютъ въ тоскѣ и чахнутъ отъ неумѣнья, куда имъ приложить свои силы. Въ нихъ развиваются нездоровые аппетиты, ихъ дразнитъ роскошная жизнь большихъ городовъ и онѣ незамѣтно для себя

опускаются. Совсѣмъ иначе чувствуютъ и живутъ вторыя. Какая-нибудь Авдотья или Ѳеня, у себя на родинѣ сознававшая себя развѣ на одну ступень выше домашняго животнаго, тутъ развертываются въ человѣка. Начинается это не только съ повышенія простыхъ житейскихъ потребностей, съ новыхъ привычекъ—лучше ѣсть, чище одѣваться и быть какъ «всѣ», но и сознательная человѣческая душа очень быстро оживаетъ. Подавленная у себя на родинѣ нуждой и приниженностью, душа женщины въ новыхъ условіяхъ быстрѣе, чѣмъ мужчины, подымается и крѣпнетъ, какъ растеніе, выбившееся изъ-подъ снѣга. Жена рабочаго Усольцева, врядъ ли мечтавшая дома о чемъ-либо, кромѣ того, какъ быть сытой и дѣтей накормить, здѣсь упрекаетъ мужа и его товарищей, почему они не устроятъ дежурствъ на островѣ, гдѣ временно задерживаются эмигранты, чтобы помогать пріѣзжимъ: «насъ люди тоже выручали!» Просыпается чувство товарищества, благожелательства и взаимной поддержки. Отчего же происходитъ это, что интеллигентная женщина, нѣкогда всю себя отдававшая голодающимъ, библіотекамъ и прочимъ высокимъ предметамъ,—здѣсь превращается въ даму, мечтающую о тысячныхъ нарядахъ и со злостью протестующую, когда на одно доску ставятъ ее съ прислугой. «Нѣтъ, скажите пожалуйста! Почему она лѣзетъ ко мнѣ въ подруги? Я совсѣмъ иначе устроена. У меня другія потребности, другія мысли. Ей совсѣмъ не къ чему сидѣть со мною за однимъ столомъ». Вотъ какъ разсуждаетъ, можетъ быть, бывшая народница, во время оно кипѣвшая горячимъ желаніемъ «слиться съ народомъ», и не только кипѣвшая, а дѣйствительно приносившая все въ жертву ради этого слія-нія. Въ жертвѣ—въ этомъ вся разгадка. Жертва—это своего рода гипнозъ, опьянѣніе, подымающее ее до подвига, эту бѣдную русскую интеллигентную женщину. А здѣсь, въ Америкѣ не надо жертвы, никто ея не проситъ, да и не приметъ. Жизнь такъ устроена въ этомъ новомъ мірѣ, что каждому, если есть въ немъ силы, находится свое мѣсто и возможность развернуться, проявить себя, если только есть что проявить. Послѣднее—главное. Мы сильно сомнѣваемся, во что превратилась бы тамъ жена нашего доктора,—не стала ли бы она лѣтъ черезъ десять въ Америкѣ тоже жаловаться, что Америка у нея все «высосала, всѣ запросы, всю духовную жизнь».

И не она одна. Безконечной вереницей проходятъ онѣ, эти славныя русскія дѣвушки, которыя тысячами устремляются на голодъ, въ народныя библіотеки, въ учительницы, въ сестры милосердія, словомъ, всюду, гдѣ нужда, мракъ, страданіе. Кажется, какая бездна силъ, сколько энергіи, чтобы весь міръ перевернуть. И потомъ—какое быстрое превращеніе въ мокрыхъ курицъ, въ насѣдокъ и нервныхъ дамъ! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься. Куда дѣвалось все старое, и откуда взялось это новое? И кто виноватъ въ неожиданномъ превращеніи? Прежде всего виноватъ «онъ», бывшій герой, нѣкогда увлекавшій «ее» пылкими рѣчами.

Спору нѣтъ, «онъ» вообще тоже виноватъ, не меньше во всякомъ случаѣ, чѣмъ она, и г. Вересаевъ правдиво обнажаетъ намъ бывшаго героя, заставляя его дать такую реплику на упрекъ въ «высасываніи».

«— Ты скажи мнѣ, при чемъ тутъ мягкотѣлость... Ну, укажи мнѣ,—вотъ

я спрашиваю тебя, какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что до обѣда мнѣ нужно принять сто человѣкъ больныхъ, послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больному. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ нянчить некогда... Въ чемъ же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи, въ чемъ?

«— Вотъ, вотъ, это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой, и больше ничего!—засмѣялась Марья Сергѣевна.

«—Это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой,—угрюмо вызывающе подтвердилъ докторъ.—Оно такъ въ дѣйствительности и есть въ каждой семьѣ, да и не можетъ быть иначе. Только интеллигентный человѣкъ стыдится этого и старается скрыть отъ постороннихъ, какъ какую-то тайную дурную болѣзнь. Почему же этого прямо не признать? Если люди женятся для бездѣтнаго разврата, то вопросъ, конечно, рѣшается легко; но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой.

«— Вотъ какъ!—протянула Марья Сергѣевна.—Я это отъ тебя въ первый разъ слышу.

«— Да. И всѣ нынѣшнія... общественныя формы, что ли, таковы, что иначе и не можетъ быть. Мы теоретически выработали себѣ идеалъ, который соотвѣтствуетъ совсѣмъ другому общественному строю, болѣе высокому, и идемъ съ этимъ идеаломъ въ настоящее, гдѣ онъ не примѣнимъ, и всѣ только мучаются, надсаживаются, проклинаютъ свою жизнь».

Но довольно. Бѣдный докторъ виновенъ и не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія. Тѣмъ не менѣе, да будетъ позволено часть вины, и очень значительную, перенести и на «нее». Какъ могло это случиться, что только теперь «она» услышала такое признаніе, что «женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой», т.-е. «полуживотнымъ», по энергическому опредѣленію Елены Белау? А очень просто.—«Она» всю жизнь жила по чужой указкѣ, сама же ничего своего не вносила въ жизнь. Сначала эта указка заключалась въ «умной книгѣ», въ «новомъ направленіи», которому она беззавѣтно отдавалась. Непремѣнно беззавѣтно, т.-е. безъ критики, безъ думы о томъ, насколько оно отвѣчаетъ ея личности, ея силамъ и запросамъ. Чужія мысли, чужія настроенія она принимала за свои, съ тѣмъ большей охотой, что это страшно облегчало жизнь. Вѣдь такъ трудно вырабатывать свое, отстаивать его и тѣмъ паче проводить на практикѣ. Затѣмъ выступаетъ въ роли руководителя и «учителя жизни»—онъ, самъ такой же несамостоятельный, весь изъ чужихъ мыслей и настроеній состряпанный, свято вѣрующій, какъ влюбленный студентъ Ширяевъ, что у «нихъ» все будетъ по иному. Далѣе уже вмѣстѣ они отдаются безвольно теченію жизни, не замѣчая, какъ черезъ десять лѣтъ она—«только мать и хозяйка», а онъ—волъ подъяремный. И тогда наступаетъ катастрофа.

А впрочемъ—никакой катастрофы не бываетъ. Ибо для катастрофы тоже

сила нужна, оригинальность, нѣчто свое, т.-е. именно то, чего въ нашихъ герояхъ и не было съ самаго начала; тѣмъ менѣе можно ихъ ожидать въ концѣ.

Гдѣ же выходъ? И есть ли онъ вообще? Или же женщинѣ только и остается ждать, что придетъ кто-то и все передѣлаетъ по-новому, по-хорошему? Нѣтъ, никто не придетъ, никто ничего не передѣлаетъ. Только *она* сама можетъ это сдѣлать.

Въ разсказѣ г-жи Шапиръ «Дунечка» есть любопытный разговоръ, имѣющій прямое отношеніе къ нашей темѣ. Ѣдущая по дорогѣ съ Дунечкой, Юлинька, разбитая жизнью интеллигентная дѣвушка, направляющаяся въ глухой уголокъ Сибири учить дѣтей и тамъ сложить свою не нашедшую нигдѣ пристанища бѣдную голову, задаетъ Дунечкѣ вопросъ:

«— Вы развѣ замужъ вовсе не собираетесь? Зарокъ?—спросила она ласково.

«Дунечка не сразу отвѣтила. Сняла свою шубку, шапочку и завернулась въ теплый платокъ.

«— Коли я замужъ зря выскочу—ну, тогда, значитъ, душа коротка оказалась. Сборы только большіе.

«— Это какъ же понимать надо—зря?.. Безъ любви, что ли?

«Усмѣхнулась и снисходительно поглядѣла на барышню.

«— Можно и по любви, да зря. Не изъ-за чего жизнь-то ломать. Развѣ для любви стоитъ ломать, что ужъ сдѣлано?.. Сколько труда, усилій... Надолго ея хватитъ, любви этой!

«— Ну... разная тоже любовь бываетъ, это вы напрасно, — возразила Юлинька.

«— Ничего не разная. У васъ это, у дворянъ, о любви невѣсть что воображаютъ... да чего только и не натерпятся черезъ нее! Воображаютъ, будто она сильнѣе всего на свѣтѣ.

«— Да вы, Дунечка, вѣрно и влюблены-ло никогда еще не были?.. Недосугъ... отъ большого прилежанія.

«Дунечка нахмурилась и помолчала нѣсколько минутъ.

«— Была, не безпокойтесь... Въ студента. Давно уже... Гдѣ-то онъ теперь мыкается несчастный? Вотъ ужъ кому тоже нянька нужна, все равно какъ вамъ!..

«— Отчего же такъ?—подсказала Юлія Николаевна.

«— Выслали его тогда. Больной... за душой ни гроша... Нигдѣ ни души... Умеръ, должно быть. Да и лучше.

«— Фу, что вы говорите! А еще любили!

«Дунечка вспыхнула и насупилась.

«— Потому и говорю, что жалко. Кромѣ мученья всякаго, этотъ человѣкъ ничего для себя въ жизни не найдетъ. Горе его обойдетъ, такъ онъ и самъ въ догонку за нимъ пустится. Тутъ люби не люби—все одно.

«— Вотъ что! Такихъ людей немало, Дунечка, для которыхъ жизнь мученье. Неушто всѣхъ ихъ въ гробъ заколотить?..

«Дунечка сердито дергала бахрому сѣраго платка.

«— Не понимаете, что я говорю... Странно даже!

«— Понимаю, понимаю! Благополучные люди—прекрасные люди. А кто мучается, тотъ и другимъ жизнь портитъ... Зрѣлище непріятное! Не вы одна такъ думаете, Дунечка! Вамъ Богъ проститъ... совсѣмъ вы юная. Не потому, сколько лѣтъ, а всѣмъ... сырая вы еще совсѣмъ! Мнѣ оттого на васъ смотрѣть весело—весною вѣетъ. А только слушать васъ жутко подчасъ.

«Дунечка, смущенная, силилась понять. Не первый разъ она такое слышитъ... Пусть хоть бы разъ одинъ человѣкъ объяснилъ понятно: почему точно какъ *стыдно* быть счастливой? Коли ты всего сама добилась, повезло тебѣ, неужто это все равно, будто ты чужое отняла?!. Да съ какой же стати, Господи, кто это выдумываетъ?

«Дунечка не могла успокоиться.

«— Вотъ я васъ не понимаю... для чего въ дикую глушь пропадать тащитесь черезъ силу? Въ Сибирь...

«— Тамъ у меня знакомые живутъ. Къ хорошимъ людямъ поближе.

«— Да жизнь-то какая же тамъ съ вашимъ-то здоровьемъ? Какъ ужъ тогда и жить, не понимаю. По моему, каждый человѣкъ долженъ все выше и выше карабкаться, коли силы хватаетъ,—только это и жизнь. Тогда всѣмъ хорошо и будетъ, когда на худое никто соглашаться не захочетъ, развѣ не правда?»

Такъ разсуждаетъ, главное, такъ чувствуетъ здоровая, непосредственная натура, родная сестра Ѳени, которая въ Америкѣ, встрѣтивъ подходящія условія, тоже карабкается выше, коли силы хватаетъ, и не понимаетъ, чѣмъ такъ недовольны «барыни», пріѣхавшія изъ Россіи. Стремленіе карабкаться выше всегда идетъ рука объ руку съ стремленіемъ развить всѣ возможности, въ каждомъ изъ насъ заложенныя, не подчиняясь и не поддаваясь слабости и безволью другого. Юлинька этого не понимаетъ, она бы пожалѣла бѣднаго студента и вмѣстѣ съ нимъ мыкалась бы въ погонѣ за горемъ, пока въ одинъ прескверный день не увидѣла бы, что жизнь его и ея ушла между рукъ. А то, можетъ быть, услышала бы, что женщина только и можетъ быть сидѣлкой, ибо таково ея назначеніе, и, услышавъ, возмутилась бы. Да поздно, жизни назадъ не воротишь.

Намъ кажется, поэтому, что не надо жертвовать своей личностью изъ жалости къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было. Это фальшивая жертва. Человѣческая личность—такое высокое достояніе, что погубить ее въ себѣ—грѣхъ противъ Духа Святого. И не высокаго калибра та жалость, которая заставляетъ приносить подобныя жертвы. Въ ней есть что-то унизительное для обѣихъ сторонъ. Не изъ жалости должна проистекать готовность давать нѣчто другимъ, а изъ непобѣдимаго внутренняго влеченія, несущаго въ себѣ самомъ удовлетвореніе. Женщинѣ столько натвердили про высокую роль какой-то всеобщей сестры милосердія, что изъ-за нея она проглядѣла высшее назначеніе человѣка—никогда и ни для чего не поступаться своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Ей самой столько довелось изъ-за этого выстрадать, что если теперь она проявитъ немножко жестокости, то отъ этого мы всѣ будемъ въ выигрышѣ. Даже если она сама отъ этого будетъ страдать, потому что быть жестокимъ вовсе не сладко. Но «нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія, нѣтъ дру-

гой радости, кромѣ радости, рожденной страданіемъ». Это единственная радость, которой не стыдно, какъ смутно предчувствуетъ Дунечка, когда ее смущаетъ мысль о завоеванномъ собственными силами счастьи.

Но не надо жертвовать и ради блага другихъ, тѣхъ, кому жертвы приносятся. Онѣ ихъ развращаютъ и дѣлаютъ безвольными и безсильными, пріучаютъ надѣяться на другихъ, а не на себя, поддерживаютъ обманъ, что кто-то другой можетъ дать мнѣ то, чего я самъ взять не въ силахъ. Это одна изъ самыхъ опасныхъ иллюзій, потому что она съ особой цѣпкостью держится за душу слабаго человѣка, который не можетъ собственными силами завоевать себѣ мѣсто въ жизни, и все ждетъ и надѣется, что кто-то придетъ и все устроитъ для него...

Главное, конечно, остается стремленіе впередъ, къ совершенствованію жизни, въ неустанномъ желаніи «карабкаться» выше и выше, какъ выражается Дунечка,—подыматься надъ жизнью, не давая изъ себя «высасывать» запросы и духовную жизнь тому или иному «пауку». Въ этомъ и заключается борьба съ обычной пошлостью будничной жизни, гдѣ не приходится совершать подвиговъ, а вести стойкую и постоянную мелочную борьбу, не давая себя засосать всякому житейскому вздору. Вотъ тутъ-то и сказывается, есть ли дѣйствительно въ душѣ запросы, или былъ только юношескій самообманъ, переоцѣнка силъ, которыхъ въ нужный моментъ и не оказывается вовсе, какъ и бываетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ-слишкомъ часто. Самообманъ не можетъ вѣчно длиться, наступаетъ минута прояснения и тогда раздаются жалобы на «паука», на «среду» и прочія страшилища, не давшія расцвѣсть тѣмъ яко бы недюжиннымъ силамъ, которыя таились будто бы въ душѣ героини. И это, конечно, тоже иллюзія, съ которой особенно горько разставаться. Не этой ли горечью сознанія, что не «мягкотѣлый интеллигентъ», а собственная дряблость и «мягкотѣлость» повинны въ ничтожествѣ жизни,—и объясняется раздражительность нашей докторши? Когда-то юношескій порывъ увлекъ ее на голодъ, кормить голодающихъ. Но собственный голодъ духовный она такъ и не сумѣла утолить. Конечно, то былъ прекрасный порывъ, доказавшій, что въ ней было когда-то живое зерно, но все-таки это былъ только порывъ. Долгаго твердаго напряженія воли онъ не требовалъ. Не то, что постоянно держать зажженнымъ свой «свѣтильникъ» и свѣтить себѣ и другимъ,—это, дѣйствительно, трудная задача. И когда такая подававшая во время оно надежды «докторша» начинаетъ изливаться на счетъ загубленной жизни, намъ всегда хочется отвѣтить ей: никто не виноватъ, кромѣ васъ самихъ. Что же помѣшало ей во-время спохватиться, уйти отъ «мягкотѣлаго интеллигента» и поискать иной дороги, иныхъ задачъ? Голодающихъ у насъ, слава Богу, нечего искать, и библіотеки не только въ Воронежѣ, если ужъ ничего другого ей не видится въ жизни. Но и оставаясь въ семьѣ, разъ ей дороги и мужъ, и дѣти, развѣ умная, энергичная, интеллигентная женщина, настоящій живой человѣкъ съ запросами и богатой духовной жизнью, допуститъ мерзость запустѣнія, уйдетъ въ пеленки, кухню, въ устроительство «уюта» и только? Такая женщина слишкомъ ясно видитъ, что это не уютъ, не семья, а могила, гдѣ безвозвратно хоро-

нятся лучшія силы, надежды, все, чѣмъ жизнь красна, и сумѣетъ охранить себя и дорогихъ ей лицъ отъ жалкой участи—быть заживо похороненными. Или семья удесятеритъ силы такой женщины, потому что въ кругѣ дорогихъ и любимыхъ лицъ она находитъ ежечасно новый источникъ для ума и души, или же она броситъ семью, если видитъ, что не можетъ дать ей счастья даже цѣною собственной гибели. А что счастья нѣтъ, это мы уже указывали. Такой выходъ—для всѣхъ спасеніе, и прежде всего для нея самой. Но прожить чуть не полъ-жизни и только тогда спохватиться, что душа опустошена и никому не легче отъ этого,—значитъ, что въ душѣ-то врядъ ли было что опустошать, и злобная ссылка на «паука»—просто одинъ отводъ глазъ, новый самообманъ, послѣдняя и самая жалкая иллюзія.

Тѣмъ и отличается современная постановка женскаго вопроса, что никто уже, кромѣ допотопныхъ ихтіозавровъ, не оспариваетъ правъ женщины на самостоятельное человѣческое существованіе. Эти права ею отвоеваны. Надо только умѣть ими пользоваться. И въ каждомъ конфликтѣ жизни, гдѣ приходятъ въ столкновенія права человѣка и обязанности жены и матери, женщина должна, не колеблясь, отстаивать прежде всего первыя. Прежде человѣкъ, а потомъ уже жена, потомъ уже мать, и никогда наоборотъ,—и потому такъ, что только женщина-человѣкъ въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи слова можетъ быть и истинной женой, и истинной матерью. Достаточно мы имѣемъ женъ-кухарокъ и матерей-насѣдокъ, и счастья онѣ еще никому не дали. Тогда и «мягкотѣлый интеллигентъ» пойметъ, что женщина можетъ быть не только хозяйкой и матерью, а еще кое-чѣмъ, весьма цѣннымъ въ семейномъ быту. Кому и въ голову не придетъ изрекать такія «истины» и недоумѣло вопрошать, какъ примѣнить къ жизни высшіе идеалы семейственности и общественности. Потому и не придетъ, что ему прежде всего самому придется преобразиться изъ мягкотѣлаго тоже въ человѣка, иначе не видать ему ни жены, ни семьи. Тогда и дѣтямъ не придется начинать самостоятельную жизнь съ разрыва съ «отцами», потому что не будетъ такой пропасти между ихъ идеалами и той семьей, какую устроитъ новая женщина.

Задача трудная, требующая долгой борьбы и многихъ страданій, но кто «ищетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу»...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Въ московскомъ земствѣ. Московское губернское земское собраніе въ засѣданіи 11-го февраля обсуждало, по словамъ московскихъ газетъ, вопросъ о мелкой земской единицѣ. Докладъ вызвалъ долгія пренія, въ результатѣ которыхъ были приняты слѣдующія положенія:

1) Въ цѣляхъ приближенія земскихъ учрежденій къ населенію и возможно успѣшнаго исполненія ими лежащихъ на нихъ задачъ, является необходимымъ и своевременнымъ образованіе — въ дополненіе къ губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ—новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы.

2) Мелкая земская единица должна быть союзомъ обязательнымъ, а не добровольнымъ.

3) Она должна быть союзомъ, объединяющимъ мѣстныхъ жителей безъ различія сословій.

4) У нея должна быть опредѣленная территорія.

5) Вся территорія уѣзда, за исключеніемъ городовъ, дѣлится на мелкія земскія единицы.

6) Опредѣленіе территоріальныхъ границъ мелкихъ земскихъ единицъ должно быть предоставлено уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, которымъ при этомъ не должно быть вмѣняемо въ обязанность придерживаться существующихъ административныхъ или церковныхъ дѣленій уѣзда: волостей, приходовъ и т. п.

7) Въ кругъ вѣдомства мелкой земской единицы должны входить всѣ задачи, предоставленныя вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.

8) Учрежденіе мелкой земской единицы ни въ какомъ случаѣ не должно вести къ ограниченію компетенціи или умаленію правъ губернскаго или уѣзднаго земства.

9) Мелкая земская единица не должна быть подчинена руководству и контролю уѣзднаго или губернскаго земства, но, при сохраненіи за ней самостоятельности, уѣздному земству должны быть предоставлены по отношенію къ ней нѣкоторыя преимущественныя права, подобно тому, какъ нынѣ таковыя предоставлены губернскому земству по отношенію къ уѣзднымъ.

10) Разграниченіе компетенцій мелкой земской единицы и уѣзднаго зем-

ства должно быть предоставлено земскому собранію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ предоставлено нынѣ губернскому земскому собранію разграниченіе компетенцій губернскаго и уѣздныхъ земствъ (ст. 63 п. 1).

11) Мелкая земская единица должна имѣть право самообложенія, ограниченное извѣстнымъ максимальнымъ процентомъ, опредѣляемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

12) Сборы въ пользу мелкой земской единицы взимаются на основаніи оцѣнокъ, установленныхъ уѣзднымъ земствомъ для взиманія уѣзднаго земскаго сбора.

13) Въ основу представительства въ мелкой земской единицѣ должно быть положено обладаніе недвижимымъ имуществомъ извѣстнаго размѣра, доходности или цѣнности, обложенныхъ земскимъ сборомъ.

14) Имущественный цензъ, означенный въ предыдущемъ пунктѣ, долженъ быть значительно ниже ценза, требуемаго для участія въ выборѣ гласныхъ въ уѣздное земское собраніе.

15) Женщины участвуютъ въ представительствѣ мелкой земской единицы и въ завѣдываніи ея дѣлами на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами.

16) Организація мелкой земской единицы слагается изъ собранія, представляющаго мѣстное населеніе, и изъ исполнительнаго органа, избираемаго собраніемъ и подлежащаго его контролю.

17) Собраніе состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ личными собственниками и юридическими лицами (сельскими общинами, товариществами, обществами и проч.), удовлетворяющими условіямъ ценза, но въ тѣхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, когда, по малому количеству личныхъ собственниковъ въ районѣ, окажется невозможнымъ организовать въ средѣ ихъ выборы, собраніе можетъ состоять непосредственно изъ всѣхъ личныхъ собственниковъ даннаго района и изъ выборныхъ представителей сельскихъ общинъ и другихъ, обладающихъ цензомъ юридическихъ лицъ.

18) Предсѣдатель собранія избирается самимъ собраніемъ изъ своей среды.

19) Исполнительный органъ можетъ быть коллегіальнымъ или единоличнымъ по усмотрѣнію собранія мелкой земской единицы.

20) Званіе предсѣдателя собранія несовмѣстимо съ отправленіемъ обязанностей исполнительнаго органа.

Въ вопросѣ о возбужденіи надлежащаго ходатайства, относительно организаціи мелкой земской единицы, собраніе раздѣлилось на двѣ части: одни гласные находили такое ходатайство въ данный моментъ несвоевременнымъ, другіе—считали его необходимымъ.

При баллотировкѣ большинство гласныхъ примкнуло къ первому взляду. Такимъ образомъ, указанныя положенія имѣютъ лишь принципіальный характеръ.

При возбужденіи ходатайства, они будутъ развиты, подкрѣплены новымъ матеріаломъ, и собранію придется къ этому вопросу возвратиться. Для дальнѣйшей обработки «положеній» избрана особая коммиссія.

Читальня для босяковъ. Такая читальня существуетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Носитъ она наименованіе городской пушкинской безплатной читальни и служитъ, главнымъ образомъ, для босяковъ, населяющихъ трущобы нижней части города. Содержится эта читальня на средства города и управляется особымъ комитетомъ. На-дняхъ вышелъ отчетъ о дѣятельности читальни за 1903 г., съ которымъ мы, пользуясь извлеченіемъ изъ него, помѣщеннымъ въ «Нижегор. Листкѣ», считаемъ не лишнимъ познакомить и нашихъ читателей.

Содержаніе читальни въ 1903 г. обошлось въ 1.865 р. 60 к. На пріобрѣтеніе книгъ израсходовано 186 р. 87 к., на выписку газеты 106 р. 60 к. и журналовъ 130 р. Въ среднемъ читальню посѣщали ежедневно болѣе 100 человѣкъ при колебаніи максимума (зимой) 239 человѣкъ и минимума (лѣтомъ) 9 человѣкъ. Составъ посѣтителей въ процентномъ отношеніи выражается въ такихъ цифрахъ: сословный: крестьянъ 54,3, мѣщанъ 36,7, дворянъ 2,5, чиновниковъ 2,4, почетныхъ гражданъ 2,3, цеховыхъ 1,8. По возрасту и полу: мужчинъ 91,89, мальчиковъ 7,99, дѣвочекъ 0,08, женщинъ 0,04. По образованію: низшаго 85,77, домашняго 11,12, средняго 3,07, высшаго 0,04. По роду занятій: чернорабочихъ 56,5, мастеровыхъ 25,4, прислуги 6,1, занимающихся письмоводствомъ 5,4, учащихся 3,4, торговцевъ 3,2.

Требованія на книги, журналы и газеты идутъ въ такомъ порядкѣ: педагогика и учебныя 0,2, законовѣдѣніе, общія юридическія науки 0,34, исторія литературы 0,36, медицина и гигіена 0,53, ремесла, производства, справочныя 0,59, духовнаго содержанія 1,46, географія, этнографія и путешествія 1,5, естествознаніе и сельское хозяйство 1,53, исторія и біографія 1,54, беллетристика 12,04, журналы 2,58, иллюстрированные журналы 14 проц., газеты столичныя 11,32, мѣстныя 52,01.

Главный контингентъ посѣтителей читальни — тѣ же обитатели нижнебазарныхъ трущобъ, бездомный оборванный людъ, босяки, такъ называемая «золотая рота». Въ отчетномъ году читальню стали болѣе посѣщать учащіеся, подростки и дѣти—золоторотцы. Послѣдніе забираются въ читальню и проводятъ въ ней почти весь день за чтеніемъ. По поводу прочитаннаго они много говорятъ со своими товарищами въ ночлежкѣ, увлекаютъ ихъ своими разсказами настолько, что и тѣ въ свою очередь являются въ читальню съ просьбой дать книжечку.

Крестьяне, приходящіе изъ деревни въ городъ на заработки, обыкновенно обращались съ просьбой дать почитать какую-нибудь книжку, такъ какъ сами они мало читали и затрудняются въ выборѣ. Въ такихъ случаяхъ имъ предлагали мелкіе и интересные по содержанію разсказы Засодимскаго, Чехова, Мамина-Сибиряка, Л. Толстого, «Книжка за книжкой» Слѣпцовой («Колдуны и вѣдьмы»), Рубакина, Лункевичъ («Громъ и молнія») и др. Заинтересовавшись чтеніемъ, посѣтители спрашивали еще и еще такихъ же книжекъ. Просили также почитать что-нибудь о деревенской, крестьянской жизни, хлѣбопашествѣ и т. п.

Спросъ на беллетристику преобладалъ. Съ большимъ интересомъ читали

сочиненія: Л. Н. Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Мельникова, Островскаго, Чехова, Короленко, Потапенки, Мамина-Сибиряка. Изъ иностранныхъ писателей—В. Гюго («Отверженные»), Сенкевича («Камо грядеши?», «Потопъ», «Огнемъ и мечомъ»), Золя. Жюль-Верна, Майнъ-Рида и Фенимора Купера читали по преимуществу подростки. Дѣти спрашивали больше сказки Андерсена, Гриммаи Аѳанасьева, разсказы изъ естественной исторіи Водовозовой. О романахъ Гюго приходилось слышать такіе отзывы: «не такъ легко его читать, какъ Чехова: нужно нѣкоторое усиліе, чтобы вникнуть въ суть его романовъ, но ужъ зато потомъ просто не оторвешься, весь уходишь въ книгу и забываешь, что дѣлается кругомъ—такъ хорошо онъ пишетъ». О произведеніяхъ Достоевскаго отзывались такъ: «его романы оставляютъ такое сильное и тяжелое впечатлѣніе, что послѣ не скоро опомнишься, такъ и мерещится все во снѣ и на яву». О Тургеневѣ говорили: «ужъ такъ онъ хорошо и просто пишетъ, точно самъ все это переживаешь». О разсказахъ Чехова отзывались такъ: «очень интересно и живо пишетъ». Интересовались также біографіями Пушкина, Лермонтова, Л. Н. Толстого, Никитина и друг. и говорили, что «хотѣлось бы узнать, какъ прошло ихъ дѣтство и какъ научились они такъ занимательно писать».

Нѣкоторые спрашивали исключительно историческія книги и на вопросъ, «почему ихъ такъ интересуетъ исторія», отвѣчали: «любопытно знать, какъ люди жили прежде, какъ жили и живутъ иностранцы, ихъ нравы и обычаи. Учиться намъ не пришлось, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть изъ книжекъ что-нибудь узнаемъ». Спрашивали больше Іегера, Соловьева, Петрушевскаго, Карамзина, Сиповскаго, Разина и Лапина.

Затѣмъ особеннымъ спросомъ по географіи, этнографіи и путешествіямъ пользовались «Живописная Россія» (прил. къ «Нови»), «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ»—Водовозовой, Реклю, Мечь и др.

По естествознанію съ большимъ интересомъ читали: «Книжка за книжкой»—Слѣпцовой («Колдуны и вѣдьмы»), Лункевича («Громъ и молнія»), Рубакина, «Астрономическіе вечера»—Клейна, о которыхъ всегда отзывались съ большой похвалой.

Интересовались также популярной медициной и читали приложенія къ «Народному здравію», Флоринскаго, Бока, Добеля, Крафта-Эбинга и друг.

Спрашивали также законы, уложеніе о наказаніяхъ и другія книги по законовѣдѣнію.

Большой спросъ былъ на послѣднія произведенія Л. Н. Толстого, полное собраніе сочиненій Некрасова, Гл. Успенскаго, Салтыкова, Максима Горькаго, Чирикова и другихъ новѣйшихъ писателей. Спрашивали между прочимъ, философію Канта, Фихте, Шопенгауера, Ницше, книги по политической экономіи, исторіи и соціологіи, но требованія эти не могли быть удовлетворены, такъ какъ произведенія эти не входятъ въ каталогъ книгъ, допущенныхъ въ народныя читальни.

Въ концѣ года для читальни пріобрѣтена витрина съ восемью подвижными рамами, въ которыя вставляются картины изъ разныхъ иллюстрирован-

ныхъ журналовъ по исторіи, географіи, естествознанію и текущимъ событіямъ съ объясненіемъ картинъ или указаніемъ, въ какой книгѣ можно получить о нихъ объясненія. Картины эти мѣняются. Публика ими очень интересуется и около витрины всегда толпится народъ. Пріобрѣтены также картины Булгаковскаго «Пьянство и его послѣдствія», которыя висятъ на стѣнѣ.

За все время пропало только двѣ книги, которыя въ скоромъ времени были доставлены въ читальню, одна В. А. Рукавишниковымъ, другая г. Лютовымъ. Книги эти пріобрѣтены ими случайно и возвращены тотчасъ же, какъ только замѣченъ былъ штемпель Пушкинской читальни. Отъ полученія денегъ за доставленныя книги и тотъ и другой отказались.

Комитетъ принималъ всѣ мѣры къ возможно широкому распространенію книгъ среди читателей, тѣмъ не менѣе приходится констатировать весьма печальный фактъ—уменьшеніе количества требованій на книги. Явленіе это наблюдается и во многихъ другихъ народныхъ читальняхъ. Объясняется это крайнею ограниченностью каталога книгъ, допущенныхъ въ народныя читальни. Каталогъ этотъ не можетъ удовлетворить взрослыхъ городскихъ жителей, которые по развитію стоятъ выше сельскаго населенія. Чуть не каждый день приходилось отказывать посѣтителямъ въ книгахъ, газетахъ и журналахъ, которые свободно выдаются во всѣхъ остальныхъ читальняхъ, не имѣющихъ названія «народныхъ». Вотъ почему въ настоящее время многія общественныя учрежденія и земства, въ томъ числѣ и наше нижегородское, возбудили ходатайство о расширеніи каталога для народныхъ читаленъ. Комитетъ пушкинской читальни къ этому безусловно присоединяется и находитъ, что только при благопріятномъ разрѣшеніи этого ходатайства возможно нормальное развитіе ея дѣятельности.

Несмотря на эти, крайне неблагопріятныя условія, пушкинская читальня за три года своего существованія оказала не малую услугу городу въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго оздоровленія того района, въ которомъ она находится. Все это не подлежитъ сомнѣнію. Стоитъ только вспомнить, какъ рабочій людъ проводилъ свой досугъ въ этой мѣстности прежде, до открытія читальни, и какъ проводитъ онъ его теперь.

Два доклада. Въ засѣданіи постоянной коммиссіи, состоящей при московскомъ «Музеѣ содѣйствія труду», были заслушаны два интересныхъ сообщенія: 1) О. Б. Гальдовскаго—«О положеніи желѣзнодорожныхъ служащихъ» и 2) Н. М. Быкова—«Рабочіе на городской службѣ въ Москвѣ». Авторъ перваго доклада коснулся, по словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», стараго, но вѣчно новаго вопроса о непомѣрно длинномъ рабочемъ днѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и объ общественной безопасности, мало гарантируемой хронически переутомленнымъ персоналомъ низшихъ агентовъ желѣзнодорожной службы. Пользуясь обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ лично «черезъ посредство представителей желѣзнодорожнаго міра», авторъ рисуетъ яркую картину невыносимо тяжелаго положенія огромной арміи тружениковъ, доходящей до 400 тысячъ человѣкъ. Предъ умственнымъ взоромъ слушателя безконечной

вереницей проходятъ тысячи замученныхъ непосильнымъ трудомъ кондукторовъ, кочегаровъ, смазчиковъ, стрѣлочниковъ; сотни крушеній съ тысячами невинныхъ жертвъ безъ вины виноватыхъ «агентовъ». Въ докладѣ приведенъ бывшій на одной изъ желѣзныхъ дорогъ случай, дающій наилучшую характеристику бытового положенія многихъ тысячъ низшихъ служащихъ.

Вслѣдствіе осадки пути, къ одному мѣсту линіи былъ приставленъ сторожъ съ сигнальнымъ фонаремъ для своевременной остановки поѣзда, который проходилъ означенное мѣсто медленно.

Продежуривъ безконечное число часовъ безъ смѣны, сторожъ почувствовалъ непреодолимое желаніе соснуть. Не будучи въ силахъ держаться на ногахъ, онъ ложится головой на рельсы въ надеждѣ услышать шумъ приближающагося поѣзда. Цѣною жизни несчастный купилъ часъ желаннаго отдыха.

Помимо отсутствія какихъ-либо заботъ объ охранѣ трудовыхъ интересовъ служащихъ, докладчикъ констатируетъ и совершенную необезпеченность служебнаго персонала дорогъ въ смыслѣ надлежащей врачебной помощи. Расходы на этотъ предметъ въ области желѣзнодорожнаго хозяйства считаются излишними и непроизводительными. Врачи безсильны ввести какія-либо улучшенія въ организацію медицинскаго дѣла. Наибольшіе шансы на продолжительную службу и высокіе оклады имѣютъ врачи, сознательно закрывающіе глаза на самыя вопіющія нужды служащихъ, ограничивающіе свою дѣятельность перепиской, отпиской и проч.

На Николаевской жел. дорогѣ, дающей 34 тыс. р. валового дохода на версту, стоимость охраны здоровья каждаго служащаго равняется 6 р. 77 к. На Самаро-Златоустовской ж. д., при валовомъ доходѣ съ версты 12 тыс. р., расходъ на врачебную часть выражается въ 7 руб. 32 коп. на служащаго. Московско-Брестская ж. д., при 13 тыс. дохода, тратитъ на тотъ же предметъ 6 р. 37 к. Въ отдѣльномъ корпусѣ пограничной стражи, состоящемъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, на охрану здоровья каждой лошади тратится 4 р. 85 к., между тѣмъ какъ на многихъ дорогахъ расходъ на медицинскую часть выражается въ суммѣ 80—90 коп. на человѣка.

Въ заключеніе своего обширнаго доклада, авторъ указываетъ на слабыя и пока безрезультатныя попытки къ урегулированію въ законодательномъ порядкѣ условій жизни и труда многотысячной массы желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Н. М. Быковъ въ своемъ докладѣ далъ любопытныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ учрежденіяхъ Москвы. За исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ, работающихъ временно, сезонно, число постоянныхъ рабочихъ, состоящихъ на городской службѣ, составляетъ около 7 тысячъ. На содержаніе всѣхъ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ городъ тратитъ 1.200.000 р. въ годъ. При такой массѣ рабочаго люда, занятаго въ городскихъ учрежденіяхъ, естественно было бы ожидать проявленія со стороны городскаго управленія какихъ-либо заботъ о санитарныхъ, жилищныхъ и другихъ нуждахъ низшаго городского персонала. Изъ заявленій, сдѣланныхъ отдѣльными членами собранія, близко стоящими къ городскимъ дѣламъ, явствуетъ, что въ этомъ смыслѣ ничего не сдѣлано.

Авторъ ограничился лишь числовыми данными о рабочихъ по отдѣльнымъ учрежденіямъ и, къ сожалѣнію, совершенно не коснулся условій внутренняго быта городскихъ рабочихъ. Нѣкоторые члены собранія указали на чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня въ нѣкоторыхъ городскихъ учрежденіяхъ (напр. конка), низкую оплату труда и проч. Косвенное подтвержденіе этихъ указаній находится въ самомъ докладѣ, констатирующемъ частую смѣну служебнаго персонала въ городскихъ предпріятіяхъ. Въ докладѣ, напримѣръ, устанавливается, что 34,2 проц. всѣхъ городскихъ рабочихъ остается на службѣ менѣе одного года. Коммиссія выразила пожеланіе, чтобы городское самоуправленіе, въ виду развивающейся муниципализаціи городскихъ предпріятій, занялось разработкой вопроса объ условіяхъ жизни и труда городскихъ рабочихъ. Если бы они оказались неудовлетворительными, на обязанности города, въ отличіе его отъ частныхъ предпринимателей, лежитъ забота объ охранѣ здоровья и труда значительной массы людей, служащихъ городу.

Прошлое соловецкой тюрьмы. Въ февральской книгѣ «Міра Божія» (см. «Изъ русскихъ журн.») мы познакомили читателей съ интересной статьей г. Мартынова о соловецкой тюрьмѣ. Теперь г. А. Пругавинъ разсказываетъ въ «Правѣ» о соловецкой тюрьмѣ, прекратившей нынѣ свое существованіе.

Ссылка въ Соловки, пишетъ онъ, особенно широко примѣнялась во все продолженіе царствованія императора Николая Павловича, который охотно прибѣгалъ къ этому наказанію, подвергая монастырскому заточенію: сектантовъ, раскольниковъ, офицеровъ, монаховъ, студентовъ, священниковъ, помѣщиковъ, крестьянъ, чиновниковъ, купцовъ, солдатъ и т. д.

Преступленія, которыя карались ссылкою въ Соловки и заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ, отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ и разнохарактерностью. Однако, не можетъ подлежать сомнѣнію, что огромное большинство арестантовъ соловецкой тюрьмы составляли такъ называемые религіозные преступники, т.-е. преступники противъ господствующей религіи и церкви.

Чаще всего монастырскому заключенію въ Соловкахъ подвергались вожаки и руководители раскола - старообрядчества, а также основатели и главные дѣятели разныхъ сектъ, въ родѣ извѣстнаго безпоповца, костромского купца Папулина, есаула донского войска Евлампія Котельникова, извѣстнаго мистика, игумена Селентинскаго монастыря Израиля, основателя Деснаго братства, артиллерійскаго капитана Ильина, «духовнаго царя» прыгуновъ Рудометкина, пермскаго купца Адріана Пушкина, наставника саратовскихъ молоканъ Петра Плеханова, знаменитаго въ лѣтописяхъ секты бѣгуновъ или странниковъ Никиты Семенова Киселева и т. д.

Рядовые же, обыкновенные раскольники и сектанты ссылались въ Соловки большею частью тогда, когда они были обличены или же только заподозрѣны въ распространеніи раскола или сектантства. Несоблюденіе тѣхъ или иныхъ таинствъ православной церкви точно также каралось соловецкой тюрьмой. Такъ

*

напримѣръ, трое солдатъ были сосланы въ Соловки «за несогласіе крестить дѣтей своихъ по обряду православной церкви».

Всѣ арестанты всегда присылались подъ строгимъ секретомъ, причемъ весьма часто причины ссылки и заточенія того или другого лица указывались лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, напримѣръ, въ такомъ родѣ: высылается «за противозаконныя и крайне вредныя по расколу дѣйствія», или же: «за пребываніе въ ереси и отрицаніе таинствъ исповѣди и святого причащенія», или: «за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ и богопротивныя дѣянія», или: «за надругательство надъ св. иконами», или: «за вторичное обращеніе изъ православія въ расколъ», или: «за духовное преступленіе, въ которое онъ (штабсъ-капитанъ Щеголевъ) былъ вовлеченъ безнравственностью и невѣжествомъ» и т. д.

Но и такого рода краткія характеристики дѣлались далеко не всегда, нерѣдко же причины заточенія опредѣлялись еще болѣе лаконически и въ то же время еще болѣе неопредѣленно, какъ, напримѣръ: «за раскольничество», «за старообрядчество», «за раскольническую ересь» и т. д. Наконецъ, въ числѣ заключенныхъ въ монастырской тюрьмѣ были и такіе, относительно которыхъ даже само монастырское начальство было въ полной неизвѣстности о причинахъ, вызвавшихъ ихъ заточеніе.

Множество лицъ ссылалось въ Соловки «за отпаденіе отъ православія» и «за совращеніе въ расколъ или ересь». Чиновникъ 8-го класса Крестинскій былъ заключенъ въ соловецкую тюрьму «за совращеніе себя (!), жены своей и дѣтей въ раскольническую ересь безпоповщины». Съ особенною же строгостью преслѣдовалось совращеніе въ расколъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Довольно часты были случаи, когда въ Соловки ссылали за отказъ отъ военной службы; такіе отказы большею частью происходили по мотивамъ религіознаго характера. Такъ, рекрутъ изъ крестьянъ Московской губерніи, молоканинъ Иванъ Шуруповъ, 19 лѣтъ, по принятіи на службу, «отказался дать присягу, несмотря на всевозможныя принужденія». Свой отказъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что, по слову Божію, нужно служить одному Богу, а потому служить государю онъ не желаетъ и присягу принять отказывается, опасаясь быть клятвопреступникомъ.

Кому случалось лично бывать въ Соловкахъ, тотъ навѣрное никогда не забудетъ того тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія, какое неизмѣнно на всѣхъ производила монастырская тюрьма, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «острога» и «темницы».

Старинное, мрачное зданіе въ три этажа высилось надъ каменной стѣной, которая отдѣляла его отъ другихъ монастырскихъ зданій. Особенно ваше вниманіе приковывали къ себѣ ряды маленькихъ темныхъ оконъ съ тусклыми, позеленѣвшими отъ времени стеклами, съ толстыми тройными рамами и двойными желѣзными рѣшетками.

Тюрьма состояла изъ тѣсныхъ, полутемныхъ казематовъ, пропитанныхъ затхлой сыростью и зловоніемъ «парашекъ» и лишенныхъ всякой вентиляціи. Вообще, здѣсь никто не думалъ ни о необходимости вентиляціи, ни о соблю-

деніи другихъ, не менѣе важныхъ и элементарныхъ требованій гигіены и санитаріи. Соловецкая тюрьма, какъ и всѣ вообще монастырскія тюрьмы, стояла внѣ всякаго контроля судебныхъ и тюремныхъ учрежденій и находилась въ полномъ и единоличномъ завѣдываніи настоятеля монастыря, который и считался ея «комендантомъ». Пища была грубая и скудная. Арестанты радовались, какъ дѣти, когда имъ приносили свѣжій, мягкій хлѣбъ.

Тяжесть положенія лицъ, заточенныхъ въ монастырѣ, особенно усиливалась благодаря климатическимъ, совершенно исключительнымъ условіямъ Соловецкаго острова: постоянные туманы, плотно окутывающіе землю, холодное, нелюдимое море, длинныя, полярныя ночи, безконечныя суровыя зимы, тьма и мракъ, жестокія пурги и лютые морозы—вотъ что окружало узниковъ, томившихся въ сырыхъ и смрадныхъ казематахъ монастырской тюрьмы долгіе-долгіе годы, а зачастую и цѣлые десятки лѣтъ.

Долгое время глубокая тайна скрывала все то, что касалось заточенія людей въ монастырскія тюрьмы. Долгое время русская печать не имѣла возможности касаться вопроса о монастырскихъ заточеніяхъ и въ частности вопроса о соловецкой тюрьмѣ и условіяхъ содержанія въ ней заключенныхъ. Только въ 1880 г., благодаря тѣмъ совершенно случайнымъ и кратковременнымъ облегченіямъ, которыя получила паша печать при Лорисъ-Меликовѣ, явилась возможность заговорить о соловецкой тюрьмѣ, поднять вопросъ о необходимости освобожденія лицъ, содержащихся въ ней и, наконецъ, поставить вопросъ о настоятельной необходимости возможно скорѣе и разъ навсегда покончить съ этой давно отжившей формой наказанія, отъ которой такъ и вѣетъ средними вѣками.

Окончательному упраздненію соловецкой тюрьмы, какъ говорятъ, не мало содѣйствовалъ бывшій военный министръ А. Н. Куропаткинъ, лично посѣтившій Соловки лѣтомъ 1902 года. Какъ бы то ни было, но въ слѣдующемъ 1903 году состоялась передача правительствомъ тюремныхъ зданій въ собственность соловецкаго монастыря. Кромѣ главнаго зданія, въ которомъ была тюрьма, монастырю переданъ также и двухъэтажный каменный флигель, гдѣ помѣщались караульныя команды и офицеръ.

Къ дѣлу В. М. Дорошевича. Въ дополненіе къ помѣщенному въ свое время на страницахъ «Міра Божія» дѣлу по обвиненію В. М. Дорошевича въ клеветѣ, помѣщенъ краткій отчетъ о разсмотрѣніи кассаціонной жалобы бывшаго сахалинскаго смотрителя Фельдмана. Это дѣло было заслушано въ четвертомъ отдѣленіи департамента Правительствующаго Сената 13 февраля Предсѣдательствовалъ сенаторъ Г. К. Рѣпинскій. Изъ доклада, сдѣланнаго сенаторомъ К. В. Постовскимъ видно, что г. Фельдманъ привлекъ къ судебной отвѣтственности г. Дорошевича за то, что послѣдній въ помѣщенныхъ имъ газетныхъ фельетонахъ и сообщеніяхъ изъ Сахалина оклеветалъ Фельдмана, который, по словамъ Дорошевича, кормилъ арестантовъ недоброкачественнымъ хлѣбомъ изъ желанія экономировать на припекѣ и слишкомъ жестоко обращался съ арестантами.

Одесскій окружный судъ, гдѣ было предъявлено обвиненіе,—ссылаясь на показанія свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что при тѣхъ деньгахъ, которыя отпускались для арестантовъ, хлѣбъ, отпускаемый имъ, могъ быть лучшаго качества, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а равно ознакомившись съ приложенными къ дѣлу документами и брошюрою г. Дриля и другими обстоятельствами удостовѣрявшими слова г. Дорошевича,—призналъ послѣдняго невиновнымъ.

Мнѣніе одесскаго окружнаго суда раздѣлила также и одесская судебная палата. Фельдманъ въ своей кассаціонной жалобѣ призналъ рѣшеніе одесской судебной палаты неправильнымъ, во-первыхъ, потому, что палатой не были разсмотрѣны всѣ обстоятельства, на которыя указывалъ обвинитель для доказательства вины Дорошевича, во-вторыхъ, потому, что показаніе одного изъ свидѣтелей было извращено.

Защитникъ Дорошевича, помощникъ присяжнаго повѣреннаго М. Л. Гольдштейнъ, сослался на слова заключенія одесской судебной палаты, изъ которыхъ видно, что палатой при рѣшеніи дѣла приняты были во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, и на рѣшеніе сената по аналогичному дѣлу, изъ котораго слѣдуетъ, что извращеніе показанія одного свидѣтеля не можетъ служить поводомъ къ кассаціи, если другой свидѣтель показываетъ подтвержденіе фактовъ, послужившихъ основаніемъ для того или другого постановленія суда, и просилъ сенатъ утвердить рѣшеніе одесской судебной палаты.

Представитель обвинительной власти, товарищъ оберъ-прокурора С. М. Зарудный настаивалъ на отмѣнѣ рѣшенія одесской судебной палаты, не принявшей во вниманіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла, доказывающихъ вину Дорошевича. Сенатъ послѣ продолжительнаго совѣщанія постановилъ: рѣшеніе одесской судебной палаты отмѣнить и поручить той же палатѣ вновь разсмотрѣть дѣло.

Переходъ общества въ другое вѣдомство. На состоявшемся 27-го февраля засѣданіи совѣта общества содѣйствія народному образованію въ Ярославской губ. было выслушано, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣдомости», въ числѣ другихъ дѣлъ сообщеніе ярославскаго губернатора о переходѣ общества изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Присутствовавшій на засѣданіи директоръ народныхъ училищъ П. Н. Мочульскій предъявилъ совѣту требованіе о скорѣйшемъ доставленіи ему отчета о дѣятельности общества, совѣта и состоящихъ при немъ коммиссій за 1903 г. Много преній на засѣданіи возбудилъ вопросъ относительно порядка разсмотрѣнія списковъ книгъ, предназначенныхъ для выписки коммиссіей по продажѣ и изданію книгъ. Директоръ народныхъ училищъ настаивалъ на томъ, чтобы пріобрѣтались исключительно книги, разрѣшенныя и одобренныя имъ или его помощникомъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Ѳ. И. Носиловымъ. Большинство членовъ совѣта находило, что одобреніе списковъ составляетъ право совѣта въ полномъ его составѣ, а потому и не можетъ быть ограничено согласіемъ одного лица, которое, однако, не лишено возможности высказывать свое мнѣніе въ совѣтѣ при обсужденіи списковъ книгъ. По уставу общества ди-

ректоръ народныхъ училищъ состоитъ постояннымъ членомъ совѣта. Затѣмъ на засѣданіи былъ выслушанъ отказъ кн. Д. И. Шаховскаго, А. П. Крылова (предсѣдатель губернской земской управы) и С. А. Мусина-Пушкина (членъ губернской управы) отъ званія членовъ совѣта. Совѣтъ постановилъ назначить въ возможно непродолжительномъ времени общее собраніе.

Послѣдователи г. Крушевана. Корреспондентъ «Южной Россіи» изъ м. Новый-Бугъ указываетъ на громадное распространеніе въ этомъ мѣстечкѣ идей г. Крушевана. Энергія мѣстныхъ антисемитовъ, въ виду близкаго наступленія праздниковъ, по словамъ корреспондента, чрезвычайно усилилась, и ихъ, почти совершенно открытая, агитація среди мѣстнаго населенія за устройство маленькаго Кишинева принимаетъ угрожающіе размѣры.

Эти достойные мѣстные дѣятели, не довольствуясь однимъ распространеніемъ изданій въ родѣ «Бессарабца» и «Знамени», воспользовались для своихъ цѣлей и русско-японской войной. Эксплоатируя патріотическое чувство, охватившее народъ, они стараются направить это чувство противъ еврейскаго населенія, распространяя слухи о милліонахъ, будто бы пожертвованныхъ евреями Японіи, о флотѣ, созданномъ тѣми же евреями для той же Японіи. Распространяютъ они эти слухи оригинальнымъ образомъ. Проходя по мѣстечку, встрѣчаешь то тутъ, то тамъ кучки крестьянъ, слушающихъ что-то со вниманіемъ: это «патріотъ» читаетъ имъ «Знамя» или что-нибудь подобное, развивая попутно свои мысли, дѣлая соотвѣтственныя замѣчанія и весьма не двусмысленныя указанія. Понятно, какое дѣйствіе производятъ на простолюдина эти слухи, выставляющіе евреевъ—измѣнниками, и эти указанія, выводы, подкрѣпляемые печатнымъ словомъ, имѣющимъ неотразимое вліяніе на умы крестьянъ. Даже тѣ, которые не вполнѣ довѣряютъ этимъ слухамъ, должны сдаться передъ неотразимымъ аргументомъ: «Коли бъ это было неправдою, то печатать не дозволили бы».

И результаты этой работы начинаютъ уже сказываться: то здѣсь, то тамъ появляются симптомы, указывающіе на обостреніе отношеній между еврейской и христіанской частью населенія, до сихъ поръ уживавшихся мирно между собою.

И эти результаты достигнуты, несмотря на крайнюю малочисленность дѣйствующихъ у насъ подстрекателей. Послѣдніе большей частью преслѣдуютъ свои личныя интересы съ цѣлью—уничтожить конкурентовъ-евреевъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ съ такою энергіею, что даже мужики удивляются и спрашиваютъ:

— Что сдѣлали имъ евреи?

А дѣло объясняется просто: оставаясь побѣжденными въ борьбѣ съ единичными евреями на той же почвѣ, подстрекатели переносятъ свою злобу на всѣхъ евреевъ и превращаются въ самыхъ дѣятельныхъ гонителей. Несчастному еврейскому населенію остается единственная надежда на административную власть, которая не преминетъ сдѣлать надлежащее внушеніе подстрекателямъ и напомнить имъ, какая серьезная судебная кара ожидаетъ виновныхъ въ подобнаго рода дѣятельности.

Женскій вопросъ въ петербургской думѣ. Вопросъ этотъ возникъ по нижеслѣдующему поводу.

Ревизіонной комиссіи показалось, что женскому персоналу начинаетъ отводиться въ канцеляріи управы и комиссій слишкомъ уже много мѣста, и ревизоры нашли нужнымъ проектировать мѣры къ ограниченію наплыва женщинъ въ городскія канцеляріи. Опасаясь, какъ бы женщины совсѣмъ не вытѣснили мужчинъ съ городской службы, ревизіонная комиссія предлагала установить правиломъ, что число служащихъ женщинъ въ канцеляріяхъ не должно превышать половины общаго состава канцелярій. При этомъ женщинамъ предлагалось предоставлять исключительно низшія должности нештатныхъ писцовъ, а всѣ штатныя должности замѣщать исключительно только мужчинами. Противъ такого ограниченія женскаго труда возстала городская управа. Свидѣтельствуя о томъ, что служащія въ канцеляріяхъ управы и думы женщины отличаются въ общемъ вполнѣ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ; что большинство этихъ служащихъ женщинъ обладаетъ образовательнымъ цензомъ, какого не имѣютъ многіе изъ служащихъ мужчинъ; что нѣкоторыя (пока немногія) женщины съ достоинствомъ и пользой для дѣла занимаютъ впродолженіи многихъ уже лѣтъ и штатныя должности, городская управа категорически выразилась какъ противъ установленія какого-либо максимальнаго процентнаго отношенія служащихъ женщинъ къ служащимъ мужчинамъ, такъ и противъ запрещенія женщинамъ двигаться по городской службѣ дальше должности простыхъ переписчицъ. Городская дума всецѣло стала на точку зрѣнія городской управы, и ограничительныя тенденціи ревизіонной комиссіи потерпѣли полное фіаско. При постановкѣ на открытую баллотировку предложенія ревизіонной комиссіи, за принятіе его всталъ одинъ предсѣдатель ревизіонной комиссіи Н. Н. Азарьевъ. Единогласно (за исключеніемъ г. Азарьева) рѣшивъ, что женщины могутъ быть принимаемы на городскую службу безъ опредѣленія ихъ числа, дума также категорически высказалась и за предоставленіе женщинамъ права, наравнѣ съ мужчинами, занимать и высшія канцелярскія должности, но для занятія ихъ отъ женщинъ требуется такой же образовательный цензъ, какой установленъ теперь думой для мужчинъ. На должности дѣлопроизводителей могутъ быть назначены лишь женщины съ высшимъ образованіемъ, на должности помощниковъ дѣлопроизводителей—лица съ образованіемъ не ниже средняго, и только писцами, но уже никуда далѣе не двигаясь, могутъ быть получившія образованіе и ниже средняго.

Полицейскіе стражники въ Орловской губерніи. Въ корреспонденціи изъ Орла, помѣщенной въ «С.-Пет. Вѣд.», сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности въ Орловской губерніи полицейскихъ стражниковъ.

«Недавно введенная у насъ низшая сельская полиція въ видѣ стражниковъ,—пишетъ корреспондентъ,—никакъ не можетъ установить нормальныхъ отношеній съ крестьянскимъ населеніемъ. Причиной этого служитъ отчасти недружелюбное отношеніе со стороны самихъ крестьянъ къ стражникамъ, какъ къ вторгшемуся въ ихъ жизнь постороннему элементу, такъ какъ стражниками

назначаются или жители другихъ уѣздовъ, или того же уѣзда, но отдаленныхъ волостей, психологія крестьянства, исторически свыкшагося съ выборнымъ характеромъ сельскихъ полицейскихъ должностей, причемъ объективность и умѣренность функціонированія этихъ агентовъ гарантировалась зависимостью отъ избирающаго ихъ сельскаго общества, не можетъ примириться съ мыслью о томъ, что новая реформа поставила стражниковъ внѣ ихъ вліянія. Съ другой стороны, и сами стражники не вполнѣ усвоили предѣлы своей компетенціи, чувствуя себя зависимыми лишь отъ высшей администраціи и передъ ней одной отвѣтственными, считаютъ себя «начальствомъ» надъ ввѣреннымъ ихъ охранѣ крестьянствомъ; отчасти въ силу такого взгляда на свои права, отчасти же изъ чрезмѣрнаго стремленія угодить начальству и водворить порядокъ и благоустройство по своему разумѣнію въ деревнѣ,—стражники вмѣшиваются въ личную и хозяйственную жизнь населенія, что вызываетъ крупныя недоразумѣнія и ведетъ нерѣдко къ инцидентамъ. Такъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ одинъ изъ стражниковъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, распорядился, чтобы бабы топили печи рано и къ разсвѣту кончали топку.

«Привыкшіе всегда подчиняться приказаніямъ начальства, крестьяне и на этотъ разъ передали своимъ бабамъ приказаніе стражника, предполагая, что оно исходитъ отъ высшаго начальства.

«Одна баба почему-то замѣшкалась и опоздала топить печь; такъ что когда начальство вышло «дѣлать обходъ» и скользнуло контролирующимъ взоромъ по крышамъ, чтобы убѣдиться въ исполненіи своего распоряженія, то... о ужасъ! отъ крыши одной избы отчетливо отдѣлился дымъ.

«Тогда стражникъ вошелъ въ хату и, ни слова не говоря, взялъ кочергу и началъ хозяйничать по своему: выгребъ весь жаръ на полъ и началъ его топтать и заливать водой.

«Испуганная баба подняла вой, заплакали и ребята; хозяинъ же въ это время ходилъ по воду; возвратившись домой и услыхавъ крики, онъ бросился въ избу, набросился на стражника—и завязалась драка. На шумъ и крики сбѣжались сосѣди и, по словамъ очевидца, «еще надбавили» стражнику.

«Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Орловскаго уѣзда все Рождество и всю масляницу царило на улицахъ мертвое уныніе; не слышно было ни пѣсенъ съ гармоникой, ни игръ, ни такъ называемыхъ «улицъ». Все это явилось результатомъ строжайшаго воспрещенія со стороны стражниковъ нарушать общественную тишину и порядокъ деревни какими бы то ни было проявленіями шума, хотя бы въ формѣ обычныхъ и самыхъ невинныхъ праздничныхъ пѣснопѣній и различныхъ забавъ деревенской молодежи. При малѣйшихъ попыткахъ собраться и попѣть смѣльчаки немедленно разгонялись съ угрозой, въ случаѣ повторенія, привлечь къ строгой отвѣтственности».

Бакинскіе фабриканты. Въ лодзинской газетѣ «Rozwoj» появилось объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Ткацкая фабрика кавказскаго акціонернаго общества Тагіева въ Баку ищетъ опытныхъ ткачей въ большомъ числѣ. Вознагражденіе большее, чѣмъ

на московскихъ и другихъ фабрикахъ въ Россіи. Рабочіе получаютъ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. При фабрикѣ есть баня и школа для дѣтей рабочихъ, лавка, въ которой продаются всѣ продукты по умѣреннымъ цѣнамъ, и за все это каждый рабочій уплачиваетъ по 1 рублю въ мѣсяцъ. Дѣтей рабочихъ принимаютъ на фабрику въ качествѣ учениковъ. Деньги на проѣздъ выдаются въ Лодзи, а впослѣдствіи вычитаются изъ заработка умѣренными суммами, согласно съ указаніями фабричной инспекціи. О подробныхъ условіяхъ справиться тамъ-то».

Бакинскій корреспондентъ газеты «Glos» замѣчаетъ, что объявленіе это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Здѣшніе ткачи зарабатываютъ 16—20 руб. въ мѣсяцъ, — заработокъ гораздо ниже, чѣмъ въ московскихъ и лодзинскихъ фабрикахъ; жилище для рабочихъ составляетъ одно общее зданіе безъ пола, содержимое въ ужасной, поистинѣ восточной грязи; въ этомъ зданіи помѣщаются вмѣстѣ холостые и женатые съ семьями; баня есть, но такая, въ которой зимой можно сидѣть развѣ только въ полушубкѣ. Школа также существуетъ, но безъ учителя, и теперь она служитъ жилищемъ для рабочихъ-татаръ; что же касается до лавки, то цѣны на продукты въ ней чрезвычайно высоки, да и о качествѣ товара можно бы многое сказать. Сама фабрика находится въ степи, въ разстояніи 12-ти верстъ отъ города, и рабочій, желаетъ ли онъ этого, или нѣтъ, принужденъ обращаться къ услугамъ лавки, переплачивая за всѣ съѣстные припасы.

Приведенное объявленіе возымѣло дѣйствіе, и въ Баку пріѣхало въ общемъ 160 ткачей, среди которыхъ было слишкомъ 20 обремененныхъ семьями. Разумѣется, обѣщанный рай оказался весьма неподходящимъ для лодзинскаго рабочаго, и въ результатѣ произошли недоразумѣнія съ администраціей Тагіева и съ нимъ самимъ. Всѣ пришельцы, за исключеніемъ 18-ти, очутились на улицѣ въ весьма плачевномъ положеніи; изъ нихъ около 100 человѣкъ пустились на удачу въ путь изъ Баку въ Лодзь пѣшкомъ. Ткачъ Ешке впалъ въ помѣшательство. Въ настоящее время остается въ Баку безъ работы слишкомъ 40 ткачей съ семьями, не имѣющихъ средствъ для отъѣзда.

Кстати будетъ умѣстнымъ сообщить, что рабочая биржа въ Баку находится въ весьма угнетенномъ состояніи: около 2.000 рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій не находятъ работы и живутъ со дня на день почти-что милостыней. Это—пришлые рабочіе изъ центральныхъ губерній; многихъ изъ нихъ городъ за свой счетъ отправляетъ на родину.

Въ харьковскомъ земствѣ. 22-го февраля открылось чрезвычайное харьковское губернское земское собраніе, на разсмотрѣніе котораго управой внесены 73 доклада. Такое количество послѣднихъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ докладовъ не были разсмотрѣны послѣднимъ очереднымъ собраніемъ. А между тѣмъ, среди нихъ имѣются, по словамъ «Русск. Вѣд.», весьма важные. Къ числу таковыхъ принадлежитъ, напримѣръ, весьма обстоятельный докладъ губернской управы «Объ измѣненіи нормъ

опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ по положенію 12-го 1890 г.».

Сводя всѣ пожеланія уѣзныхъ земствъ Харьковской губерніи, губернская управа привела ихъ къ нижеслѣдующимъ шести тезисамъ: 1) необходимо понизить существующій земскій избирательный цензъ, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для владѣльцевъ, прочихъ недвижимыхъ имуществъ, причемъ пониженіе это желательно произвести до половины установленнаго нынѣ дѣйствующимъ закономъ размѣра; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно уравненіе стоимости земельнаго ценза со стоимостью ценза для прочихъ недвижимыхъ имуществъ; 2) необходимо увеличить число гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія; 3) необходимо измѣнить систему представительства сельскихъ обществъ въ смыслѣ устраненія существующаго порядка избранія кандидатовъ въ гласные и назначенія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ административною властью; 4) необходимо предоставить сельскимъ обществамъ право избирать гласныхъ не только изъ своей среды, но и изъ лицъ другихъ сословій, причемъ лица эти должны обладать образовательнымъ цензомъ не ниже средняго, 5) необходимо увеличить число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ по крайней мѣрѣ до числа волостей; 6) вообще необходима коренная реформа земскаго представительства, установленнаго полож. о земск. учрежд. 1890 г., на началахъ, принятыхъ государственнымъ совѣтомъ въ основаніе Земскаго Положенія 1-го января 1864 г. Такого рода тезисы, являющіеся прямымъ выводомъ изъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, привели харьковскую губернскую земскую управу къ такимъ заключеніямъ: а) одно уменьшеніе земскаго избирательнаго ценза, безъ связи съ коренными измѣненіями полож. о земск. учрежд. 12-го іюня 1890 г., не можетъ оказать сколько-нибудь благотворнаго вліянія на ходъ земскаго хозяйства; б) самымъ желательнымъ и необходимымъ измѣненіемъ должно признать введеніе представительства территоріальнаго, пропорціонально числу владѣльцевъ и стоимости имуществъ, находящихся на данной территоріи, безъ всякой зависимости отъ сословнаго дѣленія владѣльцевъ этихъ имуществъ. Затѣмъ, какъ «переходную ступень» къ этому наиболѣе справедливому способу представительства мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, губернская управа признаетъ: 1) возвращеніе къ принципу безсословности земскаго представительства, принятому въ основаніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 г.; 2) установленіе трехъ избирательныхъ собраній: а) личныхъ землевладѣльцевъ, б) городовъ и владѣльцевъ прочихъ видовъ недвижимыхъ имуществъ и в) сельскихъ обществъ; 3) соединеніе всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, въ одно избирательное собраніе; 4) соединеніе всѣхъ владѣльцевъ прочихъ видовъ недвижимыхъ имуществъ (фабрикъ, заводовъ и пр.) и горожанъ въ одно избирательное собраніе, причемъ изъ горожанъ должны быть исключены лица, участвующія въ городскихъ выборахъ по 2-му п. ст. 24-й Город. Полож., т.-е. владѣльцы промышленныхъ и торговыхъ заведеній, не обладающіе недвижимою собственностью,—доколѣ имущества ихъ не будутъ подлежать земскому налогу по раскладкѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и недвижи-

мыя имущества; 5) производство выборовъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ по участкамъ чрезъ особыхъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, причемъ число уполномоченныхъ отъ каждаго общества должно соотвѣтствовать количеству принадлежащихъ обществу полныхъ земельныхъ цензовъ, а лица, выбранныя на собраніи уполномоченныхъ большинствомъ голосовъ, должны считаться земскими гласными въ силу акта избранія, безъ всякаго послѣдующаго утвержденія административною властью; 6) предоставленіе крестьянскимъ земельнымъ товариществамъ, составившимся изъ крестьянъ другихъ уѣздовъ или губерній, права участвовать въ избраніяхъ, подобно совладѣльцамъ нераздѣльнаго имѣнія, принадлежащимъ къ другимъ сословіямъ или хотя бы къ акціонернымъ компаніямъ; 7) опредѣленіе права на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ по совокупности всѣхъ видовъ недвижимой собственности каждаго лица, подлежащей земскому обложенію въ предѣлахъ уѣзда; 8) опредѣленіе количества гласныхъ для каждаго уѣзда пропорціонально числу владѣльцевъ и количеству полныхъ цензовъ, состоящихъ въ уѣздѣ, причемъ количество гласныхъ отъ каждаго избирательнаго собранія должно быть пропорціонально участію владѣній въ земскомъ обложеніи; въ виду этого законодательнымъ путемъ должно быть установлено только отношеніе, въ какомъ слѣдуетъ избирать гласныхъ, а не абсолютное число ихъ; 9) опредѣленіе числа гласныхъ отъ уѣздовъ въ губернскомъ земскомъ собраніи въ соотвѣтствіи съ общею цѣнностью имуществъ уѣзда, облагаемыхъ губернскимъ земскимъ сборомъ; 10) предоставленіе всѣмъ лицамъ, обладающимъ не менѣе $^1/_{20}$ полнаго ценза, не исключая и женщинъ, права выдавать довѣренности для участія въ избирательныхъ съѣздахъ всякому лицу, удовлетворяющему требованіямъ закона, хотя бы и не обладающему цензомъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ — при условіи проживанія на территоріи уѣзда не менѣе трехъ лѣтъ и обладаніи образовательнымъ цензомъ не ниже средняго; 11) предоставленіе женщинамъ, владѣлицамъ полнаго ценза, такого же права на выдачу довѣренности для участія въ избирательномъ собраніи; 12) при оставленіи нормы земскаго избирательнаго ценза, опредѣляемой по цѣнности имущества, 15.000 руб., соотвѣтственное пониженіе нормы земельнаго ценза, чтобы тотъ и другой цензъ были равноцѣнны; 13) присоединеніе къ числу лицъ, которыя не могутъ быть избираемы въ земскіе гласные, и лицъ, занимающихъ должности земскихъ начальниковъ. «Во всякомъ случаѣ, — заканчиваетъ докладъ управа, — необходимо ходатайствовать, чтобы къ участію въ окончательномъ установленіи новыхъ основаній земскаго представительства были привлечены и земскія собранія».

За мѣсяцъ. 24-го февраля въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ тифлисской судебной палаты слушалось дѣло по обвиненію девяти рабочихъ тифлисскихъ мастерскихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ въ томъ, что они вмѣстѣ съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными, лицами приняли участіе въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто 16-го іюня 1903 года, и оказали сопротивленіе полиціи. Приговоромъ суда изъ девяти обвиняемыхъ были признаны винов-

ными лишь Ив. Манджгаладзе, Алек. Кахадзе и Мих. Ботковели и приговорены: первые двое—къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ каждый, а Ботковели—безъ лишенія правъ къ тюремному заключенію на восемь мѣсяцевъ. По протесту прокурора окружнаго суда въ отношеніи шести подсудимыхъ, оправданныхъ судомъ, и по жалобѣ другихъ обвиняемыхъ на приговоръ суда дѣло перешло на разсмотрѣніе палаты. Палата замѣнила наказанія подсудимымъ: Манджгаладзе и Кахадзе—двухъмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, подсудимому Мих. Ботковели—арестомъ при полиціи на двѣ недѣли и приговорила подсудимаго Селивана и Павла Стуруа къ аресту при полиціи на двѣ недѣли каждаго. Въ отношеніи же четырехъ остальныхъ подсудимыхъ, оправданныхъ окружнымъ судомъ, палата утвердила приговоръ суда.

— Тверской губернаторъ предложилъ губернской управѣ и уѣзднымъ управамъ Тверской губерніи: «вслѣдствіе отношенія хозяйственнаго департамента отъ 14-го сего января за № 335, 497, основаннаго на приказаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю земской управѣ представить мнѣ для доставленія въ названный департаментъ по прилагаемой при семъ формѣ точный перечень всѣхъ дѣйствительно существующихъ какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ коммиссій, совѣтовъ и другихъ подобныхъ имъ коллегіальныхъ установленій, состоящихъ при земской управѣ, съ указаніемъ ихъ личнаго состава, ихъ правъ и обязанностей, а равно тѣхъ постановленій, на коихъ сіи права и обязанности основаны. Означенныя свѣдѣнія должны быть представлены въ 2 экз. не позднѣе 15-го февраля с. г. и тщательно провѣрены. Независимо отъ сего, если къ участію въ упомянутыхъ комиссіяхъ приглашались за послѣдніе три года лица, не состоящія гласными или земскими избирателями, то подлежитъ указать, кто именно былъ приглашаемъ этимъ путемъ въ названныя комиссіи».

— Всѣми земскими управами Полтавской губ. получено на-дняхъ циркулярное предложеніе губернатора князя Н. П. Урусова представить ему въ возможно скоромъ времени точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ комиссіяхъ, совѣтахъ и др. подобнаго рода коллегіальныхъ установленіяхъ, дѣйствующихъ при земскихъ управахъ, съ указаніемъ состава этихъ учрежденій и сообщеніемъ свѣдѣній о ихъ дѣятельности.

— На основаніи ст. 154 уст. о цензъ. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 6 марта опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Орловскій Вѣстникъ» на четыре мѣсяца.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—мартъ. „Русская Мысль"—февраль. „Русское Богатство"—февраль).

Печатающіяся въ «Русской Старинѣ» статьи г. Дубровина подъ общимъ названіемъ «Послѣ отечественной войны» становятся все болѣе и болѣе интересными. Интересъ этотъ, помимо внѣшнихъ достоинствъ статей, происходитъ и оттого, что авторъ пользуется для своей работы мало кому доступными матеріалами, хранящимися въ государственномъ архивѣ. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» г. Дубровинъ описываетъ яркими красками положеніе Россіи, отъ котораго въ буквальномъ смыслѣ слова стонало изъ конца въ конецъ ея многомилліонное населеніе и которое привело, наконецъ, передовую часть русской военной молодежи къ мысли покончить съ такимъ положеніемъ однимъ рѣшительнымъ coup de main. Нѣсколько приводимыхъ г. Дубровинымъ примѣровъ ярко иллюстрируютъ эту мысль.

Елисаветоградскій помѣщикъ Клейстъ «заковывалъ крестьянъ въ желѣзо, колодки и рогатки, содержалъ ихъ въ погребѣ безъ свѣта и воздуха, употреблялъ ихъ на работы въ воскресные дни скованными. Два мальчика, родные братья, были скованы вмѣстѣ такъ, что меньшой могъ только ползать на корточкахъ». Крестьяне Устюжскаго уѣзда жаловались, что помѣщикъ ихъ Павелъ Толстой позволялъ имъ жениться не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы молодая прямо отъ вѣнца шла къ нему «для блудодѣянія». «Если же,—писали крестьяне, по переѣздѣ куда-либо вотчины нашей въ деревню, то беретъ отъ мужей женъ и дѣвушекъ лѣтъ 12-ти насильно же».

Вышневолоцкій помѣщикъ капитанъ Корсаковъ сѣкъ своихъ крестьянъ такъ: двое, по его приказанію, били батогами, а третій—онъ самъ,—вдоль спины кнутомъ. Помѣщикъ Симбирскаго уѣзда полковникъ Николай Демидовъ, вмѣстѣ съ женою, сѣкли въ одинъ день по нѣсколько разъ; сѣкли кнутомъ толщиною въ палецъ горничныхъ въ дѣвичьей, причемъ Демидовъ часто говорилъ, что сѣкшій худо бьетъ.

— Дѣвичья комната тѣсна,—отвѣчалъ сѣкшій,—неудобно размахнуться.

«Такія наказанія производились обыкновенно за то, что горничная не хорошо расчесала барынину любимую собачку; за то, что дурно былъ заштопанъ чулокъ, барыня сама била палкою по голому тѣлу. По щекамъ били до крови за то, что горничныя роняли нечаянно какую-нибудь вещь и тѣмъ пугали барыню».

Бѣлозерскій помѣщикъ Волоцкой имѣлъ въ своемъ домѣ подполье, въ которомъ держалъ прикованными къ стѣнѣ провинившихся крестьянъ. Наказываемымъ связывали руки назадъ и затѣмъ за шею приковывали такъ, что можно было только сидѣть или лежать. Въ такомъ положеніи ихъ держали до 4-хъ недѣль; отъ долгаго пребыванія въ такомъ положеніи дѣлались параличи въ рукахъ.

Жившіе въ Петербургѣ генералъ-майоръ Ласкинъ и его супруга занима-

лись систематически истязаніемъ, именно истязаніемъ своихъ крѣпостныхъ. «У трехъ дѣвочекъ волосы на головѣ были вырваны. Одной изъ дѣвочекъ было приказано въ наказаніе вымыть руки кипяткомъ; случалось, что баринъ сѣкъ дѣвочекъ до крови, а барыня приказывала слизывать эту кровь съ пола языкомъ».

И всѣ эти случаи были не только не исключительными, а скорѣе наоборотъ. «Архивы министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—пишетъ г. Дубровинъ, *переполнены* дѣлами подобнаго рода; но надо при этомъ припомнить, что девять десятыхъ помѣщиковъ, при помощи полиціи и даже предводителей дворянства, скрывали свои преступленія, не доходившія до свѣдѣнія правительства. Злоупотребленіе помѣщичьею властью было такъ велико и обще, что помѣщикъ мало-мальски снисходительный къ своимъ крестьянамъ поощрялся наградою».

Съ крестьянами помѣщики обращались страшно жестоко. Сентиментальный Карамзинъ, надъ чувствительными произведеніями котораго проливали столько слезъ наши бабушки, писалъ въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву:

«Вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ, такъ что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это же безпрестанно умножается: отъ рабства ли? Но рабы нашихъ отцовъ не спивались съ кругу. Есть, видно, другая причина, но я недогадливъ».

Поведеніе и разсужденія—достойныя главы сентиментальной школы въ литературѣ и «великаго» исторіографа.

Конечно, крестьяне не переносили вполнѣ безропотно свое положеніе. Вскорѣ послѣ отечественной войны развились въ огромномъ количествѣ побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ, бродяжничество и организованное разбойничество. «Партіи разбойниковъ,—пишетъ г. Дубровинъ,—появились въ губерніяхъ Симбирской, Гродненской, Черниговской, Новгородской, Тамбовской, Нижегородской, Астраханской и другихъ. Бродяжничество, увеличивающееся съ года на годъ, дошло до того, что всѣ мѣста, куда по закону всѣ бродяги посылались для исправленія, были настолько переполнены ими, что начальство, какъ военное такъ и гражданское, отказывалось принимать ихъ». Оставшіеся на мѣстахъ жительства крестьяне, притѣсняемые помѣщиками, волновались, бунтовали и нерѣдко убивали своихъ владѣльцевъ. Бунты крестьянъ происходили во все время царствованія императора Александра и по всему пространству имперіи».

Для характеристики одного изъ «бунтовъ» г. Дубровинъ приводитъ подлинное донесеніе коммиссіи, посланной въ 1815 году въ имѣніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея, въ деревню Кочубеевку, Херсонской губерніи. Вотъ этотъ интересный документъ.

«Никакая экзекуція,—доносила коммиссія,—не можетъ произвесть толико сильнаго состраданія о человѣчествѣ, какъ теперешнее состояніе крестьянъ. Дома у нихъ пусты, безъ крышъ, безъ оконъ и даже безъ дверей. Хлѣбопашествомъ въ семъ году не занимались ни для помѣщика, ни для себя; хлѣба вовсе не имѣютъ; во дворахъ нѣтъ ни скота, ни птицы. Малолѣтнія дѣти изнурены нуждою и пищею. Незадолго передъ симъ крестьяне болѣли извольно».

Тронутые такимъ состояніемъ крестьянъ, члены комиссіи, прежде чѣмъ приступить къ экзекуціи, пытались уговаривать ихъ придти въ повиновеніе помѣщику, но встрѣтили полный отказъ. Крестьяне единогласно обрекли себя на всѣ бѣдствія и отказались повиноваться Кочубею.

«Позвольте ваше превосходительство,—писали члены комиссіи херсонскому гражданскому губернатору, утвердить сіе очевидными доказательствами. Когда палачъ приготовился наказывать кнутомъ крестьянина Караульнаго, то туда же была подведена и его жена. Стоявшія подлѣ нея прочія женщины приказывали ей, чтобы она не плакала, и Караульная съ равнодушіемъ смотрѣла на наказаніе мужа. Когда палачъ, по наказаніи, грозилъ всему обществу тою же участью, то никто тѣмъ не тронулся и всѣ изъявили непреклонность къ повиновенію. Когда дочь Караульнаго подошла къ нему, чтобы проститься, то онъ не допустилъ ее къ себѣ. Наконецъ, когда при наказаніи прочихъ плетьми за каждымъ ударомъ спрашивано было, будетъ ли повиноваться помѣщику, каждый отвѣчалъ: «не буду».

«При такомъ упорствѣ крестьяне сохранили одно только смиреніе и не показали никакой дерзости ни при исполненіи экзекуціи, ни при внушеніяхъ. Но когда уполномоченный отъ Кочубея коллежскій ассессоръ Степановъ предложилъ имъ хлѣбъ и другія нужныя вспомоществованія съ тѣмъ, что и впредь, по волѣ Кочубея, будутъ ими пользоваться, то они отказались что-либо принять, полагаясь на волю Божію и на судьбу».

Война 1812 года потребовала огромнаго напряженія народныхъ силъ, а блистательное ея окончаніе поселило въ народѣ мечты и на свободу внутри отечества. Мечтамъ этимъ, однако, не суждено было сбыться и это породило, естественно, большой ропотъ.

«— Мы проливали кровь,—говорили крестьяне,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа».

«— Вы видѣли,—говорилъ С. Н. Глинка актеру С. Н. Сандунову,—съ какимъ самоотверженіемъ благословляли крестьяне сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали себя и все свое. Не во всемъ, до этого времени, я былъ согласенъ съ вами касательно преобразованія крестьянскаго быта. Но теперь, судя по направленію народнаго духа, твердо увѣренъ, что люди русскіе способны къ нравственному образованію. Дѣло въ томъ, какое дадутъ ему направленіе и уравняютъ ли его съ нынѣшними необычными событіями».

«Къ сожалѣнію,—пишетъ г. Дубровинъ,—ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Императоръ Александръ вознаградилъ всѣ сословія за участіе въ борьбѣ и изгнаніи враговъ изъ отечества, а относительно крестьянъ было сказано въ манифестѣ, что они получатъ «мзду свою отъ Бога», и крестяне продолжали нести на себѣ тяжелое иго помѣщичьей власти».

Все это подѣйствовало самымъ опредѣленнымъ образомъ на воспріимчивыя души молодыхъ людей изъ передового общества. На это существуютъ прямыя письменныя указанія самихъ декабристовъ.

Причиною основанія тайнаго общества, пишетъ В. К. Кюхельбекеръ, было

«угнетеніе истинно ужасное (говорю не по слухамъ,—прибавляетъ Кюхельбекеръ,—а какъ очевидецъ, ибо живалъ въ деревнѣ не мимоѣздомъ), въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ».

«Служа большею частью въ арміи,—писалъ въ своемъ показаніи декабристъ М. М. Спиридоновъ,—квартируя въ домахъ у самихъ крестьянъ, признаюсь, что, входя въ подробный разборъ ихъ положенія, видя обращеніе съ ними господъ, часто и ужасался и причину сего я находилъ въ принадлежности ихъ» (закрѣпощеніи помѣщикамъ).

«Всѣ почти помѣщики,—писалъ И. Д. Якушкинъ,—смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. Но по мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа».

«Поведеніе русскихъ дворянъ,—писалъ въ своемъ показаніи А. А. Бестужевъ,—въ этомъ отношеніи (въ отношеніи обращенія ихъ съ крестьянами) ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитать невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ; но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для прокормленія грудью крестьянокъ!»

Таковъ основной фонъ, на которомъ жизнь вышила дальнѣйшіе узоры въ настроенія многихъ изъ дѣятелей общественнаго движенія александровской эпохи. А жизнь, если не жизнь Россіи, то жизнь Европы, давала многочисленные импульсы и въ дальнѣйшей работѣ прогрессивной мысли. На вопросъ П. И. Пестелю, «какимъ образомъ революціонныя мысли появились и разрастались въ умахъ», онъ, какъ сообщаетъ г. Дубровинъ на основаніи знакомства съ хранящимися въ государственномъ архивѣ дѣлами, писалъ:

«Происшествія 1812—1815 годовъ, равно какъ и предшествовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ поставленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами ихъ производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованій заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ».

Дарованіе императоромъ Александромъ Первымъ конституціи Царству Польскому заставило многихъ русскихъ молодыхъ людей заняться серьезносамо-

образованіемъ, дабы приготовить себя къ будущей дѣятельности и въ свободныхъ учрежденіяхъ самой Россіи, которыя, какъ показали въ началѣ эти молодые люди, она получитъ также въ видѣ добровольнаго дара свыше.

«Конституція, данная государемъ императоромъ Царству Польскому,—писалъ князь С. П. Трубецкой,—учрежденіе или обѣщаніе конституцій различными государями Германіи, мнѣніе многихъ, что государь Александръ Павловичъ намѣренъ приготовить подвластную Его Величеству имперію ко введенію въ оной такого же рода правленія, побудили меня изучаться правиламъ, на коихъ основаны таковыя правленія, изыскивать, отчего конституція революціоннаго правленія во Франціи состояться не могла и отчего произошли ужасы французской революціи. Сильно было во мнѣ чувство любви къ отечеству. Я старался пріобрѣтать познанія, какія могли приготовить меня къ служенію ему съ пользою».

Подобно Трубецкому, къ изученію политическихъ вопросовъ обратились и многіе другіе изъ его современниковъ.

«Двукратное пребываніе за границей,—писалъ въ своемъ показаніи декабристъ генералъ-майоръ М. А. фонъ-Визинъ,—открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ я прежде не слыхивалъ. Возвратясь въ Россію, въ свободное время отъ службы продолжалъ я заниматься политическими сочиненіями разнаго рода и иностранными газетами. Въ это время, читая разныя теоріи политическія, дерзалъ въ мечтаніяхъ моихъ желать приноровленія оныхъ къ Россіи».

«Свободный образъ мыслей,—писалъ также въ своемъ показаніи А. А. Бестужевъ, — я заимствовалъ наиболѣе изъ книгъ и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ занимали меня какъ француза и англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ на меня вліяніе Геренъ, а изъ публицистовъ—Бентамъ».

Общіе теоретическіе интересы и общее же желаніе видѣть свое отечество не угнетеннымъ скоро сблизили многихъ изъ этихъ людей между собою. Обмѣнъ мыслей по всѣмъ интересовавшимъ вопросамъ принесъ свои плоды и скоро отъ разговоровъ въ области чистой теоріи сдѣлалось необходимымъ перейти и къ вопросамъ жизненной практики. Въ русской жизни повѣяло чѣмъ-то новымъ.

«Молодые люди, занимавшіеся сими предметами,—писалъ въ своемъ показаніи С. И. Муравьевъ-Апостолъ,—скоро почувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединялись единствомъ желаній и вотъ зародышъ тайнаго общества политическаго».

Статья г. Дубровина еще далеко не кончена и съ ней мы навѣрно еще не разъ будемъ ознакомлять нашихъ читателей.

О томъ, что такое шахты и каково положеніе работающихъ въ нихъ «шахтеровъ» въ нашей литературѣ, кое-какія свѣдѣнія имѣются, но что такое

«мужицкія шахты», на этотъ вопросъ отвѣтятъ едва ли многіе изъ читателей журналовъ. Именно этому вопросу посвятилъ въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» интересную статью г. Р. Ш. «У насъ существуетъ не одна тысяча рабочихъ,—говоритъ г. Р. Ш.,—которые живутъ и трудятся при исключительныхъ условіяхъ и о которыхъ почти ничего неизвѣстно, какъ будто ихъ не существуетъ совсѣмъ. Это чернорабочіе на крестьянскихъ шахтахъ или мужицкихъ «шахтахъ», какъ ихъ называютъ въ Донецкомъ каменно-угольномъ бассейнѣ вообще и въ частности въ Екатеринославской губерніи».

Крестьянскія шахты—это прежде всего шахты мелкія по размѣрамъ и по количеству добываемаго въ нихъ угля. Это ведетъ за собою, разумѣется, крайнюю примитивность технической стороны дѣла, что въ свою очередь вызываетъ значительное количество несчастныхъ случаевъ съ рабочими. «Ближайшей причиной обваловъ и другихъ несчастныхъ случаевъ въ крестьянскихъ шахтахъ,—пишетъ авторъ цитируемой статьи,—служитъ отсутствіе правильнаго надзора за работами въ нихъ. Не только надзора со стороны горнаго инженера, но и постояннаго наблюденія штейгера фактически тамъ не бываетъ. Правда, шахтовладѣльцы отъ себя нанимаютъ штейгера, который собственно и является отвѣтственнымъ лицомъ на шахтахъ, наблюдаемыхъ имъ, но много ли можетъ сдѣлать, позволительно спросить, одинъ штейгеръ, завѣдующій нерѣдко 200 — 300 крестьянскими шахтами, разбросанными на десяткахъ верстъ? Такой штейгеръ, даже при добросовѣстномъ отношеніи своихъ обязанностей, сумѣетъ побывать въ каждой изъ завѣдуемыхъ имъ шахтой не болѣе двухъ разъ въ году. Зачастую же бываетъ такъ, что штейгеръ не лазитъ въ шахту до тѣхъ поръ, пока тамъ не случится какое-либо несчастіе». Такимъ образомъ de facto крестьянскія шахты лишены всякаго надзора, а отсюда ясно, что положеніе трудящагося въ нихъ люда находится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ему при подобныхъ условіяхъ и быть надлежитъ. Возьмемъ хоть работу такъ называемыхъ «саночниковъ», т.-е. рабочихъ, занимающихся перетаскиваніемъ угля. На обязанности рабочихъ этихъ лежитъ перетаскиваніе ящиковъ съ углемъ въ 6—7 пудовъ каждый, иногда на 60—100 саженное разстояніе, передвигаясь на четверенькахъ! И такой трудъ «саночниковъ» продолжается не болѣе-не менѣе, какъ по двѣнадцати часовъ каждыя сутки! «Отъ сырости и постоянно согнутаго положенія,—пишетъ г. Р. Ш.,—у саночниковъ нѣкоторые отдѣлы мышцъ буквально окоченѣваютъ». Саночники рѣдко уживаются на шахтѣ болѣе одного—двухъ мѣсяцевъ. На большихъ шахтахъ вмѣсто ящиковъ-санокъ заведены вагонетки, катящіяся по спеціально проложеннымъ для того рельсамъ, но рѣчь идетъ именно о такихъ «мужицкихъ» шахтахъ, гдѣ всѣ усовершенствованія техники прививаются съ огромнымъ трудомъ.

А вотъ условія труда такъ называемыхъ рабочихъ «стволовыхъ». «Обязанность его (стволоваго),—пишетъ г. Р. Ш.,—заключается въ перегрузкѣ содержимаго санокъ въ бадью, въ подачѣ сигналовъ верховому и въ подъемѣ воды изъ шахты. Главный *недостатокъ* (г. Р. Ш. вообще выражается очень мягко) службы стволоваго состоитъ въ томъ, что ему *все время* приходится

стоять подъ *непрерывнымъ дождемъ*, льющимся со стѣнъ шахты («недостатокъ»!). Отъ постояннаго притока воды колодецъ переполняется, выходитъ изъ своихъ границъ, такъ что стволовой *вынужденъ стоять по колѣно въ водѣ* (и такъ изо дня въ день!) Конечно, вредное вліяніе сырости въ значительной степени можно было бы уменьшить, если бы шахтовладѣльцы, какъ и рудники, снабжали своихъ стволовыхъ непромокаемою одеждою, но, къ сожалѣнію, эта профилактическая мѣра не практикуется на крестьянскихъ шахтахъ, и стволовые вынуждены или справлять довольно дорогую одежду на свой счетъ или, что чаще бываетъ, работать въ рваной и старой одеждѣ, какъ и всѣ прочіе горнорабочіе, и рисковать (дѣйствительно «рисковать»!) заболѣть какою-либо простудною болѣзнью! Работа «погонщиковъ» считается самою легкою и на нее берутъ обыкновенно подростковъ 12—15 лѣтъ. Продолжается она 12 часовъ въ сутки и состоитъ вотъ въ чемъ: «все это время они (погонщики) находятся на ногахъ, погоняя лошадей и дѣлая вмѣстѣ съ ними концентрическія движенія вокругъ ворота, не взирая на осеннюю и зимнюю погоду. Эта однообразная и утомительная работа требуетъ отъ нихъ большого вниманія, такъ какъ при несвоевременной остановкѣ лошадей можетъ опрокинуться бадья вмѣстѣ съ содержимымъ обратно въ шахту, что влечетъ за собою, кромѣ безполезной траты труда и времени,—иногда смерть или изувѣченіе стволоваго. Да и вообще, при всякой малѣйшей неаккуратности со стороны погонщиковъ, верховой нападаетъ на нихъ съ площадной бранью, а иногда щедро надѣляетъ ихъ подзатыльниками. Вотъ почему, несмотря на грязь, особенно осенью и зимою, и тяжелую одежду, въ которую одѣваются погонщики,—они стараются всегда успѣвать бѣгать за лошадьми, чтобы во-время ихъ остановить при командѣ верховаго: стой, ворочь назадъ!»

Въ какихъ же экономическихъ и правовыхъ условіяхъ живутъ, какую заработную плату получаютъ эти люди за свой поистинѣ каторжный трудъ? А вотъ въ какихъ:

«Всѣ рабочіе, при поступленіи своемъ, договариваются съ шахтовладѣльцами словесно и не получаютъ отъ нихъ никакихъ разсчетныхъ книжекъ. Отсутствіе письменнаго документа о наймѣ и правилъ, которыя бы урегулировали отношенія между хозяевами шахтъ и рабочими въ нихъ, ведетъ къ полной зависимости этихъ послѣднихъ отъ шахтовладѣльцевъ. Они обращаются съ ними грубо, налагаютъ штрафы за малѣйшій пустякъ и часто отказываютъ отъ службы, не только не предупредивъ за двѣ недѣли по закону, но нерѣдко не выдавъ даже полнаго разсчета. Еще въ худшемъ положеніи находятся рабочіе, заболѣвшіе на шахтахъ и особенно дальніе рабочіе. Болѣе или менѣе организованной медицинской помощи на крестьянскихъ шахтахъ не существуетъ, и больные рабочіе обращаются за помощью въ рудничныя и земскія больницы, которыя часто имъ отказываютъ, какъ лицамъ, не участвующимъ въ расходахъ на медицину на рудникахъ или въ мѣстномъ земствѣ. Выходитъ то, что больные на ногахъ или посѣщаютъ то одну, то другую амбулаторію, или же обращаются къ знахарямъ и колдунамъ, или же, наконецъ, терпѣливо переносятъ свои болѣзни до тѣхъ поръ, пока не свалятся съ ногъ. Въ по-

слѣднемъ случаѣ сердобольные хозяева стараются какъ можно скорѣе отправить больныхъ на родину, гдѣ вмѣстѣ съ ихъ прибытіемъ очень часто вспыхиваютъ эпидеміи тифа, дифтеріи и т. под. Больные рабочіе на шахтахъ мало того, что лишены надлежащей медицинской помощи, но они еще и теряютъ заработокъ во все время болѣзни, такъ что въ этомъ отношеніи имъ гораздо хуже, чѣмъ рабочимъ на большихъ рудникахъ, гдѣ они получаютъ «харчевыя» въ размѣрѣ трети или половины заработка своего. Въ силу того, что рабочіе крестьянскихъ шахтъ поступаютъ на работы безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія, то среди нихъ часто попадаются съ заразными, какъ сифилисъ и трахома, болѣзнями. Совмѣстный сонъ, ѣда изъ однѣхъ тареловъ, тѣснота жилищъ и антисанитарное состояніе ихъ, невѣжество — все вмѣстѣ способствуетъ быстрой передачѣ заразительныхъ болѣзней среди рабочихъ на крестьянскихъ шахтахъ».

Заработная плата: бурильщикъ получаетъ отъ 90 к. до 1 р.; отгребщикъ— отъ 60 до 90 к.; саночникъ—отъ 80 до 1 р.; стволовой—отъ 80 до 90 к.; верховой—80 к.; откатчикъ—отъ 50 до 60 к. и погонщики—отъ 30 до 40 к.

Эта нищенская плата нерѣдко выдается, сверхъ того, не наличными деньгами, а товарами изъ кладовыхъ шахтовладѣльцевъ, по очень повышеннымъ цѣнамъ.

Правила, касающіяся жилищныхъ условій для рабочихъ, на крестьянскихъ шахтахъ абсолютно не соблюдаются. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи законъ съ практикой. Изданныя 4-го іюня 1894 года на основаніи Высочайше утвержденнаго 9-го марта мнѣнія Государственнаго Совѣта обязательныя постановленія присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ при горномъ департаментѣ «о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ» заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія требованія относительно жилыхъ помѣщеній для рабочихъ: помѣщенія для рабочихъ должны быть свѣтлы, сухи и устраиваться на мѣстахъ возвышенныхъ и сухихъ. На каждаго, живущаго въ казармахъ, рабочаго должно приходиться не менѣе $1^1/_2$ куб. саж. воздуха (§ 2). Нары для спанья рабочихъ допускаются только въ одинъ ярусъ и должны быть устроены изъ досокъ съ гладкою поверхностью, безъ щелей, съ поддержками для подушекъ въ изголовныхъ концахъ, съ разгородками не менѣе четырехъ вершковъ вышины между отдѣльными мѣстами, которыя должны быть не менѣе $2^3/_4$ арш. длины и 18 вершковъ ширины (§ 4). Помѣщенія для безсемейныхъ рабочихъ должны быть для мущинъ и женщинъ отдѣльныя (§ 6). Всѣ помѣщенія для рабочихъ и ихъ принадлежности должны содержаться въ опрятности. Стѣны ихъ должны быть очищаемы, окрашиваемы или выбѣливаемы, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. Для сушки одежды и обуви рабочихъ должны быть отводимы особыя отъ спаленъ помѣщенія (§ 7). Хлѣбопекарни и кухни при казармахъ не должны быть устраиваемы въ помѣщеніяхъ для спанья рабочихъ (§ 18). Воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ долженъ быть чистъ и освѣжаемъ цѣлесообразными приспособленіями (форточки, печи, отдушины, вытяжныя трубы, вентиляторы) (§ 9). Отхожія мѣста при жилыхъ по-

мѣщеніяхъ должны быть устроены надлежащимъ образомъ, согласно подробнымъ указаніямъ правилъ (§ 11—13). При всѣхъ промыслахъ должны быть бани (§ 14).

Такъ гласитъ законъ. А вотъ что, по сообщенію Р. Ш., гласитъ подлинная дѣйствительность:

«Всѣ рабочіе въ крестьянскихъ шахтахъ помѣщаются въ землянкахъ, безъ половъ и потолковъ. Стѣны землянокъ почти цѣликомъ сидятъ въ землѣ и только незначительная часть землянокъ строится на землѣ. Крыши въ землянкахъ держатся на подпоркахъ, установленныхъ въ самой избѣ вдоль ея длины. Сверху на крышу накладывается дернъ, который долженъ предохранять отъ течи. Окна размѣромъ очень маленькія и число ихъ ограничено. Во многихъ же землянкахъ всего два окна, по одному въ щитныхъ стѣнахъ, почему тамъ всегда темно».

Въ дождевое время особенно осенью и зимой тающій на крышахъ снѣгъ просачивается сквозь дернъ въ землянку, чѣмъ поддерживается въ ней постоянно сырость. Тонкія стѣны землянокъ, сложенныя изъ невыжженнаго саманнаго кирпича, состоящаго изъ смѣси глины, навоза и соломы, легко впитываютъ въ себя влагу почвы и окружающей ихъ земли,—также способствуетъ развитію сырости въ помѣщеніяхъ для рабочихъ. Кромѣ того, отъ присутствія влаги кирпичъ этотъ легко растрескивается, образуя щели въ стѣнахъ, черезъ которыя пробивается вѣтеръ, дождь и снѣгъ. Отдѣльныя помѣщенія для столовой, кухни и спальни не существуютъ. Посреди землянки обыкновенно помѣщается плита съ разнымъ кухоннымъ скарбомъ, а рядомъ съ нею — лавка или кровать, на которой спитъ кухарка; тутъ же недалеко находится неплотно сбитый столъ, въ щеляхъ котораго валяются разные остатки пищи, привлекающіе массу насѣкомыхъ, мухъ, таракановъ и т. п. У стѣнъ находятся нары, на которыхъ спятъ рабочіе. Никакихъ перегородокъ и подставокъ на нарахъ не имѣется, и рабочіе спятъ вплотную, часто по двое на одномъ сѣнникѣ, укрываясь однимъ одѣяломъ или тулупомъ. Въ гигіеническомъ отношеніи такой совмѣстный сонъ вреденъ, такъ какъ болѣзни одного легко могутъ передаваться другому, особенно заразительныя болѣзни. Форточекъ въ большинствѣ землянокъ не имѣется, а тамъ, гдѣ онѣ и есть, ихъ рѣдко открываютъ, и въ землянкахъ воздухъ всегда переполненъ испареніями отъ сырого и грязнаго платья, стѣнъ и потолка, табачнымъ дымомъ отъ махорки и запахомъ пота. Въ холодное время, какъ зимою и осенью, рабочіе стараются какъ можно лучше закупорить свои «казармы», и воздухъ настолько пресыщается вредными для дыханія газами, что непривычный къ нему человѣкъ даже послѣ кратковременнаго пребыванія въ немъ буквально ошеломляется. Конечно, при такихъ условіяхъ для очищенія воздуха въ «казармахъ» мало было бы и самыхъ лучшихъ вентиляціонныхъ приспособленій, даже при соблюденіи требованія, чтобы въ помѣщеніи на каждаго рабочаго приходилось $1^1/_2$ куб. саж. Наружныя пристройки, какъ сараи, конюшни, въ большинствѣ шахтъ находятся рядомъ съ жилымъ помѣщеніемъ, что безусловно вредно въ санитарномъ отношеніи. *Бань нѣтъ ни на одной шахтѣ*, да и воды мало, почему рабочіе

очень рѣдко моютъ свое тѣло. Даже и такъ помыться послѣ работы въ шахтѣ, чтобы перемѣнить бѣлье, негдѣ. Они или моются въ землянкѣ на глазахъ у всѣхъ, или же прямо во дворѣ, гдѣ ихъ часто можно видѣть даже зимою съ обнаженною по поясъ грудью и наклоненными надъ ушатомъ или тазомъ съ водой. Вслѣдствіе недостатка воды и обстановки, не позволяющей, особенно въ холодъ, долго заниматься своимъ туалетомъ, рабочіе едва ли успѣваютъ вымыть чисто лицо; а на груди только размачиваютъ грязь; въ результатѣ масса кожныхъ и простудныхъ заболѣваній. Отхожихъ мѣстъ во многихъ шахтахъ вовсѣмъ не имѣется, и рабочіе отправляютъ свои естественныя потребности, гдѣ попало, на дворѣ, у землянокъ; а имѣющіяся—содержатся всегда грязно и не выгребаются никогда».

Таковы матеріальныя условія жизни тысячей людей не гдѣ-нибудь въ Туруханскихъ или Обдорскихъ тундрахъ, а въ Екатеринославской губерніи! А духовныя потребности этого люда,—онѣ какъ удовлетворяются? Можно ли ставить подобнаго рода вопросъ? Если ни одинъ изъ шахтовладѣльцевъ не устроилъ для своихъ рабочихъ даже бани, то гдѣ ужъ тутъ говорить о библіотекахъ, читальняхъ, театрахъ? Духовыя потребности горнорабочихъ районовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не удовлетворяются вовсе, да и едва ли кто-нибудь подозрѣваетъ о самомъ ихъ существованіи.

И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ...

Весьма интересную статью посвятилъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» М. Б. Ратнеръ громкому дѣлу Золотовой. Извѣстно, какъ дѣло это взволновало въ свое время русское общественное мнѣніе, извѣстно и то, какъ подъ вліяніемъ этого возбужденія министерствомъ юстиціи былъ изданъ обширный томъ въ 800 страницъ, озаглавленный «предварительное слѣдствіе произведенное судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцевымъ по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой». Извѣстно, наконецъ, что насильственнаго лишенія жизни Золотовой въ дѣйствительности никакого не оказалось, и дѣло было направлено къ прекращенію. Волноваться, стало быть, обществу было рѣшительно не изъ-за чего, отравилась тамъ какая-то задержанная по подозрѣнію въ кражѣ проститутка т.-е. произошелъ такой случай, какихъ вездѣ и всюду происходятъ тысячи, слѣдствіе выяснило все это досконально и значитъ все обстоитъ благополучно. Все обстоитъ благополучно! Но такъ ли это? Таковъ ли выводъ изъ опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе предварительнаго слѣдствія по дѣлу Золотовой,—вотъ вопросъ, который ставитъ въ своей статьѣ г. Ратнеръ. Пусть факта насильственнаго лишенія жизни Золотовой дѣйствительно не было, но развѣ этимъ и исчерпывается вся разыгравшаяся въ Тихорѣцкой станицѣ трагедія? И вотъ, г. Ратнеръ, ознакомляя шагъ за шагомъ читателей съ главнѣйшими данными, добытыми предварительнымъ слѣдствіемъ, по дѣлу Золотовой, прочно устанавливаетъ то положеніе, что вывода все обстоитъ благополучно тутъ никакъ сдѣлать нельзя и что дѣло несчаст-

ной Золотовой обнаружило такія «маленькія несовершенства» нашего общественнаго механизма, надъ которыми приходится тяжело призадуматься всякому, не совсѣмъ равнодушному ко всему вокругъ него происходящему.

За что была арестована Золотова? За кражу мужского зонтика и шпаги. Имѣла ли тутъ мѣсто дѣйствительно кража? Въ качествѣ отвѣта на этотъ вопросъ г. Ратнеръ приводитъ напечатанное въ дѣлѣ показаніе свидѣтеля Ильченко, заявившаго слѣдующее: «я направился въ свой вагонъ, сосѣдній съ вагономъ II класса. При этомъ я увидѣлъ что Золотова стояла на площадкѣ вагона II класса, гдѣ съ нею стоялъ и разговаривалъ какой-то чиновникъ въ судейской формѣ, полный, блондинъ, средняго роста, лѣтъ подъ 30, въ форменномъ пиджакѣ съ длинными погонами, кажется съ сумкою черезъ плечо». Когда же чиновникъ этотъ, который былъ никто иной, какъ Добровольскій, обнаружилъ исчезновеніе своихъ вещей, онъ обратился къ стоявшей на площадкѣ вагона II класса со словами: «слышите! отдайте! вы пошутили, вамъ оно не нужно!»

«Не ясно ли,—справедливо говоритъ по этому поводу г. Ратнеръ,—что и самому Добровольскому сразу не пришла въ голову мысль о кражѣ, а поступокъ Золотовой имъ самимъ былъ истолкованъ какъ шутка дѣвушки, съ которою онъ незадолго до того разговаривалъ. Впрочемъ, интересно и характерно то, что послѣ приведеннаго показанія Ильченко Добровольскій, почему-то «явившійся къ слѣдователю», «изъявилъ желаніе дополнить» свое первоначальное показаніе и теперь объяснилъ слѣдующее: «категорически утверждаю, что до обнаруженія пропажи моего свертка и до указанія Козинцевымъ на Золотову, я съ послѣдней ни минуты не разговаривалъ».

«Весь ходъ приведенныхъ данныхъ и показаній, — продолжаетъ г. Ратнеръ,—мнѣ кажется совершенно достаточенъ для разрѣшенія вопроса о степени доказанности обвиненія Золотовой въ кражѣ. Какъ не согласиться послѣ всего приведеннаго съ мнѣніемъ, высказаннымъ даже въ «конфиденціальномъ» представленіи прокурора Екатеринославскаго окружного суда прокурору Тифлиской судебной палаты отъ 31-го мая 1902 года, въ которомъ было сказано, что «Золотова была арестована за кражу мужского зонтика и шпаги, можетъ быть, взятыхъ ею не съ корыстною цѣлью, а просто въ видѣ шутки, вслѣдствіе опьяненія». Тѣмъ болѣе, что таково же было общее впечатлѣніе лицъ, производившихъ по настоящему дѣлу многочисленныя дознанія и разслѣдованія. Такъ, напримѣръ, начальникъ жандармскаго отдѣленія на ст. Тихорѣцкой Иваненко показалъ въ качествѣ свидѣтеля: «фактъ кражи зонтика и шпаги мнѣ показался весьма страннымъ, что я и высказалъ вахмистру, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что, конечно, тутъ какое-то недоразумѣніе, что задерживать не стоило, но судья и «нашъ» слѣдователь этого непремѣнно требовали».

Итакъ, дѣвушка была арестована при обстоятельствахъ, казавшихся «странными» даже людямъ, видавшимъ, надо полагать, всякіе виды... Уже одно это мало гармонируетъ съ формулою «все обстоитъ благополучно». Но развѣ это и все? Развѣ однимъ этимъ дѣло и кончилось, «недоразумѣніе» быстро разъяснилось и Золотова была немедленно освобождена? Нѣтъ, случи-

лись немножко иначе. Арестованную Золотову тотчасъ же помѣстили въ «казачью», гдѣ и «легли спать» вмѣстѣ съ нею четыре казака. «Мы легли спать на нарахъ,—разсказывалъ казакъ Бѣлыхъ.—Ближе всѣхъ къ Золотовой легли Абрамовъ, затѣмъ возлѣ него я, возлѣ меня Кокоткинъ и наконецъ Кисель»... Но и это были еще только цвѣтики. Ягодки состояли въ томъ, что, очутившись такъ сказать, хозяевами молодой и красивой арестантки, казаки стали продавать ее по недорогой цѣнѣ всѣмъ того желающимъ. Золотова говорила, что казаки ею торговали, «пускали къ ней по 20 коп. человѣкъ по 50 въ день»... И все это было, разумѣется, всей станицѣ извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, но никто, рѣшительно никто не обратилъ вниманія на происходившія въ «казачьей» издѣвательства съ одной стороны и страданія съ другой. Въ результатѣ самоубійство Золотовой. Убивать ее никто не убивалъ, она сама покончила съ собой,—чего же больше нужно, значитъ, дѣйствительно, «все обстоитъ благополучно»... Анализомъ этого-то «благополучія» и занялся въ своей статьѣ г. Ратнеръ. Мы не будемъ слѣдить за его анализомъ, рекомендуя читителямъ прочесть статью въ подлинникѣ, но считаемъ полезнымъ привести тутъ же заключительныя строки статьи.

«Подведемъ итоги, — говоритъ г. Ратнеръ, — они будутъ очень кратки... Предпринятое подъ давленіемъ сильнаго общественнаго мнѣнія и серьезныхъ событій мѣстной жизни предварительное слѣдствіе по дѣлу «о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой» кончилось тѣмъ, что дѣло направлено было къ прекращенію «за отсутствіемъ въ немъ указаній на признаки преступленія». Пусть такъ. Но развѣ на этомъ можетъ успокоиться общественная совѣсть? Развѣ этимъ уничтожается все огромное значеніе слѣдственнаго матеріала, опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе министерствомъ юстиціи? Преступленіе отдѣльнаго человѣка, какъ бы безобразно, страшно, чудовищно оно ни было само по себѣ, всегда остается индивидуальнымъ дѣяніемъ, мыслимымъ, въ видѣ исключенія, даже при совершенныхъ формахъ общежитія. Но страшнѣе преступленій отдѣльныхъ лицъ тѣ постоянныя язвы общественной жизни, которыя невидимо для поверхностнаго глаза всасываются въ организмъ народа, разрушая его здоровье, подтачивая его силы, лишая его необходимыхъ условій умственнаго и нравственнаго совершенствованія».

Въ слѣдственномъ матеріалѣ по дѣлу Золотовой собрано много данныхъ для постановки правильнаго діагноза надъ состояніемъ нашей общественности и сужденія о ея многочисленныхъ дефектахъ. «Недостатокъ уваженія къ человѣческому достоинству, игнорированіе интересовъ человѣческой личности, отсутствіе гарантій къ огражденію ея кровныхъ и законныхъ правъ—вотъ какъ именуются эти дефекты. И разобранный матеріалъ несомнѣнно бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ эти явленія. Чрезвычайно неосторожное отношеніе къ предъявленію обвиненія только потому, что «обвиняемымъ» оказывается никому невѣдомая дѣвушка, а «потерпѣвшимъ» должностное лицо; легкомысленно-пикантная игра тамъ, гдѣ дѣло требуетъ внимательнаго, вдумчиваго отношенія и серьезнаго исполненія тяжелаго служебнаго долга; проявленіе самаго непозволитель-

наго формализма даже тогда, когда отъ этого страдаютъ интересы живого человѣка; наконецъ,—самыя ужасныя условія содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ, становящихся игрушкой въ рукахъ необузданной и похотливой стражи, топтаемыхъ въ грязь и на каждомъ шагу и въ концѣ концовъ приводимыхъ къ самоубійству, — вотъ тѣ страшные факты, о которыхъ намъ краснорѣчиво говорятъ страницы лежащаго передъ нами слѣдственнаго производства, хотя на нихъ и не нашлось указаній на «признаки преступленій».

Таковъ результатъ анализа, произведеннаго г. Ратнеромъ надъ слѣдственнымъ производствомъ по громкому «дѣлу Золотовой». Можно ли не согласиться съ правильностью этого анализа?

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

II.

Манчжурія.

Манчжуріей *) называется одна изъ составныхъ частей китайской имперіи, лежащая между 38°40′ и 53°25′ с. ш. и 90° и 105° в. д. отъ Пулкова. Это названіе страны, происходящее отъ имени господствующаго племени, употребляется только европейцами. У китайцевъ же она извѣстна подъ именемъ Дунъ-сань-тэнъ, т.-е. «три восточныхъ провинціи». На сѣверѣ, сѣв.-западѣ и сѣв.-востокѣ Манчжурія граничитъ съ Россіей, причемъ граница почти на всемъ протяженіи естественная (рр. Аргунь, Амуръ, Уссури и Сунгача); на юго-вост. отъ Кореи она отдѣляется рр. Ялу и Тумень, а въ промежуткахъ между ними хребтомъ Чанъ-бо-шан'емъ; на югѣ Манчжурію омываютъ воды Желтаго моря; съ запада же она условной границей отдѣляется отъ Монголіи.

Пространство Манчжуріи точно неизвѣстно, и показанія путешественниковъ на этотъ счетъ отличаются большимъ разногласіемъ. Позднѣевъ, взявъ среднее изъ этихъ показаній, даетъ цифру 684.000 кв. километра.

Въ орографическомъ отношеніи вся Манчжурія раздѣляется невысокимъ водораздѣльнымъ хребтомъ на двѣ покатости: сѣверную, имѣющую стокъ въ бассейнъ р. Амура, и южную, съ коей воды стекаютъ въ Корейскій и Ляодун'скій заливы.

Сѣверная Манчжурія—страна по преимуществу гористая, на сѣверѣ сплошь заполненная системами Большого и Малаго Хингановъ, которые своими широкими массивами заходятъ далеко на югъ отъ р. Амура. Къ Б. Хингану на западѣ примыкаетъ Хулунбуирскоо нагорье, получившее свое наименованіе отъ озеръ Хулунъ (Далайноръ) и Буиръ-норъ, расположенныхъ на немъ, и представляющее по своимъ естественнымъ свойствамъ окраину большой монгольской возвышенности. На югѣ возвышается горная система Чанъ-бо-шань, отдѣленная отъ Хингана долиною р. Сунгари.

---

*) При составленіи настоящаго очерка главнымъ источникомъ послужилъ капитальный трудъ Д. М. Позднѣева: „Описаніе Манчжуріи“.

Б. Хинганъ *), простирающійся почти по меридіану въ длину на 1.070 килом. при ширинѣ въ 300 килом., на всемъ своемъ протяженіи представляетъ рядъ горообразныхъ возвышенностей, не образуя нигдѣ сколько-нибудь выдающихся вершинъ и не достигая снѣговой линіи. Высшія точки его достигаютъ всего 1.100—1.200 метровъ и расположены по главной оси хребта. Со стороны Манчжуріи Б. Хинганъ вдвое выше, на ½ шире и на $^1/_8$ круче, чѣмъ съ монгольской. На всемъ своемъ протяженіи Б. Хинганъ имѣетъ цѣлый рядъ отроговъ, приблизительно параллельныхъ хребту и этимъ обусловливающихъ террасообразное строеніе страны. Изъ отроговъ назовемъ восточный отрогъ Ильхури-алинь, связывающій системы Б. и М. Хингановъ. Вся сѣверная часть Хингана лежитъ въ области сплошныхъ лѣсовъ и покрыта отчасти сплошной тайгой (воцзи), состоящей ихъ березы, осины, ольхи, а повыше изъ лиственницы и частью сосны; отчасти же встрѣчаются просто богатые лѣса, которые вполнѣ удовлетворяютъ потребности мѣстнаго населенія и даже составляютъ предметъ промысла нашихъ казаковъ, перебирающихся въ Манчжурію и занимающихся на Хинганѣ рубкой лѣса, гонкой дегтя и т. п. По направленію къ югу древесная растительность уступаетъ мѣсто степной.

Малый Хинганъ (по-кит. Доусэ-алинь), начинаясь отъ Ильхури-алин'я, слѣдуетъ по правому берегу Амура до впаденія въ него Сунгари. Постепенно понижаясь къ югу, М. Хинганъ переходитъ въ песчано-глинистую равнину, кое-гдѣ пересѣченную рядами небольшихъ плоскихъ холмовъ. Высота М. Хингана незначительна—до 350 метровъ. На сѣверѣ ширина его 160—185 килом., а на югѣ доходитъ до 550 кил. Въ геологическомъ отношеніи М. Хинганъ замѣчателенъ тѣмъ, что на западномъ склонѣ его въ верховьяхъ р. Немера находится вулканъ Уюнъ-Холдонги (по-китайски Лю-хуань-шань — «сѣрныя горы»), который по китайскимъ свѣдѣніямъ производилъ изверженія въ XVIII-мъ столѣтіи, именно въ 1721 и 1722 гг. Изверженіямъ предшествовали землетрясенія въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1720 г. Это единственный вулканъ не только въ Манчжуріи, но и во всей центральной Азіи. Съ легкой руки Гумбольдта, принявшаго каменноугольные пожары за изверженія вулкановъ, убѣжденіе въ богатствѣ центральной Азіи вулканами долго царило въ наукѣ, пока не было опровергнуто позднѣйшими изслѣдователями.

На юго-востокѣ Манчжуріи находится хребетъ Чанъ-бо-шань (длинныя бѣлыя горы), отдѣляющій ее отъ Кореи. Чань-бо-шань представляетъ собою невысокую, довольно обширную горную страну, расположенную между долинами рр. Сунгари и Уссури съ одной стороны, Кореей и Ляо-дун'скимъ полуостровомъ съ другой. Простираясь своими отрогами на западъ и сѣверъ, Чанъ-бо-шань и является водораздѣломъ, дѣлящимъ Манчжурію на двѣ вышеупомянутыя покатости. Наибольшей вышины Чанъ-бо-шань'ская система достигаетъ въ вершинѣ Бай-тоу-шань (по-корейски Пекъ-ту-сань), высотою около 2.650 метр., принадлежащей къ числу потухшихъ вулкановъ. По склонамъ она покрыта

*) Б. Хинганъ принадлежитъ Манчжуріи лишь сѣверной частью, южная же находится въ Монголіи.

роскошной альпійской растительностью, а внизу древесными зарослями. На вершинѣ ея находится озеро Лунъ-ванъ тань («озеро царя драконовъ») около 10 килом. въ окружности. Являясь самой крупной во всей Манчжуріи, эта вершина издавна считалась у окрестныхъ жителей священною, въ настоящее же время она оффиціально признана запретной и посвящена, вмѣстѣ съ окружающей мѣстностью, предкамъ нынѣ царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи. Бай-тоу-шань является узломъ, отъ котораго расходится нѣсколько хребтовъ какъ въ Манчжурію, такъ и въ Корею.

Южная Манчжурія широкой долиной р. Ляо дѣлится на двѣ части—восточную и западную. Восточная извѣстна подъ именемъ Ляо-дунъ («востокъ отъ р. Ляо»), а для западной въ разговорной рѣчи употребляется названіе Ляо-си («западъ отъ р. Ляо») въ параллель Ляо-дун'у. И восточная, и западная часть Ю. Манчжуріи въ большей своей части заполнены невысокими горными массами.

Что касается минеральныхъ богатствъ, то надо замѣтить, что точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи для Манчжуріи имѣется очень мало. Долгое время въ Манчжуріи дѣйствовали законы, совершенно воспрещавшіе всякія развѣдки полезныхъ ископаемыхъ и занятіе горнымъ промысломъ: «счастливую землю, въ которой начала благополучно править нынѣ царствующая династія, нельзя безпокоить». Лишь за послѣднее время правительство не только разрѣшаетъ частнымъ лицамъ разработку полезныхъ ископаемыхъ, но даже и само взялось за это дѣло.

Изъ полезныхъ ископаемыхъ прежде всего назовемъ золото. Мѣсторожденія золота извѣстны въ Манчжуріи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Изъ этихъ мѣсторожденій наибольшей извѣстностью пользуются мѣсторожденія по рч. Желтугѣ, притоку Албазихи, впадающей въ Амуръ. Золото здѣсь было извѣстно давно, но лишь въ 1883 г., послѣ находки здѣсь случайно большого самородка золота, слухи о богатствѣ Желтуги распространились далеко и привлекли сюда массу русскихъ и китайскихъ хищниковъ и авантюристовъ, число которыхъ къ 1885 г. достигало уже 13.000 человѣкъ. Скоро образовался здѣсь поселокъ съ массой лавокъ, гостинницъ, бань и т. д. Собравшіеся хищники образовали Желтугинскую республику съ выборнымъ президентомъ во главѣ, организовали самоуправленіе, суды, издали законы, по своей строгости вполнѣ заслуживавшіе названіе драконовыхъ. Существовала эта республика до 1886 г., когда китайскія войска заняли поселокъ, разогнали всѣхъ хищниковъ, а самый поселокъ уничтожили. Съ 1888 г. китайское правительство взяло на себя разработку этихъ пріисковъ. Золото здѣсь залегаетъ гнѣздами, содержаніе его различное, но очень высокое. Въ цвѣтущую эпоху Желтугинской республики встрѣчались мѣста съ содержаніемъ золота въ 20 золотн. *) и выше, разработка

*) Содержаніе золота считается обыкновенно въ золотникахъ на 100 пудовъ пустой породы. Для показанія богатства желтугинскихъ пріисковъ укажемъ на то, что въ богатѣйшемъ Витимско-Олекминскомъ золотоносномъ районѣ Якутской обл. разрабатываются съ выгодой мѣсторожденія съ содержаніемъ 1—3½ золотн. въ среднемъ.

песковъ съ содержаніемъ золота менѣе 5 золотн. считалась невыгодной. Всего за время существованія республики было намыто до 500 пуд. золота. Кромѣ Желтуги, золото извѣстно еще по нѣсколькимъ притокамъ Амура, въ бассейнѣ р. Суйфуна, въ округѣ Нингута, въ урочищѣ Цаяо-пи-гоу, въ окрестностяхъ Гирина и въ другихъ мѣстахъ.

Желѣзныя руды добываются въ довольно значительныхъ количествахъ, главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ Манчжуріи. Каменный уголь встрѣчается также во многихъ мѣстахъ страны. Самыя богатыя и наиболѣе, эксплуатируемыя залежи находятся къ востоку отъ г. Ляо-янъ. Вообще же качества манчжурскаго угля, повидимому, не высоки.

Кромѣ этихъ ископаемыхъ, встрѣчаются еще серебро, свинецъ, мѣдь, сѣра, но точныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣется. На равнинѣ между рр. Нонни и Сунгари ведется въ значительныхъ количествахъ добыча соды по берегамъ многочисленныхъ здѣсь небольшихъ озеръ. Качества и очистка добываемой соды не высоки, зато и стоитъ она не дорого.

Какъ Сѣверная, такъ и Южная Манчжурія орошены вообще очень обильно, благодаря большимъ количествамъ осадковъ, приносимыхъ муссонами. Обиліе лѣсовъ на горахъ Сѣверной Манчжуріи, регулирующихъ испареніе воды, и другія благопріятныя обстоятельства способствуютъ образованію въ рѣчныхъ долинахъ почти сплошныхъ болотъ, пополняющихъ убыль воды въ рѣкахъ послѣ прекращенія періода дождей. Рѣки всѣ довольно полноводны. Всѣ рѣки Сѣверной Манчжуріи имѣютъ два половодья—весеннее, производимое таяніемъ снѣговъ и льда, и лѣтнее, зависящее отъ лѣтнихъ дождей.

Громаднѣйшей рѣкой Сѣверной Манчжуріи является Амуръ, къ бассейну котораго принадлежатъ почти всѣ ея рѣки. Но гораздо большее значеніе для жизни страны имѣютъ притоки Амура—Сунгари и Уссури, чѣмъ самъ Амуръ, протекающій по мѣстности, сплошь заполненной горами, покрытыми дремучими лѣсами.

Амуръ, на пространствѣ 1.800 килом., составляетъ границу между Россіей и Манчжуріей. Горы то идутъ по самому берегу его, то отступаютъ отъ него. Большая ширина Амура и множество острововъ и подводныхъ камней дѣлаютъ затруднительнымъ плаваніе по нему. Сильно умаляется его значеніе еще и потому, что онъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ году бываетъ покрытъ льдомъ. Самыми значительными притоками Амура въ Манчжуріи являются Сунгари и Уссури.

Сунгари, длиною около 1.700 килом., составляется изъ р. Гиринь-ула и р. Эръ-дао-цаянъ, берущихъ начало отъ главной вершины Чанъ-бо-шан'я—Байтоу-шань. Въ верхнемъ теченіи до г. Гириня—Сунгари изслѣдована мало, но, повидимому, не пригодна для плаванія даже мелкосидящихъ судовъ. Рѣка течетъ вообще излучинами, имѣетъ очень извилистый фарватеръ и дѣлится часто на рукава. Судоходна для судовъ съ осадкою не свыше 4 фут. до г. Бодунэ, а въ высокую воду даже до Гириня. Съ корейскихъ горъ сплавляютъ по Сунгари много лѣса. Естественныя произведенія Сунгарскаго края очень разнообразны: лѣсъ, хлѣбъ, скотъ, дичь и проч. Кромѣ того, во всѣхъ рѣч-

кахъ бассейна Сунгари водится моллюскъ (жемчужная перловница—Anodonta plicata), имѣющій свойство вырабатывать жемчугъ, служащій здѣсь предметомъ довольно значительнаго промысла. Со своимъ значительнымъ лѣвымъ притокомъ Нонни, Сунгари имѣетъ большое значеніе для Манчжуріи, какъ естественный водный путь.

Уссури образуется въ Приморской области отъ сліянія рр. Дауби-хэ и Ула-хэ, берущихъ начало съ хребта Сихотэ-аминь. Общее направленіе ея съ юга на сѣверъ, длина 770 килом. Въ верхнемъ и нижнемъ теченіи Уссури преобладаютъ равнины, а въ среднемъ—горы подходятъ къ самому берегу. Долина Уссури, покрытая богатѣйшей растительностью, была бы пригодна для колонизаціи, если бы не періодически повторяющіяся наводненія. Судоходна отъ устья до сліянія рр. Дауби-хэ и Ула-хэ. Самый значительный притокъ Уссури въ Манчжуріи — Сунгача, вытекающая изъ озера Ханки.

Изъ рѣкъ, не принадлежащихъ бассейну Амура, наиболѣе выдаются Суйфунъ, принадлежащій Манчжуріи, впрочемъ, только верхнимъ своимъ теченіемъ, и р. Тумень-ула.

Тумень-ула, служащая границей между Кореей и Манчжуріей, беретъ начало около главной вершины Чанъ-бо-шан'я и впадаетъ въ Японское море. Общая длина ея неизвѣстна. Теченіе ея очень быстрое, средняя ширина 100—150 метровъ, а при устьѣ до 1 килом. Входъ въ рѣку затрудняется баромъ, на которомъ наименьшая глубина достигаетъ 5 фут. Судоходна на разстояніи около 100 килом. отъ устья.

Южная Манчжурія, благодаря обильнымъ осадкамъ, приносимымъ муссонами, очень богата проточной водой, но близость водораздѣльныхъ высотъ къ морю не позволяетъ принять рѣкамъ сколько-нибудь значительные размѣры. Уровень воды въ рѣкахъ подверженъ весьма значительнымъ колебаніямъ, благодаря отсутствію регуляторовъ водоснабженія—растительности и снѣговыхъ горъ. Въ періодъ дождей рѣчки вздуваются, становятся непроходимыми и обращаются въ бурные потоки мутной и грязной воды. Въ сухое же время многія изъ нихъ даже совершенно пересыхаютъ. Изъ рѣкъ Южной Манчжуріи самыя большія—р. Ляо и р. Ялу.

Р. Ляо, извѣстная въ верхнемъ теченіи подъ именемъ Шара-мурень, беретъ начало въ горахъ Чжилійской провинціи собственнаго Китая и впадаетъ въ Ляо-дун'скій заливъ. Течетъ среди ровныхъ песчаныхъ береговъ, которые образовались отъ отложенія песка, приносимаго рѣкою съ верховьевъ, гдѣ она течетъ по лёссовой почвѣ.

Р. Ялу беретъ начало у подножія главной вершины Чанъ-бо-шан'я, недалеко отъ истоковъ Сунгари. Въ верхнемъ теченіи протекаетъ среди крутыхъ обрывистыхъ береговъ, почти лишенныхъ растительности. До г. Ы-чжоу долина нижней части рѣки очень узка, и высоты, сопровождающія ее, опускаются почти прямо въ воду. У г. Ы-чжоу горы отступаютъ отъ лѣваго берега, образуя большую открытую низину, по правому же берегу продолжаются еще до г. Аньдун'а. Передъ устьемъ ширина Ялу достигаетъ $^1/_2$ килом.

Хотя широта Манчжуріи соотвѣтствуетъ широтѣ средней и отчасти южной

Европы, но по климату она рѣзко отличается отъ только что названныхъ странъ, что обусловливается тѣмъ, что Манчжурія, вмѣстѣ съ Кореей и Амурскимъ краемъ, находится въ области восточно-азіатскаго муссона. Здѣсь смѣняются сѣверо-западный сухой и холодный вѣтеръ зимою и юго-восточный теплый и дождливый лѣтомъ. Даже на югѣ Манчжуріи зима весьма сурова, превосходя въ этомъ отношеніи, напримѣръ, петербургскую. Зимою рѣки всѣ замерзаютъ. Весна и осень въ Манчжуріи очень непродолжительны. Лѣто теплѣе, чѣмъ подъ тѣми же широтами въ Уссурійскомъ краѣ, такъ какъ она дальше отъ холоднаго Японскаго моря и ближе къ жаркимъ степямъ Монголіи. Въ горахъ и на сѣверѣ Манчжуріи годъ и лѣто значительно холоднѣе. О температурѣ даютъ нѣкоторое понятіе слѣдующія цифры:

		Годовая.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.
Нью-чжуанъ...	40° с. ш.	+ 8,4° С.	— 12,3°	+ 8,6°	+ 25,4°.
Мукденъ.....	42° с. ш.	+ 6,9°	— 15,8°	+ 10,4°	+ 26,4°.
Харбинъ.....	45° с. ш.	+ 4,0°	— 16,0°	+ 5,9°	+ 22,9°.

Зимою количество осадковъ незначительно, но къ лѣту оно сильно возрастаетъ. Дождливыхъ періодовъ обыкновенно два: одинъ незначительный въ маѣ и другой очень значительный въ іюлѣ и августѣ. Въ Мукденѣ за годъ выпадаетъ до 700 mm. осадковъ, причемъ лѣтомъ выпадаетъ около половины, а зимою всего 50 mm. Туманы поздней весной и ранней осенью постоянно господствуютъ на южномъ побережьи, въ долинѣ Сунгари и особенно въ Хунчунскомъ фудутунствѣ. Въ общемъ, климатъ Манчжуріи довольно здоровый, вредно вліяютъ лишь рѣзкія перемѣны температуры въ жаркіе лѣтніе дни съ закатомъ солнца. Страшнымъ бичомъ Манчжуріи является «гнусъ», т.-е. насѣкомыя (оводы, слѣпни, мелкая мошка и комары), появляющіяся лѣтомъ, особенно въ концѣ лѣта *).

Въ климатѣ сѣверной и южной Манчжуріи существуетъ сильная разница, настолько значительная, что въ южной провинціи Шэнь-цзинъ, защищенной отрогами Чанъ-бо-шан'я отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ съ успѣхомъ воздѣлывается рисъ, индиго, виноградъ и др.

Флора сѣверной и южной Манчжуріи имѣетъ разницу, но провести какія-либо опредѣленныя границы въ этомъ отношеніи трудно. Манчжурія представляетъ единственную область Китая, гдѣ дѣвственные лѣса занимаютъ обширныя пространства, такъ, напримѣръ, лѣсами покрыты восточный склонъ Б. Хингана и М. Хинганъ. Изъ деревьевъ встрѣчаются лиственница, береза, осина, ольха, дубъ, орѣшникъ и др. Особенными характерными представителями манчжурской флоры являются манчжурскій орѣшникъ, достигающій иногда значительной высоты и образующій цѣлыя рощи, пробковое дерево, трава ула изъ рода осоки, составляющая, по народной пословицѣ, вмѣстѣ съ соболемъ и жень-шенемъ, три драгоцѣнности Манчжуріи; трава эта отличается мягкостью

*) Составителю настоящаго очерка пришлось лѣтомъ 1903 г. испытать нападенія этого „гнуса“: пребываніе въ открытомъ полѣ дѣлается положительной пыткой изъ за этихъ мелкихъ насѣкомыхъ.

и худой проводимостью тепла, почему и прокладывается въ сапоги. Затѣмъ слѣдуетъ знаменитый жень-шень (Panax Ginsend изъ семейства араліевыхъ), корни котораго считаются въ китайской медицинѣ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Растетъ главнымъ образомъ въ Кентейскомъ хребтѣ, свойственъ исключительно Южной Манчжуріи и Кореѣ. Добывается по особымъ разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ мѣстной администраціей. Весь добытый корень доставляется обязательно ко двору. Цѣны на него баснословно дороги *).

Фауна Манчжуріи еще болѣе, чѣмъ флора, отличается обиліемъ контрастовъ: наряду съ представителемъ крайняго сѣвера, высоко цѣнящимся соболемъ, встрѣчается и величайшій хищникъ южныхъ странъ—тигръ; западноевропейскій ежъ и летучая мышь живутъ рядомъ съ японскимъ кротомъ. Изъ болѣе крупныхъ, имѣющихъ промышленное значеніе млекопитающихъ встрѣчаются: изюбрь, рога котораго высоко цѣнятся въ китайской медицинѣ, косуля или дикая коза, встрѣчающаяся повсемѣстно въ значительномъ количествѣ, кабарга, соболь, выдра, лисица, волкъ, медвѣдь и тигръ. Въ южной Манчжуріи водятся еще и барсъ. Рыбы очень много въ Амурѣ и Уссури, вѣроятно, и въ Сунгари. Наибольшее значеніе изъ рыбъ имѣютъ лососевыя, составляющія главную пищу инородческаго населенія, живущаго по берегамъ рѣкъ.

Для сужденія о численности манчжурскаго населенія нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Позднѣевъ, основываясь на разныхъ соображеніяхъ, даетъ цифру 12 милліоновъ. Цифру эту слѣдуетъ увеличить, такъ какъ колонизація Манчжуріи китайцами все еще продолжается и за послѣднее время, повидимому, еще усилилась, кромѣ того, за время, протекшее съ изданія Позднѣевымъ своего «Описанія Манчжуріи» (1897 г.), проведена по Манчжуріи Восточно-Китайская ж. д., вызвавшая усиленную колонизацію края русскими. За это время, напримѣръ, успѣлъ вырасти г. Харбинъ, насчитывающій уже около 25.000 жителей. Но въ какой мѣрѣ слѣдуетъ увеличить цифру, даваемую Позднѣевымъ, сказать трудно, даже невозможно. Принимая во вниманіе цифры другихъ авторовъ, а также естественный приростъ населенія и колонизацію, мы можемъ въ среднемъ считать населеніе Манчжуріи равнымъ 15—16 милліонамъ. Средняя плотность населенія, слѣдовательно, около 22 человѣкъ на 1 кв. килом. Исключая мѣстности, почти не населенныя, мы должны эту цифру, по крайней мѣрѣ утроить.

Населеніе Манчжуріи состоитъ изъ трехъ народностей — тунгузской, монгольской и китайской. Къ первой относятся: манчжуры, дауры, орочёны, манегры, бирары, гольды, солони и корейцы; ко второй — буряты, чипчины и элёты, а къ третьей—китайцы.

Манчжуры впервые появились на аренѣ политическихъ событій въ XVI в., когда они подчинили себѣ сосѣднія племена, а въ началѣ XVII в. вступили въ войну съ Китаемъ, которую побѣдоносно закончили въ 1644 г. воцареніемъ

*) Изслѣдованія, произведенныя европейскими врачами, не показали какихъ-либо цѣнныхъ для медицины свойствъ жень-шеня.

въ Пекинѣ нынѣ царствующей Дайцинской манчжурской династіи. Въ настоящее время манчжуры составляютъ очень незначительную часть населенія Манчжуріи, всего лишь около 5%. Въ составъ сельскаго населенія входятъ они лишь въ двухъ сѣверныхъ провинціяхъ. Въ составѣ городского населенія они распространены по всей странѣ, занимая должности въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и входя въ составъ знаменныхъ войскъ. Главнымъ образомъ живутъ по правому берегу Сунгари до Амура и по берегамъ р. Мудань-цзяна. Главными причинами незначительнаго количества манчжуровъ среди населенія Манчжуріи являются и численный перевѣсъ китайцевъ, и ихъ многовѣковая культура, помощью которой они подчинили себѣ явившихся дикарей-манчжуровъ, хотя послѣдніе и завоевали Китай. Этому же способствовало еще и то, что манчжуры вторглись въ Китай безъ своихъ женщинъ и, побѣдивъ китайцевъ, сами были побѣждены врагомъ въ образѣ женщины. Ассимиляція манчжуръ зашла настолько далеко, что они утратили свою религію (шаманизмъ), забыли свой языкъ, переняли многіе китайскіе обычаи и нравы. Самый типъ ихъ сильно измѣнился подъ вліяніемъ китайской крови. Религіей ихъ въ настоящее время являются религіи, распространенныя въ Китаѣ, т.-е. буддизмъ (фо), конфуціанство и даосизмъ, языкомъ служитъ китайскій. Кромѣ военной службы, на нихъ возложены еще нѣкоторыя особенныя повинности: они служатъ матросами при перевозкѣ по Сунгари казеннаго провіанта, на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ, казенными охотниками, получающими изъ казны жалованіе, припасы и охотничьи принадлежности, но обязанными за это часть добычи вносить въ пользу казны. За всѣ перечисленныя обязанности они пользовались раньше нѣкоторыми привилегіями: всѣ они получали въ возрастѣ отъ 14 до 40 лѣтъ жалованье въ размѣрѣ отъ 1 до 2 лановъ (1 р. 25 к.—2 р. 50 к.) въ мѣсяцъ, владѣли землей, не платя за нее никакихъ налоговъ, изъ нихъ же назначались всѣ должностныя лица по управленію краемъ. Съ введеніемъ въ краѣ гражданскаго управленія, наряду съ военнымъ, китайцы сравнены въ правахъ съ манчжурами, такъ что всѣ эти привилегіи почти исчезли. Въ мирное время манчжуры занимаются земледѣліемъ, а отчасти и другими промыслами.

Изъ прочихъ народностей тунгузскаго корня въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ въ Манчжуріи встрѣчаются лишь корейцы (въ 1897 г. ихъ было до 50.000), спасавшіеся главнымъ образомъ отъ преслѣдованій и притѣсненій своего правительства. Изъ остальныхъ племенъ орочёны, манегры, гольды, бирары находятся еще въ стадіи охотничества и рыболовства, другіе же дауры и солоны—отчасти уже занимаются скотоводствомъ и даже земледѣліемъ. Численность всѣхъ этихъ племенъ незначительна.

Главной составной частью населенія Манчжуріи являются китайцы, составляющіе не коренной, а пришлый элементъ населенія страны. Колонизація Манчжуріи китайцами началась еще до завоеванія Китая манчжурами. Привлекаемые плодородіемъ долины р. Ляо китайцы переселялись туда, но попадали подъ власть дикарей-манчжуровъ, въ свою очередь покоряя ихъ впослѣдствіи превосходствомъ своей культуры. Въ эпоху завоеванія Китая войско

манчжурское состояло не изъ однихъ манчжуровъ—въ немъ были и китайцы, получившіе потомственное названіе хань-цзюнь. Послѣ воцаренія въ Китаѣ манчжурская династія рѣшила охранять свою родовую землю отъ китайцевъ и съ этой цѣлью издало цѣлый рядъ законовъ и предписаній, такъ, напримѣръ, право владѣть землей предоставлено было только манчжурамъ, администрація назначалась только изъ манчжуровъ, китайскимъ женщинамъ былъ воспрещенъ переходъ черезъ Великую китайскую стѣну въ Манчжурію. Но колонизація, вызываемая густотой населенія въ Китаѣ, безысходной нуждой, голодовками, продолжалась и даже увеличивалась. Сперва она совершалась тайно и съ опаской, но мало-по-малу китайское правительство, видя, что съ этимъ явленіемъ трудно справиться, стало оффиціально допускать китайцевъ въ опредѣленныя мѣста Манчжуріи. Особеннаго же развитія колонизація достигла въ серединѣ XIX-го вѣка, въ эпоху европейскихъ войнъ и внутреннихъ смутъ въ Китаѣ. Къ этому времени относятся первыя пріобрѣтенія китайцами земель въ Манчжуріи. Кромѣ мирнаго населенія, привлекаемаго въ Манчжурію плодородіемъ почвы и вообще богатствомъ страны, стекались сюда еще бѣглые преступники, различнаго рода авантюристы и вообще подонки общества, которые переселялись въ Манчжурію, надѣясь легко и быстро обогатиться добычей женьшеня и золота. Но когда въ большинствѣ случаевъ разсчеты ихъ не оправдывались, и имъ приходилось чуть не умирать съ голоду, они стали соединяться въ шайки и заниматься грабежомъ, наводя страхъ на окрестныхъ жителей. Постепенно усиливаясь, эти разбойники (хунъ-ху-цзы) дошли, наконецъ, до того, что стали осаждать цѣлые города. Правительство принимало противъ нихъ различныя мѣры, но ничего не могло съ ними подѣлать, и хунгузы существуютъ и понынѣ.

За послѣднее время правительство оффиціально отмѣнило всѣ стѣсненія для китайской колонизаціи. Такъ, въ Манчжуріи учреждено особое гражданское управленіе, которому подчинены китайцы, а манчжуры оставлены въ вѣдѣніи военной администраціи; китайцы и манчжуры сравнены въ правахъ относительно пріобрѣтенія земли въ собственность, отмѣнено запрещеніе китаянкамъ переходить черезъ Великую стѣну и т. д. Главной причиной этихъ реформъ была боязнь усиливающагося могущества Россіи и желаніе противопоставить этому могуществу населенную, сильную своимъ тѣснымъ единеніемъ съ Китаемъ страну.

Въ настоящее время китайцы населяютъ сплошь всю Шэнъ-цзинскую провинцію, составляютъ до 60% общаго числа населенія въ Хэй-лунъ-цзянской провинціи и разсѣяны по всей Гиринской. Китайцы занимаются главнымъ образомъ торговлей и ремеслами, но среди нихъ есть много также земледѣльцевъ и скотоводовъ. Главный контингентъ китайскаго населенія—выходцы изъ провинцій Чжи-ли, Шань-дунъ и Шань-си. Преобладаютъ выходцы изъ Шань-дуна, составляющіе осѣдлый земледѣльческій классъ населенія; ихъ-то нарѣчіе, нравы и обычаи почти всецѣло и усвоены манчжурами.

Въ городахъ довольно значительный процентъ населенія составляютъ китайцы-магометане (хой-хой или дунъ-ганъ). Они занимаются промышленностью

и въ общемъ очень зажиточны. По внѣшности отличаются отъ прочихъ китайцевъ своимъ здоровымъ видомъ, такъ какъ они не пьютъ крѣпкихъ напитковъ и не курятъ ни табаку, ни опіума.

Христіанство въ Китаѣ появилось въ серединѣ XIX-го в., когда въ 1838 г. французское католическое общество (Société des Missions etrangères) начало свои попытки распространенія въ Манчжуріи ученія Христа. Съ открытіемъ въ 1861 г. порта Нью-чжуанъ для европейской торговли примѣру этого общества послѣдовали другія миссіи. Въ настоящее время насчитывается въ Манчжуріи до 20.000 христіанъ.

Монгольское племя въ Манчжуріи представлено бурятами, чинчинами и элётами, кочующими въ сѣверо-западномъ углу ея по сосѣдству съ Забайкальской областью.

Какъ страна съ самымъ разнообразнымъ населеніемъ и формами быта, Манчжурія естественно имѣетъ и весьма разнообразное административное устройство.

Вся Манчжурія раздѣляется на три провинціи: Шэнъ-цзин'скую или Мукденскую, Цзи-линь-шэнъ или Гиринскую и Хэйлунъ-цзян'скую или Амурскую. Провинціи въ свою очередь раздѣляются на департаменты (фу), отдѣленія департаментовъ (тинъ), округа (чжоу) и уѣзды (сянь). Во главѣ каждой провинціи находится цзянъ-цзюнь (генералъ-губернаторъ), причемъ мукденскому цзянъ-цзюню предоставлены права какъ бы вице-короля Манчжуріи. Во главѣ департаментовъ стоятъ фу-ду-туны и чжи-фу, изъ которыхъ первые обладаютъ большей долей самостоятельности, чѣмъ вторые. Тинами завѣдуютъ тунъ-чжи или тунъ-пани, чжоу ввѣрены чжи-чжоу, а сяни — чжи-сянямъ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ имѣются еще дао-таи, на обязанности которыхъ лежитъ вести сношенія съ иностранцами. Въ Мукденской провинціи, напоминающей копію цѣлаго Китая, находятся еще министерства (бу), учрежденныя вторымъ императоромъ нынѣшней Дай-цинской династіи въ 1626 г. Во главѣ этихъ министерствъ стоятъ ши-ланы, товарищи министровъ (въ Пекинѣ министры называются шанъ-шу). Этихъ министерствъ всего 5: финансовъ (ху-бу), церемоній и просвѣщенія (ли-бу), военное (бинъ-бу), судебное (синъ-бу) и общественныхъ работъ (гунъ-бу). Несмотря на такую сложную сѣть административныхъ учрежденій, въ странѣ не господствуетъ порядка. Постоянная вражда китайскихъ и манчжурскихъ властей, корыстолюбіе и продажность чиновниковъ, процвѣтающая здѣсь система шпіонства и доносовъ — вотъ тормоза, мѣшающіе правильному развитію жизни въ странѣ.

Городовъ въ Манчжуріи много и среди нихъ есть довольно многолюдные. Главнымъ городомъ Маньчжуріи является Мукденъ — древнѣйшая столица Манчжуріи, въ настоящее время—одинъ изъ наиболѣе торговыхъ и промышленныхъ городовъ края съ 250.000 жителей. Ляо-янъ-чжоу нѣкогда былъ столицей южной Манчжуріи, въ 60 килом. къ югу отъ Мукдена. Извѣстенъ производствомъ мебели и гробовъ. Жителей до 70.000 человѣкъ. Нью-чжуанъ лежитъ близъ лѣваго берега р. Ляо, раньше лежалъ у самаго устья этой рѣки. Въ 1858 г. былъ открытъ для иностранной торговли, которая, впрочемъ, уже

давно перешла изъ него въ Инъ-цзы. Инъ-цзы или Инкоу (у европейцевъ извѣстенъ подъ именемъ Нью-чжуанъ) лежитъ у самаго устья р. Ляо. Жителей до 60.000. Одинъ изъ важныхъ портовъ Китая. Для понятія о размѣрахъ торговли въ Инъ-цзы могутъ служить слѣдующія цифры: общая сумма ввоза (за 1901 г.) 10.231.780 таэлей *), вывоза 6.282.533 таэлей. Вывозятся наиболѣе бобы, бобовые остатки и бобовое масло, затѣмъ идутъ просо, шелкъ-сырецъ и др. Изъ предметовъ ввоза первое мѣсто занимаютъ хлопчатобумажные товары, затѣмъ идутъ металлы, керосинъ и др.

Изъ другихъ городовъ Мукденской провинціи пользуются болѣе или менѣе извѣстностью Синь-минь-тинъ, являющійся однимъ изъ главныхъ и наиболѣе оживленныхъ рынковъ по дорогѣ изъ Пекина въ Мукденъ. Тѣ-линъ—чрезвычайно оживленный городъ, благодаря развившемуся въ немъ желѣзному производству. Очень важны еще, какъ центры торговли, Цзинь-чжоу-фу и И-чжоу.

Главнымъ городомъ Гиринской провинціи является г. Гиринъ, наиболѣе многолюдный и промышленный центръ провинціи, хотя въ настоящее время значеніе его начинаетъ сильно падать. Бодунэ, извѣстный теперь подъ именемъ Синь-чэнъ, т.-е. «новый городъ»—бойкій торговый центръ, къ которому тяготѣетъ лежащая къ западу монгольская степь со своимъ болѣе чѣмъ 100-тысячнымъ населеніемъ. Съ проведеніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги возникъ г. Харбинъ, насчитывающій уже около 25.000 жителей.

Въ Хэй-лунъ-цзянской провинціи главный городъ—Цицикаръ, съ 60—70 тысячами жителей, значительный торговый и промышленный центръ. Хайларъ (Амбань-хото)—административный центръ приангунскаго округа Манчжуріи.

Главное занятіе населенія Манчжуріи—земледѣліе. Благодаря трудолюбію, невзыскательности и выносливости китайцевъ, каждый годный для земледѣлія клочокъ земли обращенъ подъ посѣвы. Земледѣліе пользуется въ Китаѣ большимъ почетомъ и покровительствомъ правительства. Оно имѣетъ даже спеціальное божество, считающееся однимъ изъ главныхъ въ китайской религіи. Въ Манчжуріи земледѣліе развито исключительнымъ образомъ по рр. Ляо, Сунгари и Нонни. Земледѣльческія орудія весьма несложнаго устройства, но многовѣковой опытъ китайцевъ замѣняетъ имъ научную агрономію. По количеству посѣвовъ первое мѣсто занимаютъ различные виды проса: высшіе сорта его называются сяо-мидза и гоанъ-мидза, а низшій—гао-лянъ. Затѣмъ слѣдуютъ бобовыя растенія, третье мѣсто занимаетъ макъ. Страшное распространеніе куренія опіума и дороговизна привознаго повлекли за собою усиленное развитіе культуры мака. Въ громадныхъ количествахъ разводится также табакъ, считающійся лучшимъ изъ всѣхъ табаковъ, разводимыхъ въ Китаѣ. Двѣ сѣверныя провинціи богаты также пшеницей (май-цзы), вывозимой отчасти въ порты Южной Манчжуріи, а оттуда въ Китай. Повсемѣстно разводится также кукуруза (бао-ми). Въ небольшихъ количествахъ разводится рисъ, ячмень, овесъ, гречиха, конопля, клещевина, а въ южной Манчжуріи, кромѣ того, жень-шень, индиго и хлопчатникъ.

*) 1 таэль=1 р. 20 к.—1 р. 30 к.; тоже, что ланъ.

Большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ служатъ овощи—свекла, огурцы, капуста, картофель и др., разводимыя почти повсемѣстно. Въ довольно широкихъ размѣрахъ мѣстами культивируются и плодовыя деревья—груши, абрикосы, вишни и др., плоды которыхъ отчасти служатъ даже предметомъ вывоза. Дикій виноградъ растетъ повсемѣстно въ горахъ, но пользуются имъ лишь миссіонеры, выдѣлывая довольно хорошее вино.

Полуостровъ Ляо-дунъ является средоточіемъ шелководства въ Манчжуріи, главными центрами котораго служатъ города Фу-чжоу, Сю-янь, Гай-чжоу и Сюнъ-іо. Шелковичные черви вскармливаются, главнымъ образомъ, листьями различныхъ сортовъ дуба, отчасти листьями айлантусовыхъ деревьевъ. Тутовое же дерево хотя и встрѣчается, но довольно рѣдко, и въ мелкомъ шелководствѣ не играетъ почти никакой роли. Шелковыя ткани мѣстнаго производства отличаются грубостью своей выдѣлки. Въ 1898 г. изъ Инкоу было вывезено 43.521 пуд. шелку, а въ 1899 г.—76.244 пуда.

Скотоводствомъ въ Манчжуріи занимаются исключительно монгольскія племена, кочующія въ сѣверо-западномъ углу ея. Скотъ разводится почти исключительно для цѣлей земледѣлія и извознаго промысла, часть же его служитъ предметомъ вывоза въ Приамурскій и Приуссурійскій края. Молочное хозяйство въ Манчжуріи неизвѣстно, на убой скота идетъ очень мало. Быки и коровы употребляются для землепашества, а потому уваженіе, питаемое къ земледѣлію, распространяется и на нихъ. Существуетъ даже особый законъ, запрещающій употреблять ихъ мясо въ пищу. Самое распространенное въ Манчжуріи животное—свинья, мясо которой разрѣшается ѣсть. Хэй-лунъ-цзянская провинція снабжаетъ весь Приамурскій край убойнымъ скотомъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетою «Дальній Востокъ», въ 1903 г. было ввезено въ Приамурскую область около 12.000 свиней и около 7.500 барановъ.

Звѣроловство, довольно распространенное, благодаря обилію лѣсовъ, является почти единственнымъ средствомъ къ существованію инородческихъ племенъ на сѣверѣ въ Манчжуріи. Предметами охотничьяго промысла служатъ соболи, изюбри, рога которыхъ (панты) очень цѣнятся въ китайской медицинѣ, бѣлки, лисицы, волки, медвѣди и даже тигры. Для живущихъ по берегамъ рѣкъ важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ является также рыболовство.

Размѣры горной промышленности въ Манчжуріи точно неизвѣстны, но надо думать, что они довольно значительны.

Обрабатывающая промышленность развита въ Манчжуріи очень мало, только производство водки и бобоваго масла распространены почти повсемѣстно и въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Центромъ этихъ производствъ является сунгарійскій районъ. Прочія производства имѣютъ болѣе или менѣе кустарный характеръ и служатъ исключительно для мѣстнаго потребленія. Въ городахъ почти повсюду имѣются кирпичные, гончарные, кожевенные заводы, заводы для приготовленія вермишели и крахмала и т. п. Важнымъ предметомъ такой промышленности является приготовленіе грубой синей бумажной матеріи. Въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются писчебумажныя фабрики. Въ Цицикарѣ и Гиринѣ существуютъ фабрики для приготовленія табакерокъ, мундштуковъ и

разныхъ мелкихъ вещицъ изъ камня (сердоликъ, халцедонъ, нефритъ). Въ мѣстахъ добычи желѣзныхъ рудъ имѣются небольшіе чугунно-литейные и желѣзодѣлательные заводы. Вообще данныхъ о промышленности въ Манчжуріи очень немного и, по словамъ путешественниковъ, надо думать, что она находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Условія торговли до сихъ поръ въ Манчжуріи были довольно неблагопріятны, благодаря отсутствію хорошихъ путей сообщенія, отсутствію правильной монетной системы и недостатку денежныхъ знаковъ въ обращеніи, а также поборамъ мѣстныхъ административныхъ органовъ и обилію шаекъ хунхузовъ. Въ настоящее время эти условія сильно измѣнились съ проведеніемъ Восточно-Китайской желѣзной дороги и занятіемъ края русскими, но въ какую сторону и въ какой степени, сказать пока невозможно за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ по этому вопросу. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что на вывозъ Манчжурія пока ничего не давала. Хлѣбъ, ея главное достояніе, обрабатывается въ количествѣ, необходимомъ для мѣстнаго потребленія. Небольшіе избытки хлѣба, очень незначительные, служили для мѣстнаго обмѣна, отчасти продавались русскимъ. Но разсчитывать на большое количество хлѣба нельзя, ибо всѣ удобныя земли распаханы, и только при измѣненіи всей хлѣбной культуры можетъ быть увеличено производство хлѣбовъ (пшеницы, главнымъ образомъ). Въ зависимости отъ этого главнаго предмета добывающей промышленности находится и вся торговля Манчжуріи.

Что же дала Манчжурія до сихъ поръ Россіи и на что можно надѣяться въ будущемъ? До сихъ поръ, кромѣ хлопотъ, громадныхъ денежныхъ затратъ и войны, Манчжурія не дала Россіи ничего. Въ будущемъ же надѣяться на что-нибудь трудно, въ виду отдаленности края и той громадной конкурренціи, которую Россія встрѣтитъ тамъ со стороны неприхотливыхъ, выносливыхъ и энергичныхъ китайцевъ, а также въ лицѣ иностранныхъ предпринимателей, бороться съ которыми будетъ болѣе чѣмъ затруднительно.

А. Ст—вичъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Беллетристика въ германскомъ рейхстагѣ. — Соціальная политика Германіи и научная поѣздка германскихъ рабочихъ. Характернымъ симптомомъ современнаго положенія Германіи служитъ, безъ сомнѣнія, необычайное наводненіе книжнаго рынка романами изъ военнаго быта, большинство которыхъ представляетъ рѣзкую критику существующихъ порядковъ въ германской арміи. Послѣ книги Бильзе «Изъ маленькаго гарнизона», произведшей большую сенсацію, потому что она послужила поводомъ къ судебному процессу, появилось нѣсколько аналогичныхъ произведеній и даже театральныхъ пьесъ, но всѣ эти романы изъ жизни маленькихъ и большихъ гарнизоновъ не вызвали все-таки такого широкаго впечатлѣнія и такихъ оживленныхъ толковъ, какъ романъ Бейерлейна «Іена или Седанъ?»,

который даже послужилъ предметомъ весьма горячихъ дебатовъ въ германскомъ рейстагѣ. Вопросъ, выдвинутый авторомъ, не сходитъ съ очереди. Германская печать съ большимъ жаромъ и всестороннимъ образомъ обсуждаетъ положеніе и условія арміи, ея вліяніе на гражданскую жизнь и т. п., стараясь опредѣлить, насколько казарменные нравы дѣйствительно оказываютъ вліяніе на нравы и порядки въ странѣ и могутъ отразиться на ея боевой готовности. Вполнѣ естественно поэтому, что вопросъ этотъ былъ затронутъ и въ германскомъ парламентѣ, такъ какъ германское общество слишкомъ имъ заинтересовано. Во время обсужденія военнаго бюджета между военнымъ министромъ генералъ фонъ-Эйнемъ и Бебелемъ завязался очень интересный споръ. Въ своей рѣчи Бебель по обыкновенію очень краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ несостоятельность германской военной администраціи. Военный министръ сказалъ, что второй номеръ Форбаха, описаннаго поручикомъ Бильзе, не можетъ существовать въ Германіи, на что Бебель возразилъ ему приведеніемъ цѣлаго ряда фактовъ, заимствованныхъ изъ военной «chronique scandaleuse» только за самое послѣднее время, указывающихъ, что такое положеніе дѣлъ, какое описано поручикомъ Бильзе, ограничивается не однимъ только гарнизономъ въ Форбахѣ. Затѣмъ Бебель перешелъ къ вопросу о томъ, насколько высота умственнаго и нравственнаго уровня арміи можетъ отражаться на ея боевыхъ качествахъ и технической подготовкѣ. Цитируя различныя научныя сочиненія и произведенія военной беллетристики, Бебель старался доказать необходимость иного отношенія къ солдатамъ, чѣмъ то, которое существуетъ въ арміи, и иныхъ взглядовъ на обязанности и долгъ офицеровъ. Необходима дисциплина, но не безсмысленная дрессировка и ученія, которыя въ концѣ концовъ деморализуютъ офицеровъ и притупляютъ у нихъ всякія умственныя стремленія. Гуманное отношеніе къ человѣку, чувство товарищества, все это исчезаетъ и замѣняется только суровою командой и безсловеснымъ повиновеніемъ. Нравственный и умственный уровень арміи не можетъ не понизиться при такихъ условіяхъ и никакія затраты на разныя военныя сооруженія, пушки, крейсера и т. п. не приведутъ къ побѣдѣ, если положеніе вещей не измѣнится.

Генералъ фонъ-Эйнемъ, обязанный своимъ возвышеніемъ на постъ военнаго министра отчасти своей репутаціи искуснаго оратора, въ своемъ отвѣтѣ, разумѣется, старался опровергнуть Бебеля, и еслибъ Бебель основывалъ свои доказательства только на романахъ или разсказахъ, то это бы, конечно, ему удалось. Но Бебель приводилъ историческія справки, доказывавшія, что положенія Бейерлейна, высказанныя имъ въ романѣ «Іена или Седанъ?», совершенно справедливы и что дѣйствительно униженіе Пруссіи при Іенѣ было результатомъ ея общественныхъ условій. Съ этой стороны Бебель былъ неуязвимъ, и хотя генералъ фонъ-Эйнемъ очень пространно доказывалъ, что Іена, составляющая прискорбную страницу германской исторіи, не запятнала все-таки чести прусской арміи, что виною всему были космополитизмъ и отсутствіе патріотизма въ интеллигентныхъ и зажиточныхъ кругахъ, которые и вызвали паденіе государства. Затѣмъ военный министръ довольно наивно обратился къ Бебелю съ вопросомъ, въ самомъ ли дѣлѣ онъ думаетъ, что условія, описан-

ныя Бейерленомъ въ его романѣ и другихъ подобныхъ же произведеніяхъ, дѣйствительно существуютъ въ арміи? Со всѣхъ сторонъ раздались утвердительные возгласы, и тогда, очевидно нѣсколько растерявшійся вслѣдствіе такого неожиданнаго результата, военный министръ вдругъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ соціалъ-демократы напрасно считаются революціонною партіей, такъ какъ если бы дѣйствительно существовали подобныя условія въ арміи, то имъ достаточно было бы пошевелить пальцемъ, чтобы осуществить свой идеалъ «государства будущаго», а они этого не дѣлаютъ, значитъ... Это заявленіе военнаго министра вызвало взрывъ хохота, но консерваторы и сторонники правительства, конечно, были недовольны и находили, что военный министръ лучше бы сдѣлалъ, если бы помолчалъ. Консервативныя газеты также не одобряютъ рѣчи министра и находятъ, что онъ скорѣе далъ новое оружіе врагамъ существующаго порядка своею защитой, нежели оградилъ армію отъ новыхъ нападокъ, а въ печати все громче раздаются голоса, что перемѣны безусловно нужны.

Нѣмецкія газеты печатаютъ отчетъ о дѣятельности соціальной политики за послѣдній годъ, изъ котораго слѣдуетъ, что Германія въ области страхового законодательства опередила другія государства, хотя къ коренной реформѣ страхованія рабочихъ еще не было приступлено и сдѣланы только попытки расширить область страхованія, внесеніемъ новыхъ параграфовъ въ существующіе уже законы страхованія противъ болѣзни и обезпеченія семействъ умершихъ рабочихъ. Что касается страхованія отъ безработицы, то пока еще вопросъ этотъ находится на разсмотрѣніи коммиссіи, которой поручено изслѣдовать представленный императорскимъ статистическимъ бюро матеріалъ. Къ осени вопросъ этотъ будетъ, вѣроятно, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Что касается другихъ странъ, то нѣмецкія газеты выставляютъ на видъ, что, напр., въ Австро-Венгріи никакихъ успѣховъ въ области рабочаго страхового законодательства не замѣтно. Уже многіе годы вопросъ о страхованіи рабочихъ противъ старости, болѣзни и смерти стоитъ на очереди, но, несмотря на періодическія заявленія министра, что онъ будетъ подвергнутъ обсужденію въ самомъ непродолжительномъ времени, обсужденіе это до сихъ поръ еще не наступило, что отчасти объясняется внутренними неурядицами, постоянно отвлекающими вниманіе министерства.

Большимъ шагомъ впередъ въ Германіи является новый законъ, касающійся дѣтскаго фабричнаго труда, и различныя мѣропріятія въ области фабричной гигіены. Наглядным доказательствомъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи, служитъ постоянная выставка, устроенная въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ сосредоточено все, что имѣетъ отношеніе къ благосостоянію рабочихъ. Между прочимъ эту выставку посѣтили 77 баденскихъ рабочихъ, поѣздка которыхъ въ Берлинъ состоялась по иниціативѣ баденскаго фабричнаго инспектора д-ра Биштманна, хорошо знакомаго со скептическимъ отношеніемъ рабочихъ ко всякого рода предохранительнымъ мѣрамъ, которыя должны оградить ихъ отъ вредныхъ послѣдствій нѣкоторыхъ отраслей промышленнаго труда. Мысль фабричнаго инспектора увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Рабочіе, принадлежащіе къ

различнымъ партіямъ и стоящіе на разномъ уровнѣ развитія, съ одинаковымъ интересомъ отнеслись къ выставкѣ и охотно согласились на предложеніе инспектора изложить свои впечатлѣнія и взгляды на тѣ мѣропріятія, съ которыми они познакомились на выставкѣ. Д-ръ Биштманнъ собралъ всѣ эти отзывы рабочихъ и издалъ книгу «Eine Arbeiter Reise», въ которой наглядно доказалъ, какъ благотворно дѣйствуютъ на расширеніе умственнаго кругозора рабочихъ такого рода научныя поѣздки. Рабочій гораздо лучше поучается тѣмъ, что онъ видитъ, нежели какими то ни было длинными разсужденіями и теоретическими доказательствами пользы тѣхъ или другихъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью его благосостояніе и борьбу съ промышленными и эпидимическими болѣзнями. Книга д-ра Биштманна и его коментаріи къ отзывамъ рабочихъ произвели большое впечатлѣніе въ печати, и, вѣроятно, примѣръ баденской фабричной инспекціи вызоветъ подражанія.

Германскій императоръ молчитъ. Давно уже не слышно его рѣчей и, по выраженію одной изъ газеты, въ политикѣ стало скучнѣе. Его поѣздку въ Средиземное море ставятъ въ связь съ его болѣзнью и въ германскомъ обществѣ несомнѣнно существуютъ большія опасенія, что болѣзнь императора Вильгельма очень серьезна.

Двойственная политика англійскаго кабинета. Злобу дня въ Англіи составляетъ теперь положеніе кабинета Бальфура. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ: долго ли продержится кабинетъ, сильно пошатнувшійся послѣ послѣднихъ парламентскихъ инцидентовъ и необыкновенно жаркихъ преній, доказавшихъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что Бальфуръ не рѣшался прямо и открыто преслѣдовать опредѣленную политику, а постоянно лавировалъ между различными теченіями, не желая ни открыто порывать съ друзьями Чэмберлена, ни терять поддержку консерваторовъ, приверженцевъ свободы торговли, ни возбуждать недовѣріе имперіалистовъ. Бальфуръ поддерживалъ систему довольно умѣреннаго протекціонизма, надѣясь, безъ сомнѣнія, что, разъ вступивъ на этотъ путь, потомъ уже можно будетъ, безъ особенныхъ затрудненій, методически подвигаться впередъ и достигнуть такимъ образомъ чэмберленовскаго идеала. Однако эта тактика Бальфура привела лишь къ тому, что одновременно возбудила недовѣріе и въ лагерѣ консерваторовъ - фритредеровъ и въ лагерѣ имперіалистовъ, такъ что и тѣ и другіе угрожаютъ лишить Бальфура своей поддержки. Въ палатѣ общинъ разыгрался даже довольно любопытный инцидентъ по этому поводу. Депутату министерской партіи Уартону было поручено внести предложеніе, устанавливающее рѣзкое различіе между протекціонизмомъ Чэмберлена и протекціонизмомъ Бальфура, что вызвало сильное неудовольствіе имперіалистовъ, увидѣвшихъ въ такомъ предложеніи окончательное отреченіе министерства отъ чэмберленовской точки зрѣнія. Бальфуръ, подъ предлогомъ нездоровья, давно не присутствовавшій на засѣданіяхъ палаты общинъ, какъ разъ явился въ парламентъ и имперіалисты тотчасъ же предъявили ему ультиматумъ. Двѣнадцать депутатовъ заявили ему требованіе, чтобы онъ высказался категорически и измѣнилъ бы формулу, предложенную

Уартономъ. Какъ всегда, Бальфуръ послушно повиновался и формула была измѣнена, но зато возмутились фридридеры, и въ концѣ концовъ, чтобы примирить обѣ стороны, предложеніе было взято назадъ и такимъ образомъ глава британскаго кабинета ясно показалъ, что въ въ такомъ важномъ вопросѣ, волнующемъ всю британскую націю, какъ фискальный вопросъ, отъ котораго зависитъ въ значительной степени и будущность страны, нынѣшнее британское правительство не въ состояніи высказаться рѣшительно и открыто стать на ту или другую сторону.

Поведеніе Бальфура вызываетъ критику и въ консервативной печати. Судя по этимъ разсужденіямъ англійскихъ газетъ, можно придти къ заключенію, что въ странѣ окончательно подорвано всякое довѣріе къ главѣ кабинета. Впрочемъ, Бальфуръ никогда не пользовался особеннымъ личнымъ авторитетомъ и, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ первымъ министромъ только потому, что представлялось нежелательнымъ поручать Чэмберлену освободившееся наслѣдіе лорда Салисбюри. Въ сущности министерство Бальфура носило только временный характеръ и должно было подготовить возвращеніе къ власти либераловъ. Но, безъ сомнѣнія, кабинетъ могъ бы просуществовать еще до конца года, еслибъ Чэмберленъ не перепуталъ всего своею протекціонистскою программой. Въ настоящее же время всѣ признаютъ положеніе кабинета безнадежнымъ и волей-неволей придется прибѣгнуть къ распущенію и къ общимъ выборамъ. Результаты же частныхъ выборовъ въ послѣднее время не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, какая будущность ожидаетъ министерство. Съ тѣхъ поръ, какъ Чэмберленъ началъ свою протекціонистскую пропаганду, было произведено 13 дополнительныхъ выборовъ въ разныхъ округахъ, изъ нихъ только три находились въ рукахъ либераловъ и десять считались обезпеченными консерваторамъ, но теперь фритредеры отбили у торіевъ еще четыре мѣста и число либеральныхъ голосовъ увеличилось на 18,221, тогда какъ тори пріобрѣли всего лишь 680 голосовъ. Газеты приводятъ латинскую поговорку «Qui non proficit deficit» въ назиданіе торіямъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вѣтеръ повернулъ теперь въ другую сторону; это, впрочемъ, сознаютъ и въ консервативномъ лагерѣ.

Чэмберленъ находится теперь въ Египтѣ, куда онъ поѣхалъ для поправленія своего здоровья, но злые языки увѣряютъ, что его поѣздка была вызвана желаніемъ удалиться съ политической арены, чтобы время и отсутствіе могли изгладить нѣкоторые его безтактныя выходки. Говорятъ, напримѣръ, что король Эдуардъ очень недоволенъ организаціей чэмберленовской тарифной комиссіи, на которую онъ смотритъ какъ на посягательство на права и прерогативы короны. А тутъ еще произошелъ другой фактъ, который не только не понравился королю, но и многихъ возбудилъ противъ Чэмберлена, хотя послѣдній, быть можетъ, и не былъ тутъ виноватъ. Дѣло въ томъ, что при входѣ его въ Гильдъ-голлъ, на митингъ, оркестръ привѣтствовалъ его національнымъ гимномъ. Послѣ этого всѣ сатирическіе листки начали именовать Чэмберлена «его величество Джо». Неудивительно, что «Джо» почувствовалъ потребность на время удалиться и подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья уѣхалъ въ Египетъ.

Парламентскіе выборы въ Америкѣ. — Американскій идеалъ по Рузвельту. Въ концѣ этого года въ Соединенныхъ Штатахъ должны быть президентскіе выборы, и весьма возможно, что они совпадутъ съ общими выборами въ Великобританіи. Въ обѣихъ странахъ уже начали готовиться къ этому генеральному сраженію, и, во многихъ отношеніяхъ, избирательные методы въ обѣихъ англо-саксонскихъ странахъ одинаковы. Но въ одномъ они отличаются; въ то время какъ въ Англіи постоянно упоминается о кандидатахъ рабочей партіи на предстоящихъ общихъ выборахъ, въ Америкѣ ни такихъ кандидатовъ, ни такой партіи совсѣмъ не существуетъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ отдѣльной рабочей партіи и нѣтъ ни одного представителя рабочихъ въ конгрессѣ. Это тѣмъ болѣе странно, что нигдѣ трудъ не обладаетъ такимъ значеніемъ и силой, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а между тѣмъ онъ совсѣмъ не пользуется тѣми преимуществами, какія могло бы предоставить ему представительство въ конгрессѣ, и представители его ограничиваются лишь тѣмъ, что вступаютъ въ ряды одной изъ двухъ большихъ и главныхъ политическихъ партій Соединенныхъ Штатовъ. Теперешняя палата представителей состоитъ изъ 386 членовъ, изъ которыхъ 209 республиканцы, а 175 демократы и только два члена называютъ себя рабочими демократами. Эти два члена были выбраны городомъ Санъ-Франциско, гдѣ ихъ кандидатура, выставленная рабочею партіей, была проведена демократическою партіей. Одинъ изъ этихъ кандидатовъ получилъ на шесть тысячъ голосовъ больше своего республиканскаго оппонента. Другой получилъ всего на 141 голосъ больше и поэтому его избраніе теперь оспаривается, а такъ какъ рѣшеніе этого вопроса въ конгрессѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ политическихъ предубѣжденій, господствующихъ въ немъ, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что избраніе депутата рабочей партіи будетъ объявлено недѣйствительнымъ и партія будетъ имѣть только одного представителя въ конгрессѣ. Однако даже то, что два члена рабочей партіи могли баллотироваться на выборахъ, было случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія между рабочими и работодателями сильно обострились за послѣдній годъ. Благодаря такому положенію вещей явилась мысль организовать рабочую политическую партію, которая имѣла бы своихъ представителей въ конгрессѣ. Въ обоихъ округахъ Санъ-Франциско преобладаетъ республиканская партія и демократы могли только разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ, еслибъ ихъ кандидаты объявили себя кандидатами рабочей партіи и получили ея поддержку. Такъ и было сдѣлано. Одинъ изъ выбранныхъ кандидатовъ въ сущности гораздо больше принадлежитъ къ демократической, нежели къ рабочей партіи. Это журналистъ, участвующій въ желтой прессѣ, и только другой кандидатъ дѣйствительно принадлежитъ къ классу рабочихъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ давно уже дѣлались попытки образованія отдѣльной рабочей партіи, независимой отъ другихъ политическихъ партій, но всегда эти попытки кончались неудачей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда такъ называемые «рыцари труда» находились на вершинѣ своей власти и терроризировали одновременно и трудъ, и капиталъ, можно

было ожидать, что они сдѣлаются активнымъ факторомъ въ политическихъ дѣлахъ и дадутъ почувствовать свою силу. Однако, эти ожиданія не оправдались, рыцари труда оказались неспособными образовать стойкую и независимую политическую группу и въ настоящее время хотя они и сохраняютъ еще свое громкое названіе, но не пользуются ровно никакимъ вліяніемъ въ американской политической жизни. Очень характерно то, что американскіе рабочіе, прекрасно сознающіе свою силу, страннымъ образомъ всегда противятся организаціи труда въ политическую ассоціацію и избранію рабочихъ кандидатовъ въ конгрессъ. Они находятъ, что имъ невыгодно подавать голоса какъ отдѣльная политическая единица, и поэтому ихъ вожди рѣшительно возстаютъ противъ всякой политической организаціи. Повидимому, рабочіе не вполнѣ увѣрены, что ихъ собственные политики не будутъ держать ихъ «въ плѣну», какъ они выражаются, и тогда ихъ свобода дѣйствій будетъ нарушена. Одинъ англійскій журналистъ, бесѣдовавшій по этому поводу съ наиболѣе интеллигентными американскими рабочими, говоритъ, что они выражали ему сожалѣніе, что невозможно организовать рабочую политическую партію въ Америкѣ, и когда онъ спросилъ о причинѣ, то ему сказали, что американскій рабочій, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ то демократомъ, то республиканцемъ и не хочетъ стѣснять своей свободы, присоединяясь къ какому-нибудь опредѣленному политическому принципу. Притомъ же среди американскихъ рабочихъ замѣчается слѣдующее: наиболѣе искусные изъ нихъ и получающіе хорошій заработокъ всегда склоняются въ пользу республиканской партіи, потому что эта партія придерживается протекціонизма, выгоднаго для рабочихъ и обусловливающаго ихъ высокій заработокъ. Но зато чѣмъ ниже рабочіе спускаются по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ скорѣе они примыкаютъ къ демократической партіи, и обыкновенно всѣ неученые рабочіе, американцы и иностранцы, работающіе въ угольныхъ копяхъ, присоединяются къ демократамъ на выборахъ и поддерживаютъ ихъ кандидатовъ, и въ настоящее время рабочіе не выказываютъ никакого намѣренія отказаться отъ своей традиціонной политики и, повидимому, не будутъ выбирать своихъ представителей, но до сихъ поръ еще нельзя сказать навѣрное, будутъ ли они подавать свои голоса за демократическаго кандидата, или же будутъ поддерживать Рузвельта. Однако преобладаетъ мнѣніе, что громадное большинство рабочихъ, вотировавшихъ за Макъ-Кинлея четыре года тому назадъ, не откажется и теперь отъ своихъ политическихъ взглядовъ и поэтому будетъ поддерживать республиканскую партію. Шансы Рузвельта, такимъ образомъ, стоятъ довольно высоко, и онъ, по всей вѣроятности, будетъ избранъ.

Рузвельтъ постоянно заставляетъ говорить о себѣ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и за границей. Его рѣчи, также какъ и его дѣйствія, постоянно обращаютъ на себя вниманіе. Много толковъ вызываетъ также и опубликованная имъ книга, въ которой онъ говорилъ объ американскомъ политическомъ идеалѣ. Этотъ идеалъ долженъ быть активнымъ, такъ какъ пассивная добродѣтель не представляетъ особенной трудности. Самъ Рузвельтъ подалъ примѣръ такого активнаго стремленія къ идеалу. Онъ былъ примѣрнымъ

студентомъ гарвардскаго университета, одинаково способнымъ къ занятіямъ классическими науками и къ спорту. Его учителя до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаютъ его успѣхи въ наукахъ и его побѣды въ состязаніяхъ въ силѣ и ловкости. Заручившись дипломомъ, молодой Рузвельтъ, вмѣсто того чтобы спокойно шествовать по проторенной дорожкѣ административной карьеры, отправился въ преріи запада и вступилъ въ ряды погонщиковъ скота (cowboy). Тамъ онъ познакомился съ бытомъ простыхъ людей, сдѣлался лихимъ наѣздникомъ и охотникомъ, и его энергія и сила закалились въ опасностяхъ и суровыхъ условіяхъ жизни этихъ пастуховъ. Послѣ того онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности и занималъ весьма отвѣтственныя должности, а когда вспыхнула испано-американская война, то онъ организовалъ отрядъ изъ своихъ товарищей пастуховъ и отправился съ ними на Кубу. Онъ охотился, по своему обыкновенію, въ горахъ Канады, когда смерть Макъ-Кинлея неожиданно поставила его во главѣ республики, и съ этого момента вся его жизнь и поступки стали у всѣхъ на виду.

Несмотря на такую жизнь, полную приключеній, Рузвельтъ, какъ оказывается, много размышлялъ о разныхъ вопросахъ: о воспитаніи юношества, объ отношеніяхъ политики и нравственности и о вѣчномъ и всегда животрепещущемъ вопросѣ войны и мира. Вотъ эти-то размышленія и выводы онъ и излагаетъ въ своей книгѣ. Прежде всего онъ обращается къ молодежи, пользующейся благами высшаго образованія. Онъ говоритъ имъ объ ихъ гражданскихъ обязанностяхъ и призываетъ ихъ на общественную службу. Въ особенности же онъ предостерегаетъ ихъ отъ того, чтобы не гнушались политикой на томъ основаніи, что имъ не нравится сообщество грубыхъ политиканствующихъ людей или что имъ выгоднѣе заниматься собственными дѣлами. Они должны помнить, что когда какая нибудь группа гражданъ становится чуждой національной жизни, то она перестаетъ быть полезной странѣ. Рузвельтъ настаиваетъ на томъ, что гражданинъ страны не имѣетъ права думать только о своихъ дѣлахъ, что онъ долженъ служить обществу, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ недостоинъ называться гражданиномъ. Истинно полезное дѣло можетъ дѣлать только тотъ, кто не держится въ сторонѣ отъ битвы, не относится презрительно къ политикѣ и политическимъ дѣятелямъ и не боится выступать на арену избирательныхъ собраній и политическихъ митинговъ. Но прежде всего онъ долженъ обладать мужествомъ, нравственнымъ и физическимъ. Политическій дѣятель долженъ быть безкорыстенъ и быть преданнымъ высокимъ идеаламъ. «Мы должны быть сильны тѣломъ и духомъ, говоритъ Рузвельтъ,—мы должны быть способны переносить трудную борьбу, умѣть пользоваться уроками и, при случаѣ, расплачиваться за нихъ съ процентами Мирная и коммерческая нація всегда рискуетъ потерять мужественныя качества, безъ которыхъ она, однако, ничего не въ состояніи будетъ достигнуть, каковы бы ни были утонченность ея культуры, богатство и благосостояніе».

Разсуждая о войнѣ и мирѣ, Рузвельтъ открыто заявляетъ, что лучшею гарантіей является подготовленность къ войнѣ, и поэтому онъ предлагаетъ американцамъ больше возлагать свои упованія на первоклассный флотъ, не-

жели на всѣ третейскіе суды на свѣтѣ. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ завоевательныхъ войнъ и допускаетъ только войну оборонительную и имѣющую цѣлью гарантировать спокойствіе и мирное развитіе страны. Въ особенности же онъ предостерегаетъ отъ сохраненія такого мира, который оправдываетъ преступленія и разрѣшаетъ всевозможныя жестокости. Результаты такого мира бываютъ, по его мнѣнію, хуже, чѣмъ результаты войны. Систематическое поддержаніе подобнаго мира заставляетъ проливать крови больше, чѣмъ любая война, прибавляетъ онъ и въ примѣръ приводитъ то, что миръ Европы былъ сохраненъ въ то время, какъ турки рѣзали беззащитныхъ армянъ и удерживали Критъ въ тяжеломъ рабствѣ. Со временъ Ватерлоо еще ни одна европейская война не вызвала столько страданій; столько насилій надъ несчастными женщинами и столько пролитія крови невинныхъ дѣтей, какъ поддержаніе этого мира! «Тысячу разъ лучше,—восклицаетъ Рузвельтъ, выказывать излишнее стремленіе бороться, нежели выносить оскорбленія и быть безстрастнымъ свидѣтелемъ бѣдствій притѣсняемыхъ!» Излагая свои взгляды на американскій идеалъ, президентъ Рузвельтъ излагаетъ въ тоже время и свою политическую программу; американскій же идеалъ Рузвельтъ отожествляетъ съ греко-римскимъ идеаломъ древняго міра. Раздѣляетъ ли этотъ взглядъ американская демократія—это покажутъ предстоящіе президентскіе выборы.

Итоги клерикальной политики въ Бельгіи. Результаты школьной политики клерикаловъ, какъ оказывается, лучше всего можно наблюдать въ Бельгіи. Со времени революціи 1830 года, благодаря которой Бельгія стала самостоятельнымъ государствомъ, клерикалы и либералы сначала по очереди управляли страной, но съ 1884 года клерикалы непрерывно находятся у власти. Въ Бельгіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ клерикаламъ удавалось захватить бразды правленія въ свои руки, они первымъ дѣломъ позаботились о томъ, чтобы завладѣть школой. Въ сущности, французскій школьный законъ Фаллу, который, подъ маскою свободы преподаванія, отдавалъ школу въ полное владѣніе клерикаламъ, былъ только сколкомъ съ бельгійскаго школьнаго закона 1842 года, имѣвшаго цѣлью не столько воспитаніе дѣтей, сколько клерикальную пропаганду. Результаты этого не заставили себя ждать и вынудили либераловъ поставить во главѣ своей программы новый школьный законъ. Послѣ своей побѣды въ 1878 году они могли, подъ руководствомъ Фрера Орбана, осуществить свои желанія и либеральный школьный законъ 1879 года, отдѣливъ школу отъ церкви и возстановивъ авторитетъ государства въ дѣлѣ школьнаго воспитанія, воспретилъ общинамъ предоставлять свои школы конгрегаціямъ. Но какъ только клерикалы въ 1884 году отстранили отъ власти либераловъ, то немедленно постарались отмѣнить и либеральный школьный законъ и замѣнили его клерикальнымъ, который, въ общихъ чертахъ, явился повтореніемъ закона 1842 года и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ, причемъ съ 1884 года его клерикальное направленіе было еще усилено постановленіемъ выдачи государственныхъ субсидій клерикаль-

нымъ школамъ. Въ настоящее время депутатомъ Вандервельдомъ въ бельгійской палатѣ были представлены отчеты, цифры которыхъ указываютъ на результаты такой школьной политики. Въ главнѣйшихъ промышленныхъ округахъ по крайней мѣрѣ треть дѣтей рабочихъ не получаетъ школьнаго воспитанія. Въ деревняхъ дѣти перестаютъ посѣщать школу тотчасъ послѣ конфирмаціи, т.-е. на одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году, и забываютъ, такимъ образомъ, все, чему учились. Не болѣе 20-ти процентовъ дѣтей посѣщаютъ школу полныхъ шесть лѣтъ, остальные же 80 процентовъ посѣщаютъ школу только шесть мѣсяцевъ въ теченіе трехъ лѣтъ. 121.000 дѣтей совсѣмъ не ходятъ въ школу. Итогъ получается слѣдующій: изъ 100 дѣтей въ возрастѣ отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ 12 совсѣмъ не получаютъ никакого школьнаго воспитанія, 69 получаютъ его въ очень недостаточной степени и только 19 учатся какъ слѣдуетъ. Это подтверждается и на рекрутахъ. Изъ 12.280 молодыхъ людей призыва 1901 года 1.610 не умѣли ни читать, ни писать, 709 умѣли только читать и лишь 1.452 знали немного больше простой грамоты и имѣли познанія въ ариѳметикѣ. Однимъ словомъ, 18 проц. были совсѣмъ невѣжественны и только 12 проц. обладали кое-какими знаніями. Учительскій персоналъ также оставляетъ желать очень многаго. Несомнѣнно, что уровень развитія клерикальныхъ учителей очень низокъ. Клерикальныя семинаріи выпускаютъ очень большое количество учителей и скоро наполняютъ ими всѣ школы. Изъ 4.664 учителей 1.600 не имѣютъ никакого диплома. Преподаваніе въ школахъ поставлено очень низко, и цѣли, которыя оно преслѣдуетъ, съ достаточной ясностью выражены въ слѣдующихъ цитатахъ, взятыхъ изъ школьныхъ тетрадей и прочитанныхъ въ палатѣ однимъ изъ депутатовъ: «Принципы современнаго либерализма противны человѣческому разуму». «Принцы либерализма безбожны, потому что они проповѣдуютъ равенство религій и религіозную терпимость. Это атеизмъ, старающійся устранить вліяніе истинной религіи на бюргерское правительство». Учениковъ не только заставляютъ списывать въ тетради такого рода цитаты, но и заучивать ихъ наизусть, возбуждая въ нихъ религіозную нетерпимость и фанатизмъ. Клерикалы до сихъ поръ и слышать не хотятъ объ обязательной школьной повинности. Въ палатѣ они открыто высказываются противъ обязательнаго школьнаго обученія и поэтому, пока они будутъ находиться у власти, до тѣхъ поръ нечего и помышлять о какихъ-либо перемѣнахъ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ оправдывался тѣмъ, что и въ другихъ государствахъ есть неграмотные. Въ отвѣтъ на это депутатъ Вандервельдъ представилъ ему слѣдующій списокъ: на тысячу рекрутъ приходится неграмотныхъ: въ Германіи—0,7; въ Швеціи—0,8; Даніи—2; Швейцаріи—20; Голландіи—23; Англіи (включая Ирландію)—37; Франціи—46; Бельгіи—101; Италіи—338 и Россіи—617. Вандервельдъ обратилъ вниманіе на то, что во главѣ списка стоятъ протестантскія страны, которыя даютъ наименьшій процентъ неграмотныхъ, затѣмъ идутъ католическія, старающіяся освободиться изъ-подъ вліянія клерикаловъ. Кромѣ того, Вандервельдъ указалъ, что и въ отдѣльныхъ странахъ клерикальные и антиклерикальные слои населенія взаимно

отличаются и въ клерикально-фламандской части Бельгіи число неграмотныхъ гораздо больше, нежели въ либерально-валлонской, совершенно также, какъ и въ Швейцаріи, гдѣ въ католическихъ кантонахъ просвѣщеніе находится гораздо болѣе позади, нежели въ протестантскихъ кантонахъ. Эти цифры, конечно, очень убѣдительны и противники клерикальной школьной политики надѣются, что они произведутъ должное впечатлѣніе на избирателей и общественное мнѣніе страны.

Дѣло Дрейфуса въ послѣдней стадіи. Когда-то столь сильно волновавшее умы во Франціи и за границей дѣло Дрейфуса снова выплываетъ на поверхность, но теперь оно, повидимому, не вызываетъ больше ни волненій, ни горячихъ споровъ, ни взрыва страстей. Очевидно уже время его миновало. Но между тѣмъ, то, что теперь обнаруживается въ этомъ дѣлѣ, представляетъ огромный интересъ въ нравственномъ, соціальномъ и юридическомъ отношеніяхъ. Газеты ограничиваются, однако, только приведеніемъ голыхъ фактовъ и между ними уже не завязывается болѣе никакихъ горячихъ споровъ, касающихся виновности или невиновности Дрейфуса. Впрочемъ, относительно послѣдняго пункта не остается болѣе никакихъ сомнѣній. Докладчикъ кассаціоннаго суда Бойе, генеральный прокуроръ Бодуэнъ и адвокатъ Дрейфуса, Морнаръ, занялись необыкновенно тщательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ уликъ и доказательствъ вины Дрейфуса, и вотъ Бодуэнъ въ очень горячей и убѣдительной рѣчи заявилъ, что, пересмотрѣвъ всѣ самыя мельчайшія подробности дѣла, онъ не открылъ ничего такого, что давало бы право говорить о виновности Дрейфуса. Онъ сказалъ, что приступилъ къ пересмотру дѣла, питая все-таки увѣренность, что тутъ не могло быть судебной ошибки, но чѣмъ больше изучалъ его, тѣмъ болѣе колебалась его увѣренность, улики и доказательства теряли свое значеніе, расшатывались и тѣмъ сильнѣе укрѣплялось въ немъ страшное подозрѣніе и являлась мысль, что ни одинъ человѣкъ, находясь на военной службѣ, не можетъ быть гарантированъ отъ того, что онъ не очутится въ положеніи Дрейфуса, на Чортовомъ островѣ, если только судебное слѣдствіе будетъ вестись такимъ же точно образомъ, какъ его вели относительно Дрейфуса. Бодуэнъ откровенно заявляетъ, что когда онъ пересмотрѣлъ всѣ жалкіе документы, составлявшіе секретное досье, на которомъ основывалось все обвиненіе, то его обуялъ ужасъ при мысли, что человѣкъ могъ быть осужденъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ. Но въ особенности Бодуэна поразило сплетеніе всевозможныхъ интригъ, лжесвидѣтельствъ и настоящихъ подлоговъ, которые понадобились для того, чтобы оправдать приговоръ надъ Дрейфусомъ. Даже такія лица, какъ генералы Гонзъ, Мерсье и Буадефръ не гнушались подобными средствами, только бы добиться осужденія Дрейфуса реннскимъ судомъ. Мерсье и Буадефръ давали даже завѣдомо ложныя показанія на судѣ относительно записки Шварцкоппена, которую въ главномъ штабѣ помѣтили 1894 годомъ, съ цѣлью представить ее, какъ неотразимое доказательство вины Дрейфуса, тогда какъ она была перехвачена въ 1898 году, слѣдовательно, въ то время, когда Дрейфусъ уже находился на Чортовомъ островѣ, и слѣдовательно эта

записка никакимъ образомъ не могла къ нему относиться. Кромѣ того раскрылись и другія продѣлки лицъ, заинтересованныхъ въ осужденіи Дрейфуса. Генералъ Гонзъ, какъ оказывается, собственноручно участвовалъ въ фабрикаціи подложнаго документа. Дѣло въ томъ, что обвинители Дрейфуса ссылались на подавляющія показанія какого-то высокопоставленнаго дипломата, друга Франціи. Этимъ другомъ Франціи оказался никто иной, какъ нѣкій маркизъ Валькарлосъ, аташе испанскаго посольства, на самомъ дѣлѣ исполнявшій для военнаго министерства обязанности простого сыщика и получавшій за свои услуги 400 фр. въ мѣсяцъ. Жалованье это заносилось въ приходо-расходную книгу, на имя Валькарлоса, но во время разбирательства процесса главный штабъ испугался, какъ бы не обнаружилась истинная роль этого господина, и тогда свидѣтельство его противъ Дрейфуса, разумѣется, должно было бы потерять всякую цѣну. Поэтому, съ согласія Гонза, рѣшено было переписать заново приходо-расходную книгу, замѣнивъ имя Валькарлоса разными другими именами и дѣло это было поручено Грибелену, а Гонзъ, чтобы придать подложной книгѣ больше достовѣрности, ставилъ въ ней свою визу въ концѣ каждаго мѣсяца. Теперь эта продѣлка обнаружена. Такимъ образомъ оказывается, что директоръ важнаго и самаго отвѣтственнаго и конфиденціальнаго отдѣленія генеральнаго штаба прибѣгалъ къ подлогу, чтобы обмануть правосудіе. «Это невѣроятное, неслыханное дѣло!—восклицаетъ Бодуэнъ.—Новый пересмотръ дѣла Дрейфуса становится уже слѣдствіемъ не надъ нимъ, а надъ Гонзомъ, Мерсье и ихъ приспѣшниками». «Правда, всѣ подлоги и лжесвидѣтельства по дѣлу Дрейфуса прикрываются интересами арміи, но необходимо вывести на свѣжую воду всѣ эти продѣлки. Дѣло должно принять окончательный характеръ и полумѣрами ограничиваться уже нельзя».

На этотъ разъ общественное мнѣніе Франціи спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія дѣла и только одни націоналисты шумятъ. Но очевидность настолько уже бросается въ глаза, что никакія ихъ инсинуаціи не въ состояніи остановить ходъ правосудія. Кассаціонный судъ абсолютно ни отъ кого не зависитъ и не побоится, какъ видно, представить доказательства, что измѣна, приписываемая Дрейфусу, въ дѣйствительности были произведена Гонзомъ, Мерсье, Анри и Эстергази, которые и совершили подлогъ. Замѣчательно, что несмотря на всѣ усилія скрыть истину, она все-таки обнаружилась, благодаря упорству, съ которымъ общественное мнѣніе Франціи настаивало на ея раскрытіи. Одинъ изъ журналистовъ справедливо замѣтилъ, что дѣло Дрейфуса заключаетъ въ себѣ «безславіе и славу Франціи»—славу потому, что оно доказало силу общественнаго мнѣнія и печатнаго слова въ странѣ, передъ которыми оказались безплодны всѣ попытки сильныхъ міра сего потушить это дѣло.

Дорого стоющія телеграммы. Если въ обыкновенное время суммы, которыя тратятъ большія европейскія и американскія газеты на телеграммы, достигаютъ значительныхъ размѣровъ, то при исключительныхъ обсто-

ятельствахъ, напр., во время войны, цифра расходовъ на телеграфныя сообщенія повышается очень сильно. Публика желаетъ быть немедленно освѣдомленной обо всѣхъ событіяхъ, совершающихся даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара, и поэтому газеты, желающія быть на уровнѣ современныхъ требованій, понуждаются къ подобнымъ расходамъ.

Обычай пользоваться подводнымъ телеграфнымъ кабелемъ возникъ съ 1858 года, когда былъ проложенъ кабель черезъ Атлантическій океанъ. Но еще раньше большія англійскія газеты «Times» и др. пользовались телеграфомъ, чтобы получить сообщенія о важныхъ событіяхъ на континентѣ. Эти телеграммы были, впрочемъ, всегда очень краткаго содержанія и подвергались тщательной переработкѣ и дополненіямъ въ редакціяхъ. Первая телеграмма, которую можно уже причислить къ дорого стоющимъ, была послана королевою Викторіей президенту Соединенныхъ Штатовъ, когда былъ проложенъ кабель. Эта телеграмма заключала въ себѣ поздравленіе и стоила 500 фунтовъ стерлинговъ. Президентъ отвѣчалъ на нее такою же дорого стоющей телеграммой. Послѣ того кабель была предоставленъ въ распоряженіе публики, но отправка каблеграммъ все-таки стоила очень дорого: десять словъ—20 ф. стерлинговъ. Затѣмъ плата постепенно стала уменьшаться, сначала 10, потомъ пять и наконецъ, долгое время она держалась на одномъ фунтѣ. Въ настоящее же время за каблеграмму въ Англіи уплачивается по одному шиллингу за слово, такъ что телеграмма въ десять словъ стоитъ уже наполовину дешевле.

Большія американскія газеты широко пользуются кабелемъ и не скупятся на расходы. Въ шестидесятыхъ годахъ владѣлецъ газеты «Newyork Herald» Гордоннъ Беннеттъ уплатилъ тысячу фунтовъ за телеграмму, сообщавшую подробности одного состязанія между двумя знаменитыми борцами, и притомъ общество подводнаго телеграфа въ виду необычайной длины телеграммы сдѣлало сбавку съ обыкновенной цѣны. Это была первая американская газета начавшая пользоваться въ широкихъ размѣрахъ трансатлантическимъ телеграфомъ для полученія телеграфныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ. Послѣ битвы при Кениггрецѣ газета заплатила семь тысячъ долларовъ золотомъ за телеграмму, въ которой заключалось подробное описаніе битвы и дословная передача приказа войскамъ короля Вильгельма.

Лѣтъ тридцать тому назадъ произошло страшное изверженіе вулкана въ Новой Зеландіи и «Times» тотчасъ же обратился по телеграфу къ редакціи наиболѣе значительной газеты въ Ауклендѣ, прося телеграфировать самое подробное описаніе катастрофы и предоставляя въ распоряженіе новозеландской газеты восемь тысячъ фунтовъ на расходы по отправкѣ телеграммъ.

Во время зулусской и бурской войнъ лондонскія газеты затратили также громадныя суммы на телеграммы. Корреспондентъ газеты «Standard» прислалъ по телеграфу описаніе битвы при Мэдэрюбѣ и за эту телеграмму газета уплатила 800 фунтовъ стерлинговъ. Конечно, и за тѣ телеграфныя сообщенія, которыя появлялись въ лондонскихъ газетахъ во время суданской войны, были уплочены не меньшія суммы.

Когда въ 1881 году произошло въ Соединенныхъ Штатахъ покушеніе на жизнь президента Гарфильда, то всѣ лондонскія газеты немедленно потребовали отъ своихъ корреспондентовъ самыхъ подробныхъ сообщеній объ этомъ событіи и рекордъ былъ побитъ газетою «Standard», тотчасъ же напечатавшей длинную телеграмму въ шесть столбцовъ съ описаніемъ всѣхъ подробностей, присланную однимъ американскимъ журналистомъ. За эту телеграмму газета уплатила 1.000 ф. ст. Какъ извѣстно, несчастный Гарфильдъ въ теченіе одиннадцати недѣль боролся со смертью и въ теченіи всего этого времени лондонскія газеты получали ежедневно подробныя сообщенія о его состояніи и обо всемъ, что происходило въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но не однѣ только газеты тратятъ такія большія деньги на каблеграммы. Очень много расходуется на это посланниками и консулами всѣхъ странъ. Въ 1867 году, напр., происходили очень важныя дипломатическіе переговоры между Франціей и Соединенными Штатами и обѣ державы обмѣнялись многочисленными каблеграммами. Одна изъ такихъ депешъ заключала въ себѣ четыре тысячи словъ и по тогдашней цѣнѣ, 10 шиллинговъ за слово, обошлась конечно, очень дорого. На передачу ея понадобилось четыре часа времени, такъ какъ по кабелю нельзя передать больше десяти словъ въ минуту. Всякаго рода осложненія, смуты, возникающіе въ разныхъ мѣстахъ земного шара, стихійныя катастрофы и т. п. все это вызываетъ усиленное пользованіе кабелями и большія затраты какъ со стороны редакцій, такъ и правительствъ, потому что огромное большинство кабелей проложены частными кампаніями и правительственныхъ линій очень немного.

Когда въ Лондонѣ появился романъ лорда Биконсфильда «Лотаръ», то извѣстная издательская фирма «Hargers and'C°» въ Нью-Іоркѣ, купившая право на изданіе этой книги и желавшая какъ можно скорѣе ее выпустить, т.-е. раньше, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ появится лондонское изданіе, обратилась съ просьбою протелеграфировать ей романъ отъ перваго до послѣдняго слова, но когда сдѣланъ былъ разсчетъ, то оказалось, что издателю пришлось бы заплатить за такую телеграмму не болѣе, не менѣе какъ 175.000 долларовъ. Онъ подумалъ, подумалъ и... отказался отъ такого грандіознаго плана.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Ницще и его болѣзнь.—Защита американскихъ женщинъ.—Абиссинскій способъ открытія преступленій.

Французскій психіатръ д-ръ Мишо печатаетъ въ журналѣ «Clinique générale de chirurgie» очень интересный очеркъ, въ которомъ тщательно изучаетъ всѣ мельчайшія подробности болѣзни Ницше и отыскиваетъ аналогію между его психологіей и психологіей человѣка, страдающаго прогрессивнымъ параличемъ. Критики, писавшіе о Ницше, далеко не согласны между собою насчетъ

времени, когда обнаружились у него первые признаки ужасной болѣзни, унесшей его въ могилу. По мнѣнію однихъ, напримѣръ, Мёбіуса и Макса Нордау, Ницше всю свою жизнь былъ психически больнымъ, другіе же находятъ, что всѣ произведенія Ницше были продуктами вполнѣ здороваго ума. Друзья и почитатели философа увѣряютъ, что умственныя потемки наступили у него только послѣ апоплексическаго приступа, который былъ у него въ 1888 г., послѣ этого Ницше уже болѣе не творилъ ничего. Д-ръ Мишо находитъ эти оба мнѣнія крайними и стоитъ какъ разъ посрединѣ. По его мнѣнію, болѣзнь начала свое разрушительное дѣло въ 1881 году, когда Ницше писалъ «Morgenröte». Его произведенія «Geburt der Tragädie aus dem Geiste der Musik» и «Unzeitgemässen Betrachtungen», хотя и носитъ на себѣ отпечатокъ истеричности и разстроенныхъ нервовъ, но все же это сочиненія, написанныя человѣкомъ, владѣющимъ всѣми своими умственными способностями. Только послѣ опубликованія этихъ двухъ произведеній у Ницше появились первые признаки прогрессивнаго паралича. Съ этого момента мозгъ его уже не функціонировалъ нормально. Къ числу признаковъ болѣзни д-ръ Мишо присоединяетъ то, что Ницше уже больше не старается согласовать свои мысли со взглядами своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и излагаетъ ихъ безъ всякой преемственной связи и затѣмъ, что онъ выражается только афоризмами, такъ что всѣ его дальнѣйшія творенія уже не представляютъ логическаго цѣлаго, а кучу нанизанныхъ другъ на друга, безъ всякаго плана, идей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ начинаетъ повторяться, тѣмъ чаще у него встрѣчаются противорѣчія и онъ словно вертится въ какомъ-то заколдованномъ кругу мыслей, постоянно прибѣгая къ краткимъ, сухимъ изреченіямъ. Въ этомъ д-ръ Мишо видитъ признаки наступающей амнезіи и сходство съ безпорядочными рѣчами паралитиковъ. Затѣмъ, безчисленныя новыя слова, постоянно изобрѣтаемыя Ницше, являются, по мнѣнію д-ра Мишо, указаніемъ на наступающее ослабленіе памяти. Это особая форма слабости памяти: Ницше не можетъ отыскать подходящихъ словъ для выраженія своихъ мыслей и поэтому придумываетъ новыя слова, причемъ онъ выбираетъ слова, не столько руководствуясь ихъ смысломъ, сколько ихъ созвучіемъ. Послѣ «Morgenröte», Ницше становится необыкновенно продуктивнымъ; Заратустра и «Fröliche Wissenschaft» были изданы имъ почти одновременно. Онъ написалъ три первыя части Заратустры въ десять дней и закончилъ это произведеніе въ промежутокъ времени между ноябремъ 1881 г. и январемъ 1882 года, притомъ постоянно переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Втеченіе своего профессорства, Ницше сравнительно мало написалъ и страсть къ писательству у него внезапно вспыхнула тогда, когда онъ вдругъ бросилъ избранную имъ самимъ профессію, однимъ словомъ, въ тотъ моментъ, когда онъ становится больнымъ и отправляется путешествовать ради поправленія здоровья. Психіатрамъ приходилось не разъ наблюдать у паралитиковъ такое внезапное проявленіе мозговой энергіи; больной, бывшій до того времени апатичнымъ и пассивнымъ, вдругъ становится дѣятельнымъ, совершаетъ значительныя работы и пускается въ такія спекуляціи, на которыя онъ бы никогда не рѣшился въ нормальномъ состояніи. Съ Ницше наб-

людается аналогичное явленіе; имъ овладѣваетъ лихорадочная потребность работать и онъ пишетъ необыкновенно скоро и легко. Потребность переѣзжать съ мѣста на мѣсто, также какъ неудержимая страсть писать и писать, представляетъ уже достаточно ясно выраженный симптомъ болѣзни. Но д-ръ Мишо и въ произведеніяхъ Ницше находитъ нѣкоторые характерные симптомы, напримѣръ, гипохондріи и главнымъ образомъ манію величія. Гипохондрія обнаруживается, впрочемъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но манія величія проявляется уже въ «Morgenröte» и достигаетъ высшей точки въ Заратустрѣ. Заратустра, говоритъ Мишо, — сверхчеловѣкъ, это самъ Ницше и въ этой теоріи «сверхчеловѣковъ» слѣдуетъ видѣть особенную форму мегаломаніи. Такимъ образомъ, согласно д-ру Мишо, всѣ произведенія, появившіяся вслѣдъ за «Morgenröte», уже написаны Ницше въ болѣзненномъ состояніи и въ этомъ состояніи между его психологіей и психологіей паралитиковъ существуетъ много сходства.

Англійскій журналъ «The Nineteenth Century» помѣщаетъ статью, авторъ которой доказываетъ вредное вліяніе американскаго воспитанія на женщинъ и рѣзко критикуетъ американокъ. По его словамъ, американки вовсе не представляютъ высшаго типа и въ сущности это созданія, подверженныя дегенераціи. Авторъ оплакиваетъ судьбу американскихъ мужчинъ и говоритъ, что условія американской жизни носятъ совершенно противоестественный, декадентскій характеръ, такъ какъ мужчина, вмѣсто того, чтобы быть главой семьи и женщины, становится ея рабомъ. Онъ горячо нападаетъ на американокъ, на ихъ страсть къ роскоши, къ внѣшнему блеску, на полное отсутствіе у нихъ семейныхъ добродѣтелей и т. д., и т. д., но всѣ эти нападки англійскаго журналиста только подтверждаютъ подозрѣніе, что онъ въ дѣйствительности знакомъ только съ богатыми американскими наслѣдницами, пріѣзжающими въ Европу въ поискахъ за блестящими партіями и громкими титулами, или женами американскихъ богачей, проводящими сезонъ въ Лондонѣ, Парижѣ и на Ривьерѣ. Авторъ впадаетъ въ ошибку многихъ европейскихъ писателей, которые составляютъ свое сужденіе объ американскомъ обществѣ по масштабу космополитическаго и совершенно не американскаго нью-іорскаго общества. Типичныхъ американокъ, конечно, слѣдуетъ искать въ образованномъ среднемъ кругу. Но для этихъ послѣднихъ поѣздка въ Европу большею частью бываетъ невозможна. Въ защиту американскихъ женщинъ выступаетъ одинъ нѣмецкій журалистъ, долго проживній въ Америкѣ. Въ противоположность англійскому журналисту, нѣмецкій журналистъ говоритъ, что настоящихъ американокъ, пожалуй, слѣдовало бы назвать самыми здоровымъ и въ интеллектуальномъ и физическомъ отношеніи женщинами и притомъ самыми простыми и естественными. Американка посѣщаетъ такія же школы, какъ и мужчины, и такъ какъ въ американскихъ школахъ не только развиваютъ умъ, но и тѣло, то женщина становится равной мужчинѣ какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. До самаго поступленія въ

университетъ американка принимаетъ участіе во всѣхъ видахъ спорта, которыми занимаются ея сверстники въ школахъ. Случается, что она становится невѣстой одного изъ всѣхъ своихъ коллегъ по ученію, но это не мѣшаетъ ея занятіямъ; она получаетъ такой же дипломъ, какъ и онъ, и можетъ принимать участіе во всѣхъ его работахъ, если это нужно. Но гораздо чаще она исключительно посвящаетъ себя своему домашнему очагу и воспитанію дѣтей. У американки средняго круга, не владѣющей милліонами, очень много дѣла въ домѣ, такъ какъ въ Америкѣ очень трудно достать прислугу и стоитъ она втрое дороже, чѣмъ въ Европѣ. Ученая степень, однако, не мѣшаетъ американкѣ заниматься хозяйствомъ и исполнять всѣ домашнія работы; она не считаетъ это для себя унизительнымъ. Дѣти всегда находятся при ней, въ обществѣ взрослыхъ, и въ Америкѣ нѣтъ обычая, существующаго въ Англіи, держать дѣтей въ дѣтской до извѣстнаго возраста. Американская дѣвочка выростаетъ на такой же свободѣ, какъ и мальчикъ, и такъ какъ она привыкаетъ къ независимости, къ самостоятельности, къ товарищескимъ отношеніямъ съ мальчиками, то, становясь взрослою дѣвушкой, не смотритъ на бракъ, какъ на единственную цѣль жизни; зато и американскія матери не бываютъ озабочены судьбою своихъ незамужнихъ дочерей. Американка выходитъ замужъ, въ большинствѣ случаевъ, по склонности, она съ дѣтскихъ лѣтъ изучила характеръ мужчины, и поэтому американскіе браки, въ общемъ, бываютъ счастливѣе европейскихъ и мужъ уважаетъ свою жену, какъ равное существо, а не смотритъ на нее сверху внизъ, снисходя къ ея слабостямъ, какъ это часто наблюдается въ Европѣ. Что же касается разводовъ, на которые указываютъ въ Европѣ, какъ на доказательство легкомысленности американокъ и непрочности американскихъ браковъ, то они, по мнѣнію нѣмецкаго журналиста, доказываютъ какъ разъ обратное, т.-е., что ни мужчина, ни женщина въ Америкѣ не находятся въ положеніи рабовъ и не считаютъ нужнымъ влачить цѣпи, которыя ихъ тяготятъ, и поддерживать союзъ, потерявшій всякій смыслъ. Нѣмецкій журналистъ считаетъ американцевъ болѣе нравственными, нежели какой бы то ни было другой народъ на свѣтѣ, и объясняетъ это именно тѣмъ, что женщины въ Америкѣ стоятъ на одинаковомъ уровнѣ съ мужчинами, и американцы справедливо гордятся своими женщинами, которыя, по ихъ мнѣнію, всего болѣе приближаются къ идеалу интеллигентнаго, здороваго, сильнаго и въ то же время истинно естественнаго существа, твердо стоящаго на своихъ ногахъ и сознательно пользующихся своими правами. Американка наслѣдовала эти права, какъ нѣчто вполнѣ естественное, и ей не надо вести изъ за нихъ борьбу и добиваться ихъ постепенно, какъ, напр., германскимъ женщинамъ, которыя находятся теперь въ переходной стадіи и, не чувствуя твердой почвы подъ своими ногами, легко впадаютъ въ крайности. Къ сожалѣнію, германская широкая публика не понимаетъ этого, смѣется надъ женскимъ движеніемъ, надъ его подчасъ уродливыми проявленіями и не хочетъ видѣть въ немъ переходной ступени и возвышеннаго стремленія женщинъ завоевать себѣ человѣческія права.

По словамъ швейцарскаго инженера Ильга, состоящаго при дворѣ Менелика, гипнотизмъ играетъ очень важную роль въ Абиссиніи при производствѣ судебнаго слѣдствія. Ильгъ разсказываетъ, какъ сообщаетъ «Revue», что для этой цѣли спеціально дрессируются дѣти, лѣтъ десяти, которыхъ называютъ «лабаша». Этихъ дѣтей гипнотизируютъ и внушаютъ имъ, что они должны открыть, гдѣ укрывается тотъ или другой преступникъ, котораго разыскиваетъ правосудіе. Такого рода розыски, какъ увѣряетъ Ильгъ, большею частью бываютъ успѣшны. Недавно такимъ образомъ былъ открытъ одинъ поджигатель въ Аддисъ Абебѣ. Полиція долго напрасно разыскивала его. Наконецъ, прибѣгли къ «лабашѣ». Загипнотизированный ребенокъ сначала долго бродилъ по улицамъ, потомъ вдругъ взялъ за руку одного рабочаго, копавшаго землю. Тотъ былъ такъ напуганъ неожиданностью, что тотчасъ же во всемъ сознался. Въ другой разъ маленькій «лабаша» такъ же открылъ опаснаго убійцу. Эти факты подтверждаются и научными журналами. Между прочимъ во французской медицинской газетѣ сообщается аналогичный случай примѣненія абиссинскаго метода открытія преступниковъ во Франціи: одинъ французскій судья прибѣгнулъ къ этому способу для того, чтобы вырвать признаніе у обвиняемаго въ преступленіи въ Пембёфѣ. Французская печать, однако, очень осуждаетъ такой способъ открытія преступленій, приравнивая его къ средневѣковымъ методамъ, и вообще предостерегаетъ отъ излишняго увлеченія «абиссинскими методами», не совсѣмъ пригодными для цивилизованной страны. Въ научныхъ же журналахъ высказываютъ мнѣніе, что факты, передаваемые Ильгомъ, требуютъ научной провѣрки и что гипнотизмъ, какъ пособіе слѣдствія, можетъ быть допустимъ только въ строгонаучной обстановкѣ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О туберкулезѣ. Успѣхи эмбріологіи.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ теорія, признающая тожественность туберкулеза человѣка и млекопитающихъ, была, казалось, одной изъ неоспоримыхъ научныхъ истинъ со времени первыхъ опытовъ Вильэмана и затѣмъ работъ Шово, Герлаха, Боллингера и др., доказавшихъ, что туберкулезъ человѣка можетъ быть передаваемъ рогатому скоту. Но, какъ извѣстно уже читателямъ нашего журнала *), въ 1901 г. Робертъ Кохъ на лондонскомъ медицинскомъ конгрессѣ заявилъ, что туберкулезъ человѣка отличенъ отъ туберкулеза рогатаго скота и не можетъ быть передаваемъ этимъ животнымъ; передача же туберкулеза рогатаго скота человѣку явленіе настолько рѣдкое, что не стоитъ противъ него принимать какія бы то ни было санитарныя мѣры. Къ такому заключенію привели Коха опыты его въ сотрудничествѣ съ Шютцомъ надъ 34 животными (телятами, баранами и свиньями), которымъ былъ привитъ туберкулезъ человѣка; 30 изъ нихъ остались совершенно здоровыми, 4-же дали сомнительный результатъ. Съ другой стороны, всѣ животныя, которымъ былъ привитъ туберкулезъ рогатаго скота, оказались пораженными общимъ туберкулезомъ въ тяжелой формѣ. Всѣ эти факты подтверждали старые опыты Пютца въ Германіи (1893 г.), Смита и другихъ въ Америкѣ (1898—1899 гг.), и, казалось, говорили, что ни телята, ни овцы, ни свиньи нечувствительны къ туберкулезной бациллѣ человѣка, тогда какъ такія же бациллы быка вызываютъ у нихъ крайне сильное зараженіе.

Но, если обратить вниманіе на упомянутые выше 4 случая съ сомнительнымъ результатомъ, среди которыхъ одинъ сопровождался положительными признаками мѣстнаго туберкулеза, то было бы вѣрнѣй, какъ то замѣчали нѣкоторые ученые, заключить изъ опытовъ Коха и Шютца только о сильной ядовитости туберкулезныхъ бациллъ быка и слабой ядовитости таковыхъ же бациллъ человѣка по отношенію къ животнымъ, подвергшимся опыту. Практическіе выводы Коха встрѣтили страшную оппозицію еще на лондонскомъ конгрессѣ и явились затѣмъ отправной точкой цѣлаго ряда контрольныхъ опытовъ

*) „М. Б.“ 1901 г. Научный обзоръ. Борьба съ туберкулезомъ. Октябрь.

во всѣхъ странахъ въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтъ. Результаты, къ которымъ они привели, Д'Эспинъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ («Archives des Sciences physiques et naturelles de Genève»). Если вѣрить опытамъ Іонга (Iong изъ Лейдена), что туберкулезъ быка, привитый рогатому скоту, вызываетъ болѣе острую форму заболѣванія и болѣе тяжелое теченіе, чѣмъ прививка туберкулеза человѣка тѣмъ же животнымъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что туберкулезъ человѣка можно привить всѣмъ животнымъ — быкамъ, баранамъ, козамъ, обезьянамъ, собакамъ при условіи вспрыскиванія туберкулезныхъ бациллъ въ вену и притомъ въ значительныхъ дозахъ.

Изъ опытовъ многихъ ученыхъ, говоритъ Д'Эспинъ, несомнѣнно, что различныя поколѣнія туберкулезныхъ бациллъ человѣка различны и по своей ядовитости; этимъ можно объяснить и упомянутые выше противорѣчивые результаты опытовъ. Вообще же туберкулезная бацилла быка является, по мнѣнію Беринга, наиболѣе ядовитой изъ всѣхъ туберкулезныхъ бациллъ, взятыхъ отъ другихъ животныхъ и человѣка въ томъ числѣ. Такъ, прививка туберкулеза *человѣка* большимъ животнымъ дала 56 отрицательныхъ результатовъ на 171 животное; аналогичные же опыты съ туберкулезными бациллами *быка* дали всего 7 отрицательныхъ результатовъ на 106 животныхъ, взятыхъ для опыта.

Второе положеніе Коха о непередаваемости туберкулеза быка человѣку также опровергнуто, и большинство ученыхъ утверждаетъ теперь, что въ виду необычайной ядовитости бациллы бычьяго туберкулеза онъ представляетъ страшную опасность зараженія, въ особенности для дѣтей.

Все это доказывается, во-первыхъ, опытами, такъ сказать не прямыми, надъ человѣкоподобными обезьянами, которымъ былъ привитъ съ успѣхомъ туберкулезъ быка Грюнбаумомъ, Нокаромъ, Равенелемъ, Гратіа, Циполино и другими. Циполино удалось даже заразить обезьяну туберкулезомъ, давая ей коровье молоко, содержащее бациллы; у этой обезьяны развился общій туберкулезъ, безъ кишечныхъ пораженій. Случайныя прививки туберкулеза быка человѣку на кожѣ или въ подкожную клѣтчатку представляютъ второй рядъ доказательствъ противъ положенія Коха. Сюда относятся всѣ тѣ случайные уколы и царапины мясниковъ и ветеринаровъ при вскрытіи больныхъ животныхъ, уколы, послѣдствіемъ которыхъ являются мѣстныя туберкулезныя пораженія; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ поражались, кромѣ того, сухожилія и лимфатическія железы. Къ этой же категоріи непосредственнаго зараженія относится и извѣстный случай Гарно, который сознательно самъ себѣ привилъ туберкулезъ быка. Констатированы также случаи смерти отъ туберкулеза легкихъ, развившагося благодаря зараженію черезъ кожу.

Ученые, считающіе туберкулезъ человѣка отличнымъ отъ туберкулеза рогатаго скота, считаютъ доказательствомъ въ свою пользу «доброкачественность», въ большинствѣ случаевъ, у человѣка зараженій черезъ кожу; но на это противники имъ возражаютъ, что и у рогатаго скота зараженія черезъ кожу рѣдко ведутъ къ общему зараженію, обыкновенно же ограничиваются также, какъ и у человѣка, мѣстными пораженіями.

Наконецъ, существуетъ третій рядъ фактовъ, доказывающихъ передаваемость туберкулеза животныхъ человѣку—это зараженія черезъ пищеварительные органы. Кохъ не вѣритъ въ возможность зараженія черезъ пищеварительные органы, такъ какъ, по его мнѣнію, нельзя утверждать, что въ каждомъ данномъ случаѣ совершенно исключена возможность зараженія отъ человѣка.

Но существуетъ много наблюденій, которыя говорятъ противъ мнѣнія Коха. Таково, напр., наблюденіе Hills'a: «Ребенокъ 21-й недѣли, котораго кормили втеченіе недѣли молокомъ туберкулезной коровы, умеръ черезъ 3 мѣсяца послѣ этого отъ туберкулеза кишекъ. Другой же ребенокъ, въ той же семьѣ, котораго кормили стериллизованнымъ молокомъ, остался живъ». Hills считаетъ, что въ данномъ случаѣ всякій другой путь зараженія можно совершенно исключить.

Анатомо-патологическія изслѣдованія подтверждаютъ клиническія наблюденія. Преобладаніе туберкулеза кишекъ въ раннемъ дѣтствѣ—фактъ неоспоримый. Д'Эспинъ утверждаетъ, что его отецъ еще 60 лѣтъ тому назадъ доказалъ, что смертность отъ туберкулеза брюшныхъ органовъ достигаетъ своего максимума между 1 и 3-мя годами. Затѣмъ, нужно сказать, что не такъ ужъ рѣдки случаи кишечнаго туберкулеза, находимаго при вскрытіяхъ, какъ говорятъ сторонники Коха. Статистика послѣдняго времени болѣе богата такими случаями, такъ какъ теперь, вслѣдствіе интереса, возбужденнаго данной полемикой, обращаютъ особое вниманіе на эту сторону вопроса. Такъ, Geil на 198 вскрытій туберкулезныхъ дѣтей находитъ у 11-ти первичный туберкулезъ кишекъ; въ серіи же предпринятой позже онъ находитъ уже 12 случаевъ на 90 вскрытій и объясняетъ это своимъ болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ кишечника. Геллеръ (въ Килѣ) въ своей работѣ, вышедшей въ 1903 г., говоритъ о 5 случаяхъ первичнаго туберкулеза кишекъ и брыжеечныхъ железъ на 11 вскрытій дѣтскихъ труповъ между 1 и 15-ю годами.

Фибигеръ въ своемъ докладѣ брюссельскому конгрессу по гигіенѣ говоритъ о 4-хъ случаяхъ (изъ 24 вскрытій туберкулезныхъ вскрытій дѣтей) первичнаго туберкулеза кишекъ и брыжеечныхъ железъ, несомнѣнно имъ констатированныхъ; легкія же были здоровы. Въ 2-хъ случаяхъ исторія болѣзни ясно показала зараженіе молокомъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ нихъ ребенка кормили въ теченіе 4-хъ лѣтъ сырымъ молокомъ; родные его туберкулезомъ не страдали; ребенокъ же умеръ отъ туберкуленаго воспаленія брюшины, развившагося вслѣдствіе туберкулезныхъ язвъ кишечника. Въ той же семьѣ младшій братъ умершаго ребенка, никогда не пившій сырого молока, совершенно здоровъ.

Д'Эспинъ склоняется къ тому мнѣнію, что вообще число случаевъ первичныхъ туберкулезныхъ изъязвленій кишечника, находимыхъ при вскрытіяхъ, гораздо меньше дѣйствительнаго числа зараженій чрезъ кишечникъ. Теперь доказано, говоритъ онъ, что у молодыхъ субъектовъ эпителій слизистой оболочки кишечника гораздо хуже защищаетъ его отъ внѣдренія бациллъ, чѣмъ у взрослыхъ. Берингу удалось заразить туберкулезомъ молодыхъ морскихъ свинокъ, заставляя ихъ съѣдать туберкулезныя бациллы; слизистая же оболочка не представляла никакихъ мѣстныхъ пораженій. Можно, слѣдовательно, признать, что значительное число заболѣваній туберкулезомъ дѣтей нужно отнести къ зара-

женію черезъ кишечникъ, а не черезъ дыхательные пути, не смотря на то, что у такихъ дѣтей при вскрытіи были найдены туберкулезныя пораженія легкихъ или бронхіальныхъ железъ.

Фибигеръ и Іенсенъ заражали телятъ прививкой туберкулезныхъ брыжеечныхъ железъ, взятыхъ отъ дѣтей, умершихъ отъ общаго туберкулеза, вслѣдствіе кормленія ихъ сырымъ молокомъ, причемъ ученые эти нашли, что въ данныхъ случаяхъ ядовитость туберкулезныхъ бациллъ человѣка была близка къ ядовитости туберкулезныхъ бациллъ быка.

По мнѣнію д'Эспина, среди туберкулезныхъ дѣтей отъ 1-го до 5-ти лѣтъ въ 20% туберкулезъ имѣетъ своей причиной кормленіе ихъ сырымъ молокомъ.

Если у скептиковъ послѣ всего вышеизложеннаго могутъ остаться нѣкоторыя сомнѣнія относительно полной тождественности туберкулезныхъ бациллъ человѣка и таковыхъ же рогатаго скота, то сомнѣнія эти, по словамъ д'Эспина, должны совершенно разсѣяться передъ данными, почерпнутыми изъ біологіи, которыя можно резюмировать въ слѣдующихъ 2-хъ положеніяхъ:

1) Дѣйствіе туберкулина тожественно, все равно происходитъ ли онъ отъ бациллъ человѣка, или же отъ туберкулезныхъ бациллъ рогатаго скота.

2) Возможность предохранить телятъ отъ туберкулеза вспрыскиваніемъ ослабленныхъ культуръ туберкулезныхъ бациллъ человѣка.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о туберкулинѣ.

Туберкулинъ—это глицериновая вытяжка изъ культуръ туберкулезныхъ бациллъ. Кохъ первый сталъ употреблять его какъ средство для опредѣленія туберкулеза *у рогатаго скота*; съ этой цѣлью пользуются обыкновенно туберкулиномъ, полученнымъ отъ туберкулезныхъ бациллъ *человѣка*.

Можно смѣло утверждать, что туберкулинъ, происходитъ ли онъ отъ бациллъ человѣка или отъ бациллъ рогатаго скота, вызываетъ однѣ и тѣ же специфическія реакціи у всѣхъ безъ различія туберкулезныхъ животныхъ и при всѣхъ формахъ туберкулеза.

Предохранительныя противотуберкулезныя прививки, употребляемыя Берингомъ съ успѣхомъ у молодого рогатаго скота, являются еще однимъ доказательствомъ тожества туберкулеза человѣка и рогатаго скота. Берингъ послѣ неудачныхъ попытокъ получить противотуберкулезную сыворотку изъ токсиновъ туберкулезныхъ бациллъ, изъ самихъ бациллъ и пр., остановился наконецъ на методѣ, который онъ назвалъ «дженнеризаціей». Методъ этотъ состоитъ «въ прививкѣ ядовитаго начала вызывающаго туберкулезъ, но сдѣланнаго безвреднымъ для индивидуумовъ, подвергаемыхъ иммунизаціи». Съ этой цѣлью Берингъ для иммунизаціи пользуется туберкулезными бациллами человѣка, которыя онъ въ теченіе 8 лѣтъ выдерживаетъ въ своей лабораторіи на искусственныхъ средахъ, не пропуская ни разу черезъ животный организмъ. Благодаря такому способу, ядовитость туберкулезныхъ бациллъ сильно ослабляется. Иммунизацію Берингъ производитъ въ два пріема.

Для 1-го вспрыскиванія онъ высушиваетъ при обыкновенной температурѣ въ безвоздушномъ пространствѣ культуру туберкулезныхъ бациллъ человѣка, выдержанныхъ въ лабораторіи, какъ это было сказано выше, и посѣянныхъ

на сывороткѣ. 0,004 миллиграмма такой высушенной культуры, разведенной 4-мя кубич. сантим. 1% соленой воды, Беринг вспрыскиваетъ въ вену.

Второе вспрыскиваніе дѣлается Берингомъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго, но для него берется ужъ 0,01 сантиграм. *свѣжей*, не *высушенной* культуры.

Первое вспрыскиваніе не производитъ никакого дѣйствія на животныхъ здоровыхъ, у животныхъ же, страдающихъ какимъ бы то ни было туберкулезнымъ пораженіемъ, это вызываетъ реакцію въ видѣ сильной лихорадки.

Беринг убѣдился, что эти вспрыскиванія, дѣлаемыя здоровымъ животнымъ *не старше 12-ти мѣсяцевъ*, совершенно безвредны и позволяютъ послѣ этого переносить вспрыскиванія въ дозахъ смертельныхъ для контрольныхъ животныхъ.

Съ цѣлью убѣдиться, смогутъ ли противостоять животныя, подвергнутыя опыту, естественному зараженію такъ же хорошо, какъ и искусственному, Беринг помѣстилъ нѣсколько сотенъ такихъ животныхъ въ стойла, зараженныя туберкулезомъ, среди туберкулезныхъ животныхъ и продержалъ ихъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Съ тѣхъ поръ предохранительныя прививки Беринга съ успѣхомъ употреблялись въ Германіи, въ Австро-Венгріи, въ Швеціи, въ Россіи и требованія на матеріалъ для вспрыскиванія возросли настолько, что для приготовленія его былъ учрежденъ спеціальный институтъ (Зиберта и Цигенбайна въ Марбургѣ).

Теперь Беринг занятъ изученіемъ возможности примѣнить предохранительныя прививки и къ человѣку. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о вспрыскиваніи культуръ туберкулезныхъ бациллъ, какъ бы ослаблены онѣ ни были. Многіе опыты наводятъ на мысль, что молоко коровъ, сильно иммунизированныхъ противъ туберкулеза, содержитъ антитоксины противъ туберкулезнаго зараженія. Рѣчь, произнесенная Берингомъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Касселѣ (въ сентябрѣ, 1903 г.), подаетъ надежду, что будетъ найдено, наконецъ, средство, предохраняющее дѣтей отъ туберкулеза, уносящаго столько же жертвъ, сколько всѣ заразныя болѣзни, взятыя вмѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ успѣхъ противотуберкулезныхъ прививокъ животнымъ является несомнѣнной научной истиной, доказывающей тождественность туберкулеза человѣка и рогатаго скота и опровергающей положенія, высказанныя Кохомъ на лондонскомъ конгрессѣ.

Брюссельскій конгрессъ (въ сентябрѣ 1903 г.), слѣдовательно, имѣлъ полное право требовать отъ всѣхъ государствъ принятія мѣръ противъ возможности зараженія человѣка отъ туберкулезныхъ животныхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о ядовитыхъ веществахъ, вырабатываемыхъ туберкулезной бациллой. Извѣстно, что эта бацилла дѣйствуетъ не только своимъ присутствіемъ въ томъ или другомъ органѣ, но и развитіемъ веществъ, чрезвычайно вредно вліяющихъ на данный организмъ. Яды эти дѣйствуютъ различнымъ образомъ, смотря по тому, находятся ли они въ непосредственномъ соприкосновеніи съ центральной нервной системой, съ клѣтчаткой или съ кровеносными сосудами. До сихъ поръ удалось открыть 2

рода ядовитыхъ веществъ, выдѣляемыхъ туберкулезными бациллами: 1) ядовитыя вещества, дѣйствующія мѣстно; 2) токсины въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ядовитыя вещества, дѣйствующія мѣстно, состоятъ изъ различныхъ жирныхъ веществъ, содержащихся въ тѣлѣ туберкулезныхъ бациллъ; ихъ можно выдѣлить изъ этихъ послѣднихъ съ помощью различныхъ растворителей. Такъ, эфиромъ можно выдѣлить вещество, производящее творожистое перерожденіе данной ткани; хлороформъ же выдѣляетъ вещество, способствующее развитію соединительной ткани, такъ называемый ядъ склерозирующій.

Если привести въ соприкосновеніе яды, дѣствующіе мѣстно, съ центральной нервной системой, то сначала не наблюдается никакихъ измѣненій въ функціи этихъ центровъ. Черезъ нѣсколько же дней, если количество вспрыснутыхъ веществъ достаточно для того, чтобы вызвать сильное воспаленіе, можно наблюдать припадки эпилепсіи, смотря, конечно, по мѣсту, куда было сдѣлано вспрыскиваніе; яды эти не производятъ общаго отравленія, но только вызываютъ различныя явленія въ зависимости отъ мѣстъ пораженія. Слѣдовательно, яды, дѣйствующіе мѣстно, не оказываютъ никакого вліянія ни на нервную клѣтку, ни на другіе элементы нервной ткани; они дѣйствуютъ на нервные центры только механическимъ путемъ, благодаря гипертрофіи тканей, вызываемой ими.

Токсины въ собственномъ смыслѣ этого слова обыкновенно называются *туберкулиномъ*. Туберкулинъ не есть опредѣленное вещество, составъ его очень сложенъ. Если вспрыснуть туберкулинъ собакѣ, то вначалѣ дѣйствіе его незамѣтно, но черезъ часъ или 2 собака впадаетъ въ оцѣпенѣніе, избѣгаетъ свѣта и лежитъ въ темнотѣ; она остается нечувствительной къ внѣшнимъ раздраженіямъ—шуму, зову; если поставить ее на ноги, то она начинаетъ раскачиваться;наконецъ, животное слѣпнетъ, хотя зрачки реагируютъ еще на свѣтъ, но все слабѣе и слабѣе. Смерть наступаетъ при все увеличивающемся оцѣпенѣніи. Слѣдовательно, туберкулинъ вызываетъ явленія, аналогичныя и другимъ ядамъ нервной клѣтки.

Какъ извѣстно, по количеству уносимыхъ жертвъ туберкулезъ—«чахотка» является самой страшной болѣзнью. Въ Россіи, напр., ежегодно умираетъ отъ чахотки около полумилліона людей, во Франціи—150.000; въ Германіи нѣсколько менѣе—около 130.000; въ одной Москвѣ въ среднемъ умираетъ ежегодно отъ чахотки легкихъ—около $3^1/_2$ тысячъ. Холерная эпидемія въ 1892 г. унесла въ Россіи 300.000 человѣческихъ жизней, все же гораздо меньше чахотки.

Скученность населенія влечетъ за собою и увеличеніе смертности отъ чахотки; такъ, напр., въ Пруссіи эта смертность въ городахъ равняется 3,5 на 1.000, въ деревняхъ—2,8%; казалось бы, что съ ростомъ населенія должна бы расти и смертность отъ чахотки, но здѣсь вступаетъ въ борьбу новый факторъ—прогрессивное улучшеніе гигіеническихъ условій, которое, въ концѣ концовъ, пересиливаетъ даже неблагопріятное вліяніе скученности населенія.

Такъ, берлинское статистическое бюро опубликовало недавно работу д-ра

Mayet, изъ которой видно, что заболѣваній туберкулезомъ въ Германіи постепенно становится все меньше. Вотъ цифры для городовъ съ числомъ жителей болѣе 15.000. На 10.000 жителей констатировано смертей отъ туберкулеза:

отъ	1877 г.	до 1881	357,7	человѣкъ.
»	1882 »	» 1886	346,2	»
»	1887 »	» 1891	304	»
»	1892 »	» 1896	255,5	»
»	1897 »	» 1901	218,7	»

Цифры эти подтверждаютъ мнѣніе Mayet, что заболѣванія туберкулезомъ уменьшаются благодаря мѣрамъ, предпринятымъ въ Германіи противъ этой страшной болѣзни.

Каково же вліяніе скученности при полномъ пренебреженіи гигіеническими требованіями, показываютъ слѣдующія цифры: въ московскомъ тюремномъ замкѣ ежегодно умираетъ отъ чахотки на тысячу—92 человѣка, въ комитетѣ нищихъ—28 человѣкъ, въ московскомъ гарнизонѣ—6.

Обыкновенно утверждаютъ, что туберкулезъ одинаково часто встрѣчается и въ теплыхъ, и въ холодныхъ странахъ, но послѣднія работы д-ра Кассаньона, повидимому, показываютъ, что туберкулезъ въ Гваделупѣ развивается быстрѣе, чѣмъ въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ; очень часто можно констатировать развитіе симптомовъ 3-го періода уже черезъ годъ или полтора отъ начала болѣзни. Повидимому также, метисы и индѣйцы гораздо болѣе подвержены заболѣванію туберкулезомъ, чѣмъ европейцы и акклиматизировавшіеся негры. Бо̀льшая заболѣваемость среди индѣйцевъ объясняется ихъ поселеніемъ въ нездоровой мѣстности и неполнымъ акклиматизированіемъ, благодаря новой пищѣ и крайне плохимъ жилищамъ.

Что же касается метисовъ, то ихъ предрасположеніе къ туберкулезу объясняется тѣснотою и вообще антигигіеническими условіями ихъ жилищъ, гдѣ они проводятъ бо̀льшую часть времени, вслѣдствіе необыкновенной продолжительности дождливаго періода; негры же, благодаря своимъ открытымъ жилищамъ, несмотря на свою большую бѣдность по сравненію съ метисами, гораздо менѣе предрасположены къ туберкулезу, чѣмъ эти послѣдніе.

Но главной причиной, предрасполагающей къ туберкулезу, является, по мнѣнію д-ра Кассаньона, сильное развитіе въ Гваделупѣ алкоголизма: въ госпиталяхъ почти всѣ больные туберкулезомъ—алкоголики.

Можетъ быть, благодаря высокой температурѣ и сырости на островѣ Гваделупѣ, туберкулезныя бациллы находятся здѣсь въ условіяхъ особенно благопріятныхъ для своего развитія, давно уже было отмѣчено сильное развитіе туберкулеза во всѣхъ жаркихъ и влажныхъ странахъ, но все же и здѣсь первую роль играетъ пренебреженіе гигіеническими требованіями: ослабленіе алкоголизма и улучшеніе гигіеническихъ условій должны и въ Гваделупѣ понизить среднюю заболѣваемость туберкулезомъ.

II.

Ростъ совершается прежде всего на счетъ потребленія питательныхъ запасовъ, заключенныхъ въ молодомъ организмѣ; при этомъ скорость роста пропорціональна интенсивности окислительныхъ процессовъ, но нужно отмѣтить, что существуетъ и много веществъ которыя играютъ очень важную роль въ ростѣ и его напряженности. Изъ нихъ хорошо изучены вода, оксидазы, калій и лейцитины.

Наблюденія показываютъ, что количество воды въ организмѣ тѣмъ больше, чѣмъ активнѣе совершаются ростъ и вообще развитіе организмовъ.

Вода, хотя и обладаетъ небольшимъ количествомъ энергіи, но имѣетъ значеніе какъ растворитель многихъ веществъ, и играетъ роль своимъ осмотическимъ давленіемъ. Это послѣднее мало еще изучено, но является тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи зародыша.

Шпрингеръ думаетъ, что въ явленіяхъ роста не крови, но лимфѣ принадлежитъ первенствующая роль; и дѣйствительно, во весь періодъ развитія и роста зародыша лимфатическіе органы преобладаютъ, и даже, какъ это было недавно открыто, нѣкоторые изъ нихъ существуютъ только во время зародышевой жизни человѣка.

Этотъ ученый предполагаетъ, что оксидазы—одни изъ необходимыхъ факторовъ роста, разносятся по организму лимфатическими органами. Портье же показалъ, что оксидазы заключаются главнымъ образомъ въ лейкоцитахъ. Роль оксидазъ (дѣйствующихъ находящимся въ нихъ марганцемъ) въ явленіяхъ роста заключается въ усиленіи интенсивности химическихъ реакцій, изъ которыхъ, въ свою очередь, развивается «жизненная энергія».

Присутствіе калія способствуетъ тому, что всѣ продукты жизненнаго метаморфоза клѣточекъ непрерывно діализируютъ въ плазму крови и лимфы, и потому количество калія пропорціонально силѣ роста индивидуумовъ.

Что же касается лейцитиновъ, то всѣ работы послѣдняго времени доказали самымъ точнымъ образомъ, какое сильное возбуждающее дѣйствіе оказываютъ на ростъ лейцитины яйца. Максуэлемъ то же самое было доказано и для лейцитиновъ, находящихся въ сѣменахъ растеній. Шпрингеръ, съ цѣлью узнать, не будутъ ли лейцитины растительныя играть такую же роль и для роста животныхъ, началъ кормить 2-хъ-мѣсячныхъ щенятъ отваромъ сѣмянъ злаковъ, прибавляя его къ ихъ пищѣ въ количествѣ отъ одного до двухъ литровъ. Черезъ четыре мѣсяца эти щенята переросли повѣрочныхъ на $^1/_3$ и даже на $^1/_2$.

Опыты Тангля показали, что количество химической энергіи, потребленной во время развитія, прямо пропорціонально росту зародыша; на поддержаніе же организованной матеріи энергіи затрачивается гораздо менѣе, чѣмъ на созиданіе новой. Главнымъ источникомъ этой энергіи являются жиры, заключенные въ яйцѣ; количество же энергіи, необходимой для развитія, напр., цыпленка исчисляется въ 48 калорій. Изъ нихъ 16 калорій были потреблены на работу созиданія организма: на развитіе мускуловъ пошло 28% (16-ть колорій), кости—22,4%,

кожи и всѣхъ органовъ, развившихся изъ нея 21,4%, нервной системы 3,1%, внутренностей 17,6%. Послѣ окончанія развитія зародыша у цыпленка, слѣдовательно, остается еще 32 калорій (48—16).

Энергіи химическія, скрытыя въ питательныхъ запасахъ яйца, превращаются въ живомъ организмѣ, главнымъ образомъ, въ энергію тепловую—въ животную теплоту, которая въ сущности является результатомъ множества посредствующихъ процессовъ: внутриклѣточныхъ окисленій, разложеній, синтезовъ. Всѣ же эти химическія явленія сопровождаются развитіемъ электричества или поглощеніемъ его. Развитіе электричества внутри клѣтки—чрезвычайно важное біологическое явленіе; жаль, что его до сихъ поръ такъ мало изучаютъ. Шпрингеръ началъ работать и въ этомъ направленіи; электризируя животныхъ и дѣтей, онъ могъ констатировать значительное увеличеніе ихъ роста и вѣса.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ аналогичныхъ опытахъ, произведенныхъ надъ растеніями.

Въ 1746 г. шотландецъ Mainbray впервые началъ изучать вліяніе электричества на растенія. Ему пришла мысль электризовать мирты; онъ замѣтилъ, что при этомъ онѣ достигли несравненно большей величины и гораздо скорѣе, чѣмъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ много было сдѣлано работъ по данному вопросу, самая лучшая изъ нихъ принадлежитъ гельсингфорскому профессору Лемштрему. Еще въ 1885 г. этимъ финляндскимъ ученымъ было замѣчено, что если электризовать сѣмена злаковъ, то они даютъ растенія чрезвычайно развитыя и сильныя. Перенося затѣмъ свои опыты изъ лабораторіи на поле, Лемштремъ получилъ излишекъ урожая въ 35% для сѣмянъ овса и въ 57% для сѣмянъ ржи.

Но электричество является благопріятнымъ не только для питанія вообще, но также и для воспроизводительной дѣятельности растеній. Такъ, три горшка клубники, подвергнутые Лемштремомъ дѣйствію отрицательнаго электричества, дали зрѣлые плоды черезъ 33 дня, электризованные положительнымъ электричествомъ черезъ 22 дня; повѣрочные же только черезъ 54 дня.

Недавно Plowman опубликовалъ результаты аналогичныхъ опытовъ въ ботаническомъ саду гарвардскаго университета. Онъ пропускалъ электричество черезъ пространство, занятое сѣменами Lupinus albus; электродами служили уголь или платина. Опыты этого ученаго показали, что сѣмена, находящіяся въ сосѣдствѣ анода, были убиты черезъ 20 часовъ токами сильнѣе 0,003 ампер.; сѣмена же, находящіяся у катода, остались нетронутыми или даже производительность ихъ была повышена.

Въ прошломъ «Научномъ фельетонѣ» мы кратко упоминали объ опытахъ Ж. Бонна надъ дѣйствіемъ лучей радія на организмы. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на результатахъ этихъ опытовъ. Для своихъ опытовъ Ж. Боннъ взялъ 80 зародышей и личинокъ жабъ и лягушекъ. Его опыты показали, что если ростъ идетъ медленно, какъ это наблюдается у личинокъ, то беккерелевскіе лучи еще болѣе задерживаютъ ростъ; когда же ростъ идетъ быстро, какъ это наблюдается у зародышей, то лучи или убиваютъ ткани,

или задерживаютъ ихъ ростъ, или же, наконецъ, ускоряютъ его, смотря по роду тканей и ихъ мѣсту. Эпителій, напр., подъ вліяніемъ беккерелевскихъ лучей растетъ быстрѣе. Если же держать зародышей моложе трехъ дней въ теченіе трехъ часовъ въ сосудѣ съ небольшимъ количествомъ воды, гдѣ плаваетъ трубка съ нѣсколькими сантиграммами очень активнаго бромистаго радія, то вначалѣ зародыши развиваются нормально, никогда не замѣчается немедленнаго дѣйствія радія. Когда же зародыши эти превращаются въ головастиковъ, т.-е. черезъ значительный промежутокъ послѣ дѣйствія радія, начинаютъ развиваться уродства, въ видѣ, напр., атрофіи хвоста, появленія съуженія позади головы и пр.

Если, дѣйствительно, уродства эти являются слѣдствіемъ дѣйствія радія, какъ это думаетъ Боннъ, то, слѣдовательно, достаточно, чтобы лучи радія проникали въ организмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы ткани его пріобрѣли какія-то новыя свойства. Свойства эти могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи въ продолженіи долгаго періода и потомъ вдругъ проявиться въ моментъ, когда ростъ тканей усиливается. Въ томъ же направленіи работали уже раньше и другіе ученые; они показали, что достаточно, напр., подвергнуть гусеницу дѣйствію цвѣтныхъ лучей, чтобы получилась куколка такого же цвѣта. И сходство дѣтей и родителей можно, по мнѣнію Бонна, объяснить нѣкоторыми свойствами, находящимися какъ бы въ скрытомъ состояніи въ яйцѣ и зародышѣ и проявляющимися только въ извѣстный моментъ.

Въ другой серіи своихъ опытовъ надъ яйцами и зародышами одного изъ видовъ морскихъ ежей Боннъ показалъ, что лучи радія оказываютъ дѣйствіе и на хроматинъ ядра; смотря по продолжительности этого дѣйствія, лучи радія или усиливаютъ дѣятельность хроматина, или же уничтожаютъ его. Лучи радія убиваютъ сперматозоидовъ, но усиливаютъ дѣятельность хроматина, заключеннаго въ яйцѣ, вызывая такимъ образомъ партеногенезисъ.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу о различіяхъ въ развитіи зародышей мужского и женскаго. Луазель *) старался выяснить сравнительное увеличеніе въ вѣсѣ и длинѣ мужскихъ и женскихъ зародышей. Работы его показали, что до 4-го мѣсяца внутриутробной жизни всѣ органы тѣла, какъ-то: внутренности, мышцы, скелетъ, у женскаго зародыша тяжелѣе, чѣмъ у мужского. Позже у этого послѣдняго вѣсъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлается больше, чѣмъ у женскаго зародыша. Мозгъ же, органы пищеваренія и выдѣлительные органы все же остаются тяжелѣе у женскаго зародыша. Слѣдовательно, если, съ одной стороны, сердце, почки, подпочечныя железы и въ особенности печень гораздо болѣе развиты у женскихъ зародышей, то съ другой—можно утверждать, что эти послѣдніе лучше упитаны и лучше очищаются, благодаря большему развитію выдѣлительныхъ органовъ, чѣмъ мужскіе организмы.

Но по наблюденіямъ акушеровъ, при рожденіи мальчики тяжелѣе дѣвочекъ; это справедливо, но только по отношенію къ абсолютному вѣсу и то начиная

*) При составленіи даннаго очерка успѣховъ эмбріологіи мы пользовались главнымъ образомъ, статьями M. G'Loisel „Revue annuelle d'Embryologie". Revue générale des sciences pures et appliquées, 1904 г.

съ конца 4-го мѣсяца внутриутробной жизни, когда мышечная система начинаетъ брать перевѣсъ надъ всѣми остальными.

То же самое можно сказать и объ увеличеніи длины тѣла зародыша, которой выражается, главнымъ образомъ, развитіе скелета. До средины 4-го мѣсяца длина женскаго зародыша превышаетъ длину мужского, съ 4-го до середины 5-го мѣсяца длина ихъ одинакова, съ 5-го же мѣсяца длина женскаго зародыша дѣлается меньше, чѣмъ мужскаго.

Большая же жизнедѣятельность мужского организма, являющаяся однимъ изъ характерныхъ признаковъ его, объясняется накопленіемъ бо́льшаго количества раздражающихъ веществъ, обыкновенно выдѣляемыхъ изъ организма; эти вещества у индивидуумовъ мужского пола уничтожаются или выдѣляются слабѣе, чѣмъ у женскаго. Мнѣніе это вполнѣ совпадаетъ съ фактомъ бо́льшаго развитія органовъ выдѣленія у женскаго пола; оно согласуется также съ данными, хорошо извѣстными статистикѣ, которыя говорятъ намъ о бо́льшей живучести женщинъ, начиная съ самаго рожденія. Эта бо́льшая живучесть существуетъ у женскаго пола и до рожденія, такъ какъ, напр., за 1902 г. мертворожденныхъ мальчиковъ было 23.026, дѣвочекъ же только 17.192; согласуется это мнѣніе и съ наблюденіями, показывающими намъ, что во всемъ животномъ мірѣ самки живутъ дольше самцовъ.

Сравненіе развитія организмовъ мужского и женскаго половъ послѣ рожденія приходится, конечно, брать изъ міра животныхъ.

Таковы работы Гуссейя надъ развитіемъ цыпленка послѣ рожденія. У курицы внутренніе органы (аналогично тому, какъ это Луазель нашелъ у женщины) вѣсятъ больше, чѣмъ у пѣтуха, иногда абсолютно, иногда же относительно, т.-е. по отношенію къ вѣсу всего тѣла. Нужно исключить изъ этого только вѣсъ сердца и легкихъ, которыя всегда тяжелѣе у пѣтуха. Къ тѣмъ же результатамъ приходитъ и Ноэ, сравнивая организмъ самокъ и самцовъ ежа. Здѣсь легкія, сердце, селезенка тяжелѣе у самца; у самокъ же—желудокъ, кишечникъ, поджелудочная железа и печень.

Химическій анализъ, который уже предпринятъ многими, покажетъ, дѣйствительно ли организмъ самокъ заключаетъ въ себѣ меньше ядовъ, чѣмъ организмы мужскіе, какъ это принимается теперь. Нѣкоторые авторы считаютъ, что голодъ и самоотравленіе уменьшаютъ питаніе и ростъ. Какъ бы тамъ ни было, но изъ всѣхъ изслѣдованій ясно вытекаетъ, что самоотравленіе организма — фактъ несомнѣнный и постоянный, что и оно является даже однимъ изъ жизненныхъ условій. Самоотравленіе, какъ и тяжесть и даже больше, чѣмъ эта послѣдняя, ограничиваетъ, по мнѣнію Гуссейя, ростъ животныхъ и происходитъ не только при патологическихъ процессахъ, но и при всѣхъ физіологическихъ и морфологическихъ явленіяхъ. Луазель наблюдалъ въ своихъ опытахъ, что и у простѣйшихъ самоотравленіе является однимъ изъ факторовъ развитія, могущимъ обусловить и совокупленіе.

Но существуютъ и другіе факторы, задерживающіе ростъ животныхъ и ставшіе намъ извѣстными, благодаря введенію въ біологію механики.

Такъ, Шюдои, сходя изъ понятія о тяжести, математическими вычисленіями

показываетъ, что для каждаго даннаго типа существуетъ максимумъ роста и что тѣ животныя, которыя приближаются къ этому максимуму, стоятъ на болѣе низкой ступени развитія.

Геометрическіе и механическіе законы намъ говорятъ, что, если поверхность тѣла растетъ въ квадратѣ, то объемъ этого тѣла увеличивается въ кубѣ. При этихъ условіяхъ тяжесть и питаніе опредѣляютъ каждому типу животнаго извѣстный максимальный вѣсъ. И дѣйствительно, сила мускула пропорціональна поперечному сѣченію этого мускула, а не его длинѣ; но сѣченіе это, будучи поверхностью, увеличивается въ квадратѣ, т.-е. медленнѣй, чѣмъ объемъ самого тѣла; слѣдовательно, долженъ наступить моментъ, когда вѣсъ тѣла не будетъ уже находиться больше въ гармоническихъ соотношеніяхъ съ силой мускуловъ.

Всякое животное, приближающееся по своему вѣсу къ максимуму, уже по одному этому стоитъ на болѣе низкой ступени развитія (Шюдо). Животное это передвигается съ бо́льшимъ трудомъ, находитъ меньше пищи, хотя для него требуется больше; питаніе, слѣдовательно, совершается хуже, ростъ все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, останавливается совершенно.

Другой выводъ напрашивается самъ собой: чѣмъ больше животное растетъ, тѣмъ существованіе для него становится тяжелѣе.

Этимъ объясняется, скажемъ мимоходомъ, исчезновеніе видовъ, представленныхъ животными громадной величины,—исчезновеніе, которое продолжается еще и въ наши дни.

Одинъ изъ французскихъ докторовъ — Годэнъ прослѣдилъ развитіе 100 вполнѣ здоровыхъ юношей съ $13^1/_2$ лѣтъ до $17^1/_2$ лѣтъ. Между 15-ю и 16-ю годами измѣняются цвѣтъ волосъ и глазъ. Волосы начинаютъ темнѣть, по сравненію съ цвѣтомъ, какой у нихъ былъ въ 13 л., но это явленіе наблюдается только у 28 изъ 100 юношей. Цвѣтъ же радужной оболочки глаза дѣлается свѣтлой у 45% и темнѣе у 18%.

Явленія же, наиболѣе характерныя для времени наступленія половой зрѣлости, относятся къ увеличенію вѣса тѣла и роста его. Ростъ увеличивается, главнымъ образомъ, около $15^1/_2$ л., что согласуется и съ мнѣніемъ большинства антропологовъ. Въ моментъ половой зрѣлости, слѣдовательно, происходитъ задержка въ ростѣ, затѣмъ ростъ усиливается около 16 лѣтъ, съ 17 же лѣтъ уменьшается снова. Увеличеніе вѣса тѣла совершается тоже ритмически, правильно чередуясь съ усиленіемъ роста, такъ что увеличенію роста тѣла всегда соотвѣтствуетъ уменьшеніе вѣса его.

Однимъ изъ признаковъ, отличающихъ сперматозоида отъ яйца, является степень живучести ихъ. Сперматозоиды морского ежа, выведенные наружу, могутъ жить гораздо дольше, чѣмъ неоплодотворенныя яйца. Успѣхъ оплодотворенія зависитъ отъ того, сколько прошло времени отъ начала кладки. Наилучшіе результаты дали яйца не моложе 1-го часа и не старше 4-хъ часовъ. Въ яйца моложе 1-го часа проникало обыкновенно много сперматозоидовъ, результатомъ чего было ихъ неправильное развитіе.

При оплодотвореніи яицъ старше 4-хъ часовъ развитіе было также непра-

вильное. Американскіе ученые Лёбъ (Loeb) и Левисъ (Lewis) нашли, что яйцо морского ежа, содержимое въ морской водѣ, можетъ не только быть оплодотворено, но достигнуть даже стадіи личинки (pluteus) (при температурѣ въ 20° С). Яйца же, со времени кладки которыхъ протекло отъ 24-хъ час. до $32^1/_2$ часовъ, развиваются только до стадіи гаструла, да и то не всѣ; послѣ же этого времени оплодотвореніе ихъ не можетъ совершиться; они склеиваются между собой, принимаютъ желтовато-грязную окраску и разлагаются. Изрѣдка, впрочемъ, наблюдалось оплодотвореніе яицъ, пробывшихъ въ морской водѣ болѣе 48 час.; но развитіе ихъ не идетъ дальше первыхъ фазъ сегментаціи.

Слѣдовательно, прониканіе сперматозоидъ въ яйцо останавливаетъ или видоизмѣняетъ тѣ процессы, которые безъ этого ведутъ его обыкновенно къ смерти. Частичное поднятіе воды, ціанистый калій, угольная кислота дѣйствуютъ на яйцо въ томъ же направленіи.

Лебъ и Левисъ показали, что, помѣщая *неоплодотворенныя* яйца морского ежа въ растворъ изъ 100 частей морской воды и изъ одной части слабаго раствора ціанистаго калія и уменьшая затѣмъ концентрацію раствора ціанистаго калія, можно получить pluteus отъ яицъ, со времени кладки которыхъ прошло 112 час., и сегментацію въ возрастѣ 168 часовъ (при температурѣ въ 20° С).

Отсутствіе кислорода не увеличиваетъ совсѣмъ или же крайне слабо продолжительность жизни неоплодотворенныхъ яицъ. Пониженіе температуры дѣйствуетъ не такъ энергично, какъ прибавленіе къ морской водѣ ціанистаго калія.

Но двое другихъ американскихъ ученыхъ, Gorham и Tower, считаютъ, что ціанистый калій не самъ по себѣ сохраняетъ жизнь яйцъ, а дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, очищая среду отъ бактерій, которыя обыкновенно вредятъ яйцамъ, и что ціанистый калій можетъ явиться ядомъ не только для бактерій, но и для яицъ. По наблюденіямъ этихъ ученыхъ, въ морской водѣ, лишенной совершенно бактерій, яйца сохраняются въ теченіе 11 дней, сохраняя способность оплодотворяться и давать личинку (pluteus).

Послѣ этихъ возраженій Лёбъ снова занялся даннымъ вопросомъ, на этотъ разъ ставя опыты съ яйцами морскихъ звѣздъ. Его изслѣдованія показали, что въ морской водѣ неоплодотворенныя и спѣлыя яйца умираютъ скорѣй, чѣмъ неоплодотворныя и незрѣлыя; быстрая смерть ихъ зависитъ отъ внутриклѣточныхъ условій, а не отъ бактерій, находящихся въ морской водѣ; они умираютъ такъ же быстро и въ водѣ, безусловно лишенной бактерій.

Лёбъ думаетъ, что внутреннія условія, ведущія яйцо къ смерти, находятся въ тѣсной связи съ явленіями, приводящими его къ созрѣванію, и старается найти тѣхъ дѣятелей, которые вліяютъ на это послѣднее. Онъ утверждаетъ, что кислородъ ускоряетъ созрѣваніе, чѣмъ, можетъ быть, объясняется, почему яйца морскихъ звѣздъ созрѣваютъ только послѣ кладки; наоборотъ, отсутствіе кислорода и присутствіе кислотъ препятствуютъ созрѣванію яицъ.

Въ то же самое время работы Делажа показали, что дѣйствіе кислотъ не только удлиняетъ жизнь яицъ морскихъ звѣздъ, но и позволяетъ имъ сегментироваться и вообще вести себя, какъ будто они были бы оплодотворены.

Делажъ помѣщаетъ яйца морскихъ звѣздъ въ реактивъ, состоящій изъ сельтерской и морской воды, въ моментъ изверженія яйцами полярныхъ тѣлецъ. При этомъ дѣленіе ядра, ведущее къ образованію этихъ послѣднихъ, останавливается тотчасъ же. Если, напр., продержать яйцо часъ въ реактивѣ и затѣмъ помѣстить его въ морскую воду, то угольная кислота быстро выдѣляется, яйцо начинаетъ проявлять свою дѣятельность, но вмѣсто дѣленія на неравныя части и отдѣленія полярнаго тѣльца совершается дѣленіе на равныя части и затѣмъ продолжается сегментація, какъ и при нормальныхъ условіяхъ.

Делажъ полагаетъ даже, что угольная кислота является такимъ же сильнымъ факторомъ въ развитіи яйца, какъ и самъ сперматозоидъ.

Въ его опытахъ, дѣйствительно *всѣ* яйца, подвергнутыя дѣйствію угольной кислоты, развились партогенетическимъ путемъ. При аналогичныхъ же опытахъ, когда имъ брались разныя другія вещества, яйца дали только 30%, 40% сегментаціи и только 10% дошли до стадіи гаструла. Прид дѣйствіи же углекислоты ихъ было 100%, и при оставленіи имъ зоологической станціи Роскова, гдѣ онъ работалъ, личинки морскихъ звѣздъ, яйца которыхъ подверглись дѣйствію угольной кислоты, были въ стадіи, напоминающей личинку «auricularia» голотурій, въ возрастѣ 32 дней, и походили совершенно на зародыши, происшедшіе отъ оплодотворенія.

Несмотря на большой интересъ всѣхъ этихъ опытовъ и наблюденій, они все же не выясняютъ тѣхъ процессовъ, которые ведутъ къ смерти неоплодотворенное яйцо и сперматозоидовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ.

По мнѣнію Луазеля не достаточно сказать, какъ это дѣлаютъ Лёбъ (Loeb) и Левисъ (Levis), что смерть яицъ является результатомъ самопереваривания (или другихъ дѣйствій энзимовъ), скорѣе можно утверждать, что и яйца, и сперматозоидъ несутъ въ самихъ себѣ причину смерти. Внутреннія причины смерти, конечно, чрезвычайно сложны; но, какъ думаетъ Луазель, между ними есть одна, которой принадлежитъ, можетъ быть, наиболѣе важная роль,—это присутствіе въ яйцахъ и сперматозоидахъ ядовитыхъ веществъ, которыя изучены и распознаны и въ нихъ и въ половыхъ железахъ нѣкоторыхъ рыбъ. Недавно Луазель приступилъ къ изученію половыхъ железъ морскихъ ежей и нашелъ въ нихъ не только токсальбумины, но и алколоиды, убивающіе большихъ кроликовъ въ нѣсколько минутъ.

Физаликсъ замѣтилъ также, что яйчникъ жабы въ моментъ кладки наполняется ядомъ, который былъ также найденъ въ снесенныхъ яйцахъ, но исчезъ затѣмъ во время развитія яицъ.

Яды, находящіяся въ яйцѣ, дѣйствуютъ, вѣроятно, на него возбуждающимъ образомъ. Въ партогенетическихъ яйцахъ эти яды имѣютъ такой составъ или находятся въ такомъ количествѣ, что могутъ повести къ образованію новаго индивидуума — зародыша. Въ обыкновенныхъ же яйцахъ, наоборотъ, возбуждающія вещества таковы, что они ведутъ яйцо къ смерти, если по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ не превращается веществами, содержащимися въ сперматозоидахъ, или какими-нибудь другими—въ вещества безвредныя.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль. 1904 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Критика и исторія литературы и искусствъ. — Политическая экономія и соціологія. — Естествознаніе и медицина.—Образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. Буренинъ. „Театръ“ т. I.— *Шелли.* „Полное собраніе сочиненій“.

В. Буренинъ. Театръ, томъ I. Спб. 1904 г. Г. Буренинъ уже неоднократно дѣлалъ попытки доказать, что онъ умѣетъ писать вполнѣ литературно. Лежащій передъ нами томъ театральныхъ пьесъ представляетъ одну изъ подобныхъ попытокъ. Тутъ мы попадаемъ въ мечтательный міръ сказочныхъ образовъ, былинныхъ богатырей, античной древности. Но, видно, и надъ театральными пьесами г. Буренина витаетъ духъ его нововременскихъ фельетоновъ и пародій: то же неуваженіе къ литературѣ, та же безцеремонность по отношенію къ авторамъ и порою удивительный недостатокъ чутья ко всему, что выше фарса и оперетки. Изъ шести пьесъ, вошедшихъ въ разсматриваемый сборникъ, только одна «Забава Путятишна» не есть передѣлка *чужого* произведенія, но это не увеличиваетъ ея оригинальныхъ достоинствъ. Какихъ, какихъ только былинныхъ мотивовъ не вплелъ авторъ въ свой сюжетъ: тутъ и Соловей Будиміровичъ, и Ставръ Годиновичъ, и Чурило, и ссора Ильи Муромца съ Владиміромъ, но весь этотъ тяжелый баластъ ни къ чему. Ни на минуту читатель не чувствуетъ себя въ сферѣ народныхъ и тѣмъ менѣе древне-русскихъ представленій. Не говоримъ уже о хронологическихъ и бытовыхъ несуразностяхъ, въ родѣ того, что Соловей, котораго г. Буренинъ дѣлаетъ венеціанцемъ (въ дѣйствительности онъ вѣроятнѣе сѣверный викингъ, исландецъ, «съ острова Леденца»), описываетъ Венецію десятаго вѣка такою, какою она могла быть только во времена Тиціана и Паоло Веронезе; въ примѣчаніи авторъ оговариваетъ этотъ анахронизмъ, но, вѣдь, это не помогаетъ правдоподобію описанія. Тотъ же витязь X вѣка носитъ на шеѣ медаліонъ («складень») съ миніатюрнымъ портретомъ своей мамаши, уже безъ всякой оговорки автора. Это, конечно, мелочи, но онѣ характеризуютъ «легкій» способъ писанія г. Буренина. Гораздо хуже впечатлѣніе производитъ анахронизмъ языка: князь Владиміръ и его богатыри разговариваютъ языкомъ «Князя Серебрянаго», который въ извѣстной литературной средѣ считается обще-древне-русскимъ языкомъ. Словечки въ родѣ «княжой», «учнетъ», «вѣжество» считаются особенно колоритными, причемъ г. Буренинъ дѣлаетъ иногда прямо ошибки: если бы онъ помнилъ хотя баллады того же гр. А. Толстого, то не говорилъ бы «гридня» вмѣсто гридень. Но всего меньше вяжется самый сюжетъ съ именами дѣйствующихъ лицъ. Обставлять былинными богатырями банальнѣйшую водевильную интрижку все равно, что играть на шарманкѣ съ аккомпаниментомъ оркестра. Соловей ухаживаетъ за Забавой, она съ нимъ кокетничаетъ и не прочь выйти за него замужъ, но вдругъ увлекается переодѣтой въ мужское платье женой Ставра; происходитъ

игра ревности со стороны Соловья, но затѣмъ дѣло разъясняется, и Забава возвращается къ Соловью. Рядомъ съ этимъ чувствительнымъ сюжетомъ тянется другой, комическій, какъ всегда бываетъ въ опереткахъ; героями его являются старый, глупый, обманутый мужъ Бермята, его жена и Чурило. О характерахъ, конечно, нѣтъ и рѣчи, все это шаблонныя театральныя маски.

Если «Забава Путятишна» только неудачное произведеніе, то остальныя пьесы г. Буренина представляетъ весьма вольное обращеніе съ чужой собственностью. Просто переводить кажется ему слишкомъ труднымъ и неинтереснымъ,— онъ перекраиваетъ иностранныя произведенія по своему усмотрѣнію, словомъ «приспособляетъ для русской сцены», какъ дѣлаютъ въ провинціальныхъ театрахъ. Особенно пострадалъ несчастный «Потонувшій колоколъ», которому вообще не везетъ на переводчиковъ. Нельзя не пожалѣть, что переводъ (?) г. Буренина утвердился на русскихъ сценахъ, и такимъ образомъ наша публика имѣетъ во многихъ отношеніяхъ совершенно невѣрное представленіе объ этомъ прославленномъ произведеніи. Если его переводъ г. Бальмонта обнаруживаетъ порой неумѣстную вычурность, то переводъ г. Буренина обнаруживаетъ развязную безцеремонность, достойную Алексиса Жасминова. Это собственно не переводъ, а вольный пересказъ съ добавленіями, гдѣ, по мнѣнію г. Буренина, надо было подбавить «сочности», съ пропусками, и даже съ искаженіями, въ тѣхъ случаяхъ, когда переводчикъ не могъ совладать съ передачей подлинника или невѣрно его понималъ. Въ старыя времена такъ французы переводили иностранныхъ писателей, считая при этомъ, что они еще оказываютъ услугу переводимымъ авторамъ, «исправляя» ихъ согласно правиламъ хорошаго парижскаго вкуса. Какъ у г. Бальмонта, такъ и у г. Буренина хуже всѣхъ, конечно, достается старухѣ Виттихѣ, силезское нарѣчіе которой оба они одинаково плохо понимаютъ. Драма Гауптмана написана сплошь стихами, но г. Буренина это ни мало не стѣсняетъ,—онъ произвольно переходитъ къ прозѣ, гдѣ ему это кажется удобнѣе. Въ другихъ случаяхъ онъ передѣлываетъ прозу въ стихи, а также повѣсти въ драму. Такъ онъ передѣлалъ романъ Пьера Луи (P. Louys), извѣстнаго сентиментально-порнографическаго автора, въ драму. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, французской литературѣ нечего было терять отъ передѣлки г. Буренина, не обогатившаго ею и родную литературу. Также стихами передѣлана одна изъ новеллъ Бокаччіо, тоже безъ пользы для русской литературы, но съ большимъ ущербомъ для стараго итальянскаго разсказчика: въ драматическомъ произведеніи, конечно, не могли быть сохранены нѣкоторые черезчуръ откровенные для современныхъ читателей моменты фабулы, поэтому пришлось ввести неправдоподобныя натяжки, которыя, впрочемъ, прибавлены г. Буренинымъ и тамъ, гдѣ онѣ совершенно ничѣмъ не вызывались. Разумѣется г. Буренинъ владѣетъ стихотворной техникой: стихи его вообще гладки. Поэтому всѣ его «неточности» нельзя объяснить неумѣніемъ, а невольно въ нихъ усматривается лишь пренебреженіе къ авторской личности передѣлываемыхъ писателей: свой братъ, что съ ними церемониться! *Е. Дегенъ.*

Шелли. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изданіе. Томъ первый. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г. Репутація г. Бальмонта, какъ переводчика, началась съ Шелли. Это одинъ изъ великихъ иностранныхъ поэтовъ, который дольше всѣхъ оставался чуждъ русской читающей публикѣ: очень мало кто изъ нашихъ переводчиковъ рѣшался приняться за его произведенія, особенно за его лирику, которая по своей музыкальной гармоніи и воздушности и вмѣстѣ съ тѣмъ по глубинѣ мысли представляетъ почти непреодолимыя трудности для перевода. Г. Бальмонтъ первый сдѣлалъ этотъ смѣлый шагъ, и смѣлость его во многихъ отношеніяхъ увѣнчалась успѣхомъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ трудныхъ стихотвореній англійскаго поэта переданы имъ такъ удачно, какъ до него никто ихъ не

умѣлъ передать. Звучность и гибкость стиха г. Бальмонта не подлежитъ сомнѣнію, и изъ-за этихъ качествъ читатели и критики охотно прощали ему попадающіяся тамъ и сямъ шероховатости, нерусскіе обороты, неясныя мысли: во всякомъ крупномъ предпріятіи неизбѣжны и извинительны частныя погрѣшности, а кромѣ того возлагалась надежда и на молодость переводчика—опытъ, трудъ, уваженіе къ переводимому автору и къ читателю должны же были вести его по пути къ совершенствованію. Со времени первыхъ выпусковъ Шелли прошло около десяти лѣтъ; г. Бальмонтъ за это время выпустилъ цѣлый рядъ переводовъ и оригинальныхъ лирическихъ сборниковъ. Однако, какъ переводчикъ онъ не вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды и все безцеремоннѣе обходится съ переводимыми авторами. Шероховатости, которыя прежде казались недосмотрами и исключеніями, становятся чуть что не общимъ правиломъ и начинаютъ преобладать надъ гладкими мѣстами; неясности мысли словно идутъ въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ. И когда послѣ этихъ печальныхъ наблюденій надъ дѣятельностью г. Бальмонта, перечитываешь его переводы Шелли, собранные въ новомъ изданіи, невольно бросаются въ глаза не наиболѣе удачныя мѣста, а тѣ несовершенства, которыя и тогда должны были бы предостеречь отъ слишкомъ снисходительныхъ сужденій.

Что въ стихахъ г. Бальмонта встрѣчаются такія небывалыя формы, какъ «умеревши» (стр. 16) или «утѐнченнѣйшій» (стр. 15) и т. п., это еще дѣйствительно не большая бѣда, если бы общій строй его рѣчи былъ естественъ и благозвученъ. Но этого очень часто и нѣтъ. У Шелли встрѣчается, напр., сравненіе, что доска неслась по горному потоку, «какъ пушокъ репейника на парусахъ вихря»; переводчикъ передаетъ эту фразу слѣдующимъ страннымъ оборотомъ (стр. 30):

Такъ на вѣтрахъ, воздушнѣй вздоха
Витаетъ цвѣтъ чертополоха.

Нельзя назвать эту рѣчь художественной, равно какъ и слѣдующее четверостишіе (стр. 49):

Онъ пришелъ Ненавистникомъ, сѣлъ надъ канавой,
Взялъ разбитую лютню и скошеннымъ ртомъ
Пѣсню пѣлъ,—и не пѣлъ,—крикъ бросалъ онъ гнусавый
Противъ женщины, бывшей скотомъ.

Это образчики неблагозвучія, а вотъ примѣръ затемненія смысла (стр. 28):

И чу! раздался звонъ усталый,
И вотъ она глядитъ вокругъ,
Возникло-ль что, иль этотъ звукъ
Лишь кровь висковъ и нѣжныхъ рукъ.

Казалось бы, что «кровь висковъ и нѣжныхъ рукъ» никакъ не можетъ быть звукомъ. И дѣйствительно, въ оригиналѣ все выражено очень просто, понятно и красиво: «она услышала какой-то невнятный, слабый (а не усталый) звонъ и смотрѣла вокругъ, чтобы понять, не стучитъ ли это просто кровь въ ея собственныхъ жилахъ». Приведемъ еще примѣръ совершенно безцеремоннаго обращенія съ подлинникомъ, результатомъ чего является подмѣна одного изъ прекрасныхъ, полныхъ мысли стихотвореній наборомъ словъ, безъ глубины содержанія и безъ изящества (стр. 154):

Смерть всюду, всегда неизмѣнно. *Неразлучна съ ней жизнь золотая.*
Смертью дышетъ небесная твердь,
И все, что живетъ, что трепещетъ, на зарѣ расцвѣтая,
И въ насъ пріютилася смерть.
Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья, надежды,—
И ужъ не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, *закрываются въѣжды,*
И мы, мы должны умереть, и т. д.

Подчеркнутыхъ фразъ совершенно нѣтъ у Шелли, да и какая ихъ поэти-

ческая цѣнность? Нѣсколько стиховъ подлинника совсѣмъ не переведено, а переданное неправильно видоизмѣнено. Такъ, напримѣръ, у Шелли «прахъ призываетъ къ себѣ прахъ», а не наклоняется къ праху. «Сначала умираютъ радости,—говоритъ онъ,—затѣмъ надежды, а затѣмъ страхи»; эта послѣдовательность—глубокая мысль: сначала человѣкъ беретъ отъ жизни всѣ радости, какія можетъ; когда онѣ измѣняютъ, онъ не хочетъ съ этимъ примириться и надѣется, что онѣ вернутся; опытъ разрушаетъ надежду, впереди больше нѣтъ ничего, но остается еще безсознательная привязанность къ жизни и страхъ конца; только когда исчезнетъ этотъ страхъ, когда человѣкъ равнодушно ждетъ послѣдняго удара, тогда онъ созрѣлъ для могилы. Все это содержаніе г. Бальмонтъ уничтожилъ, поставивъ «опасенія» впереди «надеждъ». И подобныхъ отступленій не мало. Въ предисловіи г. Бальмонтъ утверждаетъ: «ни одно изъ стихотвореній Шелли не было переведено мною безъ любви къ нему». Казалось бы, что любовь должна приводить къ большему уваженію къ мыслямъ и образамъ поэта. То обстоятельство, что г. Бальмонтъ умѣлъ хорошо передать нѣкоторыя стихотворенія своего любимца, дѣлаетъ его болѣе отвѣтственнымъ за его небрежности въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ, мы уже сдѣлали оговорку, что, указывая нѣкоторыя недочеты переводовъ г. Бальмонта, вполнѣ признаемъ за ними и значительныя достоинства. *Е. Дегенъ.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Мих. Лемке. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики“.—*Н. Фидейзенъ.* „М. И. Глинка“.—*В. П. Авенаріусъ.* „Создатель русской оперы. М. И. Глинка“

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904 г. Стр. 427. Цѣна 3 р. Книга г. Лемке состоитъ изъ четырехъ очерковъ: «Эпоха обличительнаго жара», «Эпоха цензурнаго террора», «Русское Bureau de la presse» и «Ѳаддей Булгаринъ». Первый изъ этихъ очерковъ посвященъ русской сатирической журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ; второй—дѣятельности знаменитаго негласнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго 2 апрѣля 1848 года и давившаго русскую мысль до конца 1855 года. Третій очеркъ излагаетъ исторію кратковременнаго существованія особаго, также негласнаго, «комитета по дѣламъ книгопечатанія», учрежденнаго 24 января 1859 года для неоффиціальнаго надзора за русской прессой и для сообщенія ей направленія, соотвѣтствовавшаго видамъ правительства. Наконецъ, четвертый очеркъ посвященъ, главнымъ образомъ, закулисной дѣятельности Булгарина. Всѣ эти статьи первоначально были напечатаны въ журналахъ «Русское Богатство» и «Міръ Божій», но для отдѣльнаго изданія онѣ значительно пополнены. Такъ, статья «Эпоха обличительнаго жара», напечатанная въ лѣтнихъ книжкахъ нашего журнала за 1903 годъ подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи русской сатирической журналистики», увеличена почти вдвое. Число же каррикатуръ увеличено даже больше, чѣмъ вдвое, хотя нѣкоторыя каррикатуры воспроизведены въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ въ «Мірѣ Божіемъ».

Всѣ очерки г. Лемке представляютъ большой интересъ и даютъ массу весьма цѣннаго матеріала по исторіи русской цензуры и русской журналистики въ наиболѣе мрачную и въ наиболѣе свѣтлую эпохи нашего общественнаго развитія. Кромѣ печатныхъ источниковъ, почти недоступныхъ обыкновенному читателю, г. Лемке воспользовался еще цензурными дѣлами, хранящимися въ рукописномъ отдѣленіи публичной библіотеки. Факты, извлеченные изъ этого интереснѣйшаго архивнаго матеріала, и основанные на нихъ выводы придаютъ особенную цѣнность очеркамъ г. Лемке по исторіи русской цензуры. Остальные

ные два очерка составлены почти исключительно на основаніи печатныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе и эти очерки являются въ русской литературѣ единственными въ своемъ родѣ по интересу и полнотѣ собраннаго въ нихъ матеріала. Полнота эта, конечно, относительная, такъ какъ г. Лемке не имѣлъ возможности исчерпать весь находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, онъ желалъ познакомить читателей только съ наиболѣе выдающимися фактами по исторіи русской цензуры и журналистики. Можно указать кое-какіе пропуски въ очеркахъ г. Лемке, но, въ общемъ, они не существенны. Такъ, напримѣръ, приводя жалобы Никитенки и даже Булгарина на цензуру 1848—1855 годовъ, г. Лемке умолчалъ объ интересномъ письмѣ Сенковскаго къ Загоскину отъ 15 декабря 1850 года.

Изъ другихъ недочетовъ въ очеркахъ г. Лемке можно указать его пристрастіе къ перепечаткѣ оффиціальныхъ документовъ, занимающихъ иногда цѣлыя страницы. Такая щедрость безъ особенной нужды увеличила объемъ книги и придала отдѣльнымъ очеркамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишнюю сухость. Далѣе, отдѣльныя мнѣнія г. Лемке можно упрекнуть въ излишней рѣзкости и несправедливости.

Нельзя принять безъ оговорки мнѣніе г. Лемке о службѣ Булгарина въ III-мъ отдѣленіи. Г-нъ Лемке считаетъ этотъ фактъ неопровержимымъ, потому что въ одной оффиціальной бумагѣ гр. Бенкендорфа сказано, что, по его усмотрѣнію, Булгаринъ «былъ употребляемъ по письменной части на пользу службы» (стр. 386). Относительно этой службы Булгарина «по письменной части» пока достовѣрно извѣстно, что онъ исполнялъ такія порученія гр. Бенкендорфа, какъ составленіе реляціи о началѣ польскаго возстанія или изображеніе въ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ жизни петербургскихъ водоносовъ (стр. 417). Но г. Лемке, какъ кажется, склоненъ думать, что «приватная служба» Булгарина въ III-мъ отдѣленіи состояла въ выслѣживаніи либерализма въ русскихъ журналахъ и въ доносахъ на русскихъ писателей. Онъ прямо называетъ Булгарина «чиновникомъ особыхъ порученій» и «ходатаемъ по дѣламъ стѣсненія печатнаго слова». Что Булгаринъ занимался доносительствомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ современниковъ. Вопросъ только въ томъ, дѣлалъ ли Булгаринъ доносы по долгу своей «приватной службы», согласно какому-нибудь спеціальному порученію, или же ради своихъ личныхъ интересовъ, т.-е. ради того, чтобы зажать ротъ своему противнику, или уничтожить опаснаго конкурента для «Сѣверной Пчелы», или, наконецъ для того, чтобы заявить о своей благонамѣренности.

Преувеличеніемъ страдаетъ и та страница очерка, посвященнаго Булгарину, гдѣ говорится о страхѣ русскихъ писателей передъ издателемъ «Сѣверной Пчелы». «Неужели не ясно,—говоритъ г. Лемке,—что боялись не пера Булгарина, а его языка, работавшаго внѣ листовъ редактируемыхъ имъ изданій?.. Какова же, значитъ, была увѣренность въ страшномъ мщеніи, если вся литература не рѣшалась печатно открыть глаза обществу на «чиновника особыхъ порученій». (стр. 391). На самомъ же дѣлѣ, если бы кому и пришло въ голову желаніе разоблачить позорную закулисную дѣятельность Булгарина, этому помѣшала бы прежде всего цензура, а не страхъ булгаринскаго мщенія. Этотъ страхъ трудно согласить какъ съ многочисленными эпиграммами на Булгарина, которыя иногда попадали въ печать, такъ и съ открытыми нападками на него, отличавшимися довольно рѣзкимъ характеромъ. Сколько крови испортилъ Булгарину одинъ Бѣлинскій своими безпощадными отзывами о его романахъ и даже намеками на его внѣ литературныя дѣянія! А сколько еще болѣе рѣзкихъ статей и отзывовъ по адресу Булгарина не было пропущено придирчивой цензурой! Можно возразить, что такой невинный младенецъ, какимъ былъ въ

житейскихъ дѣлахъ Бѣлинскій, могъ такъ смѣло издѣваться надъ Булгаринымъ потому, что не зналъ о его закулисныхъ связяхъ. Но это трудно допустить уже потому, что, живя въ Петербургѣ, Бѣлинскій поддерживалъ сношенія со своимъ бывшимъ учителемъ Поповымъ, который служилъ въ III-мъ отдѣленіи. Не допустилъ бы и Краевскій въ своемъ журналѣ выходокъ Бѣлинскаго противъ Булгарина, если бы булгаринскаго мщенія боялись такъ сильно, какъ думаетъ объ этомъ г. Лемке. Если бы издатель «Сѣверной Пчелы» былъ такимъ страшилищемъ, какимъ онъ изображенъ у г. Лемке, не рѣшился бы и Некрасовъ въ своемъ альманахѣ «1-е апрѣля» напечатать эпиграмму. «Онъ у насъ восьмое чудо» *).

Къ Булгарину, конечно, трудно быть справедливымъ, но г. Лемке не всегда справедливъ и по отношенію къ другимъ несимпатичнымъ личностямъ. Погодина, напримѣръ, онъ называетъ «сухой коркой» (стр. 273), хотя «герой» безконечной эпопеи, составляемой г. Барсуковымъ, отличался скорѣе чрезмѣрной экспансивностью и даже чувствительностью. Блудовъ, по мнѣнію г. Лемке, никогда не отличался либерализмомъ (стр. 361), равно какъ и кн. Вяземскаго «ужъ никто не заподозритъ въ либеральномъ образѣ мыслей» (стр. 391). Не вѣритъ г. Лемке и заявленіямъ барона Корфа, что ему было очень тяжело и непріятно засѣдать въ бутурлинскомъ комитетѣ. Краевскому приписывается «угодливость до доносительства включительно». Вообще, говоря о мрачномъ періодѣ русской исторіи, г. Лемке не пожалѣлъ черныхъ красокъ, но онъ наложилъ ихъ гуще, чѣмъ это можетъ быть допущено исторической справедливостью.

Фактическіе недосмотры и публицистическія увлеченія подобнаго рода не мѣшаютъ, конечно, «Очеркамъ» г. Лемке быть книгой цѣнной и полезной, Цѣна книги, напечатанной на хорошей бумагѣ in 8⁰ большого формата и заключающей кромѣ текста, 81 каррикатуру и 19 потретовъ, главнымъ образомъ, сановниковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы русской печати,—не можетъ быть признана дорогою. *С. Ашевскій.*

1) **Ник. Финдейзенъ Михаилъ Ивановичъ Глинка. Очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности. Съ 36 портретами, снимками и факсимиле. Ц. 50 к. Изд. Юргенсона.** 2) **В. П. Авенаріусъ. Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Біографическая повѣсть для юношества. Съ 20-ю портретами и рисунками. Ц 1 р. 50 к. Изд. П. В. Луковникова.** Приближающаяся столѣтняя годовщина со дня рожденія геніальнаго нашего композитора (20-го мая 1804 г.) нѣсколько оживила нашу скудную музыкальную литературу. Оживленіе, сказать правду, пока довольно незначительное. Небольшая брошюра и одна книга для юношества *)—вотъ и все покамѣстъ. Наша музыкальная литература, впрочемъ, вообще поражаетъ своей бѣдностью. До сихъ поръ нѣтъ хорошей біографіи Глинки, которая достойнымъ образомъ воспроизвела бы личность композитора и современную ему общественную и музыкальную обстановку.

И нельзя сказать, чтобы за семьдесятъ слишкомъ лѣтъ со дня постановки «Жизни за Царя» было написано мало хорошихъ статей о Глинкѣ. Такія

---

*) Кстати объ этой эпиграммѣ. Г-нъ Лемке называетъ ее „стихотвореніемъ и до сихъ поръ неизвѣстнаго автора“, а въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ, что эпиграмма приписывается Некрасову. Въ статьѣ г. Измайлова „Къ некрасовскимъ днямъ.“ (Биржевыя Вѣдомости 1902 г. № 336) устанавливается несомнѣнная принадлежность этой эпиграммы Некрасову.

**) Можемъ упомянуть еще объ одной книгѣ: *В. Г. Вальтеръ.* „Опера М. И. Глинки „Русланъ и Людмила“. 1) Содержаніе и техническій разборъ оперы (съ нотными примѣрами). 2) Исторія „Руслана“. 3) Значеніе „Руслана“ въ исторіи оперы. Съ портретомъ М. И. Глинки. Ц. 80 к. *Ред.*

статьи были и значеніе Глинки оцѣнено въ нашей литературѣ достаточно ярко. Но самое важное, что о немъ написано, почти или вовсе недоступно публикѣ. Самыя важныя съ музыкальной стороны статьи о Глинкѣ Г. А. Ларош хранятся въ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1867 г. и не изданы до сихъ поръ отдѣльно. Статьи В. Стасова, статьи А. Сѣрова переизданы вновь только въ большомъ и дорогомъ полномъ собраніи ихъ сочиненій.

Изъ отдѣльныхъ книгъ, написанныхъ о Глинкѣ, нужно здѣсь упомянуть о книгѣ *П. Веймарна*. М. И. Глинка. Біографическій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1892 г. Изд. Юргенсона. Эта книга, достаточно богатая по матеріаламъ, страдаетъ, однако, двумя существенными недостатками: тяжелый языкъ и отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ автора. Сужденія эти сшиты (съ указаніемъ источниковъ) изъ отрывковъ упомянутыхъ выше музыкальныхъ критиковъ и являются чисто компилятивной работой. Такая бѣдность книжной литературы о Глинкѣ объясняется вполнѣ удовлетворительно ничтожнымъ спросомъ нашей публики на книги о музыкѣ.

Достаточно указать, что автобіографическія «Записки М. И. Глинки» (вмѣстѣ съ его письмами), изданныя Суворинымъ въ 1887 году, еще не дождались второго изданія. А между тѣмъ это любопытнѣйшая и чрезвычайно интересная книга, въ высшей степени характерная для ея автора.

Нельзя не пожелать, чтобы знаменательная годовщина 20-го мая этого года ознаменовалась не только скульптурнымъ памятникомъ Глинкѣ, сооружаемымъ на площади Маріинскаго театра въ Петербургѣ, но и литературнымъ памятникомъ въ видѣ хорошей біографіи М. И. Глинки, а также сборникомъ лучшихъ о немъ статей.

Что касается брошюры *Н. Финдейзена*, то она представляетъ собою довольно подробный біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Глинки, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересной и поучительной. Къ сожалѣнію, авторъ почти не касается общественно-музыкальной жизни того времени, и потому смыслъ геройскаго подвига Глинки, творившаго свои созданія въ густой атмосферѣ общественной и музыкальной пошлости, отравившей послѣдніе годы его жизни, смыслъ этотъ остается невыясненнымъ. Большимъ украшеніемъ книги является множество хорошо отпечатанныхъ снимковъ съ портретовъ Глинки, съ карикатуръ на него и др.

Книга В. П. Авенаріуса, опытнаго составителя нравоучительныхъ повѣстей изъ жизни великихъ людей, доставила мнѣ мало удовольствія. У насъ, къ счастью, не прививаются нравоучительныя книжки для юношества. Въ нихъ всегда чувствуется какая-то фальшь, дѣланность, и беллетристическая форма не спасаетъ читателя, даже юнаго, отъ скуки.

Въ данномъ случаѣ авторъ воспользовался подлинными словами Глинки, взятыми изъ его записокъ, придѣлалъ къ нимъ много длинныхъ разговоровъ яко бы Глинки и другихъ лицъ, и вышла повѣсть. И среди этой длинной повѣсти совершенно исчезла яркая личность Глинки, а вмѣсто нея явилась стереотипная фигура великаго человѣка, созданнаго богомъ, повидимому, главнымъ образомъ, для поученія юношества.

Обращаясь къ фактической сторонѣ повѣсти, необходимо указать на нѣкоторыя неточности. Глинка былъ назначенъ капельмейстеромъ императорской пѣвческой капеллы, но не «на мѣсто Львова, композитора нашего гимна», какъ пишетъ Авенаріусъ, а подъ его начальство. Глинка пробылъ подъ этимъ начальствомъ всего 2 года, но конкуренція композиторовъ изъ высшаго свѣта (Львова, Вьельгорскаго) съ Глинкой продолжалось гораздо дольше, и была бы очень забавна, если бы не была такъ горько для Глинки, котораго эти композиторы фактически вытѣсняли изъ концертовъ и оперы. Опускаю нѣкоторыя

другія, чисто музыкальныя неточности, происходящія отъ недостаточно близкаго знакомства Авенаріуса съ музыкой.

Отмѣчу его непонятныя измѣненія въ подлинныхъ словахъ Глинки, допущенныя Авенаріусомъ въ нѣсколькихъ и очень существенныхъ мѣстахъ повѣсти.

Если болѣе странными кажутся мнѣ слова Авенаріуса въ началѣ послѣдней главы: «Русланомъ» завершилось творчество Глинки, какъ создателя русской оперы; а потому о дальнѣйшихъ годахъ его жизни мы можемъ ограничиться немногими словами. Этотъ отрывокъ обнаруживаетъ полное непониманіе Авенаріусомъ связи между творчествомъ Глинки и гибельнымъ на него вліяніемъ окружающей обстановки. «Русланъ» поставленъ былъ въ 1842 году, когда Глинкѣ было всего 38 лѣтъ (Глинка умеръ въ 1857 г.).

Какимъ образомъ Авенаріусъ можетъ думать, что творчество такого генія могло завершиться въ эти годы! Неужели Авенаріусъ не знаетъ, что творчество Глинки было подорвано не физическими недугами, какъ, повидимому, думаетъ Авенаріусъ, а отношеніемъ къ нему соотечественниковъ. Въ 1855 году Глинка пишетъ своему другу Энгельгардту: «Досада, огорченія и страданія меня убили, я рѣшительно упалъ духомъ». Глинкѣ, дѣйствительному творцу русской національной оперы, приходилось бороться съ злѣйшимъ врагомъ генія, съ пошлостью, царившей тогда во всѣхъ музыкальныхъ сферахъ, съ пошлостью, властно поддерживаемой театральнымъ начальствомъ: «Жизнь за царя» давалась какъ бы на затычку, при самой жалкой обстановкѣ, а «Русланъ», выдержавшій въ сезонъ 1842—1843 года 32 представленія, вскорѣ былъ снятъ со сцены, и появился вновь только послѣ смерти Глинки. Вотъ что подрѣзало крылья русскому генію.

В. Вальтеръ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

„Marx-studien". — *Алланъ Кларкъ.* „Фабричная жизнь въ Англіи". — *Генрихъ Дюмоларъ.* „Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніи".

Marx-studien. Herausgegeben von Dr. M. Adler und Dr. R. Hilferding (Hilferding, Böhm-Bawerks Marx-Kritik; Karner, Die sociale Funktion der Rechtsinstitute; M. Adler, Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft) Wien. 1904. 433 стр. Лежащій передъ нами объемистый томъ представляетъ собою попытку разобрать и систематизировать въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ монографій основные элементы доктрины Маркса. Авторы этого коллективнаго труда являются послѣдователями ученія Маркса, послѣдователями, ставящими своею цѣлью не повтореніе аргументаціи учителя, а дальнѣйшую разработку его ученія.

У нѣкоторыхъ, читаемъ мы въ предисловіи, явится вопросъ—принадлежимъ ли мы къ ортодоксамъ или ревизіонистамъ? Во всякомъ случаѣ, отвѣчаетъ редакція коллективнаго труда, даже и ортодоксы не должны бы забывать словъ самого Маркса: «Я не стою за то, чтобы мы держались за знамя догмы, наоборотъ... Мы не объявляемъ доктринерски міру новый принципъ, говоря: вотъ передъ тобою истина, преклони передъ нею колѣни». И неужели же, резонно спрашиваетъ редакція, вспоминая объ этихъ словахъ Маркса, мы, его ученики, можемъ дѣлать изъ его ученія догму, передъ которой остается лишь смиренно преклонить колѣни? Причисляя себя къ сторонникамъ ученія Маркса, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавая его незаконченность, редакція сборника «Marx-Studien» ставитъ своею цѣлью въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ монографій, такъ сказать,

ассимилировать марксизму новѣйшія завоеванія научной мысли, ввести марксизмъ, выражаясь языкомъ юристовъ, во владѣніе богатыми завоеваніями человѣческой мысли и дѣятельности за послѣдніе полувѣка.

Въ первой очень интересной статьѣ Гильфердинга идетъ рѣчь объ экономической доктринѣ Маркса и критикѣ ея австрійскою школою экономистовъ. Какъ справедливо подчеркиваетъ авторъ, споръ между марксизмомъ и австрійскою школою не есть споръ фактическій, разногласія между этими двумя крупнѣйшими теченіями современной экономической науки коренятся въ различіи пониманія основныхъ задачъ политической экономіи, основныхъ признаковъ всякаго экономическаго явленія.

Глава австрійской школы Бемъ-Баверкъ, справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ, въ своей критикѣ экономической системы Маркса забываетъ о той особенной, специфической точкѣ зрѣнія, съ которой политическая экономія изслѣдуетъ окружающія явленія. Товаръ самъ по себѣ, какъ «вещь», безусловно представляетъ одновременно и потребительную и мѣновую цѣнность, обѣ эти цѣнности въ немъ представляютъ нѣчто цѣлое, единое, и только мы, вооруженные специфическими точками зрѣнія обособившихся самостоятельныхъ наукъ, раздваиваемъ этотъ предметъ, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ видя въ немъ объективную вещь, съ опредѣленными природными качествами, а съ точки зрѣнія политической экономіи видя въ немъ лишь выраженіе извѣстныхъ общественныхъ отношеній. На этой-то послѣдней точки зрѣнія и стоитъ экономическая наука, видя въ мѣновыхъ отношеніяхъ между вещами-товарами вещное выраженіе общественныхъ отношеній людей-товаропроизводителей.

Въ противоположность только что намѣченной отправной точкѣ зрѣнія, австрійская школа, наоборотъ, исходитъ не изъ мѣновой, а изъ потребительной цѣнности товара, не изъ его общественныхъ, а изъ природныхъ свойствъ товара, изъ анализа не общественныхъ отношеній людей въ прогрессѣ производства, а индивидуальныхъ отношеній даннаго лица къ данному товару. Такая постановка вопроса не исторична и не соціальна—она не въ состояніи намъ выяснить исторической эволюціи экономическихъ явленій, ибо индивидуальныя взаимоотношенія между человѣкомъ и вещью, удовлетворяющей одну изъ его потребностей, не измѣняются и нисколько не характеризуютъ различные фазисы общественнаго развитія.

Точно также и трудъ, какъ предметъ экономическаго анализа, представляетъ собою не простую затрату физіологической энергіи, а извѣстное общественное явленіе. И беря исходною точкою общественно-необходимый трудъ, экономическая наука вскрываетъ своимъ дальнѣйшимъ анализомъ внутренній механизмъ общества, опирающагося на частную собственность и раздѣленіе труда. И въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ съ этой точки зрѣнія проявляется не различіе индивидуальныхъ экономическихъ оцѣнокъ, а единство, цѣлостность исторически-данной организаціи производительныхъ силъ. И только при этой данной организаціи производительныхъ силъ, какъ въ вещный символъ человѣческаго труда, вещи превращаются въ товары.

Установивъ ту общую точку зрѣнія, съ которой школа Маркса подходитъ къ изслѣдованію окружающихъ явленій, авторъ переходитъ затѣмъ къ разбору чрезвычайно запутаннаго вопроса о средней нормѣ прибыли, о прибавочной цѣнности и т. д.

Разобравъ критическія возраженія Бемъ-Баверка и набросавъ общій очеркъ экономическаго міровоззрѣнія Маркса, Гильфердингъ заканчиваетъ свою статью мѣткимъ противопоставленіемъ школы Маркса и школы австрійскихъ экономистовъ. У Маркса основнымъ понятіемъ экономической науки является данная организація производительныхъ силъ общества: Эволюція экономическаго строя причинно обусловлена эволюціей производительныхъ силъ. При этомъ діалекти-

ческій ходъ развитія понятій и системъ отражаетъ собою ходъ развитія реальныхъ отношеній производства. Параллельность этихъ двухъ процессовъ и представляетъ строгое эмпирическое доказательство вѣрности теоріи. Исходной точкой анализа по необходимости является форма товара, въ которой общественныя отношенія людей принимаютъ характеръ объективнаго отношенія вещей, что и придаетъ столь мистическій видъ экономическимъ проблемамъ.

Австрійская же школа, наоборотъ, исходной точкой анализа беретъ индивидуальныя отношенія человѣка къ вещи, разсматривая эти отношенія какъ подчиненные естественному неизмѣнному закону. Австрійской школѣ остается совершенно чуждымъ пониманіе особенной закономѣрности экономическихъ явленій и ихъ соціальной закономѣрности. Эта теорія означаетъ отрицаніе экономической науки какъ самостоятельной науки.

Всѣ эти указанія Гильфердинга не новы, конечно, и въ частности у насъ въ Россіи г. Булгаковъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Науч. Обозр.», если не ошибаюсь, въ 1897 г., указывалъ на эту методологическую путаницу теорій австрійскихъ экономистовъ, на то, что они, какъ экономисты, совершаютъ самоубійство, отрицая особую закономѣрность экономическихъ явленій.

За статьей Гильфердинга слѣдуетъ статья Карнера «Соціальныя функціи правовыхъ институтовъ», гдѣ внимательно прослѣживается эволюція института частной собственности и вскрывается реальное соціальное ядро различныхъ юридическихъ институтовъ и установленій.

Наиболѣе общій интересъ представляетъ третья и послѣдняя статья—статья М. Адлера о научномъ значеніи и примѣненіи точки зрѣнія причинности и точки зрѣнія цѣлесообразности. Въ статьѣ этой затронуты всѣ общіе вопросы, связанные съ дальнѣйшей разработкой общаго философскаго міросозерцанія Маркса.

Авторъ вполнѣ основательно указываетъ на необходимость серьезной гносеологической переработки основныхъ понятій марксизма. Теорія познанія вообще составляетъ еще наименѣе законченную и наиболѣе уязвимую часть марксизма и только въ новѣйшее время стали появляться серьезныя попытки связать міросозерцаніе Маркса съ опредѣленной разработанной теоріей познанія. Авторъ далѣе совершенно справедливо подчеркиваетъ существенное различіе между характеромъ закономѣрности соціальныхъ явленій и характеромъ закономѣрности явленій естественныхъ. Классификація наукъ составляетъ совсѣмъ уже не тронутую марксизмомъ область, и, останавливая вниманіе читателей на основныхъ вопросахъ, связанныхъ съ построеніемъ классификаціи наукъ, М. Адлеръ оказываетъ очень большую услугу плодотворному дальнѣйшему развитію марксизма.

Авторъ внимательно останавливается на разныхъ теченіяхъ современной философской мысли, пытаясь ассимилировать ихъ марксизму. Нельзя только не пожалѣть, что авторъ не остановился подробно на эмпріокритицизмѣ, философской системы, на фундаментѣ которой многіе, въ особенности русскіе, послѣдователи Маркса пытаются обосновать свое міросозерцаніе.

Статья Адлера какъ нельзя лучше показываетъ, что ученики Маркса теперь все больше начинаютъ понимать философскую незаконченность, недодѣланность системы своего учителя и отсюда необходимость серьезной обработки и переработки философскихъ основъ марксизма. Тѣ философскія основы, на которыхъ исторически возникъ и выросъ марксизмъ, не могутъ быть въ настоящее время приняты цѣликомъ, хотя, какъ вполнѣ справедливо указываетъ Адлеръ, уже у самого Маркса мы можемъ найти зародыши современныхъ философскихъ идей критическаго реализма.

Въ общемъ лежащій передъ нами первый томъ серіи монографій, посвященныхъ Марксу, производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Авторы одинаково

далеки и отъ ортодоксальной нетерпимости, и отъ легкомысленной погони за самоновѣйшими теченіями, они стремятся къ дальнѣйшему обоснованію и развитію марксизма, къ ассимилированію ему новѣйшихъ прочныхъ завоеваній человѣческой дѣятельности и человѣческой мысли. *П. Б—инъ.*

Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. Изданіе «Посредника» (для интеллигентныхъ читателей). М. 1904 г. Стр. 115. Ц. 60 к. Непритязательный разсказъ рабочаго о личныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ надъ фабричной жизнью можетъ иногда пролить больше свѣта на соціальныя проблемы, чѣмъ многіе томы кабинетно-научныхъ измышленій и статистическихъ таблицъ. Въ «Русскомъ Богатствѣ» за прошлый годъ были помѣщены записки рабочаго, подъ заглавіемъ «Заводскія будни», которыя смѣло можно признать цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу рабочаго вопроса, болѣе цѣннымъ, чѣмъ многія и многія ученыя сочиненія. Авторъ новой книги, изданной фирмой «Посредникъ», Алланъ Кларкъ, тоже бесѣдуетъ съ читателемъ, какъ бывшій рабочій, желающій подѣлиться личными наблюденіями, личными впечатлѣніями и настроеніями. Но, къ сожалѣнію, личнымъ наблюденіямъ удѣлено въ его книжкѣ слишкомъ мало мѣста, а личному чувству—слишкомъ много. У автора очень хорошія намѣренія: онъ ненавидитъ современную фабричную жизнь, требуетъ облегченія участи фабричныхъ рабочихъ, особенно женщинъ и дѣтей, а въ качествѣ радикальнаго средства противъ золъ фабричной системы предлагаетъ полное ея уничтоженіе и возвращеніе къ патріархальному земледѣльческому быту. Книжкѣ вредитъ не то, что авторъ ея предается несбыточнымъ мечтамъ, а то, что онъ не умѣетъ найти необходимыхъ границъ между правами мечтателя. обязанностями добросовѣстнаго изслѣдователя и задачами учителя-реформатора. Личнымъ наблюденіямъ, какъ уже сказано, удѣлено не много мѣста. Большая же часть книги наполнена нравоучительными разсужденіями и историко-статистическимъ матеріаломъ изъ различныхъ источниковъ; матеріалъ этотъ подобранъ безъ системы, безъ критической провѣрки и носитъ случайный характеръ. Большая часть приводимыхъ авторомъ свѣдѣній относится къ фабрикамъ Ланкашира. Цѣль статистическихъ доказательствъ автора—доказать гибельныя послѣдствія фабричной системы въ Ланкаширѣ. Но эта цѣль плохо достигается, потому что самъ авторъ не отдаетъ себѣ отчета, съ чѣмъ именно онъ сравниваетъ свой родной Ланкаширъ. Сообщается, напримѣръ, что ростъ мальчиковъ въ фабричныхъ городахъ Ланкашира «на три-четыре дюйма ниже средняго уровня» (76). А что подразумѣвается подъ «среднимъ уровнемъ», объ этомъ умалчивается: читателю предоставляется самому угадывать, имѣется ли тутъ въ виду ростъ мальчиковъ въ Ланкаширѣ вообще (со включеніемъ сельскаго населенія) или въ другихъ городахъ Англіи, или во всей Англіи вообще. Авторъ безусловно правъ, когда говоритъ, что «цифры даютъ самое слабое представленіе объ отвратительной истинѣ. На таблицахъ нельзя изобразить блѣдныя лица, плохое здоровье, головныя боли» (67). Это справедливо даже относительно научно обработаннаго и добросовѣстно провѣреннаго статистическаго матеріала. Тѣмъ менѣе пригодна для изображенія «отвратительной истины» диллетантская игра въ статистику. Что же касается нравоучительныхъ разсужденій автора, то они подкупаютъ своей искренностью, но иногда вызываютъ и довольно жалкое впечатлѣніе излишней претенціозностью. Напримѣръ: «Маленькій корсиканскій пѣтухъ, Наполеонъ, сдѣлался, между прочимъ, косвеннымъ образомъ, отвѣтственнымъ за новѣйшую фабричную систему» (16). «Мы гораздо человѣчнѣе относимся къ нашему скоту, чѣмъ къ нашимъ женщинамъ» (65). «Ни одинъ дикій звѣрь не обращается со своими дѣтенышами

такъ, какъ обращаются со своими дѣтьми отцы и матери въ Ланкаширѣ» (75).

При всѣхъ своихъ недостаткахъ книжка Кларка читается съ интересомъ и можетъ быть полезной. Русскимъ чатателямъ, болѣе знакомымъ съ политической стороной рабочаго вопроса на Западѣ, чѣмъ съ внутреннимъ міромъ западно-европейскихъ рабочихъ, полезно будетъ услышать живую рѣчь рабочаго-энтузіаста, котораго взгляды такъ плохо укладываются въ обычныя у насъ формулы и подраздѣленія. А. Кларкъ жестоко нападаетъ и на капиталистовъ, и на своихъ товарищей-рабочихъ. Онъ выноситъ обвинительный приговоръ всему существующему строю, но ждетъ спасенія не отъ переворота и не отъ классовой борьбы, а отъ распространенія болѣе здравыхъ понятій среди всѣхъ классовъ населенія. Своихъ товарищей онъ упрекаетъ и въ консерватизмѣ, и въ классовомъ эгоизмѣ: съ одной стороны, рабочіе, по мнѣнію Кларка, слишкомъ довѣрчиво относятся къ капиталистамъ и къ существующему порядку (стр. 96), съ другой—ихъ борьба за лучшія условія труда носитъ узко-эгоистическій характеръ. «Трэдъ-юніонизмъ», по словамъ А. Кларка — «коллективный эгоизмъ... То же самое можно сказать и про кооперативныя движенія...» (98). «Цѣли чартистовъ были гораздо шире и великодушнѣе... чартисты... были люди съ извѣстными идеалами: они любили природу, поэзію, философію и мечтали о счастьи всего міра въ единодушной братской любви...» (тамъ же). Упреки Кларка своимъ товарищамъ не носятъ, однако, злобно-обличительнаго характера, ибо причину зла онъ видитъ въ фабричной системѣ, убивающей въ рабочихъ не только тѣло, но и душу. И даже страстныя нападки на фабричную систему смягчаются многочисленными оговорками, которыя, очевидно, диктуются автору добросовѣстностью и живой любовью къ людямъ. Такъ, онъ неоднократно указываетъ, вступая въ явное противорѣчіе со своими излюбленными теоріями—на улучшенія, происшедшія въ послѣднее время въ ненавистной ему фабричной жизни (35, 82, 100, 115), и допускаетъ, что дальнѣйшія улучшенія могутъ быть достигнуты и при сохраненіи фабричной системы (103). И увѣряя, что «Англія теряла свою душу по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтала золото» (18), онъ въ другомъ мѣстѣ успокаиваетъ читателя слѣдующими поэтическими строками: «Я люблю мой народъ за ослабѣвшую, но не умершую добродѣтель, которая у многихъ силится пробиться, какъ пробивается травка и цвѣты изъ-подъ покрытыхъ пепломъ рельсъ желѣзной дороги, за тѣ душевныя свойства, которыя, не взирая на привитый фабричною жизнью эгоизмъ, выражаются въ добротѣ и состраданіи къ ближнимъ, за способность жертвовать собой ради общаго блага и, наконецъ, за юмористическій духъ, отъ котораго я ожидаю въ будущемъ очень многаго» (104).

Предисловіе академика И. Янжула, въ которомъ дается краткое изложеніе и критика сочиненія А. Кларка, заканчивается указаніемъ на несбыточность мечтаній автора, на невозможность для Англіи «вернуться опять къ земледѣльческой идилліи добраго стараго времени». Къ этимъ словамъ издатели присоединили оговорку отъ своего имени, въ которой выражаютъ свое несогласіе съ г. И. Янжуломъ. Намъ кажется, что вмѣсто этого двухголоснаго «pro domo sua» полезнѣе было бы помѣстить въ предисловіи болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Кларка. Самъ онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: «Я убѣжденъ, что сѣверный фабричный народъ, который плакалъ и смѣялся, читая мои скромные разсказы, который вырѣзывалъ изъ газетъ мои стихотворенія и баллады, затверживая наизусть мои юмористическіе очерки на мѣстномъ діалектѣ, чьи дѣти забавлялись многіе годы моими сказками,—тотъ народъ не возненавидитъ своего вѣрнаго, доброжелательнаго сотоварища, отецъ и мать котораго работали, а братья и сестры и до сихъ поръ работаютъ

на фабрикѣ, за то, что онъ раскрываетъ передъ ихъ глазами истину и молится о ихъ спасеніи» (113). Если вѣрить этимъ словамъ, нашъ авторъ соединилъ въ себѣ качества плохого экономиста и хорошаго поэта. *А. Рыкачевъ* *).

Генрихъ Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к. Книга г. Дюмолара даетъ много интересныхъ данныхъ о томъ, что представляетъ собой въ настоящее время Японія, эта мало извѣстная и мало понятная для европейцевъ страна. На протяженіи жизни одного поколѣнія какимъ-то непостижимымъ образомъ это, на первый взглядъ, типичное восточное государство, не знакомое Европѣ и не желавшее знать ее, заняло мѣсто на ряду съ крупными европейскими державами. Невольно рождается вопросъ, что же дало ей право на именованіе культурной страной, въ европейскомъ смыслѣ слова? И если она, дѣйствительно, имѣетъ его, какимъ чудомъ завоевала она его въ какихъ-нибудь 40 лѣтъ? Г. Дюмоларъ собралъ много матеріала для отвѣта на первый вопросъ. Второй остается совершенно не затронутымъ въ его работѣ, и даже болѣе, по прочтеніи его книги, онъ выступаетъ еще настоятельнѣе, становится еще непонятнѣе.

На протяженіи 323 страницъ небольшого формата г. Дюмоларъ развертываетъ передъ нами картину того, что достигнуто Японіей въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ политической, экономической и соціальной области. И нельзя сказать, чтобы картина получалась черезчуръ поверхностная. Наоборотъ, множество фактовъ, цифръ, статистическихъ таблицъ даютъ читателю возможность самому оцѣнивать тотъ матеріалъ, съ которымъ оперируетъ авторъ. Это очень облегчаетъ пользованіе книгой и дѣлаетъ честь добросовѣстности г. Дюмолара, тѣмъ болѣе, что сообщаемые имъ факты очень часто могутъ привести непредубѣжденнаго читателя къ выводамъ совершенно обратнымъ тѣмъ, какіе дѣлаетъ авторъ.

Наиболѣе интересной и, пожалуй, наиболѣе фантастичной въ изложеніи г. Дюмолара представляется картина промышленнаго роста Японіи въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. «Въ области промышленности, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, японскимъ народомъ за послѣднія 15—20 лѣтъ затрачена масса труда.—Такъ заключаетъ г. Дюмоларъ свою главу о торговомъ

---

*) ПОПРАВКА. Въ мартовской книжкѣ „Міра Божія“, въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“, на стр. 118 (отзывъ о книгѣ „Періодическая печать на Западѣ“) пять строчекъ (12—16 стр. сверху) попали не на свое мѣсто. Нужно читать это мѣсто такъ:

„Авторы не устанавливаютъ различіе между такими недостатками печати, за которые отвѣтственна сама печать, сами журналисты, и такими, за которые отвѣтственность падаетъ на общество, на правительство, на внѣшнія обстоятельства,—всѣ недостатки смѣшиваются въ одну кучу и читатель не знаетъ, кого за нихъ винить и отъ кого ждать помощи въ будущемъ. Сами авторы, не задумываясь надъ отвѣтственностью журналистовъ, склонны преувеличивать значеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и окружающей среды. Можно, пожалуй, сказать, что такая точка зрѣнія—самая естественная для русскаго публициста, ибо въ Россіи внѣшнія обстоятельства, дѣйствительно, играютъ совершенно исключительную роль. Но чѣмъ тяжеле бремя внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣмъ интенсивнѣе должна бы идти внутренняя работа и тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ заслуги и грѣхи самой журналистики. И въ разбираемомъ „Сборникѣ“ признается, что «въ силу особыхъ условій, на нашей прессѣ лежитъ гораздо болѣе всеобъемлющая и отвѣтственная роль, чѣмъ на европейской или американской прессѣ“ (33). Если такъ, то русскимъ публицистамъ менѣе всего пристало успокаиваться на дешевыхъ соціологическихъ обобщеніяхъ, гласящихъ, что пресса—зеркало общества, что нечего обществу на зеркало пенять, что недостатки прессы суть недостатки всего общества или всего современнаго строя. А между тѣмъ, почти всѣ статьи „Сборника“ проникнуты желаніемъ свалить грѣхи журнализма на голову все того же пресловутаго „капитализма“.

А. Р.

и промышленномъ развитіи Японіи.—Но не слѣдуетъ преувеличивать достигнутыхъ результатовъ... Активъ японской промышленности заключается только въ дешевизнѣ рабочихъ рукъ. Но и тутъ надо замѣтить, что заработная плата повышается вмѣстѣ съ повышеніемъ стоимости жизни, которая увеличивается съ каждымъ днемъ. Пассивъ же ея гораздо больше. Онъ состоитъ въ отсутствіи капиталовъ, въ ужасныхъ нравахъ, укоренившихся въ торговлѣ, плохомъ качествѣ рабочихъ рукъ, недостаткѣ технической опытности управленія и т. п.». Въ другомъ мѣстѣ г. Дюмоларъ выражается еще сильнѣе: «Въ концѣ концовъ,—говоритъ онъ,—на фабрикахъ нѣтъ ни способныхъ директоровъ, ни мастеровъ, ни даже рабочихъ». Но и то, и другое говоритъ самъ г. Дюмоларъ. Посмотримъ теперь, что говорятъ приводимыя имъ цифры. Въ 1872 г. началась въ Японіи постройка желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время страна имѣетъ 3.600 миль уже эксплоатируемыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Не надо при этомъ забывать относительно небольшую территорію Японіи (363.000 квадратныхъ километровъ) и ея островной характеръ, вслѣдствіе чего особенное значеніе имѣютъ тамъ пароходные пути сообщенія. Торговый флотъ Японіи достигъ за это же время очень внушительныхъ размѣровъ. Его грузоспособность достигаетъ до 500.000 тоннъ. Размѣры внѣшней торговли Японіи выражались въ 1901 г. въ слѣдующихъ цифрахъ: ввозъ Японіи въ іенахъ *) равнялся 327.435.401, вывозъ—181.123.214. При этомъ вывозъ продуктовъ обрабатывающей промышленности, занимаетъ въ торговлѣ страны все больше мѣста по отношенію къ вывозу сырья. Въ настоящее время продукты японской промышленности составляютъ уже 80% всего вывоза страны. Соотвѣтственно съ этимъ уменьшается количество ввозимыхъ продуктовъ иностранной промышленности. Еще въ 1890 г. они составляли 87% всего ввоза. Въ 1901 г. процентъ этотъ упалъ уже до 62. И та и другая цифра ясно указываютъ на быстрый ростъ національной промышленности въ странѣ. То же самое подтверждаютъ и цифры, касающіяся размѣровъ роста отдѣльныхъ отраслей промышленности Японіи. Такъ, хлопчато-бумажная промышленность, развившаяся тамъ въ самое послѣднее время, въ настоящее время приняла уже очень значительные размѣры. Ею занимаются 70 промышленныхъ компаній, на фабрикахъ работаетъ около $1^1/_2$ милліоновъ веретенъ, вырабатывающихъ 34.723.113 кванъ, т.-е. около 125 милліоновъ килограммовъ хлопчато-бумажной пряжи. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ, во множествѣ разсѣянныхъ въ книгѣ г. Дюмолара и ясно доказывающихъ, какихъ громадныхъ результатовъ достигла крупная японская промышленность, не существовавшая еще до 1870 г. Остановимся только еще на одномъ пунктѣ. Мы уже указывали ранѣе, что единственнымъ преимуществомъ японской промышленности г. Дюмоларъ считаетъ дешевизну рабочихъ рукъ. Не будемъ говорить уже о сомнительной цѣнности такого преимущества, во всякомъ случаѣ авторъ самъ отмѣчаетъ, что за послѣдніе годы оно все убываетъ, такъ какъ заработная плата имѣетъ очевидную тенденцію возрастать. Благодаря своей обычной цифровой добросовѣстности, г. Дюмоларъ приводитъ въ доказательство этого большую таблицу, показывающую сравнительные размѣры поденной платы рабочимъ въ 30-ти различныхъ видахъ промышленности за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Оказывается, поденная плата за послѣдніе четыре года возросла, въ среднемъ, на 10 сенъ. Прибавка за такой короткій срокъ, дѣйствительно, очень значительная. Не можемъ только согласиться съ г. Дюмоларомъ въ оцѣнкѣ этого факта. Намъ кажется, что ростъ заработной платы, независимо отъ его абсолютной желательности, служитъ несомнѣнно положительнымъ симптомомъ для японской промышленности.

*) Іена немногимъ меньше 1 рубля; сена—около копейки.

*

Вообще японскій рабочій, такъ недавно выступившій на арену фабричнаго труда, представляетъ уже теперь,—по словамъ г. Дюмолара, — значительную силу, съ которой приходится очень и очень считаться предпринимателямъ. «Движеніе расширяется съ каждымъ днемъ: образуются рабочія ассоціаціи, принципъ кооперації завоевываютъ себѣ все новыхъ и новыхъ приверженцевъ, бюро труда основываются на каждомъ шагу и для самыхъ разнообразныхъ разрядовъ пролетаріата. Въ одномъ только Токіо ихъ сотни... Возьмемъ одинъ изъ союзовъ, одинъ изъ самыхъ слабыхъ,—союзъ носильщиковъ. Въ одномъ Токіо онъ имѣетъ 60.000 членовъ» (стр. 185, 186). Нѣсколько страннымъ поэтому являются постоянныя соболѣзнованія г. Дюмолара по поводу ужаснаго положенія японскаго рабочаго новаго времени, которое онъ противопоставляетъ безпечальной жизни японскаго простолюдина до 1868 г. «Одно и тоже поколѣніе, — пишетъ г. Дюмоларъ, — могло знать и жизнь до реставрації 1868 г.—простую, монотонную, но спокойную и въ достаткѣ, и лихорадочное существованіе настоящаго времени, съ новыми нуждами, страстями, эгоизмомъ и необузданною ненавистью. И если,—какъ говоритъ Данте,—«воспоминаніе о счастливыхъ временахъ самое тяжелое изъ страданій несчастныхъ», то каковы же должны быть мученія и озлобленіе этихъ паріевъ японской промышленности». Не знаемъ, на сколько эпитетъ паріевъ подходитъ къ теперешнимъ японскимъ рабочимъ, но думаемъ, что врядъ ли они испытываютъ особыя муки при воспоминаніи о своемъ прежнемъ блаженствѣ. Блаженство это, даже по немногимъ даннымъ весьма благосклоннаго къ тому счастливому времени автора, представляется довольно-таки сомнительнымъ. Сельскохозяйственные рабочіе, составлявшіе въ ту эпоху большинство, находятся въ наихудшемъ положеніи изъ всѣхъ рабочихъ. «Земледѣльческіе рабочіе-мужчины зарабатываютъ въ общемъ три коку *) риса въ годъ. За это вознагражденіе они работаютъ цѣлый годъ и имѣютъ только нѣсколько полудней отдыха во время большихъ праздниковъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имъ разрѣшается провести часть января мѣсяца въ своихъ семьяхъ. 1-го февраля они должны вернуться къ своимъ хозяевамъ; это они называютъ — «вернуться къ чорту въ лапы». Что касается положенія ремесленниковъ до реставрації, то о немъ мы не находимъ въ книгѣ г. Дюмолара никакихъ данныхъ. Только одна маленькая черточка позволяетъ намъ предположить, что оно было все-таки довольно далеко отъ райскаго блаженства. Въ примѣръ прекрасныхъ, истинно-патріархальныхъ отношеній, господствовавшихъ среди этихъ ремесленниковъ, онъ приводитъ положеніе ремесленныхъ учениковъ. «Въ первые годы ученичества его обязанности заключались, главнымъ образомъ, въ уборкѣ дома, магазина или мастерской и въ исполненіи порученій... 13-ти лѣтъ ученикъ дѣлался такъ называемымъ hanning-mayé, т.-е. получеловѣкомъ... Вмѣстѣ съ своими младшими товарищами онъ продолжалъ исполнять домашнія работы, но въ то же время начиналъ изучать ремесло. Ученикъ дѣлался настоящимъ рабочимъ только тогда, когда онъ давалъ доказательство своей профессіональной ловкости». Трудно предположить, чтобы при такихъ условіяхъ это происходило особенно скоро. И вообще подобныя условія ученичества, хотя они и дѣйствительно патріархальны, едва ли можно считать особенно завидными.

Къ политическому строю Японіи авторъ относится крайне неодобрительно. «Что касается ея внутренняго положенія, будемъ ли мы разсматривать его съ точки зрѣнія политической или экономической,—оно то же далеко не блестяще», говоритъ онъ. «Что особенно господствуетъ надъ всѣмъ,— замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—это несомнѣнно появленіе новой, до сихъ поръ неизвѣстной расы людей—расы политикановъ. Невѣжественные, тщеслав-

*) Коку—около 11 пудовъ.

ные, подкупные до послѣдней степени, японскіе политиканы являются блестящими представителями теперешняго порядка вещей» (стр. 41). Но нѣсколько ниже мы находимъ утвержденіе, которое довольно трудно согласить съ приведенными только что словами. «Указавъ на то, что преувеличено въ изображеніи роста Японіи, нельзя, однако, усомниться, что успѣхи ея на пути прогресса за послѣднія нѣсколько лѣтъ все же весьма значительны; и надо, не колеблясь, признать, что наибольшей долей этого успѣха страна обязана своему правительству, которое безпрестанно поощряло и способствовало этому успѣху своей денежной поддержкой. И въ самомъ дѣлѣ всѣ отдѣльныя части японской администраціи съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за прямымъ или косвеннымъ улучшеніемъ промышленныхъ знаній народа и заботятся о развитіи внѣшней торговли страны. Министерство земледѣлія и торговли имѣетъ главной задачей направить всѣ свои усилія въ эту сторону, но и всѣ другія вѣдомства не упускаютъ ни малѣйшей возможности быть полезными странѣ въ этомъ направленіи... Почта и телеграфъ функціонируютъ очень правильно и дешево; наконецъ благодаря усиліямъ правительства въ странѣ часто устраиваются промышленныя выставки» (стр. 134). Такимъ образомъ шайка политикановъ, захватившая въ свои руки все политическое вліяніе, не мѣшаетъ все-таки правительству выполнять свои функціи. Если оно тѣмъ не менѣе плохо достигаетъ своихъ цѣлей, то виновато тутъ не оно, и даже не подкупные политиканы, а сама нація. «Въ общемъ правительство самымъ добросовѣстнымъ образомъ, дѣлаетъ все отъ него зависящее, и если, несмотря на все это японцы еще далеки отъ конечной цѣли своихъ вожделѣній, то въ этомъ они должны винить самихъ себя, свои собственные недостатки, которые почти всегда дѣлаютъ изъ нихъ плохихъ работниковъ, неумѣлыхъ организаторовъ и сомнительныхъ торговцевъ» (стр. 135). Съ нѣкоторымъ удивленіемъ послѣ этого категорическаго утвержденія мы читаемъ на страницѣ 234 слѣдующія слова: «Въ области мирной политики Японія быстро шла впередъ. Эксплоатація экономическихъ богатствъ страны совершалась если и не совсѣмъ необходимымъ въ этомъ дѣлѣ благоразуміемъ и осторожностью, то съ изумительнымъ увлеченіемъ и рвеніемъ. Причинъ этого поразительнаго прогресса слѣдуетъ искать въ стремленіи всего японскаго народа вывести Японію изъ ея полуцивилизованнаго состоянія... Это стремленіе объединяло весь народъ—отъ простого крестьянина до важнаго сановника—будило народныя силы, двигало націю по пути прогресса и цивилизаціи. Японцы съ удивительной энергіей добивались осуществленія своихъ цѣлей».—Чему же вѣрить?

Японская образованность тоже встрѣчаетъ въ г. Дюмоларѣ очень суроваго критика. Въ прежнія времена по его словамъ образованіе было очень широко распространено въ Японіи и его благами пользовались не только высшіе классы, но и большинство народа. Реставрація 1868 года, совершенно разрушила прежнюю систему воспитанія. Не входя въ оцѣнку сравнительныхъ достоинствъ старой и новой системъ, для чего работа г. Дюмолара не дастъ данныхъ, позволимъ себѣ привести только нѣсколько цифръ относительно развитія народнаго образованія за самые послѣдніе годы. Въ 1897 году общее количество народныхъ школъ въ Японіи равнялось 25.375. Въ 1901 году ихъ—28.404. Число учащихся въ нихъ въ 1897 году было 3.285.710; въ 1901 году—4.030.973. Наконецъ, процентное отношеніе дѣтей обоего пола, посѣщающихъ школу, ко всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста въ 1897 году было 55,14; въ 1901 году—64, 22. За двадцать же послѣднихъ лѣтъ этотъ процентъ для мальчиковъ повысился съ 40 до 79 и для дѣвочекъ съ 15,5 до 47,5. Въ доказательство неудовлетворительной постановки народныхъ школъ г. Дюмоларъ приводитъ чрезвычайно низкіе размѣры учительскаго жалованья. Дѣйствительно, на взглядъ европейца они просто изумительны, въ среднемъ, если

рить автору, около 1' іенъ, т.-е. около 9 рублей. Не надо, конечно, забывать, что жизнь въ Японіи до сихъ поръ все-таки несравненно дешевле чѣмъ въ Европѣ. И министры въ Японіи получаютъ на нашъ взглядъ весьма скромное жалованье не выше 6.000 іенъ, т.-е. около 6.000 рублей. Отъ старой системы образованія новая Японія унаслѣдовала только свой ужасный алфавитъ. Какъ извѣстно, тамъ и до сихъ поръ господствуетъ китайская система письма, при которой ученику приходится запоминать тысячи отдѣльныхъ знаковъ. Это особенно затрудняетъ тамъ при печатаніи газетъ. Наборщикамъ приходится орудовать съ 9 или 10 тысячами значковъ. Удивительно даже, какъ при такихъ условіяхъ могла до такой степени развиться тамъ періодическая печать. Въ настоящее время въ Японіи по словамъ г. Дюмолара насчитывается до 1.500 періодическихъ изданій, изъ нихъ 400 ежедневныхъ газетъ. И стоимость этихъ газетъ очень низка отъ 20 до 50 сенъ въ мѣсяцъ или въ среднемъ около копейки за отдѣльный номеръ.

Вотъ эти-то любопытныя данныя, во множествѣ сообщаемыя г. Дюмоларомъ, и дѣлаютъ его книгу цѣнной, несмотря на значительныя противорѣчія, встрѣчающіяся въ ней, и на явную односторонность автора. Если резюмировать вкратцѣ его характеристику Японіи и японцевъ, то получится нѣчто въ родѣ слѣдующаго: народъ въ Японіи невѣжественъ, неспособенъ и лѣнивъ, торговый классъ недобросовѣстенъ и лживъ, образованные слои склонны къ грубому подражанію и тоже невѣжественны, а во главѣ—кучка подкупныхъ политикановъ. Какимъ же чудомъ, повторимъ, достигла Японія того изумительнаго прогресса, для доказательства котораго г. Дюмоларъ собралъ въ своей книгѣ такой богатый матеріалъ?

Что касается перевода и изданія, то не можемъ не отмѣтить, что и то, и другое сдѣлано, видимо, торопливо и нѣсколько небрежно. Встрѣчаются ошибки и опечатки, искажающія смыслъ. Такъ, въ таблицѣ на стр. 153 вмѣсто сенъ всюду фигурируютъ іены, разница получается довольно существенная, такъ какъ сена немного меньше копейки, іена же около рубля. На стр. 208 мы читаемъ: «японскіе учащіеся имѣютъ невѣроятно легкую и загроможденную память». Оборотъ самъ по себѣ довольно странный и, кромѣ того, во французскомъ текстѣ ничего подобнаго слову «загроможденная» нѣтъ. Тамъ сказано: «les écoliers japonais ont une facilité de memoire inoïe et deconcertante», т.-е. «обладаютъ неслыханной и приводящей въ смущеніе легкостью памяти». Такихъ ошибокъ и опечатокъ разсѣяно на страницахъ русскаго изданія не малое количество. *Т—а Б—чъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦИНА.

В. Раевскій. „Ботаническія экскурсіи".—*А. Уоллесъ.* „Научныя и соціальныя изслѣдованія".—*А. Додель.* „Жизнь и смерть".—*А. Зауэръ.* „Минералогическій атласъ".—*Д-ръ мед. Молль.* „Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности".

В. Раевскій. Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми. Москва. 1902 г. Цѣна 2 р. въ папкѣ. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу посвящаетъ эту книгу ботаническихъ экскурсій авторъ. Изданіе К. И. Тихомирова. «Обращаюсь къ вамъ, имѣющимъ дѣтей, читатель или читательница... вы, можетъ быть, холостой человѣкъ или дѣвица, но—учитель или учительница? тогда все равно, у васъ есть значитъ дѣти...»

Такой не вполнѣ складной фразой начинается предисловіе къ книжкѣ,

заглавіе и посвященіе которой мы выписали. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсужденіямъ о томъ, какъ и чѣмъ занять дѣтей, чтобы, съ одной стороны, имъ не было скучно, а съ другой—чтобы они не обратились въ подобіе — даже «подобіе»—«уличныхъ мальчишекъ». Свои мысли объ этомъ предметѣ авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на европейскіе авторитеты—Бертло, «бывшій министромъ народнаго просвѣщенія во франціи» (поясняетъ авторъ), Джемсъ Селли (не былъ министромъ, но произведенія его въ русскомъ переводѣ были изданы тою же фирмой К. И. Тихомирова, что и разсматриваемая нами книга), проф. Тимирязева и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти авторитеты согласны съ авторомъ, хотя ни одинъ изъ нихъ ничего не говоритъ про «уличныхъмальчишекъ...»

Отъ этихъ авторитетовъ составитель переходитъ къ существующей популярной ботанической литературѣ, перечисляетъ нѣсколько сочиненій, пропустивъ еще большее ихъ число, и приходитъ къ выводу, что «*дѣтской* книжки—нѣтъ... т.-е. такой дѣтской книжки, которую можно было бы... руководителю прогулокъ примѣнить къ дѣлу на мѣстѣ». На нашъ взглядъ, для «руководителя» нужна книжка не дѣтская, а именно одна изъ названныхъ авторомъ или, скорѣе, изъ числа имъ пропущенныхъ...

Не будемъ останавливаться на остальныхъ частяхъ «предисловія»; оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, почему разсматриваемая книга не называется «маленькій ботаникъ» или «*прогулки* съ дѣтьми за растеніями». Пропустимъ и главу «вмѣсто предисловія дѣтямъ», перейдемъ прямо къ экскурсіямъ. Всѣхъ экскурсій 35.

Въ первой экскурсіи рекомендуется отправиться въ лѣсокъ и найти два цвѣтка (т.-е. растенія, хочетъ сказать авторъ): первоцвѣтъ и чистотѣлъ. Ну, чистотѣлъ, можетъ быть, лучше искать не въ лѣсочкѣ, а гдѣ-нибудь на сорныхъ мѣстахъ, но это не важно. Затѣмъ, по указанію автора, надо «усѣсться гдѣ-нибудь поуютнѣе, поудобнѣе, подъ тѣнью какого-нибудь дерева или куста»; затѣмъ ужъ надо изслѣдовать собранныя растенія, или, какъ совершенно неправильно выражается авторъ, «произвести анатомію» цвѣтка...

Можно было бы думать, что авторъ дастъ указанія, какъ *опредѣлить* эти растенія, какъ узнать ихъ названія, но этого въ оглавленіи экскурсіи 1-ой мы не видимъ; авторъ ограничивается указаніями, какъ *засушить* растенія эти для гербарія, и въ концѣ прилагаетъ образецъ ярлычка, какой должно, по мнѣнію автора, приложить къ засушенному растенію, на ярлычкѣ этомъ какъ разъ нѣтъ важнѣйшихъ данныхъ растеній—нѣтъ его научнаго названія и нѣтъ мѣстонахожденія, такъ что приведенный ярлычокъ можетъ служить лишь образцемъ того, какъ не слѣдуетъ писать ярлычковъ.

Было бы утомительно останавливаться на всѣхъ замѣченныхъ нами недосмотрахъ въ отдѣльныхъ «экскурсіяхъ». Нѣкоторыя вещи, однако, совершенно невозможно пройти молчаніемъ.

Въ экскурсіи 3-ьей авторъ даетъ странныя и совершенно ненужныя указанія для составленія какого-то «ботаническаго альбома».

Въ экскурсіи 8-ой авторъ называетъ всѣ цвѣтки безъ завязи—*пустоцвѣтомъ*...

Въ экскурсіи 11-ой авторъ сообщаетъ удивительныя свѣдѣнія о процессѣ оплодотворенія у растеній. Впрочемъ, авторъ называетъ этотъ процессъ «чудомъ» (стр. 30) и потому, конечно, здѣсь у него своя точка зрѣнія. Но все-таки слѣдовало бы ознакомиться хотя съ популярной («не дѣтской») литературой по этому вопросу.

Въ экскурсіи 17-ой начинается поэзія: здѣсь по поводу васильковъ приводится двустишіе какого-то «древняго поэта»:

„Вѣйте вѣнки изъ колосьевъ златистыхъ
Да не забудте ціанъ голубыхъ“ (стр. 51).

«Ціаны—это и есть именно васильки», поясняетъ намъ авторъ. Я долженъ сознаться въ своемъ невѣжествѣ и не знаю, каково имя этого «древняго поэта», есть ли это Вергилій или Анакреонъ. Странно, однако, слѣдующее обстоятельство: тѣ же самые стихи напечатаны въ этой книгѣ и еще разъ (на стр. 183), но тамъ они подписаны «(Авт.)», т.-е. г. Раевскій приписываетъ ихъ себѣ. Интересно было бы выяснить, гдѣ же истина, есть ли г. Раевскій, дѣйствительно, «древній поэтъ», или что этотъ сонъ вообще означаетъ?

Однако, довольно объ отдѣльныхъ экскурсіяхъ. За ними слѣдуютъ еще опытъ опредѣленія растеній по таблицамъ—таблица родовъ семействъ мотыльковыхъ таблицы видовъ клевера и гречихи, таблицы для опредѣленія тѣхъ растеній, которыя изображены на приложенныхъ къ книгѣ крашеныхъ рисункахъ.

Всѣ эти таблицы являются, на нашъ взглядъ, совершенно ненужнымъ балластомъ въ книгѣ, которая, въ общемъ, не представляетъ изъ себя *опредѣлителя* растеній.

На этомъ, однако дѣло, еще не кончается. «Вмѣсто заключенія» авторъ даетъ еще цѣлый, отдѣлъ «поэтическіе моменты прогулокъ»—длинный рядъ различныхъ стихотвореній разнообразныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, стихотвореній, въ которыхъ воспѣваются красоты природы; нѣкоторыя изъ поэтическихъ произведеній, повидимому, принадлежатъ автору книги, по крайней мѣрѣ, подписаны «(авт.)», въ другихъ же, написанныхъ Пушкинымъ, Жуковскимъ и др. поэтами, авторъ сдѣлалъ всѣ необходимыя измѣненія, исправленія и дополненія. Въ концѣ приложены ноты для пѣнія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ стихотвореній.

Нашъ отзывъ слишкомъ затянулся, но мы считали своимъ долгомъ отмѣтить хотя бы нѣкоторыя изъ слабыхъ сторонъ книги, которая, опасаемся, однимъ вселить рядъ невѣрныхъ свѣдѣній по ботаникѣ, а у другихъ отобьетъ всякій къ ней интересъ. *Б. А. Федченко.*

Научныя и соціальныя изслѣдованія Альфреда Уоллеса. Въ 2-хъ томахъ. Томъ I-ый съ 89 рисунками и картой. Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Цѣна 1 р. 75 к. 514 стр. Альфредъ Уоллесъ (род. въ 1822 г.)—знаменитый англійскій естествоиспытатель, является однимъ изъ тѣхъ послѣднихъ могиканъ естествоиспытателей-энциклопедистовъ, передъ геніальной разносторонностью, удивительной энергіей и колоссальнымъ трудолюбіемъ которыхъ современный ученый останавливается съ какимъ-то благоговѣйнымъ удивленіемъ. Какъ могъ сдѣлать столько одинъ человѣкъ, какъ могъ онъ работать заразъ въ столькихъ научныхъ областяхъ, собрать столько новыхъ фактовъ и освѣтить, связать ихъ оригинальными теоріями и гипотезами—невольно думается, когда читаешь Дарвина или Уоллеса. Они были и географами, и геологами, и ботаниками, и зоологами, и этнографами, они разрабатывали самые общіе вопросы біологіи, а Уоллесъ занимался даже и соціальными изслѣдованіями.

Книга Уоллеса, заглавіе которой мы привели выше, появилась на англійскомъ языкѣ въ 1900 году и представляетъ собою сборникъ статей, помѣщавшихся авторомъ въ теченіе 35 лѣтъ (главнымъ образомъ въ девяностыхъ годахъ) въ различныхъ англійскихъ журналахъ. 1-й томъ, появившійся въ русскомъ переводѣ въ концѣ прошлаго года, раздѣленъ на 23 главы и заключаетъ статьи по физической географіи и геологіи (главнымъ образомъ по ледниковому періоду), по описательной зоологіи (обезьяны, мимикрія у насѣкомыхъ), по географіи растеній и животныхъ; центральная часть сборника посвящена вопросамъ эволюціи (пять главъ), три главы—антропологіи (полинезійцы; Новая Гвинея и ея обитатели; родство и происхожденіе австралійской и полинезійской расъ); въ послѣднихъ двухъ статьяхъ авторъ занимается проблемами инстинкта и человѣческаго подбора.

Всѣ статьи являются результатомъ, главнымъ образомъ, собственныхъ наблюденій Уоллеса и полны интересныхъ фактовъ и оригинальныхъ мыслей; несмотря на это, изложеніе общедоступное, языкъ образный, яркій и простой. Рѣдко кто изъ современныхъ ученыхъ пишетъ такъ общедоступно и красиво просто.

Здѣсь не мѣсто излагать взгляда Уоллеса; напомнимъ только читателямъ, что Уоллесъ одновременно съ Дарвинымъ развилъ и обосновалъ теорію естественнаго отбора, но расходился съ послѣднимъ по многимъ существеннымъ вопросамъ эволюціи, напр., по вопросу о происхожденіи человѣка; не признаетъ также Уоллесъ и наслѣдственность такъ называемыхъ пріобрѣтенныхъ признаковъ, въ чемъ сходится съ Вейсманомъ. Отрицательно относится авторъ также и къ значенію въ процессѣ образованія видовъ тѣхъ внезапныхъ, рѣзкихъ, но относительно рѣдкихъ уклоненій отъ типа, которыя впослѣдствіи де-Фризъ назвалъ мутаціями, но здѣсь нужно отмѣтить, что значенія работъ де-Фриза Уоллесъ не могъ оцѣнить даже и въ концѣ девяностыхъ годовъ, такъ какъ изслѣдованія явились въ болѣе или менѣе законченной формѣ уже послѣ 1900 года.

Въ 1-мъ томѣ авторъ почти не касается соціальныхъ проблемъ, но для характеристики его общественныхъ идеаловъ я позволю привести себѣ слѣдующую выписку *): «Мое глубокое убѣжденіе,—говоритъ Уоллесъ,—состоитъ въ томъ, что когда намъ удастся очистить авгіеву конюшню нашей существующей общественной организаціи и создать такой порядокъ, при которомъ всѣ будутъ принимать участіе въ физическомъ и умственномъ трудѣ и всякій рабочій будетъ получать *полное* и равноцѣнное вознагражденіе за свою работу,—будущее нашей расы будетъ обезпечено тѣми законами человѣческаго развитія, которые ведутъ медленно но неуклонно къ прогрессу высшихъ качествъ человѣческой природы. Когда мужчины и женщины получатъ возможность свободно отдаваться своимъ лучшимъ побужденіямъ; когда бездѣлье и порочная или безполезная роскошь, съ одной стороны, и подавляющій трудъ и нищета, съ другой, одинаково исчезнутъ изъ общества, когда всякій будетъ получать наилучшее и полное образованіе и когда вліятельное общественное мнѣніе будетъ устанавливаться лучшими и мудрѣйшими людьми и систематически руководить молодымъ поколѣніемъ,—тогда мы увидимъ, что система подбора сама по себѣ начнетъ дѣйствовать и неуклонно выбрасывать низшіе и вырождающіеся типы людей и, слѣдовательно, постепенно повышать уровень человѣческой расы».

Все это утѣшительно и даже благодушно, несмотря на неумолимость естественнаго подбора, но кто же, когда и какъ «очиститъ авгіевы конюшни»?!

Мы убѣждены, что безъ всякой рекомендаціи книга Уоллеса найдетъ читателя въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ и «общества», и народа.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, кромѣ нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ; напримѣръ, вмѣсто выраженій *ледниковый* періодъ, *ледниковыя поля* переводчикъ почему-то говоритъ: *ледяной* вѣкъ, *ледяныя полотна*. Но такихъ уклоненій отъ общепринятой терминологіи очень мало.

В. Агафоновъ.

Проф. А. Доделъ. Жизнь и смерть. Популярныя лекціи и статьи по біологіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Быстрицкаго съ предисловіемъ автора. Саратовъ. 1904 (1903?) 224 стр. Цѣна 1 р. Книжечка проф. Доделя могла бы быть небезполезной для большой публики, если бы не была столь претенціозной и не выдавала бы гипотезъ въ родѣ геккелевскаго дерева жизни за общепризнанные научные факты. Послѣднее тѣмъ болѣе опасно, что переводчикъ предназначаетъ данную книжечку «преимущественно для рабочихъ и простого

*) Стр. 501.

народа», г. Быстрицкому было бы желательно, чтобы она «достигла самыхъ низшихъ слоевъ русскаго пролетаріата и тѣмъ хоть отчасти способствовала поднятію культурнаго уровня нашихъ рабочихъ».

Популяризація вообще, а для такого круга читателей и подавно, должна быть осторожна и строга и въ выборѣ фактовъ, и въ обобщеніи; нельзя преподносить такому читателю гипотезу и выдавать ее за символъ вѣры современной науки.

Переводчикъ разсчитываетъ также на читателя и изъ интеллигенціи... Ну за этихъ мы не боимся, они, вѣроятно, почувствуютъ претенціозность уже въ самомъ предисловіи автора, который, наприм., такъ рекомендуетъ свое произведеніе: «...оно содержитъ базисъ (?) того строгаго, проникнутаго единствомъ міровоззрѣнія, которое *должно* было замѣнить мнѣ старое отжившее метафизическое ученіе о сущности природы и вселенной, и, къ счастію, дѣйствительно *замѣнило*... Мы сдѣлались строгими послѣдователями критическаго *научнаго* міровоззрѣнія... Познавая законъ природы и уясняя себѣ смыслъ совершающихся во вселенной явленій, мы чувствуемъ себя счастливыми, даже больше— это пониманіе превращаетъ нашу жизнь въ земной рай, такъ какъ эти міровые законы въ своей совокупности учатъ о всеобъемлющемъ *единствѣ*, предъ которымъ исчезаетъ всякій дуализмъ, вносящій въ нашу душу мучительный разладъ...

«Въ сочиненіи «Жизнь и смерть» я старался подчеркнуть *единство жизни* въ растительномъ и животномъ царствѣ, включая и человѣка. Отсюда само собой вытекаетъ и единство смерти всѣхъ живыхъ созданій. Это даруетъ намъ душевное спокойствіе и примиряетъ со всякой судьбой».

Мало же нужно г. Доделю для примиренія съ терніями профессорской дѣятельности. Какая туманная, нехорошая пышность и какое удивительное самодовольство! Тѣмъ болѣе нехорошо, что это откровеніе проф. Доделя просто старый матеріализмъ и пережевываніе Геккеля.

Не понимаемъ также, зачѣмъ было прилагать къ книжкѣ портретъ далеко не знаменитаго автора; развѣ для того, впрочемъ, чтобы демонстрировать то райское самодовольство, которое охватило великаго біолога, установившаго великій законъ единства жизни и единства смерти.

Въ текстѣ помимо тенденціозности встрѣчаются и неточности, хотя бы, напр., высказываемое якобы физиками и химиками мнѣніе, что «атомы уже больше недѣлимы» (стр. 26), или утвержденіе, что ученые не въ состояніи приготовить искусственныхъ минераловъ и горныхъ породъ (стр. 222). *В. Аг.*

Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24-хъ хромолитографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Сост. профессоръ минералогіи докторомъ Ад. Зауэръ. Изд. В. В. Думнова. Москва. 1904 г. Цѣна 3 р. 75 к. Минералогическій атласъ менѣе всѣхъ другихъ естественно-историческихъ атласовъ (ботаника, зоологія) можетъ замѣнить коллекціи. Изобразить минералъ въ краскахъ такъ трудно, что въ лучшемъ случаѣ такое изображеніе можетъ только напомнить *уже знакомый* минералъ, но не можетъ дать человѣку, не видавшему этого камня и, представленія о немъ. Другое дѣло, напр., атласъ бабочекъ или звѣрей, или растеній, — по нимъ, дѣйствительно, можно учиться, они, дѣйствительно, могутъ въ крайнемъ случаѣ замѣнить и коллекціи, и даже живые объекты.

Такое узкое примѣненіе минералогическаго атласа зависитъ не только отъ несовершенства изображеній минераловъ, но и отъ другихъ причинъ. Во-первыхъ, отъ того, что самая окраска большинства минераловъ не есть нѣчто постоянное не только для вида, но и для разновидности и часто окраски совершенно различны для образцовъ одной и той же разновидности изъ разныхъ мѣсторожденій; во-вторыхъ, самая форма кусковъ, друзъ, сростковъ, прежде

всего бросающаяся въ глаза профану, тоже не есть нѣчто типическое, характерное для даннаго минеральнаго вида, для него характерна та или иная геометрическая форма, а ее, конечно, легче примѣтить на образцѣ, который можно разсматривать со всѣхъ сторонъ, чѣмъ на перспективномъ рисункѣ въ краскахъ. Но эти, такъ сказать, основныя трудности не совсѣмъ исключаются и при изученіи минераловъ по коллекціямъ, они здѣсь только ослаблены.

Несовершенство изображенія минераловъ проявляется, главнымъ образомъ, на прозрачныхъ минералахъ, въ которыхъ получаются цвѣтовые эффекты зависящіе отъ явленій преломленія и отраженія свѣта и, конечно, не только не характерные для даннаго вида, но и измѣняющіеся въ одномъ и томъ же образцѣ, въ зависимости отъ той или иной постановки его и отъ освѣщенія. Не смотря на эти неизбѣжные недостатки, минералогическій атласъ можетъ оказать все же нѣкоторую услугу при преподаваніи минералогіи, но только какъ дополненіе къ коллекціямъ, при повтореніи пройденнаго, для воспоминанія уже просмотрѣнныхъ образцовъ минераловъ.

Атласъ проф. Зауэра выполненъ весьма недурно и выборъ рисунковъ и ихъ исполненіе нужно признать удачными, но «краткій текстъ», видимо, переведенъ лицомъ, мало знакомымъ съ минералогіей. Текстъ этотъ состоитъ только изъ названій минераловъ, указаній на цвѣтъ, блескъ, сложеніе и кристаллографическій характеръ, причемъ терминологія переводчика сильно хромаетъ. Такъ, напр., онъ говоритъ о «радіусообразныхъ (?) жилкахъ малахита (табл. 3, № 9), о «формѣ роста зубчато-кристаллической» (?) (табл. 3, № 2), о «мелкодрузовой пленкѣ на плотной цинковой рудѣ» (табл. 4, № 12), о «совершенной основной спайности» (табл. 8, № 16) и т. д. Впрочемъ, эти неточности и недосмотры и немногочисленны, и незначительны, и потому атласъ Зауэра все же можно спокойно рекомендовать лицамъ, интересующимся описательной минералогіей. *В. Аг.*

Д-ръ мед. Молль. Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Для врачей и публики. Перев. съ нѣмецкаго, обработалъ и снабдилъ примѣчаніями д-ръ мед. Левенсонъ. Съ приложеніемъ статьи М. С. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. С.-Петербургъ. 1903 г. Въ 8°. XII+414. Изд. А. Ф. Маркса. Предметъ книги, внѣ всякаго сомнѣнія, не только серьезный по существу, но и интересный для каждаго: каждому изъ насъ суждено время отъ времени «ввѣрять» себя врачу. Каковы этическіе взгляды послѣдняго, каковы его «нравы», какихъ отъ него можно ждать «поступковъ»—все это вопросы не спеціально групповые, а затрогивающіе живо каждаго изъ насъ. Съ другой стороны, врачебное дѣло, если взять его въ общемъ, какъ дѣло оздоровленія человѣчества, является безусловно дѣломъ съ міровыми задачами. И опять, каково же «должно быть» отношеніе къ врачебному дѣлу врача, какіе идеалы должны имъ руководить, какія перспективы будущаго «должны» врача къ себѣ манить—вопросы, очевидно, первостепенные по своему значенію.

Книга Молля, къ большому сожалѣнію не можетъ удовлетворить запросамъ читателя въ этомъ отношеніи, запросамъ, естественно вызываемымъ самимъ содержаніемъ трактуемаго предмета. Въ этомъ легко убѣдиться при чтеніи уже первыхъ страницъ книги. Вотъ какъ д-ръ Молль устанавливаетъ исходныя точки для своихъ построеній этики врача. Сказавъ нѣсколько словъ (всего на $2^1/_2$ стран.) о философскихъ основахъ морали: системѣ міровой эволюціи и утилитаризмѣ, авторъ дѣлаетъ заключеніе, что ни та, ни другая система не могутъ быть положены въ основу для выработки врачебной этики. «Ясно, что системы нравственной философіи,—говоритъ Молль, —надо оставить въ сторонѣ» (стр. 7). Упомянувъ кстати о богословской морали и признавъ ее также неподходящей въ данномъ случаѣ, авторъ считаетъ «бо-

лѣе правильнымъ избрать другой путь, который гораздо вѣрнѣе приведетъ насъ къ желанной цѣли. Путь этотъ—практика жизни» (стр. 7). «Наше внутреннее чувство шепчетъ намъ въ многочисленномъ рядѣ случаевъ, что то то дурно, а то-то хорошо...» (стр. 7). «Независимо отъ разныхъ философскихъ системъ нравственности, *извѣстное этическое чувство свойственно природѣ человѣка* (курсивъ автора) и этого,—говоритъ д-ръ Молль,—для насъ достаточно» (стр. 8). Поясняя свои мысли далѣе, авторъ выставляетъ такое положеніе: «безнравственнымъ признается то, что ощущается какъ таковое большинствомъ» (стр. 8).

Вотъ онѣ—основы врачебной этики!

Д-ръ Молль на первыхъ же страницахъ книги откровенно преклоняется предъ силой «общаго теченія». «Нельзя требовать отъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы они себѣ въ ущербъ шли *противъ общаго теченія* (курсивъ мой), нельзя этого требовать и отъ одного какого-либо сословія, стало быть и отъ врачей. Слѣдуетъ только наблюдать, чтобы люди въ своемъ эгоизмѣ не заходили черезъ-чуръ далеко» (стр. 13). Д-ръ Молль совершенно игнорируетъ то, что это «черезъ-чуръ далеко»—черезъ-чуръ растяжимо и неопредѣленно.

«Что дѣлать, говоритъ онъ,—мы должны къ такимъ компромиссамъ относиться снисходительно, такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ въ настоящее время невозможно удержаться на высотѣ идеальныхъ нравственныхъ требованій» (стр. 12). «Врачи такіе же люди—человѣки какъ и представители другихъ профессій. Они не апостолы и не призваны своимъ примѣромъ заботиться о нравственномъ совершенствованіи рода человѣческаго. Пусть врачи стараются по мѣрѣ силъ о нравственномъ подъемѣ своего сословія, но стать выше окружающей среды они не въ силахъ, *да этого и не нужно*» (курсивъ мой) (стр. 13—14). Д-ръ Молль, точно спохватившись, что устанавливаемая имъ принципіальная точка зрѣнія никуда не годится по своей непрочности, снова пытается нащупать точку опоры для своихъ дальнѣйшихъ сужденій, но уже другую, онъ ищетъ ее въ понятіяхъ о цѣли медицины и задачахъ врачебной дѣятельности вообще.

«Цѣль настоящей книги, — говоритъ д-ръ Молль, — доказать, что никакой спеціальной этики для руководства врачамъ быть не можетъ и не должно, что забота добросовѣстнаго врача должна быть направлена къ тому, чтобы провести принципъ общечеловѣческой этики въ примѣненіи къ потребностямъ каждаго частнаго случая въ своей практикѣ... Невозможно дать какой-либо шаблонъ, который бы годился для всѣхъ случаевъ. Постараемся поэтому дать хоть нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія, которыя облегчатъ врачу задачу найти наилучшій выходъ изъ своихъ сомнѣній. А для этого необходимо условиться въ томъ, кого именно мы называемъ врачомъ. Точное опредѣленіе этого термина для всего нашего труда дѣло первостепенной важности, и мы на немъ нѣсколько остановимся» (стр. 16). Д-ръ Молль пишетъ далѣе курсивомъ: «Врачъ есть человѣкъ, приготовившійся къ своей дѣятельности изученіемъ медицины» (стр. 16).

Нечего говорить, что изъ такого опредѣленія, невѣрнаго и по существу дѣла, никакихъ рѣшительно выводовъ для этики врачебной сдѣлать нельзя. Упустивъ изъ вида самое существенное, что врачъ есть прежде всего довѣренное лицо общества, д-ръ Молль бросаетъ скоро и эту новую попытку создать для своихъ сужденій общую, болѣе или менѣе прочную, принципіальную основу и прямо переходитъ къ разсужденію о частныхъ сторонахъ врачебной дѣятельности, въ составъ которой, по словамъ Молля, входятъ 5 различныхъ задачъ, а именно: леченіе болѣзней, предупрежденіе болѣзней, экспертиза общественная и частная по вопросамъ, касающимся здоровья, обученіе будущихъ поколѣній врачей и научное изслѣдованіе.

Дальнѣйшія этическія разсужденія д-ра Молля, разсужденія, нужно замѣтить, очень многословныя, планируются имъ сообразно указаннымъ сейчасъ подраздѣленіямъ. Но отсутствіе твердаго этическаго принципа сказывается постоянно на всемъ протяженіи книги во всѣхъ разсужденіяхъ автора, на всѣхъ ихъ лежитъ печать компромисса и приспособляемости къ «средней морали», нѣтъ въ нихъ ни рѣшительности, ни силы, очень часто нѣтъ даже опредѣленности.

Признаніе моральнымъ авторитетомъ мнѣнія большинства ведетъ автора къ совершенно извращеннымъ представленіямъ о благѣ общемъ, какъ цѣли моральной дѣятельности! Впрочемъ, объ общемъ благѣ и нравственныхъ обязанностяхъ человѣка д-ръ Молль, говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Несомнѣнно высокой похвалы достоинъ тотъ, кто по мѣрѣ силъ заботится о благѣ другихъ людей, но такой нравственной обязанности не существуетъ». Это буквально сказано на стр. 23.

Въ трудныхъ случаяхъ врачебнаго дѣла авторъ совершенно не можетъ разобраться и обнаруживаетъ полное безсиліе своего этическаго сужденія, готовый всякими способами увильнуть отъ рѣшительнаго мнѣнія, *готовый отдать* рѣшеніе научнаго вопроса, напр., на волю больной женщины.

Одной изъ тяжелыхъ коллизій для врача является такъ называемая перфорація на живомъ плодѣ, т.-е. прободеніе головки и умерщвленіе ребенка въ цѣляхъ спасенія жизни матери и ея здоровья. Разбирая такой случай, когда врачъ колеблется, сдѣлать ли ему въ въ такомъ случаѣ такъ называемое кесарево сѣченіе (т.-е. вынимание ребенка живымъ чрезъ брюшные покровы матери путемъ сложной операціи надъ матерью), или сдѣлать прободеніе головки плода и вынуть его мертвымъ (но путемъ болѣе легкой операціи), авторъ говоритъ: «Возможныя колебанія врача должны исчезнуть во всякомъ случаѣ, если мать сама настоятельно требуетъ примѣненія перфораціи» (стр. 190).

Цѣлые съѣзды спеціалистовъ-акушеровъ и врачей все энергичнѣе постановляютъ исключить перфорацію на живомъ плодѣ изъ числа акушерскихъ операцій, замѣняя ее или чревосѣченіемъ или другими, несмертельными для плода пріемами, а д-ръ Молль весь вопросъ ставитъ на рѣшеніе больной женщины, которая въ большинствѣ случаевъ, конечно, не въ состояніи даже понять хорошенько своего положенія, которая мучится отъ болей и на нихъ только фиксируетъ свое больное сознаніе!

Какъ бы для округленія своихъ мыслей и приданія большей законченности своей «этикѣ врача», авторъ въ концѣ книги говоритъ: «Студенты едва ли стали бы усердно посѣщать лекціи этики, *и я вообще не думаю, чтобъ можно было теоретически научиться врачебной этикѣ, хоть сколько-нибудь пригодной для практическаго примѣненія къ жизни*» (стр. 400).

Сказано, конечно, «черезчуръ» энергично. Если же согласиться съ авторомъ, то спрашивается, стоило ли труда автору писать свою «этику врача»?

Къ книгѣ приложена статья д-ра М. С. Уварова о русской общественной медицинѣ, статья, состоящая изъ общихъ свѣдѣній, не дающая ничего новаго и не использовавшая какъ слѣдуетъ и того матеріала, который имѣется по данному вопросу въ русской литературѣ. Врачъ *В. Сиземскій.*

ОБРАЗОВАНІЕ.

„С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ 1878—1903 гг.“—*Екатерина Янжулъ.* „Американская школа“.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ. 1873—1903. Очерки и матеріалы. 1903 г. Ц. 2 р. Очеркъ исторіи высшихъ женскихъ курсовъ,

составленный г-жой Анненской къ двадцатипятилѣтію курсовъ, представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи развитія русской общественности. Слѣдя шагъ за шагомъ за медленнымъ и полнымъ всякихъ препятствій развитіемъ высшаго женскаго образованія въ Россіи, какъ оно изложено въ сжатомъ очеркѣ г-жи Анненской, испытываешь въ концѣ концовъ глубокое нравственное удовлетвореніе, не только отъ сознанія побѣды, но главнымъ образомъ отъ того, что это—побѣда, достигнутая исключительно усиліями *самого* общества, женской части его преимущественно. Начатое при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съ ничтожными средствами и слабыми наличными силами, дѣло высшаго женскаго образованія росло и развивалось само изъ себя, медленно, но непрестанно расширяясь и преодолѣвая одно внѣшнее препятствіе за другимъ, причемъ изъ каждаго затрудненія, изъ каждаго столкновенія оно выходитъ окрѣпшимъ, сильнѣе и увѣреннѣе въ себѣ, въ своихъ задачахъ и въ практической ихъ постановкѣ. Эта сплошная борьба за существованіе, въ высшей степени интересная сама по себѣ, получаетъ особое значеніе, если вдуматься въ то время, когда она шла. Возникнувъ, какъ и все у насъ, въ эпоху великихъ освободительныхъ реформъ, идея высшаго женскаго образованія не встрѣчаетъ вначалѣ ни особо широкаго сочувствія, ни особыхъ препятствій. Съорганизовавшись въ довольно скромныхъ формахъ вначалѣ, высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, затѣмъ и въ другихъ большихъ умственныхъ центрахъ—въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, переживаютъ свой первый періодъ—семидесятые годы—сравнительно благополучно. Затѣмъ наступаетъ второй періодъ—время сплошной реакціи, восмидесятые и отчасти девяностые годы, когда, казалось, все задалось цѣлью, чтобы покончить не только съ существующими уже организаціями курсовъ, но и похоронить самую идею высшаго женскаго образованія если не навсегда, то на очень и очень долгіе годы. Тѣмъ болѣе, что въ другихъ областяхъ русской общественной жизни реакція одерживала одну побѣду за другой. Въ университетѣ явился пресловутый уставъ 84 г., остановившій всякое развитіе и давшій несомнѣнный ходъ назадъ, отъ послѣдствій котораго университеты и теперь не могутъ освободиться. То же самое мы видимъ и въ области самоуправленія, напр. На развитіи женскаго высшаго образованія такое общее направленіе русской жизни, конечно, не могло не отразиться тоже печальнымъ образомъ. Постепенно закрываются еще не окрѣпшія организаціи курсовъ въ Кіевѣ и Казани, а въ Петербургѣ пріостанавливается пріемъ на первые курсы съ предстоящимъ общимъ ихъ закрытіемъ, когда послѣдній курсъ закончится. И тѣмъ не менѣе, этого не только не случилось, но курсы выросли, упрочились, получили общее признаніе и начинаютъ теперь вновь возникать, кромѣ Петербурга и Москвы, и тамъ, гдѣ они раньше были и закрылись, и тамъ, гдѣ они еще не были, напр. въ Одессѣ. Рекціонный періодъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, отразился на высшемъ женскомъ образованіи благотворно. Однихъ изъ своихъ прежнихъ враговъ идея высшаго женскаго образованія примирила съ собой, другихъ заставила замолчать, третьихъ убѣдила въ безплодности борьбы и тѣмъ побудила сложить оружіе. Женщина отстояла свое право на высшее просвѣщеніе и развитіе, завоевала свое мѣсто на ряду съ мужчиной въ области знанія и практическаго его примѣненія и сдѣлала все это въ то время, когда ея и болѣе сильный, и болѣе опытный товарищъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и пока ничего лучшаго сравнительно съ прежнимъ не добился, а кое въ чемъ,—и немаломъ,—уступилъ, сдался и покорно поплелся назадъ.

Въ очеркѣ г-жи Анненской эта знаменательная и поучительная борьба изложена шагъ за шагомъ, со многими высоко интересными подробностями и полными драматизма эпизодами. Красною нитью черезъ всю исторію проходитъ

непобѣдимая вѣра въ правду своего дѣла и въ самихъ себя, одушевлявшая первыхъ борцовъ за дѣло женскаго образованія, которую они передали и своимъ послѣдовательницамъ. Начавъ дѣло буквально безъ гроша, съ небольшимъ контингентомъ слушательницъ и учителей, они доводятъ его черезъ двадцать пять лѣтъ до милліонныхъ оборотовъ, съ наличнымъ числомъ слушательницъ почти въ 1 500 человѣка и учебнымъ персоналомъ почти въ сто человѣкъ. Вотъ нѣкоторыя данныя о ростѣ доходовъ и расходовъ за двадцать пять лѣтъ. Общій приходъ въ 1878—1879—45.831 р.; въ 1902—1903 г.—240.695 р. Расходъ за тѣ же годы: 21.404 р. и 240.302 р. За всѣ двадцать пять лѣтъ приходъ—2.906.538 р., расходъ 2.906.317 р. Изъ этой суммы прихода только 74.500 р. поступило въ видѣ субсидій отъ министерства народнаго просвѣщенія и 65.000 р. отъ города С.-Петербурга; остальное—плата за слушаніе лекцій и частныя пожертвованія. Иными словами—курсы существовали и существуютъ почти исключительно на общественныя и частныя средства: государство и общественныя управленія почти не принимали и не принимаютъ въ ихъ устройствѣ и содержаніи никакого участія. Что касается общественныхъ учрежденій, то земства и думы неоднократно пытались оказывать курсамъ помощь, но безуспѣшно, такъ какъ всѣ ихъ назначенія на высшіе курсы были опротестованы губернаторами и потому не могли быть приведены въ исполненіе. Только личная энергія и иниціатива членовъ комитета общества для доставленія средствъ курсамъ и неизмѣнная отзывчивость русскаго общества на дѣло просвѣщенія женщинъ—вотъ на чемъ основаны курсы. Теперь, когда, можно думать, главныя препятствія устранены, курсы упрочены въ общественномъ мнѣніи и будущности ихъ ничто не угрожаетъ, остается только пожелать, чтобы ихъ средства также росли, какъ ростетъ потребность въ высшемъ просвѣщеніи. Едва ли можно сомнѣваться, что русское общество съ своей стороны всегда поддержитъ это первое высшее учебное учрежденіе для женщинъ, достаточно доказавшихъ, что всякая затрата на этотъ предметъ возмѣщается сторицей. Между прочимъ, настоящіе «Очерки и матеріалы» изданы комитетомъ на усиленіе средствъ общества. Горячо рекомендуя «Очерки», какъ интереснѣйшую, въ особенности для женщинъ, страницу исторіи развитія женскаго движенія у насъ, мы не сомнѣваемся, что значительная затрата, соединенная съ изданіями такого рода, будетъ съ избыткомъ возмѣщена читательницами: вѣдь имъ посвящена эта книга, о нихъ идетъ въ ней рѣчь, о ихъ энергіи, о ихъ просвѣщеніи и—побѣдѣ.

Книга представляетъ большой томъ въ тридцать почти печатныхъ листовъ, распадающійся на двѣ главныя части. Въ первой, большей и самой существенной, данъ историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсомъ въ С.-Петербургѣ» за двадцать пять лѣтъ, составленный извѣстной писательницей А. Н. Анненской. Очеркъ читается съ неослабнымъ интересомъ, благодаря массѣ новаго, до сихъ поръ не опубликованнаго матеріала. Далѣе идетъ рядъ таблицъ по приходу и расходу средствъ курсовъ, по составу слушательницъ и т. д. Эти данныя даютъ возможность прослѣдить неизмѣнный ростъ средствъ и число слушательницъ, что лучше всякихъ словъ убѣждаетъ въ живой потребности, которой удовлетворяли курсы. Во-второй части помѣщены историческіе обзоры каѳедръ всѣхъ научныхъ предметовъ, читаемыхъ на курсахъ. Изъ этихъ обзоровъ, составленныхъ профессорами, можно видѣть, какъ постепенно расширялись программы курсовъ, достигнувъ въ настоящее время уровня университетскихъ. Наконецъ, въ той же второй части приложенъ интересный отчетъ «Общества вспоможенія окончившихъ высшіе женскіе курсы», изъ котораго можно видѣть, какова послѣдующая дѣятельность бывшихъ слушательницъ. Любопытно, между прочимъ, какъ великъ процентъ изъ нихъ занимающихся литературной дѣя-

тельностью: около ста человѣкъ на 2.000 окончившихъ, т.-е. почти 5%. Едва ли столько оканчивающихъ высшія мужскія учебныя заведенія посвящаютъ себя этого рода дѣятельности. Правда, въ спискѣ этихъ писательницъ мы пока не встрѣчаемъ особо выдающихся извѣстностей. Область литературы, въ которой онѣ работаютъ, преимущественно переводная и компилятивная, какъ оно, впрочемъ, и слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ. Таланты идутъ всегда особой, имъ одной свойственной дорогой, здѣсь же мы имѣетъ результаты того, что даютъ знанія, вынесенныя съ курсовъ, и умѣнье прилагать ихъ къ жизни.

Книга снабжена, кромѣ того, еще многочисленными планами и видами зданій курсовъ, аудиторій, кабинетовъ, библіотеки, обсерваторіи и проч. Принимая во вниманіе объемъ книги и рисунки, нельзя не признать цѣну книги 2 р. весьма умѣренной. *А. Б.*

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Екатерины Янжулъ. Второе измѣненное и дополненное изданіе. Спб. 1904. Ц. 2 р. Несмотря на свой педагогическій характеръ, очерки г-жи Янжулъ имѣютъ интересъ и значеніе не только для педагоговъ, учителей въ узкомъ смыслѣ этого слова. Они даютъ гораздо больше и могутъ заинтересовать и увлечь всякаго читателя, которому дороги интересы народнаго просвѣщенія вообще. А кому они не дороги теперь, когда жажда просвѣщенія охватила у насъ самые широкіе круги, проникая въ глубину народныхъ массъ? Знакомство съ тѣмъ, какъ поставлено дѣло просвѣщенія въ народной школѣ одной изъ самыхъ передовыхъ странъ міра, несомнѣнно имѣетъ общій, а не чисто-педагогическій характеръ. «Можно смѣло сказать,—говоритъ г-жа Янжулъ,—что по разносторонности образованія, которое дается въ народной школѣ, Америка превзошла всѣ другія государства, намъ въ этомъ отношеніи извѣстныя, а мы имѣли случай изучить школы нѣмецкія, французскія и англійскія. Несмотря на скромный, повидимому, циклъ предметовъ, значащихся въ учебномъ планѣ американской начальной школы, она далеко не ограничивается, даже въ первые годы ученія, грамотой и счетомъ, а въ связи съ ними гораздо больше другихъ школъ знакомитъ съ явленіями природы, съ событіями исторіи, съ данными изъ географіи, съ понятіями изъ области геометріи, съ отечественной литературой и ея представителями; и, наконецъ, изъ формальныхъ знаній, кромѣ умѣнія читать и писать, школьникъ очень часто научается прекрасно рисовать (даже съ натуры), а иногда и работать по глинѣ, дереву и металлу» (стр. 54). Какъ же достигается такой блестящій результатъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ и ставить своею цѣлью г-жа Янжулъ, къ интересной книгѣ которой и отсылаемъ читателя. Здѣсь же, оставляя въ сторонѣ рядъ чрезвычайно остроумныхъ пріемовъ американской школы при обученіи основамъ чтенія, письма, счета, рисованія и т. д., отмѣтимъ, такъ сказать, основу основъ американской педагогіи—уваженіе къ личности ученика и ту высокую цѣнность, которую придаетъ эта педагогія самостоятельности ученика. Учителю ставится постоянно на видъ, что его задача—развить по возможности всѣ силы ученика, какъ умственныя и нравственныя, такъ и физическія, не путемъ насилія, а посредствомъ свободнаго отношенія къ нему. Это начинается съ посадки его въ школѣ, гдѣ ему отводится его мѣсто, на которомъ онъ можетъ сидѣть, какъ ему угодно, вставать, двигаться, лишь бы не мѣшалъ товарищамъ. И несмотря на такую свободу, порядокъ сохраняется самый образцовый, благодаря тому напряженному интересу, съ какимъ учитель ведетъ занятія. Поддерживать неослабно этотъ интересъ къ ученію—такова основа американской школьной дисциплины, которая не допускаетъ ни наказаній, ни похвалъ. Тѣлесныя наказанія, не говоря уже о розгѣ, не допускаются ни въ какомъ видѣ: строго

воспрещается ставить на колѣни, выталкивать изъ класса, ставить въ уголъ, заставлять стоять, когда всѣ сидятъ, и т. п. Предписывается избѣгать гласныхъ порицаній или осмѣянія, ибо «эта опасная мѣра ведетъ къ потери самоуваженія учащагося». «Избѣгайте брани,—говорится въ наставленіи для учителей.—Рѣзкій тонъ не нуженъ и нецѣлесообразенъ. Никогда не грозите. Рѣзкія слова, грубое обращеніе и наказаніе учениковъ, употребляемое для водвореніе порядка и для достиженія извѣстныхъ результатовъ въ ученіи, въ сущности разрушаютъ чувство чести въ классѣ и подрываютъ настоящее уваженіе къ учителю». «Учителя, изучайте вашего плохого ученика, оказывайте ему сочувствіе, стремитесь вліять на него, управляйте имъ, но не отчаивайтесь въ немъ». «Отыскивайте лучше доброе и старайтесь играть на этихъ добрыхъ инстинктахъ» и т. д., вотъ что читаемъ мы въ правилахъ, *обязательныхъ* для американскаго педагога. Какъ все это дико и странно звучитъ для насъ, пріученныхъ къ началамъ совершенно иного рода! Уваженіе къ ученику, какъ къ личности, красной нитью проходитъ черезъ всю школу, объединяя всѣ ея принципы и методы. Такъ, не допускается стаднаго, если можно такъ выразиться, отношенія къ обученію, отъ учителя требуется самое подробное ознакомленіе съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности, и на этомъ основана система группировки учениковъ по отдѣленіямъ, сообразно съ силами и успѣхами каждаго. Иногда классъ разбивается на пять, на шесть комнатъ, гдѣ учатся разныя группы. Благодаря такой системѣ, ученики могутъ проходить курсъ на два, на три года скорѣе или дольше, смотря по обнаруженнымъ ими способностямъ. Какъ подробна такая группировки, видно, напр., изъ того, что есть начальныя школы, гдѣ число классовъ доходитъ до 19 и даже 22, а обыкновенно ихъ бываетъ отъ 12 до 15. «Дѣти развиваются разно, и общественная школа должна дать просторъ всѣмъ особенностямъ интеллектуальной жизни ребенка»,—такова задача истинной школы: не министерской, не церковно-приходской и даже не земской, а *народной*, какою и является школа въ Америкѣ. Но такая школа и можетъ существовать только тамъ, гдѣ она создается не по рецепту того или иного «направленія» или «вѣянія», а самимъ народомъ, соотвѣтственно своимъ нуждамъ и взглядамъ.

А. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го февраля по 15-ое марта 1904 г.

Берта фонъ-Зутнеръ. Въ цѣпяхъ. Спб. 1904 г. Изд. Поповой. Ц. 80 к.

В. Немировичъ-Данченко. Родная темень. Романъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гумайюнъ-Намэ. Басни и притчи Востока. Перев. С. М. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

А. Петрищевъ. Бернадотъ. Драм. поэма въ 4 д. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Магометъ-Якубъ, эмиръ Кашгарскій. Истор. повѣсть временъ покоренія русскими Средней Азіи. Пер. съ франц. И. Г. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

С. Зеленсонъ. Эсфирь и Мардохей. Трагедія въ 4-хъ дѣйств. съ эпилогомъ. Одесса. 1904 г. Ц. 20 к.

Л. Линевичъ. Безъ разсвѣта. Драма въ 5 актахъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

И. Путилинъ. Записки Ивана Дмитріевича Путилина. Книга I и кн. II. Спб. 1904 г. Ц. по 60 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. I. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Радловъ. Живыя фотографіи. Разсказы. М-ва. 1904 г. Ц. 30 к.

Н. Анненкова-Бернардъ. Бабушкина внучка. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Ник. Т—о. Тихія пѣсни. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Георгъ фонъ-Омптеда. Разсказы. Пред. З. Венгеровой. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Апраксинъ. Тернистый путь. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р.

Б. П. Никоновъ. Голосъ сердца. Стихотворенія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Вольскій. Подъ гровой. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Георгіевскій. Японія и японцы. М-ва. 1904 г. Ц. 5 к.

Жоржъ Дари. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Съ многочисл. иллюстр. Пер. и доп. К. Дебу. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 50 к.

К. Келлеръ. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. 1 и 2-й. Изд. Девріена. Спб. 1904 г. Все сочин. выход. въ 5-ти вып. по 1 р. 60 к. за вып.

Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка. Исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству. Подъ общ. ред. Г. Крэмера. Изд. «Просвѣщеніе». Вып. 6—8 и 9—11. Т. I. Выход. въ 100 вып. по 40 к.

Г. Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніи. Изд. Пантелѣева. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Пер. А. П. Ганзенъ. Т. VI. Изд. Р. Скримунта. М-ва. Ц. 1 р. 20 к.

Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Пер. д-ра О. Лурье. Подъ ред. проф. К. Сапѣжко. Кіевъ. 1904 г. Ц. 50 к.

В. Умановъ-Каплуновскій. Лучи и тѣни. Второй сборникъ разсказовъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Черняева. Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. М-ва. 1904 г. Ц. 20 к.

Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго общества, сост. при Императ. Московск. университетѣ. Изд. Д. Тихомирова. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

«Сельскій трудъ». Изд. С.-Петербургскаго собранія сельск. хозяевъ. И. Абозинъ. Какъ улучшить крестьянское куроводство. Съ 3 рис. Ц. 5 к. С. Дремцовъ. Луга и ихъ улучшеніе. Съ 32 рис. Ц. 7 к. А. Новиковъ. Объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечноземной Россіи. Ц. 6 к.

Д. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Спб. 1904 г. Изд. 2-ое испр. и дополн. Ц. 1 р. 25 к. Изд. «Оріонъ».

Лили Браунъ. Женскій вопросъ, его экономическое развитіе и его экономическая сторона. Пер. съ нѣм. А. Ачкасова и І. Кугеля. М-ва. 1904 г. Ц. 2 р.

Ѳ. Булгаковъ. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассныхъ художниковъ изъ знаменитыхъ картинн. галлерей съ біографіями художниковъ и описаніемъ ихъ картинъ. Спб. 1903 г. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

Л. Долло. Великія эпохи исторіи земли. Съ

6 рис. Изд. И. Сафонова. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

А. Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Жизнь и сочиненія Максима Горькаго въ оцѣнкѣ западно-европейск. критики, пер. съ англ. А. Вѣлова. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Л. Шахъ-Пароніанцъ. Лирика Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Н. М. Федорова. Дальній Востокъ. Японія, Корея, Манчжурія. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

Б. Малевичъ. Лѣсъ и лѣсоустройство. Очеркъ изъ практики лѣсоустроительныхъ и оцѣночныхъ работъ. Москва. 1904 г.

Орисонъ Свѣтъ-Марденъ. Пробивайтесь впередъ! Пер. гъ анг. Шишмаревой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904 г.

С. А. Чистяковъ. Исторія Петра Великаго. Изд. Вольфа. Спб. 1904 г. Ц. 5 р.

П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 гг. М-ва. 1904 г. Ц. 40 к.

А. Догановичъ. Дѣдъ Игнатъ. Разсказъ. М-ва. 1904 г. Ц. 35 к.

Плато Ф. Рейсснеръ. Русско-нѣмецкій самоучитель. Новѣйшая метода для обученія въ 3 мѣс. нѣм. чт. письму и разговору безъ помощи учителя. Низшій курсъ. XXIII изд. 1 вып. Ц. 20 к.

Гаретъ П. Сервиссъ. Астрономія съ биноклемъ. Популярное введеніе къ изученію звѣзднаго неба. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. Поленцъ. Страна будущаго. (Какъ живутъ американцы). Сокр. пер. О. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтило Азіи. (Въ краткомъ изложеніи). Изд. О. Поповой. Спб. Ц. 15 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ съ иллюстр. и автобіографіей. Т. I. Спб. 1904 г.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 2-ое изд. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

А. Берри. Краткая исторія астрономіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Поворинскій. Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву. Спб. 1904 г, Ц. 4 р. 50 к.

І. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ 1904 г. Ц. 3 р.

А. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Вып. I и II. 4-е доп. изд. Н. Новгородъ. 1904 г. Ц. по 50 к.

С. Котляревскій. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.

П. Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. 2-ой. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

В. Язвицкій. Волѣзнь духа. Драма въ 5 дѣйств. Казань. 1904 г. Ц. 60 к.

Н. Тимковскій. Тьма. Драма въ 4 дѣйств. Дѣло жизни. Сцена въ 5 дѣйств. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Юринъ. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Саратовъ. 1904 г. Ц. 15 к.

А. Плетневъ. Taedium vitae. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

А. Энгельмейеръ. Волкъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. изъ народнаго быта. Рязань. 1904 г. Ц. 50 к.

Его-же. Холера. Театр. шутка въ 1 дѣйств. Рязань. 1904 г. Ц. 35 к.

М. Вороновъ. Народное хозяйство и народное здравіе. Воронежъ. 1904 г.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. 2-ое доп. изд. подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. V и VI. К. 3-я. М-ва. 1904 г. Подп. цѣна. 5 р.

А. Гиллерсонъ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Кейра. Извращеніе половой идеи. Перев. съ франц. Н. Спиридонова. М-ва. 1904 г. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго общества при Импер. Московск. университетѣ за 1902—1903 г. Москва. 1904 г.

А. Балакшинъ. Отчетъ по Министерству земледѣлія и Госуд. Имущ. за 1903 г. Спб. 1904 г.

Д-ръ И. Пантюковъ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. Кіевъ. 1904 г.

Д-ръ Б. Козловскій. Одиннадцатилѣтній отчетъ о дѣятельности Софійской больницы гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлѣ. Кіевъ. 1904 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Пер. съ 5-го нѣм. изд. В. Юргенсона подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. XVI. М-ва. 1894 г. Ц. при подп. 6 р.

В. Зелинскій. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Изд. 4-ое. Москва. 1904 года. Ц. 1 р.

В. Залѣсскій. Сводная таблица расположенія лекцій на Юридическомъ факультетѣ Казанск. Императ. университета за время съ 14-го февраля 1805 г. по 1 мая 1903 года. Казань 1903 г.

К. Козловскій. Венерическія и кожныя болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Изд. 2-е знач. дополненное. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

М. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*La Philosophie ancienne et la critique historique*» *par Ch. Waddington de l'Institut, professeur honoraire de philosophie à la Sorbonne* (*Hachette*). (*Древняя философія и историческая критика*). Это солидное критическое изслѣдованіе, заключающее въ себѣ много прекрасныхъ и оригинальныхъ мыслей и притомъ написанное такимъ простымъ и яснымъ языкомъ, что прочтеніе его не требуетъ спеціальнаго философскаго образованія. Особенно интересна глава о скептикахъ и скептицизмѣ, въ которой авторъ доказываетъ, что какъ въ Греціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ религіозный скептицизмъ всегда предшествовалъ философскому.

(Journal des Débats).

«*The Worship of the Dead*» *or the origin, Nature and History of Pagan Idolatry by Col. I. Garnier R. E. With 5 Fullpage Illustrations and numerous Pictures in the Text. 12 s.* (*Chapman and Hall*) (*Культъ мертвыхъ или происхожденіе, характеръ и исторія языческаго идолопоклонства*). Тѣсная связь, существующая между древнимъ язычествомъ и раннею исторіею человѣчества, а также вліяніе язычества на судьбы человѣческой расы придаетъ особенный интересъ и значеніе изслѣдованію его происхожденія и характера языческихъ вѣрованій. Факты, собранные въ этомъ трудѣ и подвергнутые серьезному критическому анализу, бросаютъ совершенно новый свѣтъ на раннюю исторію Египта и Вавилоніи и имѣютъ спеціальное отношеніе ко многимъ важнымъ вопросамъ современной эпохи, волнующимъ современное человѣчество.

(Athaeneum).

«*Ireland in the New Century*» *by Horace Plunkett* (*Murray*) *5 s.* (*Ирландія въ новомъ вѣкѣ*). Эта книга представляетъ чрезвычайно солидное и безпристрастное изслѣдованіе ирландскаго вопроса, какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія. Авторъ подробно изучаетъ жизнь и характеръ ирландскаго народа, изслѣдуетъ все, что было сдѣлано для улучшенія его участи, и указываетъ причины неуспѣха многихъ мѣропріятій, вытекающія изъ условій народной жизни въ Ирландіи и характера мѣстности. Его книга представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію этого жгучаго вопроса.

(Athaeneum).

«*Reden und Aufsätze*» *von Adolf Harnack. 2 vols.* (*Ricker*) *Giessen* (*Рѣчи и статьи*). Профессоръ Гарнакъ, пользующійся такою большою извѣстностью какъ писатель по разнымъ вопросамъ исторіи церкви и религіи, печатаетъ кромѣ статей, еще нѣкоторыя изъ своихъ рѣчей, которыя еще нигдѣ не были опубликованы. Въ первомъ томѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи: «Легенды какъ историческіе источники», «Монашество, его идеалы и его исторія» и «Мартинъ Лютеръ и его значеніе для исторіи науки и образованія». Огромная трудиція автора и сила его критики особенно ярко выражены въ первой статьѣ, въ которой онъ изслѣдуетъ всю область христіанской исторіи и приводитъ легенды изъ разныхъ мѣстъ, доказывая, что многія изъ этихъ легендъ узурпировали мѣсто исторіи. Очень интересенъ, съ религіозной точки зрѣнія очеркъ, озаглавленный: «Чему мы должны бы учиться у римской церкви и чему нѣтъ».

(Berlin. Tag.).

«*Outlines of English industrial History*» *by W. Cunningham and Ellen A. Mc Arthur* (*Cambridge historical Serees*) (*Очерки англійской промышленной исторіи*). Въ книгѣ заключается сжатый, но въ тоже время вполнѣ обстоятельный обзоръ промышленной жизни Англіи, ея экономическаго развитія, денежнаго обращенія и кредита, а также состоянія ея сельскаго хозяйства и результатовъ расширенія ея торговыхъ сношеній съ другими націями.

(Daily News).

«*Zur jüngsten deutschen Vergangenheit*» *von Karl Lamprecht* (*Hermann Heyfelder*) (*Къ исторіи недавняго прошлаго Германіи*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдованіе тѣхъ политическихъ и экономическихъ превращеній, посредствомъ которыхъ германскій народъ достигъ своего теперешняго положенія среди остальныхъ наро-

довъ земного шара. Особенно заслуживаютъ вниманія главы, посвященныя авторомъ политическимъ партіямъ и обстоятельному изслѣдованію тѣхъ превращеній, которымъ они подвергались, а также вліяній, оказываемыхъ измѣнившимися условіями на личность партійныхъ дѣятелей. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, авторъ пользуется психологическимъ методомъ, посредствомъ котораго можно лучше и скорѣе уяснить себѣ многія событія политической жизни, нежели посредствомъ простого изученія политическихъ фактовъ, безъ всякой психологической подкладки. Въ этомъ отношеніи книга представляетъ особенный интересъ, такъ какъ она можетъ быть названа въ нѣкоторомъ смыслѣ философіей новой и новѣйшей исторіи Германіи.

(Berlin. Tag.).

«*Aus der indischen Kulturwelt*» *von D-r Artur Pfungst.* (*F. Fromman*). *Stuttgart* (*Изъ индійскаго культурнаго міра*). Въ цѣломъ рядѣ очень увлекательно написанныхъ очерковъ, авторъ знакомитъ читателя съ древнѣйшими религіозными и философскими системами индусовъ и показываетъ, какъ постепенно народъ переросъ своихъ боговъ и началъ насмѣхаться надъ ними. Чрезвычайно интересны главы, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ точки соприкосновенія между христіанствомъ и буддизмомъ, и глава, посвященная индійской сказочной литературѣ и легендамъ.

(Berlin. Tag.).

«*Nature et Sciences naturelles*» *par Frédéric Houssay* (*Flammarion*) (*Природа и естественныя науки*). Это сочиненіе можетъ быть названо исторіей тѣхъ усилій, которыя дѣлались человѣкомъ, чтобы познать и понять природу. Авторъ разсматриваетъ различныя теоріи, объясняющія явленія жизни, и дѣлаетъ имъ критическую оцѣнку.

(Journal des Débats).

«*Humanism*» *S. Schiller* (*Macmillan and C°*) *8 s. 6 d.* (*Гуманизмъ*). Для огромнаго большинства читателей, которые, не будучи спеціалистами, все таки интересуются философіей, эта книга можетъ быть очень полезна, такъ какъ служитъ хорошимъ подспорьемъ при изученіи философіи гуманизма и ея вліянія на человѣчество.

(Daily News).

«*Men and Manners of the third Republic*» *by Albert D. Vandam. With. portraits.* (*Chapman and Holl*) *15 s.* (*Люди и нравы третьей республики*). Очень интересная книга, въ которой описаны первые дни существованія третьей республики и чрезвычайно живо изображены нѣкоторыя изъ руководящихъ дѣятелей этого періода, напримѣръ, Гамбетта, Тьеръ, Жюль Симонъ. Къ тексту приложены хорошо исполненные портреты дѣятелей.

(Athaeneum).

«*Ruskin in Oxford and other Studies*» *by G. W. Kitchin. Wit. illustrations, 12 s.* (*Murray*) (*Рёскинъ въ Оксфордѣ*). Наиболѣе содержательный очеркъ въ этой книгѣ, тотъ, который относится къ Рескину и заключаетъ въ себѣ личныя воспоминанія автора. Остальные очерки носятъ болѣе или менѣе антикварный характеръ, но читаются все таки съ большимъ интересомъ.

(Daily News).

«*The Life of Daniel O'Connell*» *by Michael Macdonagh* (*Cassell*) (*Жизнь Даніеля О'Коннелля*). Авторъ заслуживаетъ самой искреней похвалы за прекрасно написанную и безпристрастную біографію ирландскаго дѣятеля. Немногіе изъ политическихъ вождей являются такими сложными натурами, какъ О'Коннель, въ характерѣ котораго заключается много чисто ирландскихъ національныхъ чертъ. Исторія его жизни тѣсно связана съ исторіей ирландскаго національнаго движенія и поэтому представляетъ особенный интересъ.

(Athaeneum).

«*Schiller und die neue Generation*» *von Ludwig Fulda* (*Cotta*) (*Шиллеръ и новое поколѣніе*). Авторъ излѣдуетъ причины перемѣны, которая произошла во взглядахъ современнаго германскаго поколѣнія на Шиллера, столѣтіе рожденія котораго праздновалось раньше, какъ національный праздникъ. По мнѣнію автора, надо искать причину этой перемѣны въ измѣненіи взглядовъ политическихъ, образовательныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ. Политическіе идеалы единства и свободы, носителемъ которыхъ былъ Шиллеръ, въ большей или меньшей степени достигнуты теперь Германіей, современные же идеалы искусства большею частью противоположны искусству Шиллера и его школы.

(Berlin. Tag.).

«*An Essay on western civilisation in its Economic Aspects*» *by W. Cunningham With Maps. 2 vols. 8 s. 12 d.* (*Cambridge Historical series*) (*Очерки западной цивилизаціи съ экономической точки зрѣнія*). Первый томъ этого прекраснаго изслѣдованія соціальной и экономической исторіи посвященъ древнимъ временамъ, а второй среднимъ вѣкамъ и современной эпохѣ. Сжатость изложенія нисколько не вредитъ интересу книги, очень богатой содержаніемъ, тѣмъ болѣе что она написана легко и просто, несмотря на серьезность предмета, и, очевидно, имѣетъ въ виду болѣе широкій кругъ читателей.

(Daily News).

«*Napoléon et son fils*» *par Frédéric Masson* (*Ollendorff*) (*Наполеонъ и его сынъ*). Очень увлекательно написанная исторія герцога Рейхштадтскаго, изобилующая подробностями и фактами. Авторъ развертываетъ передъ читателемъ блестящую картину послѣднихъ лѣтъ царствованія На-

полеона, его необычайныя старанія создать около своего сына весь декорумъ старинной монархіи, выражающіяся въ томъ вниманіи, которое онъ выказывалъ ко всѣмъ мелочамъ, касающимся ребенка, церемоніи крестинъ и его воспитанія. Авторъ описываетъ старанія Наполеона возстановить обычаи стариннаго двора и его заботливость, чтобы придворный этикетъ не былъ нарушенъ. Онъ говоритъ о строгости этого этикета, о положеніи Маріи-Луизы и подробно останавливается на печальной судьбѣ мальчика, который не наслѣдовалъ генія своего отца, не обладалъ выдающимся умомъ, не былъ въ сущности ни французомъ, ни австрійцемъ, и къ тому же еще страдалъ туберкулезомъ.

(Revue).

«*Un philanthrope d'autrefois. La Rochefoucauld-Liancourt» par Ferdinand Dreyfus* (*Plon Nourrit*) (*Филантропъ прежнихъ временъ*). Это интересная монографія одного филантропа временъ революціи, который не только мечталъ объ улучшеніяхъ участи несчастныхъ, но и пытался реализировать свои мечты. Въ исторіи онъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ только своимъ отвѣтомъ Людовику XVI, которому онъ пришелъ сообщить о взятіи Бастиліи. Король спросилъ: «Это бунтъ?» —«Нѣтъ, сиръ,—отвѣчалъ Ліанкуръ—это революція». Ліанкуръ былъ авторомъ многихъ гуманитарныхъ реформъ и всю свою жизнь положилъ на борьбу за свои гуманитарныя идеи.

(Revue).

«*A Study of British Genius» by Hovelock Ellis* (*Hurst and Blaekett*). *7 s. 6 d.* (*Изслѣдованіе британскаго генія*). Авторъ, много лѣтъ занимающійся психологіей половъ и уже посвятившій этому вопросу три тома, теперь приступилъ къ изслѣдованію британскаго генія и составилъ списокъ 971 геніальныхъ мужчинъ и 55 геніальныхъ женщинъ, которыхъ онъ и изучилъ съ біологической точки зрѣнія. Прежде всего онъ занимается вопросомъ, откуда они происходили, кто были ихъ родители и въ какомъ соціальномъ классѣ чаще всего встрѣчается геній. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о семейномъ положеніи геніальныхъ людей. Остаются ли геніальные люди преимущественно холостыми или они чаще бываютъ женатыми и имѣютъ ли они большія семьи? Имѣютъ ли они темные или свѣтлые волосы и происходятъ ли они изъ города или изъ деревни? Однимъ словомъ, изслѣдуя геніевъ, онъ ставитъ интересные вопросы, какіе обыкновенно ставятъ себѣ натуралисты, когда сталкиваются съ новымъ и доселѣ неизвѣстнымъ для нихъ видомъ въ царствѣ животныхъ. Но далѣе авторъ изслѣдуетъ чрезвычайно интересныя и важныя проблемы геніальности, ея отношенія къ физическому здоровью, наслѣдственности, окружающей обстановкѣ и т. п.

(Review of Reviews).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Реймерсъ молча поклонился. Отъ удивленія онъ позабылъ даже проститься съ Кларой Гюнцъ.

Марія Фалькенгеймъ сказала свою маленькую рѣчь такъ тепло и сердечно, и такъ честно и ласково смотрѣли при этомъ ея глаза, что онъ былъ почти растроганъ.

Ему пришло въ голову, что тотъ, кто со временемъ назоветъ своей женой эту дѣвушку, получитъ на свою долю прочное и мирное счастье. Въ ея твердомъ и ясномъ взглядѣ лежалъ залогъ этого.

Но изъ-за ясныхъ спокойныхъ глазъ молодой дѣвушки на него глядѣли полные тоски и ужаса глаза любимой женщины.

Онъ вспоминалъ крупныя слезы, катившіяся по блѣднымъ щекамъ, вспоминалъ тонкую неподвижную фигуру, озаренную невѣрнымъ блескомъ молніи и потонувшую во мракѣ.

V.

31-го мая въ субботу передъ Троицей изданъ былъ слѣдующій приказъ по полку, напечатанный во многихъ экземплярахъ:

«1. 3-го іюня въ 6 ч. 30 м. утра полкъ строится къ выходу на Сиротской улицѣ, за плацомъ.

«Голова: уголъ Пивного переулка.

«Порядокъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6 батареи.

«Музыка: полный оркестръ.

«2. Полкъ идетъ сомкнутой колонной до Обергрунна.

«3. Обозъ и резервныя фуры, разбитыя на дивизіоны, выступаютъ въ 5 ч. 30 м. Конные унтеръ-офицеры, при командированные къ нимъ изъ дивизіоновъ, отвѣчаютъ за все случающееся во время переходовъ.

«4. 3-го іюня вступаютъ въ силу всѣ изданныя по полку распоряженія о порядкѣ во время учебныхъ упражненій, о времени начала и конца ихъ.

«5. 5-го іюня въ 11 ч. утра полкъ выстраивается на Лагерной улицѣ, за учебнымъ плацомъ. Голова: верстовой столбъ № 28. Порядокъ: 6, 5, 4, 3, 2, 1 батареи. Оркестръ музыки.

«6. На Троицу солдаты ни въ какомъ случаѣ отпусковъ не получатъ. Надлежитъ разъяснить имъ, что отпускъ, отмѣненный по служебнымъ причинамъ, можетъ быть возмѣщенъ,—если признанъ будетъ заслуженнымъ—послѣ лагернаго сбора.

«7. Приготовленія къ походу должны быть по возможности окончены до сего дняшняго вечера.

«8. Въ первый день праздника солдаты могутъ быть увольняемы на ночь. Во второй день ни подъ какимъ видомъ».

Подписано: Фалькенгеймъ,
полковникъ и полковой
командиръ.

Отмѣна отпусковъ на Троицу встрѣчена была самыми искренними проклятіями со стороны новобранцевъ. Такъ хотѣлось побывать дома, показаться роднымъ въ новомъ мундирѣ. Но дѣлать было нечего. Приходилось подчиняться.

Двое друзей, Фохтъ и Клицингъ, тоже обманулись въ разсчетахъ. А они было такъ хорошо все придумали. Фохтъ упросилъ отца взять и Клицинга къ себѣ въ отпускъ. Оставалось уповать на будущее.

Они не стали и въ первый день Троицы отпрашиваться на ночь. Душныя танцовальныя залы и незнакомыя женщины не привлекали ни того, ни другого.

Вейзе, напротивъ, чувствовалъ себя тамъ, какъ рыба въ водѣ. Едва лишь новобранцевъ стали отпускать въ городъ, какъ онъ уже обзавелся и невѣстой. Красавицей ее нельзя было назвать, да и не молода она была, по правдѣ сказать, зато она всегда угощала его на свой счетъ. А когда онъ пообѣщалъ жениться, она справила ему цѣлую новую праздничную форму.

Молодой женихъ, не стѣсняясь, выпучивалъ передъ товарищами свою жаждущую любви красотку, но подъ рукой не на шутку обламывалъ дѣльце. У невѣсты была на берегу рѣки, въ кварталѣ судовыхъ и угольныхъ рабочихъ, бой-

кая лавчонка, рыбная и табачная. Онъ разсуждалъ про себя, что эта лавочка много доходнѣе, чѣмъ его слесарная работа на фабрикѣ, и припасти къ концу службы тепленькое мѣстечко не вредно. Особенно если торговлю приправить немножко политикой, стать вожакомъ тамошнихъ рабочихъ. Тогда дѣло будетъ въ шляпѣ. Онъ удивлялся, какъ это тамъ, среди этого густого рабочаго населенія никто еще не напалъ на такую счастливую мысль. Само собой разумѣется, если до тѣхъ поръ ему не представится чего нибудь болѣе соблазнительнаго.

Въ то время, когда онъ спѣшилъ черезъ главныя ворота въ объятія своей невѣсты, поджидавшей его на улицѣ, Фохтъ и Клицингъ выходили изъ заднихъ воротъ казармы.

Медленно пошли они въ гору по отлогой дорогѣ. На верху они немного постояли, любуясь видомъ, потомъ пошли внизъ, въ поле, къ маленькому хуторку, гдѣ до сихъ поръ сѣдой крестьянинъ содержалъ небольшой шинокъ.

Много лѣтъ тому назадъ этотъ лѣсной хуторокъ служилъ почтовой станціей для ѣдущихъ въ Богемію. Теперь желѣзная дорога привлекла къ себѣ все движеніе, и даже шоссейная дорога пошла по другому, болѣе удобному направленію.

Фохтъ набрелъ какъ то случайно на уединенный шинокъ и теперь почти каждый праздникъ заходилъ туда, хотя пиво тамъ струилось очень лѣниво.

Хуторъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ полями. Городъ и казармы были скрыты за холмомъ. Вокругъ, сколько глазъ хваталъ, виднѣлись только хлѣбныя нивы и зеленые луга. Вдали, впрочемъ, мелькали черепичатыя крыши деревушки, пріютившейся среди зеленыхъ садовъ. На горизонтѣ темнѣла линія лѣса и въ солнечномъ блескѣ расплывались неясныя очертанія горъ.

Этотъ видъ доставлялъ ему глубокую радость. Клицингъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія. Этотъ бѣдняга, не выѣзжавшій никогда изъ города, не умѣлъ отличить ржаного колоса отъ пшеничнаго, не говоря уже о зеленомъ овсѣ или ячменѣ. Вотъ-то просторъ! Вотъ-то даль!

Крестьянинъ съ хутора былъ такой-же породы, какъ отецъ. Любилъ свою землю и считалъ, что только то хорошо, что самъ сработалъ. Они съ Фохтомъ скоро стали пріятелями, къ большому огорченію третьяго, Клицинга, который совершенно не понималъ, что за сила такая и что за сокровища въ землѣ.

Пока оба крестьянина пространно обмѣнивались мнѣніями, писецъ наслаждался невозмутимымъ покоемъ, царившимъ кругомъ.

Столъ былъ вынесенъ на средину мощенаго двора. Густолистый каштанъ защищалъ ихъ отъ жаркихъ лучей солнца. Вокругъ его розовыхъ кистей, распространявшихъ пріятный ароматъ, вились пчелы. Иногда легкій порывъ вѣтра шевелилъ вѣтви и пробравшійся между ними солнечный лучъ ложился яркими пятнами на бѣлую скатерть.

Клицингъ откинулся на спинку стула и сталъ смотрѣть сквозь вѣтви и цвѣты.

Что за красота! Все, и дерево, и тѣнь, и спокойствіе кругомъ!

Нигдѣ еще онъ не испытывалъ такого сладкаго, освѣжающаго чувства покоя.

Онъ слегка улыбнулся.

Вѣдь чему онъ въ сущности обязанъ, что попалъ въ это прекрасное мирное мѣстечко? Все таки тому, что онъ солдатъ.

— Правду говорятъ,—подумалъ онъ—нѣтъ худа безъ добра...

Фохтъ при случаѣ попросилъ сержанта Виганда записать ихъ съ Клицингомъ въ одно отдѣленіе. Вигандъ сдѣлалъ даже больше, онъ назначилъ ихъ къ одному орудію—шестому, Клицинга за его вѣрный глазъ, наводчикомъ, нумеромъ вторымъ, Фохта нумеромъ первымъ, со шнуромъ.

Такимъ образомъ они очутились рядомъ на лафетѣ 6-го орудія, раздѣленные между собой только дуломъ.

Когда Вегштетенъ скомандовалъ своимъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ: «Номера—садись»! Фохтъ прошепталъ Клицингу:

— Ну, теперь можно и въ путь.

Длинная колонна изъ тридцати шести орудій и шести обозныхъ фуръ медленно двинулась. Вначалѣ были частыя задержки, и музыки за шумомъ и топотомъ не слышно было совсѣмъ, особенно на послѣднемъ орудіи. За нимъ шли только обозныя фуры и сзади всѣхъ ѣхалъ вахмистръ Гепнеръ.

— Оправься!—скомандовалъ впереди полковникъ, и команда, передаваясь по степенямъ, дошла до самыхъ заднихъ рядовъ.

Можно было устроиться поудобнѣе.

Фохтъ весело кивнулъ Клицингу. Недурно было прокатиться немножко ради праздника. Положимъ, сидѣнья канонировъ и на лафетѣ, и на передкѣ были не слишкомъ-то мягкія, и рессоръ подъ ними не полагалось но нока дорога шла ровная, сидѣть было довольно удобно. Вотъ только когда приходилось ѣхать по свѣже вымощеному шоссе, начинало немного потрясхивать.

Къ общему удовольствію, наканунѣ разразилась хорошая гроза, и пыль на дорогѣ прибило. Теперь опять свѣтило веселое солнце, но воздухъ былъ еще влаженъ и свѣжъ. Прогулка выходила, право, очень пріятная.

Фохтъ и Клицингъ чувствовали себя прекрасно на своихъ жесткихъ сидѣніяхъ, вдыхая ароматъ цвѣтущихъ вишенъ по сторонамъ шоссе.

Обозная фура, ѣхавшая слѣдомъ за ними запряжена была только четверкой лошадей.

На передней лошади сидѣлъ Инославскій. Онъ, видимо, чувствовалъ себя превосходно и весело подмигивалъ двумъ пріятелямъ, сидѣвшимъ передъ нимъ на лафетѣ. Ради смѣха онъ подогналъ свою переднюю пару такъ, что лошади тыкались мордами чуть не въ лица канонировъ. «Тора», на которой сидѣлъ Инославскій, пыталась даже схватить Фохта за голову.

Клицингъ боязливо отстранялся, но Фохтъ далъ лошади по мордѣ здороваго тумака, такъ что она испуганно отпрянула. Инославскій потерялъ при этомъ стремя. Въ туже минуту къ нему подскакалъ Гепнеръ.

Вахмистръ не забылъ дерзостей поляка, прикрывавшагося незнаніемъ языка. Теперь былъ самый удобный случай отплатить этому олуху.

Онъ только велѣлъ Инославскому поднять стремена.

Проѣхаться на «Торѣ», съ ея крупной тряской рысью, безъ стремянъ—этого за глаза достаточно.

И дѣйствительно очень скоро физіономія у Инославскаго вытянулась. Онъ весь покраснѣлъ, и крупныя капли пота показались у него на лбу. Какъ онъ ни усаживался на сѣдлѣ, его такъ всего и встряхивало. Всѣ его внутренности колотились другъ объ друга, въ бокахъ такъ кололо. что онъ долженъ былъ закусить губу.

Гепнеръ сзади, не спуская глазъ, смотрѣлъ, какъ его подбрасывало. Лицо поляка онъ себѣ ясно представлялъ, не стоило даже и заглядывать.

При остановкѣ онъ подъѣхалъ къ Инославскому,—дѣйствительность превзошла его ожиданія.

Онъ всплеснулъ руками, какъ въ тотъ разъ, когда Инославскій передразнилъ его, и вскричалъ:

— Батюшки мои! Инославскій! Что это съ тобой!

Солдатъ молча смотрѣлъ въ сторону.

На этотъ разъ, отъѣхавъ отъ стоянки, онъ закурилъ трубку съ изображеніемъ Богоматери. Но и послѣ этого лицо его не прояснилось. Когда человѣкъ виситъ въ сѣдлѣ, какъ повѣшанный, ему и табакъ не въ радость.

Только вечеромъ, на ночовкѣ онъ немного развеселился.

На одномъ дворѣ помѣстили два орудія—пятое и шестое—и одну фуру—и людей, и лошадей вмѣстѣ. Всего вышло 21 солдатъ, одинъ сержантъ, одинъ трубачъ, два унтеръ-офицера и двадцать лошадей.

Хозяинъ дома обо всемъ позаботился. Для спанья была густо настлана солома и покрыта грубымъ холстомъ. А на покрышку всѣ получили войлочныя одѣяла. На ужинъ имъ дали два громадныхъ окорока свинины и къ нимъ цѣлую гору картофельнаго салата съ саломъ и капустой – божественное ку-

*

шанье! Кромѣ того, у крестьянина оказалась еще въ запасѣ бочка пива и цѣлая сотня сигаръ.

Надо было чѣмъ-нибудь отблагодарить гостепріимнаго хозяина. Солдаты придумали выстроиться, пройти маршемъ мимо него и прокричать ему «ура».

Долго еще сидѣли они на дворѣ, распѣвая пѣсни и затягиваясь сигарами, пока въ бочкѣ не осталось больше ни капли пива. Стемнѣло. Большая часть солдатъ клевали носомъ, но нѣкоторые упорно поглядывали въ сторону колодца, гдѣ женщины мыли картофель къ завтрашнему дню. Однако, ни одинъ не пробрался туда. Сейчасъ по приходѣ они пообѣщали хозяину не трогать хуторскихъ женщинъ. За это онъ имъ и пиръ устроилъ.

Солдаты честно выполняли условіе, впрочемъ, для вѣрности къ молодымъ работницамъ была приставлена какая-то старая карга, сущая вѣдьма, она глазъ не спускала со всякаго, кто подходилъ къ колодцу просто за водой съ кувшиномъ, такъ бы, кажется, и пронзила его глазами.

Лучше ужъ было и не соваться. Наѣвшись ветчины да картофельнаго салата, всѣ и безъ того чувствовали себя какъ нельзя лучше.

И хорошо тоже придумалъ хозяинъ, устроивъ ужинъ передъ самымъ сномъ. Лошади были уже вычищены, всѣ работы справлены, торопиться некуда, ѣшь себѣ въ свое удовольствіе, ни о чемъ не думая. Послѣ ужина оставалось только заглянуть на лошадей, мирно жевавшихъ сѣно, да и на боковую. Трубачъ едва успѣлъ протрубить зарю, какъ всѣ уже тяжело повалились на солому.

Слѣдующая дневка вышла не такъ удачно. Фохтъ и Клицингъ попали на квартиру къ какому-то бѣдняку, у котораго и коровы-то не было. Но недаромъ старые солдаты говорили, что у бѣдныхъ хозяевъ иногда лучше стоять, чѣмъ у богатыхъ. Крестьянинъ предложилъ двумъ пріятелямъ на обѣдъ мясо съ кашей, а на ужинъ яичницу и салатъ. А его домашніе ѣли въ это время только зелень да хлѣбъ съ жиромъ. А въ помѣщичьемъ домѣ товарищи ужинали зеленымъ саломъ и гнилымъ картофелемъ.

На третій день полкъ долженъ былъ придти на мѣсто стрѣльбы.

Мѣстность стала ровнѣе. Земля приняла болѣе свѣтлый оттѣнокъ. Вмѣсто лиственнаго лѣса появились сосны, иногда безплодные песчаные пустыри чередовались съ зелеными лугами.

Наконецъ передъ ними открылась совершенно плоская равнина. На горизонтѣ ее ограничивала линія лѣса.

Когда они подошли ближе, оказалось, что около опушки было разбросано нѣсколько бѣлыхъ домиковъ, а впереди стояла высокая водопроводная башня.

Капитанъ Вегштетенъ велѣлъ остановиться и спѣшиться. 6-я батарея пришла первая на мѣсто.

По шоссе медленно приближались остальныя батареи. Наконецъ подъѣхали оба дивизіонныхъ начальника съ адъютантами и сзади всѣхъ полковникъ со своимъ штабомъ. Онъ выслушалъ доклады офицеровъ и, немного отдохнувъ, сталъ во главѣ полка.

Впереди шелъ оркестръ, за нимъ безконечные ряды солдатъ, лошадей, орудій и фуръ. У пѣшаго караула, стоявшаго у воротъ, даже руки онѣмѣли отъ усталости, такъ долго пришлось ему держать на караулъ, пока прошелъ послѣдній офицеръ.

Орудія и повозки поставили рядомъ на площадкѣ, лошадей выпрягли. Послѣ того ѣздовые отправились въ конюшни, а канониры въ жилыя помѣщенія. Тамъ для каждаго было уже приготовлено опредѣленное мѣсто, надо было только разыскать свою постель и шкафикъ.

Молодые солдаты, бывшіе первый разъ въ лагерѣ, только рты разѣвали.

Съ виду все было такъ хорошо, что лучше не надо. По срединѣ проходила широкая дорога, по лѣвую сторону отъ нея расположены были жилые бараки, а по правую конюшни.

Бараки всѣ были похожи другъ на друга. Квадратная одноэтажная изба по срединѣ и отъ нея во всѣ стороны пристройки, высокія свѣтлыя комнаты, гдѣ

помѣстили солдатъ. Въ нихъ до сихъ поръ пахло свѣжимъ лѣсомъ.

Сейчасъ же за домами начинался прекрасный сосновый лѣсъ. Въ окна проникалъ свѣжій смолистый запахъ сосенъ.

— Вотъ мы и на дачѣ, Генрихъ,— сказалъ Фохтъ Клицингу.—Что за чудесный воздухъ! Правда?

Писецъ всталъ, потянулся и вздохнулъ полной грудью.

— О, да,—сказалъ онъ,—здѣсь жить можно.

Но на дачное времяпрепровожденіе лагерная жизнь все-таки мало была похожа. Въ этомъ оба друга достаточно скоро убѣдились. Дѣла было по горло, но работалось какъ-то легко и охотно. Стрѣльба была куда интереснѣе ученья при орудіи въ гарнизонѣ.

Съ особымъ чувствомъ брали они въ руки боевой снарядъ, такой чистенькій въ своей красной окраскѣ, съ блестящей мѣдью запальной трубки и съ свѣтлымъ металлическимъ пояскомъ.

Домикъ, гдѣ хранились снаряды, стоялъ отдѣльно, около учебнаго плаца, вдали отъ остальныхъ строеній, окруженный высокимъ и толстымъ земляннымъ валомъ. Уже по этому можно было заключить, какія это опасныя штучки. А фейерверкеры шныряли взадъ и впередъ съ шрапнелями и запальными трубками подъ мышкой, такъ спокойно, точно въ каждомъ изъ нихъ не таились смерть и разрушеніе. Вѣдь каждая изъ этихъ шрапнелей начинена нѣсколькими сотнями пуль, которыхъ за глаза довольно, чтобы выкинуть изъ строя всю х ъ компанію, не считая еще осколковъ самого снаряда.

Фохтъ съ Клицингомъ тащили цѣлый ящикъ снарядовъ къ военной фурѣ. Ноша была не легкая и не слишкомъ-то пріятная. Но веселый малый не утерпѣлъ, чтобъ не подшутить по дорогѣ съ товарищемъ.

Онъ вдругъ остановился, немного наклонилъ ящикъ и вскричалъ:

— Ай, ай! Генрихъ, смотри, они, кажется, лопаются!

Но Клицингъ нисколько не испугался.

— Ну, тогда ужъ все равно, ничего не подѣлаешь,—отвѣтилъ онъ спокойно.

— Это я пошутилъ,—сказалъ Фохтъ.

Онъ зналъ, впрочемъ, что Клицингъ, при всей своей слабости, былъ далеко не трусъ. Наоборотъ, его можно было назвать настоящимъ молодцомъ.

На первый разъ стрѣльбу назначили не очень усиленную. Приготовлено было всего двадцать четыре шрапнели, по шести на каждое орудіе. Эта стрѣльба предназначалась, главнымъ образомъ, для упражненія молодыхъ офицеровъ. 6-й батареей долженъ былъ командовать лейтенантъ Ландсбергъ.

Солдаты съ любопытствомъ ждали, какъ-то у него пойдетъ дѣло. Этотъ молодчикъ никому не внушалъ симпатіи. Надо полагать, что и офицеръ-то онъ былъ не изъ важныхъ, по крайней мѣрѣ во время ученья въ гарнизонѣ на его долю приходилось больше замѣчаній и брани, чѣмъ на долю всей остальной батареи. Поминутно на плацу гремѣлъ сердитый голосъ Вегштетена: «Лейтенантъ Ландсбергъ, вы не на мѣстѣ. Гдѣ ваша колонна?» — «Лейтенантъ Ландсбергъ, куда вы ускакали?»

Бормоча сквозь зубы проклятія, маленькій капитанъ догонялъ его на своей длинноногой «Валкиріи» и издали доносились его сердитые возгласы: «Лейтенантъ Ландсбергъ, вы, кажется, спите!» Или: «Чортъ возьми, да проснитесь же, наконецъ, господинъ лейтенантъ. Слава Богу, ужъ день!» Ни передній ѣздовой, ни фейерверкеръ никогда не рѣшались потихоньку предупредить его, если онъ оказывался не противъ средины колонны или совершалъ какое-нибудь другое отступленіе отъ правилъ. Остальные офицеры, даже Реймерсъ, прекрасно знавшій уставъ, охотно пользовались этого рода услугами. Но Ландсбергъ разъ навсегда строго-на-сторого запретилъ подобныя замѣчанія. «Я самъ знаю свое дѣло!» говорилъ онъ.

Поэтому ему предоставляли ѣхать, куда ему заблагоразсудится, и только радовались, когда ему доставалось на орѣхи.

Теперь ему приходилось командовать цѣлой батареей. Вегштетенъ присутство-

валъ тутъ же, чтобы, въ случаѣ крайности, придти ему на помощь.

Этого не долго пришлось ждать.

Батарея тронулась съ мѣста и вышла черезъ лагерныя ворота. По проѣзжей дорогѣ она обогнула лагерь и направилась на открытый лугъ для стрѣльбы.

Вдругъ раздалась пронзительная команда:

— Батарея... стой! — и сейчасъ же безъ всякаго промежутка: — Шрапнелью, на ударъ!

Солдаты пересмѣивались. Нѣкоторые канониры слѣзли на землю и стояли, безпомощно оглядываясь по сторонамъ. Вѣдь прежде нужно же зарядить. А не было еще даже команды: «Съ передковъ отъѣзжай!» И какъ же заряжать, когда на дулахъ надѣты чехлы? Искусный офицеръ позабылъ и ту команду, которую надо было отдать еще до выхода изъ лагеря.

Но,—что хуже всего,—онъ самъ не понималъ, что такое произошло. Вегштетенъ невозмутимо держался рядомъ съ нимъ. Онъ выпустилъ стремена и преспокойно болталъ въ воздухѣ своими короткими ножками. Только въ глазахъ его поблескивали насмѣшливыя искорки, когда онъ взглядывалъ на безпомощнаго лейтенанта.

— Да, лейтенантъ Ландсбергъ,—сказалъ онъ, наконецъ, пожимая плечами,— если бы я былъ канониромъ, я тоже не зналъ бы, что дѣлать.

Лейтенантъ приложилъ къ каскѣ два пальца затянутой въ бѣлоснѣжную перчатку руки и пробормоталъ:

— Точно такъ, господинъ капитанъ!—но спасительная догадка не приходила все-таки ему въ голову.

Капитанъ выпрямился въ сѣдлѣ и вслѣдъ за тѣмъ раздался его увѣренный, немного рѣзкій голосъ:

— Съ передковъ отъѣзжай!

Въ рядахъ солдатъ сразу проснулась жизнь, всякій безошибочно выполнялъ свою роль.

Вегштетенъ повернулся къ лейтенанту, тупо смотрѣвшему на все происходящее.

— Ну, господинъ лейтенантъ,—сказалъ онъ,—продолжайте команду сами.

Не ожидая поклона Ландсберга, онъ повернулъ лошадь и поскакалъ прочь. «Валкирія» совершенно незаслуженно получила нѣсколько сердитыхъ ударовъ шпорами и должна была галопомъ обскакать порядочный кругъ. Надо же было на чемъ-нибудь сорвать сердце. Каково это имѣть въ своей батареѣ этакого офицера—счастливое сочетаніе лѣнтяя и фата, задиры и тупицы? Когда онъ снова подскакалъ къ батареѣ, его «Валкирія» была вся въ мылѣ.

Между тѣмъ, Ландсбергъ отдалъ команду заряжать.

Трухзесъ, въ качествѣ четвертаго номера, съ большими предосторожностями несъ шрапнель къ шестому орудію. Что стоитъ этакой-то штукѣ взорваться! Завинтится немножко побольше винтъ, который долженъ потомъ ее выкинуть,— и готово! Тоже лошадка съ норовомъ!

Старые солдаты частенько разсказывали страшныя исторіи про разныя несчастія во время стрѣльбы боевыми снарядами. Какъ-то разъ при заряжаніи снарядъ вылетѣлъ назадъ и пробилъ изрядную дыру въ груди номера третьяго, стоявшаго сзади, дыру какъ разъ такого размѣра, какъ снарядъ. Когда мертваго понесли прочь, солнце освѣщало трупъ, и посреди тѣни, отбрасываемой тѣломъ, было яркое солнечное пятно, ровное и круглое, какъ разрѣзъ ядра.

Какъ разъ этотъ самый разсказъ такъ и лѣзъ въ голову пивовару, когда онъ осторожно вкладывалъ снарядъ въ дуло. Но Клицингъ съ силой двинулъ его поршнемъ, такъ что снарядъ звонко ударился объ дуло.

— Потише, землякъ, — испуганно пробормоталъ Трухзесъ, — какъ бы эта дьявольщина не лопнула!

Клицингъ только улыбнулся. Пивоваръ подумалъ съ досадой: «Этому писцу, кажется, жизнь надоѣла, ну, а мнѣ такъ нѣтъ!»

Онъ тихонько продвинулъ дальше снарядъ и вздохнулъ свободнѣе только, когда замокъ былъ сновo запертъ. Теперь ужъ, во всякомъ случаѣ, коли вылетитъ, такъ не назадъ, на него.

Батарея сновo двинулась дальше. Медленнымъ шагомъ подвигалась она впередъ по полю.

Фохтъ со своего мѣста смотрѣлъ на мелькавшую между колесами песчаную землю, поросшую рѣдкими кустиками вереска. Онъ съ неудовольствіемъ думалъ про себя:

«Совсѣмъ заброшенная, видно, землица. Чему же и расти, кромѣ вереска».

Почва была далеко не ровная. Надо было хорошенько держаться за орудіе, чтобы при какомъ-нибудь толчкѣ не сбросило на землю.

Посреди одной, довольно густо поросшей верескомъ, лужайки батарея остановилась. Странная это была картина,— среди мирныхъ кустиковъ вереска — пушки, солдаты. Цвѣтущія вѣтки закрывали колеса выше ступицъ, ноги выше колѣнъ, а хоботовъ лафетовъ изъ за нихъ совсѣмъ было не видно. Людямъ приходилось прокладывать дорогу точно среди миніатюрнаго лѣса.

— Шрапнелью! Трубка на ударъ! Прямо по батареѣ подъ лѣсомъ! Наводить въ третье! Двѣ тысячи восемсотъ!— командовалъ лейтенантъ Ландсбергъ.— Съ лѣваго фланга огонь!

«Съ лѣваго фланга огонь»—это значило, что шестое орудіе должно начинать, должно имѣть честь сдѣлать первый выстрѣлъ изъ всего полка въ нынѣшнемъ году.

Клицингъ въ качествѣ наводчика въ одну секунду поставилъ прицѣлъ на 2.800, сѣлъ на ящикъ лафета и опустилъ дуло такъ, чтобы взять цѣль на мушку.

Замѣтить вражескую батарею было не трудно. Младшему офицеру задали, конечно, не особенно сложную задачу. Вдали, надъ желтоватой песчаной поверхностью поля ясно выступали шесть большихъ темныхъ мишеней, окруженныхъ болѣе мелкими. Это и были шесть вражескихъ пушекъ, окруженныхъ прислугой.

Сержантъ Вигандъ провѣрилъ направленіе и одобрительно кивнулъ головой.

— Шестое орудіе пали! — скомандовалъ онъ.

Канониры быстро отскочили отъ лафета, а Фохтъ дернулъ за запальный шнуръ.

Раздался оглушительный ударъ, и орудіе тяжело откатилось назадъ шаговъ на восемь. Въ одну секунду его снова одворили на мѣсто.

Черезъ нѣсколько секундъ вдали, въ полѣ появилось сначала легкое облако пыли, точно какая-то невидимая рука подбросила песокъ. Потомъ густая сѣрая туча дыма сразу скрыла изъ глазъ всѣ шесть мишеней. Когда дымъ разсѣялся. оказалось, что прислуга влѣво отъ третьей пушки совсѣмъ исчезла, да и сама пушка свернулась совсѣмъ на бокъ— видимо, была испорчена.

Первый выстрѣлъ былъ удаченъ.

Въ сущности это означало только то, что было взято правильно боковое отклоненіе. Разстояніе совпало совершенно случайно.

Но тѣмъ не менѣе это было очень пріятно.

Полковникъ Фалькенгеймъ держался нѣсколько въ сторонѣ отъ батареи на своей чалой лошадкѣ. Онъ смотрѣлъ на цѣль, въ полевой бинокль и не могъ удержать радостнаго возгласа, когда увидѣлъ, какъ куски дерева взлетѣли вверхъ въ облакѣ дыма. Онъ повернулся къ батареѣ и закричалъ:

— Молодецъ наводчикъ!

Вегштетенъ стоялъ рядомъ съ нимъ и радостно улыбался. Все-таки его любимая шестая батарея постояла за себя, хоть и подъ командой этого болвана.

Стрѣльба продолжалась безъ остановокъ. Послѣ опредѣленія разстоянія, шрапнели были поставлены на нормальный разрывъ. Теперь они разрывались какъ разъ надъ самой цѣлью. Маленькія облачка были ясно видны на фонѣ лѣса. Казалось, точно тяжелыя капли падали на пыльную землю. Повсюду крутились кверху маленькіе песчаные вихри.

Послѣ перваго же выстрѣла канониры утратили всякій страхъ къ боевымъ снарядамъ. Даже Трухзесъ хваталъ ихъ шутя, а когда были выпущены всѣ двадцать четыре, они, пожалуй охотно согласились бы продолжать стрѣльбу.

При обсужденіи стрѣльбы Ландсбергъ скромно проѣхалъ впередъ. У него было четыре прямыхъ попаданія изъ одной шрапнели. Это можно было считать удачнымъ. Все дѣло тутъ, конечно, въ первомъ попавшемъ выстрѣлѣ. Онъ одинъ

выбилъ изъ строя всю прислугу одного орудія.

Лейтенантъ высокомѣрно поглядѣлъ на всѣхъ, точно хотѣлъ сказать,—«у меня и быть иначе не могло».

Фалькенгеймъ, внимательно изучавшій каждаго изъ офицеровъ своего полка и слышавшій далеко не самые лестные отзывы о молодомъ лейтенантѣ, нашелъ нужнымъ немного сбить у него спѣсь.

— Не забудьте, лейтенантъ Ландсбергъ, — сказалъ онъ,—что вашъ батарейный командиръ поставилъ васъ въ очень выгодныя условія. Вамъ, какъ младшему офицеру, была дана самая легкая задача. Оцѣнивайте сообразно съ этимъ ваши заслуги и помните, что въ будущемъ году вамъ не дадутъ такихъ овиновъ вмѣсто мишеней.

Потомъ онъ повернулся къ Вегштетену и дружески спросилъ его.

— Вы, кажется, подъѣзжали къ мишенямъ, дорогой Вегштетенъ. Ну, что, куда угодилъ первый выстрѣлъ?

— Должно быть, въ самую середину орудія, господинъ полковникъ.

— Неужели? И вѣдь какъ удачно— первый выстрѣлъ въ году. Это не со всякимъ случается, Вегштетенъ!

Польщенный Вегштетенъ пытался отклонить отъ себя шутливую похвалу.

— Это была чистая случайность, господинъ полковникъ.

Но полковникъ продолжалъ уже серьезно.

— Ну, только отчасти. Да, вотъ еще что, дорогой Вегштетенъ. Скажите, этотъ наводчикъ крайняго орудія, который сдѣлалъ счастливый выстрѣлъ, боленъ онъ, что ли? Мнѣ онъ бросился въ глаза. Тѣнь какая-то, а не человѣкъ.

Вегштетенъ сообщилъ, что узналъ о немъ. Остальное дополнилъ Реймерсъ, только Ландсбергъ стоялъ молча.

— Въ сущности вы должны были сообщить мнѣ все это, лейтенантъ Ландсбергъ! — недовольнымъ тономъ сказалъ Фалькенгеймъ.—Вѣдь вы учили рекрутовъ, вы должны лучше всѣхъ знать ихъ.—Потомъ, обратившись снова къ Вегштетену, онъ продолжалъ:

— Судя по вашимъ отзывамъ, онъ хорошій солдатъ. Можно бы ему немного облегчить службу.

— Точно такъ, господинъ полковникъ, — поспѣшно отвѣтилъ Вегштетенъ.— Я и самъ имѣлъ намѣреніе назначить его съ осени вторымъ писцомъ.

Это была неправда. Никто не можетъ за столько времени предусматривать подобныя мелочи. Даже такой примѣрный капитанъ. Но вышло это превосходно, и, кромѣ того, сама по себѣ мысль была практичная.

Фальгенгеймъ одобрительно кивнулъ головой:

— Вы всегда попадаете въ самую точку, милѣйшій Вегштетенъ. Нельзя всѣхъ на одинъ аршинъ мѣрить. Нужно сообразоваться съ силами и способностями каждаго. Одинъ лучше всего служитъ королю руками да ногами, а вашъ наводчикъ, напримѣръ, вѣрнымъ глазомъ и перомъ.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, и офицеры откланялись ему.

Домой они возвращались подъ разными впечатлѣніями.

Реймерсъ, полный теплаго сочувствія, думалъ:

— Что за человѣкъ! Среди своихъ серьезныхъ дѣлъ находитъ время подумать о судьбѣ эдакого бѣдняги!

Вегштетенъ улыбался.—Не надо только лѣнтяйничать, держать свой свѣтильникъ подъ спудомъ! Лучше передѣлать, чѣмъ не додѣлать. И начальство довольно, и самому пріятно!

Ландсбергъ злился и внутренно смѣялся:

— О какомъ-то ничтожномъ солдатишкѣ болтаютъ почти столько же времени, какъ о его мастерской стрѣльбѣ. И это знаменитый полковникъ Фалькенгеймъ!

На слѣдующее утро всѣ охотно принимались за стрѣльбу боевыми снарядами,—только чистка орудій въ промежуткѣ была всѣмъ не по вкусу.

Этотъ бездымный порохъ оставлялъ въ дулѣ какой-то отвратительный липкій налетъ, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ тамъ оставаться. Приходилось намыливать щетки и тереть, тереть до тѣхъ поръ, пока вли-

ваемая вода выливалась совершенно чистая.

— Ну, что, ребята, станете пить воду, что течетъ изъ дула? — спрашивалъ сержантъ Вигандъ солдатъ.—Коли нѣтъ, тогда валяйте еще!

А потомъ просушка! Надо было навертывать на щетку столько суконокъ, чтобъ она едва влѣзала въ дуло. Иначе внутреннія нарѣзки и углубленія могли остаться сырыми, а малѣйшее пятнышко ржавчины на блестящей поверхности металла,—все равно что смертельная рана. Толкали, терли и протаскивали тряпки, пока со лба не начиналъ крупными каплями струиться потъ. Потомъ дуло смазывалось слегка масломъ, а на слѣдующій день съ утра начиналась стрѣльба, т.-е. также пачкотня и снова чистка.

Послѣ обѣда солдаты, забравъ съ собой мѣшки и сумки, весело отправлялись въ поле къ мишенямъ собирать пули. Лугъ былъ весь залитъ жаркими лучами солнца, земля такъ и жгла ноги сквозь подошвы, но при такой легкой работѣ это не бѣда. У кого были острые глаза, тотъ могъ недурно заработать. Стальные осколки не многаго стоили — нѣсколько пфенинговъ фунтъ. Свинцовыя пули цѣнились уже дороже, а всего дороже мѣдныя части. Кому везло, тотъ могъ набрать марки на двѣ.

Такія цѣны давало военное вѣдомство. Старьевщики платили, конечно, дороже, поэтому нѣкоторыя находки прятались куда-нибудь въ укромное мѣстечко и потомъ при удобномъ случаѣ сбывались.

Около лагеря, несмотря на всѣ сторожевые посты и разъѣзды, образовалось цѣлое кочевье какихъ-то бродягъ и мелкихъ воришекъ. На сколько-нибудь цѣнную добычу они бросались чуть не во время самой стрѣльбы и исчезали съ быстротой молніи, какъ только приближался разъѣздъ. Иногда патрули находили въ лѣсу шалашъ изъ вѣтвей, сооруженный этими бродягами; его, конечно, истребляли. Но обитатели всегда успѣвали во-время скрыться. А когда солдатики отправлялись на поиски пуль, они всегда видѣли мелькающія за деревьями подозрительныя фигуры. Когда въ погоню за ними направлялись конные патрули, они, какъ зайцы, бросались вразсыпную и старались забраться въ чащу, куда верховые не могли слѣдовать за ними.

«Дачный отдыхъ», о которомъ мечтали вначалѣ Фохтъ и Клицингъ, на дѣлѣ оказался временемъ самой усиленной и непрерывной работы. Но тутъ утомленіе переносилось какъ-то легче. Во-первыхъ, упражненія были разнообразнѣе, а во-вторыхъ, не было опостылѣвшей казарменной жизни, со всей ея безсмысленной муштровкой.

Одна маршировка тамъ чего стоила, до того человѣка затолкаютъ и задергаютъ, что онъ подъ конецъ двигается совсѣмъ какъ маріонетка, безъ всякаго соображенія. И члены-то дѣлаются всѣ словно чужіе, какіе-то деревянные. И для чего нужна вся эта мука, отравляющая жизнь въ казармѣ? Пожалуй, что только для смотровъ да для парадовъ.

Это начинали смекать даже самые тупоумные, не то что Фохтъ, съ его простымъ и яснымъ умомъ. Всѣ чувствовали, что эти упражненія въ стрѣльбѣ важнѣе всего, что они до сихъ продѣлывали. Здѣсь, видно было, по крайней мѣрѣ, чему они научились. И куда дѣвался и церемоніальный маршъ, и всякія гимнастическія упражненія,— отъ нихъ и слѣда не осталось. Вѣчный козелъ отпущенія, Клицингъ тутъ сразу попалъ въ честь. При стрѣльбѣ въ цѣль на премію онъ получилъ первый призъ. Остальные Богъ знаетъ на сколько отстали. А вѣдь въ маршировкѣ онъ нисколько не подвинулся и гимнастикѣ тоже не научился. Значитъ, казалось бы, онъ по прежнему оставался никуда не годнымъ солдатомъ.

Фохтъ только головой качалъ, раздумывая обо всемъ этомъ.

Ему, какъ артилеристу, было еще много лучше; другимъ приходилось куда хуже.

Нѣсколько дней назадъ въ сосѣдній лагерь пришелъ полкъ пѣхоты. Черезъ заборъ за конюшнями видно было, какъ они упражнялись на своемъ плацу.

Тамъ у нихъ былъ одинъ майоръ,

сухой человѣкъ, съ желтой, какъ лимонъ, кожей,—такъ онъ ровно-таки никогда не былъ даволенъ, все ему мало. Съ утра до средины дня батальонъ жарился на солнцѣ, не сходя съ мѣста, а послѣ короткаго обѣденнаго перерыва начиналась та же исторія. Фу ты, чортъ возьми! Не могутъ же нѣсколько сотъ человѣкъ двигаться, какъ одинъ, не машины, вѣдь! И, главное, къ чему это? То не всѣ вдругъ хватались за прикладъ. То не всѣ руки вразъ опускались по швамъ, то опять не вразъ хватались за прикладъ. А маршировка! То у одного вдругъ оказывалось ружье на плечѣ черезчуръ опущено назадъ, и онъ портилъ всю музыку. А если ружья всѣ торчали ровно, кто-нибудь непремѣнно подгибалъ колѣни.

Ѣздовые постоянно собирались около забора и хохотали надъ этимъ представленіемъ. Но Фохтъ не находилъ тутъ ровно ничего смѣшного. Зло брало смотрѣть, какъ сотни людей продѣлывали такія ребяческія штуки. Ну, къ чему все это? Неужели они, идя въ сраженіе, будутъ этакъ маршировать? Онъ вспоминалъ объ ихъ мишеняхъ тамъ въ полѣ. Стоило шрапнели взорваться тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и они всѣ точно нашпигованы пулями. Гдѣ ужъ тутъ маршировать! Ползти, бѣжать, прыгать и снова ползти, вотъ что имъ придется. По утрамъ они это и дѣлали, когда у нихъ бывало примѣрное сраженіе, и на пѣхотномъ плацу, точно тысячи телеграфистовъ работали, все время только и слышно было так... так... так... так...

Къ чему же тогда эта ерунда, которая только утомляетъ и озлобляетъ людей.

Лица у этихъ пѣхотинцевъ были далеко не веселыя, а на своего желтаго майора они кидали порой взгляды, полные скрытой злобы и угрозы. Возвращаясь съ ученья, они совали въ уголъ свои ружья и разражались проклятіями на свою каторжную жизнь.

У одной роты на рукавахъ были королевскія вензеля, они, значитъ, считались лучшими стрѣлками въ арміи. Но дергали ихъ не меньше, чѣмъ остальныхъ, и ненавидѣть они, видимо, умѣли не хуже другихъ. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы изъ всей этой людской массы сдѣлать подобіе одной гигантской машины съ руками и ногами. Это было, должно быть, важнѣе, чѣмъ научиться стрѣлять.

Фохтъ не зналъ, что обо всемъ этомъ думать. Можетъ быть, въ этомъ и былъ какой-нибудь смыслъ, но онъ его не понималъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ спросить объ этомъ отца. Онъ, вѣдь, былъ пѣхотинцемъ.

Но покуда онъ не могъ побѣдить въ себѣ жалости къ этимъ бѣднякамъ.

Во всемъ нельзя, конечно, согласиться съ такимъ соціалъ-демократомъ, какъ Вейзе, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ-ни-какъ, онъ, выходитъ, правъ.

Вейзе началъ теперь по вечерамъ развивать свои взгляды. Какъ только унтеръ-офицеры отправлялись въ буфетъ, а солдаты выносили скамьи на балконъ, онъ принимался ораторствовать. Солдаты окружали его, кто съ сигарой, кто съ какой-нибудь работой, и внимательно слушали.

Если кто-нибудь изъ сельско хозяйственныхъ рабочихъ начиналъ роптать на тяжелую работу дома, на безконечный рабочій день, на ничтожные заработки, онъ разражался хохотомъ:

— Еще и не того дождетесь отъ своихъ помѣщиковъ,—насмѣхался онъ.— И по дѣломъ вамъ, потому — дураки! Коли вы все терпите, и голосу не подаете, стало быть, такъ вамъ и надо. Еще и почище слѣдовало бы!

И онъ разсказывалъ, какъ идетъ дѣло у нихъ, у заводскихъ слесарей. Какъ только съ кѣмъ-нибудь поступятъ не по совѣсти или когда заработокъ оказывается черезчуръ малъ, они сейчасъ устраиваютъ стачку. Конечно, для этого выбирали подходящее время, когда у фабрики были неотложные заказы. Боролись до тѣхъ поръ, пока не устанавливали новый договоръ. Конечно, не всѣ требованія удовлетворялись, но рѣдко стачка кончалась безъ какого-нибудь выигрыша для рабочихъ. Надо только показать людямъ, что рабочіе тоже сила, и что они не позволятъ сѣсть себѣ на

голову. Они тоже хотятъ получить на свою долю часть прибыли, которую богачи выжимаютъ изъ нихъ же и кладутъ въ свои широкіе карманы.

Товарищи изъ земледѣльческихъ мѣстъ мотали себѣ на усъ всѣ эти простыя разсужденія. Пожалуй, ихъ можно будетъ примѣнить у себя дома, а если тупоголовый помѣщикъ не захочетъ знать ихъ,—не бѣда!—тогда можно и убраться оттуда по добру, по здорову въ городъ. Тамъ, небось, заработаешь много больше, и работать придется всего восемь, ну, или тамъ десять часовъ, и ни минуты лишней!

Потомъ Вейзе начиналъ разсчитывать во что обходится день стрѣльбы. Высчитать это не трудно. Одинъ выстрѣлъ стоитъ около пятнадцати марокъ, а одна ихъ шестая батарея дѣлала въ день сто двадцать выстрѣловъ. Въ полку шесть батарей, въ корпусѣ четыре полка, а въ нѣмецкой арміи двадцать три корпуса.

— Пусть-ка высчитаетъ, кому охота, сколько это выйдетъ!—говорилъ Вейзе.— Хватило бы, чтобы всѣмъ бѣднякамъ на свѣтѣ хоть одинъ денекъ прожить въ свое удовольствіе!

Солдаты кивали головами; это ужъ, что и говорить, вѣрно!

А Вейзе продолжалъ. И это еще незначительная доля всѣхъ расходовъ на армію. Подумать только, чего стоитъ держать подъ ружьемъ безчисленные полки пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Онъ вытащилъ изъ кармана листокъ и прочелъ, сколько Германія тратитъ ежегодно на содержаніе войска.

Товарищи даже рты разинули. Чертова уйма деньжищъ, и не сообразишь хорошенько, сколько это! Иногда кто нибудь пытался слабо возражать.

—Ну, а какъ вдругъ война, землякъ, а у насъ солдатъ нѣту?

—Война! Война!—подхватывалъ насмѣшливо Вейзе.—что за война?—Кому она нужна? Ты что-ли хочешь воевать? Тебѣ бы вѣрно хотѣлось торчать тамъ на мѣстѣ мишеней и чтобъ въ тебя цѣлили, какъ въ ворону? Этого тебѣ хочется?

— Мнѣ-то нѣтъ.

— Такъ тебѣ, можетъ, Финдезенъ?

— Мнѣ? Нѣтъ, храни Богъ!

— Ну, такъ тебѣ, Трухзесъ?

Пивоваръ на секунду задумался и отвѣтилъ:

— Мнѣ? Нѣтъ. Правду говоря—нисколечко. По мнѣ, всегда былъ бы миръ. Но, можетъ, французы тамъ или русскіе хотятъ войны.

— Эге! — вскричалъ Вейзе. — Какъ бы не такъ? Ты только подумай: вѣдь тамъ во Франціи сидятъ все такіе же мирные ребята, какъ и мы. Поди, спроси ихъ, можетъ, имъ вдругъ пришла охота пристрѣлить тебя тамъ или меня. Ну, какъ ты самъ думаешь, похоже это на правду?

— Нѣтъ. Вздоръ, конечно. Ну, такъ... ну, такъ кому же нужна война?

Вейзе промолчалъ минуту и тихонько разсмѣялся. Потомъ онъ сказалъ, пожавъ плечами:

— Да-а. Ну, этого я тоже не знаю. Вѣрнѣе всего, что никому. Во всякомъ случаѣ, не намъ.

На верандѣ стало совсѣмъ темно, едва можно было различить отдѣльныя лица. Всѣ сидѣли молча.

Наконецъ пивоваръ проговорилъ со вздохомъ:

— Къ чему это, когда такъ, ухлопывается столько денежекъ?

— Не правда-ли? — подхватилъ весело Вейзе — хоть бы намъ перепало изъ этого по парѣ пива, что ли, землячокъ. Такъ вѣдь?

— Недурно бы— пробурчалъ Трухзесъ,—по парѣ на каждаго.

Вольфъ, худой, длинноногій канониръ, обыкновенно стоялъ во время этихъ разговоровъ, прислонясь къ столбу балкона и слушалъ. Самъ онъ никогда не принималъ въ нихъ участія.

Послѣ того, какъ товарищи расходились по своимъ комнатамъ спать, онъ еще долго стоялъ тамъ, всматриваясь въ темноту лѣтней ночи.

Увѣренность, что настанетъ наконецъ «великій день свободы», стояла передъ нимъ непоколебимо, какъ солнце. Товрищи по партіи считали его фантазеромъ и мечтателемъ, и находили, что иногда въ повседневной борьбѣ онъ можетъ быть

даже неудобенъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось прибѣгать къ не вполнѣ безупречнымъ средствамъ. Онъ начиналъ тогда говорить, что они «пятнаютъ чистое дѣло свободы». Подобныя фразы звучатъ, конечно, очень красиво, но съ ними далеко не уѣдешь.

Самъ онъ, впрочемъ, никогда не колебался проявлять на дѣлѣ свои убѣжденія. Онъ ограничивалъ свои потребности самымъ необходимымъ, и всегда оказывалъ въ чемъ только могъ поддержку товарищамъ. И также просто, какъ онъ отдавалъ свой скромный заработокъ, которымъ онъ могъ-бы скрасить хоть не много свою жизнь, онъ отдалъ бы и самую эту жизнь, если бы она понадобилась для святого дѣла. Если-бы не его мягкій мечтательный характеръ, онъ сталъ бы активнымъ борцомъ, но такъ онъ напоминалъ скорѣе мученика за идею.

Ни одинъ, вѣроятно, не ожидалъ съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ конца солдатчины. Два раза его отсылали назадъ съ призыва поправляться и только въ третій наборъ его взяли. Само по себѣ то обстоятельство, что онъ былъ на три года старше своихъ товарищей по призыву, еще не много значило. Но и помимо этого онъ какъ-то не подходилъ къ нимъ и неохотно сближался съ ними. Болтать съ ними обо всемъ, не упоминая ни словомъ того, что составляло душу его души, что владѣло его мыслями, рвалось съ языка! Говорить о постороннемъ, ему, считавшему потерянным тотъ день, когда онъ ничего не сдѣлалъ для рабочаго класса, для цѣлей своей партіи,—нѣтъ, это было свыше его силъ! Онъ предпочиталъ молчать. Предпочиталъ избѣгать всякаго общенія. По крайней мѣрѣ, такъ онъ не рискуетъ надѣлать глупостей, которыя могли бы удлиннить для него время ненавистнаго заточенія.

Прежде у него было довольно смутное представленіе о желанной имъ свободѣ, теперь оно стало яснѣе. Свобода,—это то время, когда его отпустятъ, когда ему не надо будетъ надѣвать ненавистный солдатскій мундиръ. Толкованіе, конечно, не совсѣмъ точное, но въ настоящее время эта свобода лежала ему всего ближе къ сердцу.

Когда онъ слушалъ послѣдніе дни тайныя рѣчи Вейзе, его всякій разъ тянуло вмѣшаться въ разговоръ. Онъ зналъ, что его слова прозвучатъ сильнѣе и убѣдительнѣе. Но онъ также хорошо зналъ, что на слѣдующій же день онъ будетъ сидѣть подъ строгимъ арестомъ, и молчалъ.

Цѣль достигалась и помимо него. Ясно было видно, какъ послѣ этихъ разговоровъ новыя мысли начинали шевелиться въ головахъ всѣхъ этихъ простодушныхъ парней, не слыхавшихъ раньше ни звука о соціалъ-демократіи и рабочемъ движеніи. Ни одного прямого слова пропаганды еще не было сказано, а въ умахъ ихъ ужъ совершалась подготовительная работа. Воздѣлывалась почва, на которой добрыя сѣмена дадутъ потомъ здоровые всходы.

И если подобный результатъ достигался у нихъ въ артиллеріи, гдѣ служба далеко не такъ тяжела, то какъ же подобныя рѣчи должны были дѣйствовать въ пѣхотѣ, гдѣ точно нарочно старались несносной муштровкой убить всякую невинную радость, отнять самый необходимый отдыхъ.

На этихъ дняхъ у нихъ тамъ одинъ солдатъ вдругъ во время упражненій впалъ въ буйное помѣшательство. Онъ бросался и кричалъ, какъ дикій звѣрь, потомъ въ страшныхъ судорогахъ упалъ на землю, на губахъ у него показалась пѣна, глаза вылѣзали изъ орбитъ, потомъ онъ впалъ въ безпамятство, и обморокъ продолжался такъ долго, что ужъ стали терять надежду, когда нибудь привести его въ чувство. Наконецъ, онъ все-таки ожилъ, обвелъ всѣхъ безсмысленнымъ взглядомъ и сталъ бормотать какія-то безсвязныя слова. Разсудокъ былъ навсегда утраченъ.

Кто могъ сказать, что послужило причиной этого несчастья? Солнце, чрезмѣрное утомленіе или, быть можетъ, унаслѣдованное отъ предковъ предрасположеніе, все равно рано или поздно вызвавшее бы катастрофу? Установить это, конечно, никогда не удастся. Но солдаты, видѣвшіе, какъ несчастный

бился на землѣ и рычалъ, мрачно сжимали въ рукахъ ружья и въ глазахъ у всѣхъ была одна и таже мысль.

При такихъ условіяхъ военная служба прямо играла въ руку соціалъ-демократіи. Даже и безъ такого исключительнаго случая, какъ этотъ, многое содѣйствовало успѣхамъ соціалистической пропаганды.

Вольфъ видѣлъ, какую роль начиналъ играть Вейзе въ батареѣ.

Такъ было всюду. Новобранцы попадались всегда и изъ городовъ, и изъ деревень. Горожане, хотя ихъ бывало обыкновенно меньше, получали значительный перевѣсъ надъ деревенскими жителями. Они были,въ общемъ развитѣе и развязнѣе тѣхъ. Поэтому они легче приспособлялись къ требованіямъ военной службы и изъ нихъ по большей части выходили лучшіе солдаты. Медлительные и туговатые на соображеніе крестьяне, въ общемъ, отставали отъ нихъ. Такимъ образомъ, само собой выходило, что горожане, главнымъ образомъ, фабричные рабочіе, пріобрѣтали нѣкоторое вліяніе на крестьянъ, и пользовались они имъ, разумѣется, не для того, чтобы превозносить патріархальныя условія жизни тѣхъ. Конечно, изъ рабочихъ немногіе развѣ были сознательными пропогандистами, большая часть безъ всякаго предвзятаго намѣренія дѣлилась съ товарищами собственными мыслями. У тѣхъ же эти простыя соображенія производили цѣлый переворотъ въ умахъ.

Почва была готова, оставалось только посѣять сѣмена. Объ этомъ уже тамъ на волѣ должна была позаботиться партія.

Къ чему служили періодическіе обыски всѣхъ казармъ, до послѣдняго уголочка, строгія воспрещенія участвовать въ соціалистическихъ предпріятіяхъ? Конечно, никто не былъ до такой степени баснословно глупъ, чтобъ нарушать эти предписанія. Разные листки и брошюрки рѣдко попадали въ казармы, не стоило ради ихъ перетряхать грязныя солдатскія рубахи и шарить саблями въ соломенныхъ подстилкахъ.

Его, Вольфа, конечно, напередъ отрекомендовали полку, какъ элементъ въ высшей степени подозрительный, и у него постоянно производились самые тщательные обыски. Вегштетенъ бросалъ на него всегда такіе проницательные взгляды, точно онъ хотѣлъ открыть у него за черепомъ цѣлый складъ соціалистической контрабанды. Тамъ, конечно, ее и нужно было искать, а не въ его грязныхъ носкахъ и подштанникахъ, гдѣ никогда не удавалось открыть чего-нибудь преступнаго.

О нѣтъ, онъ былъ на сторожѣ. Онъ держался въ сторонѣ даже во время разныхъ разговоровъ товарищей. Онъ стоялъ молча, прислонясь къ столбу, вглядывался въ ночной просторъ и думалъ о томъ днѣ, который принесетъ ему свободу, свободу двигаться, свободу жить и работать.

И онъ продолжалъ мечтать и фантазировать: теперь царитъ еще ночь, но когда-нибудь настанетъ утро, утро великаго дня свободы. Когда-нибудь—навѣрно.

Насколько шумно и оживленно было въ лагеряхъ по буднямъ, настолько тихо и спокойно бывало тамъ по праздникамъ.

Солдатамъ былъ отведенъ довольно большой кругъ, въ границахъ котораго они могли свободно разгуливать. Внутри его лежали три деревни, и съ жителями ихъ солдаты сейчасъ-же завязали знакомства. Сообща съ тѣми они устроили на открытомъ мѣстѣ большіе деревянные подмостки, на которыхъ по праздникамъ шелъ непрерывный плясъ. Полковые музыканты попеременно играли танцорамъ, и пиво лилось рѣкой. За одинъ такой день пива этого выпивалось не меньше, чѣмъ за всю зиму въ деревнѣ.

Вокругъ танцовальныхъ площадокъ и шинковъ постоянно разъѣзжали сильные патрули.

Танцорокъ было слишкомъ мало, изъза этого безпрестанно вспыхивали ссоры, и онѣ рѣдко кончались добромъ. Нерѣдко онѣ приводили къ потасовкамъ, а иногда возникали и форменныя свалки. Обычное соперничество между различ-

ными родами оружія тутъ подогрѣвалось еще ревностью.

Кромѣ крестьянокъ, были въ тѣхъ мѣстахъ и еще особы женскаго пола, устроившіяся въ этихъ деревняхъ на дачѣ. Эти послѣднія причиняли особенно много хлопотъ воинскому начальству.

Случалось, солдаты устраивали настоящіе хвосты передъ лѣтними резиденціями красавицъ, точно передъ пекарнями во время голода. Если среди ожидающихъ очереди попадалось два-три пьяныхъ, то нерѣдко завязывалась драка. По этому поводу шли далеко не пріятные для начальства толки. Всего охотнѣе оно бы сразу положило конецъ всему этому безобразію. Но нельзя же было поставить патрули у дверей подозрительныхъ домовъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было оказать нравственное давленіе на мѣстныхъ жителей.

Сельскія общины подчинились внушенію военнаго начальства и положили конецъ безчинству, подвергнувъ виновницъ безъ долгихъ разсужденій административной высылкѣ.

Два друга собирались гулять въ воскресенье, и Фохтъ спросилъ Клицинга:

— Ну, Генрихъ, куда же мы отправимся. Идемъ, что ли, съ ними выпить кружку пива и поглядѣть на ихъ веселье?

— Если хочешь, Францъ,—отвѣтилъ Клицингъ.

— Когда такъ, такъ нѣтъ, — сказалъ Фохтъ.—Ты говори всегда прямо, коли тебѣ что не по вкусу. Меня и самого не очень-то туда тянетъ. Пива мы можемъ выпить и въ буфетѣ. Пройдемся-ка лучше по лѣсу, туда, за мишени. Идетъ?

— Очень радъ, Францъ.

Они отстали отъ товарищей и пошли по тропинкѣ къ лѣсу. А вся толпа повернула изъ воротъ прямо по пыльному шоссе къ деревнямъ.

Фохтъ нѣсколько времени слѣдилъ глазами за поднятыми ими облакомъ пыли.

— Какъ ты думаешь, чего ихъ такъ тянетъ къ этимъ бабамъ?

— Право, и самъ не знаю.

— Ты не очень-то за ними гонишься, правда?

Писецъ отрицательно покачалъ головой.

— А ты, Францъ?—спросилъ онъ.

— Я тоже. Пока, по крайней мѣрѣ.

Оба говорили истинную правду. До сихъ поръ жизнь ихъ была полна такого тяжелаго труда, что имъ некогда было подумать обо всѣхъ этихъ любовныхъ глупостяхъ. Не испытавъ этого рода развлеченій, они не чувствовали и лишенія безъ нихъ.

Идя въ тѣни опушки, они подошли къ цѣлямъ. Черныя прострѣленныя мишени были уже приготовлены къ завтрашнему дню и мужественно ждали предстоящей стрѣльбы.

Нѣсколько въ сторонѣ виднѣлись развалины маленькой деревеньки. Городъ скупилъ ее для расширенія своей территоріи, но ее пока не сносили, чтобы испытать дѣйствіе снарядовъ на строенія.

Гранаты честно выполнили свое назначеніе. Толстыя стѣны были пробиты насквозь, крыши сорваны. Въ нѣкоторыхъ домахъ снаряды произвели пожаръ; деревянныя части обгорѣли, а что пощадилъ огонь, то растаскали люди. Нигдѣ во дворахъ не видно было ни лѣсенки, ни доски. Балки и подпоры были выломаны, окна и двери вырваны. На стѣнахъ, гдѣ сохранилась известка, сдѣланы были углемъ и краской разные рисунки и надписи. Но въ большинствѣ случаевъ известка обвалилась и обнаружилась укладка стѣнъ.

Это была печальная картина разрушенія. Въ воздухѣ какъ будто чувствовался еще запахъ пожара.

Фохтъ мрачно смотрѣлъ на развалины. Такъ, должно быть, выглядитъ все и послѣ настоящей войны.

— Проклятье! Во что бы то ни стало надо уничтожить войну!

Клицингъ тихонько засмѣялся.

— Кто только первый рѣшится на это?

— Это, конечно, самое трудное!—воскликнулъ тотъ.

— Вотъ видишь, Францъ! И знаешь ли, не мы этого достигнемъ.

— А кто же?

— Время... жизнь.

Молча повернули они назадъ къ лагерямъ. Почти полтора часа шли они до развалинъ деревни. Теперь солнце уже не такъ сильно пекло, и они направились прямо лугомъ. Иногда имъ приходилось обходить рытвины, взрытыя мѣстами снарядами. Черная земля была выворочена наружу, корни порваны.

Фохтъ поднялъ комокъ земли и растеръ ее между ладонями. Почва была вовсе не такая плохая, какъ имъ сначала показалось. Если не кукуруза, то ужъ овесъ, во всякомъ случаѣ, могъ отлично расти на ней. И онъ вообразилъ себѣ на мѣстѣ этого безплоднаго, изрытаго пустыря огромное, волнующееся, какъ море, поле спѣлаго овса.

Какая жалость, что это поле было обречено на безплодіе!

— Какъ бы мнѣ хотѣлось,—сказалъ вдругъ Клицингъ, — нарвать полную охапку этого вереска и взять съ собой. Чтобъ чувствовать и тамъ его запахъ.

— Какой ты, право, глупый, Генрихъ,—проворчалъ Фохтъ.

— А что?

— Ну, куда эту дрянь. Вѣдь она ни на что не годна.

Иногда Фохтъ совершенно не понималъ своего пріятеля. Ну, что можетъ находить человѣкъ въ этой жесткой, сухой травѣ? Онъ неодобрительно покачалъ головой и наступилъ ногой на высокій кустикъ, вызывающе протягивавшій вверхъ свои вѣточки, усыпанныя красными цвѣтками.

Полныхъ три недѣли провелъ полкъ въ лагеряхъ, потомъ опять, также въ три дня, совершился обратный переходъ въ гарнизонъ.

Когда ихъ фуры выѣзжали изъ рѣшетчатыхъ воротъ лагеря, на плацу раздавались удары стрѣльбы пришедшей вчера вечеромъ на ихъ мѣсто части.

Первое время въ гарнизонѣ ушло на починку и чистку амуниціи и орудій. Но особенныхъ заботъ требовали лошади. Куда дѣвалась ихъ прежняя сытая округлость. Теперь у всѣхъ почти ребра торчали наружу, и даже чудодѣйственное средство майора Гейшкеля не оказывало ожидаемаго дѣйствія.

Приходилось на время дать лошадямъ отдохнуть, а слѣдовательно, само собой отпадали упражненія съ запряженными орудіями. Въ общемъ, стрѣльбой заканчивалось обученіе рекрутъ, оставалось только хорошенько запомнить выученное и усвоить еще нѣкоторыя мелочи.

Теперь наибольшее вниманіе было сосредоточено на «составленіи орудія». Въ этомъ упражненіи Фохтъ особенно отличался. Даже унтеръ-офицеры часто не могли соперничать съ нимъ въ ловкости, быстротѣ и находчивости, когда приходилось поставить на мѣсто сбитое колесо или прикрѣпить какъ слѣдуетъ сорвавшееся дышло. Тутъ сказалось его воспитаніе. Отецъ его избѣгалъ приглашать къ себѣ въ домъ мастеровыхъ. Онъ самъ былъ и кузнецомъ, и плотникомъ, и слесаремъ, и экипажнымъ мастеромъ, а сынъ во всемъ помогалъ ему. Теперь это оказало большую службу Францу. Онъ чувствовалъ, что изъ него не выйдетъ какого-нибудь особенно, выдающагося солдата, но онъ хотѣлъ хоть въ чемъ-нибудь отличиться. Ему не хотѣлось слишкомъ ужъ отстать отъ Клицинга, признаннаго лучшимъ наводчикомъ во всей батареѣ!

Въ тайнѣ оба друга мечтали теперь объ одномъ,—объ отпускѣ, который былъ имъ обѣщанъ передъ стрѣльбой.

Имъ разрѣшили уѣхать на восемь дней, и отправлялись они въ первое воскресенье іюля.

Такъ на долго отпускали очень немногихъ, и капитанъ не преминулъ указать на это обоимъ друзьямъ. Въ маленькой рѣчи онъ объяснилъ имъ, что они пользуются такой исключительной льготой въ награду за примѣрное поведеніе во время стрѣльбы.

Это былъ излюбленный пріемъ Вегштетена. Онъ всегда старался придать самый заманчивый видъ тѣмъ скуднымъ льготамъ, какія перепадали на долю солдатъ во время службы.

Красокъ онъ при этомъ не жалѣлъ и говорилъ о какомъ-нибудь восьмидневномъ отпускѣ, какъ о рѣдкомъ от-

личіи, выпадающемъ на долю немногихъ счастливцевъ разъ за многіе годы.

По большей части онъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Фохтъ и Клицингъ стояли передъ нимъ раскраснѣвшіеся отъ радостнаго волненія и чувствовали глубочайшую благодарность къ начальству. Внутренно они давали себѣ обѣщаніе и впредь исполнять свято свой долгъ. Они не умѣли только выразить своихъ чувствъ. Наконецъ, Клицингъ пробормоталъ все-таки нѣсколько словъ прерывающимся голосомъ.

Капитанъ благосклонно выслушалъ его. Онъ сейчасъ же разобралъ, что передъ нимъ стоятъ двое славныхъ, честныхъ малыхъ. Нѣсколько дружескихъ вопросовъ о семьѣ и родинѣ ничему не помѣшаютъ, напротивъ, еще ближе подвинутъ его къ цѣли. Изъ отвѣтовъ онъ узналъ, что одинъ изъ нихъ ѣдетъ въ гости къ другому, и похвалилъ ихъ за такую вѣрную дружбу. Но ради осторожности онъ справился у Фохта, кто такой его отецъ. Вдругъ это тоже какой-нибудь соціалистъ, и въ его сѣти вмѣсто одного попадутъ двое. Положимъ, это мало вѣроятно,—не такъ выглядитъ онъ, а все-таки... Но отвѣтъ Франца совершенно успокоилъ его: «Отставной фельдфебель и бывшій дорожный сборщикъ».

Онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на Фохта. Если онъ не ошибается, у этого канонира есть данныя стать вполнѣ порядочнымъ унтеръ-офицеромъ. Другой, писецъ, при всемъ желаніи, не годится для этого. Съ осени онъ будетъ въ канцеляріи. Больше изъ него ничего не выкроишь.

Какая въ сущности неподходящая пара—эти двое. Смѣшно подумать, какіе противоположные элементы сходятся иногда, — этотъ грубый крестьянинъ и болѣзненный писецъ, жалкій продуктъ городской жизни, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, который не могло оживить даже жаркое солнце лагерей.

Онъ рѣшилъ разсказать полковнику объ этой дружбѣ деревни съ городомъ. Фалькенгеймъ любилъ подобныя доказательства вниманія къ личности отдѣльныхъ солдатъ.

Въ первую субботу іюля мѣсяца дорожный сборщикъ Фридрихъ-Августъ Фохтъ цѣлый день не находилъ себѣ покоя. Онъ самъ на себя сердился и ворчалъ,—какъ это можно до такой степени терять всякую власть надъ собой.

И изъ-за чего? Изъ-за того, что сынъ, положимъ единственный, первый разъ ѣдетъ домой на побывку.

Чего бы тутъ, кажется, съ ума сходить!

Время теперь не самое горячее, нельзя даже на работу хорошенько приналечь, чтобы выбить у себя эту дурь изъ головы. Сѣно уже убрано, а ржи надо еще недѣльки двѣ-три постоять. Кромѣ того, онъ, по правдѣ говоря, немножко загналъ впередъ работу, чтобъ быть посвободнѣе, когда сынъ пріѣдетъ. И вотъ онъ безпокойно бродилъ по двору, заглядывалъ въ хлѣвъ, гдѣ три круглыя, блестящія коровы задумчиво пережевывали жвачку, заходилъ въ домъ и невольно выглядывалъ въ окошко въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти сынъ съ товарищемъ, хотя еще оставалось нѣсколько часовъ до прихода поѣзда.

И все время онъ самъ съ собой спорилъ и бранился, — онъ находилъ, что старому солдату совершенно неприлично идти встрѣчать сына на станцію. А теперь досадовалъ, что не пошелъ. По крайней мѣрѣ, онъ бы зналъ уже, пріѣхалъ ли Францъ и все ли благополучно.

Дома ему положительно не сидѣлось. Онъ вышелъ за калитку и дошелъ до поворота, откуда открывалась дорога чуть не до самой станціи. Внизу прогудѣлъ свистокъ, облако дыма мелькало уже дальше, за станціей, а солдатъ все еще не было видно. Неужели же Францъ зашелъ куда-нибудь выпить кружку пива?

Нѣтъ, вотъ показались вдали двѣ фигуры, на головахъ сверкали на солнцѣ каски,—это, конечно, они!

Дорожный сборщикъ отступилъ въ тѣнь, чтобы его не было видно съ дороги. Мальчишкѣ вовсе не къ чему знать, что отецъ всѣ глаза проглядѣлъ, поджидая его. Онъ стоялъ подъ навѣсомъ до тѣхъ поръ, пока уже можно

было различить шишаки на каскахъ, теперь уже не могло быть сомнѣній,— это сынъ съ товарищемъ. Во всей округѣ нѣтъ другого артиллериста.

Когда Фохтъ и Клицингъ подошли къ дому, отецъ словно случайно выглянулъ въ окошко.

— А! да это вы! — сказалъ онъ и привѣтливо закивалъ обоимъ.

Онъ съ трудомъ могъ оторвать глаза отъ сына. Ишь, какой молодецъ сталъ, крѣпкій, плечистый! И, должно быть, остался такимъ же славнымъ, честнымъ малымъ, какъ и былъ, по глазамъ видно! Ну, все-таки не бросаться же ему такъ прямо на шею. То-то бы онъ выпучилъ глаза! Не привыкъ онъ къ такимъ нѣжностямъ.

Тотъ, другой, пріятель Франца, тоже сразу располагалъ къ себѣ. Глаза прямые, честные. А видъ такой у бѣдняги, точно онъ за всю свою жизнь до сыта не наѣдался. Ну, пусть хоть теперь, во время отпуска поѣстъ всласть.

Оба канонира живо устроились, и Францъ, конечно, захотѣлъ въ первый же вечеръ, пока отецъ доилъ коровъ и задавалъ имъ корму, выйти на поле. Ему, пожалуй, хотѣлось даже найти какое-нибудь упущеніе изъ-за того, что его не было. Но нѣтъ. Отецъ все обдѣлалъ въ лучшемъ видѣ.

А между тѣмъ, на немъ самомъ не было замѣтно слѣдовъ двойной работы. Францъ радовался свѣжему виду старика, глаза у него такъ и свѣтились. И держится какъ прямо. Не подумаешь, что шестьдесятъ лѣтъ! И все-то оживленный, веселый! Такимъ веселымъ, какъ сейчасъ, сынъ даже и раньше не видалъ его.

И правда, теперь рядомъ съ двумя молодыми солдатами старый дорожный сборщикъ самъ точно переродился. Онъ вдругъ почувствовалъ, что спокойная, невозмутимая крестьянская кровь не выгнала еще изъ него старой солдатской закваски. Разсказы артиллеристовъ всего его взбудоражили. Какъ все измѣнилось со времени его службы! Такъ бы все и слушалъ ихъ. Даже самый видъ ихъ мундировъ — вотъ ужъ этому онъ бы ни за что не повѣрилъ!—дѣйствовалъ на него какъ-то особенно. Онъ нарушалъ всѣ свои привычки, и началъ разсказывать свои боевыя воспоминанія, сначала нерѣшительно, а потомъ все болѣе и болѣе увлекаясь.

Разъ вечеромъ, когда отецъ кончилъ свой разсказъ, Францъ сказалъ:

— Это правда, отецъ, пѣхота гораздо больше участвуетъ въ битвѣ, чѣмъ мы, а все-таки я радъ, что я—артиллеристъ.

— Почему? — спросилъ съ удивленіемъ дорожный сборщикъ.

Молодой солдатъ началъ разсказывать, что онъ замѣтилъ въ лагеряхъ; какъ пѣхотный полкъ цѣлыми часами продѣлывалъ свои штуки на его глазахъ, и все-таки ничего не выходило, майоръ чуть не лопался отъ ярости; и какъ, наконецъ, тотъ несчастный солдатикъ пропалъ изъ-за всего этого.

— Ну, скажи мнѣ, отецъ,—спросилъ онъ,—къ чему это нужно, чтобы ружья ужъ такъ точка въ точку одинаково торчали? Неужели это такъ важно, всѣ эти пустяки?

Фридрихъ-Августъ Фохтъ спокойно выслушалъ сына, хотя слова такъ и рвались у него съ языка. Но когда тотъ кончилъ, онъ заговорилъ:

— Видишь ли, мальчикъ, ты не можешь всего это понимать, пока ты простой солдатъ. Но можешь мнѣ повѣрить, эта-то выучка и есть самое главное для солдата. Только такъ и можно добиться настоящей военной дисциплины,—чтобъ солдаты научились слушаться. Тогда полкъ, правда, дѣлается какъ одинъ человѣкъ. Онъ ужъ не бросится вразсыпную, если въ него грохнется этакая ваша новомодная штучка—шрапнель эта самая. Безъ этой муштровки трусы сейчасъ же пустились бы на утекъ и могли бы увлечь за собой и храбрыхъ. А муштровка пріучитъ ихъ оставаться во что бы то ни стало и только плотнѣе смыкаться.

И онъ разсказывалъ о битвахъ во время великой войны: какъ иногда непріятель принимался обстрѣливать стрѣлковый батальонъ. Солдаты падали одинъ за другимъ, но товарищи сейчасъ же

занимали мѣста выбывшихъ изъ строя, ряды смыкались тѣснѣе, достигали, наконецъ непріятеля и вступали съ нимъ въ рукопашную.

— Это все наша желѣзная муштровка,—заключилъ онъ.—Безъ нея, сынокъ, мы навѣрно разсыпались бы. Нѣтъ, противъ нея спорить трудно.

И на этомъ онъ твердо стоялъ, что ему ни говорили. Напрасно сынъ ему разсказывалъ, что во время примѣрныхъ сраженій онъ никогда не видѣлъ, чтобы пѣхота двигалась сомкнутыми колоннами. Солдаты бѣжали къ цѣли, какъ придется, нагнувъ спину, нѣкоторые даже ползкомъ.

— Ну, это ты вѣрно плохо разглядѣлъ,—замѣчалъ отецъ.

Клицингъ не принималъ участія въ этихъ спорахъ. Онъ былъ того же мнѣнія, какъ и Францъ, но ему не хотѣлось противорѣчить добродушному сѣдому старику, такъ привѣтливо встрѣтившему его. Только разъ онъ, шутя, привелъ самого себя въ примѣръ. Во время упражненій въ казармахъ его только и знали, что бранили. А на стрѣльбѣ онъ получилъ награду и выслушивалъ ото всѣхъ похвалы.

Онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ въ домѣ друга.

— Слушай, малый,—сказалъ дорожный сборщикъ сыну въ первый же вечеръ,—ты то выглядишь совсѣмъ молодцемъ, а вотъ твой пріятель, бѣднягa,—не того. Ему надо хорошенечко отдохнуть у насъ. Смотрѣть больно.

По утрамъ Клицингъ спалъ сколько хотѣлъ. Сначала онъ немного смущался, что такъ поздно выходитъ къ хозяевамъ. Но очень ужъ пріятно было поваляться, да и оба Фохта, и отецъ, и сынъ, только и твердили, чтобы онъ хорошенечко отдыхалъ и набирался силъ.

Послѣ обѣда старикъ Фохтъ и сыну не позволялъ ничего дѣлать. Онъ гналъ ихъ вонъ.

— Идите, идите, молодцы!—говорилъ онъ.—Прогуляйтесь, выпейте гдѣ нибудь по кружкѣ пива. Пользуйтесь отпускомъ, вѣдь не долго.

Солдаты шли бродить. Иногда они заходили куда нибудь въ пивную, а иногда просто гуляли по солнышку. Фохтъ показалъ товарищу свое любимое мѣстечко, откуда видна рѣка, и городокъ на той сторонѣ. Тамъ они ложились на траву. Но крестьянинъ не могъ долго вылежать. Онъ постоянно вскакивалъ, то ему надо было на поля поглядѣть, то еще на что нибудь. А писецъ спокойно лежалъ на скошеной травѣ и чуствовалъ сквозь опущенныя вѣки горячіе лучи солнца.

Разъ вечеромъ дорожный сборщикъ спросилъ:

— Ну что, Клицингъ, нравится вамъ у насъ въ деревнѣ?

— Еслибъ я только могъ выразить, господинъ Фохтъ,—отвѣтилъ тотъ,—какъ я вамъ благодаренъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось навсегда остаться здѣсь! Я даже и не предполагалъ, что человѣкъ можетъ быть такъ счастливъ, какъ я сейчасъ.

VI.

Вальтеръ фонъ Фрилингхаузенъ былъ назначенъ 1-го іюля ефрейторомъ.

Такимъ образомъ онъ поднялся на первую ступень военныхъ отличій. Но онъ не ощущалъ отъ этого ни малѣйшаго удовлетворенія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ чувствовалъ отвѣтственность только передъ самимъ собой, его подбодряло только стремленіе заслужить похвалу Вегштетена. Капитанъ отнесся къ нему, какъ къ порядочному человѣку, и онъ не долженъ былъ разочароваться.

Самому же ему новыя нашивки на воротникѣ не доставляли рѣшительно никакого удовольствія. Какое значеніе могли онѣ имѣть въ его жизни, испорченной съ самаго начала?

Въ лагеряхъ онъ на мѣстѣ изучилъ въ чемъ состояла роль фейерверкера,—чинъ, обѣщанный ему въ послѣдствіи. Она далеко не показалась ему особенно соблазнительной. Наблюденіе за снарядами, за мишенями, пріемка осколковъ, а въ остальное время какая нибудь такая

же черновая работа, возня съ порохомъ, съ снарядами,—и въ этомъ пройдетъ вся его жизнь Да и для этого нужно было выдержать довольно трудный экзаменъ.

Ну стоитъ ли мучиться и трудиться изъ-за ничего?

По приказанію Вегштетена, онъ долженъ былъ уже въ качествѣ ефрейтора исполнять нѣкоторыя обязанности унтеръ-офицера, а это сопряжено было съ новыми трудностями. Пока онъ былъ канониромъ, ему казалось, что онъ все знаетъ лучше, чѣмъ эти невѣжественные унтеръ-офицеры, онъ мечталъ иногда о той минутѣ, когда онъ самъ будетъ командовать взводомъ,—онъ ужъ съумѣетъ заставить себя слушаться. А теперь вдругъ приказывать стало труднѣе, чѣмъ повиноваться. Положимъ, теперь, когда что-нибудь выходило не такъ, офицеръ отзывалъ его обыкновенно въ сторону для выговора, но отъ этого было немногимъ лучше. Пробирали его все-таки какъ мальчишку, и солдаты отлично замѣчали, что ему была взбучка.

Одно только обрадовало его при новомъ назначеніи,—онъ будетъ получать уроки верховой ѣзды. Но и эта радость скоро была отравлена.

Гепнеръ принялся за него въ серьезъ и не допускалъ ни малѣйшихъ поблажекъ. Какъ всякій рекрутъ, онъ долженъ былъ начинать ѣздить на потникѣ. Потомъ начались еще болѣе трудныя упражненія на гладкомъ сѣдлѣ безъ стремянъ, и только спустя нѣкоторое время вахмистръ сталъ разрѣшать ему иногда пользоваться стременами. Бывали несчастные дни, когда онъ разъ по двадцати срывался съ лошади, такъ что, наконецъ, онъ со страхомъ шелъ въ манежъ. Взять себя въ руки, побѣдить свою слабость онъ никакъ не могъ. Всякій разъ, когда лошадь сбрасывала его и мчалась прочь безъ всадника, онъ радовался, что пока ее поймаютъ, пройдетъ все-таки нѣсколько лишнихъ минутъ. Никогда ему не удавалось объѣхать кругъ, держась руками за бедра,—при каждомъ препятствіи онъ невольно хватался за гриву.

Гепнера доводила до бѣшенства эта трусость, но сколько онъ ни кричалъ и ни топалъ; руки Фрилингхаузена все-таки снова тянулись къ спасительной гривѣ.

Въ концѣ концовъ вахмистръ махнулъ на него рукой. Вегштетену, повидимому, хотѣлось слышать хорошіе отзывы о ефрейторѣ, а вѣдь Фрилингхаузену, чтобы взвѣшивать картуши и испытывать запальныя трубки, нѣтъ надобности быть особенно искуснымъ наѣзднкомъ.

Сейчасъ же послѣ назначенія ефрейторомъ Фрилингхаузенъ былъ переведенъ въ унтеръ-офицерскую казарму. Вегштетенъ захотѣлъ оказать ему этимъ маленькое послабленіе. Но Фрилингхаузенъ не чувствовалъ себя менѣе несчастнымъ въ новой обстановкѣ.

Надо отдать справедливость унтеръ-офицерамъ,—они съ перваго момента приняли его, какъ товарища. Ни одинъ не далъ ему почувствовать, что у него нѣтъ еще погоновъ. Но кругъ ихъ интересовъ былъ нисколько не выше, чѣмъ у его прежнихъ товарищей. Всѣ разговоры вертѣлись исключительно вокругъ службы, лошадей и женщинъ. Послушать ихъ, такъ всѣ они были удивительными наѣздниками. Гепнеръ, пожалуй, сказалъ бы обратное, но это ужъ обычная черта унтеръ-офицеровъ во всѣхъ конныхъ частяхъ войска, всякій охотнѣе согласится прослыть дуракомъ, чѣмъ плохимъ наѣзднкомъ.

И Фрилингхаузенъ, когда кончилось его мученье, сталъ краснорѣчиво разсказывать о своихъ успѣхахъ. Въ этомъ онъ не уступалъ товарищамъ. Но въ остальномъ онъ затруднился бы сказать, что хуже—недовѣрчивая сдержанность солдатъ IX казармы или грубая навязчивость унтеръ-офицеровъ. Пожалуй, онъ даже отдавалъ предпочтеніе солдатамъ.

Положеніе нѣсколько измѣнилось, когда въ унтеръ-офицерской казармѣ появился новый жилецъ,—вольноопредѣляющійся Траутфетеръ.

Капитанъ Вегштетенъ стоялъ на томъ, чтобы его вольноопредѣляющіеся, какъ и вся его рота, были на самомъ лучшемъ счету въ полку. Если они вели себя хорошо, онъ былъ съ ними воплощенная любезность, въ противномъ случаѣ, онъ не останавливался ни передъ какими

мѣрами строгости. Къ молодымъ людямъ съ болѣе высокимъ образовательнымъ уровнемъ можно предъявлять и болѣе строгія требованія.

По отношенію къ Траутфетеру всѣ его старанія не привели ни къ чему. Вольноопредѣляющійся остался, какъ и былъ, безнадежнымъ лѣнтяемъ, пьяницей и гулякой, да еще и совершеннѣйшей дубиной притомъ. Онъ называлъ себя «сельскимъ хозяиномъ». Увѣрялъ, что денегъ у него непочатый уголъ. Круглый сирота и совершеннолѣтній, онъ могъ тратить ихъ, не считая.

Всѣ воспитательныя мѣры—сверхъурочныя упражненія, выговоры, лишенія отпусковъ, аресты—не оказывали на него ни малѣйшаго дѣйствія. Наконецъ, Вегштетенъ рѣшилъ поселить его въ казармѣ.

Вольноопредѣляющійся — низкорослый человѣкъ съ несообразно широкой грудью, квадратнымъ черепомъ и воловьимъ затылкомъ—принялъ это наказаніе совершенно равнодушно. Онъ спокойно убралъ свое имущество въ шкафикъ и съ невозмутимымъ видомъ сѣлъ посреди пустой комнаты. Его маленькіе глазки были всегда мутны, точно съ перепоя, такъ что трудно было даже разглядѣть, что на днѣ ихъ пріютилось, въ сущности, выраженіе самаго искренняго добродушія.

Ему было совершенно все равно, гдѣ проводить время. Въ обѣдъ, вѣдь, все-таки выпустятъ изъ казармы. А пиво можно получить и въ буфетѣ. Если сунуть золотой, буфетчикъ охотно пришлетъ и въ казарму цѣлый ящикъ пива, хоть это и запрещено. Унтеръ-офицеры, конечно, никогда не откажутся выпить, ну, значитъ, съ этой стороны нечего бояться.

Онъ разсчитывалъ правильно,—ни одинъ не могъ устоять противъ хорошей сигары и приглашенія выпить. Даже самъ вахмистръ заходилъ иногда въ унтеръ-офицерскую казарму. Какъ упустить этакій случай. Только вице-вахмистръ Геймертъ держался въ сторонѣ. Ему много было хлопотъ къ предстоящей свадьбѣ. Сержантъ Вигандъ тоже охотнѣе прогуливался со своей Фридой, все такъ же влюбленный, но только болѣе увѣренный въ будущемъ съ тѣхъ поръ, какъ ему было обѣщано мѣсто полицейскаго въ одномъ маленькомъ городкѣ. Случай поистинѣ счастливый—постъ шуцмана съ тремя стами марками жалованья и ста двадцатью марками на обмундировку, не считая казенной квартиры,—и это послѣ шести лѣтъ службы.

Между вольноопредѣляющимся и Фрилингхаузеномъ завязались скоро самыя тѣсныя отношенія.

Траутфетеръ прослушалъ нѣсколько семестровъ въ сельскохозяйственной школѣ въ Бреславлѣ. Ему очень хотѣлось стать дѣйствительнымъ студентомъ, но онъ никогда не могъ выдержать соотвѣтствующаго экзамена, и его не принимали ни въ какую корпорацію.

Въ Фрилингхаузенѣ онъ нашелъ человѣка, пострадавшаго отъ аналогичныхъ причинъ. Это больше всего сблизило ихъ, дальнѣйшему сближенію способствовалъ, конечно, нѣсколько болѣе высокій чѣмъ, у остальныхъ, уровень развитія.

Теперь и для Фрилингхаузена настало веселое время. Траутфетеръ платилъ за него и приглашалъ его участвовать въ своихъ увеселеніяхъ. Правда, иногда, когда тотъ былъ въ дурномъ настроеніи, онъ обращался съ нимъ, какъ съ лакеемъ, но по большей части онъ былъ очень недурнымъ товарищемъ.

Казалось даже, что Траутфетеръ дѣйствительно почувствовалъ расположеніе къ бѣдному дворянчику, по крайней мѣрѣ, онъ грубо запрещалъ ему всегда принимать участіе въ игрѣ, которая мало-по-малу стала присоединяться въ качествѣ острой приправы къ ихъ кутежамъ.

У вольноопредѣляющагося были къ этому свои причины. Счастье съ какимъ-то непостижимымъ постоянствомъ оставалось ему вѣрнымъ. Его маленькіе, заплывшіе глазки точно гипнотизировали сдающаго, а большія, широкія руки словно нарочно были приспособлены, чтобы загребать деньги. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшихъ угрызеній, собирая деньги съ трубача Генке и вахмистра,—вольно

имъ было играть!—но Фрилингхаузена ему не хотѣлось обыгрывать.

Когда у обоихъ унтеръ-офицеровъ не оставалось больше ни гроша, Траутфетеръ охотно давалъ имъ взаймы. Онъ бралъ съ нихъ расписки, которыя подъ конецъ достигли довольно крупной суммы.

Онъ врядъ ли думалъ о томъ, чтобы получить свои деньги обратно. Но эти долговыя обязательства представляли очень дѣйствительныя орудія, съ помощью которыхъ можно было получать всякаго рода льготы. Вскорѣ вахмистру пришлось волей-неволей плясать по его дудкѣ.

Вольноопредѣляющійся остерегался слишкомъ натягивать струну. Вѣдь если бы Геппнера смѣстили, его привилегіямъ тоже пришелъ бы конецъ. Но въ границахъ того, что не представляло неминуемой опасности, онъ требовалъ, чтобы все совершалось по его желанію. Въ тѣ ночи, когда не предвидѣлась ревизія, онъ вмѣстѣ съ вахмистромъ выходилъ изъ казармы. Дождавшись когда часовой заходилъ за уголъ, они вылѣзали изъ окна и отправлялись въ какой-нибудь трактиръ. Тамъ до утра шло пьянство и картежъ.

Геппнеръ со скрежетомъ зубовнымъ подчинялся несносному ярму. Онъ не могъ уже выйти изъ-подъ власти Траутфетера. Онъ былъ долженъ ему почти тысячу марокъ. Откуда взять такую гигантскую сумму? Тутъ ужъ ничего не сдѣлаешь. Приходилось полагаться исключительно на милость этого человѣка.

Иногда у него являлось даже искушеніе прикончить съ Траутфетеромъ во время одной изъ ихъ ночныхъ экскурсій. Однимъ ударомъ онъ освободился бы отъ несноснаго кредитора, но объ этомъ и думать нечего. Слишкомъ многіе знали про ихъ отношенія. Глупыя мечты и больше ничего.

А между тѣмъ эта зависимость день ото дня становилась все тяжелѣе. Во первыхъ, Траутфетеръ сталъ не такъ охотно давать ему деньги въ послѣднее время, а во-вторыхъ, онъ причинялъ ему все больше хлопотъ и непріятностей.

Пока онъ былъ трезвъ, онъ не требовалъ, по крайней мѣрѣ, невозможнаго, но съ пьянымъ съ нимъ не было никакого слада. Онъ топалъ ногами и предъявлялъ Геппнеру самыя сумасбродныя требованія. Легче мѣсяцъ съ неба достать! Вдругъ ему приходила въ голову идея стать сейчасъ же унтеръ-офицеромъ или получить отпускъ на нѣсколько недѣль—все желанія совершенно неисполнимыя. А когда Геппнеръ начиналъ объяснять ему, что это невозможно, онъ размахивалъ у него передъ носомъ расписками и грозилъ показать ихъ Вегштетену.

Вахмистръ не находилъ никакого выхода изъ этой напасти и все съ большимъ ожесточеніемъ хватался за игру. Только въ ней онъ могъ найти спасеніе. Если въ одинъ прекрасный вечеръ онъ отыграетъ свои тысячу марокъ,—онъ спасенъ. И онъ давалъ себѣ клятвы никогда больше не брать картъ въ руки. И еще одно,—какъ только онъ вернетъ назадъ свои расписки, ужъ онъ примется по своему за этого Траутфетера, пускай-ка попляшетъ!

Конечно, для игры ему нужны были деньги. А у него не было больше ни пфенига. Тогда онъ началъ отъ времени до времени заимствовать изъ батарейной кассы. При удачѣ онъ возмѣщалъ взятое, но съ каждымъ разомъ нехватка становилась все замѣтнѣе.

Разъ утромъ въ началѣ августа Вегштетенъ спросилъ Геппнера:

— Скажите, вахмистръ, вольноопредѣляющіеся внесли уже свои кормовыя деньги?

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

— Въ такомъ случаѣ приготовьте кассу къ ревизіи. Я зайду только въ полковую канцелярію. А вы тѣмъ временемъ достаньте всѣ книги и деньги.

Геппнеръ едва могъ произнести «точно такъ». Въ кассѣ не хватало болѣе ста марокъ. А время не терпѣло, черезъ полчаса Вегштетенъ можетъ вернуться.

Онъ побѣжалъ къ Геймерту. Геймертъ былъ ему не другъ, онъ это зналъ, но онъ всегда былъ хорошимъ товарищемъ. Вице-вахмистръ ушелъ съ піонерной командой на плацъ. Это добрыхъ полчаса ходу.

Траутфетеръ! Гдѣ этотъ Траутфетеръ?

На этотъ разъ онъ долженъ выручить, Въ казармѣ его не было. На холмѣ, куда ѣздовые вывели лошадей, тоже не видно было. Наконецъ, онъ нашелъ его въ буфетѣ.

— Траутфетеръ, вы должны дать мнѣ сто марокъ, — прошепталъ вахмистръ, едва переводя духъ.

— Долженъ? переспросилъ тотъ насмѣшливо.—Долженъ? Я этого не зналъ.

— Нѣтъ, должны, должны.

Гепнеръ вытащилъ его изъ буфета и продолжалъ убѣждать его на дворѣ.

— Вы должны, вы должны!—повторялъ онъ съ отчаяніемъ.

Траутфетеръ не могъ не видѣть искаженнаго лица вахмистра. Должно быть, дѣйствительно, случилось что-нибудь особенное, и онъ, конечно, готовъ былъ помочь. Ему совсѣмъ не выгодно было губить вахмистра.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Внезапная ревизія, — пробормоталъ вахмистръ,—а денегъ не хватаетъ. Я бы, конечно, потомъ пополнилъ.

Траутфетеръ понялъ.

— Да? Ну, тогда, конечно,—протянулъ онъ.

Онъ уже хотѣлъ вынуть кошелекъ, но вдругъ вспомнилъ.

— У меня какъ разъ нѣтъ денегъ,— вскричалъ онъ съ испугомъ.

— Когда это будетъ? Послѣ обѣда можно достать, сколько понадобится.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сейчасъ! Вегштетенъ въ полку. Сейчасъ придетъ.

— Проклятье! Что же намъ дѣлать?

Вахмистръ подумалъ, что тотъ просто не хочетъ дать ему. Онъ сталъ просить еще настойчивѣе.

— Траутфетеръ, заклинаю васъ всѣмъ на свѣтѣ! Вѣдь вы просто не хотите! Ну, сдѣлайте въ послѣдній разъ въ жизни! Ну, прошу васъ! Умоляю васъ!

Траутфетеръ пожалъ плечами и досталъ свой кошелекъ. Въ немъ было всего нѣсколько серебряныхъ монетъ, даже ни одного золотого.

—Посмотрите сами, вахмистръ, — сказалъ онъ.—Не такой я человѣкъ, чтобы не выручить товарища изъ бѣды.

Но Гепнеръ все-таки не вѣрилъ. Онъ просилъ и угрожалъ. Наконецъ, онъ упалъ передъ Траутфетеромъ на колѣни и умолялъ его, протягивая къ нему руки:

— Послѣдній разъ! Послѣдній разъ!

Вольноопредѣляющійся оттолкнулъ его. Ему было тошно смотрѣть на этого пресмыкающагося человѣка.

— Встаньте, вахмистръ, — сказалъ онъ.—Это глупо. Если бы у меня были деньги, я бы далъ вамъ, но у меня сейчасъ нѣтъ. Подумаемъ лучше, гдѣ бы достать.

Вахмистръ всталъ и съ ожиданіемъ смотрѣлъ ему въ глаза.

— Постойте здѣсь, — сказалъ черезъ минуту Траутфетеръ. — Попробую-ка я достать у Ландмана.

Ландманъ былъ второй вольноопредѣляющійся въ ихъ батареѣ, совсѣмъ молоденькій студентъ, очень непрактичный, но очень усердный къ службѣ, любимецъ капитана. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по конюшнѣ, наблюдая, какъ солдаты приводятъ лошадей назадъ съ луга.

Траутфетеръ подошелъ къ нему.

— Ландманъ, голубчикъ, — сказалъ онъ,—не можете ли вы дать мнѣ взаймы денегъ. Я не уплатилъ еще своихъ кормовыхъ, а Вегштетенъ требуетъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ тотъ. — Только, сколько вамъ нужно? У меня всего двадцать марокъ.

Траутфетеръ взялъ у него золотую монету и поблагодарилъ:

— Спасибо. Остальное я, можетъ быть, достану въ другомъ мѣстѣ.

Вахмистръ со страхомъ заглянулъ ему въ лицо. Траутфетеръ пожалъ плечами и подалъ золотой.

— Больше у него не было.

Вдругъ онъ повернулъ къ буфету и пробормоталъ:

— Вотъ кто долженъ дать!

Буфетчикъ отказывался. Траутфетеръ предлагалъ ему десять, двадцать процентовъ, но тотъ не сдавался.

Вольноопредѣляющійся съ досадой стукнулъ кулакомъ по столу.

— Оселъ!—крикнулъ онъ.—Ну, хочешь пятьдесятъ?

Буфетчикъ сталъ соображать. Какъ

разъ наканунѣ у него была ревизія. Значитъ, не было почти никакого риска... и пятьдесятъ марокъ.

— Давайте расписку,—потребовалъ онъ.

Траутфетеръ написалъ расписку на полтораста марокъ. Взамѣнъ онъ получилъ билетъ въ сто марокъ.

— Выгодная сдѣлка!— пробормоталъ онъ.

Буфетчикъ смущенно смотрѣлъ въ сторону.

Гепнеръ схватилъ деньги и помчался къ себѣ. Когда Вегштетенъ вернулся изъ полковой канцеляріи, онъ засталъ вахмистра за подсчетомъ наличности.

Въ кассѣ оказался даже излишекъ.

— Это мнѣ,—пояснилъ Гепнеръ,— вольноопредѣляющійся Траутфетеръ далъ сто марокъ въ уплату за кормовыя, а въ кассѣ не было въ то время сдачи. Я выдалъ ему изъ своихъ.

Капитанъ одобрительно кивнулъ головой. Слишкомъ много денегъ въ кассѣ это не бѣда.

На Траутфетера все это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе. Въ немъ самомъ что-то произошло въ ту минуту, когда вахмистръ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ.

Слишкомъ ужъ отвратительна была эта сцена. Онъ не могъ побороть чувство почти физической тошноты. И на самого себя ему было какъ-то противно. Глядя на этого большого, сильнаго человѣка, валяющагося въ пыли со стонами и рыданіями, онъ безсознательно почувствовалъ, что и самъ онъ какъ-то причастенъ къ этому униженію.

На слѣдующее утро онъ вернулъ вахмистру его расписки.

Гепнеръ покраснѣлъ.

— Зачѣмъ это? — сказалъ онъ.— Можетъ быть, я еще заплачу когда-нибудь.

Но Траутфетеръ спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ужъ оставимъ это. Я, вѣдь, и самъ выигралъ эти деньги въ карты. А карточные долги судомъ нельзя требовать. Не надо было тогда давать вамъ.

Вахмистръ пожалъ ему руку. Онъ вспомнилъ, какъ его преслѣдовала мысль убить своего кредитора. Теперь ему было трудно поднять на него глаза.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ тихо.

Траутфетеръ заговорилъ снова, но уже не попрежнему. Теперь у него былъ оффиціальный тонъ.

— Хорошо, если бы господинъ вахмистръ совсѣмъ перестали играть, если я осмѣлюсь попросить.

Гепнеръ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Какъ, неужели, правда, кончилась его зависимость отъ этого человѣка, его униженіе въ глазахъ всей батареи? Въ головѣ у него никакъ не умѣщалась мысль, что можетъ быть на свѣтѣ такое благородство. Но на этотъ разъ Траутфетеръ, видимо, и не думалъ насмѣхаться надъ нимъ.

И онъ отвѣтилъ ему твердымъ голосомъ.

— Да, я вамъ обѣщаю не играть больше.

Въ эту минуту онъ обѣщалъ вполнѣ искренно, у него было такое чувство, точно онъ тоже обновился и съ этихъ поръ поведетъ совсѣмъ другую, хорошую жизнь.

Нѣсколько дней спустя Вегштетенъ спросилъ:

— Вахмистръ, какъ ведетъ себя внѣ службы волноопредѣляющійся Траутфетеръ? По службѣ я имъ доволенъ послѣдніе дни.

— Онъ сталъ гораздо серьезнѣе, господинъ капитанъ,—отвѣтилъ Гепнеръ,— ему почти не приходится теперь дѣлать замѣчаній.

Капитанъ былъ, видимо, доволенъ.

— Видите, вахмистръ, — сказалъ онъ,— мое средство помогло. Теперь, я думаю, можно и отмѣнить его. Пускай себѣ выходитъ изъ казармы. Сообщите ему это.

Обитатели унтеръ-офицерской комнаты не особенно оплакивали Траутфетера. Послѣднее время онъ сталъ имъ надоѣдать. Только ефрейторъ Фрилингхаузенъ изрѣдка навѣщалъ его.

Но у Траутфетера уже не было прежняго веселья. Кутежи не возобновлялись и самъ онъ сталъ вдругъ какъ-то удивительно солиденъ.

Черезъ нѣкоторое время Фрилингхаузенъ тоже прекратилъ свои посѣщенія.

Траутфетеръ вернулъ расписки и второму своему должнику, трубачу Генке.

Но знаменитый артистъ не почувствовалъ къ нему за это ни малѣйшей благодарности. Онъ никогда и не помышлялъ платить свои долги, поэтому ему было совершенно все равно, гдѣ находились его расписки. Для вольноопредѣляющагося онѣ во всякомъ случаѣ, не представляли никакой цѣнности. Какой-то ходатай по дѣламъ разъяснилъ ему, что карточные долги не могутъ взыскиваться судомъ.

За что же благодарить, когда такъ?

Зато Лизбета, его хорошенькая бѣлокурая жена, была совсѣмъ растрогана великодушіемъ Траутфетера. Она не дѣлала такихъ тонкихъ различій, какъ ея мужъ. Для нея долгъ оставался долгомъ, и эти бумажки съ подписью Генке, обѣщавшагося уплатить невѣроятныя суммы, не давали ей спать по ночамъ. Она проливала слезы умиленія, когда злополучныя расписки на ея глазахъ горѣли подъ плитой.

— Боже ты мой!—вздыхала она.—Какой это, должно быть, добрый, хорошій человѣкъ! Подарить столько денегъ!

Трубачъ только смѣялся надъ нею.

— Ахъ ты, глупая гусыня! Вѣдь я же объяснилъ тебѣ, что по этимъ распискамъ онъ ничего не могъ съ меня стребовать. Это карточные долги, а ихъ ни одинъ судъ не заставитъ платить.

—Ну какъ же,—возражала Лизбета,—не все же карточные. На его же деньги ты себѣ сшилъ новую форму и лакированные сапоги къ ней и купилъ себѣ полдюжины бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ.

Этого супругъ ея не любилъ вспоминать.

— Придержи языкъ!— посовѣтовалъ онъ ей.

Но бѣлокурая женщина стояла на своемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ хорошій человѣкъ, добрый!

— Жирная, опившаяся свинья—вотъ кто онъ! Поди-ка, полюбуйся на него!

— И пойду, что-жъ ты думаешь,—отвѣтила та, къ большому его изумленію. И она разсказала ему свой новый планъ. Она собиралась предложить вольноопредѣляющимся стирать и гладить ихъ бѣлье. Онъ, Генке, долженъ предварительно переговорить съ ними объ этомъ.

Противъ этого Генке ничего не имѣлъ. Напротивъ! Всякій лишній пфеннигъ, какой она заработаетъ, годится ему. Надо было ей давно подумать объ этомъ.

Съ этихъ поръ молодая женщина черезъ день стояла надъ лоханкой или надъ гладильной доской. Дѣла ей было достаточно. Надо не только чисто выстирать и безукоризненно выгладить бѣлье,—на это молодые люди обращали, въ сущности, не много вниманія,—но и непремѣнно принести его къ нимъ самой. Имъ доставляло удовольствіе поболтать съ хорошенькой женой трубача. Лизбета дарила ихъ одинаково ласковой улыбкой и за деньги, и за болѣе или менѣе почтительные комплименты. Когда молодые люди становились черезчуръ смѣлыми, она умѣла какъ-то особенно мило и весело останавливать ихъ, такъ что, въ концѣ концовъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшался съ ней ни на какую вольность.

Своеобразныя отношенія возникли между ней и Траутфетеромъ. Она и теперь считала его хорошимъ, добродушнымъ человѣкомъ и не находила въ немъ ни одной изъ тѣхъ чертъ, которыми наградилъ его мужъ. Можетъ быть, раньше онъ и былъ такой, но теперь—нѣтъ. Онъ очень смутился, когда она какъ-то еще разъ отъ всего сердца поблагодарила его за возвращеніе расписокъ. Послѣ этого, какъ-то само собой случилось, что они стали часто говорить о ея мужѣ. Они разговаривали о немъ, какъ два добрыхъ друга. Лизбета чувствовала потребность облегчить свою душу передъ человѣкомъ, такъ великодушно избавившимъ ее отъ тревоги. А Траутфетеръ, по мѣрѣ своего разумѣнія, подавать ей совѣты.

Скромная работящая женщина начинала ему очень нравиться. Прежде онъ вѣроятно, не задумываясь, попытался бы завладѣть ею, но теперь она

невольно возбуждала въ немъ уваженіе своей бодрой дѣловитостью и трогательной привязанностью къ мужу. Положимъ, онъ ясно видѣлъ, что трубачъ просто нахальный негодяй, но изъ-за этого онъ не хотѣлъ лишать помощи его жену. Онъ всюду расхваливалъ ея прачешные таланты, и самъ чаще обыкновенія мѣнялъ рубашку, чтобы давать ей побольше заработать. Въ то же время ему доставляло большое удовольствіе чувствовать на себѣ благодарный взглядъ красивыхъ темныхъ глазъ Лизбеты. Онъ испытывалъ какое то успокоеніе, когда она сидѣла передъ нимъ, такая молоденькая и хорошенькая, въ вѣнцѣ своихъ пушистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

И подумать, что для своего негодяя мужа она была просто какой-то рабочей лошадью! Онъ, Траутфетеръ, съумѣлъ бы беречь и лелѣять ее, какъ она того заслуживаетъ.

Трубачъ очень скоро смекнулъ, что его жена пріобрѣла нѣкоторую власть надъ вольноопредѣляющимся. Конечно, онъ не преминулъ воспользоваться этимъ и сталъ опять дѣлать у него черезъ Лизбету небольшіе займы. Мало-по-малу они становились все больше, такъ какъ Траутфетеръ давалъ охотно.

Лизбета стыдилась лгать. Ей не хотѣлось обманывать добродушнаго человѣка, и она упорно отказывалась исполнять подобныя порученія, но, въ концѣ концовъ, мужъ всегда умѣлъ поставить на своемъ. Когда она передавала ему потомъ деньги, онъ только посмѣивался. Недурно право имѣть хорошенькую жену, такъ легко добывающую деньги. Ревновать ее было бы глупо,—она такъ безумно влюблена въ него.

Но съ теченіемъ времени у жены стали открываться глаза. Она стала внимательнѣе присматриваться къ своему мужу и съ каждымъ днемъ все яснѣе понимала его. Господи, какъ это она до сихъ поръ ничего не видѣла! Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ она прозрѣла, и привязанность ея стала быстро испаряться, осталось только смутное чувство подчиненія.

Теперь она считала своей обязанностью хоть чѣмъ-нибудь исправить ту неправду, которую она дѣлала подъ вліяніемъ своей слѣпой любви. Единственно чѣмъ она могла до нѣкоторой степени оправдать себя — это полная откровенность. Она больше не передавала требованій мужа и разъ навсегда объяснила Траутфетеру, что всѣ деньги, какія онъ давалъ ей на угли, на хозяйство и т. п. шли всегда мужу. На нихъ онъ купилъ себѣ позолоченную цѣпочку, новую саблю и даже серебряныя шпоры.

Траутфетеръ смотрѣлъ на ея опущенную головку, на пылающія щеки. Глазъ она не въ силахъ была поднять.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ онъ наконецъ.

— Зачѣмъ же вы тогда давали?— спросила она, все еще не глядя на него.

Траутфетеръ помолчалъ минуту, потомъ сказалъ:

— Я думалъ, что вамъ это доставляетъ удовольствіе, фрау Лизбета.

Молодая женщина взглянула ему прямо въ глаза. Потомъ она встала, взяла свою корзинку и поспѣшно вышла.

Генке на этотъ разъ ждалъ ее съ особеннымъ нетерпѣніемъ. У него была связь съ шансонетной пѣвицей, плѣнявшей ярмарочную публику своими куплетами. «Графиня Мирамара» имѣла блестящій успѣхъ, главнымъ образомъ, благодаря своему костюму, слишкомъ узкому для ея довольно-таки крупной, мясистой фигуры. Но она съ презрѣніемъ отвергала искательства мужиковъ, слагавшихъ къ ея ногамъ талеры, вырученые отъ продажи овецъ и свиней. Ея выборъ палъ на элегантнаго трубача.

Генке нужно было показать себя благороднымъ кавалеромъ. Она рѣшилъ поднести своей дамѣ браслетъ.

— Давай деньги! — встрѣтилъ онъ Лизбету.

— Нѣтъ у меня денегъ!—отвѣтила она.—Траутфетеръ не даетъ больше.

— Вотъ еще глупости! Ну, шевелись скорѣй, раскошеливайся.

Но молодая женщина только пожала плечами и спокойно повторила:

— У меня нѣтъ денегъ.

Генке схватился за голову. Вотъ еще непредвидѣнная непріятность. Что скажетъ графиня, если онъ не исполнитъ обѣщанія?

Онъ продолжалъ беззаботно:

— Да онъ дастъ, навѣрно. Будь только съ нимъ поласковѣе.

Лизбета взглянула на него съ удивленіемъ.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

— Ну, вы, женщины, умѣете всего добиться отъ человѣка, когда захотите. Такъ что же? Идетъ? Смотри же, будь съ нимъ поласковѣе. Мнѣ это ничего.

Онъ вышелъ изъ комнаты недовольный. Онъ придумывалъ, какъ ему оправдаться передъ графиней Мирамара. Да очень просто. Браслетъ ему не вполнѣ понравился. Ювелиръ обѣщалъ передѣлать. Это звучало очень похоже на правду.

Лизбета осталась одна. Она задумчиво покачала головой. Что значатъ эти уговоры «быть поласковѣе»?

Отправившись по дѣлу въ городъ, она встрѣтила Траутфетера. Они пошли вмѣстѣ. Теперь, послѣ своего признанія, она чувствовала себя съ нимъ свободнѣе и весело болтала всю дорогу.

Вдругъ ей вспомнились смутные намеки мужа, и она сказала съ улыбкой:

— Знаете, господинъ Траутфетеръ, что мнѣ сейчасъ сказалъ мужъ? Что я должна быть съ вами поласковѣе. Развѣ я теперь не ласкова съ вами?

— По поводу чего это онъ говорилъ?—спросилъ нетерпѣливо Траутфетеръ.

— Ахъ, — продолжала она беззаботно,—я должна была и на этотъ разъ принести отъ васъ денегъ. Но этого больше не будетъ. Вотъ тутъ онъ мнѣ и сказалъ, чтобы я была съ вами поласковѣе, тогда вы навѣрно дадите мнѣ денегъ.

Тутъ она вздрогнула. Толстякъ весь покраснѣлъ и изо всей силы стукнулъ по землѣ своей саблей.

— Это на него похоже! Мерзавецъ!— вскричалъ онъ.

— Что такое? Почему?

Траутфетеръ не могъ сдержать своего негодованія.

— Вы не понимаете, фрау Лизбета, что онъ хотѣлъ сказать? Чтобы вы стали моей любовницей!

Она опять взглянула ему въ глаза и потомъ опустила голову. Молча прошла она нѣсколько шаговъ рядомъ съ нимъ.

— Я пойду назадъ, — сказала она вдругъ.

Онъ схватилъ ее за руку и умолялъ:

— Простите меня, фрау Лизбета, простите, будьте великодушны.

Она молча покачала головой и пошла по дорогѣ домой.

Дома она устало опустилась на стулъ. Окно было открыто настежь. Она слышала журчанье ручья, слышала непрерывное жужжанье насѣкомыхъ въ вѣтвяхъ ольхи. Издали доносился гулъ приближающагося поѣзда. Когда онъ подошелъ ближе, она невольно выглянула въ окошко. Первый разъ она замѣтила, что локомотивъ прицѣпленъ сзади. На тендерѣ стоялъ машинистъ, изъ оконъ вагоновъ выглядывали люди. Въ головѣ у нея былъ точно какой-то туманъ и въ то же время все окружающее выступало удивительно отчетливо. Постепенно стукъ колесъ замиралъ въ отдаленіи и, наконецъ, совсѣмъ затихъ.

Вдругъ она точно проснулась. Она стала быстрыми шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Она должна была знать навѣрно, правъ ли былъ тотъ въ своихъ подозрѣніяхъ. Для этого ей надо схитрить. Планъ ея былъ скоро готовъ. Онъ былъ очень простъ. Она сдѣлаетъ видъ, что хочетъ послѣдовать совѣту мужа,—посмотримъ, что онъ тогда скажетъ.

— Послушай, — сказала она вечеромъ, — Траутфетеръ предложилъ мнѣ сегодня странную вещь. Онъ хочетъ, какъ только кончитъ службу, купить себѣ имѣнье далеко отсюда и предлагаетъ мнѣ вести тамъ хозяйство. Если ты согласишься, онъ будетъ платить тебѣ по сто марокъ въ мѣсяцъ.

Генке нѣсколько времени молчалъ. Онъ не зналъ, что сказать. Сама Лизбета была какая-то странная, непо-

движная, точно застывшая, но, съ другой стороны, она какъ будто ничего не имѣла противъ. А самое предложеніе, вѣдь лучше и не придумаешь!

Онъ началъ жалобнымъ тономъ:

— Конечно, Лизбета, если ты меня больше не любишь, если ты будешь тамъ счастливѣе...

Кончить ему не удалось. Лизбета стояла передъ нимъ блѣдная, какъ мѣлъ. Она махнула рукой, съ презрѣніемъ плюнула на полъ и выбѣжала изъ комнаты.

Онъ совершенно растерялся.

— Ушла — пробормоталъ онъ.—Ну, какъ-ни-какъ, не такое ужъ это горе. Одно изъ двухъ, или она вернется и снова станетъ благоразумной, или онъ избавится отъ нея.

Или еще третье!

Графиня Мирамара увѣряла его, что онъ можетъ заработать цѣлую уйму денегъ, если выступитъ на сценѣ. Завтра она ѣдетъ въ Богемію. Что, если онъ присоединится къ ней? Объ дезертирствѣ онъ не думалъ. Всѣ бумаги у него на рукахъ, и дезертирство это не такое преступленіе, за какое выдаютъ. Австрія страна большая и веселая, какъ увѣряетъ графиня! А особенно Богемія.

Право, это, кажется, самое лучшее.

На слѣдующее утро Генке былъ по ту сторону границы. Передъ тѣмъ онъ распродалъ все, что у нихъ было цѣннаго, и взялъ съ собой одну только трубу. Вмѣсто мундира на немъ былъ теперь какой-то фантастическій костюмъ со шнурами, выставлявшій въ самомъ выгодномъ свѣтѣ его фигуру. Каждый вечеръ онъ дудилъ на трубѣ свои любимыя аріи.

Онъ сталъ любимцемъ дамъ.

А фрау Лизбета, между тѣмъ, подала просьбу о разводѣ по причинѣ того, что мужъ самовольно бросилъ ее. Отказа не могло быть.

Она собиралась открыть въ городѣ лавочку или устроить прачешное заведеніе, но Траутфетеръ уговаривалъ ее лучше поступить на время экономкой въ какое-нибудь имѣніе.

— Почему?—спросила она.

Онъ затруднился отвѣтомъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Я васъ очень люблю, фрау Лизбета, и какъ только вы получите разводъ, я спрошу васъ, хотите ли вы быть моей женой?

Лизбета слегка улыбнулась и отвѣтила:

— Спросить вы можете и сейчасъ.

— И что же?

— Да.

Отвѣтъ прозвучалъ сердечно и искренно. Траутфетеръ пожалъ ей руку и сказалъ:

— Вотъ это хорошо!

А она прибавила весело:

— Впрочемъ, иначе я бы, конечно, стала вашей любовницей.

— Ахъ нѣтъ,—возразилъ Траутфетеръ, — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жена гораздо лучше.

Несмотря на жаркую августовскую погоду, Юліи Гепнеръ съ каждымъ днемъ становилось все хуже.

Полковой врачъ пожималъ плечами и говорилъ:

— Тутъ ужъ ничто не поможетъ, вахмистръ, вы должны быть готовы къ самому худшему.

— Для нея это будетъ избавленіемъ,— съ лицемѣрнымъ вздохомъ отвѣчалъ Гепнеръ.—Она слишкомъ страдаетъ.

Дѣйствительно, Юлія Гепнеръ невыносимо страдала, припадки кашля разрывали ей грудь, приступы удушья всякій разъ грозили унести съ собой ея жизнь,—но все это было ничто въ сравненіи съ нестерпимыми нравственными пытками. Она никогда не переставала выслѣживать мужа и сестру. Съ ужасомъ замѣчала она, что Ида все меньше стѣснялась передъ ней и все неудержимѣе отдавалась своей страсти. Мужъ, конечно, тоже замѣчалъ это. Внутренно посмѣиваясь, онъ отмѣчалъ про себя, какъ съ каждымъ днемъ ослабѣвало сопротивленіе молодой дѣвушки. Скоро ему и руки не придется протягивать, сама къ нему придетъ.

Теперь вахмистръ не довольствовался одними поддразниваньями свояченицы,— гдѣ-нибудь въ уголкѣ онъ старался

щипнуть ее, прижать къ стѣнѣ или шутя обнять, волнуя кровь молодой дѣвушки. Несчастная женщина принуждена была видѣть, какъ сильныя руки мужа сжимали въ объятіяхъ сестру, и та вся трепещущая и радостная, прижималась къ нему. Даже въ шутку она не пыталась теперь отбиваться отъ заигрываній зятя.

— О, свиньи! свиньи!—хрипло стонала больная.

Ида выпрямлялась и задорно отвѣчала.

— А тебѣ что? А? Тоже разговариваетъ! Неужели Отто нельзя даже и пошутить? Кажется, это мое дѣло!

Въ своемъ жестокомъ и беззаботномъ эгоизмѣ влюбленной она глубоко возмущалась упреками Юліи. Какъ? Эта жалкая тѣнь заявляетъ еще какія-то претензіи на мужчину, который полюбилъ ее, молодую и красивую, и котораго она тоже любитъ.

Она упрямо поднимала свою красивую головку. Кто же, если не она, имѣетъ право на любовь.

Больная устала опускалась на подушки и твердила сквозь зубы все одно и то же:

— Свиньи вы! Свиньи!

И чего она, въ сущности, бранится! Развѣ она не предвидѣла этого?

Она горько смѣялась. Развѣ не лучше было бы примириться, закрыть глаза на все и ждать избавительницу смерть.

Такъ нѣтъ же. Она не въ силахъ выносить эту грубость, это безстыдство. Она ломала себѣ голову, какъ отомстить имъ обоимъ, но напрасно. Всего ужаснѣе, что она живая словно мертвецъ, такая-же безпомощная, безсильная какъ мертвецъ.

Наконецъ, свершилось и послѣднее, послѣдній позоръ.

Она поняла, когда насталъ моментъ. Она почувствовала это, когда Гепнеръ и Ида подошли проститься съ ней—онъ въ парадной формѣ, съ медалью на груди, сестра въ свѣтломъ платьѣ, съ открытой шеей и руками, съ зонтикомъ и лѣтней кофточкой въ рукѣ. Выходя изъ дверей, Гепнеръ прижалъ къ себѣ полную руку дѣвушки и еще не успѣвъ притворить двери, запечатлѣлъ на затылкѣ ея сочный поцѣлуй.

Тутъ больная сразу почувствовала, что еще сегодня, до наступленія ночи, ея несчастье достигнетъ высшей точки. Она закрыла глаза, и въ головѣ у нея закружились дикія мысли, отвратительныя картины, ужасные кровавые планы мести, развертываемые больной, раздраженной фантазіей.

Вахмистръ съ Идой были въ этотъ день приглашены на праздникъ «воиновъ 1870—71 года» въ память битвы при Сенъ-Прива.

Концертъ, театральное представленіе и танцы—гласила программа.

Полковой оркестръ неутомимо барабанилъ въ саду стрѣлковаго клуба весь свой патріотическій репертуаръ. Старые воины сидѣли вокругъ столиковъ съ семьями и разсказывали разные кровавые эпизоды. Даже тѣ, кто всю кампанію продѣлалъ при обозѣ и въ глаза не видалъ непріятеля, не отставали отъ другихъ.

Передъ вечеромъ трубная фанфара возвѣстила о началѣ представленія въ залѣ.

Еще въ саду горячее лѣтнее солнце и пиво разгорячили гостей. Въ биткомъ набитой залѣ жара была просто невыносимая.

Стулья были поставлены какъ только можно тѣснѣе, чтобъ вся масса публики могла размѣститься. Разъ занявъ мѣсто, человѣкъ ужъ не могъ пошевелиться до конца, онъ былъ точно вклеенъ между сосѣдями.

Гепнеръ и Ида передъ самымъ поднятіемъ занавѣса нашли себѣ два стула. Вахмистръ сѣлъ первый. До стула сосѣда оставалось совсѣмъ маленькое пространство, на которомъ полная Ида никакъ не могла умѣститься.

Ей пришлось сидѣть чуть не наполовину у него на колѣняхъ. Сквозь тонкое платье онъ чувствовалъ теплоту ея упругаго тѣла. Ихъ тѣсно прижали другъ къ другу въ полутемной залѣ. На лбу у нихъ блестѣли крупныя капли пота. Оба тяжело и прерывисто дышали. Но, словно по уговору

ни одинъ не пошевельнулъ ни однимъ членомъ. Они прислушивались только къ голосу своей крови.

Ни тотъ, ни другая не слышали ни слова изъ того, что происходило на сценѣ. Они смотрѣли прямо передъ собой, ничего не видя. Они не сознавали, сколько времени они просидѣли такъ— нѣсколько секундъ или нѣсколько часовъ.

Наконецъ, послышались звуки королевскаго гимна, означавшіе конецъ представленія. Зрители облегченно вздыхали и терпѣливо пробирались къ тѣснымъ выходамъ, вытирая себѣ платками разгоряченныя, потныя лица.

Отто Гепнеръ и Ида все еще продолжали сидѣть на мѣстѣ. Наконецъ, молодая дѣвушка лѣниво поднялась и пошла невѣрными шагами, задѣвая за стулья, къ выходу. Вахмистръ послѣдовалъ за ней. Всѣ члены у него онѣмѣли и отяжелѣли.

Въ саду зажгли газъ. Рѣдкіе газовые рожки бросали невѣрный свѣтъ.

Ида поблѣднѣла и оперлась на стулъ.

— Я бы хотѣла уйти отсюда,—сказала она.

— Такъ что-жъ?—промолвилъ онъ и хотѣлъ подать ей кофточку.

Но дѣвушка взяла ее у него и перекинула черезъ руку. Все ея тѣло пылало точно въ огнѣ, а въ кожѣ она ощущала какія-то легкія покалыванія. Она бы охотнѣе и остальное съ себя сняла.

Молча вышли они изъ сада.

Стрѣлковый клубъ былъ расположенъ на склонѣ горы. Отъ него къ казармѣ шли двѣ дороги,—большая проѣзжая прямо къ главнымъ воротамъ и пѣшеходная тропинка, ведшая мимо лѣса, позади казармы и дальше въ луга.

Гепнеръ повернулъ по тропинкѣ.

Вечеръ не принесъ съ собой ни малѣйшей прохлады. Листья на деревьяхъ не шевелились, точно завороженные. Сумерки все сгущались, уступая мѣсто ночному мраку.

Мягкій ночной воздухъ нѣжно ласкалъ руки и шею молодой дѣвушки.

На опушкѣ они оглянулись назадъ. Среди мрака весело поблескивали садовые огни. Звуки достигали до нихъ, смягченные далекимъ разстояніемъ. Трубы и контрабасы отчетливо отбивали тактъ танцевъ.

Въ тѣни деревьевъ Гепнеръ обнялъ свою спутницу за плечи. Она слегка вздрогнула. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, медленно шли они дальше.

Когда внизу показалась казарма, они еще разъ остановились. Изъ-за темныхъ стѣнъ кое-гдѣ въ окнахъ жилыхъ помѣщеній виднѣлись скучные огоньки. Точно вся жизнь замерла въ этомъ большомъ мрачномъ четырехугольникѣ.

Они отвернулись отъ него и пошли дальше. Горячая рука мущины тяжело лежала на плечахъ дѣвушки, горло у него пересохло, рука онѣмѣла, и онъ не въ силахъ былъ даже взглянуть ей въ лицо.

Роща кончилась. По обѣимъ сторонамъ тропинки тянулись луга, справа была черная ночь.

Въ долинѣ загремѣлъ поѣздъ. Снопъ искръ вырывался изъ трубы локомотива. Освѣщенныя окна вагоновъ отбрасывали свѣтлые четырехъугольники на черную землю. Они неутомимо бѣжали рядомъ съ поѣздомъ и наконецъ исчезли вдали. Теперь нигдѣ не было видно ни отблеска свѣта, выдававшаго присутствіе человѣка.

Вдругъ дѣвушка остановилась и вырвала свою руку у мущины. Съ легкимъ крикомъ, звучавшимъ, какъ жалоба побѣжденнаго, бросилась она ему на грудь....

Послѣ ночи проведенной въ борьбѣ съ дикими образами фантазіи, Юлія Гепнеръ стала спокойнѣе. Она не вѣрила, чтобы ея худшія опасенія оправдались. Не могли они быть такими жестокими, такими сквернымъ, чтобы причинить умирающей эту послѣднюю пытку.

Но какъ только она увидѣла измѣнившееся обращеніе ея мужа и сестры, подозрѣнія ея превратились въ увѣренность.

Манеры ихъ стали ровнѣе, изъ нихъ исчезла тревога, ожиданіе. Они относились другъ къ другу спокойнѣе, чувствовалось полное взаимное пониманіе и увѣренность; взгляды ихъ не подстерегали другъ друга, а разсказывали о пережитомъ блаженствѣ.

Съ этихъ поръ планы мести уже не оставляли больную, она мечтала объ одномъ—убить преступную пару.

Она чувствовала, что должна подготовиться къ этому. Она пропустила время. Она едва могла сдѣлать нѣсколько колеблющихся шаговъ, а скоро она, пожалуй, не въ состояніи будетъ подняться съ кровати.

Она перестала отпускать отъ себя Иду. По крайней мѣрѣ, ея позоръ не могъ повториться снова.

Изъ подъ опущеныхъ вѣкъ наблюдала она за всякимъ движеніемъ, за всякимъ выраженіемъ лица сестры. О, какъ она ее ненавидѣла! Это здоровое, цвѣтущее созданіе, съ полными, бѣлыми руками и высокой грудью! Какъ она ее ненавидѣла! Ея свѣжесть, ея молодость, ея красоту, ея нѣжное, цвѣтущее тѣло, которымъ она причаровала ея мужа! Которое онъ ласкалъ!

И съ какимъ видомъ побѣдительницы сидѣла передъ ней эта негодница! Какъ ровно и спокойно подымалась полная грудь подъ легкой кофточкой! Какъ беззаботно клала она ногу на ногу, увѣренная, что и это у нея выходитъ красиво! Она сидѣла передъ ней, погруженная въ мечты, съ легкой улыбкой на губахъ. Навѣрно она вспоминала его объятія!

Она не подозрѣвала, что надъ головой ея виситъ мечъ! Что она такъ близка къ смерти! Ближе, чѣмъ сама умирающая!

Но стрѣлка гаснущей жизни безостановочно двигалась по циферблату.

Постоянные припадки кашля совершенно не давали несчастной спать по ночамъ. Полковой врачъ прописалъ ей морфій. Дозу онъ назначилъ довольно большую. Бѣдная женщина несомнѣнно стояла на краю гроба, — почему не облегчить ей послѣднихъ минутъ? На всякій случай онъ предупредилъ вахмистра, что это опасное лѣкарство, онъ сказалъ ему, что давать его надо точно въ указанной дозѣ.

— А послѣ него она, правда, будетъ спать, господинъ старшій врачъ?—спросилъ вахмистръ.

— О да, крѣпчайшимъ сномъ. Въ началѣ ночи вы не добудитесь ее, если и захотите. Видите ли, давая ей ночью успокоиться и отдохнуть, мы, можетъ быть, поддержимъ на время ея жизнь, Но во всякомъ случаѣ — вы должны быть готовы ко всему, вахмистръ! Тутъ ничего впередъ не скажешь. Конецъ можетъ наступить вдругъ, а можетъ она и еще нѣсколько недѣль протянуть, пожалуй, даже до зимы. Она у васъ, видно, крѣпкая.

И дѣйствительно лѣкарство подѣйствовало, больная стала спать по ночамъ.

Юлія не могла нахвалиться полковымъ врачемъ за то, что онъ далъ ей такое чудесное средство. Этотъ отдыхъ удивительно освѣжалъ ее. Стоило только выпить полную ложку этой штуки,— въ малинномъ сиропѣ даже горечь была почти незамѣтна,—почти сейчасъ же все начинало погружаться въ легкій туманъ, глаза смыкались, все тѣло точно погружалось во что то мягкое, нѣжное. Еще нѣсколько времени можно было разслышать, что дѣлалось въ комнатѣ, и наконецъ наступалъ чудесный, крѣпкій сонъ.

Послѣ пробужденія чувствовалась правда нѣкоторая тяжесть въ членахъ, но все таки несомнѣнно сказывалось укрѣпляющее дѣйствіе ночного отдыха.

Иногда даже у больной стала вновь воскресать надежда. Какъ только ей дѣлалось получше, въ ней сейчасъ же пробуждалась жажда жизни. Вотъ то великолѣпная была бы месть тѣмъ двумъ,— на зло имъ остаться жить, многіе годы, быть можетъ.

Но болѣзнь не уступала. Она снова впадала въ отчаяніе и снова изобрѣтала планы мщенія.

Разъ утромъ она лежала мрачная на диванѣ. Она старалась возстановить въ памяти прошедшую ночь. Что-то случилось въ эти часы особенное, она даже смутно почувствовала это сквозь окутывавшій ее туманъ. Она вспоминала, что въ полуснѣ это испугало ее,. привело въ ужасъ, но потомъ безслѣдно исчезло изъ ея памяти. Теперь она старалась всѣми силами возстановить, что это было.

Случилось это незадолго до засыпанія во время того смутнаго полузабытья, ко-

торое всегда предшествуетъ окончательному дѣйствію морфія.

Легкій припадокъ кашля на мгновеніе пробудилъ ее изъ дремоты... Да. И тутъ она замѣтила, что Отто, ея мужъ, тихо всталъ съ своей кровати. Нѣкоторое время онъ, видимо, прислушивался къ чему-то сидя, потомъ осторожно подкрался къ ней и долго стоялъ передъ ея постелью.

Вдругъ она все вспомнила: въ ту минуту ее обуялъ безумный страхъ, что онъ причинитъ ей какое нибудь зло, что своими большими, сильными руками онъ схватитъ ее за шею и задушитъ. Она слишкомъ слаба, чтобы защищаться. Она чувствовала даже, что не въ силахъ будетъ крикнуть. Но ничего такого не произошло. Онъ неподвижно стоялъ передъ ней и смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Она чувствовала его взглядъ сквозь свои опущенныя вѣки.

Наконецъ, сонъ взялъ свое, но въ послѣдній моментъ она какъ будто почувствовала, что мужъ отошелъ отъ нея.

Но нѣтъ, послѣ этого-еще что-то случилось, что сразу вернуло ей сознаніе, и на мгновенье точно молніей освѣтило наступившій мракъ.

И она вспомнила это. Точно ударъ бича обрушилось на нее это воспоминаніе, ее даже подбросило вверхъ на постели, такъ что она обѣими руками схватилась за одѣяло и должна была закусить зубами платокъ, чтобы не закричать отъ горя и ненависти.

Отъ ея постели мужъ повернулъ къ двери! Къ двери, за которой спала Ида!

Такъ вотъ оно что! Каждый вечеръ скромная Ида запирала за собой дверь и всегда при этомъ громко щелкала ключомъ. А отпирала она его навѣрно тихонько. Не даромъ она недавно смазывала всѣ замки масломъ! Она увѣряла, что они плохо дѣйствуютъ и скрипятъ, — причина-то, оказывается, была другая!

Эти безстыдные люди пользовались ея сномъ, за который она, несчастная, была такъ безгранично благодарна! Даже этотъ отдыхъ, этотъ жалкій огрызокъ счастья они отравили ей!

Съ этой минуты она никогда не поднесетъ къ губамъ это цѣлебное лекарство. Не дастъ имъ свободы! Никогда! Если бы это даже стоило ей жизни! Къ чему ей держаться за эту жалкую, несносную жизнь.

Или нѣтъ! Она обманетъ ихъ. Она сдѣлаетъ видъ, что приметъ лекарство, представится спящей и тогда выполнитъ свою месть надъ обоими преступниками.

Какъ—она еще не знала. Но только это должно случиться, и скоро. Черезъ два дня полкъ выходитъ на осенніе маневры. До тѣхъ поръ казнь должна совершиться,—потомъ у нея не хватитъ силъ.

У нея оставалась, значитъ, одна ночь, чтобы убѣдиться, что этотъ ужасъ не плодъ ея фантазіи, и, если ея подозрѣнія подтвердятся, еще одна ночь, послѣдняя, желанная ночь—ночь мщенія.

Вечеромъ она держала наготовѣ платокъ, чтобы незамѣтно вылить въ него лѣкарство.

Вахмистръ самъ наливалъ на ложку красный сиропъ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ густая жидкость точно змѣя выползала изъ узкаго горлышка склянки, сначала поднималась на ложкѣ точно пуля и только потомъ расползалась по ней. Онъ осторожно соблюдалъ дозу по предписанію врача: «столовую ложку не до краевъ». Сперва ему пришло въ голову, что двойная доза могла бы сразу избавить его отъ нестерпимо надоѣвшей жены. Но потомъ онъ разсудилъ, — къ чему? И безъ его помощи конецъ придетъ скоро.

Нѣтъ, онъ вовсе не желаетъ быть убійцей.

Онъ медленно наливалъ, и если ложка казалась ему черезчуръ полной, онъ сливалъ излишекъ назадъ въ склянку.

— Зачѣмъ добру пропадать! — съ улыбкой замѣчалъ онъ свояченицѣ.

И онъ крѣпко закупоривалъ бутылочку. Онъ думалъ, что лучше сбережетъ такъ снотворный духъ лекарства.

Больная искоса слѣдила за нимъ. Его довольная улыбка подтверждала уже до нѣкоторой степени ея предположенія. Онъ радовался, мечтая о предстоящей ночи любви, какую сулило имъ лекар-

ство. Онъ повернулся къ Идѣ, и они обмѣнялись взглядами заговорщиковъ.

Осторожно поднесъ вахмистръ ложку больной. Она схватила ее. Но когда она взглянула ему въ лицо, встрѣтила его твердый, вызывающій взглядъ, рука ее дрогнула, и она поспѣшно вылила лекарство въ ротъ. Въ эту секунду она совершенно забыла свое намѣреніе. Она уже проглотила большую часть лѣкарства, когда вспомнила свой планъ.

Она поднесла платокъ къ губамъ и выплюнула въ него остатокъ жидкости. Быть можетъ, меньшая доза не въ состояніи будетъ усыпить ее.

Сестра помогла ей перейти на кровать. Вахмистръ вышелъ еще разъ заглянуть въ казармы и конюшни.

Больная неподвижно лежала на постели и ждала. Понемногу ею стала овладѣвать обычная дремота, которую раньше она такъ радостно привѣтствовала. Но она чувствовала, что на этотъ разъ привычное оцѣпенѣніе не съ прежней силой оковываетъ ея тѣло и ея сознаніе. Тѣло какъ будто замирало, но мысли не утрачивали еще ясности.

Она слышала, какъ Ида шевелилась въ сосѣдней комнатѣ, садилась, вставала, что-то прибирала. На полъ упали ножницы. Ида вполголоса выбранилась, нагнулась и подняла ихъ.

Трубачъ протрубилъ зорю. Черезъ закрытое окно она слышала, какъ ея мужъ разговаривалъ съ вахмистромъ пятой батареи. Тотъ уговаривалъ его пройти въ унтеръ-офицерское собраніе распить по кружкѣ пива. Гепнеръ сперва отказывался, потомъ согласился.

Вдругъ она припомнила, какъ ея мужъ мало выходилъ за послѣдніе дни. Раньше онъ не долюбливалъ торчать дома. Должно быть, что-нибудь привязывало его къ дому, и она отлично знала, что это было такое. Вотъ и новое звено въ цѣпи доказательствъ. Все, все приводитъ къ этому. Значитъ, позоръ ея, дѣйствительно, совершился!

Она продолжала бороться съ овладѣвающимъ ею сномъ, смыкавшимъ ей вѣки и грозившимъ заткнуть уши.

Сестра собиралась ложиться. Юлія слышала, какъ она убрала работу, прошла въ кухню, открыла тамъ кранъ. Потомъ она вернулась и заперла дверь въ сѣни.

Нѣсколько времени ничего не было слышно.

Потомъ къ внутреннимъ дверямъ приблизились босые шаги. Ручка тихо-тихо повернулась и дверь полуоткрылась. Сестра прислушивалась, спитъ ли больная.

Юлія задержала дыханіе. Ей казалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока дверь снова закрылась.

Потомъ въ замкѣ громко щелкнулъ ключъ, намѣренно громко послѣ всѣхъ предыдущихъ предосторожностей. Онъ прозвучалъ какимъ-то вызовомъ.

«Видишь, какъ мы еще церемонимся съ тобой! Ну, а все-таки мы тебя проведемъ!»

Босые шаги все еще не удалялись отъ двери.

Не слышно было ни малѣйшаго шороха, но больная чувствовала, что ключъ поворачивается теперь въ обратную сторону, и вдругъ она уловила легкій стукъ,—ключъ попалъ на свое прежнее мѣсто. Позорный путь былъ открытъ.

Несчастная женщина уже приготовилась къ тому, что ея подозрѣнія справедливы. Тѣмъ не менѣе въ какомъ-то укромномъ уголочкѣ ея души пріютилась робкая надежда, что опасенія ея все-таки не оправдаются, какая-то смутная просьба къ судьбѣ, чтобы она дала ей унести съ собой изъ этой ужасной ночи хоть маленькій отблескъ свѣта. Теперь увѣренность подломила сразу ея напряженную волю.

Она погрузилась въ глубокій сонъ и проснулась только въ ту минуту, когда подъ окномъ раздались тяжелые шаги солдатъ, идущихъ чистить конюшни.

Она быстро окинула взглядомъ комнату и сейчасъ же снова заснула. Но она успѣла замѣтить, что дверь къ сестрѣ только притворена. Мужъ крѣпко спалъ на своей кровати.

Въ это утро въ батареѣ было дѣла по горло. На слѣдующій день въ шесть часовъ утра полкъ долженъ былъ выступить на осенніе маневры.

вслѣдствіе того, что я не ѣлъ больше сутокъ, и скорбь, тяготившая мою душу,—все это вмѣстѣ до того меня обезсилило, что я упалъ на дно лодки въ состояніи чего-то средняго между сномъ и смертью. То же случилось и съ товарищемъ моимъ Грассети. Одинъ Андреоли не спалъ и былъ здоровъ, вѣроятно потому, что онъ хорошо набилъ себѣ желудокъ и выпилъ много рому. Однако, отъ холоду, который былъ невыносимъ, страдалъ и онъ. Долго употреблялъ онъ напрасныя усилія, чтобы меня разбудить. Наконецъ, ему удалось поставить меня на ноги, но мысли мои совсѣмъ спутались, я спрашивалъ его какъ бы очнувшись отъ сна: „Ну, что новаго? Куда мы идемъ? Который часъ? Откуда вѣтеръ?"

„Было два часа. Мы медленно спускались черезъ толстый слой бѣловатыхъ облаковъ, и когда очутились подъ ними, Андреоли услышалъ глухой и почти незамѣтный шумъ, который онъ призналъ за ревъ волнъ вдали. Я послушалъ и не замедлилъ убѣдиться, что онъ былъ правъ. Необходимо было добыть огня, чтобы опредѣлить по состоянію барометра, на какой мы были высотѣ, и принять соотвѣтственные мѣры. Начавъ трясти Грассети, мы, наконецъ, его разбудили. Андреоли разорвалъ пять фосфорныхъ фителей,и ни одинъ не загорѣлся. Наконецъ, послѣ нескончаемыхъ трудовъ, намъ удалось при помощи огнива зажечь фонарь. Было три часа утра. Шумъ волнъ разбивавшихся другъ о друга, становился все слышнѣе, и скоро я увидѣлъ бурную поверхность моря, Я быстро схватилъ большой мѣшокъ балласта и только что хотѣлъ его бросить, какъ въ этотъ моментъ челнокъ уже погрузился, и мы всѣ очутились въ водѣ. Въ первый моментъ испуга мы стали выбрасывать все, что могло насъ облегчить: балластъ, всѣ инструменты, часть одежды, деньги и даже весла и лампы; облегченный шаръ вдругъ поднялся, но съ такой быстротой и на такую удивительную высоту, что намъ трудно было слышать другъ друга, даже когда мы кричали. Со мной сдѣлалось дурно. У Грассети пошла носомъ кровь; у обоихъ у насъ было короткое дыханіе и давленіе груди. Такъ какъ мы промокли до костей, то въ моментъ, когда шаръ поднялъ насъ на такую высоту, насъ быстро охватилъ холодъ и въ одну минуту мы покрылись слоемъ льда.

„Проплывъ съ полчаса на неизмѣримой высотѣ, шаръ сталъ медленно спускаться, и мы опять упали въ море; было около четырехъ часовъ утра. Половина тѣла была у насъ въ водѣ и часто насъ совсѣмъ заливали волны. Шаръ, лишенный газа, былъ во власти вѣтра, который надувалъ его, какъ парусъ, и таскалъ насъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ по разъяреннымъ волнамъ. На разсвѣтѣ мы ориентировались и увидѣли, что находимся противъ Пезарро приблизительно въ 4-хъ миляхъ отъ берега. Мы уже стали надѣяться, что пристанемъ къ нему, какъ вдругъ сильный вѣтеръ съ суши угналъ насъ далеко въ открытое море. Уже совсѣмъ разсвѣло, а мы не видѣли передъ собою ничего, кромѣ неба, воды и неизбѣжной смерти. Правда, наша добрая звѣзда послала было намъ какіе-то суда; но лишь только съ нихъ начали различать нашу необыкновенную пловучую машину, какъ въ ужасѣ уплыли отъ насъ на всѣхъ парусахъ. Такимъ образомъ, у насъ оставалась только одна надежда добраться до береговъ Далмаціи, которая была еще далеко. Увы! Это была очень слабая надежда, и мы были бы неминуемо поглощены волнами, если бы небо не направило къ намъ одного мореплавателя, который, будучи, конечно, образованнѣе тѣхъ, которые отъ насъ бѣжали, призналъ въ нашей машинѣ воздушный шаръ и тотчасъ же послалъ за нами свою шлюпку. Его матросы бросили намъ большой канатъ, который мы привязали къ лодкѣ, и при помощи его насъ вытащили, истощенныхъ и умирающихъ.

„Облегченный такимъ образомъ шаръ тотчасъ же опять поднялся на воздухъ, несмотря на всѣ усилія матросовъ притянуть его къ себѣ. Лодку сильно качало, опасность была неминуема, и матросы поспѣшили обрѣзать веревку. Шаръ тотчасъ же поднялся съ невѣроятной быстротой и исчезъ въ облакахъ, пропавъ у насъ изъ виду. Было 8 часовъ утра, когда мы взошли на бортъ корабля. Грассети былъ точно мертвый и едва подавалъ признаки жизни. Руки его были раздроблены. Холодъ, голодъ и ужасныя страданія совершенно меня истощили. Доблестный капитанъ судна сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы возстановить наши силы. Онъ высадилъ насъ въ портѣ Феррадъ; отсюда насъ перевезли въ Поло, гдѣ мы были приняты самымъ радушнымъ образомъ и гдѣ искусный хирургъ ампутировалъ мнѣ пальцы".

Едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ послѣ этой ужасной ночи, Замбекари, пользуясь денежной поддержкой прусскаго короля, рѣшилъ приступить къ дальнѣйшимъ опытамъ. Это была послѣдняя роковая для него попытка. Подъемъ произошелъ 21-го сентября

1812 г. въ Болоньи. Оставляя землю, шаръ какъ и во время перваго опыта Замбекари, ударился о дерево, при чемъ лампа опрокинулась и спиртъ вспыхнулъ. На этотъ разъ катастрофу нельзя было предотвратить, такъ какъ загорѣлся и самый шаръ. Неподалеку отъ мѣста подъема вскорѣ былъ найденъ наполовину обуглившійся человѣческій трупъ и обгорѣлые остатки аэростата. Это было все, что осталось отъ несчастнаго графа.

Рис. 36. Графъ Франческо Замбекари.

Эпоха Наполеона съ ея безпрерывными войнами была временемъ мало благопріятнымъ для дальнѣйшаго развитія воздухоплаванія. Сколько-нибудь значительныхъ усовершенствованій и опытовъ въ области аэростатическаго воздухоплаванія за все это время сдѣлано не было, и воздушно-шаровые подъемы пріобрѣтаютъ характеръ исключительно увеселительный. Гарнеренъ считался тогда любимцемъ парижанъ, и постепенно занялъ положеніе оффиціальнаго воздухоплавателя, роль котораго сводилась почти исключительно къ организаціи воздушныхъ полетовъ во время торжествъ инародныхъ гуляній *). По случаю своего коронованія, На-

*) Въ 1803 г. Гарнеренъ, между прочимъ, посѣтилъ Россію, гдѣ совершилъ три воздушныхъ полета: два въ Петербургѣ (20-го іюня и 18-го іюля) и одинъ въ Москвѣ (20-го сентября). Подробности этихъ полетовъ описаны Гарнереномъ въ особой брошюрѣ, которая въ началѣ прошлаго столѣтія была переведена на русскій языкъ и издана въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Подробности трехъ воздушныхъ путешествій, предпринятыхъ г. Гарнереномъ въ Россіи“. Брошюра эта, представляющая весьма интересный документъ для исторіи воздухоплаванія въ Россіи, была воспроизведена почти цѣликомъ (съ сохраненіемъ слога и орѳографіи того времени) въ журналѣ „Воздухоплаватель“ (№ 1, 20-го іюля 1903 г.). Первый полетъ г. Гарнерена, состоявшійся въ присутствіи императора Александра I, продолжался очень недолго, такъ какъ воздухоплаватель не захотѣлъ удаляться далеко отъ города „частью,—говоритъ онъ,—въ разсужденіи неудобства мѣстоположеній, частью же по причинѣ неизвѣстности образа мыслей деревенскихъ жителей той страны, при видѣ толико новаго и чрезвычай-

полеонъ между прочимъ, выразилъ желаніе, чтобы во время празднествъ устроенныхъ по этому случаю въ Парижѣ, для увеселенія народа былъ пущенъ большой воздушный шаръ. Дѣло было поручено Гарнерену, который получилъ на расходы отъ правительства 22.500 франковъ. Въ присутствіи многотысячной толпы Гарнеренъ торжественно пустилъ огромный шаръ, богато разукрашенный флагами и гербами. Поднятіе совершилось въ 11-ть часовъ вечера среди восторженныхъ кликовъ народа. Этотъ шаръ, какъ потомъ оказалось, полетѣлъ по направленію къ Италіи и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня былъ замѣченъ въ окрестностяхъ Рима; потомъ его видѣли парящимъ надъ куполомъ св. Петра, надъ Ватиканомъ, затѣмъ шаръ долго носился надъ городомъ, два или три раза касался земли и упалъ наконецъ въ озеро Bracciano. Этотъ шаръ первый принесъ въ Римъ извѣстіе о совершившемся въ Парижѣ событіи. Въ послѣдніе моменты своего полета, шаръ наткнулся на памятникъ на могилѣ Нерона и императорская корона привѣшенная къ нему раскололась и часть ея повисла на одномъ изъ выступовъ памятника. Обстоятельство это дало обильную пищу суевѣрнымъ толкамъ народа, и въ Парижѣ долго говорили о томъ, что царская корона повисла на могилѣ тирана. Толки дошли наконецъ до Наполеона и произвели на него непріятное впечатлѣніе. Этого было достаточно, чтобы онъ запретилъ упоминать при немъ о Гарнеренѣ и его воздушныхъ шарахъ. Гарнеренъ впалъ въ немилость и пересталъ считаться оффиціальнымъ воздухоплавателемъ Наполеона. Неудовольствіе свое Наполеонъ перенесъ на все воздухоплаваніе, которое, какъ мы уже упоминали, и раньше его симпатіями не пользовалось.

Съ 1808 до 1812 года въ Европѣ надѣлали большого шума опыты вѣнскаго часовщика Якова Дегена съ изобрѣтеннымъ имъ летательнымъ приборомъ. Я. Деген родился въ Базелѣ; отецъ его, мелкій фабрикантъ, былъ приглашенъ императрицей Маріей-Терезіей въ Австрію, чтобы познакомить австрійцевъ съ выдѣлкой шелковыхъ лентъ. Яковъ работалъ подъ руководствомъ своего отца до девятнадцатилѣтняго возраста, а затѣмъ чувствуя влеченіе къ механикѣ, рѣшилъ сдѣлаться часовщикомъ и съ этой цѣлью устроился въ Вѣнѣ. Здѣсь ему довелось присутствовать при подъемахъ на воздушномъ шарѣ Бланшара и Робертсона. Эти опыты произвели сильное впечатлѣніе на молодого Дегена, онъ страстно увлекся воздухоплаваніемъ и въ концѣ концовъ самъ занялся изобрѣтеніемъ летательнаго прибора.

наго для нихъ зрѣлища". Спускъ произошелъ у Александро-Невской лавры. Второй подъемъ, совершенный г. Гарнереномъ въ компаніи съ генераломъ Львовымъ, былъ продолжительнѣе. Шаръ понесло сначала по направленію къ Финскому заливу. „И ежели,—говорится въ вышеупомянутой брошюрѣ,—театръ, глазамъ нашимъ представлявшійся, являлъ зрѣлище прекраснѣйшее и наиболѣе способное занимать человѣка, любопытствующаго видѣть блистательные виды природы, то нельзя не признаться, что паренiе по воздуху надъ водами и стремленіе наше къ открытому морю удобны были помрачить въ воображеніи нашемъ весь блескъ сей прекрасной картины". Наибольшая высота, достигнутая при этомъ подъемѣ, была 2.400 метровъ. На этой высотѣ г. Гарнереномъ были взяты пробы воздуха. „Тогда-то,—говоритъ онъ,—я началъ выливать разныя склянки, водою наполненныя, и снабдѣвать оныя воздухомъ высшей страны, по желанію одного славнаго рижскаго химика». Спускъ произошелъ въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, недалеко отъ Краснаго Села.

Наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ трехъ полетовъ г. Гарнерена въ Россіи, былъ его полетъ изъ Москвы. Онъ продолжался 7 часовъ, въ теченіе которыхъ шаръ прошелъ громадное разстояніе въ 330 верстъ и опустился въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Наивысшая точка подъема соотвѣтствовала 3.500 метрамъ.

*

Приборъ, придуманный Дегеномъ, состоялъ изъ большихъ крыльевъ—парашютовъ, напоминавшихъ крылья, при помощи которыхъ пытался подняться въ 1782 г. Бланшаръ. Какъ и Бланшаръ, Дегенъ при своихъ первоначальныхъ опытахъ, могъ подниматься лишь при помощи противовѣса, увеличивавшаго подъемную силу его прибора на $^{13}/_{24}$ вѣса тѣла экспериментатора, при чемъ ему удавалось совершать нѣкоторыя, весьма впрочемъ ограниченныя движенія въ воздухѣ. Но затѣмъ, чтобы увеличить подъемную силу аппарата и избавиться отъ необходимости прибѣгать къ противовѣсу, Дегенъ приспособилъ къ нему небольшой шаръ, наполненный водородомъ. Сначала опыты съ новымъ аппаратомъ Дегенъ старался держать въ секретѣ отъ публики, но уже вскорѣ рѣшился воспроизвести ихъ публично. Воспользовавшись тихой погодой, онъ, въ присутствіи огромной толпы, поднялся 12-го ноября 1808 г. на своемъ приборѣ, спустился на землю и затѣмъ еще нѣсколько разъ повторилъ этотъ опытъ. Успѣхъ былъ колоссальный. Не оставалось никакихъ сомнѣній, что вопросъ о завоеваніи воздуха былъ разрѣшенъ. Австрійскій императоръ присоединился къ общему ликованію и распорядился о выдачѣ счастливому изобрѣтателю награды въ 4.000 гульденовъ. Тогда Дегенъ рѣшилъ познакомить со своимъ открытіемъ Европу, и естественно направился прежде всего въ Парижъ, куда уже проникло извѣстіе о его изобрѣтеніи и гдѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали его появленія.

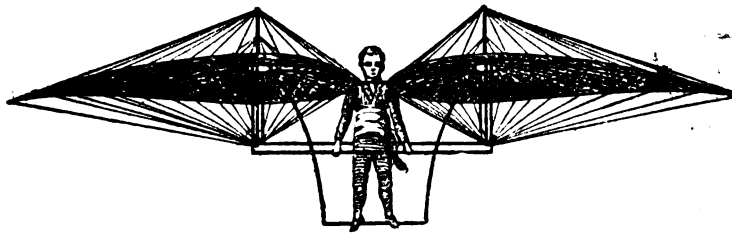


Рис. 37. Летательный приборъ Якова Дегена.

Крылья которыми, пользовался Дегенъ, разсматриваемыя снизу, имѣли форму листьевъ тополя; въ подражаніе перьямъ крыльевъ птицы—они состояли изъ отдѣльныхъ полосокъ тафты, натянутыхъ на тростниковые прутики. Летательныя крылья были укрѣплены на кольцѣ; они послѣдовательно укладывались на плечи экспериментатора и приводились въ движеніе съ помощью двухъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ одной изъ перекладинъ, которыя соединяли между собою оба крыла. Нижняя перекладина служила опорой для ногъ—воздухоплаватель сохранялъ такимъ образомъ вертикальное положеніе.

Первый опытъ состоявшійся 10-го іюня 1812 года въ 4 часа пополудни былъ не удаченъ; второй произведенный 7-го іюля не былъ успѣшнѣе; наконецъ, третья попытка, имѣвшая мѣсто на Марсовомъ полѣ, 5-го октября окончилась скандаломъ. Парижане ожидали слишкомъ многаго и то, что демонстрировалъ имъ Дегенъ, на столько обмануло ихъ ожиданія, что изобрѣтатель принужденъ былъ удалиться подъ градомъ ругательствъ и насмѣшекъ, которыми осыпала его парижская толпа.

Начавшійся во время первой имперіи застой въ воздухоплаваніи продолжался почти вплоть до начала сороковыхъ годовъ. За этотъ

тридцатилѣтній промежутокъ воздухоплаваніе не сдѣлало никакихъ сколько-нибудь существенныхъ пріобрѣтеній, и тѣ немногія попытки управленія шарами, которыя были произведены за это время (проектъ Шарля Женэ въ 1825 г. опытъ воздушнаго корабля графа Ленокса въ 1834 и др.), едва ли могутъ представлять какой-нибудь интересъ для исторіи воздухоплаванія. Отмѣтимъ впрочемъ попытку англичанина Коккинга усовершенствовать парашютъ Гарнерена, попытку имѣвшую роковой исходъ для ея автора. Чтобы придать парашюту больше устойчивости при спускѣ, Коккингъ задумалъ кореннымъ образомъ измѣнить его форму, т.-е. обратить конусъ парашюта вершиною внизъ. Собственно идея Коккинга не была ужъ такъ безсмысленна, какъ объ этомъ прокричали послѣ его гибели, и подкрѣплялась мнѣніемъ такихъ авторитетовъ, какъ знаменитый математикъ сэръ Келэ. «Приборы этого рода,—говоритъ послѣдній по поводу парашюта Гарнерена,—ставящіе задачею возможно болѣе уравновѣсить спускъ на нихъ, какъ это ни странно, получили форму, наименѣе благопріятную для этой цѣли».

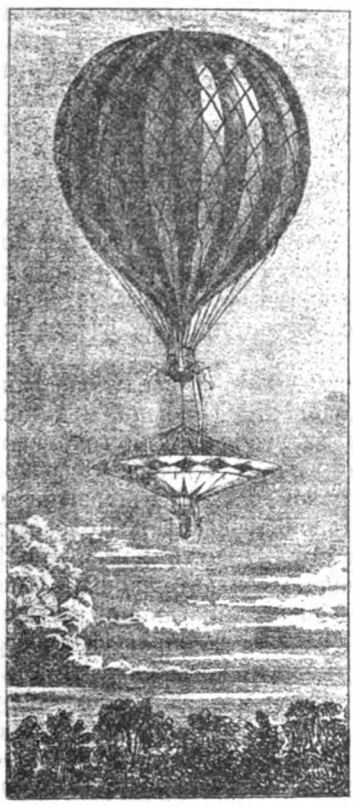


Рис. 38. Подъемъ Коккинга на парашютѣ.

Рис. 39. Спускъ Коккинга, при которомъ онъ погибъ.

Келэ математически доказываетъ, что наибольшую устойчивость можетъ имѣть лишь парашютъ, обращенный конусомъ внизъ, и приходитъ къ выводу, по которому «коническая форма съ вершиною, обращенною внизъ есть основа устойчиваго равновѣсіи въ воздухоплава-

ніи». Самъ Коккингъ на столько былъ увѣренъ въ справедливости этой идеи и въ правильности ея выполненія, что, рѣшившись спуститься на своемъ парашютѣ съ воздушнаго шара, онъ даже не считалъ нужнымъ предварительно испытать его на небольшихъ высотахъ. 27-го сентября 1834 года Коккингъ поднялся на воздушномъ шарѣ изъ лондонскаго вокзала вмѣстѣ со знаменитымъ воздухоплавателемъ Гриномъ. На высотѣ 1.000 метровъ Гринъ перерѣзалъ веревку, на которой держался парашютъ вмѣстѣ съ его изобрѣтателемъ. Паденіе было ужасно и продолжалось не болѣе одной минуты. Трупъ несчастнаго Коккинга былъ найденъ совершенно изуродованнымъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ интересъ къ вопросамъ воздухоплаванія начинаетъ понемногу снова оживляться. Мысль изобрѣтателей направляется попрежнему главнымъ образомъ на задачу управляемыхъ воздушныхъ шаровъ, но попытки ея рѣшенія носятъ уже другой, отличный отъ прежнихъ, характеръ; съ другой стороны— все чаще и чаще появляются попытки рѣшить проблему воздухоплаванія, помимо воздушныхъ шаровъ, путемъ примѣненія принциповъ динамики. Такъ въ 1842 г. англичанинъ Филипсъ построилъ первый металлическій геликоптеръ, приводимый въ движеніе паровымъ двигателемъ. Приборъ Филипса со всѣмъ снаряженіемъ вѣсилъ 2 фунта Онъ состоялъ изъ небольшого парообразователя, подогрѣваемаго смѣсью угля съ селитрой; изъ него паръ выходилъ по 8-ми металлическимъ трубкамъ, которыя въ то же время служили подпорками для 4-хъ небольшихъ лопастей, расположенныхъ по отношенію къ горизонту подъ угломъ въ 20° и могущихъ вращаться на общей оси. Вырываясь черезъ отверстія трубокъ, паръ ударялъ въ лопасти, заставляя ихъ вращаться съ большою скоростью, благодаря чему весь аппаратъ устремлялся вверхъ. По свидѣтельству очевидцевъ, приборъ могъ подниматься на значительную высоту и перелеталъ, прежде чѣмъ опуститься, черезъ два поля.

Слѣдующій, 1846 годъ отмѣченъ въ исторіи воздухоплаванія изобрѣтеніемъ перваго аэроплана. Въ сущности основной принципъ этого прибора былъ далеко не новъ и въ той или другой формѣ примѣнялся къ авіаціи задолго до изобрѣтенія Хенсона. Въ своей наиболѣе простой формѣ, въ формѣ бумажныхъ змѣевъ, аэропланъ былъ извѣстенъ со временъ самой глубокой древности. Но заслуга Хенсона заключается въ томъ, что онъ намѣтилъ путь для наиболѣе совершеннаго примѣненія этого принципа, создавъ новый типъ летательной машины и далъ толчекъ къ возрожденію авіаціи. Основная черта его машины заключалась въ развитіи опорныхъ поверхностей, которыя по отношенію къ поддерживаемой ими тяжести были значительно большими, нежели у птицъ. Далѣе передній планъ опорныхъ поверхностей, при горизонтальномъ движеніи машины, оставался нѣсколько приподнятымъ, вслѣдствіе чего усиливалось дѣйствіе сопротивленія воздуха на задній, наклоненный планъ, и слѣдовательно увеличивалась способность сопротивляться силѣ тяжести. Эта послѣдняя способность зависѣла такимъ образомъ съ одной стороны отъ быстроты движенія аэроплана, и съ другой—отъ величины наклона задней поверхности. Свою начальную скорость аэропланъ получалъ при спускѣ съ наклонной плоскости, а затѣмъ, когда эта скорость ослаблялась сопротивленіемъ воздуха, поступательное движеніе аэроплана совершалось при помощи паровой машины, проводившей въ движеніе лопастныя колеса. Самый аэропланъ состоялъ изъ судна, предназна-

ченнаго для пассажировъ, груза, машины и пр., къ обѣимъ сторонамъ котораго были прикрѣплены неподвижныя бамбуковыя рамы, обтянутыя тафтой, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждые полфунта вѣса, предназначеннаго къ поднятію, приходился квадратный футъ тафты.

Проектъ Хенсона и слухи о сооружаемой имъ машинѣ возбудили сильный интересъ въ печати и обществѣ. Поборники динамическаго направленія въ воздухоплаваніи (а они были уже и тогда) высказывали увѣренность, что опыты Хенсона должны, наконецъ, разрѣшить великую проблему воздухоплаванія. Но, увы, этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться: несмотря на неоднократное повтореніе, опыты рѣшительно не удавались. Это, конечно, не умаляло заслуги изобрѣтателя и того значеніе, какое, какъ мы потомъ увидимъ, пріобрѣло его изобрѣтеніе въ дальнѣйшемъ развитіи динамическаго воздухоплаванія. Замѣтимъ пока, что уже вскорѣ послѣ опытовъ Хенсона его

Рис. 40. Паровой аэропланъ Хенсона.

идея становится предметомъ дѣятельной разработки со стороны его современниковъ. Такъ, соотечественникъ Хенсона, Стрингфеллоу около того же времени опубликовалъ свой проектъ парового аэроплана, существенная особенность котораго заключалась въ томъ, что его опорныя поверхности были расположены въ три этажа. Проектъ этотъ, однако, осуществленъ не былъ.

Въ 1846 году въ Брюсселѣ было основано первое «Общество воздушной навигаціи» съ капиталомъ въ два милліона рублей. Ближайшей задачей общества была эксплоатація изобрѣтеннаго основателемъ общества, докторомъ ванъ-Экке (van-Hecke), приспособленія, облегчавшаго свободу передвиженія аэростата въ вертикальномъ направленіи. Стараясь замѣнить чѣмъ нибудь баллонетъ-компенсаторъ Менье, дающій возможность такихъ передвиженій безъ потери балласта и газа, ванъ-Экке задумалъ достигнуть этой цѣли при помощи винтовъ съ горизонтальными лопастями и такимъ образомъ отыскивать въ атмосферѣ

полосы благопріятныхъ вѣтровъ. При благопріятномъ исходѣ опытовъ, общество предполагало организовать правильную воздушную перевозку товаровъ и пассажировъ. Центральной фигурой этого широко задуманнаго предпріятія явился французскій воздухоплаватель Дюпюи Делькуръ, который былъ приглашенъ въ качествѣ главнаго секретаря и завѣдующаго техническимъ отдѣломъ общества. Швейцарецъ по рожденію *), Дюпюи Делькуръ въ молодости думалъ посвятить себя литературной дѣятельности и довольно удачно дебютировалъ

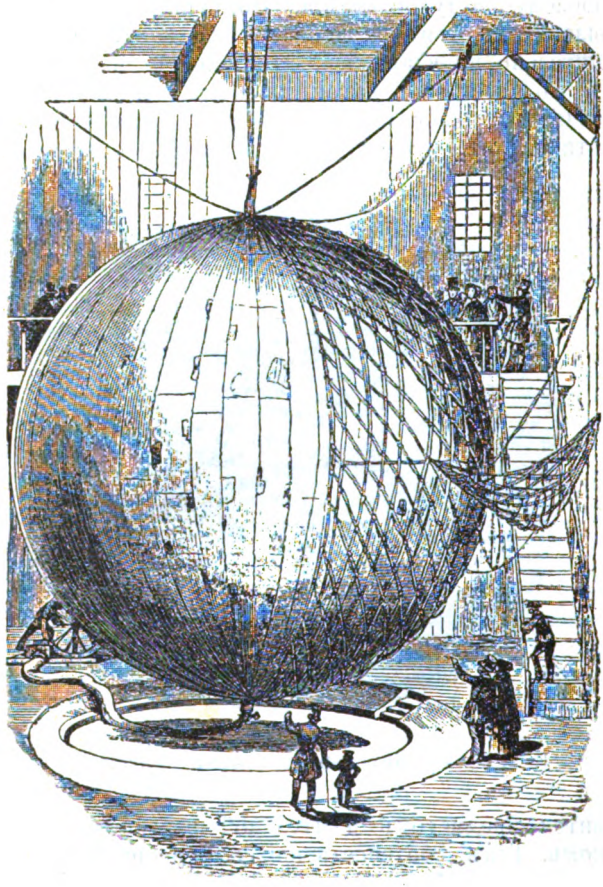


Рис. 41. Металлическій аэростатъ Дюпюи-Делькура и Марэй-Монжа.

въ литературѣ нѣсколькими пьесами, имѣвшими успѣхъ на сценѣ. Вскорѣ, однако, молодой драматургъ настолько увлекся вопросами воздухоплаванія, что рѣшилъ промѣнять первоначально избранную имъ карьеру на карьеру воздухоплавателя. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя воздухоплаванію, отдавая ему всѣ свои силы и средства и живя исключительно его интересами. Уже въ 1827 году, т.-е. когда ему было еще 22 года, Дюпюи Делькуръ разрабатываетъ проектъ

*) Дюпюи Делькуръ родился въ Бернѣ 22-го марта 1802 г.

такъ называемой «аэростатической флотиліи», т.-е. системы воздушныхъ шаровъ, состоящихъ изъ главнаго аэростата и соединенныхъ съ нимъ четырехъ маленькихъ балонетовъ, которые могли бы подниматься значительно выше главнаго и служить такимъ образомъ показателями направленія вѣтровъ. Въ томъ же 1824 г. проектъ этотъ былъ осуществленъ Дюпюи Делькуромъ, который вмѣстѣ со своимъ другомъ Жанъ-Мари Ришаромъ поднялся на устроенной имъ флотиліи изъ окрестностей Парижа. Опытъ былъ не совсѣмъ удаченъ и обнаружилъ недостатки конструкціи «флотиліи». Въ 1839 г. Дюпюи Делькуръ дѣлаетъ докладъ въ академіи наукъ, въ которомъ онъ предлагаетъ построить систему привязныхъ воздушныхъ шаровъ, могущихъ служить громоотводами и градоотводами въ одно и то же время. Позже (въ 1844 и 1846 гг.) онъ неоднократно возвращается къ этой идеѣ, пока она не получила своего окончательнаго выраженія въ проектѣ разработанномъ имъ совмѣстно съ Марэй-Монжемъ. По этому проэкту привязные аэростаты должны имѣть форму цилиндровъ съ конусообразными заостреніями на концахъ. Цилиндры предполагалось сдѣлать изъ тонкой мѣди, что давало бы возможность сохранять заключающійся въ нихъ водородъ въ теченіе неопредѣленно долгаго времени. Съ землею они соединялись тремя металлическими проволоками. Чтобы убѣдиться въ пригодности тонкой мѣди для аэростатовъ, изобрѣтатели рѣшили построить предварительно обыкновенный воздушный шаръ изъ этого металла. На сооруженіе этого шара (см. рис. 41) было потрачено ими болѣе 25 тыс. франковъ, но наполнить водородомъ его никакъ не удавалось *) и предпріятіе окончилось полнымъ разореніемъ для Дюпюи Делькура. Принявъ на себя завѣдываніе техническою частью бельгійскаго общества, Дюпюи Делькуръ сразу приступилъ къ предварителянымъ опытамъ съ изобрѣтеніемъ ванъ-Экке. Опыты дали вполнѣ удовлетворительные результаты. Дѣйствіемъ горизонтальнаго винта воздухоплавателю удалось совершенно свободно управлять вертикальными движеніями аэростата, подниматься на высоту 1.000 метровъ, спускаться до земли и затѣмъ снова подниматься на значительную высоту. Послѣ этого рѣшено было приступить къ постройкѣ большого аэростата, приспособленнаго для перевозки пассажировъ и грузовъ, но проектированный капиталъ общества собирался туго, средствъ не было, и работы должны были остановиться въ самомъ началѣ. Несмотря на эфемерность своего существованія, «Общество воздушной навигаціи» значительно способствовало усиленію интереса къ вопросамъ воздухоплаванія и послужило толчкомъ для дальнѣйшей разработки этихъ вопросовъ.

Изъ воздухоплавателей-практиковъ этого времени наибольшей извѣстностью пользовался англичанинъ Чарльзъ Гринъ. Гринъ первый сталъ примѣнять свѣтильный газъ для наполненія аэростатовъ вмѣсто водороднаго газа, хотя и болѣе легкаго, но несравненно болѣе дорогого и требующаго большихъ хлопотъ при его приготовленіи **). Ему же принадлежитъ изобрѣтеніе гайдроповъ, т.-е. канатовъ, волочащихся по землѣ при спускѣ шара и дѣлающихъ этотъ спускъ болѣе спокойнымъ. Гринъ совершилъ безчисленное количество полетовъ и нѣсколько выдающихся путешествій на воздушномъ шарѣ. Такъ, однажды онъ поднялся изъ

*) Вѣроятно потому, что шаръ былъ попорченъ при перевозкѣ.

**) Одно изъ преимуществъ свѣтильнаго газа заключается въ томъ, что въ большинствѣ городовъ его можно получать въ какомъ угодно количествѣ и безъ всякимъ особыхъ приспособленій: стоитъ только соединить шаръ при помощи рукава съ городскимъ газопроводомъ.

Лондона съ двумя пассажирами во время довольно сильнаго вѣтра. Шаръ понесся по направленію къ морю. Наступила уже ночь, когда путешественники замѣтили огни на французскомъ берегу Ламанша. Перелетѣвъ черезъ проливъ, они пронеслись надъ Калэ и другими городами, миновали Льежъ, Бельгію, Эльзасъ и лишь на разсвѣтѣ спустились близъ Вейбурга, въ Нассау, пройдя въ теченіе 19-ти часовъ около 700 километровъ.

Вмѣстѣ съ Уэльчемъ (Welsh) Гринъ совершилъ, между прочимъ, нѣсколько научныхъ поднятій, весьма цѣнныхъ по своимъ результатамъ. Но наиболѣе интересный изъ относящихся къ тому времени научныхъ полетовъ былъ совершенъ въ 1850 г. двумя французскими учеными: Барралемъ и Биксіо. Французскою академіей наукъ рѣшено было произвести наблюденія надъ нѣкоторыми атмосферными явленіями во время сильной бури. Подъемъ на воздушномъ шарѣ при такихъ условіяхъ представлялъ серьезныя опасности какъ въ самый моментъ отправленія, такъ въ особенности при спускѣ. Тѣмъ не менѣе Барраль и Биксіо охотно приняли на себя выполненіе этого порученія. Оборудованіе научной стороны предпріятія было поручено знаменитому физику Реньо, который занялся изготовленіемъ и установкой необходимыхъ для наблюденія инструментовъ. Дюпюи Делькуръ предложилъ въ распоряженіе воздухоплавателей свой аэростатъ совсѣми принадлежностями, но аэростатъ этотъ былъ слишкомъ старъ и, кромѣ того, слишкомъ великъ для его сѣтки. Передъ самымъ подъемомъ, который состоялся утромъ 29-го іюня со двора Парижской обсерваторіи, шаръ далъ небольшую трещину, которую пришлось тутъ же задѣлывать на-скоро. Все это увеличивало опасность и безъ того рискованнаго предпріятія, но Барраль и Биксіо не захотѣли откладывать полета. Освобожденный отъ привязей, шаръ былъ тотчасъ же подхваченъ бурей и понесся вверхъ съ страшной быстротой. Когда аэростатъ былъ на высотѣ 5.893 метровъ, воздухоплаватели замѣтили, что оболочка шара сильно расширилась отъ внутренняго давленія газа и стала вылѣзать изъ сдавливавшей ея сѣтки въ гондолу аэростата. Барраль хотѣлъ открыть клапанъ, но клапанъ не дѣйствовалъ, тогда онъ схватилъ ножъ и проткнулъ выступившую внизъ часть оболочки аэростата. Воздухоплаватели едва не были удушены газомъ, съ силой вырывавшимся изъ широкаго отверстія оболочки и одновременно съ этимъ аэростатъ съ го-

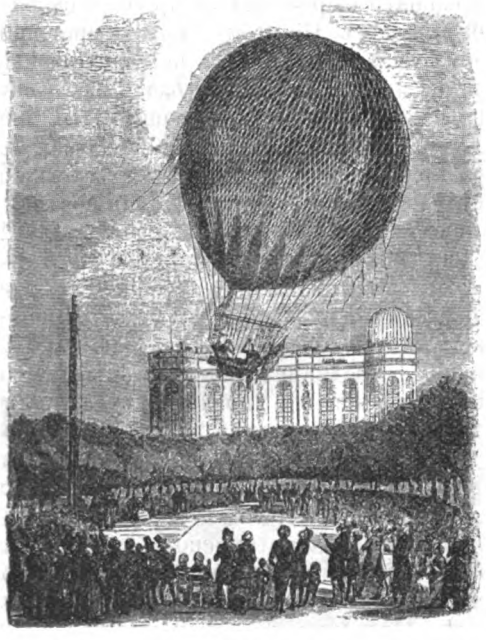


Рис. 42. Подъемъ Барраля и Биксіо 29-го іюня 1850 г.

ловокружительной быстротой полетѣлъ внизъ. Воздухоплаватели выбросили изъ гондолы все, что можно было выбросить, оставивъ лишь инструменты, но это почти не замедлило паденія. Къ счастію, аэростатъ упалъ въ виноградникъ (въ Ланьи), что̀ значительно ослабило силу полученнаго имъ толчка, и только благодаря этой случайности Барраль и Биксіо, которымъ въ теченіе какихъ-нибудь семи минутъ, пришлось спуститься съ высоты почти шести километровъ, отдѣлались лишь ушибами. Эта неудача не сломила настойчивости изслѣдователей: вскорѣ ими былъ организованъ второй подъемъ, состоявшійся 29-го іюля 1850 г., при условіяхъ, столь же мало обезпечивающихъ безопасность предпріятія, какъ и въ первомъ случаѣ. На этотъ разъ, однако, путешествіе было болѣе благополучно и принесло обильную научную жатву. Изслѣдователямъ удалось подняться на высоту 7.039 метровъ. На этой высотѣ они встрѣтили облако, состоящее изъ ледянымъ блестокъ, причемъ термометръ сразу опустился до—39° (почти та же температура (39,67°) была отмѣчена и на минимальномъ термометрѣ Walferdin'a, чрезвычайно точномъ инструментѣ, который былъ врученъ изслѣдователямъ запечатаннымъ). Интересными оказались также оптическіе наблюденія; сдѣланныя ими на этой высотѣ, показанія барометра и гигрометра на разныхъ высотахъ и пр.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ большого шума надѣлала исторія съ «управляемымъ шаромъ» Петэна. Мы остановимся на ней,

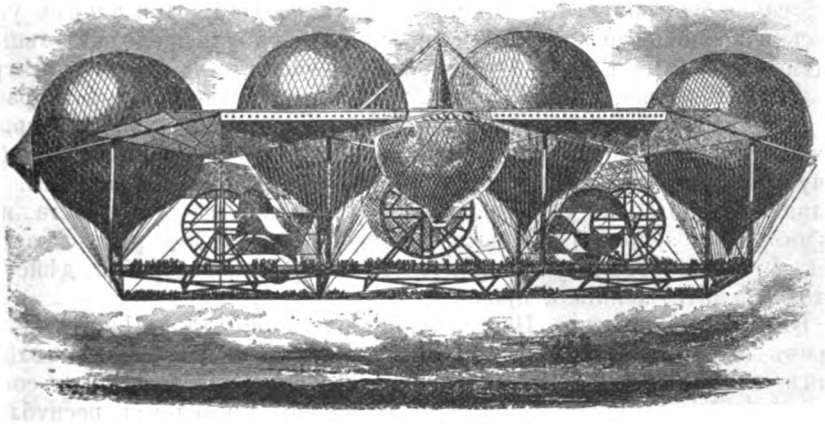


Рис. 43. Система воздушной навигаціи Петэна.

какъ на эпизодѣ, характерномъ для тогдашняго увлеченія «проклятымъ» вопросомъ, увлеченія, которое захватило даже широкіе слои общества. «Въ 1848 г.,—говоритъ Лекорню,—въ Парижѣ, въулицѣ Рамбюто, существовалъ небольшой магазинъ вязанныхъ издѣлій подъ вывѣской «Franc Picard» (свободный пикардіецъ). Это скромное заведеніе, внѣшность котораго ничѣмъ не напоминала роскоши современныхъ магазиновъ, принадлежало честному коммерсанту съ спокойнымъ серьезнымъ лицомъ, высокій, задумчивый лобъ котораго былъ обрамленъ русыми волосами, наполовину закрывавшими уши. Но этотъ спокойный буржуа вдругъ помѣшался на воздухоплаваніи (fut atteint tout á coup

de la *ballomanie* *) и скоро во всей Франціи и даже во всей Европѣ не было имени болѣе популярнаго, нежели имя Петэна: это былъ нашъ чулочникъ изъ улицы Рамбюто». Въ 1850 г. Петэнъ опубликовалъ проектъ грандіознаго воздушнаго корабля, располагавшаго подъемною силою болѣе, чѣмъ въ 15.000 килограммовъ. Корабль Петэна (см. рис. 43) состоялъ изъ огромной платформы, поддерживаемой четырьмя большими воздушными шарами. Шары эти были окружены одною сплошною деревянною рамой, на которой предполагалось укрѣпить наклонныя поверхности, расположенныя такимъ образомъ, что, благодаря давленію на нихъ воздуха при подъемѣ и спускѣ корабля, послѣдній поднимался и опускался не по вертикальной, а по наклонной линіи, чѣмъ и выигрывалось поступательное движеніе корабля.

То или другое направленіе этого движенія зависѣло отъ положенія наклонныхъ поверхностей и, слѣдовательно, могло быть подчинено волѣ воздухоплавателей. Въ центрѣ и по бокамъ корабля помѣщались обширныя парусинныя полушарія, которыя, съ одной стороны, служили модераторами при подъемѣ и спускѣ корабря (т.-е. играли роль парашютовъ при спускѣ и парамонтовъ—при подъемѣ), а съ другой, какъ утверждалъ Петэнъ, они создавали ту точку опоры, которая считается необходимымъ условіемъ для управленія воздушными шарами. Несостоятельность этого замысла становится очевидной, если принять во вниманіе, что полезный эффектъ наклонныхъ поверхностей достигался на счетъ постоянной потери газа (при опусканіи) и балласта (при подъемѣ), другими словами на счетъ уменьшенія подъемной силы корабля, т.-е. самой способности его держаться въ воздухѣ. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь продолжительныхъ путешествіяхъ на кораблѣ Петэна, въ особенности во время безвѣтрія. То обстоятельство, что Петэнъ хотѣлъ приспособить къ кораблю гребные винты, которые вращались бы при помощи турбинъ, приводимыхъ въ движеніе силою вѣтра при спускѣ и поднятіи корабля, ничуть не устраняло указанного основного недостатка проекта. Но Петэнъ непоколебимо вѣрилъ въ непогрѣшимость своего проекта, и съ изумительной энергіей принялся за его пропаганду, разъѣзжая по всей Франціи, организуя подписку на сооруженіе корабля, дѣйствуя путемъ печати, лекцій и проч.

Въ Парижѣ проектъ Петэна сдѣлался злобой дня. «Печать, — говоритъ Лекорню,—занималась почти исключительно имъ, публика толпами валила въ улицу Марбэвъ, гдѣ были устроены мастерскія для сооруженія корабля, и принцъ Бонапартъ, тогда еще президентъ республики, былъ однимъ изъ первыхъ подписчиковъ Петэна и посѣтителей его мастерскихъ. Знаменитый писатель Теофилъ Готье, горячій поклонникъ Петэна, посвятилъ ему спеціальную статью въ газетѣ «La Presse». Всѣ вѣрили въ полное рѣшеніе проблемы, и возбужденіе публики достигло высшихъ предѣловъ». Корабль уже былъ готовъ, но Петэнъ почему-то откладывалъ опытъ. Между тѣмъ, увлеченіе его проектомъ въ печати и обществѣ стало понемногу ослабѣвать, а затѣмъ и прошло совсѣмъ. Къ Петэну стали относиться недовѣрчиво и даже враждебно, такъ что когда онъ, наконецъ, попросилъ разрѣшенія властей воспользоваться для своихъ опытовъ Марсовымъ Полемъ, то ему было отказано въ этомъ. Оскорбленный Петэнъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ совершилъ нѣсколько подъемовъ на одномъ изъ шаровъ своего ко-

*) Характерное для того времени выраженіе.

рабля. Въ Новомъ Орлеанѣ онъ сдѣлалъ попытку подняться на самомъ кораблѣ, но она оказалась неудачной, такъ какъ ему не удалось наполнить газомъ всѣхъ шаровъ. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, угнетенный неудачными и совершенно разоренный, Петэнъ вернулся въ Парижъ, гдѣ ему съ большимъ трудомъ удалось получить скромное мѣсто въ одномъ коммерческомъ предпріятіи. Петэнъ умеръ въ 1878 г. въ крайней бѣдности, всѣми забытый и оставленный.

Въ 1851 году механикъ Просперъ Меллеръ опубликовалъ проектъ такъ называемаго *воздушнаго локомотива*. Такъ долженъ былъ называться огромный жестяной аэростатъ, имѣющій форму длиннаго цилиндра съ конусообразными заостреніями на концахъ. Поступатель-

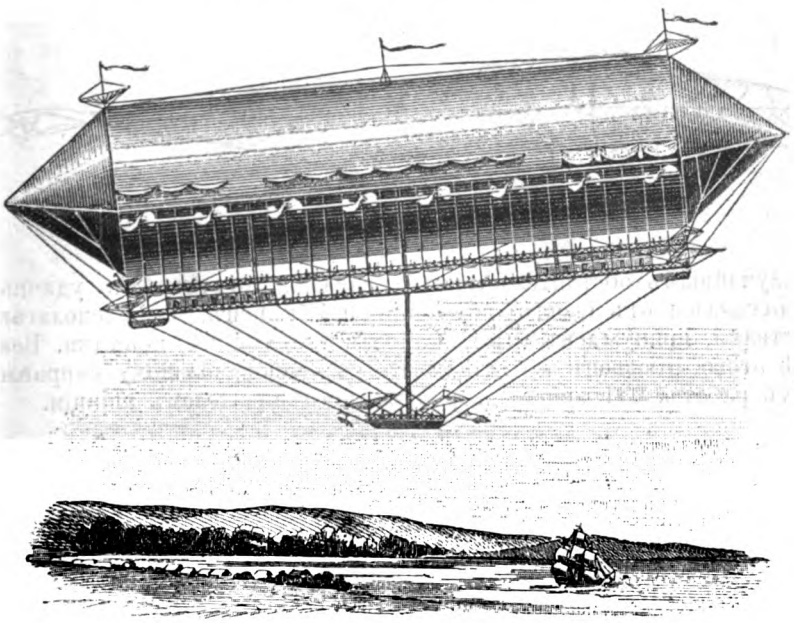


Рис. 44. Воздушный локомотивъ Проспера Меллера.

ное движеніе аэростата обусловливалось давленіемъ воздуха, при его подъемахъ и опусканіяхъ, на наклонныя поверхности концовъ цилиндра, причемъ послѣднему благодаря особымъ приспособленіямъ можно было придать тотъ или другой наклонъ по желанію воздухоплавателя. Проектъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы опять встрѣчаемся съ идеей парящихъ аэростатовъ барона Скотта. Далеко бо́льшій интересъ и значеніе имѣетъ попытка парижскаго часовщика-механика Жюльена, который въ концѣ 1850 г. построилъ большую модель (7 метровъ длины) управляемаго аэростата. Аэростатъ Жюльена имѣлъ веретенообразную форму и былъ сдѣланъ изъ кишечной перепонки (baudruche). Сѣтка аэростата, вмѣстѣ съ небольшимъ челнокомъ, была прикрѣплена къ тремъ деревяннымъ кольцамъ, которыми аэростатъ обхватывался въ трехъ мѣстахъ, отстоящихъ на равномъ разстояніи одно отъ другого. Близъ передняго кольца, съ обѣихъ сторонъ аэростата, помѣщались два небольшихъ гребныхъ винта, а въ концѣ его находился руль, въ видѣ двухъ

винтовыхъ лопастей, расположенныхъ—одна въ вертикальномъ, другая въ горизонтальномъ направленіи. Гребные винты приводились въ движеніе раскручиваніемъ сильной часовой пружины. 6-го ноября 1850 года Жюльенъ въ присутствіи представителей парижской печати произвелъ въ гипподромѣ первый опытъ со своимъ аэростатомъ. Опытъ оказался вполнѣ удачнымъ. Заведя пружину, Жюльенъ пустилъ аэростатъ противъ вѣтра. Полетъ совершался совершенно свободно и привелъ въ восторгъ присутствующихъ. На слѣдующій день опытъ былъ повторенъ при болѣе многочисленной публикѣ и удался такъ же блестяще, какъ и наканунѣ. Директоръ гипподрома обѣщалъ Жюльену субсидіи для постройки аэростата, способнаго поднимать съ собою двухъ пассажировъ, но послѣ третьяго опыта, который, благодаря чи-

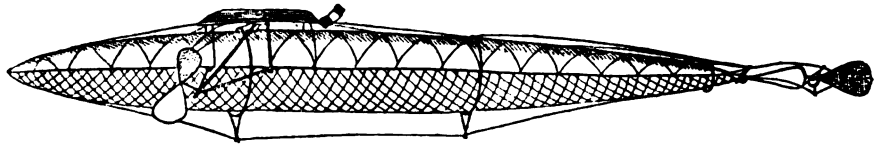


Рис. 45. Управляемый аэростатъ Жульена.

сто случайнымъ обстоятельствамъ, оказался не совсѣмъ удачнымъ, онъ отказался отъ своего обѣщанія, и Жюльенъ, не располагавшій средствами, принужденъ былъ оставить дальнѣйшія попытки. Вскорѣ послѣ этого Жюльенъ и самъ измѣнилъ первоначальному направленію своихъ работъ, сдѣлавшись горячимъ послѣдователемъ авіаціи.

ГЛАВА V.

Жиффаръ.—Возрожденіе авіаціи.—Опытъ Латура.—Работы Плина.—Летающая птица Ле-Бри.—Проектъ дю-Тампля.—Геликоптеръ Панктона д'Амеркура и де-ла-Ланделя.—Надаръ и „манифестъ воздушной аутомоціи".—Бабинэ.—Пропаганда идеи „plus lourd que l'air" и исторія „Гиганта" Надара.—Заключеніе.

Честь первой раціональной и строго научной попытки управленія воздушнымъ шаромъ принадлежитъ французскому инженеру Анри Жиффару (Henri Giffard), съ именемъ котораго связана одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи воздухоплаванія. Если задача управленія аэростатомъ и не была окончательно разрѣшена Жиффаромъ, то своими трудами онъ далъ методъ для ея разрѣшенія, опредѣлившій характеръ всѣхъ дальнѣйшихъ (вплоть до современныхъ) работъ въ этомъ направленіи. «Именно въ этотъ моментъ—говоритъ Тиссандье о его первомъ опытѣ—и было положено основаніе искусству управленія воздушнымъ шаромъ. Могучимъ усиліемъ мысли, какое встрѣчается только у новаторовъ, Жиффаръ разрѣшилъ множество затрудненій. Своимъ опытомъ онъ доказалъ, что примѣненіе удиненнаго аэростата, который одинъ только и поддается управленію, столько же выгодно, сколько возможно, вслѣдствіе его устойчивости въ воздухѣ и легкости спуска. Ему же удалось впервые заставить шаръ уклониться отъ вѣтра, онъ первый совмѣстилъ паровую машину съ аэростатомъ. Кромѣ того, благодаря новому расположенію топки, обращенной огнемъ

внизъ, опасность ужаснаго соединенія огня и горючаго газа отошла въ область призраковъ» *).

Анри Жиффаръ родился въ Парижѣ въ 1825 г. Въ немъ рано проснулось влеченіе къ механикѣ. Слѣдуя этому влеченію, онъ, по выходѣ изъ Бурбонскаго коллежа, поступилъ простымъ рабочимъ въ механическія мастерскія Сенъ-Жерменской желѣзной дороги, а вскорѣ затѣмъ сдѣлался паровознымъ машинистомъ на этой дорогѣ. Проходя эту суровую практическую школу, Жиффаръ не переставалъ упорно работать надъ пріобрѣтеніемъ теоретическихъ знаній, обширность и глубину которыхъ онъ обнаружилъ потомъ въ своихъ замѣчательныхъ работахъ. Уже 19-ти лѣтъ Жиффаръ сталъ интересоваться воздухо-

Рис. 46. Анри Жиффаръ.

плаваніемъ. Съ цѣлью познакомиться ближе съ техникой этого дѣла онъ, вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ Годаромъ, поднимался нѣсколько разъ на воздушномъ шарѣ изъ гипподрома. Здѣсь же ему пришлось присутствовать при опытѣ съ моделью Жульена, которая, какъ онъ самъ говорилъ потомъ, многому научила его. Въ 1851 г. Жиффару удалось построить паровой двигатель въ 3 лошадиныхъ силы, который вѣсилъ всего 45 килограммъ. Онъ рѣшилъ примѣнить его къ управленію воздушными шарами и въ томъ же году взялъ привилегію «на примѣненіе пара къ воздухоплаванію», въ которой былъ описанъ изобрѣтенный имъ управляемый аэростатъ. Аэростатъ имѣлъ форму одинаково заостреннаго съ обоихъ концовъ веретена, длина котораго равнялась 44 метрамъ, при діаметрѣ въ среднемъ въ

*) Тисандье и Фламмаріонъ. „Путешествіе по воздуху“. стр. 86.

12 метровъ и емкости въ 2.500 куб. метровъ. Онъ былъ покрытъ сѣткой, поддерживавшей длинный деревянный брусъ въ 20 метровъ длины, къ одному концу котораго былъ прикрѣпленъ особаго типа трехъугольный парусъ. Къ этому же брусу была подвѣшена и деревянная платформа, служащая для помѣщенія воздухоплавателя и паровой машины, приводившей въ движеніе винтовой пропеллеръ. Машина эта съ вертикальнымъ котломъ и обращенной внизъ топкой могла развивать три лошадиныхъ силы, сообщая вращеніе пропеллеру со скоростью 110 оборотовъ въ минуту.

Вѣсъ отдѣльныхъ частей аэростата виденъ изъ слѣдующей таблицы:

Аэростатъ съ клапаномъ.	320	килогр.
Сѣтка.	150	»
Брусъ, подвѣсныя и якорныя веревки и руль.	300	»
Машина съ пустымъ котломъ.	150	»
Вода и коксъ въ моментъ отправленія . .	60	»
Станокъ машины, платформа, помѣщеніе для воды и угля.	420	»
Гайдъ-ропъ.	80	»
Вѣсъ воздухоплавателя.	70	»
Необходимая для отправленія подъемная сила.	10	»
Итого. . . .	1.560	килогр.

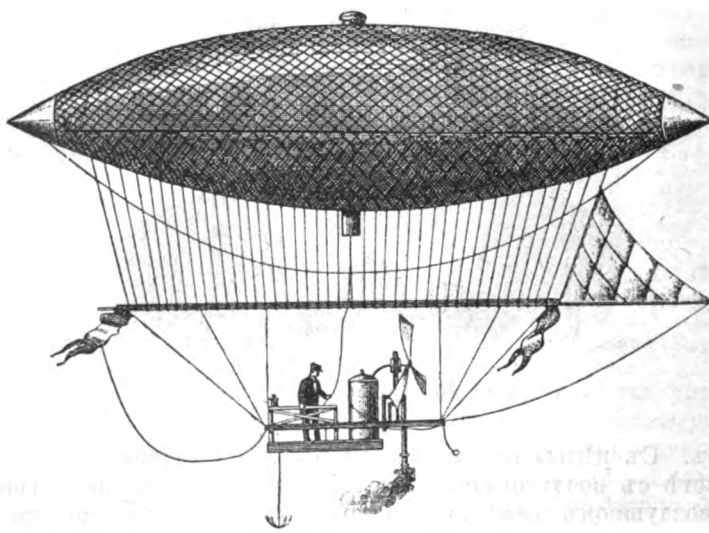


Рис. 47. Первый управляемый паровой аэростатъ Анри Жиффара.

Въ распоряженіи воздухоплавателя оставалось такимъ образомъ еще 240 килограммъ подъемной силы, которая предназначалась для запасовъ воды и угля, служившихъ въ тоже время и балластомъ *).

Не располагая достаточными средствами, чтобы построить аэростатъ, Жиффаръ обратился за помощью къ своимъ друзьмъ, двумъ молодымъ

*) Такъ какъ они постепенно расходовались паровой машиной, при чемъ въ той же мѣрѣ увеличивалась, конечно, и подъемная сила аэростата.

стр.

необходимость быть жестокой. — Выходъ одинъ: отстаивать свое право, быть личностью во что̀ бы то ни стало. **А. Б.** . 33

17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Въ московскомъ земствѣ. — Читальня для босяковъ. — Два доклада — Прошлое соловецкой тюрьмы.—Къ дѣлу В. М. Дорошевича.—Переходъ общества въ другое вѣдомство. — Послѣдователи г. Крушевана.—Женскій вопросъ въ петербургской думѣ.—Полицейскіе стражники въ Орловской губерніи. — Бакинскіе фабриканты. — Въ харьковскомъ земствѣ.—За мѣсяцъ 45
18. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—мартъ.—«Русская Мысль»—февраль.—«Русское Богаство»—февраль. 62
19. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. II. Манчжурія. **А. Ст—вича** . 74
20. **За границей.** Беллетристика въ германскомъ рейхстагѣ.—Соціальная политика Германіи и научная поѣздка германскихъ рабочихъ.—Двойственная политика англійскаго кабинета.—Парламентскіе выборы въ Америкѣ. — Американскій идеалъ по Рузвельту.—Итоги клерикальной политики въ Бельгіи.—Дѣло Дрейфуса въ послѣдней стадіи.—Дорого стоющія телеграммы. 86
21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Ницше и его болѣзнь.—Защита американскихъ женщинъ. — Абиссинскій способъ открытія преступленій 99
22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. О туберкулезѣ.—II. Успѣхи эмбріологіи. **В. Агафонова** 104
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія литературы и искусствъ.—Политическая экономія и соціологія.—Естествознаніе и медицина. — Образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 118
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 148

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ? Романъ **Адама фонъ-Бейерлейна.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 97
26. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ. Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву; Тисандье и др. подъ редакціей **В. К. Агафонова.** 61

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку**.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час. *по пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

AP 50 MIR BOZHII
.M67 March-April 1904
v.13
no.3-4

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

BOUND BY HNM

U of Chicago
55015097